Журнал русской словесности и мысли

«НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

Санкт-Петербург

N18

Сентябрь 2025

Толстый литературно-философский журнал «Невский проспект»
Учредитель и главный редактор Николаев А.В.
Адрес редакции: Санкт-Петербург, Дунайский пр., д.7, корп.7, кв. 513
Электронный адрес: vl_classik@mail.ru
Сайт: https://nevsky-prospekt-journal.ru/
Формат 175х265. Тираж 200 экз. Подписано в печать 11.08.2025. Заказ №1032539
Отпечатано: «Хорошая типография», Санкт-Петербург, пр. Стачек, 47/710

N18:

Большая проза

Алексей Григоренко
ЛЕШЕК МАРШАЛОК
Сказ о том, как воссоединилась с Россией Украина козацкая и как сгинула Речь Посполитая панская
Роман-размышление
Главы 26-33 3 стр.

Николай Полотнянко
БЕССТЫЖИЙ ОСТРОВ
Современный русский роман
Часть I 55 стр.

Александр Горохов
ПРЕОБРАЖЕНСК И ПРЕОБРАЖЕНЦЫ
Перестроечная повесть 113 стр.

Самид Агаев
ВЫБОР ЦЕЛИ
История одного преступления 133 стр.

Малая проза

Дмитрий Стрешнев
МЕСТЬ НАННЫ
История Дениса Ивановича, советского сварщика 205 стр.

Михаил Востриков
ПИСАТЕЛЬНИЦА + СВАТОВСТВО ОФЕНИ
Два рассказа 218 стр.

Ольга Александрова
КАРАМЕЛЬНЫЙ ЧАЙ СО ВКУСОМ БЫТИЯ. Рассказ 227 стр.

Вячеслав Нескоромных
ДОСРОЧНАЯ ОТСТАВКА
Рассказ 233 стр.

Алёна Кубарева
ГДЕ МОЙ ПОЛОВНИК + «Э-РЕС»
Два рассказа 238 стр.

Людмила Митрохина
РУСА. Рассказ 242 стр.

Александр Балтин
ВОТ И ПОЛУЧИЛ ДВОЙКУ + ИЛИ – ИЛИ + МУЗЫКА ТРАГЕДИИ
Рассказы 246 стр.

Дневниковая проза

Валерий Степанов
TOMBE LA NEIGENOCTЬ, или ДНЕВНИК ДЛЯ ДВОИХ
Лирическая повесть 252 стр.

Детская литература

Светлана Сорока
ТИМКА И ДРУЖОК + ЛЯГУШКА + ТИХАЯ СМЕЛОСТЬ. Рассказы 277 стр.

Диалоги

Владимир Василиненко
ЦАРИЦА СМУТЫ
Историческая драма 284 стр.

Документалистика

Сергей Богословский
ПО МАРШРУТУ В ДАЛЕКИЕ ДАЛИ
Документальная повесть 305 стр.

Сергей Юрьев, Ольга Черкунова
САГА О ГРАВЕЛЕ И ТРОЦКИСТСКОМ ЗАГОВОРЕ
Дела не так давно минувших дней 320 стр.

Очеркистика

Александр Андрюшкин
НЕБОЛЬШАЯ АМЕРИКА
Очерковая повесть 363 стр.

Эссеистика

Рустам Мавлиханов
АФИНА ИШИМСКАЯ + СЛОВО ОБ ИРАНЕ + РЫБА ЮНУСА + САДОВНИК ПОСТАПОКАЛИПСИСА
Четыре эссе 408 стр.

Борис Миловзоров
«ДОМАШНИЙ, СТАРЫЙ СПОР»
«Клеветникам России» 417 стр.

Сергей Криворотов
ЛАТИНСКИЙ КРЕСТ НАД ЮГОМ РОССИИ
Исторический очерк экспансии католицизма на Нижней Волге в XVI-XX веках 425 стр.

Иван Образцов
БАЗИС И НАДСТРОЙКА,
или Натуральное обозначение исторического метареализма 436 стр.

Мемуаристика

Марат Валеев
КРЫША НАД ГОЛОВОЙ
Коммунальная хроника 438 стр.

Философия

Алексей Николаев
ДУХ. Философия духа
§4. Теоремы души
Теорема №46 456 стр.

Откуда авторы:
Алексей Григоренко — Москва, Николай Полотнянко — Ульяновск, Александр Горохов — Москва, Самид Агаев — Москва, Дмитрий Стрешнев — Москва, Михаил Востриков — Санкт-Петербург, Ольга Александрова — Москва, Вячеслав Нескоромных — Красноярск, Алена Кубарева — Москва, Людмила Митрохина — Санкт-Петербург, Александр Балтин — Москва, Валерий Степанов — Таганрог, Светлана Сорока — Клин, Владимир Василиненко — Хабаровск, Сергей Богословский — Тюмень, Сергей Юрьев и Ольга Черкунова — Новороссийск, Александр Андрюшкин — Санкт-Петербург, Рустам Мавлиханов — Салават, Борис Миловзоров — Москва, Сергей Криворотов — Астрахань, Иван Образцов — Барнаул, Марат Валеев — Красноярск, Алексей Николаев — Санкт-Петербург

Алексей ГРИГОРЕНКО

ЛЕШЕК МАРШАЛОК

Сказ о том, как воссоединилась с Россией Украина козацкая и как сгинула Речь Посполитая панская

Глава 26. МЫ ОСТАЕМСЯ. ГОД 2022[1]

Вероятно, странно и неуместно сегодня все это писать в пристальном припоминании. Но другого раза не будет уже, да и жизнь нам дается всего один раз. «Если не я — то кто же?» — где-то в далекой дали моей юности попалась мне на глаза эта фраза в одной из забытых теперь книг, которыми мы жили тогда с другом моим Сероштаном, — вот и теперь выпала она из засаленной колоды моих дней, словно «джокер», и осталось мне еще раз констатировать то, что мое дело остается все тем же: преодолеть, говоря словами композитора-авангардиста Владимира Мартынова, «фрагментарное, нецелостное зрение, не способное охватить историю во всей ее целостности, не способное увидеть все от начала до конца, ибо зона конца истории роковым образом совпадает с мертвой зоной нововременного зрения».

Может быть, здесь есть некое печальное пророчество о конце истории.

Мартынов написал несколько блестящих, великолепных книг, посвященных «концу композиторства», «концу литературы» и «концу истории», как он все это разумел в относительно мирных и травоядных временах недавней поры, увы, завершившейся кровавой баней, когда некогда самыми значительными трагическими событиями были натовские бомбардировки Югославии, разворошенный человеческий и религиозный улей на Ближнем Востоке, 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и даже пожар собора Парижской Богоматери, — но что же скажет Владимир Иванович ныне, если, не дай Бог, будут уничтожены вековые киевские святыни? — но что значат в этом контексте святыни, если гибнут люди, вовсе не имеющие отношения к мифическим или не мифическим «неонацистам», гибнут тысячами, если не десятками тысяч? Армагеддон? Воплощающийся Апокалипсис? Третья мировая война?..

— Готов ли ты, Лешек, умереть? — сказала мне Лика, когда у нас на Подоле нежданно-негаданно воткнулась в асфальт и не взорвалась ракета. А накануне мы видели тысячи легковушек, с ночи замерших в бесконечной пробке на выезде из Киева на Брест-Литовском шоссе.

[1] Главы 1-25 опубликованы в №№15-17 «Невского проспекта».

Ответить на этот вопрос очень непросто. Да, жизнь моя бесславно и весьма бездарно пролетела, прошла, растраченная на пустяки. Я нигде не был, ничего не видал: ведь даже до Польши мы с Ликой так и не добрались, несмотря на «паспорта поляков», валяющиеся в ящике моего письменного стола без употребления. Из года в год разговаривали о поездке в Италию, в Рим и в Венецию, все мечтали, как о чем-то несбыточном, — и вот даже пресловутый «безвиз» никак не использовали до сих пор, по убогости нашего бюджета. Разве что ныне, с рюкзаком за плечами, в колоннах беженцев нам отправиться в вожделенную Польшу, а затем, если повезет, и в Италию... Но тут, как говорится, хороша ложка к обеду — погасли в душе уже страсти что-то там повидать, пошепелявить на родном, но неведомом языке, прикоснуться к тысячелетним заветным камням Европы, — разве что, действительно, в качестве беженца... Хотя бы так...

Но, может быть, все-таки пронесет, и минует всех нас эта злая ухмылка судьбы? Надежда, как всегда, умирает последней... Так готов ли я умереть? Все-таки нет, — и не по причинам духовного моего неустройства и общей запущенности, хотя это самое важное, но по причине того, что я просто должен, обязан завершить эту свою повесть о Речи Посполитой, о ее насельниках-гражданах, о ее великих героях и о великих неправдах, погубивших могучее государство, о борьбе и о тщетных попытках исправить ошибки предшествующих поколений, о польских обреченных восстаниях... И если здесь, дома, по разным причинам письменное дело мое едва продвигается, то что будет, если мы с заплечными торбами и без копейки в кармане отправимся в колоннах беженцев к западной границе, спасаясь от нежданной войны?..

— Лика, мы остаемся, — сказал я, — хотя, как ты хорошо понимаешь, мое делание обнуляется...

— Действительно, Лешек, — сказала мне Лика, — кажется, пришло время ответить на вполне экзистенциальный вопрос: для кого и зачем ты пишешь все это? Читаешь горы книг и исследований, раскапываешь забытых историографов и краеведов вроде Николайчика со страниц «Киевской старины» или Григория Грабянку? Если ты даже закончишь свою хронику, то кто ее издаст здесь, на Украине, — особенно при теперешних обстоятельствах? И если чудо свершится, и книга твоя все-таки увидит сей белый свет, то кто ее прочитает? Русские, украинцы, поляки?.. И если еще одно чудо все же произойдет и ее действительно кто-то все же прочтет, — то каким образом этот гипотетический читатель изменит свое гипотетическое будущее или будущее того государства, где он влачит свои дни?.. То есть: зачем это все?..

— Кафка, если ты помнишь, как-то сказал: «Но писать буду, несмотря ни на что, во что бы то ни стало — это моя борьба за самосохранение». Ты знаешь прекрасно: Кафку мы читали с тобой только в молодости, и сегодня он не является для нас авторитетом. Но мысль эта о писательстве — краеугольная. Если хочешь, она оправдывает даже нынешнее обнуление моего дела.

— То есть ты подразумеваешь, что я отвечу, как некогда жена неистового протопопа Аввакума, когда, доведенная до отчаяния в сибирских мытарствах, спросила вполне роковое свое, очень женское: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» А он ответил ей: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохнув, ответила мужу: «Добро, Петрович, ино еще побредём»...

— Недаром ты закончила филфак Киевского университета, милая Лика! Именно такого ответа я и жду от тебя!

— Но я... — начала было Лика.

— Лучше молчи! — остановил ее я.

Сколько бы мы ни препирались с женой, но дело мое оставалось превыше всего, даже — превыше войны. Паралич воли постепенно все-таки проходил. Мы уже привыкали, что греха таить, к военным сводкам, в самом начале убивавшим нас наповал, когда мы днями ничем не могли заниматься другим и не отлипали от экранов компьютеров и с ужасом созерцали развалины городов и трупы погибших. Все, буквально все вопияло вокруг моего смятения и отчаяния о том, что спасение (для меня) возможно только в возобновлении моих штудий, разного чтения и составления этой хроники, а не в погружении в эти бездны отчаяния, разверзшиеся в настоящем. Так, протянул руку к стеллажу, чтобы в который раз в смятении этого дня немного забыться эстетикой Серебряного века и ритмической, небывалой прозой Андрея Белого, раскрыл его «Путешествие по Средиземноморью» и с удивлением отметил, что некоторые главы этой удивительной книги Белый писал и дописывал в холодной и голодной Москве 1919 года — гражданская война, эпоха военного коммунизма, гибель прежнего мира, гибель миллионов людей на фронтах, от голода и болезней — вокруг и везде и вовсе, кажется, нечем дышать и незачем жить, но писатель — остается писателем, и Белый продолжает ткать свое затейливое, переливчатое полотно — с райскими птицами, с дивными аллитерациями, дробным ритмом поступи иноходца, с пристальным памя-

тованием великих прочитанных книг, грандиозной музыки Вагнера, невероятных византийских мозаик храмов Южной Италии и Сицилии, с полотнами мастеров Возрождения... А для чего еще он пришел в этот мир?..

— А ведь мог, подобно мне, сидеть в холодной конуре, обхватив ладонями голову, и сокрушаться обо всем том, что умирало в муках вокруг... Или пробираться к белым на Дон, — чтобы — что?..

— Да, Лешек, все это так, — сказала на это Лика, — только Белый все еще жил в силовом поле сгинувшей Российской империи, и до самой смерти его в 1934 году прошедшая эпоха все еще существовала и тлела, пусть слабым эхом и отзвуком, — да и сам Белый до мозга костей был сыном Серебряного века, — а кто ты? И какова природа твоего силового поля?.. Мы с тобой — золотушные дети невнятной эпохи «первичного накопления капитала» и никакой «незалежности», не говоря о коммунизме, когда я была ребенком, а ты был хипстером на Крещатике, чающим движения воды...

Лика умела ставить вопросы, что говорить, да только ответы на них найти было непросто.

В самом деле: кто я такой? Забывший природное родство свое в Кобеляках и в Кременчуге, на ощупь отыскивающий полусгнившие свои корешки в ветхих летописях и в припавших пылью трудах полузабытых историков имперской России, которая в свою очередь исчезла век назад и от которой ничего не осталось, кроме разве что безгласных камней и руин. Проживший бездумную юность в разноцветной толпе на Крещатике, от которой остался разве что один Максим Добровольский со своими удивительными песнями и гитарными переложениями да далекий Володя Диброва, уникальный писатель, 30 лет назад убывший со своей семьей в США преподавать язык и литературу в Украинском институте Гарвардского университета, спасаясь от первоначальной разрухи сгинувшего СССР... Сережа Шерстюк умер в 1990-е годы в Москве, оставив поразительные записки и множество живописных полотен, рассеянных по различным частным коллекциям. Гетон тоже растворился где-то в Москве, как кусок рафинада в бочке воды из колодца. Там же живет и работает успешно до сей поры Сережа Базиль... Киевская живописная школа гиперреалистов, или, иначе, «Художники Киевского вокзала», во главе с Шерстюком естественным образом перетекла в середине 1980-х годов в первопрестольную. В Москве влачит свои дни и Сероштан. Наш общий друг Шоня умер прошедшей осенью 2021 года в Кременчуге, — можно даже сказать, что ему повезло не дожить до всего того, что накрыло Украину сегодня... Бова, мой сосед из общаги, по непроверенным слухам, сделал неплохую карьеру и стал в 1990-х годах завкафедрой на факультете начального обучения Черниговского пединститута. Но к моей самоидентификации все это если и имеет какое-то отношение, то весьма косвенное — таково неизбежное свойство воспоминания.

Тогда же, в дальней дали моей нескладной жизни, которая минула, как скоростной поезд в ночи, а я стоял у железнодорожных путей и видел только ряд окон, струящихся единой, светящейся неоном рекой, я отметил, как мой сосед по общаге на Борщаговке, недогарский парубок Бова, как-то странно от меня отдалился, перестал зубоскалить и подшучивать надо мной, на мои вопросы отвечал односложно, букой сидел на своей панцирной койке, уткнувшись в учебник научного коммунизма, и больше не давал мне советов бездумно развлечься с друзьями противоположного пола. Я же в стремлении забыть о Галюне, все чаще таскался к Шерстюку и Гетону, все чаще находил себя в случайных компаниях за возлиянием дрянного вина и, вполне, кажется, начал следовать волшебной формуле жизни Бовы, но это вовсе не располагало его обсуждать, как ни странно, подробности нашего винопития на Крещатике и спорадических моих падений в алкогольном дурмане в объятия случайных девиц со «стрита». Бова мрачнел день ото дня, потом вдруг резанул вопросом, которого я никак не ожидал от него:

— Лешек, а ты читал отого Солженицына?..

— А ты что, проснуться решил? — я был весьма удивлен. — Читал...

— «ГУЛАГ»? — с некоторой опаской спросил Бова.

— Тю, чувак, на тебя! Где же тот «ГУЛАГ» отыскать? Читал «Один день Ивана Денисовича» в старом московском журнале. Все законно, никакой самодеятельности... Говорят, сам Хрущев дал распоряжение эту вещь напечатать: оттепель, борьба с культом Сталина и все прочее. Та ты и сам это знаешь не хуже меня...

— А я не читал... Достанешь?..

Конечно, я удивился, но все же честно поспрашивал народ на Крещатике про журнал «Новый мир», но это была такая уже редкость и древность, что ни у кого номера этого не сыскалось. К тому же, как выяснилось в течение моих расспросов, его изъяли в свое время из всех библиотек, когда Солженицын начал «прать против рожна» и «бодаться с дубом» Союза нерушимого нашего.

Бова же, как ни странно, настаивал на своем. В отсутствие «Нового мира» попросил достать ему хотя бы ксерокс такого же древнего журнала «Москва» 1960-х годов

с романом Булгакова «Мастер и Маргарита», но и с «Москвой» вышел облом: роман кто-то из наших читал, но журнал был недостижим, тем более ксерокопия.

— Ну тогда, Лешек, достань мне почитать что-нибудь запрещенное, — настаивал Бова.

— Бова, — сказал я, — чего тебе не хватало в Недогарках, кроме «Кобзаря» и школьного учебника для 4 класса о Древней Руси? И что ты подразумеваешь под «запрещенным»? И кто и почему запретил?..

— Ну, я не знаю... Чего-то мне, Маршалок, не хватает...

— Научный коммунизм с политэкономией тебя больше не удовлетворяет?..

Может, таким был воздух украинской столицы, — хотя вовсе нельзя сказать, что веяло сквозняком в спертой атмосфере специфического местечкового коммунизма, и по видимости все было вовсе по-прежнему, но под реющими алыми знаменами на Крещатике, под перетяжками и лозунгами во славу КПСС и вечно живого вождя мирового пролетариата все-таки собиралась наша разношерстная и разноцветная тусовка, изгоняемая милицией только накануне плановых майских и ноябрьских массовых мероприятий, звучала другая музыка из переносных магнитофонов, обсуждались какие-то темы — и не скажу, что запретные, — индийская философия, Кришнамурти, *«И кто-то, как всегда, нёс чушь о тарелках \ И кто-то, как всегда, проповедовал дзен, \ А я сидел в углу и тупо думал, с кем и где \ Ты провела эту ночь, \ Моя сладкая N.»* — как пелось в известной песне тех лет о подобных сообществах вроде того, что собиралось ежевечерне на Крещатике, — что-то еще, чего ныне не вспомнить. Как-то Игорь Винов, вырвавшийся одним из первых из цепких когтей Киева и ставший к тому времени студентом московского Литературного института, в одну из побывок привез на Крещатик и пустил по рукам подборку ленинградского поэта Иосифа Бродского, никому у нас не известного.

— Бова, — сказал я на Борщаговке, — хочешь Бродского почитать?..

— Да, — ответил мне он, — а хто то такой?..

— Только смотри, никому об этом не говори, — Бродского не печатают...

— Он шо, антисоветчик?

— Да нет, просто не укладывается в известные идеологические рамки советской литературы.

— Не хочет Ленина воспевать?..

— Ну, вроде того. Так будешь читать?

Когда дошел черед до меня получить от Винова эту машинописную подборку Бродского, он дал мне и свои стихи почитать. В целом Бродский меня весьма впечатлил, но еще больше впечатлил сам Винов:

Дева с глазами рассыпанной хвои,
Окаменевшее белое дерево...
Так, разрывающий небо кустарник,
приговоренный к своим очертаниям,
вижу твою корабельную боль,
синюю складку у губ... или трещину
фрески невинного автора. Тени
переползают барханы одежды,
черный пустынник, бредущий за посохом,
станет прозрачным от жажды и зноя,
вычертит посох чертежную розу,
длинные руки, слепое растение
стелется вдоль удивленного тела...
Дева с глазами рассыпанной хвои,
кто я, когда наклонила ты голову
и льется хорал сумасшедших волос?
Я, непонятный себе, как плебей на развалинах Рима,
слышу твой голос в органном безмолвии,
голос, я врос напряженный во стены,
губы твои повторяя в молитве,
немо ползут пиктограммы по стенам,
небо стучит в разрушаемых сводах,
дева с глазами рассыпанной хвои.

С высоты (или все же из глубины?) сегодняшнего дня я бы сказал, что ранние стихи Бродского, как и Игоря Винова, были гораздо значительнее и ценнее того, что они сочиняли в течение следующих десятилетий, хотя, конечно же, я отдаю себе в том отчет, что это только мое личное мнение, и я вовсе не специалист по творчеству этих по-

этов. Бова продержал на своей прикроватной тумбочке Бродского пару дней, Винова же только попытался читать, но не смог понять ничего. Ну, этого и следовало ожидать: если Чехову приходилось по каплям выдавливать раба из себя, то каково было Бове выдавливать из себя — условно говоря — Недогарки и стихийную сельскую жизнь на привольном речном берегу, простую и ясную, без провалов и без экзистенциальных ненужных вопросов?.. Тем более как было вместить сельскому парубку, немного обтесавшемуся в универе и на киевских улицах, глубокую виновскую метафоричность или тонкую иронию машинописных «Песен Битлз» Володи Дибровы?

На Крещатике все — даже Харкающая Жаба, прибившаяся непонятным образом к нашей толпе, — знали, что ни Бродский, ни Винов, ни Диброва никогда не увидят свои тексты набранными типографски. Еще не выросли те деревья в лесу, которые бы пошли на изготовление бумаги для таких книг. Точно так же как сущим бредом было бы предположить услыхать из «радиоточки» на кухне вместо песен Гнатюка и Кобзона переложения песен Максима Добровольского. Но это — все-таки существовало, передавалось в слепой машинописи из рук в руки, звучало теплыми вечерами в киевских скверах, парках, дворах и подъездах, — это все — имело место быть и внушало не только надежду на какие-то перемены, но и вселяло острое, вероятно, присущее только молодости ощущение, что ты все же жив. И, может быть, это пряное ощущение и было самым главным в тебе. Ну а книги... Бог с ними, с книгами. Нам хватит и рукописей, слепой машинописи или ксерокопий на грубой серой бумаге копировального станка под названием «Эра».

Больше мой сосед у меня ничего не просил почитать.

Староста нашей группы Миша Гацура, на первом курсе ставший кандидатом в члены КПСС, а на втором — полным членом компартии со всеми вытекающими преференциями, тоже как-то расположился ко мне, хотя прежде практически меня не замечал. О чем-то мельком расспрашивал, интересовался, как и с кем я провожу свободное время, какую музыку я люблю, что читаю... Почему-то предлагал заходить в факультетский комитет комсомола и участвовать в общественной жизни. Затем, основываясь непонятно на чем, предложил мне что-то вроде групповой (или общественной?) оргии с дружественными девахами из мясомолочного института на блат-хате где-то в Голосееве. Правда, я отказался, хотя время от времени немного и жалел об отказе своем. И это странное чувство — сожаления о том, чего не случилось и чего вовсе не было — напрягало меня в том смысле, что я понимал, что, оказывается, совсем не знаю себя и что в подсознании, или где еще там, если следовать синклиту товарищей Фрейда и Юнга, во мне бродит некая мутная, темная опара, которая только и ждет подходящего момента заполонить меня целиком и выплеснуться каким-то диким непотребством наружу. Так что грудастые мясомолочницы, которых мне так и не удалось повидать, немного волновали мое воображение, грезились в снах на Борщаговке.

Сперва мне льстило внимание кандидата в компартию УССР, и я даже искренне что-то ему отвечал и даже сдуру пообещал сделать что-то вроде доклада о международном политическом положении на ближайшем комсомольском собрании, но вот музыкальные вкусы Гацуры ограничивались песенками шведской группы «ABBA» (что важно), а литературные разве что «Собором» Олеся Гончара, — при этом Гацура педалировал охранительно-церковную составляющую романа и его непростую издательскую судьбу и пристально наблюдал за моей реакцией. Реакция же моя была очень проста, потому что романа этого я не читал.

— Лешек, — сказал мне на это Миша Гацура, — ты шо-то имеешь против украинской советской литературы?

— Ничего не имею, — ответил я, — просто руки читать не дошли. Читаю другое.

— А шо?..

— Дореволюционных историков разных, козацкие летописи, — сижу в Исторической библиотеке и читаю.

— А зачем ты читаешь все это? Для каких целей?

— Ну как тебе сказать, Миша, — сложно или просто?

— Просто давай.

— Хочу осмыслить и разобраться в истории Речи Посполитой...

— Зачем? Для чего? То ж все было здесь за царя Панька!.. Все быльем поросло!

— А козаки, они ж наши предки?..

— А ты знаешь, — тут Гацура понизил голос и даже оглянулся, не подслушивает ли кто великую тайну, — шо нашего головного секретаря ЦК КПСС Украины Петра Юхимовича Шелеста в 1973 году сняли с должности и отправили на почетную пенсию за отех козаков?..

— Не понял, а при чем тут они?

— А при том, шо хто-то в Москве расценил невинное увлечение Шелеста как зародыш украинского национализма, — борони, Боже! — ну и решили снять его подальше

от греха...

Я знал, что Шелест был инициатором создания в Запорожье на острове Хортица историко-культурного заповедника, посвященного козакам, музея народной архитектуры и быта Украины в Пирогове в Голосеевском парке и многотомной «Истории городов и сел Украинской ССР». Неужели всего этого было достаточно для опалы?..

— Ну и?..

— А тут Речь Посполитая!.. Та ты шо?!.. Они ж нас угнетали, гады такие, пока Богдан Хмельницкий не присоединил наших предков к России!

Недаром все же Миша Гацура учился на историческом факультете.

Но никак эти пазлы не складывались во единое нечто. За исключением мясомолочных девчат. Только с ними все было относительно понятно и ясно.

Наверное, мне все-таки присуща некая природная тупость или доверчивость, за которую все детство ругал меня мой отец. Я верил людям, верил в то, что кто-то чужой, посторонний желает мне бескорыстно добра, а вовсе не имеет целей меня обобрать, или просто продать, или предать. Следует добавить к этому и мою странную, слепую забывчивость — Галюня предупредила меня о том, что какие-то чуваки расспрашивали ее обо мне... Ну и что? Разве я кого-то боюсь, кроме отпетых бандюганов с Хорольской? Неожиданно наплывшая на меня острая боль от расставания с ней мгновенно выветрила из памяти то, о чем она прикровенно мне говорила в кафе на Крещатике. Ведь я никого не убил, ничего ни у кого не украл, я был обыкновенным студентом-историком, я даже не читал ничего запрещенного, если не считать стихов Винова-Бродского, — но их-то никто и не запрещал. Просто не печатали. Точно так же, как Шерстюк с Гетоном не могли участвовать в помпезных выставках в молодежном выставочном зале Союза художников Украины на Красноармейской, посвященных ударному труду, коллективизации и успехам отечественной индустриализации с домнами и мартенами в среднем течении Днепра — можете сочинять свои вирши, писать гиперреалистические картины с голыми девками, американскими гангстерами и черными «кольтами», петь в алкогольном угаре по-украински «The Crystal Ship» Джима Моррисона — да Бога ради!.. Все равно вас никто не услышит, не прочтет и не увидит, но придет еще время, и вы сами приползете с Крещатика и со Львовской в наши газеты-издательства-союзы художников и будете умолять нас, кандидатов и членов КП УССР, кто поднялся, в отличие от вас, мудаков, на ответственные посты в советском истеблишменте и кому верит партия Ленина-Сталина (тю, нечистый попутал!), дать вам возможность подзаработать деньжат на воспевании Продовольственной программы, или написать поэму на тему «экономика должна быть экономной», или даже создать триптих о Малой земле и подвигах там политработника товарища Брежнева, нынешнего генсека Центрального комитета, — дураки, вы пока ничего еще не поняли в этой жизни!.. Да и родители ваши плохо вам объясняли основные принципы, на которых неколебимо зиждется наше светлое будущее. Ладно, мать Максима — послевоенная колымская зэчка — чему там она могла научить сына, кроме как валять балду и перепевать на суржике западные популярные песни, но отец того же Шерстюка — генерал ПВО! И не простой генерал, а один из создателей противоракетного щита вокруг столицы нашей Родины красной Москвы!.. А предки Гетона — малороссийские гетманы!.. По крайней мере Гетон такую байду о своих предках слагает. Погоди, Маршалок, будет еще твой Гетон Ленина красками малевать в профиль и в фас!.. И Базиль! И Базиль поспешит следом за комсомолом! Куда денется он?.. Еще за заказы будут перегрызать глотки друг другу!..

— А я здесь при чем? — слабо отбояривался я от наседавшего на меня со всем этим словесным дерьмом то ли мента в цивильной одежде, то ли офицера Луцкой госбезопасности с серым лицом и в серых штанах с аккуратно проглаженной «стрелкой», когда через несколько лет, в первый свой отпуск после учебного года в восьмилетней школе №15 на жилгородке славного города Кременчуга, с 400-летия которого и началось мое падение в бездну исторического суемудрия, я наконец-то решился съездить на первую (или вторую?) нашу родину. Но... не очень удачно все получилось тогда.

Хотя, надо сказать, я был весьма удивлен тем, что так много подробностей о моей жизни и о моих друзьях из Киева было известно следователю-дознавателю старшему лейтенанту Хмаре, в отдаленном Луцке, в далеком уже и весьма мирном в сегодняшнем контексте 1984 году. Что совсем поразило меня, он знал даже о стихах Винова и Бродского, которые я когда-то давал на прочтение Бове и о чем к тому времени крепко успел позабыть. Вероятно, других важных дел у товарища Хмары не было просто, кроме как ворошить остывшие угли давно прогоревшего кострища.

Кто и когда меня заложил?.. — думал я запоздало и, может быть, даже глупо, — хотя какая разница ныне... Знает гэбист, что я читал и чем занимался, — флаг ему в руки!.. Пусть подавится этим знанием!..

Глава 27. ДОМИНОПОЛЬ

В школе №15 я начал работать по распределению, как и предполагалось изначально, учителем истории и обществоведения, после окончания универа в 1982 году. Казалось, навсегда простился я с Виновым и Максимом, простился с теми гиперреалистами, которые еще не успели отбыть в Москву и наименоваться «художниками Киевского вокзала» — тремя Сергеями — Шерстюком, Гетой и Базилевым, простился с нашей разбитной тусовкой, простился и с недогарским Бовой, который распределился учительствовать в большое село под Фастовым, простился с Володей Дибровой. Некоторые, особо ушлые мои сокурсники, прибывшие, как и я, из других областей Украины, вполне осмотрелись и освоились в Киеве и женились на девушках из «приличных семей» — их отцы были директорами средних и малых киевских предприятий, номенклатурными чиновниками неопределенного генеза, дипломатами средней руки, представляющими где-нибудь в Верхней Вольте или в Кении советскую Украину, или даже дочками писателей из Печерских богатых домов, неустанных певцов Сталина-Ленина и Щербицкого. Я же прокуковал свою юность над пыльными библиотечными фолиантами. И остался свободным, то есть ненужным, никем не востребованным. Но разве не я сам избрал для себя эту свободу — от общества, от людей, от университетского круга? Или, может быть, Крещатик и Львовская площадь заменили мне все остальное, а именно — столь необходимую в СССР социализацию? Избрав библиотечное бытие, я потерял не только Галюню, но все остальное? Поэтому, когда неожиданно пришел срок ехать по распределению в сердце степей и отрабатывать по закону свои обязательные три года, ничего не оставалось мне больше, как смириться и проститься со всеми, кто стал мне так дорог.

Но в сухом остатке, правда, весьма и весьма микроскопическом, по сравнению с тем, что оставил я в Киеве, мне, можно сказать, все-таки повезло: накануне в пятнадцатой школе Кременчуга умер от старости директор Мурашко, параллельно преподававший историю Древней Руси многочисленной детворе рабочих и инженеров гигантского автозавода, который изготавливал большегрузные самосвалы для развивающихся стран третьего мира. Дядя Тодось, у которого по возвращении с Сахалина имелись какие-то подвязки в Полтавском областном гороно, замолвил за меня доброе слово перед какой-то ответственной чиновницей-полькой, и та, по-земляцки вполне, посодействовала попасть мне на место почившего в Бозе Мурашки, — понятно, что не директором. Директором стал бывший завуч Борис Максимович Задавибатько.

Первое время жил я у тети Каси и дяди Тодося на Водоканале, на самой маковке песчаного отрога, который был видимой тысячелетней границей поймы Днепра, а со временем мне дали комнатушку в одной из общаг автозавода, напротив заброшенного стадиона КрАЗ, поросшего крапивой и лопухами в отсутствие спортивных состязаний и футбольных матчей местной команды «Днепр» с командами из соседних колхозов. Пока я добивал свой первый учебный год под чутким присмотром Бориса Максимовича и жил у родных, долгими вечерами мы сидели на кухне за разными разговорами — в Кременчуге я ведь не знал никого, хотя некоторые знакомцы нашего кобелякского детства переехали сюда жить и работать на крупных предприятиях города, — и я мало-помалу разведал от старших Яницких пути и дороги на незнаемую и загадочную Волынь, куда меня мистическим образом тянуло будто магнитом. Летом 1984 года я и отправился туда на поезде Кременчуг — Луцк, а затем на автобусе местного сообщения, можно сказать, вполне вслепую, невесть куда, наобум, и вышел средь сумрачного леса с единственной целью разыскать то село, где в юные предвоенные годы свои жили мои родители, отец, мама с тетей Касей, откуда ушел добровольцем на фронт дядя Нектонаполеон, где лежали в забытых, землей заплывших могилах кости моих дедов и прадедов, осваивавших осадниками эти Сходние кресы и упокоившихся в свой срок в этой земле своей новой и не очень гостеприимной родины.

Надо сказать, что мама с теткой не одобряли этой затеи с поездкой:

— Лешек, мы всю жизнь старались забыть Доминополь и забыть Луцк... Тебе не следует ехать туда...

— Мама, но мне же ничего там не надо: я просто поеду посмотреть на село, в котором вы с тетей Касей и Нектонаполеоном родились, похожу там по улицам, постараюсь что-то понять... Может, прадедовские могилы там разыщу, помяну наших усопших... Что же в этом плохого?..

— Лешек, — сказала мне мать, — лучше не едь... Там нечего понимать и некого... поминать... «По улицам»...

При этом они с тетей Касей ничего не хотели мне объяснять. Но я помнил из детских впечатлений, еще в Кобеляках, как при одном упоминании в самом обычном и нейтральном контексте Луцка или Волыни мама застывала у газовой плиты, глаза ее

стекленели и наполнялись слезами, и она говорила отцу:

— Болеслав, зачем ты снова об *этом*?..

О чем и почему снова — оставалось за гранью родительского молчания.

Добравшись до Луцка, я сходил поглазеть на знаменитый замок Любарта. Зашел внутрь крепостных стен и обозрел громадный архитектурный пустырь на месте некогда прославленного в веках, древнейшего волынского храма апостола Иоанна Богослова, который разобрали по приказу униатского епископа Сильвестра Рудницкого в конце 18-го столетия и на месте которого так и не удосужились ничего снова построить. Где-то под этим археологическим пустырем покоился вечным сном и сам Любарт Гедиминович, великий князь Литовский.

На автостанции пришлось мне расспрашивать, на каком автобусе мне лучше добираться до нужного места:

— Доминополь, Доминополь!..

Но почему-то никто ничего не мог мне толком сказать — кто-то просто не знал, а кто знал, тот молчал и отводил глаза в сторону. Одна старуха прямо-таки шарахнулась от меня. Может быть, само наименование нашего родового села напрягало людей, спешивших в свои села после луцких забот? Что-то тут было не то... Автовокзал Луцка представлял собой типичную заплеванную, пыльную автостанцию мелкого провинциального городка, бывшего при этом областным центром и столицей Волыни. О, тут во время принятия Брестской унии в 1596 году жизнь била ключом, — я о том хорошо знал, — Луцк разорялся и снова отстраивался, хоронил своих епископов вроде Кирилла Терлецкого, одного из устроителей унии, и других героев громокипящей эпохи в храме Иоанна Богослова, рядом с князем Любартом, — вообще Луцк был неким волынским католическим Ватиканом в 16 и 17 столетиях, — может быть, именно по этой причине и развалился кафедральный собор со всеми почивавшими в нем вечным сном — князем Любартом, старостой Семашко и епископами бурной добрестской, брестской и послебрестской поры? Распалась связь времен, и не вынес собор на своих кирпичных плечах скорбей, треволнений, предательств и духовных неправд бурного своего века, поглотился землей. Или терпение и попустительство Божие прервалось, ибо мера была утрясена и переполнена до краев... Кто знает...

Народ густо толпился возле касс, но никто не мог мне помочь. «Шо-шо?..» — некоторые сограждане даже удивление выражали и всем видом свидетельствовали о том, что название нашего родового села слышат впервые. Как бы там ни было, мне все-таки повезло: кто-то из попутчиков в раздолбанном «пазике» надоумил меня и выдал секрет — мы уже ехали через леса — и махнул куда-то рукой:

— Та вроде де-то отам твой Доминополь... Колысь був... Здаеться, де-то там лесная дорога... Кажись, ще поляки туда приезжали, шо-то там делали, чи поминали своих... Вася, то так?

Все-таки знали или слышали волыняки о Доминополе, но молчали. Совсем как мои мать и отец. Чувствовалось, что довольно-таки отличаются здешние люди от наших степных полтавчан, привычных мне с детства. Этим я и объяснял их нежелание ответить на простецкий вопрос. Особенности западноукраинского характера, что ли, — хотя и разговаривал я в Луцке по-украински, с некоторым напрягом, надо сказать, но тут, вероятно, сыграло свою роль и фонетическое отличие нашего полтавского говора, который стал основой украинского литературного языка, и местного волынякского наречия-волапюка, засоренного немецкими и польскими словами. О, если бы причина моих неудач в Луцке только в этом бы и заключалась!.. Но нет...

Вася кивком подтвердил предположение моего разговорчивого информатора. Он ездил десятилетиями по этому маршруту Луцк — Несвич, через Горькую Полонку и прочие села, и знал, несомненно, каждую кочку и каждый поворот. Но до срока молчал. Наконец-то он притормозил среди густого и непроходимого леса, буркнул под нос:

— Иди отуда!..

Автобус уехал, и я остался совершенно один. Вечерело — ведь я провел в Луцке весь день за осмотром достопримечательностей, затем торчал на автовокзале, приставая с вопросами к людям, да и отправления «пазика» пришлось еще ожидать, — и только в сгущающемся, наливающемся синевой свете предвечера добрался я до этой обочины, где еще предстояло нащупать и разыскать в чаще эту неведомую дорогу, о которой знал только этот Вася-шофер и которая вела в глухой сумрачный лес. На душе стало как-то тревожно и пусто, и, кажется, где-то на подсознательном уровне, будто нутром, я начал понимать маму и тетю Касю, — и не было слов или эфемерных мыслей каких-то в моей голове, но холодком сквозило нечто под ложечкой, — может быть, страх или же опасение, что из чащи сейчас выйдет бурый медведь или волк, а быть может, замшелый столетний бандеровец с ржавым «шмайсером» на плече из тайного схрона, уже забывший речь человеческую, — и что мне делать тогда?.. Но раз я уж добрался до этого сумрачного леса, по слову Данте, да и к середине жизни своей заодно,

надобно двигаться дальше, — так я себя ободрял в поиске неприметной прогалины, в которую, по сути, превратилась заброшенная, забытая всеми лесная дорога. Тишина и безвестность словно коконом окутывала наше родовое село. Или же то место, на котором оно когда-то стояло. Только теперь я понял, что села больше нет. Что оно просто не существует и довольно давно. Конечно, я предполагал о причинах его исчезновения, но, по малодушию своему, боялся назвать непосредственную причину. Хотя, честно сказать, я и не знал тогда ничего: село просто исчезло. Время такое стояло тогда, советское, и неперспективные деревни сотнями исчезали, затапливались искусственными водохранилищами, распахивались под посевы или зарастали подлеском. Не миновала такая судьба и наше село. Я шел под сводами ветвей, сомкнувшихся надо мной и над тем, что некогда было грунтовой дорогой, ступал по мягкому ковру опавшей листвы, мха, слежавшихся еловых иголок и отмечал про себя, что некогда дорогу эту прокладывали довольно умно и грамотно, со знанием дела: я видел заплывшие землей и засыпанные прелой листвой кюветы, и читалась еще строгая ровная инженерная линия их. Под сводом ветвей вечер совсем уже превратился едва ли не в ночь — уже в густых сумерках, часа через два своего путешествия, я наконец-то вышел на обширную сумрачную поляну, в самом центре которой стоял одинокий католический крест, с облупленным, облезшим от времени лаком, испещренный проплешинами белесого мха. Только на рассвете я все это пристально рассмотрел. Под крестом валялся пластмассовый венок с выцветшей, грязной красно-белой ленточкой, символизирующей цвета польского флага, — так я и понял, что на этой поляне был когдатошний Доминополь польских осадников, уже исчезнувший с лика земли навсегда. Буквы на ленточке, некогда, по-видимому, золотые, осыпались, и выцветшую от времени надпись невозможно было никак разобрать. Что-то вроде «nigdy nie zapomnimy», или «никогда не забудем», по-русски, значилось там. Но благополучно все же забыли... На средостении креста виднелись следы отсутствующей фигуры Спасителя. Вероятно, само распятие это было изготовлено из какого-то сплава, и местные люди, промышлявшие сбором цветного металла, не погнушались снять фигуру с памятного креста и сдать Спасителя мира в пункт металлолома, добывая деньги на водку. Во тьме я еще предпринял робкую попытку нащупать ногами, рискуя сломать себе не только ноги, но и шею, домовые ямы или фундаменты, которые должны были остаться от села, однако ночь плотным пологом уже скрыла окрестность, сохраняя ее от моего неуместного любопытства. Лес жил своей потаенной жизнью — ухали совы и филины, кричали какие-то неведомые птицы, скрипели и протяжно вздыхали старые лиственницы, ночной ветер мерно шумел в высоких кронах столетних берез, темный свод неба расчерчивали бесшумные легкие тени кажанов — летучих мышей. Время от времени доносились из лесной глубины душераздирающие крики неизвестно кого, зверя или человека, и мне казалось, что неподалеку в лесу кого-то рвут в кровавые лохмотья, и только много спустя я понял, что это были трубные брачные зовы лосей или, быть может, оленей, которые, несомненно, водились в этих дебрях. В высокой траве что-то шуршало — я надеялся, что не гадюки. Мне следовало здесь заночевать и уже утром обойти здесь все и осмотреть, — о том, чтобы вернуться обратно с этого обширного пустыря, и речи быть не могло, да я ведь и не затем сюда ехал столько лет и часов, да и кроме того, если бы я даже захотел вернуться хотя бы на трассу, не говоря уж о Луцке, лесной дороги в потемках было мне никак не сыскать. Подложив под себя свой рюкзак, я сел под крестом, прислонившись спиной к его основанию. Не знаю, спал ли я или бодрствовал, но ночь, проведенная мной посреди исчезнувшего Доминополя, показалась мне нескончаемой. То ли в сонном видении, то ли вживе, мне казалось, что я слышу приглушенные голоса, на меня наплывали зыбкие, ломкие тени... Совсем не такой представлялось мне свидание с нашей утраченной родиной. Время от времени было довольно-таки жутковато. Я пытался преодолеть свои страхования присущими мне историческими припоминаниями или натужным воображением некогда живших здесь и исчезнувших без следа моих родных — дяди Нектонаполеона, бабушки Ядвиги, деда Тадеуша, — пытался хотя бы отдаленно вообразить их обычные земные заботы здесь, на этой обширной, привольной поляне, где с незапамятных времен Речи Посполитой жило и процветало некогда большое село, без следа провалившееся под землю, подобно луцкому собору апостола Иоанна Богослова, или, напротив, ушедшее в небо со всеми своими обитателями, от которых только и остались сестры Язловецкие, моя мама и тетя Кася да мой отец Болеслав Маршалок с дядей Тодосем Яницким, — но все это было совсем неподвластно ни мне, ни моему воображению, ни обрывкам исторических разрозненных фактов, ни моей дырявой родовой памяти. Ну же, Лешек, подбадривал я себя, — давай придумывай здешнюю жизнь, ты же можешь: свадьбы, венчальные игрища, пожинки-снопы в пору сбора урожая, общие застолья сельчан по церковным праздникам и на свадьбах, белоголовую детвору и обыденность сельского быта-уклада, которая размеренно и с завидным постоянством повторялась здесь и повсюду из года в год, из десятилетия в

десятилетие, да и попросту веками, со времен древних Пястов, когда мазовецкие племена вышли из своих непроходимых дремучих лесов и стали земледельцами, — но никакого отклика в душе я не находил на все это вполне вымученное и искусственное. Мне казалось, будто я очутился в непроницаемой капсуле какой-то болезни — душа, память и мозг нестерпимо саднили, и не было никакого лекарства...

Когда я очнулся от холода, ночь уже миновала, — но спал ли я? Хмурое низкое небо серело рассветом. Высокие травы, крест, под которым я провел ночь, ветви деревьев, надвинувшиеся на пустое пространство, кустарники, обильно росшие на поляне, покрылись холодной росой, словно инеем. Ноги и руки мои затекли, голова раскалывалась от отупляющей боли, и я едва разогнулся. Искать домовые ямы или фундаменты исчезнувших жилищ, заросших буйной дикой малиной, мне уже не хотелось. Да и зачем?.. Хотелось только поскорее убраться отсюда и даже забыть это все: я понял, что мой вполне самостийный опыт с розыском исчезнувшего Доминополя потерпел вполне ожидаемый крах. Мама с тетей Касей были правы, — но я еще ведь и не знал ничего о том, что здесь случилось во время войны, — позже я осознал одну из заповедей блаженства о нищих духом в этой связи: именно таковым, нищим духом и вполне себе таким остолопом и дураком, я и пребывал тем памятным летом 1984 года — самоуверенным, напыщенным ложным историческим знанием, нахватавшимся вершков марксистской схоластики Киевского университета имени Тараса Шевченко, молодым учителем кременчугской восьмилетней школы №15, который считал отчего-то, что проник в самую метафизическую глубину гигантских жерновов сопряжения русской и польской истории, но на деле так ничего и не понял. Но уже эта ночь, проведенная под ободранным поклонным, или памятным, крестом, посреди огромной поляны в лесу, дала мне так по башке, что я еще несколько месяцев очухивался от того непонятного, что со мной произошло в несуществующем Доминополе. Что это было?.. Мистические токи осквернённой и исчезнувшей родины? Метафизический оттиск трагедии в тамошней атмосфере, пережившей более полувека и вовсе никуда не девавшийся? Пугающее молчание моих родителей и близких о том, что произошло здесь, которое на подсознательном уровне настроило мою душу и мое естество на инфернальную жуть? Я не знаю.

При туманном утреннем свете я разыскал устье лесной дороги, по которой пришел сюда вечером, и, не оглядываясь, скорым шагом отправился в путь. Домовые ямы, остатки одичалых садов, заплывшее землей кладбище, черные полусгнившие деревяшки, изломанные кресты, замшелые камни — я ничего не стал разыскивать в жестких колючих травах и в зарослях дикой малины, все оставил в неприкосновенности: покойся в мире, Доминополь, прости, что потревожил твой сон... Перезрелые ягоды малины, как капельки крови, будут в тишине падать на твою высохшую и бесплодную землю... Я знал, что больше никогда не вернусь на эту лесную поляну, — но почему? — я не мог бы внятно ответить.

Мама с тетей Касей были трижды правы...

Чувствовал, будто меня в спину что-то толкает, хотя вполне вероятно, что это мне только казалось. В душе у меня был какой-то сумрак, кости ломило, глаза и душу саднила некая странная горечь, вкусом новая и неведомая. Конечно, успокаивал я себя, эта бессонная ночь под крестом, голод, усталость и холод — вот причина моей почти что болезни, моего теперешнего недомогания, и больше ведь ничего. А что еще было мне делать, чтобы объяснить себе самому то, что со мной независимо от меня происходило, если не искать оправданий в привычном, обычном — голод, усталость, бессонница, утренний холод... Я просто не ведал о том, чем совсем скоро мне еще предстоит заниматься, отвлекшись от запорожских козаков, от разделов Речи Посполитой в 18-м столетии, от бесплодных, во всем обреченных польских восстаний середины 19-го века, — и как тут не помянуть было слова одной из православных молитв: «несоделанное мое видесте очи Твои, в книзе же Твоей и еще несодеянное написано Тебе суть...» Именно так все и произошло — помимо воли моей... Сказать следует даже больше того: эта нескончаемая цепь — с запорожцев Хмельницкого и всех этих восстаний на Правобережье, Палиевщины, Гайдамаччины, восстаний Костюшко и прочих наших национальных героев вплоть до Пилсудского, — достигла до нашего Доминополя и до других сел осадников на Волыни и Холмщине, и... И — что? Совершился над нами суд Божий? За все неправды, которых, конечно, было не счесть, за нашу гордыню, за нашу слепоту, за то, что мы, наши предки, забыли заповеди Божьи и не считали за человека русского и православного, соприродного нам, жившего рядом с нами в одном государстве, и прежде всего презирали образ веры его... Я помнил из исторических хроник, как в Баре бискупы освящали сабли нашей доблестной шляхты, отправляющейся в очередной крестовый поход на бунтующих козаков, помнил и знал о бесчисленных крестах по дорогам с телами распятых козаков и посполитых, с ужасающим воображение лесом высоких колов, с наколотыми на них, высохшими на солнце мумиями,

— все вернулось к нам бумерангом, и скоро довольно — Наливайко, Косинский, атаманы времен короля Владислава, Хмельницкий, Самойлович, Палий, Гонта и Зализняк и прочие, прочие без числа, — и за все пришлось отвечать нам, потомкам, — полякам 18-го столетия, утратившим свою Речь Посполитую, повстанцам 19-го столетия, удобрившим своими телами и кровью тучные пажити царства Польского Российской империи и за века населившим густо Сибирь и Дальний Восток, и, в самой частности малой, и нашим сгинувшим осадникам Доминополя в веке двадцатом, беспримерном по количеству жертв и по неслыханными жестокостями со всех сторон будто бы обезумевшего человечества...

Было ли на все это какое-то Божье попущение, какой-то промысел, вразумляющий наши народы страшными этими карами, изуверством и гибелью тысяч, тысяч и тысяч во все минувшие времена? И — сегодня... Мариуполь, Харьков, Херсон... Все повторяется снова?.. Есть ли всему, произошедшему некогда и происходящему ныне, какое-то земное, человеческое объяснение? Что еще мы должны для самих себя уяснить, чтобы больше не происходило с нами подобного? Существует ли нечто вроде соборного, коллективного разума, который бы если и не остановил на краю бездны, куда вот-вот низвергнется все человечество без различия народностей и народов, то хотя бы замедлил это падение?..

Конечно, все это мои жалкие домыслы, и никакого соборного разума нет вовсе, и все придумано прекраснодушными мыслителями и поэтами прошедшего времени, — надо признать это со всей очевидностью. Но на что уповать человеку? На правительство? На генсеков или же президентов, каждый из которых хуже и хуже предшествующих?..

Правил автобусом все тот же сумрачный волыняк Вася. Он меня ни о чем не спросил. И ничего не сказал.

А на автостанции Луцка меня задержал милицейский патруль. Проверили документы, посадили в «бобик» и свезли в невзрачное здание для дальнейшего выяснения моей подозрительной личности.

Глава 28. $(\partial + m)\,\psi = 0$

После краткого допроса: кто я и что, фамилия-имя-отчество, что делал в Луцке и зачем посетил «спецзону» — так и сказал мне следователь луцкой госбезопасности Хмара — я отвечал на все вопросы по пунктам, причем начал отвечать я по-украински, на что хмурый старлей буркнул: «Не ломай язык, Маршалок, не прикидывайся *нашим*...» — но я не придал этому должного значения, намек понял значительно позже, но что-то все-таки вызвало недоверие старшего лейтенанта Хмары, или как там звали его, — я вполне допускал, что фамилия эта, войсковое звание и должность следователя вполне вымышленные, рассчитанные «на дурака», подобного мне, на деле же человек этот с вполне средним, не запоминающимся лицом, выточенным в эпоху Андропова по какому-то особенному шаблону, когда на мгновение отвернешься от него и тут же забудешь — и выражение лика, и серо-стальные пустые глаза, и волевую складку у тонких губ, и светлые короткие волосы ежиком — и само имя будто бы сотрется неким ластиком из твоей памяти... Наверное, такими и должны были быть эти ребята, бойцы невидимого фронта, которого, весьма вероятно, и вовсе не существовало, разве что в ведомостях о зарплате, — и эту догадку мою подтвердили все последующее, что произошло к началу 90-х годов с крушением в прах великой и страшной для самих насельников империи СССР.

Тогда же, в Луцке, в роковом оруэлловском 1984 году до всего этого было еще далеко, и мало кто мог предположить то, что произойдет в 1991 и в последующих годах. Тогда же, после задержания на автостанции Луцка и после предварительного допроса, старший лейтенант Хмара препоручил меня красномордому прапорщику-комендачу по фамилии Микитась, и тот отвел меня — «руки за спину, по сторонам не смотреть!» — прямиком в одиночную камеру.

— Дядьку, та що я зробив?!.. — воскликнул я, когда пузатый прапор меня уводил из кабинета товарища Хмары.

Понятно, что ответа не последовало никакого, кроме чувствительного стусана в спину от Микитася. Хмара был очень занят: перекладывал секретные бумаги на письменном столе.

Конечно, все это было весьма неожиданно для меня. Когда окованная железом дверь камеры закрылась за мной и красномордый прапорщик Микитась со скрежетом задвинул засов, весь романтический флер, все мои довольно искусственные чувства и переживания, которые я извлекал из глубины своей души на лесной поляне у

облупленного католического креста, что остался скорбным и одиноким знаком о тех людях, что жили здесь до войны, довольно быстро улетучились и исчезли. Осталась во мне только какая-то изумленная тупость.

Признаться, я вполне представлял, что такое одиночная камера. Во время армейской службы под Николаевом старлей Логунов, пугавший меня попеременно дурдомом, дисбатом и зоной по любому поводу и даже без повода, пару раз отправлял меня за так называемые «воинские преступления» на отсидку на гарнизонную гауптвахту. В последний раз я провел на «губе» полный, допустимый по воинскому уставу, срок — 28 суток: я ударил новопризванного хлебореза-азербайджанца по морде за отказ дать на наш дембельский стол дополнительные пайки масла, азербайджанец, не будь дурак, как мы прежде, пожаловался ротному командиру, — Логунов с нескрываемой радостью счел это «издевательством над молодыми солдатами» и начал готовить мое «личное дело» для показательного придания меня военному трибуналу ради «искоренения дедовщины». Однако комсомольское собрание нашей роты неожиданно взяло меня на поруки, азербайджанец «простил», и Логунов законопатил меня на «губу» на максимально возможный срок. Несколько суток я просидел в одиночке, но так как я не представлял особой опасности по сравнению с другими насельниками одиночек — один был беглым дезертиром, которого поймали только через полгода вольной жизни, другой, могучий грузин, избил своего условного «Логунова», третий, цыган, за несколько дней до дембеля продал на сторону дачникам машину казенных досок, — вот они и маялись в каменных мешках одиночек, пока неспешно шло следствие по их делам. Я же был мелкой сошкой в этом контексте: дать в морду «молодому» солдату не расценивалось как особенное преступление. Поэтому меня скоро перевели в двухместную камеру и даже начали выводить на общественные работы. Одно время я с конвоиром ходил в близлежащую часть ПВО за бачками с борщом и кашей-»шрапнелью», раскладывал пищу по оловянным тарелкам и раздавал подследственным в одиночках, потом пристраивал даже стену нового узилища-камеры, натягивал колючую проволоку на Г-образные железяки, прихваченные ржавчиной, на стенах, окружавших наш каземат. Однажды нас даже вывезли на городские улицы копать какую-то канаву, и мы там исхитрились выпить пару «бомб» каких-то «чернил»... Кто-то из гражданских пожертвовал из жалости нам пару рублей, другой смотался в ближайший гастроном за винищем, и военные преступники в нашем лице, без ремней, совершили свое очередное преступление и нарушение воинского устава. Но самым печальным, я это помнил по Николаеву, был все же опыт пребывания в одиночке. Движение в пространстве, общение с такими же горемыками, как и ты, расспросы подследственных — кто и за что попал в лапы военной комендатуры, кладка кирпичей новой камеры, натяжка колючей проволоки на бетонном заборе «губы», улицы Николаева с девчонками в легких летних платьицах и балдеж от пары стаканов пойла, считавшегося вином, — все это развлекало вполне и не давало заскучать на «губе». Совсем не то было в одиночке: вынужденное безделье, малое пространство камеры, думаю, 2х2 метра, убранные в стену дощатые нары, отстегивающиеся только на ночь, металлический столик, пенек для сидения, на котором можно было просидеть не более 10 минут, пока не начинал болеть крестец и позвоночник, черные стены, черный цементный пол, под потолком небольшое оконце, с решеткой, упирающееся в серый бетонный забор... И в этих условиях надо было прожить целый день — от подъема и до отбоя, будучи предоставленным только себе. Это в американских тюрьмах заключенные валяются на кроватях и читают книги из тюремной библиотеки, качают мускулы на тренажерах и играют в подвижные игры, не делают ни хрена, на гарнизонной гауптвахте, в одиночной камере, все вовсе не так. Мне тяжело судить, как себя чувствовали наши подследственные — грузин, цыган и русский дезертир, которым я вскоре раздавал кашу и борщ, но я, проведя в одиночке всего несколько дней, был близок к умопомешательству.

И вот все повторилось... Но разве мог я предполагать, что через столько лет после того, как я отдал Родине свой «почетный долг и обязанность» в армейских рядах, я снова, по невероятной прихоти судьбы, почему-то окажусь в одиночке и уже на Западной Украине? И практически ни за что!.. Хотя, если разобраться, человек всегда в чем-то виновен. Надо только пристальнее заглянуть в свою душу, вспомнить свое неприглядное, тайное. Это при Сталине на вопрос о том, почему тебе дали 25 лет, и ты отвечал «ни за что», собеседник урезонивал тебя, говоря, что ни за что дают всего 10... Так и тогда, в николаевских солончаках, так и сегодня, в луцком ГБ, я вспоминал свою жизнь, ибо нечем было глушить свою голову — ни книг, ни музыки, ни разговоров с кем бы то ни было, — и ты, оказавшись в таком вот принудительном уединении, встречался с самим собой и не просто со своей сокровенной сущностью, но с человеком, которого, как оказывалось, ты даже не знаешь. И порой это было невыносимо.

Освоившись в камере и преодолев первые приступы страха, отчаяния, недоумения и уныния, я вспомнил, чем спасался в армейской гарнизонной тюрьме: тогда я вос-

крешал день за днем свою прошлую малую жизнь, хотя и нечего было, по сути, мне вспоминать в свои неполные 20 лет. Какая-то опара бродила в душе у меня, какая-то неизбывная тревога, непонятно с чем связанная, непонятно откуда взявшаяся. Ведь все это, в армии, происходило задолго до киевских библиотек со старыми книгами по истории края, до моего погружения в славные и горькие летописи Речи Посполитой, которую созидали, защищали и укрепляли мои далекие предки — Маршалки, Язловецкие и Яницкие, — ничего тогда я не знал, и ровным счетом ничего во мне не было вовсе. А что же было? — думал я ныне в Луцком узилище и отвечал сам себе: какая, собственно, разница? Зато теперь...

Нет, и теперь, когда я ведал о чем-то, когда что-то узнал, когда что-то понял, я не находил в себе ничего, кроме некоей гулкой пустоты. Я сидел на пеньке, уставившись в пол, и понуждал себя вспомнить о чем-то, думать о чем-то реальном — о прошлом ли, или даже попытаться вообразить себе будущее, загадать нечто заветное, тайное, — но и в будущем я видел себя не более чем школьным учителем школы №15 в Кременчуге, и о каком таком будущем можно было мечтать в нашем развитом железобетонном брежневском социализме, тем более сидя под замком в Луцкой госбезопасности?..

И вспомнил я о Галюне Белик...

Как о самом светлом, как о самом святом.

Может быть, только теперь, в Луцком узилище, я смог бы ответить на тот ее вопрос о любви, который она задала мне перед выходом на железнодорожный перрон Киевского вокзала:

— Лешек, а что такое любовь?..

Тогда я — не знал. Не знал и потом, когда мы бродили с Галюней по киевским бульварам и улицам — ранней осенью, сырой и слякотной зимой с резким ветром, налетающим на город из Заднепровья, благословенной весной, когда склоны киевских гор, ниспадающие к великой нашей реке, затуманивались дымкой салатного цвета, с каждым днем насыщаясь зеленым. Рядом со мной — до поры, увы, до поры — была высокая юная девушка, расцветающая вместе с природой глубокой, редкостной красотой, но я, к сожалению, не замечал ее случайных пристальных взглядов, не мог прочесть ее простых безмолвных девичьих вопросов, не придавал значения паузам — вполне, надо сказать, музыкальным, интонационным — не обращал внимания на долгое молчание ее, которое было гораздо красноречивее каких бы то ни было слов. И только теперь, уставившись невидящим взглядом в глухую стену узилища, я начал со всей очевидностью понимать, как был я глух и слеп, как я видел и слышал только себя, наглотавшегося книжной пыли в мертвых архивах, и мой восторг от тогдашних первых открытий — я был почему-то уверен — вполне разделяла Галюня. Ну, а почему ей все это могло быть чуждо? Ведь она, как и я, родилась на этой земле, выросла в полтавских степях, обильно политых кровью за истекшее время — она, как и я, ничего ведь не знала, — разве не могло ей быть интересно то, о чем я прежде читал, а затем с жаром рассказывал ей?..

Но женщины по-другому устроены. Это я понял со временем, когда от Галюни осталось только воспоминание, когда я ее потерял. Тогда же, пока я доборматывал в кофейне на Крещатике арию Пилата в переложении Максима Добровольского, она задержалась на краткое мгновение и начертала на салфетке какие-то знаки. Положила передо мной:

— Лешек, это тебе на память от меня. Надеюсь, ты сможешь разобраться, что это такое...

Зеркальная дверь закрылась за ней, промельком я увидел ее в окне, улетающую, ускользающую уже навсегда, растворяющуюся в роскошной весне 1977 года:

«...Й тут вгледів я в кожнім обличчі отого чудака
Й так ясно те угледів, аж здригнувсь
Й немедленно проснувсь...»

Но проснулся ли я?.. Разве только теперь, в Луцкой тюрьме?.. Да, в недолгом одиночном заточении на гарнизонной «губе», в 1975 году, мне нечем было себя занять, кроме воспоминаний о детстве, о школе, о посиделках со Сероштаном за кружкой пива в генделике на берегу Ворсклы и о наших вполне наивных разговорах о поэзии Гарсиа Лорки или Аполлинера. Ведь — к стыду своему говорю — до армии я даже в русском переводе не удосужился еще прочитать великого Адама Мицкевича, — и никакого «польского жала в плоти» не было еще у меня. Но сейчас, летом 1984 года, я уже стал другим, даже и близко не сравнить с тем Лешеком Маршалком, который сидел на гауптвахте, пока мне капитан Журбенко, начальник «губы», не доверил раздавать подследственным в одиночках кашу-»кирзу» и кисель. И встала в памяти Галюня Белик из села Белики, что неподалеку от Кобеляков.

Теперь все виделось мне совсем по-другому.

И только годы спустя, уже после окончания университета, в Кременчуге, я понял, что значит та формула, нацарапанная Галюней на салфетке в кофейне, пока я дожевывал последние слова арии Пилата:

$(\partial + m)\,\psi = 0$

Это был ответ, которого я не смог дать ей тогда, на перроне, когда мы вывалились с ней с 3-литровой банкой сгущенки и остатками домашних пирожков с зеленым луком, которые я не доел, — завоевывать Киев, в свой первый студенческий сентябрь, и начинать новую, яркую жизнь — уже без петухов, кур, кабанчиков к Рождеству, без одеяльно-войлочной фабрики имени Розочки Люксембургочки, — получилось ли у нас это? — это уже вопрос другой и на засыпку, — и, главное, с обретением себя в любви.

Тогда же, когда Галюня ушла уже навсегда, я рассмотрел то, что она написала на салфетке: $(\partial + m)\,\psi = 0$, ну, ясно, что ничего я не понял, сунул салфетку в карман и отправился в расстроенных чувствах выпивать к Шерстюку. Ни Сергей, ни Максим Добровольский тоже не раскрыли смысла этой клинописи, — наш мир и мы сами были довольно просты и не искушены в эзотерическом символизме продвинутой девушки с мехмата Киевского университета. А затем — все просто забылось за разговорами и винопитием, погрузилось в красноватую взвесь, состоящую из отчаяния, алкогольных паров и табачного дыма.

$(\partial + m)\,\psi = 0$...

Да уж, задала мне Галюня задачку... Видя 0, я подозревал, что она изобразила под этой цифрой меня и дала математически понять мне, кто есть я на деле. Ну да — 0. Не спорю. Не понял, не прочувствовал, не просек женскую душу... Это, можно сказать, лежало совсем на поверхности. Ну, тем я вроде бы тогда и утешился. Но оказавшись в Кременчуге, в пятнадцатой школе, я снова попал в некую изоляционную яму, как некогда на Николаевской гауптвахте. Собеседники мои остались в Киеве, старые книги и летописи — тоже, час Лики еще не пробил — только и оставалось мне, что пережевывать в сотый раз то, что произошло некогда со мной в Киеве: Крещатик и хиппующий пипл, разная музыка, стихи Винова, рассказы Дибровы, песни Максима, приколы Леся Подеревянского, — даже для дамского угодника, недалекого Бовы, соседа по Борщаговской общаге, нашлось в памяти место и доброе слово, — так дошло дело и до этой магической формулы $(\partial + m)\,\psi = 0$, — и эти умозрительные волны памятования и тоски разбивались о несокрушимую, загадочную формулу, едва уже проступающую на этой затертой салфетке. Трудно сказать, почему я ее сохранил, а не выбросил сразу или потом. Натыкался иногда на нее при очередном разборе всякого бумажного хлама, писем, записок, заметок каких-то, смотрел на эти магические знаки, думал о чем-то в стремлении проникнуть в эту клинопись (∂ понималось как, собственно, я, почему именно ∂ — верно, дурак?; m — было Галюней самой — верно, mademoiselle?; выходило же (Лешек + Галя, или Дурак + Мадемуазель), умноженное на , равнялось 0)... Но что это за загадочная ψ?.. Конечно, первое, что в голову приходило: любовь... А потом: может быть, некое будущее? Но и любовь, и будущее отрицались этим круглым 0... Не было у нас любви, не было потому и будущего никакого. Но к чему тогда она задала мне эту странную загадку? Сказала бы просто: пошел ты, Лешек, к чертям!.. Что уж тут было огород городить! Не раз рука тянулась смять эту салфетку и отшвырнуть от себя, но что-то удерживало. Ладно, думал я, пусть полежит до поры, выбросить никогда ведь не поздно. Потому что это мое толкование невозможности — оно вполне дилетантское и убогое, и я это вполне понимал. Тут нужен ведь математик, да непростой, но разумеющий эту клинопись. И не смеши сам себя: «Лешек + Галя...» — вот ведь придумал!.. И я убирал эту салфетку подальше, до времени.

В Кременчуге я чувствовал себя будто в капсуле: я видел окружающий мир, к которому не принадлежал по некоему определению — оставалось еще уяснить для себя, что это было за определение, — ходил в школу, излагал начатки общей русской истории, особенно не вдаваясь в подробности, а тем более не акцентируя внимание школьников на некоторых несообразностях и противоречиях. Присутствовал на педсоветах, но при этом отсутствовал мыслью, витал в бессмысленных облаках, — некая вата, какое-то безразличие заполняли мое существо. Да и потом эти бесконечные мантры о том, что «наша система образования призвана воспитать истинных строителей коммунизма...» — что было там слушать?.. Общение с тетей Касей и дядей Тодосем со временем скукожилось и исчерпалось, с кузенами, Сташеком и Данутой, тоже говорить было не о чем почему-то; с киевскими моими приятелями, даже с Васей Хендриксом или с Петей Гитлером, не говоря уже о Максиме Добровольском или о Винове, множество смысловых нитей и общих интересов имелось, — здесь и музыка, и литература присутствовали, и художественные искания трех Сергеев, наших гиперреалистов-художников, — кременчужане же жили некоей глубинной и сокровенной, непонятной мне жизнью, какая-то непреодолимая местечковая печать лежала на лицах, окружав-

ших меня. Хотя со временем я начал понимать, что все дело было в моей гордыне, польской ли, столичной ли — и сразу не скажешь, — а люди жили, радовались и страдали так, как им было написано на роду, — и кто ты такой, чтобы судить о них со своей колокольни? Сташек никогда не слыхал альбом «Big Sciene» 1982 года великой Laurie Anderson?.. А Дануте нравятся украинские песни Софии Ротару?.. Но что с того?.. Кто ты такой, чтобы осуждать их за это? Или пассажиров троллейбуса №2, идущего с КНПЗ через весь город к речному вокзалу, — за то, что никто из этих затурканных бессмысленной тяжелой работой на крупных заводах и бедностью горожан не читал «Шума и ярости» Уильяма Фолкнера? А сколько книг ты сам не читал?.. Я чувствовал, что начинаю задыхаться от сугубой бессмысленной жизни, от этого нескончаемого, моего собственного, «дня сурка». Следовало каким-то образом «ломать карту», как говорят игроки в преферанс: либо начать злоупотреблять алкоголем со случайными собутыльниками в генделике возле Днепра, глядя на белоснежные «метеоры», уходящие в сторону Киева или, напротив, в сторону Днепропетровска, где, казалось, все было иначе, осмысленнее и по-другому, или завести здесь женщину, или девчонку, закрутить какое-то подобие отношений, любви... Но знакомые противоположного пола только меня раздражали одноклеточностью и примитивностью жизненных интересов, где главенствовали «дача в Потоках, «жигули», шоколад и цветы, Восьмое марта, местечковый комфорт среди пестрых ковров и пыльного хрусталя, отдых в Крыму чи на Кавказе» и что там еще. Пить пиво, водку и «Солнцедар» с кем попало и провожать затуманенным взором «метеоры» на Киев тоже как-то не улыбалось особенно мне. Хотя, честно сказать, пробовал я и то, и другое, но удовлетворения не было. Может быть, в стремлении «сломать карту» я и отправился в Луцк, к призракам прошлого, чтобы проснуться и выпростаться от болотного морока собственной жизни, вырваться из глухого угла, в котором я оказался, чтобы опамятоваться. Мне казалось, что там, на давнем пустыре Доминополя, мне предстоит понять нечто важное, судьбоносное — подземные токи, метафизические колебания атмосферы, невидимые простым глазом отпечатки былого — надо только добраться туда и прислушаться к тишине, отрешившись от всего наносного и мелкого, и погрузиться в то, чего больше нет, но вот оно — было, цвело, жило полной и осмысленной жизнью, — ощутить все это в самом себе... И тогда, вероятно, ты сможешь если не уяснить смысл собственной жизни, то хотя бы увидеть, обрести, как спасение, новые цели и преодолеть себя самого, погружающегося в трясину обыденности и бессмыслицы.

Паша Павловна Верещака, коротко стриженная прекрасноликая украинка средних лет, ладно сложенная, преподавала в нашей пятнадцатой школе не только алгебру, математику и геометрию, но и по совместительству также украинские язык и литературу. Хотя, если рассудить, гуманитарные предметы ей свойственны были по определению. По сути, ей следовало работать в соседней, через забор, пятой украинской школе, наша же, пятнадцатая восьмилетка, была русской, Паша Павловна твердо и принципиально не только преподавала свои предметы исключительно по-украински, но и в быту разговаривала на своем певучем родном языке. 1 сентября, на советские праздники и на линейки она неизменно приходила в расшитых народными узорами блузках, в тяжелых праздничных плахтах, тоже расцвеченных пышными цветами, с кораллами на высокой шее — и только венка с разноцветными лентами на голове ей не хватало. При этом она нисколько не тревожилась о том, кто и что подумает о ней, — такой вот была Паша Павловна Верещака. Язык, на котором она разговаривала, отнюдь не являлся привычным суржиком — смесью украинского и русского языков с вкраплением жаргона одесской Молдаванки, который затопил Восточную и Центральную Украину, но был правильным полтавским наречием, которое легло в основу литературного языка Украины. Меня она называла Олесем и явно благоволила мне, по крайней мере я чувствовал ее дружеское расположение. Со временем я решился показать ей Галюнину формулу: все-таки, несмотря на этнографический украинский колорит, она была математиком и могла мне, весьма вероятно, помочь. Она задумалась, потом сказала, что ей понадобится какое-то время на расшифровку: университет в Днепропетровске она закончила лет пятнадцать назад, многое за ненадобностью позабылось, да и что особенного было в преподавании малолеткам премудростей алгебры-геометрии в школе №15 на жилгородке?.. Через несколько дней, на большой перемене, она сказала мне следующее (воспроизвожу слова Паши Павловны, конечно, по-русски):

— Олесь, $(\partial + m)\,\psi = 0$ — это уравнение Дирака — самое красивое из всех в физике. Оно описывает феномен квантовой запутанности, в котором говорится: «Если две системы взаимодействуют друг с другом в течение определенного периода времени, а затем отделяются друг от друга, мы можем описать их как две разные системы, но они уже существуют как иная уникальная система. То, что происходит с одним, продолжает влиять на другого, даже на расстоянии миль или световых лет». Это и есть квантовая запутанность, или, по-другому, квантовая связь.

Я тупо смотрел на пани Верещаку, мало что понимая. Она, видя мое недоумение, попыталась мне растолковать скрытые смыслы:

— Олесь, иначе скажу: две частицы, которые в какой-то момент были связаны, связаны навсегда. Несмотря на расстояние между ними, даже если они находятся на противоположных концах Вселенной, связь между ними мгновенная...

— Паша Павловна, но какой смысл вложил человек, начертивший мне на салфетке эти таинственные буквы, в квантовое уравнение Дирака?

Паша Павловна с видимым сожалением на меня посмотрела:

— Это была женщина?..

— Да, — сказал я.

— Тогда все очень просто: она так изысканно призналась в любви... Надо же!.. И ты?..

— Да, Паша Павловна, я ничего ведь не понял...

И даже сейчас, в Луцком застенке, я все еще испытывал изумление от слов Паши Павловны Верещаки.

О, если бы я мог хоть что-то изменить!.. Но было поздно. Поздно...

Всегда все поздно...

Оставалось только снова переживать в глубине души это сладостное и одновременно горькое чувство, перелагая на себя сокровенный смысл этой формулы, понимая, что то же самое, обозначенное в этом уравнении Дирака, происходит между мужчиной и женщиной, когда их связывает то, что могут испытать только живые существа, — это и называется любовью...

Где-то я читал, как мать ощущает на расстоянии то, что происходит с ее ребенком; как святые подвижники духом святым проницают физическое пространство и знают, что происходит не только с их сотаинниками на другом краю света, но знают и то, что произойдет в будущем, — но как это возможно между мужчиной и женщиной?.. И в трактовке Галюни?!.. Это было просто невероятно!.. Или пани Верещака ошибается, и все это сущая выдумка?.. Но почему же я до сих пор так часто вспоминаю Галюню, наши прогулки, разговоры, теплую ее руку в моей ладони, арию Пилата в переложении Максима Добровольского, в конце концов, тембр ее голоса — пусть и не осталось в памяти смысла ею произносимого тогда, в дни нашей юности, — но тембр ее голоса до сих пор звучит в моей памяти.

Это было любовью?.. Это осталось любовью?..

И никакая Паша Павловна не сможет помочь и ответить на этот вопрос.

Тем временем ночь все же прошла на жестких нарах во всем этом мысленном винегрете и воспоминаниях о Галюне. Утром красномордый пузан Микитась принес мне кружку жидкого желтого чая и кусок серого хлеба:

— Жри. Потом на допрос!..

Хмара снова, по-русски, задавал вопросы о цели приезда в Луцк и о том, зачем я поперся в Доминополь, которого давно уже нет в этом мире?

— Та дядьку!.. — я все еще пытался аньку валять.

— А как ты, Маршалок, относишься к польскому национализму? — задал Хмара неожиданный вопрос на засыпку.

— Никак. Я хотя и поляк по происхождению, но не знаю и нескольких слов...

— Зато мы знаем, какие книги ты читал, Маршалок, в Исторической библиотеке!..

Конечно, я снова тут вспомнил о том, что говорила когда-то, вечность назад, мне Галюня: какой-то мутный чувак с площади Ленинского комсомола интересовался мною, расспрашивал ее обо мне, что и как, чем дышу и чем интересуюсь, — но не спорить же было мне о том с Хмарой? Да и какое дело ему до моих занятий, до моих интересов?..

— И шо?.. — я все еще пытался сохранить хорошую мину при плохой игре. — Библиотека открыта для всех желающих, то, что я читал и читаю, не запрещенная антисоветская литература, а труды знаменитых дореволюционных историков...

Хмара прервал тут меня:

— А тебе утэто все — зачем нада?..

— Я же историк...

— Знаешь, Маршалок, еще один такой твой заход туда, куда не надо, и историком ты больше не будешь...

— Это почему же? Что я сделал, гражданин следователь?

— Ты не юродствуй, не строй из себя дурачка. Мы тут боремся с украинским национализмом, с бандерами...

— Ну а я тут при чем?..

— При том, что Доминополь и подобные польские села во время войны стали оборотной стороной бандеровщины, — будто не знаешь!..

— Что-то слышал, о чем-то догадывался...

— А об Армии Крайовой ты слышал? Об обороне поточной? И что твои паны дела-

ли с украинцами?.. Как вырезали целые села?.. Читал ты об этом?!..

— Нет, не читал.

— То-то и оно. И не читай!.. В этом и заключается наша работа: никто ничего не должен знать о том, что было здесь, на Волыни, — ни что было с поляками твоими, ни что с нашими украинцами. Все хороши!.. Запомни же, заруби на носу: молчание — золото!.. Попадешься еще здесь у нас, на Волыни, не жалуйся: законопатим тебя в тюрьму, исправим ошибку твоего ротного командира, старшего лейтенанта Логунова. Не додавил он тебя, польскую гниду... Подписуй отут — про неразглашение!.. Микитась! Увести! Хай убирается в свой Кременчуг!..

Глава 29. ЛИКА

Появление на этих страницах и в моей жизни Лики, в девичестве Пашкевич, надо хотя бы пунктирно предварить несколькими словами. Она родилась 26 мая далекого 1965 года на не менее далеком Дальнем Востоке, в семье конкретных и непосредственных строителей коммунизма — в виде заводов, мостов, пароходов, а не таких относительных, как наши кобелякско-кременчугские Яницкие-Язловецкие-Маршалки. Бабушка Лики, всю жизнь утаивавшая секреты своего мощного и разветвленного дальневосточного рода, заглянула в потертую книжечку святцев, изданную в старой орфографии во все еще «белом» в ту пору Владивостоке в 1922 году, и узрела, что 26 мая 1965 года, когда младенец женского пола появился на свет, является днем памяти святой великомученицы Гликерии, — этим старинным именем и нарекли мою благоверную Лику. Понятно, что мама, рьяная коммунистка, изо всех сил сопротивлялась такому старорежимному имени, отцу, начальнику одного из строительно-монтажных управлений, было все это фиолетово. В середине 1970-х годов мама даже пыталась официально Лику «перекрестить» в Анжелу — весьма модное имя в ту пору стало благодаря заключенной в американскую тюрьму чернокожей политической активистки Анжелы Дэвис, по слухам она была «членкиней», как сейчас говорят на Украине, террористической группировки «Черные пантеры», — да к тому же еще и вышла на экраны наших кинотеатров французская лента «Анжелика, маркиза ангелов», — и юные мамы, промыв мозг и глаза, массово начали давать новорожденным девочкам это новомодное имя. Мать Лики к десятилетию дочери вовсе не почитала себя траченной временем и ощущала себя вполне на гребне тогдашней волны и снова пыталась избавиться от старорежимного имени, но престарелая дальневосточница-бабушка со своими родовыми секретами и с камешками с берегов Японского моря, которые она хранила всю свою многотрудную жизнь и которые положили ей в конце концов в домовину, снова не дала матери соответствовать политическому моменту и проявить солидарность с угнетаемыми черными и белыми коммунистами США. В домовину же она унесла и родовые секреты — всю жизнь боялась и трепетала ЧК, ГПУ, НКВД и КГБ и крепко молчала даже о самом незначительном и неважном. О том же, что она прилежно скрывала, я еще расскажу вкратце. Рассекречивание бабушкиных родовых тайн стало со временем делом жизни моей Лики. Она так и осталась Гликерией, по-домашнему Ликой, — бабушка несокрушимой скалой защищала старые святцы времен своей испуганной навсегда молодости, отцу же снова все это было фиолетово: Лика — так Лика, хотя и против Анжелы он ничего не имел против... Ко времени моды на Анжелу Дэвис и Мартина Лютера Кинга советская власть в очередной раз тасовала свою крапленую колоду «незаменимых кадров», которые, по меткому слову усопшего вождя, «решают все», и в 1950-е годы из Уфы в Кобеляки прибыли наши Маршалки-Язловецкие, а в 1970-е из Владивостока — Пашкевичи, без которых ни в Кобелях, ни в Киеве дело не складывалось, по всей вероятности, как должно. Пашкевичи отправлены были без пересадки сразу же в стольный град Киев — строители оказались более востребованными, чем мои инженеры, запятнавшие свои биографии тем, что во время войны подростками оказались на Волыни под немцами: а вдруг их завербовало гестапо или абвер, или как там называлась разведка у Гитлера?.. На одеяльно-войлочной фабрике имени Розочки Люксембургочки можешь еще под приглядом местного особиста работать, да и то еще ответственные товарищи посмотрят, можно ли доверить тебе настройку машин для пошива ватных штанов для советских разведчиков, — а вдруг зашьешь туда тайный микроскопический маячок, и потенциальный противник разведчика в громадных ватных штанах тотчас вычислит и найдет, откопав в сугробе его, — а строитель — он строитель и есть: хай делится секретами мастерства в Киеве, як, ото, у вас во Владике бетон заливают, как арматуру варят, как стыки заделывают, как укрепляют фундамент, — может, новые дома на Печерске крепче будут стоять? И дали Пашкевичам сперва квартиренку на выселках в Дарнице, с замечательным об-

щим видом на Днепр и на древний град, горящий золотом куполов Лавры, раскинувшийся на правом берегу, а со временем, когда отец Лики обзавелся крепкими связями среди ответственных работников ЦК КПУ, переехали они в сталинский дом на Подоле. Там и росла моя Лика до тех пор, пока наконец-то не выросла и не вошла в девичью краткую пору свежести и красоты.

Мы познакомились с ней вскоре после моего бесславного возвращения из Луцка на одном из подпольных поэтических чтений у Максима Добровольского. Чтения эти, разумеется, только с натяжкой можно было назвать подпольными — ребята, которые там собирались, не прятались ни от кого, да и никакой откровенной антисоветчины не было там: читали стихи, Максим удивлял бесконечно своими песнопениями, Винов плел изысканные гирлянды словес и понятий в верлибрах и в эзотерических рассуждениях о методологии Щедровицкого, тогдашнего киевского корифея немарксистких форм мыслетворчества, Володя Диброва читал по-украински свои емкие талантливые рассказы — в начале 90-х годов они самопально, на множительной машине «Эра», бабушке множительных аппаратов «Xerox», были изданы крошечным тиражом под названием «Пісні Бітлз», а в конце тысячелетия переизданы в солидном томе «Вибгане», — тогда же Володя только начинал свою уникальную литературную деятельность. К тем временам Шерстюк и Гетон давно перебрались за славой-признанием в жесткую и неприступную столицу империи СССР, а Игорь Винов, напротив, закончив Литинститут и не сумев зацепиться в Москве, вернулся в Киев обратно, и у наших любезных друзей в связи с отъездом «художников Киевского вокзала» образовался некий психологический и социальный вакуум, — может быть, это и поспособствовало тому действу в квартире Максима на Владимирской, когда те, кто остался жить в Киеве, кто вернулся или просто приехал, как я из Кременчуга, на краткую побывку в город своей студенческой юности, собрались воедино, подспудно воскрешая если не дух, то хотя бы форму той быстро минувшей поры, когда шумел наш Крещатик, когда мы торчали у Шерстюка в мастерской среди живописных акриловых гиперреалистических гангстеров и грудастых девах на полотнах, — тот мир уже больше почему-то не существовал, да и каждый из нас со временем в чем-то стал другим, — но память, память все еще звала назад, в нашу юность. На этих чтениях на Владимирской присутствовали и девчонки с филфака, с восхищением внимающие всему, что тут происходило. Среди них и была моя светлоокая Лика.

Кто способен предугадать будущее? Или умозрительно построить собственную судьбу? Ни к чему не обязывающее знакомство «на флэту» у Максима продолжилось случайной встречей на Львовской площади, посиделкой с чашкой кофе в забегаловке, простецким разговором ни о чем, в процессе которого вдруг выяснилось, что у Лики имеются польские корни и в чем-то мы с ней схожи весьма. И дело даже не в национальном совсем, не в принадлежности к польскому этносу, а в наднациональном, я так бы сказал, в совершенно утраченном, казалось бы, навсегда. Конечно, первым делом мы лишаемся языка, который естественным образом вытесняется языком или же языками, среди которых обитает семья, волею судьбы заброшенная в сугубую даль, как географическую, так и временную. В нашем случае, в Доминополе и в Кобелях, польский язык был вытеснен украинским, а затем русским, в случае с Ликой и ее родом это были языки русский, китайский, корейский и даже японский — польский язык стал прошлым и чуждым и отмер за совершенной ненадобностью: а ведь ее прадед в седьмом поколении Анджей Пашкевич был сослан при Николае I в 1831 году после подавления Варшавского восстания вместе с пятью сыновьями в Уссурийский край, — и бунтовали они, воевали с оружием в руках именно за *свою* Речь Посполитую, утраченную неразумными предками при бабушке Николая Екатерине II, за государственность, за культуру, которая не мыслится вне языка, — но и это все скоро поросло травой неминуемого забвения: надо было выживать, строиться, валить лес, распахивать вековые целинные земли... Позже протосемья моей Лики перебралась в Приморье и снова принимала самое активное участие в хозяйственном освоении края: мужчины основывали поселки и городки, совершали географические открытия, разрабатывали золотые прииски, экспортировали в Японию строевой лес, строили храмы и школы, женщины рожали и растили детей — уже вполне русских детей... До сей поры на топографической карте Приморья можно найти Пашкеевские пади, Пашкеевские пристани, Пашкеевский перевал... Может быть, внуки мятежного Анджея, уроженца Великого княжества Литовского, как можно судить по фамильному прозвищу, еще знали немного по-польски, но затем язык был естественным образом крепко забыт. За ненадобностью... Еще прежде Пашкевичи лишились и образа католической веры, — мне, конечно, трудно судить о том, насколько был укоренен их католицизм, но уже прямой предок Лики, Василий, один из сыновей ссыльного бунтовщика Анджея, был (или стал) православным, носил вполне русское имя и, будучи первопоселенцем крупного села Шкотова, построил там православную церковь, стал крепким крестья-

нином, главой многочисленного рода, прославившегося впоследствии несколькими выдающимися представителями в скором уже 20 веке... Анджей в отчестве сыновей стал Андреем, литвинская фамилия естественным образом переиначилась в русскую, утратив свое окончание, — все стали Пашкеевыми, — но в непростой век 20, когда некоторые из потомков по разным причинам скрывались от НКВД и разъехались по всему СССР, кто-то снова назвался Пашкевичем, а кое-кто попросту прятался под фамильным прозвищем жен. Затесался к ним после победы советов на Дальнем Востоке и прикомандированный из Москвы ушлый чекист, женившийся на одной из старших сестер бабушки Лики. Когда командировка закончилась и практически весь род Пашкеевых был выкорчеван, — может быть, в том и заключалась часть миссии командированного, — чекист, вернувшись в Москву и строя карьеру, проник в военный архив и разыскал там следственное дело родного брата супружницы, колчаковского офицера, который стал первой жертвой гражданской войны на Дальнем Востоке, и просто подчистил фамилию: убиенный красными партизанами в засаде под Шкотово штабс-капитан Василий Пашкеев стал Василием Пашкаевым и больше не являлся отягощающим обстоятельством для служебного продвижения новообретенного родственника. Через много лет именно Лика и обнаружила этот грубый, но весьма эффективный подлог в пожухлых бумагах Московского военного архива в Лефортово. Неутомимый чекист дослужился до генеральских чинов и, выйдя на заслуженный отдых, на подмосковной даче от скуки накропал пухлые мемуары о своей героической жизни и почил в «елее мастите». Его любимый внучек, ставший вполне себе «новым русским», заботливо издал многотомные мемуары деда-героя, нанял чтеца для создания аудиокниги и даже записного драматурга для создания на этом вполне графоманском материале героической пьесы. Я не удивлюсь, если со временем внук проплатит и постановку спектакля в каком-нибудь из центровых московских театров. С теми Пашкеевыми-Пашкевичами, кто остался в живых, семейство чекиста разорвало все связи, да и зачем им нужны были все эти люди из прошлого?

Как бы там ни было, в Киев родители Лики прибыли тоже Пашкевичами, а не Пашкеевыми.

Но Лика всего этого не знала тогда и находилась в преддверии своей жизни, судьбы и любви. Тогда, в середине 1980-х годов, для нее именно любовь со всеми сопутствующими делами была по понятным причинам средоточием интересов. Все приложилось, открылось со временем, когда живой свидетель, который мог бы, если бы захотел, что-то ей рассказать, почил уже вечным сном, сжимая в костлявом старческом кулачке камешки с берега Японского моря. Да и любовь наша потеряла к этому времени прянность и остроту, что и понятно, — и на другое, отдаленное, из позапрошлого века уже, открылись глаза.

Словом, было о чем мне поговорить со светлооким ангелом с Почайнинской. Может быть, подсознательно я снова искал для себя слушателя, каковой прежде была красавица-украинка Галюня Белик, растворившаяся без остатка в киевских улицах. Да и жизнь моя — со времени Луцка и Доминополя — совсем, надо сказать, изменилась: луцкие особисты, принявшие меня на автовокзале в свои дружественные крепкие объятия, направили — через кременчугский отдел КГБ — Борису Максимовичу Задавибатьку, моему замечательному директору, секретные материалы, в которых описывались мои преступления против советской власти на Украине. По представлении этих бумаг Борис Максимович был обязан принять надлежащие меры, — но он не совсем понимал, чего же, собственно, хотят от него ответственные, прежде луцкие и затем кременчугские, товарищи в штатском. Он, будучи щирым украинцем с «говорящей» фамилией, должно быть, вполне понимал, что такое украинский национализм — самостийная Украина, бандеровское подполье, убийство сельских активистов, сумрачные подворотни Львова и Стрыя, тени забытых предков с пистолетами «вальтер» в волосатых ладонях, схроны в лесах, набитые американской тушенкой и националистическими печатными материалами, — но что такое «польский национализм», которым меня припечатали в Луцке Хмара и Микитась и чем озадачились, вероятно, в Кременчуге, и в чем он, собственно, выражается, Борис Максимович не совсем понимал. Все-таки Кременчуг находился в центральной Украине, где польский вопрос однозначно и бесповоротно был решен еще в 17 веке козаками Хмельницкого, а затем в 18-м — гайдамаками Гонты и Железняка:

— Алексей Болеславович, — сказал он мне в кабинете, когда осенью я приступил к своим обязанностям в пятнадцатой школе, — вы шо-та имеете против советов?

— Тю, — сказал я, — ничего не имею. Все нормально.

— Но тут про вас пишут, шо посещал то, шо не надо...

— Что значит «не надо»? Кому-то — не надо, а мне вот — надо как раз... Там, куда я поехал, находилось родное село моих предков. Какой закон я нарушил?..

Борис Максимович замялся:

— Ну, не знаю я... А чого ж вас задержала милиция?

— Не милиция...

— Так то ще хуже, — Борис Максимович чуть ли не перекрестился, — не будем даже поминать всуе!..

— Не будем.

— Так, значит, шо-то не то?..

— Борис Максимович, — сказал я, — во время войны УПА полностью вырезала это село... Мои родители спаслись, убежав в лес...

— О! — воскликнул Борис Максимович. — Так в этом и все дело! В общем, Алексей, будем тебя наблюдать...

— В каком это смысле?..

— Чему ты там наших детей учишь, шо проповедуешь, — нормального человека милиционеры не тронут...

— Я все-таки не понимаю... И те, в Луцке, не стали мне ничего объяснять... Я еще не рассказываю вам, Борис Максимович, что меня физически, так сказать, прессовали, что заперли в одиночку...

Но Задавибатько не дал мне продолжить, замахал руками на меня и лицо его исказилось:

— Жаловаться?!! Та уже за такие слова тебя надо просто выгнать взашей!.. За клевету! За антисоветчину! Хто тебя там?!.. Та как ты смеешь такое произносить под портретами Ленина-Брежнева и Щербицкого?!.. Крамола!..

— Борис Максимович, так в чем же моя вина? — я жалко пытался оправдаться. — Я же совершенно ничего не сделал там: приехал, прошел через лес...

— Прошел через лес, — передразнил он меня. — Ты шо, совсем не понимаешь остроты политического момента?!.. Ты шо дураком прикидываешься?.. За то, шо «прошел через лес», не арестовывают, не допрашивают, не заключают в кутузку и тем более не присылают «телегу» по месту работы! Прошел он!.. — я угрюмо молчал. Задавибатько продолжил: — Если ты не понимаешь, то я тебе объясню, — но учти, в первый и в последний раз. Слушай внимательно и запоминай: националистическое подполье на Западной Украине, куда ты, на свою голову, поперся зачем-то, было разгромлено окончательно и бесповоротно. То, шо они творили, огласке больше не подлежит. Кто погиб, кто свое отсидел и искупил вину в заключении, кто умер — все прошло и забылось. Тот, кто остался и вернулся после заслуженного наказания и перековки, влился в наше общество и в меру сил принимает участие во всех свершениях и победах развитого социализма. Шо там и хто там делал в твоем Доминополе чи де там еще, больше никого не волнует и не интересует. Была война — со всеми вытекающими обстоятельствами, — к тому ж и немцы там были. Может, ото они и дел натворили, — история ж умалчивает об этом. А потом свалили все на Бандеру. Бандеры тоже нема, — на него все можно свалить, не оправдается же мертвяк!.. А ты приперся туда — шо и зачем? — будить то, шо подлежит не только забвению, но и просто отмене, яко не бывшее...

Я нашел в себе силы даже удивиться последней фразе Бориса Максимовича во всем этом местечковом химерном абсурде, — может быть, он был тайным потомком выкорчеванного священнического рода? Или подпольным исповедником истинно-православной церкви, — иначе откуда у него взялось это славянское «*яко не бывшее*»?..

В общем, мое положение в пятнадцатой школе на жилгородке весьма покачнулось, затем зашаталось, и стал я весьма и весьма близок к падению.

Борис Максимович несколько раз приходил в класс на мой урок, сидел на последней парте с переростками-второгодниками, бычился и сопел. Что-то записывал в блокнот. Иногда я замечал, что лицо его наливается кровью, хотя я ничего особенного и не рассказывал школярам: ну, о княжеских междоусобицах эпохи Киевской Руси, о половецких набегах, о печенегах... Как-то раз начал я рассказывать детям о скифских курганах — в присутствии Бориса Максимовича, — но он неожиданно своей властью урок прекратил: что-то его напрягло. Дети с радостью отправились бегать на школьной спортплощадке, а я отправился с ним в его кабинет.

— Алексей Болеславович, — сказал он, — вынужден сказать вам, шо вы не дуже компетентны...

— Борис Максимович, помилуйте ради Бога, в чем дело?..

— Шо вы ото про скифов рассказывали?

— Не понял...

— Де документы про них? Де следы?

— Борис Максимович, курганы — следы, половецкие бабы, что до недавнего времени стояли в степях, тоже следы, Геродот...

— Ты, Алексей, отем Геродотом не прикрывайся!.. А половецкие бабы — они ж половецкие, а не скифские! Шо, ты не знав?!.. Де марксистско-ленинские источники? Шо говорил Маркс и Энгельс за отех твоих скифов? Хто их видел? Хто подтвердит?..

И хто такой Геродот?.. Он шо, авторитет?.. И потом: наши ученики — дети работников автозавода, они со временем, как и отцы-матери, встанут за станки и верстаты, будут ремонтировать штампы в БИХе у Мегелика, старшего мастера в прессовом цехе, ковать металл и производить большегрузные автомобили для развивающихся в Африке стран, заменят отцов и старших братьев своих у цехах, — на шо им оте скифы твои?..

Я не стал спорить с Борисом Максимовичем. В общем, пришла пора мне менять свою жизнь.

Надо было как-то и чем-то отвлечься. Поехать в Кобеляки и напугать родителей своими проблемами? Рассказать что-то в общих чертах тете Касе и дяде Тодосю?.. Некуда было мне вырваться из удушающего мирка этого травоядного приднепровского города, — разве что в Киев, на милый сердцу Крещатик, — да только кто там остался еще? Кто продолжает клешами подметать там брусчатку? Все разъехались, подобно Шерстюку и Гетону, или сменили легкомысленную рваную джинсу на деловой костюм партократа или душителя вольного слова в издательстве «Всесвит», а кто-то, вероятно, и умер от передозировки «биомицином»... Но все же остался Максим где-то там, может быть, и еще кто-то в Киеве задержался, — и я, сказавшись больным перед Задавибатьком, запасся справкой из больницы №3 в начале Чередников, на горе, и сел на рейсовый автобус до Киева. И как оказалось, совсем не напрасно.

Но всего этого я вовсе не рассказывал Лике в кофейне на Львовской площади. Ни о Луцке, ни о Борисе Максимовиче, ни о надоедливом польском жале в плоти.

Главные мои рассказы были еще впереди, только Лика не знала об этом.

Глава 30. ВСТРЕЧА С КАССАНДРОЙ

Перед зимними каникулами 1985 года Борис Максимович Задавибатько поставил «руба», как говорится на Украине, вопрос о моем нравственном облике и о вопиющей профнепригодности. Хотя, как по мне, он просто предусмотрительно перестраховывался перед власть предержащими в Кременчуге. Ну а что еще он мог сделать, по сути?.. Было выдвинуто и условие: или мы тебя увольняем с «волчьим билетом», или ты сам по-хорошему пишешь заявление об уходе...

Деваться некуда было, и я поплыл по течению, с робкой надеждой, что куда-нибудь меня все же прибьет, что Господь не оставит, не даст мне пропасть. Помыкавшись в Кременчуге без особой надежды по другим школам и всюду отлуп получив — в Полтавском гороно чиновники ведали о моей неблагонадежности и подозрительности, и даже полька, методист Кристина Есиповская, знаемая дяди Тодося, от меня отступила, — я отправился туда, куда вели все дороги-пути с разных концов Украины: в столицу.

Там, в человеческом муравейнике, легче было мне затеряться и «прикинуться шлангом». По крайней мере мне так казалось. Зашел в одну школу, в другую и в третью, предлагая свои услуги и показывая университетский диплом, и директора вроде бы не против были меня взять на работу — по всей вероятности, методичка о моем предполагаемом национализме еще не добралась сюда, но возникла затыка рода иного: в те годы все столицы империи были на особом режиме жительства и работы, и для того, чтобы преподавать в школе, работать в министерстве или в каком-либо НИИ, требовалась обязательная местная прописка. Да и с улицы невозможно было попасть на стоящую работу — в силе были протекция, родство и кумовство, крепко замешанные на бодрящем коммунизме украинского разлива, от которого на лоб вылезали глаза, и врожденная куркульская недоверчивость вчерашних хлопцев-селян, вышедших «в люди» по случаю или по невероятному стечению обстоятельств. Иногородние и социальные ничтожества, подобные мне, принимались только на вредные и тяжелые производства, где киевляне брезговали трудиться, либо на неквалифицированную работу дворников, грузчиков и т.д. Это я еще умалчиваю о наличии «волчьего билета», который неспешно ждал своего часа в столе кременчугского особиста и который отправился следом за мной, как только я зацепился своим коготком в паспортном столе на Подоле, у Лики. Прописан же я был в Кременчуге, в общаге автозавода, вполне себе временно. Выбыв из пятнадцатой школы, я терял свое право как на койкоместо, так и на социальное положение, я становился в какой-то мере изгоем, меня автоматически должны были выписать, — вполне вероятно, что и выписали уже, но в паспорте все еще красовался штамп об устаревшей прописке, за которым была сущая пустота.

Как бездомовного, меня на какое-то время приютили Добровольские, Максим и его мать, колымская послевоенная зэчка. Но я не мог бесконечно злоупотреблять гостеприимством Добровольских, уходил рано утром, таскался по улицам, забредал в Историческую библиотеку, снова перебирал книги, уже читанные мной в студенче-

ской юности. На формулярах я видел фамилию последнего читателя их — это был я сам. Прошло несколько лет, и эти книги никому не понадобились... Ходил по ЖЭКам, заходил в школы, разгружал фуры с фруктами на Бессарабке, проживал последние деньги в недорогих замызганных кафетериях в пролетарских районах и рыскал в поисках какой угодно подработки.

Так странно, но только вернувшись в Киев, я осознал, насколько я, сам того не заметив, морально и нравственно опустился за недолгую свою жизнь в Кременчуге. Как-то замерла душа во мне, померкли острые, в былом иногда совершенно невыносимые чувства, ощущения, переживания собственной сопричастности — генетической или метафизической — к тому, что я прежде читал в этих книгах. Я задумался: что же это такое? Что же произошло со мной со времени окончания университета? Подкрадывающееся старение? Опытность, нивелирующая порывы юности, сводящая на нет кажущуюся особость твою? Ведь больше не приходят в голову безумные мысли о преобразовании, преображении зыбкого киселя окружающего тебя мира, — а ведь в Кобеляках, в начале 1970-х годов, когда я только начинал свои штудии с тонкой исторической книжки, напечатанной к 400-летию Кременчуга, все было совсем по-другому... И я мечтал... Грезил... Но о чем? О несбыточном. Странно и даже смешно о том говорить ныне: я хотел переосмыслить давно прошедшие годы и дни, отгремевшие великие и роковые события, примирить — хотя бы в собственном сердце — наши народы — поляков, русских и малороссов — ведь не случайно, но вполне промыслительно миллионы поляков после всех перипетий, войн и восстаний 17-го, 18-го и 19-го столетий были выплеснуты на бескрайние просторы Российской империи, слабой волной докатившись до Дальнего Востока, до каторги на острове Сахалине, утратили образ веры, забыли язык, стали русскими, — но все-таки, все-таки! — не совсем...

— Ну да, — сказал мне Максим в одном из таких вечерних разговоров за чашкой чая, — если мы верим словам Христа о том, что все волосы на голове человека сочтены и ни один не упадет с нее без воли Его, — значит, все правильно?..

— «Верую, Господи, помоги моему неверию!» В этой дилемме, как птица в клетке, трепещет и бьется человек, «пленный дух», по слову Цветаевой...

— Шире: все человечество... — уточнил Максим. — И все же...

— Значит, правы те польские плакальщики 19-го столетия вроде Юзефа Вроньского и Веспасиана Коховского (в гражданских псалмах Псалмодии польской), которые провозглашали погибшее по вине отцов и дедов великое государство «жертвой Христу». Отсюда мессианское предназначение польского Града Китежа и Польши как «оплота христианства, убежища свободы и житницы Европы»...

Но все эти разговоры были вполне спорадическими, слабыми отзвуками моих былых увлечений, — а ведь вроде бы не так много прошло времени со дней моих лихорадочных штудий в Исторической библиотеке. Почему же? — задавал себе я вопрос. И первое, что приходило на ум, это мое луцкое приключение после возвращения из Доминополя, — словно тень крыла ангела смерти коснулась меня в одиночке госбезопасности. Было ли это страхом, или инфернальным ужасом неким, или чем-то подобным еще, я затруднялся с ответом. Ведь умели же особисты страху нагнать на неразумных птичек, запутавшихся в их силках, — за десятилетия тайной власти своей над душами и телами подневольного люда, чаявшего движения воды и Учредительного собрания, эти ребята хорошо овладели методиками устрашения и принуждения.

В Киеве я исподволь понял, что стал другим человеком. И в том, что читал в этих пустых своих днях, что слабо пытался осмыслить и вплести в умозрительную ткань некоего исторического полотна, созидаемого мной неизвестно для каких целей, я чувствовал только инерцию прежних порывов своих, угасание интереса. Душа моя выхолащивалась, нечто в ней (фибры?) нивелировалось и упрощалось, из мути глубин ее поднималась усталость, замешенная на общем разочаровании. Были потеряны смыслы, — но разве были они?.. Конечно, проще всего причины того, что происходило со мной, было бы искать и найти в том, что случилось в Луцке и продолжилось в Кременчуге. Уже на поляне, где некогда существовал исчезнувший Доминополь, я подспудно и неощутимо начал изменяться, словно метафизическая инфернальная жуть этого места, никуда не девавшаяся со времени окончания войны, проникала в меня, в сочленения моего тела, в ток и голос крови моей, в самое душу. Это было подобно некоей радиации, как позже прояснил нам Чернобыль природу ее, — невозможно было увидеть и ощутить, у нее не было запаха и какого-то физического воплощения, и только специальные устройства способны были считать размеры ее, смертельную опасность для всего живого, к чему она прикасалась и куда она проникала. Да и что знали мы, тогдашние советские обыватели, о радиации: разве что затухающее эхо с газетных страниц о какой-то там Хиросиме... Только Чернобыль нас просветил — и

умозрительно, и насквозь. Зримым же результатом, после Домонополя, было мое задержание на Луцком автовокзале и то, что за этим последовало, вплоть до увольнения из школы на жилгородке, — и вот теперь Киев... И угасающие надежды на то, что можно вступить в одну реку дважды, что можно вернуться в то, что давно прошло и завершилось, воскресить былой Крещатик, вернуть в свою жизнь тех людей, от которых и имен не осталось... Они разошлись, разлетелись в разные стороны и исчезли в трясине текучего времени, их больше нет. Да и живы ли они вообще-то? Петя Гитлер, Вася Хендрикс, Люська Ушакова, моя прекрасноликая Галюня Белик — где вы и что с вами?.. Нечто теплилось в душе у меня, миражами возникали зыбкие надежды невесть на что и тут же рассыпались горстью битого мелкого хрусталя, рассеивались, как утренний туман, когда над степями за Ворсклой встает неустанное солнце. Под ногами серел асфальт древнего Киева, и я был совершенно один. Сознание, память независимо от моей воли старались восстановить, воскресить миражи давно прошедших времен, окрасить их золотой пыльцой безоблачного и бесконфликтного воспоминания, закрепить контуры и очертания их, — но речь здесь отнюдь не шла об истории Польши и Речи Посполитой, но о моих собственных прошедших деньках студенческой жизни, — но и параллельно, если отвлечься от моей временной скорби, мне становились понятны глубинные причины мифологизации польской истории приходящими новыми поколениями. Мальчишки, родившиеся в дворянских семьях польских знатных родов во время Северной войны, во времена королей Августа Сильного и Станислава Лещинского, вряд ли знали подробности о кровавых делах своих дедов несчастной эпохи Хмельницкого или, скажем, во время Московской 13-летней войны. Напротив, события Шведского Потопа, малороссийской Руины, подвигов короля Яна Собеского были окутаны флером романтики, круто замешанным на польском патриотизме, на ущемленной гордыне, подогреваемой преданиями об утраченном «золотом яблоке» Южной Руси-Украины. Ведь утрата «золотого яблока» на протяжении веков была открытой раной польского национального духа, но мало кто, а точнее сказать, похоже, никто, не дал себе труда размыслить о глубинных причинах того, что произошло в 1648-1654 годах... Но события следующего, 18-го столетия, рокового для Речи Посполитой, затмили предшествующее...

Может быть, не только бездомовность и луцкий испуг стали предтечей моего нынешнего душевного кризиса в Киеве, но и то, что я все ближе и ближе приближался в своих штудиях и размышлениях к роковому пределу государственности и самого территориального существования Речи Посполитой, когда все провалилось в тартарары, и утрата Южной Руси-Украины показалась даже чем-то совсем незначительным в контексте того, что произошло с какой-то роковой, страшной неотвратимостью, — и в этом подспудном страхе своем, который леденил мою душу, я будто бы пытался незнанием собственным предотвратить то, что давным-давно случилось и произошло, а именно исчезновение Речи Посполитой, государства литвы, поляков и русских, с политической карты тогдашней Европы. Да, вероятно, я был подобен страусу, прячущему голову в песок при опасности, — но при этом я ничего не мог поделать с собой, — и мне казалось, что если я не буду думать о том, что произошло в результате знаменитых и страшных разделов в конце 18-го столетия, то ничего и не произойдет...

Но ведь это уже произошло...

Но хотелось — не ведать. Не знать...

Из бездны, в которой я оказался по независящим от меня причинам (так мне по крайней мере казалось), меня спасла Лика, юная, открытая любви и близкому будущему девочка, вскоре ставшая моей женой.

Сказать, что я женился на ней от бытовой безысходности, было бы неправильно и неточно, — никакого подспудного расчета здесь не было вовсе, но, можно сказать, все как-то случайно и счастливо совпало, — хотя слово «счастливо» здесь неуместно. Ведь речь идет о моем глубочайшем падении в инфернальную бездну, сутью которой были уныние, отчаяние и безысходность, слегка припорошенные извечной моей бездомовностью и ощущением собственного ничтожества. Ну а как было бы мне к самому себе относиться, если даже из школы меня выперли из-за «профнепригодности»?.. Какие-то черные стены со всех сторон придвигались ко мне, — и я даже начинал отчасти понимать самоубийц, их ледяное и безысходное отчаяние. Но, вероятно, надо опуститься на самое дно преисподней, чтобы Господь извлек оттуда тебя, когда уже не остается надежды. Тут я вспоминал сюжет воскресной, Пасхальной православной иконы «Сошествие во ад», на которой Спаситель выводит из отверстой темной пещеры грешников, которые там пребывали до времени исполнения великих библейских пророчеств. Так и я был спасен, выведен из своей внутренней тьмы, прежде почитавшейся светом, и рукой Господней, оружием ее и обетованием стала Лика Пашкевич, о том даже не подозревавшая. Так уж совпало: мои скорбь, оставленность и опустошение и ее девичья пора, готовность к любви, к материнству, ко взрослой

жизни, исполненной различными смыслами и великими обетованиями.

И не было во всем этом ничего сверхъестественного, запоминающегося, потрясающего воображение. Не осталась даже в памяти — как в моей, так и в Ликиной — дата нашего первого поцелуя, когда мы брели по заснеженному парку Вечной славы, спускаясь от стен Лавры к Почайнинской, где все главное случилось, или по определению произошло.

Стоял сырой март 1985 года. Порывы ветра с Днепра. Мокрые тяжелые снежные хлопья на наших лицах. Моя усталость и рядом ликование Лики:

— Лешек, — сказала она, — не печалься. Если мы будем вместе с тобой, все изменится. Я знаю.

— Ты пророчица?

— Да, я Кассандра...

— Но ее пророчествам не верил никто, и когда сбывались они, уже было поздно что-либо изменить...

— Вот потому тебе и надо прислушаться, и поверить. Просто поверить, взламывая кокон неверия, на который была обречена Кассандра Гомера.

— Переписать миф, преодолеть инерцию тока истории?

— Да. Ты же историк. Это поле твое... Ну, а я...

— Ну, а ты?..

Она отперла входную дверь в квартиру, которая на десятилетия стала нашим общим домом.

Глава 31. ГИБЕЛЬНЫЙ ВЕК

Закончив с Северной войной, со смертью от меткой пули Карла XII на поле боя под крепостью Фредерикстен в Норвегии, с исчезновением с лика земли невесть где и куда Ивана Мазепы и кончиной самого императора Петра, душа моя и мой разум застыли перед блистательным, неотвратимым и злосчастным для Речи Посполитой 18 веком. Да и внешние, современные нам, события и дела вокруг Украины тревожили и не давали искомого покоя для осмысления государственного краха, его причин, как самой Речи Посполитой, так нашей почти суверенной державы: глубокая вовлеченность во весь этот хаос, исторический и современный, парализовала волю, расслаивала и без того слабую, немощную мысль мою, и я только мог поражаться цельности и бескомпромиссности столпов прошлого — Соловьева и Костомарова, работы которых я и штудировал в эту глухую и беспросветную пору своего отчаяния. Из другого теста были прежние люди исторического познания.

Даже Лика, смирившаяся с тем, что мы никуда из Киева в беженство не уходим, не могла ничем мне помочь, но спасалась по-своему, по-женски вполне — удаленно работала с дальневосточными архивами, писала небольшие рассказцы о своих славных предках и мечтала издать их книжечкой — по-русски, по-украински или по-польски — даже затрудняюсь сказать, — и для кого?.. В сегодняшней химерной реальности, которая больше походит на страшный сон, который все длится и длится, и ты не в силах разорвать эти смысловые галлюцинации, вопрос этот вполне на засыпку, — и есть ли ответ?.. Вообще, со всей непреложностью встает более обширный вопрос: что есть самоё историческое знание? Чему вообще учит история?.. И учит ли?.. Несмотря на кажущуюся простоту этих вопросов, ответить на них практически невозможно. В этом контексте я припомнил свой давний разговор с главным редактором одного из последних русоязычных журналов на Украине, — я принес ему небольшую статейку о княжеском роде Острожских, которая в конце концов так и не была опубликована. В разговоре за чашкой чая он помянул человека, работягу или мелкого служащего, не помню, одной из киевских контор: он, мол, зачем-то прочел весь корпус соловьевской «Истории России с древнейших времен» — и что?.. И рассмеялся. Действительно — *что*?.. Куда было пристроить в собственном сознании приобретенное знание? Как и куда его употребить? Чем Соловьев и его немыслимый труд мог помочь этому несчастному человеку что-то понять, в чем-то разобраться, как-то применить в своей жизни это, вполне себе, по сути, суетное и ненужное, знание?.. Громадное, немыслимое, неподъемное...

Но что из этого следует? Если весьма просвещенный редактор, закончивший в свое время вместе с Виновым Литературный институт в Москве, иронизирует над чудаком, который по непонятным причинам взял на себя неимоверный труд прочтения исторического свода Соловьева, то колом встает закономерный вопрос: а для чего вообще Сергей Михайлович всю жизнь создавал этот немыслимый свод? Отказывал во всем себе, утруждал глаза и разум разбором древних нечитаемых актов, дышал пылью

отечественных и зарубежных архивов, выстраивал разветвленную концепцию каждого из 29 томов?.. И не только ведь «Истории России с древнейших времен», но и других его исторических разысканий. Он умер в 58 лет, а ведь для сегодняшнего дня это вовсе не возраст. Его сын Всеволод написал: «Еще три месяца... крепкий организм боролся со смертью. Мысль, остававшаяся ясной, продолжала работать; ослабевшая рука до последних дней писала...»

Давайте же и мы посмеемся вместе с редактором этого уже прихлопнутого нашей демократической властью журнальчика над *читателем* «Истории» этой и косвенно — над самим *автором* ее. На что истратил он свою драгоценную жизнь? Пил бы вино, любил бы ветреных кокоток тогдашнего полусвета, шлепал бы в карты с помещиками из соседних усадеб — все равно ведь «смерть неизбежна», как писано в учебнике русской грамматики П. Смирновского... А он занимался историей, старый чудак!.. Да и как — занимался!.. Жизнь свою, единственную, положил, так сказать, на алтарь!..

Сюда же можно подверстать все что угодно и кого угодно, кроме разве что редких графоманов-счастливцев, которые пекут детективы, бульварные или женские романы и продают их миллионными тиражами, или советских членов Союза писателей, щедро проплаченных из бездонных денежных фондов сгинувшего без следа государства крестьян и рабочих. Все остальное же — по всей видимости — просто потеряло всякий разумный смысл, стало *личным делом* частного человека или чистым искусством.

Вот чем, например, занимаюсь я ныне? Воскрешением того, что давным-давно кануло в Лету? Исчислением ошибок, неправд давно прошедшей эпохи Первой Речи Посполитой? Зачем? Для чего? И для кого? Ведь время, в котором живем, нынешнее крушение иллюзорного мира независимой Украины отнюдь не способствует тому, что я делаю, что раскапываю из-под завалов истории.

И все-таки — следует жить дальше. Не теряя последней надежды. Ведь пережили же мы, молодые ребята с Крещатика, свинцовый, удушливый и смертоносный местечковый украинский коммунизм, — писали стихи, пели песни, рисовали картины, сочиняли для себя и для друзей невероятные книги, зная, что никогда и никто этого не увидит и не прочтет, — знали, но все-таки имели надежду... Но у нас было в то время преимущество молодости и безоглядности, круто замешенное на стихийном нонконформизме: я, например, после бесславного возвращения из Кременчуга и водворения приживалом на Подоле в квартире Пашкевичей, работал уборщиком станции метро «Арсенальная», — ни в одну из киевских школ меня так и не взяли работать из-за поездки в Доминополь, уничтоженный бандеровцами из Украинской повстанческой армии во время войны. И Лика, и ее родители с этим смирились: в семье, как говорится, не без урода... Как-то терпели меня, и легче всего было это объяснить какой-то любовью: Лики — ко мне, родителей — к Лике и к ее выбору спутника жизни. Такая выпала карта всем нам, ничего не поделаешь. Драишь ночью полы в гулко спящем метро, засыпаешь опилками миллионы следов прошедшего дня, сгоняешь в заводь серую, мутную грязь и затем собираешь в тяжелые полиэтиленовые мешки — флаг тебе в руки, работай! И что есть в тебе, к чему влечет тебя подсознательный ток твоего сокровенного, истинного бытия или метафизическая формула твоей крови, окружающим вполне безразлично. Ты — дурак, неудачник, и ты сам себе выбрал образ жизни. И вот нежданно-негаданно наш коммунистический колосс на глиняных ногах развалился от легкого тычка в бок дураковатым хитрованом с родимым пятном на лысой башке, пробравшимся на верхотуру тогдашней власти, и тот, кто не успел умереть молодым от портвейна и водки, все-таки чего-то дождался: вышли книги Дибровы и Винова, полотна «художников Киевского вокзала» стали экспонироваться как в России, так и на Украине, все чаще попадая в частные коллекции за рубежом; вышла из подполья разная музыка. Но как-то все это ненадолго: приоткрывшаяся было щель тут же захлопнулась, миллионные тиражи перестроечных «толстых» журналов быстро скукожились, высокая литература — Газданов, Набоков и прочие блистательные эмигранты, выпущенные из кагэбэшных чугунных спецхранов столичных библиотек, заменилась либо низкопробной эзотерикой, либо макулатурой эротического пошиба вроде «Полевых исследований украинского секса», музыка — «поющими трусами» разных цветов и мастей; живопись — жалким подобием авангарда 1920-х годов или портретами денежных мешков и бандюганов из 90-х в стиле одного московского прихлебателя. Продаваемость, коммерческая составляющая продукта по жестокости и неотвратимости превзошла коммунистическую цензуру многократно. И для того, чтобы «прославиться», надо было либо приколотить собственную мошонку к брусчатке на Красной площади, выдав это за сверхоригинальный художественный акт, или подговорить еврейского дядю в Нью-Йорке, чтобы тот из кармана в карман переложил свои 200 тысяч долларов за твою мазню на западном престижном аукционе, якобы «покупая», — и все газеты изумились такому невероятному гешефту, и о тебе взахлеб написали: как это так?!! Мы проглядели такой невероятный талант! — а вышедшие из анабиоза опозоренные

искусствоведы принялись наперегонки разгадывать невероятные кроссворды твоих вполне бездарных картин... А когда разобрались и все же разглядели наглый подлог, поздно было уже что-то исправить и «пить боржоми» — у чувака уже появилось громкое имя...

Максим Добровольский, тонкий лирик, глубокий своеобразный философ, многие годы проработал редактором эзотерического издательства «София», готовил к публикации Карлоса Кастанеду и еще множество специфических книг по йоге и медитации, — издательство подняло невероятные для 1990-х годов прибыли, Максиму платили немного, но зато нежданно премировали поездкой в Великобританию и во Францию. В начале 2000-х издательский пузырь этот лопнул, и он оказался просто на улице. Виноватых, как водится, нет... В следующий раз во Францию он попал уже беженцем от войны...

И все-таки — надо не только жить-выживать в этом мире, но и тянуть лямку своего исторического повествования. Потому что прежде всего этот труд нужен самому мне, чтобы не распасться на куски. Бери, Лешек, говорил я себе в минуты отчаяния, пример с Лики: вот как Господь биологически и психологически сохраняет женщину ради будущих и сущих детей — привычный мир уже давно перестал существовать, а Лика пишет исследование о своих дальневосточниках, ссыльных поляках Пашкевичах, так ни разу и не побывав на Дальнем Востоке... «Собаки лают, а караван должен идти...» Или в слабом утешении снова помянуть супружницу неистового протопопа: *«Доколе?» — и я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петровичь, ино еще побредем»*.

Побредем же и мы...

Итак, закрыв соловьевскую «Историю падения Польши» и вкупе с ней костомаровский свод «Старый спор. Последние годы Речи Посполитой», приступаю к самым печальным главам своего повествования.

Как тут не вспомнить нашего замечательного Владимира Ивановича Мартынова, композитора и философа, и его емкую формулу, касающуюся метафизики понимания феномена истории?

«Существуют две концепции истории, или две исторические парадигмы. Согласно первой концепции, история представляет собой поступательный процесс структурного усложнения, неуклонного накопления знаний, опыта, совершенствования социальных институтов, самого человека и его возможностей. Согласно другой концепции, история представляет собой процесс выстывания бытия, партикуляризации и утраты целостности, космической и антропологической деградации, а также угасания всех жизненных сил».

Конечно, речь может идти только о второй концепции, об антропологической деградации и угасании государственных и творческих сил польского общества. К сожалению, — говорю я теперь, до хруста сцепив зубы... И вся картина 18-го столетия немо о том вопиет.

В моем повествовании неоднократно прорывались слова и стенания о том, что постигло Речь Посполитую в конце этого злосчастного века, и вот теперь мне предстоит в меру спокойно и отстраненно рассказывать о том, что произошло.

— Отстраненно? — Лика тут удивилась весьма.

Это не так просто, как кажется. Польский шляхтич в 18 веке кардинально отличался от своего деда и прадеда. Как и мы ныне отличаемся от «пилсудчиков» 1920-30-х годов минувшего века. В далеком прошлом осталась отвага, победы, завоевания; Хотинский Лев Ян Собеский оказался последним великим королем Речи Посполитой, — те, кто пришел на смену ему — Август II Сильный, Станислав Лещинский, Август III, Станислав Понятовский, эти померкшие «звезды» 18-го столетия — неуклонно влекли свое государство только к гибели.

Но разве ничто не предвещало беды? Как бы не так! Ключевский, касаясь событий Шведского Потопа, поставившего Речь Посполитую в совершенно отчаянное положение, упоминает о том, что уже шведский король Карл X Густав на определенном этапе даже рассматривал возможность раздела польских земель между Швецией, Бранденбургом, Трансильванией и черкасами (козаками): 1655 год стал точкой отсчета этой фантастической идеи. Но еще более удивительного в том, что гибель Речи Посполитой была предсказана с поразительной точностью за целый век до того, как все это свершилось: самый малоудачный король Ян-Казимир II, младший брат почившего Владислава IV, стал последним представителем шведской династии Ваза на польском престоле. На его долю выпали тяжелые, немыслимые испытания: Хмельниччина, Шведский Потоп и затяжная война с Московией за обладание Левобережной Украиной; потеря не только Южной Руси-Украины, но и значительного фрагмента Великого княжества Литовского; роковое тотальное разделение польского общества во время Потопа, в результате чего ариане, поддержавшие шведов в военной экспансии, по специальному

эдикту, принятому не без деятельного участия иезуитов, под страхом смертной казни были изгнаны из пределов Речи Посполитой. Сам король совершил неудачный военный поход в Заднепровье, был разбит под Глуховом и едва не попал в плен к московитам... Самым успешным итогом похода было водворение в русских землях молодого Ивана Мазепы, — но этот успех можно было оценить только несколько десятилетий спустя. Да и стал ли, по сути, успехом переход Мазепы к Карлу XII?..

Да, совсем не таким представлялось Яну-Казимиру пребывание на роковом престоле Речи Посполитой...

Он отрекся от престола 16 сентября 1668 года. В прощальной речи на сейме он произнес следующее:

«Надобно опасаться, что наша Речь Посполитая сделается добычею соседей. Москвитяне захотят взять себе все Великое Литовское княжество, все земли по Бугу и Нареву, а может быть, и по самую Вислу. Бранденбуржец замыслит приобрести Великую Польшу и другие пограничные воеводства. Дом австрийский покусится на Краков и на прилежащие к нему воеводства...»

Что это было? Кто вещал устами несчастного короля?.. Какова была природа этого потрясающего пророчества?.. Ответа, как водится, нет никакого. Но через век все доточно сбылось.

Ян-Казимир уехал доживать свои дни во Францию. Несмотря на то что он, как и его отец Сигизмунд III Ваза, был этническим шведом, он все же был горячим патриотом Речи Посполитой — ну да, не по силам было Яну-Казимиру совладать с исторической и военной катастрофой, выпавшей на его долю, ну что тут поделаешь? Время Хотинского Льва, великого Яна Собеского, еще не пришло. Когда до аббатства во Франции, где он коротал свои последние годы, докатилась весть о том, что под ударами турок пал Каменец-Подольский, у Яна-Казимира случился инсульт, от которого он и скончался. Это произошло в 1672 году.

— Такое своеобычное косвенное подтверждение горячего патриотизма бывшего короля... — не преминула прокомментировать это Лика.

Бытует — по известным русофобским причинам — общее мнение, что виновницей злосчастных разделов Речи Посполитой была ненасытная имперская Россия: двуглавый византийский орел только и ждал удобного случая, чтобы безжалостно растерзать польского Белого орла, когда тот окончательно ослабел, облез и больше не в состоянии был взлететь под облака. На деле же все было несколько по-другому.

Роль «брандербужца», предреченного королем Яном-Казимиром, пытался не совсем удачно сыграть Август II Сильный, Саксонский курфюрст, и с 1697 года, с перерывом на Станислава Лещинского, король Речи Посполитой. После Полтавской виктории Петр I помог ему снова взойти на польский престол, сместив Лещинского, креатуру Карла XII, — понятно, что Петр прекрасно был осведомлен о шатости Августа Сильного, о его политической ненадежности, о его тайных переговорах с противниками России, направленных против России, но у Петра просто не было выбора. Как говорил Франклин Рузвельт уже в середине 20-го века о диктаторе Никарагуа: «Сомоса, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын». То же самое мог сказать и Петр в отношении Августа Сильного.

Еще в 1710 году прусский король Фридрих I, предсказанный 50 лет назад Яном-Казимиром «брандербуржец», предложил Августу раздел польских провинций: по его смелому и вполне себе отважному плану предполагалось отдать Петру Ливонию, сам Фридрих забирал себе Пруссию и Жмудь, Августу, на то время королю Речи Посполитой, милостиво доставалась то, что оставалось от Польши — с правом наследственного владения, подобному тому, которое он уже имел в Саксонии, то есть обрубок земель, милостиво оставленный Фридрихом, попросту поглощался Саксонией. Этот проект весьма нравился Августу Сильному, — и в этом, увы, заключалось его истинное отношение к Речи Посполитой, как к вполне себе расходному материалу. Одно дело быть *избранным* пожизненно или как там получится королем Речи Посполитой, и совсем другое владеть частью ее *наследственно* как неотчуждаемой собственностью. То есть общественное достояние превращалось в частную собственность. Конечно, Августу хотелось именно этого. Да, уже тогда, в 1710 году, Речь Посполитая была обречена на неминуемое расчленение и исчезновение, — если бы этому проекту, косвенно дошедшему до сведения российского императора, не помешал сам Петр. Как предполагает Николай Костомаров, Петр просто не захотел делить Речь Посполитую с немцами — ввиду того что она, следуя в фарватере российской политики, рано или поздно должна была и так подпасть под его власть. Но я все-таки думаю, что это весьма смелое допущение уважаемого историка.

В 1732 году, за год до своей смерти, Август все еще не оставлял своей назойливой идеи присоединить польские земли к Саксонии:

«Он сам предлагал уступку польских областей соседям за то, чтобы получить

остальное в наследственное владение. Август обратился с этим к прусскому королю, так как знал, что этот король скорее, чем всякий другой, увидит в этом предложении свою пользу. Он отдавал прусскому королю Курляндию, польскую Пруссию и часть Великой Польши и совещался, какими бы способами ублажить Россию и Австрию. Австрии предполагалось дать староство Списское и еще прибавить кое-что, если она не будет довольна; России же предполагалось отдать часть Литвы, но без Вильны. Король Фридрих-Вильгельм давал советы, как принудить Россию к бездействию, в случае если она ни за что не согласится на предложенную, по договору, часть; он указывал для этого на соглашение с Турцией, которую можно было, в случае надобности, напустить на Россию и отвлечь от Польши. Но эти соображения не обратились тогда в дело», — сообщает Н. Костомаров в своем монументальном историческом розыске о последних годах Речи Посполитой.

Такова была тогдашняя политика, безжалостная и беспощадная. Речь Посполитая задолго до знаменитых разделов обрекалась на уничтожение, причем самими польскими королями!.. Ведало ли о том польское общество? Вопрос открытый и непростой, на который нет никакого ответа. Даже если кто-то и знал о неких поползновениях королей, то ничего поделать не мог. «На то они и короли!», так сказать.

— Да нет, — уточнила многомудрая Лика, — у шляхты осталось их любимое «не позволям!», которым она могла заблокировать все на свете...

— Я еще расскажу, как с этим «liberum veto» разобрались во время «славной Конституции 3 мая» 1791 года...

Поэтому те роковые события, произошедшие в три приема в 1772, 1793 и 1795 годах, были попросту предопределены. И отнюдь не ненасытным двуглавым имперским орлом, но самими польскими королями — Августом II Сильным, его сыном Августом III и Станиславом Понятовским, последним королем Речи Посполитой, который окончательно сдал некогда великое и славное государство в политический утиль и от позора и всеобщей ненависти скрылся не где-нибудь, а в Петербурге.

Но все это следует в подробностях разобрать.

Сегодня, даже после крушения «великого и неделимого» СССР, государственные границы существующих государств кажутся вполне себе незыблемыми и утвержденными на века — эту психологическую кальку современный человек переносит и на прошедшее время, — но вполне упускаются из виду такие вполне объективные моменты, как расширение Российской империи на восток и на юг и как колонизация Великобританией, Испанией, Францией и другими европейскими державами азиатского, африканского и американского континентов и т.п., — границы обитаемых ареалов, народностей и государств ничего не значили и до сих пор не значат ничего для сильных держав, и с «завоевателями поневоле» никто не мог совладать. Кажется, даже и не пытался. Самое поразительное, что подобное положение дел происходит и сейчас прямо на наших глазах: так израильтяне, явившиеся в Палестине, как бедные родственники, в середине 1940-х годов, вытеснили со временем арабов и иорданцев за Иордан, отвоевали целиком Иерусалим и т. д., заложив на Ближнем Востоке мину замедленного действия, которая может в любой момент полыхнуть невиданным страшным огнем (сегодняшние события в Газе свидетельствуют о том).

Удивительно, что, находясь на последнем издыхании своего политического существования, Речь Посполитая никак не могла расстаться с былыми пагубными поползновениями и роковыми привычками: события недавней Хмельниччины ничему не научили ни королей, ни сенат, ни значных государственных мужей. И вот мы узнаем с некоторым удивлением, что в 1717 году было запрещено строительство новых и ремонт ветхих православных храмов, — а ведь в это время еще продолжается Северная война, и Август II Сильный тщанием и волей Петра I совсем недавно снова возведен на польский престол... И такова благодарность?.. Конечно, никто не подозревает в российском царе-реформаторе особого православного благочестия, — но подобный закон малосильной к этому времени Речи Посполитой, касающийся единоверцев Петра — не плевок ли, не самочиние ли, не подкрепленное просто ничем, не горделивая ли поза, непримиримая суть которой вполне лежит на поверхности?.. Но и этого мало: в 1736 году был издан универсал, согласно которому для рукоположения православного священника необходимо было разрешение самого короля... Как это можно представить себе?.. Больше не было у королей других дел, как рассматривать в подробностях кандидатуры ставленников тысяч и тысяч сел и местечек, населенных русским народом, отвергающим унию? Религиозное угнетение православных продолжалось весь 18 гибельный век. Поветовые суды были завалены жалобами на притеснения, на убийства, на неслыханные своеволия шляхты. Новые и новые поколения как поляков, так и русинов, возраставшие, как хлебные нивы, на обширных пажитях Речи Посполитой, все продолжали свое смертельное, обреченное танго. И ничего не менялось: католики давили, православные сопротивлялись и защищались. Монотонность этих бесконечно

повторяемых действий, какая-то дурная их предрешенность и нескончаемость могли навевать разве что скуку на досужего читателя судовых актов и жалоб минувшего, если бы не кровавая окраска событий, если бы не человеческие жизни, принесенные кровавыми жертвами на алтарь «первенства папы» и «Польши как бастиона католицизма в Европе». За каждой жалобой, за каждым судовым разбором, мерной волной выплескивавшимися в польские трибуналы и оседавшими ветхим бумажным илом в архивах, были люди. Чего достигала соборная воля поляков, если таковую можно было представить, кроме утрат и лишений? Только об этом немым криком, как на картине Мунка, вопияла Хмельниччина. Но кто это понимал? Кто мог вместить? Поляки и Речь Посполитая стали расходным материалом для Рима. Как завороженные, как околдованные неким зельем, отпрыски знатных шляхетских родов по мановению из Рима освящали оружие, чтобы резать, колоть и рубить тех, кто осмелился поднять руку, топор или саблю в защиту своей «греческой» веры. Как тут не вспомнить слова папы Урбана VIII, сказанные после получения известия об убийстве в Витебске Иосафата Кунцевича: «Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови схизматиков!..»

32. ГАЙДАМАКИ, 1768 ГОД

— Лика, — сказал я, добравшись в своих розысках до царствования Екатерины II, — помнишь, сколько раз был помянут церковный вопрос и оборона веры на Земском соборе 1653 года в Москве, когда Боярская дума, царь Алексей Михайлович и патриарх Никон наконец-то отринули свою невнятную и нерешительную политику относительно Южной Руси-Украины и приняли решение о принятии ее в состав Московского государства со всеми землями, городами и народом, угнетаемым нашими с тобой неразумными предками?

Она задумчиво на меня посмотрела и ничего не ответила. Но разве возможно запомнить всю эту чересполосицу фактов, имен и событий, которую я без устали горожу изо дня в день, из месяца в месяц, сидя на кухне с чаркой горилки?

— Семь раз! Семь раз в официальном документе были помянуты церковные нестроения и проблемы, — и вроде как именно это и стало той последней каплей, переполнившей чашу терпения Алексея Михайловича и патриарха. Они знали, что будет большая война с Речью Посполитой, если Москва не просто окажет какую-то помощь Хмельницкому, а примет под свою державную руку всю Заднепровскую, Левобережную Украину, «золотое яблоко» Речи Посполитой.

— Знали — и получили, — сказала Лика на это.

— Петр был вполне равнодушен к церковным делам и религиозную карту разыгрывал только в собственных тактических интересах.

— Да, в универсалах к малороссиянам — после перехода к шведам Мазепы — он утверждал, что беглый гетман хочет перевести народ если не в католичество, то по крайней мере в унию, — я помню.

В этом контексте трудно сказать что-то определенное о религиозных взглядах и предпочтениях Екатерины II, узурпировавшей российский престол, взошедшей к абсолютной власти посредством заговора и убийства своего мужа Петра III, но в своей внешней политике чуть ли не с первых дней она стала активно разыгрывать карту защиты и покровительства «диссидентов», как назывались в Речи Посполитой православные и протестанты, отчаянно притесняемые там.

— Это при том, что родилась она вполне себе в протестантской среде, но политика — дело святое: выйдя замуж за наследника российского престола, она не только с легкостью приняла православие, но и стала — по видимости — ревностной защитницей веры и воскресила в своей весьма успешной внешней политике принципы Земского собора 1653 года.

— Да, — ответила Лика, ненадолго отрываясь от своих славных предков-повстанцев, которые в 1830 году безуспешно пытались восстановить польскую государственность, — но если Московия после присоединения Руси-Украины получила изматывающую 13-летнюю войну, то в Екатерининскую эпоху открытой войны как таковой уже практически не было. Не считая спорадических усмирений воинственных шляхетских конфедераций. Все ограничивалось разве что рычанием и угрозами...

— И деньгами, — дополнил я Лику, — новые времена и новые методы. Проще купить было элиту, а не двигать воинские корпуса на поля сражений. И тут еще стоит заметить, что и сами поляки стали другими — во времена Алексея Михайловича они сражались с Россией долгие годы, в конце же 18-го столетия, теряя не просто крупный фрагмент территории, как в 1654 году, а целиком свое государство, они ограничивались лишь криками на сейме, челобитными Екатерине, хитроумными, вполне себе

химерными дипломатическими ухищрениями и переговорами с прусским двором («брандербуржцем»), Францией и Великобританией, все глубже и глубже погружаясь в трясину высокой и безжалостной дипломатии европейских дворов, преследующих только собственные интересы.

Что касается самих поляков, то и повода для вмешательства в дела Речи Посполитой искать было не нужно: шляхта привычно следовала в фарватере религиозной политики, взятой на вооружение еще королем Сигизмундом III в начале его правления в конце 16-го столетия: господство католицизма, униатство, преследование православных и протестантов и прочее, крепко завязанное на римского понтифика. Но ведь и до смешного у Екатерины в этом смысле доходило, до фарса, зеркально: оправдывая отстранение от власти Петра III в результате дворцового переворота, в *официальном* государственном манифесте она указывала как основание и оправдание своих действий попытку Петра III *изменить государственную религию* — опасность вселенскую, так сказать, и только затем — мир с ненавистной Пруссией как опасность текущей политики... Ну, а незадачливого муженька-императора гвардейцы на всякий случай прикончили втихаря.

Так было «спасено» православие...

— Алгоритмы тут четко читаются, — заметила Лика.

С этого преступления началось блистательное, противоречивое царствование Екатерины Великой, которому суждены были великие достижения, невероятные геополитические сдвиги и приобретения, устранение вековых язв международной политики (я имею в виду окончательное и бесповоротное покорение Крыма и освоение, заселение Дикого поля, названного ныне Новой Россией)... Могущество Османской империи при Екатерине пошатнулось, а при ее внуке, Николае I, Турция получила наименование «больного человека Европы». Но прежде таким «больным человеком» надо было назвать, к сожалению, Речь Посполитую.

Поляки той закатной поры только по видимости оставались похожими на отцов и дедов — крайнее расточительство, жизнь не по средствам, домовые войны, вооруженные конфедерации против тех или других постановлений сейма — это подрывало не только экономику и расхлябанное государственное устройство и вкупе с крепостничеством разлагало национальный характер, а вот ревность не по разуму в деле «обороны веры» не только разъедала саму веру и образ ее, но и разлагала соборную душу народа, если о таковой можно что-то сказать. «Мученичество за веру» понималось не как собственное мученичество или же исповедничество своей веры до смерти, а как физические мучения, всяческие притеснения и преследования тех, кто не был католиком, а таковых в государстве насчитывалось достаточно много. Рано ли, поздно ли, но державы, соседствующие с Речью Посполитой, должны были протянуть своеобразную «руку помощи» религиозным диссидентам: имперская Россия — православным, Пруссия — протестантам. Но помощь эта отнюдь не была бескорыстной, как ее пытались представить великие творцы дипломатии той поры, и полякам пришлось заплатить столь невероятную цену за свое следование постановлениям Тридентского собора в дремучем 16 веке, что пятнадцати последующим поколениям пришлось платить по этим долгам — национальным унижением, рассеянием, службой чужим государствам, революционной борьбой, тремя кровопролитными восстаниями с десятками тысяч убитых и раненых, еще бо́льшим и бо́льшим рассеянием по всему миру... Поколение за поколением рождалось, проживало свой срок и отходило в мир иной на чужбине, в бесплодных, мучительных и тщетных мечтах об утраченной родине. Как тут к слову не помянуть повстанца 1830 года Анджея Пашкевича с сыновьями, которые после поражения Ноябрьского восстания (Powstanie listopadowe) вместо родной Литвы осваивали дальневосточные таежные дебри, основывали города, воевали с хунхузами, мыли золото и строили уже... православные храмы. Как тут не удивиться пророчеству апостола Павла о том, что «невежду страхом спасати»...

Но я отвлекся немного на Лику и на ее предков-повстанцев.

По видимости же все было по-прежнему: празднества, балы, охоты, гульба и гуляния, привычное своеволие, превозношение славными и героическими подвигами минувшей поры, к которым нынешнее поколение, продавшее вскоре за полушку отечество, не имело уже никакого касательства, кроме словесной похвальбы и надувания щек... Но только государство, славная Речь Посполитая, некогда бывшее, по сути, своей сверхдержавой, стало похоже теперь на общипанную, полумертвую курицу; территории, находившиеся в политическом, а часто и в хозяйственном запустении, были почти что ничейными: при военной необходимости через Речь Посполитую туда-сюда проходили значительные чужестранные воинские контингенты, уничтожая посевы, обирая крестьян, грабя фольварки, забирая тягловую скотину и лошадей. Но это все — где-то там, далеко, за околицами Варшавы и Кракова, ну а у нас пока все замечательно: скользкий шелест бальных платьев на прекрасных, обворожительных дамах,

мастерицах искусства любви, призывно-маняще благоухающих благовониями, брызги шампанского, блеск серебряных и золотых орденов на мундирах бравых военных, полученных некогда непонятно за какие заслуги перед отечеством, карточные столы, горки червонцев на зеленом сукне, шелест листвы на платанах в прославленных поэтами садах и парках, окружавших дворцы можновладных магнатов, некая пена волны, набегающей на отлогое побережье и рассеивающейся в обратном отток, — иллюзорные надежды на то, что все само собой образуется, буря пройдет стороной, и все останется так, как было прежде. Но ситуация только усугублялась: передвижения по стране значительных воинских контингентов иностранных держав по военным причинам и нуждам были весьма произвольными: надо идти отсюда туда, пересекая границу? — пересечем и пойдем куда нужно, — и правительство в Варшаве даже не ставили о таких планах в известность, — так выказывалось истинное отношение как к королям Речи Посполитой, так и к сейму. И самое страшное, что это становилось привычным и никто этим не возмущался. Разве что в кулуарах, на очередном балу или за пиршественным столом кто-то раздраженно о том говорил. Но слова затухали, и патриотический порыв забывался: сдвинем же кубки, панове, за наших прекрасных жен, дочерей и любовниц!.. От некогда великой державы остался только фасад с облетевшей позолотой, и это ветхое здание стоило только лишь подтолкнуть, чтобы оно развалилось в куски. А куски — затем поделить. Не пропадать же добру!.. Сеймовая невиданная свобода с бессмертным «liberum veto» превратилась практически в анархию. На поветовых сеймиках часты были драки, сабельные схватки и стычки. «Свобода! — кричали паны. — Мы свободны!.. Не дадим никому покуситься на нашу волю, на нашу свободу!..» Но свобода эта была, конечно, условной: ведь решения и дела местных сеймиков просто проплачивались знатными панами так, как панам было выгодно в данный момент. Да и о свободе могла толковать только шляхта, основная же серая масса народа, безмолвная и затурканная, обречена была тупо, покорно тянуть тягло панщины, финансируя красивую и беззаботную жизнь власть предержащих. О причинах упадка Речи Посполитой размышлял Н. Костомаров:

«Корень падения Польши — в той деморализации шляхетского сословия, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошие учреждения и увеличивала власть дурных; восходя далее к началу, придется сказать, что корень падения Польши — в тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни».

Конечно, суждение историка о «неспособности к государственной жизни» вполне можно оспорить, памятуя о том, что в начале 20-го века поляки все-таки обрели свою государственность, — отсвет реалий середины 19-го века отчетливо читается в этом суждении. Другое дело, каким государством, по сути, стала возрожденная из пепла в 1918 году Речь Посполитая — страной-лимитрофом и прослойкой между двумя хищниками (гитлеровским волком — Германией и страшным медведем — Советским Союзом), чем стали и независимые Литва, Латвия и Эстония? В 1939 году хищники разорвали в кровавые клочья возрожденную Польшу, заодно сгинули и Чехословакия, и прибалтийские горделивые лимитрофы. Пожили в свое удовольствие 20 лет, и будет с вас!.. Дожидайтесь 1991 года и новой смуты, чем закончилась перестройка, ускорение и новое мышление говорливого пустоголового генсека, невесть как пробравшегося на вершину партийной коммунистической номенклатуры из ставропольского колхоза. Ну вот и еще 30 лет протянули мы все в «независимости»...

Не обойтись здесь без обширной цитаты из костомаровского «Старого спора», живописующей нравы, присущие мелкой шляхте, окружавшей, как пчелы матку, можновладного и богатого пана:

«Как истые поляки, этого рода шляхтичи любили пожить весело и нанимались у панов служить их произволу, не тайными убийствами, как итальянские bravi, а явным буйством и держанием стороны своих патронов там, где нужно. Задумает пан сделать пакость другому пану, стоит ему собрать панов-братию, как они назывались, подпоить и подкормить их, дать вперед по два, по три червонца да обещать вдвое или втрое, и тогда они отправлялись в заезд, готовые вступить в свалку со шляхтой, набранной другим паном. Эта всегда падкая на пьянство и обжорство толпа, со словами гонора на устах, пользовалась своими правами свободного гражданина для того, чтобы продавать их панам на сеймиках. Как только приближался сеймик, пан сговаривался со шляхтой, набирал ее и вез в своих повозках в город, где должен быть сеймик. Иногда шляхту, таким образом свезенную, размещали по монастырским дворам, иногда на выгоне перед городом; там ее угощали, кормили досыта, поили допьяна и посылали на сеймик делать и говорить по приказанию пана. Сеймики происходили иногда в самом костеле, иногда близ костела. Между тем, в другом монастыре или на другом выгоне около того же города пан, противник первого, угощал шляхту из другой околицы и, напоив, посылал на сеймик делать и говорить по-своему. Когда открывался сеймик,

одна шляхта кричала «vivat» своему пану, а другая своему. Неизбежно происходила свалка. Шли в дело сабли. Без кровопролития ни один сеймик не обходился. Поляки так привыкли к этому, что считали такие происшествия неотвратимым ходом дел человеческих. На которой стороне было больше разбитых носов, подбитых или выбитых глаз, изрубленных рук или ног, чья сторона, не выдержав боя, бежала, та проигрывала. Пленных не брали; повалив на землю побежденного витязя, отбирали у него деньги, пояс, шапку, кунтуш...»

Таковыми были исходные предпосылки и обстоятельства.

После кончины Августа III на польский престол — не без деятельного участия Екатерины II — был избран Станислав II Август Понятовский. Как сообщает Википедия, «определяющим для его судьбы стал роман, начавшийся в 1756 году, когда великая княгиня Екатерина Алексеевна, оправившаяся после родов и разлуки с любимым Салтыковым, влюбилась в 23-летнего Понятовского».

Избрание его на престол произошло в 1764 году, причем шляхта довольно прохладно и скептически отнеслась к этому событию. Никогда бы Понятовский не увидел престола, если бы не мощная финансовая и политическая поддержка влиятельных литовских магнатов, братьев Чарторыйских, которые были братьями его матери и которые рассчитывали через племянника править и владеть государством, и не протекция его кандидатуры Екатериной II. Вряд ли российская императрица имела в виду исчезновение Речи Посполитой, которое произошло спустя 30 лет, но в проницательном уме отказать ей было бы невозможно. Дело в 1764 году обстояло проще: Екатерине на польском престоле нужен был свой, что называется, человек, которого она хорошо знала, на которого она могла бы положиться в делах международной политики, на которого можно было бы, в конце концов, влиять так, как диктовали текущие обстоятельства, — через Станислава II Августа она рассчитывала контролировать и могущественных Чарторыйских. Но как показали последующие события, нельзя сказать, что новоизбранный король и клан Чарторыйских стали послушными куклами Екатерины. Об этом будет рассказано в свое время, ну а пока Екатерина II и ее посол в Речи Посполитой князь Н. Репнин по-своему «защитили» своих диссидентов: под неослабевающим нажимом России сейм принял вымученное решение о долгожданном уравнении в правах с католиками православных и протестантов. Сейм 1768 года не без оснований был назван «репнинским», по имени российского князя, который диктовал условия и решения польским сенаторам, щедро рассыпая золотые червонцы и угрожая введением воинских контингентов.

Конечно, у меня есть сильное искушение рассказать о перипетиях этого сейма, о беспрецедентном давлении на поляков даже не столько Репнина, сколько самой Екатерины II, которая предписала своему послу, если сейм не согласится предоставить права некатоликам, собрать православных и диссидентов и составить конфедерацию, которая попросила бы помощи у России. В этом и заключалась искусная дипломатическая интрига: уступая просьбам предполагаемых дружественных конфедератов, Россия ввела бы в Речь Посполитую войска и провела бы дело силой. «Пусть поляки знают и удостоверятся, — писала она, — что мы не допустим успокоить это дело по их единовидным желаниям, а поведем оное лучше до самой крайности!»

— Это кое-что мне напоминает из того, что происходило с Украиной с 2014 года, когда президент соседней страны щедрой рукой предлагал гражданство жителям Донбасса, — а мы все не могли уяснить подоплеку этих щедрот... — сказала Лика на это.

Я же не стал комментировать это и продолжил свой сказ:

— Послушай же, что говорит Костомаров: *«Король Станислав-Август говорил, что это требование — громовой удар для него и для всей страны, писал к императрице, умолял ее оставить это дело, сообщал, что на прошлом сейме, когда он заговорил об этом, то поднялся страшный крик и шум, и чуть было не умертвили примаса в присутствии короля. Сам Репнин, видя беспредельный фанатизм в Польше, пытался отклонить государыню от ее намерения; но Екатерина была неподатлива, твердо решившись так или иначе довершить то, что ее предшественники начинали и покидали»*.

В Речи Посполитой начались беспорядки. Духовенство призывало народ к обороне католической веры. Римский папа прислал в Польшу целых два бреве, которые взывали к католикам, чтобы они не поддавались внушениям, противным вере. Влиятельный епископ Краковский Каетан Солтык рассылал по всей Речи Посполитой архипастырские послания, лейтмотивом которых было то, что он декларировал в глаза самому Репнину: «Скорее тело свое отдам на рассечение, чем соглашусь на уравнение прав не-унитов и диссидентов с католиками!» Репнин, предвидя опасность от неуемного Солтыка, потребовал от Екатерины разрешения арестовать тех, кого сочтет нужным: «Если мы хотим успеха на диссидентском деле на будущем сейме, — писал он, — то необходимо надобно будет епископа краковского и подобных фанатиков забрать под

караул, а инак с ними никаким образом не совладаем».

Солтык 14 октября 1767 года по приказу посла был арестован вместе с тремя другими польскими сенаторами, выказавшими крайнюю степень непримиримости, и отправлен в ссылку в Калугу, где прожил несколько лет. Имения его были частично конфискованы, частично разграблены русскими воинскими командами. Он говорил своим соратникам, которые призывали его к осторожности: «Каждый из нас пусть ищет средства к спасению отечества, сообразно своему характеру. Я, со своей стороны, желаю принудить москалей поступить со мной явно по-тирански. Зло, которое они мне сделают, принесет пользу отечеству».

— Ну и каковой же была эта польза? — сказала Лика.

— Никакой, — сказал я. — Разве что старик попал в исторические хроники о противостоянии государственной машине России, закатывавшей в асфальт то жалкое, что оставалось еще от Речи Посполитой... Конечно, были и другие противники происходящего, но дальше истошных криков на сейме дело не шло. Как тут не процитировать прусского короля Фридриха II: «Крики поляков — пустые звуки; короля Польского бояться нечего: едва в состоянии он содержать семь тысяч войска. Но они могут заключать союзы, которым надобно воспрепятствовать; надобно их усыпить, чтобы они заранее не приняли мер, могущих повредить вашим намерениям», — писал он в свое время Екатерине II. Репнин же щедро раздавал золотые червонцы, голоса затихали, сенаторы-делегаты довольно быстро выдыхались и разъезжались после заседаний по домам в угрюмой злобе и с фигой в кармане. Но и с золотыми червонцами, надо сказать, за которые в конце концов и была продана независимость Речи Посполитой. Но никто ничего не мог сделать реально, а время же уходило бесповоротно.

— Но что можно было предпринять при создавшейся ситуации? — спросила Лика, — Вооруженное противостояние? Всенародное посполитое рушенье?

— Элита, принимавшая эти роковые решения, разлагалась Екатерининским золотом, некоторые вопили на сейме против Репнина, Екатерины и в целом России, но втихаря получали от того же Репнина многотысячные пенсионы и еще жаловались, что денег им не хватает... Екатерина хорошо знала порочность и низменность человеческой натуры и умело использовала это знание в своих интересах. Да что тут ходить далеко: король Станислав Понятовский до самого исчезновения Речи Посполитой был на полном содержании Российской империи. Вот послушай теперь: возможно ли представить такой диалог европейского монарха? Его приводит Н. Костомаров, основываясь на донесении в Петербург российского чрезвычайного посла в Варшаве Якова Сиверса уже в 1793 году, перед вторым разделом Речи Посполитой:

«После обеда он позвал русского посланника в свой кабинет и стал говорить о своих долгах, потом перешел к своему положению, к своему стыду в глазах всей современной Европы, и потом сказал: «Ах, если бы мне дозволили сложить корону! Долги меня беспокоят; я не столько забочусь о том, чем мне жить, но долги — вот моя тягость; если бы только заплатили мои долги и дали немного на содержание — я был бы доволен! Много найдется охотников принять после меня эту корону из рук ее императорского величества. Напишите об этом императрице или позвольте написать мне самому. <...> Мне не остается ничего — только отречься, лишь бы мои долги уплатили. <...> А что же вы мне оставите?..» Сиверс его успокаивал: «Пять или шесть миллионов; из них половина пойдет на уплату ваших долгов. <...> Могли бы ваше величество жить в уединении на полтора миллиона?» Король вдруг повеселел. «Это 80 тысяч червонцев! О, столько даже не нужно в Риме или в Неаполе». Он протянул дружески Сиверсу руку».

Разве не были сочтены дни Речи Посполитой?!..

Лика молчала, смотрела в заоконную темноту. Что она ощущала? Проснулись ли мы ото сна — наших иллюзий, каждодневных забот, забытья и верхоглядства, нам свойственных? И разве моя задача заключается в том, чтобы разбудить мою Лику? Отравить ей и без того нашу несладкую жизнь? Присыпать солью старую рану? И как тут не вспомнить византолога Стивена Рансимэна:

«Историк должен пытаться дополнить свое объективное исследование качествами интуитивной симпатии и воображением, без которого он не может понять опасения, устремления и убеждения, которыми руководствовались люди прошлого. Возможно, эти качества являются дарами Св. Духа, дарами, которые можно пережить и почувствовать, но нельзя передать человеческими словами».

Каковыми же были устремления высшего сословия Речи Посполитой, отпрысков знатных, шляхетских родов, которые на Гродненском сейме в 1793 году решали судьбу своей родины, подписывая ей смертный приговор? Вот краткий реестр «устремлений», буквально выхваченный наугад из казначейских отчетов Российской империи:

Надворный маршал Рачинский, издавна получал от ненавистной России пенсион и делал все по приказанию русских послов.

«Сиверс назначил Коссаковскому в месяц тысячу червонцев...»

В 1771 году была составлен план реконфедерации — в пику Барским конфедератам. И кто же деятельные участники ее?

«Виленский епископ Масальский, первый, подавший мысль о ней, был хотя человек хитрый, но обленившийся сибарит, любивший прежде всего весело проводить обыденную жизнь и до страсти преданный игре в карты; энергичнее его был приставший к плану примас Подосский, состоявший у России на пенсии, изворотливый и пронырливый; сообщниками их стали: калишский воевода Твардовский, подляшский Годский, великий кухмистр Понинский, — люди продажные, переменчивые и лукавые, бравшие от России пенсионы и готовые при случае обмануть ее; к ним присоединились поморский воевода Флемминг, Рогалинский и два брата Островские, — епископы куявский и познанский, — этот кружок пытался было, при помощи России, низвергнуть Станислава-Августа и дать корону саксонскому принцу. Но такая перемена совсем была не в видах Екатерины; она захотела поддержать того короля, которого сама поставила. <...> Намерения патриотической унии, раболепствовавшей перед Россией, в сущности, сходились с духом Барской конфедерации», — отмечает Н. Костомаров.

А вот суммы, получаемые шляхтой во время сейма в Гродно, поставившего крест на независимости Речи Посполитой:

«Пулавский, назначенный маршалом конфедерации, получил от Сиверса 1000 червонцев платы в месяц и, кроме того, взял 2000 для выборов на Волыни, 500 на выборы в Холме да сверх того 1800 червонцев на десять послов и 1000 червонцев на издержки своего путешествия. Миончинский и Анквич, маршал Постоянного совета, поехали в краковское и сендомирское воеводства; им Сиверс дал 1500 червонцев, а 3000 они получили от Игельстрома для той же цели. Анквич был выбран люблинским послом, и за это, как и за направление сеймика, получил особенно 1500 червонцев. Оба, кроме того, получали по 1500 червонцев в месяц. Из получивших тогда жалованье и руководивших выборами большую роль играл Ожаровский; он получал между 500 и 1000 червонцев в месяц, и сверх того ему дали на выборы 1000 червонцев. Этот человек был очень облагодетельствован от России, получал жалованье издавна, еще при Штакельберге и Булгакове, а теперь ему дали звание коменданта Варшавы, приносившее ему 24000 злотых годового дохода...»

Этот список не имеет конца, не имеет начала.

— Лешек, хватит, пожалуй, — сказала Лика, — я не могу больше этого слышать. Былую Польшу просто продали за полушку. И вот где все эти деньги, эти груды золота, полученные от Екатерины?

— Все проедено и пропито. «После меня — хоть потоп» или «умри ты сегодня, а я завтра». Вот и вся простецкая философия. Но разве сегодня на Украине не так? И в России. Вот буквально сегодняшние новости: США решило конфисковать 300 миллиардов долларов российских активов, находящихся на Западе. Вопрос на засыпку: а как эти миллиарды на Западе оказались? Почему их Россия не вложила в свою экономику? В новые промышленные предприятия, в дороги, в инфраструктуру, в людей, наконец? В советские времена — это были страны «вероятного противника», — как же так? «У нас нет больше врагов» — как говорил в 1990-е годы Ельцин — мир, жвачка, джинсы!..

— Ну, ты еще вспомни отпрысков Сталина, Хрущева и Ельцина, которые прожили красивую жизнь в тех же США и Великобритании.

— Ну да, наши польские патриоты времен второго раздела еще мелко плавали по сравнению с нынешними патриотами. Если те продали Польшу, то чего ждать от этих?.. Но что можно было тогда предпринять? Посполитое рушенье?.. Конечно, возглавить всенародную оборону отчизны в ту пору мог только человек из высшего сословия, но из-за повальной коррупции, из-за дармовых денег, от которых никто не мог отказаться по своей воле, таких людей просто не находилось, — сказала Лика.

— К слову, Тадеуш Костюшко, возглавивший самое первое восстание поляков в 1794 году, результатом которого стал третий и окончательный раздел Речи Посполитой, был родом из мелкопоместной шляхты, к тому же был эмигрантом, вернувшимся из Северной Америки спасать отчизну от москалей... Но поезд к этому времени уже ушел далеко... Но о том мне еще предстоит рассказать.

Вернемся же немного назад.

Солтык вернулся в Польшу только в 1773 году и снова начал борьбу против гибели своей родины (ко времени его возвращения из Калуги уже произошел первый раздел Речи Посполитой), но внутренние переживания за судьбу Польши были столь нестерпимо-остры, что епископ вскоре впал в черную меланхолию, а в 1782 году король Станислав Понятовский и члены Постоянного совета заявили, что епископ Краковский Каетан Солтык впал в безумие. Была создана специальная комиссия для расследования, после которого Солтык был лишён кафедры. Он умер только в 1788 году, и в этом была милость Господня — он не дожил всего нескольких лет до злосчастного 1795 года, когда Речь Посполитая вовсе исчезла.

Между тем все шло своим чередом, и никто и ничто не могло изменить суть грядущих событий.

«Когда приближалось время сейма, Репнин объявил, что если не захотят даровать православным и диссидентам прав, то сорок тысяч русского войска войдут в пределы Речи Посполитой. Такой решительный тон еще сильнее взволновал поляков. С религиозным фанатизмом зашевелилось оскорбленное национальное самолюбие: поляки тяжело почувствовали, как низко упали они в государственной жизни. Епископы повторили свои воззвания назло русскому послу. Король говорил, что готов умереть за веру и свободу. А между тем этот фанатизм вооружал против Польши половину Европы...» — констатирует Костомаров.

Перед сеймом происходила невероятная чехарда и неразбериха. Современники отмечают, что однажды «*король упал духом и горько заплакал*», не в силах обуздать мятежных шляхтичей, да и душа его разрывалась между жесткими требованиями императрицы, угрожавшей военным вторжением, и общим настроем нации.

Репнин победил дорогою ценой. Но я все же воздержусь от пространных описаний дипломатических интриг и сопутствующих событий. Скажу только, что 19 ноября 1767 года многострадальный законопроект был все же принят. Православные и диссиденты допускались ко всем должностям, исключая притязание на королевское достоинство. Само собой разумеется, что римско-католическое вероисповедание оставалось главенствующим в Речи Посполитой.

На первый взгляд казалось, что цели достигнуты: на законных основаниях в сенат было обещано допустить как русскую шляхту, так и православных епископов. Да только беда заключалась в том, что от русской шляхты ничего к этому времени не осталось: за 200 лет нестроений и религиозной войны природное русское дворянство утратило свой образ веры и приняло даже не унию извода епископов Брестской поры Поцея и Терлецкого, а католицизм, а из православных епископов вовсе никого не было в Польше. Только через долгих 17 лет для Речи Посполитой будет рукоположен в сан архиерея Виктор Садковский. Но польская «ревность не по разуму» даже тогда была столь велика, что не только ничего из требуемого не имело места в реальности — папский нунций в Варшаве вручил королю протест самого папы, — но и сам Виктор Садковский в конце концов был арестован по обвинению в подстрекательстве к предполагаемому бунту, схвачен и отправлен в Варшаву на сеймовый суд. Три года и три месяца Садковский находился в заключении сначала в Варшаве, а потом в Ченстохове. И только 21 июля 1792 года, фактически перед третьим — и последним уже — разделом Речи Посполитой его освободили русские войска.

Конечно, в 1768 году шляхта, несмотря на постановление сейма, крайне была недовольна, если не сказать больше: в условном «уравнении прав диссидентов» с католиками, несмотря на совершеннейшую пустоту этого дела, по изложенным выше причинам, было усмотрено покушение на сами основы католического вероисповедания, и, естественно, никто эти сеймовые постановления исполнять даже не собирался. Брататься с русинами? Ну нет!.. Тому вовек не бывать!.. Шляхта пошла по привычному пути: составилась конфедерация в подольском городке Баре, которая выступила как с целью отрешения самого Понятовского от власти за предательство коренных государственных интересов, так и с не менее значительной целью показать диссидентам, кто в Польше хозяин. В восточных землях Речи Посполитой — на Подолье и на Волыни — начались погромы не только православных русинов, но даже и униатов. Воинственные шляхтичи, кажется, даже не понимали различий между этими деноминациями: если ты не католик — значит, на кол посадить, церковь поджечь, посполитых ограбить...

С.М. Соловьев, знаменитый историк, весьма удивляется тому, что происходило во время этого сейма:

«Удивительное зрелище представляла в это время Польша: народные силы, казалось, пробуждались после долгого усыпления, обнаруживалось необыкновенное единодушие, но для чего? Для того ли, чтобы установить лучший порядок, освободиться от иностранного влияния? Нет, для того, чтобы не сделать ни малейшей уступки требованиям диссидентов, чтобы не признать никаких прав за христианами других вероисповеданий, кроме католического. И в то же время все ограничивалось страдательным упорством, ограничивалось одними криками; никто не думал о средствах деятельного, серьезного сопротивления соседним державам, России и Пруссии, которые не могли бросить диссидентского дела; фанатизм только гальванизировал мертвое тело, но к жизни его не возбуждал».

«Тогда фанатическая злоба конфедератов обратилась на православных, — продолжает размышление Соловьева Н. Костомаров, — *от них сталось унижение Польше, за них, как за единоверцев, заступалась Екатерина; они вызвали ее вмешательство своими беспрестанными жалобами и просьбами в Петербург. <...> Особенным фанатизмом отличался официал униатского митрополита Мокрицкий,*

насильственно обращавший к унии тех, которые в последнее время возвратились к православию. Священников для поругания запрягали в плуги, били их киями, секли терновыми розгами, насыпали в голенища горячих углей, забивали в колоды, морили тюремным заключением, отнимали у них все достояние и пускали искалеченными по миру. <...> Барские конфедераты, не в силах будучи ничего поделать России, мстили ей на православном народе, подвластном Польше. <...> Но в Украине, — продолжает историк, — *имя Богдана Хмельницкого было известно и старому и малому; известно не из книг, а из живого предания, передаваемого от родителей к детям; украинские матери за панской пряжей пели детям песни о том, как некогда их предки козаки гатили гребли панскими трупами. Тайная надежда на освобождение «з ляцкой неволи» не покидала русский народ, как Израиля во дни пленения. Он искал и ждал спасения от единоверной России, где пленяло и ободряло его господство той веры, которая в его отечестве нашла название собачьей. Взоры народа устремились на север к великому свету-матушке, как называл он Екатерину. Ему показалось, что пришло время отмщения за вековые страдания. Он поднялся, как некогда поднимались его деды»*.

Военные действия конфедератов все более превращались в кровавый беспредел. Православным припоминалось все: и череда восстаний 17-го века, закончившаяся присоединением Руси-Украины к Московскому царству, и 13-летняя русско-польская война после Хмельницкого, и бесконечная правобережная замятня Палия и Самуся во времена Хотинского Льва Яна Собеского и последовавшей Северной войны, и череда совсем недавних выступлений левенцев, дейнек и гайдамаков в 1734, 1750, 1754 годах... Левенцы и дейнеки как понятия-символы исчезли со временем, оставшись только в фамильных прозвищах современных украинцев. В историческом же памятовании остались одни гайдамаки, воспетые в одноименной поэме Тараса Шевченка через без малого век, затем воскрешенные во времена Центральной рады в 1918 году, во время новой русской смуты...

— Да, Лешек, — сказала Лика, — по фамилиям нынешним можно даже историю изучать. Вот, к примеру, распространенная фамилия Карнаух. Разве она не свидетельство того, как во время Палиевщины повстанцам массово резали уши?..

— Ну и на слуху у нашего поколения — знаменитый советский художник-монументалист Александр Дейнека, герой и лауреат, — из этой же исторической оперы.

— Думаю, он знал происхождение своей фамилии, — сказала Лика, — и вполне вероятно, даже гордился тем, что далекий предок его в диких бандах бесчинствовал здесь в середине 18-го столетия.

— Ну да, как было ему не гордиться — он ведь был плотью от плоти социалистического реализма, который пропагандировал нескончаемую классовую войну, ненависть и неприязнь, и потому вполне позиционировал себя — где надо — потомком борца с проклятым капитализмом и героя народно-освободительной войны за светлое будущее украинского народа.

— Ну, не будем напраслину возводить на почившего лауреата Ленинской премии и Героя социалистического труда, — мир праху его! Продолжай же, милый друг, скорбную повесть о том, как Речь Посполитая неуклонно и обреченно приближалась к неминуемому концу...

Барская конфедерация, созданная в противовес постановлению сейма об уравнении в правах диссидентов и природных католиков, попросту зверствовала на восточных землях Речи Посполитой, и ее действия вызывали естественное противодействие. Противостояние все более приобретало характер и черты религиозной войны, столь знакомой как полякам, так и православным русинам. И вот уже сам Станислав-Август писал своей конфидентке Жоффрэн в частном письме от 06.07.1768 года:

«Несколько фанатиков угрожали нашим украинским крестьянам всевозможными бедствиями, если они не отринут греческую веру и не перейдут в унию, т.е. если они не откажутся объяснять таинство св. Троицы, как объясняют его в Петербурге, и не станут объяснять его по римскому способу. Суди сама, понимают ли в этом что-нибудь несчастные крестьяне? И именно это побудило их к бунту, а восстание этих людей не шутка! Они вооружены и свирепы, когда возмутятся. Они теперь убивают своих господ, их жен и детей, католических священников и жидов. Уже тысячи человек убито. Бунт этот распространяется, как пожар, потому что схизматический фанатизм соединяется у них с жаждою воли. Эти украинцы — народ казацкий, ненавидит поляков с подобной же войны во времена Яна Казимира в прошлом веке... Фанатизм греческий и рабский борется огнем и мечом против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастия не было бы».

Вторит королю и граф П.А. Румянцев:

«Простое усердие к вере благочестивой, противоборство оной от римского духовенства, распространяемое с лютым бесчеловечием, без сомнения, суть две крайности, возмутившие к мятежу польских крестьян... Настоящие в отечестве их

бедствия родили суровые поступки против исповедующих закон греческой церкви официала украинского униатского Мокрицкого. Когда сим жестоким угнетением страждущие сердца дышали внутреннею ненавистью против сих гонителей, то при таком расположении нетрудно было преклонить непросвещенные умы простолюдинов так называемым гайдамакам на все известные дерзости. Возжечь сей пламень нашли они наилучшую удобность, составив ложные от имени ее величества указы о своем туда приходе, и уверивши, что они сих пограничных жителей навсегда с-под польского владычества освобождают».

Кровавым и печальным символом Колиивщины, — так в народе наречено было восстание, — стал городок Умань и резня, учиненная в нем гайдамаками. Недаром *колием* на украинском языке называется *резчик* скота. Ну а прежде не обошлось без рокового подлога: в Мотронинском монастыре, где витийствовал знаменитый игумен Мельхиседек Значко-Яворский, чей племянник в числе других гайдамаков был посажен на кол барскими конфедератами, чудесным образом была обнаружена подложная «золотая грамота» Екатерины II, с печатями и твердой гарантией реальной и действенной помощи от единоверной России в случае восстания против поляков. Вся польская Украина тут всколыхнулась. Тысячи и тысячи крестьян-посполитых стекались под повстанческие знамена Гонты и Железняка, столь обнадеживаемые высоким покровительством российской императрицы. Православный народ просто воспрял от свинцового сна: повторялось славное время Хмельниччины.

Розбрелись конфедерати
По Польщі, Волині,
По Литві, по Молдаванах
І по Україні;
Розбрелися та й забули
Волю рятувати,
Полигалися з жидами,
Та й ну руйнувати.
Руйнували, мордували,
Церквами топили...
А тим часом гайдамаки
Ножі освятили. <...>

Зійшло сонце; Україна
Де палала, тліла,
А де шляхта, запертися,
У будинках мліла.
Скрізь по селах шибениці;
Навішано трупу —
Тілько старших, а так шляхта
Купою на купі.
На улицях, на розпуттях
Собаки, ворони
Гризуть шляхту, клюють очі;
Ніхто не боронить.
Та й нікому: остался
Діти та собаки, —
Жінки навіть з рогачами
Пішли в гайдамаки.

Так описывал Тарас Шевченко единый порыв угнетаемого народа в поэме «Гайдамаки». Левобережные жители Гетманщины, козаки и крестьяне, тоже приняли деятельное участие в Колиивщине.

После начала восстания, когда повстанцы добрались до Умани, которая на века стала печальным символом этой религиозной войны, *«гайдамаки ворвались в город и вторгнулись в костел, куда вслед за Младановичем вбежала шляхта толпой искать спасения в молитве. <...> Разъяренная толпа бросилась убивать и мучить всех: их кололи копьями, резали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Иным обрубливали ноги и руки и оставляли мучиться, не внимая их моленим докончить их. Прокалывали насквозь детей и подымали вверх на копьях. Ксендзов запрягали в ярма, гоняли по улицам, уложенным трупами, потом приводили в церковь, заставляли читать «верую» и за чтением били по щекам и потом выводили из церкви и убивали. Перерезали в базилианском монастыре духовных и учеников находившейся там школы. Из соседних сел сбежались хлопы и потешались над муками и гибелью*

ляхов. Ругались над римско-католической святыней, одевались в богослужебные одежды и передразнивали богослужение, плевали на распятия и образа, рассыпали из ковчега и топтали ногами св. дары, приговаривая: «ото Бог ляцький!» Немногих, в том числе детей, пощадили, но заставили принять православие и совершали над ними обряд крещения, как бы не признавая римско-католической веры за христианскую. Тела убитых сваливали в один глубокий колодец. Поляки уверяют, будто их погибло в Умани до двадцати тысяч, число, без сомнения, чрезвычайно преувеличенное, может быть, в десять раз...» — так описывает эти события Костомаров.

Ему вторит С.М. Дубнов в «Краткой истории евреев»: когда гайдамаки ворвались в город, то они *«прежде всего бросились на евреев, метавшихся в ужасе по улицам: их зверски убивали, топтали копытами лошадей, сбрасывали с крыш высоких зданий; детей поднимали на концы пик, женщин мучили. Масса евреев, числом до трёх тысяч человек, заперлась в большой синагоге. Гайдамаки приставили к дверям синагоги пушку, двери были взорваны, разбойники проникли в синагогу и превратили её в бойню. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков; многих они перерезали в костёле; губернатор и все прочие паны были убиты. Улицы города были усеяны трупами или изувеченными, недобитыми людьми. Около двадцати тысяч поляков и евреев погибло во время этой «уманской резни»*.

В «Киевской старине» в 1895 году некто И.В. Галант разместил мемуар безымянного еврея об этой резне, изобилующий душераздирающими подробностями, но историки и комментаторы подвергли этот текст сомнениям из-за преувеличенных и часто порой фантастических деталей и справедливо предположили, что мемуарист все-таки не был свидетелем того, что творилось в захваченном гайдамаками городе. Но ради некоей объективности и полноты я все же процитирую отчасти и этот текст:

«Резня была так велика и ужасна, что кровь зарезанных стояла в синагоге повыше порогов... Потом буяны вынесли из синагоги все свитки Торы, разложили их по улицам города и верхом проезжали по ним... Трупы убитых евреев десятками тысяч валялись по городу... Их подвергали мучительным истязаниям: рубили, кололи, четвертовали и колесовали, они же с радостью принимали смерть, а Богу своему всё-таки не изменили... Малюток отрывали от грудей своих матерей и колесовали. Один буян заколол на одном чурбане несколько сот евреев... Трупы сделались добычей свиней и собак. Резня эта продолжалась восемь дней...»

— Ну да, — сказала Лика на это, — уже эта статистика — «десятки тысяч», «на одном чурбане несколько сот евреев» — свидетельствует о том, что писавший это отнюдь не был очевидцем событий....

Стоит добавить, что униат-базилианин Тучапский в своих кратких, но емких записках, говорит, что более страшные жестокости обрушились на евреев. Они плавали в собственной крови, без рук, без ушей, без ног, обнаженные, и сами просили, чтобы их убивали. Описывает он и колодец, доверху заполненный трупами. Тучапский говорит, что он был глубиной в 200 сажен. Очевидец, естественно, ненавидит восставших. Подлинными целями восстания он считает пьянство, грабежи и разбои. К сожалению, мне не удалось даже установить инициалов Тучапского. Ссылку на его воспоминания я обнаружил в ветхих «Ученых записках Московского городского педагогического института» за 1941 год, источником же текста числится некий «Сборник Рачинского», который также оказался для меня недоступен.

Один из руководителей восстания Иван Гонта, уманский сотник, обещал губернатору Умани Рафалу Младановичу не трогать поляков, если он откроет городские ворота повстанцам, и ограничиться только избиением иудеев. Младанович принял решение не оказывать сопротивления повстанцам, хотя видел и знал, что творилось в лагере беженцев вокруг Умани, ибо не все ищущие спасения от гайдамаков поместились внутрь крепостных стен. Гайдамаки беспрепятственно вошли в Умань и начали свое черное дело, бесстрастно описывать которое невозможно. Гайдамаки, перерезав наличествующих евреев, вошли во вкус и, нарушив все договоренности с губернатором Младановичем, ворвались в костел, набитый поляками, и принялись резать всех, не разбирая пола и возраста. Сам Младанович, его жена, теща и старшие дети были убиты. Такая же участь была суждена почти всем. Но отчасти Гонта все-таки выполнил свое обещание: 18-летняя дочь Младановича и малолетний его сын, крестник Гонты, были насильственно обращены в православие, а затем выпрошены у Гонты крестьянами и спаслись. Через много лет Вероника Младанович, в замужестве Кребс, написала интересные воспоминания об этих событиях. Но в оценке событий Вероника Младанович-Кребс не возвышалась над уровнем обычного шляхетского истолкования описываемых событий как «несчастья», к которому в целях жажды грабежа и разбоя примкнула масса холопов. В ее памяти остались только ужасы и насилия, свидетельницей которых она была. Она тоже описывает безводный колодец глубиной в 300 сажен, полностью заваленный трупами, среди которых были ее братья и сестры, старшие

дети губернатора Младановича, ее мать, тетя и бабушка. Да и могла ли разобраться в подоплеке событий 18-летняя девушка?.. Некоторые поляки, надеявшиеся спасти свои жизни, переодевшись в крестьянскую одежду, вместе с толпой гайдамаков бродили по Умани, грабили и убивали, рассказывает мемуаристка. Ее младший брат в конце жизни жил в одном из монастырей в Межиреченском Корецком. Украинско-польский писатель Михаил Чайковский, потомок гетмана Брюховецкого, участник польского восстания 1830 года, впоследствии принявший мусульманство и ставший генералом в Турции, в своих воспоминаниях, опубликованных в «Киевской старине» в 1891 году, рассказывает о нем следующее:

«Я родился в селе Гальчинце, Волынской губернии Житомирского уезда, в Кодненском приходе, в 13 верстах от Бердичева, этого торгового Иерусалима Израиля, в приднепровской Руси, в 9 верстах от «святой» Кодни, где карали гайдамаков Гонты и Железняка мечем, колом и виселицей во славу короля польского и Речи Посполитой. Такой страх был наведен тогда на украинский люд, что до сего дня этот люд, произнося угрозу или проклятие, повторяет: «щоб тебе свята Кодня не минула!» <...> Был там также ксендз Младанович, сын уманского губернатора (управителя) во время резни; он был крестным сыном Гонты и был им спасен. Теперь он был инвалидом монастыря и не нес никаких обязанностей, а всё только рассказывал об уманской резне, об Украине, гайдамаках, Запорожье. Он всё помнил и всё рисовал в своих рассказах живыми красками. Удивительная вещь — он не выражал ни ненависти, ни раздражения против Гонты. Всю вину преступления он приписывал Феликсу (Щенсному) Потоцкому и польской шляхте. Вот слова, которые я часто слышал от него: «выучили его читать, писать и понемножку всяким наукам, а потом хотели его бить, сажать в «гусак»; сделали его полковником, — а полковник он был дельный, потому что он лучше знал военное дело, чем регименатри, бригадиры и ротмистры, — а потом хотели его ошельмовать как хама, мужика; и муравей кусает, если ему досаждают, а что же человек, да ещё такой как Гонта? Паны наварили этого пива, а люд Божий должен был его пить — и пьёт, да никак не выпьет до дна».

Униат-базилианин Ерофей Корчинский, сменивший на должности ректора уманской базилианской школы и настоятеля местного монастыря, погибшего Ираклия Костецкого, также дал описание кровавых событий в Умани. Во время резни он был ректором шаргородской базилианской школы. В октябре того же 1768 года он прибыл в Умань и собственными глазами мог видеть произведенное здесь разрушение, мог слышать рассказы о поведении «гультяев» и получать сведения непосредственно от достойных веры людей, оставшихся в живых. Восставшие, совершавшие свое «убивское дело», по словам Корчинского, превосходили «по лютости своей диких зверей». Причины восстания базилианин усматривал в отвращении украинского населения к унии. Более того, Корчинский идеализировал Барскую конфедерацию и ее борьбу с православными. Те же причины — ненависть русского народа к унии, которая издревле была «костью раздора» в Южной Руси-Украине — указывал Корнилий Срочинский. Он был настоятелем базилианского монастыря в Кристинополе и составил монастырскую хронику 1770-1779 годов. Несколько страниц в этой хронике посвящено Умани и тому, что происходило там летом 1768 года. Само собой разумеется, восставших он осуждал, называя их «остервенелыми зверями». Причиной восстания он считал ненависть населения к унии, которую разжигал Мелхиседек, игумен Мотронинского монастыря, по указанию начальства и собственной инициативе. В частности, он поднял для восстания запорожца Максима Железняка.

Но надежды на помощь России оказались тщетными. Екатерина дистанцировалась от подложной «золотой грамоты», которая стала знаменем и благословением для десятков тысяч повстанцев. Более того, в Умань был откомандирован российский генерал Кречетников с военной командой и с тайным приказом арестовать Гонту и Железняка. Кречетников вел борьбу с Барской конфедерацией и был таким образом вроде бы союзником гайдамаков — ведь они с разных сторон делали, по сути, одно дело: воплощали в текущую жизнь «репнинское» постановление варшавского сейма об уравнении прав католиков и диссидентов. Но количество восставших было столь велико, что генерал запросил в подмогу себе корпус донских казаков, и пока те добирались до Умани, солдаты Кречетникова явно «дружили» с повстанцами, участвовали в попойках и выказывали всяческие знаки внимания. Когда донцы прибыли, Гонта и Железняк были схвачены в числе тысяч других и закованы в кандалы, — Вероника Младанович-Кребс своими глазами видела Гонту, лежавшего вниз лицом на земле, — все награбленное в Умани, как о том свидетельствует мемуаристка, оказалось законной добычей Кречетникова и донцов, но многим повстанцам дали бежать из разоренного города — правда, с пустыми руками, с отягощенной убийствами совестью и с изумлением от предательского удара в спину от единоверных, — но все-таки остаться живыми. Любопытен ответ Железняка на вопрос Кречетникова о том, почему гайда-

маки вышли из Умани, — из-за невероятного зловония от трупов, валявшихся грудами на улицах города.

Этот Петр Кречетников в конце концов был обвинен в коррупции и отрешен Екатериной от должности с любопытной формулировкой: «Сей генерал, по-видимому, вышед совсем из пределов должности и уважения к славе нашего оружия и ослепясь мерзкими презрительным корыстолюбием, производит, как сказывают, такие себе нажиточные грабежи на тамошней земле, что уже многие обозы с пограбленным оттуда выслал. Мы за нужное нашли отозвать его от команды». Думаю, в этих обозах много было добра из Умани, захлебнувшейся в крови и задохнувшейся от дыма пожарищ...

— Все как всегда, — мрачно констатировала Лика, — «золотая грамота»... Но все-таки история с ней вполне укладывается в подковерную дипломатию Екатерины...

— Да, — сказал я, — примерно в это же время российская императрица инспирировала восстания в Греции и Черногории с целью ослабления Османской империи, но те земли лежали совсем далеко, и России затруднительно было бы их захватить и удержать за собой в случае успеха восстаний, поэтому ради будущих русско-турецких войн и побед в них греческим и черногорским повстанцам просто посылалось оружие, деньги и всевозможные припасы. Дела в Речи Посполитой могли проще решаться.

— И эффективнее, — заметила Лика.

Итак, восстание было подавлено силами генерала Кречетникова и донцов. Пленных рассортировали: подданные Российской империи были переданы русскому правосудию — это были левобережные крестьяне и козаки, за легкой добычей переправившиеся через Днепр в Речь Посполитую, и запорожцы, примкнувшие к восстанию. Они понесли наказания, но с сохранением жизни — по приговору судов их секли кнутами, вырывали ноздри и навечно ссылали в Сибирь. Российским подданным был и запорожец Максим Железняк, один из руководителей восстания гайдамаков. Приговор над Железняком гласил:

«Колесовать и живого положить на колесо, но вместо того, отменя оное... бить кнутом, дать сто пятьдесят ударов и, вырезав ему ноздри и поставив на лбу и на щеках указные знаки, сослать в Нерчинск, в каторжную работу вечно».

Та же участь постигла Семена Неживого, Микиту Швачку и других атаманов. Более того, когда началась очередная война с Турцией, во многом инспирированная барскими же конфедератами и европейскими государствами, судьбы ссыльных гайдамаков в Сибири были облегчены. Фельдмаршал Прозоровский даже сделал выговор генералу Кречетникову за выдачу Гонты и его соратников и за телесные наказания участников восстания и впредь запретил подобные вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой. Но дело уже было сделано...

Судами и казнями король Станислав Понятовский поручил руководить своему любимцу полковнику Юзефу Стемпковскому. Пока пленных гнали в Кодню, где расположился суд, по пути в каждом селе, городке и местечке для назидания и устрашения населения вешали нескольких гайдамаков. Стемпковский написал и распространил в народе даже особую грамоту, где без околичностей указал православным их место и звание в структуре Речи Посполитой. Не преминул он и живописать «подвиги» гайдамаков в Лисянке и в Умани:

«Теперь скажите вы мне, какая это религия дает вам право делать в церквах (униатских) и костелах то, что вы делаете? Вы с большим уважением относитесь к шинкам и домам своей старшины, чем к церквям Божиим. Я сам убедился в этом в Лисянке, когда преследовал безбожников. Глядя на костел францисканцев, можно ли сказать, что это церковь Божия? Алтарей нет и следа; иконы постреляны, порезаны, потоптаны ногами; не пощажено даже место, где хранятся св. дары; все разрушено. Вы выбросили св. дары на землю и из чаш пили водку за свое здоровье. Вы стреляли, как в цель, в св. изображения на престолах; на них и до сих пор видны следы пуль. Вы тащили эти изображения по улицам и отбивали им палками руки и ноги. Бог милосерд, и весьма вероятно, что он простит вам все это на Страшном суде, но Он не только милосерд, Он и справедлив. Вы повесили в церкви ксендза, а около него жида и собаку; вы опрокинули и разбили статуи святых; разве так поступают истинные христиане? Нет сил, не хватает памяти перечислить все те мучения, которым вы подвергли тех, кто попался в ваши руки. Волоса встают на голове при одном воспоминании о ваших зверствах. Вы вырезывали детей у беременных женщин и подымали их на пиках, а на место их клали котенков. Вы не обращали внимания на возраст и жестоко мучили бедную шляхту. Вы даже не хоронили убитых вами, как это делают христиане, а вместо того учили своих детей издеваться над мертвыми. Перед вашими глазами дикие звери и птицы разрывали трупы, тащили по улицам куски человеческого мяса; где же вы девали заповедь Божью «не убий»? Сколько девиц изнасиловали вы? Сколько дворянок заставили силою выйти за себя замуж? Скажите же теперь сами: что вам следует сделать за все это? Посмотрите, сколько сотен тысяч шляхты, управителей,

комиссаров, писарей погибло от вашей поганой руки? Вы вырезали жидов, которые держали панские аренды и шинки в городах и селах, и вследствие этого причинили своим панам громадный убыток...

Посмотри, дикое, проклятое крестьянство, на этот счастливый край! Ты залило его кровью невинных! Сколько разрушено великолепных дворцов, строений, городов, местечек, сел, не говоря уже о церквах и костелах! Сколько убытков наделали вы своим панам, у которых вы должны быть в вечном послушании и рабстве! Вы не хотите платить чиншей, аренд и податей, которые вы обязаны платить; да что, вы даже грабили королевские таможни, говоря, что вы не принадлежите к Речи Посполитой! Мы, шляхта, благодарим Бога за своего короля, а вы, дураки, уверяете, что вы не подданные этого короля и не принадлежите к этому краю. Никто из умных, благородных людей не скажет вам этого, вас научил этим глупостям какой-нибудь мужик, который думает, что он самый умный из вас. Неужели вы думаете, что и шляхте, и королю приятно, что погибло столько вас, сволочи? Это общественное бедствие, а кто виноват в нем? — вы. Посмотрите на милосердие к вам короля и Речи Посполитой...»

Милосердие... Что уж тут толковать!..

Иван Гонта был выдан пану Стемпковскому и препровожден в местечко Сербы в Брацлавском воеводстве. Тарас Шевченко в своих примечаниях к поэме «Гайдамаки» сообщает народное предание о казни уманского сотника:

«Предательством взяли ляхи Гонту и страшно замучили... Привезли его в кандалах в польский лагерь недалеко от Балты с отрезанным языком и правою рукою. Браницкий, польский генерал, так велел сделать, чтобы он чего-нибудь не сказал на него; потом палачи раздели его, как мать родила, и посадили на горячие штабы железа, потом сняли двенадцать лоскутов кожи со спины. Гонта повел глазами и страшно глянул на Б., тот махнул рукой, — и разняли Гонту начетверо, развезли тело и поприбивали на перекрестках шляхов...»

Владимир Антонович дает несколько иную версию гибели Гонты, опубликованную в «Киевской старине» в 1891 году:

«Особая военно-судная комиссия в селе Сербы рядом с Могилёв-Подольским вынесла не просто смертный приговор, но и определила для Гонты специальную казнь. Наказание должно было длиться на протяжении двух недель и сопровождаться ужасными пытками. В течение первых 10 дней палач должен был отрывать с него по полоске кожи, а затем приступить к четвертованию: на 11-й день отрубить ноги, на 12-й руки, на 13-й вырвать сердце и лишь на 14-й отрубить голову. Останки Гонты должны были выставить в 14 городах Правобережной Украины на специально построенных виселицах. Гонта с чрезвычайным мужеством и даже юмором переносил пытки. На третий день казни коронный гетман Ксаверий Браницкий, будучи не в состоянии выносить кровавого зрелища, приказал отрубить Гонте голову и уехал, чтобы не видеть дальнейшего. После этого приведение приговора в исполнение было продолжено уже над трупом».

Юзеф Стемпковский получил неограниченное право без суда и следствия казнить и уродовать всякого, кто находился под подозрением. В руки Владимира Антоновича через М.А. Максимовича попала «Коденская книга», в которой была переплетена небольшая часть сохранившихся протоколов судилища. В конце книги приведён реестр замученных всего лишь за один год работы комиссии, с лета 1769 до лета 1770 года: казнено около 300 человек, которым рубили головы, вешали, сажали на кол, колесовали и четвертовали. Очевидцы, может быть, усугубляя польскую месть, рассказывали, что Стемпковский с утра до вечера сидел в кресле близ вырытого рва и наблюдал, как ров заполняется отрубленными головами гайдамаков. Понятовский позже попросил его несколько умерить пыл, и Юзеф Стемпковский стал «милосерднее»: гайдамакам просто рубили правую руку и левую ногу, и наоборот — левую руку и правую ногу, резали уши и выкалывали глаза, а затем отпускали на волю. До начала 19-го столетия на шляхах Южной Руси-Украины можно было встретить нищих искалеченных стариков-гайдамаков, и если подаваемая милостыня оказывалась невеликой, можно было услыхать и знаменитое проклятие их:

«Щоб тебе свята Кодня не минула!»

Колиивщина, по сути дела, послужила поводом к очередной и весьма важной в территориальных приобретениях русско-турецкой войны. Отряд запорожских козаков под командованием Василия Шила, преследуя евреев и конфедератов, вышел к польско-турецкой границе возле торгового городка Балта. Перерезав евреев и шляхту, разграбив город, гайдамаки ушли восвояси. Но тут турки и татары напали на Балту и учинили расправу над православными, жившими там. Проведав о том, Шило с козаками вернулись, изгнали из города мусульман, также переправились через реку Кодыму, тем самым нарушив границу, и разорили татарскую слободу на другом берегу. Поляки грамотно использовали этот пограничный инцидент, свалив всю вину на

Россию, уверяя Порту в том, что они сами, вместе с евреями и магометанами, стали жертвой кровожадных козаков, подданных российской императрицы. Русские дипломаты пытались замять инцидент: имущество татар было возвращено хозяевам; плененных гайдамаков из Умани специально привезли в Балту и там предали казни на глазах турок, — в частности, и Максим Железняк был именно в Балте стеган кнутом и изуродован, хотя к нападению отряда Василия Шила он не имел никакого отношения, ибо в это время находился в Умани. Но в России в то время смертная казнь была отменена, поэтому наказание ограничивалось кнутом, раскаленным железом и ссылкой в каторжные работы в Сибирь. Но барские конфедераты умело подливали масла в разгорающийся конфликт, склоняя Османскую империю к войне с Россией. В частности, заручившись поддержкой Франции, конфедераты даже пообещали османам в случае благоприятного исхода дела передать им Волынь и Подолье! Ну как тут можно было Турции устоять? К тому же Франция и Австрия обещали отправить в помощь османам войска и флот. Турки расценили создавшуюся ситуацию весьма благоприятной для себя, и ожидаемые барыши весьма грели сердце блистательной Порте. Предлога и искать даже было не надо: Россия нарушила международные договора, введя вооруженные силы в пограничные земли для подавления Колиивщины; к тому же в отряде Василия Шила, разорившем Балту и татарские поселения за Кодымой, было немало запорожцев, подданных Екатерины. Этого было достаточно, чтобы объявить и начать очередную войну.

Она и началась 6 октября все того же злосчастного 1768 года. Разрозненные отряды польских конфедератов были объединены, командование над ними приняли французы. Но все оказалось непросто.

Интересные записки о нравах, которые царили в нестройном войске барских конфедератов, оставил французский генерал Дюмурье, будущий министр, присланный Францией для оказания помощи конфедератам. С Дюмурье прибыла в Речь Посполитую многочисленная группа офицеров и инженеров. Тем временем конфедерация объявила короля изменником, а трон его вакантным, и уничтожила постановления «репнинского» сейма. Под командованием Дюмурье конфедераты сделали некоторые успехи и захватили несколько крепостей близ Кракова, пока против них не выступил Суворов. Дюмурье со своими отрядами был разбит в мае 1771 года в сражении при Ланскороне и за превышение своих полномочий отозван обратно во Францию. В своих записках Дюмурье рассказывает следующее (я передаю воспоминания французского генерала в вольном пересказе С. Соловьева):

«Нравы вождей конфедерации азиатские. Изумительная роскошь, безумные издержки, длинные обеды, игра и пляска — вот их занятия! Они думали, что Дюмурье привез им сокровища, и пришли в отчаяние, когда он им объявил, что приехал без денег и что, судя по их образу жизни, они ни в чем не нуждаются. Он дал знать герцогу Шуазелю, чтобы тот прекратил пенсии вождям конфедерации, и герцог исполнил это немедленно. Войско конфедератов простиралось от 16 до 17000 человек; но войско это было под началом восьми или десяти независимых вождей, несогласных между собою, подозревающих друг друга и переманивающих друг у друга солдат. Все это была одна кавалерия, состоявшая из шляхтичей, равных между собою, без дисциплины, дурно вооруженных, на худых лошадях. Шляхта эта не могла сопротивляться не только линейным русским войскам, но даже и казакам. Ни одной крепости, ни одной пушки, ни одного пехотинца. Конфедераты грабили своих поляков, тиранили знатных землевладельцев, били крестьян, завербованных в войско. Вожди ссорились друг с другом. Вместо того, чтобы поручить управление соляными копями двоим членам Совета финансов, вожди разделили по себе соль и продали ее дешевою ценою силезским жидам, чтобы поскорее взять себе деньги. Товарищи (шляхта) не соглашались стоять на часах — они посылали для этого крестьян, а сами играли и пили в домах; офицеры в это время играли и плясали в соседних домах. <...> Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны, — далее отмечает Дюмурье, — они страстно любят свободу; охотно жертвуют этой страсти имуществом и жизнию; но их социальная система, их конституция противятся их усилиям. Польская конституция есть чистая аристократия, но в которой у благородных нет народа для управления, потому что нельзя назвать народом 8 или 10 миллионов рабов, которых продают, покупают, меняют, как домашних животных. Польское социальное тело — это чудовище, составленное из голов и желудков, без рук и ног. Польское управление похоже на управление сахарных плантаций, которые не могут быть независимы. Умственные способности, таланты, энергия в Польше от мужчин перешла к женщинам. Женщины ведут дела, а мужчины ведут чувственную жизнь. Отметил он и особенности своих русских противников: «Это превосходные солдаты, но у них мало хороших офицеров, исключая вождей. Лучших не послали против поляков, которых презирают».

Действительно, в это время продолжалась русско-турецкая война, где и были как раз

задействованы лучшие военные силы и полководцы империи. Барская конфедерация, как и патриотическая конфедерация, неминуемо становились прошлым и были обречены на поражение.

Однако в мою задачу не входит подробное описание хода этой роковой для Турции войны, закончившейся только лишь в 1774 году, через шесть лет, исполненных позора и бесславия турецкого оружия, некогда — в пору завоевания Константинополя в 1453 году — непобедимого.

В ходе этой войны взошли к своей будущей воинской славе такие люди, как Румянцев, Суворов и Кутузов. Турция же не только не получила обещанных территорий Речи Посполитой, но потеряла дунайские княжества, Крым, Закавказье, Молдавию... Только усиленная охрана пролива Дарданеллы не дала русскому флоту войти в Босфор со стороны Эгейского моря и захватить Константинополь!.. Османская империя была на грани военного разгрома. Франция, Австрия и барские конфедераты просто растворились бесследно в ордах беспорядочно отступающих турок, — более того, мощь русского оружия настолько впечатлила европейских покровителей польских конфедератов, что ни о какой помощи Турции уже не могло быть и речи. Поражает статистика потерь турок в соотношении с потерями русских, — для примера я выхватываю буквально первое попавшееся сражение:

«26 июля (1770 года) на волне успеха Репнин при слабом сопротивлении деморализованных турок взял Измаил. Всего 21-26 июля турки потеряли по показаниям пленных до 20 тыс. человек. Русская армия захватила 4 тыс. пленных, 205 пушек и важную крепость Измаил, сама потеряв 375 убитых и пропавших и 560 раненых», — и такое соотношение потерь продолжалось до самого окончания войны в 1774 году!..

Высокая Порта понимала опасность продолжения войны. К счастью для государства, в январе 1774 непримиримый султан Мустафа III умер, на престол взошёл его брат Абдул-Хамид I. В марте визирь обратился к России с просьбой о мире. Австрийский и прусский послы убедили нового султана дать визирю неограниченные полномочия вести переговоры и подписать окончательные условия мира. Генерал-фельдмаршал Петр Румянцев от императрицы получил разрешение для верности дела потратить до 100 тысяч рублей на взятки османским чиновникам. Военное положение турок было безнадёжно, и визирь 2 июля выслал уполномоченных в деревню Кючук-Кайнарджи для подписания мира. Со стороны России уполномоченным был наш старый знакомый по польским делам князь Николай Репнин, к этому времени ставший генералом-аншефом. Румянцев дал визирю максимум пять дней на согласование условий окончательного мира и 10 (21 июля) уполномоченные с обеих сторон подписали знаменитый Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому сбылась многовековая мечта многих поколений как русских, так и польских людей: разбойничье гнездо Крымского ханства, через которое за века более пяти миллионов человек было продано в Европу и в Азию, а слово slav стало обозначением раба, прекратило существование. За военные издержки Турция обязалась в течение трех лет уплатить России 4,5 миллиона рублей. 13 января 1775 года Кючук-Кайнарджийский мир был утверждён султаном.

— Если говорить другими словами, — сказала Лика на это, — Речь Посполитая, погибая, едва не утащила в могилу с собой и Османскую империю турок.

— Да, — ответил ей я, — за три года до окончания этой победоносной, но затянувшейся русско-турецкой войны, в 1772, три державы — Россия, Пруссия и Австрия — заключили конвенцию о частичном разделе Речи Посполитой и заняли аннексируемые территории. В 1773 польский сейм ратифицировал эти потери, в надежде что худшее уже позади. Но все только начиналось.

Таковыми были реальные итоги Барской конфедерации и польского религиозного фанатизма.

33. ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

— Ты снова следуешь по проторенному пути исторических предрассудков, — сказала Лика, — делаешь упор на Екатерину, на Россию, которая разлагала деньгами верхушку польского общества, а затем предательски поглотила Речь Посполитую, не поперхнувшись. Но ведь это не так?

— Лика, — сказал я на это, — мне не угнаться даже в кратком и убогом слове своем за быстролетностью мысли твоей, тем паче за таким естественным свойством женщины охватить все и сразу. Дай мне перевести дух и начать новую повесть о тех, кто до времени оставался в тени Гайдамаччины и русско-турецкой войны, — о наших замечательных соседях с западных границ Речи Посполитой — о Пруссии и об Австрии...

— Лешек, — сказал Лика, — а к чему ты все это мне рассказываешь?

— Легче всего ответить таким образом: потому что ты всего этого не знаешь. Да и я раскапываю все это по той же причине — своего собственного незнания, верхоглядства, приблизительных исходных стереотипов: что вот в таком-то году русский медведь, в данном случае — венценосная медведица по имени Екатерина II сожрала бедную и несчастную, ни в чем не повинную Польшу и не поперхнулась, — и наши предки были обречены на полтора века страданий, стенаний, молитв, вооруженных восстаний, которые только умножали число мучеников-патриотов, и только в 1918 году каким-то невероятным и чудесным образом Юзеф Пилсудский восстановил из праха нашу Речь Посполитую... Но ведь это не так!.. То есть так — но в самых общих чертах. Вот в подоплеке, в забытых деталях, в подспудных течениях мы и пытаемся с тобой разобраться, просто читая внимательно то, что опубликовано очевидцами, свидетелями и историками прошлых времен. В занесенном зыбучими песками забвения...

— Чтобы — что?..

— Сказать: понять, — будет неточно. Понять, осознать — чтобы — опять-таки — что?.. Исправить? Оправдать? Переиначить? Ну да, встает жутковатый извечный вопрос: в чем смысл истории?.. И — наука ли это? Или вольная интерпретация и истолкование прошлых событий и фактов? Вот, к примеру, у меня был однокурсник-монгол, Энхбат именем. Вот он рассказал как-то мне, что на главной площади Улан-Батора стоит памятник Чингисхану, национальному герою Монголии. Сказать, что я был потрясен, ничего не сказать. Мы ведь родились и выросли в мифологемах о 300-летнем татаро-монгольском иге, имя Чингисхана как палача многих народов было для нас совершенно инфернальным, чуть ли не синонимом сатаны, — и вдруг — национальный герой, памятник, почести и благодарная память потомков... Весьма неожиданно!.. Учитывая, что киевские археологи в культурных слоях древнего Киева 12-13-го веков насчитали около 10 тысяч усадеб, а проезжавший Киев в 1246 году папский легат Плано Карпини насчитал в городе едва 200 домов и в его окрестностях видел непогребенные останки десятков тысяч людей... Перед татарской навалой на Руси насчитывалось 1500 городов и крепостиц, но в результате нашествия и последовавших за ним на протяжении 13-го века походов татар большая часть поселений была стерта с лица земли. До наших дней дошли названия только трехсот из сохранившихся городов... Таким вот и был национальный герой социалистической Монголии... И что делать нам?.. Переубеждать Энхбата и доказывать, что его народ почитает не того, кого нужно? Но ведь у них нет другой истории и других героев. Да и мыслимо ли Энхбата переубедить? Их и в пионеры под памятником Чингисхана принимали, и в демонстрациях они там ходили с красными флагами и аршинными портретами товарища Цеденбала... И где истина, хотя бы усредненная, — я не знаю, правда, что это такое?

— То есть ответа нет никакого...

— Нет. Но это не значит, что мы должны бросить все и обо всем позабыть. Тем более сегодня, когда мы не можем понять сути происходящего на Украине, этой безладицы, хаоса, в котором мы пребываем. Но зато, размышляя о 18 веке, в частности, о польских разделах, у нас есть обратная перспектива, и мы знаем, что за чем последовало, что сколько стоило и как следующие поколения расплачивались за корыстность, мелкость, никчемность польской элиты времен Станислава Понятовского. Ну, и причины — духовные и политические — нам тоже известны.

— Итак... — сказала Лика, задумчиво глядя в окно. За ним в некоей предгрозовой тишине высились здания Подола, кривились пустынные улицы, кое-где освещенные желтыми фонарями. Прохожих не было видно, по причине очередной воздушной тревоги. Где-то в глубине пространства нес свои вечные воды Днепр, исконная жизненная артерия Украины.

— Мы ведь только гости на этой земле. А эта река, эта земля пребывают вне краткого времени, отведенного промыслом нам, — пребывают всегда...

— И мы должны... — сказала Лика.

— Да. Мы должны прожить жизнь в любви — ты, твоя красота, твой покой, наши дети, родные могилы по всему белому свету, наша память о прошлом и о тех, кто уже покинул этот удивительный мир, такой парадоксальный, прекрасный и страшный...

— Да, Лешек, ты прав, но все труднее сохранить в себе любовь, зная о том, что происходит сейчас...

— Итак, обратим взгляд свой на запад, — сказал я.

В то время, когда Россия щедрой рукой раздавала пенсионы шляхте в Варшаве, то же самое делали и пруссаки, хотя не так щедро и не так обильно. Прусским королям просто уснуть на пуховых перинах не давала назойливая мысль об «округлении» своих границ и особенно о вольном городе Данциге (Гданьске) и о Торне (Торуни), которые во все времена были «золотым ключом» от таможенных невероятных доходов, от господства не только на Висле, но и на Балтике. (К слову, именно Данцигский коридор и право обладания им стал спусковым крючком Второй мировой войны). Пруссия 18-го

столетия крепла и возрастала прямо-таки на глазах всей Европы. Король Фридрих II вошел в историю как один из самых деятельных европейских монархов и заслуженно получил приставку к своему имени Великий. Он положил начало политическому объединению германских земель, которое к 1870-м годам следующего века завершил не менее великий Отто фон Бисмарк. При Фридрихе Великом территория Пруссии увеличилась вдвое. Был Фридрих и выдающимся меценатом, а не только успешным и твердым политиком, умевшим отстаивать государственные интересы. Он много чего сделал для Пруссии: строил дворцы — архитектурный стиль его построек носит его имя «фридерицианское рококо», учредил Королевскую оперу, сам музицировал ежедневно на флейте. И не просто так музицировал, но сочинял музыку. Вот каково его композиторское наследие: 121 соната для флейты и цифрованного баса, 3 симфонии и 4 концерта для флейты и струнного оркестра, концерт для двух флейт и клавесина, марши и арии. Сочинения Фридриха II для флейты до сих пор входят в репертуар исполнителей на этом инструменте. При его дворе в Потсдаме и в Сан-Суси жили и работали выдающиеся композиторы и музыканты эпохи — Грауны, Фаш, знаменитый чешский композитор и скрипач Франтишек Бенда, композитор и музыкальный теоретик Фридрих Вильгельм Ридт, композитор и музыкальный теоретик Иоганн Филипп Кирнбергер... Для его королевской капеллы приобретались струнные инструменты лучших итальянских мастеров Амати и Страдивари. В 1747 году он пригласил к себе в Потсдам Иоганна Себастьяна Баха. Результатом этой встречи стало знаменитое «Музыкальное приношение» — большой цикл произведений, написанных на тему, сочинённую и предложенную Баху самим королём. Эта тема вошла в историю музыки как «королевская тема». Позже при его дворе жил и работал второй сын Баха Карл Филипп Эммануил, прозванный Берлинским или Гамбургским Бахом. В конце жизни Фридрих написал несколько книг — «Письма о любви к отечеству», «Рассуждения о различных образах правления и о обязанностях государей», «История раздела Польши», «История своего времени» и «Исторические записки Бранденбургского дома». В 1744 году Фридрих на основе Берлинского научного общества создал Берлинскую академию наук, куда пригласил лучших учёных Европы, в том числе Мопертюи (президент) и Леонарда Эйлера (директор математического класса). В 1750 году по его приглашению в Пруссию приехал Вольтер, который помог королю развивать концепцию «идеального государства». Впоследствии Фридрих так обозначил программу преобразований: «Хорошо работающее правительство должно представлять столь же прочно связанную систему, как и система понятий в философии. Все его решения следует хорошо обосновывать; хозяйственная, внешняя и военная политика должны способствовать единой цели — консолидации власти государства и увеличению его мощи». В этих словах заключалась вся будущая политика Пруссии, благодаря которой она стала одной из ведущих европейских держав.

Но я не буду рассказывать о всех делах великого короля и ограничусь делами, которые касаются судьбы Речи Посполитой. Ведь недаром эти государи — Фридрих на западе и Екатерина на востоке получили весомую приставку к своим именам — Великие. Был ли ровней этим великим политическим деятелям 18-го столетия последний польский король Станислав Понятовский со своим сеймом, опутанный по рукам и ногам честолюбием и самоволием шляхты, ратовавшей исключительно за безграничную собственную свободу и замшелые вольности?.. Кажется, он и сам все понимал. Оставалось только подороже — за несколько миллионов — продать вместе с королевским престолом Гданьск, Торунь, Львов да и в целом Речь Посполитую и с обиженным видом уехать навсегда с польских земель доживать свою никчемную жизнь.

Проснулась и Австрия: двор Габсбургов тоже спешил под шумок ухватить кое-что для себя. Соловьев пишет:

«Но Фридрих недолго находился в таком приятном расположении духа. 21 апреля н.с. фан-Свитен объявил ему долю, которую назначил себе венский двор из польских владений: то была вся Галиция, вся Червоная Русь, по которой польские короли величали себя русскими государями. «Черт возьми, господа, у вас, я вижу, отличный аппетит, — сказал Фридрих, взглянув на карту, — ваша доля так же велика, как моя и русская вместе; поистине у вас отличный аппетит!»

Тут надо учесть, что в это время, в 1773 году, все еще продолжалась затянувшаяся война России с Османской империей, во многом инспирированная польской Барской конфедерацией, Великобританией и Францией. Свою помощь туркам в войне с Россией обещала и Австрия. Во избежание этого нежелательного и опасного союза Австрию следовало «задобрить» и принять в теплую компанию государей, которые готовились к расчленению Речи Посполитой. Понятовский с поляками вовсе были устранены из переговоров, которые интенсивно велись тремя европейскими дворами. Вот что писал об австрийских требования граф Виктор Фридрих фон Сольмс-Зонневальде, прусский чрезвычайный посланник и полномочный министр в России, главе российского

внешнеполитического ведомства графу Никите Панину:

«Из затруднений, предоставляемых Австриею для успешного окончания дела, два выхода, первый состоит в том, чтоб открыто воспротивиться намерениям венского двора. Но это поведет далеко, удалит умиротворение Польши, усилит смуту; Россия и Пруссия не смогут привлечь поляков на свою сторону против Австрии, которая обратится к своим старым связям; в Европе возгорится общая война, за что? В этом нелегко будет признаться, и если бы даже война кончилась в нашу пользу, она бросит семена другой войны вследствие вражды, которая возникнет между различными дворами, которые примут в ней участие. Другой выход состоит в применении к обстоятельствам и удовлетворении австрийских требований. Но в таком случае будет несправедливо, чтоб прусский король, который не переставал давать существенные доказательства своей дружбы к России и который, вняв дружественным представлениям императрицы, отказался от приобретения таких частей Польши, которые гораздо важнее для Пруссии, чем краковские соляные промыслы и Львов для Австрии, остался без вознаграждения. Если русский двор, чтоб не погрузить Европу в новую войну, предпочитает уступить требованиям Австрии, то смею ласкать себя надеждою, что он не будет в этом случае противоречить и тому, чтоб прусский король прибавил еще к своей доле города Данциг и Торн, которые и без того уже окружены его новыми владениями и без которых главная выгода приобретения от Польши, состоящая в округлении прусских владений, не будет никогда полною. В этом будет состоять единственная возможность для Пруссии согласиться без труда и отвращения на то, чтоб могущественный и опасный сосед захватил себе такие обширные и важные земли. В этом же заключается единственное средство покончить дело скоро и спокойно. Опасаюсь и того, что если продлятся споры о равенстве долей, то между дворами венским и берлинским произойдет гибельное столкновение».

Удивления достойно здесь то, что ни польского короля, ни сейма здесь просто нет. Они представляют собой пустое место, не более того. Венцель Антон Кауниц, государственный канцлер империи Габсбургов, писал в Петербург, что его двор соглашается исключить из своих требований воеводства Люблинское и Хельмское, но не может уступить соляных копей и Львова; вместо соляных копей можно отдать польскому королю означенные воеводства, согласиться с Польскою республикою о цене соли при постановлении договора и переместить шляхетские акты из Львова в Люблин. И это единственное упоминание о поляках: соляные копи взамен исконных воеводств Речи Посполитой... Двумя другими дворами решено было согласиться на это и заключить с венским двором конвенцию о разделе...

Тут и комментировать, как говорится, нечего. Против лома — нет приема. Но как же, как же великая в прошлом держава опустилась до такой степени?!..

Примечательно поведение императрицы Марии-Терезии во время этого пресловутого первого раздела. Она была весьма религиозной особой и интуитивно чувствовала, что в австрийской политике, проводимой в жизнь ее сыном Иосифом II, есть нечто богопротивное. В связи с этим прусский посланник в Вене уведомлял Фридриха о том, что Мария-Терезия пребывает в большой нерешительности относительно польских дел. *«Она выставляет угрызение совести, которое причиняет ей соглашение о разделе Польши, и в минуты дурного расположения духа сильно упрекает императора, своего сына, за то, что его свидания с королем прусским послужили первым источником затруднений, в которых она находится. Император очень на это досадует и утверждает, что ежедневные ссоры между матерью и сыном стали теперь чаще и сильней»*, — передает настроения при венском дворе С. Соловьев. Насколько эти угрызения совести были реальны, ответа, разумеется, нет никакого, — да и были ли, по сути, они?.. Но не напрасно ведь все это попадало в отчеты, в реляции и в дипломатическую переписку: австрийская императрица за завесой терзаний и слез о несчастном польском народе вполне трезво понимала, что нужно ее собственной империи. И выход, естественно, быстро нашелся, о чем также стало известно европейским королевским дворам:

«Фридрих уведомлял Сольмса, что Мария-Терезия продолжает терзаться угрызениями совести и прибегла к казуистам. Духовник отвечал, что, не зная законных прав ее на взятые польские области, он не может смотреть на ее предприятие как на большой грех. Другие духовные лица отвечали, что законы, которыми руководятся государства и государи, отличны от законов, которыми руководятся частные лица, и что есть случаи, где императрица может руководствоваться только политическим интересом. Последнее решение приписывают иезуитам», — это можно прочесть в «Делах прусских 1772 года».

Итак, совесть императрицы была успокоена теми, кто больше всего понимал в этих щекотливых вопросах, и она смирилась с тем, что на последующие века Австрия получила себе во владение Галицию, а в 1775 году заодно получила и Буковину, отжав

угрозами ее у Османской империи.

— Великая лицедейка, что говорить, — сказал Лика на это, — я сейчас тоже заплачу из-за терзаний ее, вошедших в исторические анналы.

— Те, кто наследовал Марии-Терезии в европейской политике, уже не мучились никакими угрызениями совести, — сказал я.

— Но как это все вышло? — воскликнула Лика. — Неужели не существовало никаких законов и межгосударственных актов о нерушимости границ, о праве наций жить в собственном государстве? Где был король? Где были магнаты Речи Посполитой со своими деньгами, влиянием, связями? Как дошло все до этого?.. Хоть ты и рассказываешь все это мне в подробностях, но я все-таки совершенно ничего не понимаю!..

— Отвечу тебе словами Ключевского о разделах: *«Эта идея ничья; она сложилась сама собой из всего строя, быта и соседского окружения Речи Посполитой и носилась в дипломатических кругах давно, уже с 17-го века. При деде и отце Фридриха II три раза предлагали Петру I раздел Польши и всегда непременно с уступкой прусскому королю западной Пруссии, отделявшей досадным промежутком Бранденбург от восточной Пруссии. Фридриху II принадлежит не самая идея, а ее практическая разработка»*. А в Манифесте от 05.08.1772 года объяснение причин этих разделов также было не слишком подробным: *«Русский императорский двор, будучи вынужден, в виду интересов своей империи, остановить, наконец, собственными силами ярость польских беспорядков, помешать разрушению государства, а также обеспечить себе справедливое удовлетворение своих законных прав...»* Видишь, Лика, причины? «Остановить ярость польских беспорядков» — Екатерина говорит здесь о Барской конфедерации и о том, что творилось в Речи Посполитой и на границах ее — тут и Гайдамаччина, тут и война с Османской империей, и шаткость положения Понятовского, заговоры против него с целью устранения и убийства... Поэтому Екатерина прямо говорит, что хочет «помешать разрушению государства», — но каким образом?.. И что подразумевается под «справедливым удовлетворением своих законных прав»?

— То есть, — подытожила Лика, — диссидентский вопрос, гайдамаки и Барские конфедераты — все это было увязано в один узел, и все играло в пользу Екатерины...

— Да, политика — это умение ждать. Может быть, даже веками. Ведь дождалась в свое время Московская Русь Богдана Хмельницкого — получила Малороссию. А при митрополите Иове Борецком, в 20-е годы 17-го столетия, отказывалась от предлагаемого малороссами присоединения... Полтора столетия православные Речи Посполитой стенали и жаловались в Москву и Санкт-Петербург на католический произвол и неслыханные притеснения от униатов, и российское правительство исправно, с завидным постоянством выдвигало требования к польским королям о прекращении этих гонений, но никто не прислушивался к требованиям, да и были они, похоже, весьма формальными. А Россия снова терпеливо ждала, когда яблоко это созреет и само упадет в руки. Вот при Станиславе Понятовском и пробил роковой час. И Гайдамаччина с Гонтой и Железняком была разыграна очень грамотно — поэтому российские подданные, участники восстания, были практически прощены и распущены по домам. Ну а поляки — с тем же Стемпковским — не поняли этих знаков и снова пошли по извечному и ошибочному пути — запугивания и страшных, мучительных казней, но казни эти только озлобляли еще больше православный народ, — в ответ точились ножи, топоры, косы, назревали новые и новые мятежи, и взоры казнимых и угнетаемых снова и снова обращались к востоку, к Российской империи. Конечно, из схронов и архивов истории Екатеринскими знатоками добыты были известия о том, что некогда и Червоная Русь, и Белая Русь были частями Киевской Руси. Частью ее была и Владимиро-Суздальская Русь, от которой первенство чести перешло к Москве и московским князьям, — и вот теперь, на излете очередной русско-турецкой войны, после невероятных побед на полях сражений и битв, когда Россия получила Дикое поле и Крым, наконец-то, пришла пора восстановить древние права на потерянные территории, принадлежавшие Польше... Временно принадлежавшие, можно сказать в этом контексте. И первыми помощниками в великих замыслах Екатерины Великой были союзные ей государи — прусский Фридрих Великий и австрийский Иосиф II со своей совестливой не в меру мамочкой Марией-Терезией... Тоже отчасти великой...

Примерно о том же говорит чеканным слогом историк Светлана Лукашова:

«Религиозный вопрос был лишь предлогом для оказания политического и военного давления. Реальной защиты православных не производилось, а грубо навязанные польскому правительству половинчатые решения лишь провоцировали вспышки религиозного фанатизма у католиков и усложняли межконфессиональные отношения в Речи Посполитой. Так, неоспоримо, что даже простая демонстрация намерений со стороны России защитить православных Речи Посполитой — активизировала как сопротивление упорствующих, так и возвращение насильственно обращенных в унию, а появление минимальной надежды на улучшение своего положения провоцировало

массовые обращения верующих к русским властям с просьбой защитить от преследований, которые, в свою очередь, рассматривались как легитимный повод для ввода войск».

Тем временем, в 1769 году, князь Репнин, сделавший свое дело, был из Варшавы отозван и отправился воевать с турками. На его место, совсем ненадолго, Екатерина назначила князя Михаила Волконского. С. Соловьев замечает, что преемник Репнина был человек достойный, но не Репнин; да и задача, возложенная на него, была трудна: он должен был действовать и твердо, и вместе с тем мягко, чтобы не разрушить достижений предшественника. Демонстративная мягкость Волконского — в отличие от отозванного посланника — окрылила поляков, и Соловьев сообщает в связи с этим весьма примечательные детали:

«Среди торжества, которое доставляло королю и его советникам уверенность, что Россия слаба, потому что посол императрицы никого не хватает, ничьих имений не конфискует, а только дает деньги, и что вся Европа вступится за Польшу...»

Мягкий характер нового посла развязал язык и примасу Подоскому, архиепископу Гнезненскому, и он прямо заявил Волконскому, что Польша не может быть счастлива, имея национального короля; что Понятовский ненавидим нациею и нет средства успокоить ее без его свержения. Волконский ответил на это, что русское правительство не допустит никогда уничтожить собственное свое дело; но примас остался при своем мнении...

И все это — одна из множества деталей, одно из череды событий, творящихся в безладье и невнятности тогдашней жизни в Речи Посполитой. Ну вот кого должны потомки винить в том, что Речь Посполитая исчезла с политической карты Европы, если сам примас, глава всех польских епархий, исповедует такое и ратует за то, чтобы королем Речи Посполитой был «саксонец»? Воз, доверху нагруженный грехами, произволом, роковыми ошибками, гордыней и самомнением, круто замешенными на корыстолюбии, коррупции и предательстве национальных интересов, несся по крутому, отвесному склону к роковому обрыву. Гибель государства, произошедшая вскоре, или возможность ее, просто не принималась в расчет, — все казалось весьма опасной, но все же игрой: ну не могла за здорово живешь исчезнуть в небытии великая и славная Польша! Никак не могла!.. А раз так, то что воспрепятствует, скажем, мне взять несколько тысяч червонцев от российского посла и на сейме проголосовать так, как он мне укажет? От моего голоса ведь ничего не изменится, тем более никуда не денется Польша, ну а я немного подправлю собственное финансовое здоровье... «Всяк человек ложь», как сказано в одном из псалмов. Так и рассуждали российские «пенсионеры» из польской элиты, и каждому из них казалось, что он ведет очень грамотную игру, которую можно было бы охарактеризовать как «тяни-толкай», или, если снова обратиться к Псалтири, «устами своими они благословляли, а сердцем своим проклинали»... Не забывая получать весомую плату из Петербурга.

— Лика, можешь назвать эту мзду за погибель отечества евангельскими «серебрениками» или же изощренной местью России: вот пропью-прогуляю царские деньги, чем урон нанесу проклятой Екатерине!..

— Да уж... Воистину «однова живем»... — печально ответила Лика. — Или подложу подлянку соседу: повешусь у него на воротах...

Совершенно удручающую картину происходящего в Варшаве рисует саксонский резидент в Польше Ессен:

«Вельможи, постоянно недовольные, в постоянном соперничестве друг с другом, гоняются за пенсиями иностранных дворов, чтоб подкапываться под свое отечество. Потоцкие, Радзивиллы, Любомирские разорились вконец от расточительности. Князь Адам Чарторыйский часть своего хлеба съел еще на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому двору, который больше заплатит. В столице поражает роскошь, в провинциях бедность. На 20 миллионов польских злотых ввоз иностранных товаров превысил вывоз своих. Ежедневно происходят такие явления, которые невероятны в другом государстве: злостные банкротства купцов и вельмож, безумные азартные игры, грабеж всякого рода, отчаянные поступки, порождаемые недостатком средств при страшной роскоши. Преступления совершаются людьми, принадлежащими к высшим слоям общества. И какому наказанию подвергаются они — никакому! Где же они живут, эти преступники, — в Варшаве, постоянно бывают у короля, заведывают важными отраслями управления, составляют высшее, лучшее общество, пользуются наибольшим почетом. Хотите знать палатина, который украл печать? Или графа, мальтийского рыцаря, которому жена палатина русского (галицкого) недавно говорила: «Вы украли у меня часы, только невелика вам будет прибыль: они стоят всего 80 червонных». Кавалеры Белого орла крадут у адвокатов векселя, предъявленные их заимодавцами. Министры республики отдадут в заклад свое серебро через камердинера, отошлют потом этого камердинера в деревню,

да и начинают иск против того, кто дал деньги под заклад, под предлогом, что камердинер украл серебро и бежал, а через полгода вор опять служит у прежнего господина. Другой министр захватил имение соседа; Постоянный совет решил, что он должен возвратить захваченное; несмотря на то, похититель велел зятю своему, полковнику, вооруженною рукою удерживать захваченное; загорается битва между солдатами полковника и крестьянами законного владельца; полковник прогнан, но 30 человек остались на месте битвы. Один палатин уличается перед судом в подделке векселей; другой отрицается от своей собственной подписи; третий употребляет фальшивые карты и обирает этим молодых людей — в числе обыгранных был родной племянник короля; четвертый продает имения, которые ему никогда не принадлежали; пятый, взявши из рук кредитора вексель, раздирает его в то же мгновение и велит отколотить кредитора; шестой, занимающий очень важное правительственное место, захватывает молодую благородную даму, отвозит в дом, где велит стеречь ее своим лакеям, и там насилует. Покойный маршал Саксонский имел полное право говорить, что немецкий полумошенник в Польше честнейший человек».

С.М. Соловьев, приводя этот текст из дипломатической переписки той эпохи, говорит: *«Мы едва ли бы решились без оговорки приводить эти свидетельства, если бы они шли от русского, австрийца или пруссака; но они идут от саксонского резидента Ессена, который не имел никаких побуждений чернить поляков — напротив: имел все побуждения сочувствовать им, смотреть на них с самой благоприятной стороны. «Я трепещу при мысли, — пишет далее Ессен, — что курфирст возложит на меня обязанность указать ему между поляками троих значительных и вместе честных людей: я не могу указать ему ни одного. Польские вельможи громко говорят: «Государи при сношении друг с другом имеют в виду одну собственную выгоду; мы республиканцы и государи и потому не делаем ничего для других государей без соблюдения собственной выгоды». Россия, — продолжает Ессен, — эта великая и страшная империя, принуждена тратить ежегодно от 40 до 50000 червонных на пенсии, чтобы в Постоянном совете и в комиссиях иметь своих людей, и, кроме того, должна еще содержать эскадрон легкой кавалерии, готовый лететь всюду при первой надобности. Несмотря на то, несмотря на все письма и указы императрицы к послу, русские подданные часто проигрывают процессы. Английский посланник Дальримпль с каждою почтою просит свое правительство отозвать его отсюда; он говорит, что, исполняя здесь обязанности министра, он унижает тем свое достоинство честного человека. Большая часть здешнего высшего блестящего общества в другой стране подверглась бы преследованию закона».*

Разве случайны слова польского национального гимна: «Jeszcze Polska nie zgin a (Ещё Польша не погибла)...», которые можно расценить разве как мантру, как буддистский «ом», из которой выхолощен какой бы то ни было смысл. Шляхта времен злосчастных разделов, ослепленная блеском российского и прусского золота, изо всех сил закапывала независимость и былую славу Речи Посполитой, ну а потомкам оставалось разве что петь со слезами «Jeszcze Polska nie zgin a» и молиться в костелах о чуде или о чудотворцах, которые развернут время вспять, и «феникс» независимой Польши восстанет из пепла... Этими мессиями, от которых ожидалось чудо возрождения Польши, были Тадеуш Костюшко, затем Наполеон Бонапарт, следом за ним руководители бесплодных восстаний 1830 и 1861 годов, и только во времена русской смуты 1917-21 годов Юзефу Пилсудскому удалось на 20 лет воссоздать Вторую Речь Посполитую, растоптанную затем сапогом Гитлера не без помощи Сталина. Политические лидеры 20-го века продолжали заниматься все тем же — рвать несчастную Польшу в клочья, по заповедям великих государей 150-летней давности.

Но князь Волконский недолго был посланником Екатерины в Варшаве и в 1771 году был отозван в Петербург. На его место, но тоже не на долгий срок, был назначен Каспар Сольдерн. Прибыв в Варшаву и осмотревшись, он отправил сообщение Н. Панину, президенту Коллегии иностранных дел Российской империи, которое стоит привести целиком:

«Сердце короля есть сердце хорошего человека, но голова его, к несчастию, испорчена; увижу, могу ли я ее поправить; трудно излечить радикально мозг, поврежденный постоянными иллюзиями. Мой план состоит в том, чтоб примирить короля и его предполагаемых друзей с императрицею и с Россиею прежде, чем думать о примирении поляков между собою. Я сделаю половину дороги, если этот план мне удастся. Королю нечего есть и нечем платить своим служителям, он живет в долг день за день. Он задолжал почти каждому жителю города, и нищета его окружает. На второй же аудиенции он меня спросил, не имею ли я позволения дать ему денег, ибо он убежден, что императрица не может оставить его при такой крайности. Я пожал плечами и скрыл свою жестокую скорбь при виде короля, который со слезами просит милостыни; я был сильно тронут, но не обещал ничего. Утром в день королевских

именин граф Браницкий явился ко мне и мучил меня до тех пор, пока я не дал ему пяти тысяч червонных. Для меня необходимо такими поступками приобресть доверие короля».

В 1772 году Каспара Сальдерна сменил Отто Штакельберг. Он пробыл на этом посту восемь лет, до 1790 года. После него посланником в Польше стал Яков Булгаков, известнейший дипломат Екатерининской эпохи. В Речи Посполитой он вовсе не был новичком: с 1764 года служил в Варшаве при четырех послах сначала секретарём, а потом советником посольства Репнина, отправленного в 1775 году в Константинополь для заключения мира, и принимал деятельное участие в переговорах. В 1777 году Булгаков в качестве секретаря сопровождал того же Репнина с войсками в Тешен, где собрался конгресс по делам Баварии. Затем вместе с Потёмкиным произвёл разграничение Новороссийской губернии с польской Украиной, акт которого подписал 5 января 1781 года. Во время второй русско-турецкой войны был послом в Константинополе, оттягивая, насколько это было возможно, войну с Османской империей из-за недавно присоединенного Крыма. Турками был арестован и 812 дней провел в заключении в Семибашенном замке. Хотя надзор за Булгаковым был строгий, но ему удалось достать секретный план турецких военных операций на море и сообщить его русскому правительству.

Такие люди делали внутреннюю политику в Речи Посполитой.

Тем временем прусские войска с запада, российские с востока уже давно хозяйничали на землях Речи Посполитой, оказавшись здесь под различными предлогами — русская армия боролась с Барскими конфедератами, пруссаки, ввиду морового поветрия, заняли пограничные польские и зарились на извечный спорный коридор, разделявший Пруссию на Западную и Восточную. Не упустила своего и Австрия, как и Россия, обратившись к древней истории, когда в 1412 году земли, теперь «возвращенные», отошли от Венгрии Польше. Австрийцы, вступив в польские земли еще в 1770 году, заняли два староства и вместе с пятьюстами деревенями захватили богатые соляные копи Велички и Бохни. В австрийских документах использовалась печать с надписью: «Печать управления возвращенных земель». Так что все было вроде бы «вполне легитимно» — просто восстанавливалась историческая справедливость, и все.

Но для краткости моего изложения, может быть, стоит просто привести сухие данные из Википедии с перечислением отчужденных земель, с цифрами, с процентами и с количеством населения, которое проснулось однажды утром и обнаружило себя гражданами других государств, но не Речи Посполитой:

«Конвенция о разделе была ратифицирована 22 сентября 1772 года. В соответствии с этим документом, Россия завладела польской частью Ливонии (Инфлянтское воеводство) и частью Белоруссии — до Двины, Друти и Днепра, включая районы Витебска, Полоцка и Мстиславля. Под власть российской короны перешли территории площадью 92 тыс. км с населением 1 млн. 300 тыс. человек.

Пруссия получила Эрмланд (Вармию) и Королевскую Пруссию (позже ставшую новой провинцией под названием Западная Пруссия) до реки Нотеч (нем. Netze), территории герцогства Померания без города Гданьск (Данциг), округа и воеводства Поморское, Мальборское (Мариенбург) и Хелминское (Кульм) без города Торн (Торунь), а также некоторые районы в Великой Польше. Прусские приобретения составили 36 тыс. км и 580 тыс. жителей.

К Австрии отошли Затор и Освенцим, часть Малой Польши, включающая южную часть Краковского и Сандомирского воеводств, а также части Бельского воеводства и вся Червоная Русь (современная Галиция) без города Кракова. Австрия получила, в частности, богатые соляные шахты в Бохне и Величке. В общей сложности австрийские приобретения составили 83 тыс. км и 2 млн 600 тыс. человек. Столицей новой австрийской провинции, названной Королевством Галиции и Лодомерии, был назначен город Львов. <...> Захватив северо-западную Польшу, Пруссия взяла под контроль 80 % оборота внешней торговли этой страны. Через введение огромных таможенных пошлин Пруссия ускоряла неизбежный крах Речи Посполитой».

Разумеется, все это требовало соблюдения каких-то формальностей, и король Станислав Понятовский созвал сейм не для чего другого, как для утверждения фактического положения дел. Сейм, естественно, отказался признать раздел государства. От «черных орлов» — России, Пруссии и Австрии — потребовались дополнительные как моральные, так и материальные усилия. Был найден современный польский Иуда — великий коронный кухмистер Адам Понинский, которому посланники «черных орлов» пообещали три тысячи дукатов ежемесячного содержания и собственную всемерную поддержку.

15 апреля 1773 года Понинский собрал 75 коронных и 6 литовских депутатов и уговорил их устроить конфедерацию. 19 апреля, в день открытия сейма, Адам Понинский был избран сеймовым маршалком, несмотря на протест некоторых депутатов. 24 апре-

ля 1773 года король со всеми сенаторами подписал акт конфедерации, признав назначение Понинского. Сеймовый маршалок внес проект назначения сеймовой делегации и дарования ей полномочий вести переговоры с тремя державами о разделе и о новой форме правления Речи Посполитой. Понинский и возглавил эту сеймовую делегацию. 18 сентября 1773 года делегация подписала три договора, в которых она от имени Речи Посполитой отказывалась в пользу Австрии, Пруссии и России от всех претензий на занятые ими польские земли.

Вот и все...

В том же 1773 году Адаму Понинскому за оказанные услуги был пожалован княжеский титул. Кроме того, он стал кавалером ордена Белого орла, высшей награды Речи Посполитой... Позднее купил должность подскарбия коронного, но к 1785 году Понинского объявили не только моральным, но и финансовым банкротом — и куда девались те груды золота, за которые он продал независимость родины? — и он открыто стал платным агентом российских послов, получая от них крупные денежные суммы.

По ряду экономических и политических причин, о которых я не буду распространяться, в 1773 году папа Климент XIV упразднил Орден иезуитов в Европе. В Речи Посполитой Орден определял внутреннюю политику государства еще со времен Сигизмунда III, и, конечно, в такой фанатичной католической стране за прошедшие столетия иезуиты накопили несметные богатства. Имущество иезуитов следовало секвестировать, пересчитать, принять в казну и сдать в аренду или продать новым владельцам. Главой делегации сейма, занимавшейся этой весьма прибыльной работой, также был назначен Адам Понинский. Было бы странным, если бы при такой благоприятной возможности не начались невероятные коррупционные злоупотребления: за бесценок или за символическую плату приобретались богатые латифундии, замки и движимое имущество, прежде принадлежавшие иезуитам. Делегация сейма для люстрации находила доверенных лиц, которые оценивали доходы с этих владений насколько возможно дешевле. Так, саксонский министр, будучи в теме, свидетельствовал о размахе злоупотреблений: некие имения оценивалось в 300000 злотых продажной ценой, в то время как при прежних хозяевах-иезуитах они давали дохода до полутора миллионов в год.

Костомаров сообщает:

«Поэтому можно было получить их чрезвычайно выгодно за малую плату в казну. Понятно, что делегаты старались, чтобы эти имения, таким образом, доставались им или тем, которым они покровительствовали. Кроме того, Понинский и Млодзевский с братией постарались тогда захватить в свои руки на значительные суммы серебра, золота и вообще движимого имущества. Наконец, для большего обогащения они назначили себе пенсионы...»

— А что же король?

— Ему заткнули рот, дали четыре староства, которые увеличили его собственные доходы, и еще пять для раздачи тем, кому он пожелает... Староства из семьи короля не ушли: три из них он отдал своим племянникам, а два староства отдал Ксаверию Браницкому, которому был многим обязан благодаря выгодной женитьбе Браницкого на племяннице всесильного Потемкина. Костомаров дополняет:

«Во внимание к тому, что король потерял свои столовые имения в землях, отошедших по разделу к соседям, королю назначено четыре миллиона злотых в год, кроме доходов от оставшихся за ним столовых имений, приносивших в год до трех миллионов, и не считая вновь данных четырех староств. Этим-то успокоили короля».

Но во времена патриотической реакции, когда вроде бы появились надежды на новую конституцию и вся Польша скандировала «Народ с королем!», 1 сентября 1790 года Четырёхлетний сейм объявил об изгнании Адама Понинского из Польши как мерзкого предателя. Княжеское достоинство и высокие должности были у Понинского отняты. Орден у него тоже отобрали. Покрытый позором и осыпаемый проклятиями, он уехал из Варшавы в уже австрийскую Галицию, где владел имениями. Через три года Тарговицкая конфедерация, созданная в противовес Четырехлетнему сейму и Конституции 3 мая «черными орлами», приговор Понинскому отменила, разрешив ему вернуться в Варшаву и возвратив его утраченные титулы. В каком-то смысле позор отца попытался смыть его сын, тоже Адам, ставший генерал-майором польской армии. Еще в чине ротмистра он воевал в русско-польской войне 1792 года, был награжден за отвагу орденом «Virtuti Militari», затем в 1794 году принимал участие в восстании Тадеуша Костюшко...

Вот как описывает постыдный торг С. Соловьев в «Истории падения Польши»:

«Фридрих II воспользовался первою Турецкою войною — и получил часть Польши; надобно воспользоваться второю Турецкою войною и достигнуть того же и таким же образом, то есть без войны, дипломатическим путем, как произведен был раздел Польши при Фридрихе II. Для этого министр Фридриха-Вильгельма II хочет заключить

союз с Портою, которая, как добрая союзница, должна взять на себя издержки увеличения прусских владений, а именно: Россия и Австрия должны получить земли от Турции; за это Россия уступит клочок Финляндии Швеции, Австрия — Галицию Польше; Польша, получив Галицию, должна уступить Данциг и Торн Пруссии; а Швеция, получив вознаграждение от России, должна уступить Пруссии же свою Померанию. Может быть, Турция не будет довольна? Турция останется довольна: за все свои потери она получит громадное вознаграждение: четыре державы — Россия, Пруссия, Австрия и Англия — гарантируют на будущее время целость остальных ее владений...»

— Затейливая, шахматная комбинация, — сказала Лика, — если бы за всем этим не стояли еще и народы...

— В том-то и дело, — ведь этот пассаж Соловьева заканчивается вот какой фразой: «В Польше ничего не знали об этих соображениях»...

«Итак, — писал Каспар Сальдерн Панину, — *раздел Польши — дело решенное в Петербурге и Берлине! Это не все: прусский король не хочет знать о распоряжениях Австрии в таком важном деле. Но я скажу с моею обычною откровенностию, что предприятие опасно, если не будет соглашения с венским двором»*. При последнем условии Сальдерн был доволен разделом Польши и только торопил свое правительство прислать ему инструкции действовать соответственно этому плану. *«Что лучше*, — спрашивал он у Панина, — *поддерживать ли договор 1768 года, стоивший столько денег и крови для России, заключить прочный мир и предписать законы буйной республике с оружием в руках в соединении с другими державами или лучше, действуя примирительно, употребляя все-таки силу и тратя множество денег, добиваться умиротворения, которое все же не будет прочно и постоянно и будет гибельно для диссидентов: последние сделаются жертвой республики, не знающей ни чести, ни совести в исполнении своих торжественных обязательств? Я очень хорошо понимаю, что ни вы и никто, имеющий правила чести и добродетели, не может себе представить, до какой степени поляки вздорны и развращены. Король есть и останется всю свою жизнь слабым, пустым и глупым человеком (imbécile); он презираем народом и даже своими родственниками. Несмотря на то что он видит это собственными глазами, несмотря на то что я ему это повторяю беспрестанно, не раз он принужден был соглашаться со мною, что его побьют камнями, как только я удалюсь с горстью русского войска, находящеюся в Варшаве, и, несмотря на то, он, как истый Дон-Кихот, серьезно убежден, что должен искать главной поддержки своего трона среди своей нации. Можно ли представить себе подобную нелепость? Прибавьте еще, что этот государь неправдив, позволяет себе мелочности, увертки, перетолковывания. Без употребления силы нет твердой надежды на будущее; середина между мягкостию и силою решительно вредна; мягкость портит головы в Польше и несовместна с достоинством и превосходством России»*.

— И все?.. — спросила Лика меня.

— Да. Поляки надеялись, что этим все и закончилось. И никто не мог предположить, что относительно спокойной жизни им отведено всего 15 лет.

Окончание следует

Николай ПОЛОТНЯНКО

БЕССТЫЖИЙ ОСТРОВ

Современный русский роман

Часть I

От автора

«Бесстыжий остров» реально находится на Волге, в пределах Ульяновска. Пока он необитаем. И автор пожаловал его в собственность крупнейшему скоробогатею региона Андрею Козыреву, который превратил остров в непотопляемый струг имени Стеньки Разина и ежегодно устраивает на нём шумные игрища в честь удалого атамана всея Руси с бросанием персианской княжны в Волгу. К 70-летию олигарха намечено закатить на острове грандиозные юбилейные торжества. Для участия в них из Англии возвращается Митя, сын Козырева, который за несколько дней, без всякого на то умысла, сумел своими наивными поступками простодушного умника стать мишенью для врагов своего отца. Не найдя понимания среди обитателей регионального «Бесстыжего острова», Митя был вынужден его покинуть из-за сфабрикованного на него уголовного дела...

– 1 –

Для меня эта история началась с телефонного звонка. Он прозвучал совершенно неожиданно и в самый неподходящий момент, когда я, расположившись на лоджии в покойном шезлонге, вознамерился выкурить первую послеобеденную сигарету. Глянув на определитель номера, я насторожился: меня вызывал Андрей Ильич, а этот господин по пустякам никогда не беспокоил.

— Тебе как советнику и тем более свояку надлежит знать, что моя семья увеличилась на одну треть. Или твоя Люба уже известила тебя об этом?

— Теряюсь в догадках, — промямлил я, показывая жестом жене, чтобы она сняла трубку спаренного телефона. — Ваши решения непредсказуемы и всегда ставят меня в затруднительное положение.

— Это как тебя понимать?

— Вы, Андрей Ильич, создаёте проблемы, а преодолевать их почти всегда приходится мне. Что я и делаю с превеликим для себя удовольствием, — с отработанными подобострастными нотками в голосе произнёс я.

— На этот раз ничего трудного. Ты в курсе, что у меня есть сын?

— Слышал что-то такое от Али, но, честно говоря, не вникал. Личная жизнь патро-

на для меня табу, — нагло соврал я, ибо уже давно завёл тетрадь и записывал в неё всё, что только мог выведать о Козыреве, не гнушаясь даже откровенными сплетнями.

— Он приехал из Лондона и успел заскучать. Покажи парню город, присмотрись к нему, но только аккуратно, бережно. Сын — английского воспитания, а мы привыкли друг с другом не церемониться. Потом скажешь, как он тебе показался.

— Куда мне подойти, чтобы с ним встретиться?

— Он тебе позвонит.

Итак, моё более чем недельное безделье закончилось. Пора вплотную приступать к обязанностям советника и доверенного лица президента концерна «Народная Инициатива». И для этого надо сбросить с себя лень, отягощённую почти ежедневными застольями то в гостях, то дома.

— Почему ты не спросил, как зовут сына? — сказала Люба.

— Зачем нарываться на неприятности? Лишний вопрос мог перенастроить барина на недружелюбный лад. Я сам познакомлюсь с англичанином и постараюсь ему понравиться.

— Он вовсе не англичанин, а неизвестно кто, — веско обронила жена. — Но это не твоего ума дело.

— Как это не моего ума? — вспыхнул я. — Перестань баловаться и выкладывай всё начистоту. Кто, где, когда и почём толкнул тебе сплетню, которую наша общественность сейчас обгладывает со всех сторон.

— У Виктории Генриховны информация точная.

— Ну да, — насмешливо скривился я. — Она как жена мэра выше моих пошлых подозрений.

— Так ты будешь слушать? — обиделась Люба.

— Говори, а я пока закурю.

— Вчера вечером мэрша позвонила Але и, рассыпаясь в сочувствиях, сообщила, что её пасынок вовсе не сын Андрея Ильича, а искусственник или как это правильно называется...

— Как искусственник? — поразился я. — Робот, что ли?

— Вспомнила! — воскликнула Люба. — Он из пробирки!

— Даже так, — помолчав, сказал я. — Ну да ладно. Надеюсь, он не кусается, но я на всякий случай возьму с собой газовый баллончик. Теперь я понимаю, почему свояк был так ласков.

— Почему же? — топнула ножкой Люба, поторапливая с ответом.

— Он хочет сделать из меня гувернёра для своего выродка.

— Почему выродка?

— А как его назвать? Ты и я рождены нормальным человеческим путём. А он родился по блату, да, по блату! Его бы и в помине не было на белом свете, если бы за него не заплатили энную сумму.

— Он же может позвонить в любую минуту, — спохватилась Люба. — А ты не готов. Срочно ополоснись под душем, а я приготовлю тебе чистое бельё и рубашку.

Подставив голову, а затем и всё тело под тёплые струи воды, я скоро приобрёл присущее мне благодушное расположение духа. И, поразмыслив, решил, что козыревский сын, хоть и имеет невнятное происхождение, но вряд ли он хуже и гаже тех нужных для процветания «Народной нициативы» господ, для которых время от времени Козырев закатывал пиры. А я был при нём главной шестёркой: организовывал и претворял в жизнь эти гульбища с привлечением музыкантов и певичек на день и длинноногих подстилок на тёмное время суток.

Конечно, это занятие было не из приятных, но остававшиеся не истраченными деньги плюс нескупые чаевые от гостей примиряли меня с действительностью и существенно увеличивали доходную часть моего бюджета. А это позволяло Любе не жаться в расходах на стол и даже покупать соответствующие её миловидности и стройности современную модную одежду, обувь и прочие дамские причиндалы.

Общение с лондонским гостем не сулило мне большой выгоды, но что-то да можно было выжать и такому скромняге, как я, из общения с наследником состояния, которое, по моим прикидкам, приближалось к полумиллиарду баксов. С бескорыстной помощью пенсионеров и бюджетников, которые и дня не могли обойтись без поедания козыревской колбасы, курятины, молока и молочных продуктов, мошна свояка взбухала как на дрожжах, и среди корреспондентов банка «Народная Инициатива» появились финансисты Кипра, Каймановых островов, Лихтенштейна и даже Цюриха.

Я тоже поспособствовал этому идейкой, показавшейся плодотворной и многообещающей Козыреву, который со свойственной ему жёсткостью и наглой прямотой воплотил её в жизнь. Воспользовавшись трепотнёй о мировом кризисе,

он приказал нагружать в пакеты не по литру, а по девятьсот граммов молока и одновременно повысил цены на всю молочную продукцию не на двадцать, как все, а на семнадцать процентов. Областные СМИ, радио и телевидение с моей подачи преподнесли эту аферу как благотворительность регионального олигарха, и народ, даже не вякнув, принялся опорожнять содержимое своих кошельков на прилавки козыревских супермаркетов, которые тоже назывались «Народная Инициатива».

Сказать, что эта операция обогатила меня лично, было бы большой натяжкой, но кое-что и мне обломилось. Во-первых, я был официально зачислен на должность советника президента с окладом, который обнародовать не буду, поскольку дал начальнику службы безопасности подписку о неразглашении коммерческой тайны. Во-вторых, я получил в бессрочное личное пользование почти новую «Тойоту» из корпоративного гаража с документами на моё имя в качестве премиального бонуса. И в благодарность за это Люба устроила ужин при свечах, но это была только волшебная прелюдия к пылкой афинской ночи, которая воспалённой занозой засела в моей памяти, чтобы остаться в ней навсегда.

«А почему, собственно, с такой опаской отношусь к встрече с отпрыском хозяина? — спросил я себя, стоя перед зеркалом, в котором до пояса отразилась моя персона: заметно отяжелевшее брюшко, покатые плечи, длинная шея и простоватая в веснушках физиономия. — Конечно, я не ястреб, но репа у меня в порядке: и варит, и кумекает, дай бог каждому. Так неужели я не обортаю козыревского выродка, чтобы он без моей подсказки и шага не мог ступить. Козырь долго не протянет, у него хроническая одышка, два инфаркта. Нет, он долго не протянет, и я обязан подумать о своём будущем, чтобы оно у меня было если не в шоколаде, то хотя бы без жалкой доли жить на одну пенсию».

Эти рассуждения меня заметно приободрили. «Жизнь прекрасна!» — повторил я трижды шёпотом мантру, навязанную телепсихотерапевтом из ящика, куда меня как-то заставила заглянуть Люба, которая была весьма продвинута во всяких околомедицинских вопросах. К её мнению прислушивались в кругу самых значительных дам нашего города, где верховодила Виктория Генриховна, которые раз в десять дней собирались на посиделки в Рериховском центре. Войти в круг избранных было очень непросто, но моей Любе это удалось не только потому, что она родная сестра супруги ведущего олигарха области, но и в силу своего провидческого дара. Я не ведаю, как она морочила головы своим приятельницам, но могу сказать определённо, что содержимое моих карманов она знала превосходно и много раз заставляла расставаться с заначкой, точно называя имевшуюся у меня сумму денег.

Я вышел из ванной комнаты и сразу присел к обеденному столу. Ненормированный рабочий день научил меня выходить из дому сытым и готовым к выполнению самых неожиданных решений, которые Козырев обычно принимал без всякой подготовки и требовал их незамедлительного исполнения. Бифштекс с картошкой, кружка чая и бутерброд с сыром и сливочным маслом были как раз к месту.

— Ты поосторожнее с этим англичанином, — сказала Люба. — Я, пока ты мылся, раскинула на картах, и они так выпали, что я не в состоянии их истолковать.

— А что твой третий глаз? — с серьёзной миной спросил я. — Что он видит?

— Тебе всё хаханьки, — надула губы супруга. — А разве я редко угадывала твоё счастье или неудачу?

— С этим я не спорю. Извини, дорогая, я просто пошутил.

Телефонный звонок прозвенел, когда я уже засовывал рубаху в штаны. Люба подала мне трубку.

— У аппарата! — нарочно съерничал я.

— Пригласите Игоря Алексеевича, — прозвучал в трубке мягкий, но твёрдый голос.

— Он вас слушает.

— Звоню вам по поручению отца. Я возле вашего дома, у газетного киоска.

— Очень хорошо. Немедленно выхожу.

Возле подъезда на скамейке сидели старухи, которые обшарили меня взглядами бывалых оперативников-розыскников. Зайдя за кусты акации и сирени, я не отказал себе в удовольствии выслушать их компетентное суждение о своей персоне.

— Опять куда-то вырядился.

— На промысел пошёл, на промысел!

— Может, на работу?

— Какая нынче у людей работа? Один промысел! И этот где-то промышляет, пока не убьют или не посодют, прости, господи!

Оценка моего житейского статуса была почти верна, поэтому я на соседок не

обиделся и, дойдя до угла дома, осторожно выглянул, чтобы разглядеть молодого Козырева издали и составить о нём предварительное мнение. Но поначалу моё внимание привлёк автомобиль, серебристый «Форд», который взяли в тиски два здоровенных гаишника. Похоже, англичанин нуждался в моей помощи, и я поспешил ему на выручку, одновременно набирая на мобильнике номер телефона замначальника областного ГАИ, с которым у меня были прочные деловые отношения.

— Геннадьич! Свистни своим охламонам, чтобы отпали от моего человека.

— Сунь кому-нибудь трубку!

Сержант, изображая отдание чести, махнул красной лапищей возле своего оттопыренного уха, вернул мобильник и, мигнув напарнику, отпал от «Форда». А из машины выбрался молодой мужчина и, виновато улыбаясь, сказал:

— Эти полисмены меня вчера остановили и вынудили заплатить пятьдесят долларов штрафа.

— И вы им, конечно, не сказали, кто вы такой? Забудьте про полицию. Вот вам моя визитка. С этой минуты по любому делу, которое вызывает у вас хотя бы тень сомнения, спрашивайте у меня совета, как поступить.

— Хорошо, Игорь Алексеевич, — согласился он.

— Называйте меня просто Игорь, — прикинулся я рубахой-парнем.

— А разве это можно?

— В России возможно всё, особенно для людей того круга, к которому принадлежите вы.

— Вы так думаете?.. Тогда называйте меня Митей.

— Вот и познакомились, — удовлетворённо заметил я. — А теперь должен выполнить поручение Андрея Ильича: показать вам город, добрая часть которого является законной собственностью акционеров «Народной Инициативы».

Я сел за руль, Митя разместился не рядом со мной, а как начальник — на заднем сиденьи, что сразу сделало понятной его точку зрения на наши будущие взаимоотношения: бизнес и ничего личного. Это меня вполне устраивало: задушевные отношения с лицом, от которого ты зависишь, чреваты конфликтом, в котором нет справедливого решения, ведь ещё дедушка Крылов заметил, что у сильного всегда бессильный виноват.

«Ладно, посмотрим», — решил я и углубился в изучение внешнего облика своего подопечного, не забывая держать в поле зрения и дорогу.

Какой-либо видимой ущербности в нём заметно не было. Он был примерно моего роста, не без приятности в лице, которому, на мой взгляд, не шли короткие бакенбарды, но у англичан они, кажется, в обиходе обычны, да и у нас хоть и редко, но всё же встречаются у старых холостяков, которым есть время экспериментировать над своей внешностью. Одет он был в потёртые джинсы и мятую рубаху с короткими рукавами, которую можно было принять за «секонд-хенд», но она стоила не меньше трёхсот баксов. Я это знал точно, потому что Аля недавно подарила мне точно такую же, и моя Люба долго удивлялась её затрапезному виду и несуразной, на её взгляд, цене. Я помалкивал и не вмешивался в затеянную сёстрами по такому пустяковому поводу полемику, потому что знал: высокая цена товара отделяет бедных от богатых гораздо надёжнее, чем сословные различия, воспитание и даже происхождение.

— Выбирайте, — сказал я. — Можно посмотреть на Волгу с Венца, где высота берега достигает двухсот метров, можно полюбоваться городом из Заволжья, могу показать вторую реку Свиягу, которую отделяет от волжского русла всего километра три, но она течёт не в Каспийское море, а на север, в противоположном течению Волги направлении.

— Всё это, конечно, любопытно, но мне хочется начать знакомство с городского кладбища, — произнёс, выдержав паузу, мой подопечный.

— А почему с кладбища? На нём ничего нет достойного для обозрения. Чугунное и каменное поголовье секретарей обкома партии и бандюганов. Ни те, ни другие не представляют исторической и культурной ценности, обычная массовка, ширпотреб.

— И всё-таки поедем на кладбище, — мягко, но твёрдо произнёс Митя, и мне оставалось только выполнить пожелание наследного принца. К счастью, шоссе на северную окраину города было почти свободно, и мы, не обратив внимания на пост ГАИ, не снижая скорости, вырвались на загородное шоссе и через полчаса были у входа на центральное городское кладбище.

— Я здесь никогда не бывал, поэтому вряд ли могу быть вам полезен, — произнёс я, не оборачиваясь к пассажиру. — Вряд ли здесь водят экскурсии, но контора работает. Собираетесь разыскать чью-то могилу?

— Вы угадали. Мне нужно найти могилу...

Голос Мити задрожал, я обернулся к нему и убедился, что «пробирочник» испытывает вполне обычные человеческие чувства. Это открытие меня обрадовало,

хотя через пару секунд я вспомнил, что собаки и коровы тоже плачут, но, тем не менее, спросил:

— Скажите, чья это могила, и я её разыщу.

— Моей мамы, — Митя всхлипнул и промокнул глаза бумажной салфеткой.

Первая супруга босса умерла, и о ней я почти ничего не знал.

— У неё была фамилия мужа? — деловито осведомился я. — Как её звали?

— Ленста Олеговна Костина.

Вопреки слухам о беспредельном мздоимстве на наших кладбищах мне хватило всего одной сотенной купюры, чтобы расшевелить смотрителя могил. Он щёлкнул мышкой — и через минуту я получил распечатанный на принтере листок бумаги, где были установочные сведения на покойную и схема кладбища с указанием места захоронения.

Я вышел из конторы, пропустил мимо оркестр и похоронную процессию и поспешил к Мите, который, выйдя из машины, с любопытством уставился на попа в священническом облачении, следующего по своей надобности к автобусной остановке.

— Что, Митя, наши попы поцветистей будут, чем протестантские и англиканские? Запирайте машину и пройдём на кладбище.

— Я вижу, Игорь, вы действительно необходимый для меня человек.

— Какие это дела? — небрежно бросил я. — Это не дела, а делишки. То ли ещё будет...

Митя пристально на меня посмотрел и усмехнулся.

— Вы правы, Игорь, то ли ещё будет.

По мере приближения к могиле матери он опять затосковал, поник, съёжился, но не плакал. Я шёл в шаге сзади его и корил себя за то, что не догадался купить цветов.

На могиле стояла метровая мраморная плита, позолота надписи потускнела, круглая фотография под стеклом покрылась по краям ржавчиной от железного ободка. Митя опустился на колени, прикоснулся губами к надгробью и заговорил вполголоса по-английски. Язык Шекспира был для меня недоступен, я почувствовал, что он заговорил не по-русски для того, чтобы не было свидетелей его разговора с матерью, и отступил в сторону, затем быстро пошёл по дорожке к старушке, которая стояла с букетом гладиолусов под тенью густолистой берёзы. На кладбище торг неуместен, я расплатился, взял букет и медленно направился к Мите, который сидел возле могилы на низенькой лавочке, держа двумя пальцами незажжённую сигарету.

Он благодарно на меня глянул и положил цветы на надгробие. Некоторое время мы молчали, затем Митя оглянулся по сторонам и произнёс, явно адресуясь ко мне:

— Какое тягостное место! Эти ужасные и отвратительные железные оградки вокруг могил. Вон та, видите, заперта на ржавый замок. Зачем это всё? Кто придумал? От кого всё это повелось?

Меня тоже удивляло устройство наших кладбищ, но протеста никогда не вызывало: не нами заведено, не нами кончится, поэтому я никак не отреагировал на слова моего подопечного и полез в карман за сигаретами.

— Надо будет здесь всё переделать. Вы можете мне в этом помочь?

— Нет проблем, хоть сейчас, заехать к архитектору, он уже работал на нас, и Андрей Ильич им доволен.

— Ах, Андрей Ильич! — воскликнул Митя. — А что, ему трудно угодить?

— Он требователен, но не капризен.

— То есть он всегда готов согласиться со всем, что сулит ему выгоду.

Это заявление мне пришлось не по вкусу. Оказывается, пробирочник не так прост: палец в рот ему не клади — откусит! Но не ему меня водить за нос, и вывернуться мне не составило труда.

— Выгода — это такой же принцип, как и бескорыстное служение обществу. И пренебрегать ею глупо и опасно, если не хочешь прослыть придурком.

Мы пошли к выходу и в кладбищенских воротах встретили траурную процессию: двое парней в чёрной униформе, явно сотрудники похоронного агентства, несли совсем небольшой гробик, и за ними шли родители умершего младенца. Я отвернулся от чужого несчастья, встретился взглядом с Митей и прочитал в его глазах любопытство, что он тотчас подтвердил.

— Первый раз вижу похороны младенца, — я промолчал. — Мне кажется, смерть младенца воспринимается по-другому, чем смерть уже пожившего человека.

— Любопытное предположение, — счёл нужным заметить я.

— Смерть младенца всегда вызывает недоумение и растерянность порочностью мироустройства, если на него смотреть с человеческой точки зрения. Смерть младенца обозначает, что наше мироздание несовершенно, что в нём есть изъяны и что в них кроется причина неизбежной гибели всего существующего.

По убеждённости, с какой прозвучала эта фраза, можно было предположить,

что Митя её не вычитал в какой-нибудь книжке, а выдумал сам, причем не сейчас, а уже давно, и мысль, заключённая в этом высказывании, является одним из опорных камней, на котором основывается его понимание жизни во всех её проявлениях.

Я уже давно установил себе за правило — не ввязываться ни в какие пустопорожние споры, поэтому благоразумно промолчал, хотя мой подопечный и бросал на меня вопросительные взгляды, явно ожидая, чтобы я вякнул какую-нибудь чушь, которую бы он мигом опроверг, но я не доставил ему этого удовольствия. Сел в машину, подождал, пока Митя пристегнёт ремень безопасности, и выехал на городское шоссе.

«У пробирочника определённо есть сдвиг по фазе, — думал я. — Но совсем с другой стороны, чем можно было ожидать. Он определённо не дурак, но у него завихрения другого толка, он склонен умничать, и это неизбежно заканчивается дурью. Хотя поживём — увидим».

— А вы, Игорь, хороший человек.

— Да? Спасибо на добром слове!

— Нет, серьёзно, я почувствовал, что вы задумались над моими словами, а не отвергли их как глупость сынка богатенького буратино.

— Признаться, они меня удивили. Хотя почему? Я вас, Митя, совершенно не знаю, услышал от Андрея Ильича, что вы приехали из Англии, и вообразил вас англичанином.

Митя лукаво на меня посмотрел и расхохотался так звонко и простодушно, что этот смех меня ничуть не задел.

— Отец почти прав: меня десятилетним увезли в Англию, поместили в частную школу, затем я учился бизнесу, но недолго. У меня отсутствует тяга к стяжательству. Последние четыре года я бездельничал в Париже и Лондоне, от нечего делать посещая тамошние университеты. Систематического образования у меня нет, но кое-что я знаю довольно хорошо, например, русскую историю и литературу. Англичанином я, увы, не стал.

— Я тоже могу сказать, что получил образование за границей, — важно произнёс я. — И неоднократно побывал в Польше, Германии, Турции, Греции, Арабских Эмиратах. Правда, в языках ни бум-бум, но научился бойко торговаться на вшивых рынках этих государств. Лет десять был челноком. Вам известно, что это такое?.. На всякий случай объясню: я был одним из миллионов вьючных ослов, которые втащили Россию в дикий рынок. Как идиот, мечтал, что вот ещё одна поездка — и открою своё дело. Слава богу, что не рыпнулся. Некоторые открыли свои лавочки и вылетели в трубу, а тех, кто расторговался, взяли под ноготь бандюганы или менты.

Митя угостил меня сигаретой, дал прикурить от своей навороченной зажигалки, сочувственно на меня поглядывал и вздыхал.

— Я знаю, что в России тогда были ужасные времена, — произнёс он и пригорюнился, не подозревая, что я прощупывал его в своей обычной манере, как поступал всегда, когда передо мной стояла задача раскусить того, с кем предстояло иметь дело.

Соль моего метода состояла в том, что я не лез человеку в душу с расспросами, а старался сделать отношения с ним тёплыми и доверительными через свою откровенность, доходившую до самоуничижения. Всё, что я говорил, не было голимым враньём, какая-то доля правды в моих россказнях присутствовала, но подноготная суть моего вранья заключалась в другом. Люди склонны радоваться чужому несчастью не потому, что они плохи или дурно воспитаны. Всему виной их самолюбие. Рассказав Мите о своих заморочках в бизнесе, я польстил ему тем, что указал на себя как на ещё большего неудачника, чем он сам. Теперь он был просто обязан пожалеть такого бедолагу, как я, воспылать к нему сочувствием, приняться его наставлять, учить и советовать на примере своей жизни. Теперь он сам начнёт заголяться передо мной, не подозревая, что даёт мне нужные ниточки, дёргая за которые я смогу управлять им, как марионеткой.

Забавное это занятие — дурачить человека, с удовольствием припоминая, что я когда-то точно так же повёлся на ложную откровенность Андрея Ильича и, как тетеря, выложил ему всё про себя как на блюдечке, но, видимо, сумел чем-то затронуть чёрствую, как ржаной сухарь, душу дельца. И Козырев простил лоху минутную слабость, приблизил к себе, стал называть свояком, однако у меня хватило ума догадаться, что он это делает всегда с самодовольной усмешкой.

— Куда сейчас едем?

— Ко мне, на мою квартиру, — сказал Митя. — У нас ещё будет время познакомиться с местными достопримечательностями.

Сын олигарха жил там, где положено жить победителям социализма и новым хозяевам жизни — в бывшем обкомовском доме, в квартире бывшего секретаря обкома партии. Это я понял сразу, потому что квартира была куплена вместе с

мебелью. И всё в ней: шкафы, диваны в чехлах, столы, стулья, гардины, потолочная лепнина, кремлёвские дорожки на буковом паркете, обитые кожей двухстворчатые входные двери, огромная кухня, столовая, кабинет и две спальни — всё это смотрелось как декорация для съёмки телесериала из жизни советской партноменклатуры.

— Как вам удалось приобрести столь раритетное логово? — небрежно полюбопытствовал я.

— По интернету высмотрел в объявлениях. Затем позвонил отцу.

Мы прошлись по комнатам и расположились в кабинете на диване, обтянутом самой настоящей кожей красного цвета, мягкой и эластичной, которую называют сафьяном, очень прочной и дорогой.

Я качнулся на упругих пружинах и заметил:

— Революционный диванчик?

— Скорее буржуйский, — не согласился Митя. — Кажется, на таких диванах устраивались вернисажи рукоделия, его украшали собачками, сшитыми из плюша, салфеточками, дорожками, вышитыми мулине крестом и гладью, и такими же подушечками разных форм и размеров. У коммунистов перед их крахом задорные и крикливые идеи были для внешнего употребления, а внутри они были буржуями самого мелкого мещанского пошиба и трусливыми обывателями.

И опять Митя меня удивил. Обычно новые русские избегали оценочных высказываний о прежнем государственном строе, чьё наследство они сумели прикарманить. И в этом был тот резон, что вор и разбойник никогда не интересуется судьбой ограбленного им человека.

— В чём-то вы правы, но я имел в виду другое предназначение этих диванов, — сказал я, качнувшись на пружинах. — Все кожаные кресла и диваны в революцию были ободраны, и комиссары в пыльных шлемах обрядились в сафьяновые куртки, галифе и сапоги.

Митя странновато на меня посмотрел и расхохотался.

— Вы намекаете, что и мне нужно быть готовым к сценарию, когда в мой кабинет вломятся новые революционеры и заберут диван, чтобы пошить из красной кожи себе одежду?

— Революции не будет. А вот бунт возможен. Но его легко подавить.

— Как это легко? Я был в Лондоне, когда студенты осаждали резиденцию премьер-министра. И это в Англии, а в России возможно самое ужасное.

— Чтобы подавить бунт, нужно объявить дешёвую распродажу в супермаркетах, бесплатный вход на стадионы и в кинотеатры именно на тот день, когда наиболее возможно возмущение народа. И никакой полиции, дубинок, водомётов, арестов, — я выдержал паузу, и чёрт меня дернул соврать, хотя в этом не было никакой надобности: — У меня на эту тему написана статейка. Андрея Ильича она не заинтересовала, поскольку не касается бизнеса. В новую революцию и бунт он не верит. Я попытался опубликовать свои рассуждения в «Новой газете», но не дождался ответа.

И тут Митя меня удивил, да так, что я решил быть с ним осторожнее и не врать без большой надобности.

— А у вас почтовая квитанция на отправленную статью сохранилась?

Но меня трудно пошатнуть: выдержав паузу, я небрежно произнёс:

— Вряд ли. Кто думал, что в газете, где есть вкладка от «Нью-Йорк Таймс», существует старорежимный советский порядок — не отвечать на письма читателей!

Я внутренне напрягся, опасаясь, что он решил разоблачить мою выдумку со статьёй во что бы то ни стало, но Митя открыл ящик стола, вынул оттуда мятые бумажки и начал их сортировать.

— Я ведь тоже статью послал. Вот квитанция из «Огонька», вот из «Московского комсомольца», а это из «Советской России». И тоже ни одного ответа. Но теперь-то я, по крайней мере, знаю, что у меня есть товарищ по несчастью, которому не повезло, как и мне.

Опасность разоблачения миновала, и я перевёл дух.

— О чём же, Митя, ваша статья?

— В двух словах не объяснить, но если совсем коротко, то о душе.

— О душе? — наивность Мити меня позабавила, и я ухмыльнулся.

— Да, о душе! — твёрдо заявил он. — В человеке это самое главное.

— Что вы такое говорите! Я назову вам десятки людей навскидку, которые о душе ни разу не вспоминали, а живут припеваючи...

— А я вам скажу, что в мире нет ни одного человека, у которого не было бы души, — на столе подал голос мобильник. Митя недовольно поморщился и взял трубку. — Странно, что вам нужно ещё раз убедиться в серьёзности моих намерений. Я вам выплатил половину суммы в качестве аванса и уверен, что все мои пожелания будут учтены... Нет, дата остаётся без изменений. Хорошо, договорились, надеюсь, в последний

раз и окончательно, — он небрежно положил трубку на стол и весело произнёс: — Вы, конечно, изнемогаете от любопытства, кто мне звонил?

— Я стараюсь пропускать всё, что меня не касается, мимо ушей.

— Но это разговор, вернее, его тема, касается всех, кто близко завязан на моего отца.

Я не люблю, когда кто-нибудь корчит передо мной умника и пытается играть в загадочность. И мой ответ был достаточно язвительным и небрежным.

— Эта тайна известна всем, от вице-президентов «Народной Инициативы» до мелких служащих. Но на свой день рождения Андрей Ильич делает каждому сотруднику подарок от именинника.

— У богатых свои причуды, — скривился Митя. — Надеюсь, он не одаривает своих братьев по разуму зубными щётками, одноразовыми бритвами и одеколоном, а преподносит что-нибудь из разряда так называемых вечных ценностей, например, религиозную литературу. Или подарки — это тоже корпоративная тайна, как и зарплата руководства?

— Нет, какая тайна, когда их одобряет совет трудового коллектива. В этом году, в связи с семидесятилетием президента, решено преподнести каждому акции «Народной Инициативы» в зависимости от стажа работы, за каждый год — по пять акций.

— Да, у вас действительно народная корпорация! — воскликнул Митя. — Какая бодрая инициатива масс! Какое яростное слияние труда и капитала! — тут я, каюсь, хохотнул, и Митя не пропустил это мимо себя. — Ставлю тысячу баксов против тысячи деревянных, что вы, Игорь, являетесь автором этой хитроумной затеи.

— Даже не знаю, что и сказать, — прикинулся я сиротой. — Идея витала в воздухе. Осталось лишь облечь её в форму проекта, который Андрей Ильич благословил к исполнению.

— Не возьму с вас выигранную мной тысячу, только скажите: сколько вы получили за свой проект?

— Итоги юбилея будут подведены позже, вместе с итогами второго квартала, и, возможно, мой премиальный бонус будет увеличен.

— В этом я не сомневаюсь! — весело провозгласил Митя. — Счастливые и довольные труженики «Народной Инициативы» прикупят в два раза больше акций, чем получили. Затем уговорят своих друзей и знакомых сделать то же самое, уверяя их, с вашей подачи, что эти бумажки будут стоить к Новому году не пять рублей за штуку, как сейчас, а все десять, и все эти олухи будут чувствовать себя капиталистами. Однако мы отошли от темы. Юбиляра такого масштаба, как мой отец, наверно, завалят подарками, и я теряюсь, что мне подарить ему такое, чтобы его семидесятилетие в истории этого города было запечатлено крупными буквами. Может, подарить ему слона?

— Все полученные подарки Андрей Ильич передает в подшефные детский сад и школу, — заметил я. — Не представляю, как слона можно использовать в педагогических целях. Юбилей через три дня, а слона надо везти из Индии вместе с погонщиком. Но пожалейте меня: этим слоном придётся заниматься мне.

— Всё равно без подарка я юбиляра не оставлю, — сказал Митя. — И, конечно, позабочусь о сюрпризе, и надеюсь, что он придётся по вкусу любителям неожиданностей. А то, что это будет нечто острое и пикантное, я гарантирую.

— Не сомневаюсь, что подарок на загляденье. Однако пора нам и перекусить.

— У меня в доме по части еды шаром покати, — сказал Митя. — Но неподалёку есть приличный ресторанчик, где вкусно кормят. Мы его посетим, а затем пройдёмся по городу, но таким образом, чтобы в восемнадцать часов быть на улице Академика Сахарова, дом тринадцать— четырнадцать. Вам знаком этот адрес?

«Это ещё что за выкидон? — насторожился я. — Видимо, старик недаром поручил мне своего пробирочного отпрыска, с ним действительно не соскучишься».

— На этой улице в каждом доме что-то да есть. А что находится по этому адресу?

Митя оживил дремавший на столе ноутбук и перелистывал страницы какого-то сайта.

— Сегодня утром в обзоре местной прессы я нашёл любопытную статейку о том, что главного русского вопроса «Что делать?» больше не существует. И подивился тому, что в здешней глухомани находятся люди, чтобы про это писать и читать.

— В Греции всё есть, а в России тем более. И что, эта статейка имеет отношение к озвученному вами адресу?

— Самое прямое. Автор, некий Синюгин, приглашает всех желающих на обсуждение заявленных в статье идей в дискуссионный клуб, который находится на улице Академика Сахарова.

— В этой статье действительно имеются идеи, достойные обсуждения? — пряча усмешку, поинтересовался я, потому что твёрдо знал, что сейчас в России усердно воплощается в жизнь, почти по триаде Гегеля, только одно: стырить, затырить и свалить

за бугор.

— Для меня важна не сама статья, а то, что в этом городе есть место, где собираются думающие люди.

— И вы решили к ним присоединиться?

— Там видно будет. Однако нам пора.

– 2 –

Мы вышли на улицу, которая встретила нас сильным ветром со стороны Волги, что всегда предвещало близкую непогоду. И действительно, на краю неба уже взгромоздилась, погромыхивая, большая тёмно-синяя туча, в которой скопились все испарения от гигантского водохранилища, и теперь эта громада надвигалась на город, чтобы опрокинуться на него недолгим, но сильным ливнем.

Ресторанчик был дороговат и рассчитан на состоятельных посетителей. Офисный планктон сюда был не вхож, его отсекал на входе презрительный взгляд верзилы охранника, который видел Митю не первый раз и предупредительно распахнул перед ним двери так широко, что через них вслед за своим подопечным успел просочиться и я. После уличной духоты в зале от работающих кондиционеров было почти зябко. Предупредительный официант почтительно выслушал заказ Мити, который, к моему удивлению, состоял из окрошки, и мне пришлось заметить, что я предпочёл бы кусок мяса с отварной картошкой. Митя, не моргнув, переменил весь заказ в мою пользу и, подождав, когда официант отойдёт, весело заметил:

— Сегодня, уповая на вашу поддержку, решился попробовать русский холодный суп, но, признаюсь, обрадовался, когда вы отвергли моё предложение.

— Чем же вас заинтересовала эта еда?

— Ничем, — пожал плечами Митя. — Может быть, только тем, что я от природы любопытен. А вы, наверно, подумали, что я навёрстываю в себе недостаток русскости? Неужели от меня разит иностранцем?

— Да нет, нисколько! — запротестовал я. — Сейчас многие русские ведут себя так, что не понять — русские они или инопланетяне.

— Вы наловчились увиливать даже от прямого вопроса, — нахмурился Митя. — Нет уж, отвечайте по правде!

— Извольте, отвечу. Только, чур, не обижаться на прямоту... Вы не сможете походить на русского, даже если будете изо всех сил к этому стремиться.

— Это почему же? — обидчиво произнёс он. — Я и в Англии жил в русской семье из первых эмигрантов.

— Я не имею в виду ваше воспитание, знание языка, русских обычаев, русской литературы, истории и многого другого, что определяет русского человека.

— Так что же мне мешает быть? — заметно заволновался Митя.

— Ваше богатство, — сказал я и обрадовался появлению официанта, надеясь, что он отвлечёт моего подопечного от пикировки на столь скользкую и небезопасную тему. Но Митя, расправившись с сочным куском мяса в красном соусе, вернулся к прерванному разговору.

— По-вашему, выходит, — сказал он, помешивая ложечкой чай в стакане, — что русский обязательно должен быть бедным?

— Почему же? Русский человек обычно не стремится к богатству, но уважает достаток, чтобы дом был полная чаша. Но этот достаток должен быть заработан своими руками, своим умом, а не приобретён обиранием других людей, пусть даже якобы законным способом. Вы никогда, Митя, не задумывались над тем, что вся производственная и интеллектуальная мощь СССР была создана населением страны практически забесплатно? Конечно, люди получали заработную плату, но она никогда не соответствовала затраченному труду. И, тем не менее, люди жили, даже были довольны жизнью и считали, что живут правильно, пока им не вдолбили в голову, что вне социализма существует более честная и правильная жизнь, чем та, которой они живут сейчас.

— Выходит, что их обманули? — небрежно обронил он замечание, в котором мне почудилась насмешка.

— Разве можно обмануть народ, если он этого не захочет? Вот говорят, что Гитлер обманул немцев, что нация Гёте, Баха и Гегеля была обманута кучкой прохвостов. Но всё это враньё. Во все века Германия не была единым государством, и когда немцы стали единой нацией, они, можно сказать, ошалели от сознания своего могущества, и понадобились две мировые войны, чтобы запрячь их в оглобли цивилизации и глобализма.

— Какое нам дело до немцев? — Митя допил чай и потянулся за сигаретой. — Говорите, если есть что сказать, про русских. Они, выходит, помогли американцам и ан-

гличанам загнать немцев в оглобли, а сами остались на обочине?

— Разве не так? — я с трудом выдержал взгляд Мити. — Мы оказались даже не на обочине, а в грязной канаве. Но ничего страшного, по большому счёту, в этом нет. Мы моложе по своему развитию Западной Европы самое малое на сто пятьдесят лет, и путь у нас свой. У европейцев не было трехвекового ига, необходимости осваивать седьмую часть земной суши, крепостного права, и самое главное — не было сограждан, которые с варварским упоением стремились перенести чужие порядки на отеческую почву и двадцать лет назад своего добились и раздербанили Советский Союз. Кто прихватил республику, кто — завод, кто — чугунную крышку с канализационного люка, чтобы сдать её в утиль и купить чекушку палёной водки. Европеизация и американизация России завершилась тем, что возник так называемый класс собственников, к коему принадлежит ваш папенька и мой работодатель и патрон Андрей Ильич Козырев. Я его уважаю за ум и деловую хватку, но чтобы его любить, то нет — увольте, да он и сам этого не допустит, вернее, его богатство не позволит ему подобного панибратства. Где-то около полумиллиарда зелёных — это, Митя, штука «посильнее «Фауста» Гёте», как говаривал по другому поводу товарищ Сталин, а мы скажем, что посильнее национальных привязанностей и религиозных предпочтений, в кругу которых вертятся, как белки в колесе, обычные люди.

Митя небрежным жестом подозвал официанта, рассчитался, отвергнув мой слабый протест заплатить за обед, посмотрел на часы и заторопился.

— Как бы нам не опоздать!

— Господь с вами, Митя, в России всё начинается с опозданием и не вовремя, даже дождь. Хотя здешние умники, может, и другие, но приедем и поглядим.

Грозовая туча с водохранилища наконец-то преодолела высоченный правый берег Волги и распростёрлась над городом. Дождь лил как из ведра, временами туча раскалывалась на несколько частей, края изломов озарялись огненными вспышками, грохотал гром, и во всём этом слышалось, виделось и чувствовалось весёлое озорство природы, которое передавалось людям. Многие не спешили спрятаться от грозы, а, весело улыбаясь, шли сквозь заросли ливня по пенящимся лужам. И меня, хотя я уже был немолод, подмывало присоединиться к прохожим и, скинув туфли, пробежать, разбрызгивая тёплую воду, по улице.

Две промокшие насквозь юные девицы забежали под козырёк ресторанного крыльца и встали рядом с нами. Они были в том возрасте, когда из подростка уже начинают заметно для окружающих проступать черты и формы взрослого человека. Мокрые платьица облепили их тела, дождь смыл с лица макияжную раскраску, завитые в овечьи кудряшки волосы на голове распрямились, и они от этого стали чище и краше. Я не выпускал Митю из виду и заметил, что и его эти девчонки не оставили равнодушным, он покраснел, потупился и стал нервно перетаптываться, будто собирался куда-то бежать. Меня его поведение позабавило.

«Так вот мы какие! — с удовлетворением исследователя, открывшего на лапке мухи ещё одну неизвестную волосинку, подумал я. — Стало быть, у нашего пробирочника взыграло ретивое. Но пока это всего лишь гипотеза. Надо с ним прогуляться на базу отдыха. И откладывать это дело никак нельзя».

Туча, сделав круг над городом, свалилась на Волгу, дождь заметно ослабел. Мы скорым шагом пересекли улицу и направились к машине, которая посверкивала под лучами солнца хромированным бампером и чисто вымытыми стёклами.

— У меня есть предложение! — сказал я.

— Выкладывайте, что вы там надумали.

— Не поехать ли нам после диспута на рыбалку? Вы ведь на нашей базе отдыха ещё не были?

— Нет. Это где?

— На Волге.

Митя поглядел куда-то мимо меня, открыл дверцу машины и приглашающе кивнул:

— Пора ехать. Джентльмены не опаздывают, чем же мы хуже их?

На улице было тесно от машин в основном зарубежных брендов, и это говорило о том, что не всем в России жилось сиротно. Было в ней и немало тех, кому перетряс страны помог взгромоздиться на импортные таратайки, и они вообразили себя хозяевами жизни, не подозревая, что обретённый ими достаток в любой миг может быть обращён в труху финансовым кризисом, который так же непредсказуем, как авария на дороге.

К спор-клубу мы доехали без происшествий. Местный «Гайд-парк» находился под крышей торгово-развлекательного центра в отдельном офисе, состоявшем из уютного зала, одна стена которого была сплошь стеклянной. Впрочем, почти всё здесь было из оргстекла двух цветов — чёрного и белого, видимо, для того, чтобы подчеркнуть

философский смысл происходивших здесь собраний как противостояния двух мировых начал — добра и зла: справа стояли чёрные кресла, слева — белые, трибуны для выступления оппонентов тоже были противоположных цветов: одна — чёрная, другая — белая.

Вся эта модерновая обстановка стоила денег, но взяли за вход немного — по стольнику с каждого и выдали по брошюрке. Митя углубился в разглядывание клубного издания, а меня подхватил под руку журналист-телевизионщик Маркин, которого я подкармливал заказами на пиар, а он в ответ снабжал меня городскими сплетнями, в которых любил копаться, как свинья в кухонных отбросах. В некоторой степени эта информация была для меня полезна как взгляд на наш родной провинциальный бедлам мелкой, но кусачей блохи, перескакивающей с одного политика на другого.

— Игорь Алексеевич, я верю, что вы меня не забудете, — дыхнул он на меня смрадным перегаром.

— Уточни, что ты имеешь в виду? — я крепко наступил ему на ногу, чтобы он отпрыгнул и не заражал меня своими гнилыми испарениями.

Маркин, морщась от боли, вырвал ногу из-под моей подошвы и преданно на меня воззрился.

— Имею в виду интервью к юбилею Андрея Ильича.

— Исключается! — отрезал я. — Работай по тому заданию, что я тебе дал. Все друзья «Народной Инициативы» будут в связи с юбилеем поощрены. Ты ведь наш друг?

— И вы ещё сомневаетесь, Игорь Алексеевич, после стольких лет сотрудничества!

— Эта тема закрыта, — сказал я. — По какому поводу здесь тусовка?

— В этой стеклянной песочнице, — хмыкнул Маркин, — играют в политиков и строят из себя умников те, кто не способен на реальные дела. Но иногда здесь бывает весело. И сегодня вам точно повезло: наши мелкотравчатые политические гуру взялись ответить на извечный русский вопрос — «Что делать?» Разве это не забавно?

— Неужели они до такого докатились? — удивился я.

— А вы загляните в брошюру и увидите, что это так. Но сначала скажите, кто это с вами.

— Мой сотрудник.

— Темните, Игорь Алексеевич, — сказал Маркин. — Вы же работаете один по специальным проектам босса. И этот парень определённо проект.

— Вот и разберись с ним, только будь осторожен, не наступи на мину.

Маркин привык принимать мои слова всерьёз и с задумчивым видом отошёл в сторону. Профессия журналиста приучила его к осторожности, которая пришла к нему после того, как двое неизвестных избили неутомимого разгребателя провинциальной грязи милицейскими дубинками, и он сам стал героем криминальной хроники.

Относительно Мити я не беспокоился, он в любом случае обязан сам руководить своими действиями, а мне нужно только присматривать за ним, чтобы он не вляпался во что-нибудь скандальное и криминальное. Здесь ему ничего не угрожало, поэтому я, присев на чёрный стул, принялся листать брошюрку, краем уха прислушиваясь ко всему, что происходит вокруг.

Перелистав клубное издание, я более внимательно ознакомился с повесткой сегодняшнего заседания, которая была напечатана на отдельном листке-вкладыше. Маркин был прав: извечный русский вопрос «Что делать?», видимо, опять стал интересовать сливки нашего провинциального политического бомонда. Несомненно, это был смелый выбор темы, потому что последний раз его поставил перед Россией не кто-нибудь, а сам вождь пролетариата, который и пришёл к однозначному ответу: ломать всё и до основания, чтобы затем на этих обломках построить царство свободы и справедливости. Но политологам провинциального разлива, разве по их зубёнкам главный русский вопрос?..

Я скептически разглядывал собравшуюся в зале публику, которая, разбившись на группки, насколько я мог слышать, жужжала про всякую ерунду, но только не на заявленную тему.

— Что делать? — не скрывая усмешку, спросил я присевшего рядом со мной Митю.

— Будем слушать. Но я намереваюсь высказаться. Или это слишком самонадеянно с моей стороны — учить столь просвещённую публику?

— Вы правы: их учить — только портить. Поэтому не мечите бисер, а если невмоготу, то произнесите с десяток фраз позаковыристей.

Прозвучал мелодичный звонок, и рядом с нами нарисовался Маркин.

— Игорь Алексеевич, пересядьте на белые кресла.

— Что такое?

— На чёрные садятся оппоненты, которые обязаны возразить докладчику.

— У меня найдётся что сказать! — заявил Митя.

— Я вас предупредил, — журналист пожал плечами и направился к белым креслам.

Тем временем за белую трибуну встал известный городской говорун и политик Синюгин.

— Господа! Я обязан довести до вашего сведения капитальнейшее известие, что проклятого русского вопроса «Что делать?» больше не существует! Да, не существует! Вопрос, который был родовым проклятием мыслящей части русского общества, интеллигенции, приказал долго жить и теперь будет представлять интерес только для исторических исследователей, которые избрали себе профессией рыться, как сказал Маяковский, в историческом окаменевшем дерьме...

— Позвольте! — раздался резкий голос с последнего ряда чёрных кресел. — Но остаётся ещё не менее важный и злободневный русский вопрос: «Кто виноват?» Извольте, господин Синюгин, объясниться и по нему.

— Вопрос «Кто виноват?» автоматически связан с вопросом «Что делать?» как причина и следствие. Поэтому при ликвидации одного из них сразу теряет значение и другой. Надеюсь, понятно?

— Не совсем! — раздался всё тот же резкий голос. — Но не будем о дефинициях. Режьте, господин докладчик, и дальше вашу правду-матку. Я умолкаю.

— Душевно вам благодарен, — язвительно продолжил Синюгин и, раскрыв папку, показал собранию листок бумаги. — Я враг шпаргалок. Но в данном случае без неё не обойтись, поскольку я намерен прочитать вам выдержку из «Конспекта лекций по историографии» нашего великого русского историка Василия Осиповича Ключевского, в которых очерчена суть проблемы западничества, ибо вопрос «Что делать?» принадлежит той части русского общества, которая известна как интеллигенция, хотя в более ранние времена называлась и по-другому. Но не буду повторять историка, который сам говорит об этом со всей определённостью добросовестного исследователя. И начинает он реестр западников с Ивана Хворостинина, который во времена Смуты впал в «латинство» и ополячился с таким неистовством, что скоро его «стошнило» от московских порядков, и тем стал предтечей всех русских западников. А они только тем и занимались, что искали ответ на вопрос «Что делать?», пока в наши дни этот вопрос не стал беспредметным, и пора его предать забвению навсегда.

— Ну и что это за ответ? — неожиданно для всех сказал Митя.

— А то, что больше нечего сказать, молодой человек. Всё уже сделано. В России нашего времени мечты западников воплотились в реальность, поэтому вопрос «Что делать?» стал бессмысленным. Всё уже сделано и на все времена.

Я решил, что Мите надо помочь и вмешался:

— Что вы имеете в виду?

Синюгин пошуршал бумажкой и надел очки.

— Вот Ключевский пишет: «... Случайные обстоятельства или личные усилия помогали западнику во все времена осознать недостатки, отсталость своего Отечества и превосходство Запада. Обретя такое сознание, западник проникался пренебрежением к Отечеству и физическим влечением к Западу. Он смотрел на быт и уклад своей родины как на личное неудобство, как на случайную неприятную обстановку, среди которой ему пришлось останавливаться по пути в какой-то лучший мир, где у него нет ни родных, ни знакомых, но где каким-то образом поселилось его сердце. Такой сибаритский взгляд на Отечество приводил к двоякому выходу из неудобного положения, в котором находился западник: он всегда (от Хворостинина — до Чубайса) стремился или перенестись в любимый ему чуждый мир Запада, или мечтал этот мир с его политическими и другими удобствами перенести на свою родину, в Россию», — Синюгин потряс шпаргалкой, небрежно кинул её на трибуну и звучно припечатал ладонью. — Вопрос «Что делать?», терзающий Россию на протяжении четырёх столетий, проистекал из двойственного нутра отечественной интеллигенции, которая, в конце концов, исполнила свою заветную мечту — перенесла западные экономические и политические институты в Россию, лишила её самодостаточности и самобытности и, как следствие, исторической перспективы.

— Но этот процесс был неизбежен, — вякнул Маркин. — Весь мир шёл в ногу, а мы выбились из общих рядов, и хорошо, что нашлись смелые люди, которые вернули Россию на определённое ей историей место в ряду цивилизованных государств.

— Неизбежна лишь смерть, — парировал выпад тележурналиста Синюгин. — Всё остальное зависит только от людей. Это главное, что я хочу подчеркнуть. Так вот, в России больше не осталось людей, которые могли бы задаться вопросом «Что делать?» Европейская демократия, истерический бедлам всеобщего тайного голосования, мнимое равенство всех перед законом, насильственная толерантность и прочие штучки-дрючки парламентаризма с азиатским оскалом, это, коллеги, гнёт посерьёзней татаро-монгольского ига. Тогда с Руси захватчики брали десятину и оставляли русских людей вариться в своём православном вареве, а сейчас мы все ухнули в мировую давильню глобализма и будем превращены в общечеловеческий фарш...

— Может быть, обойдёмся без конспирологии, без ужастиков о мировом заговоре? — раздался чей-то насмешливый голос. — Относительно заявленной темы скажу, что вопрос «Что делать?» не снят с повестки дня, пока человек не утратит возможности свободно мыслить.

Я заметил, что Митя порывается встать и успокаивающе похлопал его по коленке, но он не внял моему предупреждению и очутился за чёрной трибуной, хотя его туда никто не приглашал.

— Представьтесь, пожалуйста, — презрительно воззрившись на самозваного оратора, сказал председатель заседания.

— Митя, — пробормотал мой подопечный, чем вызвал оживление среди присутствующих.

— Нельзя ли точнее определить ваш статус? — заметил председательствующий. — Мы публикуем отчёты и даём справки об участниках обсуждений.

Я обязан был сохранить Митино инкогнито и поспешил на выручку:

— Это согласованное со мной выступление, и нами было принято решение, что оно будет обнародовано под моей фамилией. Надеюсь, она вам известна.

— Кто же вас, Игорь Алексеевич, не знает! — воскликнул Маркин, и его поддержали ещё несколько кормившихся от «Народной Инициативы» журналистов.

— Но я не закончил своего выступления, — напомнил о себе Синюгин.

— Продолжайте, но в режиме диалога, — сказал председательствующий. — У нас ведь спор-клуб, а не унылое заседание профкома.

— Нет уж, — отказался Синюгин. — Послушаем, что скажет молодой человек.

Я не выпускал Митю из виду и с удивлением отметил, что он ничуть не обеспокоен тем, что находится в центре внимания самых дотошных и язвительных спорщиков и говорунов нашего города. А они только тем и промышляли, что трепались на самые разные темы, кто в университетах, кто в так называемых СМИ, кто на партийных тусовках. Их основным занятием была трепотня. За неё они получали научные звания, должности, зарплату, а заодно удовлетворяли своё страстное и неудержимое желание говорить, говорить и говорить на любую тему во всякое время и во всяком месте. Им необязательно была нужна аудитория, хватало и одного человека, которого они терзали своими безудержными речёвками до головокружения и тошноты.

Я сам несколько раз попадал в подобную ситуацию и вынужден был выслушивать всякую дребедень от почтенных людей, пока не обнаглел, а близость к Андрею Ильичу Козыреву позволила мне это сделать довольно скоро, и стал затыкать рты нашим говорунам пренебрежительным жестом, дескать, брысь с дороги, а то отдавлю ноги! Мои повадки здесь знали, и выступление Мити встретили в полном молчании.

— Прошу извинить, — сказал он, обращаясь к залу. — Я, кажется, не дал вам закончить мысль, но готов это сделать за вас.

— Валяйте, юноша, — ухмыльнулся Синюгин. — Я восхищён вашей самонадеянностью.

— Всё сказанное вами правильно: глобализм — это беспощадная давильня, превращающая человечество в однородный фарш, который не способен задать вопрос самому себе, что же ему делать? Пройдя через все общественно-экономические формации — от первобытно-общинного строя до развитого социализма, — человечество оказалось в тупике исторического развития. Конечно, либералы с этим выводом ни за что не согласятся. Но факт остаётся фактом — все общественные классы, от рабов древнего Рима до русского пролетариата, отдали свои жизни не за освобождение угнетённого социальным неравенством человечества, а за превращение его в либеральное быдло. И сейчас не осталось ни одной социальной группы, которую можно было бы назвать авангардом человечества. Сейчас вопрос «Что делать?» может волновать только отдельно взятого человека, который осознал, что умирать ему суждено в одиночку и решать нужно только свои вопросы, не брезгая ничем для достижения своей цели и желательно за счёт других людей.

— Тоже мне открытие! — язвительно провозгласил Синюгин — Таким человек был всегда и пребудет во все времена.

— Тут-то мы с вами и расходимся! — заявил раскрасневшийся от охватившего его азарта Митя. — Наша интеллигенция, водрузив на русской земле западные порядки, забыла, что Россия моложе Европы лет этак на пятьсот. Между нами такой непреодолимый разрыв во всём, что перескочить эту пропасть не удалось даже длинноногому Петру Первому, а теперешним плюгавым хозяевам России даже не стоит и думать об этом.

— Наше сообщество вне политики! — нравоучительно произнёс председательствующий. — Поэтому воздержитесь от политических оценок.

— Замечание принято, — сказал Митя. — Хотя в моих словах нет ничего политического, просто констатация фактов. А они таковы, что события последних лет, перевер-

нувшие Россию с ног на голову, ещё не получили объективную оценку. Европа и Северная Америка действительно стали фаршем, но это фарш из «золотого миллиарда» человечества, существующего по самым высоким стандартам жизни...

— Молодой человек! — провозгласил председательствующий. — Вы говорите слишком общо и уклонились от темы. Вы ответьте нам: насколько актуален вопрос «Что делать?»

— В России уже поздно задавать вопросы подобного рода, — голос Мити окреп, он справился с волнением и, сделав паузу, оглядел собрание городских умников и заведомых болтунов. — Россия может погибнуть только от одной напасти, которой подвержены, скажем по-другому, заражены все, не исключая меня и моих слушателей в этом зале.

Это заявление расшевелило аудиторию, раздался лёгкий шумок, и кто-то со смешком произнёс:

— А вы что, специалист по социальным заболеваниям?

— Здесь, кажется, двести пятьдесят лет назад родился историк Карамзин? — не смутился Митя. — Так вот, приступая к созданию «Истории государства Российского», он дал себе зарок говорить людям правду, как бы горька и ужасна она ни была. Такой зарок особенно необходим в наши дни всем русским людям, но что делать, если каждый из нас не сможет прожить и дня не «соврамши»?

В зале послышалось шевеление, лёгкое покашливание.

— Вы, кажется, явились сюда не дискутировать, а обвинять? Здесь собрались честные люди, молодой человек, и извольте выражаться аккуратнее, — раздалось из верхних рядов кресел.

Митю этот скандалезный выкрик нисколько не смутил, он лишь слегка побледнел и, подойдя к краю сцены, указал на кого-то в зале.

— Конечно, все вы готовы протестовать против столь голословного обвинения, но тогда объяснитесь, пожалуйста, почему, когда к вам вчера явились незваные гости, вы кинулись взахлёб уверять этих невеж, что бесконечно рады их видеть, что недавно они вам приснились? А не сказала ли ваша супруга гостям, что купила шубу за сто тысяч, хотя отдала за неё полста? А не выкинул ли ваш отпрыск дневник с двойками на помойку, но отцу поклялся, что его потерял? — Митя сделал короткую паузу и продолжил: — Почему же мы так много и безостановочно врём друг другу? Слышу голос: врут не только в России, врут и на столь обожаемом российской элитой Западе. На этот счёт можно сказать, что в других нациях лгут в огромном числе случаев только негодяи, лгут из практической выгоды, то есть лгут с преступными целями. А у нас, в России, могут лгать совершенно даром самые почтенные люди с самыми почтенными целями. Лгут, чтобы доставить слушателю удовольствие, чтобы прослыть толерантным, но в большинстве случаев лгут по инерции словоизвержения: ляпнет человек, не думая, о чём-нибудь и примется расцвечивать вранье всякими придумками. Во вранье мы сразу становимся художниками слова, жеста и мимики... А сколько коробов наврал каждый, якобы со знанием дела рассуждая о какой-нибудь книге, кинофильме, спектакле? А не случилось ли нам быть знатоками болезней, с убедительностью медицинских светил толкуя о раке, СПИДе и прочих хворях рода человеческого. И так бойко глаголили, так затейливо, можно сказать, художественно врали, что, разойдясь со слушателем, с удовольствием вспоминали, как он был поражён вашим многознанием, как он в свою очередь врал, что непременно последует вашим рекомендациям и тотчас пойдёт в аптеку и купит именно то, что вы ему прописали на людной улице... А не толковали ли вы с жаром знатока об адронном коллайдере, птичьем гриппе и свином, о теореме Пуанкаре, которую решил некий петербургский затворник и отказался от наградного миллиона «зелёных»?.. Словом, любим мы потолковать о предметах, где нашему вранью открывается полное раздолье. В России безграничные возможности для вранья объясняются тем, что, собравшись по какому-нибудь поводу праздничного свойства, мы становимся трепетно деликатны друг к другу. Только соврёт один, так его тут же поддержит враньём своего приготовления другой, выступит и третий, найдётся и четвёртый враль, пока нить вранья не вернётся к первому, и, дав соврать всем, он может избрать новую тему, опять же для вранья. Сказанного, думается, достаточно для признания, что врём мы без всякого удержу, можно даже сказать, что жить без этого не можем, и полагаем, что ложь, пусть и не безобидна, но во многих случаях необходима... Вот говорят, что все предвыборные обещания кандидатов в депутаты в лучшем случае наполовину враньё, однако мы делаем вид, что им верим, потому что сами во многом такие же вруны, как и претенденты на выборные должности. В таком разе голосование превращается во взаимное враньё: проголосовав, я соврал тем, что сделал вид, будто верю вранью кандидата. Большим количеством вранья объясняется массовая неявка к избирательным урнам. Люди, если не понимают, то инстинктивно чувствуют, что их вовлекают в недостойное дело, и отказываются соучаствовать во вранье...

Председательствующий, до этого уже нетерпеливо поглядывающий на Митю, воспользовался паузой и постучал по столу.

— Вы уже использовали всё время, которое отводится оппоненту, но так и не ответили на вопрос «Что делать?»

— Как не ответил? — недоуменно пожал плечами Митя. — Нужно всем перестать врать и жить по правде.

— Только и всего? — хмыкнул председательствующий и обратился к присутствующим: — Уважаемые коллеги! Будем считать это выступление лирическим отступлением от заявленной темы. И теперь я прошу уважаемого господина Синюгина продолжить своё выступление, так забавно прерванное настырным инкогнито.

Митя подошёл ко мне и сел рядом. Он явно ждал, что я его похвалю, и мне это было сделать совсем нетрудно, потому что его выступление мне понравилось. Оно было свежим, непосредственным и совсем не соответствовало месту, где это произошло. Наш «Гайд-парк» был одним из эпицентров, от которого расходились волны регионального вранья, и Митя совершенно случайно угодил в этот омут своим булыжником правды. Не позже, чем завтра, станет известно, что о правде и повсеместном засилии вранья обеспокоился не кто иной, как наследник самого могущественного олигарха нашего региона. И мимо этого факта не пройдёт ни один человек, ещё не утративший советскую привычку добросовестно ходить на выборы и ставить галочку против той фамилии, которая чаще других мельтешит у него перед глазами.

«Уж не хочет ли он рвануть в депутаты? — тоскливо подумал я. — Это же всё свалится на меня. Нет, надо срочно ехать на базу отдыха и лечить пробирочника от депутатской блажи проверенным способом».

– 3 –

После недавнего недолгого, но бурного ливня на улице было свежо. Поток машин заметно поредел, и мне без остановок удалось спуститься по «восьмёрке» с крутого берега к мостовому переходу, соединявшему центральную часть города с окраинным Заволжьем, по которому, дымя от натуги, тепловоз тащил не меньше полусотни наполненных под завязку цистерн с нефтепродуктами. Автомобильный мост, построенный впритык к железнодорожному, ощутимо подрагивал под тяжеловесным составом, от которого несло дымною гарью, но Мите это не мешало, он, высунувшись наружу, глядел вниз, где между балок и мостовых быков ходуном ходила обманчиво близкая расходившаяся от ветра Волга.

— Я, наверно, выглядел по-дурацки перед этими людьми? — сказал он, глянув в мою сторону.

— В общем-то, да, — решил я не щадить своего подопечного. — Именно так они и восприняли ваше выступление. По-другому и не могло быть, потому что эта публика профессионально промышляет враньём, но совершенно искренне все считают себя честными людьми. Ваше выступление было воспринято как призыв к покаянию, и они сделали ужасный для вас вывод.

— Какой же приговор мне вынесли? — насторожился Митя.

— Что вы отъявленный лжец и пытаетесь отбить у них кусок хлеба с маслом, который они получают за обслуживание власти кто пером, кто болтовней, кто сплетнями. Вы зарекомендовали себя врагом лжи, но эта публика поняла так, что вы под видом правды намерены обоврать их всех вместе и каждого в отдельности и стать вралём номер один в городе.

— Неужели, Игорь Алексеевич, — дрожливым голосом произнёс Митя. — Неужели и вы меня так поняли?

— Признаться, Митя, не знаю, что о вас думать. Ведь вы явились перед этой публикой, как христианский проповедник перед попечительским советом публичного дома, позабыв, что ваш папаша является одним из ведущих директоров-распорядителей нашего регионального бардака за номером таким-то в общефедеральном списке. Пока вас не разоблачили, кто вы такой, но это дело одного-двух дней.

— Я хотел объявить свою фамилию, но вы не дали, — нахмурился Митя. — Но что из того, что я Козырев?

Кажется, он действительно был прост и наивен, как выпускник Кэмбриджа, рухнувший в нашу жизнь с благими намерениями её улучшить и даже облагородить. Я был уже почти готов в это поверить, но что-то мне мешало занести своего подопечного в святцы. Он был открыт, может быть, честен, но я-то таким не был, я был прожжённым подручным ещё более прожжённого дельца, привык видеть людей со всех сторон сразу и не могу сказать, что мне за последний год встретился хоть кто-нибудь, кого можно было причислить к честным людям, конечно, кроме себя самого. Правда, моя честность заключалась только в одном: я знал, что я — негодяй, а другие почему-то

мыслили о себе любимых в степенях превосходных и восторженных.

— Вы что, не понимаете, что вы наделали? — удивлённо воззрился я на своего спутника. — На днях все, кто хоть что-то значит в этом городе, узнают, что сынок Андрея Ильича вступил на путь обличения власть предержащих во вранье, причём всех без исключений, от постового до губернатора, до самого губернатора!

— Но я его и не упоминал, я его не знаю...

— Беда в том, что наш губер самый беспардонный лжец, и это ведомо всей области. В свете вышеизложенного теперь вам понятно, какое значение может получить ваша яростная филиппика против вранья?

Митя насупился, достал из кармана пачку сигарет, закурил и весело произнёс:

— Может, всё не так уж и сумрачно, как вам показалось, Игорь Алексеевич?.. Кто-то должен, в конце концов, сказать, что все мы изоврались до крайней степени и с этим надо что-то делать. Хоть убейте, но я не вижу причины, почему я должен был промолчать.

— В России сейчас, чего ни коснись, всё политика. Наш город — не исключение. И ваше выступление против вранья обязательно будет истолковано не в вашу пользу тем же губером.

— Но я же о нём ничего не сказал.

— Вы что, забыли, чей вы сын? Нашему губеру помогут понять, что ваше выступление — это объявление войны ему лично и всей его кодле, что денно и нощно пилит областной бюджет на виду у народа, а тот посапывает, кряхтит, помалкивает и ждёт избавителя.

— Какой я избавитель? — хохотнул Митя. — Скорее, нахлебник.

— Место народного заступника у нас уже занято. Это наш дорогой мэр — Сергей Петрович Зудин, почётный чекист, полковник госбезопасности и прочая, и прочая. Очень коварная особь кэгэбэшной выделки. Поэтому-то в окружении губера сразу решат, что ваше выступление спровоцировано Зудиным, воспримут это как объявление войны и поставят в известность об этом своего босса, — пугал я пробирочника.

Митя обиженно и как-то по-детски надул губы, отвернулся и замолчал. Мне тоже стало не до разговоров, на подъёме береговой горы был затор, и пришлось свернуть на просёлочную дорогу в объезд. Машину начало потряхивать и раскачивать из стороны в сторону на рытвинах и ухабах, в салон залетела оса и начала мельтешить перед глазами по ветровому стеклу, пока я не замял её выхваченной из бардачка тряпкой. Но вслед за ней явились ещё две осы и с явным желанием нас ужалить стали шнырять по салону, пока Митя, открыв дверцу, не выпроводил их из машины.

Наконец мы въехали снова на городскую улицу и на хорошей скорости промчались до поста ГАИ, за которым начиналось загородное шоссе. Проехав по нему четверть часа, я притормозил машину на въезде в сосновую рощу на берегу Волги, где располагалась база отдыха для ударников капиталистического труда «Народной Инициативы».

Нас заметили, от домика со шлагбаумом к машине поспешил охранник, козырнул и доложил обстановку: отдыхающие на ужине, катер стоит у причальной стенки, никаких происшествий не случилось.

— Этот товарищ со мной, — сказал я охраннику. — Позаботься о машине и не позволяй открывать пивные бутылки о бампер.

— Как можно! — воскликнул охранник. — Я машину накрою тентом, а собачка к ней никого не подпустит.

Деревья в сосновой роще были одного возраста и ничем не отличались друг от друга, поскольку выросли в тесноте, и только недавно лесопосадка была прорежена согласно всем правилам ландшафтной архитектуры. Появились дорожки, небольшие поляны с павильоном для культурного времяпрепровождения отдыхающих и прочие парковые прибамбасы вроде танцплощадки с раковиной для оркестра, колесо обозрения, детский городок, теннисный корт, волейбольная площадка и даже помост с набором гирь и штангой для тех, кто вздумает испытать прочность завязки своего пупка.

Из столовой выходили отдыхающие, многие меня знали и почтительно здоровались. Мите это подобострастие явно не понравилось, что было заметно по ухмылке, с которой он встречал каждый отданный в нашу сторону полупоклон, но мне это не казалось чем-то неприличным. Я хорошо знал, что люди здоровались не со мной, а с «Народной Инициативой», обеспечивающей им бесплатный двухнедельный отдых на лучшей в регионе базе отдыха, кстати, тоже принадлежавшей Андрею Ильичу Козыреву.

— А что, здесь очень даже недурно, — произнёс Митя, оглядываясь по сторонам. — Вот и музыка заиграла.

— Каждый вечер все желающие могут танцевать сколько угодно. Не желаете присоединиться?

— Хорошую музыку я люблю послушать, а вот дрыгать под неё ногами и кривлять-

ся, как папуас, не научился.

— Но почему не воспользоваться прямо сейчас возможностью восполнить пробел в образовании?

Мите моё предложение явно не понравилось, он отвернулся от танцплощадки в сторону Волги, на противоположном берегу которой уже лежало раскалённое закатное солнце.

— Вы глядите в правильном направлении, — сказал я. — Вот эта тёмная полоса посередине Волги и есть на сегодня пункт нашего назначения. Андрей Ильич называет его островом Стеньки Разина, даже добился почтового адреса: Волга, остров Степана Разина, поставил бронзовый памятник казачьему атаману, но, как говорится, чёрного кобеля не отмоешь добела, и горожане называют этот остров, как привыкли — Бесстыжий, потому что здесь издавна собирались порезвиться и поплавать голышом весёлые люди.

— Неужели мой папаша продолжил эти традиции? — усмехнувшись, сказал Митя.

— Что вы такое говорите? — деланно возмутился я. — Андрей Ильич уже давно образец порядочности в её самом дистиллированном виде.

Вечерняя Волга встретила нас мерным убаюкивающим плеском воды о причальную стенку, возле которой находилось два десятка прогулочных лодок, катер спасателей и большая парусно-весельная лодка, оборудованная мотором, которая называлась просто и ясно: «Сарынь на кичку!» Она была одним из судов козыревской флотилии для связи берега с островом, на её корме подремывал шкипер Алексей Иванович.

— Как ветер? — поинтересовался я у бывалого волгаря.

— Ветер наш, а если не так, то высвистим.

Он сунул в рот боцманскую дудку и засвистал на все лады.

— Сарынь на кичку!

Я прошёл под навес, сел в кресло и, взяв бинокль, принялся рассматривать остров. Вдруг оглушительно бабахнул пушечный выстрел. Носовая часть нашего струга окуталась чёрным, дурно пахнущим дымом.

— Что это такое! — взволнованно воскликнул Митя.

Опередив мой ответ, со стороны острова до берега докатился ответный выстрел пушки.

— Обмен любезностями, — сказал я. — Наш шкипер предупредил береговую охрану Бесстыжего, что на борту его струга находится важная випперсона.

Алексей Иванович поднял парус, который быстро наполнился ветром, струг ожил, запокачивался на волнах, сдвинулся с места и, слегка накренившись на правый борт, неторопливо побежал, как по ступенькам, по волнам, отшвыривая их одну за другой пенными брызгами, которые, разбиваясь на мельчайшие капли, приятно освежали прохладой наши разгорячённые лица.

Для Мити путешествие на струге под парусом оказалось взволновавшей его неожиданностью. И он, стоя на атаманском мостике над кормовой каютой, жадно вглядывался в открывшийся перед ним волжский простор, дышал полной грудью, ощущая с каждым вдохом и выдохом, как в нём прибавляется силы и удали, и вдруг совершенно неожиданно для меня и шкипера звонко пропел:

— Есть на Волге утёс, диким мохом оброс...

Но спохватился, смутился и умолк.

— Будем считать, что проба голоса состоялась, — сказал я. — Как, Алексей Иванович, годится он для твоего атаманского хора?

— Раз сам запел, стало быть, годится, — благодушно вымолвил шкипер. — Значит, Волга его приняла за своего, если запела в нём сама, помимо его желания. Это не я сказал, а мой дед, когда услышал, как я запел, сидя за вёслами.

— Кстати, Митя, откуда вы знаете эту песню? — спросил я.

— От тех русских людей, у которых воспитывался в Англии. У них ни одного праздника не было без русских песен.

— Что-то вы не так калякаете, — строго сказал Алексей Иванович.

— Это почему не так?

— Разве тебе, Игорь, неведомо, что на струге друг друга не выкают, все в нём — артель, а я — шишка, атаман и шкипер.

— И правда, Игорь Алексеевич, давайте говорить друг другу ты, — весело сказал Митя.

— С полным удовольствием, — согласился я. — Вот вам моя рука.

Скрепив рукопожатием соглашение с пробирочником, я ни на миг не усомнился в верности выбранной по отношению к нему тактики. Его простецкое поведение ничуть не усыпило мою подозрительность. Парень был явно не с одним дном, и пока я видел лишь то, что видел. Он был тоже не прочь поиграть в простоту, но поживём — увидим, а пока я должен был признаться, что не заметил в нём ни малейшей фальши, заце-

пившись за которую можно было бы размотать его полностью, как бумажный рулон. Мысль, что каждый человек имеет тщательно скрываемую от других червоточину, чуть не погрузила меня в меланхолию, но от острова опять донёсся пушечный выстрел. Он извещал, что к нам направился самый большой струг козыревской флотилии «Атаман» с командой гребцов и заказанное мной по мобильному развлечение состоится.

— Сарынь на кичку! — скомандовал шкипер. — Все за вёсла! На кону ящик пива!

На «Атамане» явно услышали этот крик и прибавили ходу, у них за вёслами были четверо молодых и крепких мужиков из охраны Бесстыжего острова. При одинаковом парусном вооружении их четыре весла против наших двух при еле заметном ветре давали нашим соперникам явное преимущество, но у нас был Алексей Иванович, главный тренер команды по морскому многоборью, которую финансировала «Народная Инициатива». Он чутко улавливал малейшие изменения в направлениях ветра и правил стругом, властно покрикивая:

— Раз! Раз! А ну упрись! Раз! Раз!

Я упирался из всех сил, то вскидывая, то опуская тяжёлые вёсла, и прислушивался, как позади меня покряхтывает от натуги Митя. Через пять минут я понял, что он явно сильнее меня и сдался: бросил вёсла и, ополоснув забортной водой потное и разгорячённое лицо, сказал:

— Какой год тяжелее полного стакана с водкой ничего не поднимаю. Заводи, Иваныч, мотор, пока эти охламоны не взяли нас на абордаж.

— Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! — крикнул шкипер и запустил дизельный движок.

На «Атамане» хотели сделать то же самое, но их мотор, сделав два-три выхлопа, заглох, а мы, совершив круг победителей, устремились к острову.

Расположившись в носовой части струга, подальше от ревущего во всю мощь двигателя, я нет-нет, да поглядывал на Митю, который, судя по всему, чувствовал себя превосходно, и невольно завидовал его молодости и здоровью. У меня ещё не прошла дрожь в руках от весёл, а парня затеянная мной проверка только позабавила. И он, стоя во весь рост, вглядывался в сторону острова, который был не просто клочком суши посреди водохранилища, а цитаделью или непотопляемым авианосцем «Народной Инициативы», где было много такого, о чём электорат не ведал ни сном, ни духом.

Вблизи остров впечатлял своими размерами, это был сосновый бор посреди воды, обрамлённый белыми песчаными пляжами, на которых когда-то резвились прожигатели жизни времён развитого социализма. Теперь он единовластно принадлежал Андрею Ильичу Козыреву и был защищён от непрошеных гостей современной системой слежения, применявшейся на военных объектах особой важности, и проникнуть сюда было невозможно. Немедленно срабатывала система сигнализации, и группа захвата сломя голову мчалась к нарушителю границы, которого уже держали за штаны пущенные вперёд служебные собаки. Задержанных граждан помещали в бетонный отсек и, продержав там иногда полные сутки, выпроваживали на берег со строгим наказом не нарушать границы частных владений. И скоро горожане узнали, что место их игрищ и забав больше им не принадлежит, но вякать было бесполезно.

Козырева хвалили попы и приручённые мной газетчики за богоугодное дело: на острове, бывшем в летнюю пору вертепом разврата, Андрей Ильич первым делом построил великолепную рубленую церковь. Сам архиепископ освятил её и весь остров по самому высшему чину. И теперь на Бесстыжем, надо думать, пребывала, если не сама святость, то её отражение — христианская справедливость в наглядном виде: в храме на Бесстыжем исповедь была бесплатной, а во всех других с прихожан в городе брали по сто рублей с каждого. Прослышав об этом, Андрей Ильич распорядился всему коллективу «Народной Инициативы» выплачивать ежемесячную сторублёвую надбавку — и христианам, и иудеям, и мусульманам, за что был обласкан архиепископом, подарившим олигарху образ Николы-угодника, вышитый крестом насельницами Соловецкой пустыни.

Надо сказать, что Андрей Ильич прибрал к своим рукам остров достаточно давно, ещё в те баснословные времена, когда в России пузырилась и булькотила демократия послеперестроечного розлива, Ельцин пил горькую, а на местах кое-кто уже сумел хапнуть наиболее рентабельные производства и окружил себя сворой прикормленных ментов, прокуроров и журналюг. Опытный кадр КПСС Козырев принадлежал к числу воротил, которые жили не одним днём. Он верил, что капитализм явился в Россию всерьёз и надолго, поэтому был не только самым эффективным грабителем советского наследства, но и умелым изготовителем лапши, которую до моего появления в штате «Народной Инициативы» не брезговал сам развешивать на уши наших простодушных земляков.

Наглое покушение бывшего комуняки на Бесстыжий остров спровоцировало волну возмущения. Против захватчика выступили и «зелёные», и коммунисты, и

жириновцы, которые собрались на внушительный митинг возле офиса «Народной Инициативы», избрали инициативную группу и почти приняли резолюцию обратиться в Страсбургский суд, как сквозь толпу к микрофону прошёл человек, в котором многие узнали самого виновника народного возмущения.

Козырев бесцеремонно отодвинул задыхавшегося в праведном гневе оратора и произнёс весьма укоризненным тоном:

— Не о том протестуете! И с чего вы взяли, что мне нужен этот загаженный десятью поколениями горожан клочок суши, оставшийся от варварского затопления сталинистами волжской поймы? — в ответ раздались негодующие выкрики, толпа угрожающе качнулась в сторону Андрея Ильича, но тот не смутился. — Ваша правда! — рявкнул он в микрофон. — Я захватил остров, чтобы намыть из его песка тонну золота, а не получится, так организовать раскопки и присвоить себе все пустые бутылки из-под водки и пива и наварить на этом проекте немыслимую деньгу! Так, что ли?

— Вы лишаете горожан единственного места отдыха, — выступил вперёд главный городской защитник природы профессор пединститута Бирюков. — Остров является уникальным уголком почти исчезнувшей растительности волжской поймы.

— Вот это правильно! — подхватил Козырев. — Прежде чем решиться приобрести остров, я пригласил комплексную экспедицию из Самарского института Волжского бассейна, и она сделала заключение, что дальнейшая интенсивная эксплуатация острова должна быть немедленно прекращена и доступ на него ограничен.

Несколько сотрудниц офиса принялись раздавать протестантам листовки с резюме самарской экспедиции. Колонки цифр и графики производили впечатление на людей неискушённых и привыкших верить, что наука говорит всегда правду. Мнение толпы стало колебаться, и Козырев поспешил склонить его на свою сторону окончательно.

— Этот митинг не должен остаться без положительных последствий. Я вижу здесь самых уважаемых граждан нашего города и предлагаю им создать комитет по восстановлению экосистемы Бесстыжего острова и включить в него представителей партий и общественных движений. Финансирование деятельности комитета «Народная Инициатива» берёт на себя.

После столь многообещающего заявления вожаки митинга кинулись создавать комитет по Бесстыжему острову и делить портфели. Коммунисты по привычке пожелали возглавить новоиспечённую общественную организацию, но их гегемонии решительно воспрепятствовали жириновцы и несколько весьма рьяных граждан, не обозначивших свой партийный окрас.

Козырев не стал дожидаться окончания собрания, оставил за себя начальника службы безопасности корпорации и удалился победителем в офисные апартаменты. Он знал, что его заместитель доведёт дело до логического завершения. Так и случилось. Отставной полковник госбезопасности пригласил наиболее ретивых протестантов и свежеиспечённых членов комитета проехать до Бесстыжего острова на корпоративном катере и провести, так сказать, регонсцировку на местности.

Отказавшихся от поездки не было. Быстроходный катер на подводных крыльях мигом доставил борцов за экосистему волжской поймы на остров, где они с важным и многозначительным видом стали прогуливаться и дискутировать о том, что бы такое здесь сотворить на деньги регионального олигарха. Начальник службы безопасности тем временем выгрузил из катера ящик водки, положил на него буханку ржаного хлеба, большую луковицу и удалился восвояси, оставив борцов за сохранение природы куковать на острове до морковкиного заговенья, то есть неопределённо долго в ожидании оказии, которая поможет им вернуться к своим семьям.

Спасение к волжским «робинзонам» явилось утром. Это был старенький портовый буксир, на нём к Бесстыжему причалила орава самых отъявленных журналюг-проходимцев с фотоаппаратами и кинокамерами, которые и застали в самом неприглядном виде самых известных в городе протестантов. Все они, не исключая коммунистов, были в стельку пьяны, измазюканы в грязи и в травяном соре и еле ворочали языками. Под соснами были разбросаны пустые водочные бутылки и валялся пустой ящик. Потерпевшие от козыревского гостеприимства защитники природы были не в состоянии сопротивляться напору журналюг, и те всех перефотографировали, сняли несколько киноинтервью и отбыли восвояси, пообещав, что следующим рейсом портового буксира все оставшиеся будут эвакуированы.

Областное радио уже через два часа известило слушателей о ночном гульбище на Бесстыжем острове и сообщило, что вечером на эту тему будет показан фильм. В городе сие известие распространилось с быстротой лесного пожара, возникла масса слухов и предположений, но действительность превзошла все ожидания. После показа кинофотодокументов и речёвок журналистов заведующий юридическим отделом «Народной Инициативы» обвинил защитников экосистемы волжской поймы в покушении на захват чужого имущества, то бишь острова Бесстыжий, и озвучил

решение президента корпорации — передать материалы радиоэфира и телепередачи в областную прокуратуру.

После столь грозного заявления члены самозваного комитета по защите Бесстыжего острова разбежались, как тараканы, в разные стороны, и Козырев в спокойной обстановке совершил покупку сорока гектаров земли по десять долларов за гектар и стал полновластным хозяином острова, который сейчас стоил уже несколько десятков миллионов «зелёных», до следующей социалистической революции.

В начале зимы, когда лёд на Волге окреп настолько, что стал выдерживать грузовики с брёвнами, на остров начали завозить сосновый кругляк, доски, сантехнику и другие строительные материалы в количествах, достаточных, чтобы открыть широкомасштабное строительство уже в начале весны. После храма началось возведение терема по мотивам Коломенского дворца, построенного при царе Алексее Михайловиче. Одновременно строились гостевые домики, прокладывались дорожки, очищался и где надо прореживался сосновый бор. Когда строительство закончилось, на остров завезли несколько пар лосей, кабанов и благородных оленей, которых разместили в огромном занимающем четверть острова вольере, огороженном со всех сторон крепким и высоким забором.

Я не был непосредственным свидетелем или участником героического освоения Бесстыжего острова, но и до меня докатились отзвуки празднества, учинённого Козыревым по случаю окончания работ, которое совпало ещё с одним грандиозным событием. Оно касалось только Андрея Ильича: его состояние перевалило за сто миллионов баксов, но радоваться этому он мог только один, запершись в тереме на персональном острове.

Зато прилюдно Козырев оттянулся по полной. На остров была приглашена вся руководящая и финансовая головка региона. Место для празднества было огорожено, чтобы гости не загадили испражнениями и блевотой экосистему острова. Вся обслуга была одета а ля рюс, сам Андрей Ильич для убедительности отрастил бороду и усы и оделся под Стеньку Разина: в синие сафьяновые сапоги, плисовые красные штаны и голубую рубаху, что весьма покоробило представителя президента по Приволжскому федеральному округу, известного либерала и западника, но он смолчал, а в разгар празднества уже сам себя вообразил подручным знаменитого атамана и запел про княжну, которую Разин утопил в Волге.

— Как раз вовремя! — заявил Козырев. — В программе нашего праздника следующим пунктом значится «Княжна».

— Вот и прекрасно! — воскликнул «государево око». — Я — за!

На пристани загремели пушки. Русский народный хор облфилармонии, скрытый до времени за громадной ширмой, разухабисто грянул: «Ехал на ярмарку ухарь купец!» — а затем в полном составе погрузился в прогулочный теплоходик и последовал за стругами с почётными гостями к волжскому мосту в сопровождении быстроходного катера МЧС со спасателями-водолазами.

Козыревская флотилия на полпути сделала остановку, все плавсредства окружили атаманский струг, где подвыпивший представитель президента поднял на руки «княжну», но никак не мог бросить её в воду. Хор уже дважды повторил куплет, где атаман «и за борт её бросает в набежавшую волну», но либерал медлил до тех пор, пока Андрей Ильич не подтолкнул:

— Бросай! Не позорься в глазах электората!

Полпред внял совету хозяина, и «княжна» под восторженные вопли гостей плюхнулась в воду и пошла камнем на дно.

— Что же вы, братцы, приуныли! — грянул хор.

Гости продолжили гульбу, а полпред, склонившись за борт, ждал появления «княжны». Прошла одна минута, другая, и он растерялся.

— Где же она?

— Как где? — удивлённо вытаращил глаза губернатор, не отходивший ни на шаг от почётного гостя. — Наверно, утонула. Упала за борт и утонула, по собственной неосторожности. И это все видели.

— Я видел! Я видел! — завопили со всех сторон. — Сама упала!

Дружная поддержка однопартийцев слабо утешила полпреда, он сник, ушёл в каюту струга и просидел там до конца прогулки, пока атаманская флотилия не вернулась на Бесстыжий.

— Он там часом не повесился? — встревожился Козырев.

— Такие не вешаются, — осклабился губернатор. — Но в штаны мог напустить. Давай встречный марш.

Оркестр военного училища, жарко блистая медными трубами, заиграл марш, и губернатор, пятясь, вывел из каюты полпреда. Штаны у него были сухими, а морда — унылой и мятой.

— А вот и дорогая пропажа! — возвестил Козырев.

Музыка резко оборвалась, полпред глянул на сходни и обомлел: его встречала в белом подвенечном платье с короной королевы красоты на голове очаровательная девушка, в которой он с изумлением узнал «княжну». В руках она держала поднос с большой рюмкой водки и гроздью винограда.

— Это ты! — только и смог выдохнуть возвращённый к жизни полпред президента России, опрокинул в рот стопку, захватил «княжну», жадно закусил водку её сладким поцелуем и продиктовал своему референту:

— Оформить с начала месяца моим советником по общим вопросам. Ты на переезд согласна?

— Мне нужна квартира, — пискнула девица.

— Это детали, — небрежно махнул рукой полпред. — Думаю, мы сработаемся.

И помахав ручкой на прощание, повёл свою добычу к приземлившемуся возле пристани вертолёту, сопровождаемый раболепной толпой во главе с губернатором, весьма довольным своим оригинальным подхалимажем высокой особе.

Оставшись без «государева ока», наша правящая элита пила и куролесила до самого утра, и, к счастью, никто не огорчил хозяина инфарктом или инсультом, все остались живы и здоровы. Андрей Ильич по-настоящему стал законным владельцем Бесстыжего острова, что получило подтверждение в награждении его по рекомендации полпреда орденом Почёта, который он получил вместе с письмом, где тот очень тепло благодарил Козырева за недавнее гостеприимство. Это письмо Андрей Ильич велел поместить в рамку из красного дерева, и оно до сих пор украшает одну из стен его служебного кабинета наряду с портретами президента и премьера.

– 4 –

Пристань на Бесстыжем отрове была расположена внутри искусственно созданной уютной лагуны, защищённой с трёх сторон от ветров высокими и тесно друг к другу растущими соснами. Вход в неё обозначали две насыпи, воздвигнутые из песка, вынутого при углублении бухты, чтобы к острову могли причаливать суда любой осадки, включая и класса «река-море», и океанские прогулочные яхты, которые вошли в моду с тех пор, как такой обзавелся олигарх Абрамович. Андрей Ильич за модой не гнался, в каждом задуманном им деле, которое неукоснительно воплощалось в жизнь, чувствовался присущий ему крой волгаря и широкодушного русского человека. Во всяком случае, таким его воспринимали наши восторженные аборигены, но я знал, что это была только игра — и разинские струги, и ежегодно совершаемое культовое бросание княжны очередным Стенькой Разиным. Замечу, что должность атамана уже лет пять как стала покупной, последний Стенька Разин, а в миру — Оська Губерман — выложил за право быть знаменитым разбойником десять тысяч «зелёных», эти деньги якобы пошли на благотворительность, а она способна превратить, как известно, любое распутство в богоугодное дело.

У входа в бухту стояли две рубленые из дуба башни, которые выплёвывали пороховой дым и пламя, когда на остров прибывало лицо государственного уровня. Мы с Митей таковыми не являлись и проследовали к пристани в полной тишине. Шкипер заглушил мотор, и струг по инерции достиг причальной стенки, где и запокачивался на мелкой прибойной волне.

— С прибытием! — объявил он. — Я тебе, Игорь, больше не понадоблюсь?

— Скорее всего, не понадобишься. Судя по тому, что нас встречает сам полковник Ершов.

Начальник службы безопасности сухо кивнул и пробормотал, не разжимая губ:

— Андрей Ильич находится в рыбацком домике. Вас проводить или вы сами найдёте дорогу?

— Не умею пользоваться этой колесницей, — сказал я, указывая на электромобиль. — А ты, Митя?

— Не знаю, — пожал плечами мой спутник. — Это сооружение напоминает самокат, который используют на полях для гольфа. Надо попробовать.

— Нет уж, нет! — запротестовал Ершов. — Это моя персональная тачка.

Мне езда в электромобиле была не в новинку. Освоив остров, Андрей Ильич позаботился и об экологически чистом транспорте. На автозаводе были заказаны удобные для пассажиров и технологически инновационные электромобили. И всякий ступивший на остров гость чувствовал, что на Бесстыжем комфорт соответствует европейским стандартам, и по этому показателю остров со всеми его обитателями мог быть без обсуждения и прохождения кандидатского срока принят в Евросоюз.

Мы с Митей пристроились за Ершовым на упругих сиденьях и совершенно бесшумно устремились по гаревой дорожке к рыбацкому домику, скрытому от

посторонних глаз среди деревьев, в которые подступали почти вплотную к воде, откуда по мосткам можно было попасть на бревенчатый плот, с которого Андрей Ильич любил забрасывать свой дорогущий спиннинг.

— Вам повезло, — сказал полковник Ершов. — Хозяин, кажется, зацепил судака и находится в добродушном настроении.

Начальник службы безопасности не ошибся. Андрей Ильич, похохатывая, подхватил судака сачком и продемонстрировал нам добычу.

— Каков пострел! Уж он меня водил, водил, но не сорвался. Страсть как жаден! Что скажешь, Митя, хорош?

— Я к рыбалке равнодушен, наверно, потому, что среди моего окружения не было рыбаков.

— Никогда не поздно приобщиться, — заметил Андрей Ильич. — Рыбалка учит терпению, а удовольствие от неё ни с чем не сравнить, одно слово — потеха русскому человеку была и есть во все времена, — судак перестал биться, Козырев вынул его из сачка и бросил в пластмассовое корыто с водой. — Говоришь, не было вокруг тебя рыбаков? — сказал он. — А я, признаться, думал, что англосаксы все сплошь с удочками ходят. Или ты такого на туманном Альбионе не замечал?

— Никто с удочками по улицам не разгуливает, — улыбнулся Митя. — Рыбаки ведь не в городе удят рыбу, а на водоёмах.

— Вот оно как! — деланно удивился Андрей Ильич. — Значит, я пал жертвой обмана, не припомню, как звать, но очень учёного американца. Послушать его, так на Западе никто не расстаётся с удочками ни днём, ни ночью. Вот ты, Игорь, у нас почти всё знаешь, может, ты припомнишь этого американца?

Конечно, мне было известно имя миллиардера и баптиста, который, приехав в сбрендившую от свободы Россию, учил по телеящику наш народ запасаться удочками и находить уловистое место, а не ждать, пока государство позаботится о твоём благополучии. В своё время я, как дурак, уверовал, что нашёл свою «удочку» в спекуляции турецкими шмотками, но, слава богу, завязал с этим безнадёжным делом, пристроился возле Козырева, научился читать его мысли и на его вопрос ответил как должно:

— К сожалению, Андрей Ильич, это как раз тот редкий случай, когда я не в силах без подготовки ответить на ваш вопрос. Но я могу заглянуть в интернет.

— А ты что, ума набираешься на этой виртуальной помойке?

— Приходится, — сокрушённо вздохнул я. — Президент не расстаётся с Твиттером, а я в этих делах чайник. Вот Митя с ним на ты.

— Вот как! — Козырев повернулся к сыну. — Впрочем, ничего удивительного, что он ничегошеньки не слышал про старинную китайскую мудрость про удочку и удачливого рыболова. Не слышал, и прекрасно, потому что всё это глупость. Вот у меня немецкий спиннинг, но если бы я его забросил не в Волгу, а в Свиягу, то вряд ли бы мне удалось подцепить такого роскошного судака.

Зная хозяина, я счёл необходимым возразить ему из самых подхалимских соображений, чтобы он моё возражение разбил в пух и прах и почувствовал себя победителем.

— Но малый бизнес — это и есть та «удочка», с помощью которой на Западе и существует средний класс.

— Малый бизнес, — презрительно хмыкнул Андрей Ильич. — Нет, Игорь, надо тебе подарить томик древнекитайской философии, чтобы ты набрался ума-разума, — я изобразил привычную позу почтительности, то есть преданно глянул на хозяина самым честным взглядом, коему научился у козыревского сенбернара, которого хозяин заимел после того, как собака этой породы обосновалась в покоях президента Российской Федерации. — Так вот, — Андрей Ильич взял нравоучительный тон. — Извольте выслушать старую китайскую притчу. Она напрямую касается рыболова, которому удалось поймать на свою удочку с десяток миллионов деревянных, и он вообразил себя столпом капиталистического общества, средним классом. И кто он, этот везунчик, один из тысячи разорившихся неудачников?

— Бизнесмен, — угодливо вякнул я.

— Нет, обыкновенный мелкий вор, обирающий каждый божий день сограждан, которые имеют глупость иметь с ним дело, на энную сумму рублей. Год, два, три, десять, пятнадцать лет он копит полмиллиона баксов, чтобы заиметь дом, машину, и всё это до поры до времени. На каждого мелкого вора всегда найдётся более крупный вор, который, как говорят китайцы, нагрянет, закинет за спину сундук с накопленным золотом, а самого мелкого вора засунет в карман, авось пригодится. А теперь скажите, в чём я не прав?

— Ты, папа, полностью прав, — опередив меня, сказал Митя.

— И в чём же прав? — с подозрением глянул на него отец.

— В том, что любая собственность есть кража.

— Знать, что сказал Прудон, невредно. Но если его слушать, так всё человечество — это воры. Люди воруют тепло у солнца, еду у земли, воздух у растений, которые его вырабатывают. Мы всем этим пользуемся, не оставляя взамен ничего, кроме мусора и грязи, которой отравляем природу. Так рассуждают гуманисты. А теперь послушайте, что я скажу. Каждая травинка, веточка, каждая букашка для чего-то да предназначена. Мелкий вор паразитирует на простаках, но прихожу я и хапаю его самого вместе с его добром и в этом вижу только одно — природную закономерность. Что, сын, тебе, я вижу, не по вкусу мои откровения?

— Как-то это всё примитивно, — сквозь зубы буркнул Митя. — Человечество немыслимо без идеалов, без бога...

— Да ты, я погляжу, умник, — восхищённо глянул на своего пробирочного отпрыска Андрей Ильич. — Я в твои годы точно таким был, правда, без английского образования. Я тоже думал, что человечеству присущи идеалы, правда, тогда вместо бога был коммунизм, но всё оказалось обманом. Вот тебе моя нагая правда: людьми правит не бог, не разум, а аппетит. Понуждаемое им человечество создало цивилизацию. Аппетит сделал нас такими, какие мы есть!

Мне подобного рода страстные речёвки Андрея Ильича приходилось выслушивать довольно часто. Иногда казалось, что он приблизил меня к себе благодаря тому, что обрёл безропотного слушателя. Какую бы ахинею Козырев ни нёс, я не возражал, но когда он выговаривался и открывал потайной шкафчик с армянским коньяком, наступало моё время сказать своё слово. Козырев не был тщеславным циником, но и его насквозь прожжённая негодяйствами душа жаждала ласки, и я, не скупясь, хвалил своего босса, а тот сначала недоверчиво на меня поглядывал, а потом начинал щуриться, как кот на солнечной завалинке.

Но сегодня Андрей Ильич выбрал в слушатели сына, и это меня встревожило. Митю явно возмутила грубая откровенность, с какой отец судил о людях, презирая их всех от Адама до себя самого. Он мог сорваться и надерзить отцу, который выжидательно на него поглядывал и явно намеревался ещё раз уязвить каким-нибудь словесным выкрутасом.

— Разговоры об аппетите бессмысленны, если ими заниматься не за трапезой, а на пустом плоту, — сказал я. — Да и завечерело. Впору соорудить костерок на берегу да освежиться чаем.

— Ты, Митя, хочешь чаевничать? — спросил Андрей Ильич. — Здесь найдётся и чем закусить.

Рядом с рыбацким домиком стояла хозяйственная будка. Я знал, где что лежит, и, вооружившись топором, наколол от полена мелких щепочек для растопки, разжёг их и когда они разгорелись, положил сверху несколько толстых и сухих веток валежника. Костёр подёрнулся белым слоистым дымом, порывом ветра его отнесло в сторону. Пламя заплясало сначала на щепках, потом на ветках, затем на трёх поленьях, которые я, прислонив концами друг к другу, поставил торчком на кострище.

Взяв ведро, я отправился к баку набрать чистой воды для чая, но меня остановил властный зов хозяина. Поставив ведро на землю, я потрусил к берегу, чтобы узнать, какая очередная блажь осенила моего свояка и работодателя.

Козырев возбуждённо расхаживал по краю плота и укорял сына:

— Нет, ты слабак! Добыча сама идёт к тебе в руки, а ты что-то плетёшь о гуманизме. Это же гусь, скорее всего годовалый, значит, из него должно получиться нежное жаркое. Прыгай в воду и живо хватай за шею, пока течение не отнесло его от берега!

Митя растерянно взглядывал на отца и бормотал:

— Мне этот гусь не нужен. По какому праву я должен его убить? Ему и так досталось, он ведь полуживой.

— Конечно, это не беркут! — хохотнул Козырев. — Но я хочу узнать, что ты из себя представляешь. Мужик ты или артист ансамбля Моисеева?

Митя беспомощно на меня глянул, но я в чужие семейные дела не мешаюсь и успел вовремя отвернуться.

— Видит бог, я этого не хотел! — выкрикнул Митя и в одежде прыгнул в воду.

Шум и крики не вспугнули гуся, он не кинулся в сторону или на глубину, а, подняв голову, поплыл навстречу человеку.

– 5 –

Вислоухий гончий пёс не первый день смотрел с высокого берега, как гуси шумно плещутся в воде, подолгу нежатся на траве, а вечерами, гогоча и хлопая крыльями, идут в гору, подгоняемые хворостинами хозяек. Из зарослей репейника он наблюдал

за птицами, не раз был почти готов броситься на них, но его останавливал страх, и лишь сегодня, отфыркнув прилипшую к ноздрям паутинку, начал молча спускаться с обрыва вниз.

Осторожно перебирая лапами по песчаной осыпи, гончак, не отрываясь, смотрел на гусей. Они не обращали на него внимания, но опасность не проморгал сторожевой гусак, который, испустив предупреждающий гогот, сделал несколько шажков в сторону пса. Соскочив с шумящей осыпи, гончак скрылся в кустах и, прячась в них, стал подбираться к стаду поближе.

Но все эти ухищрения были напрасны. Сторожевой гусак протрубил тревогу, стадо загоготало, зашумело и, снявшись с места, неторопливо сдвинулось в сторону реки. Матёрые гусаки, шипя, вытягивали шеи, хлопали тугими крыльями, нагоняя ветер, но пёс на них не нападал. Уже не таясь, он неторопливо бежал вдоль дуги гусиной обороны и, выбрав момент, с хриплым гавканьем ринулся туда, где столпилась гусиная молодь.

С резкими пронзительными криками испуганные птицы бросились к воде, но пёс их не преследовал. Ему повезло — один гусак кинулся в сторону от реки, и гончак ринулся за ним следом. В два-три прыжка он почти догнал его, но на пути оказался овраг, и гусь, помогая себе взмахами крыльев, перелетел через препятствие, а пёс кубарем скатился вниз, потом, задыхаясь и гавкая, полез по песчаному обрыву наверх. Бывалый гончак понял, что добыча ушла от него и, злобно скуля, лёг на жёсткую начавшую рыжеть траву.

А молодой гусь всё бежал, растопырив для равновесия крылья, пока не увидел воду. Плюхнувшись в волну, гусь быстро поплыл, перебирая лапами и вытянув вперёд шею. На берег он не оглядывался, плыл и плыл, пока не выбился из сил, и с земли перестали доноситься пугающие звуки. Ветер и волны несли его по реке. Вода поглотила земной шум, и вокруг простиралась пустынная всхолмленная волнами водная равнина, над которой с визгом кружились чайки.

Так далеко гусь никогда ещё не заплывал. Он оглянулся вокруг и, напугавшись своего одиночества, забил крыльями по воде и пронзительно закричал. Это был крик тревоги, опасности, на который немедленно откликалась и приходила на помощь гусыня. Но сейчас никто не отозвался на его умоляющий вопль, вокруг лишь плескались и шумели волны.

С гребня подкинувшей его волны гусь увидел берег. До земли было далеко, но инстинкт позвал его к своему стаду. И, вытягивая шею, поднимаясь в воде на дыбки, гусь всматривался в сторону берега, вслушивался в летевшие оттуда порывы ветра, но никак не мог определиться, куда ему плыть. Течение уже снесло его далеко вниз по реке, и вокруг на берегах, подступая к воде, стоял незнакомый чёрный лес.

Солнце садилось, небо заволокло низкими тёмными облаками. По реке дул резкий холодный ветер, и гуся несло на середину реки, всё дальше и дальше от уходящего в вечерний сумрак берега. Волны росли, они уже иногда захлёстывали птицу с головой. Гусь отчаянно перебирал лапками, выгребая на вершину водного холма, стремительно сваливался вниз, порой его крутило на одном месте и затем снова швыряло туда, откуда он начинал движение. Устав сопротивляться, гусь затих.

Ещё не совсем стемнело, когда он услышал идущий из воды и воздуха незнакомый и пугающий шум. Сверкая огнями и гремя музыкой, по реке шёл туристический теплоход.

С палубы заметили птицу.

— Это кто? — спросила девушка у проходившего мимо матроса, показывая на гуся.

— Это? — малый перегнулся через поручни. — Гусь!

— Гусь? — удивилась девушка. — А что он здесь делает?

— Как что? Плавает. На то и гусь, чтобы плавать.

Теплоход прошёл, оставив на воде горьковатый пахнущий нефтью след. Наступила ночь. Похолодало, и озябший гусь увидел вспыхнувший невдалеке огонёк. Он поплыл к нему, зная, что возле огня должны быть люди, а значит, и корм, и тепло.

Плывя в темноте, гусь попал в нефтяное пятно, оставленное проходившим теплоходом. Плёнка маслянистой грязи облепила перья, тёплый начавший отрастать на зиму пух слипся, и холодная осенняя вода просочилась к телу птицы. Гусь озяб ещё сильнее и, торопливо выгребая, поплыл к хлипко дрожащему в темноте огоньку.

Это был бакен. Гусь сделал возле него круг и попытался вскарабкаться на шаткий деревянный островок. Но на нём не было уступа, поверхность бакена заросла скользкой тиной, и гусь, как ни помогал себе крыльями, раз за разом срывался в воду. Устав, он отступился, и его понесло по реке.

Ночью гусь не делал попыток выбраться из воды. Он сложил крылья, подобрал под себя лапки и спрятал голову под крыло. Река несла его в темноте всё дальше и дальше, и гусь задремал.

Он настолько устал и озяб, что даже пропустил восход солнца. Было уже утро, и его

увидела, вылетев в свой первый полёт, чайка. Она летела над рекой и сквозь реденький туман смотрела вниз. Чайка была тоже молода, она приняла дрейфующего по течению реки гуся за дохлую рыбу и спикировала на него с высоты полёта.

Крепким и острым, как щипцы, клювом чайка ударила спящего гуся сверху и вырвала из крыла клок слипшихся грязных перьев. Гусь проснулся, поднял голову и, забив крыльями по воде, закричал. В этом крике было столько боли и страха, что чайка испуганно шарахнулась в сторону от поднявшегося в воде гуся и, заваливаясь на бок, полетела прочь, роняя из клюва грязные перья.

Нападение чайки ошеломило гуся и придало ему силы. Он понял, что в воде ему оставаться опасно, и устремился к острову.

— Что ты ходишь вокруг него кругами! — закричал Андрей Ильич. — Хватай за шею и тащи сюда.

Но Митя не спеша стал подталкивать ослабшую птицу к плоту, и она покорно двигалась навстречу своей гибели.

— Принеси топор! — приказал Козырев.

— Может, не стоит? — вякнул я. — Вдруг птица заразная.

— Делай, что тебе велят, и не умничай! Мне этот гусь нужен не для праздничного стола, а для пробы.

— Какой пробы? — недоуменно сказал я.

— Увидишь, какой, — осклабился Андрей Ильич. — Иди за топором и поторапливайся!

Сойдя по мосткам на берег, я оглянулся. Митя был уже рядом с плотом, и отец протягивал ему руку, чтобы помочь выбраться из воды. Но Митя сначала вытолкнул на брёвна гуся, и затем, не воспользовавшись отцовской помощью, влез на плот, снял штаны и рубаху и стал выжимать из них воду.

Взяв топор, я забежал в рыбацкий домик, снял с вешалки полотенце, махровый халат и поспешил на плот.

— Я этого гуся есть не буду! — заявил Митя.

— Никто тебя к этому не понуждает, — произнёс Андрей Ильич. — Я прошу тебя сделать другое.

— Что другое?

— Игорь, отдай ему топор! — велел Козырев. — А ты, Митя, знаешь, как его в руках держать? Это ведь исконное русское орудие — и для жизни, и для смертоубийства. Ты хоть из Англии, но предки твои мужиками были, так что возьми топор, почувствуй, что он такое.

— Я знаю, что вы задумали, — сказал Митя, беря топор. — Но делать этого не стану.

Гусь возле ног Козырева затрепыхался, растопорщил крылья, попытался упасть в воду, но поскользнулся и упал на бок. Андрей Ильич наступил ему на крыло и сурово глянул на сына:

— Отруби ем голову!

— Как это отруби? — опешил Митя.

— Самым натуральным образом! Отчекрыжь ему башку, если ты мужик, а не размазня.

— Не надо так надо мной зло шутить, папа, — в голосе Мити послышались нотки обиды и недоумения. — Я могу... Я могу...

— И что ты такое можешь? — скривился Андрей Ильич. — Ты хоть одну бабу трахнул? Или не сподобился?

— Кажется, вы дошли до оскорблений и грубостей, — пробормотал Митя. — Я, к вашему сведению, верю в любовь.

— К вопросу любви мы ещё вернемся, — сказал Андрей Ильич. — А теперь отруби этой падали башку!

— Ни за что! — вспыхнул Митя. — Вот вам топор, а я ухожу.

— Подумай хорошенько: ведь ты завтра будешь казниться тем, что дал слабину. А я тебя буду считать не своей породы, не козыревской. Ты этого хочешь?

Воцарилось недоброе молчание. В крайнее бревно плота шлёпнулась волна от проходившего по реке теплохода, который, сияя огнями, как новогодняя ёлка, приближался к мосту. Гусь заскрёб лапой по дощатому плотовому настилу. Козырев снял с него ногу, и он бессильно поник между отцом и сыном.

— Не надо напоминать мне о моём странном происхождении, — сухо произнёс Митя. — К счастью, есть подтверждённые решением суда документы, что моим кровным отцом являетесь вы. Так что я козыревской породы, и не пробуйте меня на излом, я не поддамся.

Андрей Ильич широко улыбнулся, протянул руку и похлопал сына по плечу.

— Теперь и я почувствовал, что ты мой сын. Молодец! Всегда стой на своём. Как,

Игорь? Это мой сын?

— Чей же ещё! Все повадки ваши, да и смотреть — копия, — поддакнул я боссу, а внутренне напрягся, потому что не знал, какое сейчас он выкинет коленце.

— Вот мы и породнились по-настоящему, — доверительно произнёс Андрей Ильич. — Но как-то надо закончить эту глупую забаву. Этот гусь — не жилец. Попридержи его за шею, а я его топориком, легонечко, — Митя испытующе глянул на отца, помялся, взял гуся за шею и прислонил её к настилу. — Крепче держи! — сказал Андрей Ильич и, размахнувшись, ударил топором по гусиной шее.

Голова гуся отлетела в сторону, а сам он, размахивая крыльями, забился в руках Мити, который удерживал его за обрубок шеи, откуда выплеснулась вверх красная струя. Митя отшвырнул гуся и взглянул на свои ладони. Они были в крови, и его лицо исказилось от ужаса. Он опустился на колени и застонал.

— Господи! Что я наделал, господи Иисуси!..

— Что ты там бормочешь, малахольный? — сквозь смех спросил Андрей Ильич. — Какой ещё господи Иисуси? — Митя молчал и жалко всхлипывал. Его начала бить дрожь, которая вскоре перешла в трясучку. — Займись им, — сказал Андрей Ильич и, тяжело ступая, сошёл на берег.

Я вспомнил о халате и с большим трудом облачил в него Митю. Он согрелся и заплакал навзрыд. Я его не утешал, а зачерпнул ведром воды, намочил край халата и обтёр ему лицо. Его жалкий вид пробудил во мне нечто похожее на жалость, хотя я не был склонен к сентиментальности и ежедневное общение с президентом «Народной Инициативы» научило меня сдерживать прекрасные порывы души, потому что они всегда становятся причиной для неприятностей.

Нужно было позаботиться о ночлеге, в нашем распоряжении был рыбацкий домик, возле которого ещё не погас разведённый мною костёр.

— Пойдём, — сказал я. — Становится ветрено, недолго и простыть.

Митя с моей помощью поднялся на ноги, я взял его мокрую одежду, и мы, стараясь не наступить мимо мостков, сошли на берег.

— Он меня выставил круглым дураком, ведь так?

— Андрей Ильич любит парадоксы. Считай, что это один из его заранее обдуманных парадоксов.

— Но он поступил со мной недостойно! — вспыхнул Митя. — Я должен потребовать от него объяснений.

— Он и меня не раз выставлял дураком. Но приносил всегда извинения в виде какого-нибудь презента. Отец с сыном разберутся и без моей подсказки, но всё-таки ты не торопись. Остынь. Тогда и тебе этот случай может показаться смешным пустяком.

— Как ты не понимаешь, что я обижен уже моим подозрительным появлением на свет? — с горечью произнёс Митя. — После смерти матери он отправил меня в Англию. Я жил у чужих людей. Слава богу, что они оказались настоящими русскими, и я себя не потерял в казарме привилегированной школы. Я ведь приехал сюда, чтобы очеловечиться в своём народе, соединиться с ним душой. Но первый же человек, мой отец, которому я был готов распахнуться, не скажу, что плюнул, а смрадно дыхнул в мою душу. И мне, Игорь, сейчас так тягостно, так неуютно, что я не знаю, куда мне себя девать.

Мы уже подошли к рыбацкому домику. Я включил рубильник, и вокруг стало светло от нескольких светильников на веранде и в помещениях.

— Отдохни. А я тем временем найду для тебя сухую одежду и познакомлюсь с холодильником, хотя знаю, что он пустым не бывает. И в нём всегда найдётся, чем утешиться опечаленному человеку.

Я прошёл на кухню и, распахнув холодильник, взял бутылку коньяка и лимон. Моя душа тоже нуждалась в утешении. Хотя Андрей Ильич и поднял меня из нищеты и приблизил к своей особе, но после каждой встречи с ним у меня оставалась оскомина, и я мстительно начинал подумывать, а не обнародовать ли, подобно всемирно известному Ассанжу, всё то, что мне удалось раскопать о президенте «Народной Инициативы».

– 6 –

Козырев был весьма сдержанным и осторожным человеком и о своём прошлом в начале нашего знакомства говорил редко и неохотно, но со временем стал более словоохотливым, благодаря чему я узнал о нём многое из того, как он жил до поступления в институт. На мою робкую попытку побудить свояка к продолжению воспоминаний он после некоторого раздумья, глядя мимо меня, сказал:

— Возьми подшивки областных газет, там обо мне много чего понаписали, начиная от стройотряда политехнического института и заканчивая моим громким выходом из КПСС ещё до путча 1991 года. Меня заклеймили предателем, но я им не был. Я

перемагнитился ещё до того, как КПСС сдохла бесповоротно и окончательно, — видимо, заметив в моём взгляде недоумение, он счёл нужным пояснить: — Я родился, воспитывался, учился и жил в стране, где все силовые линии замыкались на идеях коммунизма. Октябрьская революция намагнитила Россию такой мощью, что её хватило на коллективизацию, индустриализацию, культурную революцию, победу в Отечественной войне и космический прорыв. Перемена полюсов началась в партии со смертью Сталина, а к столетию Ленина магнитно-силовые линии были окончательно переброшены с плюса на минус. Однако народу, интеллигенции, рядовым коммунистам сия перемена была неведома, и понять её было можно только на верхнем этаже обкома партии, где находились кабинеты секретарей областной партийной организации. Но кое о чём я догадался сразу, когда стал инструктором промышленного отдела. Уже на второй день мне объяснили, что я ношу зимнюю шапку не по чину и должности. У меня был хороший кролик, и завотделом райкома мог ходить в такой шапке. Теперь же как инструктору обкома партии мне надо было носить ондатру, а она тогда на рынке стоила ровно столько, сколько я получал за месяц — двести рублей. Конечно, мне её продали по спеццене, но сам этот факт основательно промыл мне глаза и заставил крепко задуматься.

Рассказывая о своём вхождении в партноменклатуру, Андрей Ильич смотрел на меня так невинно, что поверить ему я не мог, тем более что ещё до его подсказки поручил прикормленному мной журналюге Маркину собрать все упоминания о президенте «Народной Инициативы» в СМИ, начиная с 1972 года, когда он после окончания политехнического института был направлен инструктором в объединённый партком главка по гражданскому и промышленному строительству. Чтобы сбить Маркина с толку, я преподнёс ему расследование как начало большой и дорогостоящей работы по написанию книги об Андрее Ильиче к его предстоящему юбилею.

Солидный аванс воодушевил журналюгу, и вскоре в мой компьютер посыпались копии газетных публикаций об Андрее Ильиче. Их число заметно возросло с приходом к власти генсека Михаила Горбачева, когда явилась гласность и развязались языки даже у тех, кто привык их держать на привязи. Но в этих сообщениях не было ничего такого, что представляло собой компромат, так — обычная жизнь партаппаратчика, начавшего в связи с курсом на перестройку вякать о демократии, — но этим занимались все, кто держал нос по ветру и был не чужд амбиций занять более высокое общественное положение, используя охватившие страну беспорядки.

Курочка клюёт по зернышку, в конце концов мне удалось понять причину возвышения Андрея Ильича из выпускников политеха в номенклатуру обкома партии. Партийный билет, полученный им в армии, значил много, хотя далеко не всё, но он помог Козыреву занять место секретаря комсомольской организации курса и члена совета студенческого отряда института. Учился он весьма посредственно, но уже тогда умел себя подать с выгодной стороны. Маркин нашёл несколько номеров комсомольской газеты, где была статья, несколько заметок и фоторепортаж о комсомольском вожаке курса, рьяно откликающемся на все выдумки, которые то и дело возникали в идеологическом отделе ЦК ВЛКСМ.

Вся эта трескотня была лишь маскировочной завесой, а под ней пряталась жизнь, которую уже никто не требовал от человека прожить так, чтобы не было стыдно и горько за бесцельно растраченные годы. И Андрей Ильич быстро понял, что ему нужно побыстрее освобождаться от всех иллюзий, которые ещё не покинули его окончательно, и, улучив момент оседлать удачу на всю оставшуюся жизнь. Но это было сделать не так-то просто, он не был освобождённым комсомольским работником, энтузиаст — не более, в номенклатурных списках даже самого низшего разряда Козырев не значился, но в нём жила уверенность, что ему обязательно должно повезти. На последнем году учёбы в институте так и вышло — его избрали сначала на областную конференцию, а затем — делегатом всесоюзного съезда комсомола.

Маркин раздобыл и представил мне в оригинале статью из областной комсомольской газеты с фотографией и обширным, на всю страницу, очерком о делегате съезда комсомола Андрее Козыреве. Газетчик не пожалел красок и высокопарных слов для комсомольского вожака, но меня заинтересовала похвала герою очерка, которая была выделена отдельным абзацем, тогдашнего первого секретаря горкома партии Костина: «Молодой коммунист Козырев является образцом для подражания. К порученному делу он подходит творчески и выполняет его с полной отдачей. Это проявилось и на Ленинском субботнике, где комсомольцы, которыми руководил Козырев, привели в порядок переулок Свободы: убрали мусор, покрасили заборы и цокольные этажи...»

— Откуда это стало известно автору очерка? — скептически произнёс я. — Или это выдумка?

— А вы зрите в точку, — льстиво прогнулся Маркин. — Я знаю автора и, позвонив ему, задал точно такой же вопрос.

— Ну и что?

— Эти слова были в своё время напечатаны в институтской газете, которую Андрей Ильич предъявил газетчику, а тот поломался для виду, но, после того как выпил с героем очерка на брудершафт, счёл, что они украсят его материал.

Я просмотрел все газетные вырезки, открыл стол, чтобы достать конверт с деньгами и небрежно бросить его в сторону журналюги, но он меня остановил:

— Эта информация стоит других денег.

— Тебе что, понадобились евро, фунты, доллары, но у меня только рубли.

— Я не об этом, — загадочно произнёс Маркин.

— Говори, а там поглядим, сколько стоит твоя информация.

— Отвечаю сразу: сто баксов.

— Не наглей!

— Что вы, Игорь Алексеевич! Моё открытие заключается в том, что девичья фамилия супруги Андрея Ильича была Костина. Да-да, именно Костина.

Для меня это было новостью. Правда, я не знал, понадобится ли она мне, но в хозяйстве всё пригодится.

— Можно сделать вид и сказать, что это не новость, но я не хочу терять репутацию честного человека даже в глазах такого проходимца, как ты, — я смахнул конверт с деньгами в стол, вынул из портмоне сто долларов и вручил Маркину. — Рой глубже, и «Народная Инициатива» тебя не забудет!

Взяв оставленный Маркиным листок бумаги, я медленно прочёл его два раза и задумался. Затем развернул газету и требовательно всмотрелся в фотографию молодого Козырева. Красотой он определённо не блистал и сейчас, на седьмом десятке, выглядел, пожалуй, симпатичнее, чем сорок лет назад, может быть, потому, что округлел лицом, и полнота смягчила костлявую физиономию делегата и нездоровую жадность во взгляде, которую не смогла скрыть пожухлая от времени газетная бумага.

«Что такого нашла в нём единственная дочка первого лица в городе, если запала на такую образину? Может, она сама была с изъянцем? В жизни чего только не бывает», — подумал я и потянулся к сотовому телефону, чтобы озадачить Маркина, в каком направлении нужно двигаться в раскопках окаменевшего козыревского дерьма, чтобы добыть жемчужное зерно истины.

— Как насчёт аванса в полста баксов? — небрежно поинтересовался журналюга.

— За наглость я тебя могу оштрафовать на ту сотню, что ты от меня получил!

— Это же шутка, Игорь Алексеевич! — залебезил Маркин. — Через пару дней всё об этой дамочке будет у вас на столе. Часом не знаете, где она сейчас находится?

— Там же, где и тебе пора находиться — на кладбище! — рявкнул я. — Но тебя там закопают с биркой на ноге, если ты не перестанешь умничать!

Угроза подействовала, и на следующий вечер Маркин робко постучал в дверь моего кабинета, вошёл, положил на стол картонную папочку и безмолвно исчез.

Дочь первого секретаря, вопреки моему предположению, была миловидной девушкой, без видимых изъянов и на фотографиях была запечатлена в движении: на копке картошки, с мастерком в руках возле наполовину отштукатуренной стены, на волейбольной площадке, возле костра подпевающей гитаристу, в котором я безошибочно опознал будущего босса «Народной Инициативы».

«Надо будет вызвать Андрея Ильича на разговор, показать ему эти фотографии, — подумал я. — Старик расчувствуется и приоткроет створки своей закопчённой ежедневными грехами души».

Кроме фотографий в кожаной папочке находилась подробная автобиография Ленсты, и её необычное имя заставило меня напрячь мозги, чтобы понять, что оно обозначает. Служащему элитного ранга высоко котирующегося на рынке ценных бумаг концерна ни к чему помнить имена борцов за народное счастье. Поэтому я не сразу смикитил, что имя интересующей меня особы составлено из двух громких имен — Ленина и Сталина, и подивился политической ловкости бывшего главного коммуниста города, который, став отцом, назвал дочь именем двух вождей пролетарской революции.

Разобравшись с именем первой жены своего босса, я обратился к её автобиографии, извлечённой из личного дела, хранящегося в областном партархиве, где у пролазы Маркина были связи, и он сумел добыть ксерокопию столь важного документа.

Из него я почерпнул, что Ленста была моложе Козырева и училась с ним на одном курсе. Факт, конечно, любопытный, но он всё равно не объяснял, почему девушка из номенклатурной семьи полюбила парня с рабочей окраины, ведь не под влиянием же кинофильма «Весна на Заречной улице?»

Я положил папку с документами в сейф, но не забыл о них и при первом же удобном случае показал Козыреву.

— Да ты, как я погляжу, на меня досье собираешь? — удивился он. — Ай да свояк!

Что, уже заказчик на это всё имеется?

Ответ у меня был подготовлен заранее и тщательно отрепетирован:

— Кое-что я уже сделал без вашего разрешения, так сказать, в инициативном порядке. Но пришла пора открыться: эти материалы предназначены для будущей книги. Прошу не отвергать моего предложения, а подумать.

— Какой книги? Ты это зачем? Говори прямо.

— Учитывая ваш политический и финансовый вес в регионе, считаю необходимым написание вашей художественной биографии.

Андрей Ильич окинул меня цепким взглядом прожжённого дельца, хмыкнул и добродушно рассмеялся.

— Знаешь, чем ты мне дорог, Игорёк?

Пришла пора и мне изобразить смущение и радость.

— Откуда мне это знать?

— Тебе многое, но не всё, заметь, не всё прощается из-за того, что ты умеешь угадывать мои желания. Грешным делом, я и сам иногда подумывал начать делать кое-какие записи, даже написал как-то десяток страничек. Потом глянул — чушь на постном масле! А ты и писателя уже подыскал?

— Как можно без согласования с вами! — вскричал я, донельзя обрадованный тем, что подцепил босса на уду откровенности. Все мы, люди, обманываемся только потому, что у нас всегда есть желание обмануться, и Козырев — не исключение.

— Обойдёмся без борзописцев, — заявил Андрей Ильич. — Я всё наговорю на диктофон. Затем вычеркну лишнее, а редактор пригладит, прилижет и выправит стилистические ошибки.

Я решил ковать железо, пока горячо, и, открыв ящик стола, вынул из него небольшой, с пачку сигарет, японский диктофон.

— Ты записываешь разговоры? — поморщился Андрей Ильич.

— Приходится иметь дело с публикой самого разного пошиба. Страховка не помешает. Ну как, включать?

— А вопросы?

— Они перед вами, в папке.

Андрей Ильич высыпал на стол всё, что в ней находилось, выбрал одну фотографию и сказал:

— Это мой тесть Олег Владимирович Костин, и было бы большой неправдой не сказать, что ему я обязан очень многим. Это когда-то в России люди жили по определённым правилам: сыновья военных становились военными, поповские дети шли в попы, крестьяне из поколения в поколение работали на земле, ремесленник передавал своё ремесло сыну. Революция всё смешала в кучу. И в моё время служебная карьера партработника зависела в основном от случая, а это такая прихотливая тварь, что можно только диву даваться и гадать, как сын тракториста Мишка Горбачёв стал генеральным секретарём, развалил державу, получил Нобеля мира и справил свой восьмидесятилетний юбилей под аплодисменты воротил мировой политики?

— У народа была возможность учиться, — напомнил я. — Горбачёв окончил МГУ, а это не пустяк.

— Согласен. Но тогда, да и сейчас, каждый год получали дипломы о высшем образовании не меньше миллиона человек, и почти все они остаются в положении бюджетников — учителей, врачей, офицеров и прочей служивой мелочи. В правящую элиту выбивается только тот, кому удаётся поймать свою удачу и не выпустить её из рук. Моей удачей стал первый секретарь горкома партии Костин. Ещё до того, как мы с Ленстой подали заявление в загс, я стал инструктором парткома строительного главка, затем инструктором райкома партии, короче говоря, за два года я достиг должности завсектором отдела строительства обкома партии. Это позволило мне перейти на руководящую работу в стройиндустрию и к тридцати трём годам стать директором стройтреста в главке, где я раньше был инструктором парткома. Вопросы есть?

— Почему вы пошли не по партийной линии?

— Этим выбором я тоже обязан своему тестю. Олег Владимирович был коммунистом старой, ещё довоенной, закалки, и ему в партии многое не нравилось. Хрущева он считал предателем, а Брежнева — дураком. И считал, что коммунистов во всей партии днём с огнём не сыщешь, везде верх взяли приспособленцы, жулики и предатели. «Ты, Андрюша, слишком прост, чтобы выжить среди обкомовских тарантулов. Пока они тебя не трогают, потому что я ещё в силе. Но где я буду завтра? Посему тебе из обкома надо уходить на производство, на прочное место. Это я ещё обеспечить тебе смогу», — вынес свой вердикт относительно моей дальнейшей судьбы тесть, за что я к нему испытываю чувство глубочайшей признательности. По сути, не я, а Олег Владимирович Костин является основателем финансово-промышленной группы «Народная Инициатива», поскольку он меня поставил на трест, и с него, когда грянула

перестройка, всё и началось.

— Тогда правильнее было бы «Народную Инициативу» называть «Партийной инициативой» — усмехнулся я.

— В СССР, кроме коммунистов, была ещё одна, можно даже сказать, главная партия, в которую входили управленцы — хозяйственники среднего и высшего звена. Собственно, именно эта партия подтолкнула Горбачёва начать реформы. Директорскому корпусу надоело управлять порой миллиардными по стоимости предприятиями, но не иметь права купить подшефному садику набор мягких игрушек. Олег Владимирович, царствие ему небесное, всё это понимал и надоумил меня создать кооператив, а когда разрешили частные банки, помог получить кредит в госбанке.

— Наверное, об этом говорить не следует? — засомневался я. — В глазах электората вы — финансовый гений, а разубеждать в этом людей не следует.

Мои слова Козыреву явно не понравились, он часто задышал, подошёл к окну, распахнул форточку и поманил меня к себе указательным пальцем. Внизу улица кишела народом, и с двенадцатого этажа люди смотрелись мурашами — суетящимися каждый по своей надобности насекомыми.

— Они схавают всё, что я им скажу! — мрачно заявил Козырев. — И не пикнут.

— Но почему? — вякнул я, чтобы подтолкнуть босса к откровенности.

— Что такое народ? Вот мы всё время твердим: народ! народ! А что это такое? Вот я точно не народ. Ты — то же самое, не народ, — Андрей Ильич повернулся к портрету президента на стене за моим рабочим столом. — Сей господин и все подчинённые ему лица, до мельчайшего клерка, до какого-нибудь помощника судебного пристава, — все они не народ, потому что в лучшем случае живут по казённой справедливости, а чаще по своей правде взяточников, воров и проходимцев.

— А эти разве не народ? — указал я на окно, за которым шумела улица.

— Это — потребители! — отчеканил Козырев. — Российский народ теперь можно рассматривать только так. Сейчас человек мыслим только как потребитель, от роддома, где мамаше оказывают услугу родовспоможения, до похоронного бюро, где человеку оказывают последнюю услугу — погребение.

— Это мнение атеиста, — подтолкнул я босса к дальнейшему откровению, кое писалось на диктофон.

— Это мнение здравого человека. Сказано: «Нет правды на земле, но нет её и выше». А про попов я молчу, они столь прилипчивы к чужим деньгам, что слов нет! Не ведаю, как было при святом князе Владимире, но сейчас церкви затем и существуют, чтобы оказывать религиозные услуги за деньги. Ты записываешь, что я говорю? — я взял диктофон и показал Козыреву. Он удовлетворительно хмыкнул: — Пишет. Но вернёмся к тому, с чего начали — к народу. Так вот, народа в России больше нет.

— Как нет? Куда же он подевался? Вон сколько на улице людей.

— Да, людишки пока ещё водятся, а вот народа не стало, — Козырев нахмурился. — Но от правды не спрячешься. Все мы стали одним миром мазаны. Никто не хочет жить по справедливости, по божеской правде, все разленились, охамели, зарятся на чужое и во всём винят власти, хотя лучшей власти в России не было никогда. Сколько веков кричали: «Хотим свободы! Желаем быть вольными людьми!» Ельцин дал всего этого России от пуза, а его так ненавидят, что готовы вытащить труп из могилы, сжечь и выстрелить пеплом в сторону Запада. Моя Ленста Олеговна, не в укор ей будет сказано, ненавидела его лютой ненавистью наравне с Гитлером.

— Она не разделяла ваших убеждений?

— Какие могут быть убеждения между женой и мужем? — удивился Козырев. — Люди сходятся для семейной жизни не по убеждениям, а по инстинкту продолжения рода. И Ленста после родов полностью отдалась воспитанию сына. Она ведь была коммунистка до мозга костей, после запрещения КПСС создала в городе что-то вроде подпольного обкома, но Митя был для неё на первом месте, всегда где-то рядом с Лениным и Сталиным, она даже его на демонстрации и митинги таскала, посадит его вроде рюкзачка за спину и идёт митинговать.

— Это, наверное, вредило вашему бизнесу? — предположил я.

— Мало кто знал, что она, моя жена Ленста, чтобы ублажить отца, оставила себе девичью фамилию. Я её любил и не мешал жить, как она хочет. Но её надолго не хватило, — Андрей Ильич выключил диктофон и сунул в карман. Я побледнел от предчувствия, что получу сейчас от босса втык за самовольное использование звукозаписывающего устройства в служебном офисе концерна. Но Козырев опять меня удивил своей непредсказуемостью: — Будем считать, что ты мне диктофон подарил. А я, как будет настроение, что-нибудь на него наговорю для будущей книги. Но ты и работяг не обходи стороной. Сходи на собрание коммунистов, послушай, как они меня ругают, надо и их мнение включить. Раз уж у нас свобода слова, то пусть будет полная свобода. На любой, даже самый неприятный вопрос, я отвечу лично, и это будет напечатано в книге.

– 7 –

Расставшись с Митей, которого до слёз разобидела злая шутка отца с убийством гуся, я нашёл в гостевом домике кровать, разделся и скоро погрузился в зыбкую пелену сонного беспамятства, из которого меня довольно бесцеремонно извлёк Андрей Ильич.

— Где Митя? — озабоченно сказал он и стал накручивать моё ухо. — Где Митя? Да проснись ты!

— Разве его в домике нет? — подхватился я с постели.

— Не знаю, куда он подевался, — сказал Козырев. — Вчера я над ним пошутил. Но неужели он такой неженка, чтобы учинить какую-нибудь глупость?

— Вот уж не знаю, что он способен выкинуть, — проворчал я, засовывая ноги в штаны.

— Ты вчера целый день с ним хороводился. Каким он тебе показался?

— Я же не экстрасенс, чтобы просмотреть его насквозь! Но почему вы решили, что он куда-то подевался?

— Его на острове нет, — сказал Козырев. — Только бы руки на себя не наложил. Сейчас у молодых это делается просто.

На веранде кто-то затопал ногами, дверь распахнулась, и в комнату вошёл Ершов.

— Ну что у тебя, — нетерпеливо спросил Козырев.

— На пристани обнаружилась пропажа лодки. Наверное, Дмитрий Андреевич покинул остров на этом плавсредстве.

— Добро бы так, — облегченно вздохнул Козырев. — Ищите, как найдёте Митю, установите за ним наблюдение и сообщите мне.

— Вертолёт к вылету готов, — доложил Ершов.

— Ты летишь вместе со мной, — сказал, обратившись ко мне, босс. — А ты, Евгений Кузьмич, осмотри правый берег Волги, где-то там должна быть лодка, если только он не уплыл на ней в сторону Сызрани.

В моём кармане тренькнул мобильный: пришла эсэмэска, я мельком глянул на сообщение.

— Спецрозыск отменяется, — я отдал телефон боссу. — Митя вышел на связь.

Андрей Ильич прочитал сообщение и заметно ободрился:

— Кажется, моя наука пошла ему на пользу. Во-первых, он не обиделся, а во-вторых, умеет подколоть. Как ведь язвит: «А не подавился ли папаша вчерашним жареным гусём?» Он тебе позвонит, так скажи ему, что я им очень доволен, — он сделал несколько шагов по комнате и повернулся к Ершову. — Жди меня на пристани!

— Стало быть, вертолёт отменяется?

— А ты предпочёл бы, чтобы я пересёк Волгу верхом на моторе?

— На катере, конечно, безопаснее, однако вы требовали вертолёт, — заметил Ершов.

— Воздушная прогулка отменяется, — сказал Андрей Ильич. — Устрой пилота в боярской гостинице, пусть отдыхает, — начальник службы безопасности повернулся через левое плечо и растаял в проёме двери. — Давай и мы пройдёмся, — поднялся со стула Козырев. — Разговор у меня к тебе есть, скажем так, приватного свойства.

Мы вышли на веранду, спустились с неё на дорожку и направились к беседке, откуда была видна большая часть Волги, между правым берегом и Бесстыжим островом.

— Тебе, конечно, не понравилось, как я обошёлся с Митей?

— Отношения между отцом и сыном касаются только их самих. Митя жалостлив, но это вполне человеческое чувство.

— Так-то оно так, — вздохнул Козырев. — Только каждый видит то, что видит. Ты заметил у Мити жалостливость, а я — слабодушие. Он трясся над этим драным гусём, будто ему предстояло зарезать человека. И ты его защищаешь только потому, что сам такой же слабак и готов пустить слезу, чтобы только потешить своё слабодушие, — Андрей Ильич неожиданно расхохотался. — Хочешь, я расскажу, как научился плавать? Правда, история эта с запашком, но не будем же мы миндальничать?

Я вовсе не считал себя слабаком, и Козырев знал об этом не хуже меня. Но если хозяин хотел со мной поиграть, то не соглашаться было бы глупо. К тому же я сам играл с ним в свою игру, и, кажется, он об этом не догадывался.

— Лет шести-семи мать отправила меня на лето погостить к своему брату в деревню. У него было трое детей моего возраста. Летом ребятишкам одна забава — речка. Все купаются, а я зайду по пояс и бултыхаюсь возле берега в тине. Дядя Ваня посадил меня на плечи, зашёл на глубину и швырнул в воду: «Плыви к берегу!» Я заколотил руками и ногами, сжал зубы, чтобы не нахлебаться воды, и барахтаюсь. И, представляешь, поплыл!..

— Мерзкая история.

— Согласен. Но разве жизнь состоит только из радостей и удач? Не помню, но кто-то из великих, говорил о свинцовых мерзостях русской жизни ещё полтора века назад. Разве она стала лучше? Всё — земля, вода, небо, человеческие отношения — замусорено настолько густо, что честному человеку и ступить негде, чтобы не измазаться. Открыл книгу — попал в дерьмо, развернул газету — окунулся в помои, пошёл прогуляться — налетел на пьяную ватагу... Митя ко всему этому не приучен и не знает, когда нужно давать сдачи, а когда — бежать, чтобы сберечь своё здоровье, а то и жизнь.

— Скажите Ершову, и он выделит ему охрану.

— От самого себя никакая охрана не убережёт. Вот вчера ты почти весь день был с ним рядом, а не уберёг его от дури, которую он учинил своим выступлением перед главными трепачами города.

— Виноват, не доглядел, — вякнул я. — Хотя, на мой взгляд, речь Мити послужила ему на пользу.

— Это каким же образом? — нахмурился Козырев. — Тем, что он всех уличил во вранье?

— Многие слушавшие его люди поняли, что Дмитрий Андреевич — умный человек самых передовых взглядов, враг коррупции и всего того, с чем нас призывает бороться президент страны.

— Передовые взгляды могут быть только в тех краях, куда каждый день западает русское солнце. Ты прав в другом, но лишь наполовину: до умного человека Мите ещё далеко, а вот то, что он умник, так это — несомненно. Я сам таким был по молодости лет. Как вспомню, так вздрогну — каких только прекраснодушных глупостей не натворил, в какую чепуху не верил.

— Стоит ли жалеть о том, что было?

— Стоит жалеть время, — сухо и нравоучительно произнёс Козырев. — Я ещё лет пять назад мог войти в золотой список журнала Форбс, если бы стал хапать всё подряд. То, что у меня есть, попало ко мне по моей отзывчивости, от которой, видимо, мне уже никогда не избавиться. Тот же молокозавод, мясокомбинат, мебельный комбинат были обанкрочены лихими ребятами из команды губернатора, генерала и героя чеченской войны. Люди по году не получали зарплату. Ко мне одна за другой приходили делегации рабочих, чтобы я спас семьи, наладил производство, обеспечил людей достойным заработком.

Произнося этот монолог, который я уже слышал не меньше десяти раз, Козырев смотрел на меня проникновенно — честным взглядом праведника, готового положить жизнь за други своя, но я-то знал, что все его слова есть не что иное, как голимое враньё. Но меня поражало не само враньё, а непоколебимая уверенность бывших номенклатурных партийцев — от генсека Горбачёва до члена пленума обкома партии Козырева, что они — не предатели дела Ленина, а жертвы обстоятельств необоримой силы. Общаясь с этой публикой, я убедился, что все они не провалились от содеянного предательства в тартарары, а быстренько соорудили себе подставки из оправдывающего их вранья, очень удобно на них разместились и живут в своё удовольствие при клятом капитализме, в окружении надёжно обустроенных на хлебных должностях детей и родственников.

— Я сам взваливал на себя эту обузу, — продолжал гнуть своё Козырев. — Поначалу, не скрою, мне грело душу, что у меня появилась одна сотня миллионов долларов, вторая, третья, пока меня озарило, что я дурак, самый настоящий дурак! И знаешь почему?

— У меня нет и миллиона, — угодливо хихикнул я. — И на вашем месте мне не бывать.

— И нечего тебе там делать — одно беспокойство, а с той сотней тысяч, что ты от меня заимел, ты можешь позволить себе то, что мне — увы, недоступно.

— Что-то я вас, Андрей Ильич, не пойму? Как это недоступно? — деланно удивился я.

— Тут и понимать нечего, — заявил Козырев. — Мой капитал мне не принадлежит, скорее я ему принадлежу, а он только командует: «Сделай то! Сделай это! А этого не смей делать!» Что у меня и есть своего, так это остров. Здесь я себе и хозяин, и барин.

Я незаметно для Козырева ущипнул себе руку, чтобы не расхохотаться. Он был неистощим на всякие притворства, многие из которых я уже знал, но страдающий от полмиллиарда «зелёных» богач — было чем-то новеньким в репертуаре босса, и это нужно было взять на заметку. Очень даже может быть, что Андрей Ильич готовит для гостей на уже близком празднике дня своего рождения какой-нибудь розыгрыш, и примеры тому уже были, вроде бросания в Волгу персианской княжны. Кто знает, может быть, босс решил обновить репертуар своего праздника, и мне нужно быть готовым к любым неожиданностям.

Шкипер Алексей Иванович на своём струге доставил меня к левому берегу. Я нашёл свою машину там, где её оставил, и скоро стоял перед дверью своей квартиры, которую, памятуя, что моя дражайшая половина обычно просыпается ближе к полудню, осторожно открыл ключом, вошёл в прихожую и понял, что у нас гость, Козырев-младший. Митя сидел в зале за столом, а вокруг него хлопотали, не зная, чем ему угодить, Люба и Аля.

— Мы с Андреем Ильичом обыскали весь остров, а он у меня в гостях, — укоризненно произнёс я. — Или это шутка? Но я за неё получил строгий выговор.

Митя не смутился и поманил меня к себе.

— Наклонись, — мне это не понравилось, но я выполнил его странную просьбу. — Я провёл сегодня удивительную ночь! — жарко выдохнул он мне в ухо.

— Свят! Свят! — отшатнулся я от неугомонного пробирочника. — Обо всём этом после! Во всяком случае, не глядя на утро, надо спрыснуть твой подвиг шампанским.

Я прошёл к холодильнику, взял бутылку шампанского и похолодел от догадки, что Митя кувыркался с неизвестной особой, которая вполне могла его заразить. Поставив бутылку на стол, я взял его за руку, вывел на лоджию, плотно закрыл дверь и приступил к допросу.

Вчера Митя не внял моему дружескому совету принять для успокоения взвинченных стычкой с отцом нервов контрастный душ, чтобы не натворить глупостей. Он бросился от гостевого дома напрямик по молодой посадке сосняка, крепко ободрался в ней и вымазался смолой и песчаной пылью, пока не выбрался на берег. По нему Митя добежал к пристани, где успел вскочить в катер со строительными рабочими, которые возводили на острове очередную архитектурную фантазию Козырева, коими он тешил свой необузданный и прихотливый нрав.

Плотники работали полный световой день, устали до изнеможения и на вскочившего в их катер попутчика не обратили внимание. Митя вёл себя тихо и, наклонившись за борт, смотрел на воду, в которой покачивались отражённые в ней огни большого города. Его одолевали самые разные чувства, которые он не мог выразить словами, пока это была тупая сердечная боль, и Митя, ощущая её, не ведал, что именно так даёт о себе знать уязвлённая несправедливостью человеческая душа. У людей очерствевших и злопамятных душевная боль вызывает желание отомстить обидевшему их человеку, но Митя был добр и незлопамятен. Он страдал тихо и безропотно, поглядывая сквозь нахлынувшие на глаза слёзы на Волгу и шумно плескавшиеся в борт катера пенистые волны от встречного туристического теплохода. На его верхней палубе гремела музыка, сам он, расцвеченный огнями, был похож на плывшую вниз по течению реки праздничную новогоднюю ёлку.

«Всё течёт, но ничего не изменяется, — вздохнул Митя и проглотил застрявший в горле колючий слёзный комок. — От моей упавшей в Волгу слезинки река не посолонеет».

Он утёр рукавом рубахи лицо и оглянулся. На него никто не обращал внимание. Мужики, сидя на палубных лавках, переговаривались и играли в карты. Эта мирная картина задела Митю и даже обидела: «Киньcя я сейчас в Волгу, и никто из них не пошевелится, чтобы меня спасти. Каждый занят только самим собой и норовит облегчить только свою долю за счёт других. Впрочем, и я не лучше других, а скорее хуже. Эти мужики топорами из дерева вырубают каждую свою копейку, а я пытался подработать журналистикой, но разве это достойное занятие, чтобы посвятить ему всю свою жизнь?»

Катер притиснулся к причальной стенке, и Митя, не дожидаясь, пока подадут трап, спрыгнул на бетонный причал и, втянув голову в плечи, нырнул в густую и душную темноту. Потоптавшись на асфальтовой дорожке, которая была проложена вдоль берега к городскому пляжу, он неторопливо двинулся по ней, опасливо поглядывая по сторонам.

Он уже не обижался на своего взбалмошного отца, а корил себя за то, что поддался на провокацию и не раскусил с первого взгляда, что тот подвергает его испытанию, пробует на зуб!

«Сколько раз я себя убеждал не спешить, не идти на поводу вспыхнувшего чувства, но, видимо, плохо даётся мне наука общения с людьми. Я вижу в них только доброе, честное, справедливое, а это, к несчастью, далеко не всегда так. Но отец поступил так не с умыслом. Он до сих пор не принял меня за своего сына, это проглядывает во всём его поведении со мной. А как он поглядывает на меня? С любопытством и опаской, но у меня и в мыслях нет чем-нибудь ему досадить...»

— Извините, пожалуйста, — услышал Митя дрожащий голос из куста акации ря-

дом с дорожкой и остановился, вглядываясь в темноту, пока наконец не увидел размытые очертания женского силуэта.

— Что же вы замолчали, — сказал Митя. — Пойдёмте к фонарю, там и поговорим.

— Ни за что! — пискнула незнакомка. — Идите сюда, если у вас есть зажигалка. Я свою где-то потеряла.

Митя сделал несколько шагов в темноту, достал зажигалку и высек огонь. Вспыхнувшее пламя высветило тонкие пальцы с сигаретой, бледный овал лица и огромные подрагивающие глаза. Она затянулась дымом, закашлялась и, отдышавшись, сплюнула, как мужик, себе под ноги.

— Ты что здесь в потёмках ищешь?

— Не знаю, — смутился Митя. — Разве это так важно?

— Наверно, нет. Будем считать, что нас друг к другу послал случай. Можешь звать меня Соней.

— Митя. Тебе не страшно прятаться в кустах?

— Я ещё засветло сюда прибежала, — хихикнула Соня.

Она уже не выглядела испуганной, как несколько минут назад, и поглядывала на Митю без всякой робости, и он почувствовал, что от неё попахивает спиртным.

— А я тоже, можно сказать, из дома убежал.

— Вот видишь, — усмехнулась Соня. — Значит, и причина нам встретиться одна и та же. Ты где думаешь провести ночь?

— Можно и здесь, — осмелел Митя. — Разведём костёр...

— Ни в коем случае! — испугалась Соня. — Меня ищут, и если найдут, то и тебе не поздоровится.

— Кого же ты так боишься?

Соня отвернулась, прошлась взад-вперёд, остановилась и тихо произнесла:

— Всех боюсь, вот кого. Так что ступай куда идёшь.

Митя пожал плечами и, вернувшись на дорожку, продолжил свой путь, чувствуя неудержимое желание повернуться и посмотреть в сторону Сони. Сделав десятка два шагов, остановился и с облегчением услышал частое постукивание каблучков по асфальту. Он повернулся и столкнулся лицом к лицу с девушкой.

— Мне показалось, что кто-то ломится сквозь кусты, — прошептала она, обволакивая Митю долгим туманным взглядом. — Я испугалась... Ведь это так страшно — остаться одной в кромешной темноте.

— А со мной тебе не страшно? — прошептал Митя и взял её за руку.

— Вроде нет, — она качнулась в его сторону, на мгновение их тела соприкоснулись, и этого оказалось достаточно для того, чтобы Митю ожгло насквозь ещё никогда не испытанным трепетом. Во рту пересохло, он облизал губы и уронил голову на плечо Сони.

— Тебе что, плохо? — встревожилась она.

— Нет, хорошо. Только голова что-то закружилась, — сказал Митя. — Я могу тебя поцеловать?

— Разве про это спрашивают? Но зачем так спешить? Ты ведь меня совсем не знаешь, скорее всего, я так плоха, что не гожусь для тебя даже в случайные подружки.

Митя замешкался с ответом, и вдруг их ослепили автомобильные фары. Хлопнули дверцы, из милицейского «уазика» послышалось:

— Стоять на месте!

Звуковой выстрел из громкоговорителя испугал Соню. Она испуганно вскрикнула и нырнула в кусты. Патрульный с автоматом бросился за ней. Погоня закончилась быстро: послышались вопли пойманной беглянки, громкий вскрик и матерная ругань. Кусты затрещали, и страж порядка выволок на свет автомобильных фар упирающуюся изо всех сил Соню.

— Вот сучка! За руку цапанула зубами, — мент толкнул девушку на капот «уазика». Она изловчилась и пнула его в лодыжку. Мент рассвирепел, и, получив удар резиновой дубинкой по спине, Соня разразилась воющим плачем.

— Как вы смеете! — вскричал Митя. — За что вы ударили девушку?

— Заткнись! — крепко ткнул его в бок наручниками прапор. — Нашёл себе девушку! Девушки сейчас спят на своих девичьих постельках, а не шарятся в потёмках на городском пляже в обнимку с подозрительными личностями.

— Это я-то подозрительный? — возмутился Митя.

— А кто же ещё, кроме тебя! А ну выворачивай карманы! А ты, Максим, пристегни девку к сиденью и топай сюда. Парень, я погляжу, с норовом, того и гляди, начнет махать копытами.

Напарник прапора поправил автомат на толстой шее и встал позади Мити, который пребывал в большом смущении. До этой минуты он никогда в жизни не сталкивался с вооружёнными слугами народа, и они своими повадками его устрашили. Но остатки

английской демократии ещё теплились в нём, поэтому, собравшись с духом, он заявил:

— Я требую присутствия адвоката!

Прапор выпучил на задержанного налитые кровью глаза и заржал, как стоялый жеребец:

— Адвоката? Макс! Дай ему адвоката!

— Счас! — обрадовался напарник и со всего размаха ударил задержанного обеими ладонями по ушам.

Митя схватился руками за голову и закружился, оседая на корточки. Несильным пинком мент поднял его на ноги и запустил свои лапы в чужие карманы.

— Да у тебя тут бабла куры не клюют! — радостно завопил прапор. — Говори, сколько здесь денег?

— Не помню, — вякнул Митя. — Надо подумать, сколько я потратил.

— Слышь, Макс! — хохотнул прапор. — Он своему баблу счёта не знает.

— Зачем мне его знать? — обиделся Митя. — Это мои деньги, потому что вы их вытащили из моего кармана. Я их снял через банкомат со своего счёта.

— А ты их не из чьего-то кармана вытащил? — вцепился в него прапор. — Почему у тебя руки в крови и на рубахе кровь и на щеке?

— Кровь? — растерялся Митя. — Какая кровь?

— Обыкновенная, красная. Какая же ещё? — прапор начал заводиться. — Говори, кого на гоп-стоп прихватил? А может, грохнул?

— Да вы не в своём уме, — побледнел Митя. — Кровь?.. Это гусиная кровь, да — гуся, которого зарубил мой отец топором. Я гуся держал за шею, а он ему голову отрубил. Гусь дёрнулся, стал биться и выпачкал меня своей кровью.

— Много я слышал вранья, но таким мне трут уши в первый раз. Разве вдвоём гуся или курицу убивают? Как твое мнение, Макс?

— Я своего подсвинка один завалил, а уж гуся тем более, — ответил, поигрывая резиновой дубинкой, мент.

— Так, суду всё ясно, — усмехнулся прапор. — А ну-ка покажи руки!

Митя посмотрел на свои измазанные гусиной кровью ладони, и прапор, улучив момент, ловко захлопнул на его запястьях стальные наручники.

— Вы что, ослепли или охренели? — крикнула Соня. — Какой он убийца, он — дитя, сущее дитя!

— У тебя самой нет документов! — проворчал прапор. — Все в машину! В отделе разберутся, кто вы на самом деле такие-сякие.

В «уазике» дурно пахло бензином, сиденья были твёрже железа, но за полчаса езды по разбитому асфальту Митя и Соня не впали в уныние, сидели, прижавшись друг к другу, и даже успели поговорить.

— Говори, как есть: ты меня не знаешь, я тебя тоже, — прошептала Соня.

— Но это неправда, — возразил Митя. — Мне кажется, что я тебя знаю всю жизнь.

Соня глянула на него с жалостливым удивлением и свободной от наручника рукой погладила его по щеке.

— Если меня выпустят раньше, я тебя подожду.

— Мы выйдем вместе.

По пути менты прихватили ещё пару хулиганов, которые пытались оторвать руку у пластмассовой скульптуры почтальона. Парни были хмельны, нахальны, и менты усердно отдубасили их дубинками и затолкали в «собачий ящик». Там они, повизгивая и похрюкивая, пролежали до тех пор, пока «уазик» не припарковался к крыльцу райотдела. Прапор с самым довольным видом показал курившему на крыльце майору пойманных вандалов, тот махнул рукой, и их тотчас куда-то уволокли.

— А это что за гангстеры? — сказал майор, указывая на Митю и Соню.

— Таскались по пляжу. У парня руки и лицо в крови. Говорит, что помогал отцу зарубить гуся и вымазался его кровью.

— Он был пустой? — майор требовательно глянул на прапора.

— Не совсем, — нехотя сказал прапор. — Ничего острого и колющего, одно бабло.

— Это уже кое-что, — явно обрадовался майор. — Ведите их ко мне. Сначала — девку, а потом этого олигарха.

Соня пробыла у дежурного оперативника совсем недолго. Тот спросил фамилию, имя, отчество, время и место рождения, справился в базе данных и отправил её восвояси, предупредив об опасности ночных прогулок с незнакомыми парнями.

— Наручники на мне числятся, я их заберу, — сказал прапор, когда ввёл Митю в узкую сумрачную комнату с одним окном на высоте человеческого роста, пропахшую прокисшими сигаретными окурками.

— Ты деньги не забудь выложить и не забудь пересчитать, — подозрительно глянул на него майор. — Или ты забыл, что за крысятничество среди своих могут и опустить вполне по-зоновски.

— Ты меня, Герасимыч, знаешь, за мной этого не водится, — помрачнел прапор. — Деньги все здесь, сколько было.

— Сколько?

— Я не считал. И задержанный сам не знает.

— Ладно, — майор кинул деньги в ящик стола. — Иди, покемарь, через часок ещё разок прошвырнись по маршруту. Алкаши просыпаются на заре и начинают искать деньги на опохмелку, наркоманам тоже надо шырнуться.

Митя сидел, опустив голову, и разминал занемевшие от наручников запястья. Мимо него, посапывая, протопал прапор и захлопнул за собой дверь.

— Сигареты есть? А то закуривай мои, — добродушно произнёс майор.

— У меня есть, — сказал Митя, доставая из кармана пачку сигарет.

— Тогда закуривай. И заодно прикинь, как мы тебя звать-величать будем. Высыпай всё разом: и кликухи-погоняла, какие есть, и настоящие имя, фамилию, и где прописан.

— Что такое прописан? — спросил Митя.

— Ты мне дурочку не гони! — осерчал майор. — Ты по какому адресу зарегистрирован? Короче, где ты живёшь?

Митя задумался. Получив ключи от купленной на его имя квартиры, он не потрудился даже узнать её адрес, знал визуально, где находится дом, к какой квартире подходят ключи, и считал, что этого достаточно для безопасного проживания в городе. Оказалось, что это далеко не так.

— Давайте поступим проще, — устав от бессмысленного допроса, предложил Митя. — Поедем ко мне домой, и я предъявлю вам и паспорт, и документы на владение квартирой.

— Не утомляй майора! — хлопнул по столу тяжёлой ладонью мент. — Посиди в камере, подумай. Главный разговор у нас ещё впереди.

В дверь заглянул лейтенант.

— Группа на выезд готова!

— Отправь задержанного в камеру, пока я с замком от сейфа управлюсь. Заедать стал, зараза.

Соня сидела на скамейке в пустом коридоре. Увидев Митю, она поспешила к нему:

— Тебя отпустили?

— Отойди в сторону, — лейтенант открыл громоздкую дверь камеры. — Заходи! А ты, гражданка, веди себя смирно. Мы ведь как договорились? Не вякай, а то выгоню на улицу.

— Нет, не надо! — воскликнула Соня. — Я буду вести себя тихо.

Камера была отштукатурена «под шубу». Вдоль стен стояли широкие лавки, под потолком помигивала электролампочка. Митю унылый пейзаж не испугал, а даже заинтересовал. Он поозирался по сторонам: две лавки были заняты лежащими на них мужиками. Один был обнажён до пояса и весь опутан синей паутиной наколок, другой был одет и спал, прикрыв лицо соломенной шляпой.

Появление в камере Мити не прошло незамеченным для полуголого сидельца. Он заворочался на лавке, закряхтел, приподнял голову и сипло выдохнул:

— Курить есть?

Митя вынул мятую пачку сигарет и подал сокамернику. Тот вытряхнул из неё три сигареты, а остальные вернул владельцу.

— Сразу видно, что порядка не знаешь, — сказал он, засунув по сигарете за каждое ухо, а одну сжал губами. — Никогда не давай всю пачку. Скажут, что подарил, и присвоят.

Он прикурил и лёг на своё ложе, временами поворачиваясь и показывая наколки, которые, если бы не их свирепый тюремный смысл, можно было бы принять за картинки мультфильма из русской жизни. Митя так их и воспринимал, таращась на пятиглавый собор на спине сокамерника, кинжалы, перевитые змеями, розы, звёзды на плечах, и простодушно недоумевал, зачем явно сильному и обладающему красивым торсом человеку понадобилось украшать себя такой безобразной мазнёй.

Он так увлёкся этим занятием, что едва услышал, как другой сокамерник поднялся с лавки и прошёл в угол, где находился кирпичного цвета унитаз. Рухнувшая из бачка по загремевшей и завывшей трубе вода заставила Митю вздрогнуть и посмотреть на человека, который, застёгивая ширинку, разглядывал с нескрываемым любопытством его самого.

— Вот уж не ожидал увидеть в сём скромном месте этакую вип-персонищу! — сказал он и, чиркнув зажигалкой, осветил лавку соседа. — Вот это неожиданность! Даже сенсация провинциального масштаба. Вы — и камера КПЗ! Пусть меня и причисляют к писакам, но я не отношу себя к газетной сволочи. Так что не бойтесь: я буду нем, как премудрый пескарь.

— Не разводи бодягу, — мрачно сказал размалёванный сокамерник. — Объяви,

кто ты есть, и начинай базарить по-своему: я не поэт, но я скажу стихами: пошёл ты на хрен крупными шагами!

— Ну вот, меня вам и представили, и не кто-то, а сам Чугун, это в определённых кругах очень даже звонкое имя. Мне оно, во всяком случае, несколько раз помогло выпутаться из больших неприятностей. Я действительно поэт и живу поэзией, но обо мне вы не слышали, вы ведь только что приехали в наш город. Анатолий Чистяков и прочая, и прочая...

Поэт шаркнул рваным ботинком, и Митя понял, что Чистяков действительно его знает и пытается произвести на него благожелательное впечатление.

— Я думал, что ты, Толян, живёшь тем, что собираешь пустые жестянки и бутылки, — удивлённо воззрился на Чистякова Чугун. — А ты, оказывается, живёшь поэзией.

— Я неточно выразился. Тело моё живёт выпивкой и закуской, а душа поэзией. Но тебе этого не понять.

— Базарь дальше, меня здесь нет, — хохотнул Чугун и опрокинулся на лавку.

— Откуда вы меня знаете? — сказал Митя. — Я в городе всего несколько дней.

— Вы вчера были в спор-клубе?

— Был, — признался Митя. — А вы там меня видели?

— Не только видел, но и слышал. Вообрази, Чугун, увязался я за моим приятелем Маркиным, чтобы он пожертвовал на мою бедность стольник, а у него тысячная бумажка. Но я его из зубов не выпустил, показал, где буфет, взял денежку и вдруг слышу, кто-то режет правду-матку. Я заскочил в зал, уселся в кресло, выслушал вашу зажигательную речь про враньё и весьма рад, что вы уязвили нашу власть в самую точку. Она лжива насквозь, но это не мешает ей нравиться электорату. Кстати, как вас зовут?

— Митя.

— Значит, Дмитрий Андреевич?

— Лучше — Митя.

— Пусть будет по-вашему, — добродушно заявил поэт. — Но скажите, вы не пописываете в рифму?

— Откуда такое предположение? — удивился Митя.

— Из вашей вчерашней речи. Она обнажила вашу детскую наивность, вы явились этаким самозванным Христом на сходку самых отпетых лжецов и продажных писак нашего города и стали обличать один из коренных человеческих и общественных пороков — враньё. Посмотрел я на вас и решил, что вы с моей поэтической поляны ягода, и, знаете, обрадовался тому, что в городе я не один такой придурок, появился и второй, да ещё какой! Не мне чета! Вот вам моя рука, вы, Дмитрий Андреевич, своей обличительной речью влили в меня свежие силы.

— Не силы ты в себя влил, а водку с пивом, — вмешался Чугун. — Я тебя, козла, пёр на спине домой, когда нас повязали менты.

— Всё равно, вот вам моя рука! — заявил Чистяков. — Со вчерашнего дня я числю вас в своих единомышленниках.

Протянутая поэтом рука выглядела крайне непривлекательно, однако Митя её пожал, пожалуй, даже с излишней горячностью и силой, так что Чистяков сморщился от боли.

— По вашему виду не скажешь, что вы так сильны, — потирая ладонь, сказал он. — Качаетесь?

— Кажется, я могу теперь отдохнуть, — сказал Чугун. — А ты, парень, готовься к дружбе с Толяном: будешь поить его за свои деньги, таскать на загорбке и ночевать с ним в ментовке.

— Не обижай, Чугун, я таких друзей, как ты, не бросаю, — нахмурился поэт. — Я тебя иногда утомляю, это правда, но уже давно ты — мой соавтор.

— Это ещё что за должность? — подозрительно глянул на собутыльника Чугун.

— Ты меня вдохновляешь на создание шедевров, — значительно промолвил поэт. — Говоря твоим языком, ты — подельник многих моих стихотворений, а по-культурному — соавтор.

— Ну ты даёшь! — ухмыльнулся Чугун. — С тобой не прокиснешь, что-нибудь да ляпнешь, хоть и не в тему, но прикольно.

Дверные запоры заскрипели, залязгали, в камеру заглянул майор и поманил Митю.

— Выходи!

— Майор, айн момент! — вскинулся Чистяков. — Мне надо кое-что тебе шепнуть.

Поэт устремился к двери, вытеснил майора в коридор и через минуту вернулся.

— Я Герасимычу нарисовал, кто ты есть. Сейчас у него бестолковка всё это усвоит, и он вас на своём горбу повезёт к твоему папаше.

— Зачем вы ему про это сказали? Неудобно как-то получилось.

— Неудобно штаны через голову надевать. А дать под дых менту, чтобы его образ-

умить, всегда приятно. Кстати, там, не успели мы выйти, такая милашка за тебя стала просить. Неужели ты не торопишься уединиться с ней в своих апартаментах?

Предположение Чистякова не оправдалось. Вместо майора Митю выпроводил из ментовки уже знакомый прапор, вручивший ему конверт с конфискованными деньгами, записной книжкой, двумя банковскими картами и ключами от квартиры.

— А где Соня? — спохватился он.

— На крыльце, — сказал прапор. — Стала права качать, и дежурный отправил её охладиться.

К рассвету на улице стало зябко. С Волги тянуло холодком, деревья робко пошумливали влажными от росы листьями. Соня стояла посреди двора и постукивала каблучком по асфальту. Митя быстро подошёл к ней и взял за руки. Она подалась к нему и прошептала:

— Какой ты горячий. А я озябла.

— В камере душно. И я не против, чтобы ты со мной согрелась.

— Но не здесь же! — отшатнулась Соня. — Пойдём отсюда подальше.

— Мне надо выйти на центральную улицу города, но я не знаю, где нахожусь, — сказал Митя.

— Пойдём, Гончаровка рядом, через квартал.

Выйдя на центральную улицу, Митя пооглядывался и, взяв под руку Соню, пошёл к дому, увенчанному часовой башенкой.

— Куда ты меня ведёшь? — сказала Соня. — Мне надо домой.

— Вокруг пусто. Ни трамваев, ни такси. Кстати, машину можно вызвать только из квартиры. Но куда торопиться? Эта ночь так необычна, во всяком случае для меня. А для тебя?

Соня вздохнула, прижалась к его плечу и не ответила.

— Уже полчетвёртого, — заметил Митя, поворачивая к своему дому. — Вот в этом угрюмом каменном чемодане находится моё холостяцкое жилище. Зайдём? Согреемся чаем или кофе и вызовем тебе такси.

— Не знаю, — прошептала Соня. — Я озябла и боюсь подхватить простуду.

Войдя в квартиру, Митя прикрыл форточку, чтобы не было сквозняка, прошёл к бельевому шкафу, вынул оттуда полотенце и вернулся к Соне.

— Горячая ванна или душ помогут тебе согреться. Закрой за собой дверь, а я тем временем вскипячу воду для кофе.

— Мне чай, — сказала Соня. — Без сахара.

Пока она мылась, Митя привёл себя в порядок в своей комнате: протёр руки и лицо ватой, смоченной туалетной водой, сменил нижнее бельё, рубашку и брюки. Затем прошёл на кухню, вскипятил воду, заварил чай, поставил на стол чашки и вазочку с глазированными пряниками.

Присутствие в квартире молодой женщины или девушки (Митя не мог взять в толк разницу между ними) не могло не взволновать до крайних пределов его ещё целомудренную натуру, он чувствовал себя смущённым и подавленным, его мучали сомнения и неуверенность, что у него всё получится, как и должно получиться у здорового мужчины. Умом Митя понимал, что пробирочное появление на свет никак не влияет на мужские способности, но только стоило ему представить, как это случится на деле, так все желания вмиг улетучивались и он впадал в тоскливое настроение, из которого выходил мучительно долго и трудно.

Не имей Митя лёгкий и отзывчивый на чужие невзгоды характер, с ним могло бы произойти то же, что случается с другими молодыми людьми, которые не могут одолеть проблем взросления и пытаются избавиться от них пьянством, наркотиками. Митя до таких крайностей даже в мыслях не доходил: от соблазнов его спасало одиночество. Его он предпочитал молодёжным тусовкам, потому что, в отличие от большинства сверстников, знал о своих заморочках и пытался в них разобраться, а другие бросались очертя голову в развлечения и, получив удар по самолюбию, хватались за верёвку или ныряли в оконный проём многоэтажки.

Шум воды в ванной комнате прекратился, дверь в ней приоткрылась, и Соня попросила подать ей расчёску. Митя заторопился, опрокинул стул, крепко ушибся и, прихрамывая, кинулся за расчёской. Она нашлась под книгой, он схватил её и, забежав в ванную, замер как вкопанный. Соня стояла к нему спиной совершенно голая, отражаясь в большом зеркале над умывальником.

— Принёс? — сказала она, поворачиваясь к Мите, который в ответ утвердительно кивнул и потупился.

— Так подай, — усмехнулась Соня, и в её глазах замелькали смешинки. — Подай.

— Чай готов, — хрипло сказал Митя, отдавая расчёску.

Его бросало то в жар, то в холод. Кто-то невидимый толкал его шагнуть вперёд,

схватить девушку в охапку, а Митя этому позыву отчаянно сопротивлялся. Он не мог переступить через своё заблуждение, нашептывавшее ему, что он не может, не имеет права причинить ей обиду, нанести оскорбление грубостью, но как раз этого и требовало его восставшее и готовое к немедленному соитию мужское естество.

Соня чувствовала Митину неуверенность, и это её забавляло. Но помочь ему обрести уверенность она не спешила, предлагая ему самому совершить решающий шаг. И Митя его почти сделал.

— Ты мне очень нравишься, — выдохнул он.

— Ты мне тоже. Я сейчас выйду, но мне надо одеться.

— Но зачем? — жалко улыбнулся Митя. — Нагая ты прекрасна!

— Я не хочу, чтобы между нами существовали неясности, — сказала Соня. — Но нагишом о серьёзных вещах не говорят.

Это трезвое суждение остудило Митю, он выпятился из ванной, прикрыл дверь и направился на кухню в приподнятом состоянии духа.

«Я это смогу! — шептал он. — Только не надо спешить. Всё произойдёт само собой».

Митя взбодрился, ещё раз произвёл ревизию в холодильнике, нашёл банку сгущёнки, которую вылил в небольшую с высоким краем чашку и выставил на стол. Затем подошёл к окну и, вглядываясь в утренние сумерки, попытался угадать, какая на сегодняшний день предстоит погода, и по трепещущим листьям липок решил, что день будет ветреным и нежарким.

— У тебя шикарная квартира, — сказала Соня, войдя на кухню. — И чья же она? Предков?

— Нет, моя, — насупился Митя. — Но я в неё заселился — недели не прошло. Надо её обставить, обустроить...

— К сожалению, я не по мебельной части, — сказала Соня, беря чашку с чаем. — Но с этим ты и сам справишься, были бы деньги. Кстати, вызови мне такси, я должна ехать домой. Да не хмурься, не к мужу! Мой муж давно объелся таких груш, что и выговорить противно. Набери шесть пятёрок — это диспетчерская такси.

Митя взял трубку и, помедлив, положил на аппарат. Он уже много чего навообразил насчёт Сони, и расставаться с ней ему не хотелось.

— И на какой цифре мы забуксовали? — усмехнулась Соня. — Забыл номер?

— Я не хочу, чтобы ты уехала, — глупо произнёс Митя. — Не хочу.

— Даже так? — она поставила чайную чашку на стол и вздохнула. — Что ж, пора сказать правду. Ты даже представить не сможешь, как я живу. Поэтому не надо сочувствия и жалости. Я их не приму, потому что уже не раз больно на этом обжигалась. Договорились?

— Я не могу тебе не сочувствовать: ты мне нравишься, — смущённо пробормотал Митя.

— Начнём с небольшой для тебя неожиданности, — сказала Соня. — Тебе, я думаю, лет двадцать с небольшим хвостиком?

— Двадцать один, — насторожился Митя. — Почему ты об этом спрашиваешь?

— Да потому, что ты моложе меня.

— Ну и что? Меня не интересует, сколько тебе лет.

— Хорошо, — Соня потянулась за сигаретой. — Но я уже успела побывать замужем, родила сына и похоронила одного за другим папу, маму и мужа, про которого я вру своему Алёшке, что он погиб в автомобильной аварии, а на самом деле он отравился стеклоочистителем. Он пропил всё, что было в доме, мне даже не на что было его похоронить, и его закопали на краю кладбища в общей могиле, с биркой на лодыжке.

— Как это печально, — медленно произнёс Митя. — Но это не может быть помехой нашему знакомству.

— А ты добрый и милый, — тихо сказала Соня. — Среди твоих сверстников это редкость. Поодиночке они ещё пытаются скрыть свой дикий нрав, но стоит им собраться в стаю, так сразу звереют.

— Откуда тебе это известно? — недоверчиво произнёс Митя.

— Я работаю преподавателем в автомеханическом техникуме. Там и насмотрелась. Ты не такой, как они. В тебе чувствуется не уличное воспитание. Наверно, родители тебя берегли и холили?

— Я учился несколько лет в Англии, в частной школе. Но, в общем-то, я недоучка. И ни на что не годен.

— Значит, тебя содержат родители? — насмешливо сказала Соня. — И ты, как сейчас говорят, богатенький Буратино, мечта и жертва первой встреченной тобой смазливой стервы?

— Я не представляю того, чем ты меня пугаешь, — сказал Митя, присаживаясь рядом с ней на диван. — Мне этот разговор неприятен.

— Ты ищешь во всём приятности? — в голосе Сони ему послышались призывные

нотки, и это помогло ему осмелеть. Он привлёк её к себе и принялся страстно целовать в губы, затем в шею, пока не изнемог.

— Сделай же что-нибудь для меня! — потеряв всякую выдержку, взмолился Митя.

— Только не сегодня. Я к этому ещё не готова...

Митя её не услышал, но ей удалось от него отстраниться, встать с дивана и подойти к зеркалу:

— Так и есть! — озабоченно сказала Соня, потирая ладонью шею. — Ты сделал мне синяк. А ещё учился в английской школе, джентльмен, но ведёшь себя вполне по-нашему: цапаешь без разбору. Я ведь не кукла, а живой человек.

Митя смутился, жарко покраснел и пролепетал:

— Извини, я потерял голову, извини.

— Ладно уж, продолжим чаепитие, — сказала Соня. — Я сама виновата во всём.

— В чем же ты виновата? — помедлив, спросил Митя. — Скорее это я виноват. Извини.

— Ладно, извиню, если только ты ответишь мне на один вопрос. Он может тебе не понравиться, я даже знаю на него ответ, но хочу убедиться, что не ошиблась. Можешь не отвечать, это тоже будет ответом.

— Мне нечего скрывать, — сказал Митя. — Спрашивай.

Соня присела рядом с ним на диван, коснулась его руки и тихо произнесла:

— Сдаётся мне, дружок, что ты не целованный, ведь так?

— Что значит — не целованный? — пролепетал Митя.

— Хорошо, уточню вопрос, — Соня поближе придвинулась к нему. — У тебя уже было с какой-нибудь женщиной похожее на то, что происходит между нами сейчас?

— Зачем это тебе нужно знать? — попытался заупрямиться Митя.

— Мне это нужно знать для того, чтобы понять, как мне вести себя с тобой, — спокойно сказала Соня. — Так у тебя с какой-нибудь уже было это?

Не сразу, но всё-таки Митя догадался, о чём его спрашивает Соня, и воскликнул:

— Конечно, нет! Такое со мной первый раз в жизни!

Соня обняла его и прошептала:

— Что же мне, дружок, делать? Ведь ты даже не догадываешься, какая я жутко плохая.

— Нет, Соня, для меня лучше тебя никого нет. Да-да... никого!

– 8 –

— Дальше не надо! — резко остановил я Митю. — Остальное доскажешь на склоне дней своему внуку. Где она сейчас?

— Кто она? — не понял вопроса ещё не вернувшийся на грешную землю влюблённый пробирочник.

— Ну, эта, как её, твоя ночная бабочка.

— Изволь, Игорь Алексеевич, быть аккуратнее в словах! — ощетинился Митя.

— Хорошо-хорошо, замнём мою глупость. Но где сейчас эта несравненная особа?

— Как где? В моей квартире, где же ей ещё быть? Я ведь к тебе приехал как к порядочному человеку за помощью, она мне сегодня очень нужна.

— Вот это разговор. Помогать сыну босса — моя прямая служебная обязанность. Какого рода нужна помощь?

— Пока не знаю. Расспрашивать её неудобно. А ты аккуратно выясни, в чём она нуждается. Вот, собственно, и всё.

— Сейчас все нуждаются в одном — в деньгах. Ты намерен предложить ей спонсорскую помощь?

— Я вижу, тебе меня не понять. Извини, что побеспокоил.

Митя направился к выходу, но выпускать его из квартиры было нельзя.

— Люба! — закричал я. — Дмитрий Андреевич обиделся и собирается уйти без твоего угощения.

Гость не успел сделать и шага, как натолкнулся на непреодолимую преграду.

— Без чая, кофе или чего-то другого я вас из квартиры не выпущу, — заявила Люба, одной рукой преграждая Мите путь в коридор, а другой — направляя его в сторону кухни, откуда доносился притягательный запах свежих с жару с пылу блинов, стряпать которые она была большая искусница.

Убедившись, что проголодавшийся за ночь Митя уплетает за обе щёки блины со сметаной, я опять поспешил на балкон, включил сотовый телефон и уже хотел нажать кнопку, чтобы связаться с Козыревым, как чертыхнулся и решил не торопиться со звонком, чтобы не нарваться на крупные неприятности.

«Зачем я спешу? Куда и зачем гоню лошадей? Отец с сыном пусть разбираются в своих личных делах сами. А я могу стать нежелательным свидетелем их сложных и

запутанных взаимоотношений, в которых сам чёрт ногу сломит, и в семейной разборке могу оказаться крайним, которому достанутся все тумаки и шишки».

— А ты что заскучал? — сказала Аля. — Ваш гость так налёг на блины, что и за уши не оттащишь.

— Пора ему начинать жить и есть по-русски.

— Он вполне русский, но — не совсем наш русский.

— Что же в нём не нашего? — заинтересовался я.

— Будто ты сам этого не видишь? — улыбнулась Аля. — Он воспитывался в семье эмигранта, потомственного русского дворянина, и не мог не заразиться от него представлениями о правде, чести и долге, которые бытовали в помещичьих усадьбах России в начале прошлого века. Андрей Ильич хочет выбить из него романтическую дурь, сделать своим наследником, но мне это кажется напрасной затеей.

— Почему напрасной? — пожал я плечами. — Митя оботрётся в наших жерновах, узнает наши порядки, он ведь неглуп, можно сказать, даже умён, чтобы постичь нашу механику, где всё продаётся и покупается. Если будет жить с разбором, а не кидаться на шею каждому встречному, то дело Андрея Ильича окажется в надёжных руках.

Договорить нам не дала Люба, она сунулась в балконную дверь и сообщила:

— Гость наелся блинов и требует тебя.

— Вот, Аля, уже требует к себе, — усмехнулся я. — То ли ещё будет? А ты вообразила его бог знает каким романтиком.

— Ты скажи ему, чтобы щёку вытер от губной помады, — сказала Люба. — Где его черти носили и тебя вместе с ним?

— Яблоко от яблони далеко не падает, и наш пробирочник похож ухватками на Андрея Ильича. Пожирание с женских губ помады и романтика в отношениях — смешно про это слышать. Ничего я ему не скажу.

Митя изрядно потрудился над блинами, даже вспотел, но, зачем явился ко мне, не забыл и нетерпеливо поглядывал, как я натощак опорожняю большую кружку кефира, который пил каждое утро по рекомендации великого русского микробиолога Мечникова.

— У меня к тебе просьба, — сказал он. — Будь с Соней повежливее. Она, бедняжка, и так натерпелась от жизни, не дай бог кому-нибудь еще.

— Я не собираюсь её репрессировать. Но тебя можно спросить, как мужик мужика?

— Спрашивай.

— Ты её трахнул? — и заметив, что Митя на меня с недоумением вытаращился, повторил вопрос. — Между вами была близость? — Митя покраснел и потупился. — Как я могу ей и тебе помочь, если не знаю, до чего вы дошли в своих отношениях?

— Откуда мне знать, что между нами было, — тихо произнёс он. — Но мне никогда не было так хорошо, как с ней.

— Ограничимся этим странным признанием, — я встал из-за стола. — Надо спешить, чтобы опередить Ершова: он уже пустил по твоему следу ищеек. Тебе они не повредят, а вот твоей пассии лучше их не видеть.

— Они так опасны? — спросил Митя, поспешая за мной вниз по домовой лестнице.

— Не все, но есть у Ершова парочка отморозков, и вот они горазды на всякую пакость не только по приказу, но и по собственной дури.

Я, конечно, сгустил краски, ничего подобного в службе безопасности «Народной Инициативы» не было и в помине, но Митю следовало встряхнуть и припугнуть, чтобы он стал более покладистым и оставил свои джентельменские повадки и не сел в ещё более топкую и грязную лужу, чем та, в коей барахтался сейчас.

Его внезапное, как насморк, увлечение первой встреченной им в потёмках девицей могло закончиться заурядным трипперком, но почему бы разгуливавшей по ночному пляжу девице не наградить восторженного пробирочника целым букетом венэаболеваний, которые в нашем городе давно приобрели характер эпидемии? Случись такое — и я мог бы поплатиться расположением босса, а начинать новую карьеру мне было не по силам. Я привык к лакейскому образу жизни. Это давало мне не только деньги, но и ощущение собственной значимости. В глазах многих людей я был, по меньшей мере, вторым или третьим лицом «Народной Инициативы», что тешило моё самолюбие самым невероятным образом, потому что в моей компетенции было решение самых щекотливых вопросов концерна и его могущественного хозяина. В производство и коммерцию я не лез, но «облика морале» «Народной Инициативы» были на моём попечении. Митя тоже целиком входил в зону моей ответственности, поэтому я и припугнул его людьми Ершова, чтобы он полностью мне доверился и делал то, что я ему прикажу.

Кажется, мой нехитрый приём подействовал на влюблённого строптивца, он притих, и пока мы ехали к его дому, только изредка бросал в мою сторону жалостливые взгляды.

— Погляди на трамвайную остановку, — сказал я, припарковавшись к обочине. — Видишь мужика в чёрной рубахе?

— Вижу? А что?

— А то, что это один из ищеек Ершова, — соврал я. — А теперь давай ключи от квартиры.

— Я тоже пойду.

— Мне нужно поговорить с ней о таких серьёзных вещах, что они могут тебя обидеть. Обещаю, что сделаю это чинно и аккуратно. Твоя Соня никуда от тебя не денется, но мне нужна реальная картина, чтобы помочь ей и тебе.

Митя нервно дёрнулся, но не нашёлся, что возразить. А я уже через минуту осторожно открыл дверь квартиры, прислушался и неторопливо прошёлся по коридору, пытаясь угадать, за какой из трёх дверей находится спальня. Услышав шумок, распахнул дверь, комната была пуста и выходила на улицу, по которой то и дело погромыхивали трамваи.

Дверь следующей комнаты были заперта, и я решил, прежде чем постучаться, обследовать последнюю комнату. Дверь в неё была приоткрыта, я распахнул её и, признаться, на какое-то время остолбенел от неожиданности. На широкой с высокими резными спинками кровати лежала обнажённая молодая женщина, освещённая полосой солнечного света, падавшего из прорехи между гардинами. Я сделал несколько шагов к ней и остановился, чувствуя себя, как голодный волк возле отравленного куска мяса. Слепое и жгучее желание затмило мой мозг. Я взмыкнул, как годовалый бычок, и этот возглас разбудил Соню. Она отвернулась, а я на ослабевших ногах вышел из комнаты и прислонился лбом к холодной стене.

Кирпично-известковый компресс помог мне обрести некоторую ясность в мыслях, и ворвавшегося в квартиру Митю я встретил как избавителя от греховных соблазнов, которыми меня охмурила его случайная подружка.

— Где она?

Я указал на полуотворенную дверь и прошептал:

— Она одевается. Какого чёрта ты сюда заявился?

— Мне показалось, что она от меня убежала, — виновато произнёс Митя. — Ты с ней поговори, а я побуду в соседней комнате.

Он открыл запертую комнату и скрылся в ней. Краем глаза я углядел, что она заполнена ящиками с мебелью и большими картонными коробками с электроприборами. Подойдя к спальне, я тихо постучал в дверь.

— Можно войти, — раздался мелодичный голос.

Соня успела облачить свои прелести в потёртые джинсы и трикотажную майку и стояла возле распахнутого окна, покуривая сигарету. Я окинул её нарочито наглым взглядом, усмехнулся и, растягивая слова, произнёс:

— Так вот вы какая...

— Какая есть, вся мамина и папина, — ничуть не смутилась Соня. — А где тот милый молодой человек, что приютил меня этой ночью?

— Кого вы имеете в виду?

— Как кого? Митю.

— Он рядом.

— А вы кто для него? Брат?

— Нет, — после некоторого молчания сказал я, решив, что с этой девицей не следует церемониться. — Можно сказать, что в настоящий момент я — его оберегатель.

— Что же вы не уберегли его от меня, — рассмеялась Соня. — Я как выскочила из кустов, как насела на него! Но тут мне помешали менты, не дали расправиться с Митей и повезли нас в райотдел.

— А что вы делали в этих кустах? Как туда попали?

Соня выкинула окурок в окно и в упор глянула мне в глаза.

— Хорошо, я скажу! Но я скажу это при Мите, чтобы он знал обо мне всё.

Мне это предложение не понравилось.

— Может, решим всё тет-а-тет? Если у вас есть к нему финансовые претензии, то я готов их удовлетворить, не сходя с места. Разумеется, без всяких накруток, но по высшему разряду, с представлением с вашей стороны, — я замешкался, подбирая слова, — скажем так, гарантий, что мой подопечный не повредил своему здоровью.

Соня с явным презрением смерила меня взглядом и нервно хохотнула.

— Я похожа на проститутку? Вы меня считаете падшей женщиной?

— Пока я не знаю о вас ровно ничего. Я предположил полюбовную сделку, но вы, вижу, не собираетесь выпускать моего подопечного из своих коготков. Может, так будет и лучше. Пусть он узнает, кто вы есть, от вас.

— Не придуривайтесь моралистом. Я же видела, как у вас зажглись глаза, когда увидели меня нагишом. Хорош оберегатель, нечего сказать!

Я почувствовал себя неуютно, эта особа была права, и согласился на компромисс.

— Хорошо, будь по-вашему! — и, выглянув в коридор, позвал Митю, который не замедлил откликнуться и явился перед своей зазнобой донельзя смущённым и робким.

— Этот человек представился твоим оберегателем, — сказала Соня. — И его до крайности интересует, каким ветром меня занесло в кусты на пляже, где мы с тобой познакомились.

— Меня это совсем не интересует, — хрипловатым голосом произнёс Митя. — Зачем тебе, Игорь, понадобилось это знать?

— Он задал правильный и точный вопрос, — вместо меня ответила Соня. — Порядочные женщины в полночь по пляжу не разгуливают, это не время и не место для прогулок. Предположительно, опять же по мнению твоего надсмотрщика, что я выглядывала в кустах клиента и ты стал моей добычей.

Митя побледнел и, резко повернувшись ко мне, произнёс:

— Этого я не прощу. Изволь извиниться перед Соней. Немедленно!

— За что извиняться, глупенький, — нежно проворковала Соня. — Ведь он прав. Я — проститутка. Я переступила через себя!

— Не может этого быть! — вскричал Митя. — Не верю! Соня, Сонечка...

Протянув руки, он сделал несколько шагов и, заключив Соню в объятия, разрыдался. Она тоже расплакалась, что не мешало им целоваться и бормотать жалкие и любящие слова.

Вид плачущих людей всегда ввергает меня в состояние почти паническое. Я начинаю ощущать приступы необъяснимого стыда, растерянности, желание немедленно убежать куда-нибудь подальше, чтобы не видеть слёз и не слышать плача. И на этот раз я вышел из комнаты на кухню, где намочил в воде из-под крана носовой платок, вытер им разгорячённое и вспотевшее лицо, закурил и, осторожно ступая, подошёл к двери комнаты, где находилась моя сладкая парочка. Чувства чувствами, но мою работу за меня никто не сделает, а босс «Народной Инициативы» не олух, чтобы его можно было водить за нос.

Через неплотно прикрытую дверь было видно, что Митя и Соня проплакались и сидят на кровати и разговаривают, даже спорят.

— Я ничего не хочу про тебя знать, — упрямо твердил Митя. — То, что было у тебя до нашей встречи, для меня не существует.

— Это сейчас ты так говоришь, — возразила Соня. — Я сама за то, чтобы наши отношения начались с чистого листа, но из песни слов не выкинешь. И у меня песня не слишком весёлая.

— Нет, ты нарочно пытаешься убедить меня в том, что ты плохая, чтобы от меня отделаться, а это нечестно — наговаривать на себя всякие гадости. Ведь ты совсем не та, за кого тебя принял Игорь? Скажи, ведь он ошибся?

Соня погладила Митю по голове и почти по-матерински чмокнула в лоб.

— Хорошо, — сказала она. — Выслушай меня и постарайся понять. Твой Игорь прав в том, что я шлюха.

— Но он ведь это не говорил? Или говорил? — заёрзал Митя на кровати.

— Успокойся, не говорил, но догадался, — Соня встала и подошла к окну. — Ты когда-нибудь голодал?

— Что ты имеешь в виду? — встрепенулся Митя. — Конечно, нет.

— Наверно, я слишком сильно выразилась, — сказала Соня. — На хлеб и чай я зарабатываю, но и мне порой хочется чего-нибудь вкусненького, а моему Алёшке, который сейчас в деревне, тем более. Но как мне его вырастить, если я получаю десять тысяч рублей, половину отдаю за квартиру, а на остаток едва-едва выживаю! И это продолжается не месяц, не год, а с того проклятого дня, как я сдуру вышла замуж за алкоголика.

— Я тебе, Соня, сочувствую, — пролепетал Митя. — Я не знал, что в демократической России есть такая бедность.

— Это не бедность, а нищета. В России при коммунистах жили бедно, но не было нищеты, а она уничтожает человека как личность. Вот и я себя вчера уничтожила.

— Говори проще, я тебя не пойму, — сказал Митя. — Что вчера произошло?

— Есть у меня одна знакомая, давно уже приглашала заняться прибыльным делом. Я её не гнала от себя прочь, слушала. Вот и дослушалась. Вчера пошла с ней в гостиницу к бизнесменам из Саратова. Одного подруга знала, а другой, как увидел меня, так и ошалел, а я посмотрела на него и собралась уходить. Он меня взялся удерживать. Оказывается, подруга деньги с него получила. Пришлось прыгнуть из окна — и вниз, к волжскому пляжу. А теперь скажи: разве я не шлюха?

Исповедь Сони показалась мне забавной выдумкой, но Митя воспринял её всерьёз и стал уверять, что ничего страшного не случилось и нужно забыть это происшествие как дурной сон.

— Как же мне такое забыть? Это правда, что я не легла под этого урода за деньги, но будь на его месте другой, кто знает, скорее всего, отдалась бы за деньги, ведь я знала, куда иду и зачем. Ты советуешь мне всё забыть? Конечно, время всё лечит, но только не душу, а я её вчера наполовину убила, — Соня всхлипнула, но сумела подавить слёзы и сухо произнесла: — Теперь ты знаешь обо мне всё.

— Боже, какой я дурак! — воскликнул Митя. — Какой бесчувственный чурбан!

— Тебе ещё не поздно поумнеть, — с обидой в голосе произнесла Соня.

— Я имею в виду только себя. Я сейчас понял и поразился своей бесчувственной гордыне. Знаешь, что для меня было самым главным?.. Молчи, ты этого не знаешь. Самым главным для меня были мои обиды. Помню, как один сверстник обозвал меня свиньёй. Великое ли дело? Но меня эта «свинья» уязвила до печёнок, и до сих пор, хотя прошло уже лет пятнадцать, совершенно неожиданно для меня это слово всплывает из глубин моей памяти омерзительным утопленником и, разбередив душу, пропадает в потёмках сознания. И я это воспринимал как страдания, но что они значат по сравнению с тем, что приходится терпеть каждый день тебе? Да ровным счётом ничего! Нет, Соня, это не случай, а бог уберёг тебя вчера. Он же дал мне возможность встретиться с тобой. Твоё страдание я не смогу взять на себя, но облегчить его мне вполне по силам.

В комнате стало тихо. Затем послышался смех. «Они там что — принялись щекотать друг дружку?» — подумал я. Но смех скоро прекратился.

— А ты, Митя, уже мне помог, тем, что посочувствовал мне. Ты добрый, милый и такой же одинокий, как и я.

— Вот и ты мне посочувствовала, — сказал Митя. — Я действительно одинок, но теперь от нас с тобой зависит, как мы будем жить дальше.

В комнате снова стало тихо. Соня явно не хотела ничего загадывать на будущее, и, воспользовавшись паузой, я кашлянул и постучал в дверь.

— Я не помешал? — Митя буркнул что-то невразумительное, но я на это не обратил внимания и бодро провозгласил: — День-то какой разыгрался! Погода так и шепчет, чтобы мы махнули на остров. Кто за?

— Какой ещё остров? — подозрительно взглянула на меня Соня. — Мне домой надо.

— Можно я тебя провожу? — дёрнулся к ней Митя.

— А почему нельзя? — нагло вмешался я. — Она ведь у тебя ночевала, так почему бы и тебе не побывать у неё в гостях. Машина стоит возле дома, водитель трезв и готов домчать клиентов в любое место города.

Моя выходка помогла Мите обрести смелость, и он подхватил мою идейку.

— А ведь действительно, Соня, Игорь отвезёт нас, куда ты скажешь, если это тебе не повредит.

Соня взяла свою сумку и закинула ремешок за плечо.

— После вчерашнего мне уже можно всё.

– 9 –

Спальный терем на острове был срублен из кедровых брёвен и в лучах восходящего солнца походил на огромную янтарную шкатулку с серебряной крышкой, слюдяными окнами, обрамлёнными розово-голубыми наличниками и широкой верандой вокруг второго этажа, с которой открывался просторный вид на Заволжье. Козырев любил старину и природу, но комаров истребил, чтобы они не мешали хозяину острова почивать с супругой при открытых настежь окнах на кровати, сделанной в Италии по эскизу известного дизайнера с непременным условием, чтобы в интерьере спального лежбища не использовалось золото, на которое были так падки все российские скоробогатеи. Андрей Ильич считал использование золота для украшения жилищ дурным тоном и, как-то обнаружив в особняке губернатора отделанное благородным металлом седалище в отхожем месте, назвал хозяина верным ленинцем, чему тот очень удивился и потребовал объяснений.

— Дорогой Ильич, — нравоучительно произнёс Козырев, — говорил, что при коммунизме уборные станут делать из золота. У тебя, Семён Семёнович, золотой стульчак, стало быть, ты живёшь при коммунизме, с чем я тебя торжественно поздравляю.

Губернатор от подобного заявления поначалу опешил, но, будучи человеком смешливым и ловким, счёл лучшим проглотить замечание олигарха и даже расхохотался.

— Какой я коммунист, Андрей Ильич! Я знаю только одну партию — «Единую Россию». Пора бы и тебе приобщиться к партийному строительству.

— Я и участвую — налогами, — недовольно буркнул Козырев. — А остров? Он, можно сказать, стал базой отдыха для правящей партии.

Андрей Ильич лукавил: остров обходился ему не так уж и накладно, во всяком

случае, много меньше, чем содержание местного футбольного клуба автозаводу, но прибедняться всегда было привычкой богатых людей, и Козырев не стал исключением из этого правила. Однако было бы правдой сказать, что остров в это лето отнимал у него почти всё свободное от занятий «Народной Инициативы» время, и затеянное строительство приёмных хором было для Андрея Ильича таким же важным делом, как производство молочной продукции, колбас, уборка зерновых и рост банковских счетов в офшорах.

Приёмные хоромы он заказал в Ярославле. Мастера поначалу срубили сруб у себя, получили одобрение заказчика, разобрали строение, сплавили его по Волге и сейчас завершали навершие крыши, где устанавливалась узорная башенка, из которой по команде хозяина должен выскакивать петух с возгласами — от поздравительных до матерных, которые Андрей Ильич самолично наговорил и накричал на звукозаписывающее устройство.

С веранды ему было хорошо видно, как плотники приколачивают балясины и прочие узорчатые, точёные и верченые прибамбасы к просторному под шатровой крышей крыльцу. На нём могло свободно поместиться всё Законодательное собрание региона во главе со своим председателем и провести заседание, чтобы вынести решение — объявить остров региональной офшорной зоной, чем-то вроде Кипра или Монако.

Эта игривая мысль частенько посещала Козырева, когда он спозаранку оглядывал свои владения, но сегодня голова у него была занята другим — предстоящими именинами, которые Андрей Ильич намерен был провести с невиданным доселе размахом, но ему пока не хватало стержневой идеи гульбища.

Андрей Ильич вернулся с веранды в спальную комнату, подсел на кровать к жене и пощекотал ей ушко неожиданным предложением.

— Хочешь на празднике быть боярыней Козыревой?

— Как это — боярыней?

— А так! Я буду Стенькой, а ты боярыней. Искупаешься ещё раз, а я тебя спасу. Или ты забыла, что у нас с тобой пятнадцатая годовщина свадьбы? Я хочу эту годовщину и именины Стеньки Разина отпраздновать в одном флаконе, как сейчас говорят умники.

— Я бы предпочла отпраздновать только с тобой, — сказала Аля.

— Мы и так с тобой здесь всегда одни. Можно и даже нужно раз в год расслабиться.

— У меня нет желания падать в воду, да и кого этим удивишь? Всё это было, когда я была молода...

— Что за ерунда! — воскликнул Андрей Ильич. — Это я так сказал для проверки своей памяти, она у меня пока не дырявая, но того и гляди прохудится. А ведь это тебя, Алюся, должно беспокоить больше всего. Разве не так?

— Ты меня утомил своими подозрениями, — надула губы Аля. — Дня не проходит, чтобы не услышать от тебя намёков, что я у тебя приживалка.

— Я тебя ни в чём не подозреваю, но должен же я подумать, как распорядиться тем, что имею, в том числе и тобой.

Аля притворно зевнула, потянулась и воскликнула, как теледива из рекламного ролика:

— Разве я недостойна твоей милости?

— Вот что я люблю в тебе, Алюся, так это то, что ты никогда не унываешь. Моим завещанием твоё будущее обеспечено. Я, конечно же, пошутил, предлагая тебе ещё раз побывать в роли княжны на празднике. Но ты права: это баловство уже не про меня. Пусть этим занимается молодежь. Кстати, Игорь тебе не говорил, кого он припас на этот раз? Надеюсь, это будет и красавица, и умница, и комсомолка?

— Он всё время в бегах, — пожала плечами Аля. — Но, кажется, тебя ни разу не подводил. Хотя сейчас он занят Митей.

Козырев цепко глянул на неё и потянулся к сигаретам, однако Аля успела их схватить первой.

— Не кури натощак!

Андрей Ильич натянуто улыбнулся, сглотнул накопившуюся во рту горькую слюну и взял протянутый супругой стакан апельсинового сока.

— Чем чёрт не шутит — может, в этом стакане ты подарила мне лишний день жизни, — весело произнёс он. — Во всяком случае, будем на это надеяться.

Освежив нутро, Козырев заторопился: неподалеку стрельнул выхлопом лодочный мотор, и это было сигналом, что его ждут на пристани ровно в то время, которое он вчера назначил шкиперу Алексею Ивановичу.

Для поездки Андрей Ильич обрядился в белые штаны из джинсовой ткани, бордовую рубаху с короткими рукавами и, чмокнув Алю в щёчку, спустился по лестнице, вышел на крыльцо и трусцой припустил в сторону пристани. Он не успел

преодолеть и двадцати метров, как рядом появился полковник Ершов и принялся на бегу излагать боссу оперативную обстановку.

— На Шипке всё спокойно, — подытожил бывалый гэбист свой доклад.

— Что, нигде даже дымком не попахивает? Может, мы уже по раскалённым угольками с тобой бежим, но об этом и не догадываемся.

— Вы лучше меня, Андрей Ильич, знаете, что люди вашего калибра — единственная опора всей вертикали власти, а народ сейчас супротив неё даже не шелохнётся. Так что на Шипке всё спокойно.

Километровая дистанция не утомила Козырева, он лишь чуть-чуть запыхался и вспотел.

— Ну, а как там мой наследник?

— На этом фланге есть новость, — помявшись, сказал Ершов. — Не знаю только, хорошая она или плохая.

— Валяй, какая есть.

— Есть сведения, проверенные на всё сто процентов, что Митя познакомился с некой девицей и даже её трахнул.

— Вот это новость! — поразился Андрей Ильич. — Не ожидал я от него такой прыти. Но ты меня обрадовал и за это — достоин награды.

Козырев сунул руку в карман, где всегда хранил несколько металлических жетончиков с выгравированной на каждом суммой наградных денег от одной тысячи рублей до десяти. Ершов выжидательно уставился на хозяйский карман, как пёс, ожидающий подачку, и ему повезло обогатиться на семь тысяч рублей.

— Ну и кто она такая, — замешкался, подбирая слова, Козырев, — эта нечаянная любовь?

— Педагогичка. Полное досье будет у меня сегодня.

— Это ни к чему, — нахмурился Андрей Ильич. — Конечно, невредно было бы узнать, есть ли у неё трипперок, но об этом ему надо было думать заранее. Ты помнишь свою первую? Или для вас в гэбэшном училище существовал особый порядок посвящения в мужики. Вам, наверно, для этого забесплатно доставляли валютных проституток, а потом вы сдавали зачёт по сексуальным штучкам-дрючкам?

— Ничего такого в помине не было, — покраснел Ершов. — В этом вопросе каждый умирал в одиночку. Но с развратом у нас было строго. Невест проверяли кадры и подходили к этому щепетильно.

— Будет врать! — осерчал Козырев. — Щепетильно? Откуда же среди вашего брата столько предателей? И не вороти рожу в сторону. Все вы — редиски. Правда, и повыше вас овощи были в предателях. Но ты, Ершов, никогда мне не ври! В порошок сотру!

— Я никогда не давал вам повода усомниться в моей преданности, — провякал Ершов.

— А сейчас дал. Словечко-то какое — щепетильно! Забудь его и больше не произноси.

Полковник испортил ему настроение одним неосторожным словом, которое разбередило в Андрее Ильиче никогда не покидавшую его подозрительность, что все вокруг только и ждут, когда он даст слабину, чтобы наброситься на него и затоптать насмерть, как вора-карманника, пойманного за руку в подгулявшей ярмарочной толпе. Такое Козыреву довелось видеть, когда ему было лет семь, на барахолке, куда он пришёл вместе с матерью покупать зимнюю шапку. Толпа в несколько тысяч человек клубилась между торговых рядов: кто продавал, кто покупал, кто приценивался, и ничто, казалось, не предвещало беды. И вдруг почти рядом с ними раздался истошный вопль: «Мужики! Что стоите? Бейте его — он бритвой весь карман исполосовал!» Кричала женщина, указывая на парня, который, пинаясь и царапаясь, вырывался из её рук. Люди эти вопли будто и не слышали. Женщина выпустила вора из рук, и тот, не удержавшись на ногах, упал на прилавок с посудой. На него набросились торгаши и все, кто был рядом. Меньше чем за минуту человека растоптали и размазали по жёсткой от утреннего морозца земле.

— Вы как сегодня поедете? — потревожил хозяина Ершов. — Вертолётом или на катере?

— А ты что, то и то заминировал? — скривился Козырев. — В таком случае поедем вместе — на катере.

Полковник к хозяйским штучкам привык и не обижался, тем более что его терпение хорошо оплачивалось. В гэбэшной конторе начальник издевался над ним за бесплатно, а Козырев платил, да ещё, как сегодня, и приплачивал.

Бывалый шкипер шапку перед хозяином не ломал, но был в меру почтителен и встретил Андрея Ильича на борту катера коротким рапортом.

— Судно к отплытию готово.

Козырев пожал твёрдую и шершавую, как неструганное дерево, ладонь старого речника и легко перепрыгнул на покачивавшийся на прибойной волне катер, который, взревев мотором, помчался из бухточки на открытую воду. Андрей Ильич любил скорость, как на суше, так и на воде, она его приводила в состояние, близкое к ощущению счастья и даже восторга. Но он знал, что это состояние обманчиво, и человек, радуясь скорости, никогда не находится так близко от своей смерти, как во время гонки неведомо куда и непонятно зачем. Козырев, как ни пытался, не мог обуздать своё влечение к скорости, поэтому после нескольких совершённых им дорожных аварий порвал водительское удостоверение и больше за руль не садился. Однако близкие к нему люди знали о его страстишке, и шкипер Алексей Иванович крикнул, перекрывая шум двигателя:

— Идём на абордаж! — и отпустил ручку газа, после чего катер приподнялся над водой на крыльях и пулей промчался мимо прогулочного теплохода времён наркома речного флота Ежова, переполошил рыбаков, подрёмывавших в лодках над длинными удочками, нырнул под мост через Волгу и вскоре причалил к стенке речного вокзала, где хозяина встретил шофёр-охранник и спец по землеустройству из мэрии.

— Ты ничего не забыл? — сказал Козырев, открывая дверцу джипа.

— Всё со мной. Я вчера там был и осмотрел участок, — доложил чиновник.

— Добро. Дуй за мной и не отставай.

Городские улицы были забиты автотранспортом, все спешили по своим делам, но в отделанном дорогой кожей салоне джипа работал кондиционер и было свежо от мановений воздушных потоков, пахнущих цветущей полынью. Этот запах был для Андрея Ильича напоминанием детства, из которого ему помнились и полынная горчинка в парном молоке, и щекочущая ноздри пыль в сенях и на крыльце, только что подметённом свежим полынным веником.

— Откуда такой запах в салоне? — сказал Козырев. — Или ты, Сева, здесь ни при чём?

— На станции техобслуживания постарались, — шофёр, принюхиваясь, пошевелил ноздрями. — Полынью попахивает.

Ближе к окраине поток машин поредел, по сторонам шоссе жилые дома сменили производственные корпуса, складские помещения, градирни и трубы теплоцентрали, теплицы пригородного сельхозпредприятия, сушильные камеры и печи обжига кирпича, за которыми джип свернул в сторону посёлка. Андрей Ильич оживился, протёр затуманенные дрёмой глаза и с интересом стал оглядываться по сторонам. Здесь всё было ему сызмала знакомо, и он почувствовал зябкое волнение от скорой встречи с родительским домом, где не бывал уже более десяти лет, и никогда бы не вспомнил о нём, если бы не звонок мэра, сообщившего о скорой распродаже участков земли под коттеджное строительство на покинутой жильцами части посёлка.

«Тебе, Андрей, — напомнил мэр, — следует позаботиться об участи своего родового гнезда, пока оно не попало в руки какого-нибудь проходимца». Новость застала Андрея Ильича врасплох, он и думать забыл, что где-то на окраине города стоит принадлежащая ему насыпная изба-развалюха. Занятый делами «Народной Инициативы», он давно для себя постановил никогда не вспоминать о своей жизни далее того дня, когда заимел свой первый миллион долларов.

— Мне скоро стукнет двадцать лет, — иногда говорил Андрей Ильич, и все воспринимали это как удачную шутку богатея, но для него эти слова значили очень многое.

Козырев действительно считал, что до путча 1991 года он жил притворством, а вот после — явил свои способности, свою натуру во всей своей хищной наготе, которой не было никакого дела до наивных иллюзий и прекраснодушия рабочего паренька с городской окраины. Последние двадцать лет подняли его на такую высоту, что прошлое измельчилось до микроскопических размеров, но, как, оказалось, было живёхонько, и звонок мэра стал тем толчком, что заставил Андрея Ильича споткнуться, задуматься и приостановить своё движение к миллиарду баксов на целые сутки.

Уютно покачиваясь на покойных подушках сиденья джипа, он совершенно некстати вспоминал из прошлого то, что не красило биографию успешного человека эпохи Путина. Козырев с содроганием и неприязнью к себе понял, что ничегошеньки не забыл из прекраснодушного бреда о коммунистических идеалах, которым его напичкала советская пропаганда, и он сам занимался этим сначала на комсомольской, затем и на партийной работе. В голове опять вспыхнули вроде навсегда забытые лозунги: «Экономика должна быть экономной», «Партия — наш рулевой», «Народ и партия едины», «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме», «Больше демократии, больше социализма» и тому подобные речевые фигуры, которые уже не находили никакого отклика в сознании, но замусорили его навсегда. Андрей Ильич открыл автохолодильник и прибегнул к джину с тоником, чтобы провентилировать мозги и обрести здравомыслие.

Зарубежное зелье помогло, и голова очистилась настолько, что Козырев припомнил недавний разговор с Ершовым о Мите и позавидовал сыну. Ему уже таким не бывать, ему уже ни за что не схлестнуться походя с какой-нибудь встречной красоткой в кустах, чтобы тискать и мять её до умопомрачения. Андрей Ильич, облегченно вздохнув, погрузился в дрему, слыша успокаивающий то ровный, то трепетный, приснившийся ему лиственной шум берёзы перед палисадником родительского дома.

Берёзка была посажена вскоре после того, как Андрюшка появился на свет, и, к удивлению соседей и прохожих, не погибла, а прижилась на глинистой почве благодаря матери, не забывавшей поливать худосочный саженец. Историю деревца Андрюшка узнал в день, когда ему исполнилось шестнадцать лет, и она его тронула почти до слёз. Он тут же выбежал из дома к ровеснице, которую с этой поры стал считать за свою названную сестру. И, проходя мимо, всегда останавливался возле неё, прислушивался к шуму листьев, бережно трогал молодые ветви, гладил атласную кору ровного, точно свечка, белого с чёрными крапинами ствола.

«Я ведь совсем про неё забыл, — упрекнул себя Козырев, когда въехал на пыльную улицу, где стояла его изба, приговорённая, как и все другие, к сносу, чтобы освободить землю для строительства коттеджей. — Конечно, берёза живёт дольше человека, но и она, как и я, далеко не молода. Её могли загубить из-за древесины, она у корня, наверно, в мой обхват, и дров из неё выйдет — вся поленница».

Из-за разросшихся садов и палисадников свою избу Козырев увидел, только подъехав к ней вплотную. Берёза была жива, но только наполовину. Одна её половина покачивала ветками и пошумливала зелёной листвой; другая — обращённая к давно покинутой избе — была высохшей и топорщилась мёртвыми ветками. На верхушке дерева сидела ворона, которая угрожающе проверещала что-то своё, воронье, когда Андрей Ильич захлопнул дверцу джипа.

Ограда, ворота и весь двор заросли почти непроходимым бурьяном, и Козырев едва пробился через него к крыльцу. Чуть помедлил, распахнул незапертую дверь и, осторожно ступая по сгнившим половицам, вошёл в сени, прокрался к входной двери в избу и заглянул в её темное, пахнущее грибной сыростью нутро. Шофёр подал ему фонарь, и плотный луч света высветил печку со стоявшим на плите ржавым чугуном, сломанную железную кровать и проросшие через сгнивший пол блёклые стебли малинника.

— Надо уходить, — сказал шофёр. — Крыша еле держится, нас может накрыть.

— А что это там? — Козырев повёл фонарём в правый угол. — Точно — икона. Надо её, Сева, забрать.

— Посторонитесь, Андрей Ильич, пройду.

— Я сам, — помолчав, твёрдо сказал Козырев и осторожно шагнул в комнату. Половица заскрипела, но не подломилась, и, настороженно глядя себе под ноги, он почти дошёл до угла, как доска под ним стала проваливаться, но ему удалось избежать падения и встать на выступ шлакоблочного фундамента. Взяв икону, Андрей Ильич достал из кармана платок и стёр с образа паутину и пыль.

Повезло Козыреву и на этот раз: в насквозь прогнившей и развороченной избе он не пробил себе ступню ржавым гвоздём, не сломал ногу или руку, даже не оцарапался, а перепачканный паутиной, пылью и гнилой древесной трухой продрался сквозь заросли бурьяна на улицу.

— Заверни во что-нибудь мягкое и сохрани, — он протянул икону шофёру и поманил землеустроителя. — По сколько соток участки накроили?

— По десять. Но вас это не касается, — чиновник почтительно кашлянул. — Сколько записать за вами?

— Запиши за мной вот эту берёзу и к ней двадцать соток.

— Для вас это маловато, — заметил чиновник.

— Я строить ничего не буду. Засажу весь участок берёзами.

Землеустроитель подошёл к своей машине, открыл портфель и, достав блокнот, что-то в нём записал. Он оказал Козыреву услугу и ждал ответного жеста, но не дождался. Козырев о нём уже забыл и расспрашивал прохожего пожилого мужика в соломенной шляпе.

— Этот край посёлка совсем обезлюдел, а Кулацкий-то жив?

— Что ему поделается? — мужик придирчиво оглядел приезжего. — А ты землю здесь хочешь купить?

— Уже купил. Ты в Кулацком всех знаешь?

— Ну не всех, но многих. А у тебя к кому дело?

— Знакомый там жил, даже приятель, — сказал Козырев. — Антон Селюн. Правда, давно это было. Не знаю, что с ним.

— А что ему сделается? Жив и живёт себе кум королю и сват министру.

— Надо же! — покачал головой Андрей Ильич. — Даже как сват министру?

— У нас там все так живут, кто живой, — усмехнулся мужик. — А вот про тех, кто помер, ничего не ведаю. Может, и лучше нашего живут, а может, хуже. Во всяком случае, спроси у своего знакомого. Он сейчас с богом общается, и ему про всё загробное ведомо лучше нашего.

Он взялся за ручки тележки, на которой лежали ржавые трубы, краны, соединительные муфты, куски арматуры, и покатил её по дороге, а Козырев подошёл к своей берёзе, и та, будто привечая его, шумнула листвой на живой стороне.

— Как думаешь, Сева, выживет она или завянет к осени?

Шофёр отломил сухую ветку, осмотрел излом, поковырял ногтём.

— Она не в этом году посохла, а в прошлом. Но если в эту весну ожила, оживёт и на следующий год. Живут ведь парализованные на одну сторону люди, а дерево живучей человека, особенно берёза.

— Завтра привезёшь сюда рабочих, пусть приберутся: избу уберут и все двадцать соток зачистят под посадку берёз осенью. А берёзе нужен специалист-лесовод. Скажи Ершову, чтобы отыскал в сельхозакадемии самого лучшего. Ясно?

— Так точно.

Андрей Ильич ещё раз окинул берёзу сверху донизу запоминающим взглядом, погладил атласную кору и, сорвав листок, направился к джипу. Сева мобильником сделал несколько снимков дерева и поспешил за хозяином.

— К чему эта фотосессия? — поинтересовался Козырев.

— Покажу знающим людям, — сказал Сева. — И лесоводу пригодится.

Козыреву всегда по душе были люди сметливые и догадливые. Сева к тому же был честен и не болтлив, и в трудном деле на него всегда можно было положиться. За эти качества он был приближен к телу президента «Народной Инициативы» и был самым дорогим шофёром-охранником во всей области.

Встреча с прошлым взволновала Андрея Ильича и живо напомнила о восторженно-простодушном юнце, каким он был в шестнадцать лет, когда получил паспорт, подчистил его, прибавив себе два года, потому что на работу брали с восемнадцати лет, и явился, замирая от страха, в отдел кадров кирпичного завода. На его счастье, старый лагерный опер, а тогда начальник отдела кадров, сделав вид, что не заметил подчистку, подмахнул заявление и возвёл Андрюшку в откатчики кирпича. Вне себя от счастья он прибежал домой, известил мать, и та не могла сдержать радостных слёз, что сын сам, без понуканий, пошёл работать и теперь им станет легче жить и, бог даст, они выбьются из нищеты и заживут по-людски, то есть заимеют телевизор, велосипед и швейную машинку.

С первой получки Андрюшка купил себе велосипед и сначала гонял на нём по посёлку, распугивая кур и дразня собак, но скоро у него появилось другое увлечение — книги. Но и природа своё требовала, и как-то возле берёзы он впервые поцеловал женщину.

«А ведь я уже прожил жизнь, — вдруг понял Козырев. — И нечего врать самому себе, что ты ещё — ого-го!» Андрей Ильич вздохнул и стал поглядывать по сторонам, чтобы не проехать мимо дома старого приятеля, который ни разу не дал ему знать о себе, хотя имя президента «Народной Инициативы» было широко известно каждому потребителю, поскольку значилось на каждом пакете молока, кефира, сметаны и другой молочной продукции.

«Наверно, живёт себе куркулём, — усмехнулся Козырев. — Разводит свиней, индюков, павлинов, держит корову, гектар огорода, ему в магазин нет нужды ходить, у него — всё свое. А денежки в кубышку складывает, но не рубли, а доллары и евро. А ведь я не виделся с ним почти полвека, с тех пор как в отпуск из армии приезжал».

– 10 –

Правду люди говорят, что у бога всего много. Взять, к примеру, снежинки: сколько их с неба падает, тьма-тьмущая, а ведь все друг от дружки отличаются своими узорами. Что в таком разе говорить про человеческую породу: и обличием люди разные, и норовом, особенно русский народ. Согласен, что наш человек не знает свободы, как англичанин, и никогда не знал, но право на личную дурь у него никто не отнимал и даже не покушался на это, ни Орда, ни французы и немцы, ни дорогой товарищ Сталин, ни прочие генсеки, а ныне президенты. Конечно, власть пыталась всякий раз подстричь людишек под одну гребёнку, да все без толку. Русскому человеку, как об стенку горох, что социализм, что буржуинство, у каждого наперёд всего стоит свой норов, своё понятие о жизни, иногда вполне глупое, даже дурацкое, но своё.

Вот и Андрюшка Козырев таким уродился, имел, как и всякий русак, свою особинку. С младых ночей в нём обнаружилась бездна простодушия, помноженная на упрямое

сопротивление начальственному духу, в чём бы тот ни проявлялся. Правда, некому было загнуть вовремя Андрюшке салазки: отец куда-то сбежал, а мать по слабости характера не смогла внушить сыну, что родное начальство надо почитать, как своего ангела-хранителя. Без этого на Руси нельзя ступить и шагу, хоть родись ты с золотой ложкой во рту, обязательно найдётся какой-нибудь чиновный прыщ, который уязвит строптивца до самых печёнок, покажет ему кузькину мать и небо с овчинку.

По младости лет, до поры до времени, Андрюшка не ведал про свою особинку, случая не было, чтобы она выказалась, да и не перед кем было выпендриваться. Жили они с матерью в насыпной избёнке на краю поселка, яслей и детсада поблизости не было, и до первого класса Андрюшка обретался возле дома в огороде промеж грядок или на задах, в лопухах и конопле, где с соседскими мальцами играл в обычные для того времени детские игры.

Тогда люди жили просто и бедно, время послевоенное, страна едва отдышалась от войны, разных там телевизоров и других электронных причиндалов, искривляющих развитие детского ума, не было, всякий человек появлялся на свет с чистой, как вытертая классная доска, душой, на которую жизнь записывала свои корявые письмена. И Андрюшке было записано: строить светлое будущее всего человечества — коммунизм, не помышляя ни о чём ином, поскольку всё иное — родимые пятна капитализма, а их нужно выводить, не гнаться за деньгами и личными шмутками-манатками. В светлом будущем будет всё общее и всего будет вдоволь.

Другой бы усомнился, но Андрюшка, простая душа, во всё это светлое будущее уверовал, что там обязательно будет править справедливость, все станут жить по правде и совести, и до того времени рукой подать, вот он, Андрюшка, повзрослеет, и всё сбудется.

А пока пришлось ему после девятого класса бросить школу и идти на завод. Видел, как тяжело матери приходится кормить-одевать его, орясину, получил паспорт и сразу в отдел кадров. Там ему работу нашли быстро, в формовочный цех, кирпичи сырые от пресса на электролафеты закатывать.

На «кирпичиках», так между собой люди кирпичный завод прозвали, в основном работал молодняк, что из деревень сбежал. Деревенским паспорта стали давать, а в городе не прописывают, вот они и пёрли на «кирпичики», здесь и общежитие, и зарплата была, а не трудодни, как в колхозе.

Отработал Андрюшка на формовке год, окончил вечернюю школу. И ничего лучшего не придумал, как поступить в техническое училище учиться на слесаря-ремонтника. Только поступил, как послали его на уборку урожая, тогда это было обычным делом.

Поставили Андрюшку на копнитель, показали педаль, на которую следует нажимать, когда агрегат соломой наполнится, и строго указали, чтобы он ставил копны на одной линии одну за другой, тогда волокушей способнее их в скирду собирать. Проинструктировал Андрюшку бригадир и махнул рукой трактористу. Трактор выстрелил очередью дымка из выхлопа, задребезжал, завыл, наконец, тронулся с места и поволок за собой комбайн «Сталинец», огромную громыхающую махину, минизавод на колесах по производству зерна. В копнитель полетела солома, а ещё больше земляной пыли с половой. Пока соломы было немного, Андрюшка расталкивал её по сторонам вилами, но она так пёрла из комбайна, что с ней не было сладу. Он нажал на педаль, но копнитель не опрокинулся. Андрюшка ещё раз нажал на педаль, опять бесполезно. Он замахал руками и заорал. По комбайну к нему прополз мальчишка, штурвальный.

— Прыгай в копнитель! — крикнул он. — Иначе не опростаешь!

Андрюшка, не раздумывая, бросился ногами вперед в копнитель, дверцы разомкнулись, и солома вместе с ним вывалилась на землю. Он лежал под копной, понемногу приходя в себя от испуга, в ноздри набилась сухая пыль, Андрюшка чихнул и стал выбираться наружу.

— Ты что, стервец, натворил! — раздался над ним грозный, с булькающей хрипотцой, голос.

Андрюшка встал на четвереньки, открыл глаза и увидел прямо перед собой хромовые начищенные сапоги. Поднял голову выше — перед ним в галифе и кителе «сталинке» стоял разъярённый начальник. Вокруг были ещё люди, и среди них председатель колхоза.

— Ты как копны ставишь, вредитель! Это — твой?

— Городской, — хрипло вякнул председатель.

И тут на Андрюшку накатил стих, он этак гордо распрямился и брякнул правду-матку:

— Что вы на меня орёте, товарищ? Я такой же советский человек, как и вы. И не кричите на меня!

Человек в кителе от удивления и неожиданности даже почернел, а затем затопал ногами и прохрипел Змеем Горынычем:

— Судить мерзавца!

Андрюшка пожал плечами, повернулся и пошёл прочь. В деревне возле дома, где он ночевал, его ждал предколхоза.

— Рви, парень, когти отсюда! Скоро следователь явится. Беги задами на большак и лови попутку.

— Кто это был?

— Первый секретарь райкома партии. Беги! Меня ты не видел.

Андрюшка не заставил себя упрашивать, подхватил свой чемоданчик и поспешил на большую дорогу. К вечеру он был дома.

— Ты что-то скоро, сынок? — сказала мать.

— Не хочу учиться, — ответил, пряча глаза, Андрюшка. — Пойду на стройку.

Зачислили Козырева плотником самого низшего разряда, дали в руки топор, и стал он приколачивать доски и горбыли к опалубкам, в которые затем заливали бетонный раствор для фундаментов. Работа была легче, чем на формовке, в одну смену, два выходных в неделю, и начал Андрюшка книжки почитывать, но не как все нормальные люди про любовь или войну, а политические, за сочинения самого Владимира Ильича Ленина взялся. Но читал не всё подряд, а про коммунизм выискивал, что сказал вождь про это самое неизбежное счастье всех людей. Однако мало что отыскал, Ленин о коммунизме написал всё мельком да впопыхах, видно, торопился сначала революцию сделать, а потом уж поразмыслить, как народ осчастливить.

В заводской библиотеке он разговорился с соседом по посёлку Антоном, тот вместе с Андрюшкой на формовке вкалывал и учился заочно на экономиста.

— Корень всего в экономике, — сказал Антон — А вся экономика в «Капитале» Карла Маркса. Знаешь такую книгу?

— Слышал, но не читал, — ответил Андрюшка.

— Вот возьми его и читай. Там всё есть.

Козырев взял первый том «Капитала», но через месяц пришёл к Антону.

— Ничего я не понял в «Капитале».

— И я не понял. Но это не беда. Сейчас в газетах про коммунизм каждый день пишут. Ты в курсе, что в Москве идёт съезд партии?

— Слыхал по радио. А что?

— Вот тебе газета, — сказал Антон. — Здесь написано, что коммунизм у нас будет через двадцать лет.

— Да ну, вот здорово! — обрадовался Андрюшка. — Значит, мы с тобой ещё при коммунизме успеем пожить!

Доклад Хрущева был в тыщу крат понятнее «Капитала», и Козырев прочёл его залпом. Потом перечитал ещё два раза, благо, что выходные были, и в понедельник захватил его на работу.

Плотницкая работа на опалубках — дело не слишком хитрое, стучи топором, швыркай пилой, гвоздями большими работали, в губы не зажмёшь, подхватывали их из ящика, поэтому плотники с утра и до вечера о чём-нибудь да говорили, в основном про политику. После смерти Сталина разговорчивое время настало, всякий человек вдруг заимел своё мнение, хотя черпал его из газет или телевизора. Андрюшка тоже встревал в разговоры и нёс всякую околесицу про светлое будущее. Мужики с ним работали битые, учёные — кто фронтом, кто лагерной зоной. Они не подсмеивались над парнем, когда тот им доказывал, какая удивительная гармония и благоденствие воцарятся среди людей при коммунизме, однако допытывались, где всё это Андрюшка вычитал. А тому и ответить было нечего. Так что газета с докладом попала к нему в руки как раз вовремя.

— Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! — объявил Козырев, разворачивая газету.

— Что, так прямо и написано? — спросил кто-то.

— Вот и написано, — сказал Андрюшка и показал отчеркнутые карандашом строчки. — В жизнь воплотится лозунг: «От каждого — по способности, каждому — по потребности».

Мужики не спорили, раз в газете написано, значит, это правда. Только бывший власовец буркнул:

— По нашим потребностям давно уже коммунизм, надо считать, на дворе.

Остальные не сомневались:

— Раз начальству надо, чтобы коммунизм был, так пусть и будет. Мы — за.

— Вот ещё в «Моральном кодексе строителя коммунизма» сказано: «человек человеку — друг, товарищ и брат».

Тут прораб появился, мужики за топоры схватились, за пилы, а Андрюшка стоял с развёрнутой газетой в руках.

— Политинформацию проводишь? — буркнул прораб.

— Да нет, — засмеялся Андрюшка. — Про коммунизм тут написано.

— Правильно делаешь, что газеты читаешь, глядишь, дураком не помрёшь, — сказал прораб. — А сейчас, мужики, собирайтесь, берите инструмент и садитесь в автобус. И ты, Козырев, не отставай, может, сегодня и увидишь, как люди при коммунизме жить будут.

Сели всей бригадой в автобус и поехали. Долго ехали, город проехали, поле, лес впереди замаячил. Возле него и остановились, вышел Андрюшка из автобуса, глядит, а вдоль края леса дома новые из сосновых срубов стоят, где в два, а где в целых три этажа. К одному из таких домов, похожему на сказочный терем, и подвёл прораб плотников.

— Нужно, мужики, забор вокруг поставить, — сказал прораб. — Учтите, работа ответственная.

— Что это, шабашка? — спросил Андрюшка. — Платить за работу кто будет, Пушкин?

— Молчи, парень, и посапывай в две дырочки. Не твоего ума дело.

Из терема хозяин колобком выкатился, рожа — щеки сзади видно.

— Вы мне забор сделайте, чтобы ни одной щёлки не было, плотно доски подгоняйте, как в бочке!

Проскочил мимо плотников, сел в легковушку и укатил, только пыль столбом за ним поднялась.

Через неделю вокруг дачи стоял забор из фугованных досок, плотники вернулись на опалубки. Подошёл день получки, и оказалось, что их надули, заплатили меньше, чем обычно. Бригадир пошёл разбираться в контору, вернулся и махнул рукой.

— Оказывается, нам ту неделю, что мы забор делали, закрыли по тарифу. А это меньше, чем сдельно.

Мужики недовольно зашумели, кто сплюнул, кто выматерился, а бывший власовец ткнул в Андрюшку пальцем:

— Ты собираешься двадцать лет коммунизм ждать, а тот хряк, кому забор ставили, давно при коммунизме живёт!

Возмутился Андрюшка и давай подбивать мужиков на сопротивление начальству:

— Рабочие должны бороться за свои права. Надо объявить забастовку, выдвинуть требования, написать в газету!

Мужики сочувственно слушали Андрюшку, бригада в этот день так и не приступила к работе, а утром к началу смены на стройплощадку примчался управляющий трестом. Он бурей налетел на Андрюшку, обложил матом, затопал ногами, только огнём из своего хайла не опалил.

— Растопчу! Размажу! Шкуру сдеру! — вопил управляющий — Вон из моего управления! С волчьим билетом!

Плотники разбежались кто куда, а Андрюшка, хотя и вспотел от страха, но не дрогнул.

— Это не ваше стройуправление, — сказал он. — Собственность на средства производства при социализме общенародная, и вы такой же работник, как и я.

Управляющий трестом умолк, пристально вглядываясь в стоящего перед ним парня.

— Умник, — осклабился он. — Точно — умник. Он часом у вас не больной?

Прораб пожал плечами.

— Я его предупреждал.

— Вот что, — решил начальник. — Гони его в шею, по статье! Остальных лишить прогрессивки! Я вам сделаю козью морду, забастовщики!

— Неудобный из тебя человек растёт, Козырев, — сказал, проводив начальника, старый прораб, битый во всех передрягах строитель, неоднократно побывавший под следствием и судом.

— Это почему? — заершился Андрюшка.

— Много болтаешь, а по сторонам не оглядываешься. Для такого, как ты, главный враг — собственный язык. И начальство их не любит, и жены бросают.

— Я правду говорю. Должна быть одна справедливость для всех.

— Помалкивай в тряпочку, оно лучше будет. А теперь ступай к кадровику, может, без статьи тебя уволит.

Кадровик, отставной лагерный опер, был уже в курсе дела.

— Распустили вас, сволочей, — проворчал он. — Нет на вас, уродов, Лаврентия Павловича! Десять лет назад за твои делишки тебе бы срок впаяли, а сейчас закон другой. У тебя приписное свидетельство, скоро призовут, поэтому уволить не имеем права.

Андрюшке объявили строгий выговор и оставили в бригаде. Но мужики начали его сторониться, чуть он заговорит, все от него врассыпную. Козырев душу отводил в разговорах с Антоном. Тот его слушал и книжки давал почитать, всякую философию и политэкономию. От них у Андрюшки большая каша в мозгах заваривалась. Но тут догнала его повестка из военкомата.

– 11 –

— Нам сюда! — указал Андрей Ильич на дом, возле которого сидела на лавочке пожилая женщина и покачивала детскую коляску.

— Вам, видно, отца Антония надо, — сказала она. — Дом — его, но здесь его сын с семьёй живут. А он сам при храме поселился, уже лет десять как с той поры минуло.

— Он что, поп? — удивился Козырев.

— Это его спросите, кто он, — отмахнулась женщина. — А для меня он — отец Антоний.

«Боже, сколько раз за жизнь человек может измениться до неузнаваемости. Чего другого, а обращения в священнослужители я от Антона не ожидал. Он ведь так прочно стоял на земле, но взял и вознёсся на воздуся. Ведь не наживаться же он пошёл в попы, прихожане в Кулацком или куркули, или нищета, с таких поживиться нечем. Стало быть, что-то с ним произошло, раз он из неверующих атеистов переметнулся в попы», — размышлял Козырев, подъезжая к небольшому рубленому храму, уютно расположившемуся на взгорке, чуть в стороне от посёлка, в котором почти каждое домовладение представляло собой свиноферму и тонуло в моче и навозе, стекавших в грязную речку и загаженный пруд.

Храм был одноглавым и с виду небольшим, но когда Андрей Ильич в него вошёл, то ощутил, что в нём было соразмерно и уютно устроено, как в большой русской избе: домотканый половик — от порога до иконостаса, маленькие половички перед особо чтимыми иконами, украшенными вышитыми полотенцами, тюлевые занавески на окнах.

— Лба не перекрестил, а прёшься в божий храм! Тут тебе не музей, чтобы пялиться по сторонам да полы затаптывать, — зашипела на него горбатая старушонка.

— Мне попа надо увидеть, — смущённо произнёс Андрей Ильич.

— Попа? Все попы на кладбище. А у нас, слава богу, священнослужитель, отец Антоний.

— Его-то мне и надо.

— Иди к избе, он там во дворе прибирается.

За высоким из плотно подогнанных досок забором слышалось одышливое покряхтывание и глухие удары. Козырев приоткрыл калитку, навстречу высунулся пёс, обнюхал гостя и, виляя хвостом, отступил в сторону.

— Заходи, заходи! — раздался голос хозяина. — Он тебя признал за своего.

— Я и на самом деле свой, — сказал Козырев, прикрывая за собой калитку. — Здравствуй, Антон! Не помешал?

— Я никому в беседе не отказываю, а с давним приятелем рад встретиться, — сказал хозяин и положил колун на толстый суковатый чурбак. — Вот запасаю на зиму тепло. Прошу в избу.

— У тебя и во дворе хорошо. Посидим на пенушках, поглядим друг на друга. Сколько не виделись, даже не припомню. Наверно, лет сорок?

— Около того, — ответил хозяин, присаживаясь на чурбак. — Да ты садись, в ногах правды нет. Нигде её нет, а ту, какую господь пожаловал человеческому роду, люди изгадили ложью, извратили попытками улучшить человеческую породу всякими лжеучениями. Бог един, и правда должна быть одна, и в ногах, и в голове, а главное — в душе, она, горемычная, единственная, кто мучается за все наши грехи.

Андрей Ильич опустился на чурбак и оценивающим взглядом смерил старого приятеля. Антон был старше его несколькими годами, но выглядел свежо, седая борода его не старила, а лицо молодили глаза, вспыхивающие яркой синью. Он был одет в тёмную рясу, а голову покрывала суконная шапочка.

— Когда же ты, Антон, уверовал и нашёл твою правду?

— А ты ничуть не изменился: норовишь уязвить одним словцом. У меня правды нет, она вся у бога, я говорю только это и ничто иное.

— И ты не изменился, — сказал Козырев. — Как во что уверуешь, так другого не видишь, не слышишь. От упрямства и ко мне не обратился за содействием. Храм можно было поставить и о пяти главах. Дай мне свои банковские реквизиты, и завтра я перечислю тебе, скажем, миллион рублей или больше. Проси, сколько надо, по старой дружбе.

— Деньги на храм, конечно, нужны, но от тебя не возьму, — тихо молвил священ-

ник. — Этот храм построен на честные деньги, то есть добытые настоящим трудом, а не спекуляцией.

— Какой же я спекулянт? — вскинулся Козырев. — У меня в собственности реальные производства. Я произвожу востребованную продукцию — от молока до кирпичей и автомобилей. Спекулянты в Москве, а здесь я — главный пахарь и главный налогоплательщик. Ты ведь экономист и должен это понимать не хуже меня.

— Был такой грех, мнил я себя знатоком экономии. Даже тебя, помнится, заразил этой дурью. Помнишь, как восторгались Прудоном: «Собственность — это кража!» В неизбежное пришествие коммунизма верили до умопомрачения. Назовём это грехами молодости. Но в наши годы пора смотреть на всё трезвыми глазами и говорить друг другу правду, обыкновенную житейскую правду.

— Ну-ка, ну-ка, — заёрзал на чурбаке Андрей Ильич. — Желательно бы узнать подробности о нашей сермяжной правде. А то я погряз в суете и ни о чём другом, кроме прибыли, не успеваю подумать.

Лежавший рядом с хозяином пёс вскочил на ноги и побежал к калитке встречать старуху, которая только что отругала Козырева в храме.

— Дарья! — крикнул хозяин. — Принеси газетку, что на моём столе лежит! — он глянул на гостя. — Моя Ольга Фёдоровна уже пять лет как умерла. А эта помогает по хозяйству.

— Моей Ленсты скоро двадцать лет как нет, — вздохнул Андрей Ильич.

Они помолчали, задумавшись о своём. Затем отец Антоний ободряюще произнёс:

— Наша опора в детях. Мои выросли не бездельниками, а про твоего скажу: умница и сердце у него доброе!

— Откуда ты про него знаешь? — воскликнул Козырев. — Он приехал совсем недавно. Нет, в нашем городе каким-то непостижимым образом всё становится известным. Это просто беда.

— И эта беда называется гласность, — хозяин взял из рук старухи газету и протянул гостю. — Вот тут на третьей странице про выступление твоего Дмитрия на каком-то собрании.

Андрей Ильич взял газету, нашёл статью, мельком глянул на заголовок и вернул хозяину.

— Толкуют о прогрессе, может, он и есть в технике, а человек нисколько не умнеет, тогда какой же прогресс? Ты ведь помнишь, как я умничал, пока в армию не призвали? Умничал, пока не понял, что плетью обуха не перешибешь. Вот и мой наследник стал умничать. Глаголет глупости о каком-то вранье, будто до него об этом не говорили.

Отец Антоний развернул газету и, глядя на гостя поверх страницы, строго молвил:

— Никакого умничания здесь нет. Твой Митя сказал самую нужную правду.

— И что это за правда? Что все врут? Скажите, на милость, какое открытие!

Отец Антоний сожалеюще глянул на Андрея Ильича и медленно произнёс:

— Митя напомнил нам, что не может быть справедливости там, где нет совести.

— И это всем давным-давно известно, да что толку! — запальчиво воскликнул Козырев.

— В этом ты ошибаешься, — возразил отец Антоний. — Четыре действия арифметики худо-бедно все знают, а в таких коренных понятиях, как совесть, стыд и душа, человек совершенно необразован и, соответственно, не способен принять основной закон жизни — справедливость. А без неё русскому человеку — смерть.

— Как бы не так, — ухмыльнулся Козырев. — Его тысячу лет давят, гнобят, унижают, но он этой справедливости никогда не видел, и ничего, до сих пор живой, и, судя по тому, как голосует на выборах, никакой справедливости ему не надо.

— Странно слышать, что ты считаешь так называемые демократические выборы торжеством справедливости и делаешь вывод, что народ голосует за жуликов и воров по своей охоте.

— А разве не так? Народ имеет право выбора, а как он им воспользуется — зависит от него самого.

— Что тут скажешь? — отец Антоний взял из рук старухи кружку с квасом и передал гостю. — Испей, все пьют и нахваливают. А я чуток погожу, остыть надо, а то разогрелся, махая колуном, — Андрей Ильич в меру испил квасу, поставил на соседний чурбак кружку и вопрошающе глянул на хозяина. — Тебе бы об этом лучше спросить у своего Мити, — сказал отец Антоний. — Народ отлынивает от выборов или голосует, не глядя в бюллетень, потому что сами выборы — узаконенное враньё. Все знают, что из десяти воров надо выбрать самого ловкого вора и проходимца. Но чёрного кобеля не отмыть добела, и неправда возбуждает в человеке злость и возмущение тем, что враньём пронизана вся, как сейчас принято говорить, вертикаль власти. До чего бы только государственного ни коснулся человек, то его сразу обжигает враньём до полного умопомрачения.

— Можно подумать, что в других странах этого нет, — хмыкнул Андрей Ильич. — И там всё на вранье замешано.

— В этом ты, кажется, неправ, — отец Антоний приложился к квасу и опорожнил кружку досуха. — Там давно, а в Англии уже почти тысячу лет, существует юридическое обоснование справедливости, по-другому сказать, там враньё узаконено, все это знают и соглашаются его терпеть во имя общего спокойствия. На Западе справедливость — это закон и порядок, а у нас есть только жажда справедливости, и наше коренное отличие от них в том, что русский человек никогда не верил, не верит и не будет верить в возможность устроить жизнь на заёмных юридических началах, никак не подкреплённых народным правосознанием. Это твой сын знает, но я не пойму, почему он обнародовал своё мнение в столь неподходящем месте?

— Что ж тут непонятного? — проворчал Андрей Ильич. — Нахватался верхушек, как я в своё время, возомнил невесть что и решил, что сборище журналюг и шестёрок нуждается в нравственном просветлении. Но я, собственно, не пойму твоего столь горячего недовольства враньём. Не нами оно началось, не нами и закончится. Пусть думают об этом те, кто отвечает за государство.

— Я что-то не помню, чтобы за враньё кто-нибудь отвечал. Такого не было ни при царе, ни при коммунистах, ни при демократах. Но, в принципе, ты прав. Кто-то должен быть в государстве ответственным за самое главное, что есть в человеке — за его бессмертную душу, которую сильнее всего калечит ложь, неправда, враньё. Главными распространителями зла в мире являются обманутые люди, которые зачастую даже не ведают о своей заразности и искренне верят, что красота спасёт мир, и образцом этой красоты считают чёрные пластмассовые пугала на улицах города, от которых шарахаются прохожие. И с этим что-то надо делать.

— Наконец-то я тебя, Антон, узнаю! — обрадовался Андрей Ильич. — Узнаю тебя, каким ты был в молодые годы, когда мы с тобой, помнишь, так рьяно верили в коммунизм, что ходили в военкомат записываться добровольцами на Кубу. Сейчас об этом вспоминать и смешно, и грустно.

— Не знаю, как ты, а я мало изменился.

— Даже став священником?

— На глупости все горазды, — нахмурился отец Антоний. — Прошлым летом, чтобы спастись от одолевших меня тягостных мыслей о почти неизбежной гибели России, я написал письмо президенту.

— Кому-кому? — привстав с чурбака, изумлённо переспросил Козырев. — Президенту?

— Да, президенту Российской Федерации. Что в этом необычного?

— И о чём же твоё послание отцу нации?

— Я задал всего один вопрос: кто в России отвечает за человеческую душу?

— Да, вопросец, ну, прямо на засыпку, — задумчиво произнёс Андрей Ильич. — И что ответил народный заступник? Или его помощники замылили твой вопрос? И ты получил невразумительную отписку из областной администрации.

— Ответа я не дождался, — улыбнулся отец Антоний. — А вот архиепископ Пров пожурил меня за самовольство перед всем священством епархии.

— А разве он, все архипастыри, синод, наконец, сам патриарх не ответственны за православную душу?

— На этот вопрос трудно ответить однозначно. Мы живём в безответственное время. Страну угробили — и нет виноватых. И патриарху, и архиереям сейчас не до того, чтобы печься о душе. Им народ не нужен, вот беда, так беда!

— Как это не нужен? — удивился Андрей Ильич. — Для кого же тогда церковь, если не для народа?

— Я так понимаю, что где-то там, на самом верху, вдруг обнаружили удивительную вещь, что народ наш недостоин своих пастырей. Священство каким-то образом очистилось от греха, а людское стадо запаршивело, и его нужно понуждать к покаянию за то, что приняли советскую власть, отшатнулись от церкви и с тоской поглядывают в советское прошлое. Эта опасная выдумка может погубить православие в России. Первый же прихожанин, которому я предложу покаяние, скажет, что церковь в лице многих иерархов приветствовала свержение царя и победу масонов над Россией и в первую очередь должны покаяться патриарх и высшее священноначалие.

— Да ты, Антон, самый настоящий бунтовщик! — рассмеялся Андрей Ильич. — Не боишься, что тебя лишат сана?

— Какой я бунтовщик? Я не могу спокойно глядеть, как народ отворачивается от церкви, как она сама превращается в идеологическую контору при администрации президента России. А сейчас церковь особенно необходима и народу, и государству, которые уже четверть века находятся в безостановочном падательном состоянии.

— Я далёк от церковных дел, — сказал Козырев. — Но мнение простых людей меня

интересует всегда. К тебе ведь приходят самые разные люди. Что они думают? Чем озабочены?

— Народ озабочен одним: как прокормиться и заплатить за квартиру. Думать ему не о чем, когда всё за него решено. Народ ждёт чуда!

— Какого чуда?

— Воскрешение Сталина, вот что нужно людям.

— Так прямо и говорят, что нужен Сталин? — хмыкнул Андрей Ильич.

— Его имя произносят нечасто. Но уже человек пять объявили буквально следующее: «Батюшка, я знаю, как спасти Россию. Нужно расстрелять каждого сотого — и страна оживёт».

— И кого же они зачисляют в расстрельные списки? — помолчав, спросил Козырев.

— Всех подряд, не исключая себя. Люди говорят то, что чувствуют. А чувствуют они безысходность от всеобщего вранья. От него и ненависть друг к другу. А взаимная и всеобщая ненависть — это и есть бунт, бессмысленный и беспощадный, и нашему бунту уже двадцать лет, с августа 1991 года.

— Что-то я тебя, батюшка, не пойму, — усмехнулся Андрей Ильич. — Нет в России никакого бунта. Этой зимой во всех подразделениях «Народной Инициативы» независимые социологи из Москвы провели опрос. И каждые девять работников из десяти оказались довольными своим экономическим положением, и только половина хотела улучшить жилищные условия.

— У меня свои данные на этот счёт, — сказал отец Антоний. — Внешне народ спокоен, но душа каждого находится во власти бунта, и каждый мысленно уже перестрелял всех, кто ему не по нраву, и готов это сделать наяву, если найдёт себе подходящую партийную стаю с готовым на всё вожаком. Все партийные лидеры на сегодняшний день плюгавы, народ за ними не пойдёт. Но без вождя он не может, поэтому находит его в своём недавнем прошлом.

— Опять Сталин?

— Раз нет великих людей среди живых, то народ поднимает из могилы Сталина. Оживить его нельзя, но можно канонизировать, что во мнении народном уже фактически происходит.

— Наш народ глуп, — пренебрежительно бросил Козырев.

— Это ж почему?

— Он не может жить в беспривязном состоянии, ему нужен пастух с крепкой дубинкой.

— Не буду спорить. Но далеко не всё так просто и однозначно. Пойдём в храм, и я кое-чем тебя удивлю.

— Ты меня и так наудивлял, дальше некуда, — сказал, вставая с чурбака, Козырев. — Погляжу и на то, что в храме, хотя я там уже был.

Отца Антония ждали несколько человек.

— Благослови, батюшка!

— Бог благословит. Я что-то вас не знаю?

— Сказывают, икона тут святая объявилась, — сказал старик в заношенном офицерском кителе, на котором отсвечивал солдатский орден Славы. — Вот и пришли поклониться.

— Посидите на лавочке, отдохните. Я к вам скоро выйду, и мы обо всём побеседуем, — сказал отец Антоний и, подойдя к церковному крыльцу, тихо заметил: — Людская молва как вода растекается с нашего храмового взгорка. Эти люди за тысячу вёрст пришли из Вятской земли, по автомобильным номерам видно.

— Так что это за чудо? — поспешая за батюшкой, сказал Андрей Ильич.

В храме было всего двое молящихся, и отец Антоний, мягко ступая по холстинным половикам, повёл Козырева в северный придел храма, скрытый от посторонних глаз полупрозрачной, из толстых плетёных нитей, занавеской. Там было темно, и священник затеплил три свечи, которые высветили тесное без окон помещеньице, где была всего лишь одна, писанная на доске, довольно большая икона. Отец Антоний трижды перекрестился, приложился к образу и, опять трижды перекрестившись, отошёл в сторону, освобождая Андрею Ильичу обзор местной святыни.

Козырев глянул на неё и обомлел: на него глядел Сталин. Вождь был без головного убора, в длинной шинели и солдатских сапогах. Левее его, в глубине иконы, была изображена одетая по-простонародному пожилая женщина. Андрей Ильич кашлянул и вопросительно посмотрел на иерея.

— Это и есть чудо?

— Уже четверо верующих свидетельствовуют, что моление перед иконой «Блаженная Матрона благословляет Иосифа Сталина» помогло двоим из них избавиться от тяжёлой болезни, а двое других получили исполнение своих благочестивых желаний.

— И как архиепископ Пров? Его не перекосило от лика вождя народов?

— Пока он делает вид, что ему о моём самовольстве неизвестно. Николай Второй приобщён к лику святых, но ведь он бросил Россию на произвол судьбы, а Сталин спас отечество, что бы о нём ни говорили и каких бы собак на него ни вешали предатели родины.

— Не знаю, что и сказать, — развёл руками Андрей Ильич. — Мне Сталин не мешает, но для наших демократов — это как красная тряпка для быка. Как бы ты ни прикрывал эту иконку занавесками, скоро о ней пронюхают журналюги и разнесут по всей округе, а потом и по стране.

— В Петербурге один батюшка уже пострадал от этого, но я, Андрей, за своё священство не держусь. Самое большее — отставят от служения, но молиться ведь не запретят. Возьму икону и уйду в избу. Пенсия у меня есть, а похоронить дети и внуки позаботятся. Если выбирать, где мне быть, то честнее быть с народом, чем с клириками, набранными из бывших комсомолят и партийцев.

— А что, и такие есть? — удивился Козырев.

— Наша церковь — как Ноев ковчег: в ней всякой твари по паре. Но при Сталине и до перестройки в ней было не в пример больше православия, чем сейчас, потому что она была гонимой. В священники шли истинно верующие. Вообрази: сейчас попы по воздуху летают, как ангелы. Намедни рядом с храмом один приземлился на дельтаплане с мотором. Садись, говорит, прокачу: храм свой узришь с высоты птичьего полёта. Я отказался, так он меня дураком обозвал. А он меня почти втрое моложе.

Они вышли из храма и стали прощаться. Андрей Ильич взял с отца Антония слово, что когда того будут одолевать трудности, он обязательно известит о них президента «Народной Инициативы».

Сева завёл джип и подкатил к хозяину. Андрей Ильич распахнул дверцу и, устроившись на сиденьи, произнёс с затаённой грустью:

— Ты многое во мне разбередил, Антон. Как раньше, почти полвека назад.

Отец Антоний проводил взглядом умчавшийся в клубах пыли автомобиль, усмехнулся и тут же укорил себя за то, что был слишком откровенен в суждениях перед Козыревым и, страх сказать, несдержан в оценках церковной жизни, что было не чем иным, как всплеском восторжествовавшей над смирением гордыни. И он, войдя в храм, опустился на колени и сорок раз прочёл Иисусову молитву.

Очистившись от мирской скверны, которую внёс в его жизнь весь пропитанный насквозь, как губка грязью, сребролюбием, угождением плоти и гордыней финансово-промышленный воротила, отец Антоний обратил свой просветлевший взор на приезжих вятичей. Проведя их в придел к иконе с изображением Сталина, оставил там одних, а сам прошёл в каморку, где занялся отписками, которые от него требовало епархиальное управление.

Через некоторое время его побеспокоила прислужница, сказав, что приезжие люди хотят с ним попрощаться. Отец Антоний вышел их храма, держа в руках «Молитвослов», которым одаривал верующих по своему выбору, и был приятно удивлён, что пребывание в приделе с иконой Сталина осветляюще подействовало на верующих, особенно это было заметно на ветеране войны. Он смотрелся совсем молодцом, будто побывал на Параде Победы, куда только подевался понурый искательный взгляд, слабый голос — старый солдат от общения с генералиссимусом будто в живой воде искупался и орден Славы омыл: тот сиял на старом офицерском кителе, как новенький и только что полученный из рук верховного главнокомандующего.

— Не обессудь, батюшка, прими наркомовские сто грамм, — сказал он, протягивая отцу Антонию гранёный стаканчик с водкой. — И угостись рыжиками свежего посола. Сам брал.

Отец Антоний был непьющий, но от предложения не стал отказываться, уж очень душевно оно прозвучало, и, не дрогнув, опорожнил посудину и захрустел ядрёным грибком такой вкусноты, что не удержался от похвалы и тут же получил в подарок запечатанную баночку рыжиков вятского посола.

— Вы у нашего Блаженного Андрея не были? Советую побывать, — сказал он, благословив каждого. — У вас есть где остановиться?

— Мы у родни гостим, за Волгой. На могиле Блаженного вчера побывали, там и услышали об иконе Сталина, — сказал ветеран. — А завтра ленинские места оглядим, или это сейчас грешно для верующего человека? Ленина как только не ругают. Может, он, и правда, в аду мучается?

— Не людского ума это дело, — мягко молвил отец Антоний. — Кто первым в рай попал?.. Разбойник. Говорят, что Ленин был жесток. Но по своей ли воле? Может, сам господь наказывал Россию через его окаянство? Нам сие неведомо. Сказано: не судите и судимы не будете.

Отец Антоний вернулся к прерванной отписке в епархию и осилил её лишь к

обеду, после которого прилёг в амбаре, где было всегда свежо, на лавку и недолгим сном укрепил свои силы, чтобы продолжить служение, освободившись от суетных воспоминаний, кои навлёк на него своим появлением Козырев. Однако испив послеобеденный стакан чаю, он опять вспомнил о своём недавнем госте и подумал, что надо было заставить его хотя бы раз перекреститься и поставить свечку перед образом Николая Угодника, покровителя всех путешествующих и торгующих, чтобы испытать Козырева — жив ли он или совсем окоченел душой и уже не способен откликнуться на слово божественной истины.

Ещё пять лет назад священнику не приходилось подталкивать зашедшего в храм человека приобщиться хоть как-то к православию. Храмы и совершавшиеся в них священнодействия воспринимались людьми, заблудившимися в перестроечной кутерьме и бедламе, как островок спасения от насилия, где они найдут покой измученной душе и обретут уверенность, что их жизнь имеет высший смысл и значение. В действительности всё оказалось совсем не таким, что рисовало воспалённое воображение только что выбравшемуся из-под обломков коммунистического чуда советскому человеку. И он неприятно удивился, узнав, что православие считает человека существом греховным и обречённым всегда находиться в падательном состоянии, и ему предстоит осознать свою греховность, дабы спасти душу искренним покаянием.

Наиболее ретивые батюшки приступали к тем, кто ещё только-только стал захаживать в храм, с требованием исповеди и немедленного исполнения всего, что полагается исполнять глубоко религиозному человеку. И многие отшатнулись от церкви, которая скоро стала, по мнению народа, ещё одной государственной конторой, и простому человеку следует обходить её стороной. Если после Октябрьской революции народ отпал от церкви, которую гонения и репрессии излечили от многих недугов, коими она страдала в дооктябрьский период, то после двухтысячного года началось отпадение церкви от народа, который, как никогда прежде, нуждался в утешении и поддержке.

Окончание следует

Александр ГОРОХОВ

ПРЕОБРАЖЕНСК И ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

Перестроечная повесть

(Журнальный вариант)[1]

1

Во время войны, когда партия сказала: «Надо!», а комсомол ответил: «Есть!» — в Преображенск пригнали тысячи четыре интеллигентов из обеих столиц, и те, которые не загнулись после года корчевки леса, строительства бараков и цехов, были определены для работы в шарашке и цехах созданного ими же завода п/я №64. Этот п/я был частью гигантской программы, которую потом назвали «Ядерным щитом Родины» и после разоблачения культа личности переименовали в Преображенский инструментальный завод, или сокращенно ПИЗ.

ПИЗ, как писали в прессе (конечно, не о нем, а вообще), выдавал на-гора сверх плана детали к атомным бомбам, а позже боеголовкам баллистических ракет. Вначале этими деталями были обыкновенные болты, только не железные, а из урана. Куда их вворачивали, никто не знал, а вот вытачивали на обыкновенных токарных станках. Стружку в конце смены взвешивали, прессовали на маленьком паровом прессе в конце цеха и под надзором трех гражданско-военных представителей вывозили с завода. Куда эта стружка девалась, никто не знал. Не положено было.

Со временем на заводе стали делать и другие детали. А потом и целые узлы. Работали здесь хорошо, народ был сообразительный и мастеровой. Да и не удивительно. Большинство жителей составляли потомки реабилитированных интеллигентов, так сказать, первого призыва. После пятьдесят третьего года ехать им было некуда. Квартиры в столицах, откуда их забирали, давно заселили другие, а здесь какая-никакая хибара была у каждого. Да и завод периодически строил жилье и, как сказал классик, улучшал квартирный вопрос.

Так что интеллигентных рож в городе в конце пятидесятых годов, к неудовольствию местного райкомовского начальства, было многовато. Зато детей этого начальства учили бывшие профессора университетов, в поликлинике сначала младшим медперсоналом, а потом участковыми служили «врачи-убийцы» из «кремлевки». А зубным кабинетом руководил старичок, делавший коронки самому Иосифу Виссарионовичу.

Дети начальства от таких учителей, как правило, не умнели, уж очень много водки потребляли перед их зачатием местные управители, да и врожденный комплекс рефлексов больше располагал младших к фискальству, лености и хитрости, чем к трудолюбию, уму и порядочности. Однако дети самих бывших врагов, воспитанные на рассказах родителей и выученные ими не хуже, чем в элитных столичных школах, вырастали на радость родителям.

[1] В «Невском проспекте» под названием «Преображенск и преображенцы» и с жанровым подзаголовком «Перестроечная повесть» публикуется в качестве журнального варианта только часть первая из трех частей романа Александра Горохова «Эра акынизма».

Со временем рос и завод. Вместе с ним хорошел Преображенск. Те из молодежи, которые не хотели покидать ставший родным город, женились, примиряя родителей. Вырастали внуки, которые уже и вовсе не помнили истоков возникновения ПИЗа.

Даже афганская война пощадила город. Из сотен призывников абсолютно все вернулись живыми и невредимыми. Наверное, судьба щадила родителей. Наверное, всё, что они должны были испытать, произошло в начале их жизни в этом городе и перед этим. Жизнь становилась спокойной, сытой и предсказуемой.

Но тут наступила перестройка.

2

Перестройка в Преображенске ознаменовалась двумя событиями. Во-первых, активистами общества «Знание» из булыжников и цемента был сооружен памятник жертвам репрессий, к которому родственники погибших приносили на Пасху цветы, а шестидесятники с гитарами пели на Первое мая песни.

Во-вторых, первый секретарь райкома ушел на пенсию, а на его место, как сообщала районная газета «Новый путь», единогласно при трех воздержавшихся и двух против, был избран новый секретарь. Правда, газета не сообщала, что он был племянником прежнего. Раньше, по дядюшкиной протекции, новый возглавлял комсомол. Было ему тридцать семь лет. Окончил кое-как местный пединститут. Ничего порочащего, кроме любви к официанткам железнодорожного ресторана и комсомолкам райкома после обильных застолий по случаю революционных праздников, за ним не числилось, поэтому инструктор обкома, прибывший пособить племяннику, так и сказал на парткоме:

— Виталий Ильич Лизов любит людей, и те отвечают ему взаимностью.

«Против» были директор ПИЗа Виктор Петрович Коротов, который метил на эту должность поставить своего приятеля — секретаря парткома завода, и, естественно, сам секретарь заводского парткома, но их связей не хватило. В министерстве опасались делать любые телодвижения, не зная, чего ждать от нового ЦК, а в обкоме первый секретарь дружил с дядюшкой Лизова.

Семена вражды были посеяны, но сама вражда разгорелась в полную силу после очередного политического события.

Начались выборы на Всесоюзную партийную конференцию, а затем и в народные депутаты СССР. Население, затаив дыхание и не отрываясь от местного телевидения, следило за процессами пробы сил. В районе снизилась преступность, так как серьезные правонарушители должны были оценивать политическую ситуацию. Того же они требовали от своих младших, скажем так, коллег.

Начальство чего-то говорило на собраниях, и хотя смысл речей был неясен, но все отчетливее прояснялось, что свобода слова по мере приближения выборов к финалу превращалась в свободу выражений.

В открытой и подковёрной борьбе за делегатские мандаты победили Коротов и парторг. Сказался профессионализм производственников и солидные средства авангардного предприятия ВПК.

То, что происходило на открытых заседаниях конференции и съезда, видел по телевизору каждый интеллигент в стране, слушал, развесив уши, и обсуждал с друзьями, на работе, в семье, а чуть позже, когда начали шпынять КГБ, в общественном транспорте и на митингах. Однако мнение этих придурков мало интересовало людей серьезных и деловых, таких как Коротов и парторг Витов. Они боролись за мандаты не для того, чтобы поболтать с трибуны и показаться на экране перед всей страной, а с практическими, далеко идущими целями. Ключевыми словами их стали — информация и связи. Этим они, простите за каламбур, всецело и занимались.

Оценив обстановку, выявили наиболее перспективных и влиятельных людей из окружения лидеров нового ЦК и установили с ними, насколько это было возможно в эпоху борьбы с алкоголизмом, дружеские отношения.

Делалось просто. В перерыве между заседаниями они подходили к интересующему их человеку, представлялись, рассказывали в двух словах, но весьма красочно о своем предприятии, его колоссальных возможностях, предлагали поддержку и оставляли визитки. Визитки были тогда в новинку и впечатляли. Взамен они получали телефон имярека. Во время обеденного перерыва случайно оказывались вновь рядом с имяреком, обедали за одним столом, приглашали к себе в гостиницу и там, вдалеке от посторонних глаз закрепляли знакомство.

Надо сказать, что в качестве гостиницы использовалась четырехкомнатная квартира сестры замдиректора по кадрам. Квартира эта была не где-нибудь, а в высотном доме. Вроде бы это мелочь, но, учитывая, что из мелочей и складываются большие события, мы расскажем и об этом эпизоде.

3

У многих жителей Преображенска в столицах остались родственники, не пострадавшие в потрясениях соцэпохи. Некоторые из них, как тогда выражались, продолжали занимать высокие посты. Как правило, это были посты в ученом мире. Там, если везло и товарищ советский ученый не слишком высовывался, то можно было получить высокий пост, сталинскую премию и квартиру. Так было и с мужем сестры Завидского Ивана Викторовича, заместителя директора ПИЗа по кадрам. Был он отставным полковником, прошел Отечественную войну, службу окончил начальником штаба дивизии, которая базировалась в Преображенске. За время службы обзавелся обширнейшими связями среди местных руководителей. Помогал иногда и Коротову. То направит роту солдат для подсобных работ во время строительства жилого дома, то пригласит после митинга на седьмое ноября в полковую баню. Да мало ли чем может помочь самостоятельный человек, начальник штаба, к тому же член райкома.

Узнав, что Иван Викторович уходит в отставку, Коротов попросил его приехать. Прислал машину и за бутылочкой армянского коньяка уговорил взять в свои руки кадры завода. После недолгих уговоров тот согласился. Тем более что уезжать из Преображенска Завидский не собирался, был еще крепок, жил в получасе ходьбы от заводоуправления, да и работа представлялась, скорее, ответственной, чем тяжелой. Коротов получил к себе в заместители великолепного дипломата, умудренного армейской службой, который на равных мог говорить с любым городским чиновником и отстоять интересы завода, а если и проиграть, то с минимальными потерями. Между ними установилась, нет, не дружба, но теплые доверительные отношения. Поэтому, когда вопрос с поездкой на конференцию был решен, Завидский предложил Коротову поселиться в квартире его сестры. Муж ее, профессор МГУ, год назад умер. Дети жили самостоятельно. Огромная профессорская квартира, вдобавок шикарно обставленная, в центре Москвы, была бы неоценима для, так сказать, неформальных встреч. В ответ на вопрос директора: «А как же сестра?» — Иван Викторович просто ответил, что ее он пригласит на все лето к себе. А еще лучше, если Коротов сделает им путевки в санаторий. Естественно, Коротов предоставил для самого Завидского, его сестры и жены бесплатные путевки сначала на месяц в Кисловодск, а затем еще на два месяца в Ялту. Все были довольны. Коротов очередной раз похвалил себя за то, что вовремя взял такого ценного кадра по кадрам. А Завидский — что догадался так удачно обеспечить отпуск себе и сестре с женой.

Уход за квартирой и приготовление еды было оставлено за домработницей, которая всю свою жизнь присматривала за профессорской семьей, за что была устроена покойным профессором лифтершей и жила в служебной квартирке в этом же доме. Провизию, чтобы начальству не тратиться, передавал с московским поездом раз в неделю из Преображенска зам по снабжению. Директорский водитель, который вместе с автомобилем прибыл из Преображенска своим ходом, получал ее на вокзале. Самого водителя поселили у домработницы. Таким образом, все было продумано и учтено до мелочей. Только работай, только наводи контакты. Обзаводись связями. Делай карьеру и себе, и заводу. И городу.

За неделю работы конференции и две недели после нее директор и парторг стали своими людьми во многих ведомствах, от которых зависела жизнь завода и его благополучие. Когда же стали депутатами съезда, эти связи многократно упрочились и расширились. Они получали такую ценную информацию о предполагаемых судьбах страны, что во многое не могли сразу поверить. И, приехав домой, после некоторых колебаний поняв, что вдвоем им все равно не управиться со всеми надвигающимися переменами, созвали ближний круг. Самых приближенных, проверенных и надежных замов и друзей. Надо было вырабатывать стратегию действий.

4

Пока Коротов и Витов заседали в Москве, Виталий Ильич Лизов, почувствовав себя единоличным хозяином в городе, тоже действовал.

Расчет бывшего комсомольца не блистал новизной. Не утруждая себя хитроумными комбинациями, решил просто, в стиле комсомольского вчера. Ход его мыслей, если отбросить высокопарные атрибуты, сводился к следующему: «Чем я активней выполняю решения партии, тем заметнее для начальства, любимее им и, следовательно, недосягаемее для врагов. Два-три энергичных мероприятия, и я в обкоме. А там другой уровень, другие перспективы. Оттуда дорога в ВПШ *(для непосвященных молодых читателей — высшую партийную школу — прим. авт.)* при ЦК и, если повезет, в дипломаты, а не повезет — в обком, минимум завотделом или вторым секретарем. А это уже нечто!» «Нечто» у Лизова означало поездки в капстраны руководителем тургрупп, отпуск в санаториях ЦК, соответственно «забугорные» продукты, о поликлинике он по

молодости еще не думал, но «медсестры в санаториях...» и так далее.

Идея первого мероприятия возникла при возвращении ранним утром в понедельник с дачи. Обкомовские дачи были на левом берегу Волги, и чтобы не ехать в объезд через мост, в тот раз он решил воспользоваться паромом. Обычно полупустой паром был переполнен дачниками и жителями ближайших деревень, которые с огромными корзинами и ящиками первых помидоров переправлялись в город на базар.

«Пора заканчивать этот бардак!» — сам себе сказал Лизов. В райкоме он после планерки вызвал начальника райотдела милиции майора Котова и устроил тому разнос:

— Партия поднимает сельское хозяйство! У меня голова болит днем и ночью, где взять рабочие руки для совхозных полей, рассаду сажать, прополку делать, урожай собирать, а в город из села толпы спекулянтов едут помидорами спекулировать. Начальник милиции потакает спекулянтам! Что ты сделал для борьбы с этими перерожденцами? Ничего! Партбилет положишь на стол! Почему в совхозах нет помидоров, а у этой сволочи полно? Они их воруют на совхозных полях, а милиция спит! Или ты с ними заодно?

— Они помидоры в теплицах выращивают, рассаду еще в феврале сажают. А в совхозе только в апреле и то не везде, — пытался объяснить майор. Но Лизов знал, что ему надо:

— Чтобы через три дня не было этих спекулянтов! Все гнезда спекуляции уничтожить! Не то пеняй на себя!

Начальнику милиции оставалось только сказать «есть» и выйти из кабинета.

На следующий день началась война с теплицами. Под вой баб и матерщину мужиков сооружения из полиэтиленовой пленки, проволоки и досок крушили защитнички правопорядка. Многим из них было это дело не по душе, но служба есть служба.

Через три дня Лизов отрапортовал в обком об изыскании резервов рабочей силы для сельскохозяйственных работ и усилении борьбы со спекуляцией на 240 процентов. В обкоме сутки молчали, но, поразмыслив, одобрили. Областная газета обосновала действия, подвела политический базис и похвалила Лизова.

Второе мероприятие, и, как оказалось, главное, Лизову подсказала центральная пресса. Имя профессора Углова не сходило со страниц газет того времени. Его заметки о вреде алкоголя тревожили душу беременных женщин и партработников. Слова «отравленный алкоголем генофонд нации» входили в обиход телевизионной жизни.

Почувствовав особую перспективность борьбы с алкоголизмом и пьянством, Лизов начал действовать на следующий же день после изучения знаменитого постановления ЦК «О мерах по борьбе с...» — ну, в общем, с пьянством.

5

Собрав верные кадры, перекочевавшие через несколько месяцев после его назначения из комсомольских кабинетов в райкомовские, Лизов высокопарно обрисовал и одобрил линию ЦК и напоследок спросил:

— Ну, товарищи руководители, чем будем отвечать на постановление ЦК? Что мы можем сделать на нашем участке работы? Прошу, высказывайтесь.

Тема кадрам была близка, однако совсем не в том плане, чтобы активно со всем этим бороться. Особого энтузиазма она не вызывала. Поэтому фантазии комсомольско-райкомовских работников хватило на рейды по злачным местам, борьбу с самогоноварением, лекции о вреде алкоголя в клубе, а также во время политинформации в первичных организациях.

— Нет, дорогие соратники, так дело не пойдет! — ответил Лизов на это мелкотемье. — Партия начинает не кампанию по борьбе с несколькими отщепенцами, а борьбу за нравственность народа. Наша задача быть в первых рядах.

Начиная говорить, Лизов и сам толком не знал, чем закончит, но в процессе словоблудия он вдруг представил себя в роли И.В. Сталина, его захлестнула мания величия и грандиозности открывающихся перспектив. Он осознал впервые свои властные возможности, речь его стала неторопливой, движения плавными, и ему показалось, что в руках его дымится трубка.

— Наша задача, товарищ Горюшев, — в обращении Лизова к главному снабженцу района послышался даже сталинский акцент, известный Лизову по кинофильмам, — не в лекциях для пьяниц в медвытрезвителе, хотя и этим заниматься надо, наша задача в ликвидации всех источников пьянства.

— В смысле? — Горюшев ничего не понял.

— В смысле прекращения продажи алкоголя на территории района полностью!

— А план?

— А план, товарищ Горюшев, мы с вас спросим. Только делать его на водке и спаивать народ-строитель коммунизма партия вам больше не позволит.

За пять минут Лизов прекратил продажу спиртного в ресторанах, кафе, магазинах.

— Виталий Ильич, — заметил начальник милиции, — самогонку гнать начнут.

— Сахар с сегодняшнего дня выдавать по талонам, три килограмма в месяц на человека, — подытожил глава райкома. — Вопросы есть?

Вопросы были, но задавать их присутствующим не хотелось. Протокол заседания был немедленно отпечатан. Каждый получил свое направление действий. Каждый видел только проблемы. Только проблемы. Один Лизов видел перспективу. Один он чувствовал себя на коне.

Следующим утром на все предприятия были отправлены телефонограммы с требованием к руководителям и парторгам немедленно организовать общества борьбы за трезвость, вовлечь в них всех сотрудников и через три дня доложить в районный штаб борьбы за здоровый образ жизни.

Машина закрутилась. К удивлению многих райкомовцев, обнаружились энтузиасты этого дела. Особенно среди женщин. Движение, как написала местная газета, «набирало силу». Эта же газета, как и местный радиоузел, без перерыва освещали борьбу с алкоголизмом, пьянством, разгильдяйством. Приводили примеры повышения производительности труда, возвращения пьяниц в семью. Освещали безалкогольные свадьбы и прочее, прочее, прочее.

Одновременно обнаружились и проблемы. Снизился травматизм, но повысилось число отравлений. Главврач местной больницы стал подумывать о диссертации на тему «Лечение отравлений спиртосодержащими товарами бытовой химии». Больница переполнялась гражданами, отравившимися политурой, денатуратом, муравьиным спиртом, шампунями, тормозными жидкостями и антифризами. Сметливые алкаши пили все. На местной фабрике по ремонту радиоприемников умельцы додумались разводить клей БФ водой, перемешивать массу палкой, жидкость процеживать через марлю и пить. Через сутки троих радиоумельцев спасли, вырезав им полжелудка. Один, которому досталась самая густая часть напитка, был погребен со слипшимся кишечником под рыдания супруги, которая краснела на поминках от отсутствия алкоголя на столе.

Через неделю из магазинов исчезла зубная паста, одеколоны, лосьоны и эликсиры. Аптеки перевыполнили план по продаже спиртовых настоек боярышника, подорожника и других трав, растворов фурацилина, борного спирта. Ботинки горожан были не чищены — не стало обувного крема. Все сладкое из магазинов исчезло. Скупили также томатную пасту и дрожжи. На рынке не стало зерна и фруктов. Противостояние началось.

Родители по ночам гнали самогон. Малолетки нюхали в подвалах клей «Момент», предварительно выдавив его из тюбика в полиэтиленовый пакет. Те, кто постарше, вместо «Момента» прыскали в пакет «Дихлофос» из аэрозольного баллончика или бензин, сворованный из авто.

Город разделился на проверяющих и потребляющих, борющихся с Зеленым змием и гонящих через змеевик.

Наиболее примитивно гнали так. В сладковатую воду, полученную добавлением сахара, варенья, повидла, измельченных яблок, груш, вишни с дач или из распаренного зерна, добавляли дрожжи. Выдерживали несколько дней в тепле до той поры, пока бражка начинала подниматься и пухнуть. После проверки на градус, обнюхиванием и облизыванием пальца, окунутого предварительно, эту жижу процеживали и наливали на треть в ведро.

Посредине ведра устанавливали на крестовину или проволочный постамент мисочку, а сверху на ведро ставили таз с холодной водой. Щели между ведром и тазом заматывали для герметичности бинтом, смазанным в жидковатом тесте. Это хитроумное сооружение собиралось на газовой плите. После завершения вышеописанного действа перекрещивались и зажигали под ведром слабый огонек. Воду в тазу периодически по мере нагревания меняли. Через часок или более газ выключали. Сооружение разбирали, из мисочки сливали самогонку, набирали в столовую ложку, поджигали спичкой и пробовали — горит ли. Долго глядели на синеватый трепещущий от дыхания огонек и по количеству оставшейся в ложке воды определяли, сколько получилось градусов. Для подтверждения пробовали и, если сразу понять было сложно, пробу повторяли. Затем аппарат собирали в той же последовательности, и история повторялась. Засыпали под утро.

На работу шли с больной головой. И весь день ждали, когда же эта работа закончится, можно будет прийти домой и поправить здоровье. Народ стал раздражительный, злой и подозрительный. В гости ходить перестали — вдруг там гонят. А если гонят, то ни за что не откроют дверь. Страшно — вдруг это участковый или проверка. Также гнали и участковые и даже следователь районной прокуратуры.

Интеллигенция действовала иначе. Те, которые работали в НИИ или заводской лаборатории, стали пить казенный спирт. Качество положенных экспериментов и

анализов компенсировалось опытом и фантазией исследователей. Когда же контроль за спиртом привел к невозможности продолжения ряда перспективных научных направлений, техническая интеллигенция разобрала по домам стеклянные змеевики и наладила выпуск продукта в ночное время, слившись, таким образом, в жизненных интересах с народом.

Качество змеевиковой продукции было несравнимо выше ведерно-мисочно-тазового производства, и народ, наверное, впервые после Октябрьской революции признал интеллигенцию как передовой отряд трудящихся масс. А силу знаний — выше силы матерного слова или кулаков.

6

Преображенские, так сказать, деловые люди восприняли действия партии и особенно ее местного лидера товарища Лизова вначале с недоумением, а затем с восторгом. Кавказские и среднеазиатские торговцы стали активнее привозить фрукты и сладости, местные спекулянты потихоньку торговать самогонкой, водкой и сахаром, завезенными из соседних, не столь активных в борьбе с пьянством, областей. Однако эти действия жестоко преследовались и карались местной милицией.

— Ну и дебилы! Они на этой водке всю страну просвистят. Ну и хрен с ними. Так им и надо. Прошла зима, настало лето — спасибо партии за это! — воскликнул, осознав перспективность ситуации, Васька Лынь, бывший столичный студент, приехавший к брату погостить после годовой отсидки за фарцовку джинсами. — Колюня, жизнь только начинается! Бросай свою шоферскую деятельность — начинаем бизнес.

— Я самогонкой торговать не буду, — сразу отрезал брат.

— Какая самогонка, что, я дурак, что ли. Коля, мы с тобой займемся медом. Подумай сам. Сахар дают по талонам. Значит, его не хватает. А с медом бороться никто и никогда не станет, потому что это лечебный натуральный продукт. Понял? Мы с тобой на этом меде такую «капусту» забацаем. Через год на своей «Волжанке» ездить будешь. На полных законных основаниях. Слушай меня!

— Ну? — без энтузиазма ответил брат.

— Коля, я завтра же поеду по области. Гадом буду, все деревни объеду, со всеми стариками на всех пасеках переговорю, ульи им новые привезу, все лето крутиться буду, им помогать, а за это они со мной медом расплатятся. А уж медок мы с тобой сами продавать будем.

— Кто же тебе кататься по области разрешит, ты что, спятил?

— Все продумано, Колян, — глаза Васьки блестели, и он вдохновенно продолжал: — Устраиваемся заготовителями в райпотребсоюз. Чтобы все на законных основаниях. Сами вырастили, сами продадим. Зампредседателя мой кореш, я через него джинсы по всей области толкал. Хотел, когда меня схомутали, заложить, но не стал. Подумал, еще пригодится. Куда он теперь денется. Он у меня — вот где.

Глядя на Васькин кулак, Николай задумался. Пожалуй, и вправду все на законных основаниях. Работать они могут где захотят. В свободное время пчел разводить и лечебный мед производить не возбраняется. А продавать излишки тоже никто не запрещал.

— Ну, давай, Васек, попробуем, только учти, никаких выпендрежей. Всё на законных основаниях. Никакой самодеятельности. Понял? А то снова сядешь, годом уже не отделаешься, — подытожил Николай.

— Все будет хоккей, брательник!

Так начался бизнес братьев Лыневых. Старый подельщик Лыня, зампредседателя райпотребсоюза, действительно, помог. За неделю оформил в райпотребсоюз Ваську заготовителем, Николая — водителем. Конечно, о своих планах говорить никому не стали.

За зиму братья объехали почти все деревни области, в которых хоть кто-то занимался медом. Уговорили стариков. На все зарабатываемые деньги заготовили новые ульи, весной съездили на Украину, купили пчел и начали ждать результатов. Основные заготовки яиц, кур и прочего шли ни шатко ни валко, однако и здесь братья потихонечку стали приторговывать и менять — то птицу, то сметану и масло на чай и на вещи. В Преображенске на базаре все это продавала себе и братьям не в убыток тетка — сестра их матери.

При зарплате в девяносто пять рублей у братьев в месяц получалось по шестьсот, а то и больше. Но основные деньги потекли осенью и зимой, когда ожидание основного сбора меда закончилось и началась его активная заготовка и продажа. Таких сумасшедших денег получить от своей «медовой» деятельности братья не ожидали. Тетки для торговли уже не хватало, и братья привлекли для этого живших в областном центре двух других теток и жену брата их отца, инвалида войны. И тем было радостно получить лишнюю копейку, и братьям выгодно — своим и платить меньше надо, и по-

сторонних в деле нет.

К весне братья стали обдумывать, как бы через дядьку, инвалида войны, оформить автомобиль и какой. Сначала решили — «Волгу», но поразмыслив, прикинули, что высовываться ни к чему, и остановили свои интересы на «Ниве», у которой и проходимость повыше, и загрузить ее можно не хуже.

7

После первого возвращения из Москвы домой, а таких поездок впоследствии было множество, Коротов и Витов созвали ближний круг самых приближенных проверенных и надежных замов и друзей, чтобы вырабатывать стратегию действий. Основное, что ими уяснено в московских встречах и беседах — огромные, ни с чем не сравнимые перемены в жизни и управлении страной начинаются. Партию явно стремились убрать от управления государством. Ориентироваться на нее теперь стало глупо. На первый план выступало слово *деньги*. В Москве уже организованы первые кооперативы, через которые деловые директора заводов уводили из своих предприятий заработанные рабочими деньги. Грех и им упускать такую возможность.

Коротов и Витов привлекли всех родственников, и в Преображенске были организованы ремонтные, строительные, торговые, пошивочные кооперативы. Был организован городской совет кооператоров, который возглавил тесть Коротова. На ПИЗе упразднили ремонтные службы и отдел сбыта товаров народного потребления. Вместо них ремонтом занялись кооперативы. Сбытом — торговый дом, который принадлежал, естественно, жене Коротова. Появилось модное и непонятное людям слово — аутсорсинг. Но как вершина деятельности по перекачке денег из государственного завода в свои личные карманы — возник Центр научно-технического творчества молодежи при горкоме комсомола. Руководил этим центром сын Коротова, любимец семьи, названный в честь деда. Петр только что окончил Московский энергетический институт и немного разбирался в компьютерах.

По заводу издали приказ об освоении современных вычислительных средств с целью повышения надежности и качества оборонных заказов. Через друзей из министерства удалось получить целевым назначением солидные средства для закупки персональных электронно-вычислительных машин. В Москве через новые связи закупили огромную партию так называемых «экстишек» и 286 ПЭВМ. Прибыль оказалась столь впечатляющей, что Петр уговорил отца расширить такую деятельность. Вскоре через их комсомольско-молодежный центр компьютерами были оснащены все неподвластные Лизову городские структуры. Естественно, руководители этих организаций получили в подарок для своих детишек бесплатные компьютеры, а многие и конверты с дензнаками.

Вскоре в городе, богатом деньгами, оживилась деятельность уголовников. Продавцы кооперативов стали жаловаться на вымогательство. Несколько директоров были избиты, а у зятя Витова сожгли новенькую машину — зеленые «Жигули». Коротов отреагировал на этот, как он выразился, «тревожный звонок» немедленно. На следующий день после сожжения, как обычно обходя службы завода, зашел к своему заму по режиму, другими словами, к начальнику охраны завода, поговорив о проблемах секретности, бдительности и важности охранной службы на заводе, предложил:

— Ты, Коля, после работы сегодня заходи ко мне, детально обсудим проблемы. А то слышал, что в городе творится? Скоро и до завода уголовники доберутся, а мы здесь не бублики выпекаем.

Звягин, тридцатишестилетний отставной капитан КГБ, после ранения в Афганистане был назначен на завод вместо ушедшего на пенсию прежнего зама по режиму, мужика занудного и попортившего много крови Коротову. Назначен он был не сам по себе, а по просьбе Коротова.

Свою работу на заводе Коротов начинал в цехе, которым командовал отец Звягина. Звягин старший, как тогда говорили, дал путевку в жизнь, а нормальным языком, выдвинул Коротова в комсорги завода, потом, когда уходил на пенсию, передал свой цех, самый большой и секретный на заводе. Из этого цеха Коротов и ушел в парторги, а затем в директора завода. За год до смерти старый Звягин пришел к Коротову, пришел строго официально, записавшись предварительно на прием, и, поговорив для приличия о планах завода, спросил:

— Ты, Виктор Петрович, знаешь, почему я к тебе не просто пришел, а записался на прием? А потому, что мне очень хочется, чтобы ты запомнил этот наш разговор. Витя, меня скоро не станет. Ты человек большой, сильный. Не забудь про моего Кольку. Парень он неплохой. Честный. Помоги ему. Сам он к тебе не придет, постесняется, да и трудно ему в твой кабинет попасть будет. Так что ты последи за ним сам. Например, через кадры свои. И помоги.

Коротов встречу эту запомнил и, действительно, следил за судьбой Николая Звяги-

на. Когда того после ранения комиссовали, помог подлечиться в заводском санатории, а потом после окончательного выздоровления сам к нему пришел, поговорил о том о сём и сказал:

— Оформляйся на работу. Иди в отдел кадров, Иван Викторович в курсе. Принимай охрану завода. Обеспечивай его безопасность.

Конечно, этому разговору предшествовали длительные проверки документов Николая, улаживались отношения с министерским первым отделом и управлением кадров, у которых на это место были свои кандидаты, но в конце концов Звягин младший получил должность.

Звягин весь день обдумывал приход Коротова и вечером, после работы, стоя в приемной, уже имел план разговора и некоторые предложения. Выслушав его, Коротов сказал:

— Все, что ты, Николай Никитич, говоришь, надо делать. Но давай смотреть на проблему шире. Милиция не справляется со своими делами. Лизов только треплется и заставляет милицию воевать с алкашами и самогонщиками вместо бандитов. Надо помогать городу. Ты человек опытный. Не где-нибудь, в КГБ работал. Воевал. Тебе и карты в руки. Подбирай ребят толковых, афганцев, десантников, сам знаешь кого. И организуй в городе охранное предприятие. Вступай в городской совет кооператоров, заключай договоры с кооперативами, а может быть, и напрямую с советом и изводи эту сволочь, которая честным людям работать не дает.

— А как же завод? Вы меня что, увольняете?

— Нет, Коля, с завода я тебя не отпущу. Все кооперативно-охранные дела будешь делать в свободное от работы время. Ну а если иногда на часок-другой днем отлучишься, ничего страшного не будет. Транспорт у тебя есть. Подумай. И завтра же начинай подбирать боевую дружину. Дело, Николай Никитич, очень важное и не терпящее отлагательства, — Коротов достал из сейфа бутылку коньяка, налил себе и Звягину. — За охрану и безопасность!

Звягин впервые пил вместе с Коротовым и воспринял это как переход их отношений в новую стадию. Он понял, что его жизнь опять меняется. Понял, что Коротов весьма обеспокоен ситуацией и рассчитывает на него. На его опыт, преданность, связи с афганцами, милицией, КГБ. «Мудрый мужик, — подумал он про Коротова. — Все у него одно к одному. Каждое лыко в строку. И со мной также».

— Виктор Петрович, я не подведу. Порядок будет.

— Хорошо. Тогда завтра в это же время подходи ко мне. Я тебя познакомлю с председателем совета кооператоров. Мужик он опытный, ветеран войны. Тебе с ним придется контактировать. Через его совет твое предприятие будет получать финансирование. А назовем его без словесных выкрутасов просто и ясно — «Защита» и добавим: «Союз ветеранов войны в Афганистане». Пойдет?

— Так точно, — отрапортовал Звягин.

— Тогда до завтра, и еще, я лично должен быть в курсе всех твоих дел, и никто больше.

Коротов пожал Звягину руку и, пожелав удач, отпустил.

8

Несмотря на все недостатки, связанные с активной комсомольской юностью и карьеристскими заморочками, активно раздуваемыми партийным дядюшкой, Лизов был не такой уж плохой человек. Конечно, дуракаваляние в институте и райкоме комсомола подпортили его характер, но человек не злой и месяца через два понял, что карьера карьерой, но надо и дело настоящее делать. За помидорные погромы и антиалкогольную истерию ему, как это ни покажется странным, стало со временем неловко. И перед собой, и перед людьми. Даже стыдно. Исправить этого своего греха он не мог, но решил заняться решением ежедневных проблем горожан, а там, глядишь, и забудутся глупости первых райкомовских начинаний.

Проблемы эти он знал по собственной жизни и по множеству звонков и писем от жителей Преображенска и района. Это такая замшелая рутина, что выбраться из нее ко времени его прихода на должность стало почти невозможно. Водопровод, постоянно прорывающийся и оставляющий горожан без воды, привозной газ в баллонах, дрова и уголь для печек, разбитые дороги, нехватка мест в детсадах, и много еще чего может перечислить вам за минуту любой, кто жил в провинциальном городе, а уж тем более руководил им.

Лизов после первых оплошностей начал действовать решительно, но осторожно. Узнав, что по области прокладывается газопровод на Запад, он, заручившись поддержкой обкома, уехал в Москву и пробил через Госплан изменения его пути на двести километров. Это было чудом, но перед его доводами и энергией смягчились матерые московские чиновники и пошли навстречу. Тем более что он предложил в помощь

все имеющиеся у него строительные силы. А кроме того, обещал обеспечить питание строителей и проживание их, пока идет строительство. Имелся у него в районе вполне приличный санаторий. Так что строители экономили средства на возведении времянок, передвижных городков и многом другом, а Лизов, вернее Преображенск, получал газопровод в десяти километрах от города.

Пробив это, Лизов мертвой хваткой вцепился в обком и вырвал лимиты на проведение строительства городской газопроводной сети и соответствующей инфраструктуры. Организовал он и подвод газовых труб к обширному частному сектору города. Где выделял средства из своих скромных городских ресурсов, где заставлял выделять эти средства и рабочую силу директоров предприятий. Вынудил подключиться к строительству и ПИЗ. Хотя Коротов упирался, тормозил это начинание, понимая, что в этом деле работает на Лизова, но в открытую отказать не мог. Тем более что районная газета и областное телевидение изо дня в день начали печатать статьи о том, что Коротов противится, не желает помочь своим рабочим и городу.

За год «газовая» эпопея была завершена. Лизов ликовал. Он почувствовал свою необходимость, настоящую значимость, пользу. Вместе с ним радовались горожане. Множество проблем отпадало. Решалось само собой, только потому, что в городе появился газ. Авторитет Лизова стал настоящим. А для себя понял, зачем нужен. Чем должен заниматься.

Однако за год, когда он, как проклятый, ложился спать и просыпался с мыслью о том, где взять трубы, как починить экскаватор, где найти строителей и монтажников и прочее, прочее, прочее, произошли огромные перемены. Он их пропустил. Нет, конечно, формально был в курсе перестройки, кооперативного движения, но не считал это главным, определяющим, думал, что это мелочи малозначащие. Ну, вроде как его первые ошибки, которые со временем исчезнут, и начнется действительно перестройка.

После очередного доклада начальника милиции об убийстве хозяина киоска и о том, что раскрыть это дело почти наверняка не удастся, Лизов, наконец, понял, что наступает новая, совсем другая жизнь и что он ее начало не заметил. Понял и то, что надо к этой жизни приноравливаться, иначе она раздавит. И что раздавить может очень скоро. Это открытие далось легко, сразу. Что делать, было понятно.

Поговорив с начальником милиции, уяснил, насколько сильными стали позиции Коротова. Какими личными средствами и какой тайной властью тот стал располагать. Но он не обозлился на него. Просто понял, кто тот на самом деле. Понял и определил, как с ним надо себя вести. Опыт прошлого года, новые связи, завязавшиеся сами собой во время газификации города, теперь должны были заработать на него.

Многие его замы, или, как по привычке про себя называл, комсомольцы, уже организовали для своих жен и родственников кооперативы, начали получать неплохие суммы от этой деятельности. И эта деятельность становилась по значимости частенько на первое место. Лизов снова, как и в первые дни после своего назначения, собрал их. Были они приятелями, поэтому без долгих вступлений Виталий Ильич сказал:

— Надо кооперативную деятельность под город положить. Чтобы под нашим контролем все были. А то Витов с Коротовым уже милиционеров скупают. Какие предложения?

Предложения посыпались. Лизову сразу стало ясно, что тема наболевшая, выстраданная. Продуманная каждым под себя, под свои интересы.

«Да, — подумал Виталий Ильич, — скоро так всю страну по карманам растащат. А потом Иван Калита с Иосифом Виссарионовичем опять собирать начнут. На крови замешают и на ней же склеят в кучку. Только кровь будет не коротовская, не витовская, не моих комсомольцев, а мужиков да баб, которым я газ в дома проводил. Старался, ругался, матерился, унижался. И достарался... Что делать? Стратегию мне не выиграть, — продолжал осмысливать Лизов, — а вот с тактикой надо определяться, как беды к минимуму свести».

Идеи идеями, а жизнь, как пишут в прогрессивной печати, диктует свои суровые законы. И Лизов после раздумий решил: всё, что возможно, в городе надо подбирать под себя; что останется — отдавать родственникам и друзьям. А главное, ни с кем не портить отношения, как можно больше набирать себе союзников, потому что придет день, столкнутся они с Коротовым насмерть, и успех решат те, кто на их сторону встанет, или неизвестная покуда третья сила. Поэтому надо, чтобы она была не против тебя, не бог весть откуда взявшаяся, а вскормленная и взлелеянная тобой.

И пошла в городе аренда с правом выкупа рынков, бань, парикмахерских. Пошла смена директоров коммунальных и бытовых предприятий, магазинов и мастерских. Управляющим филиалом Сбербанка стал лучший друг. С милицией связи упрочены. И постепенно штрафовать и прижимать стали по линии СЭС или стандартизации, по пожарной или экологической части наиболее слабые, уязвимые коротовские кооперативы.

«Битва титанов» начиналась...

9

Местные лидеры, боссы, головы, номенклатурные работники, шишки, чины, бонзы, назначенцы, аппаратчики делили сферы влияния и предприятия, а обычные люди ходили на работу, радовались газу в квартирах, тому, что полегче стало купить бутылку водки или кило сахара, и не подозревали о наступающих переменах.

Эти самые обыкновенные люди иногда обсуждали выступления Афанасьева, Черниченко, Старовойтовой и Гавриила Попова, других, теперь подзабытых, а тогда громыхавших с трибун деятелей перестроечного движения. Движения, двигавшего, как потом оказалось, страну в хаос, в развал, в разворовывание кучкой оказавшихся возле тогдашней власти проходимцев, всего, что трудом, кровью и многомиллионными жизнями нескольких поколений этих самых обыкновенных людей сложилось в Советскую державу.

Люди недоумевали, почему это на съезде не дают толком выступить Сахарову. «Захлопывают» старичка. Кричат, что если он такой сильно умный, то пусть катится от нас, дураков, подальше. Нам такие умные не нужны. А Сахаров пытается, тоже непонятно зачем, чего-то объяснить им. А вот чего — непонятно.

Но большую часть свободного времени, с весны до осени, люди, как прежде, работали на дачах. Зимой ходили друг к другу в гости и за стаканчиком водочки или домашнего винца говорили на любимые темы.

Так было и в этот вечер. На кухне у Кости Колесова, заведующего группой в Преображенском филиале большого оборонного НИИ, сидел его дружок Петр Григорьев, тоже кандидат наук, заведующий другой группой этого же филиала, только математик. На столе стояла вторая бутылка вина. Они обсуждали перспективы страны.

— Эта Австро-Венгерская империя не протянет и трех лет, — говорил Костя, — наш паровоз уже летит, только не вперед, а с моста и скоро хряснется.

— Именно Австро-Венгерская, — соглашался Петр. — А хряснется потому, что керосин заканчивается. Я смотрел в закрытом журнале последние данные по добыче нефти и ее себестоимости. Удручающее впечатление.

Потом они обсудили городские проблемы. Не менее точно, чем общесоюзные перспективы, оценили расстановку местных сил и не сумели отдать первенство ни Лизову, ни Коротову.

— Оба сволочи, — определил Петр, — и примерно равные.

— А значит, — развил мысль друга Костя, — придет третий. Но кто?

— Это действительно вопрос. Как говорят американцы — темная лошадка.

— Если ее вовремя подготовить и как следует обкатать, можно сделать большую карьеру.

— Займись, — предложил Петя.

— Пошли они все в задницу.

Петр Григорьев был не чужд литературных страстей. Правда, сочинял он не стихи и повести, а вещи, по его мнению, сугубо практически полезные. Его страстью были сборники различных полезных советов. Их он собирал повсюду. Узнавал у стариков, мастеров, профессионалов своего дела, выписывал из отрывных календарей, сборников, вырезал из газет и журналов, большинство придумывал сам. Был у него на это дар.

Все советы рассортировывал на разделы, подразделы, рубрики. Методика была проста. Сначала перепечатывал или наклеивал вырезки на листы. После, как он называл, «годичной вылежки», если ценность совета продолжала держаться на высоком уровне, а особенно если кто-либо им воспользовался и похвалил результат, Петр переносил его в главную папку.

Костя поддразнивал приятеля за это увлечение, называл «страной советов», на что Петр улыбался и каждый раз в ответ поднимал указательный палец вверх и говорил: «Считаю за похвалу». На этот раз Петр принес показать Косте небольшую брошюрку таких советов.

Надо заметить, что эти «Полезные советы» Петра никто и никогда не печатал. Несколько раз он отправлял их в редакции, но результат всегда был одинаков — любезное ответное письмо с отказом. Петр сам при встречах не читал отпечатанные советы. Он передавал собственноручно отпечатанную и переплетенную книжечку Косте, усаживался в кресло. Разливал по стаканам принесенную бутылку любимого обоими вина и следил за мимикой и выражениями читающего друга.

Фразы: «Никогда бы не подумал!», «Это же надо!», «Не может быть!» и подобные вызывали у него восторг. Он вскакивал, спрашивал, что такого вычитал Константин, комментировал, где он это придумал или узнал и как потом лично проверил. В последнее время Петр так подбирал советы, что они с иронией, нет, даже не с иронией, а

сарказмом, отвечали заголовками на выкрутасы, происходящие в стране.

Вот кое-что из последнего сборника:

Как самому отремонтировать мебель

Иногда на полированной поверхности мебели остается белое пятно от горячего предмета. Избавиться от пятна можно так: натрите его парафином, накройте промокательной бумагой и приложите слегка теплый утюг. Удалить пятно с полированной мебели можно также, применив смесь, состоящую из равных частей соли и растительного масла или соли, растительного масла и спирта (водки). Смесь накладывают на пятно, выдерживают 2-3 часа, после чего стирают, а поверхность протирают мягкой шерстяной тряпочкой.

* * *

Плохо задвигающиеся ящики натрите сухим мылом или стеариновой свечкой.

Домашние хитрости

Чтобы отмыть эмалированную посуду от остатков подгоревшей пищи, вскипятите в посуде воду со щепоткой питьевой соды.

* * *

Чтобы сковорода дольше служила и пища на ней не подгорала, прокалите новую сковороду с жиром, а затем протрите ее крупной солью.

* * *

Мясо, помещенное в кислое молоко, без холодильника сохранит свою свежесть в течение 2-3 дней.

— Ну, Петь, мясо можно и в уксусе подержать, а не только в холодильнике, — отозвался на последний совет Костя, — а вообще-то я предпочитаю мясо сразу съедать при отсутствии холодильника. Особенно если это шашлычок — с сухеньким винцом или пивом. Объедение! Давненько мы на природе не были. Давай на следующие выходные махнем за Волгу. Пивка канистру возьмем, шашлык пожарим. Милое дело.

— Вопросов нет. Видишь, как полезны «Полезные советы», лучше любого сонета душу греют. Ко мне на дачу поедем. И Волга рядом, и крыша над головой, — отреагировал на предложение Петр.

— А про то, что наша общая госкастрюля отслужила и не помогут ей ни соль, ни прочие хитрости, это ты верно. И увы, кажется, наш ящик, в смысле филиал, сколько ни натирай свечкой, сколько ни мыль, пожалуй, скоро далеко задвинут, — покачал головой Константин.

10

Энергичная натура Васьки Лыня не могла успокоиться одним «медовым» бизнесом. Переложив отлаженный механизм этого дела на Николая, он занялся строительством гаражей. Идея пришла сама собой. Когда они купили «Ниву», естественно, понадобился гараж. Васька долго его искал, пока, наконец, не нашел продавца. Хозяин гаража, старик, разбил вдребезги свой «Запорожец», и гараж был ему почти не нужен. Ну, разве чтобы хранить в погребе картошку. Ему и хотелось продать эту недвижимость, и было жалко. Заломил он Ваське цену, почти равную стоимости машины. Ваське не хотелось столько отдавать, но и гараж иметь хотелось. Короче говоря, поторговался Василий, поторговался да и купил.

А через неделю, когда увидел, что теперь, уже в его гаражном кооперативе один мужичок строит гараж почти над оврагом, его осенило: «А почему бы ни заняться строительством гаражей!» Когда же подсчитал, сколько стоит кирпич, плиты перекрытий, ворота, всякие другие материалы и работа, то загорелся новой идеей еще сильнее. Дело оказывалось настолько прибыльным, что, построив два-три гаража, он мог бы купить новую машину. За лето можно было построить гаража четыре, а то и пять. Во всем этом начинании была только одна проблема — место. Мест под гаражи никто не давал.

Васька, как кот вокруг сметаны, ходил вокруг гаражного кооператива. Высмотрел все места, на которых можно было бы построить гаражи. Продумал самые невероятные варианты — гаражей десять построить было бы можно внутри кооператива, а если расширить территорию еще на один или два ряда, то пятьдесят. Но для всей этой деятельности надо было заполучить разрешение.

Лынёв разузнал о гаражах всё. Узнал, что председатель гаражного кооператива пьет, иногда пропивает и кооперативные деньги. «Химичит» с нарядами на вывозку мусора и зарплатой сторожей. Познакомился Васька и с наиболее авторитетными владельцами гаражей. С тем бутылочку разопьет, этому поможет с ремонтом, а тот деньги займет. За два месяца весны Василий стал любимцем автолюбителей. Поэтому, когда собралось годовое перевыборное собрание и старого председателя по Васькиному же

наущению выгнали, то лучшей кандидатуры, чем Василий Лынев, естественно, не нашлось.

Получив законную должность, Василий стал действовать. Для начала он изучил списки владельцев гаражей и, к своему удивлению, узнал, что среди них есть весьма влиятельные в городе люди. Нашел он среди них начальника милиции города и начальника ГАИ, но самое главное — главного архитектора города. Такой удачи Лынь не ожидал. Выбрав удобный момент, Василий познакомился с ним. Игорь Георгиевич Косиченко был человеком общительным, любил поболтать с соседями по гаражу, а вечерком, после поездки, после регулировки зажигания или прокачки тормозов и выпить. Предпочитал он пиво с вяленой рыбкой за неторопливой беседой о рыбалке, охоте или делах автомобильных.

В один из таких вечеров, Василий и подошел к небольшой компании, возглавляемой главным архитектором. Подошел, вроде бы проходя мимо. Поздоровался. Знакомые мужики представили его Игорю Георгиевичу, налили пива. Пиво Василий выпил, похвалил и сказал:

— Знакомство надо бы коньяком отметить. У меня в правлении бутылочка в сейфе как раз для такого случая имеется. Через минуту вернусь.

Косиченко для приличия сказал, что не стоит, однако Василий уже пошел в правление. А через минуту на небольшом раскладном столике стояло две бутылки коньяка, свежие огурчики, банка шпротов и бутылочка боржоми. Через час появилось еще две бутылки такого же коньяка.

— Ты, Василий, его тут производишь, что ли? — спросил главный архитектор.

— Игорь Георгиевич, обижаете. Ко мне друг из Тбилиси приезжал, а у них, сами знаете, без подарков никак. Он в «Самтресте» работает, ну и привез целый ящик. Я его на машине встречал. В багажнике и осталось несколько бутылок. Коньяк не какой-нибудь, настоящий, с завода. КВ.

— Хороший коньяк, — подтвердил Косиченко и, подумав, добавил: — Ты, Василий, если будут какие проблемы, обращайся. Постараюсь помочь.

— Спасибо, Игорь Георгиевич, а проблемы действительно есть. Не у меня лично, а у нашего кооператива. Но об этом как-нибудь потом. А то получается, что я специально для этого к вам сегодня подошел, — схитрил Василий.

— А что, не для этого? — спросил Косиченко. Все засмеялись. Василий покраснел и сделал вид, что засмущался. — Да не смущайся ты, я пошутил, извини, если неудачно.

Настроение у Косиченко было отличное, и Василий ему определенно понравился.

— Однако пора по домам.

Мужики засобирались. Василий помог убрать со стола, но делал это солидно, не шестерил. Мусор собрал в газету, не выкинул его за угол, как делали большинство гаражников, а отнес в мусорный бак. Косиченко отметил это про себя и мысленно похвалил Василия еще раз. Остальные мужики разошлись по своим гаражам, и домой Василий пошел вместе с Игорем Георгиевичем. Сразу у выхода он поймал попутную машину и доставил главного архитектора до самого подъезда. Прощаясь, они договорились встретиться на следующий день. Косиченко дал Василию свой рабочий телефон и сказал, что лучше всего его застать на месте после обеда, часа в два — полтретьего.

11

На следующий день, ровно в половине третьего в кабинете главного архитектора города Игоря Георгиевича Косиченко раздался звонок. Естественно, это звонил Васька Лынь:

— Игорь Георгиевич, Лынев Василий беспокоит. Как у вас со временем? Когда могли бы меня принять? — Лынев говорил просительным тоном, ничем не напоминая о вчерашней совместной выпивке в гараже. Косиченко отметил и это. «Другой бы фамильярничать начал, а этот так говорит, как будто и незнакомы».

— Так, через полчаса у меня минут двадцать свободных будет, подходи, — Игорь Георгиевич нарочно поставил акцент на «подходи»: во-первых, это означало доброжелательное расположение к Василию, во-вторых, устанавливало четкую иерархию в их взаимоотношениях, а в-третьих, обнадеживало, что дело он решит положительно, хотя суть просьбы Лынева ему была неизвестна.

Лынев появился в назначенный срок. Сказал секретарше, что ему назначено и попросил доложить:

— Председатель гаражного кооператива «Восход» Лынев Василий Николаевич, — войдя в кабинет, Василий сразу приступил к сути своего вопроса: — Игорь Георгиевич! В нашем кооперативе проблемы. Многие граждане, в том числе инвалиды Отечественной войны, передовики производства, обращаются с просьбой о строительстве гаражей, а мест в кооперативе нет. Хотя рядом пустого места полно. Да что я вам говорю,

вы лучше меня знаете. Вокруг последнего ряда к стенам гаражей снаружи пристроить можно, только разрешение нужно. Если бы такая возможность появилась, хотелось бы построить не просто абы какие коробки кирпичные, а ровненькие, аккуратненькие по одному проекту гаражи, чтобы архитектуру города украшали. Помогите, Игорь Георгиевич, — продолжал Василий, — и с разрешением, и с проектом. А я бы ребят нашел. Построили бы за одно лето. У вас сын подрастает, скоро машину захочет купить, а где ее держать? Негде. Мы бы построили образцово-показательный гараж для него.

Косиченко не предполагал такого разговора, он думал, что Лынев попросит помочь поступить в строительный институт какому-нибудь родственнику или еще какую-то мелочь.

— Вопрос, Василий, серьезный, надо подумать. План градостроительства утвержден. Изменения туда внести, сам понимаешь, даже для меня непросто, — начал наводить туман Косиченко, — но попробую помочь родному кооперативу и лично его председателю, — закончил, разрядив серьезность тона, Игорь Георгиевич. — Короче, чтобы не тянуть, давай сделаем так. Ты мне приноси заявление от правления кооператива. Напиши фамилии инвалидов войны, труда, найди людей заслуженных и уважаемых, которым отказать будет нельзя, пусть они подпишутся. А я постараюсь, чтобы к 9 Мая был ветеранам подарок.

— Игорь Георгиевич, вы гений! — Васька изобразил восторг от решения Косиченко, хотя сам ему это решение и преподнес. Все подготовлю и принесу послезавтра же. Спасибо от нашего кооператива. — Игорь Георгиевич, может быть, вы и с проектом поможете? — хватал быка за рога Василий.

— Подумаю. Готовь заявление-просьбу от ветеранов, постарайся, оно очень важно, — закончил разговор Косиченко.

Василий надеялся, но чтобы так скоро уговорить Косиченко...

Сразу после майских праздников все документы были оформлены. Разрешение на строительство получено. Выходило, по Васькиным расчетам, аж шестьдесят гаражей. Ветеранам доставалось всего восемнадцать. Да два — Косиченко. Гаражей тридцать Лынев рассчитывал построить через родственников, подставных алкашей себе, чтобы потом продать. Спрос на гаражи был огромный. Получались в сумме сумасшедшие деньги.

12

За неделю Лынев собрал деньги на строительство гаражей с богатых автолюбителей, мечтавших получить новые, в два уровня гаражи, отрыл экскаватором траншею для подвалов, нанял бригаду шабашников и развернул строительство.

Прорабом он был, естественно, никудышным. Других знаний, кроме здравого смысла и желания побыстрей и подешевле построить гаражи, за душой не имел. А нужны были связи. Надо было срочно доставать бетонные блоки, перекрытия, битум, цемент, кирпич. И Василий начал обивать пороги заводов ЖБИ, кирпичного и складов стройматериалов. Увы, ничего из вышеприведенного списка там для него не было.

Все, что ему требовалось, строго лимитировалось, распределялось согласно нарядам и разнарядкам, согласно заявкам, составленным и поданным еще год, а то и два назад. А два года назад Василий и не подозревал, что будет заниматься гаражным строительством. Шабашники, подровняв после экскаватора траншею, требовали материалы. Те крохи, которые Василию удавалось достать, как они выражались, «срабатывались» за один-два дня. Начинали спрашивать о строительных делах и хозяева.

— Денежки, ты, Василий Николаич, взял, а стройка что-то стоит?

— Не волнуйтесь, материалы на подходе. Не было цемента, теперь его подвезли, на днях начнем завозить блоки, — врал Лынев.

Настроение его с каждым днем ухудшалось и ухудшалось. В очередное утро уже без всякого энтузиазма в очередной раз поехал он на бетонный завод. Дождавшись, когда счастливцы из стройконтор получили по нарядам блоки и другие, столь необходимые ему материалы, Лынев зашел в кабинет начальника отдела сбыта.

К своему удивлению, он увидел там не прежнего всклокоченного, небритого и явно запойного мужика лет пятидесяти пяти, а очень даже симпатичную, одетую «в фирму» женщину. На взгляд — свою ровесницу. Василий, рассчитывавший выпить с тем мужиком и, быть может, уговорить его отпустить хотя бы десятка четыре блоков, понял, что ничего ему у этой мадам не получить. «Небось жена какого-нибудь начальничка. Старого козла на время запоя заменила. Ничего мне сегодня тут не светит», — подумал Василий. И от безысходности, а потому искренне сказал:

— От такой красивой женщины и слово «нет» услышать приятно.

Дама посмотрела на него, выдержала паузу и спросила, даже, скорее, не спросила, а заявила:

— А если — «да», так и неприятно?

— А «да» в вашем ведомстве я последние две недели не слышал. Об этом я только мечтал.

— Какие проблемы? Кто вас так обидел? — с иронией спросила она. — Мы, строители, люди безотказные. Всегда рады помочь страждущим и сирым, — продолжала в том же чуть игривом, полусерьезном, полуироничном тоне дама.

Василий рассказал о своих проблемах. Рассказал просто, а в конце, строками из передовицы за две минуты вроде бы и всерьез, а вроде бы подыгрывая тону дамы, продекламировал про ветеранов, отдававших свою жизнь, инвалидов, потерявших здоровье, и прочие обоснования, с которыми спорить было нельзя, потому что, с одной стороны, они правильные, а с другой, про них вспоминают только тогда, когда надо решить свои шкурные цели.

— Красиво излагаете. Кстати, вы так трогательно заботитесь о ветеранах, а сами не представились, — Василий назвал себя. Дама в свою очередь произнесла: — Татьяна Ивановна. С сегодняшнего дня начальник отдела сбыта завода.

— Татьяна Ивановна, помогите, такое начинание гибнет. Ветераны просят! — продолжал Василий.

— Знаешь что, Вася, — Татьяна Ивановна резко перешла на ты, — голову мне не морочь ветеранами. Вопрос, как ты уже уяснил, тяжелый, помочь я твоим сиротам и ветеранам постараюсь, но повторяю, дело очень тяжелое.

— Татьяна Ивановна, я это прекрасно понимаю, — быстро сообразил Лынев, — все, что от меня зависит, я сделаю, а вам буду обязан по гроб жизни.

— Ну, про гроб это позже, а некоторые детали надо будет обсудить.

— Татьяна Ивановна, назначьте место и время — я к вашим услугам в любой момент.

— Ну, ладно, давай, чтобы не затягивать, сегодня вечерком, в половине восьмого в «Маяке» встретимся.

— Татьяна Ивановна, «Столичный» лучше.

— Зато в «Маяке» меньше шумят, а в банкетном зале и глаз меньше.

— Понял. Спасибо вам. До вечера.

Мысль Васьки Лыня опять заработала интенсивно. Он начал считать и обыгрывать варианты. «Ох, обдерет меня эта Танечка. И никуда я не денусь, еще спасибо скажу. А куда деваться? Некуда!» — подвел итог Василий.

Вечером, за десять минут до назначенного срока, одетый соответственно обстоятельствам, благо «шмоточные» связи у него остались, Василий с букетом роз в руках и коробочкой дефицитнейшей тогда французской парфюмерии ждал Татьяну возле «Маяка». Опоздав, как положено по этикету на пятнадцать минут, Татьяна Ивановна не спеша подошла к «Маяку».

— Татьяна Ивановна, если бы вы мне не назначили встречу, я бы никогда не осмелился заговорить с такой красавицей, — Василий был искренен, как никогда.

Действительно, очень эффектно одетая, на каблучках, в облегающем платье, с распущенными, спадающими на плечи светло-русыми волосами, Татьяна выглядела более чем эффектно.

— Спасибо на добром слове. Мы не на работе, давай переходить на ты. Меня зовут Татьяна.

— Танечка, это вам, — Василий протянул цветы. И вот это — с восхищением вашей красотой, — Лынев протянул коробочку с парфюмерией, — надеюсь, что тон угадал.

— Спасибо. От такого подарка невозможно отказаться. Если не секрет, откуда такие возможности? Этого же и в Москве не найти.

— Старые связи. Если что из косметики потребуется, только скажите, для вас обязательно достану.

— Буду иметь в виду. Кстати, у вас хороший вкус. Галстук очень подходит к пиджаку. Это у мужчин в провинции редко случается.

Так, говоря друг другу комплименты, они вошли в ресторан, прошли в банкетный зал, где Василий еще в первом часу, сразу после разговора на заводе заказал столик.

В Москве Василий, как человек общительный, дружил с разными людьми. В его группе учились ребята, родители которых работали в министерствах, ЦК, были известными учеными. В компаниях, празднуя дни рождения, в других застольях, такие студенты вели себя совсем иначе, чем провинциалы, а особенно ребята из деревень или райцентров. Были они не скованы, но и не развязны, говорили непринужденно и естественно. Как правило, их застольные разговоры сводились к обсуждению театральной Москвы или новинок литературы. Василий исподволь присматривался к такой манере, поведению и за четыре года учебы многое перенял.

Как ни удивительно, но меньше всего об основах этикета он узнал от иностранцев, с которыми по фарцовочным делам сталкивался, обедал и ужинал последние года два своей московской жизни. Были те интуристы, как правило, развязны и, в общем-то,

неприятны Василию, но уж очень хорошо он зарабатывал, скупая у них и перепродавая тряпье. Однако кое-чему научился он и у этих своих знакомцев.

Поэтому, подойдя к столику, Василий выбрал самое удобное место, откуда можно было рассмотреть весь зал, отодвинул стул и предложил Татьяне занять его. Не буду останавливаться на том, как он предлагал выбирать кушанья из меню, а напитки выбирал сам, на прочих освоенных тонкостях, но должен отметить, что Татьяна по достоинству оценила их. Улыбалась шуткам, удивлялась историям и исподволь старалась узнать о нем как можно больше. К концу вечера знала о визави почти все. Правда, про самый тяжелый год своей жизни Василий не сказал, а на вопрос, почему бросил институт и переехал сюда, махнул рукой и грустно сказал:

— Танечка, если бы все в жизни было так, как мы хотим, то мы были бы не мы и, наверное, не здесь, — и добавил: — Однако я счастлив, что сейчас здесь и с вами. Так что, как говорили древние, все перемены происходят к лучшему, но ведут к могиле.

Постепенно Татьяна стала доверять Василию и в самом конце вечера, закурив, впервые за вечер начала разговор о том, ради чего они пришли сюда.

— Вы, Василий Николаевич, наверное, думаете, что эта дамочка обдерет вас как липку, взятку начнет вымогать или гаражами расплачиваться за материалы заставит. Так ведь?

Василий к тому времени хорошо познал науку общения и усвоил, что одним из главных в разговоре является молчание. Или как говорят актеры — пауза. Поэтому продолжал слушать этот, как он догадывался, заранее подготовленный монолог, не реагируя на вопрос.

— А вот и нет, — продолжала Татьяна, — мы возьмем с вас ровно столько, сколько положено, и ни копейкой больше. И оформление будет, как положено, и счет, и приходный ордер. Никаких незаконностей. Но будет один нюанс. В кассу завода вы оплатите двадцать процентов от всей стоимости, а остальные передадите мне.

— Татьяна Ивановна, нет вопросов. Только как это возможно сделать?

— А вот так. Напишешь письмо на имя директора нашего завода ЖБИ от своего кооператива. Укажешь, что для ветеранов войны и так далее просишь выделить некондиционные и бракованные блоки, перекрытия и прочее. Вопросы есть?

— Вопросов, как говорится, нет. Татьяна Ивановна, вы не только красавица, вы еще и мудрейшая женщина. Я поражен простотой и элегантностью идеи.

— Когда реализуем, тогда и будете восхищаться. Я надеюсь, что всё, о чем мы говорили, останется между нами. Сами понимаете, что проблем не будет, если сами их не сделаем.

— Татьяна, меня жизнь тоже кое-чему научила. Так что за мое молчание можешь быть спокойной.

— Ну, тогда давай выпьем за удачу.

Они вышли из ресторана. Василий проводил Татьяну до подъезда. Поцеловал ей руку. Дождался, пока перестали стучать по ступенькам каблучки, хлопнула дверь, и отправился домой.

Давно он не был в таком хорошем настроении. Ему вспомнилось, как он влюблялся в институте, бродил с девчонками до утра, провожал их домой и так же, как сейчас, счастливый и беззаботный, возвращался домой. Все было так. Да не совсем. Увы, не было уже беззаботности, не было просто влюбленности, ни за что-нибудь, а просто так, потому что девчонка понравилась, просто понравилась, и все.

Как было договорено, так Васька Лынь и поступил. Письмо на имя директора завода он отпечатал сам. Во всех красках описал тяжелую судьбу ветеранов и пенсионеров, отдавших родине жизнь и здоровье, но на старости лет не имеющих возможности обзавестись гаражами, которые готовы построить хотя бы из «не нужных бракованных бетонных изделий, подлежащих выбрасыванию на свалку».

Процесс, как стало модным тогда говорить, пошел. Грузовики подвозили к котловану бетонные блоки всевозможных размеров, плиты для перекрытия подвалов и крыш. Строители едва успевали перемешивать цементный раствор и укладывать на него блоки. Крановщик матерился и давно запутался, что говорить и куда еще отпрашиваться вместе со своим краном у прораба со стройки, к которой был прикреплен. Работа кипела и днем, и ночью.

Дни замелькали. Татьяна через свои связи помогала добывать множество дефицитнейших материалов. Василий только успевал заправлять «Ниву», чтобы мотаться по заводам, складам, базам. Организовывать доставку железа для ворот, кирпича для заделки дыр и промежутков между бетонными блоками в стенах, электродов для электросварщиков, проводки для электриков, рубероида и битума для кровельщиков и многого другого, о чем сразу и не упомнишь, но без чего стройка мгновенно остановится, народ сначала закурит, а потом и запьет. И начнет куролесить неделю, а то и две. Потом похмелье, для которого со стройки потащат всё, что плохо лежит, всё, что

возможно выломать и своровать. Василий все это знал и не давал ни себе, ни рабочим отдыха ни на минуту.

К концу июля последние гаражи были отштукатурены, подключены к подстанции и переданы хозяевам. Денег на этом строительстве Василий заработал столько, что медовый бизнес ему показался детской игрой...

13

Коротов не сразу почувствовал перемены в городской ситуации. Однако, когда стали из недели в неделю снижаться доходы от кооперативов, когда зачастили проверки инспекций и знакомый Звягина следователь прокуратуры сказал, что помочь ничем не может, что дела в отношении, как он выразился, «зарвавшихся и жиреющих на теле трудового народа» кооператоров находятся под контролем областного прокурора, понял, что надо перехватывать инициативу.

Коротов сообразил, кто стоит за всеми этими проверками. Он пробовал беседовать по душам с горисполкомовскими чиновниками. Выяснить, как можно надавить на Лизова. Прижать его. Не получалось. Оказалось, что все, кто хоть как-то был связан с его заводом, либо сокращены, либо отправлены с почетом на пенсию, либо переведены в службы, не связанные напрямую с аппаратом района и города.

— Ну, сучара, Лизов, — злился Коротов, — все концы обрубил. Да как быстро докумекал. Хорошо кадровую службу поставил. Ну да мы на тебя найдем управу. Укоротим, комсомолец хренов.

Работу против Лизова он поручил тому же Звягину. Суть ее была проста и традиционна. Собрать информацию, подтасовать некоторые моменты и представить в обком. Сразу всего не выкладывать, самый жареный и сомнительный компромат приберечь на финал, когда проверять будет некогда, и в ход пойдут эмоции, а не факты.

Звягину идея не понравилась, но высказывать свое мнение он не привык. Сказал традиционное «есть» и вышел из кабинета Коротова. В своем же маленьком кабинетике стал размышлять. Уже не впервые Коротов поручал ему такие мерзопакостные дела. Однако раньше он это обосновывал заботами о процветании завода, его сотрудников:

— Коллективу в нынешних тяжелых условиях традиционными методами не выжить. Ты это сам отлично понимаешь, Николай, — говорил он тихим голосом, как бы приобщая Звягина к высшей государственной мудрости, делая его соратником, посвященным в таинства процессов перестройки во всесоюзном масштабе, — ситуация в стране изменилась, а законодательство отстает. Я в Москве обсуждал это. В Совмине, там так и сказали: «Законодательство постепенно подтянем, а пока проявляйте инициативу».

Звягину вначале такое отношение льстило, но постепенно, сравнивая слова и конкретные дела Коротова, он всё более скептически настраивался к своему начальнику. Хотя был благодарен за помощь в лечении, устройстве на работу. Да и деньги в последнее время перепадали ему немалые. Но деньги и появлявшаяся власть не перевешивали старую выучку и убеждения. Он знал, что такое хорошо и что такое плохо.

Одно дело, когда со своими ребятами афганцами он ломал уголовников или бывших спортсменов, обиравших кооператоров, и организовывал охрану кооперативов. Но на этот раз! Собирать компромат на первого секретаря райкома. Да его самого из партии выкинут, если узнают.

«Это дело по моему бывшему ведомству, — рассуждал Звягин. — Если бы я, когда там работал, узнал, что какая-то сволочь копает под первого секретаря без санкции прокурора, а только потому, что тот прижал хвост дельцам, я бы этого энергичного молодого человека раскрутил лет на десять».

В голову Звягина лезли разные мысли, он пытался анализировать их, но все рассуждения заканчивались одной фразой: «А на хрена это мне надо!» С другой стороны, деньги, которые получал как председатель охранного кооператива, лишними не были. Стоит ему отказаться от приказа Коротова, как вылетит он и с завода, и с председателей в пять минут. А на одну пенсию жить неохота. Так и ушел в этот вечер Звягин с работы, не решив, как ему действовать.

14

Лизов про козни Коротова узнал быстро. «Компромат собирает. Ну ладно, бог в помощь. Мы тебе, дорогой товарищ Коротов, тоже сделаем козью морду». Лизов уже давно собирался подготовить экологическую акцию против коротовского завода. Рассуждения его были по-своему справедливы.

— Завод городу практически не помогает, а экологию отравляет. Особенно непо-

нятна давняя история с вывозом урановой стружки и вообще с захоронением ядовитых заводских отходов неизвестно где. Да и теперь этот Коротов людей продолжает гробить, а денег на строительство медицинского центра не дает, — проговаривал Лизов свое будущее выступление перед активистами местного экологического клуба «Экомир».

Выступление состоялось. Прошло весьма бурно. Экологические спасители мира, почувствовав, что Лизов на их стороне, взвинтили общественность города. Жители встали не на сторону завода. Борьба ожесточалась. К ней подключились силы обкома, в котором авторитет Лизова после «газификационных» побед стал внушителен. Вообще для Лизова ситуация складывалась благоприятно. Начали ходить разговоры, что его собираются забрать в обком вторым секретарем или сделать председателем облисполкома. Наверное, так бы со временем и произошло, но случилось совсем другое.

Произошло ГКЧП.

О том, что сотворитель перестройки генсек Горбачев уехал в отпуск в Фарос, сильно заболел и не может сам рулить, а если рулит, то не туда, куда надо, и Лизов, и Коротов узнали, как и остальные жители Преображенска, из телевизора. Однако, в отличие от обывателей, им необходимо было принимать решение о своем отношении к этому действу. А принимать ох как не хотелось. Ошибиться было очень легко. И информированному в столичных делах Коротову, и менее информированному Лизову. Поэтому оба сразу ушли на больничный, и для пущей важности один лег в заводскую медсанчасть на предмет обследования сердца, а другой в районную больницу, примерно с тем же диагнозом.

Однако на третий день после знаменитого телевыступления ГКЧПистов, более известного под названием «выступления с дрожащими руками», увидев их бездеятельность и одновременную весьма энергичную деятельность правительства РСФСР и других ельцинских структур, извергавших шквал газетных и радиообращений, устраивавших в Москве митинги, начали соображать быстрее. Проштудировали в последний раз работу В.И. Ленина о том, что во время восстания надо добиваться успехов «ежедневно и ежечасно» и что «промедление смерти подобно», в один день и даже час выехали в столицу и на следующий день столкнулись в бюро пропусков Белого дома. Коротову как депутату проникнуть в цитадель будущей демократии было просто, и он, получив пропуск, устремился искать приемную Ельцина. Лизову этого сделать не удалось, и он, чувствуя, что ситуация для него ухудшается, решился на отчаянный для партработника шаг — записался в ополчение Белого дома.

Первая ночь прошла в организационной неразберихе. Ходили слухи, что вот-вот начнется штурм. Приехали КамАЗы и завалили дороги железными трубами, бетонными блоками и еще чем-то строительным. Ретивые и неопытные старшие постоянно перекликали и пересчитывали своих ополченцев. Лизов матерился про себя, но стойко боролся со сном и холодом. Под утро, увидев нескольких человек с усатым полковником во главе, обходивших так называемые посты, подбежал к ним и, представившись, как ему казалось, четко и по-военному лаконично, рассказал, что его город поддерживает Ельцина в борьбе с ГКЧП, сам он стоит тут насмерть и просит указаний по дальнейшей деятельности. Один из полковничьей свиты вытащил блокнот и, сказав: «Очень хорошо. Мы рады приветствовать вас в рядах защитников новой России!» — записал его фамилию и выдал специальный пропуск.

— Сегодня состоится расширенное заседание президиума Верховного совета. Подходите, послушаете, а после него найдите меня и обсудим, что вам лично делать.

— Есть, — ответил Лизов.

Свита проследовала дальше, а он сумел, наконец, попасть в Белый дом, шел по коридору и обдумывал, что ему лично делать.

Руководство области сдуру поддержало ГКЧП, надеясь получить за скорость и энтузиазм лавры, и, кажется, здорово просчиталось. При хорошей постановке вопроса он, Лизов, мог стать первым человеком в области. Но Коротов... к кому удалось ему проникнуть? С кем встречался? Что говорил? Чего добился? Лизов размышлял. На боку его висела сумка с дурацким противогазом, который выдали вместо оружия. По внутренней радиосети повторяли речь Ельцина на митинге.

Как по заказу в коридоре появился Коротов, в расстегнутом пиджаке, согласно ситуации демократично, без галстука, он шел навстречу Лизову, раскинув в стороны для объятия руки и на такую же ширину растянув лицо в улыбке.

— Лизов! Виталий Ильич! Здравствуй, дорогой! Рад тебя видеть! — Коротов обнял его, похлопал по спине и расцеловал.

— И я тебя приветствую, Виктор Петрович! — Лизов был обескуражен сначала вообще встречей, но еще больше столь дружеским и фамильярным обращением своего противника.

— Отойдем в сторонку, поговорить надо. Большое дело намечается, — продолжал

с тем же напором Коротов. Лизов пришел в себя и в ответ сказал первое, пришедшее в голову:

— Есть хочешь? — и, вытащив из противогазной сумки кусок колбасы, разломил ее пополам и протянул Коротову. То же сделал он и с хлебом.

— Ну, ты даешь! — воскликнул Коротов, взял протянутое и высокопарно продолжил: — Этот кусок дорогого стоит. Спасибо тебе, Виталий Ильич. Потом вспоминать будем, как на баррикадах кусок хлеба по-братски делили.

Лизов от такой наглости чуть не подавился. Но уже приобретенные руководящие навыки сыграли свое.

— Виталий, ни к чему нам с тобой во врагов играть. Ситуация, видишь, какая. Все меняется. Вместе мы многое сможем. Чего там, давай говорить по-простому. Ты сюда за областью приехал? Возьми ее. Мне она не нужна. Я тебе помогу.

— Ну, области не мы с тобой делим, — дипломатично начал Лизов и, с секунду промолчав, продолжил: — А за дружбу спасибо. И тебе буду рад помогать. Ты-то чего для себя хочешь, не меньше, чем министерство? Рад буду помочь.

— Ну, ты Виталий Ильич, голова, но министерства тоже не мы с тобой делим, — добродушно засмеялся Коротов. — Сегодня или завтра очень многое может решиться. Главное, попасть в новую обойму. Давай действовать вместе. И кто старое помянет, тому глаз вон. Договорились?

Лизов крепко пожал протянутую руку Коротова и сказал коротко, но весомо:

— Я за!

Так началась смена приоритетов, партнеров, правил игры, ценностей и прочего, и прочего. Да чего там приоритетов, началась смена всей жизни, всей страны... Слова и фразы «процесс пошел, консенсус, мышление (с ударением на «ы»), перестройка, ускорение» начали уходить в прошлое.

Чуть позже ушли в прошлое, но не забылись людьми, жившими в те времена, цены: темный хлеб — 16 коп., батон — 22 коп., вареная колбаса — 2 руб. 80 коп., молоко — 20 коп., водка 0,5 л — 2 руб. 87 коп, мясо в магазине — 1 руб. 80 коп., мясо на базаре — 3 руб. 50 коп., пиво 0,5 л — 22 коп., билет в кино — 10-50 коп., проезд в трамвае — 3 коп., в троллейбусе — 5 коп., в автобусе — 6 коп., спички — 1 коп., сахар — 78 коп.

На поезде из какого-нибудь областного центра за 1000 километров от Москвы в столицу доезжали в купейном вагоне за 16 руб., на самолете — за 22 руб.

При этих ценах рабочий на заводе получал от 120 до 300 рублей в месяц, инженер — примерно так же. Директор среднего завода — 500-600 рублей. В НИИ кандидат наук — 300, а доктор — 500 рублей. Врачи, учителя и другая интеллигенция — 100-250 рублей. Плюс премии иногда до 50 процентов от оклада.

Да, добрые старые времена уходили. Уходила система строгой иерархии, распределения, баланса между желаниями, возможностями и общественным мнением. Начиналось нечто иное...

15

В областной центр из столицы Лизов прибыл, не заехав в родной Преображенск. Вместе с ним приехал представитель председателя президиума Верховного совета РСФСР и Коротов. На внеочередном заседании областного Совета народных депутатов он кратко обрисовал героическую защиту Белого дома и свою причастность к этому мероприятию, предложил избрать на должность председателя облисполкома «героического защитника демократии и прогресса» Виталия Ильича Лизова вместо ушедшего на пенсию прежнего председателя.

После поддерживающих выступлений восьмерых депутатов прения прекратили, спросили, кто против, кто воздержался, кто за, и единогласно выбрали. Причем если бы эта часть заседания была записана на магнитофон, то она прозвучала бы примерно так: «Ктопротиввоздержалсянет. Кто за — единогласно».

В этот же день Лизов подписал целую папку документов. В этой папке были и характеристики, и анкеты, и выписки из... Чего только в папке не было, была даже справка об участии в обороне Белого дома, а завершала всё рекомендация-ходатайство на назначение Коротова заместителем председателя Комитета по внешнеэкономическим связям при Совете министров РСФСР.

На председателя сторговаться с московскими революционерами Коротову не удалось. Но и эта должность была предметом вожделения, зависти и, следовательно, лютой ненависти многих и многих. В ее выторговывании принимал участие однооборонщик Лизов, и его участие оказалось для Коротова весьма полезным.

А великий советский народ, особенно та часть, которая называлась интеллигенцией, завороженно следила по телевизорам за новым политическим действом. Разинув рты, поддерживая и одобряя, слушал народ речи вождей, демонстративно прикрытых бронежилетами, хотя никто в них стрелять не собирался. Глядели провинциальные

граждане на пляшущих возле танков парней и танкистов, которые толком не знали, зачем им сюда приказали прибыть, и пили водку, пиво, откупоривая бутылки о крышки железных ящиков для ЗИПа.

Восхищались отчаянным усатым полковником-вертолетчиком с автоматом наперевес, прилетевшим с несколькими помощниками в Крым на правительственном пассажирском самолете, чтобы освобождать неизвестно от кого первого президента СССР. Сочувствовали люди семье этого президента, правда, и сами не знали, в чем именно сочувствовали.

Глядел народ, глядел, да и не заметил, как перестал быть и великим, и советским. Не заметил, что проиграл в этой мыльной и дешевой политической опере именно он да возглавлявший и вдохновлявший его на перестройку и гласность президент СССР — первый и последний.

А выиграл пострадавший, как некогда Чичиков, за правду бывший кандидат в члены политбюро ЦК КПСС. Выиграл усатый, пахнущий дорогим коньячком и одеколоном полковник, ставший после шоу с освобождением президента генералом. Выиграли все, кто был около них, играл в эту игру, кто поставил на эту лошадку. Тот не ошибся.

Еще какое-то время растерянного президента и его семью показывали по телевизору. Он по инерции повторял слова про то, что надо «углубить», с ударением на второе «у» процесс перестройки, построить «социализм с человеческим лицом», но народ уже переставал «в едином порыве одобрять решения родной партии и правительства», превращался в *электорат*, и вообще мода на лысых президентов уже закончилась. Как и говорили пророки из юмористов-сатириков, после лысого президента пришел волосатый. В моду входило выражение «панимаш», в смысле «понимаешь», с долгой паузой, чтобы все поняли, и «вот такая загогулина». Позднее — «ваучер», приватизация», прозванная еще позднее «прихватизацией». Новые ребята расхватывали, вырывали друг у друга куски, продавали и перепродавали всё, что было построено, слеплено на поте и крови этого самого вечно безмолвствующего, свободолюбивого на словах, а на деле тысячелетнего крепостного — народа.

А в остальном все шло своим чередом. Показывали латиноамериканские сериалы. Женщины после работы рыдали над несчастной судьбой миллионерш и варили щи. Мужчины забивали козла и в длинных очередях за пивом и едой обсуждали политические события.

Бедный и любимый мой народ. Что могу дать тебе я? Ты меня родил, выучил, выкормил. Вправил мне мозги, научил быть добрым и честным, а если некуда деться, то и приврать, и сплутовать, в общем, научил выживать, работать и чего-то полезное прибавлять к огромной моей Родине. А я-то чего могу, сам? Без тебя. Да ничего... Только любить тебя могу. Любить так, как, наверное, никакой другой народ не может любить свою землю. Свою Родину.

Прости меня, читатель. И сам не знаю, как вырвались эти слова. Вырвались, и всё. После хотел вычеркнуть, да не посмел. Потому что навряд ли еще когда напишу. Постесняюсь. А уж если вылетело слово, то, как воробья из пословицы — уже его не воротишь...

16

Татьяне было спокойно. Вчера начался отпуск. Она хотела получить его осенью. Чтобы отдохнуть от суеты завода. Именно осенью, когда заканчивается летняя истерия с бетоном. Еще из детства, когда ей было лет шесть или семь, а отец с матерью жили вместе, Татьяна помнила, что в начале осени по воскресеньям они надевали парадные одежды и после обеда шли гулять в заводской парк. Парк был огромный, с духовым оркестром, аттракционами, продавщицами, торговавшими с лотков на развес разноцветными шариками мороженого. Таня всегда шла посредине, родители держали ее за руки, она подпрыгивала, повисала на руках, поджимала ноги, отец и мать раскачивали ее, как на качелях, и все вместе смеялись. Все это сложилось в детской голове, как счастье, да так и осталось навсегда. Поэтому и начало осени Татьяна воспринимала, как надежду на встречу со счастьем. Нет, не конкретным, как говорят, поздравляя с днем рождения на работе, «счастьем в личной жизни», а вообще, просто счастьем.

Выспавшись до полудня после года работы, с подъемами в половине шестого, с уходом на работу в семь часов, не спеша позавтракав, Татьяна отправилась в тот самый парк. Возле старого, с обшарпанными и давно не окрашенными колоннами заводского дворца культуры стояло маленькое уцелевшее с семидесятых годов стеклянное кафе, из которого время от времени выходили полупьяные мужики. Заходить в него Татьяне не захотелось, она прошла дальше, вышла на центральную аллею с редкими скамейками, увидела на одной забытую кем-то толстую тетрадь, присела, наугад открыла страницу и прочитала: «Законы Мерфи».

Еще со времен института, когда Татьяна впервые услышала загадочное тогда для

нее название «Физтех», в который ездили поступать лучшие медалисты из их школы и проваливались, а потом легко поступали на престижные факультеты других вузов, она составила представление о физиках как о людях из иного, более высокого, почти нереального мира. Все, что как-то касалось того мира, было ей интересно, притягивало, вызывало уважение и немного страшило. Тогда же кто-то из ребят их класса, приехав на каникулы, дал почитать книжку «Физики шутят». Книжка понравилась. Потом она много раз хотела ее перечитать, но книжка затерялась.

Увидев знакомое по той книжке название, Татьяна продолжила читать:

«Закон Мерфи: если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается.

Следствия: из всех неприятностей произойдет именно та, ущерб от которой больше; предоставленные самим себе, события имеют тенденцию развиваться от плохого, к худшему.

Первый закон Чизхолма: все, что может испортиться — портится.

Следствие: все, что не может испортиться — портится тоже.

Второй закон Чизхолма: когда дела идут хорошо, что-то должно случиться в самом ближайшем будущем.

Следствия: 1) когда дела идут хуже некуда, в самом ближайшем будущем они пойдут еще хуже; 2) если вам кажется, что ситуация улучшается, значит, вы чего-то не заметили.

Закон Паддера: все, что хорошо начинается, кончается плохо; все, что плохо начинается, кончается еще хуже.

Прикладная мерфология:

Законы Клипштейна в приложении к производству:

Система обеспечения надежности выведет из строя все другие системы.

После того как из защитного кожуха будет выкручен последний из 16-ти болтов, выяснится, что сняли не тот кожух.

После того как кожух закрепили 16-ю удерживающими болтами, окажется, что внутрь забыли положить прокладку.

После сборки установки на верстаке обнаружатся лишние детали».

Вдохновленная пессимизмом прочитанного, Татьяна перелистнула страницу, однако вместо продолжения забавных законов, придуманных для укрепления духа молодых экспериментаторов, обнаружила там совершенно другое. Крупными буквами был написан и дважды подчеркнут заголовок: «Гераклит Эфесский»...

Татьяна оторвала глаза от тетради. Уже стемнело. Подумала: «К чему вдруг попалась в руки эта тетрадь, кем оставлена, случайно или нет?»

Через все небо не спеша, уверенно, подтверждая правильность рассчитанной специалистами траектории, медленно пролетал спутник. Мерцали звезды, свиристели сверчки. Казалось, что свиристят звезды, донося через мириады световых лет звуки своей, уже давно несуществующей и в то же время существующей для нас жизни.

На соседней скамейке магнитола пела про Арлекино, для которого «есть одна награда — смех: ха-ха-ха — ха-ха, ха-ха-ха — ха-ха».

Потом по радио стали передавать местные новости: «Новым руководителем области назначен Лизов Виталий Ильич. Виталий Ильич Лизов родился в 1953 году. В этом году умер Сталин и страна, наконец, начала постепенно избавляться от тоталитарного гнета. Были прекращены репрессии, — в заслугу Лизова поставил диктор и продолжил: — Всю свою сознательную жизнь Виталий Ильич посвятил защите интересов простых тружеников. Голос сердца призвал его на баррикады свободы и защиты молодой российской демократии у Белого дома, когда полчища реакционеров стремились задушить молодую российскую демократию! — продолжал захлебываться от восторга диктор. — Руководство Преображенска возглавит Игорь Григорьевич Косиченко. Город ему давно и хорошо знаком. До этого он был главным архитектором Преображенска. Его первым заместителем назначен Василий Николаевич Лынев, человек новой формации, предприниматель, преследовавшийся за свои взгляды прежним режимом. Большие перемены произошли на Преображенском инструментальном заводе. Бывший генеральный директор, защитник Белого дома Виктор Петрович Коротов переведен на работу в правительство новой России. Директором завода назначен Витов Владимир Иванович. А теперь послушайте легкую музыку».

Голос диктора смолк. На некоторое время снова засвиристели звезды, а затем группа «АББА» запела «про мани, мани ин зе рич мен...» И звезды умолкли...

Самид АГАЕВ

ВЫБОР ЦЕЛИ

Пятьдесят седьмой день рождения Нестор Авдеев встречал в компании идеального собеседника — то есть самого себя. Собственно, день этот ничем не отличался от других. Люди придают событию слишком большое значение. В подтверждение ему даже попалось на глаза кстатическое высказывание далай-ламы. «Я не праздную дни рождения, — как-то заметил главный буддист, — мне кажется, что это пустая трата времени. Для меня этот день ничем не отличается от других. Каждый новый день и есть день рождения». А когда человеку под шестьдесят — особенно, добавил к этому Нестор. И хотя он был лишен всех этих именинных предрассудков, то есть никого не ждал, но наготовил всего на тот случай, если кто все же объявится. Накрыл стол, сервировав его в лучших традициях незабвенного советского прошлого. Икра красная, заморская баклажанная, балычок, осетрина горячего копчения, сырокопченая колбаса, сыр нескольких сортов, грибочки — нет, не грибочки, с ними нельзя было так запросто, ибо это были маринованные грузди, королевские особы, хотя многие ошибочно думают, что пальма первенства принадлежит белому грибу. Он отварил картошку в мундире, очистил ее от кожуры, засыпал мелко нарубленным укропом, бросил в фарфоровую кастрюльку кусок сливочного масла и закрыл крышкой. Пусть томится. Была еще селедка слабосоленая, он собственноручно обработал ее днем. Основным блюдом выступала (здесь он не стал оригинальничать) домашняя курица, купленная на рынке, с начинкой из грецких орехов, перетертых с луком и алычовой пастой и приготовленная в духовке. Рецепт, которому его научил заводской снабженец, азербайджанец, который был родом из Грузии.

Завод, на котором он работал, был акционирован. Нестор как главный инженер получил свой пай, количество акций, соответствующих должности, но по просьбе директора продал их ему. Генеральный объяснил свою просьбу тем, что хочет аккумулировать в одних руках контрольный пакет, чтобы не допустить рейдерского захвата завода. В это Нестор легко поверил, так как от ближайшего метро до заводской проходной стояли мутные личности и скупали у работников акции завода. Кроме того, Нестор не особо верил во все эти рыночные механизмы, в это мало кто верил, все было ново, и, главное, все были уверены, что это ненадолго. Кроме тех, конечно, кто и заварил эту кашу. А вероятность испортить отношения с директором в случае отказа и потерять должность была велика. Прецеденты уже были. В конечном итоге он потерял и акции, и работу, которой отдал двадцать лет жизни, поскольку, собрав контрольный пакет, директор его продал девелоперской компании, выговорив себе место в совете директоров, сохранив за собой персональный автомобиль — белый «мерседес». Новый собственник завод обанкротил и выставил заводские корпуса на продажу. Сам директор недолго оставался в новом качестве. В результате очередной реорганизации потерял и место, и персональный автомобиль, что, впрочем, не могло служить утешением Нестору, отдавшему заводу лучшие годы своей жизни.

Телефон молчал весь день. Никто не изъявил желания позвонить ему, никто о нем не вспомнил, молчали даже рекламные агенты. Конечно, можно было полистать записные книжки, набрать пару номеров. Но было лень, да и незачем. Старых друзей он растерял, поднимаясь по карьерной лестнице, новых не приобрел. Вообще со сверстниками не общался, чтобы не глядеться в них, как в зеркало, не расстраиваться из-за преклонных лет. Нестор собирался ограничиться ужином в тесном кругу и просмотром по видео какого-нибудь артхаусного фильма вроде «Мертвеца» Джармуша.

Когда подошло время, он достал из ледника замороженную водку, поставил ее в центр стола, сел и задумался. Просидел так сорок минут без движения, глядя на плачущую бутылку, наконец взял ее в руки, ощутив в руке мокрый холод, подержал и вновь поставил на место, открывать не стал. Вместо этого встал, надел куртку и вышел из квартиры.

Ноябрь в Москве выдался снежным. Он запустил двигатель, обмел щеткой капот, скребком почистил окна и сел в автомобиль. Кок-пит, так он вслед за автомобильными журналистами называл приборную панель своего «SAAB», намекая на авиационные корни производителя, отсвечивал разноцветными огоньками. Включил первую передачу и медленно поехал со двора. С момента увольнения Нестор, не дожидаясь, пока накопления подойдут к концу, как и многие, зарабатывал на жизнь частным извозом, то есть «бомбил» по ночам.

В вечер понедельника Москва была малолюдной. Ехал в крайнем левом ряду, когда увидел голосующего, перестроился, пересекая несколько полос. Это было у метро «Парк Культуры».

— Бирюлево-Западное поедешь? — спросил человек, заглянув в салон. — Это со стороны Чертаново.

— Конечно, садитесь, — согласно кивнул Нестор.

— Конечно, — повторил человек, усаживаясь на переднее сиденье, — почему конечно? Двое отказались. Прямо как в старые добрые времена — увезу куда угодно, только не в Чертаново.

На вид ему было под сорок, шляпа и длинное кожаное пальто а-ля комиссар, какие уже давно никто не носил. Этот стиль канул в прошлое вместе со страной. Пальто мешало ему, он ерзал, пытаясь сесть по удобнее. Наконец устроившись, заметил:

— А вам, значит, все равно, куда ехать?

— Абсолютно, — ответил Нестор. — У меня холостой пробег не ограничен, я так считаю, что раз кормишься с этого, нечего кобениться.

— Холостой пробег, — повторил пассажир, — с этим тоже знаком. В такси не работали? Я смотрю, повадки у вас бывалого шоферюги. Гололед, все ползут еле-еле, а вы даже в поворотах скорости не сбавляете.

— В такси не привелось работать. На заводе трудился.

— А сейчас где? Заводов вроде в Москве не осталось.

— Сейчас я безработный. Потому и бомблю по ночам. Как сказал поэт — лучший вид на этот город, если сесть в бомбардировщик.

— Понимаю, — сказал пассажир и замолчал, теребя массивный золотой перстень на среднем пальце. Игру слов он не оценил.

Между тем проехали тоннель под Ленинским проспектом. На выезде Нестор взял правее и выехал на Люсиновскую улицу.

— А что за аппарат такой редкий? — спросил пассажир. — Я на таком не ездил.

— «САAБ»

— «САAБ», а-а, я на самолете таком летал в Америке, а на машинах не ездил. И как она?

— Лучшая машина в мире.

— Да ладно, лучше «мерседеса»?

— Конечно, — ответил Нестор. — «Мерседес» — это ширпотреб. Ну и как там в Америке?

— Ничего особенного. У нас лучше. Или, как говорится, хорошо там, где нас нет. Эх, мать моя женщина, он же на нас летит! — вскричал пассажир, хватаясь за подлокотник.

Они уже были в начале Варшавского шоссе. Сверху с Зеленых гор на них несся старый «Икарус», водитель которого не справился с управлением на гололеде. Видно, резко затормозил, спускаясь со склона, автобус занесло, и теперь многотонная махина катилась прямо на них. Уходить вправо было бесполезно, поскольку кабиной автобус двигался прямо, а его корму центробежная сила выворачивала так, что он занимал еще две соседние полосы. Нестор перешел на пониженную передачу, поворачивая руль, нажал на педаль акселератора, турбина взревела, ускоряя автомобиль и унося их от столкновения на встречную полосу. С «Икарусом» удалось разъехаться, к счастью, за ним не встречке никого не оказалось. Нестор затормозил двигателем и вернулся на свою полосу. Потерявший дар речи пассажир пришел в себя, когда они спустились с Зеленых гор и остановились на красный свет под Окружным железнодорожным мостом.

— Слушай, старик, это что было? — сказал он. — Да ты просто Шумахер. Больше ничего не могу сказать. Потрясающе. Я уж с жизнью простился. А у меня столько дел незаконченных, дома жена молодая, — он снял шляпу и вытер пот, выступивший на лбу. — Говоришь, в такси не работал, где так рулить научился?

— Я на АЗЛК работал в молодости, на конвейере, «Москвичи» собирал, — ответил Нестор, — там в заводской команде гонял немного.

— То-то я и смотрю, — сказал пассажир, — профессионалов за версту чую.

Остаток дороги проехали без приключений. Подъезжая к «Пражской», Нестор спросил:

— Так в Бирюлево или Чертаново?

— Налево, — коротко ответил пассажир. Он о чем-то сосредоточенно думал. — Послушайте, — наконец сказал он, — а ведь мы могли погибнуть сегодня.

— Могли, — согласился Нестор, — а у меня к тому же сегодня день рождения.

— А ведь это что-то значит, — не унимался пассажир.

— Возможно, только не пойму что.

— Ну, как что, второй раз родился, поздравляю. А вы, значит, «бомбите» в день рождения, как вас припекло-то. Здесь налево, в Харьковский проезд. Дом напротив бывшего таксопарка.

— Поэтому вы все про такси вопрошали.

— Поэтому, точно. Значит, говорите, безработный, работа нужна? Могу взять персональным водителем.

— Спасибо за предложение, но нет.

— Нет, вы же без работы?! — Удивлённо воскликнул пассажир. — Это же лучше, чем «бомбить» по ночам.

— Видите ли, — пояснил Нестор, — я ушел с должности главного инженера. И не смогу работать обслугой, психологический момент, понимаешь.

— Но вы же привезли меня сюда. Какая разница? Это же обслуживание.

— Это другое.

— Понимаю, — согласился пассажир. — Ну, а если разово, если мне понадобится машина, я могу позвонить вам?

— Конечно, вот мой телефон, — Нестор протянул свою визитку. Пассажир включил подсветку, прочитал вслух:

— Главный инженер, действительно, БРМЗ. Это что значит?

— Бирюлевский ремонтно-механический завод.

— Да ладно, здесь, что ли?

— Мы его сейчас проезжали.

— Ну вот, оказывается, мы земляки. Здесь остановите, — Нестор затормозил, пассажир выбрался из машины путаясь в полах своего кожаного пальто. — Сколько с меня?

— Сколько сочтете нужным.

— Сто баксов, — он протянул зеленую бумажку.

— Это много, — сказал Нестор.

— Это мало, — возразил пассажир, — надо бы больше заплатить, да с собой больше нет. Хотите, пойдем домой ко мне. Выпьем за спасение и за ваш день рождения.

— Спасибо, я за рулем.

— Это ничего, у меня заночуете.

— У вас жена молодая. Я буду мешать.

— Это точно. Ну ладно. Мы еще выпьем. Будьте здоровы. И с днем рожденья!

— Спасибо, — ответил Нестор.

«Надо же, хоть кто-то поздравил, — сказал он себе, разворачиваясь на узкой дороге, — и подарок получил». Сто баксов равнялось трем тысячам в рублевом эквиваленте. Неплохо для двух часов работы. Можно было закругляться. Нестор выехал на МКАД и через полчаса был дома. Уезжая, он предусмотрительно убрал водку в ледник. Войдя в квартиру, вновь достал ее. На часах было 23.00. Поздновато было пить. Но да ладно, можно сделать исключение. Чай, не каждый день, да и поводов прибавилось, двойной день рождения. «Пей, будет много мук, пока твой век не прожит. Стечение планет не раз тебя встревожит». Свернул колпачок, наполнил рюмку и, пожелав себе здоровья, выпил. Закусил маринованным груздем. Затем погодил и выпил еще одну рюмку. Оставшееся до полуночи время просидел перед телевизором, поставив в кассету фильм Джима Джармуша.

* * *

Клиент позвонил через три дня.

— Здравствуйте, это я, — сказал он.

— Здравствуйте, узнал, — ответил Нестор.

— Это хорошо. Если вы не заняты сейчас, можете отвезти меня кое-куда?

— Буду через полчаса.

— Даже не спросите куда?

— Нет.

— Ну, тогда подъезжайте. В накладе не останетесь. Помните, где меня высадили?

— Харьковский проезд, дом напротив таксопарка.

— Правильно, подъедете, посигнальте. Я увижу из окна и спущусь.

Клиент, как и в прошлый раз, был в кожаном пальто и шляпе. На этот раз он сел на заднее сиденье и сказал:

— Поедем по Калужскому шоссе, километров тридцать, там я покажу. Подождете меня, потом вернемся вместе. Так что холостого пробега не будет.

— Понятно.

— А вы даже не спросили, сколько я заплачу?

— Я уже имел опыт общения с вами.

— Разумно, поехали. Я немного подремлю, а то мне спать не давали всю ночь. Молодая жена, как вы, наверное, уже догадались. Будем ехать прямо до указателя «Шишкин лес», повернете, а там я покажу, — он сдвинул шляпу на глаза и замолчал.

Пунктом назначения оказался дачный поселок с оригинальным названием «Лесные дали». Вывеска висела на одной створке открытых нараспашку ворот.

— А я подумал, что вы бывший военный летчик, — сказал из-под надвинутой на лицо шляпы, пассажир.

— Почему так решили?

— На вас летная кожаная куртка. Это спецодежда. Мой отец служил в авиации, бортмехаником.

— Она сейчас свободно продается. Я купил в магазине.

— Господи, ничего святого в этой стране не осталось. А я так ждал, когда отец новую получит и старую мне отдаст.

— Отдал?

— Нет. Союз развалился. Новую ему не дали. Он все еще старую носит.

— Я знаю, где продается. Хотите достану?

— Нет. Это уже не то будет. Вот здесь остановитесь.

Нестор припарковал машину у двухэтажного деревянного дома. На террасе кто-то сидел. Увидев входящего в открытую калитку человека, встал и пошел ему навстречу. Они коротко переговорили. Затем скрылись в доме. Нестор вылез из-за руля, чтобы размять ноги. Вскоре они вышли и спустились во двор. В руках у пассажира позвякивала связка ключей, они пожали друг другу руки, после этого хозяин дома сел в «пежо», стоявший поодаль, и уехал. Пассажир остался во дворе. Он походил по участку. Обошел вокруг дома. Поднялся на террасу и оттуда, поймав взгляд Нестора, поманил его.

— Есть работа на недельку, — сказал он, когда Нестор подошел, — если у вас есть желание заработать.

— Садовником? — усмехнулся Нестор. — Или сторожем?

— Ни то, ни другое. Надо человечка встретить на вокзале. Привезти сюда. Повозить по Москве. Короче, поработать персональным водителем.

— Я же сказал, прислугой быть не могу. Я главный инженер.

— Бывший.

— Неважно.

— Ну почему же неважно, бывшими только комитетчики не бывают, а вы, надеюсь, к ним отношения не имеете. Оплата по высшему разряду. Пять штук за неделю работы.

— Нет.

— Баксов, — уточнил он.

— За что же такие деньги? — удивился Нестор.

— Этому человеку надо будет создать условия, покупать продукты, готовить, жить придется здесь в этом доме. Ну и возить на машине. В любое время дня и ночи. Как говорится, бензин ваш, а идеи наши.

— То есть все-таки прислугой. Нет!

— Я вижу, что вы человек принципиальный, — не отступал пассажир, — мне это по душе. Но всякая принципиальность имеет свою цену, — продолжал пассажир, — назовите ее.

Нестор улыбнулся и сказал:

— Английская королева спросила у Бернарда Шоу: «Говорят, вы утверждаете, что у всякой женщины есть своя цена, за которую она продается». — «Совершенно верно, ваше величество», — подтвердил драматург. «А я утверждаю, что это не так, есть женщины, которых купить нельзя». — «Нет таких женщин», — возразил драматург. «В таком случае, назовите мою цену», — сказала королева, желая посрамить Шоу. «Десять фунтов», — ответил драматург. «Почему же так мало?» — возмутилась королева. «Вот видите, ваше величество», — вы уже торгуетесь.

— Смешно, — сказал пассажир, — и главное, это лыко было в строку. С вами приятно иметь дело, надо будет мне все-таки с женой вас познакомить.

— Не надо.

— Вы правы, не надо, это я погорячился. Зачем рисковать, у нее слабость к умным мужикам. Поднимем на сорок процентов. Семь тысяч долларов устроит?

— Я вижу, с вами легко торговаться, — ответил Нестор. — А если я скажу — десять, тоже согласитесь?

— По рукам.

— Это я гипотетически.

— Поздно. Вы назвали свои условия, — пассажир схватил его за руку и впечатал в нее свою ладонь. Нестор попытался вытащить руку, но тот держал крепко. — Поздно, — повторил он, — рукобитие произошло. А на Востоке это считалось подписанием договора.

— Мы же не на Востоке.

— Все хорошее приходит с Востока, чай, например, кофе, алгебра, баня, водка. Вы знали, что перегонку спирта изобрели на Востоке? Это произошло в Древнем Египте. Да и если копнуть глубже, мы же все азиаты, это только с виду мы европейцы, а внутри Восток. Орда никуда не делась, мы в ней продолжаем существовать. При советах евреи еще как-то спасали нашу ментальность, а после того как границы открыли и они все уехали, мы остались наедине с собой. Да, скифы мы и азиаты мы. Кто это сказал?

— Александр Блок. Ладно, — Нестор усмехнулся, — поймали вы меня, придется на старости лет в прислуги податься.

— Берите выше. Это должность дворецкого.

— Ну, тогда переквалифицироваться в управдомы.

— Тогда к делу. С этой минуты вы работаете. Не перезванивайте, когда я буду звонить. Мой телефон не определяется. Связь односторонняя.

— А если непредвиденные обстоятельства возникнут? Как мне тогда с вами связаться?

— Принимать решения будете сами. А сейчас отвезите меня домой и ждите звонка. Как у вас с этим делом? — заказчик щелкнул пальцем по горлу.

— Неужели я произвожу впечатление алкоголика?

— Нет, просто когда я позвоню, вы должны быть трезвым. Вы же понимаете?

— А когда вы позвоните?

— В любое время дня и ночи.

— Ладно. С такой оплатой труда я и пить брошу.

— Не надо такие жертвы приносить, — сказал заказчик и добавил: — Воля ваша — «что-то недоброе таится в мужчинах, сторонящихся выпивки».

— Любите Булгакова?

— И не только. Я вообще книги читаю, нахожу время. У меня жена филолог, между прочим, часто с ней говорим. Она любит умничать, а я запоминаю.

— Камин хоть в доме есть? — обреченно спросил Нестор.

— Не знаю, я не обратил внимания. А что?

— Как что, не май месяц.

— Почему обязательно камин. Есть газ, отопление. Поехали.

— Как насчет аванса?

— Да, конечно, — заказчик вытащил пачку долларов. Разделил ее пополам и протянул. — Здесь пять штук.

— Ловко вы на глаз определили.

— Плюс-минус, пересчитаете. Скажете, если будет недоставать, лишнее вернете, я вам верю. До момента встречи с нашим человеком вы можете отказаться от договора. Потом уже нет.

* * *

Нестор решил отказаться от договора уже на следующее утро. Ночью спал плохо. Снились кошмары в виде бывшей жены, с которой он развелся много лет назад. Она что-то готовила на кухне и звала его обедать. А он пытался как можно деликатнее сказать ей, что она не должна находиться в его квартире, поскольку они разведены. Но бывшая жена возражала, в суде, мол, их развод признали недействительным. Еще ему снилось, словно он полгода пропускал занятия в одном из институтов, коих он закончил целых два, и теперь ему надо каким-то образом написать курсовую, чтобы быть допущенным к экзаменам. Просыпался с колотящимся сердцем и вздыхал с облегчением. Эти два сна преследовали его много лет. Но так чтобы приснились в одну ночь оба — это было впервые. Нестор счел это дурным предзнаменованием. Когда он собрался позвонить заказчику, то вдруг сообразил, что у него нет его номера. Ведь связь односторонняя. Черт, зачем надо было соглашаться и брать аванс? Кто за язык тянул. Никогда не был меркантильным. Напротив, и доверчив, как теленок. И тут вдруг аванс потребовал. Придется еще раз встретиться, чтобы вернуть деньги. Он пересчитал купюры. Там было ровно. Нестор подивился этому обстоятельству и счел это очередным знаком, который следовало растолковать. Заказчик позвонил через день, когда Нестор стал уже маяться от неопределенности ситуации. Ответив на приветствие, Нестор сказал, что хотел бы вернуть деньги, так как передумал браться за эту работу. Заказчик молчал так долго, что Нестор спросил:

— Вы меня слышите?

— Слышу, — тяжело вздохнув, ответил собеседник. — Вы меня поставили в сложное положение. Я бы даже сказал — подставили. Видите, как одна буква меняет смысл слова. Поставили и подставили. Гостя нужно встретить уже сегодня. Я не найду другого водителя за несколько часов.

— Можно взять такси, — нашелся Нестор.

— Гость сядет только в вашу машину, ему известен ваш номер.

— Разве нельзя его встретить и посадить в другую машину?

— Я незнаком с этим человеком. Кто он, не знаю. И связи с ним у меня нет. Я всего лишь посредник в этом деле. Короче, у меня серьезные проблемы.

Он замолчал. Нестор физически чувствовал его молчание. Ему было неловко. Тяжесть давила на его совесть. Он не любил подводить людей. И никогда этого не делал. Как его угораздило согласиться на легкие деньги. Легкие и большие.

— Давайте так поступим, — предложил заказчик, — вы встретите его и отвезете на место. За это время я постараюсь что-нибудь придумать. Если вы откажетесь, у меня будут неприятности.

— Хорошо, — согласился Нестор, — но на этом все.

— Курский вокзал, — сказал посредник. — Сейчас девять, подъезжайте к одиннадцати и держитесь рядом со стоянкой такси. Ждите, сколько понадобится.

— Я не могу торчать на стоянке такси долго, меня прогонят.

— Как-нибудь разберетесь, — холодно возразил заказчик и дал отбой.

— Обиделся, — констатировал Нестор, — любой бы обиделся.

В одиннадцать он спустился к площади Курского вокзала. Проехал стоянку такси и остановился, на крыше он заблаговременно установил оранжевый фонарь с шашечками на магнитной подушке. Он купил его, как только решил заняться извозом. К нему тотчас начали стучать пассажиры. Он отказал одному, второму. Затем снял фонарь и бросил в багажник. После этого к нему подошел амбал в жилетке неонового цвета и сказал:

— Дядя, если собрался работать, надо заплатить. Триста — разовая посадка. Две штуки — весь день можешь бомбить.

— Я встречаю человека, — ответил Нестор.

— Я видел, как ты со знаком стоял.

— И тем не менее.

Амбал недоверчиво хмыкнул и отошел в сторону, но глаз с него не сводил. Эта вокзальная мафия была неистребима при любой форме государственного устройства. Знакомый по советским временам таксист рассказывал, что при коммунистах на вокзалах брали червонец за возможность работать всю смену, то есть обманывать приезжих, брать за проезд втридорога. Нестор сел в машину. После снега и ноябрьских морозов вдруг наступила оттепель. Солнце грело так, словно бабье лето, которого почти не было в этом году, одумалось и заявило о своих правах. Он закрыл глаза, надеясь, как Штирлиц, вздремнуть пару-тройку минут, и в самом деле стал погружаться в нирвану сна, как клацнула дверь, и на заднее сиденье упал рюкзак, а за ним проскользнул подросток в куртке с капюшоном, нахлобученном на глаза.

— Тебе чего, малец, — досадуя на пробуждение, спросил Нестор.

— Ехать, — ответил неожиданно мелодичным голосом малец.

— Стоянка такси сзади, — сказал Нестор.

— Мне в «Лесные дали», — произнес малец.

Нестор глянул в зеркало, капюшон надвинут, высокий ворот свитера закрывал пол-лица, оставшуюся половину — тень от капюшона.

— Понятно, — буркнул Нестор и запустил двигатель.

Амбал, стоявший неподалеку, наблюдал за его действиями, но подходить не стал. Нестор уехал беспрепятственно, а ведь могли и колеса проколоть.

Вырулил на Садовое кольцо, проехал Таганку, Павелецкий, затем из тоннеля повернул на Ленинский проспект. Раздался звонок телефона. Одной рукой, ногтем открыл раскладушку, поднес к уху. Это был заказчик.

— Как дела? — спросил он. — Встретили?

— Да.

— Хорошо, — сказал заказчик и отключился, не дав возможности Нестору задать вопрос. Черт бы тебя побрал.

Взглянул в зеркало и обомлел. На заднем сидении сидела довольно привлекательная девушка. Она спала или делала вид.

— Ты откуда взялась? — глупей вопроса нельзя было придумать.

— Оттуда, — коротко, еле слышно ответила. — Давайте помолчим, всю ночь не спала. Сосед в купе храпел, как боров, не повезло мне с ним.

С чем бы сравнить это неожиданное превращение, но кроме царевны-лягушки на

ум ничего не пришло.

— Ладно, помолчим, так помолчим. Там рычажок есть, можно откинуть спинку.

— Ничего. И так сойдет.

Глаз она так и не открыла. Можно было спокойно ее разглядывать. Что он и делал на каждом светофоре, отвлекаясь от дороги. Двадцать пять, не больше. В этом возрасте пора бы утратить подростковую угловатость, обманувшую его. Какие интересы могли связывать эту девушку с заказчиком? На эскорт она не тянет. Да и не стала бы эскортница селиться в дачном поселке. На наркокурьера тоже не похожа. Хотя откуда ему знать, как они выглядят. Судя по фильмам, это молодые парни. Асоциальные элементы. Но мысль о наркотиках встревожила его. Эта мысль раньше не приходила ему в голову. Надо будет задать вопрос. Хотя какая разница. Отвезет, и все на этом. Нет, она определенно не красавица, но ему такой тип нравился. Это что за несвоевременные мысли? Возьми себя в руки, ты похож на английского сеттера, взявшего стойку.

— Долго еще будете меня разглядывать? — вдруг спросила гостья, не открывая глаз.

— Вообще-то я смотрю в зеркало заднего вида, — нашелся Нестор, — а ты в поле зрения. Можешь пересесть.

— Не могу, солнце с этой стороны. В поезде сквозняки гуляли, я продрогла.

— Ладно, я не буду смотреть в зеркало.

— А на что там смотреть. То есть зачем?

— Как зачем? Оценивать дорожную ситуацию. Вдруг менты гонятся.

— И что тогда?

— Как что, уходить от погони.

Ее губы тронула улыбка. Возможно, он зря отказывается от этой работы. Десять штук на дороге не валяются. Лучше, чем бомбить по ночам на старости лет. Неделя с симпатичной, главное, молоденькой девушкой на даче. Да за это еще приплатить можно. Все какое-то развлечение. Вряд ли ему еще выпадет возможность такая. Он словно уговаривал сам себя. Готический писатель Метьюрин заметил, что некая сила всегда бывает настороже, чтобы облегчить путь, ведущий тебя к погибели. Ну и ладно. Лучше так, чем прозябать оставшуюся жизнь. Эк, куда его в мыслях занесло.

Дом оказался с камином, высокий портал из красного кирпича украшал гостиную. Старая, но еще добротная мебель.

— Как вам домишко? — поинтересовался Нестор. Гостья пожала плечами, спросила:

— Где моя комната?

— Выбирайте любую, — предложил Нестор.

— Наверху?

— Наверное.

— Показывайте.

По лестнице поднялись вверх. Нестор впереди, а за ним девушка.

— Вообще-то я сам здесь впервые, — сказал Нестор.

— Странно. Мне сказали, что с обслуживанием все решено.

«Обслуживание» резануло слух.

— Нет, не решено. Скорее всего, я уеду. Так что обслуживать будут другие. Это не по моей части.

— Жаль, — усмехнулась она. — Вы мне понравились.

Это сирены поют. И некому привязать его к мачтам. Девушка оказалась довольно высокой, и грудь ее можно было разглядеть невооруженным взглядом.

На втором этаже оказались две спаленки и холл с панорамным окном. Отсюда был виден лес, лежащий в низине. «Какой чудный вид, я был бы не прочь при других обстоятельствах пожить здесь недельку. Надо будет спросить, почем сдается дача».

Она заглянула в комнаты. В каждой стояла кровать и платяной шкаф.

— Можно мне занять эту? — спросила она.

— Можете занять обе, — разрешил Нестор.

— И хорошо бы включить отопление.

— Еще бы знать, как это делается.

Девушка бросила рюкзак в угол, села на кровать и выжидающе посмотрела на него. Нестор, ни слова не говоря, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Заказчик не звонил. Досадуя, спустился вниз и вышел во двор. Дрова он нашел в сарае, там же валялся топор. Приволок домой охапку, нащипал лучины, сложил дрова горкой в топке. Теперь надо найти спички. На каминной полке не оказалось ни спичек, ни зажигалки, ни огнива, ни кресала. Своих тоже не было, курить бросил давным-давно.

— Извините, — услышал он. Вздрогнул от неожиданности. Как она умудрилась спуститься так бесшумно, что ни одна половица не скрипнула. Или он так занят был камином, что ничего не услышал. — Извините, — повторила она, — я ничего не ела со вчерашнего дня. — Можно чего-нибудь сообразить? Пока вы не уехали и не оставили меня одну.

В ее словах слышался какой-то насмешливый упрек.

— Для этого мне придется как раз уехать, — в тон ответил Нестор, — и оставить вас одну. Хотя, мы сейчас посмотрим.

Кухонный стол и шкаф стояли в комнатке, вход в которую был с террасы. Девушка последовала за ним. В шкафу нашлись крупы, соль, пачка дешевого чая и упаковка галет с истекшим сроком годности, да еще банка консервированной морской капусты. На полке он заметил турку. Посмотрел на девушку, та отрицательно качнула головой.

— Ладно, я съезжу в магазин, — сказал Нестор.

Он доехал до ближайшего магазина. Купил сыра, колбасы, пачку цейлонского чая, молотый кофе, батон хлеба и пачку сахара. Когда с покупками сел в машину, раздался телефонный звонок. Это был заказчик.

— Тут такое дело, — начал он, — теоретически я могу найти вам замену, но люди, на которых я работаю, будут очень недовольны. У меня возникнут неприятности. Кроме того, она уже не хочет другого человека. Все упирается в то, что вы ее уже видели. Я, конечно, не могу вас заставить. Договор мы не подписывали, я понадеялся на ваше слово. Знаете, как до революции купцы сделки совершали. Слово — и по рукам.

— Рукобитие, — подсказал Нестор.

— Да, именно так.

— Ладно, я останусь, — согласился Нестор.

— Хорошо, отлично, — обрадовался заказчик. — Только вот еще условие. К девочке не подкатывать. Она, конечно, слишком молода для вас, но, как говорится, седина в бороду — бес в ребро.

— Еще будут условия? — холодно спросил Нестор. Упоминание о возрасте его покоробило.

— Трезвый образ жизни. Впрочем, об этом, кажется, я уже упоминал. Есть вопросы?

— Как включить отопление?

— Не знаю. Разберетесь. Вы же все-таки главный инженер. Хоть и бывший. Сегодня никаких дел. Осваивайтесь.

Это был определенно сарказм, но ответить Нестор не успел. Заказчик дал отбой.

«Сам виноват, — сказал себе Нестор, — не надо было сразу соглашаться».

Он вернулся в магазин, купил бутылку «Мукузани». Здесь был большой выбор грузинских вин. Нестор вернулся на дачу, вывалил покупки на стол, нарезал сыр, колбасу, сварил кофе. Постучал по деревянной лестнице, крикнул:

— Прошу к столу.

Она спустилась, села, стала поедать бутерброд. То, что она не ела со вчерашнего дня, было видно невооруженным взглядом. Чтобы не смущать девицу, отошел в сторону.

— А вы? — спросила она вслед.

— Я уже завтракал сегодня. Для меня будет уже второй завтрак, английский.

— Хорошо вам, а у меня даже первого не было.

— В Берлине едят так поздно, — невпопад сказал он, — что не поймешь, то ли это поздний завтрак или ранний обед.

— Не знаю, в Берлине не была.

— Я тоже не был.

— Откуда знаете? Читали?

— Да, это цитата. Шутка.

Она доела бутерброд. Встала из-за стола, поднялась по лестнице и оттуда спросила:

— А с отоплением как?

— Пока не знаю. Некогда было. В магазин ездил. Завтрак готовил.

— Включите, пожалуйста, здесь холодно.

— Будет сделано.

Кивнула головой и скрылась в проеме. Нестор поставил чашку с кофе на подоконник и спустился во двор. Бойлерная оказалась на заднем дворе в пристройке к дому. Он открыл вентиль газового баллона и зажег огонь в газогенераторе. Отрегулировал пламя. На участке была еще одна постройка. Нестор предположил, что это баня, и не ошибся. Это была русская баня с огромной печью, именно баня, а не модная, но чуждая русскому духу финская сауна. Сколько бы ему ни приходилось бывать в саунах, везде на стенах были выложены камни, и мужики лили на них воду. Хорошо бы попариться, да долго возиться, и дров не напасешься. Приятель, которому он изредка ездил в деревню, топил баню весь день, чтобы довести ее до кондиции. Пока

стоял в задумчивости перед баней, на улице показались люди. Мужчина и женщина. Они шли, без стеснения глядя в его сторону. Но, когда Нестор приветственно кивнул, не ответили. До чего же угрюмый народец. В Европе все друг другу улыбаются, у нас же — только если надо чего от тебя.

Он вернулся в дом. Батареи отопления были уже теплые. Он подсел к камину и чиркнул спичкой. Серный огонек лизнул завиток березовой щепы, тот затрещал и черным дымом потянулся вверх. Лучина вся схватилась огнем, и в лицо пахнуло дымным теплом. Из глаз потекли слезы. Если камин давно не топили, то сейчас вся комната будет в дыму. Нестор встал и вытянул до конца вьюшку. Возникшая тяга сразу же втянула дым обратно.

Он поднялся на второй этаж, подошел к двери и спросил:

— Тепло ли тебе, девица?

Ответа не последовало. «Сочтем молчание за согласие», — резюмировал Нестор и пошел вниз.

Часы показывали 15.00. Он пододвинул к камину кресло, сел, вытянув ноги, и укрылся собственной курткой, намереваясь немного вздремнуть. Бутылка вина, купленная, несмотря на запрет, осталась на террасе. Можно было выпить стаканчик, но вставать было лень. Пригрелся и сразу задремал. Еще ведь ужин готовить, мелькнула последняя мысль, перед тем как он провалился в тенеты сна.

Разбудил вибрирующий телефон в кармане. Звонил заказчик.

— Все нормально?

— Да.

— Где гостья?

— Наверху.

— Что делает?

— Не знаю. Спит, наверное. Мне что, надо следить за ней и докладывать?

— Я просто спросил. Не надо ершиться. А вы что делаете?

— Сижу внизу у камина.

— Завидую.

— Чему?

— Как чему? Камин, молодая телка, загородный дом, — заказчик с явным удовольствием перечислял все достатки.

— Близок локоток, да не укусишь, — возразил Нестор. — Вы бы лучше не шутили на запретную тему.

В трубке раздался смех.

— Это проверка на прочность, — сказал заказчик. — Ладно, не буду. Вот что надо сделать. В Апрелевке есть строительный рынок, надо поехать туда, встать на парковке напротив магазина «Лакокраска». Подойдет человек к машине. Вы из машины, не выходя из нее, откроете багажник. Он положит туда кейс типа дипломат и закроет сам. Когда вернетесь на дачу, позовете ее, она сама достанет дипломат. Вы не должны до него дотрагиваться руками.

— К чему такие предосторожности? — подозрительно спросил Нестор.

— Вопрос лишний, но я все равно на него отвечу: это в ваших интересах.

— Я надеюсь, что там будут не наркотики, — не унимался Нестор.

— Еще один лишний вопрос, но я опять отвечу: нет. Что вас вдруг стало беспокоить? Сначала так не переживали, — в голосе заказчика звучало раздражение.

— У меня позднее зажигание, — прибегая к автомобильной терминологии, пояснил Нестор. — К тому же оплата мне кажется неадекватной, у меня появилось беспокойство.

Заказчик в ответе использовал шахматную терминологию:

— Я находился в цейтноте, готов был любые деньги платить, но могу урезать вполовину. Если вас это успокоит. Так что, урезать?

Пока Нестор соображал, что ответить, заказчик отключился. Вопрос был, видимо, риторический. Нестор вышел на террасу, подошел к лестнице, ведущей на второй этаж, прислушался. Наверху царила тишина. Здорова же спать девица.

Он поднял голову и вздрогнул от неожиданности. Она стояла в проеме и смотрела на него сверху вниз. Оставалось гадать, слышала ли она разговор, хотя говорил он тихо.

— Мне надо отъехать, — сказал Нестор.

— Я поняла.

— Пожелания будут?

— Купите мне постельное белье. Ну и себе, наверное, тоже. Вы же здесь будете ночевать.

— Если вы не возражаете.

— Не возражаю. Еще зубную щетку.

— Хорошо.

— Спасибо.

Строительный рынок он нашел легко. Торговые ряды располагались вдоль Киевского шоссе. Он проехал вначале вперед, так как они были с левой стороны. Развернулся на следующем светофоре, съехал на второстепенную дорогу и теперь медленно катил вдоль рядов, пока не увидел павильон с надписью — «Лакокраска». Он оставил машину напротив и пошел вдоль рядов в поисках необходимых товаров. Зубные щетки и пасту купил в лавке «Бытовая химия». За постельным бельем пришлось прогуляться дальше до вещевого рынка. Когда вернулся с объемный пакетом, возле машины маячила долговязая фигура с добротным чемоданчиком в руке.

Нестор открыл дверь, бросил пакет на заднее сиденье.

— Твой аппарат? — спросил долговязый.

— Как видишь.

— Багажник открой.

Нестор сел в машину, нажал кнопку на водительской двери. Долговязый положил кейс в багажник, захлопнул крышку и стукнул ладонью по крыше автомобиля.

«По голове своей постучи», — пробурчал Нестор. В хлопке услышал цоканье, видимо, от перстня. Мог краску повредить. Он включил двигатель и сразу же уехал. Долговязый сел в припаркованную рядом «ВАЗ-2109» и поехал следом. Нестор вырулил на шоссе и вдавил акселератор. Турбированный мотор легко унес его вперед. Вернулся в поселок, въехал во двор, памятуя наставления, хотел сходить за девушкой, но она сама вышла к нему.

— Вы меня ждали? — спросил Нестор.

— Ждала, а что? — настороженно спросила гостья

— Давно меня никто не ждал, приятно.

— Вы со мной заигрываете?

— Нет, просто правду сказал, — он открыл багажник. — Может, помочь? У меня есть перчатки.

— А зачем перчатки?

— Мне не велели притрагиваться к чемодану.

— Спасибо, мне не тяжело.

— Девушка взяла кейс и пошла в дом. Нестор сел в машину. Она обернулась.

— Вы опять уезжаете?

— Да, надо к ужину что-нибудь купить.

— Что же сразу по дороге не купили?

— Не велено было останавливаться.

— А до этого?

— Не сообразил. У меня позднее зажигание.

— Я это уже слышала, только не поняла, что означает?

— Туго соображаю. Возраст, знаете ли.

— Сочувствую.

Кивок головой скорее выглядел усмешкой, чем сочувствием.

В магазине купил курицу и решетку для гриля.

— Ткемали есть? — спросил он у продавца. Тот одобрительно кивнул, показал на витрину прилавка, за которой стояли разноцветные бутылки. — Дай одну красную. Это ведь слива?

— Ткемали, да, слива.

— А зеленая из чего?

— Тоже слива. Другой сорт.

— Еще дай мне сулугуни полкило и лаваш-шоти, пару.

Продавец сложил покупки в пакет. Нестор расплатился и вышел из магазина.

Наступили сумерки, и немного подморозило. Затянувшиеся лужицы хрустели под колесами. Облачное небо нависало над ближайшим лесом. На часах было начало седьмого. Самое время заняться ужином. Он вернулся в поселок. Занес в дом покупки. Разворошил прогоревшие дрова в камине. Под золой ожившие угли переливались огоньками. Нестор оторвал от березового полена кору, разодрал ее на нити, положил на угли. Березовые завитки повело, скрючило, они словно живые съеживались, потом затрещали и занялись красно-черным огнем. Сложил в топке поленницей несколько чурочек, подождал, пока пламя не начало лизать их. После этого занялся приготовлением ужина. Разрезал курицу, раздавил, распластал на манер блюда «табака». Промыл, затем посолил, поперчил и обмазал соусом ткемали. После этого накрыл на стол, пододвинув его поближе к камину. Собственно, накрывать особо было нечего. Нарезал сулугуни, положил лаваш. Поставил на стол вино, до которого целый день не доходили руки. Бокалов в доме не нашлось, только рюмки и граненые стаканы,

что говорило о предпочтениях хозяина. Заварил чай. На тот случай, если девушка откажется пить вино. Затем сел у камина, вооружившись кочергой, периодически вороша дрова, дожидаясь нужного состояния углей. Вдруг поймал себя на мысли, что, несмотря на накатывающую иногда тревогу, доволен сегодняшним днем. Впервые за много месяцев не мусолил в голове прошлое, не раскаивался в совершенных жизненных ошибках. То есть не занимался бессмысленным самоистязанием, и впервые бытовые хлопоты доставляли ему удовольствие. Он колебался, прежде чем открыть вино. Как-то это не по-русски пить одному, не предлагая гостю, но решил, что это будет выглядеть естественнее, чем позвать за стол и при ней открывать вино. Это обязало бы к какому-то этикету и походило на романтический ужин у камина с вином при свечах. Она уже поинтересовалась, не заигрывает ли он с ней. Надо будет избавить ее от этих мыслей. А свечи, кстати, не помешают. Где-то он их видел. И штопор.

Когда угли дошли до кондиции, то есть подернулись пеплом, Нестор отодвинул в углы еще пылающие головешки, собрал в середину угли. Установил в камин два кирпича и приладил на них решетку с распластанной курицей. С нее тут же закапал жир, вспыхивая желтыми огоньками. В эти моменты он приподнимал решетку, не давая заняться пламени. Это ведь только в кино жарят на открытом огне. Нестор наполнил стакан вином доверху. Эта привычка осталась с молодых лет, когда недолив считался чуть ли не оскорблением. Ты меня уважаешь? Но у него был еще один резон. Так легче было вести счет выпитому, мерить полной мерой. Какой мерой мерите, так и вам отмерено будет, то есть к полумерам не привык. Вино оказалось на удивление качественным. То-то удивился его дороговизне. Списал на отдаленность от Москвы. Но нет, оно того стоило. В советское время, чем дальше ты отъезжал от столицы, тем дешевле становились товары. Сейчас, в эпоху глобализации, было все ровно наоборот. Вино и сыр, что может быть лучше. Сулугуни он впервые попробовал в армии, когда служил в Грузии. Пили, правда, не вино — чачу. Почему-то вино тогда было не в моде. А чача была такая мерзость, что выпить ее можно было только залпом и немедленно заесть армейской квашеной капустой. Впрочем, самогон, он везде одинаков, хоть русский, хоть грузинский. Впрочем, есть исключения — лучшая самогонка, которую ему приходилось пить, была украинской, называлась — горилка. Она была прозрачной как слеза и почти не имела сивушного запаха. Он пил ее, когда вместе с директором поехал на его родину — Западную Украину. Директор сломал ногу и предложил ему сесть за руль, прокатиться вместе. Тогда они были друзьями. Как можно было ожидать от него такой подлости?..

Нестор пил вино небольшими глотками, закусывал сыром и чему-то улыбался, почти по Бродскому:

Я сижу у окна, вспоминаю юность,
Улыбнусь порой, порой отплюнусь.

Курица была готова. Нестор оставил ее томиться на решетке и вышел на террасу. Подниматься не стал, крикнул в лестничный проем:

— Ужин готов. Спускайтесь.

А в ответ тишина. Поднялся по лестнице. Неужели все еще спит? Постучал, а потом толкнул дверь. Она лежала на кровати. В ушах наушники. Кивала головой в такт музыке. Увидев его, сделала большие глаза.

— Пожалуйста, не входите без стука, — сказала сердито.

— Я стучал, — сказал Нестор. Он дотронулся до уха. Девушка сообразила, выдернула наушники. — Я стучал, — повторил Нестор.

— Извините, не сообразила. Вы что-то хотели?

— Ужин готов.

Он вернулся на первый этаж, достал курицу из печи, положил на стол. Затем, разворошив остаток углей, подбросил дров в камин. Гостья вошла в комнату и села за стол. Она переоделась к ужину в вязаное коричневое платье. Теперь ее невозможно было принять за подростка.

— Вкусно пахнет, а я думаю, откуда такой запах? Это что, курица?

— Дичь. Шучу, курица.

— Как ее есть? Прямо так, целиком?

— Руками, зубами, можно так, целиком проглотить, но если поделитесь со мной, буду благодарен.

— Я неправильно выразилась, я имела в виду... ладно, проехали... я всю ее не съем.

Нестор разделил курицу на четыре части.

— Выбирайте любую.

— Спасибо.

— Вина? Или чаю?

— Вина я не пью, а чаю с удовольствием, только позже.

— Не возражаете, если я буду пить вино?

— Кажется, вы уже пьете, но я не возражаю.
— Может быть, познакомимся, все-таки совместный ужин обязывает.
— Эсмеральда, — с некоторой заминкой произнесла гостья.
— Красивое имя.
— А вас как зовут?
«Что же, примем правила игры».
— Рубен, — галантно приподнимаясь, произнес Нестор.
— Вы что, армянин?
— Почему сразу армянин? Других национальностей нет, что ли?
— У нас на рынке продавец был армянин, его Рубен звали.
— На самом деле, это испанское имя, произошло от библейского Рувим. Но раз у вас это имя вызывает такие ассоциации, зовите меня просто Нестор.
— А отчество?
— Вы хотите обращаться ко мне по имени-отчеству?
— Ну а как? Лет-то вам немало. Сколько, если не секрет?
— Не секрет, что же я, дама, держать года в секрете. Мне почти шестьдесят, увы, тем не менее, зовите меня по имени. Как в Америке. Собственно, отчество — это атавизм.
— Бывали?
— Нет, но собираюсь. У меня там однокурсник живет. Давно зовет.
— Что такое атавизм?
— Атавизм — это, образно говоря, хвост, который человек откинул за ненадобностью. К чему это обозначать, чей ты сын. Особенно тем, кто отца не знал, — по тому, как она изменилась в лице, Нестор понял, что задел нерв. — Мне так тем более, — продолжал он, — мой отец уехал за лучшей долей, когда мне было 5 лет. С тех пор я его не видел. У вас-то как с родителями, все нормально? — пожала плечами. — Для меня это неполный ответ, — улыбнулся Нестор. — Есть отец?
— Нет.
— Почему?
— Потому. Может анкету заполнить?
— Это ни к чему. Ответ на этот раз был исчерпывающий. Правда, грубый.
— Извините, я не люблю расспросов.
— А я люблю. Можешь спрашивать меня, о чем угодно. Сколько тебе лет? Если не секрет.
— Секрета нет, мне 26. А вы думали?
— Я думал — 20.
Усмехнулась и принялась за еду, а Нестор подсел к камину и переворошил поленья, добиваясь лучший тяги. Он пил вино, наблюдая, как всполохи огня бросают причудливые тени на стены.
— Спасибо, очень вкусно, — поблагодарила гостья.
— На здоровье.
— А вы почему не едите?
— Я вино пью, потом поем.
— А одновременно нельзя разве?
— Столовое вино можно, как это делают французы. А хорошее выдержанное надо пить до еды. Чтобы получить от него удовольствие. Как это делали древние греки или современные американцы. Средневековые арабы, например, пили вино только после еды, что выдает их извращенную натуру.
— Арабы же мусульмане, они вообще не пьют.
— Они это декларируют, между словом и делом есть большая разница. А наш брат русак, в отличие от американцев, водку закусывает, потому что без закуски много не выпьешь, и наносит тем самым урон организму.
— Я вижу, у вас целая теория.
— Это не теория, это жизненный опыт.
— Древние греки — тоже опыт?
— Я много читаю.
— Спасибо за ужин, — сказала она, поднимаясь, — пойду к себе.
— На здоровье.
В дверях она обернулась.
— Мне бы душ принять. Как здесь с этим, не знаете?
— Душевой кабины я не видел, — ответил Нестор. — Баня есть во дворе, но топить ее долго.
— А ведро воды согреть можно?
— Можно.
— И отнести в баню.

— Хорошо. Я позову, когда будет готово.

— Спасибо.

«Опускаюсь все ниже и ниже. Чего изволите? Баньку протопить? До чего дожил». Нестор допил то, что оставалось в стакане, закрыл бутылку пробкой и пошел в баню. Вот чего он никогда не мог понять — почему баня, как правило, ставилась на максимально удаленном от дома расстоянии. В деревнях, где приходилось бывать, вообще строили вне двора, часто на берегу реки. Но там-то было понятно — чтобы в реку сигать. Но зачем на другом конце двора? Чтобы простудиться, пока распаренный до дому дойдешь? Он прошествовал в темноте через весь двор, дверь была не заперта, включил свет, проинспектировал строение. Баня состояла из трех отделений. Раздевалка, помывочная и парилка с каменной печью. Везде царил порядок. В шкафчике висели банные халаты и лежала стопка чистых полотенец. Шайка, березовые веники и оцинкованное ведро, с коим Нестор вернулся в дом. Он наполнил его водой и поставил на газовую конфорку. Десять литров воды нагреется нескоро, можно перекусить. Пошёл в гостиную. Съел кусок курицы, налил еще вина и сел у пылающего камина. «Как мало нужно одинокому, — хотел было сказать, старику, но осекся, избегал называть себя этим словом, — мужчине для счастья. Вино, камин и случайная девица, впрочем, лучше в обратной последовательности. И не счастья, не надо преувеличивать — всего лишь пробудившегося интереса к жизни». Пил вино и смотрел на огонь, на который, как известно, можно смотреть бесконечно. На террасу вышел вовремя. С оцинкованного дна поднимались пузырьки, свидетельствующие о скором закипании. Потрогал воду пальцем. Вполне, впору разбавлять. Крикнул наверх:

— Сударыня, вода согрелась. Пожалуйте мыться.

Подождал, пока гостья спустится, выключил конфорку, снял с плиты ведро, с полки фонарь и, указывая путь во тьме, что твой Данко, проводил девушку в баню. Здесь он все продемонстрировал наглядно.

— Вот шайка, вот лейка, в смысле ковш, а здесь — полотенца.

— Спасибо, — сказала гостья, — дальше я сама.

— Когда за вами прийти?

— Оставьте фонарь, я сама вернусь. Дорогу знаю.

Нестор кивнул, вышел из бани, закрыл за собой дверь. Девица была не без юмора.

Вина еще было полбутылки. Было бы лучше допить завтра. Но никогда не следует оставлять на завтра то, что можно выпить сегодня. Это был девиз его рабочей молодости на заводе имени Лихачева в бытность слесаря-сборщика на конвейере ЗИЛ-130. Нестор занял место у камина и вновь стал смотреть на огонь. Для урбаниста, коим он, несомненно, являлся, это было завораживающее зрелище. Все-таки зороастризм опирался на мощную основу. Это тебе не распятый плотник из Ершалаима, о котором даже Иосиф Флавий ничего не слышал. Гостья вернулась нескоро, он даже стал беспокоиться. Думал уже сходить за ней, когда застучали шаги на террасе. Сначала поднялась к себе, а потом вошла, закутанная в мужской халат, и сказала:

— Погреюсь здесь с вами, не возражаете?

— С легким паром! — запоздало пожелал Нестор.

— Да уж какой там пар, издеваетесь? Я замерзла.

— Тогда прошу сесть поближе к огню.

Лукавил, говоря о возрасте, но сейчас ей, в самом деле, больше двадцати нельзя было дать. Словно вместе с дорожной пылью смыла с себя пять лет. Она подсела к огню.

— Вина, — предложил неугомонный Нестор.

— Если можно, чаю. Я не пью вина. Я говорила вам.

— Извините, провалы в памяти. Мне недавно поставили диагноз — энцефалопатия. Только не надо бояться, это неопасно для окружающих, — Нестор вскипятил воду, бросил щепотку заварки в фаянсовый чайник и поставил в камин на край кирпича. — Сейчас заварится, будет с дымком, как лапсанг-сушонг. Это такой сорт чая.

— Спасибо, — сказала она.

После этих слов наступило молчание. Нестор искал подходящую тему для разговора и не находил. Девицу, видимо, этот формат общения вполне устраивал. Из носика чайника шел дымок. Нестор взял чашку, наполнил ее чаем и перелил обратно в чайник. Эту процедуру он проделал два раза.

— Так лучше заваривается, — пояснил он, хотя девушка ни о чем не спрашивала. Наконец налил чай в чашку, протянул ей. — Очень горячий, осторожно, сахар или...

— Или.

Нестор передал ей лежащую на подоконнике плитку шоколада.

— Я думала, что или — означает без сахара.

— Вино не пьете, шоколад игнорируете, да вы аскет, сударыня, другими словами, странная личность.

— Я не очень люблю шоколад, что тут странного?

— Ну как же — странное, воля ваша, таится в людях, сторонящихся удовольствий.

Шутку не приняла, цитату не распознала, пила чай маленькими глотками, дуя на край чашки, серьезно глядя на собеседника.

— А что ты любишь?

— Море, — коротко ответила гостья.

От жара, исходящего от камина, она все больше раскрывалась. Пола халата сползла с ноги, явив обнаженное бедро. Вполне возможно, что она была без нижнего белья, но развивать эту тему в своем воображении Нестор не стал. Словно услышав его мысли, она поспешила скрыть наготу.

— Что же вы не расспрашиваете меня о море?

— Ответ был емкий, содержательный, исчерпывающий, — сказал он.

— Вот вы древних греков вспомнили, — продолжала она, — в самую точку попали. Я мечтаю о домике. На одном из греческих островов. Хочу жить у моря. Такой фильм был с Бельмондо, не помню, как он называется. Там он на вопрос, зачем ему нужны деньги, отвечает: я хочу купить остров, чтобы на нем было все как положено — пальмы, синее море и белый песок.

— Ты тоже хочешь купить остров?

— Нет, остров мне не нужен, да и денег у меня не хватит, я довольствуюсь домиком. Вы были на море?

— Конечно, много раз.

— А я нет. Какое оно, море?

— Разное, — Нестор пожал плечами.

— Исчерпывающий ответ.

— Один — один, — подвел итог Нестор.

— Спасибо за чай. Я пойду спать.

— Может, еще посидим? Расскажи мне о доме у моря. Ты уже его выбрала?

— Завтра рано вставать.

— Спокойной ночи, — пожелал Нестор, он не стал настаивать.

«Почему рано вставать?» — запоздало удивился, когда утихли шаги на террасе. Словно в ответ завибрировал телефон в кармане. Он взглянул на дисплей, абонент не определился.

— Старик, завтра не позже девяти надо подъехать на Семеновскую, — он продиктовал адрес. — Окей?

— Окей, — ответил Нестор, дождался, пока заказчик отключился, и стал готовиться ко сну. Разложил диванчик, положил в камин еще дров и лег, глядя на всполохи на стене.

Конечно же, ему приснился греческий остров. Он увидел синее море, белый песок и крону пальм. Ну, и домик бело-синий. Это было так явственно, что ему самому захотелось оказаться там. Но там же во сне он услышал чей-то голос: «А как же Рио-де-Жанейро? Я тоже хочу в белых штанах».

Проснулся он ровно в семь по выработанной многолетней привычке. Сел и скривился от давящей на полголовы боли. О, эта непобедимая болезнь — гемикрания. Натянул брюки, вышел на террасу и, подойдя к лестнице, крикнул:

— Сударыня, просыпайтесь.

Дождавшись ответа, пошел умываться у кухонного рукомойника.

Ночью были заморозки. «SAAB» стоял весь в морозной паутине. Выехали со двора под хруст мерзлой земли. Он поехал по Киевскому шоссе, хотя по Калужскому было бы короче. Но правительственная трасса, в любом случае, двигалась быстрее. Проигрываем в расстоянии, выигрываем в скорости.

Гостья сидела на заднем сидении, накинув на глаза капюшон, и делала вид, что спит.

— Как самочувствие? — спустя некоторое время спросил он.

— Нормально, — не сразу отозвалась она, — а что, плохо выгляжу?

— Лица мне не видно.

— Почему спрашиваете?

— У меня голова раскалывается от мигрени, может, и у вас?

— Я в порядке, но вообще-то дремала. Вы меня разбудили.

— Прошу прощенья.

— Полночи заснуть не могла, днем перебрала, а ночью маялась.

— А я говорил, посидим, поокаем, надо было спуститься.

— Поздно я свою ошибку осознала, вы уже храпели.

— Неужели наверху было слышно?

— Еще как, надо будет беруши купить.

— Виноват, исправлюсь.

— Да ладно. Даже прикольно. Будто отец спит в соседней комнате. Мужик в доме.

— Кофе хочешь?

— Когда вы успели его сварить?

— На пересечении с улицей Кравченко есть МакАвто. Не возражаешь? Кофе там отстой, но за неимением лучшего.

Несмотря на ранний час, в МакАвто была очередь. Увидев ее, гостья попросила не останавливаться.

— Здесь быстро очередь идет.

— Все равно. Нам надо быть вовремя.

— А я еще хотел у аптеки остановиться. Таблеток купить от головы.

— Придется потерпеть.

Последнее замечание Нестору крайне не понравилось. Он замолчал, и остальной пусть проделали в тишине. Прямое шоссе вывело их к Большому Каменному мосту. Здесь он ушел на набережную Москвы-реки. Проехал мимо английского посольства. Затем свернул на Новоостаповский мост, выехал на Яузскую набережную. Двигался по ней, пока не добрался до нужного поворота, не доезжая до Электрозаводского моста, повернул направо и поднялся вверх в квартал старых краснокирпичных пятиэтажных домов. Остановился в указанном месте.

— Ждите здесь, — сказала гостья и вышла из машины.

Быстрым шагом она обогнула дом и скрылась во дворе.

«Командовать начала, — проворчал Нестор, — ждите здесь, придется потерпеть».

Голова между тем становилась все тяжелее, мигрень не унималась, только перетекла с височной части в глаз. «А вот черта лысого я буду терпеть», — разозлился он. Район этот, по случайному совпадению, был ему хорошо знаком. Когда-то в студенческие годы у него был короткий роман с молодой женщиной, приехавшей в Москву на повышение квалификации. Она снимала комнату в одном из этих домов. Вряд ли сейчас он узнает в каком, но где-то здесь была аптека. Он натыкался на нее всякий раз, когда шел к ней от метро «Электрозаводская». Нестор запер автомобиль и пошел вверх по улице. Пройдя два дома, он увидел аптеку. Надо же, не снесли. И не перепрофилировали. Впрочем, за годы перестройки именно аптечный бизнес оказался самым живучим. Народ хворал, пережив шоковые реформы. От аптеки он поворачивал направо, следующий дом за котельной был ее. «Черт, как же ее звали? Тамара или Маргарита. Надо кроссворды решать, памяти совсем не стало». В аптеке была очередь и двигалась очень медленно. Покупателя, который, имея за спиной очередь, начинает консультироваться с провизором, надо убивать на месте из рогатки. Дождавшись своей очереди, Нестор купил аспирин, парацетамол и ибупрофен (запас на даче не помешает) и бутылку минеральной, чтобы запить. Он здесь же, не отходя далеко от кассы, принял две таблетки ибупрофена, запил тошнотворным «Нарзаном». «Боржоми» не было, так как недавно поссорились с Грузией, и верноподданнический Роспотребнадзор тут же запретил главный грузинский продукт. Кстати, вино же тоже под запретом. Идя к машине, увидел подростка возле машины, хотел рвануть, так как пацаны повадились воровать сине-голубую эмблему с капота и багажника, коллекционировали, паразиты. Но вовремя сообразил, кто это.

— Я стою здесь уже несколько минут, — сказала гостья.

— Замерзла? Извини, ходил в аптеку. Хочешь таблетку? Могу угостить.

— Я не замерзла, дело не в этом. Если я сказала, ждите, значит, надо ждать. И не прогуливаться незнамо где.

— Я ходил в аптеку, — повторил Нестор, с трудом сдерживаясь, чтобы не наорать на нее. Двадцать лет на руководящей должности меняют характер.

— Это одно и то же. Пожалуйста, выполняйте мои просьбы в точности, или я попрошу, чтобы взяли другого водителя.

— Это вряд ли, — возразил Нестор, — я уже пробовал взять отгул, не отпустили.

Нестор посмотрел в салонное зеркало и встретился с ее глазами. Девушка была не столько сердита, сколько взволнована. В глазах ее был страх. Или ему показалось. Вспышка ярости сразу улеглась. «Умерь свой гнев, велел сыну Одиссей».

— Хорошо, — сказал он, — я буду в точности выполнять твои просьбы.

— Ок, — сказал она и отвернулась к окну.

— Ок, так ок, — проворчал Нестор, запустил двигатель и поехал вниз к набережной.
— Как насчет МакАвто и маккофе?

— Лучше обратно.

— Милая, ты как знаешь, но я, если не съем чего-нибудь и не выпью кофе, помру от головной боли. И тебе придется на автобусе добираться. До коттеджа часа полтора пилить.

— Ладно, — сказала Ирина, — пусть будет кофе. Мне тоже возьмите.

Нестор заехал в попутный МакАвто, купил два кофе и два пирожка с фруктовой начинкой. Девица в окошке, над которым была надпись «Улыбка бесплатно», приняла деньги и протянула ему картонный поднос с прессованными гнездами для стаканов. Вытащил свою порцию, остальное на подносе отдал назад. Кофе качеством был немного лучше, чем тот, которым торгуют автоматы на вокзалах. Пирожок тоже не впечатлил.

— Что же вы не едите? — поинтересовалась гостья, в голосе слышалось скрытое злорадство. — Меня уговаривали, а сами едва притронулись.

Сама она съела пирожок и теперь пила кофе.

— Не рассчитал своих сил, — туманно ответил Нестор.

— Это в каком смысле?

— Не думал, что не осилю.

— А мне ничего, пойдет.

— Пирожок, так вообще — химия. От яблока там только запах, так называемая отдушка. Давно не заходил к ним. Забыл, что все так же невкусно. Если бы не голова, не стал бы настаивать. В Макдональдсе вкусно, пока ешь, а потом только сожаление вместо послевкусия. В горстях остается ил, и пьющий сокрушается о том, что пил. На рынок надо еще заехать.

— А это еще зачем?

— За продуктами, зачем же еще. В нашей деревне выбор невелик.

— Ок, — сказал она.

— Почему ты произносишь ок, а не окей?

— Потому что так пишется; как пишется, так и произносится.

— Пишется сокращенно, а произносить надо полное слово, а то как-то по-деревенски получается. Ты ведь знаешь, что где-то окают, а где-то акают.

— Ну, что же делать, не все же городские. Но я не из деревни, а из поселка, — помолчав, она добавила: — Городского типа.

Звонок заказчика застал его на Черемушкинском рынке, когда он приценивался к баранине.

— Привет, как дела? Все нормально?

— Нормально, — ответил Нестор, — едем обратно.

— А что за шум, кричит кто-то.

— Я на рынке, закупаюсь продуктами.

— Понятно. Вопросы есть?

— Есть. Почему в доме душа нет? Я не могу ей каждый день ведра в баню таскать. У меня радикулит.

— Странно, — удивился заказчик, — в договоре аренды указан и душ, и сауна, поищите.

— Поищите? Душ не иголка. Тем более — сауна. Под них комнату отводят. Это только в русских деревнях в печи мылись.

— А в подвале смотрели?

— А что, есть подвал? А вход где?

— Ладно, старик, у меня второй звонок. Я узнаю, наберу, — он отключился.

— Вот эту корейку, — сказал Нестор мяснику, который все это время выжидающе смотрел на него, — и порубить.

Кроме баранины, он купил еще лук, картофель, помидоры, огурцы, много разной зелени, сложил все в плетеную корзину, коими торговали на входе. Завершил покупки стопкой грузинских лепешек-шоти, которые выпекались в глиняной печи. Корзину убрал в багажник, а одну пышущую жаром лепешку разломил пополам и, сев в машину, протянул девушке.

— Это мне? Спасибо. Люблю запах хлеба.

— Не обожгись, он еще горячий.

— Ай, поняла.

Недопитый кофе и недоеденный пирожок Нестор выбросил в урну.

Путь на дачу занял не больше часа. Основной поток машин в это время шел в Москву.

— Как ваша голова? — спросила девушка.

— Болит. Спасибо, что спросила.

— Таблетку выпили?

— Да, и не одну. Не помогает.

— Вам нужно более радикальное средство. У вас, наверное, похмелье. Вы же вчера почти целую бутылку вина выпили.

— Вино не водка, от него похмелья не бывает. У меня мигрень, обыкновенная, непобедимая болезнь гемикрания. В белом плаще с кровавым подбоем в крытую

колоннаду дворца Ирода великого вышел пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат, — нараспев произнес Нестор.

— Что это с вами?

— Ничего, это цитата.

— А я было испугалась, решила, что заговариваться стали. Какая связь мигрени с этим самым Понтием Пилатом?

— Ну, это надо роман читать. Ты что, не читала?

— Как называется?

— Значит, не читала. «Мастер и Маргарита». Ты к чтению книг как относишься?

— Хорошо. Но эту не читала. Там, где я выросла, библиотека была не очень.

Внуково осталось справа, машина неслась по пустынному шоссе. На первой бетонке, так именовалось второе кольцо вокруг Москвы, Нестор повернул налево. До коттеджа отсюда было рукой подать. Два-три километра. Он покрыл это расстояние за несколько минут.

— А что ты имела в виду, говоря о радикальном средстве? — спросил он.

— Стакан водки.

— Хорошо сказано. Ты что же, водку пьешь?

— Я нет, но знаю, что мужики так похмелье снимают. Хотя у вас же не похмелье — гемикрания.

Бросил на нее взгляд, ожидая усмешку, но ее лицо было серьезным и отстраненным.

— Думаю, стакан водки и мне бы помог. Но я за рулем. И на работе.

— Кажется, мы проскочили поворот, — сказала она.

— У тебя хорошая зрительная память, — похвалил Нестор, — доедем до магазина. Кое-что докупить надо.

— Я даже догадываюсь что, — заметила она, — вино, угадала?

— Ты умна не по годам, — заметил он.

Продавец приветствовал его, как старого знакомого.

— Гамарджоба биджо, — сказал Нестор, — мне... — и осекся, заметив пустые полки. — А где вино?

— Запретили грузинское вино.

— Кто запретил?

— Онищенко, знаешь такого?

— Почему?

— Говорят, какие-то палочки нашли. Микробы.

— Это у него в голове палочки завелись. А куда ты вино дел?

— На складе лежит, между нами говоря, мы его распродаем подешевле.

— Тогда дай мне пару бутылок.

— Минимум ящик, в нем шесть бутылок.

— Ладно, возьму ящик Мукузани.

— Дай деньги, иди к машине, я сам принесу.

Нестор вернулся к автомобилю. Открыл багажник. Следом появился продавец, держа в руках картонную коробку, обернутую газетой, и положил ее в багажник. Нестор захлопнул крышку, сел в автомобиль. На неровной дороге, пока он разворачивался у магазина, из багажника донеслось характерное позвякивание стеклянных бутылок.

— Одна звенеть не будет, а две так не звенят, — заметила гостья. — Вы что, целый ящик купили, может, вы алкоголик?

— У них распродажа, взял подешевке. Не переживай, я не алкаш.

— Да я не за себя, что мне за себя. Я за вас.

Дверь в подвал оказалась под лестницей, ведущей на второй этаж. Ей, видимо, давно никто не пользовался, так как она была завалена кучей старых автомобильных журналов. При беглом осмотре дачи он не заглянул под лестницу, решил, что это место используется как чуланчик. Нестор разместил купленные продукты в холодильнике. Затем собрал журналы и открыл дверь. Нашел слева на стене выключатель, щелкнув им, он осветил ступени, ведущие вниз и с опаской стал спускаться. Подвал был площадью примерно двадцать квадратных метров. Стены укреплены красным кирпичом. Душевая кабина на постаменте. Сауна. Минимум мебели, стол, стулья, бельевой шкаф и стеллаж. Воздух сырой и затхлый. На градуснике было 15. Идеально для хранения вина, подумал Нестор. Все работало. Из кранов текла вода, душ представлял собой гидромассажную кабину, точнее, кабину с гидромассажным душем. Как бы проветрить помещение? Он нашел принудительную вытяжку и включил ее, вентилятор заработал с ровным шумом. Воздух заметно посвежел. Тяга была хорошая. «Ну, что же. Сначала примем душ, прежде чем пускать сюда девицу, надо на себе проверить».

После душа он поднялся наверх, сварил в турке кофе и взошел на второй этаж.

— Сударыня, вы спите? — спросил Нестор.

— Уже нет, — отозвалась гостья.

— Я разбудил или сама проснулась?

— Что вы хотели?

— Я приготовил кофе, хотите?

— Кофе в постель?

— Можно и в постель, хотя мы не настолько близки.

— Я пошутила. Просто я в постели, а вы про кофе. Само выскочило.

— Кто с кем заигрывает после этого?

Этот вопрос она оставила без ответа.

— Я уже сегодня пила кофе.

— Это был суррогат из фастфуда, а сейчас настоящий кофе, впрочем, как знаешь.

Нестор вернулся в гостиную. Принялся за кофе. Через несколько минут послышались шаги. Она спустилась вниз. Нестор наполнил ее чашку.

— Это кофе почти по-турецки.

— Почему почти?

— Потому что в турке, но на газу, без песка.

— Вы правы, разница с фастфудом чувствуется. Я вообще-то не большой любитель кофе, мы все больше чаем балуемся.

Она без стеснения разглядывала его.

— Почему ты на меня так смотришь?

— У вас капельки воды на лице. Здесь и здесь. Вы вспотели. Может, вам нездоровится?

— Я здоров. Это не пот. Я после душа.

— Душа? Какого душа?

— Здесь, оказывается, есть душ и сауна, внизу в подвале.

— И вы до сих пор молчали? Как вы могли! — возмутилась гостья. — Показывайте!

— Кофе можно допить?

— Ладно, допьем. Какое счастье! Душ! — через 10 минут она разочарованно произнесла: — Это бункер какой-то. А полотенце здесь есть?

— Есть, — ответил Нестор, открывая шкафчик.

— Правда, здесь не жарко, — передернув плечами.

— 15 градусов, идеальная температура для хранения вина.

— Вы поэтому ящик купили, чтобы было что хранить.

— Не поэтому. Сошлись два обстоятельства. Бункер я позже обнаружил. Но здесь есть еще сауна, если захочешь погреться. Я могу включить.

— Спасибо, я предпочитают русскую баню.

— Прикажете баньку истопить? — спросил Нестор.

— Пожалуй, сегодня ограничимся душем, — сказала девушка, — но к этому вопросу мы еще вернемся. А сейчас, если позволите, я бы хотела остаться одна.

Нестор кивнул и поднялся наверх.

На телефон сразу посыпались смс-ки. Одна за другой. Несколько пропущенных звонков от неизвестного абонента. Скорее всего, это был заказчик. Ему давно уже никто не звонил. Кто бы это еще мог быть? «Никто, сказал Одиссей Полифему». Рекламные агенты обычно не скрывали свой номер. Нестор вылил в чашку из турки остатки остывшего кофе. Жаль, что он бросил курить. Такая идиллия — кофе, сигара у камина, сценка из жизни сельского джентльмена. Эклога осенняя. Впрочем, эти ингредиенты можно заменить бокалом вина. Но пить еще рановато.

Раздался звонок. Это был заказчик.

— Почему не отвечаете на звонки? У вас все нормально?

— Я был в подвале. Видимо, там сигнал не берет. Я только сейчас звонки увидел.

— А она почему не отвечает?

— Она тоже там была.

— И что вы там искали?

— Душ.

— Ах, да, душ. Я же говорил, что он в подвале. Вы, надеюсь, не вместе душ принимали? Вы же помните наше условие?

— Не беспокойтесь. Я показывал ей, где он находится. И можете мне об этом не напоминать.

— Хорошо. Завтра нужно будет отвезти чемодан, его заберут. Есть вопросы? Пожелания?

— Баней можно пользоваться?

— Пользуйтесь всем, что есть на даче. Только всегда будьте готовы к моему звонку, когда наступит час Х, и если звонок застанет вас в бане, то голым прыгаете в машину

и едете.

— Я в армии служил, одеваюсь по нормативу, то есть быстро, хотя надеюсь, что прыгать голым — это преувеличение.

— Голый — это метафора, — блеснул заказчик, и Нестор вспомнил его молодую жену-филолога. — Я хочу сказать, что условием нашего контракта является то, что вы в любой момент должны быть готовы сесть в машину. Так что если звонок застанет вас в парилке, то это уже будет не метафора.

Заказчик отключился. Он никогда не прощался, и это задевало.

Нестор допил кофе и вышел на террасу. Вытащил из холодильника пакет с нарубленной бараниной. Лучшие куски отделил для шашлыка, или, правильнее будет сказать — барбекю, учитывая этимологию слова шашлык, то есть — шишлык, приготовленный на шише, вертеле — по-турецки, а он собирался готовить на решетке. Некондиционные куски бросил в кастрюлю и поставил на медленный огонь. Почистил луковицу и две картофелины, отправил туда же. К обеду будет суп готов. Питаться надо правильно. Нельзя все время есть всухомятку. Послышались шаги, и из-под лестницы появилась гостья.

— С легким паром! — пожелал он.

— Спасибо. А вы что делаете?

— Суп варю.

— Суп? Ничего себе. Вот уж на что не рассчитывала. Впервые вижу мужчину, который варит суп.

— Ну вот смотри, вот он я!

— Значит, на обед будет суп?

— В проницательности тебе не откажешь.

— Да, я умна не по годам, — она стала подниматься по ступеням.

— Тебе ничего не нужно? — вслед спросил Нестор.

— Нет, а что?

— Меня не будет, я хочу отлучиться.

— А куда вы?

— Хочу прогуляться в ближайшем лесочке.

— А можно я с вами? Только оденусь.

Согласно кивнул и в ожидании опустился в плетеное кресло-качалку. Был солнечный день, застекленную террасу прогревало так, словно это был солярий. Собственно, это и был солярий. Нестор поднял меховой воротник своей куртки, откинулся в кресле, закрыл глаза. Где-то под крышей расчирикался воробей. Сон накатывался неудержимо, что-то невыразимо знакомое было в этой минуте. И он вспомнил, как в детстве галдели по утрам птицы во дворе родительского дома. Никакой конкретики, просто чувство. Провалился в сон от усталости, ибо головная боль утомляла сильнее физического труда.

— Ну вот, вас на минуту нельзя оставить. Вроде гулять собрались, а сами — спать.

Она стояла, наклоняясь над ним.

— Заждался, — ответил Нестор, — тебя не было целую вечность.

— Всего-то десять минут.

— Десять минут в условиях военного времени — это очень много.

— Почему вы сказали военного времени? — почему-то насторожилась гостья.

— К слову пришлось, — ответил Нестор. Он проверил суп, бульон как раз начинал закипать. Снял пенку, убавил пламя горелки до минимума. — Вообще-то опасно оставлять открытый огонь на чужой даче, — сказал Нестор. — Но мы рискнем. Надеюсь, что она застрахована. К тому же единственное, что может случиться — закипающий бульон зальет конфорку и газ заполнит помещение. Главное, по возвращении не чиркать сразу спичкой. Верно? — у него было приподнятое настроение. Кратковременный сон оказался живительным, от мигрени не осталось и следа. — Иди во двор, я догоню, — сказал он. Затем спустил все вино в подвал и присоединился к гостье. Она уже стояла за воротами и разговаривала с каким-то человеком. Это был бомжеватого вида мужчина примерно его возраста.

— В чем дело? — спросил Нестор.

— Здравствуйте, — сказал человек, — я здешний сторож. А вы новые жильцы? Надолго сняли? Я хозяина-то хорошо знаю.

— Пока на месяц. А там как понравится. Вы что-то хотели?

— Сторож я, вот делаю обход. Смотрю новые лица. Я еще вчера приметил дым из трубы. На зиму многие уезжают. Бывает, бомжи заберутся. Решил проверить. Дочка ваша?

— У нас все в порядке, — сказал Нестор, оставив вопрос без ответа.

— Может, что понадобится, обращайтесь, — продолжал сторож. — Веники для бани. Мед есть из Белоруссии. Веники по сто рублей. Сам вязал и сушил. Мед, киловая

банка — 300 рублей.

— Замечательно, — сказал Нестор, — принесите нам два веника и банку меда. Оставьте на крыльце. Вот деньги, — он протянул сторожу пятисотрублевую купюру.

Вдоль поселка протекал ручей. Он огибал территорию, словно наполненный водой ров, выкопанный вокруг средневекового замка. Они пошли по течению и попали в небольшой овраг, поросший ивняком. На дне оврага был пруд небольших размеров, покрытый ряской.

— Возможно, здесь есть рыба, — заметил Нестор, — можно порыбачить, надо поискать удочку в доме. Ты любишь рыбалку? — она неопределенно пожала плечами. — Хотя здешней рыбой только кошек кормить.

Нестор двинулся вперед, обходя пруд, гостья за ним. Обошли и поднялись на противоположную сторону оврага. Нестор сел на поваленное бревно и пригласил ее последовать примеру.

— Спасибо, я постою, — отказалась она.

— Не замерзла, может, вернемся домой? — спросил он.

— Домой я еще не скоро вернусь, — ответила девушка.

— Я имею в виду дачу.

— Нет, давайте погуляем еще. Пойдемте дальше. Этот овраг на меня почему-то тоску наводит.

— Пойдем, — согласился Нестор. Двинулись дальше по склону, вышли в подлесок. Дальше шел редкий смешанный лес. А за ним темнела хвойная чаща. — Надо смотреть под ноги, — посоветовал Нестор, — может, грибов соберем, на ужин пожарим.

— Какие грибы после снегопада, — возразила гостья. — Если только гнилушки.

Они дошли до хвойного леса, здесь было сумрачно. Земля пружинила под ногами, укрытая толстым слоем иголок.

— А грибов-то и нету, — заметил Нестор. — Придется давиться бараниной, — он обернулся, чтобы увидеть улыбку на ее лице. Но она шла отрешенно, носком ботинка сбивая холмики хвои. — Эсмеральда, — позвал вполголоса. Не сразу отозвалась, так не реагируют на свое имя:

— Вы мне? — спросила она.

— Если ты Эсмеральда, то да.

— Я Дульцинея. Слушаю вас.

— О чем думаешь?

— Так, ни о чем, попутные мысли.

— Я все пытаюсь тебя развеселить, а ты не реагируешь.

— Вы сказали что-то смешное?

— Да, мне так показалось.

— Я прослушала, можете повторить?

— Второй раз будет не смешно. Я же не Петросян.

— А при чем здесь Петросян? Какой Петросян?

— Юморист. Он несет всякую дичь, а люди смеются.

— Вы же не Петросян.

— Я об этом и говорю. А чем ты занимаешься?

— Гуляю по хвойному лесу с малознакомым человеком.

— Не хочешь отвечать, ну и ладно. Не думай, что я пытаюсь что-то выведать у тебя. Просто ходим молча, можно поговорить.

— О чем?

— Ну, не знаю, о чем-нибудь. Я ведь живу один, давно уже. Поговорить не с кем. И тут, как назло, спутница неразговорчивая попалась. Знаешь, как дальнобойщики расстраиваются, когда попутчик молчун попадется. Спроси меня о чем-нибудь.

— Ладно. Чем вы занимаетесь?

— Гуляю по лесу с задумчивой девицей, — вздохнув, сказал Нестор. — Два — два, счет ничейный. Пошли лучше обратно. Суп, наверное, уже готов.

Гостья безропотно подчинилась.

Суп в самом деле был готов, но поскольку вода почти выкипела — это уже был не суп, а рагу.

— Пахнет вкусно, — сказала гостья.

— Садись, положу сейчас в тарелку, — однако она от обеда отказалась и ушла наверх. — Ужинать тоже не будешь? — вслед спросил он.

— До ужина еще далеко.

— Ну и ладно. Сам поем. Сам сварил, сам и съем.

Нестор поел и убрал за собой. Помыл тарелку, заварил чай, хотя думал о вине, что выдерживалось в подвале. Кто же пьет сразу после обеда. Только арабы и англичане.

На прогретой солнцем террасе было все еще тепло. Он принес из машины книгу, которую все время брал с собой для случаев вынужденного простоя, опустился в кресло-качалку и, потягивая горячий чай, стал читать. Так прошел остаток дня.

Когда сгустились сумерки, он вычистил камин от вчерашней золы, принес дров, настругал лучины. Сложил горкой в топке, но поджигать не стал. Стал готовиться к ужину, накрывать на стол. Вымыл и выложил на большую тарелку помидоры, огурцы, болгарский перец и несколько стручков чили. На другой тарелке слезился свеженарезанный сулугуни. Затем он принес из подвала бутылку «Мукузани» и открыл ее. Два стакана, хотя она и не пьет. Свой наполнил до краев, как говорили мужики на заводе, для губ места не оставил. Пять вечера, самое время пить вино, можно сказать — файв о клок, а случись срочно куда ехать, в кармане пачка баксов. Пара-тройка «Джорджей» решат с ментами любую проблему. Он взял граненый стакан имени скульптора Мухиной, сел на свое излюбленное место — к камину. Стакан с вином поставил на полку, поднес спичку к березовому завитку, береста затрещала, выгнулась, огонь занялся тут же. Он протянул руку, граненый холод лег в ладонь. Сделал глоток, не отрывая взгляда от огня. Он обожал эти минуты. Было в этом что-то исконное, уходящее вглубь веков и будоражащее чувства. Пещера, костер, мясо и женщина. Огонь пылал на славу. Лицо начинало припекать от жара. Он отодвинулся назад, сделал еще глоток. Его начинало забавлять то, что он иногда думал о гостье как о сексуальном объекте. Хотя ничего подобного даже не предполагал. То есть это все было умозрительно. Парменид сказал: мысль о предмете есть сам предмет. Он вел себя, как даос. Нестор сидел и пил вино, в плену собственных мыслей, пока поленья не прогорели до углей, покрытых ровным слоем золы. Он принес из холодильника баранину, установил в топку кирпичи и пошел наверх звать даму к ужину. Он поднимался, постукивая костяшкой указательного пальца по перилам. Можно еще на шею колокольчик повесить, чтобы предупреждать о своем появлении.

— Сударыня, — негромко произнес он, — вы будете ужинать? — она не отозвалась, и он, стукнув в дверь, открыл ее. Как и в прошлый раз, она лежала с наушниками в ушах и сделала большие глаза при его появлении. Он постучал себе по уху и, когда она выдернула наушник, сказал: — Я стучал. Ты будешь ужинать?

— Да.

— Тогда прошу спуститься ко мне, смертному.

Вернулся к камину, разворошил угли, отчего они засверкали разноцветными огоньками, и стал выкладывать куски мяса на решетку.

— Вы в прошлой жизни шеф-поваром были? — услышал он за спиной голос гостьи.

— Нет, милая. В прошлой жизни я был инженером, причем главным, — ответил, переворачивая мясо на решетке.

— Но вы здорово готовите, это что — хобби?

— Это долгая холостяцкая жизнь. Скоро будет готово, садись пока, пей вино.

— Я не пью вина. Я же говорила.

— Я помню.

— Зачем же предлагаете?

— Так принято за столом, этикет, понимаешь, — и добавил, не удержался: — Мы не пьем вина на краю деревни, мы себя не ладим в женихи царевне.

— Значит, жизнь холостяка. А я как раз хотела спросить про семью. В вашем возрасте не иметь семью как-то странно.

— А у тебя есть семья?

— У меня есть сын. Ему два года.

— Значит, мужа нет?

— Мужа нет.

— Почему? Впрочем, можно не отвечать. Поматросил и бросил.

— Так оно и есть. Хоть мне и неприятно это слышать.

— Извини. Я не должен был этого говорить.

— Да ладно. А вот вы почему один? Тоже поматросили и бросили?

— У меня обратная ситуация. Сдуру женился. Потом много раз уходил. Хотел развестись. Но слезы, истерика, у нас ребенок, я покончу с собой, мы должны жить ради ребенка. В общем, я остался. Дочь выросла, живет своей жизнью, и я ей уже не нужен. С женой все равно развелся, когда мне стукнуло 50. Что характерно, она опять вышла замуж, а я с тех пор живу один. Так что делай выводы.

— А какие выводы?

— Жертва всегда бывает напрасной.

— Вот вы к чему.

— Шашлык готов, — объявил Нестор, извлекая решетку из камина. Куски кебаба перекочевали на тарелку. — Прошу, приятного аппетита.

— А вы?

— Сейчас. Только допью вино.

— Ах, да, я забыла вашу теорию, — гостья принялась за еду. Нестор же пил вино и закусывал сыром. — Я никогда в жизни не ела такого вкусного мяса, — воскликнула гостья, — оно просто тает во рту и такое сочное. Вы всегда так питаетесь?

— Да, стараюсь, во всяком случае.

— Вы гурман.

— Можно и так сказать, — Нестор допил вино и принялся за мясо.

— Можно вопрос? — произнесла гостья.

— Ты еще руку подними, — улыбнулся Нестор, — спрашивай, конечно.

— А зачем вы подрядились на эту работу?

Удивленно посмотрел на нее.

— Подрядился, — повторил Нестор и усмехнулся, — какое точное слово ты подобрала. Именно подрядился. Неожиданный вопрос. Но это же очевидно. Я пенсионер. Деньги нужны.

— Но деньги можно иначе заработать. В вашем возрасте пойти прислуживать...

— Это зависит от точки зрения. Тебе это видится как прислуживание. А мне как возможность пожить в загородном доме с молодой девицей, вечерами сидеть у камина, пить вино. Это лучше, чем бомбить ночами, развозя всякий сброд. И за это удовольствие еще и заплатят. Да я бы бесплатно все это делал.

— Значит, вы не только гурман, но еще и гедонист.

— Слова ты знаешь, это похвально. Только зачем ты мне об этом говоришь? Хочешь задеть меня?

— Вы же сами хотели поговорить. Вот я и разговариваю.

— А зачем ты этим занимаешься?

— Чем этим? — гостья сразу изменилась в лице, даже как-то подалась назад. Глаза ее сузились от подозрения. — Что вы знаете обо мне?

— Тем, чем ты занимаешься. Успокойся. Я ничего о тебе не знаю. Это мы так беседуем, словно бредем впотьмах. Мое занятие очевидно. И ты интересуешься мотивами, а я вынужден говорить обиняками. Я не спросил — чем, я спросил — зачем? Собственно, можешь не отвечать. И так ясно.

— И что же вам ясно? — с вызовом спросила она.

— Затем же, зачем и я. Из-за денег. Разве нет? Зарабатываешь на жизнь.

— Да, — успокаиваясь, сказала она, — я зарабатываю на жизнь, кто во что горазд.

— Как ты зарабатываешь, мне дела нет, — добавил Нестор, не хватало, чтобы девица пожаловалась на него. Ему и в самом деле нет до этого дела. Чем меньше знаешь о человеке, тем лучше. — Твое здоровье! — сказал он, поднимая стакан с вином.

— Спасибо, — на ее лице наконец-то появилась улыбка.

— Чем бы ты ни занималась, можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, ловлю на слове. Вообще, знаете, мне с вами хорошо, — неожиданно призналась она. — Правда. Вы мне даже нравитесь. Жаль даже, что вы в возрасте. Ой, извините, опять я что-то лишнее ляпнула.

— Не извиняйся, — сказал Нестор, — твои слова льют бальзам на мое сердце. Начнешь извиняться, все испортишь, извинение порой бывает хуже проступка.

— Ладно. Только вы ничего не подумайте. Это я так. Чисто теоретически. Что вы читаете? Я видела книгу на веранде.

— Да так, большой занудный роман.

— Зачем же вы его читаете, если он занудный?

— Я читаю его всю сознательную жизнь, никак одолеть не могу. Десять раз брался, сейчас вожу его с собой, когда случается застрять где-нибудь, коротаю время.

— Почему так?

— Не идет. И не могу сказать, что он очень сложный, читали мы и сложнее романы, просто затянут до невозможности, читать его просто пытка.

— Так не читайте, зачем же себя мучить.

— Вот в этом ты права. Так же считал Шекспир: *«В чем нет услады в том и пользы нет. Что вам по нраву, то и изучайте».* Но у меня такой характер, я все должен довести до конца.

— Мне даже стало интересно, — сказала гостья, — о чем эта книга, как называется? Расскажите мне о ней.

— «Улисс» — название не имеет никакого значения, хотя автор считает иначе. Улисс — звали Одиссея. Роман якобы соотносится со странствиями Одиссея, но это иллюзия автора. Книга эта о том, как два неприкаянных человека весь день шляются по городу. Одного зовут Стивен Дедал, ему 22 года, он интеллектуал, все время умничает и при этом переживает недавнюю смерть матери. Другой — Леопольд Блум, коммивояжер, он подозревает свою жену-певичку в любовной связи с импресарио, но ничего не предпринимает на этот счет, а даже получает от этих мыслей какое-то болезненное

удовольствие. Джойс, так зовут писателя, считал их, видимо, ипостасями отца и сына, чуть не сказал, и святого духа. Отца Одиссея и сына Телемака. Кстати, ты знаешь, что Одиссей погиб от руки собственного сына, но не Телемака, другого, Телегона, рожденного волшебницей Киркой. Жена Одиссея-Блума полная противоположность Пенелопе, которая двадцать лет ждала мужа, отвергая всех сватавшихся к ней греков, Дедал-Телемак размазня. Автор этого романа блестяще владеет языком, все главы написаны разными стилями от древних до современных, но читать это, не отрываясь на долгий перерыв, невозможно, а само чтение порой тошнотворно. К примеру, он до мельчайших подробностей описывает поход в туалет Блума.

— Фу, — сказала гостья.

— Вот именно. Главное, что в этом огромном романе ничего не происходит. А ведь интерес — это движущая сила любого произведения, читаешь для того, чтобы узнать, что будет дальше. Джойс скрупулезно описывает действительность, происходящую вокруг героев, их чувства, мысли, диалоги с другими людьми. Все это перемежается длиннющими отступлениями, цитатами, ссылками, спорами на философские, исторические или филологические темы. Надо признать, что материалом он владеет блестяще. Эрудиция энциклопедическая. Но читать это, как я уже сказал, невозможно. При этом сей роман считается одним из великих романов двадцатого века, но его никто не читает. Вот, к примеру, роман «Три мушкетера» Дюма читают все, а роман не считается великим. Вот здесь возникает вопрос: а судьи кто?

— Кто судьи? — спросила гостья.

— В основном литературоведы, то есть люди, которые сами не пишут романов, но суждение имеют. Вот я сейчас вспомнил — есть еще один роман, где события также происходят в течении одного дня, или суток, но это захватывающее чтение. Это незаслуженно забытый Чарльз Роберт Метьюрин, тоже ирландец, между прочим. Роман называется «Мельмот Скиталец», вот это действительно великий роман. Его значение признавали и Пушкин, и Бальзак, и Вальтер Скотт. То есть писатели, а с Джойсом носятся в основном филологи. Последние не понимают, вернее, не желают принимать того, что хороший роман может быть написан плохим языком, и наоборот. «Улисс» — это великолепно написанный плохой роман. Это вообще не роман, а пособие по стилистике для литераторов.

— Спасибо за лекцию, — сказала гостья, — найду оба этих романа и обязательно прочитаю. Для инженера вы слишком хорошо разбираетесь в литературе.

— СССР был самой читающей страной на свете, — ответил Нестор, а я так вообще с детства мечтал быть писателем, но не сложилось.

Нестор замолчал, принялся ворочать кочергой.

— Я иду спать, спокойной ночи, — сказала гостья.

— Мне завтра надо будет уехать, отвезти чемоданчик, — произнес Нестор.

— Я знаю.

— Может, сейчас его в багажник бросить, чтобы тебя не будить рано?

— Я все равно проснусь. Спущу его.

«Не доверяете, мамаша», — он смотрел, как она уходит. А если бы был не в возрасте, тогда бы что? Мысленный вопрос. А ничего. Мы здесь не за этим. Сам же себе ответил. Дался ей мой возраст. Прямо как бельмо на глазу. Я же не чувствую своих лет. А мне все в глаза тычут.

— Очень быстро все прошло, — сказал ей вслед. Она остановилась, обернулась к нему:

— Вы о чем?

— О времени. Не могу принять то, что мне 60. Как это могло со мной произойти?

— Обыкновенно, так же, как и со всеми. Вы что же, особенный?

— Мне казалось, что да.

Она как-то по-доброму, сочувственно улыбнулась.

— Никто вечно не живет, вы же не Кащей бессмертный.

— А чего сразу Кащей?

— Ну ладно, не Кащей. Кто там еще был из вечно живущих? Дядька Черномор.

— Нет, это совсем из другой оперы, но я тебя понял. Спокойной ночи.

Сделала рукой адью и ушла. Простучали шаги на лестнице. Щелкнула дверь. Наступила тишина. Нестор вновь наполнил стакан. Это был третий. Он знал, что больше не надо пить. Мигрень неизбежна. Но это особенность русского характера. Пусть будет плохо завтра, зато хорошо сейчас. Чем еще заняться до отбоя. Поглядел на часы, шел десятый час. Нестор отметил, что тишина была необычная, словно ватная. Какое-то давнее воспоминание толкнулось в сердце. Но он никак не мог придать ему форму — ускользало. Он вышел на террасу, чтобы проверить догадку. Так и есть, во дворе валил снег огромными хлопьями. Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве. Так тихо бывало в детстве наутро, если ночью выпадал первый снег, покрывая все вокруг,

приглушая все звуки. Как это он не глянул раньше в окно, сидя за столом против нее, нашлась бы еще тема для разговора. Нестор вернулся в дом, подбросил дров в камин, сел со стаканом в руке, пил, блаженно смакуя каждый глоток и каждую минуту. Вряд ли в его жизни будет еще девушка и камин и загородный дом. Надо ценить эти минуты. Так он провел остаток вечера. Перед сном принял душ, чтобы освежиться, поскольку немного угорел у огня, и лег спать.

Наутро встал с неизменной головной болью. К счастью, спешить было некуда. Заказчик сказал, чтобы он ехал в утренние часы пик. Почему, не объяснил, хотя догадаться было несложно. Все дело в пресловутом чемоданчике. Чтобы не привлекать внимания. А если там все-таки наркотики, значит, остаток жизни он проведет за решеткой. За наркоту дают большие сроки. Что уж теперь. Назвался груздем, ехай и молчи в тряпочку. Он сварил кофе, выпил таблетку. Съел бутерброд с сыром. Сверху спустилась гостья, она несла кейс.

— Завтракать будешь? — вместо приветствия произнес Нестор.

— Доброе утро, а что у нас на завтрак?

— Доброе. Кофе и бутерброд.

Она поставила кейс и подошла к столу. Налил ей кофе, пододвинул тарелку.

— Как голова? — неожиданно спросила она.

— Спасибо, болит. Гемикрания, мать ее.

— С вином надо завязывать.

— Я знаю, — согласился Нестор, — но у меня там еще 5 бутылок осталось. Как допью, брошу, — он выпил кофе, вышел во двор, завел машину, очистил ее от снега. Когда на крыльце появилась гостья, открыл багажник. — Чем тебя сегодня кормить? — спросил Нестор. — Заказы принимаются.

Она сначала пожала плечами, затем сказала:

— Была курица, потом мясо, так что сегодня рыба.

— Нет, рыбный день — четверг, — возразил Нестор.

— Так сегодня и есть четверг.

— Действительно, я и забыл.

Она вернулась в дом, а Нестор выехал со двора и покатил в сторону Киевского шоссе.

На этот раз он немного изменил маршрут. Словно подчиняясь какому-то конспиративному зуду. На Октябрьской площади свернул на Садовое кольцо. Проехал Павелецкий вокзал, тоннель под Таганкой и затем съехал на Яузскую набережную. Ночной снегопад превратил дороги Москвы в грязное месиво. Дворники едва справлялись, развозя грязь на лобовом стекле, несмотря на то что он обильно омывал его из форсунок. Так на обратную дорогу может не хватить незамерзающей жидкости. У «САААБ» был один недостаток — большой расход пресловутой жидкости, поскольку одновременно со стеклом омывались и фары. Логику конструкторов можно было понять только тем, кто ездил по ночам. Днем же, когда в фарах необходимости не было, тратить на них «незамерзайку» было неразумно. Может быть, в Швеции темнеет раньше, чем в России? Не доезжая Электрозаводского моста, Нестор повернул, поднялся по улице, развернулся и припарковался. Теперь надо было, следуя указаниям заказчика, ждать. Подъедет машина, из нее выйдет человек и заберет кейс. Ни имен, ни фамилий, ни паролей. Как легкомысленно они относятся к делу. Шутка. Ему все это не особо нравилось, но он старался не углубляться в эти мысли. Не ровен час, додумаешься до невозможных истин и загонишь себя в тупик, когда надо будет принимать решение. А так, меньше знаешь, легче живется. Обратная сторона времяпрепровождения с девицей у камина. «Мы проводили время на даче».

Ждать пришлось довольно долго. Выпитая на даче таблетка не действовала. На этот раз в аптеку не отойдешь. Запастись лекарством в дорогу он не додумался. Может у человека болеть голова двое суток подряд? Чем интересно Иешуа снял Пилату головную боль? Наш бы человек посоветовал ему стакан водки. Ясное дело, голова у него болела от цекубы тридцатилетней выдержки. От водки такой затяжной мигрени не бывает. Мимо медленно проехала черная «Вольво», слишком чистая для такой погоды. Наверное, только выехал из гаража. Номера были с триколором. Все ясно. Правительственный гараж, там их каждый день моют. «Вольво» остановился поодаль. Из него вышел человек и пошел назад. Встретившись с ним глазами, Нестор понял, что это курьер. Он опустил стекло, чтобы уточнить, но тот прошел мимо. Нестор вспомнил, что он должен просто открыть багажник и уехать сразу же, когда заберут кейс. Он сделал все в точности и поехал вниз на набережную. В зеркало заднего вида он отметил, что человек пошел с чемоданом не к машине, а к дому. А «Вольво» сорвалась с места и унеслась вперед, обогнав «Сааб». Эти водилы на казенных лимузинах машин не жалели. А чего жалеть тачку, купленную на деньги налогоплательщиков.

За рыбой он поехал на Дорогомиловский рынок, хоть это было и не совсем по

дороге. Здесь азербайджанцы торговали осетриной. Но Нестор остался глух к их призывам. Поскольку рыба, которую они выдавали за каспийскую, лучшую в мире, на самом деле, привозилась из Астрахани. Ее разводили армяне в садках в низовьях Волги, и вкус у нее был не тот. Он прошел дальше мимо аквариумов с живой форелью, огромными зеркальными карпами. Эта рыба была ценна только свежестью. Особенно карп. Не зря его готовят в сметане. Варят кашу из топора. Можно было взять стерлядь. Но с ней возни много. Да и вообще с нее хороша уха, а не жаркое. Он направлялся к рядам, где засыпанная льдом лежала греческая дорада — царица Средиземного моря. Он выбрал две большие рыбины с красными жабрами.

— Почистить? — спросил продавец.

— Обязательно.

— Филе?

— Нет, только почистить.

Филе для гриля не годилось. Еще купил пару лимонов, абхазских. Что за рыба-гриль без лимона. Впервые он попробовал это блюдо на Кипре. С тех пор оно заняло прочное место рядом с шашлыком в его гастрономических пристрастиях. Выехав со стоянки, он миновал Киевскую площадь и поехал через Воробьевы горы. Здесь машин всегда было мало. Проспект Вернадского тоже был относительно свободен. Он поймал себя на том, что торопится обратно к этой девице. Вот что с человеком делает затянувшееся одиночество. Собаку, что ли, завести, а то начинаешь привязываться к кому ни попадя. Нестор включил радио и стал слушать сводку экономических новостей. Ведущий и его собеседник говорили о пропавшем транше международного валютного фонда. Шесть миллиардов долларов, выделенные в помощь новой России, исчезли, да так ловко, что никаких концов нельзя было найти. Это обстоятельство всегда вызывало у него усмешку. То, что до сих пор не было никаких следов этих денег, говорило только об одном — о нежелании искать эти деньги. «Как там в России? Да всё воруют». Проспект Вернадского плавно перетек в Киевское шоссе. Через полчаса он въезжал во двор. Войдя на террасу, он громко спросил у второго этажа:

— Есть кто дома?

— Есть и очень хочет есть, — услышал в ответ. Надо же, не спит и не слушает музыку. Он смотрел на лестницу, но она появилась из гостиной. — Здрасте, а я, между прочим, не завтракала и умираю с голода.

— Виноват, хозяйка. Пришлось отлучиться. Но здесь же есть все. Хлеб, сыр, кофе, чай.

— Не надо все перечислять. Я не привыкла хозяйничать в чужом доме.

— Так я тоже не у себя дома. Ну ладно. Завтрак пропустили, как в армии, следующий прием пищи — обед. Есть суп, от которого ты так гордо отказалась вчера. Будешь?..

— Буду, — даже не дав договорить, согласилась гостья.

— Садись, сейчас подогрею.

Нестор бросил взгляд на часы, ровно одиннадцать, столовая на заводе открывалась в 11.00, как приятно в мыслях вернуться в прошлое. Он подогрел суп, налил в тарелку, поставил на поднос и пошел в гостиную. Гостья сидела за столом в ожидании. Поставил перед ней, а сам сел на террасе и сидел, пока она не вышла к нему.

— Очень вкусно, спасибо.

— На здоровье.

— А как насчет бани?

— Для меня это неполное предложение. Что насчет бани? Сударыня, изъясняйтесь яснее.

— Зачем вы к словам придираетесь? Вы же поняли, что я хотела сказать, — Нестор молчал с улыбкой, глядя на раскрасневшуюся от горячего супа гостью. — Можно затопить баню? — раздельно выговаривая слова, произнесла она.

— Я попробую.

— В смысле?

— В прямом. Это не мой дом и не моя баня. Я попробую, результат не гарантирую. Как получится. Я вообще-то парень городской. Хоть и рукастый.

— Попробуйте, попробуйте. Может, вам помочь?

— Нет. Это дело мужское. Я позову, когда будет готово. Назвался груздем, полезай в кузов.

Она поднялась наверх. А он пошел в баню, в прямом смысле этого слова. Представление о том, как топят баню, он имел самое отдаленное. Бывал в гостях на дачах, в деревнях, но всякий раз на готовенькое. Хотя в теории особых тайн и загадок не было. Это не бином Ньютона и не шестимиллиардный кредит, исчезнувший в России. Нестор натаскал дров, проверил титан, он был полон воды. В помывочной стояла синяя пластиковая бочка с холодной водой. Оставалось только чиркнуть спичкой, что он и сделал. Занялось пламя, печная труба загудела, и он облегченно вздохнул.

Баня топилась два часа. Все это время он неустанно подкидывал дрова в топку каменной печи. Когда наконец в парилке стало нестерпимо жарко, он замочил два веника в тазу и пошел звать гостью. Она не заставила себя долго ждать. Нестор привел ее в баню, все показал и рассказал.

— Здесь париться, сюда поддавать, здесь мыться, здесь приходить в себя. В шкафу есть чистые полотенца.

— А если я не умею? — спросила она.

— Чего не умеешь?

— Париться.

— А чего там уметь. Сиди и потей.

— А поддавать. Это как?

— Я покажу. Ты что, в бане никогда не была?

— В такой нет.

— В ковшик воду набираешь, только немного, и швыряешь на камни.

— А вы могли бы со мной.

— Что с тобой? Опять неполное предложение.

— Компанию мне составить. Одной мне как-то не очень.

— Я могу снаружи покараулить, если тебе боязно.

— Я не трусиха. Совсем наоборот. Я любого мужика могу вырубить.

— Карате знаешь? — усмехнулся Нестор.

— Знаю. Но здесь другое. Я боюсь таких помещений. У меня может развиться клаустрофобия.

— Ты здесь уже мылась.

— Поэтому и не хочу одна.

— То есть ты хочешь, чтобы я с тобой в бане парился?

— Да. Я же подавать не умею.

— Не подавать, а поддавать. Послушай, тут такой деликатный момент. В твоих глазах я, наверное, выгляжу стариком, но это не так. Не настолько я стар, чтобы мыться с девушкой в бане и... — Нестор не договорил. Не знал, чем закончить свою тираду.

— Вообще — это странно, — сказала гостья. — Девушка должна уговаривать мужчину пойти с ней в баню. Обычно бывает наоборот.

— Слушай, как тебе объяснить. Даже не знаю.

— Ничего объяснять не надо. Ваша щепетильность мне понятна. Вы знаете, что в Германии душевые везде общие. И они не делают из этого проблему.

— Ну, что тут скажешь. Что немцу здорово, то русскому — смерть. Но ладно. Я правда не знаю, как к этому отнесется работодатель.

— Это к работе не имеет никакого отношения.

— Ты думаешь? Ну хорошо.

— Отлично, — сказала гостья, стягивая с себя одежду.

— Мне отвернуться? — спросил Нестор.

— А вы хотите смотреть? Никогда женского тела не видели? Смотрите. Мне не жалко.

Нестор не стал смотреть. Быстро сбросил с себя одежду. Обвязался полотенцем вокруг пояса и шагнул в парилку. Насчет Германии она была права. Немцы выхолостили эту волнующую разницу между мужским и женским телом. Как-то в Турции пошел он в хаммам. Банщик растер его рукавицей, исторг хруст из всех сочленений и указал на свободное место на мраморном возвышении, где уже блаженствовали несколько голых тел. Помещение было в густом пару, как в облаке. Нестор лег, затем повернул голову набок и увидел обмякшую женскую грудь пятидесятилетней тетки. Скосив вниз глаза, он понял, что она не только топлес, но и без ничего. Интересно, в каком виде войдет гостья? Насчет женского тела замечание было невежливым. Я старый, меня девушки не любят, причитал Паниковский. На мужика за пятьдесят девки не вешаются. Если только он не сорит деньгами. Но говорить об этом гостье он не стал.

Воздух в парилке был сухой и жаркий. Он набрал в ковшике воды, плеснул на камни и тут же присел. Он был разочарован, когда в парилку вошла гостья. Полотенце повязано над грудью. Все пристойно. Это называется — много шума из ничего. Шекспир.

— Ай, ай, ай, — запричитала она, присаживаясь на первую полку, — почему так жарко!

— Потому что парилка, дитя мое. Пар костей не ломит. Сейчас прогреемся как следует. Потом я тебя березовым веником отхлестаю. Мало не покажется.

— А я сдачи дать могу.

— Это массаж березовый.

— Да знаю я, пошутила.

Сидели и потели молча, только слышно было потрескивание прогоравших дров.

Нестор бросил в топку несколько березовых чурок. Поддал еще раз. Да так, что стало нестерпимо. Но гостья сидела, превозмогая жар. Спросил:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Тепло, батюшка, — в тон ответила гостья. — А это вы цвет моего лица имеете в виду? — по ее раскрасневшемуся лицу текли капельки пота. — Мной, наверное, сейчас корабли в море приваживать можно.

— Да не так чтобы очень, — возразил Нестор. — Вот я наверняка багровый.

— Это от того, что вы пьете, у пьющих — лица красные.

— Одни комплименты от тебя слышу. То старый, то морда красная.

— А вы хотите, чтобы я вас молодым красавцем называла?

— Сочту этот вопрос риторическим.

— Риторическим?

— Не требующим ответа.

— Не хотите отвечать, так и скажите.

— Я вроде так и сказал.

— Запутали меня совсем. Так что там про березовый веник вы говорили? Про массаж?

— Созрела?

— Да.

— Это всегда так, предлагаешь — сразу нет. Тогда ждешь.

— Значит, дождались. Я готова.

— Хорошо, ложись на живот.

Нестор вытащил веники из шайки, потрусил их над камнями. Капли падали, шипя и испаряясь. Повернулся к ней, она лежала на верхней полке, как была, обернутая в полотенце.

— Нет, так не пойдет, — сказал он, — полотенце надо убрать. Иначе смысла нет.

Помедлив, открыла узелок над грудью и стянула полотенце до пояса, а снизу подобрала до бедер.

— Достаточно?

— Пойдет, — согласился Нестор. Опустил оба веника, один на спину, другой на ноги, повозил, поелозил, затем стал хлестать, вначале легонько, затем все сильнее. — Ну как?

Задушенным голосом отозвалась:

— Блаженство. Как в раю. Только, если можно, не так сильно. А то у меня синяки со спины долго не сойдут, кожа нежная.

На спине действительно видны были полоски от веток. Но Нестор сказал:

— Легче не могу.

— Почему?

— Сублимация.

— А что это такое?

— Переход сексуальной энергии в кинетическую.

— Понятно. Может, достаточно с меня? Давайте я вас похлещу, отыграюсь.

— Хорошо, только надо закончить. Давай на спину.

— Это сложнее. Отвернитесь.

Нестор повернулся, сунул веники в шайку, поддал еще. Вытащил веники, потряс над камнями.

Теперь она лежала на спине, полотенце на поясе и ладошками закрывала груди.

— Только, пожалуйста, не так сильно. Уймите свою сублимацию.

Нестор засмеялся. Девица была не так проста, как хотела казаться. Он прошелся по ногам, по животу и сказал:

— Баста.

Отвернулся. Гостья послушно встала и сказала:

— Теперь вы можете ложиться. Долг платежом красен.

Улыбаясь, лег и продолжал улыбаться под ударами березовых веников.

— За такие минуты можно жизнь отдать. Забьем баки мусульманскому раю.

— Теперь на спину, — приказала гостья, войдя в раж. Нестор послушно повернулся.

— Чему радуетесь? Я вас со всей силы хлещу. Видать, шкура дубовая.

— А ты догадайся, чему я радуюсь.

— Опять сублимация.

— Не только.

— Кажется, я догадываюсь.

— Ну и ладно. Не будем копать до корней. Оставим загадку. Спасибо. Теперь садись.

Она послушно села. Нестор набрал полведра холодной воды, добавил кипятка и опрокинул ведро на голову гостье. Она ахнула, фыркая и, отплевываясь, сказала:

— Вы с ума сошли?!

— Сейчас будет хорошо! — набрал еще одно ведро и вылил его на себя. — Ну как? Хорошо?

— Хорошо, — согласилась гостья.

— Ладно, отдохнем, — предложил Нестор.

Гостья послушно встала и пошла за ним.

Когда, разомлевшие, сидели на лавке рядышком в банных халатах и пили минеральную воду, она вдруг заметила:

— Такое ощущение, что мы на райском острове и во всем мире никого нет, собственно, и мира никакого нет.

— Адам и Ева, — сказал Нестор.

— Почти, только не будем развивать эту тему, а то так и до грехопадения недалеко.

— Это вряд ли, — возразил Нестор, — змея поблизости не наблюдается, но ты, кажется, со мной заигрываешь.

— Не все же вам меня смущать.

— Второй заход, — предложил Нестор.

— Да, конечно, — с готовностью согласилась гостья.

После второго захода Нестор сказал:

— Я пошел готовить ужин. Ты идешь или остаешься?

— Я еще немного посижу, остыну.

— Ладно, приходи.

— А что у нас на ужин?

— Как что? Рыба. Сама же заказывала.

— Спасибо. Как приятно. Что кто-то выполняет твои желания.

Нестор вышел в предбанник, насухо вытерся, оделся и пошел в дом. После бани гостиная казалась холодной, собственно, так и было. Дом был тонкостенным, и отопление не совсем справлялось со своей задачей. Хозяин, видно, решил сэкономить на толщине бруса. А может, дом и вовсе был щитовой, на американский манер. Снаружи облагородят сайдингом. Выглядит красиво, а жить неудобно. Он растопил камин, принес из подвала вино. Накрыл на стол — сыр, хлеб, овощи. Дораду посолил, поперчил, посыпал изнутри чабрецом, рыба лежала на решетке и ждала своей очереди. Девицы все не было. Обеспокоенный, он хотел уже идти за ней. С непривычки легко угореть и упасть в обморок, но услышал шаги на веранде, а затем на лестнице. Она сразу поднялась к себе. Он не стал ее торопить. Угли еще прогорят нескоро. Открыл вино, наполнил стакан пенящимся фиолетовыми пузырьками вином, смакуя сделал первый глоток. Во всем СССР только грузины умели делать хорошее вино, после них шли молдаване. В армии он как раз служил в Грузии. Как-то их отправили в Рустави, в командировку на металлургический завод, там они работали в обмен на трубы для войсковой части, вид бартера. Свободные от муштры, в воскресенье подрядились за 10 рублей копать огород у местных сельчан. Дело было весной. Хозяин обманул, вместо денег дал две бутылки чачи. Надо было эту чачу вылить ему на голову. Но ругаться не стали. Ушли. На троих распили эти две бутылки, не пропадать же добру. Закуски особо не было, сухой паек, галеты, паштет, перепились так, что всех рвало желчью... Зазвонил телефон.

— Как дела, старик, чем занимаетесь?

— Да вот сижу после бани. Ужинать собираюсь.

— О-о, после бани, — удивился заказчик, — один парился или?..

— Один, — Нестор почему-то соврал. Что-то в голосе собеседника ему не понравилось.

— Да у вас там не жизнь, а курорт.

— Я с вами это обговаривал.

— Никаких проблем. Это я так. А где гостья?

— Наверху. Скоро спустится к ужину.

— Ну, добро. Завтра отвезете клиента, оставите и приедете на Таганку. Я буду ждать вас ниже театра на Радищевской. Ясно?

— Ясно.

Как обычно, не прощаясь, дал отбой.

Послышались шаги, скрипнула дверь, вошла раскрасневшаяся гостья. Румянец шел ее лицу.

— Гостей ждете? — весело спросила она.

— Еще как, — ответил Нестор.

У девушки хорошее настроение. Постараемся не испортить. Подсела к столу, а затем пересела к камину. Нестор вовсю орудовал кочергой, разбивая пылающие уголья. Жар нужен был без пламени. Добившись необходимого результата, он установил кирпичи

и водрузил на них решетку с рыбой. Сразу же закапал жир, зашипело, задымилось, он перевернул решетку, чтобы рыба не пригорала. Гостья молча наблюдала за ним, с едва различимой улыбкой на губах.

— С легким паром! — запоздало сказал он.

— Спасибо. И вам того же.

— Как настроение?

— Хорошее. Спасибо, что спросили.

— Отлично, — довольно сказал Нестор. Он сделал изрядный глоток, положил в рот кусочек сулугуни, терпкость унял остротой.

— Вы так вкусно все это проделываете, — заметила гостья, — что и мне уже хочется выпить.

— Так выпей.

— Я не пью, — помолчав, добавила, — мне пить нельзя. Я на работе.

— А после работы? У тебя когда конец смены?

Она засмеялась.

— У меня не смена, вахта. Я работаю вахтовым методом.

— Кем? — спросил Нестор. Покачала головой. — О профессии не спрашиваю, но догадываюсь, — добавил он, — вероятно, что-нибудь интеллектуальное.

— Не понимаю, о чем вы.

— Ни о чем. Это цитата. Шутка. Еще немного, и рыба будет готова, садитесь за стол.

— Ничего, я с вами посижу.

— Дать вам сюда тарелку?

— А можно?

— Все в наших руках.

Рыба была готова. Нестор снял решетку. Переложил на тарелку. Вытащил из нее кости, полил лимоном и протянул гостье.

— Ловко вы управляетесь, прямо как заправский официант, — заметила женщина.

— Если это комплимент, то он сомнителен, — ответил Нестор, — я инженер.

— Извините, не хотела вас обидеть. Честно.

— Извинения принимаются. Приятного аппетита.

— Это очень вкусно, — попробовав, воскликнула гостья. — Что за рыба, никогда такой не ела. Кроме карасей, в наших прудах ничего не ловится.

— Это Дорада — царица Средиземного моря. Когда ты купишь домик в Греции, сможешь есть ее хоть каждый день.

— Буду знать. Правда, вряд ли я смогу так приготовить. Вообще мне с вами повезло. Кормите на убой. Да все так вкусно.

— Это мне с тобой повезло, — не остался в долгу, — и неизвестно, кому больше.

— Вы думаете? То есть уверены?

— Конечно, столько радостей на старости жизни. А сегодняшняя баня. Столько эроса. После этого ложись и помирай, лучше не будет.

— Ну зачем же так. Жизнь полна неожиданностей. Может, еще лучше будет.

— Не волнуй меня, а то я не засну.

— Я не это имела в виду.

— Что это?

— Ну, вы поняли.

— Нет, не понял. Объясните.

— Не поняли, и слава богу, не все надо объяснять. Спасибо, я наелась, все было очень вкусно, — гостья поднялась, положила тарелку на стол. — Могу помочь вам убрать со стола. Хотите, посуду вымою? Или лучше вы ее оставьте, а я завтра помою.

— Не беспокойся. Я еще не закончил свой ужин. Я ужинаю долго, как Кант.

— Какой Кант?

— Иммануил. У него ужин длился три-четыре часа. Это обычай старых холостяков. Коротать вечер. Но в отличие от Канта, который всегда приглашал друзей и вел с ними разговоры, я ужинаю в одиночестве и разговариваю с умным человеком, то есть сам с собой.

— На жалость надавили, ладно, тогда я еще с вами посижу, хотите?

— Конечно.

— Она села, выжидающе глядя на него.

— Вина? — спросил Нестор.

— Покачала головой.

— Лучше философскую беседу, как у Канта.

— Изволь.

Нестор подложил дров в камин. Поленья затрещали, обгорала березовая кора, задымили и вспыхнули, охваченные пламенем. Загудел дымоход. Гостья подошла к окну, отдернув занавеску, сказала:

— Там, между прочим, пошел снег. Так здорово. Мы здесь у огня, а там снег.

Нестор произнес:

— *Посеребренный снегами, к теплу очага я вернулся.*
Растаял снег на плечах, на голове оставаясь.

— Это вы о своей седине, — догадалась гостья, — здорово, я поняла — это стихи. Так что Кант? Это он написал?

— Кант стихов не писал, насколько я знаю, он написал много непонятного, — сказал Нестор, — но у него есть гениальное высказывание, ясное любому человеку. Две вещи ежедневно наполняют мою душу благоговением — звездное небо над головой и нравственный закон во мне.

— Красиво, — сказала гостья, — а что здесь особенного, гениального?

— Загадка. Великий философ признал свое бессилие перед этими вещами, не умел их объяснить. Происхождения звезд на небе и мораль в душе человека. Ведь в животном мире — только человек обладает нравственностью. И он не рождается с ней, а приобретает. Дети-маугли, выраставшие среди зверей, оставались животными, они уже не могли развить в себе человеческую добродетель. Это Кант считал доказательством существования бога. Вот ты веришь в бога?

— Не знаю. Ну, верю, наверное, хотя в церковь не хожу. Мать была набожная. Ей в жизни это особо не помогло. А вы?

— Я атеист. В бога не верю, но с нравственностью все в порядке. Не убью и не украду, — при этих словах Нестору показалось, что по лицу девушки мелькнула тень. — Ты говоришь, матери это не помогло.

— Ну да, прозябала всю жизнь и сейчас выживает на нищенскую пенсию. Какая людям польза от бога?

— Не то чтобы я его оправдываю, — сказал Нестор, — и без меня желающих было много, в средние века была даже такая область теологии, называлась — теодицея. Буквально — оправдание бога. Но Аристотель сказал, что бог выше всякой добродетели. И не добродетелью определяется его достоинство, потому что в этом случае добродетель будет выше бога. Проще говоря, бог лишен добродетели. И на этой минорной ноте позволь закончить этот теологический разговор. Поговорим о чем-нибудь жизнерадостном.

— Ну вот. Одна надежда была на бога, и той вы меня лишили. Радоваться больше нечему. Пойду-ка я спать. Как говорится, утро вечера мудренее. Пока спокойной ночи.

Сделала дяде ручкой и ушла.

Эрос, значит. Когда все встречные девушки кажутся тебе привлекательными, значит, ты состарился. Печально сознавать, что в ее глазах ты старик, хотя сам этого не ощущаешь. Если, конечно, в зеркало не смотреться. Надо убрать все зеркала в доме. Как это сделала принцесса из «Хазарского словаря». Правда, зеркала там были непростые, одно показывало прошлое, другое — будущее. И она умерла, когда одновременно отразилась в обоих зеркалах».

Что он сделает с заработанными деньгами? Купит новую машину. Нет, «СААБ» ни на что не променяет. Может, такой домик в Подмосковье. Пожалуй, это хорошая мысль, сложить камин, завести собаку, ходить на охоту. По рекомендации Антона Павловича подолгу гулять по осеннему лесу. Затем озябшему вернуться в дом, для сугреву хлопнуть большую рюмку водки и закусить укропным огурцом. Немного погодить и хлопнуть другую. А уж потом по рекомендации Ивана Алексеевича затопить камин, пить и сидеть, поглаживая собаку. И так прожить остаток жизни, следуя заветам классиков русской литературы. Английский сеттер ему подойдет, или лучше ирландский.

Нестор убрал со стола посуду, мыть не стал, оставил на завтра. Ложиться спать было напрасным делом. Он был в приподнятом состоянии, возбужден, но к эросу это не имело никакого отношения. Моэм, в отличие от него, в старости жил в ладу с собой. Он говорил: конечно, мне уже не по силам завалить девчонку на кровать, но в остальном я чувствую полное умиротворение. Но ему легко было так говорить, он был богат и знаменит. Нестор не принимал наступающей старости и не собирался с ней мириться. Дело, которое ему подвернулось, судя по всему, было криминалом. Эта девица по своим статьям не годилась для эскорта. Современные российские нувориши оригинальностью не отличались. Девки 90-60-90, и неважно, что в голове ничего нет, танцы под Кадышеву, из напитков лучше водку. Ничего этого нет здесь и близко нет. Так зачем же она здесь? Была одна догадка, но он не хотел в нее углубляться. Ибо во многом знании много печали. Однако он не испытывает никаких угрызений совести. Там наверху все одним мирром мазаны. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Как говорил классик — там все христопродавцы. Один там только порядочный человек — прокурор, да и то, если честно, свинья. К тому же круг

его обязанностей очерчен, но он ненадежен, надо бы мелом, впрочем, Хому Брута это не спасло. Что в этом чемоданчике, который, даже подержать не дают? Конечно, если повяжут, разбираться не станут, о эти современные следаки, они не истину ищут, а легких путей, за что бы зацепиться, чтобы безвинного засадить и галочку поставить о раскрытии преступления. Сосед таксист сдуру связался с телефонными мошенниками, не зная, кого они обманывают, согласился обналичивать деньги со своей карты за малый процент. Но то ли бог наказал, то ли время подошло, однако помер скоропостижно от заворота кишок. В день, когда его должны были везти на кладбище, за ним пришли, в квартиру ворвался ОМОН, всех на пол, но... на покойника наручники не наденешь, возвращаться несолоно хлебавши не хотелось, и тут смекнули, забрали сына вместо отца. С тех пор сидит страдалец в КПЗ, отцовские грехи замаливает. И никакие адвокаты помочь ему не могут.

Но все равно. Лучше так, чем монотонная безрадостная старость. Дочь, ради которой он остался с женой, теперь жила своей жизнью и не баловала его своим внимание. То есть общение происходило, только если он сам проявлял инициативу. Два года назад он перестал ей звонить, полагая, что рано или поздно она обеспокоится его молчанием и объявится. Но нет. Женись, а то в старости некому будет стакан воды подать. Вот и верь после этого народным мудростям. В бутылке еще оставалось менее половины. Все равно завтра уже будет не тот вкус. Вино, в отличие от водки, продукт скоропортящийся, от воздуха окисляется. Выдержанные вина желательно не оставлять на следующий день. Придется допить. Лучше допить, чем выбросить. Пусть мне будет хуже. Нестор наполнил граненый стакан. Мигрень пройдет, а память останется. Интересно было бы узнать, о чем сейчас думает гостья наверху. Если не спит. Подняться спросить? Перепугаешь девку. Уймись, старик, и так хорошо. За окном идет снег, оставляя весь мир в меньшинстве. А ты у огня, как в добрые доисторические времена. Да и женщина рядом, хоть и не твоя. А все приятно.

Перед тем как лечь спасть, он вышел во двор, постоял на крыльце, вдыхая свежий воздух. В полной тишине было слышно едва различимое ухом потрескивание — это был звук падающего снега. Такого в городе не услышишь. Нестор вернулся в дом. И вполне умиротворенный лег спать.

Утром его разбудила мигрень и запах кофе. Он поднял голову, отяжелевшую от давеча выпитого и вписанную накануне в квадрат, и увидел гостью. Она сидела за столом, одета, умыта, причесана, пила кофе и задумчиво смотрела на него.

— Я проспал? — хрипло спросил Нестор.

— Нет, это я рано встала. Вот решила приготовить вам завтрак. Алаверды, так сказать.

— Спасибо, тронут. Завтрак в постель. Не помню, чтобы меня кто-то так баловал.

— Ну, не в постель, не надо преувеличивать.

— Слово алаверды в русском лексиконе употребляется неправильно. Потому что дословно это означает — бог дал. Но никак не взаимная услуга. От нашего стола вашему.

— Я таких тонкостей не знаю. Как и весь русский народ. Но я могу подать вам кофе в постель. Чтобы иллюзия был полной.

— Нет-нет, — запротестовал Нестор. — Я, с вашего позволения, сначала умоюсь. Честно говоря, никогда не понимал, в чем изыск завтрака в постели. По-моему, это обыкновенное буржуазное свинство. Надо же сначала умыться, почистить зубы и т.д.

— Пожалуйста, вставайте, я могу отвернуться.

— Как хочешь. Можешь не отворачиваться. Если мои тощие колени тебя не смущают.

— Не прибедняйтесь. Для своего возраста у вас идеальная фигура. Качаетесь?

— Опять про возраст, — посетовал Нестор, натягивая джинсы. — А так хорошо день начался.

— А еще я сказала про идеальную фигуру.

— Вот за это спасибо.

Нестор вышел на террасу. Во дворе было белым-бело. Он спустился с крыльца, зачерпнул снег двумя руками и энергично растер лицо. В голливудских фильмах герои с бодуна голову в воду со льдом макают. Хорошая встряска для организма. Вернулся к умывальнику, довершил свой утренний туалет. Когда вошел в гостиную, гостья налила ему в чашку дымящийся кофе. На блюдце лежал бутерброд с сыром и стакан воды с таблеткой.

— А это что? — спросил он.

— Это вам от головной боли, — сказала гостья.

— Откуда ты знаешь, что у меня болит голова?

— По глазам видно. Вы ешьте. Я пойду. Соберусь и спущусь к вам.

«Она мне нравится все больше и больше», — подумал Нестор, глотая таблетку и

запивая ее водой. Это был ибупрофен. Жена, с которой он прожил много лет, никогда не проявляла заботы, никогда ничем подобным не отметилась. Как-то еще до свадьбы в трескучие морозы они вместе приехали домой. Он решил снять аккумулятор, чтобы он не сел на морозе. Она ждать не стала, пошла домой. Нестор снял клеммы, взял свинцовый аккумулятор на грудь и вошел в подъезд. Лифт не работал, но ей не пришло в голову сказать ему об этом. Пришлось тащить тяжелый аккумулятор на девятый этаж. Собственно, этого эпизода было достаточно, чтобы составить мнение об ее истинном отношении к нему и не жениться, но он все равно женился. Нестор допил кофе и пошел обметать машину от снега. Через несколько минут спустилась гостья, сказала:

— Привет, — и они выехали со двора.

Высадив ее у объекта, он спустился на набережную, развернулся на Электрозаводском мосту и поехал на Таганку. Поднялся на холм, у театра повернул направо, проехал еще немного, остановился, как было велено, немного ниже на Верхней Радищевской. Взглянул на часы и отметил, что он приехал с опозданием в 5 минут, в условиях Москвы это была вежливость королей, однако оценить было некому, заказчик сам опаздывал. Голова все еще болела, таблетка не помогла, но, вспомнив о ней, почувствовал тепло в груди: кофе, таблетка, о нем давно уже никто не заботился, кто бы мог подумать. В молодости он много лет прожил в коммуналке. Один из соседей, работяга с завода Лихачева, всякий раз, видя, как он с похмелья, морщась, глотает таблетку, снисходительно говорил:

— Сосед, ну ты че организм травишь всякой химией, выпей лучше водки и сразу поправишься.

Но Нестор качал головой и продолжал давиться таблеткой. Как ни странно, но сосед был прав, пришел к этому пониманию, набрав изрядно житейского опыта. Подобное лечится подобным, говаривал Воланд. А тогда 30-летним он встречался с певицей. В их богемной компании без выпивки никогда не обходилось, собственно, через нее и пристрастился. С певицей впоследствии расстался, он любил ее, когда она пела, но в быту жизнь с ней была невыносима. В память о ней осталась склонность к алкоголю, не самое лучшее, что могло бы остаться. Часы на панели приборов свидетельствовали о том, что заказчик изрядно опаздывает. Стоянка здесь была запрещена, правда, ментов поблизости не наблюдалось, и все же лучше передвинуть машину на другое место, чай, телефон имеется, позвонит, когда приедет. В этот момент раздался звонок.

— Спуститесь еще ниже, — сказал заказчик, — я жду вас у кинотеатра «Иллюзион», знаете, где это? — и, не дожидаясь ответа, дал отбой.

Нестор запустил двигатель и покатился вниз, он знал, где это, но эта хамская манера обрывать разговор ужасно раздражала.

Заказчик стоял под деревом в своем длинном кожаном комиссарском реглане и шляпе, чисто капитан Жеглов, хотя у того пальто было покороче. Он сел на переднее сидение, сунул ладонь для рукопожатия, спросил:

— Ну, как дела?

— Спасибо, все в порядке.

— Вопросы есть?

— Нет, впрочем, есть, я бы хотел домой съездить.

— Зачем?

— Квартиру проведать.

— Ну, запрета нет, как такового нет, но осталось всего-то пару дней, и вы свободны.

— Ладно, — согласился Нестор и тут же пожалел об этом, надо было настоять на своем, из принципа. С квартирой ничего не случится, воду он перекрыл, но свободу теряешь, вот так уступая в мелочах. — Какие будут указания, — спросил он?

— С чего вы взяли, что будут указания? — поинтересовался заказчик.

— Иначе зачем понадобилась личная встреча, есть же телефон.

— В прозорливости вам не откажешь, — похвалил заказчик, — я это сразу отметил. Но сейчас умничать не надо, мне это ни к чему, просто делайте то, что я говорю, и не задавайте лишних вопросов.

— Хорошо, — сказал Нестор и тут же, обостряя ситуацию спросил: — Чем девица занимается?

Заказчик удивленно взглянул на него, словно соображая, что это — внезапная тугость мышления или бунт на корабле.

— Из уважения к вашей седине, я пропущу вопрос мимо ушей, — наконец ответил он, — хотя мне есть что ответить. Скажу лишь, что мне не нравится ваше любопытство. Вот деньги, остаток.

Он протянул пачку долларов.

— Но я же еще не закончил работу.

— Это верно, но мы можем больше не увидеться, потому что работу вы закончите

по моему звонку. Либо отвезете ее обратно на вокзал, либо просто оставите ее и уедете. Понятно?

— Понятно, — Нестор уже пожалел о своем неуместном вопросе, зачем было лезть на рожон, платят такие деньги именно за то, чтобы не задавал лишних вопросов. — Я просто привык думать, — добавил он.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся заказчик, хотя глаза его смотрели недобро, с подозрением.

— На эскортницу вроде не тянет, — продолжал Нестор, нивелируя неловкий момент, — чем она может заниматься, может, в карты играет, любопытство заело, вот и брякнул.

— Я не могу запретить вам думать, но лучше держите свои домыслы при себе. Окей?

— Окей.

— Ну и слава богу.

Заказчик открыл дверь и, не прощаясь, вылез из автомобиля.

«Ну и к чему был этот демарш?» — спросил себя Нестор и не нашел ответа. Он сунул доллары во внутренний карман куртки и поехал за девушкой.

Гостья стояла на тротуаре и объяснялась с двумя ражими ментами, обвешанными оружием и прочей амуницией. Милицейский бобик стоял впереди чуть поодаль. Видно, ехали себе ребята, видят, девица на тротуаре стоит, решили проверить документы, зачем непонятно. Проститутки не работают в таком захолустье. А впрочем, что тут непонятного, вопрос был риторический, весь смысл службы этих опричников состоял в том, чтобы проверять документы у прохожих. Южан, так тех вообще стригли без зазрения совести. Но зачем было приставать к девушке со славянской внешностью? Нестор остановился рядом, вышел из машины, позвал:

— Эсмеральда, иди сюда!

Она шагнула к нему, но ее удержали за руку. Нестор подошел ближе:

— В чем дело, сержант?

— Поверка документов, — привычно бросил мент.

— Это моя племянница, еще есть вопросы?

— У нее нет паспорта, — сказал мент, — придется проехать в отделение.

— С какой стати?

— Для выяснения личности.

— Она не обязана носить с собой паспорт, не границу пересекает. У вас есть основания для проверки документов?

— Да, есть. Поступила ориентировка, — не унимался мент, — и вы тоже предъявите паспорт.

Наглая рожа представителя власти лучилась от безнаказанности.

— Нет, — ответил Нестор.

— Как это нет?

— А вот так нет. Во-первых, представьтесь, как этого требует закон о милиции.

— Сержант Букин, — буркнул мент.

— Так вот, сержант Букин, мы можем проехать в отделение для проверки документов, но если выяснится, что такой ориентировки не существует, я напишу жалобу в прокуратуру по поводу ваших незаконных действий. Вместо того чтобы заниматься преступностью, вы пристаете к порядочным людям, тратите на это деньги налогоплательщиков.

— Ладно, пусть едут, — сказал второй мент.

Сержант Букин с ненавистью глянул на Нестора и, ни слова не говоря, пошел за напарником к милицейской машине. Донеслось его бурчание:

— Какие, блин, все грамотные!

— Садись в машину, — сказал девушке Нестор, — поехали.

— Какого черта! — воскликнула гостья. — Где вы были, я же просила не уезжать никуда.

— Заказчик вызвал, доехал до Таганки и обратно, я думал, ты в курсе. Прости, — миролюбиво ответил Нестор, хотя извиняться ему было не за что. Но она не успокаивалась.

— Меня могли забрать в ментовскую, и все тогда бы накрылось.

Она была не на шутку взволнована.

— Никуда бы тебя не забрали. Надо было дать им пятьсот рублей, и отстали бы сразу.

— Но вы же не дали им пятьсот рублей, права стали качать. И если бы вы меня предупредили, я бы не стояла на тротуаре, как дура, не мозолила глаза.

— Ну ладно, я же извинился.

— Зачем вы ему понадобились?

— Указания давал.

— Какие указания?

Нестор взглянул в салонное зеркало, встретился с ней глазами:

— Будем откровенны друг с другом? — спросил он.

— Что вы имеете в виду?

— Кажется, мы не посвящаем друг друга в детали своей работы. Изменим правила, откроемся?

Она не ответила, отвернулась к окну и натянула на голову капюшон.

Всю оставшуюся дорогу проделали молча. Въехали во двор. Нестор спросил:

— Что приготовить на ужин, есть пожелания?

— Не знаю, мне все равно.

Она вылезла из машины, пошла к дому. Нестор остался сидеть. На крыльце оглянулась, в глазах вопрос.

— В магазин можно съездить? — спросил Нестор. — За продуктами.

Кивнула, пряча улыбку, и скрылась в доме.

Нестор доехал до минимаркета. Продавец поздоровался с ним, как со старым знакомым, протягивая руку.

— Здравствуй, дядя.

— Привет, биджо, как дела?

— Нормально, вино надо?

— Я еще то не допил.

— Все равно возьми, почти что даром отдаю.

— Как времена изменились, — заметил Нестор. — Раньше из-под прилавка дороже, чем на витрине, продавали, а сейчас дешевле.

— Это ты правильно говоришь, в странное время живем, политики ругаются, а простые люди страдают.

— Это называется — паны дерутся, у холопов чубы трещат.

— Это точно. Так что возьмешь? Вино не портится, срок годности нет, рано, поздно выпьешь.

— Ладно, уговорил красноречивый, а это что за пирог, свежий?

— Хачапури, свежайший, час назад привезли.

Кроме хачапури, Нестор купил свежих огурцов, помидоры черри, брынзу, оливки и листья салата для салата. Пакет отборной мытой картошки и два лаваша шоти. Готовить ему расхотелось, неблагодарная девка обойдется легкими закусками. Покупки грузин собрал в бумажный пакет и передал покупателю, а ящик вина собственноручно донес и положил в багажник автомобиля.

На ужин он сварил картошки в мундире, очистил ее, засыпал рубленым укропом, положил сверху кусок сливочного масла, приготовил из овощей и брынзы так называемый чобан-салат. Растопил камин и сел у него со стаканом «Мукузани». Когда гостья спустилась к ужину, он, читая немой вопрос в ее глазах, сказал:

— Сегодня разгрузочный день.

— Ну вот, избаловали меня разносолами, а теперь разгрузочный день, — то ли в шутку, то ли в серьез произнесла гостья. — Что, даже колбасы нет?

— Даже колбасы нет, — повторил он за ней, — до какого уровня низвели этот продукт, а ведь когда-то за колбасой очереди стояли, ее по талонам отпускали. Как-то я заехал по делам вглубь Калужской области, было это в середине 80-х. Еду обратно, голодный как черт, смотрю, магазинчик, захожу, дайте, говорю, грамм триста краковской. А она мне в ответ, мол, талон давай. Так и не продала, зараза, пришлось одним сухим хлебом до Москвы питаться. Он, к счастью, был еще без талонов. А что касается разгрузочного дня, то он полезен для организма. Кто-то вообще сегодня сказал, что ей все равно. На ужин сегодня здоровая пища. Современный человек ест слишком много, да еще и что попало. От колбасы так вообще один вред для организма. Если бы ты знала, из чего ее делают. Один мой знакомый работал на колбасном заводе...

— Достаточно, — перебила его девушка, — не надо продолжать.

— Понял, не продолжать, но я могу предложить вина к ужину.

— Как вина, — удивилась гостья, — а как же разгрузочный день?

— К вину это не относится.

— Какой вы хитрый, ладно, давайте есть, чем вы меня разгружать будете. Что у нас на ужин?

— Пастушеский салат, картошка в мундире, оливки, сыр, вино.

— Звучит неплохо, выглядит тоже, — садясь за стол, сказала гостья.

— Завтра приготовлю тебе жаркое, — пообещал Нестор.

— Да ладно, это я все в шутку.

— Я рад, что у тебя хорошее настроение. Тебе налить вина?

— Я не пью.

— Тогда твое здоровье!
— А вы есть не будете?
— Позже, сначала вино.
Гостья принялась за еду. Через некоторое время сказала:
— Послушайте, а в самом деле, все очень вкусно и сытно, и я наелась. Как мало человеку, в сущности, надо.
— Это верно, — согласился Нестор, — древние греки говорили: чем меньше человеку надо, тем он ближе к богу.
— То есть как мы сейчас.
— Почти. А Сократ сказал: чем меньше человеку нужно, тем он совершеннее.
— Но он жил в Греции, у моря, — возразила гостья. — Когда я куплю домик у моря, я тоже буду довольствоваться малым. А здесь в России и так тоскливо жить, а если еще и ограничивать себя в желаньях, так лучше сразу повеситься.
— Тогда давай поговорим о желаньях, — предложил Нестор. Он допил вино и вновь наполнил стакан. Отодвинулся от пылающего камина. — Пооткровенничаем, заглянем друг другу в душу.
— Если вы хотите спросить меня о моей работе, то нет.
— Но ты же хотела узнать, о чем я говорил с заказчиком.
— Потому что я была на взводе, еще эти менты. Обычно я в курсе ваших передвижений, меня предупреждают, а тут — нет, это мне показалось странно.
— Ладно, о службе не будем, тогда давай поговорим о любви.
— Час от часу не легче. А это еще зачем?
— Должны же мы о чем-то говорить, то есть поддерживать беседу. У тебя есть бойфренд?
— Бойфренд — это типа любовник?
— Вроде того.
— А вам зачем?
— Как же тяжело с тобой разговаривать, да ни зачем, просто спросил.
— Ладно, не злитесь, нет у меня никакого бойфренда. Был один, да сплыл, дитя только от него осталось.
— Давно сплыл?
— Давно.
— Значит, ты однолюб.
— С чего вы взяли?
— Давно сплыл, а нового нет, а ведь ты недурна собой.
— Спасибо за комплимент, я вам нравлюсь?
— Конечно.
— Почему конечно?
— Потому что я, скажем так, немолод, а ты молода, это естественно.

Я буду стар, а ты молода,
Но выйдет так, как учат пионеры,
Что счет пойдет на дни, не на года,
Оставшиеся нам до новой эры.

— Это вы к чему?
— Ни к чему, просто стихи вспомнил к месту.
— Какая, однако, у вас житейская философия.
— Это не философия, это природа. Кстати, я себя старым назвал для красного словца, я вовсе не ощущаю себя стариком. Хочешь, стометровку пробежим, кто быстрее?
— Это я уже поняла, бегать не обязательно.
— И не дразни меня вопросами, нравлюсь, не нравлюсь.
— Почему? — удивилась гостья. — А разве не вы мне об Эросе говорили.
— Говорил, — согласился Нестор, — сдаюсь, два — один в твою пользу.
— А про стометровку есть другое выражение, — лукаво сказала гостья.
— Какое?
— Не догоню, так согреюсь.
— Три — один, ты ведешь.
— Какие еще слова были в этом стихотворении? — спросила она.

— Мы будем жить с тобой на берегу,
Отгородившись высоченной дамбой,
От континента в небольшом кругу,
Сооруженном самодельной лампой.

Наступила пауза, слышно было, как завывает ветер за окном. Наконец девушка молвила:
— А что еще говорил ваш Сократ?

— Много чего говорил, что конкретно тебя интересует?

— Например, о смысле жизни, о счастье.

— Здесь лучше вспомнить Аристотеля, он говорил о цели в жизни, — гостья улыбнулась. — Почему ты смеешься?

— При слове цель я вспоминаю стрельбу.

— Интересные у тебя ассоциации.

— Я занималась стрельбой, я мастер спорта по пулевой стрельбе.

— Похвально, однако Аристотель говорил о совершенной цели как о высшем благе. Из этого можно сделать вывод, что смысл жизни состоит в том, чтобы правильно выбрать цель, идя к которой или придя к которой — ты обретешь счастье.

— Так идя или придя.

— Это уж как выпадет. Путь Одиссея домой длился 20 лет, а когда он спустился в Аид и пожаловался прорицателю Тиресию на то, что он не может попасть домой, тот ответил: перестань жаловаться, этот путь и есть твоя судьба.

— А если цель не будет достигнута, тогда как?

— В этом случае надо будет довольствоваться возвращением вместо добычи.

— В каком смысле?

— В смысле, радуйся тому, что возвращаешься без добычи, но целым и невредимым.

— Это тоже сказал прорицатель?

— Нет, это сказал один доисламский поэт по имени Имр аль Кайс.

— Значит, выбор цели. А как же человеку узнать о том, правильно ли он выбрал цель?

— Вот это и есть главная проблема человека.

— Понятно, что ничего непонятно. Пойду-ка я спать.

— Оставишь меня одного?

— Вы не один, с вами бутылка и великие мыслители древности, — уходя сказала гостья, — Сократ, Аристотель. Где мне с ними тягаться.

— Самоуничижение паче гордыни, — заметил Нестор.

Замечание пропустила мимо ушей, но в дверях обернулась:

— Так и не скажете, о чем он с вами говорил?

— У меня от тебя нет секретов.

— Тогда скажите.

— Он уточнил условия завершения моей работы.

— И что же это за условия?

— Я неточно выразился, он просто сказал, что работа закончится по его звонку. Ничего нового.

— Но зачем-то он вам напомнил об этом.

По ее лицу было видно, как она пытается ухватить какую-то ускользающую догадку.

— А ты мне ничего не скажешь о своей работе?

— Если я скажу, то вы уедете, не дожидаясь звонка заказчика.

— Что, все так запущено?

— Это шутка, не пугайтесь, спокойной...

— Не похоже, чтобы это была шутка, когда так шутят, улыбаются.

— А я вообще мало улыбаюсь, я, если вы заметили, человек нежизнерадостный, спокойной ночи.

Она ушла. Нестор слышал ее шаги на лестнице, затем все стихло.

Кочергой разворошил поленья в камине, когда огонь запылал, подлил еще вина в стакан и подсел поближе к огню. Девица, ничего не говоря, сказала достаточно, чтобы понять, чем она занимается. Оставалось решить, что ему делать с этим знанием. Вернуть деньги! А как же домик в деревне, камин и собака? Затоплю, буду пить. Хотя соскочить, похоже, не удастся, даже если вернуть деньги, поздно. «Как говорил один мой знакомый, покойник, он слишком много знал. «Бриллиантовая рука», часть первая». Еще вспомнился роман «Сицилийский специалист», после дела появлялся чистильщик и убирал всех причастных к делу. «Шеф, мы пропали». Ну и ладно, пропади оно пропадом. Что нас ждет впереди, безрадостная старость и ожидание старухи с косой. А так, при благоприятном исходе дела, домик в деревне и объявление в газету — ищу молодуху для совместного проживания на лоне природы. Раньше такие объявления попадались постоянно. Нестор ворошил уголья в камине, что твой комиссар Мегре. В трубе гудел ветер. «Что день грядущий мне готовит?» Он встал, подошел к окну взглянуть, не идет ли снег. Не хватало для полной идиллии. Эклога зимняя. Нестор вновь услышал ее шаги на лестнице, спускалась вниз.

— Только ничего не подумайте, — сказала она, входя в комнату, — просто не спится. Я себя знаю, если сразу не засну, пиши пропало, полночи проворочаюсь. А утром с тяжелой башкой на работу, вы меня понимаете?

— Пока не очень, — спокойно сказал Нестор.

Никаких фривольных мыслей у него даже не возникло, это было бы слишком банально, просто удивился.

— Я подумала, что вы все равно не спите, спущусь посижу с вами, послушаю.

— Чего послушаю?

— Про любовь. Вы же сами предлагали поговорить о любви. Расскажите про свою последнюю любовь, что с ней стало.

— То есть ты думаешь, что у меня сейчас никого нет.

— Я в этом уверена.

— Интересно, почему ты так решила.

— Мы здесь уже несколько дней, вы никому не звоните, и вам никто не звонит.

— Такую логику я принимаю, а то я было подумал, что ты на мой возраст опять намекаешь.

— Нет, не из-за возраста. Расскажите о своем последнем романе.

— Пожалуй, это будет точнее, не о любви, а о романе. Ладно, слушай. Пошел я как-то в кино.

— Какое будничное начало.

— А ты чего ожидала?

— После Сократа и Гомера что-нибудь эпическое. Хотя бы поход в Большой театр.

— Это что, ирония? Не буду рассказывать.

— Не ирония, простите, рассказывайте, прошу вас.

— Если бы пошел в театр, я бы сказал, театр, но я пошел в кино. И вообще, чтобы ты знала. Эпичность — это заслуга не факта, а рассказчика. Это он превозносит деяние или событие. История человечества — это история войн. Но это Гомер сделал эпосом Троянскую войну. Опять же там была Елена Прекрасная. Не относись свысока к походу в кино. Ничтожные причины могут иметь великие следствия. Не спеши с выводами. Садись к огню и слушай. Может, вина?

— Я не пью.

Нестор пододвинул кресло для девушки поближе к камину, сам сел напротив и приступил к рассказу.

— Дело было в середине марта, в субботу, дело было вечером, делать было нечего, и я решил отправиться в кинотеатр, чтобы убить время, и как-то не рассчитал, сеанс закончился рано, домой идти не хотелось. Я вышел в фойе и стал разглядывать афиши. Там еще было кафе, оно так и называлось «Кинокафе», я еще подумал, что засяду в нем, если что, и буду сидеть до отбоя. Помню, как-то в командировке был в Харькове, самолет вылетал ночью, так я засел в ресторане в обед и сидел там до закрытия, на меня повара выходили поглазеть. Я не просто сидел, иначе бы поперли, я заказывал, выпивал и закусывал. Итак, я вышел в фойе, и мне на глаза попалось объявление — все желающие приглашались на творческий вечер писателя Анатолия Иванова, лауреата и прочее, и прочее. Ты же знаешь писателя Иванова, нет? Ну как же, 1975 год, по телевизору идет фильм «Тени исчезают в полдень», по роману А. Иванова, как тогда говорили — вся страна приникла к голубым экранам. Это был первый телесериал, не считая «Саги о Форсайтах».

— В семьдесят пятом я только родилась.

— А я как раз в армию пошел. Подумать только, как время быстро бежит, будто вчера это было. Он был знаменит в свое время, а в 90-е его уже никто не помнил, потому что писателем он был средней руки, но в то время это читалось и смотрелось. Я и кино много раз видел, и роман читал. Сейчас понимаешь, что концепция или, лучше сказать, идея этого романа была обыкновенным враньем. Представь себе, что затаившиеся враги народа, недобитые советской властью кулаки, спрятались в сибирской глубинке и всю оставшуюся жизнь положили на то, чтобы вредить, пакостить людям. То сено колхозное сгноят, то корову отравят. Мелко, Хоботов. Писатель А. Иванов, видимо, не понимал, что его время безвозвратно ушло. Все проходит, сказал иудейский царь Соломон. Я пошел на этот творческий вечер. Аудитория оказалась большей частью неблагодарной, задавали каверзные вопросы, типа — жалеет ли он о том, что воспевал советскую власть, объявившую зажиточных крестьян кулаками, врагами народа, хотя теперь всем известно, что это была самая трудолюбивая часть крестьянства, соль земли русской. Писатель А. Иванов, отвечая, все больше раздражался. Ведущий, некий литератор Михаил Лобанов, всячески его поддерживал, но, несмотря на это, писатель выглядел не лучшим образом, под конец и вовсе озлобился. На него жалко было смотреть, короче, так проходит мирская слава. В общем, творческий вечер не удался. Но рассказ вовсе не об этом. Рядом со мной сидела девушка. Пока шел вечер, мы обменивались репликами, улыбками. Она что-то строчила в своем блокноте, видно, в отличие от меня, была здесь по делу. «Вы журналистка», — спросил я ее? «Как вы догадались?» — удивилась она. «Я очень проницателен», — ответил я, кивая на ее

блокнот. «Ах да, ну конечно же», — она улыбнулась такой милой улыбкой, что мне стало тепло на душе.

— А до этого было холодно? — спросила гостья.

— Да, до этого было холодно, она была милой, ее улыбка.

— Я это уже поняла, — заметила гостья.

— Ты что, ревнуешь?

— Вот еще, с чего бы? Продолжайте, что там дальше было?

— Когда вечер закончился, я предложил ей выпить по бокалу вина и был уверен, что она откажется. Она молча смотрела на меня. Я подал ей куртку, висевшую на спинке стула, и добавил: «Это рядом, никуда ехать не надо, соседняя дверь». — «Хорошо, — сказала она, — но лучше не вина, а водки». Другого бы это насторожило, но мне понравилось, что она не ломается. Я нуждался в собеседнике, а с человеком, предлагающим выпить вместо вина водки, всегда найдется, о чем поговорить. То есть наоборот, человек, желающий выпить водки, нуждается в собеседнике, а мне иного завершения вечера и желать было нельзя...

— А что за фильм вы смотрели? — вдруг перебила его гостья.

— Если не хочешь, я не о ней буду рассказывать, — сказал Нестор.

— Я просто спросила, какой был фильм, вдруг интересно стало.

— «Брат Якудзы» режиссера Такеши Китано.

— И как вам фильм? — не унималась гостья.

— Мне понравился, это лучший из его фильмов, остальные сплошное харакири, — Нестор подлил себе вина. — Тебе налить?

— Я не пью.

— Тогда водки?

— Водку тем более не пью, и вы, пожалуйста, не пейте.

— Чай, кофе?

— Кофе можно.

— Кофе бодрит, потом вообще не заснешь.

— А мне уже все равно, — Нестор принес из кухни турку, засыпал в нее молотый кофе, залил водой, размешал и поставил на угли. — Что было дальше? — спросила гостья.

— Продолжать? — спросил Нестор, — я было решил, что тебе неинтересно, — она молча кивнула. — Мы зашли в кафе. Она все время оглядывалась и я спросил: «Вы кого-то ждете?» — «Нет», — ответила она, но это была неправда, она продолжала поглядывать по сторонам, пока мы не выпили, затем перестала. Я заказал двести грамм водки, нарезку сыра, ветчину и два жульена. «Так, значит, вы журналист», — повторил я, не зная, с чего начать разговор. «Журналист — это слишком громко сказано, — скромно ответила она, — я студентка филфака, подрабатываю на районном кабельном телевидении. Меня послали написать об этом вечере, все-таки какое ни есть, а культурное мероприятие. А вас каким ветром занесло, ностальгия по совку?» — «Я был в кино, потом из любопытства заглянул, увидел вас и решил остаться». — «Шутите?» — «Нет». — «Я знаю, что шутите, но все равно, расцениваю это как комплимент. Что смотрели?» — «Брат Якудзы» Такеши Китано». — «Ну и как, стоит посмотреть? Он сейчас популярен, второй японец после Куросавы, получивший такую известность». — «Стоит, обязательно посмотрите». Мы пили водку и закусывали горячими закусками, как учил профессор Преображенский, жульеном. Я вовсе не удивился ее желанию выпить водки. Во-первых, потому, что исторически так сложилось, что в России никогда не было хорошего вина в промышленных масштабах, так, кое-где на юге народ делал для себя, а кахетинские вина, которые, по свидетельству Пушкина, были не хуже бургундских, транспортировки не переносили, диоксид серы в качестве консерванта тогда еще не применяли. Во-вторых, по Ерофееву, питие водки есть суета и томление духа. Нам подходил второй вариант, какие-то жизненные неурядицы имели место и у нее, и у меня. Покончив с ужином, мы вышли на улицу. Было холодно, с неба сыпалась непонятная взвесь, то ли мокрый снег, то ли снежный дождь. Я давно отметил, что в Москве практически не бывает весны, до последнего длится зима, в мае вполне может выпасть снег, а потом резкий переход к лету.

— Ну, не надо преувеличивать, — возразила гостья, — какой снег в мае?

— Это совершенно точно, я помню, как мы пошли подавать заявление в загс с моей бывшей женой, это было в мае, и представь себе, началась снежная метель. Это было мне предупреждение свыше, чтобы я не женился на ней, знак, и у меня даже мелькнула такая мысль, но я к ней, к сожалению, не прислушался. Итак, мы вышли на улицу. Она вновь стала искать кого-то глазами. От меня это не укрылось. Я предложил проводить ее. «Где вы живете?» — «Здесь недалеко, но мне еще рано домой». — «У вас увольнительная до определенного часа?» — Я у друзей живу, их еще дома нет, а ключи мне не доверяют, шучу, я не москвичка, я из... короче, между

Калугой и Обнинском». — «Тогда пойдем ко мне, — предложил я и решил, что она согласится, потому что если девушка, не чинясь, пьет водку с незнакомцем, значит, она рисковая натура. Ей эти условности первого свидания глубоко безразличны. Она пожала плечами и согласилась. Когда мы пришли ко мне домой, она спросила, не буду ли я возражать, если она накатает заметку для кабельного телевидения. Я не возражал, напротив, стал подкидывать ей тезисы, потому что, в отличие от нее, я читал роман «Как закалялась сталь»... что я говорю — «Тени исчезают в полдень». Кстати, хорошее название, глубокомысленное, можно было еще назвать — «Солнце встает на рассвете». Мне нравилась эта ситуация и вообще как развивались события этого вечера, все было очень естественно, никакой неловкости, словно мы знали друг друга давно. И она со мной советовалась. Вот уж не угадаешь, как сложатся события тоскливого дня: пойти от безысходности на творческий вечер совкового писателя (хуже этого Иванова, певца колхозов и совхозов, был только Сергей Марков, который написал оду про секретаря райкома, они оба были популярны в советское время и издавались миллионными тиражами) — и познакомиться с девушкой. Мне еще импонировало то, что она вела себя со мной так, словно я был ее сверстником, хотя между нами было лет двадцать. Она писала, зачитывала вслух, я комментировал и попутно готовил ужин, потому что жульен нельзя считать полноценной заменой вечерней трапезы. Я запек в микроволновке две куриные грудки в ткемалевом соусе, отварил пару картошек, украсил все листьями салата и для колера положил еще маслины на тарелки. «Вообще то мне пора домой, — сказала она, когда я пригласил ее отведать того, что бог послал на ужин, — друзья мои лягут спать, и мне неудобно будет будить их», — но, взглянув на накрытый стол, заколебалась, потому что не только к мужскому сердцу лежит путь через желудок. Пока она колебалась, я достал из ледника бутылку заиндевевшего «Абсолюта», и она дрогнула. «Но я успею, — и добавила: — Поздновато для водки». — «Полностью с вами согласен», — сказал я. «Сейчас лучше было бы пить сухое вино, — продолжала она, — но после водки пить вино нельзя, понижать градус категорически противопоказано». — «Какие глубокие познания», — заметил я, наполняя свою рюмку. «Да это каждый ребенок знает, — ответила она. — Ладно, мне тоже налейте, выпью с вами за компанию, от одной рюмки ничего не будет, а к друзьям я успею». Не успела. Когда трапеза закончилась, на часах была полночь. Я предложил ей заночевать у меня, она задумалась и согласилась. Позвонила друзьям, предупредила, что ночевать не придет, чтобы не ждали и не беспокоились. Положив трубку, сказала: — «Кажется, они обрадовались, все-таки надо подыскать себе жилье, нельзя злоупотреблять дружбой».

— Ну как же ей было не согласиться, — вдруг сказала гостья, — когда столько водки выпито. Дальше можете не продолжать, и так все ясно.

— Дальше было самое интересное.

— Может, опустим подробности, — предложила гостья.

— Нет, это важная деталь, не бойся, порнографии не будет. В общем, мы легли спать в одной кровати, но у нас ничего не было. Я долго ее домогался, потому что с женщинами никогда не угадаешь, будешь к ней приставать — оскорбится, не будешь — обидится. Поэтому, как это ни странно, лучше ее оскорбить домогательством, чем обидеть безразличием.

— Я смотрю, у вас богатый опыт.

— Не скажу, что богатый, но к этому возрасту какой-никакой накопился. Кстати, тогда мне было не больше сорока.

— А ей?

— Примерно твоего возраста, тебе сколько?

— Двадцать шесть.

— Нет, она была моложе, 21 или 22. Короче говоря, полночи у меня ушло на то, чтобы услышать, что у нее есть молодой человек.

— Бойфренд, — уточнила гостья, на ее лице появилась саркастическая улыбка.

— Именно так, а чему ты радуешься? Моей неудаче?

— Да, тому, что вы обломались. Одного не пойму, что она в таком случае делала в вашей постели?

— Я тоже ломал над этим голову. Они поссорились. Оказывается, он был там, на этом творческом вечере, и наблюдал, как я, распушив хвост павлином, соблазнял ее. И со мной она пошла назло ему, чтобы отомстить.

— Вот это я больше всего ненавижу, — вдруг сказала гостья.

— Да, я тоже, чувствуешь себя совершенным болваном. Итак, я отвалился от нее и захрапел с чувством выполненного долга.

— Как это знакомо.

— Можно без комментариев? — попросил Нестор. — Ты сбиваешь меня с мысли.

— Извините.

— Утром я довез ее до метро, а сам поехал на работу.

— И это все?

— Нет, не все. Она мне позвонила, правда, не сразу, прошел месяц или больше, я уже забыл о ней. Позвонила и сказала: «Привет, это Марина, помните меня?» — «Ты еще спрашиваешь, — ответил я, лихорадочно вспоминая, чей это голос, — я только о тебе и думал все это время». — «Как ваши дела?» — «Спасибо, хорошо, а твои?» — «И мои хорошо, я выхожу замуж». — «Прими мои поздравления, а я, напротив, развожусь». — «Понятно, а не хотели бы сходить в кино со мной?» Я уже вспомнил ее и хотел было поинтересоваться, какая связь между ее замужеством и походом в кино, но она добавила: «На Такеши Китано». Не то чтобы это что-то объясняло, но какая-то метафизика в этом была. Может быть, она носила в себе чувство вины за то, что использовала меня как орудие мести, не знаю. Мы встретились у метро «Университет», она жила неподалеку у своего парня в общаге университета. Середина апреля, тепло по-летнему, она была в ярко-красном платье, ужасно некрасивом. Вкуса у нее не было, это вообще присуще творческим людям. Кстати говоря, поэт Бродский сказал, что хороший вкус бывает только у портных. Или вот еще деталь, в фильме «Римские каникулы» парикмахер, танцуя с принцессой, останавливается и перечесывает ей челку, он лучше в этом понимает.

— Это вы сейчас к чему?

— Ни к чему, воссоздаю действительность. Новый фильм Такеши Китано назывался «Кукла», это был красивый фильм, но он мне не понравился. Было в нем что-то лубочное, если можно применить этот чисто русский термин к японскому искусству. Вообще-то я люблю этого режиссера, но, по большому счету, у него есть только один оригинальный фильм — «Брат Якудзы». Остальные в большей или меньшей степени вторят друг другу, и еще они излишне жестоки. Все эти харакири, отрезание пальцев. Тему японской мафии он исчерпал полностью. Когда кино закончилось, я предложил ей зайти в кафе и выпить по бокалу вина.

— Как вы однообразны, — заметила гостья.

— Но она сказала, что лучше выпить водки, а потом поехать ко мне.

— Как она однообразна.

— «Вы что, опять поссорились?» — спросил я. «Нет», — ответила она. «Разве ты не выходишь замуж?» — «Да. Именно поэтому я хочу поехать к вам». Я не стал допытываться об ее истинных мотивах. Это было не в моих интересах. Собственно, если вдуматься, ничего удивительного в ее поведении не было. Это все в традиции загадочной русской души, гульнуть напоследок. Взять хотя бы хрестоматийный рассказ Ивана Бунина «Чистый понедельник». Барышня, прежде чем постричься в монахини, пускается во все тяжкие. Итак, мы поехали ко мне домой. Ужин, водка, то да сё.

— То да сё — это что? — поинтересовалась гостья.

— Ты же просила опустить подробности, вот я и употребил этот эвфемизм.

— Понятно, все?

— Нет, не все. Она позвонила мне на следующий день.

— О господи, зачем?!

— Спросила, почему я, свинья эдакая, не звоню ей, как подобает джентльмену.

— Разве это не было прощальным свиданием?

— У меня тоже возник этот вопрос, но я его не озвучил. Не знаю, что было у нее в голове, я же не доктор Фрейд.

— Может, у нее не было никакого жениха, а вы повелись.

— Мне это и в голову не пришло.

— Еще бы, вы мужчины такие наивные.

— Это так, но у нее в самом деле был жених, и она собиралась за него замуж, пока не встретила меня. Я как-то подъехал за ней к институту и стал свидетелем того, как они выясняли отношения. Это был высокий молодой человек, плохо одетый, провинциал, по всему.

— А че так сразу провинциал?

— Извини, в моей классификации провинциал не географическое понятие, я почему-то сразу подумал, что этому парню нужна московская прописка, тогда это была определенная ценность для приезжих. Ради нее он, с ее слов, бросил свою жену. В общем, она приходила ко мне каждый вечер, до тех пор пока...

— Не вышла замуж, — перебила его гостья, — угадала?

— Если бы. Пока не рассталась с женихом. Он бегал за ней, говорил, что она разбила ему сердце и семью, но она была непреклонна.

— И все из-за вас.

— Мне она сказала: «Если ты думаешь, что я это делаю из-за тебя, то ты ошибаешься».

— Почему она так сказала, вы что, уговаривали ее не бросать жениха?

— Почти, я предостерегал ее от опрометчивых поступков.

— Но это же свинство, спать с девушкой и при этом уговаривать ее выйти за другого.

— Она тоже так сказала, прямо слово в слово. Но это взгляд со стороны, изнутри же все выглядело иначе. Ни о каком романе, чувствах не было и речи. Нам было хорошо вдвоем, и не более того, я не мог предложить ей ничего серьезного, я находился в процессе развода с женой, то есть ни о каком новом браке и речи быть не могло, а на другой чаше весов был положительный человек с серьёзными намереньями. Любить, знаешь ли, каждый дурак может, а вот жениться! Что я мог ей сказать?! Видишь ли, я совестлив, не хотел морочить голову девице. Бедная Лиза.

— Какая еще Лиза?

— Повесть Карамзина.

— Какой, однако, вы добропорядочный человек, — с едва уловимой иронией произнесла гостья. — И чем же сердце успокоилось?

— Мы встречались с ней почти два года, а потом она ушла от меня, разбив мне сердце.

— Вот как, а вы страдали?

— Да, но мне слышится злорадство в твоем голосе.

— Я люблю, когда мужчины страдают. Но почему, вы же ее не любили.

— Не знаю, любовь — это сложное чувство, в разном возрасте принимает разные формы. Я к ней привык, и когда она ушла, мне было тяжело. Когда тебе далеко за сорок и тебя бросает молодая девушка, особенно тяжело.

— А она вас любила?

— Поначалу да, а в конце — не знаю. Не отрекаются, любя. Она ушла не в пустоту, кто-то появился более подходящий для нее.

— Нет-нет, подождите, вы так просто не отделаетесь, это слишком обыденно, я не верю, что она просто так взяла и ушла от вас, наверняка были причины. Рассказывайте.

— Я уже не помню, давно это было, почти двадцать лет прошло с тех пор. Ну ладно, мы с ней не совпадали по жизни.

— Это как?

— Нам было хорошо вместе, пока мы встречались, а когда стали жить вместе, все быстро закончилось. В бытовом отношении она была невыносима. Не готовила, не убиралась, не то чтобы она принципиально отказывалась, так получалось. Я вставал в шесть часов и уезжал на завод, а она, как творческая натура, спала до двенадцати, потом ехала на свое телевидение и возвращалась к полуночи. Съемки, интервью, потом ей надо было сдать материал и так далее. То есть мы жили в разных измерениях. Я терпел, сколько мог, потом начались ссоры, и все закончилось. Как говорится в одной банальной поговорке — любовная лодка разбилась о быт.

— Невеселая история, — вздохнула гостья, — скучная и неинтересная.

— Расскажи ты свою, — предложил Нестор, у тебя, наверное, был ураган страстей, как у Ромео с Джульеттой?

— Как-нибудь в другой раз, — заявила гостья, — я пошла спать.

— Спокойной ночи, — сказал Нестор.

— И вам того же, — ответила гостья и ушла.

Простучали шаги по лестнице. Нестор допил остатки вина в стакане, но жажды не утолил, хотя бутылка была пуста. «Духовной жаждою томим, в пустыне мира я влачился». Открывать новую было неразумно. Рассказ, в самом деле, получился пресным, в пересказе все выглядело обыденным. Встретились, расстались, хотя это была человеческая драма. В убытке оказались все — он, она, ее злополучный жених. Он закинул в камин еще поленьев и лег спать под треск горящих дров, видя сквозь закрытые веки всполохи огня. Однако сон не пожелал прийти к нему, полночи лежал и вспоминал. Утром проснулся от того, что звякнула чайная ложка. Открыл глаза и увидел гостью, сидящую за столом.

— Доброе утро — сказала она, — вставайте, кофе стынет.

— Спасибо, добрая душа, — хрипло сказал он, — однако балуешь ты меня, прямо неловко. Это я должен готовить тебе завтрак. Мне за это деньги плотют.

— Вы долго спите, а я не хочу завтракать в МакАвто.

— Ну ладно тебе, один раз проспал, заснуть долго не мог.

— Марину вспоминали?

— Как догадалась?

— Да уж догадалась.

— А почему в МакАвто, мы что, куда-то едем?

— Да, вы не в курсе?

— Представь себе, нет, мне не звонили, — Нестор потянулся за телефоном и увидел пропущенный звонок и следом сообщение. — Я мигом, — сказал он, — отвернись, пожалуйста, — гостья отвернулась, Нестор натянул джинсы и отправился

к умывальнику. Когда вернулся, девушка налила ему в чашку кофе. — Спасибо, — произнес Нестор и повторил: — Балуешь ты меня.

— Да ладно вам, может, мне нравится готовить завтрак, может, мне этого не хватает в жизни. Кстати, как ваша голова?

— Спасибо, болит. Но я слышу новые интонации в твоем голосе, сочувствие.

— Сама удивляюсь. Странное дело, вот вы старый, одинокий, неприкаянный, нечему завидовать, но почему-то именно вы будите во мне тягу к домашнему уюту. Чтобы я кому-то завтрак приготовила, да никогда в жизни. А для вас почему-то захотелось приготовить.

— Долг платежом красен.

— Нет, не думаю.

Дорога заняла полтора часа. Выходя из машины, она сказала:

— Пожалуйста, никуда не уезжайте, даже если вам позвонят.

— Я не могу ослушаться, я на него работаю.

— Нет, это не так, правила на ходу не меняют.

— Какие правила?

— Правила игры. Сейчас я ваш босс. И здесь все время не стойте, а то примелькаетесь.

— Хорошо, я проеду вперед, к тому клену. Или на набережную могу спуститься.

— До набережной далеко, стойте у клена.

— Слушаюсь, патрон.

Нестор смотрел, как она идет, огибая угол здания. «Начальников развелось, плюнуть некуда», — вспомнил он присказку одного из своих бывших слесарей с завода. Он тронулся с места, накатом доехал до клена и остановился. Посмотрел на дисплей телефона, словно почувствовал. Сразу же раздался звонок. Это был заказчик.

— Вы на месте?

— Да.

— Я звонил вчера, вы не ответили, чем были заняты?

— Ничем особенным, не услышал звонок.

— Проверьте звук, может, убавили нечаянно. Это важно. И сегодня очень важный день, чтобы как часы все работало.

— Не беспокойтесь. Кстати, она очень нервничала в прошлый раз, когда вы меня вызвали. К ней менты прицепились, пока она меня ждала. Просила больше так не делать, не уезжать, даже если вы позвоните. Мне чьи команды выполнять — ваши или ее? Вы уж определитесь.

Заказчик хмыкнул.

— Вам кто деньги платит? Знаете о том, что кто девушку кормит, тот ее и танцует.

— Вопросов больше не имею, — холодно сказал Нестор, — но вы и ей об этом скажите. Девушка должна об этом знать.

— Ладно, потерпите, немного осталось, — миролюбиво добавил заказчик.

Дождавшись, пока тот даст отбой, Нестор сложил телефон. Полез за таблетками, проглотил сразу две, запил из предусмотрительно захваченной бутылочки. Надо бы маленьким термосом обзавестись, раз уж заделался персональным водителем. Кофе с собой, чтобы было чем скрасить часы ожидания. Хотел было выйти из машины, размять ноги, как вдруг увидел бегущую девушку, в руках у нее был пресловутый кейс. Нестор запустил двигатель и, как только она села, рванул с места. Она тяжело дышала.

— Что случилось? — спросил он. Она подняла раскрытую ладонь, словно защищаясь от расспросов. — На рынок заедем?

— Нет, сразу домой, и чем быстрее, тем лучше.

Развернулся на Электрозаводском мосту и по набережной Яузы погнал в сторону Котельнической. У высотки повернул направо в сторону Кремля, проехал под Б.Каменным мостом, повернул на Ленивку и поднялся на мост.

— Это что, Кремль? — спросила гостья, увидев открывшуюся слева панораму.

— Кремль, а что же еще? — отозвался Нестор. — Вот Кутафья башня. Не узнаешь?

— Только слышала, но не видела.

— Ты прямо как Веня Ерофеев. Все говорят, Кремль, Кремль.

— Понятия не имею, о чем вы. Я просила домой побыстрее, зачем вы через центр поперлись?

— Поперлись — это грубо. В центре сейчас свободнее, чем на Садовом. Чем тебе Кремль-то не угодил?

— Ничем не угодил, — она надвинула на голову капюшон, всем своим видом давая понять, что не желает разговаривать. Тем не менее, Нестор сказал:

— Ерофеев — знаменитый писатель, автор поэмы «Москва — Петушки».

— Если поэма, значит, поэт, — отозвалась гостья.

— Можно и так сказать, не читала, значит.

Она не ответила. Нестор включил радио и сразу попал на экстренный выпуск. Диктор говорил о том, что в Москве введен «план-перехват». Взглянул в салонное зеркало и встретился глазами с гостьей.

— Следите, пожалуйста, за дорогой, — попросила она, — а то врежемся в кого-нибудь.

— Не волнуйся, я машину вожу больше, чем тебе лет, могу одной рукой, могу даже без рук, с помощью коленки. Ничего не хочешь мне сказать?

— Я уже сказала, едем домой. Она отвернулась к стеклу.

— «САААБ» несся по Ленинскому проспекту, лавируя между машинами. Нестор переключил канал и услышал отрывок другой новости о том, что в Москве произошло покушение на лидера преступной группировки. «Значит, перехват по нашу душу, — подумал он, — неужели...»

— Выключите, пожалуйста, радио, — попросила гостья, я плохо спала, хочу вздремнуть немного, мешает.

Нестор нажал на кнопку, погасив разноцветный экран магнитолы. Раздался звонок.

— Вы где? — спросил заказчик.

— На Ленинском, едем на дачу.

— Все в порядке?

— В полном.

— Хорошо, ехайте аккуратно, не гоните, позже перезвоню, — сказал заказчик и отключился.

Нестор положил телефон на соседнее сиденье. «Ехайте аккуратно, — повторил он про себя, — неслыханная забота, значит, все-таки ищут нас». Можно было поехать по Мичуринскому, там на выезде нет поста ГАИ, но если объявлен план-перехват, то может стоять мобильный пост, и вероятность того, что тормознут, значительно выше, чем на стационарном посту. На Ленинском поток машин большой, так что ехай и не дергайся. Разве что пристегнуться, но здесь не угадаешь, иногда пристегнутого скорее остановят, подозревая, что не зря пристегнулся, не иначе как выпил, ГАИ знает менталитет русского народа. Ему-то с чего беспокоиться, вот он, шведский синдром. На пикете стоял усиленный наряд с автоматами в бронежилетах. Дорога была сужена щитами, но их не остановили, инспектор скользнул взглядом и отвернулся. «САААБ» считался машиной приличных людей, тем более что старик за рулем. Вот «БМВ» наверняка бы остановили — бандитская машина.

— Хоть какая-то польза от моей седой шевелюры, — вполголоса произнес он, — не вызываю подозрений. Нет худа без добра.

— Рада за вас, — отозвалась гостья, — можно только позавидовать.

— Было бы чему. Это только у поэтов-песенников прожитые года — это богатство. У Гайдара есть один рассказ, как мальчик приволок огромный камень для соседа израненного, изуродованного на фронтах старика. Поверье гласило, что тот, кто разобьет этот камень, сможет начать жизнь заново. Мальчик сделал это из жалости. Однако старик отказался от такой возможности, ибо дорожил прожитыми годами. Когда я читал этот рассказ в детстве, я все принял за чистую монету и даже логику старика. Но сейчас понимаю, что это все гайдаровская героика и романтизм гражданской войны. Выяснилось, что он был садистом и психопатом и умер от алкоголизма. Я бы со всей душой согласился прожить жизнь заново. Я готов даже, как Мельмот, душу дьяволу продать за такую возможность.

Проехали оба аэропорта Внуково, на первой бетонке повернули налево, еще через несколько километров Нестор повернул в сторону дачного поселка. Возле участка остановился, и вышел, чтобы открыть ворота, в этот момент гостья попросила:

— Проверьте, пожалуйста, есть ли кто дома.

Нестор кивнул. Дверь была заперта, тем не менее, он обошел все комнаты и даже спустился в подвал. Вернулся к машине и сказал:

— Все чисто, и вино на месте.

— Очень смешно, — буркнула гостья, не выходя из машины. — Заезжать будете во двор?

— Ты иди в дом, а я съезжу в магазин.

— Зачем?

— За этим за самым, продукты, то да сё.

— Я поеду с вами, — заявила гостья.

— Не доверяете, мамаша, — произнес Нестор.

— Мне надо кое-что купить, и я вам не мамаша.

Нестор сел в машину, подал задним ходом до ближайшего переулочка, развернулся и поехал к магазину. Гостья зашла в магазин с ним и, пока он разговаривал с продавцом грузином, разглядывала выставленные на витрине пирожные. Грузин с любопытством поглядывал на нее, очевидно, гадая, почему эта парочка вместе.

— Что-нибудь выбрала? — спросил у нее Нестор.

— Я хочу «Наполеон».

— Еще два «Наполеона», — сказал продавцу Нестор, — или лучше три «Наполеона».

Он рассчитался, и они вернулись на дачу. Здесь гостья вновь попросила проверить дом. Нестор сказал:

— Ты ничего не хочешь мне сказать? Ведь мы оба знаем, что произошло.

— Не понимаю, о чем вы, — ответила она.

Он вновь проверил дом, махнул ей рукой. Когда девушка поднялась к себе, занялся ужином, приговаривая:

— Война войной, а обед по расписанию.

В холодильнике лежала оставшаяся баранина, он вытащил ее и нарезал на порции. Услышав шаги на лестнице, обернулся, гостья спускалась вниз. Встретил ее вопросительным взглядом.

— Я иду в душ, — объявила она.

— Помощь нужна?

— Спасибо, сама как-нибудь.

— Да я в смысле принести чего, подать.

— Я так и поняла, управлюсь, не беспокойтесь.

Она скрылась под лестницей. Нестор, вдруг сообразив, стал спускаться за ней.

— Я за вином, — пояснил он, когда она настороженно обернулась.

Взял бутылку из коробки и вернулся на террасу. На часах было ровно пять. Натурально файв-о-клок, только чаем пусть разговляется загнивающий Запад, а мы люди православные, высокой духовности, мы вино откроем. Пять часов — в Берлине едят так поздно, что не поймешь, то ли это поздний обед, или ранний ужин. Однако готовить все же было рано, тем более что барыня мыться изволила. Не иначе, грехи смывает. Грехи наши тяжкие, впрочем, сказано также: кто из вас без греха, пусть первый бросит в меня камень. И первым, надо сказать, оказался пролетарий с булыжником из мостовой, который и проломил спасителю бошку.

Мясо было готово к температурному воздействию, он его слегка поперчил и засыпал нашинкованным репчатым луком для духовитости. Вымыл овощи, выложил, не нарезая, на тарелку, оставил весь этот полуфабрикат на кухне, а сам взял бутылку за горлышко и пошел в гостиную топить камин. Настругал щепы. Чиркнул спичкой и, когда пламя занялось, протянул руку к бутылке. В этот момент зазвонил телефон.

— Вы на месте? — спросил заказчик. — Что делаете?

— На месте, вот камин решил затопить.

— Девица где?

— У себя, наверху, — зачем-то соврал Нестор.

— Все на этом, уезжайте.

— В смысле уезжайте, куда?

— В смысле работа закончена, совсем уезжайте, немедленно.

— Я только ужин собрался готовить.

— В другом месте поужинаете, мы ведь в расчете, я свое слово сдержал?

— Да, конечно, — согласился Нестор, он был в замешательстве. Это было неожиданно, хотя и ожидаемо. Финита ля комедия. Как славно мы провели время. — А как же она, одна останется? — зачем-то спросил Нестор.

— О ней позаботятся, это уже не ваше дело.

— И что мне ей сказать, прощай или до свидания?

— Ни в коем случае, ни слова, просто уезжайте немедленно, — повторил заказчик. — И все на этом, об этом контракте никому ни слова. Держите язык за зубами, это в ваших же интересах. Телефон, который я вам дал, оставьте там.

Заказчик, как обычно, не прощаясь, отключился. Мог бы до свиданья сказать. Хорошо, что еще выпить не успел, и жаль, что шашлык не успел приготовить. Нестор вышел на террасу и стоял там в задумчивости. Все же он не мог просто уехать, ничего не сказав ей. Он спустился вниз, как раз вовремя, гостья выходила из душевой кабины, едва успела запахнуться полотенцем.

— Еще один шаг, — предупредила она, и вам не поздоровится.

— Успокойся, — сказал он. — Я не в том возрасте, чтобы подглядывать за девочками. Мне надо уехать, — он пристально глядел ей в лицо.

— Но вы же вернетесь? — спросила она.

— Конечно вернусь, — ответил Нестор и взял в руки коробку с вином, все своим видом опровергая свои слова.

— Я еду в магазин, побуду там некоторое время.

Она напряженно молчала. Мокрые волосы, капли воды на распаренном лице. В этот момент она впервые показалась ему красивой.

— А вино зачем с собой берете? — подозрительно спросила гостья.

— На всякий случай. Как говорила моя покойная мама, имущество мужчины всегда должно быть у него под рукой, — гостья продолжала смотреть на него с недоумением. — Над Насреддином решили подшутить дети, — продолжал Нестор, — украсть его калоши. Они стали его раззадоривать, говоря, что ему ни за что не залезть на дерево. Насреддин повелся, снял калоши, поплевал на руки, намереваясь взобраться на дерево, но в последнюю минуту, поглядев на лукавые лица детей, сунул калоши за пояс. «Зачем тебе калоши на дереве?» — спросила его ребятня. «На всякий случай, — ответил Насреддин, — возможно, я оттуда направлюсь в другую сторону».

— Ничего не поняла, в каком месте надо было смеяться?

— Это зависит от ситуации, иногда смеются, иногда плачут.

Держа коробку на животе, Нестор стал подниматься наверх. Эзопов язык не каждому дается, но он сказал ей все что мог, не нарушая своих обязательств перед заказчиком. На улице смеркалось, в соседних домах уже горели огни. Надев куртку, он спустился во двор, положил вино в багажник. Бутылки звякали и бились друг о друга, он запихнул в коробку кусок ветоши. Из серого неба сыпал легкий снег. Выезжая из поселка, повернул налево, и через несколько сотен метров съехал на площадку отдыха, вклинившуюся в лес. Здесь стоял стол с покосившимся деревянным навесом и забытый кем-то мангал. Надо было мясо прихватить. С дороги его было не видно, он же хорошо видел отсюда поселок. Человек слова, Нестор должен был уехать, как было предписано заказчиком, но какое-то гложущее сердце неясное предчувствие не давало ему этого сделать. Он не сводил глаз с дома, решив дождаться ночи и лишь после этого уехать.

Включил радио. Ведущий, захлебываясь от восторга (это была новая манера вещания), рассказывал о неудавшемся покушении на вора в законе. Последний был тяжело ранен и находился в реанимации. Нестор переключил канал, полилась музыка. Между тем совсем стемнело. В доме на втором этаже загорелся свет. Это было ее окно. Можно было бы позвонить, но у него не было номера. От досады Нестор выругался, провести вместе столько времени и не спросить, какой у нее номер телефона, может, зря он нагнетает, позвонил бы, что да как, и поехал домой с чистой совестью.

Мимо в обе стороны проносились машины. Одна, ехавшая со стороны Киевского шоссе, притормозила, развернулась и свернула на проселочную дорогу, ведущую к поселку. Это был «Гранд Чероки», видно, проскочил поворот. Кто был в машине, разглядеть отсюда было невозможно, но Нестор понял, что это приехали за ней. «Все нормально, — сказал он себе, — одна машина привезла, вторая увезет, обычная конспирация». Сначала загорелся свет на террасе. Затем погас свет в окне второго этажа, это была ее комната. Что там происходило, можно было только догадываться. Было уже изрядно темно, но он разглядел, что открылось окно, кто-то вылез из него и прыгнул вниз. Он напрягал зрение до рези в глазах. В следующий момент увидел, как человеческая фигура перемахнула через забор и побежала по припорошенному снегом полю, отделявшему поселок от дороги. Кто это мог быть, кроме гостьи? Выбежав на дорогу, она припустила в сторону продуктового магазина. Нестор запустил мотор, догнал беглянку, затормозил и открыл заднюю дверь, она бросилась на сидение, после этого он вдавил акселератор в пол, и машина рванулась вперед, уносясь в снежную даль. Магазин остался далеко позади, Нестор все время поглядывал в зеркало заднего вида, но ничего подозрительного не замечал. Доехав до Калужского шоссе, он повернул налево и здесь сказал:

— Можешь сесть.

Приподнялась, огляделась по сторонам и села.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо, что не уехали. Я боялась, что неправильно поняла вас. Когда увидела, что у магазина машины нет, решила, что мне конец. Черт, даже волосы высушить не успела, как бы не заболеть. Есть полотенце?

— Нет, — он полез в бардачок и достал оттуда пачку салфеток. — На вот.

— Спасибо, — она разорвала упаковку, стала сушить волосы.

— Почему вы уехали?

— Команда такая поступила.

— А почему не уехали?

— Чувство у меня к тебе.

— Какое чувство?

— Привязанности.

— Как к собаке?

— Ну почему как к собаке, хотя, как говорил один библейский персонаж, не вижу в этом слове ничего обидного. Может, объяснишь мне что случилось? Почему тебе пришлось спасаться бегством? Что там произошло?

— За мной приехали не те люди.

— И что же?

— Долго объяснять.

— Тебе придётся объяснить, уж коли я ввязался в это дело.

— Вы лучше скажите, зачем мне помогаете? Это может плохо для вас кончиться.

— То, что я делаю, совершенно нормально для мужчины, но ты не ответила на мой вопрос.

— Я не буду об этом говорить. Можете высадить меня где-нибудь на автобусной остановке.

— Тебе есть куда пойти?

— Нет, но это неважно.

— Мороз на улице, с мокрыми волосами превратишься в ледяную статую, как Карбышев. Я не могу с тобой так поступить.

— А я не могу вам ничего рассказать.

— Ладно, останемся при своих, как говорится, — делай что должно, и будь что будет. Я еду домой, можешь поехать со мной, переночуешь, а завтра можешь идти на все четыре стороны.

— Хорошо, спасибо.

* * *

Нестор припарковался у соседнего подъезда. Глупо было, похитив девушку, везти ее домой, но других вариантов не было. Квартира встретила уютом и безмолвием.

— Добро пожаловать, — сказал он, пропуская ее вперед, — чувствуй себя как дома.

— Можно я сразу в душ пойду? Мне холодно.

— Лучше водки выпей.

— Нет, спасибо, я не пью.

— Ладно, как знаешь, вот в шкафчике чистое полотенце. Можешь мой халат надеть.

— Спасибо, — она скрылась в ванной.

Нестор обошел квартиру, осматриваясь после долгого отсутствия. Все было в порядке, он вернулся в кухню и полез в холодильник. В леднике лежала початая бутылка водки «Финляндия», оставшаяся с дня рождения, и половинка курицы. Бутылку вытащил, а курицу переложил в холодильник. На полках нашел кусок бастурмы и подсохший кусок сыра. «А кто-то сейчас ест мою баранину. Хотя вряд ли им сейчас до этого». Он поставил вариться картошку, почистил луковицу, нашинковал и тут вспомнил, что в багажнике лежит ящик грузинского вина, Морозная ночь вряд пойдет ему на пользу. Хотел постучать, предупредить ее, но за дверью шумела вода. Накинул куртку и пошел за вином. Когда вернулся, гостья встретила его с ножом в руке, это был самый крупный тесак из кухонной коллекции «Золлинген».

— Слава богу, это вы, — обрадованно воскликнула она, — а я так испугалась.

— Это ты говоришь про испуг, направив нож на меня.

— Вышла, а вас нету, зову, никто не отвечает, и вдруг дверь открывается.

— Нож положи на место, — попросил Нестор. Он опустил ящик на пол.

— Я вдруг решила, что это подстава, вы меня сюда привезли и уехали.

— Слишком сложно. Я за вином ходил.

— Да теперь уже вижу.

Махровый халат, мокрые волосы, румянец на щеках, блестящие глаза.

— Хорошо выглядишь, — сказал он, — похорошела.

— Помылась потому что, — ответила она. — Халатик мягкий, только почему белый.

— Из отеля потому что.

Взял нож у нее из рук и пошел в кухню, где в кастрюльке клекотала вода и выпрыгивали картофелины. Он выключил огонь и слил воду.

— Стащили?

— Мне это не к лицу. Есть такие отели, где постояльцы могут забирать использованные халаты.

— Надо же.

— Я был главным инженером завода, поездил немало, командировки в основном.

— И в Греции были?

— В Греции не был.

— Жаль. Можно мне чаю сделать?

— Сама сделай, вот плита, вот чайник. Рабство закончилось.

— Вот как вы заговорили. Значит, праздник закончился. Все мужчины одинаковы, сначала обещают сделать для тебя невозможное, а потом не делают даже того, что могут, — притворно вздохнула девушка. — Но я же у вас в гостях.

— Ты эту фразу где вычитала?

— Не помню, может, в кино слышала, но я с ней полностью согласна. Где у вас чайник?

— Перед тобой стоит.

— А чай?

— В шкафу. Ладно, я сам сделаю, иди лучше волосы досуши, там фен есть в шкафу.

— Спасибо, я не стала рыться без спросу, — уходя, она сказала: — Вы прямо как мама — досуши волосы, а то заболеешь.

— Не называй меня мамой.

— Почему?

— Потому.

— Тогда папа.

— Папой тем более.

— Ну ладно, — она закрылась в ванной и оттуда донесся гул фена.

Нестор заварил чай, затем стал пассировать нашинкованный лук. Когда масса приобрела золотистый оттенок, выключил плиту. После этого, обжигаясь, очистил от кожуры картошку, залил ее луковой массой, потряс кастрюлькой, словно шейкером. Вошедшая гостья наблюдала за его действиями.

— Это был лук? — спросила она.

— Лук, ты не против?

— Пахнет вкусно.

— Пожалуй, ужин готов, — сказал Нестор, оглядывая стол. — Это, конечно, не баранина на вертеле, но тот случай, когда чем богаты, тем и рады.

— А что же вы, вино не забыли забрать, а мясо оставили, сразу видны приоритеты

— Не сыпь мне соль на рану, не напоминай, я и так о ней весь вечер думаю.

— Экий вы чревоугодник, есть же чем подкрепится.

— Я не чревоугодник, я гурман.

Он поставил на стол две граненые рюмки из толстого стекла, заиндевевшая бутылка начинала подтекать, наполнил обе.

— Я не пью, — сказала девушка.

— Ты повторяешься, — заметил Нестор.

— Что же делать, раз вы никак не запомните.

— Я помню, просто чокнешься со мной.

— Я бы и так чокнулась.

— Пустой не чокаются.

— А почему вы на водку перешли? Вы же вино пили.

— Это было на работе, вахта закончилась, пора расслабиться, — он взял рюмку и спросил, глядя через нее на девушку: — Что ты собираешься делать?

— А вы?

— Как я не люблю, когда отвечают вопросом на вопрос. Я отвезу тебя завтра на Курский вокзал. Как говорится — положи, где взял.

— Разве я вещь?

— Нет, ты не вещь, поэтому я могу отвезти тебя туда, куда ты скажешь. Ну, давай за удачу! — девушка взяла рюмку, чокнулась с ним и последовала его примеру. Выпив, опомнилась, замахала перед лицом рукой. — Закусывай, — удивленно сказал Нестор. Она схватила ломтик сыра, стала закусывать, отдышалась. — А говоришь, не пью, — упрекнул ее Нестор.

— Я не пью, — дрогнувшим голосом произнесла гостья, — я машинально, перенервничала сегодня. Это вы виноваты, не надо было мне наливать, вы меня загипнотизировали. Столько дней одно и то же, пить будешь, пить будешь, вот я и выпила, довольны?

— Было с чего понервничать.

— Хорошо, что я была готова к этому. Это ваше странное поведение, вы дали мне понять, что можете не вернуться, но я не поняла почему. Мне вдруг сразу стало все ясно, когда поняла, что это не ваши шаги на веранде. Вылезла в окно и прыгнула. Зачем вы это сделали, намекнули, ждали меня? У вас могут быть серьезные проблемы.

— Не так вопрос ставишь, слово «зачем» предполагает мотивацию. Я просто не мог поступить иначе.

— Значит, вы не состоите в организации. Вообще-то я сразу поняла, что вы случайный человек.

— Что за организация?

— Организация, которая оказывает услуги по ликвидации нежелательных элементов.

Она говорила заплетающимся языком.

— Ты ешь-ешь, а то совсем окосеешь.

— Что это я окосею, — обиделась гостья.

— В смысле, опьянеешь.

— А-а, да в этом смысле я уже косая. Можно мне чаю?

— Сначала поешь как следует, сейчас опьянение пройдет, чего ты там выпила, одну рюмку.

Она безропотно стала есть. Нестор налил себе еще и, пожелав здоровья, выпил. После этого налил чаю и поставил чашку перед гостьей. Пока она пила, он решал для себя мучительную дилемму. Еще не поздно было остановиться и ни о чем больше ее не расспрашивать. Sapienti sat — говорили латиняне. Зачем выпытывать у нее всю подноготную этой темной конторы. Но девушка сама продолжила, не мог же он заткнуть уши, это было бы невежливо, а ей, видимо, настало время выговориться.

— Я подписалась на контракт с двойной целью, — сказала она. — Аванс получен. Но они почему-то решили меня кинуть после первого результата. Заказчик позвонил мне и сказал, что поскольку я сработала нечисто, они расторгают со мной контракт. Аванс, мол, я могу оставить себе. Но дело в том, что аванс всего десять штук, он даже мои расходы не покрывает, а я сделала половину работы. Я хочу выполнить вторую половину работы и получить оплату сполна.

— Домик в Греции? — задумчиво спросил Нестор.

— Да, — с вызовом ответила гостья, — домик в Греции.

— А мальчики кровавые в глазах?

— Не надо морали. Я убираю отморозков, мне еще спасибо сказать надо. Я как волк, вернее волчица, санитар леса. Вы знаете, сколько крови на этих бандитах? Два вора в законе не поделили сферы влияния. В дело вмешалась третья сторона. Они для меня не люди, а цель, как в тире. И я сделаю это только один раз. Тот, которого я сработала якобы нечисто, умер в больнице. Так что я все равно выполню этот контракт, и они мне заплатят всю сумму. Я высказала все заказчику, и он решил послать за мной чистильщиков.

Нестор выпил еще рюмку.

— Слушаю тебя и ушам не верю. И давно ты этим занимаешься?

— Это мой первый заказ.

— И как же они на тебя вышли? Впрочем, неважно, мне лучше этого не знать. Знаешь, есть такой роман — «Сицилийский специалист». Читала?

— Нет.

— Напрасно. Надо читать книги, они сеют разумное-доброе-вечное, но в твоем случае — информируют. Потому что если бы читала, то знала бы, что исполнителей обычно убирают. Если это люди не самой системы, высокопрофессиональные киллеры. Ты новичок и непрофессионал. То, что произошло сегодня, подтверждает мои слова. За тобой приехали бы в любом случае.

— Они должны мне заплатить, хотя бы половину. В контракте прописана вся сумма и аванс, который остается у меня в случае неудачи. И между прочим, если следовать вашей логике, то вы тоже обречены, — заметила гостья.

— Возможно, но шансов у меня больше, так как я работал вслепую, зачем им меня убирать, — наступила долгая пауза, после которой Нестор спросил. — Так что ты собираешься делать? — и тут же пожалел о своем вопросе. Стал объяснять: — Я имею в виду: как ты собираешься спасать свою жизнь. Я спрашиваю для того, чтобы понять, как мне помочь тебе.

Фраза затянулась, он говорил, понимая, что все эти слова лишены смысла.

— Я же сказала — собираюсь выполнить контракт.

— Десять штук немалые деньги, милая, не зарывайся. Я получил столько же.

— Для вас, может, и немалые, вы же никого из-за них не убили.

Нестор тяжело вздохнул и налил себе еще водки. Резон в ее словах был. За эти деньги он жил на даче, пил вино у камина, ездил на машине, хотя и страдал от головной боли. Грех убийства несомненно стоит дороже.

— Допустим, ты выполнишь контракт. А деньги как ты получишь с них?

— Деньги платит посредник, третья сторона, по факту, как только я уберу второго, они автоматически поступят на номерной счет.

— Я смотрю, у них все серьезно налажено, — сказал Нестор, он пожелал девушке здоровья и выпил.

— Вы мне поможете? — спросила она, глядя, как он морщится и закусывает.

— Нет, — отрезал Нестор, — соучастником убийства я не буду. Что мне Гекуба? Ты мне не мать, не сестра и не любовница! Чего ради?

— Намек поняла.

— Какой намек, это цитата, — он еще раз наполнил рюмку. Водка после долгого перерыва как-то странно действовала на его организм, голова оставалась ясной, а тревога не проходила, а хотелось бы наоборот.

— Может быть, вам хватит? — заметила гостья.

— Я сам знаю, когда мне хватит, — грубо ответил Нестор, но сразу же пожалел о сказанном. До этого он старался не смотреть на нее, а сейчас увидел, как она сидит, понуро глядя перед собой. Его охватила жалость, самое ненавистное качество. В данном случае жалость к убийце. Новая версия шведского синдрома. — Просто из

любопытства, — сказал он, — кто вторая цель?

— Тот, кто заказал первую.

— Гениально. И как же ты собираешься это проделать? Чемоданчика нету. Как быть с орудием производства?

— У меня есть свой, взяла на всякий случай, не знала, что здесь дадут. На Курском вокзале лежит в камере хранения.

— Не надо меня посвящать в детали, я и так уже почти соучастник, — взмолился Нестор.

— Вы же сами спросили. Маршрут и место, где он бывает, я изучила.

— Замолчи я не желаю тебя слушать. Ешь лучше.

— Я наелась.

— Тогда чай пей.

— Я уже выпила. Можно я спать лягу?

— Конечно. Можешь лечь в гостиной на диване.

— А вы где?

— А я в спальне.

— А говорили, что у вас одно спальное место.

— Когда это я говорил?

— Когда про девушку рассказывали, которую увели от жениха.

— Это было давно, с тех пор я улучшил свои жилищные условия. Пойдем.

Нестор проводил ее в гостиную, разложил диван, дал ей простыни и одеяло. А сам вернулся в кухню и продолжил трапезу. В этом отношении он следовал примеру Иммануила Канта, который, как известно, устраивал многочасовые застолья для друзей. С той лишь разницей, что Нестор почти всегда был один, и ужин обычно длился до тех пор, пока не приходило время сна. Он уже опорожнил бутылку наполовину, но пьян все еще не был. Сознание оставалось ясным, хотя пил, чтобы забыться от навалившихся проблем. Проблем, собственно, никаких не было, Люди сами создают себе проблемы. Кто просил его влезать в эту мутную историю, мог бы просто уехать, как было велено.

В начале двенадцатого зазвонил телефон. Поднес трубку к уху, хрипло произнес:

— Алло.

— Это я, — сказал заказчик, — как дела?

— Спасибо, хорошо.

— Что вы делаете?

— Собираюсь лечь спать.

— Где вы, дома?

— Так точно.

— Выпили, что ли?!

— Есть немного, а что, надо куда-то поехать?

— Да нет, работа закончилась. Как все прошло, вы сделали все, как я просил?

— Да, а что, есть проблемы?

— Ничего, никаких проблем. Надо будет встретиться.

— Сейчас? Пожалуйста, подъезжайте.

— Спешки нет, — помедлив, сказал заказчик, — вы же спать собираетесь. Давайте завтра.

— Если есть еще работа, то я готов.

— Работы пока нет, но нам надо подписать акт выполненных работ и кое-что обсудить.

— Хорошо, где встретимся?

— На Таганке, у «Иллюзиона», помните, где меня высадили? Завтра к двенадцати подъезжайте.

Заказчик, как обычно не прощаясь дал отбой.

«Что день грядущий мне готовит?» — сказал себе Нестор и стал мучительно вспоминать, кому принадлежат эти слова. Может быть, Герману? Вот полночь близится, а его все нет. Не о том думаешь, оборвал он музыкальный ряд. Надо было понять, что означал этот ночной звонок. Видимо, то, что в покое его теперь точно не оставят. Возможно, на каком-то этапе он и сам подлежит чистке. Как же он в очистке работал? А вот так и работал, идиот. И что теперь делать, не в милицию же с этим идти. Что он там может сказать, что киллера возил, не ведал, что творил. Ни сном, ни духом. Прости, начальник. Его же первого и посадят. Добровольное признание смягчает наказание. Ладно, утро вечера мудренее, ложись-ка спать, пока водку не прикончил.

Перед сном он принял контрастный душ, чтобы разогнать кровь в организме. Вошел в спальню и обомлел. Гостья лежала, разметавшись на кровати. Спала или делала вид. Он осторожно отступил. Благо, свет не включал. Пошел в гостиную и лег спать на диване. Вскоре гостиную огласил его богатырский храп.

Пробуждение было тяжелым, но без ставшей привычной мигрени от вина, обычное похмелье. Это лучше, чем когда мозг весь день сверлит головная боль... И как только грузины пьют его рогами? Встал и поплелся в ванную, но она оказалась занята, это было непривычно. Прошел дальше в кухню, сел в ожидании, припоминая события вчерашнего дня. Ждать пришлось долго. Он заварил чай. Когда наконец услышал, как открылась дверь, выглянул в коридор, но гостья уже проскользнула в комнату.

— Тебе еще нужна ванна? — спросил он вглубь комнаты.

— Нет, спасибо, и доброе утро.

— Доброе, — буркнул он, — не понимаю, что можно утром так долго делать в ванной. Делов-то, умыться да зубы почистить. Пожила бы с мое в коммуналке, там бы тебя приучили к дисциплине.

Противореча своим словам, он залез под душ и долго стоял под горячими струями воды. Для того, кто никогда не похмелялся, это была единственная возможность прийти в себя после вечернего возлияния. Протер запотевшее зеркало, поглядел в него. Недельная щетина старит, что нежелательно в его возрасте — «я старый, меня девушки не любят». Но это предпочтительней, чем свежевыбритая синюшность на лице. Полезно носить пудреницу в рукаве. Может так статься, что после вытрезвления или пробуждения цвет лица самурая будет жалок. В этом случае следует наложить на лицо румяна. Сойдет, не свататься едем. На кухне витал запах свежесваренного кофе и поджаренных тостов с сыром. Гостья хозяйничала уверенно, от вчерашней неловкости не осталось и следа.

— Завтрак готов, — сказала гостья, — налить кофе?

— Вообще-то я чай заварил, но пусть будет кофе.

— Вы пренебрегли мной вчера, — медленно, почти раздельно, глядя в сторону, произнесла она.

— Откуда слово такое выискала? — сказал Нестор. — Что ты имеешь в виду?

— Вы знаете, о чем я, не заставляйте меня повторять и краснеть снова. Я и так чувствую себя полной дурой.

— Ты ошибаешься, полный дурак — это я, — сознался Нестор, — потому что пренебрег, как ты выразилась, но это неподходящий глагол, я отказался, разные вещи. Во-первых, есть какие-то вещи...

— Что это за вещи?

Нестор сделал глоток кофе, поморщился.

— Сейчас бы водки, — сказал он.

— Так выпейте, в холодильнике еще есть.

— Не буду, я не похмеляюсь никогда, похмелять последнее дело.

— Так что за вещи?

— Я не хотел воспользоваться ситуацией, у тебя был тяжелый день, ты выпила, стресс, то да сё, это могла быть минутная слабость, о которой ты бы пожалела. Мне не нужен случайный секс. Не хочу проснуться и увидеть рядом девушку, которая смотрит на тебя с ненавистью.

— То есть вы считаете, что мне достаточно выпить рюмку водки, чтобы потерять контроль над собой.

— Нет, я так не считаю, я перечислил ряд событий, совокупность их могла привести тебя к этому решению.

— А во-вторых?

— Во-вторых, близость с тобой свяжет меня по рукам и ногам. А я хочу быть свободен в своих поступках. Понимаешь, о чем я?

— Нет.

— Неудачный момент, он не в твою пользу, если бы это случилось до побега, у меня не возникло бы таких мыслей. Слишком поздно.

— Поздно, прошло всего несколько дней. Вы привыкли, что к вам девушки прыгают в постель в первый же день знакомства, как та журналистка?

— Тайны дома узнать норовят, чтобы держать его в страхе.

— Можно не говорить загадками.

— Это Ювенал, римский поэт. Я не для этого тебе рассказывал о себе, чтобы ты меня сейчас попрекала. Я помог и продолжаю помогать тебе не ради секса. Как сказал другой поэт — дева тешит до известного предела... И ты не должна чувствовать себя обязанной. Как тебе еще объяснить...

— Да я уже все поняла, не парьтесь. Я вчера совсем не из-за этого к вам пришла. Ладно, проехали, тема закрыта. Как говорится — была бы честь предложена.

— Вот это в самую точку. Но я оценил.

— Спасибо и на этом.

— Видишь ли, я не знаю, как далеко я готов зайти.

— В отношениях со мной?

— В отношении этой ситуации. Ты же не думаешь, что я соглашусь помогать тебе в заказном убийстве.

— Но ведь раньше помогали.

— Я не знал.

— Да ладно не знали, вы умный дядя.

— Не называй меня дядя, а то я буду чувствовать себя Гумбертом.

— Это еще кто?

— Один персонаж из романа Набокова.

— Слушайте, с вами невозможно разговаривать, вы все время сыпете какими-то именами, цитатами. Образованность свою хотите показать.

— Извини, я не нарочно, это у меня, как у Страшилы, иголки лезут из головы.

— Какого Страшилы?

— Ну, я думаю, что «Волшебника изумрудного города» ты прочитала.

— Не помню, послушайте, я хочу сказать, что вы не могли не догадываться. Ну, день-два были в неведенье.

— Знать и предполагать — это разные вещи. Меня наняли для определенной работы — я шофер на один рейс.

— Я тоже могу вас нанять, я тоже дам десять штук, только не долларов, а евро, это больше. Я бы еще больше дала, но тогда мне не хватит на домик в Греции. Согласны?

— Нет, — сказал Нестор. Он допил кофе, взглянул на часы. — Мне надо идти. Вчера позвонил заказчик, хочет со мной встретиться.

— Зачем? — встревожилась гостья.

— Вот съезжу и узнаю зачем.

— Может, не надо ехать? — сказала неуверенно гостья.

— Это вызовет подозрение, наоборот, надо ехать. То есть, после твоего исчезновения, я первый у них на подозрении, ну кто еще мог увезти тебя, только я. Поэтому мне надо развеять эти подозрения.

— Да, наверное, вы правы, — напряженно думая, сказала гостья. — Можно я вас здесь дождусь?

— И да, и нет.

— Это как понимать?

— Я встречаюсь с ним в двенадцать, в половине первого ты пойдешь гулять и будешь гулять до тех пор, пока я не позвоню. Сходи в кино, у метро есть большой торговый центр, пройдись по магазинам. У тебя есть деньги?

— Есть.

— Скажи мне номер твоего телефона.

— Я его выбросила, когда убегала.

Нестор полез в кухонный шкаф, достал оттуда мобильный телефон-раскладушку.

— Старенький, но работает, только зарядить надо, симка внутри.

— Разве это старенький, — усмехнулась гостья, — это не старенький, это древний.

— Мой номер забит в нем под именем — хозяин.

— Хозяин, — с улыбкой повторила гостья.

— Ты чему радуешься?

— Не знаю, настроение хорошее.

— Вот запасной ключ от квартиры. Будут вопросы, звони. Если не отвечаю, значит, перезвоню, не могу говорить, тогда пиши смс. Тебе все ясно? Тогда пока.

Она проводила его до двери.

Нестор проехал бывшую Таганскую тюрьму, а ныне армейскую гауптвахту, Новоспасский мост и одноименный монастырь, где снимали кинофильм «Иван Васильевич меняет профессию». У высотки на Котельнической повернул направо. Площадка перед кинотеатром была забита автомобилями. Он остановился в центре и включил аварийную сигнализацию, ожидая, когда освободится парковочное место, но ждать не пришлось. Заказчик был пунктуален, вышел из подъехавшего минивэна «Фольксваген». Он отдал водителю какие-то распоряжения, прежде чем подойти. Старомодный комиссарский реглан заскрипел, когда он садился в машину.

— Категорически приветствую, — шутливо сказал заказчик, протягивая длань для рукопожатия. — О-о, какой выхлоп, ничего если я окошко приоткрою. Видать, вчера здорово приняли на грудь. Не иначе, как конец рабочей недели отмечали.

— Угадали, три дня постимся, четыре разговляемся. Почти неделю не пил, вчера расслабился.

— Как заговорили, прямо рабочий класс, член профсоюза. Вы же вроде главным инженером были.

— Я же не сразу главным стал. Начинал с рабочих, и гайки крутил, и по рублю

после обеда скидывался.

— Понятно, ну, а как все прошло, довольны остались?

— Вполне.

— Еще подрядитесь на заказ?

— Да.

— Хорошо, тогда я позвоню, если что. Вы не торопитесь? Поедем пообедаем, я угощаю.

— Я недавно завтракал, — сказал Нестор. Это было формой отказа, но заказчик ее не принял.

— Это ничего, я вам что-нибудь легкое закажу, кисломолочный суп-довга, вам понравится, с бодуна самое то. Поехали, это в центре, на площади Восстания, разворачивайтесь.

Возражать было бессмысленно, ибо основной разговор еще не состоялся. Выезжая со стоянки, Нестор отметил, что минивэн последовал за ними. Всю дорогу заказчик болтал о пустяках — о погоде, о ценах на автомобили, о напряженной ситуации в Персидском заливе, пока не доехали до кафе кавказкой кухни на Поварской улице.

— Два супа-довга и два шашлыка из осетрины, — сказал заказчик подошедшей официантке, — и «Боржоми».

— «Боржоми» нет.

— Как нет?

— Запретили, вместе с грузинским вином. Есть «Сираб».

— Хорошо, пусть будет «Сираб», — подождав, пока официантка удалится, сказал: — Кавказцы, а кто, не могу понять, то ли армяне, то ли азербайджанцы. С лица вроде и те, и другие, акцент один, а должен быть разный.

— Откуда такие познания?

— В армии с ними служил, в Нахичевани.

— Наверное, это бакинцы, там что русские, что азербайджанцы, что армяне — у всех один акцент. Они даже не особо враждуют между собой, говорят, что есть такая нация — бакинцы.

— А у вас откуда познания?

— У меня начальник снабжения был азербайджанец. Он мне все разъяснил. Извините, — переходя к делу, спросил Нестор, — в каком виде мы будем подписывать акт выполненных работ?

— Акт выполненных работ, — повторил заказчик и рассмеялся. — Бог с вами, не надо так буквально воспринимать мои слова. Я пошутил.

— Но вы же не ради обеда меня пригласили.

— Почему бы и нет, вы мне симпатичны, можем отметить окончание дела, выпить, но вам нельзя, вы за рулем. Ладно, — посерьезнев, сказал он, — не будем ходить вокруг да около. Вот какой вопрос, вы вчера сделали все, в точности как я просил, уехали, ничего не объясняя?

— Да.

— То есть вы уехали, а она осталась дома.

— Все так и было. А что случилось?

— Дело в том, что она исчезла. Когда за ней приехали, чтобы перевезти ее в другое место, оказалось, что на даче ее нет. Это непонятно, и меня это беспокоит. Можете это как-то объяснить?

— Вы думаете, что это я ее увез?

— Это было первое, что пришло мне в голову. Но дело в том, что окно на втором этаже оказалось открытым. Она же на втором этаже спала, как я понимаю. А под окном на снегу следы падения и ее ног, она пробежала через двор, перелезла через забор. Следы вели через поле до шоссе и там оборвались. Зачем было прыгать со второго этажа, рискуя сломать ногу, если бы вы в этом участвовали? Так что я не думаю, что вы в этом замешаны. И это было бы нарушением контракта, — глаза заказчика вдруг сузились, от добродушия в лице не осталось и следа, и Нестор подумал, что все же не вполне осознает, во что он ввязался. — Но на всякий случай, я решил с вами поговорить. Чтобы убедиться в своей правоте или наоборот. Для галочки, так сказать, и очистки совести. Расскажите в деталях, как все было после моего звонка.

Нестор, чувствуя сухость во рту, налил полный стакан минералки и выпил.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал заказчик.

— Я не волнуюсь, — возразил Нестор, — жажда. Как говорится — в пьянстве замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду. Я собирался жарить шашлык, но после вашего звонка все бросил и уехал.

— Где в этот момент была девушка, она могла слышать наш разговор?

— Вряд ли, она принимала душ в это время.

— Похоже на то, — согласился заказчик, — в комнате лежало мокрое полотенце. А

вы не хотите меня спросить, почему она исчезла?

— Нет, — холодно сказал Нестор, — тем более, что и вы сами не знаете.

Он с удовольствием послал бы его подальше и ушел, а если бы дебаты затянулись — врезал с удовольствием. Но современный мир — это не мир его детства, где вопросы решались один на один в честном бою, лежачего не били и дрались до первой крови. Нынешние ходят ватагой, налетают вдесятером на одного и бьют безжалостно, без зазрения совести, скинхеды, например. А за этим человеком стоит некая организация, а с ней одним ударом вопрос не решить.

— Это верно, — сказал заказчик, на лицо вернулось прежнее добродушие, — ваше дело крутить баранку. Сказал Экклезиаст — во многом знании много печали.

— Экклезиаст — это не человек, это сборник текстов, — заметил Нестор. Словосочетание «крутить баранку» его слегка покоробило.

— Нехай текстов, спорить не стану, хотя тексты все равно человек написал.

Сначала принесли суп-довгу, а следом шашлык. Обед прошел в полном молчании.

— Как супчик? — спросил заказчик.

— Очень вкусно, прямо лег на душу, теперь с похмелья буду сюда ездить. Спасибо.

— На здоровье! — заказчик рассчитался по счету, и они вышли на улицу.

— Вы ведь в Орехово живете? — вдруг сказал заказчик. — Мне как раз в ту сторону, подвезете.

— Конечно, — согласился Нестор. Отказываться было глупо, проверка еще не закончилась. — Такси свободен, прошу садиться.

Он запустил двигатель, развернулся и поехал в сторону Никитских ворот. Теперь заказчик молчал. Ехать в тишине было тягостно, Нестор чувствовал себя кроликом, везущим удава в свою нору.

— Хорошее у вас пальто, — сказал он, — сейчас такое не купишь.

— Спасибо, — оживился заказчик. — Не поверите, этому пальто лет сорок. Тесть мой когда-то пошил на заказ. А когда я на его дочке женился, мне подарил. Правда, когда мы разводились, обратно требовали, судом грозились, жлобы деревенские, но я не отдал. Так и хожу в нем.

— Винтажная вещь!

— Это как понимать?

— В смысле старинная, но модная.

— Это точно.

По Бульварному кольцу он спустился на набережную и повернул налево. Оставили слева Кремль, академию генштаба, затем высотку, Коломенское, Москворечье, когда проезжали Борисовские пруды, заказчик сказал, указывая на отстроенную роскошную церковь, сверкающую золотом на холме:

— Вот где сейчас церковь, был дом культуры, мы там в детстве играли. Сейчас его снесли и построили этот храм. Как я их не люблю, этих работников культа, лучшие места захватывают. Знаете, о чем это говорит? — спросил он и сам же ответил: — О том, что попы вышли в полуфинал. Так что Пушкин был неправ, толоконный лоб оказался не у попа, а у работника. Я не задеваю ваши религиозные чувства?

Нестор ответил:

— Римский император Фридрих II как-то заметил, что мир обольщён тремя мошенниками, двое из них умерли в почете, а один на кресте.

— Совершенно с ним согласен.

— Мне налево, а вам? — спросил Нестор. Он заметил сзади черный «Фольксваген»-минивен. Номера он запомнить не удосужился, но скорее всего, это был тот же самый автомобиль.

— Мне тоже налево. Короче, охмуреж идет полным ходом, — продолжал заказчик. — Между прочим, они налоги не платят, совсем, торгуют и чеков не дают. Тут один умник из Общества прав потребителей хотел судиться с ними, так его самого чуть не упекли, за клевету.

Нестор повернул на Шипиловскую улицу, доехал до конца и остановился.

— Мне сюда во двор, — сказал он.

— Поворачивайте, — разрешил заказчик. Нестор повернул, проехал прямо, затем налево и подъехал к своему подъезду. Здесь он остановился и, уже не задавая лишних вопросов, вышел из машины. — Это означает, заходи, гостем будешь? — спросил заказчик.

— Мы же понимаем друг друга с полуслова, — ответил Нестор, моля бога, чтобы девушки не оказалось дома. Заказчик улыбнулся и последовал за ним. — Чай, кофе, — предложил радушный хозяин, наблюдая, как заказчик, не спрашивая разрешения, стал заглядывать во все комнаты. Тот, кто был хуже татарина, сунул голову в приоткрытую дверь ванной.

— Водички, если можно, — попросил он, проходя в кухню. — После шашлыка

жажда одолела. И зачем они столько перца кладут? — выпив воды, он сказал: — Надеюсь, вы на меня не в обиде. Сами понимаете.

— Конечно, — ответил Нестор.

— Ну ладно, до побаченья.

Проводив его до двери, Нестор вернулся в кухню и стал у окна наблюдать, как тот вышел из подъезда и пошел в сторону черного минивэна, поджидавшего его у соседнего подъезда. Прежде чем сесть, он оглянулся по сторонам, затем автомобиль, отливая воронеными боками, бесшумно тронулся и выехал со двора. Пискнул телефон, Нестор глянул на экран телефона, там было написано: «Я замерзла, можно домой?» — «Можно», — ответил он, затем позвонил ей:

— Ты видела, что у нас проходной подъезд? — сказал он. — Войди в дом с другой стороны, со стороны пустыря.

Она появилась через пятнадцать минут, стоя в дверях спросила:

— А почему у вас такой подъезд сквозной?

— Дом такой, экспериментальный, а что?

— Удобно очень лохов разводить.

— Или от киллеров скрываться, — мрачно заметил Нестор, — каждому свое.

— Да это я так, теоретически, я такими вещами не занимаюсь.

Она стянула с головы капюшон — прическа каре, волосы отливали синью.

— Вижу, ты не зря провела время, — заметил Нестор, тебя и не узнать.

— Я этого и добивалась, — с вызовом ответила гостья, — нравится?

— Не знаю, слишком броско, надо привыкнуть. Это мода шестидесятых, все возвращается.

— Ну вот, а я хотела вам понравиться, — вздохнула девушка.

— Ты мне и так нравилась.

— А что же молчали?

— А по-моему, я только тем и занимался, что демонстрировал это.

— Ладно, не оправдывайтесь, я шучу, я сменила внешность, чтобы меня труднее было узнать.

— Я так и подумал. Проходи, не стой в дверях.

Нестор вернулся в кухню, гостья сняла куртку и вошла вслед за ним.

— Вы что-нибудь решили насчет меня?

— Нет и не собираюсь.

— Понятно. А с этим встречались?

— Да.

— Ну и... мне из вас клещами слова вытаскивать?

— Ничего, пообедали вместе, потом он проводил меня до дому. Зашел, попил водички, убедился в том, что тебя здесь нет, и уехал. Вы с ним немного разминулись.

— Да вы что, издеваетесь надо мной, зачем вы притащили его сюда? Теперь он знает, где вы живете, установит слежку, — гостья заметалась по квартире, она была испугана не на шутку. — Мне надо сваливать немедленно. Вот вы меня подставили. Они, наверное, уже пасут.

— Не суетись, — резко сказал Нестор, — сядь! — опешив от грубого обращения, гостья покорно села. — У меня не было никаких оснований отказывать ему в этом. Более того, он бы сразу все понял, если бы я отказался пустить его в квартиру. Думаю, что узнать, где я живу, для них тоже не составило бы труда. По крайней мере, он убедился в том, что я не прячу тебя здесь. Наблюдение они, может, и выставят, но, по крайней мере, ломиться в дверь не будут. Они могут ждать тебя извне или следить за мной. А может, и не будут. Ты же ничего им не сделала плохого, просто соскочила, и все. Они тебе деньги должны, не ты им. Верно?

— Пока что у вас все складно получается, но зачем же они за мной киллеров прислали на дачу?

— А ты уверена, что киллеров, может, просто поговорить приехали, убедить тебя не делать глупостей. А ты в окно сигать, разве так гостей встречают?

— Теперь уже не уверена, а вам смешно, да? Ладно, а что дальше?

— Дальше ничего, я все сказал.

— Понятно, значит, помогать мне вы не будете?

— Нет, и давай больше не будем об этом. Я думаю, что такую помощь тебе любой водила окажет. Такси можешь взять.

— В такси со снайперской винтовкой, еще скажите, с автоматом. Зачем же вас наняли, если такси можно использовать. А кто отход будет обеспечивать, таксист? Я заплачу вам в два раза больше, чем они заплатили, — Нестор встал и вышел из кухни.
— Вы куда? — вслед спросила гостья.

— Мне надо принять душ.

— Опять душ, сколько можно мыться. Я же с вами разговариваю, это невежливо.

— Я тебе уже все сказал. Займись лучше ужином.

Он вошел в ванную, закрыл за собой дверь. Долго стоял под струями горячей воды, решая для себя, как поступить. В годы его пролетарской деятельности в ходу было грубое выражение, означающее — не изображай невинность. Этот грубый, но меткий афоризм сейчас как нельзя лучше отражал его сегодняшнее положение. В голову лезли более мягкие выражения, например: назвался груздем — полезай в кузов. Или: снявши голову, по волосам не плачут. Он уже сидел в кузове, но делал вид, что его там нет.

Когда он вышел из ванной, в квартире была тишина. Обиделась и ушла. Ну и слава богу. Баба с возу — кобыле легче. Что-то его сегодня на фольклор тянет. А потому, что народные мудрости, они на каждый жизненный случай имеются. Надо бы выпить, сфокусировать, так сказать, мысленный взгляд на непростую ситуацию. Бомбить в ближайшее время нет надобности, так что трезвый образ жизни ни к чему. На полу стояла шеренга бутылок «Мукузани». В леднике лежала замороженная водка. Но он полез в шкаф, где стояла бутылка «Henessy», которую он берег для особого случая. Особенность нынешней ситуации состояла в том, что не было никакой уверенности, что этот случай наступит. И если он тоже в списке лиц, подлежащих чистке, как эта провинциальная девица, то лучше откупорить эту бутылку сейчас, чтобы, умирая от пули снайпера, не было мучительно больно от мысли, что в шкафу осталась непочатая бутылка французского коньяка, которую, скорее всего, выпьет бригада криминалистов, что будет осматривать его квартиру. Он достал бутылку, сорвал облатку, вытащил пробку, понюхал горлышко, втянул в себя коньячный дух. Знают же лягушатники толк в этом деле. Как-то ему начальник снабжения привез с родины три бутылки азербайджанского коньяка, который на поверку оказался коньячным спиртом. Он убрал его подальше с глаз, а через год наткнулся на него, открыл и попробовал, и это уже был молодой коньяк. Все дело было в выдержке. Где-то в недрах холодильника был лимон, так и есть, и он еще годен к употреблению. Нарезать тонкими ломтиками и засыпать сахаром, по рецепту его сиятельства графа Потемкина. Проделал все в точности, наполнил бокал до половины, поднес сначала к носу, затем ко рту и в этот момент услышал, как поворачивается ключ в замке. Дождался, пока появится гостья, сделал глоток и спросил:

— Ну и где же ты была?

— В магазине, не видно, что ли, — она потрясла пакетами.

— Может быть, ты решила ужин приготовить?

— Да, представьте себе, решила.

— С чего вдруг ты стала такой заботливой?

— Должна же я как-то отработать свое проживание здесь. Спать со мной вы отказались, так что буду искать другой путь к вашему сердцу, через желудок. Как говорится — любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Нестор улыбнулся.

— У тебя есть чувство юмора, вероятно, это свойственно людям твоей профессии. Самые жизнерадостные люди на свете, как ни странно — гробовщики, помнишь сцену на кладбище в Гамлете?

— Не помню.

— Впрочем, это неважно, постоянно имея дело со смертью, совсем по-другому относишься к жизни.

— Это не моя профессия, я не собираюсь заниматься этим всю жизнь.

— Это естественно, люди вашей профессии долго не живут, по понятным причинам. Ты и сейчас находишься в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Ты знаешь о том, что в мусульманском мире в средние века к свидетельству на суде не допускались моряки, так как считалось, что человек, плывущий по морю, находится между жизнью и смертью, поэтому его слово ничего не стоит. Тебя бы тоже не допустили к свидетельству.

— Перестаньте, пожалуйста, мне не нравятся шутки на эту тему. Я имела в виду, что сделаю это только один раз.

— Извини, уже перестал.

Гостья выкладывала продукты на стол.

— Может быть, вы в комнате посидите, — сказала она, — а когда будет готово, я вас позову.

— Ни в коем случае, — возразил Нестор, — я буду сидеть и смотреть. Это же так приятно видеть, как молодая женщина хлопочет на кухне, готовит для тебя еду. У меня этого давно не было, не хочу лишать себя такого удовольствия.

— Ладно, смотрите, мне не жалко. А что это вы пьете сегодня?

— Коньяк, хочешь выпить?

— Нет, и мне больше нравилось, когда вы пили вино.

— Вот как, почему же?

— Вы были добры ко мне, обходительны, не издевались надо мной.

— Я не издеваюсь, это тебе так кажется. Я говорю правду, а она тебе не нравится, в этом все и дело. Так ты, значит, и готовить умеешь, кто бы мог подумать, — протянул Нестор, наблюдая, как ловко гостья управляется с продуктами; она нарезала мясо кубиками, обжарила его на сковородке, на другой сковородке пассировала лук, разыскала в холодильнике заскорузлую банку томатной пасты, добавила в лук чайную ложку. Нестор не шутил и не издевался над ней, ему в самом деле приятно было наблюдать за ней. — Что ты готовишь?

— Мясо по-орловски.

— Значит, ты из Орла.

— Вот черт, прокололась, со мной только в разведку ходить, сразу запалю всех.

— Да ладно тебе. Снявши голову, по волосам не плачут. Я знаю о тебе более серьезные вещи. Я почему-то так и подумал, что ты из Орла.

— Это почему же, что во мне выдало орлянку, мой говор?

— Диалект здесь ни при чем, вся Москва говорит диалектами, коренных москвичей почти не осталось, все приезжие. В булошную уже никто не ходит, все ходят в «Перекресток». Когда-то я был в Орле, ездил с Курского вокзала. Ты приехала с Курского вокзала. Орел — было первое, что пришло мне в голову. Интуиция.

— В это я могу поверить, в интуицию я верю.

Нестор пил и закусывал засахаренным лимоном, долил еще, посмотрел на свет, как стекает со стенок маслянистая жидкость.

— Смакуете, — насмешливо спросила гостья, — или любуетесь?

— И то, и другое, хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, мне вчерашней рюмки хватило. Кстати, где вы сегодня обедали с заказчиком?

— Какое-то кавказское кафе, рядом с площадью Восстания.

— На Поварской?

— Да, кажется, это была Поварская улица, а что?

— Ничего.

— Но ты же не просто так спросила.

Вообще-то просто так, но теперь после вашего вопроса поняла, что не просто так. Интуиция. Это именно то кафе, где чаще всего бывает второй законник. Одно из предполагаемых мест отстрела, мы должны были поехать туда с вами.

— Отстрела, — повторил Нестор, — надо же, слово какое, прямо как у охотников, кабанов отстреливают.

— Вы что же, охотник?

— Охотник, но в теории, давно уже никуда не ездил.

— И оружие есть?

— Есть, у меня два ружья, ТОЗ и «Винчестер».

— А почему не охотитесь?

— Не с кем, компания была, развалилась. Один умер, второй спился, третий забурел. Друзей нет, а ходить одному по полям — последнее дело. Тоска, ни выпить, ни поговорить.

— А что, пить обязательно?

— А как же, ради чего, по-твоему, люди ходят на охоту, невинных зверушек стрелять? Нет. Чехова надо читать, у него все про это сказано. Послушай, спрашиваю из чистого любопытства, как говаривал незабвенный Остап Бендер. Значит, после того как вторая цель будет поражена, деньги поступят на твой счет. А что если ты сама не доберешься до этого вожделенного счета и все будет напрасным? Поймают тебя менты или бандиты грохнут, твой ребенок и денег не увидит, и матери лишится. Стоит оно того? Может, лучше остановиться, вряд ли они будут тебя долго искать. Начнешь новую жизнь, встретишь нормального парня.

— Я отработала на пятьдесят штук, — зло сказала гостья, — а меня развели, как лохушку, дали десять аванса и еще захотели убрать. Я им этого так не оставлю. Я выполню заказ и получу все деньги.

— Милая, надо быть реалистом, тебе с ними не совладать, какие бы слова ты ни говорила. Сила на их стороне.

— А правда на моей стороне, они не правы, третейский суд примет мою сторону, даже у воров есть правила. А что касается счета, то он номерной, пароль знаю я и моя мама. Даже если со мной что-нибудь случится, деньги все равно придут на счет, потому что заказ будет выполнен, и они будут потрачены на моего ребенка. И не надо мне ничего говорить про новую жизнь. Вернуться в Орел и жить на пятнадцать тысяч рублей в месяц — это, по-вашему, новая жизнь, нет, спасибо.

— Проблема в том, что, говоря о воровских правилах, кодексе чести, ты выступаешь

против воров, на стороне бандитов, а у тех нет правил, в этом ты сама убедилась. Но я умолкаю, извини меня.

Гостья удивленно взглянула на него.

— Что это с вами?

— Я не должен тебя поучать. Ты взрослый человек и сама знаешь, что делаешь.

Девушка пожала плечами. Она почистила несколько картофелин, разделила каждую на несколько частей и добавила в жаркое.

— Скоро будет готово, — объявила она, — минут через двадцать.

— Жду с нетерпеньем, — Нестор плеснул в бокал еще немного коньяка и встал из-за стола.

— Вы куда? — спросила гостья.

— Туда, — показал он в сторону комнаты, — ты же сама хотела, чтобы я ушел.

— Что-то вы поздно реагируете, это когда было.

— Увы, у меня английский склад ума. А по-русски — как я уже говорил — позднее зажигание, сам от этого страдаю. Мне кто-нибудь нахамит, а я реагирую, когда время уже ушло. Надо бы в морду дать, а я пытаюсь понять, зачем да почему.

— Разве я вам нахамила?

— Нет, это я в качестве примера.

— Почему юмор английский?

— У Джерома есть пассаж в романе, когда плывут трое в лодке. Один говорит, какая чудесная сегодня погода, через час ему отвечает второй, мол, погода дрянь. А еще через час третий замечает — джентльмены, перестаньте сориться. Пример не совсем удачный, конечно.

— Ничего, я поняла. Но это означает, что у меня еще есть надежда, — Нестор усмехнулся и пошел в гостиную, гостья сказала ему вслед: — Я хочу уехать из этой страны.

— Да, я помню. В Рио-де-Жанейро, где все поголовно ходят в белых штанах.

— В каких еще штанах?

— Литература не была твоим любимым предметом.

— Я давно уже ничего не читаю, что толку в этих книгах, вот спорт — другое дело.

— Напрасно, чтение полезно, оно расширяет кругозор, тренирует мозговую активность.

— Да я вроде неглупая.

— Нет, ты неглупая, у тебя врожденная смекалка провинциалки.

— Смеетесь надо мной? Я ведь обидеться могу.

— Не надо, не обижайся, в твоем случае это географическое понятие. А есть еще свойство натуры, так там безнадежно, не лечится.

— Я не в самом Орле живу, подальше. У нас работы нет никакой. В советское время было несколько фабрик. Так они все стоят, нерентабельны. Директора их сами банкротят и продают, а новые владельцы открывают торговые центры или дома строят на их месте. Моя мать всю жизнь отработала на заводе резинотехнических изделий, галоши выпускали в числе прочей продукции. Но кому сейчас нужны галоши, все в кроссовках ходят, завод закрылся, она осталась без работы. Работы нет, что прикажете делать? Только уезжать из этой страны. А директора сейчас живут в свое удовольствие, заводы приватизировали, считай, людей обворовали.

— Кому ты рассказываешь, я сам безработный, — сказал Нестор. — Да, не для нас принес Прометей огонь с Олимпа, для них.

— Как с вами тяжело разговаривать, — вздохнула гостья, — я вам про Фому, а вы мне про Ерему.

— Да нет, я тоже про Фому, только образно. Не готово еще?

— Вообще-то до ужина еще далеко.

В Берлине едят так поздно, что не поймешь...

— Да-да, — перебила его гостья, — слышала, только, в отличие от меня, вы сегодня обедали.

— Обедал, но мне кусок в горло не лез, кто знал, чем этот обед для меня обернется. Могли ведь яду капнуть в супчик. Сейчас эти средневековые методы снова в моде, — Нестор вернулся в кухню, допил коньяк и сказал: — Пойду пройдусь вокруг дома, разведаю обстановку, а ты давай хлопочи по хозяйству. Можешь пыль протереть, если проживание отработать решила.

Выйдя из подъезда, он постоял немного перед домом, кивая проходящим соседям, не заметив ничего подозрительного, двинулся вдоль дома по направлению к универсаму. Наивно было бы полагать, что сегодняшняя встреча с заказчиком была последней и на этом все закончилось, но просто сидеть у реки по примеру китайского философа и ждать развития событий было неразумно. Если они в самом деле решили

убрать девицу, то почему они должны оставить в живых его. Заказчик человек проницательный, не мог не понимать того, что он тоже не лыком шит и догадался, что за работу он выполнял. И если он до сих пор жив, возможно, только потому, что девица до сих пор не найдена. А он возможная ниточка к ней. Как только ее найдут, то сразу же последует его черед. А этот расклад несколько меняет диспозицию. И дернул же его черт согласиться на эту работу. С самого начала было очевидно, что такие шальные деньги просто так не платят. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Бомбил бы себе потихоньку, или устроился бы техником в ЖЭК, или, как они теперь называются, переквалифицировался бы в управдомы. Перспектива не очень, вот домик у моря — это да, и все поголовно в белых штанах. По всему выходило, что он связан с этой девицей крепче, чем хотелось, узы или кандалы. «Надеюсь, до последнего дело не дойдет. В тюрьме лучше отсидеть по молодости». Нестор зашел в магазин, купил букет роз и пошел домой, поглядывая по сторонам.

Улыбка гостьи с каждым разом становилась все приветливее.

— Давно не виделись, — сказал он.

— Целую вечность, — подтвердила она, — ужин готов, а я думала, что вы не вернетесь.

— Это еще почему?

— Не знаю, каждый раз, когда вы уходите, мне так кажется. Еще мне кажется, что вы уже пожалели, что связались со мной. Я права, только откровенно?

— Не стану отрицать, такие мысли меня посещают, то есть поначалу я был доволен, но затем все серьезно усложнилось.

— А вы решили, что делать?

— Еще нет.

— Тогда давайте ужинать. Жаркое уже готово. Кстати, а зачем цветы?

— Это тебе.

— Мне... вот зачем вы так со мной?!

Она взяла букет и скрылась с ним в ванной.

Приготовленное гостьей мясо оказалось на удивление вкусным. Нестора, собственно, трудно было удивить таким блюдом, он сам был мастак, за годы холостяцкой жизни поднаторел в кулинарии. Но приготовленное гостьей блюдо давало совсем другие вкусовые ощущения. Пока он ел, девушка не сводила с него глаз.

— Ну как? — не вытерпев, спросила она.

— Очень вкусно, — похвалил Нестор. — у меня так никогда не получалось. Поделишься секретом?

Она улыбнулась и покачала головой.

После ужина он объявил, что пойдет прогуляться перед сном.

— Куда опять? — насторожилась гостья.

— Туда, — Нестор показал на заснеженный пустырь, видимый из окна. Он начинался сразу за домами и длился до самой реки, за которой лежала Капотня со своими ужасными трубами, из которых валил белый пар, и одной трубой нефтеперерабатывающего завода, из которой, как из драконьей пасти, извергалось пламя, освещая окрестную промзону.

— Можно я с вами? — спросила гостья.

— Нет.

— Почему?

— Сама знаешь почему.

— А вы, когда выйдете, посмотрите по сторонам, потом позвоните мне, и я тоже выйду, через другой выход. Вы же сами сказали, что сегодня они вряд ли появятся.

— Мало ли чего я сказал, теперь я в этом не уверен. Кто знает, что у них в голове.

— Послушайте, из подъезда постоянно кто-то входит и выходит. В лицо он меня не знает. Внешность я изменила, постриглась, покрасилась, они меня узнают, если только я выйду из дверей вашей квартиры. Ну пожалуйста.

— Ладно, как хочешь, — согласился Нестор, коньяк сделал его сговорчивым.

Он оделся и вышел из квартиры. На этаже, у лифта было пусто, на всякий случай он выглянул на пожарную лестницу, там тоже не было никого. Он вызвал лифт и спустился на первый этаж. Постоял немного перед освещенным подъездом, затем перебрался в ночную тень, отбрасываемую домом. Через некоторое время во двор въехала машина, выхватив светом фар его одинокую фигуру. Это был видавший виды «Пежо»-универсал. Из него вышел человек с баулом, а машина развернулась и уехала. Нестор вытащил телефон набрал, номер и сказал: «Можешь выйти через парадный подъезд. Иди направо до пустыря. Я буду там». Дал отбой и пошел, огибая соседний дом.

Вдоль крайнего шоссе, отделявшего микрорайон от пустыря, были высажены деревья, он остановился под одним из них и стал ждать девицу. Погода была

безветренной, весь день шел мелкий снег. Но сейчас он прекратился. и небо очистилось. Видно, в небе бушевал ветер. Здесь на окраине города движение транспорта было редким, и асфальт успел покрыться белым покровом. Отсюда был виден подъезд его дома. Он увидел, как она вышла и направилась в его сторону. Шла скорым шагом, поглядывая по сторонам. Почему-то вспомнилось про радость первого свидания, что не волнует больше кровь. У него был собственный тезис на этот счет; преимуществом зрелого возраста было то, что, когда девушка не приходила на свидание, мужчина чувствует облегчение. Что за ерунда лезет в голову.

— Я здесь, — крикнул он, когда она приблизилась на достаточное расстояние. Она подошла и влезла ему под руку.

— Это обязательно? — спросил он.

— Так скользко же, — парировала девушка. — Куда мы пойдем?

— Туда, где нас никто не найдет, — он показал рукой.

— Что, прямо на пустырь? Там же темно.

— Не бойся, я там часто гуляю.

— Я не боюсь, вот еще, просто спросила.

Спустились с дороги по заснеженной тропинке, здесь были заросли молодого ивняка и прочих кустарников.

— Ничего не вижу, — сказала она, — ведите меня, Иван Сусанин.

— Эрудиция, однако, — одобрительно заметил Нестор, — ты делаешь успехи.

— Да ладно, — скромно ответила она, — школьная программа, где мне с вами тягаться.

Он взял ее за руку и вел, предупреждая о кочках и рытвинах. Здесь встречались небольшие водоемы, пустырь был местами заболочен. Когда они отдалились от дороги на изрядное расстояние, Нестор обернулся и посмотрел назад. Они находились в низине, в полной темноте, а в стороне лежал подсвеченный огнями жилой квартал. Отсюда хорошо было видно звездное небо. Он показал это гостье.

— Здорово, — сказала она, — мы ради этого сюда пришли?

— Из-за этого тоже.

— А еще из-за чего?

— Ты пить будешь? — спросил Нестор.

— А вы что, с собой выпить взяли?

— Конечно, — в руках у него появилась бутылка и маленький серебряный лафитник.

— А разве дома нельзя было выпить?

— Можно, но здесь другие ощущения. Это как с твоим мясом, я тоже хорошо готовлю, но вкус был другой, потому что ситуация была другой. С выпивкой тоже самое. Одно дело дома выпить, другое на пустыре под звездным небом, ставившим в тупик великого мыслителя. Важен критерий, понимаешь?

— Нет, — честно призналась гостья.

Вместо ответа Нестор стал декламировать:

Пространство, которому, казалось бы, ничего не нужно,
Нуждается сильно во взгляде со стороны, критерии пустоты,
И сослужить эту службу способен только ты.

— Это небо красиво, по-твоему? — спросил он.

— Красиво.

— Это ты оценила, ты критерий красоты этого неба. Пить будешь?

— А вы меня потом здесь не бросите?

— Зачем же мне тебя здесь бросать, я же не злая мачеха, не бойся, куда я теперь без тебя.

— Рада это слышать, ладно, один глоток.

— Отведай тогда из моего кубка, — Нестор наполнил серебряный лафитник и протянул ей. Она сделала глоток и вернула. — Это все?

Кивнула. Он допил остаток и убрал бутылку.

— А закусить? — спросила она.

— В полевых условиях не закусывают, луковицу я не взял.

— Почему луковицу?

— В армии мы часто луковицей закусывали, как Буратино. На бутылку портвейна скинемся, а на закуску не хватает. Помню, как-то коньяк закусывали луком.

— Могли бы чего попроще купить, и на закуску бы хватило.

— Практичная ты девица, молодец, хвалю. Коньяк кому-то прислали в посылке, в грелке, был такой распространенный способ. А денег у нас не было. Сколько лет твоему ребенку?

— Два года, а при чем здесь мой ребенок? Какая резкая смена темы, почему вы спросили?

— Я на этот пустырь приходил с дочкой, пикник устраивали, я шашлык готовил из свинины. Все выходные с ней проводил, в Москве нет такого театра, где бы мы с ней не были. А теперь она со мной не общается.

— Поссорились?

— Не то чтобы поссорились, я ее отчитал как-то, она фыркнула и ушла, с тех пор мы не виделись, вот уже пятнадцать лет. Я из-за нее от жены не ушел, пожертвовал собой, а она сейчас во мне не нуждается.

— Но вы же можете ей позвонить.

— Могу, но не звоню.

— А я была бы согласна, чтобы отец меня отчитывал, лишь бы он был со мной.

— Да, вот так и бывает. А кто отец твоего ребенка?

— Мы вместе учились в спортшколе, я пулевой стрельбе, а он пятиборью. Я забеременела в самый неподходящий момент. На первенство России надо ехать, а у меня токсикоз. Денег нет, работы нет, жили у его родителей. Он-то их сын, шляется где-то, вроде как по делам, придет вечером, поест с ними, а я весь день голодная, когда его дома нет, меня не зовут, типа пусть муж тебя обеспечивает, а сама из гордости не прошу, сижу в комнате весь день. Потом он поехал на заработки, на какую-то шабашку, а когда вернулся, я к нему в карман залезла. Никогда по карманам не шарила, а тут как почувствовала. А в паспорте штампик загса с какой-то проституткой. Мы же с ним не расписаны были. Не хочу рассказывать, пойдемте домой.

— Пойдем, — согласился Нестор, — только надо выпить на посошок, перед дальней дорогой.

— Да здесь же рядом.

— Все равно надо выпить, — Нестор достал бутылку, наполнил лафитник.

— Вы так много пьете.

— А что еще остается делать в моем возрасте.

— Может, вы алкоголик?

— Не знаю, вряд ли.

— Дома допьете, все равно уходим.

— Я когда пришел на завод работать, меня ребята позвали выпить после смены в раздевалку. Я удивился и предложил им пойти куда-нибудь, где можно посидеть, что за радость пить. стоя между шкафами. «Нет — сказали они мне, — ты ничего не понимаешь, самый кайф выпить именно здесь». Но они меня не убедили. А сейчас я думаю, что в их словах был свой резон. Я тогда не пил вообще, мне лет-то было двадцать всего. Твое здоровье, — пожелал он и выпил.

— Дома тоже пить будете?

— Обязательно.

— Я начинаю вас бояться.

— Что-то поздно ты спохватилась. Пошли.

При входе в подъезд Нестор выполнил все меры предосторожности. Оставил девицу в ночной тени дома, а сам поднялся в квартиру и уже оттуда, глядя в окно, позвонил и позволил ей войти. Остаток вечера провели перед телевизором, изредка обмениваясь короткими фразами. Он цедил «Henessy», а она остывший чай. Нестор продолжал делать мучительный выбор.

— Думаете, как быть дальше? — спросила гостья. — Можете не отвечать, это написано на вашем лице.

— С каких пор ты читаешь по лицам? — осведомился Нестор.

— Решайте, не обращайте на меня внимания, я не собираюсь на вас давить.

Нестор поднял на нее глаза. Она сидела в кресле и смотрела на него без улыбки. Эта строгость была ей к лицу. Теперь она не была похожа на подростка, какой он ее увидел и какой она была все это время в его глазах. Перед ним сидела молодая привлекательная женщина. Белоснежная рубашка с отложным воротником, нитка жемчуга на шее, модные драные джинсы. И приоделась неплохо.

— Почему они изменили условия контракта? — спросил он. — Неужели только из-за того, что ты промахнулась? Такое же часто бывает.

— А вы откуда знаете, вы что, специалист?

— В кино видел, книги читал, я живу с открытыми глазами. Я думаю, что дело не в этом, вторую цель, наверное, передумали убирать, может, договорились, решили какие-то вопросы. А на тебе решили сэкономить. Поскольку за тобой никого нет, ты человек случайный в этом бизнесе.

— Он мне так и сказал, мол, договорились, поэтому все отменяется, но я не поверила, значит, вы тоже так думаете.

— Да, я так думаю, если второй заказ сняли, а ты решила его выполнить, пошла против правил. Поэтому они решили тебя убрать.

— Против правил пошли они. Если сняли второй заказ, это их проблемы, мне они все равно должны заплатить вся сумму, но они мне даже половину не заплатили, тогда бы я еще не стала кобениться, но теперь я обязательно заказ выполню полностью.

Нестор покачал головой:

— Не могу поверить, что я так просто сижу и обсуждаю с киллером варианты убийства человека, до чего я докатился.

— Можно задать вам вопрос?

— Подними руку и задавай, — разрешил он. Она подняла руку и спросила.

— Скажите, только честно, почему вы отказались лечь со мной?

— Я не буду ничего объяснять.

— Вы считаете, что я вас использую, поэтому пошла на этот шаг?

— Я не буду ничего объяснять.

— А если я скажу, что люблю вас.

— С чего бы это?

— А вы считаете, что в вас нельзя влюбиться?

— Напротив, в меня влюбляются все женщины, с которыми я провожу продолжительное время. Просто момент неподходящий, странное совпадение, да и разница в возрасте, почти тридцать лет.

— Да хоть пятьдесят, мне все равно, вы библию читали, там разницы побольше бывают. Ладно, думайте обо мне что хотите, а я вас люблю.

Нестор закрыл лицо руками, а когда открыл, в комнате уже никого не было.

«Какой же ты кретин», — сказал он себе. Допил коньяк и пошел в ванную. Гостья стояла в кухне, не зажигая света стояла у окна и смотрела во двор. После ванной он оправился в спальню, лег. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть, поэтому и включил телевизор, без звука, просто смотрел на экран, где сменялись картинки. Он слышал, как закрылась дверь в ванную, донесся шум падающей воды. Его сердце колотилось, как после укола адреналина, он знал, что за этим последует, но не знал, как будет на это реагировать. Предчувствие не обмануло.

Она появилась на пороге комнаты в его халате, подошла и остановилась перед ним. Это была Сирена, но некому было привязать его к мачте.

— Пожалуйста, — сказала она, — не отвергайте меня. Может быть, вы последний мужчина в моей жизни.

Нашла единственные правильные слова, она не оставила ему выхода...

За завтраком он спросил:

— Как ты собираешься отслеживать перемещение второй цели? Как вообще это происходило?

Слово «цель» обезличивало человека.

— Мне приходили смс-ки.

— До сих пор приходят?

— Не знаю, я телефон выбросила, когда убегала, чтобы они меня не отследили, есть еще альтернативный канал информации. Но все места я помню. Это кафе, где вы обедали, он там регулярно бывает. А почему вы спрашиваете?

— Что я могу сделать для тебя?

— Так вы все-таки решили помочь мне?

— Да.

— Только не говорите, что это из-за прошлой ночи.

— Нет, но эта ночь была последней каплей. Твое самопожертвование произвело на меня впечатление.

— Значит, вы не верите, что я вас люблю.

— Скажем так, в моем возрасте было бы легкомысленно безоговорочно верить в это.

— А вы меня любите? — вдруг спросила она.

— Конечно, — без промедления ответил Нестор.

— А почему я должна вам верить?

— Потому, что ты молодая. Это логично, только давай не будем пускаться в дебри человеческих взаимоотношений. Скажи, что мне надо сделать.

— Спасибо, — сказала гостья, — я вам многим обязана, вы спасли меня. Разве этого мало, чтобы я вас полюбила...

— Об этом я не подумал, но довольно о чувствах, — остановил ее Нестор, — перейдем к делу. Каков план действий?

— К делу, — повторила гостья. — Мне нужно забрать чемодан с Курского вокзала, и мне нужно проверить место, откуда должен вестись отстрел.

— Отстрел, — криво усмехнулся Нестор.

— Отстрел, — повторила гостья. — Послушайте, я уже поняла, что для вас это

серьезная моральная проблема. Вы могли бы провести между мной и собой такую невидимую, но ощутимую черту.

— Не совсем понимаю, что ты хочешь сказать.

— Воспринимайте меня как женщину и только как женщину, разделяйте меня и то, что я делаю.

— Есть такая восточная мудрость, — сказал он, — учителя следует воспринимать, как осла, несущего ценную поклажу, поклажу следует иметь в виду, а осла нет. Учение следует иметь в виду, а учителя как человека — нет.

— Это как раз наш случай, только осла надо заменить на какое-нибудь грациозное животное, лань, к примеру. — подтвердила гостья. — На Курский вокзал я поеду с вами.

— Это рискованно, — возразил Нестор. — Ты выйдешь из дома в последний момент, в день Х.

— Но мне надо смотреть место.

— Значит, выйдешь два раза. На вокзал я поеду один. Чемодан сюда привезти?

— Везти не надо, только проверьте, там ли он, и оплату продлите. Сюда везти рано. Вдруг они нагрянут с обыском.

— Разумно, — согласился Нестор.

Из подъезда он вышел без опаски, сел в автомобиль, запустил двигатель. Но выезжая со двора, смотрел по сторонам. Маловероятно, что они будут пасти его на том же черном минивэне, но слежку за собой он способен распознать. На вокзал поехал совершенно нелепым маршрутом. Так в старые добрые времена московские жуликоватые таксисты возили доверчивых провинциалов, накручивая на счетчик лишний километраж. Вначале поехал в Марьино, через мост над Москва-рекой. Затем повернул в сторону Капотни. По этой дороге мало кто ездил, и слежку он бы сразу обнаружил, но никого не было. Тогда он ушел влево и через Люблино и Текстильщики по Волгоградскому проспекту поехал на Таганку. Слева лежал завод АЗЛК, в прошлом автомобильный гигант, ныне пришедший в упадок, как и вся промышленность великой страны. На одном из сохранившихся конвейеров киргизы-гастарбайтеры сейчас собирали автомобили «Рено», гордость градоначальника. А оставшиеся корпуса просто сдавались в аренду. Это было все, на что оказалась способна постсоветская власть. Банкротить и продавать либо сдавать в аренду имущество СССР. На Таганке он повернул на Садовое кольцо и вскоре уже въезжал на привокзальную площадь. Машину оставил на платной стоянке и смешался с толпой пассажиров. Камера хранения была все та же, что и в годы его молодости. Изменилась лишь цена хранения. Тарифы увеличились многократно. Он набрал код, внутри ячейки лежала дешевая дорожная сумка, а в ней чемоданчик «дипломат» или, как сейчас говорили — кейс. Довольно тяжелый. Все вокруг было утыкано камерами слежения, доставать его не имело смысла, тем более обозревать содержимое. Он задвинул сумку обратно и закрыл ячейку. После вокзала он зачем-то поехал на Поварскую, у пресловутого кафе повернул налево во двор, постоял там немного, разглядывая старый дом архитектуры, именуемой ныне — сталинский ампир. По слухам, здесь жил престарелый автор гимна Сергей Михалков. Очень удобно, как раз напротив усадьбы, где когда-то располагался Союз писателей СССР, а ныне союз писательских то ли содружеств, то ли сообществ, никогда не удосуживался прочитать надпись на вывеске. Дорогу перешел, и ты на работе. На старости лет его вновь, уже со скандалом выбрали председателем, хотя он уже с трудом перемещал свое бренное тело, и назначение это носило символический характер. В одном из подъездов шел ремонт, как раз в том, что был первым с угла. Там сновали замызганные краской работяги. Нестор развернулся, выехал со двора и поехал домой. При мысли о том, что его ждет девушка, он почувствовал сильнейшее волнение, у него вновь заколотилось сердце, как прошлой ночью. Это было плохо. Один из его старших товарищей, которому он жаловался на неудачный брак, надеясь на сочувствие, обычно отвечал — мол, сами виноваты, потому что, когда женишься, надо головой думать, а не... А ведь прав был старик. Вот и сейчас затягивает его омут страсти, а он и не думает сопротивляться. Средневековый эмир Кабус говорил: старайтесь не влюбляться под старость, в назидании своему сыну писал, чтобы тот не покупал рабынь, не утолив прежде страсти, ибо человек не способен трезво оценивать свои поступки, когда он подвержен желанию. Сынок, правда, в благодарность за отеческие советы отправил отца раньше времени на тот свет, заморозив его после бани. Что нисколько не умаляет ценность советов.

Гостью он застал за мытьем полов.

— Здесь мокро, — предупредила она, — наденьте тапки и проходите в гостиную, мне чуть-чуть осталось.

«Охмуреж продолжается, — подумал Нестор, следуя указаниям, — под сладкий лепет мандолины»

— Здесь когда в последний раз полы мыли? — строго спросила гостья. — До второго пришествия или позже?

— Примерно в это время, — подтвердил Нестор, — я все больше пылесосом пользуюсь. А мыть полы с армии ненавижу. Казарма метров восемьсот была или тысячу, и мы ее всю ночь мыли, вместо того чтобы спать.

Он сел перед телевизором, взял в руки пульт, но так и не включил его, так и сидел, задумавшись, перед экраном. Через некоторое время к нему присоединилась гостья, помахала перед его лицом рукой, убедилась, что он реагирует, и взяла из рук пульт.

— Ну как съездили?

— Сумка на месте, — ответил Нестор, в сумке кейс, а в кейсе, видимо, игла.

— Какая еще игла? — всполошилась девушка.

— В которой Кащеева смерть.

— Вы что, кейс открывали?

— Не посмел, там всюду камеры, хотя меня так и распирало от любопытства.

— Вы шутите?

— Именно так.

— У вас своеобразный юмор, не всегда можно понять, что это шутка.

— И что же в чемоданчике, снайперская винтовка?

— Да, с глушителем, классная штука, денег отвалила немерено.

— Откуда у тебя такая дорогая вещь?

— Какие-то ценности должны быть у человека в жизни.

— Твоя жизненная ценность — это снайперская винтовка?

— Ребенок, мама и винтовка.

— Как ты вообще на них вышла?

— Они сами меня нашли и предложили.

«Заткнись, — сказал себе Нестор, — ты опять ступаешь на скользкий путь моралиста».

— Затем я поехал на Поварскую.

— Вы поехали на Поварскую, зачем?

— Не повторяй мои слова. Уж коли я взялся за гуж, я должен знать, как организовать твой отход.

— Мне нравится то, что вы говорите, начинаю чувствовать себя защищенной, мне этого чувства никогда не хватало в жизни.

— Тома, как я тебя понимаю.

— Я не Тома, и что вы можете в этом понимать, взрослый, сильный мужчина.

— Видишь ли, я тоже вырос без отца, и мне знакомо это чувство, вернее, отсутствие его. Конечно, это не то же самое, что убивать и при этом чувствовать себя беззащитной от опасности, которая над тобой нависает.

— Зачем вы так; думаете, что я получаю от этого удовольствие? Оттого, что вы мне об этом говорите, мне только хуже становится.

— Не думаю, извини.

— Вы злитесь на меня.

— Нет, я злюсь только на себя, ты здесь ни при чем.

— Хотите чаю? — спросила она после долгой паузы.

— Да.

— И таблетку от гемикрании.

— Если только домашнюю гильотину, шучу, голова, как ни странно, не болит.

— Сейчас принесу, — она ушла и вскоре вернулась, держа в руках небольшой поднос, о существовании которого Нестор давно забыл; и где откопала? Чашка чая, розетка с нарезанным лимоном и другая с сахаром. Поставила перед ним.

— Балуешь ты меня, — сказал Нестор.

— Мне приятно за вами ухаживать, пейте на здоровье.

— А коньяк?

— Не рановато ли для коньяка?

— В самый раз. Омар Хайям говорил, что лучшее время для питья вина — это раннее утро. Сегодня никуда уже не поеду, неси.

— Ваш Хайям, видно, тот еще был выпивоха.

— Это точно, но, кроме этого, он еще был астроном — он создал звездные карты и календарь, который ненамного отличался от того, что мы сейчас используем; математик — он смог решить уравнение пятой степени, и еще он написал трактат о музыке. Хотя известен только благодаря стихам и пьянству.

Принесите вина — надоела вода.
Чашу жизни моей наполняют года.
Не к лицу старику притворяться непьющим.
Если нынче не выпью вина — то когда?

— А мы могли бы где-нибудь пострелять?
— Можно поехать на охоту, но это долго и хлопотно.
— А в тире, здесь есть где-нибудь тир?
— Стрельбище подойдет?
— Подойдет.
— Тогда собирайся. Когда я тебе позвоню, выйдешь и мимо детской площадки, поднимешься к универсаму, я туда подъеду.

Со всеми предосторожностями, по очереди из разных сторон они вышли из подъезда дома. Нестор выехал со двора и посадил ее на ближайшей автобусной стоянке. В багажнике лежало охотничье ружье. Через Братеево, они попали в Люблино, а там свернули направо и мимо Кузьминского кладбища доехали до стрельбища.

Стреляли по тарелочкам, которые выкидывал специальный автомат. Первым взялся за ружье Нестор.

— Неплохо, — похвалила гостья, — три промаха из двадцати выстрелов, — сама она не сделала ни одного промаха. Даже инструктор, наблюдавший за ними из укрытия, показал большой палец. — Тяжелое ружье, — пожаловалась она, — и отдача чумовая, на плече теперь синяк будет.

— Еще будешь стрелять? — поинтересовался Нестор.

— Достаточно, зря я это затеяла. Завтра не смогу руку поднять. Откуда у вас такое древнее ружье? ТОЗ-34, — прочитала она, — и еще слово — Э.

— Ну что поделать, я сам уже немолод, — вступился за ружье Нестор.

— По поводу вашего возраста я вам все уже сказала, не напрашивайтесь на комплимент.

— Поедем домой?
— Поедем.
— Можем поужинать по дороге.
— Хорошо.
— Как ты к суши относишься?
— Нормально, но к морю лучше.
— Очень смешно, но я про японскую кухню.
— Не знаю, не пробовала.

На обратном пути заехали в японский ресторан, который Нестор заприметил по дороге на стрельбище. Их встретила узкоглазая круглолицая официантка в черном шелковом халате, расписанном драконами, отвела к свободному столику. Приняла заказ и удалилась, после нее к ним приблизился узкоглазый круглолицый парень в кимоно. В руке он держал большой глиняный чайник, исписанный иероглифами. Он мастерски с высоты наполнил чаем чашки, лежащие на столе. Вскоре принесли заказ: деревянную дощечку с ассорти из суши, ролов, сашими и небольшой кувшинчик с маленькими чашечками, висящими на ручках.

— А это что? — спросила гостья.

— Сакэ — рисовая водка. Ты же не дала мне коньяку выпить, придется теперь японским самогоном давиться. Ты же будешь пить со мной?

— Нет, конечно, тем более водку, а вам тоже нельзя, вы за рулем.

— А мне теперь все равно, — сказал Нестор, — снявши голову, по волосам не плачут.

— Нет, вы так не говорите, мы должны быть законопослушными, чтобы не привлекать внимания.

— Быть законопослушными, чтобы иметь возможность совершить преступление — это оксюморон. На самом деле, это не водка, которая, согласно Менделееву, должна иметь сорок градусов, — это рисовая настойка, не крепче иного портвейна. Она хороша тем, что от нее почти не бывает похмелья, потому что ее пьют подогретой, а может, и не поэтому.

Гостья потрогала кувшинчик.

— Действительно, теплый, пить горячую водку — какой ужас, но я попробую, — неожиданно согласилась она. — Я из-за вас стала пить, какой, однако, вы соблазнитель.

— Мне есть что ответить на этот счет, но я лучше промолчу, — заметил Нестор. Он наполнил чашечки рисовой водкой и, пожелав девушке здоровья, выпил. Она последовала его примеру и задумалась, прислушиваясь к новым ощущениям. — Ну как? — спросил Нестор.

— Интересный вкус, — сказала гостья, — мне понравилось, но больше не буду, не предлагайте.

— Шарикову больше не наливать.
— Какому Шарикову?
— Ничего, это я так, ешь, — принесли суп под названием суимоно. — Видишь,

что значит разность культур, — сказал Нестор. — У русских сначала первое подают, а потом второе. А у японцев наоборот, хотя я в этом не уверен, может, это у наших официантов так получается.

— Они же японцы.

— Вряд ли, в этом ресторане если есть японец, то, возможно, шеф-повар, остальные корейцы или казахи под видом японцев. Если бы нас обслуживали японцы, то цены здесь были бы втрое дороже. А как тебе суши и прочие морские гребешки?

— Мне нравится.

Нестор пил сакэ, с улыбкой наблюдая, как она неуклюже пытается управиться деревянными палочками. Все было хорошо, на него накатила редкая безмятежность. Он был почти счастлив, если бы на периферии сознания не маячило понимание того, что эта идиллия, можно сказать, пастораль — скоро закончится. Как в рекламе арт-кафе, где Хулио Иглесиас поет про ностальгию, — она всегда убивала его своим трагическим финалом, женская фигура вдруг замирала и рассыпалась в прах, что, видимо, символизировало тлен и тщету этого мира.

— А хотите, я поведу машину? — предложила гостья.

— Ни в коем случае.

— Почему, я хорошо вожу, а вы выпили.

— Во-первых, я свою машину никому не доверяю, во-вторых, за рулем я трезвею. Единственный раз, когда меня лишили прав за езду в пьяном виде, был, когда я сидел рядом на пассажирском сидении. За рулем был мой работник, который вез меня пьяного домой. По дороге остановились у винного магазина, чтобы взять еще. Там к нам и докопались обычные менты, даже не гаишники, предъявите документы, а они в машине, чья машина — моя, значит, есть состав преступления. В протоколе написали, что за рулем сидел я, соврали, попросту говоря. С тех пор за руль я никого не пускаю. Так что, если ты больше ничего не будешь, поехали домой.

На следующий день он, как обычно, соблюдая все меры предосторожности, посадил ее в машину возле универсама и повез к месту действия.

— Голову не поднимай, лежи, как лежишь, — предупредил ее Нестор. — Странно, что за мной нет слежки.

— Да лежу я, лежу, — отозвалась с заднего сидения гостья. — А вы бы лучше не болтали попусту, еще беду накличете.

— Надеюсь, что нет, если до сих пор никто не увязался, значит, он мне поверил.

— Вы слишком хорошего мнения о людях.

— Это мне свойственно, вообще-то это положительная черта, но мне она в жизни приносила только одни убытки. Нас часто хватают за горло и предают наши собственные добродетели. Например, излишняя доверчивость лишила меня моей доли акций нашего завода. Директор сказал, что хочет защитить предприятие от рейдеров, для этого ему нужно собрать блокирующий пакет акций. Я отдал ему свой, формально продал по номиналу, то есть за бесценок. А он потом продал весь завод, и коллектив во главе со мной оказался на улице. Новый собственник распродал здания по частям, хотя поначалу обязался сохранить профиль производства. Что молчишь, могла бы хоть слово сочувствия проронить.

— А мне вас не жалко!

— Вот спасибо, а это почему же, позвольте спросить?

— Да потому, что я от этого далека, завод, акции; у нас на еду, на одежду денег едва хватает. Нам бы ваши заботы. Как говорится, у кого щи пустые, а у кого жемчуг мелковат. Страшно далеки они от народа.

— Ты права, — согласился Нестор, — не там я сочувствия ищу.

— А мне что, всю дорогу лежать?

— А что плохого, лежи, смотри в потолок.

— Меня укачивает.

— Ладно, садись, только незаметно.

— Это, извините, как?

— Уж постарайся как-нибудь.

Гостья приподнялась и села, слегка завалившись набок. В этот момент Нестор обратил внимание на БМВ, которая вслед за ним выехала из микрорайона на Каширское шоссе и теперь висела у них на «хвосте». Он заметил ее на светофоре, при повороте, но тогда решил, что это просто попутно едущая машина, ибо прогон от микрорайона до Садового кольца длинный, а шоссе одно. Но то, что машина вновь оказалась рядом в районе Тульской улицы, его встревожило.

— Сползи обратно, — сказал он, — возможно, нас пасут.

Гостья упала на сиденье, однако на площади Ленина Нестор повернул направо в тоннель, а бумер ушел в противоположную сторону, на Якиманку. Показалось. На

площади Восстания он спросил:

— Ты там не уснула?

— Уснешь с вами.

— Я сейчас поворачиваю на Поварскую, приподнимись, слева будет искомое кафе, а напротив дом, что тебе нужен, — он повернул, проехал мимо кафе и остановился напротив ресторана Дома литераторов. — Теперь выходи и занимайся своими делами, а я поверну в этот переулок и буду тебя там ждать.

— Это здесь вы обедали?

— Да.

— А мы можем там пообедать?

— С огнем играешь. А если заказчик приедет?

— Может, приедет, а может, нет. Я все варианты рассматриваю.

— Ладно, я буду ждать тебя там.

Гостья вылезла из машины и пошла в обратную сторону. Нестор огляделся. Швейцар в ливрее, стоявший на крыльце, сначала принявший их за клиентов, теперь потерял к ним интерес и отвернулся. Нестор проехал вперед и повернул направо в Трубниковский переулок. Здесь он припарковал машину, выждал немного и пошел в кафе. В это ранний час заведение было практически пустым. Он сел у окна, выходящего на улицу. У подошедшей официантки заказал довгу, два гутаба и два шашлыка из осетрины. Нестор думал увидеть гостью в окне, но проглядел, она сразу возникла у столика. Он в это время ел довгу.

— Вы уже кушаете, без меня, — укоризненно сказала она, — могли бы меня подождать.

— Это суп от похмелья, основное блюдо еще не принесли. Ты что пить будешь?

— Минералку, если можно.

— Можно, — Нестор сделал знак официанту, тот понимающе кивнул и исчез за распашной дверью. Вскоре вернулся с подносом, на котором были две тарелки с осетриной и бутылка минеральной воды.

— Как это вкусно, — воскликнула гостья, попробовав рыбу, — что это, никогда такого не ела!

— Осетрина на вертеле, пища богов, полей вот этим соусом, это гранатовый экстракт, нар-шараб называется.

— Как это вкусно, — повторила она, — и часто вы так питаетесь?

— С тех пор, как тебя встретил.

Она быстро расправилась с осетриной, спросила, указывая на кутаб:

— Это тоже мне?

— Тебе, свой я уже съел.

Она съела кутаб.

— Спасибо.

— На здоровье, еще что-нибудь?

— Нет, спасибо, я сыта.

— Тогда чаю.

— Чаю можно.

Нестор заказал чаю.

— Как у тебя все прошло? — спросил он у девушки и в этот момент увидел черный минивен, который припарковывался на противоположной стороне улицы. — Быстро уходи, — сказал он. — Это заказчик. Зря мы сюда пришли. Иди в туалет и сиди там. В женский он не сунется. Если я дам звонок и сброшу, ты выйдешь и сразу на улицу. Пойдешь направо через площадь. Там внизу зоопарк, погуляй там, пока я за тобой не приеду.

Гостья, не задавая вопросов, схватила куртку и ретировалась.

Официант принес чай.

— Вторую чашку убери, — сказал ему Нестор, — девушка не будет, ушла.

— Да пусть стоит.

— Нет, унеси.

Заказчик вошел в зал и сразу же увидел его. Нестор пытался понять, насколько искренне удивление на лице.

— Каким судьбами! — воскликнул он, приблизившись к столу. — Вы здесь один? — и огляделся.

— Один, — ответил Нестор, — очень мне понравилось здесь в прошлый раз. Присаживайтесь. Чаю хотите?

— Не откажусь, — сказал заказчик, с любопытством глядя на него. Нестор подозвал официанта и попросил принести вторую чашку. Официант неестественно улыбнулся, но промолчал.

— Как поживаете? — спросил Нестор, вытягивая из кармана телефон. Он дал

звонок и сбросил.

— Вашими молитвами, — ответил заказчик. Он сидел спиной к выходу, — если вам надо позвонить, пожалуйста.

— Ничего, я просто проверил, жду сообщения.

— Сообщение какого рода? — тон его был несколько глумлив.

— Я ищу работу, — ответил Нестор.

Официант принес вторую чашку и наполнил ее чаем. Заказчик спросил.

— Девица не объявлялась?

— В каком смысле, объявлялась?

— В прямом, звонила, приходила.

— С чего бы ей это делать?

— Ну, мало ли, кроме нас с вами, у нее в Москве нет знакомых. Если вдруг объявится, вы же дадите мне знать?

Вопрос был с подвохом.

— Это вряд ли, — сказал Нестор, — у нее нет ни моего телефона, ни адреса. И вообще я надеюсь, что все закончилось, если, конечно, вы опять меня не наймете.

— Вы не ответили на вопрос.

— Нет.

— Почему?

— Потому, что я не стукач, и меня это не касается.

— Ну что же, по крайней мере честно. Мне это по душе.

— Зачем ей понадобилось исчезать? — спросил Нестор. — Что произошло между вами?

— Почему вы спрашиваете, если вас это не касается?

— Из любопытства, можете не отвечать, вы правы, я не логичен.

— Я отвечу. Кто знает, что у нее в голове. Эти провинциальные молодые бабенки, они же все малахольные. Чего-то испугалась, запаниковала. Я сам виноват, не надо было вас отсылать, она из-за этого, видимо, занервничала и дала деру. Да ладно, проблем нет, объявится.

Нестор допил чай и отодвинул чашку.

— Я пойду, с вашего разрешения.

— Уже уходите, а то бы водки выпили?

— Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Он, не дожидаясь официанта, прошествовал к бару, чувствуя на спине взгляд заказчика, и там рассчитался. Выходя из кафе, повернул налево, проходя мимо окна, краем глаза видел, как заказчик говорит по телефону. Нестор бросил взгляд на минивэн. Водитель дремал за рулем. Дойдя до ресторана Дома литераторов, оглянулся, за ним никто не шел. Он свернул в переулок, сел в машину и провел там не менее десяти минут, пытаясь вычислить, кто из редких прохожих мог следить за ним. Затем запустил двигатель и поехал к зоопарку. Он спустился вниз по переулку до конца, затем повернул на Арбат и мимо Белого дома поднялся к зоопарку. Он все время поглядывал в зеркало, но в интенсивном потоке транспорта вычислить едущую за ним машину было невозможно. Однако кольнувшее сердце чувство тревоги не покидало его. Нестор позвонил гостье и сказал, чтобы она ехала домой на метро. Не слушая возражений, отключился. У зоопарка повернул направо по мощенной булыжником мостовой, поднялся на Садовое кольцо и вклинился в плотный поток. Перестраивался без необходимости, лавировал между машинами, чтобы усложнить задачу преследователям, буде таковые имеются. Он ехал домой. Гнетущее чувство, именуемое совестью, не давало ему покоя, как бы он ни старался от него избавиться. Анализируя, он говорил себе, что ничего не изменилось, как он обслуживал киллера, так и сейчас может это делать, не терзая себя. Раньше ему за это платили твердой валютой, а теперь он берет борзыми щенками. И нельзя сослаться на то, что, мол, раньше он не знал ничего, лишь догадывался. Но незнание, как известно, не освобождает. Знакомый адвокат рассказывал о случае из своей практики. Как некий таксист подрядился по часовой оплате возить парня по городу и был чрезвычайно этим заказом доволен. Ездили по разным адресам, клиент куда-то выходил ненадолго, возвращался, и они ехали дальше. Потом, когда паренька арестовали, выяснилось, что это был наркокурьер, он ездил по городу и делал так называемые закладки. Таксист не смог доказать, что он ничего не знал, а только возил его. И следователь прекрасно понимал, что водилу использовали втемную, однако ничего не помогло. Ему впаяли десять лет как сообщнику. Почему бы не посадить человека, раз есть такая возможность, все в копилку раскрытых преступлений, внеочередное звание, повышенный оклад жалования и так далее. Почему же он продолжал идти на поводу у этой девчонки? Не надо было спать с ней, возможно, что это был самый дорогой секс в его жизни. На кону теперь стоит его собственная жизнь. Надо будет сказать ей

об этом. Но если смотреть на эту ситуацию с другой стороны — возможно, и он сам приговорен, подлежит зачистке, говоря языком профессионалов, если это последняя женщина в его жизни, так же как и он у нее последний мужчина... Она хорошо это подметила. Последние любовники. И зря он терзает себя.

Вернувшись домой, он взялся готовить, чтобы отвлечься от тягостных мыслей. До вечера еще было далеко, поэтому он отказался от водки с коньяком в пользу вина. Откупорил одну из оставшихся бутылок. «Так что теоретически, — продолжал внушать себе, — мы уже ходим под статьей или Дамокловым мечом». И от того, что он проявит принципиальность и откажется в этом участвовать, мало что изменится. Все равно его посадят или убьют. Так почему же, как говорил Воланд, не переселиться в иной мир, проведя оставшиеся часы в любви и веселье. Опять же домик у моря, возможно, она даже пригласит его в нем погостить. Впрочем, это хрустальная мечта ее детства, не будем касаться ее своими лапами.

Гостья вернулась через час. Позвонила в дверь. Он открыл и спросил:

— У тебя же ключ есть, зачем звонить?

— Мало ли, — ответила девушка, — квартира чужая, и вдруг вы не один.

— Интересно, с кем же?

— Откуда же мне знать, может, с приходящей домработницей. Вы же не станете утверждать, что у вас никого, кроме меня, нет. Только про возраст не надо, ладно, — Нестор не успел ответить, как она задала новый вопрос: — Зачем вы меня на метро отправили, за вами следили?

— Не знаю, не уверен, на всякий случай, у меня было плохое предчувствие.

— Это был заказчик с вами?

— Да, и это была глупая и рискованная идея зайти в это кафе.

— Спорить не буду, но мне все равно надо было там осмотреться. А с заказчиком мы не знаем друг друга в лицо.

— Я думаю, что у него есть твое фото.

— Я сейчас сама на себя не похожа. А что вы готовите?

— Картошку буду жарить со свиными шкварками.

— Обожаю картошку со свиными шкварками. Вы уже пьете? Вино, это хорошо, мне нравится, когда вы вино пьете. Правда у вас голова после этого болит.

— Как ты узнаешь, в кого стрелять? — спросил Нестор.

Гостья вытянула из кармана фотографию немолодого мужчины, у него было обрюзгшее лицо, черные, видно, крашеные, волосы и тяжелый взгляд семитских глаз.

— Кстати, это произойдет завтра, — сказала она.

Конкретная дата взяла Нестора за горло железной рукой.

— Что произойдет завтра? — зачем-то спросил он, хотя все было ясно.

— Завтра у него там встреча, чего-то разруливать будут. Если повезет, с первого раза закончу.

— Откуда ты узнала?

— Есть еще один канал информации.

Все доводы, которые приводил себе Нестор, после этих слов рассыпались, как карточный домик.

— Я не могу в этом участвовать, — сказал он, — прости.

— Черт, зря я его вам показала. Вы что, его знаете, знакомый ваш?

— Совсем нет, я его не знаю, и вообще рожа малосимпатичная. Дело не в этом, я просто не могу, и все.

— Ладно, — она неожиданно легко приняла этот факт, — нет проблем, нет так нет, не парьтесь, я и так вам по гроб жизни обязана. Сама управлюсь как-нибудь.

— Послушай, — мягко произнес Нестор, — я атеист, но все равно скажу, не бери грех на душу, вернее, не усугубляй, один труп уже есть на твоей совести, долго отмаливать придется, не отягощай свою ношу.

— Не надо взывать к моей совести, — ответила гостья, — вообще-то мне все равно, что вы обо мне думаете, но на моей совести пока что никого нет. Того первого подстрелила не я, его снял кто-то другой, он дернулся раньше, чем я успела выстрелить. Видимо, был дублер, который меня должен был подстраховать, но почему-то выстрелил первым. Поэтому они мне ничего не хотят платить, но убрать уберут, если я не уберусь из страны, и это несправедливо. И вам, кстати, уготована та же участь, вы не задумывались над этим, мыслитель?

— Я думал об этом, — сказал Нестор.

Ему вдруг стало легко, словно он проснулся после ночного кошмара и понял, что все это ему привиделось, и, в действительности, ничего ужасного не произошло. Никакой казни не было, как грезил Понтий Пилат в своих мучительных снах.

— Возможно, и я у них на крючке, но то, что ты никого не убивала, это в корне меняет все дело. Зачем тебе кого-то убивать? Если с первым не получилось, значит, это

судьба оберегает тебя. Давай уедем вместе в твою Грецию. Дом можно арендовать, это будет проще и дешевле. Денег, что я получил, хватит на первое время, потом я найду себе работу, да и ты тоже. Что скажешь?

— Послушайте, я не хочу вас обидеть, — сказала гостья, — но как вы представляете нашу жизнь у моря? В наших отношениях нет перспективы, вы безнадежно стары для меня. Только здесь и сейчас, да, вы еще крепкий, но время безжалостная штука

— Время безжалостно, — согласился Нестор, — но еще безжалостней твои слова. А как же любовь, ты же сама сказала?

— Я люблю вас здесь и сейчас. Любовь приходит и уходит. Я сказала правду, простите меня.

— Я понимаю, не извиняйся, ты права, а я старый осел, возомнивший бог весть что. И все равно не делай этого. У тебя есть аванс, и я отдам тебе свои деньги. Уезжай в свою Грецию. Довольствуйся возвращением вместо добычи. Ты молода и привлекательна, встретишь молодого загорелого грека и будешь жить с ним в его белом доме у моря.

— Вы отдадите мне свои десять кусков? — поразилась гостья. — Вы это серьезно?

— Абсолютно, они мне не нужны, если бы я знал, за что мне заплатят, я бы отказался. У меня есть свои правила, свои принципы.

— Мне надо подумать над вашим предложением, — сказала гостья, — я вижу, вы картошку уже почистили, хотите, я сама ее пожарю?

— Если хочешь.

Гостья взялась готовить. Он некоторое время пил вино и наблюдал за ней. Вид молодой девушки, хозяйничающей на его кухне, несмотря на сказанные ею жестокие слова, доставлял ему удовольствие. Когда тебе под шестьдесят, ты уже не такой гордый. А то обстоятельство, что эта семейная идиллия скоро закончится, придавала ей еще большую ценность. Несбывшееся зовет нас, говорил Грин, и, тягостно спохватясь, мы плывем мимо его высоких туманных берегов, дорожа каждым днем.

Молчание становилось тягостным. Нестор искал тему для разговора и не находил ее, поэтому ушел в гостиную, прихватив с собой бутылку вина. То, что она так легко приняла отказ, несколько задело его. Он ожидал, что она будет просить о помощи, был растерян, поскольку не был уверен в правоте своего решения. В нескончаемом споре, который он вел с самим собой, находился один весомый контрдовод. Его могут убрать независимо оттого, будет он помогать ей или нет. Но хладнокровно участвовать в убийстве человека, пусть даже душегуба, он не был готов.

Нестор прикончил всю бутылку, но ожидаемой легкости бытия не обрел, а лишь великую тяжесть в желудке и пустоту в голове, как говаривал один из персонажей Александра Дюма. Его позвали к ужину, он пошел, думая, что если она станет просить о помощи, он согласится. Но гостья держалась индифферентно. Оттого что она молчала, он все больше злился на нее и на себя. Это было похоже на размолвку супругов, чего давно уже не было в его жизни. После ужина он предложил пойти прогуляться на пустыре, но она отказалась. Он ушел, сунув в карман початую бутылку коньяка, в ней еще была добрая треть.

— Хотите я вам закуску соберу? — предложила гостья.

Ему почудилась издевка в ее словах, взглянул ей в лицо, но оно было непроницаемым, хотя в глазах были какие-то искорки веселья. «Что ты задумала милая?»

— Спасибо, я закусываю только водку или самогон, — отказался Нестор.

— Вы и самогон пьете?

— Сейчас нет, а во времена студенчества и позже, когда была антиалкогольная компания, пил. Помнишь восемьдесят шестой год?

— Нет, конечно, мне в 86-м пять лет всего было.

Нестору вновь почудилась издевка в ее голосе.

Мы возьмем себе в жены девушек с глазами дикой лани,
А если мы девушки сами, то возьмем себе юношей в супруги
И не будем чаять души друг в друге.

На улице было морозно, под ногами скрипел снег. По новообретенной привычке, он огляделся, выйдя из подъезда. Посмотрел на свои окна. Уходя, он попросил ее выключить свет, чтобы наблюдатель не понял, что в квартире кто-то остался. Он прошел мимо соседнего дома, пересек шоссе и спустился на пустырь. Углубился в него настолько, чтобы увидеть плато микрорайона, самому оставаясь в темноте под звездным небом имени Иммануила Канта. Пить он не стал, так и стоял, грея бутылку у сердца, а когда начал замерзать, вернулся домой. Гостья сидела пред телевизором и переключала каналы, на которых шли бесконечные шоу. Он почему-то ждал, что она встретит его и прильнет. Язык тела говорит больше, чем слова, но она просто кивнула, когда он появился в гостиной. В руках он держал бутылку и коньячный бокал, он все-таки решил выпить.

— Чаю хотите? — спросила она.

— Можно, — согласился Нестор.

Она ушла и вернулась с подносом, на котором стояла дымящаяся чашка и блюдечко с дольками лимона. Сидели молча перед телевизором. Нестор пил коньяк, добиваясь легкости бытия. Он периодически заговаривал с ней, гостья отвечала односложно. В половине двенадцатого он спросил:

— Может быть, ты хочешь спать?

— Вообще-то да, — созналась она, — я устала.

Пожелав спокойной ночи, оставил ее одну. Посидел еще какое-то время в кухне, затем и сам пошел, лег на кровать. Нестор ждал, что девушка придет к нему, но она не пришла, и как ни странно, он почувствовал облегчение. Он не был готов сейчас к страстным объятьям. Не сейчас. Как уже было сказано — в жизни каждого мужчины наступает то время, когда он чувствует облегчение, если девушка не приходит к нему на свидание. Правда, сейчас это был не совсем тот случай. Нестор долго не мог заснуть, потом заснул и сразу же отчего-то проснулся. На часах была половина второго, время бесов. Остаток этой ужасной ночи он провел в таком странном состоянии полусна, временами впадая в какую-то дремоту, причем вполне отдавая себе отчет в том, что он лежит и мается. Гостья все-таки пришла к нему и спросила:

— Вы спите?

— Нет, — ответил он, — пытаюсь заснуть.

— Я просто хочу сказать, чтобы вы не мучились. Я отказываюсь от этой затеи. Вернусь к себе в Орловскую область и буду дальше прозябать в нищете. Так что ваша совесть пусть будет спокойной.

— Иди сюда, — сказал он ей, чувствуя, как невыносимая жалость к ней хватает его за горло.

Но она не ответила, повернулась и ушла. Он хотел пойти за ней, дернулся и пришел в себя, пытаясь понять, был ли это мираж или все происходило в реальности. Под утро его все-таки унес Морфей, он впал в глубокий сон, увидел себя стоящим на берегу моря в виду Парфенона, там был белый домик, сложенный из камня, Нестор снял с себя одежду, нырнул в воду и пробыл под водой так долго, что у него едва хватило дыхания, чтобы вынырнуть, потом он проснулся, жадно хватая воздух. Он лежал, растолковывая свой сон, затем вспомнил, как в Турции нырнул за камнем, видимым с поверхности, вода была такой прозрачной, казалось, до камня рукой подать, но когда он достиг дна, понял, что поступил опрометчиво и воздуха может не хватить, так и получилось, едва вынырнул.

Чувствовал он себя отвратительно, так бывает, когда нарушаешь главное правило пития не смешивать напитки. В молодости это не так страшно, но в его возрасте это было непростительно. Бутылка вина, и полбутылки коньяка... «Я свою дозу знаю, но разве же столько выпьешь». Нестор приподнялся и застонал, затылок словно был налит свинцом, мало того, этот расплавленный свинец растекался по всей его черепушке и пульсировал болью во всех висках. «Я взял три пистолета и выстрелил во все свои виски, Веня, как я тебя понимаю». В самый неподходящий момент он вспомнил, как отец, то недолгое время, что жил с ними, готовил дробь для патронов. Плавил свинец в столовой ложке и лил его в консервную банку, в дне которой было пробито гвоздем множество отверстий. Банку надо было держать над миской с водой. Тягучие капли свинца с характерным шипением падали в воду и мгновенно застывали. Нестор сел и не двигался, чтобы утихомирить молоточки в висках. Расул Гамзатов писал: когда проснешься, не вскакивай с кровати как ужаленный, подумай сначала над тем, что тебе приснилось. Участковый терапевт советовал не вставать сразу с постели, в пожилом возрасте это чревато головокружением и падением. Нестор осторожно встал и поплелся в ванную, надеясь не встретить девушку до того, как примет душ.

Ах, сколько раз, вставая ото сна,
Я говорил, что впредь не буду пить вина.

Омар Хаям, о мудрейший! Настенный часы показывали десять. Подивившись тому, что он так поздно проснулся, Нестор полез в душ. Одна из его бывших подруг, очень эрудированная особа, когда он с похмелья жаловался на самочувствие, обычно говорила: нет-нет, страдания Степы Лиходеева вам не превзойти. Надо было принять таблетку, он выглянул из ванной и, как был голый, прошел в кухню, где выпил сразу две таблетки, затем опять вернулся под душ. Подобное лечится подобным — учил Воланд несчастного Лиходеева. Нестор знал об этом еще до того, как в самиздате появилась рукопись Булгакова. Он вновь вспомнил соседа по коммуналке: «Похмелиться тебе надо, — говорил он, — а ты организм химией травишь, дай денег, я сбегаю». Эти лимитчики все почему-то были горазды на халяву. Он приезжал домой поздно после занятий на вечернем факультете института машиностроения и часто заставал на коммунальной кухне теплую компанию, соседа и его дружков. Вместо того чтобы позвать его за стол, всегда следовал один и тот же вопрос: сосед, когда нальешь?

Нестор повернул рукоятку крана, подождал, пока с него стечет вода, вытерся и вышел из ванной комнаты.

На этот раз тишина в квартире показалась ему странной. На часах половина одиннадцатого, дверь в гостиную все еще была закрыта. Не могла она так долго спать. Он осторожно открыл, предварительно постучав. На собранном диване лежали аккуратно сложенные постельные принадлежности. Нестор пошел в спальню, затем вернулся в кухню. Ее нигде не было. На столе лежала пачка долларов, которые он вчера положил перед ней при разговоре. Под ними белел клочок бумаги. Он вытянул записку, там было написано:

«У вас есть принципы, и вам не нужны кровавые доллары, а я, значит, беспринципная дрянь, которая их возьмет. Спасибо, я не привыкла к таким щедрым подаркам. Я заработаю их сама».

Тяжело быть одиноким в любви в час, когда заходят звезды — говорил звездочет. Звезды давно уже зашли, но тяжесть одиночества не проходит, она не зависит от звезд. Голова болела так, что думать было трудно. Где она, горемычная, куда направила свои шаги? Нестор стал варить кофе, надеясь, что он, или оно, ему поможет. Когда кухню наполнил запах свежемолотых зерен, ему пришло в голову посмотреть в окно на автомобиль. «Сааба» на месте не было. Первое, что приходит в голову владельцу — это угон, но «Саабы» не угоняли, они почему-то не пользовались спросом у угонщиков. Тогда Нестор проверил карманы куртки, ключей не оказалось. В самом деле, принципиальная девица, усмехнулся Нестор, деньги, значит, мы не взяли, по причине гордыни, а автомобиль угнали, какая избирательность.

Но нет худа без добра, поскольку он теперь не за рулем, можно на старости лет прислушаться к совету бывшего соседа по коммуналке и Михаила Афанасьевича — лечить подобное подобным. Коньяк он вчера прикончил, вино для этого дела не годилось. В морозилке лежала нескончаемая бутылка ледяной водки, как раз то, что надо для похмелья. «Сделаем это раз в жизни и посмотрим, к чему это нас приведет. Эх, не за то отец сына бил, что пил, а за то, что похмелялся». Нестор вытащил мгновенно запотевшую бутылку, а графинчик-то, подлец, инеем зарос. Булгаков еще советовал горячую закуску, но кто же сейчас будет готовить, довольствуемся малым. Он отрезал бастурмы, сыра наполнил большую хрустальную рюмку тягучей водкой и медленно выпил, чувствуя, как ломит зубы от холода. Нагибин, именуя этот похмельный процесс, употреблял глагол — осаживать. Бастурма плохо жевалась, и он заглотил кусок, аки удав. Наливая вторую рюмку, Нестор почувствовал, как боль отступает. И почему же он столько лет мучился, не прислушивался к гласу трудового народа. Он допил кофе, затем нашел запасной ключ от машины и вызвал такси.

На Поварской Нестор отпустил таксиста и пошел пешком. Долго искать не пришлось, свой автомобиль он обнаружил в переулке, на том же месте, где парковал его в прошлый раз. Но что делать дальше? Он решал эту задачу всю дорогу, но словоохотливый таксист молол языком, не давая ему сосредоточиться. На часах была половина первого. Он был пьян и голоден, две большие рюмки и крошечный бутерброд, кто же с похмелья осилит плотную закуску. Из ближайших точек общепита он знал только пресловутое кафе с кавказским акцентом, не раздумывая направился туда. Заказал суп-довгу, на этот раз горячий, и два гутаба с мясом, этим ограничился в смысле закусок. Поскольку головная боль стала возвращаться, он попросил принести ему сто пятьдесят грамм водки. Пить, однако, не стал, попробовал и отодвинул. Совковость все-таки не уходила из менталитета постсоветского человека. Даже в условиях свободного рынка бармены продолжали разбавлять водку водой. Скандалить, однако, не стал, не стоило привлекать к себе внимания. Попросил принести бутылку, не открывая ее. Это был «Смирнофф». Собственноручно скрутил колпачок, услышав характерный треск, вылил разбавленную водку, наполнил рюмку из бутылки и выпил, чувствуя на себе настороженный взгляд бармена. Кафе между тем наполнялось людьми, наступило время бизнес-ланча. Но один столик в глубине зала за резными деревянными решетками стоял пустым, на столе красовалась табличка с надписью — «резерв».

Нестор смотрел в окно на дом напротив и упустил момент, когда в кафе вошла группа мужчин, он услышал голоса, говорящие с характерным южным акцентом, повернул голову и увидел, как они усаживаются за резервированный столик. Сразу несколько официантов бросились обслуживать их, забыв об остальных посетителях. Лицо одного из кавказцев ему показалось знакомым, долго мучиться не пришлось, узнал и почувствовал холодок в сердце. Это был тот человек, которого показывала ему гостья, — суженый, как изящно окрестил приговоренного Набоков. Компания довольно громко переговаривалась, лишь иногда понижая голос. Говорили на каком-то странном языке, не похожем ни на один из трех закавказских языков, возможно на каком-то кавказском диалекте. В какой-то момент суженый встал и в сопровождении двух человек вышел из кафе. Нестор бросил взгляд на дом, проследил снизу доверху и

заметил в чердачном окне блик света, если это не был фантом, плод его воспаленного воображения. Он мог сделать одно из двух, либо предупредить жертву, либо помешать охотнику. В первом случае это было бы все равно что попытаться предупредить тигра, который в благодарность съел бы его самого, невзирая на благие намерения. Тем не менее, Нестор бросил деньги на стол, закрутил пробку на бутылке и сунув ее в карман, вышел из кафе. Однако перед входом никого не оказалось, по улице вдоль всего заведения были припаркованы роскошные иномарки, возле них терлись быковатые молодцы в золотых перстнях и наколках. Он сделал несколько шагов и увидел суженого, тот стоял в глубине двора Союза писателей в окружении людей и говорил с ними. Нестор пошел было к нему, но был остановлен двумя бородатыми кавказцами атлетического телосложения в кожаных куртках.

— Туда нельзя, — с непередаваемым акцентом сказал один из них.

— Почему нельзя?

— Ни почему, дорогой, просто нельзя, немного подождать надо.

Кричать отсюда: «Эй, вы мордатый, бегите, а то убьют», — было немыслимо. Нестор повернул обратно. Поднял голову и понял, что двор, где блатная братия вела свое толковище, находится на прямой линии огня. Более не раздумывая, он перешел дорогу, обошел дом с левой стороны и оказался во дворе. У крайнего подъезда стояли деревянные козлы, заляпанные белилами. До третьего этажа были подняты леса, но они сейчас пустовали. В просторном, что значит сталинская архитектура, подъезде тоже никого не оказалось. Он увидел дверь, ведущую на пожарную лестницу. Хотел вначале вызвать лифт, но затем пошел по лестнице. Он шел осторожно, выглядывая сначала на каждый последующий этаж, чтобы гостья его самого не пристрелила сгоряча. На последнем этаже на лестничной клетке увидел железные скобы в стене — лестница на чердак и открытый люк. Полез вверх, осторожно выглянул, здесь, как и повсюду, видны были следы ремонта, стояли ведра, лежали кисти, валики, инструменты для кровельных работ. Нестор влез на чердак, осмотрелся, пока глаза привыкали к полутьме, подобрал валявшуюся под ногами киянку, стал ногами на балку, которая шла через весь чердак, и, бесшумно ступая, пошел по ней, заглядывая в каждый отсек чердака. В одном из них он увидел мужчину, наклонившегося над лежащей девушкой. Он шарил по ее карманам. Не вполне осознавая происходящее, Нестор сделал несколько шагов к нему и обрушил киянку на его голову. Не издав ни единого звука, мужчина завалился набок, из рук его выпали ключи от «Сааба», Нестор подобрал их и сунул в карман. Из девичьей шеи, пульсируя, вытекала кровь. Он повернул ее сначала на бок, а затем на спину, невероятно, но с таким ранением она все еще была жива. Узнала его, силилась улыбнуться. Нестор сказал:

— Молчи, — обмотал платок вокруг шеи, пытаясь остановить кровь.

— По...жа...луй...ста, — раздельно, еле слышно прошептала она и обмякла.

Наклонившись над телом гостьи, Нестор вдруг вспомнил, как она спросила у него: «А у вас есть мечта, или в вашем возрасте уже поздно мечтать?» — «Не мечта, желание, — ответил он, — я хочу умереть на молодой девушке». Она еще возмутилась: «А о девушке вы подумали?» Бойся своих желаний, они исполняются самым причудливым образом. Ее безжизненные глаза все так же смотрели на него, и в них застыла ее последняя просьба. Как ни странно, но Нестор понял ее. Ее убийца был все еще без сознания. Нестор взял в руки винтовку и выглянул в чердачное окно. Суженого во дворе уже не было, он стоял на тротуаре возле «Мерседеса», отдавая какие-то распоряжения, собираясь сесть в него. Нестор прицелился и плавно, как учили в армии, нажал на курок. Суженый завалился внутрь лимузина, так что охрана не сразу поняла, что произошло. Сначала пытались помочь ему сесть, но когда он все же безжизненно сполз на землю, засуетились, забегали, поднялся крик. Нестор положил винтовку рядом с ней, закрыл гостье глаза и быстро пошел по чердаку в другой конец дома, моля бога, чтобы там люк тоже оказался открытым. Он спустился на первый этаж уже в другом подъезде, взял в руки испачканное краской ведро, большую маховую кисть и вышел во двор. Здесь он бросил ведро с кистью на землю, направился в глубину двора. Нашел слева проход в соседний переулок, повернул и оказался на Трубниковском. Он остановился, были слышны звуки милицейских сирен, по Поварской пронеслось несколько машин милиции и скорой помощи. Нестор достал из кармана бутылку и, запрокинув голову, сделал несколько изрядных глотков, совершенно не чувствуя вкуса.

— А что там случилось? — спросил его расхристанного вида прохожий, вожделенно взирая на этот процесс.

— Понятия не имею, — ответил Нестор, отдал ему водку и пошел в сторону Арбата.

Дмитрий СТРЕШНЕВ

МЕСТЬ НАННЫ

1

Всё было напрасно: великий бог Нанна не помог.

Напрасно принесли ему, синебородому, с головой быка, в жертву живого, настоящего, земного — хрипло мычащего — и мясную тушу его, умащенную благовониями, закутали в красную материю, погребли головой на запад.

Он, верховный жрец Энхенгала, сам выбирал животное, чтобы было сильное и красивое, с лоснящейся шкурой, с желтыми рогами и черным вздрагивающим загривком — достойное великого бога.

Но Нанна не принял жертвы, не смилостивился. Уже пробиты ворота, жестокий бой идет на улицах великого города Ура, и скоро Ур падет. Энхенгала видел с верхней площадки храма, как тяжелая пехота вероломного лагашского царя Эанатума — все солдаты в длинных накидках с густо нашитыми медными бляхами — неудержимо прочищают себе копьями путь ко дворцу.

Горе тебе, Эн-Шакушана, царь Ура! Тот, кто в посланиях лицемерно называл тебя братом, пришел уничтожить твой род.

Глядя с бесстрастным восковым лицом на то, как быстро редеют знакомые медные шлемы у дворца — будто злобный серп пробегает по колосьям; как отползают раненые, верховный жрец повторял шепотом, словно в царственных одеждах стоял на жертвоприношении: «Боги совершили это, а не я...»

Энхенгала решил погадать: в минуту смятения гадание всегда помогало обрести душевную силу, поверить в мудрость и справедливость богов. Он заколебался: бросить ли жребий, зажечь курильницу или налить в воду масло? Боги требуют, чтобы жребий бросала твердая рука, а дым капризен и неясен. Больше всего Энхенгала любил завораживающий бисер масла, после того как, упав в сосуд, распадается капля, покорствуя тайной могущественной силе...

Верховный жрец уже взял священный сосуд, когда над городом взлетел крик. Энхенгала понял: дворец пал. Пал великий город Ур!

Хранитель жилища бога Нанны, выпрямившись, смотрел, как исчезают во дворце Эн-Шакушаны лагашские солдаты, и тут дрогнуло под ногами от первого удара в двери храма.

«Боги совершили это...»

Великий бог Нанна, покровитель Ура, отвратился от города, от своего великого жреца и не помог. Горестно закричали люди, собравшиеся под защиту храмовых стен, когда рухнули двери. Всё сразу наполнилось шумом, голосами и суетой грабежа. Энхенгала на верхней площадке покорно ждал, пока к нему поднимутся шаги, и когда появившийся солдат с настороженным быстрым взглядом жестом покажет: иди!

Когда верховного жреца вывели на площадь, там уже стоял лагашский военный вождь — лугаль Ака — и важные чиновники царя Эанатума с алчным подобострастием что-то тихо говорили ему. Он, быстро перекатив огромные, черные — как у Энхенгалы — месопотамские глаза, вдруг резко приказал — чиновники и другие солдаты заторопились к храму.

Начинался ветер, который застилает небо красной мелкой пылью из пустыни. По площади залетали, закручиваясь, вихри мелкого сора. Боги гневались на Ур и показывали свою жестокую волю, потому что именно в это время вывели из ворот дворца его последних защитников и повели прочь — пробивать им головы по обычаю победителей. А следом выталкивали царских вельмож, слуг, рабов и женщин, и уже вынесли в мешке голову царя Эн-Шакушаны, чтобы срочно доставить ее вместе с радостной вестью в Лагаш.

Энхенгала стоял, и борода его билась на ветру, как умирающая рыба. Мимо торопливо несли из дворца вслед за головой Эн-Шакушаны его золотой царский шлем; золотые и серебряные арфы с головами священной коровы; чаши и сосуды: бронзовые из страны Арали, серебряные из восточной страны Мелухха, медные с острова Маган, алебастровые из Египта; несли доски для игры в кости, украшенные сердоликом и лазуритом; головные уборы из золотых листьев; венки в виде золотых цветов и золотые же туалетные приборы. Незаметно возникший писец, мелькая палочкой, быстро записывал всё взятое на свежей глине.

Несли ячмень в тугих мешках, масло в круглых кувшинах, шерсть и благовония.

И со двора храма тоже тащили зерно, и, погоняемый древками копий, оттуда вытрусил табун ослов, а самых упрямых лагашские солдаты с азартом кололи в обтянутые дымчатой шкурой зады.

Но сердце у Энхенгалы дрогнуло не оттого, что он видел, как разоряют храм. Налилось свинцом и помертвело в груди, когда из темного зева, украшенного красной мозаикой, чужие руки вынесли великого бога Нанну — синебородого, с головой быка и гордыми золочеными рогами, в пышных одеждах. С гневом и изумлением смотрел, качаясь, Нанна на непочтительную процессию и пыльную площадь вокруг, качалась его золотая тиара — и вдруг страшно сверкнули изумрудные глаза.

Великий бог покидал Ур, и город лишался его покровительства.

— А-а!..

Это закричал, почти завыл, словно от неизъяснимой боли, Энхенгала. Напрасно он обманывал себя: великий бог милостиво принял жертву, но недостойные жители Ура не смогли защитить его, и теперь Нанна гневался. И от этого гнева, упав на землю, царапал лицо, сыпал себе на голову прах Энхенгала — верховный жрец без божества.

Следом за Нанной солдаты вынесли прочий храмовый скарб; в их грубых пальцах скользили таблички с записями и кубики со знамениями, падали и скрипели под ногами, рассыпаясь обратно в сухую бурую пыль. Всё несли чиновнику, который бегло просматривал принесенное и отбирал нужное от ненужного. Он торопился докончить дело до вечера.

...Когда село солнце, кладовые и площадь были пусты. Великого жреца Энхенгалу к тому часу в покорной овечьей толпе других жителей Ура уже погнали в Лагаш, и он исчез, навсегда растворился в Истории. А курильницу, гадательные сосуды, палочки и кости, печати со змееголовыми львами, волшебными животными мушхушшу и кусарикку победители за ненадобностью бросили в ров.

2

Ранним сентябрьским утром 1987 года Денис Иванович Конопнов, сварщик из Пензы, работающий на 125-м контракте «Зарубежстроя» в Насирии, возвращаясь с ночной смены, увидел на земле непонятную штуковину. Денис Иванович сразу понял, откуда она взялась: вчера бригада Макасеева рыла траншею для силового кабеля, и там, возле траншейного отвала, она и лежала.

Конопнов наклонился и поднял странный многогранный кубик из твердой сухой глины, но, прежде чем опустить в карман, рассмотрел. На гранях были выдавлены квадратики, крючочки, рыбки, точки.

«Занятная штуковина, — подумал Денис Иванович. — Игрушка, небось».

Он догадался, что игрушка очень старая: рабочие на контракте часто находили затейливые черепки, глиняные обломки с закорючками, а кому повезет — непонятные цилиндрики с неуклюжими фигурками — словно ребенок развлекался. В этой стране где ни копни — везде так и лезет древность. Говорят, здесь везде жили древние люди, халдеи.

«Дочке», — подумал Денис Иванович и сунул найденную штуковину в карман.

Через некоторое время его нагнал Григорий Голованец, тоже возвращающийся со

смены (днем сварщики не работали — спали, стояла обычная сентябрьская жара — под 45 градусов в тени).

— Какие куришь?

Денис Иванович показал местные сигареты — не хуже дукатовской «Явы». Голованец с привычным нахальством потянул из пачки сразу две, как будто у себя в Черновцах на базаре стрелял «Беломор», а не заграничные, валютные.

— Нашел что-нибудь? Покажи.

Денис Иванович всё время поражался: насколько здесь, на контракте, все всё видят, всё замечают, почище, чем в деревне у его стариков. Если бы в один прекрасный день к нему подошли и спросили: «Что это ты сегодня ел? У тебя в желудке непонятное», — он, наверное, не удивился бы и обстоятельно ответил, что именно ел и почему.

Голованец взял штуковину, долго вертел и рассматривал, пока они оба шли к жилой зоне.

— Непонятное что-то, — наконец заключил он. — Я такой здесь еще не видел... Не-е, вру! Что я, ёксель-моксель! Петрович, бригадир, нашел такую же, халдейскую, в прошлом году, помнишь? — и вдруг двумя пальцами быстро сунул кубик обратно в руку Денису Ивановичу. — Точно! Через месяц его током убило. Бросил бы ты ее...

— Я дочке... — сказал Денис Иванович.

— Петровичу тоже советовали бросить. Черт ее знает, что у них тут за фиговины непонятные... — Григорий в последний раз затянулся, послал щелчком окурок и, с силой выдохнув дым, сказал: — А он уперся, как баран: занятная... Через месяц отправили на родину... в цинковом ящике.

Они вошли в жилую зону и расстались. Денис Иванович пошел направо, к себе на первый участок, а Голованец — на второй. На втором домики были лучше — югославские, с сильными японскими кондиционерами, а на первом — стандартные отечественные для Крайнего Севера, но без утеплителя, обшитые внутри деревом для прохлады. Бакинские кондиционеры плохо справлялись с местной жарой, и, наверное, от этого у Дениса Ивановича в последнее время бывала сильная тоска во всем теле. Все чаще, особенно на работе, стало на него «накатывать»: вдруг обезволивались мысли, в глазах вставал осенний туман, а из него выступала дымчатая опушка леса. Через секунду Денис Иванович уже видел себя бредущим под елями или через осинничек. Он разгребает, не спеша, прелые листья — и вот тебе, стоит грибочек... Денис Иванович даже вытягивал губы, словно удивляясь: н-н-ну!.. И тут же, очнувшись, видел, что грибочка нет, как нет и замшелого леса со сладкой российской гнильцой, а кругом только лысая высушенная земля, рождающая колючки. В такие дни — особенно когда манил и звал лес, а в груди что-то словно надламывалось, Денису Ивановичу являлась странная мысль: пойти к врачу Павлу Николаевичу Никольскому, рассказать всё: мол, так и так — и попроситься домой, в Пензу. Но он не пошел к от души скучающему над детективами и старыми журналами Павлу Николаевичу, потому что, во-первых, считал это нечестным — ведь на два года подрядился, а во-вторых, мечтал купить «Жигули»: ему и жене уже было тяжело таскать сумки на садовый участок. Вообще-то денег на подержанную машину хватало, но он хотел непременно новую. Однажды он поехал в Москву, в Южный порт на толкучку, долго отирался там, пугаясь непонятных разговоров и наглых физиономий, но даже прицениться не отважился: кто-то осторожный внутри всё время шептал: «Ой, надуют! Обманут! Всучат старую развалину, ржавый металлолом!» А цену копейке он знал.

И на предприятии очередь до него всё не доходила, давали по две машины в год, да и то — поощряли актив или начальство, а он не был ни тем, ни другим.

А еще он мечтал набрать на кооперативную квартиру дочке. На первый взнос надо было тысяч семь, а на машину — шесть. В чеках Внешпосылторга, разумеется.

3

Сосед Дениса Ивановича уже ушел, он гонял магирусовский бетоновоз, работал с утра до часу дня, а потом с пяти до семи.

Денис Иванович решил позавтракать — у него были хлеб, вареная курица и сгущенное молоко. Он открыл холодильник, долго смотрел на курицу, но аппетита не почувствовал. Поэтому он только попил чаю, еще теплого, заваренного соседом Юрой, и лег спать.

Сон у Дениса Ивановича был глухой и тяжелый. Когда он спал, очень редко приходили к нему лес и пензенская осень. Не снились почему-то даже газгольдеры, которые он сваривал здесь, в пустыне. Во сне всё было серое, пыльное, а в последнее время являлись какие-то люди с черными провалами вместо глаз и невообразимые звери: рогатые львы и козы с рыбьими хвостами. Потом набежала рябь, появилась река. Денис Иванович во сне понял: Тулва или Пизь. На свинцовой октябрьской воде лежал то ли

туман, то ли перый легкий ледок. Было серо и осенне, но Денису Ивановичу стало жарко, что-то противно липло к телу. «Напрасно фуфайку надел, — подумал он. — Еще бы морозцу... тонок ледок, тонок...»

И проснулся.

Он лежал на спине весь в поту; кондиционер-бакинец тарахтел и дул сильной, но теплой струей. Открыв глаза, Денис Иванович увидел спину своего соседа Юры Чуркина, который, сидя за столом, с аппетитом жевал — об этом говорили рука с ложкой и двигающиеся уши. Юра наверняка ел свое любимое блюдо: огурцы и маслины, накрошенные в йогурт — местный кефир — и всё слегка подсоленное. Блюдо это он увидел здесь в одной закусочной, когда возили в город. Присутствие Юры означало, что миновал час дня.

Денис Иванович полежал еще немного, вспоминая с сожалением холодую воду и ледок на ней. Когда их везли сюда, на контракт, автобус переезжал какую-то историческую реку, все ахали и совались в окна, а он так и не понял, почему: речка по советским масштабам выходила очень средняя, к тому же с тусклой какой-то водой и унылыми от засохшей полыни берегами. Одна только слава, что историческая.

Денис Иванович зашевелился и сел на постели. Юра тут же обернулся и отсалютовал ему ложкой.

— Как спал, Иваныч?

— Спал... — неопределенно отозвался Конопнов, чтобы не вдаваться в подробюности. Наверное, Юре речки не снятся, скорее, бабы или вообще ничего.

Чуркин повернулся обратно к миске, но вдруг его натренированное движение руки с ложкой остановилось, даже уши перестали двигаться. Глядя в окно, к которому был придвинут стол и через которое он мог наблюдать кусок улицы и подходы к их «корпусу №14», Юра сообщил:

— Тютюшкин идет. Принимай гостей.

Очевидно, Денис Иванович не ощутил большого энтузиазма при этом известии, потому что так и остался сидеть на кровати, пока не окрылась дверь и знакомый голос не сказал — почти прокричал:

— Наше с кисточкой героическому Уренгою!

Непонятно было, что имел в виду вошедший Тютюшкин: то ли что домики делались для севера, а попали южнее Кушки, то ли намекал, что Конопнов когда-то работал на знаменитом газопроводе. Такой уж был человек Тютюшкин — переводчик аппарата экономического советника — что не мог не сказать что-нибудь чудное, «сбрехнуть», как называл про себя Денис Иванович. Переводчики в основном ему нравились — ребята молодые, бойкие, не по-нашему чешут, знают, что где и почем. Как-то, когда посольство из-за какой-то местной перестрелки ввело строгий режим и из жилой зоны долго никуда не отпускали, переводчики тайком возили Дениса Ивановича, Юру и еще человек пять за двадцать километров на рыбалку на озеро, и с тех пор они понравились ему еще больше.

— Виталик! Какими судьбами! — неподдельно обрадовался Юра. — Дорогому гостю! — и показал рукой, приглашая к кефиру с огурцами.

— Посытней бы чего-нибудь, — сказал Виталик. — В животе голуби воркуют. С семи утра мотаюсь, третью сотню километров разменял, задница — как отбивная... — Тютюшкин на секунду задумался, как бы вспоминая те унылые, не дающие должной пищи его утонченному уму пейзажи, по которым он проезжал, но по его бодрому виду вряд ли кто-нибудь осмелился бы сказать, что он встал на заре и проехал почти четыреста километров. Он вообще был из тех людей, про которых Денис Иванович думал, что если бы его вдруг повели расстреливать, то он сначала бы расстроился, а потом все равно стал бы по привычке шутить, типа: мол, посмотрим, как там, в раю, что едят и пьют, мол — жалко, позавтракал, испортил аппетит, отправляясь в гости...

— Зачем в наши края? — спросил Юра. — Денис Иванович, а ты что сидишь? Вставай, гостя угощать будем.

— Привез к вам одного бугра из посольства, — небрежно, но со значением сказал Тютюшкин. — А с ним — Курицына из аппарата.

При словах «посольство», «аппарат» Денис Иванович всегда ощущал робость, правда, уважитиельную, он понимал, что так и должно быть. С неодобрением Денис Иванович замечал, что у некоторых никакого трепета не вызывали не только слова «посольство» или «аппарат», но даже «милиция» и «суд». «От этого мы и докатились до ручки такой», — часто думал, а порой хотел и вслух сказать Денис Иванович, но не говорил.

— И на кой ляд ты их привез? — спросил Юра, доставая из холодильника хлеб, лук, тушенку, а следом достал в тарелке курицу Дениса Ивановича и показал ему из-за Виталиковой спины, а Денис Иванович кивнул, и курица тоже со стуком села на стол.

Уму-разуму вас будут учить, в пять часов всё узнаете.

— Значит, работы вечером не будет? — догадался Чуркин.

— Пока не будет, — загадочно ответил Тютюшкин. — Будет в клубе собрание.

Денис Иванович наконец набрался сил и встал с кровати. Надев брюки, он вспомнил про кубик, и внутри зашептало: «Посмотри, посмотри!» Отвернувшись от Юры и Тютюшкина, он достал странную игрушку. Кубик, словно живой, то ли подмигивал, то ли улыбался. У Дениса Ивановича в груди начал таять ком. «Ишь, отпустило».

— Ну? Перекусим? — предложил Чуркин.

— Вот это сто-ол! — с нетерпеливым восторгом сказал не евший с утра Тютюшкин.

— Песня! — подтвердил Чуркин. Это слово обозначало у него высшую похвалу.

— Лучше и быстрей никакой бы Саваоф не сотворил, — похвалил Тютюшкин.

— Слышишь, Иваныч? — показал Юра мелкие крепкие зубы.

Но, как Саваоф, он чувствовал незавершенность своего творения.

— Под такой натюрморт... — сказал он выразительно. — Есть предложение...

— Нет возражений, — тут же согласился Тютюшкин.

— Па-а-аплодируем!.. — Юра наклонился, и из-за картонных коробок, в которые он складывал купленные вещи, легко и весело вылетела бутылка со светлой жидкостью.

— М-да, — сказал Тютюшкин. — Монополия Внешпосылторга перешла к мелкому производителю. Политэкономия этого шага пока неясна.

— Ага, — согласился Юра.

К словам Тютюшкина он относился, как некоторым песням: непонятно, но красиво.

В дверь размеренно и важно постучали. В домике воцарилось густое молчание, посреди которого бормотал кондиционер, а бутылку Юра столь же быстро и прицельно поставил обратно.

— Открыто!

В дверь быстро и ловко — чтобы не напустить жары — вошли сразу три человека. У двоих руки и лица имели кофейный оттенок, но у каждого в распахнутый ворот рубашки было видно, что загар кончается там же, где кончается шея. Третий был моложе — лет двадцати пяти — и светлее.

— Шура! — закричал Чуркин. — Заходи! — хотя Шура уже не только зашел, но и закрыл дверь. — Товарищ Абдюхин, — представил он одного из кофейных Тютюшкину. — Хороший человек. А это, — представил он вошедшим Тютюшкина, — Виталик, переводчик из центра.

— Оч-чень... — проникновенно пожал Тютюшкин руку вошедшему.

— Иван Ямщук, — представил Чуркин второго кофейного.

— Иван Ямщук, всеобщий друг, — с готовностью отозвался тот, невольно засматривая на стол.

— Оч-чень...

Третий чувствовал себя слишком светлым и несколько посторонним, но радостно улыбался, с готовностью разделяя всеобщее хорошее настроение.

— Это Федя, — похлопал молодого по плечу Абдюхин, — («Федор Круть», — поспешно уточнил тот). — Наш, тюменский. Только вчера приехал.

— А! — взгляд Юры наполнился теплотой и снисходительностью. — Салям алейкум!.. А дверь мы сейчас защелкнем... Купе занято!

— Ну, что ж, — сказал он, возвращаясь к столу. — Мы тут в честь приезда человека из центра... — снова совершился фокус с бутылкой, и улыбки стали еще шире и обаятельней.

— Прошу!

Расселись привычно и быстро на стульях, табуретке и тумбочках. Место молодого скромного Феди оказалось в углу у стены, где он едва шевелил одной рукой, будто параличный, и благодарно улыбался, глядя, как в стакан втекает жидкость с едва различимым нежно-розовым оттенком.

— Вообще-то собрание в пять... — вежливо кашлянув, сказал Абдюхин.

— У вас объявили уже?

— Ну!

— Ничего, мы немного. Выветрится! — легко успокоил сомнение Чуркин, тщательно отмеривая каждому поровну.

Очередь Дениса Ивановича была предпоследней, как одного из хозяев. Тот же осторожный, из-за которого он в 1985-м не купил машину на толкучке, вдруг запротестовал при виде знакомой самодельной жидкости, разлитой в стекло. Рука сама поднялась и накрыла стакан, и Чуркин замер над этой рукой.

— Иваныч, ну ты... того...

— Не по протоколу, — подсказал Тютюшкин.

— Мотор, что ли, барахлит? — поинтересовался всеобщий друг Иван Ямщук.

Денис Иванович вздрогнул.

— Вовсе не барахлит, — сказал он резко, даже с вызовом.

— Иваныч! — опять мягко укорил Юра.

— Что ты впрямь из-за пятидесяти грамм всеобщую совесть изображаешь? — подключился к хору Абдюхин, который уже нетерпеливо и ласково трогал свой стакан.

Денису Ивановичу стало тоскливо, он всю жизнь не умел идти против коллектива, тем более, за столом; и, осторожный внутри, вздохнул и замолчал.

Юра закончил операцию.

— За дорогих гостей... вздрогнули!

Все выпили, после чего Юра, шумно выдохнув, похвалился:

— Напиток — песня!

— Баяндуровская? — понимающе спросил Абдюхин, нюхая опустевший стакан.

— А то!

— Баяндуров хорошую делает, — подтвердил Ямщук.

— У Собакина лучше, — тут же не согласился Абдюхин. — У него тройной очистки, он уголь покупает в аптеке, не жмется.

От этих слов рот у Ямщука стал кривиться, пошел волной.

— Аптекарь! На стол как-то пролилось, я платком вытер, после посмотрел — ёксель-моксель! — а на нем пятна лиловые!

— Значит, он тебя другой поил, похужее, — уперся Абдюхин.

Юра Чуркин ловко прекратил дискуссию:

— На родине, небось, шуйского разлива пили — не морщились.

Скромный Федя Круть жевал хлеб и улыбался. Тютюшкин не дремал, выламывал курице ногу, так что сустав хрустел и стрелял.

— За что я вас, Юра, люблю в Иванычем — за то, что в Уренгое вашем всегда накормят и напоят. Другие в дождь воды не дадут.

Нога уже была откручена, и Юра счел возможным обидеться:

— Что ты нас всё — уренгоями? Заладил...

— Ассоциативное мышление, — с готовностью объяснил Виталик. — Вагончики-то ваши для северных широт сварганены, а я в тех местах не бывал, я только из газет про Уренгой знаю...

Денис Иванович загляделся, как ловко у Тютюшкина получается сразу жевать и разговаривать:

— ...В нашей заграничной жизни всякое бывает. Когда я работал переводчиком в Северном Йемене в порту Ходейда, туда прислали наш ледокольный буксир, утепленный, как полагается, и с паропроводами в каютах. Кэп был большой шутник. Если хотел команду вызвать наверх, просто включал отопление.

Все подивились и посмеялись, налегая на тушенку и лучок.

— У нас тоже случай... — сквозь еду, как сквозь вату, начал было Ямщук, но Чуркин уже снова разливал, и было просто невежливо отвлекать всех в такой важный момент.

— Ну, еще по одной, чтобы успело выветриться...

Опрокинули. После чего Абдюхин спросил:

— Виталик, а эти твои... Курицын с этим... другим — по какому делу?

— Поживете — узнаете, — заважничал Тютюшкин.

— О чеках Внешпосылторга скажут! — догадался Чуркин.

Тут же заговорили все разом:

— Чего там! Раз пресса взялась — наверняка ликвидируют!

— Вместо того, чтоб спекулянтов к ногтю, опять все на народе...

— В газетах вон такого понаписали: будто мы здесь даром огребаем, не горбатясь...

— Самих бы сюда, в жару! Это тебе даже не Кушка...

— Да кого это колеблет! Им, журналистам, прославиться нужно!

— У нас, мол, нет, пусть и у вас не будет!

— Я, мужики, решил: если чеки прихлопнут — тут же обратно в Союз. Что, я у себя в Тюмени — пять кусков не заработаю? Зато живу, как человек: семья, дети, рыбалка...

— Заработаешь, да шиш что купишь!

— У дипломатов выписка валютная, эту валюту мы государству зарабатываем, а нам — шиш!

— Читали: какой-то дурак в «Комсомолке» написал: почему, мол, нефтяникам в загранке чеками платят, а в Сибири — нет?

— Умники! Такие вот и дома с хилыми кондиционерами сюда гонят!

— Их самих бы сюда...

— На часок — когда электричество вырубают...

— На металле пожариться!.. Я в среду всю руку обжег...

— Вода — сплошной осадок из солей, за полгода почки съест!..

И опять Чуркин:

— Не-е, мужики, если чеки прихлопнут, я тут же — в Союз. Что я у себя в Тюмени — пять кусков не заработаю?

Дениса Ивановича от этих разговоров тихо знобило. Он уже тайно мечтал иногда, как с бирюзовой пачкой волшебных денег Внешпосылторга идет покупать «Жигули». Его встречает вежливая, симпатичная женщина. «Заполните, пожалуйста... Цвет? Цвет сегодня такой-то и такой-то... Бежевый? К сожалению, нет. Если желаете, зайдите в другой раз. Если у вас нет возражений против «белой ночи»... Справочка об источнике валюты у вас, конечно, есть? — Денис Иванович представлял, как она с любопытством читает страну, из которой он приехал. — Жарко там?» А он скромно негромко скажет: «К жаре-то можно привыкнуть, а вот — врачи говорят — для нашего северного брата солнечной радиации там многовато. Сварщик я ведь, всё больше под небом...» — и женщина проникнется, посмотрит с уважением. После этого мечты сразу уносили Дениса Ивановича прямо к будущей машине: вот она стоит рядом, покорная и сияющая лаком и никелем. И нет больше боязни, что в профкоме потеряют заявление, нет больше замирания от слухов: «Дали пять машин, две берут в резерв руководства, одна — совету ветеранов, а две — активу».

При мысли, что вежливой женщины из мечты, возможно, никогда не будет и вообще ничего не будет, а будут снова суета, собрания, споры и обиды и (в лучшем случае) пугающая деловитость автомобильной толкучки, Денису Ивановичу начало неприятно сводить левую руку, как от тяжелой работы. И морозить вдруг перестало, но прохватило потом.

— Ты что, Иваныч? — участливо спросил Юра. — За стол хватаешься...

— Не... это так...

Денис Иванович сам не понял, как у него в руке появился халдейский кубик. Кубик сразу нагрелся в ладони и катался там неострыми гранями.

Тютюшкин тем временем рассказал какую-то историю, от которой все засмеялись.

— А вот еще жена одного... — разошелся было Тютюшкин, но вдруг передумал и вместо продолжения сказал: — Давай, Юра, наливай по последней, что ли.

Выпили по последней и некоторое время молчали, сосредоточенно закусывая. Денис Иванович тоже выпил и, слегка разжав пальцы, посмотрел на кубик. Знаки на кубике показались ему теперь пугающе строгими, но не успел он этому огорчиться, как услышал голос Виталика:

— Иваныч, что это у тебя? — Тютюшкин уже наклонился к нему и бесцеремонно залез рукой в ладонь. — Что ж вы, уренгои, зажимаете находку?

— Сам впервые вижу, — сказал Чуркин.

Все полезли разглядывать, кубик стал нырять из рук в руки, и Денису Ивановичу это было почему-то неприятно.

— Где нашел? — спросил Тютюшкин строго, будто допрашивал.

— У траншеи.

— Для меня это все равно что на Марсе. У какой?

— Для силового кабеля.

— Ладно, разберемся... Давно?

— Сегодня утром.

— Отлично! — обрадовался Виталик. — У меня тоже несколько штучек есть настоящих, не поддельных. Теперь у вас поищу.

— У Петровича... — начал Ямщук и вдруг осекся.

— Такая же была, — многозначительно поддержал Абдюхин.

— Какая — такая? Что — была? — перекинулся на них Тютюшкин.

— Нашел такую же заразу вавилонскую. А через месяц отправили Аэрофлотом в ящике.

— Через неделю, — поправил Ямщук.

— Невелика разница. Я фильм по видику смотрел — «Аминь», там такая же история: нашли древнюю хреновину, а из нее какая-то зараза в человека вселилась. Одному вообще стеклом — бах! — и голову отщелкнуло.

Пока Абдюхин хвастался кругозором, Тютюшкин два раза закатывал глаза, словно ему вдруг стало плохо.

— Ну и темнота! Не «Аминь» — «Омен». Все фильмы перемешал. Вселилась — это в «Экзорсисте».

— Я и говорю, что вселилась, — упрямо сказал Абдюхин.

— А Петрович при чем? — возразил Юра. — Не кубик виноват, а всё по пьянке. Из гнилых фруктов сивуху гнал. Таз браги наварит, на огонь поставит, а другим накроет, чтобы готовый продукт стекал. С пьяных глаз подключился к сети. 350 вольт, милое дело!

— Это вопрос десятый: что пил да чем накрывал, — дипломатично ускользнул Абдюхин.

— А фараоны разные тебе снятся, Иваныч, ты сам рассказывал, — обличающе сказал Ямщук, и Денис Иванович должен был согласиться:

— Снятся... — хотя от этого разговора чувствовал какую-то тоску и почти физическое недомогание.

— Это после экскурсии в музей ему снятся. Кубик-то он только сегодня нашел, — объяснил Чуркин. — Иваныч — человек впечатлительный, а баб во сне смотреть по возрасту доктора запретили.

Тютюшкин слушал перепалку, и в глазах его вдруг словно проскочила искра.

— Иваныч! Подари ее мне. Береженого бог бережет, может, штука в самом деле опасная.

— Во! И мы говорим: Петрович нашел — его током хватило, а у мужика в кино голова — чик! — обрадовались Ямщук с Абдюхиным, и даже тихий Федя Круть поддакнул из своего угла: мол, даже в газетах пишут, как всякие науке не поддающиеся чудеса случаются.

Денис Иванович заволновался и задвигался, но упрямо молчал.

— Ну — продай, — предложил Тютюшкин. Он откинулся на стуле и с прищуром, с каким-то злорадным наслаждением стал выговаривать сочные слова: — Может быть, это фетиш из храма повелительницы подземного мира Эрешкигаль, супруги бога Нергала? Слыхали про такую? Ты, Иваныч, эту штуку в кармане носишь, а что о ней знаешь? А если ее хозяин — сам бог солнца Шамаш? Знаешь, какой он — в тиаре с золотыми пластинами? Да ты знаешь, что такое тиара? Твое счастье, а то бы так спокойно не сидел... А вдруг на этом кубике — имя хозяина смерти Намтара? А? Вдруг он тебе, Иваныч, будет мстить? Лучше уступи образованному человеку. Это вещь не для толпы, это вещь для жрецов...

— Жрецы — это которые здоровы жрать! — заржал Ямщук, и Юра и все остальные тоже прыснули, видя шалаш из куриных костей на тютюшкинской тарелке.

Не смеялись только сам Тютюшкин и Денис Иванович.

— Не... — сказал наконец Конопнов. — Она мне нравится...

— Вот чудак! — у Виталика даже покривился рот. — Я ему: брит, а он: стрижен... Ты, Иваныч, как девочка Маша. Ей говорят: «Какая это буква?» — а она: «Синяя»...

— Хо-хо-хо!..

Все снова засмеялись, но уже не ехидно, а весело.

— Ну, так отвечай, ничтожный человек из праха! — вдохновился Тютюшкин. — Или ты не боишься гнева быкоподобного бога Нанны с синей бородой и изумрудными глазами?

Он приставил пальцы ко лбу, как рога.

— Хо-хо-хо!..

Виталик презрительно скривился:

— А вы что ржете, плебеи? Вам этот высокий мир не понять. Думаете: парень принял на грудь — и не в себе? Мы все немного не в себе, только по разной причине. Вот ребята рассказывали: одна наша актриса была в Испании, вышла там замуж за графа и свихнулась от свалившегося богатства. А вы, если и сдвигаетесь, то от собственного свинства...

— Виталик, ты уж того... — дал Юра предупреждающий выстрел.

— Да я не о вас, я в общем, — горько сказал Тютюшкин. — На прошлой неделе на 108-м контракте двое до чертиков напились, один другому выбил зубы гантелью. Когда пришли за ним — он сидит, свой паспорт жует.

Эту историю выслушали, разинув рты. Абдюхин засомневался:

— Не может быть!

— Может... все может быть, — устало сказал Тютюшкин без своей обычной фанаберии, и все поняли: действительно, было, не привирает. — Везем его в аэропорт — в Союз отправлять, а он начинает психовать. Останавливаемся, бьем под дых — р-раз! — утихает. Еще километров десять едем — опять та же картина. Опять останавливаемся...

— А в аэропорту как? — спросил в искреннем удивлении Федя Круть.

— Как обычно. Укол сделали — стал как шелковый, собачкой за мной ходил.

— Бывает же такой наро-од, — вздохнул Чуркин.

— От солнца сдвигаемся и от выпивки, — сказал Абдюхин. — Солнце в башку печет, а пьем гадость.

— Культуры нет, как звери живем! — расстроился Ямщук.

— А куда начальство смотрит?

— При чем здесь начальство! В нас загвоздка, в самих!

— В каких таких самих! Ты мне создай условия, не нервируй, зря не дергай...

— А что делать, если жен не пускают!

— Так ведь стреляют кругом!

— Нет, все-таки, мужики... Был я тут у японцев на фирме одной. У них как-то по-другому...

— По-какому?

— Говорю тебе: по-другому?

— Их что — за колючей проволокой не держат?

— Для вашего же блага вас держат, — сказал Тютюшкин. — Автобус с буровиками на юге — слышали? — обстреляли непонятно кто. Два жмурика, сам отвозил. А еще двоих индийский доктор лечит. Так что сидите уж спокойненько за проволокой. Обстановочка в стране сами знаете какая, в чужом пиру похмелье запросто можно схлопотать.

— А! Не поймешь, где правда! — махнул рукой Абдюхин. — Лучше об этом не думать. Раз приехал сюда — молчи шибче лошади.

— Мужики, время-то! — опомнился вдруг Тютюшкин. Чуркин подтвердил:

— Просидели!

Ямщук, что сидел за Абдюхиным, тут же зашевелился:

— Шура, ты вылезай! Пора!

— Ничего, успеем... подумаешь! — бурчал Авдюхин.

Пока Чуркин делал обратнрое «ап!» бутылкой, а Федя Круть выбирался из угла, Денис Иванович наконец смог взять со стола свой кубик и спрятать его в карман.

4

Как только вошли в клуб, столкнулись с Панькиным, членом партбюро, который тут же начал говорить банальности:

— Ну, народ! Где вас носит? Никакой совести нет!

Абдюхин (как и Панькин — с третьего участка) сразу начал смягчать:

— Вась, ты что как неродной! Ну, начальники приехали... в первый раз, что ли?

Панькин тут же всё понял носом.

— Артисты! Дотерпеть до вечера не могли?

— Не могли, Вася, Иванычу вечером на смену.

Панькин посмотрел на Дениса Ивановича, будто за шиворот схватил, так что в груди у того что-то неловко повернулось.

— Ну, ладно, садитесь тихо сзади и держите аромат при себе.

— Просочимся без шороха и пыли!

Чуркин, Тютюшкин, Абдюхин, Ямщук, Денис Иванович и молодой Федя Круть прошли сквозь табачный воздух фойе, бочком пролезли в дверь и, отчего-то пригибаясь, как под пулями, прокрались в конец зала.

— ...в целом дали нашей стране около миллиарда прибыли в твердой валюте, — разносился голос с трибуны.

Когда сели — увидели, что это говорит заместитель секретаря парторганизации контракта Филимонов. В президиуме сидел, привычно выложив руки на стол, директор контракта Павел Матвеевич Усенко, рядом с ним оба зама, а кроме них, Курицын из аппарата экономсоветника и еще одно незнакомое начальство.

— ...Всё это, товарищи, является ощутимым вкладом в реализацию планов партии и правительства, в том числе, такой важной задачи, как продовольственная программа...

Начало было обычное и ничего не проясняло.

— ...Впечатляющие социально-экономические преобразования, намеченные руководством нашей страны, требуют от всех нас самоотверженной и качественной работы, неукоснительного выполнения в срок всех контрактных обязательств...

— Не о чеках, — догадался Чуркин.

— Третий звонок давно был? — хриплым шепотом лешего обратился Ямщук ни к кому конкретно и ко всем сразу.

Через некоторое время кто-то ответил:

— Минут десять...

— Ну, значит, сейчас до сути дойдут.

— ...К сожалению, товарищи, на нашем контракте складывается неблагополучная ситуация. Под угрозой оказались сроки монтажа оборудования. Вы знаете положение не хуже меня. Но о том, насколько положение серьезно и нетерпимо, говорит присутствие среди нас сегодня представителя посольства товарища Судакова.

Товарищ Судаков сжал губы в строгую складку и покивал.

— Товарищ Судаков просил проинформировать вас, что этот вопрос контролирует лично посол... — в этом месте Филимонов привычно сделал вескую паузу, но тут из среды собравшихся торопливо и с вызовом прокричали:

— А знает товарищ Судаков, по какой причине срываются сроки?

Все узнали голос прораба первого участка Жени Нечипурко.

Филимонов поглядел на Судакова. Судаков — на Филимонова.

— Да, товарищи, разумеется, и товарищ Судаков, и товарищ посол знают о задержках оборудования по вине соответствующих министерств и ведомств, из-за чего у нас время от времени случаются авралы. И посольство, и аппарат экономсоветника постоянно направляют письма и жалобы, в том числе в парткомы заводов, выполняющих заказы, но должного результата все эти меры пока не дают...

— А что партком может? — рассудительно сказали сзади. — У них там у всех, в Союзе, свои смежники-манежники...

— ...На этот раз нас также сильно подвело пароходство, грузы пролежали четыре месяца в Ждановском порту...

Эти речи и Женькин выкрик взволновали зал не больше, чем шум кондиционеров. Все уже привыкли, что поставки запаздывают: то виноват завод, то железная дорога, то пароходство, и концов было не найти. Полгода весь контракт знал, что оборудование плывет на теплоходе «Инженер Воропаев», и этот теплоход так долго не мог доплыть, что в представлении Конопнова он был старый, ржавый, тихоходный, с черными кудрями дыма над трубой. Денис Иванович догадывался, что это не так, но, наверное, все равно бы удивился, если бы увидел, что теплоход «Инженер Воропаев» вполне современный, с гордым носом, круто срезанной кормой и бездымной короткой пирамидой вместо трубы.

— ...Партбюро обсудило создавшуюся ситуацию и наметило ряд мероприятий, которые помогут нам войти в график после нескольких месяцев отставания в монтаже оборудования...

Какое-то магнитное поле задвигало головами в зале.

— Интересно, какие это чудесные средства открыли?

— Не средства, а мероприятия.

— ...И здесь, на этом собрании мы хотим посоветоваться с вами и обсудить...

— Он нам расставит все точки... над ё, — незлобно вставил Иван Ямщук.

— ...Предлагаем следующим образом. С тех участков, где дело обстоит благополучно, часть работниколв предлагаем перебросить...

— Опять всем народом телегу вытаскивать, мужики.

— А ты думал: халдейские заклинания для тебя нашли, чтобы гайки сами завинчивались?

— ...Вводятся также дневные смены на сварочные и монтажные работы, но, разумеется, исключительно из числа добровольцев... организуем завтраки и горячие обеды на местах...

Но тут речь Филимонова снова прорезал уже слышанный голос:

— А не жарковато ли будет?

— Во Женька разошелся, — заметил Абдюхин.

В президиуме снисходительно посмотрели туда, откуда вылетел голос, а Филимонов повторил:

— Еще раз напоминаю: исключительно на добровольной основе.

Вперед, заслонив полпрезидиума, выскочил человек, дергая коротко стриженной головой, вытянул руку и прокричал:

— У меня вопрос!

— Семенов, — безошибочно определил Абдюхин. — Тоже из... оппозиционеров.

Филимонов благожелательно подался вперед.

— Пожалуйста.

Семенов стал кричать, всё так же дергая головой:

— Мы здесь зарабатываем валюту! Много валюты! Почему мы не можем часть ее тратить на закупку материалов у западных фирм? Труб, например. Работы пойдут быстрей, и наш авторитет вырастет. Неужели проще тащить всё из Союза?

— Умник! — сказали сзади. — Умней минфина хочет быть.

Филимонов кивнул.

— Вопрос понятен.

И тут же в президиуме стал подниматься Курицын из аппарата экономсоветника.

— Разрешите, я отвечу. Подобные предложения уже вносились и на других контрактах. Но у нас есть централизованное указание, сейчас я вам зацитирую... — Курицын чуть замялся, напрягая административную память, и наизусть зачитал: — «Импортировать нельзя ничего, пока не будет получен положительный ответ: да, мы это не производим».

По залу волной прошло веселое оживление. Филимонов спешно сказал:

— Предлагаю вернуться к основному вопросу.

— Да что там, и так ясно! — крикнули справа.

— Нельзя работать, жарко! — крикнули слева.

Шум разрастался, и Филимонов стал в нем тонуть. Директор контракта Павел

Матвеенвич Усенко авторучкой зазвонил по графину, потом постучал по столу, наконец перегнулся через всех замов, достигнув головой Курицына и неизвестное начальство. После того как все трое пошептались, Курицын снова встал.

— Теперь предлагаю выслушать представителя посольства товарища Судакова.

Лицо у товарища Судакова было приятное: серьезное, но приветливое, у местного контрактного начальства ни у кого такого приятного лица не было.

— Я бы хотел заострить собрание на том...

Зал как бы вдруг поплыл по каким-то дурманящим волнам — так красиво и непривычно заговорил Судаков. Иногда никто даже не понимал толком смысла сказанного, но так ловко и складно всё было подогнано, что бесполезный мозг только удивлялся.

— ...Перестроечный процесс дает шанс подвести под любую область нашей работы общечеловеческий знаменатель. Сегодня в иерархии проблем право на свободу выбора выдвигается на одно из первых мест. Именно в этой сверчувствительной области...

— Как по газете шпарит, — с бодрой обреченностью заершился Ямщук.

— Он в каком ранге-то? Советник? — предположил Абдюхин, но Тютюшкин разъяснил:

— Больно жирно для вашей дыры. Первый секретарь.

— ...Разумеется, нам еще предстоит избавиться от многих диспропорций, дисбалансов и ассиметрий. Но, товарищи, уже сейчас нужен отказ от примитивного арифметического подхода к перестройке. Надо видеть и думать, так сказать, за горизонт. Конечно, руководство посольства прилагает и будет прилагать все усилия, чтобы мы не выдыхались в беге на месте...

— Это он о чем? — не разобрался Иван Ямщук.

— О недопоставках, — растолковал Тютюшкин.

— ...Но, отвергая укоренившиеся стереотипы, мы должны помнить: это не значит, что задвигается в тень трудовой энтузиазм...

По собравшимся вновь прошло шевеление, и зародился шум. Несколько голосов забубнили явно недовольно, но общий тон был спокойный: бемоль-мажор.

— Да что мы, в самом деле, мочалку жуем! В первый раз, что ли!

— Без авралов не могём.

— Опять отдуваться за дядю!..

— А что сделаешь?

— Всё равно придется.

— Всю жизнь так!..

— ...Вот, товарищи, мысли, о которых хотелось бы поделиться, — завершил Судаков.

Юра Чуркин тут же ощутил желание тоже сказать красиво:

— У меня сильное амплуа спросить его... — и вдруг крикнул: — А как всё-таки с предложением Семенова, чтобы у капиталистов покупать, если наши не чешутся?

Судаков улыбнулся страшно выразительно: сейчас пошучу.

— Обратитесь в Верховный совет.

По залу пролетел смех. Кто-то крикнул:

— Почему?

— А там всех их совесть лежит. В сейфе, — сказали сзади, но так, чтобы не долетело до президиума.

— Ну, что: считаем предложение принятым? — напряг голос Филимонов. — Возражения есть?

— Нельзя работать! — это снова вскочил и сел Семенов.

Судаков обернулся к Курицыну и словно включил его взглядом. Курицын с задором, жарко крикнул:

— А мы сейчас проверим, есть в народе сила или нет? Кто добровольцы?

Денис Иванович увидел, как впереди поднимаются руки.

— А в задних рядах? Или у вас ударники только впереди сидят?

Денис Иванович всегда серьезно относился к собраниям, к призывам, к словам о долге и рабочей совести. Он отчего-то вспомнил, как робел в ЦК на беседе перед выездом, хотя разговаривал с ним и с другими выезжающими какой-то благодушный старичок. Но вся эта цепочка: Пенза — Москва — ЦК — строгий пограничник в будке в аэропорту Шереметьево-2 — чужая страна, вызывала боязливое чувство, напоминающее трепет школьника перед завучем.

— Разумеется, никто не гарантирует, что жара вдруг спадет, — снова возник голос Судакова. — Но будут обеспечены прохладительные напитки и дежурный врач, — поднялись еще руки. — Ну вот! — поплыл тот же голос, уже более удовлетворенный. — Это подтверждает то, что...

Денис Иванович сам не понял, как поднялась его рука.

— Ты что, Иваныч! — услышал он тут же сбоку, от Юры. — Офонарел? Героиче-

скую молодость вспомнил?

Конопнов повернул к нему голову.

— А сам-то зачем поднял?

— Я молодой кобель, мне даже полезно, меньше лишних мыслей будет.

— Ну, что ж, товарищи! — кричал сквозь поднявшийся шум Филимонов. — Благодарим за проявленное понимание, разрешите собрание считать закрытым. Добровольцев прошу записаться в президиуме. Руководство контракта признательно всем вызвавшимся...

— «Низкий вам поклон с высокой трибуны!» — передразнил Иван Ямщук, в общей каше протискиваясь к выходу. — Лучше бы ты поставки организовал, чем языком перед нами шаркать.

— Да в чем Филимон-то виноват!.. — прорывалось из общего гула. — А посольству до фени... Брось, и с посольства стружку сдерут, ёжику ясно!.. Отчего да почему!.. Дело ясное, что дело темное...

5

Газгольдеры стояли, как храмы, в их недостроенных остовах низко и мрачно гудел ветер из пустыни. Но он не освежал. Наоборот: будто где-то открыли заслонку огромной печи, и веяло жаром. Зато небо было прекрасное: удивительно чистое и светлое. Денис Иванович всегда думал: если бы такое небо почаще в Пермь!

На маковке хранилища он варил узел дыхательной арматуры и газовую обвязку. Бока из новенького металла ловили солнце и иногда кое-где принимались сиять, словно на них зажгли бенгальский огонь.

Денис Иванович опустил щиток. «Углеродистая сталь... аустенитная сталь... резервуар шаровой на стоечных опорах, емкость пять тысяч кубов...»

Сколько он сварил их в своей жизни. Но эти, в пустыне, нравились ему больше всех. Как храмы.

Кто-то постучал Дениса Ивановича по плечу; Конопнов перестал варить.

Это был Григорий Голованец, работающий на нижнем поясе резервуара.

«Ишь, не поленился взобраться... За куревом», — определил Денис Иванович.

Григорий Голованец, помаргивая, смотрел скорбно и ряссеянно, как будто попал к Денису Ивановичу на макушку железного шара по скучной обязанности. Спросил как-то бесцветно и невпопад:

— Флюсуешь? Керамикой?

Денис Иванович вытер лоб и щеки, а потом мокрую руку — о рубашку, чтобы достать сигареты.

— А вот я как-то варил титан... вольфрамовой дугой, — задумчиво сказал Голованец, потом помолчал и, наконец, будто бы всё так же, для поддержания разговора, поинтересовался: — Что куришь? — Денис Иванович достал. — Дорогие куришь, — беря сигарету, значительно сказал Голованец, и было непонятно: осудил или похвалил. Он закурил от спички. — Тепло у тебя тут, на макушке, Иваныч. Нажаривает сильно.

— Нажаривает, — согласился Денис Иванович, ощутив, как, то ли от этих слов, то ли оттого, что металл уже нагрелся, потекло щекотно вдоль спины.

— Хотя, жара — она что! — опять занудно заговорил Голованец. — Жара и у нас бывает. Главная зараза здесь — радиация от солнца. Это штука вредная, — Денис Иванович покорно ждал, пока Григорий закончит. — Еще пыль мелкая. От нее, говорят, здесь лысеют... Сегодня хотели уже аварийную дамбу начать отсыпать, но Коля-профсоюзник настоял... — Денис Иванович кивнул, хотя ему было всё равно: будут сыпать дамбу или нет, ну и сыпали бы, и что? Может быть, начальство право: быстрей бы закончили. — Пойду я, — решился наконец Голованец, докурив почти до конца. — Маетно сегодня что-то...

Денис Иванович снова принялся за работу. Он привычно следил за швом, а голову, как водится, посещали разные мысли.

Дочка прислала неделю назад письмо, спрашивает, выходить ли за Николая или рано. Он ей так еще и не ответил. Против Николая с дипломом и усами он ничего не имеет, а все же боязно, тоскливо дочку отдавать. Чужой не сумеет ее так понять, как они с матерью...

«Кубик!» — словно вспыхнуло в голове.

Эх, едрёна-матрёна! Как же не догадался у кубика спросить!

Денис Иванович опять погасил трещащую звезду сварки. Он вынул кубик из тесного, липнущего к руке кармана и зажал в кулаке.

«Если та сторона, где черточки — пускай берет, была не была!» — и разжал.

Колдовской старинный кубик глядел на него весело, словно улыбался.

«Женись, Танька!» — озорно и громко подумалось Денису Ивановичу.

Он спрятал кубик. Стало как-то неудобно в теле. Денис Иванович разогнулся, подвигал поясницей. Но неудобство осталось, и отчего-то стало сводить левую руку. «Эхма, старый пень!»

Кубик вроде как подбодрил его, и всё же на душе опять стало неспокойно.

«Квартира Таньке!» — вспомнил он. Неужели отменят чеки-то? Виталик сказал, что газеты серьезно взялись. Это знак, мол...

Крабики стали щипать за сердце, а рука совсем одеревенела.

«Как же? Не может быть, чтоб вот так — работал-работал, и вдруг отменили!»

Другой голос сказал: «Может. Сколько уже всего отменяли»,

«Так ведь и ехал за тем... Квартирку дочке, хоть маленькую, и чтобы с женой пожить под конец, как люди, как в кино иногда показывают!..»

Другой — холодный — сидел внутри, горько и насмешливо молчал, и всё больше от него в груди леденело.

И вдруг закричало, прорвало: «Маши-ину! У-у... Да! Вот! Машину! Честно заработанную! Чтоб без очереди в сто лет, и чтоб не обмирать перед жуль... ль... льём...»

Денис Иванович понял, что ему плохо. Всё вокруг: сверкающие планетные шары газгольдеров и замечательное небо — виделись словно сквозь пыльное стекло. На киселных ногах, оглушаемый собственным дыханием, он пополз вниз по лестнице, где-то на середине вспомнил про кубик, прыгающей рукой еле достал, сжал, как последнюю надежду. Когда был уже в самом низу, под веками неслышно лопнуло, потекла тьма.

Денис Иванович успел в последнем луче поймать кубик и — спросил:

— Что ж ты? Предал?..

От этого вопроса кубик ожил, налился прозрачным светом, в нем стали переливаться неясные образы, мелькнул Тютюшкин, потом Филимонов, Курицын, львы с рогами и что-то совсем непонятное, страшное...

Денис Иванович с неуклюжей фамилией Конопнов неуклюже упал.

Первым подбежал Григорий Голованец и, сразу поняв, что дело серьезное, со страху выругался:

— Матерь Лютер Кинг!

Скоро со всех сторон уже набежала плотная куча, и, когда подоспели Филимонов и Судаков из посольства, Тютюшкину пришлось распихивать людей, чтобы он прошел.

Врач уже был здесь, разорвал на упавшем рубашку и, сопя, делал массаж сердца, заглядывая на торчащий на голове нелепым клювом щиток сварщика. Но почему-то было ясно: то, что лежало на земле, уже не являлось Денисом Ивановичем.

— Как это случилось? — строго спросил Судаков. — Кто видел?

Ему стали рассказывать, кто что видел, а он слушал, потом заметил что-то на земле и поднял.

— Это еще что?

— Это у него халдейский кубик был, — сказал сбоку Голованец. — Петрович, бригадир наш, такую же в том году нашел. Потом отправили бригадира в цинковом ящике после того, как током его... Дурная штука.

У представителя посольства были здоровая психика и твердый разум.

— Чепуха. Пить надо меньше, тогда током бить не будет.

Он положил кубик в карман.

— К несчастью берете, Никита Альбертович, — заметил Тютюшкин дрогнувшим от зависти голосом. — Даже страшно за вас.

В ответ он получил насмешливо прищуренный властный взгляд.

— Чем за меня попусту бояться, товарищ переводчик, потрудитесь срочно организовать перевозку... гм, пострадавшего.

Тютюшкин полез обратно сквозь толпу.

— Ну вот, опять всё на мне! — пожаловался он какому-то растерянному в панаме. — Вы помираете, а мне возить! Веселенькое дело!..

Михаил ВОСТРИКОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦА

В ноябре стало совсем кисло. Мало того, что погода в Москве глобально испортилась вслед за повсеместно теплеющим климатом... ну где это видано... ноябрь, а на улице дождь и лужи... мерзко, сыро, темно. Так ещё и совсем закончились продукты в холодильнике. А с ними закончились и деньги. И «милый друг» Вася Шестапёров больше не отвечал на её отчаянные и призывные звонки. «Ясно, к жене Вася вернулся, — грустно подумала Даша. — Он давно уже эту мысль носил в себе, я же чувствовала. И вот... Но ничего уже не поделать»

Волей-неволей, а пришлось ей лезть на интернет-сайты рекрутеров, искать работу. А работа уже была нужна. И чем быстрее, тем лучше... По сути, уже почти любая, куда и кем возьмут. После крайнего общения с известным московским издательством, куда она принесла рукопись своей чудесной «Лизы», над которой корпела долгими осенними вечерами, хитро заплетая сюжетные кружева, тщательно шлифуя описания и вырисовывая стильные чёрно-белые иллюстрации... Да-да, кроме прозы, она с детства рисовала и писала стихи. Но чудесной «Лизу» назвала не она, а её однокашница, редакторша в издательстве.

— Какое наслаждение словом, Дашенька... Настоящая русская культура. Почти Бунин, конечно, берём «Лизу»! — сообщила она обрадованной Даше. Но потом пришёл продюсер издательства, полистал рукопись и сказал просто:

— А где драконы, Дарья Владимировна? А гарем? А двенадцать продолжений за год написать сможете? Тогда тираж три тысячи, без аванса, двадцать рублей с каждого проданного по факту экземпляра и 5% роялти. Вам, как ветерану Куликовской битвы, 7%! Пойдёт?!

Нет, не пойдёт! И на том крайние иллюзии Даши и закончились. Жить только литературным трудом в России давно уже стало не-воз-мож-но! Не Советский Союз, чай, где пахнущие натуральной кожей корочки с золотым тиснением «Союз писателей СССР» открывали ей любые двери и давали всё — деньги, ненормируемый рабочий день, квартиру в «писательском» доме, автомобиль без очереди и много ещё чего. Вон они, валяются где-то в ящике стола без нужды.

— Ну а что я могу сделать?! — чуть не плача жаловалась ей редакторша после. — Теперь они, продюсеры, в издательствах главные. Рулят всем творческим процессом, писательские баллы и свои деньги высчитывают, а мы, редакторы, теперь так, для мебели. Того и гляди, поувольняют всех за ненадобностью.

«Чудес не бывает!» — повторяла и повторяла про себя Даша, листая страницы сайтов с разделами «Требуется». И вдруг...

Среди бесконечных «кассиров на кассу» и «менеджеров по продажам» в возрасте до... она обратила внимание на одно, показавшееся ей несколько странным объявление:

«Международная транснациональная корпорация приглашает на работу конвергенторов национальных языковых сегментов. Требования к соискателям: высшее гуманитарное образование по любой творческой специальности — литработник, педагог допобразования, актёр, художник, режиссёр и т.д. со знанием любого национального языка народов России. Пол и возраст — любой. Заработная плата — зависит исключительно от креатива и рабочих качеств соискателя вакансии. Подробное резюме с приложением копий творческих работ отправлять на адрес: Jobk@babbonatale.com»

Телефона или других вариантов связи в объявлении не было, только электронная почта.

«Хм-м! Я зачем-то понадобилась McDonald's? — грустно усмехнулась Даша. — Хотя вряд ли, зачем им там в их международной транснациональной корпорации наши писатели? Ишь, «конвергентор языкового сегмента», фраза-то какая! Знать бы ещё, что она означает?»

Она полезла в словарь. «К» — в лингвистике — один из звуков речи, в процессе исторического развития данного языка совпавших в одну фонему». Она дипломированный филолог, но в словарной статье толком ничего не поняла, хотя все слова были знакомые.

«Да чёрт с ним, с писательством, уже не пригодится, — подумала Даша. — А ведь вроде как я соответствую их требованиям...» А что, за её плечами литинститут имени Горького, три изданных «в бумаге», а потом ещё и дважды переизданных книжки лирической прозы, сборник стихов, несколько рассказов и повестушек в литературно-художественных журналах-«толстяках», крымско-татарский язык в совершенстве... Это у неё осталось ещё со времён работы в ташкентском литературном журнале на крымско-татарском языке «Йылдыз». Пять лет она ему отдала как редактор «детских» рубрик, занимаясь своим любимым делом. Читала детские письма, отвечала на них, писала смешные стихи и рассказы, весело было... Аяз Деде — это Дед Мороз по крымско-татарски. Тогда она ещё была молода и счастлива!

А потом... Сломался СССР. Первого мужа-капитана вместе с ней, Дашей, и его ракетной частью вывели из жаркого Узбекистана в холодное Забайкалье... он начал пить... и она, не выдержав, уехала к маме в Москву.

Да чем она рискует?! А ничем! И Даша нажала кнопку «отправить» на своём письме с её шикарным писательским резюме с приложениями. И тут же забыла про него, продолжая выискивать другие вакансии, более ей понятные.

Но буквально через минуту почтовая программа звякнула, ей пришло письмо: «Ваше резюме получено, о результатах его рассмотрения мы Вам сообщим в ближайшее время. С уважением, международная транснациональная корпорация Babbo Natale».

Но это же по-итальянски Дед Мороз?! Она помнила, у неё была такая детская викторина в «Йылдызе» — Санта Клаус в США, Кыш Бабай у татар, Дед Мороз в России, Зюзя у белорусов, Баббо Натале в Италии, Отец Рождества в Англии, Пер-Ноэль во Франции, Папа Ноэль в Испании, Вайнахтсман в Германии, Дядо Коледа в Болгарии, Дед Микулаш в Чехии, Мош Джерилэ в Румынии, Телапо в Венгрии, Джед Мраз в Боснии и Герцеговине.

И впрямь, из любопытства набранный ей на клавиатуре сайт www.babbonatale.com был на итальянском языке и украшен изображениями итальянского зимнего волшебника во всех видах — на санках, среди детей, с оленями и т.д.

«Видимо, какой-то предновогодний розыгрыш», — уныло подумала Даша. Но тут...

Почта опять звякнула. Пришло письмо следующего содержания: «Уважаемая госпожа Дарья Владимировна Титова! Ваше резюме рассмотрено. Предлагаем Вам прибыть в офис московского филиала корпорации для обсуждения конкретных условий Вашей работы на позиции конвергентора крымско-татарского языкового сегмента, завтра, в 14.00 по адресу: Москва-Сити, башня «Федерация», офис 42/1. Руководитель Сектора конвергенторов языковых сегментов российского филиала корпорации Галина Микулашевна Сынягурка, вн. тел.: 4-97».

Чудеса?! Да какие там чудеса! Мало, что ли, она собеседований проходила? И всё ведь впустую...

* * *

Но на следующий день бесшумный лифт мгновенно вознёс Дашу на сорок второй этаж огромного небоскрёба в самом центре Москвы, и первое, что бросилось ей в глаза в большом и современном офисе с множеством сотрудников — длиннющая стена, вся увешанная детскими рисунками с надписями на разных языках. «Ах-х!» — только и смогла она выдохнуть... И сразу нахлынуло! В её ташкентском кабинете было так же. Ну, конечно, в гораздо меньшем масштабе, но от этого не менее близкое и любимое.

Чудеса?!

— ...Да какие там чудеса, любезная Дарья Владимировна, что вы... голимый бизнес! — объяснила встретившая её госпожа Сынягурка, моложавая красавица-блондинка средних лет со старомодной длинной косой и ногами. — Ваша задача — внимательно вычитывать приходящие Деду Морозу письма от детей на крымско-татарском языке, в вашем случае — Аяз Деде, готовить креативные ответы на них, приветствуются стихи с картинками, и выдавать своё заключение относительно состава подарка и заданий в его уплату адресатом — стихи наизусть, песни, танцы и т.д. Далее, заполненная и подписанная вами форма уходит нашим комплектаторам, и в итоге специально обученный в театральном институте «Аяз Деде», трезвый и пунктуальный, принимает

у адресата плату и вручает ему красиво упакованный подарок перед самым Новым годом. Всё!

— А в чём же бизнес?

— А бизнес, дорогая Дарья Владимировна, в том, что детские подарки производят множество конкретных производителей по всему миру. И они, предоставляя нам эти подарки без ограничений, ещё и очень неплохо нам платят по факту их широкого распространения в целевой детской аудитории с условием сохранения на изделиях всех фирменных этикеток и торговых знаков. Это новогодние рекламные бюджеты этих компаний. В общем, чем больше вы подарите крымско-татарским детям подарков конкретного производителя, тем ему лучше. И нам, кстати, тоже. Это всё учитывается в компьютере. Со списком имеющихся подарков, а это тысячи постоянно пополняемых наименований, вы можете ознакомиться на нашем сайте в закрытом разделе для сотрудников. Свой аккаунт и пароль получите позже.

— А почему же наш сайт на итальянском языке?

— Это всё «зеркала». Просто сайт на домене www.дедмороз.рф сейчас барахлит, его чинят программисты, и мы временно пользуемся итальянским «зеркалом». Филиалы и, соответственно, «зеркала» сайта корпорации с национальными наименованиями Деда Мороза есть в каждой стране мира. Дети везде одинаково ждут от него подарков на Новый год и пишут ему письма.

— А если придёт письмо от взрослого человека?

— Ну и что?! Так часто бывает! В этом случае проявляйте гибкость и креатив. Так, если взрослый крымский татарин попросит у Аяз Деде в подарок себе на Новый год «Мерседес», подарите его ему... но в виде красивой коробки с макетом автомобиля. Ведь новогодний подарок от Деда Мороза — это не средство обогащения или выживания, а свидетельство явленного чуда, небесной радости, не более. Но и не менее...

Работа, как видите, с плавающей нагрузкой по году. В декабре густо, все работаем без выходных, а летом пусто, длинные отпуска. Хотя, например, у китайского языкового сегмента всё по-другому, там Новый год наступает в конце января. Да-да, китайцы живут не только в Китае, в России их тоже хватает. Монголы празднуют Новый год в конце февраля, иранцы в марте, иракцы и мьянмцы в апреле, эфиопы в сентябре, гамбийцы в октябре, гавайцы и йеменцы в ноябре. И у всех есть дети, которые пишут письма с просьбами Деду Морозу. Так что скучать нам не приходится. Конкретно ваша месячная заработная плата будет состоять из нескольких неравных частей: постоянная с авансом 50%, который вы получите уже сегодня, написав заявление о приёме на работу; доплата за количество подаренных вами подарков; премии от производителей и ещё много всяких доплат, надбавок и премий — за креатив, за литмастерство и т.д. Конвергентор национального языкового сегмента вашего уровня и квалификации у нас получает примерно ...сот тысяч рублей. Плюс вам будут доступны различные льготы — бесплатные билеты на любые новогодние представления и мероприятия с участием Деда Мороза; по одному бесплатному подарку каждого наименования; на работе — бесплатное питание в нашей столовой по новогоднему меню, вкл.: колбасные нарезки, красную икру, популярные салаты «Оливье», «Крабовый», «Мимоза», «Селёдка под шубой» и «Винегрет», мандарины и др. фрукты, шоколад, сладкая газировка и пр. Ну, вы с этим меню, конечно, знакомы. Кроме спиртного. Брать с собой его можно, но употреблять только дома, лучше в отпуске. Остальное узнаете в процессе... Приступать уже завтра, в 8.30, работы сейчас очень много, Новый год на носу! Ну как, согласны? — резюмирует встречу милейшая Галина Микулашевна.

И тут Даше становится как-то не по себе. Чудеса?! Вот и не верь в них после такого! Да какие там чудеса... Просто так случайно совпало!

— Д-да, я с-согласна, к-конечно!

* * *

И с этого момента жизнь Даши превратилась в рай. Естественно, как его понимают люди творческих профессий.

Теперь с раннего утра и до позднего вечера она читала, сочиняла, улыбалась, хохотала, придумывала, рисовала, лакомилась мандаринами с икрой и «Селёдкой под шубой», обильно одаривала крымско-татарских деток всем подряд. И при этом совсем не думала о деньгах. Они теперь просто у неё были в том волшебном количестве, которое позволяет любой нормальной женщине о них постоянно не думать. Надо — взяла! И если это не рай, то что тогда рай вообще?

Пару раз ей звонил бывший «милый друг» Вася Шестапёров, но она даже не подняла трубку. Всё! Поздно, свободен, на фиг не нужен, ибо бросил её в трудную минуту.

Она теперь даже не шла на работу, летела. А потому, что там:

«Селям алейкум, азиз къартбаба Аяз Деде! Манъа зовут Джамиля Гафарова.

Манъа 8 лет. Я хорошо учусь во втором сыныф. Я умею танцевать народный крымскотатарский оюн. Подари мне джаным къокълу Барби, она мне очень нравится».

«Селям алейкум азиз Джамиля! Мектюп алгъаныма твоему письму. Вот и посмотрим на твой оюн, я очень люблю на него смотреть. И ещё покажешь мне свой дневник с хорошими къоймакъ. А за это я подарю тебе не только къокълу Барби, но и её доста Кена и двухэтажный хане, где они живут. Корюшкендже, сенинъ Аяз Деде!»

И роспись Аяз Деде во весь лист на специальном бланке, она сама их придумала и нарисовала. Та-ак! Ещё заполнить и подписать форму для комплектаторов — Барби, Кен, их дом, мебель, машина...

Следующий!

И с этой своей лучшей в мире работой... у неё, видимо, произошёл какой-то эмоционально-гормональный взрыв. Глаза заблестели, а кожа подтянулась. Лет пять ушло на минус, точно!

Дома она в декабре практически и не бывала. Так, только переночевать. Во-первых, декабрь, пик рабочей нагрузки. А во-вторых, корпорация постоянно держала несколько номеров в местном Novotel ****, естественно бесплатных для задерживающихся на работе допоздна сотрудников. Очень удобно!

А коллеги-конвергенторы... Со многими она уже познакомилась. В основном это женщины, но есть и мужчины — моложавые, симпатичные, умные, образованные, воспитанные, спокойные, интеллигентные, вежливые, креативные, начитанные... непьющие. Просто замечательные мужчины! Она и не знала, что такие ещё существуют. И один из них, Олег Павлович Сорокин, разведён, в недавнем прошлом редактор детского литературного журнала «Соколенок» на лезгинском языке в Дагестане, начал за ней ухаживать. А она и не против... Он даже подрался с Васей Шестопёровым, который как-то вечером всё же выпас её у подъезда на своём чёрном BMW X5 и бросился драться, увидев их, мирно идущих под ручку от метро.

Настоящие чудеса!

Конец января. Великий Устюг. Резиденция русского Деда Мороза.

Перед красивыми коваными воротами выстроились разнообразные транспортные средства: серебристые автомобили — кабриолеты; сани-розвальни с медвежьими полостями и впряжёнными в них тройками лошадей; обычные санки с одной лошадкой, оленем или осликом; роскошные снегоходы Sky Doo, большие трёхколёсные велосипеды и даже одна садовая четырёхколёсная тележка.

За длинным столом сидят все национальные Деды Морозы России. Проходит очередное заседание совета директоров российского филиала международной транснациональной корпорации с множеством названий, но единой по сути.

В повестке дня заседания:

1. Утверждение результатов празднования прошедшего Нового года по версии русского царя Петра I, то есть первого января.
2. Планы на следующий Новый год.
3. Разное.

Результаты уже утвердили, планы наметили. По пункту 3 докладывает Сынягурка Г.М.

— Галю-Галичка-Сынегурочка, короче! — кричат ей уважаемые старшие коллеги в расшитых шубах и валенках. — Кого одарить, кого наградить... и в трапезную, есть уже охота!

— Вот список на одаривание по результатам работы! Принимаем сразу списком? Хорошо! Один случай особый... Новый, вернее, новая конвергенторша по крымскотатарскому языковому сегменту Дарья Владимировна Титова. Да-да, ваша, уважаемый Аяз Деде... За месяц — детская книга весёлых новогодних рассказов на крымскотатарском, книга стихов и рисунков... будем передавать их в наше издательство, в следующем году разложим по подаркам, если останутся. И самих подарков крымскотатарским деткам она зарядила в три раза больше обычного.

— Это да, пришлось нам пошевелиться, пока всё развезли и вручили, — улыбается в усы тюркский волшебник Аяз Деде. От остальных Дедов Морозов он отличается национальным синим кафтаном, кожаными сапогами вместо валенок и своеобразной шапкой. Ездит на тройке лошадей.

— Какие предложения по Титовой?

— У неё там вроде «вторая молодость» нарисовалась... Минус пять лет!

— Коллеги! Давайте уже не будем жмотиться для нашего лучшего сотрудника. Двадцать утверждаем? Единогласно! Галю, доченька, сынягурочка, впиши Титовой минус двадцать лет в список на одаривания в январе!

СВАТОВСТВО ОФЕНИ

Перечитывая Некрасова

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча...

Пролог

В начале августа 1858 года, рядом с селом Шода Андреевской казенной волости Костромского края, на тёплом солнечном взгорке сидели двое «ранних» офеней-ходебщиков высокого разряда, носивших «панский» *(«красный»)* товар, — молодой и старый: Ваня и Тихоныч. Село было как на ладони, и купол древнего храма Покрова Богородицы в лучах солнца горел золотом.

С офенями, которых все называли коробейниками, были два их немалых короба на ручных тележках, но с ремешками, чтобы носить их на плечах. Короба были уже неполные... и в них лежало всё то женское, без чего никакие женщины не могли существовать нигде и никогда — булавки, платки, ленты, ткани, белила, любчики *(любовные талисманы)*, лубки и многое другое.

Запрещённые старообрядческие иконы — «краснушки» и «подокладницы» с двоеперстиями, исконно славянскими надписями «IC.XC.» и строго восьмиконечными крестами, со дна коробов, заранее аккуратно там уложенные и скрытые от чужих глаз тряпочками, — офени уже продали, впотай завернув в заветные лесные скиты кержаков, и этим основную кассу своего нынешнего торгового предприятия, можно сказать, сделали, чем были чрезвычайно довольны. Остальное в коробах было уже их сверхприбылью и в некотором смысле развлечением.

Одеты офени были шикарно: брюки *(плисовые шаровары)*, рубахи, жилеты, поддевки из тонкого сукна, шелковые кушаки, манишки, галстуки и козловые сапоги. Всё ярких расцветок, пошитое из «заморских» тканей, которые офени частью прикупали, а частью выменивали в дальних краях.

Между собой офени говорили на своём особом и только им понятном языке — «фене», впоследствии ставшем языком всего российского криминала.

— Тихоныч, а биряй шутро ширманку откулаем, всеводни нетар, мастыра ефесь *(а давай утром ярмарку начнём, сегодня нет, дело есть)...*

В Шоде они намеревались устроить «офенскую ярмарку» *(интенсивный короткий торг)* с оставшимся товаром. Село было большое, богатое, и женщин в нём жило много.

Кто они, офени?

В Шоду Ваня и Тихоныч пришли из села Алексино, сто пять дворов — родины российского офенства. Это в Ковровском уезде Владимирской губернии, рядом с Палехом и Мстерой.

Откуда офени там взялись? А пришли когда-то на жительство из разгромленного киевским князем Святославом Игоревичем древнего Хазарского каганата. Сам каганат прекратил существование, но народ-то остался... Именно народ, со всеми свойственными ему признаками — свой язык, уклад жизни, компактное проживание и так далее.

Хазарский каганат был единственной в истории человечества нееврейской страной, где ортодоксальный иудаизм стал государственной религией. А что является кладезью любой религии? Правильно, священные тексты и устное предание. То есть языки, сильно похожие на еврейские — иврит и идиш, знали, как минимум, все ребе каганата и правоверные пистевоны, то есть абсолютное большинство населения. И ничего особенного... в своё время из Византии на Русь, чтобы участвовать в её крещении, тоже пришла миссия тамошних попов с возами священных книг на греческом языке, после не совсем точно переведенных на церковно-славянский, что и привело к Расколу.

Этим и объясняется наличие в офенском языке превалирующего количества слов на идиш — лох, фрайер, гешефт, бан, шухер, шмон, хилять и других. Впрочем, за столько лет к «фене» много каких слов ещё прилипло и продолжает прилипать уже

как к языку российских тюрем — русских, немецких, французских... А в древней его основе, да, идиш, конечно.

Офени давно уже были не иудеями, а православными христианами. «Офе́ст» — это крест на «фене», а значит, «офеня» — это просто крещёный человек. Такой вывод сделал Владимир Даль, тщательно изучавший «феню» непосредственно в Алексино на предмет создания её словаря, так и не изданного.

И жили теперь офени так. С мая по конец июля они трудились на своих полях, как обычные крестьяне. Но прокормиться этим на бедной подзолистой почве Ковровщины было затруднительно. И несколько неурожайных лет подряд привели к тому, что после сбора скудного урожая эти потомки хазарских иудеев банально отправились на заработки — и не руками работать, как русские крестьяне в «отхожих промыслах», а гораздо выгоднее — торговать по всей России мелким товаром, «ходить» с коробами со всякой всячиной по дальним местам. Отсюда «ранние» офени — начиная с августа, и «поздние» — с октября.

Был у офеней и основной, тайный товар — старообрядческие иконы и литература. Раскол же случился на Руси... И такой спрос образовался на «запрещёнку»... вот и наполняли его предложением, кстати, весьма успешно. И не они одни, кого только потом не было в книгоношах. Так под вывеской народа офеней образовалось крупное профессиональное сообщество, которое просуществовало вплоть до появления железных дорог, когда проще стало ездить, чем «ходить».

Офени не были в крепости, а были государственными крестьянами и поэтому не подвергались произволу помещиков. Уже к десяти годам каждый мальчик-офеня владел чтением, письмом и счетом. Без этого торговать было никак нельзя. В солдаты офени сроду не ходили, откупались.

Избы офеней были крыты не соломой, как у крепостных, а тесом. Наличники на окнах и ворота их усадеб были изукрашены искусными резными узорами. Необычным было и наличие в офенских избах горшков с цветами на подоконниках и занавесок на окнах. В каждой избе обязательно стоял начищенный медный самовар. И вообще обстановка внутри офенских изб была весьма опрятной.

На воротах усадеб можно было увидеть прибитые пучки ковыля, знак того, что хозяин-офеня побывал в дальних странствиях. А у некоторых были прибиты на воротах даже рога северных оленей. Ареал странствий офеней, действительно, потрясал.

В дороге на них, бывало, нападали разбойники, которые могли их ограбить и даже убить. Поэтому «ходили» офени гуртом, минимум по двое. А не «ходить» они уже и не могли, привыкли, хотя каждый мечтал о тихой старости на семейном подворье с мелочной лавочкой, где-нибудь в Костроме.

Селяне офеней ждали, но относились к ним с подозрением, опасаясь *(и не без основания)*, что те обманут с ценой или продадут некачественный товар. Поэтому могли запросто их обругать, побить и выгнать из села. А не попадайся, офеня, на мошенстве и бегай быстро!

Ванины планы

Ваня был молодым красавцем-офеней девятнадцати лет от роду. Тонкие «семитские» черты лица, высокий, стройный, улыбчивый, смоляные кудри из-под дорогого картуза, модная одёжка, сильные руки, длинные ноги... Бегло читал, красиво писал, мгновенно складывал и вычитал в уме трёхзначные цифры. В общем, удалец!

Он начал «ходить» с малолетства. С шести лет отец уже брал его в дорогу, где он терпел много горя. Пинки, таскание за волосы, побои сыпались в изобилии, и малопомалу он ко всему такому привык, зачерствел, окреп и сделался способным легко переносить всякие лишения.

В Шоде жила Ванина зазноба, красивая молодая черноглазая девушка из крепкой кержацкой семьи по имени Катеринушка, на которую у него имелись виды не только романтического, но и матримониального свойства. Попросту говоря, Ваня решил жениться на Кате.

Они коротко познакомились год назад при таком же «приходе» офеней в Шоду, понравились друг-другу, обменялись несколькими фразами, а остальное за них сделало пылкое юное воображение. И вот... уже любовь! Ничего такого, как у всех тогда.

Ну не век же ему «ходить»! Молодой-молодой, но Ваня уже хорошо понимал, что «ходить» могли и другие, а он, с его смекалкой и ловкостью, сидя на месте при семье и торговой лавочке, мог неплохо ими руководить — закупать «правильный» товар, намечать маршруты следования, ладить с властями и даже платить подати.

Вообще, женщин у Вани было много. Но путешествуя по России, он благоразумно не связывался с безмужними юницами, за порчу которых их суровые отцы с братьями могли и прибить кольями. Да и зачем? Считай, в каждом селе обязательно находилась

разбитная вдовушка или солдатка, которая была не прочь на ночку-другую подпустить к своему горячему телу молодого красавца-офеню, получив взамен памятное колечко, серёжки или что другое.

С Катериной было не так. Сходилось всё — большое и богатое село рядом с Костромой, в нём молодая и никем пока не тронутая красавица с богатым приданым, позволяющим реализовать заветную мечту о купечестве. И его, дурака, Катя, похоже, действительно, любила.

«Но высватают же её раньше меня, как пить дать, высватают! И уведут, пока я «хожу», — так думал Ваня. И надо сказать, не без оснований. Хороших невест всегда и везде была нехватка. И уже не откладывая, он начал действовать...

— Эй-й, хлопчик, ты чьих будешь? — это Ваня мальцу на улице Шоды. — На-ка вот тебе пряничек медовый, сбегай до Катеринушки, шепни ей на ушко, мол, Ваня-коробейник пришёл, ждёт её к ночи, где ржаной клин с берёзовой рощицей сходятся.

Невероятно! Позвать безвинную девушку из семьи старообрядцев на свидание в ночь, да еще и со своим алкоголем чтобы приходила... Но что мы знаем о тогдашних нравственных правилах?

Свидание

«Парень с девушкой целуется,
Просит цену набавлять...»

А потому что, за бесконечной торговлей и хождениями к деревенским вдовушкам, никакого опыта романтического общения с молоденькими барышнями у Вани не было. Да он и не нужен был, всё же тогда за молодых решали родители — выбирали невесту, сговаривались с её родителями, высватывали, играли свадьбу... Всё по древним обычаям и установлениям, ни шагу в сторону. А молодые просто слушали и делали, чего старшие говорили.

А тут... настоящее романтическое свидание с далеко идущими планами на девушку! И как же ему на нём было себя вести? Как с вдовушками — раз-два и в дамки? Очевидно, нет! А как? Да как-как... Как уж выйдет, отступать было некуда.

И потомственный торговец Ваня, пока ждал Катеринушку в условленном месте под берёзками рядом с высокой и густой рожью, разложил на чистую рогожку весь товар из своего короба. А пусть берёт чего захочет, хоть и вообще всё, для неё ему ничего не жалко! Как говорили своим любимым женщинам его знакомые евреи: «Я люблю тебя больше денег...» И выглядело это весьма внушительно, как на ярмарке.

Тёплый летний день катился к закату, Ваня волновался и неожиданно для себя... заснул. Проснулся он уже в сумерках, оттого, как ему показалось, что рядом прозвенел хрустальный колокольчик — раздался негромкий девичий смех. Ну так и слава Богу, пришла, желанная!

Дщерь сия, девица сущи, отроковица чюднаго домышления, зелною красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны великы, бровми союзна и млечною белостию облиянна.

Катеринушка, действительно, была чрезвычайно хороша собой! Вполне уже сформировавшаяся милая и стройная девушка шестнадцати лет от роду. Русые волосы, огромные чёрные глаза, тонкая талия, перехваченная красивым ремешком, волнующая линия девичьей груди. В отличие от смуглого Вани, настоящая беляночка-костромичка, снегурочка.

Ваня так растерялся...

— Ну здравствуй, Ваня! — радостно сказала ему Катя, глядя на разложенный товар. — Всё коробейничаешь? — и дальше игриво: — Поведай, что сколечко стоит? Но денежек у меня нет, посему могу с тобой по-другому расчесться. Поцелуями пойдёт?

А ошарашенный её явлением Ваня всё молчал...

— Молчишь? Тогда я сама назначу цену! Вот перстенёк бирюзовый, лепый, так и быть, един разик за него тебя поцелую.

— Добавить бы надо, хозяюшка, — наконец разморозился Ваня, подхватив лукавую игру девушки. — Цену за него платил немалую.

— Да, не торгуйся ты, не скупись... Два раза, пойдёт?

— Добре!

Подставляй-ка губки алые!..

И началось...

Целая штука ситца с фабрики... Просил за неё три поцелуя, сторговались на два, кои тут же были ему и выплачены. Лента алая для кос, поясок для рубахи, подвязывать её на сенокосе. Эти даже по одному пошли.

Ах-х, какая же это была восхитительная торговля. Сладкое томление до помутнения

рассудка... Бесконечное наслаждение!

В перерывах, когда уже и сил никаких не оставалось, отхлёбывал Ваня глоточек сладкой водочки, полуштофик которой Катя принесла с собою в широком рукаве, но сама только пригубила. Закусывал сыром и копчёной колбасой, кои тоже в его коробе имелись, и силы вновь приходили. Так и уговорил всю бутылку, прямо из горлышка.

В итоге продал Ваня всё, что было у него в коробе, и нисколько не пожалел, оно того стоило.

«Ах-х, как легко будет теперь пустой короб тащить, ремешок плечи не будет резать», — пронеслось в голове. И вдруг...

Катеринушка погрустнела и тихо сказала:

— Потешились, и полноте. Ничего не возьму, кроме вот этого бирюзового перстенька, на память по тебе. Не хочу и не буду без тебя, сердечного дружка, нарядная ходить.

И Ваня понял, пора от приятных игрищ переходить к серьёзному:

— Э-э-э, постой-ка грустить, Катеринушка! У отца своего, знаю, ты любимое дитя, а мне будешь просто любимая невестушка! И вот тебе моя нерушимая клятва: нынче уж «дохожу», опорожнится короб, приду домой на Покров и сразу тебя, душа-заз-нобушка, поведу в Божью церковь под венец, жди!

В общем, они поладили! А что и как у них при этом происходило, знала только глубокая ночь и высокая спелая рожь, которая, свято храня эту тайну, к утру уже вся распрямилась!

Офенская ярмарка

Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!

– Эва, Тихоныч! — утром Ваня растормошил своего старшего товарища, заночевавшего в стогу свежего пахучего сена на поле под селом. — Похиляем на ширманку ширговать, ширговля востмарить немияшит! *(Пойдём на ярмарку торговать, торговля ждать не будет!)*

— Я уж думал, ты пропал! — спросонья проворчал старый Тихоныч, почему-то на русском. — Спал ли ты вообще ночью, торговец хренов? Ты как торговать-то с утра собираешься, коли бабой и водкой от тебя за версту разит?

— Да я тут ситцы ночью продавал! Обмыли маненько, — хохотнул Ваня, тоже переходя на русский. — Ничё, на том свете отосплюсь, добре всё будет, кваску вот выпью...

Благодаря умению «заговаривать зубы», офени могли продать практически любую вещь, даже самому прижимистому покупателю. В Америке их бы назвали «коммивояжёрами», а в новой России — «напёрсточниками». Знали сотни, а то и тысячи, разнообразных присказок, прибауток, стишков и песенок. Весело, шумно! Торгуя, офеня постоянно ими сыпал. Театр одного актёра! Устав, замолкал один, начинал другой, и так по кругу, практически не повторяясь. И этой «музыке» их учили с детства. Недаром же они сами себя называли не офенями, а «музыками».

Выражаясь современным языком, офени за много лет интуитивно выработали и активно применяли в своём торговом ремесле практические приёмы воздействия на подсознание покупателей из арсенала манипулятивных технологий агрессивного маркетинга. Ну а как это прикажете называть, когда взрослый образованный человек в здравом уме и при твёрдой памяти, немного послушав эту плутовскую «музыку», доставал из кармана кошелёк и за рубли покупал у офени копеечную и совершенно ненужную ему дрянь. Или, позже, играл в напёрстки, в том числе и в долг... Все они, очухавшись, говорили потом о каком-то вдруг накрывшем их наваждении.

Вот и сейчас Ваня с Тихонычем разложились товаром на прилавке под козырьком на базарной площади Шоды, и началась натуральная офенская ярмарка на два голоса без оркестра:

Зачали-почали поповы дочери.

В нашей палатке нет нехватки! Духи и помада, кому чего надо?!

Уж ты пей до дна, коли хошь добра, а не хошь добра, так не пей до дна.

А это вот город Париж, не доедешь — угоришь.

А это вот Летний сад, там девушки гуляют в шубках — в юбках, в тряпках-шляпках, зеленых подкладках. Юбки на ватках, пукли фальшивы, а девицы плешивы.

Шляпка ежового пуха, носить дамам для духа.

Сорок кадушек солёных лягушек.

Материя маремор с Воробьиных гор.
Шкап красного дерева, и тот в закладке у поверенного.
Красного дерева диван, на котором околевал дядюшка Иван.
Два ухвата, да четыре поганых ушата.
Пять коз, да мусору воз...
Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снегирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей, — тут есть портрет жены моей. Вот я про её расскажу и портрет вам покажу.
Для молодушек-лебедушек платки, гребешки, расписные петушки!
Для красных девушек шпильки, иголки, булавки, приколки, и белила, и румяна!
А вот мыльце умыть рыльце! На вид серенько, а моет беленько!

Через полчаса к их прилавку собралось, считай, всё женское население Шоды — солидные замужние женщины, юные девушки и даже старушки преклонного возраста.

— А вот ситцы богатые, они же миткали, кумач и плис. Мылá пахучие по две гривны за кусок, нелинючие румяна — молодись, бабка, за пятачок! Камни самоцветные в перстеньках, сами приметьте, как жар горят, — громко возвещал Тихоныч покупательницам. — Любчики заветные, коль кого надо приворожить!

И вскоре вся эта офенская «музыка» дала свой обычный результат. Начались рьяные толки баб, вдруг ставших словно бы пьяными. Они вырывали товар из рук друг друга, а из секретных мотков появлялись спрятанные там медные грошики. Две снохи одного тестя расцарапались в кровь за особо пёструю ленту. На одну из них, вострую Феклушку, раскудахталась её свекровь. Но потом от неё досталось и самим офеням:

— Принесло же вас, мошейников! Вот уж подлинно напасть! Жадные, как попы-кутейники, из села бы вас колом!

Но это ладно, пустые бабские угрозы, а вот старый Тихоныч так божился из-за каждого гроша, что даже привычный ко всякому Ваня ёжился:

— Пропади моя душа... Чтоб тотчас же мои очи лопнули... Чтобы с места мне не встать... Провались я...

Это срабатывало, и покупки совершались одна за другой.

«Не торговец, а удивление! — подумал набожный Ваня. — Как ему божиться-то не лень... А вдруг сбудется?!»

И потихонечку, полегонечку офенская ярмарка выдохлась, товар почти весь раскупили, а довольные бабы в новеньких платках разошлись по домам. Офени ещё немного потоптались, помузицировали, а потом быстро свернулись и тоже пошли своим путем. За селом они остановились и честно поделили барыши...

— Ох-х, славно, Тихоныч, ты торгуешься! — сказал напарнику Ваня, перекрестившись на храм. — Что ж не весе́л?

— В день теперя не отплюешься... Как еще меня прощает Бог? Опять осквернил уста ложию... Но не обманешь, не продашь! — отвечал старый Тихоныч, тоже долго крестясь на храм. — Одно надёжит: кабы приходилися в строку все речи продавцов, все они давно бы провалилися. До единого купца... Сквозь сырую землю-матушку провалились бы... эх-х!

Эпилог

И на этом рассказ о любви Вани и Катеринушки обрывается. Оборвал его сам Н.А. Некрасов. Дальше у него уже не про любовь, а про то, из-за чего поэма «Коробейники» была запрещена цензурой, да и сейчас не в обязательной школьной программе.

Если коротко, Ваню и Тихоныча на болоте одним выстрелом убил и ограбил лесник-отморозок Давыд Петров. Тысячу рублей взял. А Катеринушка... Возможно, она потом нашла себе другого жениха.

Все знают песню «Коробушка», часть поэмы, но редко кто читал её до конца. Рекомендую всячески!

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

КАРАМЕЛЬНЫЙ ЧАЙ СО ВКУСОМ БЫТИЯ

— Именно поэтому, — со вздохом ответил Шляпник. — Ведь ты знаешь, что пять часов — время чая.

«Алиса в Стране чудес»

* * *

На Востоке очень любят чай, ему придают порой какой-то таинственный смысл. Особых церемоний, роднивших его с Японией или, скажем, с Китаем, нет, но всё же это тоже традиция. Расстилать ковровую кошму, усаживаться на деревянный топчан, поджимать под себя ноги и обхватив фарфоровую пиалу двумя руками, смаковать чай. От которого кверху струится пар с примесями пустынной колючки, зелёной мяты и ароматной зизифоры. В простонародье её ещё называют зизифора-пахучка, о целебных свойствах зизифоры знал даже сам Гиппократ. Многие творили травяные смеси сродни ароматическим парфюмерам, добавляя нотки джамбула или чабера, кислинки шиповника или горечь душистого перца. Но зачастую всё же в повседневности употребляли самый обычный зелёный и чёрный чай, по-местному «гёк» или «гара», которые мы-дети нарекли «чук» и «гек». Кофе, конечно, тоже варили и причём, как и на всём Ближнем Востоке ценился именно больше сорт робуста, чем арабика. По одной простой причине — этот вид кофейного напитка переносился в жару легче и быстрее восполнял недостаток влаги. Но всё же чай — это состояние души. Это привычка и даже магический ритуал.

А ещё чай любят оттого, что в процессе чаепития, особенно когда рядом кто-то из взрослых, то непременно начинают рассказывать старинные истории, древние предания и леденящие мифы. Чаще всего любые разговоры начинались именно так: «А знаешь ли ты?» Многие сказания сопряжены с возникновением того или иного яства. А так как почти все дети ещё те лакомки, то истории и легенды передавались из поколения в поколение и обрастали новыми витиеватыми поворотами и запускали наши детские фантазии по лабиринту сказок.

Машкичири и тарелки, унесённые в горы

Мне всегда нравилось наблюдать за процессом выпечки. Мы собирались возле тёти Нади, самой старой женщины в нашем селении. Она была похожа на Бабу-Ёжку, с таким же крючковатым носом, костлявыми руками и пепельными косами, заправленными под чаргад-косынку, которую обычно шили на подкладке, по краю обвивали бахромой, украшали аппликациями из бархата или шёлка. Надевалась она таким образом, что на виду оставались только глаза. Вот они-то и выдавали тёть Надю.

— Никакая она не баб Ёжка! Вона какие у ней добрые глаза. — Я усаживалась близко-близко к пожилой женщине. И пуская слюни в предвкушении созерцания процесса приготовления тандырного чуда, замирала.

Рядом с тандыром на углях уже кипит казанок с машкичири, в центре топчана на белоснежной сервировочной скатерти-дастархане разложены сладости: коржики-кульче, фисташковая халва, пшеничные пешме и «зелёные» кутабы, которые вкуснее все-

го макать в кисленькую сюзьму. Мы, естественно, расхватав вкусности, воротим носы от каши. «Что ж мы дураки, что ли?!» Мы ждём горячие яглы-лепёшки, которые тётя Надя всё ещё надеется впихнуть в нас вместе с кашей. Кстати говоря, машкичири буквально и переводится как каша с машем, или, как мы её прозвали, «Машкина кашка».

Вот тётя Надя берёт в руки скатанный на воде и муке большой белый шар и разделяет его на несколько маленьких одинаковых по размеру кружочков. Из каждого лепит плоскую лепёшку, макает свои огрубевшие пальцы в кясе с подсолнечным маслом и смазывает ею лепешку с одной стороны. Потом подходит к тандыру и второй не промасленной стороной прилепляет лепёшку к стенке тандыра, ближе к верху. Так она повторяет свои процедуры, пока каждый шарик не превратится в промасленную лепёшку и не прилепится к глиняной печи.

Мы наблюдаем, сидя на топчане рядом и уплетаем сладости. Запах стоит неистовый. Запах детства. Запах неизменно связан с воспоминаниями. И сильнее всего те, что имеют эмоциональный окрас.

Тётя Надя всегда очень разговорчивая, мы окружаем её, иногда перебиваем рассказ и просим, чтобы она дала прилепить:

— Можно я? Я справлюсь, — теребя её за подол платья, мы вырываем себе очерёдность.

— Соблюдать свою очередь важнее всего, — произносит она и, поглядывая на нас, продолжает. — Все любят сладости, но никто не задумывается о полезности. А знаете ли вы, какую пользу имеет самая обычная халва?

— Вкусняшка бывает из семечек подсолнечника, бывает из орехов, арахиса, — мы выкрикиваем, кто что вспомнит. — А ещё из мака, бывает с фисташками, или...

— Бывает, что вы меня не слушаете. А я между тем спрашиваю о полезности. Вот полезности халвы, они только в сладости. А полезность каши в силе храбрости.

Мы замолкаем и навостряем наши любопытные рецепторы, поглядывая друг на друга. Тётя Надя же продолжает.

— Если я предложу выбрать между халвой и машкичири, то понятно, что вы выберете. Так поступали все дети, кому на тарелку опускалась ложка из казанка. Никто не просил добавки, лишь до одного случая. На наш аул снова налетел «афганец», и мы привычно с детьми укрылись под навесом на топчане. Все были заняты едой, но так как кашу особо никто не любил, то просили «пол-ложечки», как бы я ни уговаривала, упрямцы воротили носы. Маленькие ручонки, отправляя ложку за ложкой в рот, держали одной рукой пластиковую тарелку, а второй пытались уцепиться за бортик топчана. Но ураган был такой сильнющий, что вырывал из рук тарелки, и они уносились в горы. Быстрее всего ветер расправлялся с теми, кто просил себе «только капелюшечку». Некоторые хватались обеими ручонками, но соревноваться с ветром было бесполезно, и тогда тщедушные тельца в обнимку с тарелкой поднимались и крутились вокруг топчана. Некоторых поднимало вихрем высоко в небо.

Мы, не сговариваясь, наперебой, подставляя свои тарелки, тут же подскакивали к ней:

— Мне полную Кашки-Машки.

— И мне до краёв.

Тётя Надя черпала ложку за ложкой, пополняя детские тарелки, пока половник уже не скрежетал по пустому донцу казанка. А мы, поглядывая на жаровню, похожую на большущий толстенький кувшин, уплетали машкичири. Облизывали ложки и гордо смотрели друг на друга, соревнуясь в храбрости. «Ясно дело, наши-то наполненные до голубой каёмочки тарелочки никакой вихрь не унесёт». Мне, конечно, не было видно, но я точно знала, что она улыбается там под своей чаргад-косынкой. Глаза снова её выдавали.

Хлопок и льняные мешочки

Я сожалею, что не имела возможности и желания записывать за тёть Надей. Такого количества историй, которые она нам передавала, хватило бы на несколько «Тысяч и одной ночи». Кстати говоря, сама не умеючи писать, она наставляла нас.

— Иметь выдержку — это не только аккуратно выводить крючки и палочки, это знать, какие из них подходят, а какие нет.

Раньше все дети вместе со взрослыми ездили на поля, и мы тоже. Это считалось таким этапом взросления. Нам всем выдавались льняные мешочки, в которые мы должны были собирать белые комочки с веточек хлопка. Хлопок не имел веса, но имел весомую значимость. Мы-дети, мало что смыслили в важности тогда. Для нас важным были такие полярные понятия, как, например, успев сделать уроки, бежать на улицу или поделиться парой ложек своей порции пресной машкичири с другом. Чтоб его не унесло «афганцем» в горы. Причём это всегда делалось не по просьбе друга. Так же как

и умение увиливать со сбора хлопка, самого скучного занятия, по мнению нас-детей.

На поля ездили обычно без стариков, но зато старикам после наших возвращений приходилось долго перебирать наши мешочки, оставляя пригодные комочки «белого золота» и убирать всякий сор.

Выезд на поля приходился на осенние школьные каникулы, и мы, конечно, очень торопились и старались быстрее отвязаться от этой нудной работы и заняться нашими делами. Более важными. Работа — это не только физически невыносимая, целый день ходить по полям в позе «зю», но и требовалась не дюжая ловкость рук, чтобы кропотливо вытаскивать хлопок из коробочек. На нас надевались специальные фартуки и перчатки, чтобы защитить руки.

Мы хитрили и обрывали хлопок вместе с коробочками, так получалось, что мы не только прибавляли весу, но и убыстряли процесс.

— Подумаешь! Какая разница, в коробочке или без неё? — наивно удивляясь, мы отбивались от ворчания тёти Нади, которая ругала нас за неаккуратность, когда все наши мешочки были разложены перед ней и она начинала перебирать веточки, коробочки и мусор.

— Разница никакая. Так же думали те дети, которые тянулись за кувшином с белым содержимым и морщились, едва наливали и отпивали глоток из своих стаканов, — мы уже не так сильно веселились и с любопытством ожидали продолжения новой истории: — К обеду приготавливались два кувшина: с чалом и с бозо. Оба кувшина были похожи, оба напитка также — светлые по цвету. «И оба по вкусу, наверное, тоже». Так думали такие же задаваки, как вы. Только чал готовят из парного молока верблюдицы, в которое добавляется специальная закваска, или остаток чала с предыдущего дня, процеженный через марлю. Кстати говоря, вот для этого и шьётся лёгкая и прозрачная хлопковая ткань. А прежде собирается чистый хлопок. По итогу после выжимок получается кисловатый, слабо газированный напиток, прекрасно утоляющий жажду. А боза более густой и сильно сладковатый на вкус напиток. Но самое важное отличие — это лёгкий хмельной привкус. Так как готовится боза методом брожения из кукурузной или овсяной муки. Вот те, кто считал, что никакой разницы нет, и хватался за кувшин, потом скукоживался, как изюм. Но знаете ли вы, почему чал — это напиток богатырской силы?

— Потому, что тот, кто его пьёт, становится здоровым, как богатырь, — отзывался кто-то из нас.

— Да, но почему он стал эликсиром бодрости, здоровья и долголетия, знали только наши аксакалы. И ходила эта легенда долго, пока не появились первые лечебницы. В наше время многие болезни лечили заговорами или целебными травами. Была, правда, такая напасть, которая в один год сразила дюжину крепких детей — удушающий кашель, слабость и потливость. Ни отвары чабреца, ни корень солодки, ни цветки клевера, ни даже заваренный на молоке укроп не помогали. И тогда детей сажали на самую крепкую лошадь, привязывали к её бокам глиняные кувшины с чалом и в сопровождении одного взрослого выезжали в пустыню. Во время поездки детям ничего не давали ни есть, ни пить, ну, только что кроме чала. Так вот, по возвращении дети были сильно изможденными и сухонькими, как вот эти ваши веточки хлопка, но практически уже не кашляли.

Вкусовые привычки, говорят, прививаются с молоком матери. Вот так и я, с детства, могу носиться по двору, но придя домой, выпить кумыс или чал и съесть добрую половинку чорека. Предварительно втянув в себя обжигающий запах хлеба.

Амбра и «каспийский» дракон

Запахи — ещё одна неотъемлемая часть культуры у каждого народа. Запахи — это индивидуальное восприятие человека, основой которого является физическое и душевное состояние. Оно не имеет под собой никакой логики. К примеру, продукт, получаемый из фрукта зелёного цвета, носит жёлтый или его цветовые производные оттенки, а принимает название — «белое вино».

— Забавно, правда? — отделяя спелые ягоды «дамского пальчика» от кисти, прищурится тёть Надя из-под своей чаргад-косынки на нас, рассевшихся возле неё. — И в чём тут логика, спросите вы? А секрет в кожице винограда — именно отсутствие кожицы объясняет светлый оттенок — сок мякоти ягод подавляющего большинства сортов винограда почти бесцветен.

— А почему всё имеет запах? — обычно самые любопытные задают самые интересные вопросы.

— Ну, представьте себе картину, вы находитесь в комнате, в то время как на кухне пекутся ваши любимые баурсаки. Разве имеет значение, с какой стороны комнаты

прибывает к вам этот запах? Верно, не имеет. Вы всё равно его уловите, так как сработает физическое соприкосновение молекул вещества, идущего от пирожков, с вашими органами чувств. Вы их уловите по привычке. По памяти. И то, откуда прибыли эти молекулы, неважно.

Для нас уже было даже неважно, о чём говорила тёть Надя, тем более, все эти молекулы казались какими-то невиданными зверушками, в отличие от аппетитных сладких пышечек, которые так и тянет поскорее запихнуть в рот. Каждый из нас сразу представил себе эти нежные воздушные мякиши, ни одна семья не обходилась без них. Припаренное на кефире с дрожжами тесто быстро подходило, и процесс обжарки баурсаков в казанке шёл играючи, пока мы бегали и хватали сочные вкусняшки прямо с пылу с жару. За уши не оттащишь! Готовые баурсаки подавали вместе с калючковым мёдом, кизиловым вареньем или вкусной-превкусной сгущёнкой. Лучшим напитком к такому десерту был, конечно же, свежезаваренный зелёный или чёрный чай.

Кроме нас-детей, на запахи тёть Надиной стряпни всегда прибивались дворовые кошки и алабайи, приползали лопоухие ежи, но больше всего было насекомых. Насекомые сильнее всех ориентируются на запахи. Может быть, потому, что запах вообще имеет «животную» составляющую. К примеру, вот амбра — одни называют её волшебным веществом, другие — мощным афродизиаком. Это вещество высоко ценится в парфюмерии и является фиксатором запаха. Хотя на протяжении многих десятилетий учёным так и не удалось установить, является ли амбра продуктом нормальной жизнедеятельности или результатом патологии. В XII веке в письменах из Каспия говорилось, что амброй называли высушенные слёзы дракона. И нам с детства хорошо знакома история о «каспийском драконе».

По легенде, высоко в горах Копетдага жила семья пастуха, а в деревне у подножья гор — семья дайханина. Дайханин был очень трудолюбивым и целыми днями занимался посевами, чистил арыки, которые подавали воду к его полям, и собирал всегда большой урожай. Ни в чём не знал нужды. Однажды он увидел в своём арыке яблоко, поднял его и надкусил и тут же сразу призадумался: «А вдруг это чужое яблоко?» — и решил подняться на гору повыше и узнать чьё яблоко он хотел съесть.

Вот он поднялся на пару склонов и встретил старца: «Скажи, ага, не твоё ли яблоко я хотел съесть?» — «Нет, — ответил ему мужчина, — да у меня и деревьев-то нет, поднимись к ущелью повыше, это, наверное, моего старшего брата». Поднялся дайханин и увидел мужчину в окружении деревьев, сразу понял, что это из его сада яблоко, и просил: «Прости меня, ага, я намеревался съесть твоё яблоко». — «Нет, простить не могу, — нахмурился старец и продолжил, — но ты можешь забрать в жёны мою дочь, слепую, немую, без рук и без ног». Не раздумывая, согласился добрый дайханин, зашёл в жилище и увидел там прекрасную девушку. «Снова не своё хочу присвоить», — подумалось ему, и он хотел уже было выйти. Но услышал голос хозяина сзади. «Ну что ж ты? Забирай дочь мою». — «Ага-джан, но ты ведь сказал, что она слепая, немая... а у этой и руки, и ноги есть». — «Да, всё так и не так... — вздохнул старец и продолжил. — Она слепая, потому что ничего, кроме своих книг, не видит. Немая, потому что беседует только с этими своими книжками. Без рук, потому что они заняты всегда книжками, и без ног, потому что целыми днями сидит, уткнувшись в эти свои книжки, и никуда не ходит». Обрадовался юноша и забрал жену.

А когда вернулся, то его старший брат позавидовал и попросил себе прекрасную девушку. Не мог младший брат спорить со старшим братом. С горя молодой дайханин превратился в дракона и улетел высоко в горы. А каждый раз, когда спускался, пролетая над деревушкой, то плакал и слёзы свои ронял в Каспий. Слёзы в воде превращались в кристаллы с запахом амбре. А в высушенном виде имели ещё и желтоватый оттенок. По форме сильно похожий на кусочки кристаллизованного сахара. Может быть, поэтому, когда взрослые пили чай, то невольно вспоминали эту легенду.

Чай всегда пили в чистом виде. С кусочками кристаллизованного сахара — навата, только вприкуску. Нам же, детям, позволялось иногда разбавлять дубильную горечь чем-нибудь сладеньким. Я очень любила добавлять в свой чай карамельный сироп. Впоследствии чайная привычка и стала нашей фирменной традицией. Мы заполняли термосы горячим питьём и отправлялись на наши «археологические» раскопки по кяризам.

Кяризы — это галерея подземных каналов, которые объединялись между собой и выводились к резервуару. В древности такую систему вертикальных колодцев использовали для ирригации полей. Глубина некоторых штолен была на несколько сотен метров, а диаметр отверстия до одного метра. Как раз подходящий для нас. После мощного землетрясения, снёсшего почти весь город под фундамент, многие из этих кяризов тоже завалило песком. Но из тех, что остались, мы, юные археологи, и приспособили себе под походы Индиана Джонс.

Индиана Джонс и последний кяризный поход

Нас было пятеро: двое мальчишек Тимур и Славик, две девчонки Света и Лачина и я. Мы готовились к каждому такому приключению и запасались не только термосами с чаем и карманным фонариком для каждого, на случай если придётся долго плутать по лабиринту, но и просили у тёти Нади верёвку, которая плелась из прочных конских хвостов. Верёвка эта имела ещё и сакральное значение, о котором мы тоже знали — конский волос отпугивал змей, а их в подземельных ущельях было предостаточно. Как рассказывала нам тёть Надя, «изделия из конского волоса легки крепки, быстро сохнут, мало преют; по прочности на разрыв конский волос почти не уступает стальной проволоке такого же диаметра».

В общем, мы были научены, что она прочнее и точно выдержит даже нас всех, если придётся. Но в этот раз всё пошло сразу не по плану. Мы забыли верёвку, вернее, это Лачина, которая всегда была Машей-растеряшей. Обнаружился факт только возле кяриза. Возвращаться никто не хотел. Мальчишки предложили спускаться самостоятельно. Так мы и поступили, держась друг за друга, благо и вес наш позволял, и глубина этого небольшого кяриза подходила.

Это был не первый поход, и мы хорошо знали местность. Но всё же двигались, ступая ступня в ступню. Фонарики использовали не все, держали включенными только у того, кто стоял первым — обычно это Тимур, и у того, кто замыкал наш отряд — это Славик. Я шла сразу за Тимуром, после меня девчонки. Мы болтали и вспоминали рассказы тёти Нади, конечно, те, что связаны с какими-нибудь вкусностями. А мальчишки, чтобы пугать нас, и без того озирающихся, стращали легендами о ползающих огромных скорпионах и духах старых ведьм. Поэтому от каждого шороха и скрежета камней под ногами мы буквально подскакивали. Нужно сказать, что мы ходили всегда только по пяти известным нам несильно глубоким кяризам, соединённым между собой. И примерно ориентировались, где какой заканчивается и где можно подняться. Подниматься предполагали, так же как и спускались, то есть вскарабкавшись друг на дружку и дотянувшись до верха. Кроме того, кяризные огрубевшие стенки сами собой были похожи на лесенки, со всевозможными выемками и уступами.

Не останавливаясь и заложив время, что от одного выхода кяриза до другого нам нужно пройти минут за 30, мы бодро шагали и болтали.

Приглушенный звук возник внезапно. Сначала нам показалось, что будто кто-то ползёт. Тем более что эти двое друзей, хохоча и поддразнивая нас, шипели как змеи и кричали:

— Смотри-смотри, вон пялится прямо на тебя сколопендра. У-у-у-у, какая она большая.

— А-а-а-ай, — шарахалась от стен перепуганная Светка и пинала Славика ногой, будто б лошадь.

Но звук нарастал, а свет, к которому мы шли, наоборот, становился приглушённее.

— Тише вы, — Тимур, которому было лучше нас всех и видно, и слышно, первым всё понял. — Назад!

Мы развернулись и побежали.

— Тут где-то был проход, — я вспомнила про штольню, которая протягивалась длиннее тоннелем, и потому мы обычно не ходили по ней.

— Скоро, — крикнул Славик, — вон она, быстрее! Сюда!

Ребята успели нырнуть в боковой канал, меня же буквально втащили за руку. Что стало с Тимуром, мы осознали уже после того, как отряхнулись от песка. Мы ведь даже не заметили, как он утонул в нахлынувшем песчаном потоке... как и мой фонарь.

Воспоминания не выбирают моменты, когда им появиться. У меня перед глазами модель, о которой нам рассказывали на уроке познавательной физики. Вот когда память играет в «песчаные кучи». Учёные создали компьютерную модель песка, на которую падают песчинки, по мере того как куча растёт, она становится нестабильной. И доходит до такого момента, когда одна упавшая песчинка оказывается последней. Хуже всего то, что мы не знаем, когда и какая песчинка будет этой критической крупицей. А самая худшая вещь, когда ты понимаешь, это не конец.

— Ну всё, — Славик сообразил, что такая песчаная куча может снова вырасти неожиданно. — Нужно выдвигаться. Идёте? Давайте за мной.

Светка подняла захлёбывающуюся в слезах Лачину, и они пошли за Славиком, я встала замыкающей. Хмурясь и закусив губы, я молилась: «Только бы выбраться. Я обещаю никогда больше не бояться никаких ползучих тварей, только бы выбраться!»

Мы предположили, что этот колодец по времени составит около часа ходьбы. Порядком измождённые от беготни, все испытывали жажду. Но вернуться нужно было дотемна.

— Пьём на ходу. Аккуратно, маленькими глотками, — отдавал распоряжения наш командир.

— Ни черта я так не напьюсь, — Лачина, как обычно вечно капризничая, прислонилась к стенке колодца.

Её внезапный дикий крик эхом разлетелся по пещере. Брошенный от наших фонарей дрожащий свет выловил из темноты тонкую верёвку. Нам не нужно было долго пояснять. Славик запустил фонарём по стене, но изворотливая гадина, сделав своё чёрное дело, ушла в расщелину.

Мы резко подхватили оседающую подружку со Славиком, и он посмотрел на Светку:

— Держите Лачину, а я встану первым.

— Вот ещё, что я, трусиха, по-твоему? — новый командир осветила своим фонарём уходящий вперёд путь.

Мы всё ещё держались, хотя падали от усталости. Говорят, что ужас закаляет. Наверное, так оно и было с нами. Странно, но чудищ уже не опасались. Хотя по-прежнему озирались на стены. И представляли, что кто-то выползет, выпрыгнет или выхватит из темноты. Нас.

— Как она? — Светка обернулась.

— Дышит, — отозвалась я.

— Куда хоть её укусили?

— Не знаю, — я, конечно, тоже волновалась за подругу. Но ещё больше меня волновало то, что мы теряем силы. — Я больше не могу. Может, на чуть-чуть остановимся? Всё равно нам ещё идти половину, наверное.

— Не думаю. Скорее всего, нет ещё даже и половины. Я вообще не уверена, что это верный тоннель, — Светка всматривалась вперёд.

— Чёрт, мой термос пустой, — я закрутила с досадой крышку и посмотрела на Славика.

— Ладно, давайте остановимся, — он прислонил уже почти бездыханную Лачину к стене и открутил крышку своего термоса. — И мой тоже.

Светка испуганно посмотрела на нас, подошла к Лачине и, взяв её за руку, согнулась, вздрагивая и всхлипывая.

Мы опустились следом за ней.

Вокруг холодные стены. Мрачно. Словно мы в чугунном казанке.

Как маленькие рисинки, прижимались мы друг к другу.

Светка протянула нам свой термос.

— Последний.

Внезапно мы услышали новый шум. Но уже сверху. Будто кто-то ходит прямо над нами. Не сговариваясь и подняв головы кверху, мы стали звать.

— Помогите! Мы здесь! Здесь!

Мы кричали так очень долго, пока вконец не обессилели, просто молча сидели. И всё ещё слышали голоса. И всё ещё ждали и надеялись на помощь.

— Надо сохранить свет и воду. Двигаться дальше будем наощупь, — я вспомнила тёть Надю и её замечательный рассказ про скакуна, который изящно движется в султане на голове. На жеребце сидит прекрасная девушка, у неё ковровая аяк-кап на поясе с книжкой внутри... Она улыбается. Ретивый конь щегольски гарцует по яблоневому саду. Его хвост развевается.

Последнее, что я увидела, прежде чем закрыть глаза — это сплетённую из конского хвоста верёвку.

Я уже представляла, как, выбравшись на поверхность, заварю чёрный чай и добавлю в него вкуснейший карамельный сироп.

* * *

Прошло много времени. Нет уже и кяризов. Да и увлечений таких тоже нет. Но каждый раз, когда расходится сильный ветер, наподобие «афганца», то со всех глубинных щелей и подземелий восстаёт тёмный дух. И вполне может быть, что аромат какой-то легенды всё ещё витает где-то здесь в предгорьях Копетдага.

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

ДОСРОЧНАЯ ОТСТАВКА

Рейс из Домодедово вылетал по расписанию. Неслись на дежурной министерской «Волге» на предельных скоростях по предновогодней, уже изрядно заснеженной и загруженной потоками столице. Автомобили вокруг елозили, разгребая снег, выпавший обильно за ночь. На одном из перекрестков нырнули на желтый сигнал светофора и угодили под офицера ГАИ, но опытный служака успел разглядеть на лобовом стекле наклейку с красной полосой, одернул палочку и козырнул по-армейски.

Едва разместившись в переднем салоне ТУ-154 на удобных кожаных креслах служебной зоны, Дмитрий Бобров, оказавшись один на один со своими тягостными мыслями, вновь переживал позор и крайнее унижение, пережитое накануне в кабинете министра геологии Павлова.

— Паскудники! Что устроили! Охоты вам захотелось за государственный счет! — ревел министр, и весь его вид огромного крепкого мужика с перекошенным от злости багровым лицом вызывал оторопь.

Знали друг друга генеральный директор Бобров и министр геологии Павлов давно: многократно порой решали проблемы отрасли на совещаниях, всегда были эти часы наполнены и уважением, и пониманием. Но теперь случилось непоправимое.

В руках министр держал газету «Известия», в которой только вчера появилась большая, на половину страницы с фото, статья известного столичного журналиста о браконьерстве геологов в Забайкалье и Якутии. Суть статьи заключалась в том, что, используя служебное положение и арендованный вертолет, геологи, геологические начальники с приглашенными гостями, занимались браконьерством и выбивали зверье прямиком из зависающей над деревьями винтокрылой машины. Под расстрел попадали и олени, и волки, и лоси, а осенью или ранней весной и медведи, едва очнувшиеся от спячки. Потешившись над зверьем, на дальней заимке устраивали пиры с возлияниями, жаркой банькой и прочими атрибутами мужского сурового застолья.

Описано было все со знанием дела: подробно рассказано было в статье о стоимости часа работы авиации в тяжелейших полевых условиях, о рисках погубить технику и людей, о том, что цинично глумятся геологи над живой природой. Особо отметил автор то, что когда страна в едином, так сказать, порыве идет по пути социалистического созидания, некоторые ответственные работники, от которых зависит и обороноспособность страны, позволяют вот такие недопустимые нарушения законности.

Теперь в порыве ярости, увидев перед собой ответственного за происшествие, которое наверняка станет предметом разбора в правительстве, в комиссии контроля центрального комитета партии, министр выскочил из-за стола и, что-то еще крича, в запале, приступе подступившего бешенства, взялся хлестать по лицу своего подчиненного, словно генерал провинившегося перед ним денщика.

Такое вот поведение министра было за гранью. Это был срыв человека со всех «катушек» душевного равновесия — удар такой силы был кем-то подготовлен и срывал личные серьезные планы министра. Гулял слух, что были сделаны попытки продвинуть министра в ЦК компартии, в верховный ряд немеркнущей с возрастом советской и партийной номенклатуры.

Бобров отпрянул, поначалу оскорбившись таким обращением, в нем забурлила ярость, но перебить бешеные глаза министра, его жесткую руку и брань с оскорблениями он не смог, а только отступил и прикрыл лицо рукой, также мгновенно изменившись в облике. Всего он ожидал от срочного, среди ночи вызова в министерство, но не такого вот позора, унижения, нежданного провала долгой и всегда успешной службы в отрасли.

— Ступай, разберись там со своими бездельниками, — проревел вслед министр отпрянувшему в сторону двери Боброву, и тот понял, что лучшее, что следует сделать — это спешно удалиться, ибо все сказано и ничего уже нельзя поправить — не драться же с ним.

В приемной, полупустой в столь ранний час, было тихо так, словно вся энергия, все звуки и скрипы, кряхтения, вздохи и стук сердец улетучились без следа — снялись, как птицы в преддверии надвигающейся стужи: все замерло до состояния летаргии в ожидании исхода разразившегося скандала.

Бобров потоптался в приемной, в ее самой середине, ощутив вдруг такое бесконечное одиночество и отчаяние, что вдруг где-то в груди заныло и хотелось завыть одиноким псом. Сдержав себя, Бобров оглядел уткнувшегося в бумаги секретаря. Красивого, ухоженного лица женщины не было видно, и только затылок с замысловатой прической, как трепетный поплавок над перегородкой, указывал на ее присутствие. Ощутив физически полную свою ничтожность, Бобров спешно вышел из кабинета, словно ухнул в провал своего состояния, близкого к обмороку.

Бобров шагал по ковровым темно-красным дорожкам бесконечного по длине пустого коридора министерства, не слыша своих шагов, и казалось ему, что он невесом, нереален и все вокруг декорация дурного сна. Эту ночь он практически не спал, занятый перелетом из далекого сибирского города, а теперь, в дурмане навалившегося на него потрясения, был в состоянии полуобморока, ибо сознание никак не могло перемолоть то, что на него обрушилось.

Дмитрий Петрович, назначенный генеральным директором крупнейшего в стране геологического объединения несколько лет назад, получил с этой публикацией в центральной газете такой силы удар в самое солнечное сплетение, что показалось — из него выпустили дух, выпотрошили и полностью изъяли осознание себя как значимой личности.

Прочесть статью Боброву довелось только накануне в огромной приемной министра под ядовитые шепотки помощника и секретаря. Заголовок статьи мгновенно выбил Боброва из равновесия, и, перескакивая от абзаца к абзацу, от строки к строке, он, словно приговоренный к казни, судорожно хватал воздух, которого стало недоставать, в поисках фразы, слова, способных что-то изменить в восприятии прочитанного, как-то смягчить ситуацию, отсрочить надвигающуюся гибель.

Он знал, конечно, о случаях использования вертолета для охоты, но это все было делом попутным, когда забрасывали геологический отряд на дальнюю точку. В статье же развернули такой уровень злоупотребления, такой разбор неслужебного использования авиации, что стало понятно — выговором тут не отделаться. Вспомнил Бобров и приезды коллег из министерства с просьбами устроить «мужское» развлечение. Никогда сам Бобров в этом не участвовал, но рекомендовал подчиненным на местах прислушаться к просьбе.

Собственно, и не думал Бобров в этот момент о наказании. Было это незначимо для него. Нахлынуло на него чувство позора вселенского масштаба, ибо ничего подобного, ничего кроме благодарностей и восхищенных оценок результатов проделанной работы за всю свою долгую карьеру он не знал. Не кичился успехами Бобров, выросший в непростых для мальчишки военного времени условиях, испытавший и голод, и холод, и тяжесть личных потерь. Только в праздники, собираясь на торжественные мероприятия, оглядывал он свой парадный костюм с рядком высоких наград, но надевал другой, только-то со знаком лауреата госпремии за открытие важного для страны месторождения урана.

Министр геологии был известен своими жесткими методами руководства в стиле крепких, как глыбы, руководителей сталинской поры. Многие из них еще совсем недавно покинули свои посты после трех и даже четырех десятков лет железного управления отраслями промышленности. Этим людям прощалось многое, ибо руководимые ими направления были хребтом экономики Союза, а каждый из них был реальным вершителем судеб тысяч своих подчиненных.

Будучи человеком из современной более молодой волны руководителей, добился министр головокружительного восхождения в высокое кресло, усвоив правила карьерного роста железных людей приводного механизма социалистического хозяйствования. Быть тонким аналитиком, воспитанным спецом было в этой системе недостаточно: следовало показать себя жестким и уверенным с подчиненными, но

покладистым, предугадывающим изменчивые желания тех, кто возвышается над тобой. Но и этого было мало, ибо ко всему требовался высокий покровитель, и вот это было самым непростым и сложным трюком — обрести такого.

Первое, что следовало сделать на месте первой службы, это показать всем, что уже сейчас, даже в начале пути ты приметен небесам и не ровня каждому. Для этого требовался приметный предмет поклонения. Для Павлова таким атрибутом стал внушительный дубовый стол с большим резным креслом в комплекте, перед которым он рассаживал подчиненных на скрипучих стульях и отполированных задами лавках и проводил свою линию руководства, порыкивая поставленным командирским голосом на провинившихся и лаская взором приближенных лиц.

Сбились с ног снабженцы, выискивая такую нетипичную мебель, но нашли, притащили из столицы, чуть ли не с антикварного аукциона.

Подчиненные ютились на нескладных скрипучих стульях, уже заранее ощущая себя нашкодившими учениками, и видели перед собой безупречно одетого начальника в темном костюме, белоснежной рубашке, ярком красном галстуке за огромным, словно крепостная стена, столом.

В первой должности начальника небольшой партии в дальневосточных горах, в срубленной на возвышении конторе был поставлен такой, с кровью добытый стол.

Стол из дуба возвышался, сиял лакированной столешницей под ярким сукном, на массивных резных тумбах и являл образ уверенности и основательности его владельца.

— Широк Павлов, — оценивали молодого начальника партии в экспедиции, а скоро и в геологическом управлении обширного края, подмечая растущий авторитет на местах и улавливая периодические сигналы от чиновников из столицы, интересующихся делами молодого руководителя. Судачили тихонько за перекурами, но заметили и держали в уме, ожидая нового рывка вверх в карьере новоиспеченного начальника.

Рывок не заставил себя ждать, но случился в том направлении, куда и посмотреть многие не думали. Вдруг, после нескольких командировок в Москву, объявил Евгений Павлов, что защищает диссертацию, и скоро уже из Министерства рекомендовали новоиспеченного ученого на должность главного инженера. Пока новый руководитель только привыкал к большому кабинету в здании управления в областном центре, пришлось перебираться ему в кабинет повыше — начальника экспедиции.

Дубовый стол с крепким стулом также было собрались быстро перевести в высокий кабинет нового начальника геологической экспедиции, но едва поспевали уже за Евгением Павловичем атрибуты и свидетели его стремительной карьеры. Вскоре утвердился Павлов в Москве начальником крупного НИИ, а как грянула защита докторской, тут же оказался в Министерстве геологии — пока республики, пока замом, но путь наверх был уже предопределен, и был он подобен рвущемуся ввысь памятнику «Покорителям космоса» у ВДНХ.

А стол, оставленный в дальневосточной экспедиции как отправная точка трамплина высокой карьеры, служил напоминанием и примером всем, кто прибывал сюда по служебным делам. Почти каждому, прибывшему по делам, этот стол показывали со словами: «Сам Павлов, слышали, сидел за этим столом»

Никто уже и не удивился, когда вышел указ и Павлов вознесся сразу на место уставшего от почестей министра самой беспокойной и обширной отрасли промышленности, занятой поиском и подсчетом основного природного ресурса огромной страны.

Бобров шел наверх степенно, увлеченный профессией геофизика: рос как профессионал и управленец неспешно, но основательно, и кресло генерального директора занимал по праву, хотя несколько и тяготился ношей руководителя. Но был спокоен Дмитрий Павлович, как бывает уравновешен человек, профессионал, наперед знающий, куда и как направить силы и ресурсы, кого придержать, а на кого надавить, но так чтобы человек не потух, а воспрянул. Это было для него легко, ибо знал он свое дело и всегда был готов оставить высокий кабинет и заняться практикой «на земле», среди равных коллег-профессионалов.

Крепкий знаток геофизических теорий, начал свою практику на Алдане в должности главного геофизика партии. Объект внимания геологов в этом северном краю был связан в основном с золотом, с обильными россыпями в бассейнах рек — неугомонных потоков, несущих неукротимую энергию гор и предгорий. Россыпь найти было не проблема — практически любая река в Якутском нагорье несет золото. Бобров, увлеченный поиском, раз за разом убеждался в том, что золото в той или иной мере соседствует с ураном. Уран не прячется — фонит отчаянно, и эта связь стала решающей при поиске новых объектов и находке урановых руд на Эльконе в Якутии. Рядышком оказалось и золото, и созданный геофизический метод стал давать высокий результат геологического поиска.

Такая вот связка металлов определила дальнейшую судьбу Боброва, его успех профессионала и грянувшую высокую премию правительства. Но это сейчас, а тогда, отбив очередной профиль с явным содержанием металла, следовало этот профиль выявить шурфами.

Когда шурфы глубиной в несколько метров пробили, все как положено с крепежом и добротными воротками, отметили, что ведет россыпь к скалам предгорья в сторону от шумливой реки, полной хариусов и ленков. Вот тогда молодой и полный еще иллюзий Бобров предложил пробить штольню прямо в скале, хотя бы на несколько десятков метров и увидеть уникальную руду, в которой и уран, и золото вдруг соединились и выдали богатейшую россыпь, открытую в бассейне реки. Мечтал Бобров увидеть во всю ширь залежь этой уникальной рудной формации.

Начальник партии и руководство экспедиции сразу набычились, потом обматерили, отмахнувшись от надоедливого новатора, убеждая, что план работ не предусматривает такие вот сложности, да и финансирования нет. Многое в этих аргументах было верно: штольню строить — дело непростое, а скорее жутко тяжкое. Для таких работ требовалось серьезное оборудование и кадры, знающие это дело. Бобров возразил и отметил, что золото, оно, конечно, важное сырье, но вот уран — металл стратегический, и не пора ли запросить компетентное ведомство, ибо находка уникального рудного проявления имеет государственное значение высокого порядка.

Под нажимом молодого геофизика радировали в Москву, и ответ грянул незамедлительно — проверить выходы урановых руд.

В этот момент уже начальство экспедиции стало требовать побыстрее исполнить высокое поручение. Решение высокого кабинета взялись реализовывать в спешке, без достойных технических возможностей, стараясь уложиться до холодов, и когда уже, казалось, дело пошло, подземная выработка обвалилась.

Бобров горными делами не ведал, но в штольне этой бывал часто. Вышло так, что уберег его величество случай от обвала, а вот пяток горняков, мужиков крепких, молодых еще, опытных, оставила гора внутри, верша свой суд. По звукам — перестукам через вентиляционный канал — стало скоро известно: живы мужики и ждут помощи. Скисшие начальник партии, прибывший из экспедиции главный инженер со свитой в истерике кинулись к Боброву с претензией, что во всем виноват он: не будь обращения в верха, и сезон бы уже закрыли с премией, а так еще неизвестно — всех посадят или как-то обернется и посадят только стрелочников.

Бобров понял — разгребать возникшую проблему ему, тем более что, собравшись в горестном единении, начальство ударилось в пьянство и едва ли могло разумно и оперативно действовать.

Скоро взялись расчищать завалы. Бобров приказал, уже на правах неформального руководителя, которого все безропотно начинают слушаться в критических ситуациях, тащить буровой станок по дороге на гору. С недоумением в лицах горняки установили над штольней буровой агрегат и взялись бурить спешно, уловив, что в этом есть смысл. Умело управляя процессом, следовало попасть буром в выработку, в то место, где выживали в удушливой атмосфере и плачущей каплями грунтовых вод кровле пятеро мужчин, один из которых был тяжело ранен при обвале.

Буровой мастер справился с задачей, и уже к вечеру буровой агрегат натужно гудел, углубляясь в твердь массива, устремленный буром в сторону штольни. Бобров тут же на коленке в тетрадке сверял координаты и показания инклинометра, чтобы буримая скважина шла точно в заданную точку. Бобров только и успевал давать команду на замер координат, чтобы не свихнуться с намеченного направления.

И, слава Богу, все удалось! Через сутки бур резко провалился в пространство горной выработки, в которой зажатые горным обвалом ютились в сырости и холоде пять человеческих душ.

Сразу же удалось в спускаемой на лебедке трубе доставить горнякам пищу, горячий чай с коньяком, лекарства, сухую одежду и получить внятный отчет об их состоянии. Обнадеженные тем, что дело не провальное, плотнее взялись за работу и горняки и прошибли завал через штольню. Через трое суток на четвертые рано утром горняки были спасены, напоены чаем с водкой, и уже изрядно хмельных отправили вертолетом в больницу Алдана.

На Боброва все смотрели, как на героя, но скоро стало ясно, что проспавшиеся главный инженер и начальник партии также желают минутку славы, и загремели радостные рапорты в управление и министерство об умелом руководстве по спасению попавших под завал горняков. Роль самого Боброва на данном этапе афишировать не стали, но скоро продвинули сразу в главные геофизики экспедиции, занятой разведкой урановых руд в обширных степях Забайкальского края в районе Красного камня.

Помнил Дмитрий Петрович свое первое посещение уранового рудника, его подземных лабиринтов и то, как вручали ему в Кремле госпремию и орден Трудового

Красного Знамени за крупное геологическое открытие. Тогда жизнь двигалась вперед широким фронтом новых, больших задач и планы в достижении намеченных целей были грандиозными.

Но не углядел прореху в системе генеральный директор. Знал он, что геологи народ ушлый, отчаянный и порой, выполняя свое геологическое задание, то сетку поставят, усадив вертолет на далеком недоступном озере, то заскочат на охоту с открытием сезона. Раз за разом строжился он, прилетая на дальнюю точку. Ругался было, убеждая, что до беды тут недалеко. Но понимал Дмитрий Павлович — работа такая, да и люди в геологии не маменькины сынки, и получается у них дело делать именно оттого, что они вот такие — бедовые, работают часто на риске, порой просто самоотверженно. Ибо мало кто и вспомнит, что уран фонит и по капле отнимает, высасывает здоровье — хочешь ты этого иль не хочешь. А геологи все равно лезут в штольню, шурф — в пекло без проверки и опаски и делают свое дело. Но, прибывая раз за разом на точку, угощали его геологи то копченым хариусом, то ухой из тайменя, то сохатиной и, нимало не тушуясь, отшучивались, что охота дело благородное. Качал головой в ответ Дмитрий Петрович, понимая по сути, что без этого в геологии никак: духа первопроходческого, стремления охотника-добытчика у мужчин не отнять, да и не проживешь в тайге на тушенке и галетах.

Самолет встретился снова с землею через пять часов полета на восток, и раннее утро зимнего дня было сумеречным. Путь на такси до дома был быстрым — и вот дверь квартиры, за которой еще отдыхали в этот ранний утренний час родные. Состояние Дмитрия Петровича было странным. Он шел, двигался, что-то делал, но видел себя как бы со стороны. Это вот я, думал он, человек, которого совсем недавно вывели за скобки системы, где он существовал и вершил большие нужные дела. А теперь его как бы уже и нет — есть оболочка, внешность, но был ведь дух, что вышибли нынче, распылили, превратили в небылицу.

Бобров прошел в кабинет, открыл сейф. На звуки встала жена и заглянула к нему в кабинет бодрая уже, как будто и не спала. Странно, но и ее Бобров видел как бы со стороны — третьим в их компании: вот он, вот она, а видит он эту парочку, как на экране.

Жена улыбнулась ему, поприветствовала и сказала что-то шутливо о том, что он так быстро вернулся, что она даже и не успела погрустить-соскучиться и не устроила девичник, обычный, когда он уезжал в командировку. Шутила супружница, а он знал — ждала и скучала. А жена, отметив «зашторенность» мужа, бросила с улыбкой, прикрывая дверь:

— Сейчас приготовлю завтрак.

Бобров достал из сейфа наградной пистолет, спрятал его в кармане, шагнул в прихожую, накинул пальто на ходу и, открывая дверь из квартиры, бросил жене, которая, уже реально встревоженная, выглянула из двери кухни:

— Все! Меня нет! — и шагнул на площадку.

Он знал, куда ему пойти. Перед отъездом с друзьями они ходили в бассейн — свой, на содержании объединения, выстроенный в микрорайоне, в котором было престижно получить жилье сотрудникам полевых партий. В бассейне имелись тир и сауна, и время можно было провести интересно.

На входе в бассейн его встретил сонный вахтер: узнал, козырнул, приветствуя. Бобров не вступил в разговор, как делал обычно, — сберег эмоции, попросил ключи от тира, улыбнулся кривенько на реплику:

— Отчего так рано, Дмитрий Петрович?

И зашагал спешно в подвал, где тир и размещался.

Здесь, в этом глухом помещении за стальными дверьми, словно в склепе, Бобров вспомнил вчерашнюю встречу, то унижение от министра, и ощутил, как побледнел, кровь отхлынула от лица, сразу захватил сознание вихрь бунтующей крови, запекло в сердце. Захотелось все сделать скорее. Он знал, что тут ему никто не помешает, и он знал — жить он далее не сможет.

Дмитрий Петрович в очередной раз увидел себя со стороны, лежащим на неаккуратно уложенном шахматными квадратами кафеле лицом вверх с раскинутыми руками и глазами, устремленными ввысь, а темное, словно черная дыра, поглощающее свет пятно крови растекалось медленно вокруг головы, словно лава из вулкана после извержения.

Алёна КУБАРЕВА

ГДЕ МОЙ ПОЛОВНИК

— Надо взять половник и саму себя черпать...

— Что? — я оторвалась от своих тетрадей и книжек и удивлённо посмотрела на тётю.

— Надо черпать саму себя! — повторила она и вдруг взглянула на меня испуганно. — Ты не выдашь?

— В смысле, тёть Лид?

— Там кто-то стучит. В дверь. Ты не выдашь? — тётя Лида замерла, подняв узловатый палец. В её глазах — ужас.

— Пойду посмотрю, — я пожала плечами и встала со своего места.

Тётя Лида схватила меня за руки и всхлипнула.

— У меня ведь ничего нет! Совсем! Меня уже завтра отсюда увезут. А если дождь закончится... — она вдруг закрыла лицо руками и мелко затряслась, повизгивая и подвывая. Я устало опустилась рядом с ней на диван и погладила по голове.

— Вас не увезут. Вы тут живёте уже сорок лет, это — ваш дом!

— Сорок лет? А какой этаж?

— Девятый...

Тётя Лида перестала плакать и захлопала в ладоши.

— Ура-а-а! Девятый! Как хорошо! — и она засмеялась.

Господи, что я тут делаю? Я, которой так много надо!..

И ведь это не вчера началось. Сколько лет я только тем и занимаюсь, что за всеми разгребаю! Почему? Это что — и есть моя судьба, моё предназначение?!!

Тётя Лида снова плакала.

— Я ведь учусь, а мать не знает. А если узнает, будет меня бить, — и тут же, без перехода: — Что это у меня на ногах?

— Где?

— Вот!

— Тапочки.

— Тапочки. Сижу я. Не обращайте внимания, — тётя Лида схватилась за сердце. — Я правильно делаю, что не живу...

— Что?

— Не живу, — старушка грустно улыбнулась. — Сердце у меня никуда не смотрит.

А я — живу? И куда моё сердце смотрит?

«Сегодня идут без конца те же тучи, гряда за грядой...»[1]. Когда-то тётя Лида работала инженером, ездила в санатории, ходила в турпоходы. Была активной общественницей. На байдарках даже сплавлялась! А вот с мужем — разошлась; детей не случилось. Но она даже радовалась: «Как хорошо одной!» А теперь ей — восемьдесят пять. И она никому не нужна, кроме своей деменции, которая с каждым днём пожирает её всё больше.

Вот она сидит под дверью и разговаривает с воображаемым собеседником. О чём-то спрашивает, уговаривает — готова отдать ему ключи и вообще всё.

— Забирайте! Всё — для вас...

Всё — для вас!.. Ничего или почти ничего — для себя.

[1] Строка из стихотворения И.А. Бунина «Одиночество».

Была у меня сестра. Мать считала её гениальной. За это сестре разрешалось не убираться в квартире, не мыть посуду, не стирать, не гладить — вообще не пахать. Всё это делала я. А сколько раз сестра пыталась покончить с собой — три, четыре? Потом я собирала тряпкой содержимое её желудка, вытирала кровь... И всё думала: почему — я? Почему не могу вот так же — вскрыть вены, наглотаться какой-нибудь дряни, не думая о тех, кто будет бегать по больницам и участковым, кормить меня с ложечки, вытирать пол?

Однажды сестра залезла на рояль и написала тушью на потолке: «Жалко, бога нет!»[1] У неё Его не было. У меня — есть...

А когда сестра умерла, у меня на руках остался её маленький сын.

— Мама! — доверчиво говорил он, улыбаясь и протягивая мне свои нежные пухленькие ручки.

— Я — не мама. Мамы больше нет, — терпеливо объясняла я. На глаза его наворачивались слёзы...

— А ко мне писатель пришёл! С мальчиком! У него — такие интересные лапотки! Новые! — тётя Лида рассказывает мне очередную историю, бог знает откуда взявшуюся в её голове. — Вот — видишь, сидит у меня, дурачок!

Когда мне было девять, меня оставили на несколько часов одну с бабушкой. Бабуля, полупарализованная после инсульта, лежала на кровати и только «мекала»:

— Ме-ме-ме-е-е!

— Что ты хочешь? — дрожа, спрашивала я.

— Ме-ме-е...

— Есть?

— Ме-е-е...

— Пить?

— Ме-е-е...

Как же страшно было подходить к ней!.. Ведь это — уже не та бабушка, которую я знала — строгая, скрытная, чистоплотная. Это — жалкий, гниющий полутруп. И смотреть-то жутко! А уж как ныло сердце!.. Я старалась подольше оставаться в саду. Вот и подружку пригласила и затеяла с ней игру в догонялки — только бы не идти к бабуле! Бегу и соображаю: так — нельзя. А сердце-то, сердце — болит! Ну, не могу! Так хотелось забыть об обязанностях! Так хотелось — быть собой, ребёнком!

Вот уже час-два, как я не навещала её. А идти — надо! Наконец, пересилила себя... Бабушка сползла с кровати и сидела, привалившись к ней... Она смотрела вперёд невидящими глазами и что-то нашаривала на полу.

— Бабушка!..

Я разрыдалась. Мне никогда это не убрать! Она увидела меня, ухватила, притянула к себе и пронзительно закричала в самое ухо:

— Ме-е-е!..

— Бабушка! А-а-а! — я запаниковала, задёргалась во все стороны, мгновенно ощутив страх смерти. Вырваться, скорее вырваться из её омерзительных, грязных липких рук! Но бабуля, похоже, вложила в эту хватку свою последнюю силу. Поняв, что оторвать бабушкины пальцы от себя не удастся, я постаралась её поднять... Сорок килограммов — против ста двадцати. Я чуть не сломала спину. Больно, противно, плохо... И я ничем, ничем не могла ей помочь! Я плакала — и бабушка тоже. Ме-е-е!..

— Я — Лидия Ивановна!

— Я знаю.

— Я должна знать, где мой дом.

— Он — здесь!

— Сразу?

— Что — сразу?

— А вдруг он меня выгонит?

— Кто?

— Ну, он — дом.

— Да никто вас отсюда не выгонит, успокойтесь! Живите себе! — улыбаюсь я.

Всплёскивает руками, улыбается в ответ.

Бедная тётя! Несчастное дитя! Хотя, может — счастливое? Ведь каждый день для неё — новый и молодой. И мать ещё жива, и отец, и старшие братья. И учится она, и работает, и на прогулки ходит. И в парикмахерскую, и в зоопарк. И одежду сама себе

[1] Финальная фраза поэмы «Цыгановы» Д. Самойлова.

шьёт. А то и из-за границы привозит... Всё это она рассказывает мне. Каждый раз — по-другому. И при этом — радуется. Но вдруг приходит печаль.

— Я вот всё время думаю...

— О чём, тёть Лид?

— Надо что-то делать!

— И как — надумали?

— Да! Надо черпать! Черпать надо себя!

«Э-РЕС»

«Э-рес», — первое, что выучила Сол. Так говорила старая, со́гнутая пополам бабка в балетном классе. Больше всего она — своей манерой бормотать под нос — напоминала маньо́[1]. Сол даже боялась к ней подойти. Но ведьма оказалась не такой уж страшной. И потом, она всё-таки принимала экзамены в училище. Значит, была человеком.

Бабка со всех сторон осмотрела Сол, ощупала ей стопы, заставила прошагать, высоко поднимая ноги, туда-обратно, протанцевать польку и ки́вком подтвердила: годишься. Позднее Сол узнала, что эта маньо, на самом деле — йочо́н[2]. И — знаменитая в прошлом артистка Кондрашова. «Кондраша́», как с придыханием и только шёпотом, сдвигая брови — «очень строгая!» — говорили ученицы. Сол увидела фотографию этой йочон в коридоре, когда шла в кабинет администратора оформляться в общежитие.

Родители, проводив до дверей училища, уехали, и Сол стало страшно холодно и одиноко. Наверное, как дедушке — он ушёл в прошлом году из дома, а потом его нашли в снегу, воскового и кроткого, и на груди его верхом сидел маленький мальчик, который пропал, растворился при виде родных... Сол вспомнила и содрогнулась. На похоронах все были в светлых одеждах. И вокруг суетились — сначала на них никто не обратил внимание, думали, какие-то дети, они были с чашечками риса в руках, — едва различимые... «Вонгви[3]! — пронеслось в голове Сол. — Это они!» И мороз тотчас выхватил дыхание, окутал её — сначала лоб, потом расширенные от ужаса глаза, потом всё тело — и сделал жемчужной и больной...

Но Сол всё-таки тащилась — пожалуй, на одной силе воли, с трудом вытаскивая ноги из свинцовой тины коридорных досок. И тёмная стужа чужой страны — из стен, как из леса — таращилась на неё со всех сторон. И грязно-белые призраки — тоже... Откуда они взялись?! Прилетели вслед?!!

Но вот появилась йочон «Кондраша». Розовая и молодая, она вылетела в сверкающей балетной пачке из-за угла, в золочёной рамке, которую вдруг выхватила из-за спины, будто острый меч-солнце. «Э-рес!» — сделала выпад, легко и бесподобно атаковав холод и духов. Схватка длилась недолго — враги пали ниц. И запросили пощады, признав «Кондраша» своей госпожой. «Мансе́[4]! Ура!» — кричали они.

И вспыхнула за окном — нет! заискрила, салютовала: всем! всем! всем! — самая яркая в мире, самая тёплая жёлтая звезда. А на зелёный мобильник Сол позвонил папа...

— Аппа́[5]! — засмеялась и одновременно заплакала от радости Сол...

...А ещё позже Сол выяснила, что «э-рес» — это просто счёт. И правильнее говорить «раз». Но переделать себя и свой язык, даже став взрослой, Сол не смогла. Или не захотела — из благодарности к первому педагогу. К «Кондраша»...

В общежитии таких, как она, не оказалось.

— Ты кто? — сплошь большеглазые девочки, обступив, с любопытством разглядывали трико — Сол не успела переодеться — и потихоньку сильно щипали её тело.

От боли Сол едва не превратилась в реку. Но папа на прощание сказал: «Тяжело? Улыбайся! Во весь рот, будто тебе весело, как никогда! Пусть никто не узнает, что на душе...» И Сол поверила, что только так можно одолеть жизнь. И удержалась.

— Как тебя зовут? — нетерпеливо повторила девочка с зелёными косичками.

Сол улыбнулась.

---

[1] Маньо — ведьма *(здесь и далее — корейск.)*.

[2] Йочон — фея.

[3] Вонгви — злые духи, призраки людей (и детей), умерших насильственной смертью; духи ищут тех, кому можно рассказать свою историю, чтобы добиться справедливости.

[4] Мансе — ура.

[5] Anna — папа.

— Фу, дурочка! — недовольно сморщила нос та, что подошла раньше всех, — с жёлтой короткой стрижкой.

— Не дурочка, а Снежная Луна, — поправила Сол: вдруг каким-то странным образом поняла, о чём спросили. Но сказала, конечно, на родном языке.

— Ты не русская, что ли? — удивилась жёлтая. — Я думала, из Бурятии...

Сол растянула губы ещё шире. Она хотела быть вежливым гостем. Показать, что незнание корейского — не такой уж большой грех. В самом деле, с кем не бывает! Пустяк! Да и выучат ещё!

— Хватит над нами ржать! — сердито крикнула зелёная. — Так умеешь? — и она сделала плие на полупальцах: низко присела — без всякой опоры! — на носках, широко разведя колени и выгнув подъём.

Сол посмотрела на её ноги. Ага! «Э-рес!»

— Да ты неправильно ставишь! Кто только учил! — воскликнула жёлтая. И рассмеялась.

Впоследствии она — Но́ра — оказалась замечательной. Даже лучшей. Опять папина школа: «Сделай всё, чтобы враги стали твоими друзьями». Делилась с Сол посылками из дома.

— Шоколад! А можно? — удивлялась Сол.

— Мне — нет, тебе — да! — хитро подмигивала Нора и, дёрнув Сол сзади за волосы, в открывшийся — «а́й!» — рот ловко всовывала кусочек плитки...

Жаль, Нора (но́ран сэк, жёлтый цвет) ушла из училища, не дотянув до выпуска пару недель...

— Чалька[1]-печалька! А ты обманула, что Луна. Ты — Сол-нце! — Нора грустно улыбнулась, но тут же взъерошилась, дёрнула плечом, рот скривила. Сол захотела её обнять. Нора увернулась. — Ты что? Нельзя! Заразишься!

Тогда Сол протянула конфету.

— Ах, да! — Нора усмехнулась ещё горше — сердце Сол сделало болезненное фуэте. — Теперь мне можно...

— Это — духу дороги, — Сол покраснела, опустила глаза.

...А другая подруга — Хорёк, та, что с косичками (чхорок сэк, зелёный цвет), прикрывала спину, когда Сол в последнем классе сбега́ла в театр — изучать партии ещё и там. Хотя «Кондраша» думала, что к любовнику. И Сол не разубеждала её — не собиралась выделяться на фоне других. «Пока достижения не доказаны, хвастать нечем», — говорил отец.

— Лучше бы от своих товарок хорошему научилась, — качала головой, ловя Сол в коридоре, уже совсем седая, сложенная в четыре раза «Кондраша».

Она улетела на Большую Медведицу[2] незадолго до первой главной роли Сол. И не получила от неё цветов. И не узнала, как Сол её любит.

Но стоя за пагодой — исполняли любимую «Баядерку», обмирая от премьерного страха — сейчас её — её! — выход! — Сол услышала голос «Кондраша». А в нём — удивительно! — отцовские ноты...

Голос спросил:

— Помнишь ли?.. Киокнаё[3]?

Сол кивнула.

— Сичак[4]! Вперёд!

«Э-рес!» — тихонько поклонилась Сол и выпорхнула на сцену.

И когда её в танце ужалила змея[5], Сол улыбнулась. Вернее, так: показалось, Сол поцеловала — слегка укусила — змею.

---

[1] Чалька – пока, до свидания.

[2] В доске, на которую укладывают мертвых, корейцы просверливают семь отверстий, символизирующих звезды Большой Медведицы; считается, что именно на это созвездие устремляются души людей после смерти.

[3] Киокнаё – помнишь? *(Неофиц.-вежлив.)*

[4] Сичак – вперед.

[5] По сюжету балета «Баядерка», главную героиню Никию – а именно ее партию танцует Сол – кусает змея.

Людмила МИТРОХИНА

РУСА

Вырвав с боем долгожданный кусок очередного отпуска, на крыльях короткой головокружительной свободы Мила выпорхнула из проходной Северных Верфей, радуясь, что целых восемнадцать дней она не будет видеть огромный тусклый коридор с мраморной лестницей нескончаемых междоусобиц, своих моложавых начальников из «новых русских» с повадками ненасытных шакалов, бестолковыми указаниями и тюремным режимом. В руках у неё была зажата путёвка в санаторий «Старая Русса», а в душе таилась надежда на уединение, восстановление сил и соприкосновение с вечностью под колокольный звон древнерусского Воскресенского собора.

Стоял студёный март 1999 года. Старая Русса встретила её слякотным тягучим молчанием спускавшихся с неба сумерек, провинциальной тишиной замедленного ритма жизни, неторопливостью редких прохожих и невозмутимой заторможенностью обслуживающего персонала санатория. После дикого напора нервической суеты Петербурга ей показалось, что она оглохла и погрузилась в ватную дрёму. Санаторий произвёл на неё впечатление престарелого, много пережившего человека, не знавшего излишеств и богатства, в заношенной, но чистой, залатанной и опрятной одежде, с душой младенца и ясностью мудреца.

Решив оберегать своё драгоценное одиночество, Мила заранее заказала одноместный номер. В день приезда она вышла перед сном подышать необычным, волнующим чистым воздухом. Походив перед своим корпусом, она присела на скамейку. Все давно попрятались по тёплым комнатам. В безветренной тишине затемнённого парка расслаблялись напряжённые мышцы и затухали, как свечи, прыгающие картины пережитых событий.

К корпусу не спеша направлялся мужчина, рядом с ним, шаг в шаг семенила крупная рыжая собака. Надо же, отметила про себя Мила, здесь можно проживать со своими питомцами. Да, у провинции есть свои преимущества. Подойдя ближе, мужчина заговорил с Милой, шутливо жалуясь, что за время своего пребывания так и не завёл себе подругу, кроме этой собаки, которая ходила за ним по пятам, отбивая охоту прекрасного пола знакомиться с ним. Мила была поражена — собака оказалась бездомной!

— Никакая женщина на свете не сможет заменить бескорыстную любовь такого прекрасного существа, — сказала она мужчине.

Перед ней на стройных высоких лапах стояла крупная, великолепная бело-рыжая колли с узкой аристократической удлинённой мордой, со стоячими изящными мягкими ушками и с шикарным пушистым хвостом, не вилявшим угодливо, а спокойно лежавшим вдоль стройных мохнатых задних лап. Слова были услышаны и поняты абсолютно правильно: собака пристально посмотрела на Милу карими глазами, спокойно подошла и подсунула свою морду под ладонь для ласки. Взгляд карих глаз колли напоминал о чём-то до боли родном и печальном.

«Господи! — подумала, — помоги ей выжить и найти опору».

На следующий день Мила узнала, что собаку называли Эльзой. Настоящего имени никто не знал. Она появилась на территории санатория около года назад и постоянно выбирала по своей интуиции мужчину, чтобы сопровождать его по всем предписанным процедурам и прогулкам.

Местные говорили, что год назад приезжего хозяина, интеллигентного старичка, увезли в больницу. Так собака и осталась одна. А мальчишки до сих пор помнили, какими золотыми медалями была увешана собачья шея.

К её судьбе не все были равнодушны. Королевская колли была единственной породистой и беспризорной собакой в стае дворовых хозяйских псов, сбегавшихся, как по звонку, к корпусам санатория после завтрака, обеда, полдника и ужина за лакомыми кусочками, которые щедро летели из рук насытившихся людей.

На следующий день колли не появилась, и Мила с огорчением узнала, что мужчина, которого она сопровождала, уехал. Не взял, подумала она, а собака надеялась. Теперь страдает где-нибудь в укромном месте. Через пару дней, выйдя после завтрака из корпуса, она увидела колли, сидящую вдали от стаи дворовых псов, которые на лету хватали летящие куски еды, жадно лязгая зубами. Долетавшие до неё куски она подбирала с земли, не торопясь. Из рук брала только от избранных. Если к ней подходил

человек, который ей не нравился, она сразу отходила в сторону. Рядом с собаками, чуть поодаль, крутилось множество котов и кошек с котятами. Все уживались на время получения корма, как дикие звери в жаркие сухие дни во время священного водопоя.

Главное, давала Мила себе установку, не приручать, не кормить (слава богу, есть кому подать), не ласкать, одним словом, не давать надежды. Сейчас холодный март, скоро весна, а там и лето не за горами. Продержится до тепла, а там, глядишь, кто и возьмёт. Уж больно хороша, деликатна и умна, хотя не для всех эти качества являются преимуществом. В моду стали входить собаки без интеллекта, с тупой агрессией, со взбитыми каменными мышцами, с мёртвой хваткой акульих челюстей, подозрительные ко всем живым существам и униженные страхом перед властью хозяина.

Мила с нетерпением ожидала, когда колли выберет себе мужчину для сопровождения, чтобы вновь исполнять свой долг, живя иллюзиями короткого призрачного собачьего счастья. Правда, её не покидало чувство, что колли ведёт за ней дистанционное наблюдение. Она упорно делала вид, что этого не замечает.

Именно здесь, в Старой Руссе, первый раз в жизни на её глазах происходила великая метаморфоза природы — перерождение дряхлеющей зимы в чудодейственную весну. Старинный парк из породистых могучих деревьев с маленькими березовыми чащами, прозрачными, как плетёные кружева, на фоне голубого неба, дышал миллиардами набухающих почек, к которым стремилась жизнь по кровеносным артериям стволов и ветвей из земли, обласканной тёплыми лучами ослепительного солнца. На проступающей чёрной бархатной земле живописными белыми узорами сверкали заснеженные ледяные проталины. Вороны с учёным видом важно изучали чёрные островки растаявшей земли, выклёвывая живой корм. Щебет птиц, переживших зиму, становился с каждым днём сильнее и радостнее. Ночи сверкали звёздами и лунным светом, который, казалось, проникал сквозь шторы и стены, завораживая и тревожа душу. По утрам парк сверкал и искрился божественным инеем до появления полуденного солнца на безоблачном бирюзовом небе.

На оголённых ветвях мощных деревьев под густою небесной синевой качались тёмными шарами многочисленные опустевшие гнёзда. Почему их так много, недоумевала Мила. И вот в один из дней она неожиданно услышала громкие разноголосые крики огромной стаи птиц. Они затмили собою всё небо. Как по команде стая чёрных птиц то взлетала, то опускалась на ветви деревьев, перелетая с дерева на дерево. Через некоторое время к первой стае присоединилось ещё несколько. Затем птицы стали рассредоточиваться по всем гнёздам, крича, порхая, радуясь, скандаля и дерясь за гнёзда. Это были перелётные грачи. Восторг от увиденного застыл солёным комом в горле у Милы. Хрестоматийная картина Саврасова «Грачи прилетели» ожила на глазах.

Волнение от происходящего в природе и пронзительный лунный свет не давали ей спать в эту ночь. Она подошла к окну, очарованная серебристым неземным светом. Взгляд упал на землю, и она вмиг похолодела. Там на снегу под горящим фонарём сидела колли, неотрывно смотря на её окно. Мир потускнел. Всепоглощающая жалость стала разливаться по телу, вонзая острые стрелы в ноющее сердце. Страшное одиночество живой души, окружённое застывшим молчанием ночных звёзд, обдало ледяным дыханием. Стало стыдно за своё тепло, сытость и защищённость. Всё, сказала Мила себе, я пропала, все выстроенные преграды и уловки рухнули, как карточный домик.

Утром перед завтраком она, как обычно, вышла, чтобы пойти в павильон выпить минеральной воды. Колли уже ждала её у входа. Как ни в чём не бывало она засеменила рядом, вошла с ней в застеклённый павильон, уставленный редкими декоративными цветами и растениями, дождалась, когда она осушит стакан, и повела её из павильона. Идя впереди, колли постоянно косила взгляд в её сторону, предлагая следовать за ней. Проходя заледеневшие за ночь лужи, она разбивала их лапой и пила из них воду. Мила, как привязанная, ходила по её тропам с засохшими серо-бурыми волнообразными камышами, по живописным перелескам вдоль минерального озера со старыми сгнившими мостками, ощущая морозную свежесть, утреннюю тишину и первобытный покой. Им было хорошо вместе. Мила говорила с ней обо всём. Сказала собаке, что та — Руса и это имя ей к лицу. Руса сразу же стала откликаться на своё имя. Будто по часам, Руса привела её на завтрак, по-деловому устроившись недалеко от корпуса.

Итак, началась ревностная собачья преданная служба и разрастающаяся с каждым часом радость от соприкосновения с этим удивительным, трепетным, добрым и умным существом. Руса обходилась без лая. Она легко передавала свои мысли и настроение выразительностью глаз, походкой, поворотом головы, позой или кончиком чуткого лисьего хвоста. Врождённой пластикой, как балерина, она грациозно доносила всю минорно-мажорную гамму чувств, живущую в ней.

Руса была наделена очаровательной женственной походкой. Игриво поигрывая бёдрами, на стройных высоких лапах, покачивая в такт великолепным рыжим хвостом

с кокетливым белым окрасом на кончике, она притягивала все взгляды, как людей, так и собак. Мощная шея, обрамлённая густой белой манишкой, удлинённая аристократическая морда с выразительными глазами, породистые приспущенные небольшие мягкие ушки, сдержанная манера поведения — внушали уважение и интерес.

С каким поистине царским великодушием она относилась к маленьким дворовым псам и кошкам, оставляя для них кусочки еды и деликатно отходя в сторону, замечая их настороженность. Как гордо и независимо она держалась перед крупными собаками, которые старались её обходить стороной. Неспроста, подумала Мила. Такое отношение к себе можно завоевать только в борьбе. Когда однажды к ней со всего разбега подбежал огромный молодой пёс, Мила увидела, как Руса молча, не рыча и не отступая, по-волчьи оскалила все зубы. Оскал она держала до тех пор, пока пёс не увидел его и не отпрыгнул назад. Такого звериного оскала у собак она не видала прежде. Ей стало легче на душе. Это тоже помогает выживать Русе.

В скором времени они стали почти неразлучны. Лишь на ночь и дневной сон расставались. Медицинский персонал санатория был удивлён тем, что Руса впервые выбрала для сопровождения женщину. Так как ночи стояли морозные, Мила с дежурными медсёстрами после ухода начальства запускали Русу в холл, пряча её под столом, откуда она не выходила и лежала неподвижно, наслаждаясь теплом. На прогулках Руса не желала, чтобы её гладили отдыхающие. Молча терпела ласку короткое время, а потом чуть-чуть оскаливалась, давая понять, что ей это неприятно. Мила понимала и просила людей отойти.

Однажды поздним холодеющим вечером пошёл сильный дождь со снегом. Мила стала искать Русу, чтобы впустить в холл на ночь, в душе надеясь, что всё же есть у неё какое-нибудь местечко под крышей. Неожиданно она увидела в насыпи песка какое-то движение. Подойдя ближе, обнаружила, что в выкопанной ямке, свернувшись калачиком, подрагивая, лежала Руса. Она поняла, что Руса всю зиму спала под открытым небом. Шерсть на теле из-за плохого питания была тусклая и прореженная. Как она не закоченела зимой? Видно, добросердечные медсёстры, впускавшие её иногда в холл в жестокие морозы, помогли ей выжить. Мила стала метаться по корпусам санатория, чтобы пристроить Русу на ночь как охранную собаку. Просила сторожа корпуса, где находился концертный зал и кинотеатр. Но все ссылались на запрет начальства.

На прогулках Мила разговаривала с Русой о наболевшем, убеждая её, что скоро лето и, может быть, всё образуется. На что та поджимала хвост, опускала голову вниз, делая вид, что её что-то сильно интересует на земле. Мила потеряла аппетит, покой и сон. Лечебный источник производил на неё обратный отрицательный эффект. А когда она пошла на концерт классической музыки в исполнении детского ансамбля местной музыкальной школы, то поняла, что нервы её окончательно сдали. Под грустные мелодии и чистые детские голоса она захлёбывалась немыми рыданиями и, пряча за программкой зарёванное лицо, видела перед собой сквозь пелену слёз размытую акварель собачьей морды с трагическими человеческими глазами, полными отчаянья и безнадежности. Мила, наконец, узнала эти глаза. Это были тёмно-карие глаза её матери, скорбящие по утратам в безысходной тоске, затравленные одиночеством и сердечной болью. В то время у неё была свадьба, у мамы — развод с отцом после почти тридцатилетней совместной жизни. С этой незатянувшейся раной мама вскоре и ушла из жизни.

После концерта Руса ожидала её у выхода.

— Руса, — сказала она ей, — ты видишь, что я уже не в состоянии бороться с собой, пошли звонить мужу, чтобы он дал нам согласие, ведь на нём будут твои вечерние прогулки из-за моих поздних приходов с работы.

Так началась эпопея утомительных нервозных звонков мужу с аргументами, просьбами, колебаниями и отказами. Мила носилась с Русой по собачьим тропам, передавая телефонные разговоры, терзая себя и её. Они явственно ощущали, что время близится к концу. Мила в страшных сценах представляла себе, как она с чемоданом в руках переступает через Русу, садится в автобус и уезжает у неё на глазах. Одна только мысль об этом повергала её в ужас. Руса терпеливо и мужественно ожидала свой «смертный» приговор. Мила же твёрдо знала, что без неё она умрёт — и быстро.

Осталось три дня до отъезда. Мила почернела, исхудала и измучилась. Руса вдруг куда-то пропала. Неожиданно к Миле подошли две женщины и сказали, что на их глазах на совершенно пустынной улочке легковая машина сшибла колли. Был стук, но собака вывернулась из-под колёс и убежала. Мила стала методично обыскивать все закоулки парка, знакомые собачьи тропы, близлежащие улицы и дома, чтобы найти своего несчастного друга и никуда больше от себя не отпускать. Она увидела её, шедшую к ней навстречу, чуть прихрамывающую, вытянувшую по ветру свой длинный нос, улавливающий в воздухе её запах — запах последней надежды. У Милы были глаза, красные от слёз, у Русы — с кровавым подтёком от удара. Они побрели к телефону.

Когда муж взял трубку, говорить не могла. Из горла вырывались судорожные всхлипы и непонятные междометия. Ком слёз душил её и разрывал слова на части. После длительной паузы муж произнёс:

— Чёрт с вами, приезжайте!

Такого счастья и облегчения души Мила никогда не испытывала. Выбежав из корпуса, она закричала:

— Руса, мы едем домой!

Колли всё поняла. Они побежали в свой корпус, чтобы сообщить про эту новость медсёстрам. Миле разрешили взять собаку к себе в комнату, чтобы они не разлучались. Устав от переживаний, под радостные голоса, Руса, уже не прячась за стол, повалилась поперёк холла на бок и отрешённо заснула. Мила решила, что, пока Руса спит, она успеет сбегать в соседний корпус, чтобы сделать ещё один звонок. Выйдя из корпуса после телефонного звонка, она увидела собаку, сильно взволнованную. Оказалось, как ей позже рассказали, что через несколько секунд, не слыша её голоса, Руса вскочила и стала метаться по холлу. Медсёстры принялись её успокаивать и говорить, что хозяйка скоро придёт. Чувствуя родной запах, понимая, что Мила ещё не ушла далеко, Руса, не веря человеческим обещаниям, со всего разбега стала кидаться грудью на стеклянную дверь, стараясь вырваться из помещения. Она билась в полном отчаянии и ужасе, что потеряла хозяйку, пока спала. Потрясённые женщины открыли дверь, и Руса вихрем помчалась по следу. Больше они никогда не расставались, не предупредив друг друга, где надо ждать.

И вот уже в номере Руса спала в кресле рядом с кроватью Милы, направив свой длинный нос на неё, периодически тыча им в её спящее лицо, видимо, чтобы убедится, что она рядом. Мила была приятно удивлена этим поведением в быту. Руса не терпела никакого насилия и команд. В чём они с ней были удивительно схожи. Она решила вымыть Русу в ванне. Налила воды и повела её к ванне, подталкивая сзади, затем потянула за холку. Руса упёрлась, как ослик — собаку не поднять, а вымыть надо. Мила растерялась. А потом стала её просить самой прыгнуть в ванну, приведя для этого довольно убедительные аргументы. Руса всё выслушала и без команды прыгнула в воду.

В зоомагазине, в окружении любопытных мальчишек, они с Русой тщательно выбирали ошейник и поводок. Перепробовали почти всё, что было для больших собак. То, что было ей не по душе, она скидывала с себя или стряхивала. Надо отдать должное её вкусу. Она выбрала натуральный кожаный ошейник средней величины с медными заклёпками и плетёный, не длинный кожаный поводок.

Санаторий гудел. Все приходили на водопой в стеклянный павильон, чтобы застать их вместе, сказать добрые слова и дать полезные напутствия. Руса незаметно, но быстро изменилась. Она выпрямилась, стала значительной и помолодевшей. После лечебного стакана подогретой минеральной воды Руса подводила Милу к скамейке и садилась рядом, горделиво подняв морду, внимательно слушала восторги и похвалу в свой адрес, при этом категорически не давала себя гладить. Особо она не любила мальчишек подросткового возраста, не разрешая им даже приблизиться к себе, щерилась и лязгала в воздухе зубами. Недоумённые мальчишки сказали, что она рожала щенят в приюте, а потом какая-то женщина взяла её к себе силком, и она от неё сбежала. Досталось ей от этой горькой неволи и неприкаянной свободы.

Получив собачье удостоверение, справку о прививке от бешенства, попрощавшись с любимыми тропами и минеральными водами, Мила с Русой на стареньком холодном автобусе двинулись к дому в Санкт-Петербург. Они сидели прижавшись друг к другу, слившись в одно целое, шелестя фантиками дорогих шоколадных конфет, которые делили поровну, по-братски. На душе было умиротворённо. Мила знала, что предстоит борьба за её здоровье, но это только придавало силы. Всепоглощающая любовь Русы давала неоценимо большее — душевное равновесие, гармонию с миром и ещё что-то непостижимое, высшее, что неподвластно было её разуму.

Приехав в Петербург на автобусную станцию на Обводном канале, они не торопясь вышли последними из автобуса. Мила сразу увидела взволнованного мужа и непроницаемого сына. Вдруг, через несколько секунд, вокзал пронзил громкий звериный душераздирающий вой. Так мог выть тоскующий волк по убитой подруге в диком лесу. Это выла Руса, тревожно и истошно, подняв к небу длинную печальную морду. Все остолбенели. Прохожие остановились. Так же неожиданно Руса умолкла.

— Что это с ней? — спросил опешивший муж.

— Она узнала место, откуда её увезли, — догадалась Мила.

Потом, как ни в чём не бывало Руса запрыгнула на заднее сиденье автомобиля, положила морду на спинку кресла и стала смотреть в окно. Ей это было привычно в той жизни, подумала Мила.

Руса ехала домой, где её ждала ответная любовь всей семьи Милы, тепло и друг Гоша — сибирский кот, с которым она уже через неделю играла мячиком.

Александр БАЛТИН

ВОТ И ПОЛУЧИЛ ДВОЙКУ

Алёша Черёмухин жил в композиторском доме: старинный, массивный, словно гордо предъявляющий себя миру, он содержал квартиры благородного объёма — с высоченными (в детстве всё кажется высоким) потолками и таинственными, огромными коридорами.

Алёша хорошо рисовал. Мы рисовали у нас, в двухкомнатном нашем мире коммунальной квартиры, и Алёша, отделывая каждую деталь изображаемой машинки, был удивлён, как я успел сделать десять — но они были кривые и нелепые... А у него — линии пели, как возможно в сочинениях его деда композитора пели некоторые мелодии... Алёша был тщательным мальчиком, и тонкие рисунки его могли бы просиять на детской выставке.

Обрыв памяти: нитка, по которой шарик скатывается в бездну.

Лучше про Наташу Раввикович... Сразу вспыхивают золотые её волосы, словно переливаются драгоценно-волокнисто на осеннем солнце — Тициан не отказался бы написать. Она живёт рядом — дом тоже стар, как все тогда в центре Москвы, нужно спуститься по каменной лестнице в геометрию двора, где вечно недовольный дядька вечно чинит свою «Победу» и только одно деревце, и — будет её, Наташи, дом. Никогда не был в гостях.

Гуляли на Миуссах: чудном сквере, пышно вплывавшим в детство, и Наташа, набрав пригоршни осенней листвы, бежала ко мне, крича почему-то: «Я твоя весна! Я к тебе пришла!» — и кидала в меня рассыпавшиеся листья. Наверно, мы смеялись. Мир утонул в детском смехе. Наверно, мы были счастливы. Мамы разговаривали о чём-то сзади. Больше ничего.

Снова бусина воспоминания скатилась в бездну.

...меня оставляли у тёти Гали: кто она была? У мамы больше спросишь, а тётя Галя умерла так давно, будто и жила только в моём воспоминании. Жила она с матерью — бабой Лидой, старая и сохлая, что кора, суровая с виду, добра была...

Тётя Галя красила пасхальные яйца, вернее, не красила, покрывала их узором рисунков: каждому с изображением того, чем увлекался...

Нотный стан изгибался причудливо, либо мчалась машинка, либо ещё что-то...

Поди вспомни.

У неё была форма — пасхальный агнец, такой кулич и пекла, вставив ему, агнцу, изюминки глаз.

Помнится, отводили к Гале через опушённый, серебристый сквер, и скань деревьев мерцала рядом с плакатами, живописующими жизнь советских школьников. Счастливую, как моя, хотя школьником я ещё не был.

У тёти Гали был старый шкаф, набитый старыми же книгами, я рассматривал картинки... Летящие по небу существа надувают скульптурные паруса, огромный осьминог оплетает щупальцами корабль...

В коридоре, полутёмном и таинственном, стоял фикус: огромный, как радостная гроздь воздушных шаров. Подоконники растрескались, и ползали рыжие муравьи, ничуть никого не смущавшие. Всюду жизнь...

Я не подозревал, как любил добрую, тёплую, родную тётю Галю.

Потом был вечер — взрослый вечер на нашей новой квартире, и когда взрослые курили на балконе, Славка с забавной фамилией Беспяткин поинтересовался у мамы:

— Ляль, как Галю похоронили?

— Ма, — спросил я, чувствуя нечто непоправимое, — а тётя Галя умерла?

— Да, сынок, — сказала мама, не хотевшая огорчать до времени.

И сплошная солёная пелена поползла, заливая лицо, словно и в сознанье вывернулось что-то. Но этих перегоревших пробок не вставить.

Рассказать о Беспяткине? А нечего: курчавый и рослый, — был, как теперь понимаю, ходок... Подначивал меня, первоклассника, нагловато:

— Много двоек получил?

— Ни одной...

— А что ж их получать-то трусишь? Смелее надо...

Вывернутый юморок.

Тётя Люся, мамина подруга и жена Славки, стоит у окна нашей квартиры, и по фигуре её, по платку у глаз понимаю — нечто не так.

— Сейчас, Люсенька, — говорит мама. — Я на минуту...

А тётя Люся стоит у окна. Я понимаю теперь, что плакала из-за похождений Славки, придя к маме поделиться. Секс, в общем, союзен со смертью, хотя и стремится её побороть...

...и все-все-все, отразившиеся во мне, все, про кого я не знаю — живы ли мертвы, будто просеяны сквозь меня, оставшись крохотками воспоминаний, прожившие, как позволили силы, не открывающиеся людям, — были частью колоссальной эпопеи, в которой ничего не понять.

Верно, и не нужно.

Лучше не бояться получать двойки.

А это — мамино платье, одна из немногих оставшихся вещей, чёрное, с белым кружевом у ворота; и я, пьяный, вношу платье в комнату, спрашивая у жены:

— В этом может быть, маму?..

— Нет, там подберут.

Мама лежала в гробу в белом, как Офелия, платье, и я, боясь смотреть на неё, мёртвую, поскольку думал, что сойду с ума, стоял рядом с лодкой гроба, и мозг слоился нелепицей всего прожитого, в котором сложно что-то понять — чтоб сверкнуло точностью математической формулы.

Вот и получил двойку.

ИЛИ – ИЛИ

Кайф прогула, дающий острую, как рыбья кость, иллюзию свободы, требует усиления опалового ощущения, и шестиклассник, предпочитающий пестроту улицы убогой ограниченности класса, отчасти гордясь собой, лезет по пожарной лестнице школы.

Сначала сложно: прыжок, зацепиться за края, преодолеть небольшое пространство, заколоченное досками (вы жили в СССР?); потом — руки наполняются лёгкими звонами, тело приятно вибрирует от покоряющейся высоты, и предвкушение сладости шалости волшебно играет в недрах сознания.

Здесь!

Класс виден в окно — скучно аккуратный, как тетрадки отличницы, математически-строго сидящий; и очкастый Петров, вот ведь змеюка! восседает торжественно, сложив слабые свои лапки. Ни разу не подтянется!

Тогда Егоров, одолевший метры пожарной лестницы, высовывает язык, одновременно выставив чертячьи рожки правой рукой, и жадно ожидает, когда будет замечен... Будет.

Марь Петровна, обернувшись, наткнётся серыми своими глазами на язык, как штырёк, и рожки эти... Всплеснёт руками, прервав речь об каких-нибудь ацтеках — вот ведь скука! какая разница, как они жили! и, сомневаясь, даже с дрожью, поди, подойдёт к окну.

Ведь если сорвётся он, Егоров, сорванец из сорванцов, будет и ей, училке, неприятное нечто — в рёбра судьбы!

Он не сорвётся, не ждите: ловок, драчун, качок; и, видя жестикуляцию учительницы, намекающую на необходимость спуститься, только сильнее будет махать рукой с рожками.

Девчонки прыскают смехом; она, Марь Петровна, шикает на них.

Мордочка Петрова, частично скрытая большими очками, выражает недовольство.

Всё обошлось, конечно: спустился, был схвачен, скручен, пытали, казнили!

Ишь, размечтался... Нет, отчитывали просто, родителей в школу тягали, да привыкли те к сыночкиным выкрутасам, что им — мол, и хотели б сделать нечто, да не знаем, как...

— Ты, Петров, висишь, как мешок! — вклеить бы хорошую матерную блямбу, да физрук рядом...

Егоров тут — почти царь: всё на физкультуре ладно у него, девки любуются, пока он — любуется их задами и наливающимися грудями. Или налившимися...

Снопы пшеницы живот твой, гроздья винограда... Так выражался б висящий тупо на перекладине Петров, не способный подтянуться ни разу... Мешок и есть.

— Ша, Егоров! — физрук, вполне поддерживающий его, не должен допускать ран конфликтов.

Петров бухается вниз: долговяз и не складен.

— А ты, Петров, по-английски ни бум-бум!

— Нужен мне твой английский! — подходит, пружинист, к перекладине, и сейчас легко, считайте только, подтянется двадцать раз...

А потом, на истории, Петров, встав и не зная куда девать руки: выглядывают, как хорьки, будто обнюхивая пальцами ближнюю реальность, завернёт такой доклад об инках, что Марь Петровна заслушается, умильно сложив пухлые руки с тонкими, красно наманикюренными коготками.

Или инков не проходили в советской школе? Вспомни теперь.

— Пацаны, магаз взять — классное дело. Мы ж лихие парни...

— Ладно, Егор, не подбивай, куда нам...

Егор — понятно Егоров.

— Туда, Кислый, подготовиться, конечно, надо.

— Какой ты брать собрался?

— Ну не продуктовый же! не молоко ж с рогаликами тырить!

— Шмотки?

— Ну, куртки. Классные тут видел...

— В каком?

— В том, что за булочной...

Штырь глядит на Егора предано: на любое дело пойдёт, лишь бы Егоров одобрительно кивнул.

Родаки у Штыря — алкаши глухие, как он вообще ещё в школе держится, непонятно...

— Лучше морду Петрову набьём, очки его чёртовы расшибем! — предлагает Кислый.

Егоров великодушен:

— Чё его бить-то? Саданул раз, он и потёк. Меня побей, попробуй! А он... пусть живёт...

Разумеется, они говорят, густо уснащая речь матом. Не сознавая, что он — сквернословие, не понимая, как сквернят слова — что их сквернить-то? Вон их сколько.

Пока Петров — одинокий до ощущения онтологического ветра, продувающего душу, — сидит над книгами, погружаясь в слои истории, пёстрой и такой разнообразной, странствуя по художественным лабиринтам, шлифуя английский, на котором столько хочется прочитать.

Ведь Шекспир вовсе не гладок: он непроворотен, сложен и тёмен; а Джек Лондон писал так, как писал бы у нас двоечник, вдруг, ни с того, ни с сего, начитавшийся Державина и Карамзина.

Они отрабатывают карму — каждый свою: Петров и Егоров, хотя никогда бы не подумали об этом, живя в СССР, не зная, что страна обречена уже, и взрослая их жизнь пойдёт вне идеологии, которая внедрялась в умы столько лет.

— В том, что кармы не существует в земном варианте бытия, легко убедиться, посмотрев списки нераскрытых преступлений. Тяжёлых преступлений. И никто из совершивших вовсе не стремится донести на себя: мол, я старушку укокошил. Ещё к этому возьмите тиранов, поглядите их истории, сколько было, хотя б в одной Латинской Америке, совершая массу преступлений, нарушая все законы христианства, они живут долго, многие из них, и умирают в своих постелях...

Меч кармы вспыхивает в тонкой руке Петрова, и, словно преобразовавшись, он пускает молнии из круглых шариков глаз.

Так бы говорил... на каком-нибудь классном часу, начитавшись сладко-запретного тогда, отец, физик с широкими гуманитарными интересами, приносил ксероксы.

Классный час Петров, стянув на себя метафизическое одеяло, может исполнить, как соло; а на огоньке, что устраивает добрая и такая сексуальная Марь Петровна, прочитав стихи, чем завораживал, сожмётся дальше в уголке, когда зашумят, забушуют танцы, и, словно уменьшившись в росте, будет жадно грызть ногти, мечтая одновременно — потанцевать с Олькой, первой красавицей, и сбежать.

С Олькой танцует Егоров, давно знающий, как сладко и сочно устроена женская плоть, и, танцуя, легко сжимая её податливое тело, думает неожиданно: не думает, а бесенята мыслей прыгают в лаборатории мозга: «Какая карма? Он сумасшедший что ли, Петров, со своими стихами и прочей мурой?» Олька прижимается к нему, спортивно скроенному, выстроившему своё тело Егорову, шепчет: «У меня родители на два дня на дачу уезжают».

Петров исчез. Растворился в книгах своих.

Их связывает нечто: незримо и невозможно: Егоров никогда не позволит задеть Петрова, сам задевая его только словесно: остро ему кажется, примитивно на деле, Петров может ответить так витиевато, что никто ничего не поймёт. Он и не рассчитывает.

Их связывает нечто, и сам Егоров, ощущая зыбкости волокон-вибраций оной связи, никогда не признался б в них, а Петров и вовсе теряется от мыслей о подобном.

Его уважают — Петрова, не дружа с ним; с Егоровым дружат, побаиваясь, а так... уважать-то за что? Восхититься могут, как девчонки.

Петров идёт в гору. Он отличник, если б не физкультура, медаль была б его. Золотая. Крупный кругляш успеха.

...но как одолеть эту физру, когда козёл подставляет железные ноги, канат смеётся, вихляясь, а косный турник немо издевается своей недостижимостью: ну не приближается он никак, и слабые руки не позволят изменить ситуации.

Ничего. Он и так, без физры, коронной штуки Егорова, поступит в универ на исторический и двинется своей исследовательской дорогой. Он уже шуршит листами собственных монографий, и — как знать? — может быть, именно он расшифрует код истории, чего не удавалось никому. Тогда все девки эти будут... Петров обрывает себя, и, взглянув в зеркало, на некрасивое своё, удлинённое, с островками прыщей лицо, укоряет себя — не из-за девок же!

О нет, конечно! Он видит мистические, роскошно-замшелые мосты, парящие в воздухе, и, взяв начало, где угодно, соединят с вожделенными землями, которых нет: с Византией ли, лучащейся столькими тайнами... Да хоть с Атлантидой.

Спускайся по щедрым ступеням, Петров!

Ну а Егоров взял магазин. Взял с приятелями, ловок, натаскал их, натренировал, настроил, придумал план — отвлекающий маневр крутанулся легко, куртки стали ихними. Мат восторга звенел... Потом Егоров учудил такое, что загремел на малолетку. Олька плакала. Петров, хотевший утешить, не решился подойти. Олька плакала, влюблена, Катька тоже расстроена была, а Женька, не подавая виду, что-то чертила в тетради.

СССР ещё казался твердыней.

Страны не стало, когда Петров поступил в аспирантуру, а Егоров, отсидев, заматерев, получив наколки как знак уголовного достоинства, вышел, готовясь к участию в разливе творящегося. Густевшего страшными деньгами.

Ещё ему очень нравилась фикса на зуб, с тонким узорчиком, Петров бы оценил, ха-ха... Где он, кстати?

А вот: вернувшийся из универа, где друзья нашлись, хотя дружба эта весьма ограничена профессиональными интересами, раскладывает бумаги, погружаясь в исследования... Он сопоставляет и анализирует, волшебные шары счастья взлетают, унося его в другие эпохи, и выводы, которые он делает, побывав во многих археологических экспедициях, будут оценены по достоинству. Он защитит кандидатскую, станет преподавать, по-прежнему угловато держась с девушками и женщинами, так страшно уколоться насмерть, потом пройдёт путь до докторской. Византийские эмали: разбавить синий цвет, так хватило б окрасить вновь созданное море! куда интереснее разломов, разносящих страну...

Ты, Петров, из тех, кто способен влюбиться только в Клио. Или в Симонетту Веспуччи. Даст тебе это счастье? Петров, знающий про игры «я» и «не-я» ответит: «Счастье — понятие, интересующее рабов и женщин, а мне важно знание и, кроме него, мир, который я создаю. Или — воссоздаю, отбирая у темнот времени, гораздых стирать всё. Как какого-нибудь Егорова...»

Который развернётся в развалах страны: с пистолетами и автоматами, финки — так, игрушки, но он собирает их, неплохо умея крутить и метать, с рэкетом и фирмами, с бабами, о! их море! Таких, что внешности Клио позавидует, когда б обрела плоть! С рейдерскими захватами и корешами, многие из которых готовы подставить — при ярой возможности; иные — за тебя и жизнь отдадут, как ты за них, как Зуб или Лера; со всеми ворохами нарастающих слоёв...

Банковская деятельность подключится: Петров бы рассказал тебе о длинной истории банков, о феномене финикийских пиратов, не знавших, куда девать награбленное, свозивших его на берег, где и организовывались эти структуры, быстро набиравшие жир, мистически почти начиная играть чрезмерную роль.

Петров бы рассказал — да тебе не важно.

Егоров, набирая больший и больший вес, уже и официальными фирмами обзаведётся, преуспевая, постепенно попадая в разряд уважаемых людей, восседая в мраморно-кожано-роскошном офисе собственного банка, где так мило и успокоительно журчит фонтан, а классическая секретарша, сияя белозубой улыбкой, всегда к услугам. Можно и вторую занять. Негритяночку — по контрасту, а, Петров?

И животик у Егорова уже наметится, забывает про тренировки, пьёт теперь исключительно виски или элитные коньяки...

Достаток одинокого Петрова, рано потерявшего отца, и долго жившего с мамой, относителен, монографии его вышли, много было статей, и, одинокий, тощий и лысый, в очередной раз усаживая себя, всё надоедает, за статью, думает, а не лучше было бы...

Думаете они встретятся? Где им встречаться, вращающимся в не пересекающихся мирах... Но помнят друг о друге, железно помнят, иногда сосредотачиваясь на школьном образе: как, мол, жизнь другого сложилась?

Вы бы какую предпочли?

Да, я забыл — у вас же своя. У каждого она — безнадёжно своя.

МУЗЫКА ТРАГЕДИИ

Простуженный, или старчески-хриплый, голос — дверь лоджии, настырно напоминающая о катастрофе. В чём она?

За длинным, прозрачно-белым, напольным зеркалом, вернее, протянувшимся от потолка до пола — заткнут, причудливо укреплён на неработающей бра, египетский музыкальный инструмент, которому более полувека.

Отец был в Египте в семидесятом — тогда это необычно было. Выцветшие слайды показывают молодого папу, и огромность пыльных, невероятных пирамид, возле которых якобы слышны ответы на все вопросы. Папа, ты услышал?

Тебя нет так давно, будто растворился в пространстве моего детства, но ведь у каждого должна быть своя жизнь.

Мамы нет недавно, но три года и три месяца без неё превратили жизнь в подобие сопротивления боли и тьме — расплата за 54 года, которые не расставался с мамой.

Фигуры древнего Египта немы, никаких ответов не дадут древние боги, представленные в обличии величия...

Зеркало отражает часть коридора, и никак, сколько ни изощряйся, не заглянешь в него украдкой, чтобы убедиться... в чём?

Дверь скрипит, чуть беспокоимая ветром. Она скрипит хрипло, по-вороньи, раскатывая тяжёлые старческие звуки. Всё старое в квартире — на новое нет денег: поскольку гонорары отошли в советский космос, и тебе, литератору, приходится зарабатывать, чем придётся. Плохо таким быть.

Кто решил, что должен сочинять — истово и исступлённо, прямо с детского сада? Вот на старой квартире сидишь за папиным столом и, иногда глядя в окно, отрываясь от простенькой школьной тетрадки, изобретаешь сказку, как новый механизм... Уйти в неё?

С дверью не вступишь в диалог: а стол тот же, с пятнистой, как ягуар или леопард, столешницей. Ягуар судьбы готов рыкнуть, да не хочется слушать. Леопард её неуловим: даже опытный охотник не справится.

Бросок копья — стержневой ход мысли, растворяющейся в похмельном мозгу.

Остров-образ пьяного счастья уплывает, покачиваясь. Длится воскресенье.

В сумерках, до которых целая жизнь, ветки тополей отсвечивают кораллами.

Кораллы, созревшие в воздухе — альтернативной воде.

Путешествие по космосу квартиры может привести к странным результатом: покатятся играя и всерьёз слова, но всё всерьёз: умирать предстоит именно так.

Ощущение бессмертья, плавно растворённое в каких-то недрах не то сознания, не то души, свидетельствует... только о скрипе двери лоджии: упорном, ветерки играют.

Играют они, носятся, и воробьиный цвирк весел: почти апрель. Ещё пару дней скатятся в никуда — и настанет, задует в свою свирель, развернёт краткие чудеса листочков.

Всё чудо. Всё катастрофа.

Буфет и шкаф приехали вместе с зеркалом со старой квартиры: коммунальной, пространной, размещённой в старинном доме. Был счастлив там: маленький, защищённый жизнями отца и мамы, не знал, что так страшна сиротская беззащитность.

Буфет, шкаф и зеркало в значительной мере организуют космос комнаты... квартиры... Они массивны, буфет кажется насупленным, а стёкла шкафа воспринимаются, как своеобразные очки. Очки мудрости.

Старые, серьёзно и основательно изданные советские книги, которые уже едва ли достанешь с полки, откроешь. Они превращаются в мрамор. Мрамор книжной мудрости, столь отличный от волнистого, прерывистого, пунктирного движения жизни.

Снова скрип двери. Закрой её, отгородившись от мира, но он вездесущ и протеичен, вливается в тебя, хошь-не-хошь...

Скрип. А должна быть сплошная музыка. Её отсутствие — как трагедия.

Но ты удалил скрип, стёр его из реальности, как она — незримым движением глобальных временных колёс — сотрёт тебя из себя. Со своей доски.

Ученики тряпками очищают старую доску в классе, и математичка с тёмным, будто прокопчённым, лицом и ястребиным носом смотрит на всех зло.

Рогатая алгебра бодала тебя, бестолкового, гуманитарного ребёнка.

Свет слоится. Он слоится в тополях двора, каждый огромен, ростом с девятиэтажные, кирпичные дома образца семидесятых. В одном ты живёшь — почти полвека, подкатывающий к шестидесяти.

Не заметил. Только родился. В этом тоже музыка трагедии.

Она всегда звучит, то густея скорбным мёдом, то разлетаясь искрами печали.

Ночами приходили стихи, золотясь, зыбкие — ловил их, как бабочек.

Сачок прохудился. Да и вообще — зачем писать?

Мол, без надобности умножаешь сущности, тупя бритву Оккама.

Старый и мудрый наблюдает за тобой, как отец — из запределья.

Видел ты раз в золотом небесном цветке маму и папу: молодых и прекрасных, мама положила голову отцу на плечо.

Они улыбались тебе. Продолжай жить, сынок.

Продолжай, какая б музыка трагедии ни звучала.

Валерий СТЕПАНОВ

TOMBE LA NEIGEНОСТЬ,

или

ДНЕВНИК ДЛЯ ДВОИХ

27 февраля 1953

Программа новостей сообщает, что ессейский колхоз «Путь Ленина» добился увеличения грузоподъёмности оленьих санок.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до минус семи.

27 февраля 1954, суббота

Программа новостей сообщает, что Президиум Верховного Совета СССР утвердил совместное представление Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украины.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит шесть градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус тринадцати.

Он:

Вот чего-то хочется, понять не могу чего. Может, курить? Хотя как мне может хотеться курить, если всего несколько дней назад меня привезли из родильного дома, что на улице Петра Лаврова, бывшей и будущей Фурштатской? Это где-то здесь: 59°57′ северной широты и 30°19′ восточной долготы. Точнее пока сказать не могу. Наверное, передаётся сильное желание отца. Он курит, а из-за меня вот не может. Дым и всё такое. Ещё мне кажется, что этот год чем-то всем запомнится, то ли рожденьем моим, то ли ещё чем. Может, невозможностью вступления СССР в НАТО или соглашением США и Японии о совместной обороне? Уж точно не первыми выборами в Гондурасе. А, вот на меня глядят, чувствую, рассматривают меня, как будто я через пять минут уйду, и пытаются запомнить. Любуются. Чего любуетесь, есть давайте! Вот поем, посплю, и пора бы подумать о том, что могут чувствовать кометы, приближаясь к перигелию. Проку от дум моих, конечно, никакого... никакого... никакого...

Она:

Обо мне говорят: «Противоположный пол». Противоположный?! Это ещё разбираться придётся, кто противоположный. Конечно, не сразу. Когда несколько дней за плечами, разве под силу такая задача? Придётся подождать. Не знаю откуда, но мне доподлинно известно, что мой любимый цвет — фисташковый. Тщетно пытаюсь всё утро представить себе его, но увы. Знаю, что фисташковый, и всё тут. Завтра меня выписывают, и мы с мамой поедем домой. Как же уже я соскучилась по такому ещё неизвестному мне родному дому! Так хочется поскорее увидеть место, где я всегда буду нужна. Место, которому я всегда буду принадлежать и где меня всегда будут ждать. Место, где произойдёт моя счастливая жизнь!

27 февраля 1955, воскресенье

Программа новостей сообщает, что в Бомбее прошёл товарищеский матч по футболу между Индией и СССР. Победу одержала команда СССР со счётом 0:3.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит десять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус восемнадцати.

Он:

Лежу в манеже, смотрю в окно. Погремушки разбросаны по кровати, мне они больше не нужны, но об этом ещё пока никто не догадался. Папа на работе, мама гладит и поёт. Красота! Самое время задуматься о жизни! Что-то нужно бы сделать с напряженностью вокруг Формозы. А, ладно, совсем не рабочее настроение. А то ещё сейчас Капустин Яр на повестке дня обозначится. Не сегодня. Утомился. Странное растение с колючками стоит на подоконнике и не даёт сосредоточиться на бьющейся о стекло ветке. Интересно, что дают сегодня в ТЮЗе и почему птицы летают? Зеваю, засыпаю. Папа на работе. Курит, наверное. Мама гладит и поёт... гладит и поёт... гладит и поёт...

Она:

Большая белая дверь моей комнаты на Фонтанке — самая большая загадка. Я могу смотреть на неё часами. Это как окно в другой мир. Не знаю, допустимо ли подобное сравнение. А волшебство её в том, что она может открываться и закрываться. Больше всего я жду, когда она откроется. Иногда очень томительно жду. Может, это связано со звучанием чардаша, ноты которого так легко угадываются в скрипе петель? Но самое главное, она являет мне руки и уютное дыхание моей мамы! А иногда в дверном проёме появляется мужчина в очках и, весело притоптывая, исполняет *Ach, du lieber Augustin* на губной гармонике. Он странен, но у меня такое впечатление, что маме он важен. Дверца-дверца, откройся!

28 февраля 1956, вторник

Программа новостей не сообщает, что на Солнце произошёл взрыв, равный по силе одновременному взрыву миллиона водородных бомб. На некоторое время при этом было нарушено магнитное поле Земли.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус семи.

Он:

Мама говорит, когда вырасту, стану моряком. А мне бы космонавтом хотелось, да только первым стать уже не успеть. Вот и реши теперь задачу со всеми неизвестными! А тут ещё прямо к моему дню рождения подоспели с независимостью Малайской Федерации. Уже двенадцать дней из головы не выходит. Повременить не могли, что ли? Своих проблем невпроворот. Бабушка мой режим вынесла на первое место: спать и есть по часам. А я привык уже всё делать, когда захочу! Как с этим быть — ума не приложу. А тут вдобавок оказалось, что существует противоположный пол. Кто его противоположил? Зачем? На санках сегодня папа здорово покатал, отвлёк от всего. Фонари загадочно мерцают, выхватывая тусклым светом непредсказуемые в полёте хлопья снега. Санки мчат, и фонари тоже становятся непредсказуемыми.

Она:

Мужчина в проёме что-то давно не появляется, а взгляд у мамы стал каким-то рассеянным. Она подолгу на меня смотрит, но создаётся впечатление, что смотрит она сквозь меня. По радио сегодня говорили, что в ближайших окрестностях Ленинграда и даже в городских парках наблюдают гнездовья пустельги. Это прекрасно. Моя мама ассоциируется у меня с этой птицей. Не знаю почему. Тоже маленькая, пушистенькая, хрупкая и нежная. А почему пустельга нападает на вертишейку? Наверное, меня защищает. А на крыше нашего дома есть голубятня. Всем там заправляет наш сосед дядя Коля. И как это он подгадывает выпускать голубей, когда мама выносит меня на прогулку?

27 февраля 1957, среда

Программа «Последние известия» сообщает, что завтра начинает свою работу Первый Всесоюзный съезд художников.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит шесть градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус четырнадцати.

Он:

Мне нравится манная каша с жидкостью клубничного варенья. Нет, не так. Мне

нравится размешивать клубничное варенье в манной каше. Вот ты берёшь ложку и начинаешь водить ею по ходу часовой стрелки. Бордовый взрезает белый, походя на круговерть комет на Млечном Пути. Если вовремя не остановиться, то содержимое тарелки становится розовым. Интересно, а есть в Ирландии манная каша и как её ест Имон де Валера? Бабушка говорит, что есть там каша и ещё много чего. А Имона де Валера она не знает.

Она:

Люблю смотреть на наш двор-колодец из окна. Сейчас всё белым-бело. Снег только выпал. Двор ещё пуст, ведь сегодня суббота. А я проснулась — и сразу к окну и на табуретку. Локотки на подоконник и дышу на стекло. Скоро проснётся мама, начнёт готовить завтрак. Вот и я зря времени не теряю — дышу себе на стекло да смотрю то вниз, то вверх. У окна чуть прохладно, так я кулачки в рукава прячу. Мне нравятся субботы больше всего. Пока мама высыпается, я могу заняться важными делами по дому. И потом, завтра тоже мама не идёт на работу. Красота! Вот воскресенье я жалую меньше — оно уже испорчено понедельником.

27 февраля 1958, четверг

Программа «Последние известия» сообщает, что приказом Фиделя Кастро открыт второй фронт. Командующим новой колонной, созданной для борьбы на севере провинции Ориенте, назначен его брат Рауль, которому присвоено высшее звание Повстанческой армии — команданте.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до минус шести.

Он:

Сегодня в саду рисовали акварелями. Как один сад может сразу собрать столько гениев кисти? Если не бросать вот так сразу рисование, развивать мастерство, то эта гениальность не преминёт проявиться вскорости. Солнечный круг, небо вокруг... Немудрено, что столько нарисованных солнц с небом когда-то увенчаются песней! Потом перед обедом водили хоровод. Я стараюсь всегда стать слева от Фани, чтобы прыгать вслед за ней и смотреть, как раскачиваются её косы. Её рука в моей потеет. Она говорит, что это из-за того, что мои руки горячее. А я думаю, здесь есть иная причина. Надо бы не забыть дать бабушке постирать мою любимую бумазейную рубашку. Бабушка говорит «бумазеевую», а я не против. Так даже красивее. Очень хочу собаку!

Она:

Раз в неделю к нам приходит бабушка. Это настоящий праздник! Она приходит рано утром, и к моему пробуждению вся квартира наполнена ароматами пирогов. Я ещё в кроватке. Сквозь сон слышу, как она на кухне громыхает сковородками и противнем. Вставать я не тороплюсь, потому как люблю, когда бабушка меня будит. Даже если я уже не сплю, притворяюсь, когда она медленно приоткрывает дверь. И тогда она подходит, склоняется, гладит мой лоб и говорит: «Вставай, Грушенька! Я там пирогов напекла, будем чаёвничать». Я открываю глаза и говорю: «Привет, Бусинка!» Так я зову бабушку. А мама её называет Агриппиной Филипповной. Почему меня она зовёт Грушенькой? Ваня-Ваня, явись миру хоть Клиберном, хоть Клайберном!

27 февраля 1959, пятница

Программа «Последние известия» сообщает, что Верховный Совет СССР принял Указ «О ратификации Всемирной почтовой конвенции, Соглашения о письмах и ящиках с объявленной ценностью и Соглашения о почтовых посылках».

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до минус четырёх.

Он:

Мой парабеллум оловянный достался мне от дедушки. Это предмет зависти всего мира, и из дома я его не выношу, даже если с папой иду в магазин за хлебом. Даже когда с папой катаемся в троллейбусе и он сажает меня у окна, чтобы мне было удобнее видеть проплывающие мимо картины. Он тяжёлый и холодный, но быстро теплеет в руке. Для него у меня приспособлено особое место — за томиками сочинений Уильяма Теккерея. Там никто его не найдёт. А ещё на дне моего кармана есть маленькое отверстие, и, когда я кладу мой парабеллум в карман, ствол проваливается и холодит мою ногу. Вообще-то я уверен, что это пик интеллигентности оружия и что на нём человечеству стоило остановиться. Или вот ещё лучше. Сидим и смотрим ретрансляцию выступления Ван Клиберна на Первом международном конкурсе имени Петра Ильича

Чайковского. Потому что телевизор у нас появился только в этом году. А Ван Клиберну двадцать четыре!

Она:

Жалко, что ёлку так рано убирают. Вот убирали бы её в последний день зимы! Ах, настроение какое! Ёлочных игрушек у нас мало, каждую потом отдельно заворачиваем в газету, чтобы не разбилась. Пять шишек, снеговик с носом-морковкой, часы-будильник, две канарейки, колокольчик и несколько шариков. Было два колокольчика, да в прошлом году я один по неосторожности разбила. Плакала полдня. Бабушка тогда сказала, что купит обязательно. Остальные украшения мы с бабушкой и мамой делаем сами из цветной бумаги. Радостно мне даже писать об этом. Снежинки, фонарики и гирлянды вырезаем, склеиваем, развешиваем... Ёлка пахнет...

28 февраля 1960, воскресенье

Программа «Последние известия» сообщает, что в Скво-Велли в Калифорнии проходит церемония закрытия Восьмых зимних Олимпийских игр, на которых спортсменами СССР было завоёвано семь золотых, пять серебряных и девять бронзовых медалей.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит шесть градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус пятнадцати.

Он:

Всё лето провел в деревне. Теперь хочу стать путешественником. Раз уж первым космонавтом стать не суждено, то открыть новый остров или ещё что вполне, вполне можно. Прежде нужно, конечно, подготовиться. Рюкзак у меня есть, есть блокнот и карандаш. Правда, тут оказывается, что мне в этом году предстоит идти в школу. Папа говорит, что в школу должен ходить каждый ребёнок. Я, в общем, не против. Только зачем я так рано прочитал *Гейне* в переводах Вильгельма Вениаминовича Левика? Но буду держать это в тайне. А сейчас надо бы перепрятать парабеллум.

Она:

Ночью проснулась оттого, что мама растирает меня уксусом. А сон снился такой страшный, будто гонится за мной Медный Всадник, мне бежать всё труднее, ноги не слушаются, а он настигает, копыта стучат о мостовую всё ближе... Проснулась... Мама сказала, что у меня сильный жар. Утром жар спал, и я опять заснула. Первым, что увидела, когда открыла глаза, был плюшевый ослик на моей подушке. Откуда он взялся? Вот чудеса! Я его сразу к себе под одеяло положила и теперь никуда его не отпущу!

27 февраля 1961, понедельник

Программа «Телевизионные новости» сообщает, что в районе Земли Королевы Мод советские исследователи Антарктиды открыли новую научную станцию. Станция названа Новолазаревской. Она расположена на выходах коренных пород недалеко от оазиса Ширмахера в ста километрах от края шельфового ледника.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до одного.

Он:

На днях были с бабушкой на Моховой в ТЮЗе. Смотрели пьесу в трёх действиях «Бывшие мальчики». Странноватый осадок остался. Может, название тому виной? Почему мальчики становятся «бывшими»? Поговаривают, театр скоро переедет на новое место. Спросил у бабушки, не является ли «Волшебник изумрудного города» трагедией. Она ответила, что там, где есть волшебник, трагедий не бывает. А мне вот кажется, что раз волшебник оказался не волшебником, вот тут и есть трагедия. Или здесь совсем иной смысл сокрыт?

Она:

Вчера Бусинка учила меня играть в карты. В «пьяницу» научилась быстро, а вот буру нашла поначалу затруднительной. Но потом пять раз кряду выиграла, набрав три «буры» и две «молодки». Бабушке это понравилось, но она наказала никому не рассказывать про карты. Колода у бабушки очень старая, кажется, французская. Она её держит на крышке пианино за мраморными слониками. Слоники тоже её, а вот откуда у нас пианино, если никто не играет, не знаю. Иногда сажусь на крутящийся стул и перебираю клавиши. Оно не звучит. Наверное, расстроено. Кого бы спросить, зачем черные клавиши и педали?

27 февраля 1962, вторник

Программа «Телевизионные новости» сообщает, что в Институте мировой литературы имени А.М. Горького завершила свою работу научная сессия. С докладами на сессии выступили член-корреспондент АН СССР Д.Д. Благой, доктора филологических наук Ю.Г. Оксман, Н.Л. Степанов, кандидат филологических наук С.В. Шервинский.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит шесть градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус тринадцати.

Он:

Моя учительница пересадила меня за первую парту. Раньше я сидел за третьей в среднем ряду как раз напротив учительского стола. Теперь я сижу с Надей Ягудиной. Я считаю её самой красивой среди девочек нашего первого «А». Но не показываю этого. Меня она как будто не замечает вовсе. Садится, складывает руки на парте и смотрит вправо на Альбину Марковну. А я и не обижаюсь и смотрю влево, в окно. После уроков за ней приезжает машина марки «Волга» с прыгнувшим вперёд оленем на капоте. А меня забирает бабушка, и мы идем себе по улицам, рассматриваем дома. О некоторых она мне рассказывает много интересного. Жаль, вот не знает, где в свою бытность останавливался Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен.

Она:

У меня из головы не выходит мой первый бал. Настоящий новогодний бал с костюмами. На мне костюм Мальвины — голубое платье с кружевным воротничком и огромный голубой бант. Я неотразима. Вокруг меня мальчишки в гусарских мундирах, а мне, на самом деле, больше всех Тимка нравится в костюме Буратино. У него явно ярко выраженный эгоизм. Гусар много, а Буратино один. Хотя, это ж надо таким смелым быть, чтобы не надеть, как все, гусарский мундир.

27 февраля 1963, среда

Программа «Телевизионные новости» сообщает, что в качестве очередного витка гонки вооружений США рекомендуют, чтобы военные корабли блока НАТО были оборудованы всеми необходимыми компонентами для установки на них ракет «Поларис».

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус семи.

Он:

У меня появилась хоккейная клюшка. Не новая, а оттого ещё более ценная. Вдруг ею какой известный хоккеист играл. А вдруг сам Николай Сологубов?! Раньше я из окна наблюдал, как играют дворовые пацаны. Теперь бы мне ещё коньки — и можно выходить на лёд. Кататься, правда, не умею. Да дело нехитрое. Папа сказал, как найдём коньки, так обязательно сводит меня на каток. Скорее бы, а то зима заканчивается. Обидно иметь клюшку и не поиграть хоть раз!

Она:

Напротив моей кровати стоит старинная швейная машинка «Зингер» с педалью. У этой машинки точно есть какая-то тайна. Мне кажется, что в ней живут маленькие человечки, которые выходят по ночам. А руководит ими тайный швейный советник. А выходят они, чтобы покачаться на педали. Я всегда днём сажусь и раскачиваю педаль. А для них это ж просто аттракцион. Уже несколько раз пыталась не заснуть и увидеть, как они выходят. Боязно было, а хотение сильнее. Но так и засыпала, не дождавшись. Вот теперь хочу придумать красивую сказку для людей. А свою прожить!

28 февраля 1964, пятница

Программа «Телевизионные новости» сообщает, что Кироваканским институтом «Армнихимпроект» разработан новый конструкционный материал «артикит», полученный из туфового порошка и синтетических смол. Он не разлагается под воздействием солей, кислот и органических соединений, имеет прочность чугуна, легко подвергается механической обработке.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус пяти.

Он:

Меня сегодня приняли в пионеры. Настроение было приподнятое, хотя слегка волнительное. Торжественное обещание я запомнил со второго раза. Больше всего я переживал из-за не отстиравшегося на правом рукаве чернильного пятна, а запасной белой рубашки у меня не было. Галстук мне повязала Люся Вострикова. Ее приняли в

пионеры в апреле, потому как у неё не было троек. А у меня тройка по пению. Пока она повязывала галстук, я даже дышать не смел и только смотрел в её серые глаза. Это хорошо, что мне попалась Люся: теперь она мой шеф по исправлению тройки.

Она:

На дом задали написать сочинение про счастье. Вот пишу здесь.

...Когда я тебя встречу, я не скажу тебе, как долго я плакала, когда потеряла своего любимого плюшевого ослика. Его звали Грэем. Каждое утро он мне говорил: «Здравствуй, солнышко!» — а я, открыв с первыми лучами майского солнца глаза, гладила его и улыбалась. Потом мама меня целовала, и мы шли завтракать. И Грэй шёл с нами. И в первый класс со мной пошёл. Я и сейчас его вспоминаю и плачу... А однажды он меня просто спас! Да, мой любименький Грэй спас меня! Я тогда как раз собиралась пойти погулять, а он взял да и заболел. Ну я, конечно, никуда не пошла. Сразу температуру мерить, компрессы делать. Уложила его в постель, накрыла пледом и смотрю, когда он уснёт. А пока ждала, и не заметила, как на улице пошёл проливной дождь. «Ну, — думаю, — вот пошла бы я гулять, точно бы промокла и простудилась. И никто не знает, чем бы это всё закончилось». Точно говорю — спас меня мой Грэй. А я его потеряла.

Когда я тебя встречу, я не скажу, как переживала, когда Славка из третьего «Б» обозвал меня дурой. А я что, я просто предложила ему погулять. И всё. И не всем же я предлагаю погулять. Вот разве что только Славке. А тут ещё мама дома: «Что случилось?» да «Что у тебя болит?» А ничего не болит. Пойду делать уроки! Дурацкие буквы почему-то пляшут и расплываются. Да ничего! Переживём! Таких Славиков пруд пруди. Он наверняка принадлежит к такому типу мужчин, что до старости остаются Толиками, Славиками да Стасиками! Полегчало!

Когда я тебя встречу, я не скажу, как я расстроилась, когда клён, росший перед моим окном, на который я часто смотрела, наблюдая приближение весны, лета, осени и зимы, засох. А засох не сам. Помогли люди добрые. Света им мало! Взяли и срезали кору. А он и засох! Теперь в окне голые стены дома напротив. А он мне даже часто сниться стал. Вот прям как живой, говорит: «Не грусти, солнышко! Улыбнись, и всё у тебя будет хорошо!»

Когда я тебя встречу, я не скажу, что у меня умерла бабушка. Всё как-то опустело кругом. Не стало пышек с мёдом, пирогов с яблоками по воскресеньям, игр в карты, голоса родного не стало. Закрываешь глаза — пусто. Открываешь глаза — и тут пусто. Завтра контрольная по математике. К чему всё это теперь? Глупость какая!

А я вот думаю, стоит мне только ослика своего найти, так всё по-прежнему сразу и окажется. И клён перед окном, и бабушка рядом.

Когда я тебя встречу, я скажу: «Здравствуй, Счастье!»

Многовато получилось, надо бы подсократить.

27 февраля 1965, суббота

Программа «Телевизионные новости» сообщает, что созданный Киевским ОКБ под руководством Олега Константиновича Антонова тяжёлый военно-транспортный самолёт Ан-22 «Антей» впервые поднят в воздух.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит десять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус двадцати четырёх.

Он:

Люблю ходить в Музей Арктики зимой. Теперь моё желание стать арктическим путешественником необоримо. Попросил папу достать книги про разные арктические экспедиции. Про челюскинцев я знаю уже почти всё, но перечитываю ещё и ещё. Хорошо бы можно было читать прямо в музее, посматривая время от времени на штурвал ледокола «Ермак», на палатку первой дрейфующей научной станции «Северный полюс», на фотографии. Читать и представлять себе героев первых подлёдных плаваний. Читать и мчаться в упряжке с первопроходцами и первооткрывателями навстречу мечте Северного полюса. И, наконец, найти и потерять Землю Санникова.

Она:

Иногда по вечерам мама берёт меня с собой. Она подрабатывает в Доме культуры уборщицей. Пока она моет там полы, я стою на улице и жду её. Здание большое, во всех окнах свет. А на втором этаже идут занятия кружка бального танца. И вот я стою и наблюдаю, как мальчики и девочки моего возраста выполняют свои па. Вижу я их только тогда, конечно, когда они движутся мимо окон, да и то только их головы, плечи и подъёмы рук. Очень красиво. Мама говорит, что я тоже могу записаться на занятия, да вот как-то мне здесь спокойнее. Ещё мама говорит, что я могу ожидать в вестибюле. Обычно, если сильный дождь или вьюга, я так и делаю. Беру с собой книжку и читаю,

а если надоест, рассматриваю стены и потолок.

27 февраля 1966, воскресенье

Программа «Эстафета новостей» сообщает, что советская автоматическая межпланетная станция «Венера-2» пролетела на расстоянии двадцати четырёх тысяч километров от планеты Венера и затем перешла на гелиоцентрическую орбиту.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до одного.

Он:

Папа принёс марку Почты СССР, выпущенную к пятидесятилетию арктического посёлка Диксон. У меня уже есть несколько марок — Герой Советского Союза С.А. Леваневский, участвовавший в спасении челюскинцев, первый самолёт-амфибия Ш-2, 100 лет со дня рождения Фритьофа Нансена и, наверное, самая ценная — Почта СССР, 1949 год, 300 лет открытия С.И. Дежнёвым пролива между Азией и Северной Америкой. Завтра пойду в «Филателию» и куплю себе альбом для марок.

Она:

Мне выпала роль Герды. Школьный спектакль состоится уже через две недели, а я всё мечтаю о роли маленькой разбойницы. Мама говорит, что роль Герды мне больше подходит, и уже шьёт платье. Она нашла бабушкин крепдешин и кусочек розового гипюра для воротника и манжет. Сегодня на репетиции я, по сценарию, встретилась с маленькой разбойницей, попятилась назад, опрокинула ведро с водой и села прямо в эту лужу. Уже не по сценарию. Смеялись все. Даже я.

27 февраля 1967, понедельник

Программа «Телевизионные новости» сообщает, что Советским Союзом запущен спутник оптической разведки «Космос-143».

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус пяти.

Он:

Мне тут мысль одна покоя не дает. Глупая такая, а тревожит. Очень надеюсь, что, когда придёт мне время умирать, а лучше раньше, будет произведено лекарство от смерти. Я же не могу так вот просто взять и как все умирать. Это будет самая большая на свете невероятность. А может, оно уже есть, но его тщательно скрывают, чтобы доступ к нему был только у самых достойных? А разве я не самый достойный? Как жить в таком неведении и страхе?

Она:

Сегодня шла из школы со смутным ощущением счастья. Отчего, не понимаю. Легко так было, весело аж. Пар изо рта, навстречу люди, спешащие по домам, пятёрка в дневнике, полмандарина в портфеле, дома мама с ужином, под подушкой недочитанная «Волшебная скрипка». Сегодня был классный час, на котором нам рассказали о женской антарктической научно-экспериментальной экспедиции «Метелица». Вот ведь какая интересная и завидная жизнь! Да, собственно, и у меня хороша! А как иначе?

28 февраля 1968, среда

Программа «Время» сообщает, что в Будапеште продолжается встреча, на которой принимается решение о проведении международного совещания руководителей коммунистических партий.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус восьми.

Он:

По четвергам я хожу в судомодельный кружок в Доме пионеров. Уже два месяца я делаю макет ледокола «Челюскин». За окном уже темно, а тут так уютно, пахнет деревом и канифолью. Мне хочется быстрее его закончить. Уж очень красивым он мне видится! А с другой стороны, не хочется... Корпус уже почти готов. Но самое трудное — это мелкие детали, а их так много. Слышал, что теперь делают модели будущих ледоколов, которые проходят проверку на прочность в специальном бассейне, покрытом льдом нужной крепости. Вот бы туда попасть! А ещё справа от меня стоит верстак единственной на весь кружок Ритки. Как её сюда занесло, неизвестно. Симпатичная. Интересно, Че Гевара в какой кружок ходил?

Она:

Моя вторая смена закончилась пятнадцать минут назад. За окном уже темным-темно, но я ещё в классе. Мы с Таней дежурим. У нас в классе принято дежурить по партам. В «партийной» очерёдности. Вот мы с Таней сегодня и остались. Ничего трудного — доску вытереть, пол подмести. Но сначала ходим по классу и читаем появившиеся на партах надписи и рисунки. Понятное дело — пишут только мальчишки глупости разные. Хорошо, если карандашом. Ручкой — гиблое дело, только на субботнике порошком, да и то не всё, оттирается. Вот на третьей парте у окна, за которой Игорёк и Тимка сидят, целый трактат. Сажусь, читаю. От окна веет холодом, но дочитываю всё, чтобы сразу стереть, пока Таня не увидела. Тем более, что написано про меня. Да както не обидно.

27 февраля 1969, четверг

Программа «Время» сообщает, что правительствами Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики принято соглашение об учреждении Международного центра научной и технической информации.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус тринадцати.

Он:

От родителей на день рождения мне достался недосягаемый подарок — фотоаппарат. И не просто фотоаппарат, а «Чайка-2». С пятилепестковым затвором. Со съёмным объективом, синхронизатором и телескопическим видоискателем. И особым запахом. И я — обладатель этого запаха! Уже десять дней он лежит на тумбочке около кровати. Я его достаю из футляра, рассматриваю и помещаю обратно... Снова достаю. Подхожу к окну и смотрю в видоискатель... Завтра собираюсь купить «Курс фотографии» Д.З. Бунимовича. Я его уже присмотрел. И, может, даже плёнку. Но вряд ли плёнку завтра. Хватило бы на книгу!

Она:

После такой холодной зимы занятия нашего астрономического кружка сегодня были практическими: с выравниванием температур и, самое захватывающее, работой с инструментом! Настоящие астрономы только так называют телескоп. Душа до сих пор холодеет от увиденного! Вообще-то мне больше нравится просто смотреть на звёздное небо. Жаль только, редко оно таким бывает. И названия небесные мне нравятся. Волосы Вероники... Красиво? Волосы моей мамы!

27 февраля 1970, пятница

Программа «Время» сообщает, что произведён запуск космического аппарата «Космос-324», а государственная комиссия приняла в эксплуатацию первую очередь комплекса трубоэлектросварочного цеха Волжского трубного завода.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус одиннадцати.

Он:

По пятницам, как сегодня, мама помогает Люсе Востриковой подготовиться к поступлению на филфак. Люся приходит к нам домой, и они усаживаются за большой обеденный стол в зале, а я в дальнем углу возле торшера что-нибудь перечитываю. Сейчас мой выбор пал на «Ярмарку тщеславия». Вот и бабушка несет яблоко с печеньем. Люся молодец, а я никак не могу определиться со своим будущим. Нет, конечно, будущее это неоспоримо велико. Школы остается лишь полтора года. Ощущение завершения с невозможностью повторения. Вообще, меня ждёт только хорошее, и где-то начнётся настоящая жизнь. Сейчас только подготовка. Но где же эта черта? Ну, где-то точно есть. Перечитываю, кусаю яблоко, посматриваю на Люсю. Мне дали роль Фамусова. Завтра первая репетиция. А собаку всё ещё хочется!

Она:

Сегодня после уроков осталась в *интерклубе* одна. Клуб появился недавно, и мне почему-то сразу захотелось туда. Мы назвали его «Меридиан». Я сидела и переписывала с конвертов в общую тетрадь адреса наших друзей по переписке. Так и географию выучить можно. На улице то ли снег, то ли дождь. Похоже, и то и другое, на душе как-

то тихо и спокойно. Странно, как при минусовой температуре дождь? Капли, появляющиеся на стекле, медленно тяжелеют и устремляются неровными линиями вниз. Из окна немного дует, но пересаживаться не хочется: боюсь, что-то потеряется навечно, исчезнет ощущение безмятежности. Мне оно не то чтобы нравится, нет, но только отчего-то боюсь его потерять. Даже самой смешно: куда оно может потеряться?

Мне нравится вот так сидеть и писать адреса людей, которые прислали письмо и ждут ответа. А ещё я люблю оставаться тут одна, рассматривать книги из разных стран, трогать индейские маски, примерять вьетнамскую панаму из бамбуковой соломки, брать в руки кубинские маракасы и слушать звук перекатывающихся внутри семян, сидеть на подоконнике, дотронувшись лбом до стекла, и смотреть на ветки акации, с каждым годом всё ближе покачивающиеся у окна. Почему-то барбариска в кармане фартука всегда раскисает и плохо отделяется от обёртки. А куда её ещё класть, как не в карман фартука?

Я прочитываю все письма, ведь они не конкретному адресату направлены, и кто-то должен решить, кому на них отвечать. Вот и читаю. Слышно, как дежурные шуршат полотёрами, выдраивая паркет на этаже. Тётя Надя, уборщица, гремит за дверью ведром, заглядывает. А чего заглядывает, если у нас тут всегда чисто. Ну, не всегда, конечно. Когда кипит работа, то мусора предостаточно. Особенно если оформляем стенд какой или выставку. Но сами потом и убираем всё. Могла бы уже запомнить. Ещё мне очень нравится цветная бархатная бумага, мы вырезаем из неё голубей мира. Ну и много чего вырезаем из неё. Она мне кажется тёплой всегда, и я кладу на неё ладони. Я и обрезки не выбрасываю, все собираю и складываю в коробку. И всегда пригождается.

27 февраля 1971, суббота

Программа «Время» сообщает, что в США по причине сбоя в системе информации произошло сообщение об угрозе ядерного нападения.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит одиннадцать градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус четырнадцати.

Он:

Последняя школьная весна вот-вот наступит, надо уже определиться с дальнейшим, а я думаю о кашалотах... А как о них не думать? Почему Мелвилла перестали признавать после Моби Дика? Почему в зеппелинской Моби Дик нет слов? А вклад кашалотов в мировую культуру как оценить? Или тут можно заявить, что именно кашалот как класс изменил мир? Ценой себя, хоть и в боях. Понял — кашалоты сделали эпоху Просвещения! В смысле, облегчили её протекание во времени. Куда же мне дальше-то?

Она:

Страшно подумать — последний школьный год скоро закончится. Экзамены, выпускной, рассвет и разведённые мосты. Конец беззаботной жизни. Интересно, можно с точностью определить момент, когда ты становишься взрослым? Жизнь впереди, а отчего-то грустно. Весь класс отправляется в свободный полёт. Всех ждут особенные судьбы, счастье ждёт. Все уже определились с профессиями. Таня Скорикова уже вся в театральном, Женя Рыбкина без музыки себя не мыслит, Паша Желейкин в физтех намерился, Тима весь в исследованиях Арктики и Антарктики, я — на филфак. Вот бы со мной кто-нибудь из класса пошёл! Всё ж не одна. Вот если бы!..

28 февраля 1972, понедельник

Программа «Время» сообщает, что Япония объявила о признании территориальных прав Китайской Народной Республики на остров Тайвань.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус четырёх.

Он:

После лекций все собрались в актовом зале факультета на общее собрание комсомольской организации, где все единодушно признали всю важность и своевременность предстоящего съезда ВЛКСМ и пообещали встретить его хорошими показателями. Торжественности моменту придавали огромные хрустальные люстры. А я смотрел то на затылки своих сокурсниц, сидящих спереди, то на колени сидящих со мною в одном ряду и представлял, какими бы они были мне жёнами. А в конце собрания слово взяла комсорг Зоя Светлова и осудила поведение комсомольца Генки Галыгина. Её своей женой я не представил.

Она:

У меня сегодня спросили отчество... Мама настояла, чтобы в паспорте написали Августиновна. А я и не против. Только ношу его, будто аппендикс. Как-то отчество меня приближает к пониманию моей самостоятельности, а таковой пока быть не желаю. От неё веет одиночеством и обречённостью... Мама у окна, укутанная шалью, вяжет мне свитер. Скоро у меня будет новый свитер! Синий с белым оленем спереди... А Тимке нравится мой серый с протёртыми локтями. Странно: почему? Сижу с телефоном на коленях и жду, когда позвонит. Он звонит каждый день. Жду... Звонит!!!

27 февраля 1973, вторник

Программа «Время» сообщает, что двести индейцев из племени оглала захватили поселок Вундед-Ни, штат Южная Дакота, и взяли в заложники всех местных жителей, протестуя таким образом против положения индейцев в США.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит пять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус девяти.

Он:

После долгой продолжительной зимы, боюсь, сразу придёт следующая. Я сижу на подоконнике в своей комнате. Лампа выключена, и только отражающийся от снега свет позволяет мне писать. Смотрю на окна дома напротив. Вот одно гаснет, тут же зажигается другое рядом. Жизнь перетекает из кухни в гостиную. Наверняка тут стоит шкаф, остатки отрезов твида в ящиках переложены нафталином. Столовое серебро, которое используют только по праздникам, уложено в коробку. В белое завёрнут маленький чемоданчик с фотоальбомами и пожелтевшими вырезками из газет. На первых страницах детство, дальше юность. Дальше всё остальное. На тумбе у торшера на ажурной салфетке круглый аквариум с гуппи. Вокруг стола катается мальчик лет пяти на трёхколесном велосипеде. Его *его* всё остальное ждёт...

Она:

Моя школьная мечта не сбылась. Но, к счастью, теперь у меня новая! Я сплю с ней и просыпаюсь. Но даже не знаю, хочу ли, чтобы она сбылась. О чём тогда ещё можно мечтать?! И будет жаль чего-то. Странность какая! Ждёшь, надеешься, отчаиваешься и снова надеешься. Вот — сбылась! Но почему радость сменяется грустью? А к этому ещё и страх добавляется — а вдруг новой мечты со мной не случится?

27 февраля 1974, среда

Программа «Время» сообщает, что в Швеции вступила в силу новая конституция, которая лишает монархов последних властных полномочий.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус трёх.

Он:

Читальный зал — это моё любимое место после дома. Мне кажется, здесь есть всё! И непередаваемый запах, и неоспоримая вечность. А ещё я люблю наблюдать тут за людьми. Догадываться, чем они занимаются, как их зовут. Очень интересно! Сейчас напротив сидит девушка: очки, конопушки, коса. Внимательно читает, периодически поправляя очки и постоянно теребя закладку. Какое же имя подойдёт такой рыжей? Медицинский или химфак? Потом читаю. Потом бесцельно смотрю в окно. Медицинский или химфак? Читаю. Смотрю в окно. Готово! Евгения! Химфак! Можно дальше читать.

Она:

Вчера сломала руку на катке. Чистое невезение. Хоть не ногу! Да и по глупости вовсе. Училась кататься спиной вперёд. Ну и, конечно, не видела, что за этой спиной происходит! Хорошо хоть, Мишка не ушибся. Мишка — он из соседнего подъезда. Ничего особенного. И вот ведь совпадение — спиной ко мне стоял. Ну, он спиной стоял, а я спиной ехала! Мишка меня поднял, довёл до лавочки, посадил. Обидно, весна через день, а я со сломанной рукой! А ещё не перестаю думать, почему после заседания кафедры все преподаватели расходились по аудиториям угрюмые. А заведующий кафедрой русского языка и литературы, И.Н., проходя мимо нас, кучкой стоявших у стены второкурсников, проронил: «Знаете, милочка, а писать не обязательно в стране, где родился!» К кому же он из нас обратился?

27 февраля 1975, четверг

Программа «Время» сообщает, что подготовка научно-спортивной экспедиции к мысу Челюскин, которая состоится в 1978 году, идёт успешно. Планируемые участники экспедиции прошли трёхсоткилометровый маршрут по реке Обь с целью получения навыков работы на льду.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит один градус по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус трёх.

Он:

Перебираю фотографии экспедиции на Домбай. Это была самая настоящая экспедиция нашего орнитологического кружка с поставленной целью: установить место обитания рыжегрудого поползня. Мне же было интересно увидеть присущую незамерзающим горным потокам оляпку. Как ей удается гулять под водой?! Вот на этой она нашла под камнем очередное беспозвоночное. Жаль, глубину резкости определил неверно. А вот наш руководитель Вениамин Генрихович. Стоит на фоне Эльбруса, лыжи в руке, вязаная шапка с бубоном на затылке. А вот мы все смеёмся. Фотографирует Вениамин Генрихович и рассказывает очередную весёлую историю. У него их тысячи. А на этой только я и Люся. Она смотрит на меня такими глазами, что я понимаю — она немыслима! Так может смотреть только Люся! А вот её портрет. Солнце делает каждую волосинку золотистой, и это видно даже на чёрно-белом снимке.

Она:

У меня есть специальная коробочка, в которую я складываю всё, что мне кажется того заслуживающим. Медное кольцо бабушкино, стеклянных шариков пара, несколько счастливых трамвайных билетов, вырезка из журнала с Жан-Полем Бельмондо, ключик какой-то старинный с красивым клеймом, красно-синий химический карандаш, значок ГТО, кусочек угля от нашего прощального костра и много всякой всячины. Как сюда попал список вещей, непонятно. Я всегда составляю список вещей, если еду куда-то. Не всегда удачно, ведь варежки я тогда всё же забыла. Хорошо, что Аня дала свои запасные! Да, поездка была — всем поездкам поездка! Лыжи я освоила быстро, но всё же три раза упала. Незабываемо было!

28 февраля 1976, суббота

Программа «Время» сообщает, что в Москве продолжает работу XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус одиннадцати.

Он:

Держу в руке письмо от Ромки, читаю. Пишет, что уже как полгода провёл в Норильске на строительстве завода «Надежда», куда попал по комсомольской путевке. Пишет, что такой дружной атмосферы и таких открытых людей, коих свела в одном месте жизнь, он не встречал. Бригада, в которой он работает, стала победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании комсомольско-молодёжных коллективов за второе полугодие предыдущего года. В целом, чувствуется, что он не просто доволен — счастлив. Романтик. Такая у него кличка во дворе была. Роман Тишкин. Романтик. Счастливый романтик, а у меня диплом.

Она:

Только сегодня заметила, какая у мамы в глазах тоска. Откуда такая берётся? Сижу за столом, перевожу отрывок из *«Indian Summer of a Forsyte»*. Поднимаю глаза и вижу, что мама смотрит на меня, будто запомнить хочет. Смотрит, глаз не отводит. Мне както не по себе. Ну, я к ней, обняла, поцеловала. А она в слёзы. Тут уж мне вовсе невмоготу стало. Так и просидели, пока не стемнело, воя.

27 февраля 1977, воскресенье

Программа «Время» сообщает, что вчера в Хабаровске состоялся слёт победителей социалистического соревнования воинов железнодорожных войск — строителей восточного участка Байкало-Амурской магистрали, на котором лучшей комсомольской организации железнодорожных войск было вручено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит десять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус девятнадцати.

Он:

Днём заходил Пашка Желейкин. Он после школьного вечера встреч каждый день заходит. Талдычит о своей физике. Особенно гордится открытиями ленинградских физиков. Говорит, что скоро они перевернут весь мир. А не хотелось бы... Меня всё в этом мире устраивает! Впрочем, не всё, конечно. Часто случающийся со мной бронхит не устраивает! А больше на ум ничего не идёт. А, вот ещё, всё время запутывающийся телефонный шнур! Физики, сделайте с этим что-нибудь!

Она:

Крымский мой портрет висит над столом, чтобы его было видно отовсюду. В нём очевидны все мои секреты. Мне, конечно. Гуляли тогда по Ялте, как вдруг полил ужасный ливень. Тёплый, августовский, проливной. Промокли сразу. Бежали и смеялись. Сами не заметили, как оказались на набережной. Сели на парапет и принялись наблюдать исчезновение дождя в море. Вскоре дождь исчез окончательно. Мы уже было собрались на ужин, как к нам подошёл странного вида человек и сказал, что, если мой спутник не против, он мог бы нарисовать меня. То есть меня человек тот и вовсе не спрашивал. Будто уверен был. Сейчас на свой портрет смотрю с порога и вспоминаю и грущу немного...

27 февраля 1978, понедельник

Программа «Время» сообщает, что Президиум Верховного Совета Республики Беларусь постановил отнести город районного подчинения Рогачёв Гомельской области к категории городов областного подчинения.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит три градуса выше нуля, ночью опустится до минус одного.

Он:

Жаль, не выучил в школе французский. Ну, не совсем так. На сноски в томиках Толстого глаз не опускаю. А вот почитать научную работу или написать доклад требует усилий. Уже четыре месяца как я лаборант Арктического и антарктического научно-исследовательского института. Манящий образ Арктического патруля не дает покоя. Изучаю механизмы фотопериодического контроля линьки у птиц. Сказать, что это интересно — не сказать ничего. Мой руководитель, Алексей Сергеевич, человек незаурядный и загадочный. Он с таким интересом и самозабвением говорит о территориальном поведении и звуковом общении птиц! Мечтаю попасть с ним в экспедицию и увидеть белую чайку! А работа без нравственного оправдания её — что угодно, только не призвание.

Она:

Люди, я летаю! Какая же тайная красота скрывается в словах! Это можно только чувствовать. А чувствам научить нельзя! Бесповоротно милый сердцу Александр Сергеевич, скажите, как жить-то дальше? Как Вы справлялись со своей этой любовью? Калейдоскоп слов, выстраивающий неимоверные сочетания, граничащие с нешуточной игрой. За какими дверьми Вы его хранили? Какими умелыми руками Вы его вращали?

27 февраля 1979, вторник

Программа «Время» сообщает, что для проведения комплексных исследований структуры ионосферы Земли, особенностей волновых процессов и распространения радиоволн в ионосферной плазме на орбиту ИСЗ выведен аппарат «Интеркосмос-19» с научной аппаратурой многих социалистических стран.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус семи.

Он:

В понедельник со мной приключился бронхит. Второй день сижу дома. Думаю о всякой всячине. Ну, вот взять хотя бы простой, часто мимолётный жест рукопожатия. А ведь случается, что один лукавя протянет руку, а другой по доверчивости пожмёт её? Случается. А может, и не пожмёт. Тогда первый должен будет неуклюже ретироваться. Вот и в шахматах, когда король ради спасения делает рокировку и подставляет под удар одну из наипреданнейших фигур, прикрывшись ею. Тогда король вроде королём и остаётся, но королём уже с душком. Когда болеешь, чего только в голову не приходит. Теперь сижу гадаю, каков может быть исход партии, если чёрный король любит белую королеву, а она его. Мама несёт молоко и мёд. Скоро придёт доктор.

Она:

Мама настояла, чтобы я пошла с ней в Гостиный двор за зимним пальто для меня. Говорит, что моё уже стыдно носить, а тем более на мою работу. Выбрали. Синее с перламутровыми пуговицами и поясом. Модное, но не кричащее. И самое важное, что тёплое. Вот лежит передо мной, завёрнутое в бумагу и перевязанное шпагатом. Сижу перед ним и никак не соберусь, чтобы развернуть и примерить ещё раз. И я понимаю, в чём причина. Ведь бывают у человека такие вещи, с которыми не хочется расставаться. И я чувствую, что пальто это из разряда таких. Таких, которые становятся свидетелями значимых событий, радостей, переживаний. Таких, расставаясь с которыми со временем, ты расстаёшься с частью своей жизни.

28 февраля 1980, четверг

Программа «Время» сообщает, что постановлением Совета министров РСФСР и решением исполкома Моссовета институт «Мосгазпроект» преобразован в проектный и научно-исследовательский институт «МосгазНИИпроект».

Также сообщается, что постановлением Совета министров РСФСР принято предложение Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и Ивановского облисполкома об учреждении стипендии имени академика Анатолия Ивановича Мальцева в размере шестидесяти пяти рублей в месяц для лучшего студента — отличника математического факультета Ивановского государственного университета имени первого в России Иваново-Вознесенского общегородского совета рабочих депутатов.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус пяти.

Он:

Самый правильный карандаш в мире — простой. Хватило на весь день.

Она:

Дома. Выписали нас. Соседки по палате прильнули к морозному окну и махали нам руками. В руках свёрток. В свёртке новая жизнь. Моя. Смотрю на тебя.

27 февраля 1981, пятница

Программа «Время» сообщает, что США продолжают обвинять СССР и Кубу в попытках вмешательства во внутренние дела Сальвадора.

Также сообщается, что на XXVI съезде КПСС председатель Совета министров СССР Николай Александрович Тихонов сделал доклад «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года».

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус четырнадцати.

Он:

К концу подходит мой отпуск. Отпуск в феврале. Я сам попросил февраль. Утром ходил в молочную кухню за детским питанием. Очередь. На стене висит репродукция Ивана Шишкина «Утро в сосновом лесу». Подходит моя очередь, и женщина на раздаче спрашивает, мальчик у меня или девочка. Говорю, что девочка. Женщина улыбается и интересуется, не Капитолиной ли назвали. Вот чудеса! Что, все женщины в молочных кухнях такие провидицы? Заворачиваю питание в полотенце и кладу в сумку. Сплю на ходу. На улице скользко. Упал. Обошлось.

Она:

Капитоше год и четыре дня. Лежит рядом и так смотрит на меня, будто спрашивает, сколько лететь до кометы Чурюмова-Герасименко. Я тоже лежу и смотрю на неё. И тоже спрашиваю её, но уже о своём: как же мне сейчас управиться и осилить наконец мою, пусть даже очень-очень интересную, работу по особенностям перевода английских сложных слов, включая авторские окказионализмы, из романа Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков» на русский язык. Тут самое главное — правильно определить источник и цель. В голове кутерьма. Bee-fried. Bee — насекомое с жалом, производит мёд. Fry — готовить на горячем масле. И что с этим делать? А, Капуш? Спишь? Молодец! Пчёлы жужжат, масло шкварчит, брызги масла летят, брызги пчёл разлетаются, раскалённая поверхность пышет жаром, аромат сказочный, мёд полезен, лето золотистое, солнце яркое, тепло, жаркий летний воздух... Так, bee-fried air. Воздух шкворчит, шипит, гудит... Есть! Гудит воздух пчёлами!

Вообще-то я балдею от всего этого, но от Капуши я балдею неизмеримо больше! Капитоша открыла глаза и просит кушать.

27 февраля 1982, суббота

Программа «Время» сообщает, что Европейский суд рекомендовал Великобритании пересмотреть закон о применении телесных наказаний в школе.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит шесть градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус тринадцати.

Он:

Сегодня раздался телефонный звонок. Я снял трубку и услышал примерно следующее: «Привет, дружище! Ты же помнишь, что каждый из нас готовился стать в жизни человеком значительным? Об этом не говорилось, но это подразумевалось. А ещё мне в голову пришла мысль, что самые большие трусы на земле могут на деле оказаться безрассудными смельчаками, потому что их боязнь показаться трусом превосходит все остальные страхи».

К концу разговора оказалось, что ошиблись номером. Думаю теперь об этом.

Она:

Вчера приснился сон, будто я «Алису в стране чудес» читаю. А на днях попросила студентов для языковой зарядки дать характеристику временам года с использованием зевгмы. Получила массу удовольствия. Особенно от этого: Зима взяла и закатала рукава, Весна — засамоцветила, Лето — распустило руки, Осень — приспустила веки. А студенты мои ещё те ребятки!!!

27 февраля 1983, воскресенье

Программа «Время» сообщает, что в Великобритании шахтеры Йоркшира и Южного Уэльса призывают к началу забастовки в знак протеста против закрытия шахт.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит девять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус шестнадцати.

Он:

Мама говорит, что мне уже давно пора повзрослеть, перестать, как она выражается, витать в облаках. А мне так нравится слушать ту мелодику, с которой она это произносит: в-и-т-а-т-ь-в-о-б-л-а-к-а-х... Я даже и не пытаюсь понимать, что она в это вкладывает. И вообще, в облаках витаю не я, а объект моих исследований.

Она:

После лекций катала Капитошу на санках. Снег попадает ей на нос, щёки и губы. Она смеётся. Я то бегу, то поворачиваюсь к ней и иду спиной вперёд. Когда бегу, она смеётся. Когда иду спиной вперёд, молчит. Я думаю, что она просто переживает, что я не вижу дорогу и может что-то случиться. А сегодня Капа не на шутку задумалась, что навело меня на мысль: наверняка она, как и я когда-то, сидя вот так же в санках, думает об окказионализмах Брэдбери. Гоню от себя эту мысль и падаю в сугроб. Капа смеётся, потому что смеюсь я. Да, вот такие же катания привели меня туда, где я теперь.

28 февраля 1984, вторник

Программа «Время» сообщает, что президиум Верховного совета СССР принял указ «Об экономической зоне СССР» в целях сохранения и оптимального использования живых и других ресурсов и защиты иных экономических интересов СССР в морских районах, прилегающих к побережью Союза ССР.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус восьми.

Он:

«Чучело»!!! Не знаю, поможет ли решить такие вопросы их вскрытие... И что изменится через сто лет? Разве что некого будет организованно водить в кинотеатр. А сейчас полные залы школьников с классными руководителями и учителями. А я вот подумал: что, если найдётся человек, который спустя годы покажет тем же, но уже бывшим школьникам, какими стали герои фильма. И ведь найдётся! А потом ещё задастся вопросом, почему «Человек в футляре» входил в школьную программу и как преподносился Беликов. И, наверное, поймёт, где и в чём корень идеи объединиться, чтобы затравить и извести себе не подобного. Впрочем, и тогда с этой мыслью мало кто согласится.

Она:

Почему тридцатый день рождения так безапелляционно быстро наступает? Кого спросить? Бусинку бы!

27 февраля 1985, среда

Программа «Время» сообщает, что в США продолжается программа «Учитель в космосе». Свои заявки на участие в программе решились подать десять тысяч четыреста шестьдесят три человека.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус четырёх.

Он:

Сегодня утром ехали в сад. На дороге и тротуарах изморозь, окна троллейбуса покрыты инеем. Мы сидим у окна. Капуша щекочет мой нос своим белоснежным бубоном и глазеет то на пассажиров, то в окно. Я рисую на окне смешную рожицу. Она смеётся, поворачивается, смотрит лукаво и выводит своими детскими буквами прямо под рожицей слово П-А-П-А. Смеёмся оба. Пассажиры улыбаются.

Она:

То, что люди с возрастом умнеют, только кажется. В силу массы жизненных обстоятельств, под грузом прожитых лет приходится брать на себя ответственность, притворяться сильными, опытными, надёжными. Нам нельзя, но ведь мы остаёмся.

27 февраля 1986, четверг

Программа «Время» сообщает, что свою работу продолжает XXVII съезд КПСС, на котором обсуждается новая редакция программы КПСС и основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. Вносятся изменения в устав партии. Взят курс на строительство коммунизма.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит девять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус семнадцати.

Он:

Сегодня за томиками Теккерея обнаружил свой парабеллум оловянный. Как это было давно! А он всё такой же тяжёлый и холодный, как двадцать семь лет назад, и так же быстро теплеет в руке. Держу его, рассматриваю. Все прежние чувства и ощущения до мельчайших подробностей проносятся в моей голове. Но вот когда и почему я о нём смог напрочь позабыть? Может, из-за «Чайки-2»? Вот такие они, непростые простые истины!

Она:

Поход в цирк до сих пор даёт о себе знать. Перед началом представления давешняя мамина знакомая провела нас за форганг. Восторгу Капы не было предела. Да я и сама не на шутку была взволнована. Артисты готовились к своим выступлениям. Тут же вели лошадей к сцене, дрессировщики поглаживали своих подопечных и разговаривали с ними. Тут все разговаривают с животными, потому что те — часть их самих. Вскоре представление началось. Капа глаз не могла оторвать от происходящего. От антре она покатывалась со смеху. На репризах внимательно смотрела, иногда улыбалась. А вот на выступлениях животных она менялась в лице. На нём появлялась вселенская печать знания. А когда вышли слоны, она спросила, по своей ли воле они здесь и знают ли их папы и мамы, что их дети в цирке и что им здесь хорошо. Теперь дома Капа целыми днями рисует слонов. Они все у неё очень грустные. А под вечер она призналась, что знает точно, что её слон к ней обязательно когда-нибудь придёт. А потом и вовсе заявила, что циркового шпрехшталмейстера зовут Августин. Августин? Откуда она знает?

27 февраля 1987, пятница

Программа «Время» сообщает, что глава советского руководства М.С. Горбачёв предложил заключить отдельное соглашение по ликвидации ядерных ракет средней дальности в Европе и настаивает на том, чтобы США отказались от программы «звёздных войн».

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит десять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус шестнадцати.

Он:

Уже две недели, как я остро чувствую, что в этом году на Земле родится человек, от которого станет светлее. Уготовит ли судьба нам встретиться? А ещё мне кажется, что я чего-то не сделал, а вот чего — не пойму. Интересно, а может ли человек тосковать по тому, чего с ним не случилось? Сейчас полным ходом идёт подготовка к научной экс-

педиции в приполюсный район на ледоколе-атомоходе «Сибирь». Все только об этом и говорят. И нет человека в нашем ААНИИ, который втайне не мечтал бы попасть в эту экспедицию. Даже буфетчица Валентина и вахтёр дядя Миша.

Она:

Иногда ловлю себя задумавшейся у окна на кухне. Занавеска касается волос и уха, теребит их, нос упёрся в стекло, и сквозь то снег, то дождь, то пылающий зной, то листопад я наблюдаю за автобусной остановкой напротив. Некоторых людей уже узнаю даже по походке, иные — случайные. Самое страшное, что я не замечаю момента, когда обнаруживаю, что человек, который каждый день приходил на остановку, больше не приходит! Со случайными проще.

А вот сама остановка завораживает: никогда не знаешь, какую картину увидишь после отъехавшего автобуса. Он как занавес театра. А люди — люди тут делятся. Одни приехали в пункт назначения, другие пересаживаются, третьи отъезжают. Вот и сегодня за окном идут автобусы и снег. Их не слышно, но я точно знаю, что тише всех ходит снег.

28 февраля 1988, воскресенье

Программа «Время» сообщает, что в Калгари, Канада, завершились XV зимние Олимпийские игры. По итогам игр наибольшее количество медалей — двадцать девять — было у спортсменов СССР.

Завтра, 29 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит пять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус десяти.

Он:

Вчера бродил неподалёку от Публичной библиотеки, присел на лавочку и стал подсчитывать, сколько мне будет в двухтысячном году. Наиглупейшее занятие! Мимо меня ходили люди: кто-то спешил по делам, кто-то прогуливался, ожидая встречи с кем-нибудь из своего прошлого и привычного, кто-то — из будущего. Люблю наблюдать за незнакомыми людьми. Вот появилась молодая пара. Они торопятся, что-то бурно обсуждая на ходу. По ним видно — они идут куда-то. А вот появилась другая пара. Пожилая. Мужчина держит женщину под руку. Идут размеренно, говорят о чём-то, изредка заглядывая друг другу в лицо. Они идут откуда-то. Посмотрел вокруг — один я сижу.

Она:

Мне Тима на день рождения подарил пластинку Вероники Долиной. Невероятно, в каком консонансе мы с нею пребываем! И голосовом, и чувственном. А кому как не Тиме знать! Теперь прихожу домой и сразу включаю, сдуваю пылинки и подношу иглу. Свет не включаю. Сажусь на подоконник, слушаю, смотрю в окно на огни проезжающих мимо автомашин, клубящийся в зареве пар из труб, облака, считаю окна, в которых уже зажгли свет. И ловлю себя на том, что пою! Спасибо тебе, Тима!

27 февраля 1989, понедельник

Программа «Время» сообщила, что в большой аудитории НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР прошло совместное заседание московского отделения Общества психологов СССР и Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Члены правления «Мемориала» выступили с сообщениями о работе общества.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит девять градусов по Цельсию выше нуля, ночью опустится до плюс двух.

Он:

Капа спросила, когда человек взрослеет. Я ответил, что, наверное, когда слушает дождь или снег, смотрит на шелест листьев. Но не сказал, что это случается тогда, когда уверенность в том, что мир без тебя перестанет существовать, сменяешь на понимание, что мир твоего отсутствия даже не заметит.

Она:

Сегодня зашла в книжный на Невском. В центре зала молодой гид-мужчина с кокетством эрудита рассказывал группе туристов о строительстве дома компании «ЗингерЪ». Он так говорил, что казалось, и впрямь он участвовал в закладке первого камня. Потом туристы отправились покупать на память книги и открытки Ленинграда, а одна женщина подошла к сотруднице зала и спросила, нет ли у них фотографии Дориана Грея. По-видимому, такой вопрос звучал тут не в первый раз, потому что сотрудница

сразу же ответила, что у них есть только портрет, и предложила женщине сфотографироваться с гидом. Честно говоря, до сих пор не помню, что хотела найти в книжном.

27 февраля 1990, вторник

Программа «Время» сообщает, что президиум Верховного совета СССР издал указ «Об усилении ответственности за злоупотребления в торговле и спекуляцию», сто пятьдесят четвертая статья которого гласит, что спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы, наказывается лишением свободы на срок до трёх лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом от одной до трёх тысяч рублей.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит пять градусов по Цельсию выше нуля, ночью опустится до нуля.

Он:

Сегодня собрались нашей старинной компанией. У всех работа, у кого-то семья, у кого-то ещё или уже нет, новые знакомства и интересы. Но, находясь вместе, мы чувствуем себя такими, какими были двадцать лет назад. Мы стараемся держаться друг друга. Встречаемся периодически. Во время таких встреч оживают наши юношеские взгляды. Мы спорим, как раньше, что-то доказываем друг другу. В общем, несём наш кусочек времени, которое уже прошло, в день сегодняшний. Чтобы потом перетащить в день завтрашний.

Она:

Мне кажется или же и впрямь уже из моды вышли классики? И те, и другие. Последние от этого ничего не потеряли. А первые и подавно.

27 февраля 1991, среда

Программа «Время» сообщает, что президент США Буш объявил о прекращении военных действий на территории Кувейта и Ирака.

Завтра, 28 февраля, в Ленинграде температура воздуха днём составит один градус по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус шести.

Он:

В институте мне поручено заниматься регистрацией и последующим анализом данных исследований гнездовых местообитаний белой чайки в Арктике. Тут столько каждый раз находится нового и интересного, что, даже придя домой, я продолжаю думать об этом. Столько факторов учитывает эта белая чайка, прежде чем построить своё гнездо! Ну ладно характер рельефа, ладно конфигурация суши, ладно структура растительного покрова, ладно состав субстрата, ладно наличие ледника, ладно уклон местности, ладно присутствие хищников, ладно наличие по соседству других колониальных поселений морских птиц, но при чём тут расстояние до ближайшей погранзаставы!! Может, когда-нибудь я буду участником экспедиции в Арктику.

Она:

Вчера на женсовете решили сделать у мамы генеральную уборку. Сегодня начали с кладовки. На самой верхней полке обнаружили какой-то довольно ёмкий прямоугольный предмет, обёрнутый тканью. Мама сказала, что не помнит, что это. Достали. Сняли ткань. Я глазам не поверила. Это мой чемодан, с которым я ездила в пионерский лагерь в августе 1966 года. Но каково же было моё удивление, когда в нём мы обнаружили все мои вещи по списку, наклеенному на внутренней стороне крышки чемодана! В алфавитном порядке! На дне чемодана лежала тетрадка на двенадцать листов. Зелёный цвет обложки даже не выцвел. Почему я никогда про неё не вспомнила? Ведь в ней остались мои рисунки, наброски писем маме, адреса девочек, с которыми сдружилась. Наверное, мама предполагала, что на следующий год я снова поеду в лагерь, да так и спрятала чемодан, не разбирая. Тогда я приехала из лета прямо в серый и дождливый город, а назавтра нужно было уже идти в школу.

И сейчас, держа тетрадь в руках, я вдруг со всей живостью ощутила то показавшееся мне странным чувство томления, которое накатило на меня после отъезда из лагеря. Оно не отпускало меня несколько дней. Тогда.

28 февраля 1992, пятница

Программа «Новости Останкино» сообщает, что в ходе визита во ВНИИЭФ, город Саров, президент России Борис Николаевич Ельцин подписывает распоряжение о преобразовании ВНИИ экспериментальной физики и ВНИИ технической физики в

Российские федеральные ядерные центры — РФЯЦ-ВНИИЭФ и РФЯЦ-ВНИИТФ.

Завтра, 29 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до минус двух.

Он:

Не стихают обсуждения по поводу свершившегося выбора. И меня это очень касается. Лично я был против подобной постановки вопроса. Уж если выбор, тогда нужно было внести в список Петроград и Петербург. А ещё лучше Петербургъ! Тогда пошёл бы. Но такого не случилось, и я не пошёл.

И вот ведь теперь какая метаморфоза выходит: живёт себе человек на свете, знает, где родился, а вот где умрёт — не знает. А тут оказывается, что ещё при жизни знаешь наверняка, что умрёшь не там, где родился.

Она:

Сижу дома за столом. Тихо. Едва слышится ход секундной стрелки. Пью чай. Передо мной полулитровая баночка с вареньем. Абрикосовым. Ещё передо мной стопка с эссе моих студентов. Тема эссе пришла мне в голову под утро, и я решила, а почему бы и нет. Я часто практикую для моих студентов работу с русским языком. По их работам я вижу, кто и как чувствует слова. Ведь если не чувствовать слова русские, как можно затевать разговор об английском языке вообще! И тема такова: «А до Чехова рукой подать». Очень не терпится зачитать. А варенье — очень правильная штука. Было июньское воскресенье. Мы с Капой на кухне перебирали вчера привезённые соседкой Изольдой Игоревной с юга абрикосы, чтобы сварить варенье на зиму. Солнце играло своими лучами в наших волосах, и было неимоверное ощущение умиротворения и счастья.

27 февраля 1993, суббота

Программа «ИТА Новости» сообщает, что в Москве прошёл I съезд всероссийского союза «Обновление», который призвал к широкому гражданскому согласию и созданию общества народного благосостояния через свободный труд, инициативу на принципах верховенства закона, сильного демократического государства и эффективной социальной рыночной экономики.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус десяти.

Он:

Сегодня во время обеденного перерыва наша завлабораторией читала лекцию о вреде табакокурения. Присутствовали все некурящие. Пока её речь протекала мимо меня, я сидел и думал, что по-настоящему счастливый человек тот, кто бежит к родителям, потому что не может наговориться, а не потому, что знает долг.

А сама она курит «Беломор». В институте поговаривают, что она была близко знакома с кем-то из экипажа «Челюскина».

Она:

В конце февраля так хочется утонуть в пионах. Если бы я была художником, то обязательно нарисовала картину. На этой картине маленькая балерина на стуле у белого рояля. На рояле лежат белые и бледно-бледно розовые пионы. Девочка нагнулась и завязывает ленты на левом пуанте. За прядью золотистых волос почти не видно лица. Она готовится к важному выходу. Это время, когда каждый выход важный.

27 февраля 1994, воскресенье

Программа «ИТА Новости» сообщает, что в Лиллехаммере, Норвегия, завершились XVII зимние Олимпийские игры, которые были признаны президентом МОК Хуаном Антонио Самаранчем наиболее успешными за всю семидесятилетнюю историю зимних Олимпийских игр.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит восемь градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус семнадцати.

Он:

Помнится, в шестнадцать мне виделась некая воображаемая черта, за которой, как казалось, начинается настоящая жизнь. Как она выглядит и как её распознать, я, конечно, не знал. Но был бесповоротно уверен, что при встрече узнаю её, и это обязательно будет солнечный и морозный день. А вот в сегодняшние сорок оказывается, что ожидание встречи с той чертой и было самой неподдельной радостью.

Она:

Наконец-то с пятикурсниками закончили читать «Тихий американец». Приступили к анализу. Наверное, я совершила глупость, пообещав поставить оценку за экзамен автоматом тому, кто даст характеристику одному из главных героев произведения, Фаулеру, состоящую из одного слова. На весь разбор надо запланировать три пары.

27 февраля 1995, понедельник

Программа «Время» сообщает, что Министерством труда Российской Федерации принято постановление «Об утверждении рекомендаций по планированию мероприятий по охране труда».

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до минус одного.

Он:

Мне приснился сон, будто я в оркестровой яме. И не просто я там, в этой яме, а исполняю партию виолончели в «Рапсодии на тему Паганини» ля минор! И сам Паганини играет в центре на такой странной скрипке! Вокруг него снуют разнообразные тени, кто-то кашляет, слышится английская речь... Рапсодия звучит. На обрывке плаката давно забытая графика. Партию фортепьяно исполняет автор! Брюнетка справа от меня зацепила ногой пюпитр, отчего тот рухнул с неоправданным для себя шумом и разбудил спящего у её стоп сурка. Брюнетка поправила очки и продолжила играть уже без нот. Было ещё много всяких деталей, но запомнил только это.

Она:

На кафедре царит всеобщее оцепенение. Мы будто осиротели в одночасье. Фаина Ивановна объявила, что уходит на пенсию. Столько лет заведовала кафедрой! Все, кто сейчас работает, помнят свой первый день. И не потому только, что день тот был первый, а потому, что Фаина Ивановна встречала каждого как своего родного человека. Потому что она всегда помогала всем бескорыстно и от всей души. Потому что от неё всегда исходил свет и веяло теплом. Потому что она сама стала всем родной. Подумать страшно, но я, получается, знаю Фаину Ивановну уже девятнадцать лет! Девятнадцать лет! Я проработала на кафедре уже целых девятнадцать лет! И все эти девятнадцать лет я была уверена, я даже не сомневалась, что Фаина Ивановна будет рядом всегда. Будем пытаться её уговорить остаться. Я бы очень хотела.

28 февраля 1996, среда

Программа «Время» сообщает, что принятие России в Совет Европы было очень непростым шагом для членов этого сообщества, что это произошло в надежде, что вхождение в Совет Европы поможет России быстрее и легче пройти дистанцию от тоталитарного государства, каковым она была как часть Советского Союза, до действительно демократического правового государства.

Завтра, 29 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус десяти.

Он:

Вечер встреч в этом году ознаменовал мои двадцать пять лет после школы. Или мои двадцать пять лет его ознаменовали. Неважно. Где вы, мои одноклассники?! Где?! Вас же ждали! Ждали те, кто учил вас и продолжает работать, они всегда ждут, хотят увидеть вас и порадоваться вместе вашим успехам, просто увидеть ваши глаза и помолодеть оттого, что вы их помните и узнаёте. Ведь они помнят вас поимённо, помнят и берегут эту память. А многих, конечно, уже нет. Но вдруг тебе повезёт, как мне в этот раз, и ты увидишь свою первую учительницу. И ты вспомнишь, да что там вспомнишь — заново проживёшь моменты, когда тебе, мальчику второго «Б», незазорным было вышивать на кусочке белой ткани Царевну-лягушку! И ты идешь из школы домой, вдумайся, из школы домой. Только домашнее задание на этот раз ты задал себе сам и справишься едва ли...

Она:

Завтра защита, а я всё ещё сомневаюсь, правильную ли тему выбрала. Теперь сомневаться непозволительно. Да и ведь главное, чтобы мне самой тема нравилась! А мне не то чтобы нравится, завораживает она меня. У меня всё готово. Я и сама готова. И двадцать девятое февраля меня не страшит. И даже то, что у одного из оппонентов завтра день рождения. Надену брючный костюм и маску Феникса. После защиты нужно бы съездить к Фаине Ивановне. С цветами и её любимыми эклерами.

27 февраля 1997, четверг

Программа «Время» сообщает, что принято предложение правительства Российской Федерации, согласованное с Верховным судом Российской Федерации, о подписании протокола №6 от 28 апреля 1983 года к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус шести.

Он:

Перечитываю Пушкина. Впервые после школы. Это два абсолютно разных человека! И оба гении!

Она:

Вот дочь и заканчивает школу. Весь упор на биологию уже несколько лет. Копия он! Улыбаюсь. Её выбор — медицинский. А вот интересно, медицина — она от большого человеколюбия? Всенепременно так! Она у меня мягкая и светлая, люблю её. Сообщила мимоходом новость: «Вениамин тоже на медицинский нацелился». Тоже мне новость! Для кого-то, может быть, и новость, но не для матери же! Улыбаюсь весь вечер. Пойду перебирать наши пластинки. Я всегда перебираю пластинки, когда мне хорошо, а останавливаюсь каждый раз на одной. Тут я приврала. И когда тёплая грусть тоже.

27 февраля 1998, пятница

Программа «Время» сообщает, что в Российском государственном научно-испытательном центре подготовки космонавтов имени Юрия Алексеевича Гагарина начала свою работу сессия астронавтов NASA. В начальный период развёртывания и эксплуатации МКС доставка объединённых экипажей на станцию и возвращение их на Землю предполагается как «Союзами», так и шаттлами. Кроме того, космический корабль «Союз ТМ» в течение ближайшего обозримого будущего будет использоваться как корабль-спасатель на случай необходимости экстренного покидания станции и досрочного возвращения экипажа на Землю.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит пять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус девяти.

Он:

На день рождения Люся подарила мне бинокль Загорского оптико-механического завода с десятикратным увеличением. Я онемел. И не выпускаю его из рук вот уж дней десять. Вот и сейчас пишу правой, держу левой. А ещё Люся сказала, что дарит мне этот бинокль не только потому, что я о нём мечтал, но и чтобы мне было легче наблюдать за белой чайкой в экспедиции. Как бы я хотел в экспедицию! Но берут не всех. Да и аппаратура для экспедиций теперь посерьёзней. Но вот если б только меня взяли в экспедицию, я бы пользовался только этим биноклем! Ах, Люся, если б ты только знала! Да знаешь, конечно...

Она:

Угадала я.

27 февраля 1999, суббота

Программа «Время» сообщает, что на заседании Совета безопасности, состоявшемся в связи с рассмотрением Советом пункта, озаглавленного «Ситуация в отношениях между Эритреей и Эфиопией», председатель Совета безопасности потребовал незамедлительно прекратить все боевые действия и призывает стороны воздерживаться от дальнейшего применения силы.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит восемь градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус восьми.

Он:

Передо мной три билета в театр имени Ленсовета. Утром шёл снег. Теперь не идёт. Раз в год ходить в театр непростительно. На билетах написано: «Король, дама, валет». Для меня самое правильное время театра — зима. Наверное, так повелось ещё со времён наших с бабушкой походов в ТЮЗ. Пора одеваться.

Она:

Утро. За окном идёт снег. Город ещё не проснулся. Крыша старого одноэтажного дома, на которую открывается вид из окна моего кабинета, медленно становится бе-

лой. Вот из-за трубы появилась рыжая кошка и, оставляя следы, проследовала важно к чердачной дверце. На фоне серого неба снега не видно, он мелкий, а вот когда хлопьями, то его видно на любом фоне. Спокойно так. Суета и волнения отходят. Из динамика доносятся сигналы точного времени, будто фиксируют успевшие коснуться земли хлопья. Слабая прохлада от окна придаёт чувству безмятежности оттенок ранимости. Такое знакомое ощущение... так, так, так... Точно, вспомнила, как в детстве. У окна своей комнаты на четвёртом этаже. Конец декабря. Крупный снег за окном, морозец просачивается через закрытую поролоном щель в раме. Легкая *неуютность* от перепада температуры. Ладони на горячей батарее. Лоб прижат к холодному стеклу. Ты смотришь, как падает снег. Лёгкость и волшебность в ожидании любимого праздника. Вот уже зажглись фонари во дворе, и теперь снег кружит вокруг ярких ламп, как комары летом. «Грушенька, ты все уроки сделала?» — слышится из кухни голос бабушки. Грушенька — это я. В смысле, я тогда, в то далёкое время. Сейчас я везде Людмила Августиновна. Мне сорок пять.

28 февраля 2000, понедельник

Программа «Время» сообщает, что в Италии начался карнавал, один из самых любимых и шумных традиционных праздников, привлекающий и детей, и взрослых, а в ночь накануне карнавала там фейерверком отметили средневековый Праздник всех Марий, известный с 1039 года.

Завтра, 29 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию выше нуля, ночью поднимется до плюс семи.

Он:

Сегодня стоял на троллейбусной остановке и читал объявления. Без какой-либо надобности. Подъехал мой троллейбус номер восемь, я с трудом протиснулся к заднему окну, и в это время автобус притормозил. В остановившемся за нами автомобиле я увидел лицо пассажира. Оно показалось мне знакомым. Все восемь остановок я пытался вспомнить, где я мог видеть этого человека. Вспомнил только в столовой во время обеденного перерыва. Дело было в Мурманске на слёте стройотрядов в 1972 году. В доме культуры рыбаков собрали стройотряды отовсюду, и перед нами выступала группа со странным названием «Зелёные муравьи». Так вот этот человек показался мне похожим на одного из группы. Вот бывает же такое!

Она:

Девочка идёт несмело,
Падает с лукошком.
Шаг, второй — уже поспела
Вишня под окошком.

Девочка бежит вприпрыжку,
Каблучки всё губит.
Васильков букет сжимает,
Ведь она их любит.

27 февраля 2001, вторник

Программа «Время» сообщает о Всероссийской акции работников образования и студентов в защиту государственной системы образования.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит восемь градусов по Цельсию ниже нуля, ночью поднимется до минус шести.

Он:

Мужики с домино, вернитесь во дворы! Я вам даже за квасом сбегаю!

Она:

За столько лет работы я научилась безошибочно читать глаза моих студентов. Именно читать, именно глаза. Главное, что я вынесла за первые пять лет моей работы, это существование пропасти между глазами первокурсников и пятикурсников. Глаза первокурсников — это ожидания, надежды, опасения и, как ни странно, безграничное доверие. Доверие, ещё ничем, впрочем, не оправданное. И ты тонешь в этом доверии, и оно даёт тебе сверхъестественные силы, и эти силы ты отдаёшь им в ответ. В ответ на эти широко смотрящие на тебя глаза. Глаза пятикурсников — это и ураган смятенной уверенности, и бутылка Клейна с нежной благодарностью, и ранение грустью от предстоящего расставания. И твои глаза не остаются безответными. Это если вкратце. Это если группово́. Каждый раз, когда составляют новое расписание, молюсь, чтобы не

случилось у них пар в один день. Вот только никак не могу уловить тот самый момент, тот отрезок, когда эта пропасть начинает и заканчивает свой цикл. Интересно, а как читают они мои глаза?

27 февраля 2002, среда

Программа «Время» сообщает, что Совет Федерации поддержал изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, расширяющие права граждан на самооборону.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит один градус по Цельсию выше нуля, ночью поднимется до плюс трёх.

Он:

Сегодня я последний день на больничном, практически здоров. И наконец-то сделал над собой усилие и добрался до верхней полки в кладовке. На стене под самым потолком уже столько лет висят, пылятся мои санки. Они просто каким-то чудом сохранились. И очень пригодились, когда появилась Капа. В самом углу под потолком стоит огромная картонная коробка. Наверное, из-под чешского сервиза. Никто не доставал её оттуда лет тридцать. Если не больше. На ней слой пыли такой, что я даже сомневаюсь, браться ли за всё это. Опять делаю над собой усилие и опускаю коробку вниз. Долго смотрю на неё, пытаясь вспомнить, что в ней. Знаю наверняка, что прошлое. Со смешанным чувством открываю. Да. Вот оно, моё детство с марками и оловянным парабеллумом, билеты в ТЮЗ и пионерский галстук, фотография макета ледокола «Челюскин» и фотоаппарат «Чайка-2». На самом дне большой пакет с вложенной бабушкой запиской:

«*Тимоша,*
Это всё очень интересно.
Целую. Б.
4/II-70»

А в пакете застывшие истории. Вот либретто к балету «Жизель» и программка на субботу, 7 января 1967 года в Большой театр. Вот либретто к опере «Кармен» и программка на воскресенье, 9 марта 1969 года в Большой театр. Вот либретто к опере «Чио-Чио-Сан» и программка на вторник, 16 сентября 1969 года. Вот либретто к балету «Бахчисарайский фонтан» и программка на среду, 4 февраля 1970 года. Вот несколько выпусков журнала «Театральная Москва». Вот «Огонёк», «Советский экран» и «Работница» разных лет. И газеты. И разные вырезки из газет. Здравствуй, бабушка!

Она:

Девочка летит из школы,
Ранец нараспашку.
Меж страниц в диплом вставляет
Нежно промокашку.

Девочка глядит счастливо
На луну и небо.
А ромашка в промокашке.
Быль то или небыль?

27 февраля 2003, четверг

Программа «Время» сообщает, что в этом году NASA собирается отправить к Марсу два исследовательских зонда-близнеца. На этих зондах к Марсу полетят два одинаковых вездехода-марсохода, которые будут искать на Марсе воду и исследовать поверхностные породы.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит пять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус семи.

Он:

Заканчиваю составлять отчёт о январской поездке на совещание по морским птицам Арктики в норвежском Тромсё. Ничего нового для себя я там не почерпнул. Я сидел, слушал доклады, рассматривал лица. Одни ещё искрящиеся, другие — отстранённые. Я сидел и думал об отношениях между белой чайкой и белым медведем. Их часто можно видеть рядом. Из этих двух чайка использует медведя как указатель того, что где-то неподалёку есть пища. То есть чайка подъедает за ним его добычу. В свою очередь и медведь пользуется услугами белой чайки, когда по её особому поведению он определяет, что где-то неподалёку притаилась нерпа. Пользуется. Но это не мешает ему съедать её кладку или уже вылупившееся потомство. Возникает вопрос, почему

же она готова гнездоваться даже прямо на медвежьей тропе. Очевидно, они так живут.

Начну свою речь на конференции так: современное состояние вида вызывает озабоченность научной общественности в циркумполярном масштабе. Сделаю значительную паузу. Пусть все в зале представят, как эта общественность лишена сна и аппетита. Затем пройдусь по источникам субъективных ошибок при изучении гнездового распространения. Сделаю вывод: применение системных методов изучения других видов морских птиц неприемлемо для белой чайки с её специфической биологией. В конце дам рекомендацию: для того чтобы выявить какие-либо изменения в численности белых чаек в Баренцевоморском регионе, необходимо разработать систему мониторинга, которая помимо учёта гнездящихся пар в колониях должна включать цветное мечение, позволяющее выявить перемещение птиц между колониями.

Я столько знаю про белую чайку, но никогда ещё её не видел. Мне нужно в экспедицию.

Она:

Капитолина пришла поздно. Взволнованная. Пошли на кухню пить чай. Пьём. Перебрасываемся ничего не значащими фразами. Но потом Капа не удержалась и рассказала о том, что узнала от подруги. Одному человеку довольно давно случилось побывать в Голландии с одной делегацией. Там он познакомился с голландцем и, будучи у него в гостях, увидел рюкзак. Брезентовый большой рюкзак с лямками и поясом из толстой жёлтой кожи и металлическим остовом. Пока жена голландца накрывала ужин, он, голландец, поведал свою историю с участием этого рюкзака. А история была довольно проста. С этим рюкзаком он пару лет назад на велосипеде из Голландии съездил в Китай. На велосипеде. Ну и детали путешествия, которые оказались неимоверно интересными, поведал тоже. Говорил долго, пока не пришли его жена и два сына пяти и восьми лет и не позвали ужинать. Когда через несколько дней настал день отъезда делегации, голландец принёс рюкзак и со словами: *«It's a present. I don't need it any more!»* — вручил его своему гостю. Возвратившись домой, счастливый обладатель бережно завернул рюкзак в полиэтилен и спрятал в антресоль. Закипела жизнь. Человек часто думал о рюкзаке, рисовал себе мыслимые и немыслимые путешествия. Жизнь продолжала кипеть. Один её этап сменялся другим стремительно. Человек поглядывал на антресоль. И снова кипела жизнь. И снова поглядывал на антресоль. Но однажды человек понял, что вот оно — вот самое время для рюкзака. Принёс табурет, достал запылившийся пакет, протёр его и развернул. Металлический остов удерживал собой уже ни к чему не пригодную труху. Нового рюкзака человек уже не захотел.

Мне почему-то кажется, что девочка говорила о своём отце.

28 февраля 2004, суббота

Программа «Время» сообщает, что в Минобразования прошла коллегия «Об итогах первого этапа модернизации российского образования и о приоритетах развития системы образования России в 2004-2005 годах».

Завтра, 29 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит четыре градуса по Цельсию ниже нуля, ночью поднимется до минус двух.

Он:

Изредка перечитываю свои записи. Всё, о чём написано, живо предстаёт перед глазами. С запахами. С чувствами. С присущим тому моменту мировосприятием. Интересно, о чём же я таком напишу в том дне, впечатления которого мне не суждено будет прочувствовать вновь?

Она:

В полдень приезжала скорая. У мамы снова приступ. Который раз приезжают за последний год, а я всё не знаю, куда себя деть. И никогда не буду. В комнате пахнет лекарствами, маме лучше, бригада уходит. Сижу на краю кровати, держу мамину руку. Она пытается улыбнуться мне. Вот он, твой непреклонный преклонный возраст, мама. Мамочка моя...

Вечером маме стало лучше, и мы проболтали до половины десятого, вспоминая наши замечательные дни. Ты только поправься, мам!

27 февраля 2005, воскресенье

Программа «Время» сообщает, что в Москве состоялась VII церемония вручения премии Night Life Awards — ежегодной и самой популярной премии в области шоу-бизнеса и клубной жизни двух российских столиц — Москвы и Санкт-Петербурга, — в которой приняли участие актёры, модные светские персонажи, директора и владельцы клубов и развлекательных центров, арт-директора, промоутеры, музыкальные

продюсеры и многие другие представители шоу-бизнеса России.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит десять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус тринадцати.

Он:

Перебираю фотографии. Каждая — часть меня, часть, которая в сумме и есть я. Они не в альбоме. Всё никак не соберусь обзавестись. Их потребуется немало. Нет, один альбом всё же есть. Из детства. Его завела мама. Тут я совсем ещё младенец. Каждая фотография вставлена в специальные бумажные уголки. Тогда так и поступали с фотографиями. По-человечески. Чтобы можно было достать, посмотреть надпись и дату на обороте и потом вставить обратно. Либо достать, чтобы потом никогда уже не возвращать. Позднее стали просто приклеивать. А мои безалаберно сложены в картонную коробку от чешского сервиза. Вот я с бабушкой иду в ТЮЗ. А на этой я первоклассник, и мы вместе едем за город. А вот я на симпозиуме по проблемам биоакустики и биолингвистики птиц. А это мы с Люсей на нашем выпускном. А тут мы на выпускном у Капы стоим с её классным руководителем. А это мы на отработке в колхозе всей группой посреди капустного поля. Какая же она короткая, эта длинная жизнь!

Она:

Девочка спешит с работы —
Разные причины:
Бабушка ли ждёт с секретом
Или именины.

Девочка летит, порхая
Манко и игриво.
Стоп! — она уже листает
Письма торопливо.

27 февраля 2006, понедельник

Программа «Время» сообщает, что состоялся второй раунд российско-иранских переговоров по созданию совместного предприятия для обогащения урана на территории России, во время которого стороны договорились практически по всем спорным вопросам.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит девять градусов по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус тринадцати.

Он:

Вот если бы можно было написать себе письмо в тот далёкий 1954-й... Интересно, что бы я себе мог из сегодня сказать? Рассказывать про парабеллум или «Чайку-2» бессмысленно. Они сами придут. О чём же сказать хотелось? Ну, первое. У Макаревича так и не получилось написать ничего лучше «Синей птицы». Бред. Получилось. Особенно в «Женском альбоме». О том, что та высокая в детстве гора на самом деле всего лишь холмик? О том, что самая сложная для человека задача — иметь достаточно сил прожить достойно свою жизнь? О том, что никогда не будет возможности переписать её набело? Или о том, как коварна бывает мечта? О том, какая может наступить пустота, если мечта не сбылась? Или об опустошении после сбывшейся мечты? О том, как неожиданно наступившим оказывается будущее? Нет. Я бы не стал ничего себе писать в тот навсегда мой 1954-й. Может, ещё не поздно завести собаку?

Она:

Девочка печёт неспешно
Яблочный пирог.
На лице следы от теста
Пройденных дорог.

Девочка идёт несмело,
Падает с лукошком.
Вишня-вишня, подожди,
Подожди немножко.

27 февраля 2007, вторник

Программа «Время» сообщает, что на сцене Академической капеллы Санкт-Петербурга идёт спектакль-концерт «Маскарад» Лермонтова на музыку Глазунова. Масштабный театральный проект приурочен к 90-летию легендарного спектакля

Мейерхольда, премьера которого состоялась в Александринском театре в ночь перед Февральской революцией, 25 февраля 1917 года, в бенефис исполнителя главной роли — артиста Юрия Михайловича Юрьева.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит три градуса по Цельсию ниже нуля, ночью опустится до минус четырёх.

Он:

Сегодня так хорошо и безмятежно спал! Как в детстве. А с утра одна мысль поразила своей чёткостью и простотой. Я ведь так и не закурил никогда. А за ней вторая. Такая же чёткая и простая. Ведь каждому следовало бы в определённом возрасте подвести промежуточные итоги жизни. И пункты наипростейшие: что хотел; что сделал; что приобрёл; что потерял; сделки с совестью; что хотел бы изменить; пара пунктов с «если бы»; в итоге; сожаления; надежды.

Серьёзные могут выйти итоги эти, ёмкие. Иных может и не случиться. Ладно, потом как-нибудь заполню, потом. И ещё сказать спасибо тем, кто любил меня и кого любил я... я... я...

Она:

Такой непростой простой карандаш!

28 февраля 2008, четверг

Программа «Время» сообщает, что в этом году весь мир отметит международный Полярный год, который отмечается раз в пятьдесят лет, чтобы обратить внимание учёных и общественности к проблемам Арктики. Подводятся итоги международной экспедиции «Арктика-2007», и уже полным ходом идёт подготовка экспедиции «Арктика-2008». Основной задачей биологического отряда этих экспедиций являются исследования морских птиц и в первую очередь эндемика Арктики — белой чайки.

Завтра, 29 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит ноль градусов, ночью опустится до минус двух.

Она:

Видно, есть на свете такое некое что-то, отчего человек хочет во что бы то ни стало постигнуть Непостижимое. И вот когда он, человек, окончательно и бесповоротно осознаёт всю полноту невозможности понять Непостижимое, он сдаётся. Красиво, не правда ль!

27 февраля 2009

Программа «Время» сообщает, что математики написали программу, которая моделирует образование снежинок. Для того чтобы понять, как это происходит, понадобилось четыре года. Теперь с помощью компьютера можно будет определить точное количество воды, попадающее на землю во время снегопада.

Завтра, 28 февраля, в Санкт-Петербурге температура воздуха днём составит два градуса по Цельсию выше нуля, ночью опустится до минус одного.

Светлана СОРОКА

ТИМКА И ДРУЖОК

Даша не помнила имени этого Северьянова. То ли Димка, то ли Тимка. Мальчишки называли его Севером, а учителя обращались по фамилии. Особенно часто Кира Борисовна — их учительница математики.

— Опять ты, Северьянов, не принёс! Снова не выполнил! Лодырь ты, Северьянов!

Даша была отличницей. Перед каждым уроком она по поручению учительницы проверяла домашнюю работу у отстающих. И почти каждый раз ей приходилось говорить:

— Кира Борисовна, у Северьянова нет.

Учительница сердито поднимала брови и начинала его отчитывать... В эти моменты и без того мрачный Северьянов лишь сильнее насупливал лоб и молчал. А Даша смотрела на него, смотрела и думала с осуждением: «Как так можно? Ничего не делает. Ничем не интересуется».

Сама она успешную учёбу совмещала со спортом. Занималась гимнастикой. Однажды весенним вечером Даша возвращалась из спортивной школы. Она проходила мимо заброшенной стройки, которую окружал старый деревянный забор. Внезапно ей показалось, что за ним кто-то жалобно скулит. Девочка подошла поближе, прислушалась. И вдруг отчётливо различила ещё и мальчишеский голос. Он показался ей знакомым. И Даша, наверное, сама от себя не ожидая такого, вдруг ловко протиснулась в дыру между досками.

На территории, заваленной строительным мусором, пугающе зияла пропасть котлована. На самом её краю Даша заметила Северьянова. Он не видел её и, глядя вниз, ласково кого-то успокаивал:

— Сейчас, сейчас, потерпи немного. Сейчас я спасу тебя.

Даша поняла: внизу котлована — щенок. Видимо, от обращённого к нему голоса он замолчал на мгновение. И сейчас заскулил с новой силой. Сердце Даши сильнее застучало от волнения. Так же взволнованно билось и сердце Северьянова:

— Сейчас, сейчас, — он резко развернулся, собираясь спускаться. Но вдруг увидел Дашу. — А ты чего здесь? — напустился он на неё. Она растерялась, промолчала. — Иди отсюда!

Даша сделала шаг назад, но вскоре вновь оказалась у котлована, подошла к его краю. Котлован был глубокий, за отвесные стены практически невозможно было уцепиться. Но щенок отчаянно скулил, словно звал, очень просил помочь ему.

— Иду, иду, — взволнованно повторял Северьянов и спускался...

Даша с замиранием сердца следила за ним. Видела, как пальцы его изо всех сил впиваются в твёрдую ненадёжную глину, слышала, как тяжело он дышит... Щенок заскулил громче, пронзительней и затих... Северьянов испугался, ускорился, но кусок глины у него под ногой предательски откололся, и спасатель поехал вниз...

— Ах! — Даша отшатнулась от края и закрыла глаза рукой. Сердце сумасшедше стучало в груди, всё сильней и сильней...

— Жив! — вдруг раздалось со дна котлована. — Жив!..

Даша метнулась к обрыву. На дне его, весь перемазанный глиной, стоял Северьянов. И прижимая к груди крошечного рыжего щенка, радостно улыбался. Даша улыбнулась в ответ:

— А ты?

Северьянов только рукой махнул. И стал осторожно подниматься. Но выбраться из котлована со щенком было гораздо труднее. Юный спасатель, будто находясь в огромной стеклянной банке, безуспешно скатывался вниз. И первый раз, и второй, и третий...

Пригревшийся на его тёплой груди щенок опять начал тихо поскуливать. «Что делать?» — отчаянно носилось у Северьянова в голове. «Что делать?» — глядя на бесплодные попытки товарища, судорожно соображала Даша. И вдруг...

— Придумала! — оживилась она. Открыв рюкзак, девочка вытащила оттуда длинную гимнастическую ленту и бросила её однокласснику. — Лови!

Северьянов сразу понял, для чего.... Сделал из неё что-то, похожее на шлейку. Даша осторожно вытянула щенка наверх (он и испугаться-то толком не успел) и с радостью прижала к себе. А вскоре, покорив, наконец, неприступную высоту, вылез

из котлована и Северьянов. Чумазый, уставший, но счастливый.

— Спасибо! — поблагодарил Северьянов. — Это ты хорошо придумала!

Даша стояла совсем близко и под широкими густыми бровями увидела его голубые, как небо, глаза...

Между тем щенок, почувствовав избавление, тоже оживился. Принялся с интересом изучать своих спасителей блестящими чёрными глазками, лизать руки, вилять хвостом. Он оказался очень дружелюбным, общительным. И ребята решили назвать его Дружком. Вскоре Дружок стал проситься на землю. Даша осторожно спустила его. Он резко привалился на один бок и жалобно заскулил.

— С лапой что-то! — догадался Северьянов. Даша кивнула. — Что делать? — встревожился он.

— К ветеринару надо, — решительно сказала она. Здесь недалеко ветклиника. Там хороший врач работает. Денис Иванович. Мы у него нашего Тишку лечим. Побежали, я покажу.

— Побежали!

...Молодой улыбчивый Денис Иванович сразу догадался, что случилось.

— Ну, и кто из вас не прошёл мимо? — спросил доктор.

Даша посмотрела на Северьянова, а он на неё и ответил:

— Вместе.

— Дашу я знаю, — сказал Денис Иванович, — она у нас молодец! А тебя как зовут?

— Тимка, — представился Северьянов.

— Тимофей, значит. Молодец, Тимофей! — и он пожал ему руку.

Доктор попросил ребят немного подождать: Дружку нужно было делать рентген.

У Даши зазвонил телефон. Он звонил уже не один раз, но ей некогда было взять трубку. Это волновалась мама. Сейчас она писала дочери смс-ки с требованием немедленно возвращаться домой. Тимка глянул на телефон, на темнеющее за окном небо и быстро всё понял.

— Тебе, наверное, надо уроки делать?

Даша кивнула и тут же спросила:

— А тебе? — он промолчал, только как-то обречённо вздохнул, и его голубые глаза погрустнели. Телефон снова зазвонил. Даша напоследок погладила щенка по рыжей шёрстке и попросила: — Напиши мне про Дружка, ладно.

Тимка чуть улыбнулся и кивнул.

Поздно вечером ей пришло сообщение: «С Дружком всё хорошо!»

А на следующий день в школе вновь были уроки: русский, литература и... математика. И по поручению учительницы Даша, как обычно, стала проверять тетради. «У Северьянова нет», — должно было привычно прозвучать в классе. Не прозвучало. Даша встретилась взглядом с Тимкой и не смогла. Не имела права после вчерашнего.

— На нашем ряду у всех есть, — негромко сказала она.

— И у Северьянова? — удивлённо уточнила Кира Борисовна. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Даша кивнула. Но Северьянов действовал на учительницу, как красная тряпка. Она не собиралась оставлять его в покое. — Есть, говоришь? — недоверчиво протянула Кира Борисовна. — Странно, очень странно, сейчас проверим! — она встала из-за стола. Дашино сердце сильнее застучало от волнения. Так же взволнованно билось и сердце Тимки. — И с каких это пор у нас отличницы обманывать научились? — нависая над пустой тетрадью Северьянова, сердито прикрикнула на девочку учительница.

Даша молчала, опустив голову. И Тимка с шумом поднялся из-за парты.

— Она не виновата! Это всё я...

В классе послышались шёпот и смешки.

— Конечно ты, Северьянов! — с ехидной усмешкой посмотрела на него Кира Борисовна. — Пообщаются с тобой люди и становятся такими же. Не стыдно? — вновь обратилась она к Даше. Даша молчала, ей было стыдно. Но ещё почему-то ужасно обидно за Тимку. — Зайдёшь ко мне после уроков, — строго сказала учительница и отправилась на своё место.

Дашу ещё никогда не оставляли после уроков. Кира Борисовна ругала, взывала к совести, грозилась оповестить родителей.

— Северьянов вчера щенка спас, — вдруг осмелилась Даша перебить гневную речь учительницы.

Кира Борисовна, удивлённая, замолчала. И Даша сначала робко, а потом всё увереннее начала рассказывать и про котлован, и про ушибленную лапу, и про врача...

— Ладно, иди, — выслушав, отпустила её учительница.

Из дверей школы Даша вышла немного уставшая, но вдруг улыбнулась.

На крыльце ее ждал Тимка...

ЛЯГУШКА

I

Петька гулял по посёлку и возле одного из домов увидел незнакомого мальчишку. Появление в посёлке новеньких всегда было важным событием. Делая вид, что кого-то ждёт, Петька принялся украдкой наблюдать за ним. В белоснежной футболке, наколенниках, незнакомец на скейте покорял невысокий бордюр.

— Городской, наверное! — мелькнуло у Петьки в голове.

Чужак между тем тоже его заметил. И, оставив бордюр, принялся ездить по дорожке туда-сюда. Расстояние между мальчишками понемногу сокращалось. Петька насторожился, чего это он. Но вдруг над головой услышал тревожный голос проходившего мимо дяди Захара.

— Беги скорее! Трошку твоего собаки на дерево загнали. Испугался, бедный. Мяучит на всю округу. Спасай!

Петька сорвался с места. Незнакомец, сунув скейт под мышку, припустил за ним.

— А ты куда?! — вдруг резко остановившись, возмущённо уставился на него Петька.

Чужак замялся на мгновение и, словно извиняясь, произнёс:

— Так спасать же надо!

— Ладно, — махнул рукою Петька.

...Трошка, как назло, забрался на самую высокую берёзу. Почувствовав хозяина, он замяукал ещё громче и жалобней:

— Мяу! Мяу! Мяу!

Петька забегал вокруг дерева, запаниковал.

— Что делать?!

Ствол берёзы был толстым и ровным, нижние ветки росли высоко над землёй. Не обхватишь, не дотянешься.

— Как спасать?

— А давай я тебя подсажу! — вдруг придумал незнакомец. — Залезай на спину!

Он был крепким, коренастым, а Петька худеньким. У них должно было получиться. Оказавшись у него на плечах, Петька принялся изо всех сил тянуться к веткам.

— Ну что там? Что?! Достал?! — взволнованно спрашивал у него неожиданный помощник.

— Чуть-чуть не хватает!.. Нет, не могу! — отчаявшись, Петька спрыгнул.

Котёнок продолжал душераздирающе мяукать. И вдруг незнакомца осенило:

— Скейт!

Он встал на противоположные стороны скейта, прижался к стволу, изо всех держа равновесие и товарища...

— Достал! — радостно завопил Петька.

Он уцепился за ветку, залез на дерево, и вскоре страдалец был освобождён.

Котёнок оказался крохотным. Он трогательно прижимался к хозяину, теперь уже беззвучно открывая рот. А Петька гладил и успокаивал:

— Тихо, тихо, глупенький...

Незнакомцу тоже захотелось погладить:

— Можно? — Петька улыбнулся, кивнул. Новенький осторожно провёл пальцами по мягкой пушистой шёрстке. — Хороший... Я Альберт, кстати, — Петька назвался и пожал протянутую руку. — У нас в Москве животных не было, — вздохнул Альберт, — двадцатый этаж...

II

Животных не было, но зато оказался очень крутой велик. Новенький. С литыми дисками и восемнадцатью скоростями. Не то что у Петьки, старый, скрипучий. Когда Альберт вывез его из калитки, Петька чуть с ума не сошёл от восхищения и зависти.

— Ничё себе! — обхаживая велик со всех сторон, шептал он. — Это что, горный?!

— Горный, — спокойно кивнул Альберт и великодушно предложил: — Хочешь прокатиться?

— Ещё бы! — Петька чуть не задохнулся от восторга, когда сел на него. — А ты на моём тогда, да? У нас здесь, кстати, тоже горы имеются. Погнали, я покажу!

Мальчишки приехали к склону невысокого холма. Вниз вела похожая на змейку узкая песчаная дорожка. Петька летел со склона, как стрела. А Альберт трясся так, что щёки подпрыгивали.

— Здорово! — кричал он товарищу совершенно искренне. — Как на электричке!..

К вечеру ребята расстались довольные друг другом. «А этот Альберт — пацан что надо!» — подумал Петька. И на следующий день пригласил его к себе в гости.

III

Главной достопримечательностью в Петькином доме был чердак. Альберту он тоже понравился. Здесь в таинственном полумраке находилось много любопытных вещей: несколько огромных сундуков, проигрыватель с пластинками, даже старая печатная машинка. Альберт всё это с интересом рассматривал. А Петька, глядя на товарища, самодовольно улыбался.

Вдруг в маленьком чердачном окне Петька заметил знакомых мальчишек.

— Смотри, Серый с ребятами идут! — крикнул он Альберту и похвастался: — У меня настоящее смотровое окно! Из него весь посёлок виден.

— А из моего — весь район, — сказал Альберт, — и Останкинская башня. Представляешь, её высота — 540 метров. Ты был? — спросил он простодушно.

Петька на мгновение нахмурился, но быстро нашёлся:

— Что-то я на пруду давно не был! Вот где! Пойдём?

— А чем ловить? — забеспокоился Альберт. — Я фидоры в Москве оставил.

Петька поморщился.

— Чего? — и кивнул на стоящие в углу удочки. — Вон дедовы бамбуковые. А червей в огороде накопаем. Пошли.

IV

Небольшой полукруглый пруд утопал в зелени ряски, камышей и нескольких раскидистых ив. Мальчишки расположились на траве, неподалеку от одной из них. Принялись распутывать удочки. Наконец, Петька ловко закинул снасть в свободное от ряски водное окошко. Альберт не собирался отставать. И вскоре на лёгких волнах качалось уже два поплавка. Вдруг один из них резко ушёл под воду. Петька подсёк и вытащил на берег большеголового ротанчика. Вскоре и Альберт поймал своего.

— Эти ротаны не хуже, чем вобла в Астрахани, — радовался он, — и клюют чаще.

— Ну так, — самодовольно улыбался Петька. — У тебя, кстати, опять клюёт...

Но Альберт не притронулся к удочке и ничего не ответил. Петька взволнованно глянул на товарища. Тот словно застыл. Сидел бледный и глазами, полными ужаса, смотрел в траву. Рядом на широком листе лопуха притаилась огромная лягушка.

— Л...л...лягушка, — наконец, одними губами испуганно прошептал Альберт.

Петька вдруг всё понял, схватил её и бросил в пруд. Приятель выдохнул, и вскоре они опять продолжили ловить. Домой возвращались с полной бадейкой.

— Хорошо половили, — улыбался Петька

— Ага, — соглашался Альберт. — Только вот лягушка... Не люблю я их. Меня в детстве такая испугала...

Петька сочувственно вздохнул. Впрочем, вскоре они забыли о лягушке. У Петькиной калитки их встречал Трошка. Пришлось пожертвовать ему пару маленьких ротанчиков. Он вцепился в рыбу и потащил под крыльцо, урча то ли от радости, то ли от жадности. Половину рыбы Альберт взял себе и пустил в бочку. Всё-таки посёлок не Москва: живность здесь держать можно.

V

Вскоре Альберт стал своим в посёлке. Он был нежадным, рассудительным и очень отзывчивым. Помогал ребятам качать камеры на великах, как-то раз одолжил им футбольный мяч, а однажды попросил дедушку сколотить кому-то скворечник. Мальчишки потянулись к Альберту. И даже Серый начал его уважать. А через него, казалось, благосклонней стал относиться к Петьке.

— А этот твой москвич — нормальный пацан, — сказал он ему как-то.

Слова Серого польстили Петькиному самолюбию. Всё-таки это он первый познакомился с Альбертом и сейчас дружит с ним крепче всех. Значит, тоже молодец!

Мальчишки по-прежнему много времени проводили вместе. Утром Петька подъезжал к дому Альберта. И они мчали на великах в лес, на пруд или ещё куда-нибудь. Петька привязался к другу. С ним было интересно. Альберт всегда знал, как поступить, что придумать. И при этом никогда не задавался. Жизнь их била ключом. А тут ещё в посёлке намечалось одно важное событие.

VI

Местный чемпионат по футболу. Поселковые мальчишки встречались с соседями из близлежащей деревни. За несколько дней до игры к Петьке подошёл Серый.

— Хочешь в команду? — оценивающе посмотрел он на него. Серый мог бы не спрашивать. Петька от счастья даже дар речи потерял и только закивал часто-часто. Серый усмехнулся. — А москвич твой умеет играть? Мне хороший вратарь нужен, — Петька не успел ответить, да Серый и не стал дожидаться. — Приходите на поле в 18.00, посмотрю на вас, — сказал он и ушёл.

А Петька тотчас помчался к другу. И сегодня на своём стареньком велике не заехал, а влетел в калитку.

— Привет! — крикнул он немного удивлённому Альберту. — А ты в футбол хорошо играешь?

— Я ходил в секцию, — спокойно сказал Альберт, — был вратарём.

— Супер! — и без того счастливое Петькино лицо засияло ещё ярче. Нас Серый в команду позвал, представляешь! — возбуждённо затараторил он. — Сегодня вечером встречаемся с ним на поле... Надо выложиться! Он кого попало не возьмёт. Деревенские, знаешь, какие злые. Есть там у них один, Метеор кличка. Быстрый. Длинный. Ноги как палки... Только в путь по воротам лупит... — Петька замолчал на мгновение и спросил: — Ты же хочешь в команду?

Друг улыбнулся и кивнул:

— Хочу.

VI

В назначенное время мальчишки уже были на поле. А вскоре туда подошёл и Серый. Он был со своим помощником Вовкой Ивановым — высоким спортивным парнем по прозвищу Фигура. Альберт подготовился основательно. На ногах — бутсы. На руках — вратарские перчатки. Серый насмешливо оглядел его и присвистнул.

— Ну, посмотрим, посмотрим! Так, один на воротах! Второй бьёт пенальти! — скомандовал он.

Альберт принял вратарскую стойку. Петька отбежал к одиннадцатиметровой отметке. Сердце стучало. Серый с Фигурой переговаривались, с ухмылками на лицах смотрели на него. Словно пришли на спектакль, который ни за что нельзя было провалить! Но как бить?! Сильно? А если друг не поймает?..

Петька замялся на секунду, но собрался и, разбежавшись, ударил. Хорошо, крепко... в левый угол. Альберт поймал. Серый с Фигурой удивлённо переглянулись.

— А теперь в правый давай! — негромко скомандовал Серый.

Вновь удар. Альберт и на этот раз взял мяч. Серый благосклонно кивнул и выбежал на поле. Следом за ним — Фигура. Они пасовали друг другу, иногда Петьке и все втроём с разных сторон настойчиво обстреливали ворота. Альберт достойно отразил многие удары.

— Неплохо! — сказал ему Серый. — Вы двое в команде.

— Спасибо, — улыбнулся Альберт.

Они с Петькой радостно переглянулись и весь вечер ходили счастливые. А Петька и дома возвращался мыслями на поле, вспоминая брошенную Серым похвалу:

— Молодец! Хорошего вратаря ты нам привёл.

«Ничего-ничего, — думал он, — вот выиграем этот матч, Серый тогда ещё не то скажет».

VII

И вот долгожданный чемпионат наступил. Болельщики заняли места на трибунах. Одна половина скандировала название посёлка, другая — поддерживала деревенских. Игра была напряжённой. Метеор, и правда, оказался быстрым и злым. Безжалостно лупил по воротам. Но Альберт уверенно отражал броски. Да и его товарищи не зевали. С боем вырывали мяч у противника и бежали в контратаку. Ребята носились по полю взъерошенные, красные, разгоряченные. Трава взмочалилась, вспотела под их ногами.

Второй тайм подходил к концу. Счёт был равный: 3:3. И вот Метеор помчался в атаку. Трибуна деревенских поднялась волной и заревела. Петька видел бросок. Альберт должен был его взять. Но не взял.

Противник ликовал и праздновал заслуженную победу. А к воротам Альберта уже бежали Серый с Фигурой, Петька, другие ребята. Альберт стоял бледный и глазами, полными ужаса, смотрел в траву. Петька сразу всё понял. И правда, на листе мать-и-мачехи сидела большая серая лягушка.

— Дырка ты, а не вратарь! — набросился на Альберта Серый. — Видел же удар! Почему не поймал?! — и вдруг догадался о причине. — Лягушку испугался?! Ха-ха-ха! Трус, слабак, девочонка! Испугался ля-гу-шеч-ку. Ха-ха-ха!

Фигура, другие ребята — все стали тыкать в Альберта пальцами, издеваться и хохотать.

— Ха-ха-ха!..

— А ты чего молчишь? — вдруг набросился Серый на Петьку. — Не с нами?!

— Девчонка, трус, слабак, — подражая главарю, испуганно затараторил Петька и как-то неестественно громко захохотал.

Серый поддел лягушку бутцем, с силой швырнув в траву. Альберт словно очнулся. Он с грустью посмотрел на ребят. На Петьку как-то особенно печально. И ушёл. А вскоре разошлись по домам Серый, Фигура и остальные мальчишки.

Петька остался один. Сел на траву и опустил голову. Желанной победы не случилось. На душе было грустно, даже гадко. Не из-за этого...

ТИХАЯ СМЕЛОСТЬ

— Эй, Тяпкин, я здесь стоял, отойди! — раздался в столовой зычный голос Макса.

Второгодник Сёмик Тяпкин нахмурился, но возразить не решился. И отправился в конец небольшой очереди, выстроившейся возле раздачи.

Мирон в сторонке молча наблюдал за одноклассниками. Тихий, мирный, он никогда в жизни не посмел бы связаться с Тяпкиным. Мало ли что! А Макс отчаянный, смелый. Девчонкам такие нравятся. Мирон не раз замечал, как Катя на него смотрит. И сейчас тоже...

Домой Мирон пришёл расстроенный. Из-за Макса, Кати и собственной нерешительности.

— Не время грустить! — с порога подбодрил его папа. — Весна — пора вершить великие дела! А это тебе! — и он протянул сыну скейт. — Трюковой!

— Трюковой! — задохнулся от восторга Мирон. — Спасибо!

Папа не поскупился. Скейт был потрясающим. С маленькими жёсткими колёсами и ярким принтом. На верхней стороне доски мультяшный космонавт мирно катился на борде. Так Мирон уже умел. А на нижней — завис в воздухе в завораживающем магическом прыжке. Об этом Мирон только мечтал. И теперь не сомневался — мечта его осуществится.

В центре городского сада, утопающего в сладком аромате сирени, располагалась трюковая площадка. Чуть дрожащими от волнения ногами Мирон встал на скейт и, ощущая приятную невесомость, покатил к ней.

На площадке активно тренировались ребята. Некоторых из них он узнал. Высокий худой Толик Гусев выполнял на скейте прыжок. Рядом стоял незнакомый парень постарше и что-то ему показывал. На противоположной стороне скейт-парка Мирон заметил ещё одного знакомого, десятиклассника Антона. Кажется, он собирался делать вращение. Ловкий щелчок по скейту, и... Антон в воздухе... Мирон даже дышать перестал от восхищения и не сразу заметил, как, закончив трюк, десятиклассник подъехал к нему.

— Привет! — дружелюбно кивнул он. — Хочешь так же научиться? — Мирон часто-часто закивал в ответ. — Для начала нужно освоить олли[1], — принялся объяснять Антон, — это база для всего остального. Пойдём, я покажу. Кстати, классный у тебя скейт, — улыбнувшись, добавил он.

Мирон улыбнулся в ответ и... встал на борд... Ноги дрожали, сердце стучало. Но Антон оказался очень хорошим. Терпеливо объяснял, показывал. И базовый трюк (пока ещё не совсем уверенный и чистый) понемногу начал получаться.

— Молодец, для первого раза неплохо! — хвалил он подопечного.

Не обращавший на Мирона внимания Толик Гусев стал всё чаще на него поглядывать. Недружелюбно. Вызывающе. Словно соперника в нём почувствовал. Но Гусев был ещё чище Тяпкина. Мирон никогда в жизни не стал бы с ним связываться. А Макс связался... на следующий день в школе.

Толик бесцеремонно ввалился к ним в класс.

— Мел сюда давайте!

— Самим нужен! — Макс грудью преградил ему дорогу к доске.

Гусев огрызнулся, но отступил назад.

---

[1] Олли – прыжок на доске, базовый трюк, основа основ.

«А всё потому, что Макс смелый», — подумал Мирон. Но сегодня особо не расстроился. Мысли были о предстоящей тренировке. После школы он сразу же помчался в парк. У него почти получился прыжок.

— Пробуй ещё! — ездил рядом и переживал за подопечного Антон. — Совсем чуть-чуть не хватает! Совсем чуть-чуть!.. Получится — будешь участвовать в соревнованиях, — слово «соревнования» торжественно улетело вверх, сотрясло воздух. — С ним! — Антон кивнул в сторону катающегося неподалёку Толика. — У вас одна возрастная группа и один уровень.

«Ну, насчёт уровня мы ещё посмотрим! — радостно думал Мирон. — Прыгну! Конечно же, прыгну! Обязательно буду участвовать!» — сердце радостно колотилось. И вдруг резко ухнуло вниз. На лавочке возле площадки сидела Катя. Улыбчивая, летняя. «Зачем она здесь?!» — промелькнула в голове быстрая мысль. — Неужели?.. А может, к Гусеву...»

На следующий день Катя подошла к Мирону в школе.

— А я и не знала, — начала она с той же улыбкой, — что ты умеешь так хорошо кататься. И трюки делать... Здорово!

Мирон успел лишь кивнуть благодарно. Как вдруг над ним навис Макс и закричал угрожающе-громогласно:

— И чего хвастаешься?! Кому нужен твой скетборд?!

Мирону так хотелось врезать ему!.. Но Макс смелый, а он, а он... Разозлившись хорошенько, наполнившись неуёмной, кипучей энергией, поехал после уроков в парк и прыгнул! Покорил наконец олли!

— Молодец! Просто молодец! — хвалил ученика Антон. — Теперь чисто! Теперь то, что надо!

Макс оказался неправ. Слово «соревнования», звучащее всё чаще и чаще, словно притянуло к себе ребят. Они облюбовали длинные лавочки напротив скейт-парка. Приходили товарищи Гусева, Тяпкин, Катя, даже Макс. Наверное, из-за неё.

Мирон на борде украдкой поглядывал на одноклассницу, наполняясь летом, солнцем, счастьем и ощущением полёта. Но чем меньше времени оставалось до соревнований, тем напряжённее становилась атмосфера. Ребята на скамейках разделились на два лагеря. Гусев угрожающе поглядывал на соперника, мол, подожди, я тебя сделаю. А Мирон, не обращая на него внимания, делал и делал элементы. Оттачивая их до совершенства. Взлетать на скейте было круто. А касаться колёсами земли — приятно вдвойне. Но однажды этого не случилось...

...Это был обычный день. И обычная тренировка. Разве что дорожка в парке от прошедшего ночью дождя не успела подсохнуть. Может, поэтому что-то пошло не так. Борд как всегда стремительно пошёл вверх, но земля в этот раз почему-то приблизилась слишком быстро... Последнее, что запомнил Мирон — это отчаянные крики с «трибуны» и испуганные глаза бегущего к нему Антона...

Очнулся Мирон в больнице. Пожилой доктор долго осматривал его. Заглядывал в глаза. Заставлял смотреть на палец.

— Ну что, молодой человек, — наконец сказал он, — повезло: сотрясения нет. А обморок — следствие болевого шока. Что немудрено, — доктор покачал головой, глядя на его разбитую коленку и локоть. — Ну, ничего, не расстраивайся и не бойся. Раны мы сейчас обработаем.

Мирон старался не бояться. И расстраивался только по одному поводу. Вдруг он теперь не сможет участвовать в соревнованиях. И когда буря вокруг падения немного улеглась, пришёл в парк к Антону спросить об этом.

— Смотри сам, — серьёзно сказал ему Антон. — Если не сможешь, не расстраивайся. Все поймут.

Но, оказалось, не все!

В школе Макс, глядя на его перебинтованные локоть с коленкой, ехидно поинтересовался:

— Это ты специально загремел перед турниром? Боишься Гусю проиграть?

Нарочно спросил при Кате.

Мирон не стал с ним связываться. А через несколько дней, сжимая скейт под мышкой, явился на соревнования. Гусев уже праздновал победу. Никто не ожидал увидеть Мирона. А когда увидели — затихли.

Он молча зашёл на площадку, встал на скейт... Сердце стучало, ноги дрожали. Гораздо сильнее, чем в первый раз. Вдох-выдох, и, взмыв в воздух, борд благополучно коснулся земли.

— Какой смелый! — вдруг послышался с «трибун» негромкий девичий голос.

Мирон улыбнулся: это была Катя.

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ЦАРИЦА СМУТЫ

Историческая драма

(Журнальный вариант)

Действующие лица:

Лжедмитрий I — Григорий Отрепьев
Марина Мнишек — дочь воеводы Ю. Мнишка
Борис Годунов — российский самодержец
Сигизмунд III — польский король
Василий Шуйский — князь, потом русский царь
Юрий Мнишек — Сандомирский воевода, отец Марины
Адам Вишневецкий — князь, Брагинский воевода
Константин Вишневецкий — брат Адама, зять Ю. Мнишка
Александр Гонсевский — польский посол
Мария Нагая — мать царевича Дмитрия (в иночестве — Марфа)
Михаил Нагой — её брат
Жак Маржерет — капитан, французский наёмник
Мария Скуратова — жена Бориса Годунова
Фёдор — сын Годунова
Постник-Огарёв — думный дворянин
Рангони — патер-иезуит, посланник папы римского
Иов — российский патриарх
Игнатий — митрополит
Лжедмитрий II, тушинский «вор» — личность неизвестная
Урсула — старшая дочь Ю. Мнишка, старшая сестра Марины
Ян Бучинский — секретарь Лжедмитрия I
Роман Рожинский — польский князь, предводитель интервентов
Ян Сапега — граф, один из вожаков польских интервентов
Иван Заруцкий — казак, последний любовник Марины
Бояре, стрельцы, казаки, слуги, польские захватчики, москвичи.

Действие I

Сцена 1

Левобережная Украина. Город Брагин. Поместье князя Адама Вишневецкого. Князь, утираясь полотенцем, входит в зал и направляется к накрытому столу. Усаживается. Слуга наливает ему бокал вина. Появляется дворецкий.

Дворецкий. Прошу прощения у ясновельможного пана...
Вишневецкий. Чего тебе, Януш?
Дворецкий. Капитан Маржерет желает видеть ваше сиятельство.
Вишневецкий. Проси.

Входит капитан Жак Маржерет. Кланяется хозяину.

М а р ж е р е т. Bojour, mon prince!

В и ш н е в е ц к и й. Скорей уж bonsoir — добрый вечер! А вы, капитан, весьма кстати. *(Указывает на стол).* Прошу разделить мою скромную трапезу. Я только что из бани.

Француз снимает шляпу, отстёгивает саблю и отдаёт всё слуге.

М а р ж е р е т. Русские в таком случае говорят: с лёгким паром, ваше сиятельство!

В и ш н е в е ц к и й. То русские. А мы с вами, Жак, давненько не виделись — неужели вы окончательно обрусели? Который год вы на русской службе?

М а р ж е р е т. Четвёртый пошёл.

В и ш н е в е ц к и й. Не слышу удовлетворения в вашем голосе... Как себя чувствует русский государь?

М а р ж е р е т. Царь Борис потрясен страшным голодом, который свирепствует в Москве и окрестностях. Похоже на моровую язву.

В и ш н е в е ц к и й. Да-да, я слышал об этом. Народу много умерло?

М а р ж е р е т. В одной Москве более сотни тысяч. Покойников хоронить не успевают, открыты три новых кладбища. Трагедия!

В и ш н е в е ц к и й. И потому, Жак, вы решили оставить русскую службу?

М а р ж е р е т. Нет, трудностями и лишениями меня не испугать, досадно другое...

В и ш н е в е ц к и й. И что же?

М а р ж е р е т. Растерянность и бессилие государя. Он выпустил из рук бразды правления. Целыми днями стоит на молитве.

В и ш н е в е ц к и й. Царя Бориса можно понять. У него весьма незавидная судьба и крайне печальная слава. Такой участи не позавидуешь...

М а р ж е р е т. Вы имеете в виду гибель маленького царевича, сына Грозного?

В и ш н е в е ц к и й. Вот именно. Хотя я не верю, что Борис в этом повинен.

М а р ж е р е т. А почему?

В и ш н е в е ц к и й. Несколько причин. Во-первых: царица Ирина, сестра Бориса, была тогда беременна, а царь Фёдор, муж её, был жив и здоров. Зачем Годунову убивать восьмилетнего мальчишку, которого никто не видел наследником престола? Насколько мне известно, мать Дмитрия была седьмою женой Грозного, а по московитским законам царь может жениться только трижды. И не больше.

М а р ж е р е т. А вы, ваше сиятельство, весьма осведомлены в том, что касается российских дел.

В и ш н е в е ц к и й. Ну, что тут такого особенного? У нас — русские корни. Мой отец бежал от жестокостей Грозного. И не он один.

М а р ж е р е т. Это так, mon prince. Но у Бориса ещё меньше прав на русский трон.

В и ш н е в е ц к и й. Но позвольте — его выбрал царём народ.

М а р ж е р е т *(улыбаясь)*. Я понимаю вас, ваше сиятельство. Это похоже на вашу Польшу. Стефана Батория когда-то тоже избрал королём весь польский народ...

В и ш н е в е ц к и й. Это наша добрая традиция, в ней нет ничего дурного. Вы согласны?

М а р ж е р е т. Разумеется. Однако выбор Бориса Годунова явно не идёт на пользу московитам.

Дворецкий и слуги вносят приборы и закуски.

В и ш н е в е ц к и й *(небрежно)*. Что этот новый русский лакей? Его наказали?

Д в о р е ц к и й. Непременно, ваше сиятельство! Отдубасили как следует. Только он не уставал повторять: «Вы не знаете, кого бьёте! Смотрите — пожалеете!»

В и ш н е в е ц к и й. Опять он за своё? *(Поворачивается к гостю).* Совсем недавно, Жак, ко мне в услужение попросился один русский бродяга. То ли беглый холоп, то ли расстрига. Впрочем, малый забавный. Хотите взглянуть? *(Смотрит на дворецкого).* Надеюсь, до смерти его не забили? Ходить он в состоянии?

Д в о р е ц к и й. Конечно, ваше сиятельство. Русские говорят — за битого двух небитых дают.

В и ш н е в е ц к и й. Что за бред? Как это понимать?

М а р ж е р е т. А понимать, ваше сиятельство, надо так: побили — значит выучили. Теперь он стоит двух неучей. Вот такая русская арифметика.

В и ш н е в е ц к и й *(смеётся)*. Ну, если так — ведите сюда этого бакалавра. Посмотрим, какую науку он прошёл.

Дворецкий уходит и возвращается с беглым россиянином, одетым в драную одежду.

В и ш н е в е ц к и й. Как ты себя чувствуешь, человече?

О т р е п ь е в. Покорно благодарю. Жив пока.

В и ш н е в е ц к и й. Вижу, что жив. Но если начнёшь по-прежнему упрямиться и нести околесицу — я прикажу отодрать тебя до полусмерти. Как тебя кличут? *(От-*

репьев молчит). Иваном, не помнящим родства? Отвечай!

О т р е п ь е в. Родство-то я своё не забыл, потому как забыть его невозможно.

М а р ж е р е т. Ну, отчего же? Отца и мать многие даже проклинают.

О т р е п ь е в. Это смотря какой отец.

В и ш н е в е ц к и й. И какой же? Как его зовут?

О т р е п ь е в *(негромко).* Иван Васильич.

М а р ж е р е т. Какой-такой Иван Васильич?

О т р е п ь е в *(ещё тише).* Грозный.

В и ш н е в е ц к и й *(встаёт со стула).* Слушай, холоп, ты говори, да не заговаривайся! Я покажу тебе такого Грозного, что небо с овчинку покажется!

М а р ж е р е т. Погодите, ваше сиятельство! *(Обращается к беглецу).* Значит, имя твоё...

О т р е п ь е в. Дмитрий... Иванович...

М а р ж е р е т. Царевича Дмитрия зарезали больше десяти лет назад и благополучно похоронили.

О т р е п ь е в. Нет. Зарезали Ивашку Истомина. Дворянского сына. А я — вот он!

В и ш н е в е ц к и й *(дворецкому).* Ну, хватит, Януш, забирай этого негодяя и веди его на конюшню — пусть его там как следует вздуют! *(Беглеца уводят).* Как вам это нравится, Жак? Прямо комедия.

М а р ж е р е т *(серьёзно).* А вы заметили, mon prince, что он даже глазом не моргнул? На безудержного лжеца этот малый не похож. В противном случае, он бы упал вам в ноги и молил о снисхождении.

В и ш н е в е ц к и й. Неужели вы всерьёз подумали, что этот грязный бродяга...

М а р ж е р е т *(подхватывает).* Нежданно воскресший царевич? Но вы же сами, ваше сиятельство, говорили, что Годунов неповинен в гибели Дмитрия. Тогда кому она была нужна? А может, её не было вовсе?

Сцена 2

Западная Украина, г. Самбор. Поместье Ю. Мнишка.
В зале дворца – хозяин и его младшая дочь Марина.
Она старательно рассматривает себя в зеркало.

М а р и н а. Папенька! Мне бы хотелось к королевскому балу сшить новое платье. Бархатное, с цветами. А к нему — жемчужное ожерелье.

М н и ш е к. Дочь моя, ты, видимо, забыла, что на днях меня посещал судебный пристав? Разве ты не знаешь, дорогая, что я в долгах. *(Показывает на своё темя).* По самую маковку.

М а р и н а *(обиженно).* И что же? Значит, мы не поедем на королевский бал в Краков?

М н и ш е к. Нет, на бал мы поедем. Его Величество нас просто не поймёт, если мы не явимся ко двору. Пересмотри гардероб своей старшей сестры.

М а р и н а. О чём ты говоришь? Урсула всё забрала с собой, вплоть до самой крохотной тряпицы! *(Укоризненно смотрит на родителя).* Ты же не дал за ней никакого приданого!

М н и ш е к. Марина, хватит об этом! Ты прекрасно знаешь, что я почти разорён. И поместье, в котором мы живём, нам не принадлежит. Оно — собственность короля, а мы здесь — квартиранты.

Л а к е й *(входит).* Князь Вишневецкий с супругой.

Появляются К. Вишневецкий с женою Урсулой.
Сёстры бросаются в объятия друг к дружке. Мужчины любезно раскланиваются.

М н и ш е к. Рад видеть ясновельможного пана!

В и ш н е в е ц к и й. И я рад видеть дорогого тестя. Хотя не скрою, что приехал к вам с тревожным известием. Третьего дня я получил письмо от брата Адама...

М н и ш е к. Он по-прежнему воеводствует в Брагине?

В и ш н е в е ц к и й. Да. У самой русской границы. И у него на днях объявился царевич Дмитрий...

М н и ш е к. Кто-кто? Какой-такой Дмитрий?

В и ш н е в е ц к и й. Младший сын Ивана Грозного. Собственной персоной.

М н и ш е к. Но позволь, князь! Сын Грозного, как всем известно, убит по приказу Бориса Годунова.

В и ш н е в е ц к и й. Адам уверяет, что это враки. На самом деле, убили какого-то Ивашку Истомина, а настоящего царевича спрятали. Признаться, я не поверил в это чудесное спасение, но Адам пишет, что этот человек показал ему какой-то необыкновенный фамильный крест и тайные знаки на теле. Даже Маржерет с ним согласился,

французский капитан, наёмник царя Бориса. А слухи об этом уже гуляют в народе, и в Брагине появились перебежчики из России. Они хотят свергнуть Годунова и поставить на его место природного царя. Восстановить, так сказать, справедливость.

М н и ш е к *(задумывается)*. Адаму следует отправить его в Краков. И поскорее. В любом случае король потребует к себе этого самозванца. У нас с Москвою подписан договор на двадцать лет, и царь Борис, узнав о появлении мнимого царевича, захочет его выдачи, и Польша не вправе ему в этом отказать.

В и ш н е в е ц к и й. Вот поэтому, дорогой тесть, я и поспешил к вам. Надеюсь, что в самое ближайшее время вы известите Сигизмунда и получите инструкции...

Сцена 3

Москва. Кремль. Царские палаты.
В тронном зале – Годунов, Шуйский, Постник-Огарёв.

Г о д у н о в *(расхаживает по залу, стуча посохом)*. Мне давным-давно известно, что в смерти царевича подозревают мою руку, но видит Бог, это — подлая клевета! Не нужна мне была гибель Дмитрия. Я ведь не царь Ирод. Однако странное дело — чем больше я стараюсь убедить в этом людей, тем меньше они верят мне. Прямо наказание! Ответь, как на духу, князь Василий, ты истинно видел тело мёртвого царевича? Тебя не обманули?

Ш у й с к и й *(осеняет себя крестом)*. Как перед Богом, государь! Клянусь могилою отца! И самого мальчонку видал, и ножик, которым он зарезался.

Г о д у н о в *(горько усмехается)*. Ну, коли так — тогда что получается: с одной стороны, отрока умертвили будто бы по моему приказу, а с другой — он живёхонек и здоровёхонек? *(Взмахивает посохом)*. Как же такое возможно?

П о с т н и к - О г а р ё в. Смутьяны, царь-батюшка, болтают, что вместо малолетнего царевича зарезали постороннего мальчонку.

Г о д у н о в. Зачем?

Ш у й с к и й. Якобы мать Дмитрия и братья её, желая уберечь царевича, подставили его ровесника, кого-то из дворовых парнишек.

Г о д у н о в. А Дмитрий-то куда девался?

П о с т н и к - О г а р ё в. Его будто бы спрятали в надёжном месте.

Г о д у н о в. И он — потихоньку да полегоньку — рос себе да рос целых тринадцать лет, и никто об этом ничего не знал? Разве на Руси сие возможно?

Ш у й с к и й. Вестимо, нет, государь. На нашей матушке-Руси такое не слыхано.

П о с т н и к - О г а р ё в. Так-то оно так. Однако же смутьяны к этому подлому самозванцу валом валят. И с нашей, и с польской стороны.

Г о д у н о в. А у кого он объявился?

Ш у й с к и й. У воеводы Адама Вишневецкого, в Брагине. У самой нашей границы.

Г о д у н о в. Это тот беглый монах — Гришка Отрепьев?

П о с т н и к - О г а р ё в. Надо полагать, государь. Поначалу он обретался в Киеве, у князя Острожского, но тот его не шибко жаловал, и тогда Гришка сбежал к воеводе. Вишневецкий его и пригрел.

Г о д у н о в. Прискорбно сие! Кабы не голод и не смятение в державе — на этого мерзавца и сумасброда можно было рукой махнуть. Вот ведь сосуд диавольский! Чего он забрал в свою непутёвую башку?!

П о с т н и к - О г а р ё в. Он, когда из монастыря сбегал, в келье своей письмецо оставил и там слова вывел такие: «Я — Дмитрий, сын Иоаннов, скоро сяду на престол в Москве».

Г о д у н о в. Послание надо писать да отправлять поскорее. Немедля!

Ш у й с к и й. Воеводе Вишневецкому?

Г о д у н о в. Зачем воеводе? Самому королю Сигизмунду. Пускай, мол, наведёт порядок в своей стране. У нас ведь с Польшей мир на двадцать лет. Вот король Сигизмунд и пускай арестует этого еретика и лиходея и выдаст его нам.

Сцена 4

Брагин. Поместье князя Адама Вишневецкого.
В зале сам хозяин и капитан Маржерет.

В и ш н е в е ц к и й. Ну, что же, дорогой капитан, наш подопечный оказался весьма прыток и разворотлив. Он прекрасно держится в седле и ловко действует саблей.

М а р ж е р е т. А как его слушаются казаки и царские перебежчики! Они готовы идти за ним в огонь и воду. Позавидуешь даже.

В и ш н е в е ц к и й. Вот это меня сильно смущает.

М а р ж е р е т. Но отчего, ваше сиятельство?

В и ш н е в е ц к и й. Не слишком ли много он на себя берёт? Да и мы с вами, между прочим, тоже.

М а р ж е р е т. Как прикажете вас понимать, mon prince?

В и ш н е в е ц к и й. В отличие от вас, капитан, я подданный польской короны, и мой монарх волен призвать меня к ответу — почему в моём воеводстве творится это безобразие?

М а р ж е р е т. Можно просто-напросто отправить его в Краков, к королю.

В и ш н е в е ц к и й. Эх, капитан-капитан! Неужели вы думаете, что Сигизмунд поверит этим сказкам? Какому-то фамильному кресту и знакам на теле... Бред!

М а р ж е р е т. Но голытьба-то верит.

В и ш н е в е ц к и й. А вы-то сами? Неужели тоже?

Д в о р е ц к и й *(входит)*. Пан Мнишек с дочерью просят принять их.

В и ш н е в е ц к и й. Приглашай!

Входят Ю. Мнишек и Марина.

М н и ш е к *(с поклоном)*. Рад приветствовать ясновельможного пана князя!

В и ш н е в е ц к и й *(встаёт)*. Я тоже рад принимать у себя столь высокого гостя. *(Показывает на француза)*. Спешу представить — капитан Маржерет.

Мужчины раскланиваются.

М н и ш е к. А это — моя младшая дочь Марина. Искренне прошу любить и жаловать!

Капитан делает реверанс. Марина польщено улыбается.

В и ш н е в е ц к и й. Покорнейше прошу садиться.

М н и ш е к *(с интересом смотрит на француза)*. Пан капитан, позвольте полюбопытствовать, вы состоите на польской службе?

М а р ж е р е т. Никак нет. Можно сказать, что у меня вынужденный отпуск. А служил я в войске царя Бориса.

М н и ш е к. Вот как? И давно вы... бездействуете?

М а р ж е р е т. Почти месяц. Так сложились обстоятельства.

В и ш н е в е ц к и й. Капитан Маржерет служил России не в лучшие годы. Ему пришлось испытать и голод, и холод, и почти полный развал государственных дел.

М н и ш е к. Неужто дела Годунова так плохи?

М а р ж е р е т. Хуже некуда. Ему едва-едва удалось уберечь страну от развала. Пресечь недовольство и бунты.

М н и ш е к. А что вы думаете, господа, о воскресшем царевиче?

Маржерет и Вишневецкий заговорщицки переглядываются.

М а р ж е р е т. Этот бойкий малый сообщил нам весьма любопытные подробности. Оказывается, в Угличе убили не Дмитрия, а дворового мальчишку — Ивашку Истомина. Царевича надёжно спрятали и воспитывали под чужим именем.

За сценой возникает шум, гул голосов

В и ш н е в е ц к и й. А вот и он сам.

М н и ш е к *(осматривается)*. Где?

М а р ж е р е т *(поясняет)*. Царевич любит устраивать воинские учения. Сейчас он натаскивает казаков и беглых стрельцов. Это они шумят на улице.

В и ш н е в е ц к и й *(звонит в колокольчик. Появляется дворецкий)*. Януш, позови Дмитрия.

Дворецкий выходит. За сценой разносятся крики:
«Слава Дмитрию!», «Смерть Годунову!»
Слышно бряцание шпор, шум быстрых шагов.
Появляется самозванец. Он в лёгком доспехе, шлеме, с саблей на поясе.

В и ш н е в е ц к и й. Дмитрий, пан Мнишек изъявил большое желание познакомиться с вами.

О т р е п ь е в *(наклоняет голову)*. Я рад приветствовать пана.

М н и ш е к. Мне это очень лестно. Говорят, что вы прекрасно владеете саблей?

О т р е п ь е в. На полном скаку отсекаю голову. Как кочан капусты.

М н и ш е к. О-о! И где вы этому учились?

О т р е п ь е в. Дома. В России.

М н и ш е к. Вы помните вашего отца? Ивана Грозного.

О т р е п ь е в. Нет, я был слишком мал.

М н и ш е к. А сколько лет вам было?

О т р е п ь е в. Когда умер Иван Васильевич, мне было около двух лет.

М н и ш е к. Следовательно, сейчас вам...

О т р е п ь е в. Двадцать два года.

М н и ш е к. А когда случилось это убийство?

О т р е п ь е в. Тогда мне исполнилось восемь лет.

М н и ш е к. А какой смысл был для Годунова устранять вас?

О т р е п ь е в. Никакого смысла не было.

М н и ш е к. И что же там произошло?

О т р е п ь е в. Моя мать и её братья смертельно боялись за меня. Вот они и затеяли убийство этого мальчишки — Ивашки Истомина.

М н и ш е к. Но зачем?

В и ш н е в е ц к и й. Пан Мнишек, царевич же объяснил вам, что это была вынужденная мера. Вспомните, наконец, Священное писание — зачем царь Ирод приказал убить новорожденных младенцев во всей Иудее? Это же всем ясно.

М н и ш е к. Но тогда родился сам Христос — будущий царь иудейский.

М а р ж е р е т. Вот именно. *(Показывает на самозванца)*. А это кто? Кто имеет больше прав на русский престол — выскочка Годунов или кровный наследник Ивана Грозного?

М а р и н а. Вы допрашиваете царевича, словно провинившегося холопа, господа!

В и ш н е в е ц к и й. Вы правы, пани. *(Обращается к самозванцу)*. Дмитрий, вы можете переодеться, и мы ждём вас к обеду.

Отрепьев кланяется и уходит.

М а р ж е р е т. Ну, как вам, пан Мнишек, наш претендент?

М н и ш е к. Малый любопытный, но не слишком убедителен.

М а р и н а. А мне он понравился. Смел и находчив.

М н и ш е к. Твои рекомендации, дочь моя, королю вряд ли понадобятся.

В и ш н е в е ц к и й. В моём воеводстве, господа, собралась уже не одна тысяча запорожцев, русских дворян и стрельцов. Они готовы идти за ним в огонь и воду...

М н и ш е к. А вот это серьёзно.

Сцена 5

Новодевичий монастырь. Келья инокини Марфы, матери покойного царевича Дмитрия — Марии. Бывшая царица молится перед иконой Божьей матери.

В дверь заглядывает монашка, шёпотом произносит: «Сестра Марфа! Сюда идут сам патриарх с государем...» Царица отдаёт последний поклон, складывает руки и выпрямляется. В келью степенно входят патриарх Иов и Борис Годунов. Иов осеняет царицу крестным знамением, протягивает ей свой нагрудный крест. Она равнодушно прикладывается к нему.

И о в. Благослови тебя Господь, дочь моя! Каково тут тебе в монастырском тихом уединении? *(Оглядывает келью)*. Не докучают ли тебе сестры да насельницы? Не отвлекают ли, упаси Боже, от помыслов праведных? *(Царица молчит. Иов осторожно усмехается)*. По Москве-матушке такие небылицы гуляют — слушать тошно! И сюда, чай, долетают. Аль нет?

М а р и я. Какие-такие небылицы? Мне невдомёк.

И о в. Разные. Лживые и непристойные. Вот, к примеру — будто в Угличе никакой беды не было. Наветы всё.

М а р и я. Как это не было? А что было?

И о в. Будто не царевич, сынок твой единственный, а парнишко дворовый погиб. Неизвестно кем убиенный и за что. Так ли?

Мария молчит.

Г о д у н о в *(доброжелательно)*. Князь Шуйский тогда следствие вёл и нам с царём Фёдором докладывал, будто Дмитрий ножиком в «тычку» играл, да на тот ножик и напоролся. Так ведь? Ответь.

М а р и я *(двусмысленно)*. Шуйскому, должно быть, виднее.

Г о д у н о в. Постой-постой, но ты-то сама где была? Неужто ничего не видела?

М а р и я. Когда всё случилось — меня рядом с ним не было.

И о в. Мы это знаем. Но когда Дмитрия-то отпевали и потом хоронили — ты ведь всё узрела. И разные толки слышала. И правдивые, и криводушные. Так ведь?

М а р и я *(уклончиво)*. Да я уж и не помню, кто да чего.

Г о д у н о в. Как это не помнишь? Да быть такого не может!

М а р и я *(неохотно)*. Всё было, как во сне. Шум, вой, свара. Кого-то били, потом резали. *(Крестится)*. Кровищи уйма.

Г о д у н о в. Верно. Побоище было сильное. Но ты тоже хороша — оставила мальчонку без призора да ещё ножиком позволила играть. А у него — падучая. На тебе-то

греха разве нет? Ну-ка, ответь!

Царица молчит.

И о в *(миролюбиво)*. Материнское горе, конечно, неутолимо. *(Крестится)*. Матерь-то Божья как убивалась, когда Спасителя нашего распяли... Ох, беда-беда... Ох, грехи, грехи...

Г о д у н о в. Значит, ты ничего не видела и не помнишь? Затмение на тебя нашло или как? *(Гневно)*. Душой-то не кривишь, потатчица?! *(Мария упорно молчит)*. Надо бы *(обращается к Иову)*, ваше святейшество, покаяние церковное на инокиню Марфу наложить. Посадить её на хлеб и воду.

М а р и я. За что? За какие грехи?

Г о д у н о в. За упрямство и криводушие, вот за что.

И о в *(наставительно)*. Что в Писании-то, дочь моя, сказано: «Жажду спасения Твоего, Господи, и закон Твой — утешение моё, ибо заблудилась я, как овца потерянная». *(Крестит её)*. Али ты забыла про то? Покайся.

Царица склоняет голову.

Г о д у н о в. Пойдём, ваше святейшество, нечего тут бисер метать — дело это зряшное. Ни укором, ни уговором её не проймёшь.

Сцена 6

Краков. Королевский замок Вавель. В кабинете король Сигизмунд и патер-иезуит Рангони, прибывший по распоряжению папы.

С и г и з м у н д. Восстание Хлопка, святой отец, Годунову удалось подавить с великим трудом. Но теперь собираются бунтовать донские казаки, и шведский король предлагает Борису свою помощь.

Р а н г о н и. Видимо, у русского царя неважные помощники. Сам он, судя по слухам, весьма решителен.

С и г и з м у н д. Его правительство — боярская дума — кучка болтунов и казнокрадов. Но Годунов виноват сам — толковых, дельных людей он сослал или казнил, почти как Иван Грозный.

Р а н г о н и. А что Ваше Величество думает о внезапно воскресшем царевиче Дмитрии?

С и г и з м у н д. Я полагаю, что это обычный авантюрист.

Р а н г о н и. Он кто — русский или поляк?

С и г и з м у н д. Скорее всего — русский. Судя по тому, что мне о нём писали, он обедневший дворянин или боярский сын.

Р а н г о н и. Он грамотен?

С и г и з м у н д. Да. Читать и писать он умеет. Даже хорошо говорит по-польски.

Р а н г о н и *(с удивлением)*. О-о! Это довольно любопытно. И что Ваше Величество собирается предпринять? Как быть с этим лжецаревичем?

С и г и з м у н д. У нас с Москвою, святой отец, мир на двадцать лет. Мне не хочется портить отношения с Годуновым. Сюда сразу вмешаются шведы. И турки тоже не преминут.

К а м е р - л а к е й *(появляется в дверях)*. Сандомирский воевода — пан Мнишек и русский царевич Дмитрий просят аудиенции у Вашего Величества.

С и г и з м у н д. Я готов их принять.

В кабинет входят Ю. Мнишек и самозванец. Он в польском кафтане, дорогом поясе, сафьяновых сапогах. Вошедшие низко кланяются королю. Самозванец делает неожиданный выпад: решительно подходит и целует руку королю.

О т р е п ь е в *(торжественно)*. Великий государь! Державный изгнанник просит от тебя милости и помощи! И клянётся быть вечным должником...

С и г и з м у н д *(чуть растерянно)*. Да-да... Я понимаю... И готов помочь, однако же... Ну, посудите сами... *(Замолкает в недоумении)*.

М н и ш е к *(пытается спасти положение)*. Дорогой Дмитрий, Его Величество связан условиями договора с Россией. Хочешь — не хочешь, а их нужно исполнять.

С и г и з м у н д. Пан Мнишек абсолютно прав. Никакой действенной помощи я оказать не могу. Более того — ваше присутствие в моём дворце уже само по себе является недружественным шагом в отношении Москвы...

О т р е п ь е в *(горячо)*. Но Годунов — похититель престола, бессовестно укравший его *(бьёт себя в грудь)* у законного наследника! Он хотел убить меня ещё в детстве, но мои родные успели опередить его. Меня укрыли у надёжных людей, и слуги Бориса не смогли совершить своё чёрное дело.

Р а н г о н и. А кто эти люди, предусмотрительно спасшие вас?

О т р е п ь е в. Назвать их я не могу. Они остались там, в России. Им я обязан жизнью.

К а м е р - л а к е й *(входит)*. Посол русского царя просит Ваше Величество принять его.

С и г и з м у н д *(обращается к иезуиту)*. Святой отец, проводите нашего гостя. *(Лакею)*. Проси! *(Мнишку)*. А вы, пан воевода, останьтесь.

Самозванец и патер идут к выходу. Входит Постник-Огарёв.

С и г и з м у н д. Мы рады вашему приезду, господин посол! Надо полагать, что вы прибыли с мирными предложениями.

П о с т н и к - О г а р ё в *(кланяется)*. Ваше Величество, мой государь отправил меня в Краков по важному делу. Российского самодержца крайне беспокоят события на русско-польской границе.

С и г и з м у н д. И где же?

П о с т н и к - О г а р ё в. В окрестностях города Брагина. Туда стекаются запорожские казаки и разного рода преступники, кого по российским законам называют ворами. Для нас это зело прискорбно.

С и г и з м у н д. Почему это тревожит русского царя? Скорее — это наша забота.

П о с т н и к - О г а р ё в. Ведомо ли Вашему Величеству, что среди сих смутьянов и злоумышленников находится беглый монах-расстрига, выдающий себя за покойного царевича Дмитрия? Зовут его Григорием Отрепьевым. Он — сын обедневших дворян и в юности был отдан в монастырь. Откуда тайно бежал. Государь объявил его в розыск.

С и г и з м у н д. Чего добивается этот беглец?

П о с т н и к - О г а р ё в *(уклончиво)*. Точно никому не ведомо, но его лживые посулы приводят в волнение умы и сеют смятение в государстве.

М н и ш е к. Он имеет семью?

П о с т н и к - О г а р ё в. Родные Отрепьева умерли. А вступать в законный брак монахам запрещено церковным уставом.

С и г и з м у н д. Чего хочет от нас российский самодержец?

П о с т н и к - О г а р ё в. Государь намерен требовать выдачи оного самозванца, ежели он находится в пределах Речи Посполитой.

С и г и з м у н д. Здесь всё решает сейм. Если он постановит искать беглого монаха — я подпишу соответствующий указ. И преступник будет найден. Так и передайте вашему государю.

П о с т н и к - О г а р ё в *(склоняет голову)*. Всенепременно, Ваше Величество, а теперь позвольте откланяться. *(Протягивает королю бумагу)*. Это письмо моего государя.

Король принимает послание. Посол уходит.

С и г и з м у н д *(Мнишку)*. И что вы по этому поводу скажете, пан воевода?

М н и ш е к. Царь Борис, конечно, никогда не признается, что погибший царевич жив. Это не в его интересах.

С и г и з м у н д. Я не о том. *(Кладёт письмо на стол)*. Вы же сами слышали, что это беглый монах Григорий Отрепьев. Сын захудалых дворян. Преступник и вор.

М н и ш е к. Мне он таковым, Ваше Величество, не показался. Я общался с ним несколько дней и скажу откровенно, что это весьма необычный человек. А как он фехтует и управляется с конём! Настоящий рубака!

Р а н г о н и *(появляется)*. Вы позволите, Ваше Величество?

С и г и з м у н д. Входите, святой отец. Что вы думаете о русском изгнаннике?

Р а н г о н и. Я думаю, что его послало сюда само Провидение.

С и г и з м у н д. Неужели? С какой же целью?

Р а н г о н и. Посудите сами — он готов принять католичество. Больше того — в случае, если он займёт русский престол, Дмитрий намерен привести свой народ под руку святой матери-церкви. Разве это не чудо?

М н и ш е к *(довольно)*. Ну, вот видите! Я же говорил вам, Ваше Величество, это очень ценный человек.

С и г и з м у н д. А как быть с его тёмным прошлым? Русский посол уверял меня *(берёт со стола письмо)* и царь Борис пишет, что это — беглый монах, а никакой не царевич.

Р а н г о н и. Тогда мы заставим его поклясться на Библии.

С и г и з м у н д. Полноте, святой отец! Если он так легко отрекается от веры отцов — то возможно ли верить его клятвам?

Сцена 7

Замок Вавель. Зал королевского дворца. Здесь готовится пышный бал.
В одном углу собрались Отрепьев, Маржерет, К. Вишневецкий.
В другом – польские дамы, среди которых обе сестры Мнишек.

В и ш н е в е ц к и й *(обращается к Отрепьеву)*. И что вам обещал король?

О т р е п ь е в. Да почти ничего не обещал. И то, что я нахожусь здесь — уже великая милость. Так он сказал.

М а р ж е р е т. Польский владыка ещё менее решителен, чем московский.

О т р е п ь е в *(невесело)*. Он говорит, что с Россией установлен двадцатилетний мир. И Польша не вправе его нарушать.

М а р ж е р е т. А пан Мнишек готов содействовать вам?

О т р е п ь е в. Всё будет зависеть от королевского решения.

В и ш н е в е ц к и й. Прошу прощения, господа, я ненадолго покину вас. *(Направляется к дамам)*.

О т р е п ь е в *(признаётся Маржерету)*. Между прочим, со мной имел разговор один иезуитский священник. Посол папы римского. Предлагал перейти в католичество. Обещал покровительство самого папы. Я согласился.

М а р ж е р е т *(бьет самозванца по плечу)*. А ты малый не промах!

Зал заполняется людьми. Звучит музыка. Начинаются танцы. Кавалеры и дамы исполняют менуэт. К Маржерету и Отрепьеву возвращается К. Вишневецкий.

В и ш н е в е ц к и й *(приятельски)*. Дмитрий, Марина непременно хочет, чтобы ты пригласил её на танец.

О т р е п ь е в *(с сожалением)*. Я не танцую.

В и ш н е в е ц к и й *(удивлённо)*. Как не танцуешь?

М а р ж е р е т. У московитов это не принято. Дикие нравы.

В и ш н е в е ц к и й. Ну, хорошо. Тогда объяснись с ней. Она ждёт.

Самозванец охотно направляется в противоположный угол зала.
Там возле Марины появился отец Ю. Мнишек.

М а р ж е р е т *(Вишневецкому)*. Ваше сиятельство, наш подопечный собирается перейти в католичество.

В и ш н е в е ц к и й. Проворный малый!

В зале заметно некоторое замешательство.
Среди танцующих появляется сам король с придворными.
Он подходит к Мнишкам, и воевода представляет ему свою дочь.
Сигизмунд приглашает Марину на танец.
Гремит музыка. Кавалеры и дамы танцуют.
Самозванец и Ю. Мнишек о чём-то заинтересованно переговариваются.

М а р ж е р е т. У нашего царевича увели подругу прямо из-под носа.

В и ш н е в е ц к и й. Увёл сам король. Это не столь обидно. Но моя свояченица Марина ни за что не согласится на роль наложницы. Эта девица очень себе на уме. Ей нужно всё или ничего.

Сцена 8

Москва. Кремль. Царские палаты.
В тронном зале – Годунов, Шуйский, Постник-Огарёв.

Г о д у н о в. Значит, король Сигизмунд не желает нам выдавать самозванца?

П о с т н и к - О г а р ё в. Он говорит, что для этого нужно решение сейма.

Г о д у н о в. Какой же он после этого помазанник Божий? Скорее — бычок на привязи.

Ш у й с к и й. У поляков, государь, король — помазанник римского папы, а не Господа Бога. Папа — наместник предвечного на земле.

Г о д у н о в *(осеняет себя крестом)*. Вот она — ересь латинская! Римский папа у них превыше всех! Слышать тошно... Князь Василий, отправь на границу Петра Шереметева да Михайлу Салтыкова. Ступайте все.

Придворные уходят. Царь остаётся один. В раздумье ходит по палате.
Появляются царевич Фёдор и его мать — царица Мария.

М а р и я *(сокрушённо)*. Ну, что, твоё царское величество, заманчив оказался Мономахов-то венец? Со всех сторон к нему руки никак потянулись? Берегись только.

Г о д у н о в. Пока токмо с одной стороны. С польской.

М а р и я. Батюшка мой Малюта Скуратов насмерть с ляхами бился и смерть от них

принял. Шибко коварный народ, Господи, оборони!

Г о д у н о в *(смотрит на родных с пристрастием)*. Я вот думаю: в чём была моя промашка? Почему люд православный безоглядно верит наветам и лжи? Какой-то расстрига и вор дерзает потрясать основы государства! И народ тому рад.

М а р и я. А что тебе сказала мать убиенного царевича?

Г о д у н о в. Не убиенного, а погибшего. *(Укоризненно смотрит на жену)*. Недужного мальчонки, страдавшего падучей. Мать его будто ничего не помнит — ни самого несчастья, ни похорон. Одно толкует — мол, всё было как во сне.

М а р и я. Это она норовит с тобою поквитаться, не иначе. Крепко зло затаила.

Г о д у н о в *(искренне)*. Но я-то чем перед нею виноват, коль она сама за дитём недоглядела? У семи-то нянек — это известно всякому...

М а р и я. Да какая же мать прилюдно свою вину признает? *(Лукаво сощурившись)*. Мало ли чем она баловалась, когда её парнишка в ножики-то играл...

Г о д у н о в. Ну-ну... И чем баловалась? И с кем?

М а р и я. А я почём знаю? Но одно тебе скажу точно — жди от неё подлости неминучей.

Г о д у н о в *(сыну)*. Вот так, Федюня! Такова монаршая доля — во всём ты окажешься виноват, ни к чему не будучи причастным.

Ф ё д о р. Мне это известно, отец.

Ш у й с к и й *(входит)*. Государь, войска самозванца нагло вторглись в наши пределы. Часть пошла на Белгород, а другая подошла к Моравску. Жители связали воеводу, помощников его и сдали город...

Сцена 9

Западная Украина, г. Самбор. Поместье Ю. Мнишка. В зале хозяин и дочь Марина.

М н и ш е к *(увещевает)*. Дочь моя, мне понятно твоё желание поскорей выйти замуж. Тебе восемнадцать лет, и твоя сестра Урсула вышла за Константина в семнадцать. Но это — князь Вишневецкий! Воевода и хозяин больших, богатых поместий. Самый состоятельный человек в округе...

М а р и н а *(упрямо)*. А я выйду замуж за принца! Назло всем.

М н и ш е к. Дорогая, одумайся! Чем тебя прельстил этот авантюрист? И какой он принц? Не обольщайся.

М а р и н а *(недоумевая)*. Папа, ведь ты же сам уверял короля, что это настоящий царевич. Родной сын Ивана Грозного.

М н и ш е к. Марина, я же делал всё из родственных чувств. Муж твоей сестры просил меня о поддержке. Как я могу отказать князю Вишневецкому?

М а р и н а. А ему зачем это нужно?

М н и ш е к. У Константина и его брата Адама насчёт Дмитрия свои планы. Я о них не знаю.

М а р и н а. А кого ты мне предлагаешь в женихи? У тебя есть кто-то на примете?

М н и ш е к. Надо подумать. Ведь мы почти разорены, у меня куча долгов. Причём солидных.

М а р и н а. И у меня, между прочим, ни гроша приданого.

М н и ш е к. Твой капитал — молодость и красота. Это немало.

М а р и н а. Значит, нужно торопиться — вдруг я подурнею или быстро состарюсь? Покроюсь морщинами...

Д в о р е ц к и й *(входит)*. Князь Вишневецкий с супругой!

М н и ш е к *(обрадованно)*. Проси!

Появляются К. Вишневецкий и Урсула. Сёстры спешат обняться.

М н и ш е к *(радушно)*. Мы стали часто видеться, дорогой зять! Не знаю, как тебя, а меня это радует.

В и ш н е в е ц к и й. Но причиной тому стала наша беспокойная жизнь... Дмитрий перешёл русскую границу.

М н и ш е к. И что? Его разбили?

В и ш н е в е ц к и й. Русские города сдаются ему без боя. Встречают его колокольным звоном и хлебом-солью, как настоящего самодержца.

М а р и н а *(хлопает в ладоши)*. Как это прекрасно! Папа, ты слышишь? Ну, каков молодец! Душка!

М н и ш е к *(зятю)*. А сколько с ним военной силы?

В и ш н е в е ц к и й. С ним отправились больше тысячи поляков, а запорожских и донских казаков до десяти тысяч.

М н и ш е к. Негусто. А что царь Борис? Где же его хвалёное войско?

В и ш н е в е ц к и й. Годунов умер.

М н и ш е к. Как умер?!

В и ш н е в е ц к и й. Говорят, с ним случился сердечный удар. Кровь пошла горлом — и конец.

М н и ш е к. Отравили?

В и ш н е в е ц к и й. Всё может быть. Это же Россия.

М а р и н а *(с радостью смотрит на сестру)*. Надеюсь, дорогая Урсула, что скоро вы с Константином погуляете на моей свадьбе! *(Поднимает кверху глаза)*. Только не знаю — в Москве или Кракове. Уж как получится. Ах, как я рада! *(Хлопает в ладоши)*.

У р с у л а. Но, милая моя, это же простой авантюрист и далеко не красавец.

М н и ш е к. Сейчас это уже не имеет значения. *(Зятю)*. Но у Годунова есть сын, законный наследник. Что с ним?

В и ш н е в е ц к и й. Его удавили. Вместе с матерью. Сразу после смерти царя. В Москве началась смута и погромы.

М н и ш е к. Ужас! Варварская страна.

У р с у л а. И ты хочешь, сестра, стать её обожаемой властительницей?

М н и ш е к. Только в случае окончательной победы Дмитрия и его воцарения на московском престоле. Только тогда!

М а р и н а. Я верю, что ждать осталось недолго. У меня стойкое предчувствие.

Действие II

Сцена 1

Москва. Красная площадь.
Народ в ожидании толпится между кремлёвской стеной и Лобным местом.
На лицах — любопытство и нетерпение.

О д и н и з г о р о ж а н. Дак она его признала? Признала аль нет?

Д р у г о й г о р о ж а н и н. Кто? Кого признала?

П е р в ы й. Да мать его. Инокиня Марфа. Сын он ей аль нет?

Т р е т и й г о р о ж а н и н. Кто его знает! Лет-то сколько прошло? Сам посуди.

Г о р о ж а н к а. Эх, мужики-мужики! Вам это невдомёк. Материнское-то сердце сразу правду чует! Его не проведёшь.

Ч е т в ё р т ы й г о р о ж а н и н. Что-то больно долго оно чует! Корова и та своего телка за сотню шагов узнаёт. В один дых.

П я т ы й. Так то корова! *(Понижает голос)*. А тут...

С т р е л е ц. Ты говори — да не заговаривайся! Я покажу тебе «корову»! *(Замахивается бердышом)*. Нишкни, охальник!

Хор голосов: «Вон они! Едут. Едут! Она в карете, а он — пеший...» Гул и суета. Стрельцы с трудом сдерживают толпу. Снизу, от Боровицкой башни, появляется карета. Рядом с ней идёт самозванец в окружении польской свиты в нарядных кунтушах. Толпа разражается криками: «Будь славен, царевич!», «Многие лета сыну Грозного!» Карета останавливается. На ступеньках показывается Мария (инокиня Марфа) в царском одеянии. Поднимает руку. Народ затихает. Бывшая царица указывает на самозванца.

М а р и я. Люд московский! Сей человек — есть сын мой. Дмитрием наречённый. Наследник царя Иоанна. Верьте ему.

Площадь переполняется возгласами: «Слава сыну Грозного!», «Да здравствует законный царь!», «Дай Бог тебе здоровья!», «Царствуй на славу!». Поляки рукоплещут самозванцу.

О д и н и з г о р о ж а н. Что-то ляхи больно веселы! Как на масляной.

Д р у г о й г о р о ж а н и н. Видать, поживы доброй ждут, не иначе.

Т р е т и й г о р о ж а н и н. А матка-то его, братцы, не шибко рада. Угрюма да печальна.

Самозванец жестом просит тишины.

О т р е п ь е в *(торжественно)*. Народ московский! Дай Бог каждому из вас здоровья и благополучия! Молитесь за меня! Кончилось царствие неправедное, и наступит ныне пора надежд и покоя. Это обещаю вам я — царевич Дмитрий — отпрыск славного рода Рюриковичей!

Толпа разражается криками: «Слава Дмитрию! Многие лета законному государю! Правь нами ныне и присно!..» Среди всеобщего шума и гама на Лобном месте появляется палач. Двое его подручных вносят плаху и привычно укладывают её. Москвичи в недоумении и тревоге замирают. Самозванец машет платком. На площадь выводят скованного Шуйского. Толпа расступается. Князя подводят к плахе.

О т р е п ь е в *(указывает на Шуйского)*. Знаком вам сей человек?

О т д е л ь н ы е г о л о с а. Энто Шуйский. Князь Василий. Ближний боярин. Окольничий...

О т р е п ь е в *(гневно)*. Это по его вине меня до сей поры считали покойным... Будто я сам себя зарезал!.. Как может восьмилетний мальчонка сотворить над собой такое?! Горло себе перерезать! Откуда ему силу взять? Скажите! *(Выкрики: «Не может! Брехня это! Наветы!..»)* Вот-вот! А теперь поведай нам, князь Василий, узнаёшь ты меня? Говори, как на духу! При всём народе московском! Правду нам доложи. *(Шуйский молчит. Самозванец указывает на царицу)*. Мать моя меня признала, а ты упрямишься! Сколько тебе заплатили за ложь твою несусветную?! Повинись! Легче станет.

Ш у й с к и й *(тихо)*. Бога ты не боишься, крамольник.

Толпа ахает.

О т р е п ь е в *(яростно)*. Я — крамольник?! Да за такие слова!.. *(Даёт знак палачу. Князя швыряют на плаху, и палач заносит над ним топор. Все замирают. Отрепьев грозно усмехается)*. Родитель мой — Иван Васильевич — не токмо тебя, а всё твоё семейство кровью бы умыл да извёл под корень. Не пощадил бы ни старух, ни младенцев. *(Выдерживает долгую паузу, во время которой царит мёртвая тишина)*. Но я буду нынче смирен и милосерден — ради такого дня. *(Нетерпеливо машет рукой)*. Прочь его с глаз моих! Видеть его не желаю.

Шуйского уводят. Поляки хлопают, и звучит музыка.
Самозванец бросает в народ медными деньгами.

Сцена 2

Краков. Королевский дворец Вавель. В зале — король Сигизмунд, Ю. Мнишек, Марина Мнишек, патер Рангони, А. Гонсевский.

С и г и з м у н д. Итак, пан Мнишек, наш претендент уже в Москве?

М н и ш е к. И самое удивительное, Ваше Величество, — его внесли туда чуть ли не на руках! Не было пролито ни единой капли крови. Московиты готовы на него молиться. Его признала даже мать покойного царевича!

С и г и з м у н д *(смотрит на патера Рангони)*. А вы что думаете, святой отец? Это промысел Божий?

Р а н г о н и. Это трудно понять. Но всё в руках Всевышнего.

Г о н с е в с к и й. Мне думается, Ваше Величество, мать Дмитрия так ненавидела Годунова, что готова мстить ему даже мёртвому.

М а р и н а. А вам не кажется, господа, что бедной женщине просто хочется покинуть монастырь и выйти на волю? Я её понимаю.

Все мужчины потрясённо смотрят на неё.

М н и ш е к. Дочь моя, твоя догадка весьма любопытна, но едва ли уместна, и мы вряд ли будем её обсуждать.

С и г и з м у н д. Скоро должна состояться ваша свадьба. Приготовления, вероятно, идут полным ходом?

М н и ш е к. Свадьба состоится лишь после того, Ваше Величество, как Дмитрия коронуют царём. Таковы наши условия, и мы от них не отступим!

Р а н г о н и. Он будет венчаться на царство по православному обряду?

М н и ш е к. Разумеется, святой отец. Иначе московиты не признают его.

Р а н г о н и. Но Дмитрий же принял католичество!

Г о н с е в с к и й. Святой отец, он принял его тайно — и до поры до времени никто не должен об этом знать...

М н и ш е к. Святая церковь отпустит ему этот грех.

С и г и з м у н д *(смотрит на Марину)*. Тем паче, что невеста — ревностная католичка, не так ли?

М н и ш е к *(отвечает вместо дочери)*. Это правда, Ваше Величество. И жених клятвенно обещал помогать ей в делах истинной веры. Это ещё одно наше условие.

М а р и н а. Он отдаёт мне в полное владение Псков и Великий Новгород, и там я буду строить католические храмы, монастыри и школы, приводить диких россиян в лоно Римской матери-церкви, с Божьей, конечно же, помощью.

С и г и з м у н д. А что обещано отцу невесты?

М н и ш е к. Мне отходят княжества Смоленское и Северское.

С и г и з м у н д. А что отходит нашей матушке Польше? То есть Речи Посполитой?

М н и ш е к. Но мы же подданные Вашего Величества...

С и г и з м у н д. И мы полагаем, что наша поддержка чего-то стоит. Без неё ваш новобрачный не сумел бы добраться до Москвы...

М а р и н а. Ваше Величество! Видит Бог, что без вашего на то соизволения и милостивого участия мы бы не отважились на этот шаг. Интересы Польши для нас превыше всего!

С и г и з м у н д. Мне не кажется лишним отправить в Россию господина Гонсевского и патера Рангони, чтобы они напомнили Дмитрию об интересах нашей стороны и римского престола. А то может статься, что в шуме и блеске свадебного пира кое у кого может закружиться голова, и тогда забудутся все клятвы и обещания...

Сцена 3

Москва. Кремлёвские палаты. В тронном зале – самозванец, Маржерет, Мария Нагая, её брат Михаил Нагой, митрополит Игнатий.

Н а г о й. Думай что хошь, государь, а от этих чёртовых ляхов прямо проходу нету! Куда ни глянь — всюду их усатые рожи торчат. Разве это порядок?!

М а р и я *(истово крестится)*. А ещё бают, будто бы в Москве все храмы Божьи снесут да костёлов ихних понаставят. И детишек малых станут учить латинской ереси...

И г н а т и й. Бог этого не допустит!

М а р и я. Бог-то не допустит, а он... *(Кивает на самозванца)*.

О т р е п ь е в. Не надо, матушка, бабьи сплетни слушать! Все церкви московские стоят нерушимо. Все сорок сороков. Верно, Жак?

М а р ж е р е т. Как тому и следует, государь.

О т р е п ь е в. А что касается поляков — они скоро отсюда уберутся. Вот отгуляем свадьбу, они тут попьют и попляшут, а потом отправятся восвояси.

Н а г о й. Как же! Их отсюда калёной метлой не выметешь. Слетелись, ровно мухи...

М а р и я. А в невестки мне полячку посадят, еретичку непотребную!

О т р е п ь е в. Матушка! Я бы на вашем месте не забывался.

М а р и я. Ещё неизвестно, кто забывается. Если бы не я... *(Зло смотрит на самозванца)*.

Входит секретарь самозванца поляк Бучинский.

Б у ч и н с к и й. Ваше Величество, к вам пожаловали польские послы пан Гонсевский и патер Рангони.

О т р е п ь е в. Веди. Покалякаем.

Секретарь уходит, и следом за ним зал покидают митрополит и Мария. Входят Гонсевский и Рангони и кланяются самозванцу. Он небрежно кивает в ответ.

О т р е п ь е в. Добро пожаловать, господа хорошие! Как поживает мой венценосный брат король Сигизмунд? Всё ли спокойно в его державе?

Послы в изумлении переглядываются.

Г о н с е в с к и й. Его Величество чувствует себя в добром здравии и вам того же желает.

О т р е п ь е в. Вот за это спасибо! *(Взыскательно смотрит на Рангони)*. Вы, святой отец, надеюсь, привезли нам ответ римского папы?

Р а н г о н и. Увы, нет. Не привёз. Его святейшество в недоумении — вы именуете себя императором и требуете узаконить этот титул. Как можно?

О т р е п ь е в *(искренне)*. Требую. А что в этом плохого?

Р а н г о н и. Простите, государь, но Московия едва ли является империей. Помилуй Бог! Это просто азиатская страна — и не более.

Г о н с е в с к и й. Кстати, Ваше Величество, наш король намерен взыскать с вас часть земель в пользу польской короны.

О т р е п ь е в. Это по какому случаю?

Г о н с е в с к и й. Не будь на то согласия короля — вы бы не стали хозяином этих палат.

Р а н г о н и. А ваши обещания папскому престолу?..

О т р е п ь е в. Вначале я должен обзавестись законной супругой. Может быть, и на это нужно разрешение польской короны и римского папы?

Г о н с е в с к и й. Король одобряет ваш выбор, а невеста готовится приехать в Москву — как только будут пошиты свадебные наряды.

Р а н г о н и. Брак — это дело святое, и римская церковь всегда стоит на страже семейных уз.

О т р е п ь е в *(слегка поклонившись)*. Спасибо и на этом. А о делах потом.

Г о н с е в с к и й. Тогда позвольте откланяться.

Послы кланяются и уходят.

Н а г о й. Да они совсем обнаглели! Земли им отдайте! Скоро эти подлые ляхи всех

до креста разденут! *(Плюётся)*. Жён и холопов отберут, а нас по миру нагишом пустят.

М а р ж е р е т. Дмитрий, ты должен проявить твёрдость и гибкость одновременно. Это же политика!

О т р е п ь е в. Твёрдость и гибкость? Это как?

Н а г о й. Он правильно говорит. Ты зачем Шуйского пощадил? Милость свою хотел показать? Не миловать его надобно было, а башку ему снести! Иван Васильич Грозный так и поступил бы.

М а р ж е р е т. Верно. Властителю необходима крепость духа.

О т р е п ь е в *(переводит взгляд с одного на другого)*. Да вы, я вижу, сговорились. Крови вам, что ли, надобно?

Н а г о й. Не крови, а гнева твоего неукротимого. Которым Иван Васильич был славен. Ты ведь сыном его вроде как прозываешься. Не забыл?

М а р ж е р е т. Боюсь, Дмитрий, что многие москвичи примут твоё милосердие за непростительную слабость. Врагов прощать не следует.

Н а г о й. Шуйский-то похлеще тех поляков будет. Ещё увидишь!

О т р е п ь е в. Вижу, что вы учить меня вздумали! Не много ли на себя берёте? Смотрите, не надорвитесь.

Н а г о й. Берём не много. Не больше тебя самого.

Сцена 4

Москва. Кремлёвские палаты. Царская опочивальня. Главный постельничий следит за тем, как боярыни и сенные девки готовят брачное ложе. За стенами слышны шум и крики: «Честь и слава новобрачным! Храни Бог жениха и невесту! Пусть умножатся дни их радости и веселья! Дай Бог им крепкое и славное потомство!..»

О д н а и з б о я р ы н ь. Ишь, как они еретичку эту славят! Куда с добром!

Д р у г а я б о я р ы н я. Русских девок, стало быть, ему мало — полячку решил в жёны взять! Когда же такое на святой Руси случалось? Не упомню.

Т р е т ь я б о я р ы н я *(напоминает)*. А про деда-то Грозного не слыхали разве? У него, бают, жена-то гречанкой была. Софьей прозывалась.

П е р в а я б о я р ы н я. Так то — гречанка. Нашей, стало быть, веры. Православной. А эта — ехидна латинская.

Распахиваются двери. Прислуга разбегается. В спальню входят Отрепьев и Марина в свадебных одеждах. Жених принаряжен по-русски, а невеста — согласно тогдашней парижской моде. На ней платье с узким лифом и пышными фижмами, с воротником-жабо, высоко взбитая причёска. Новобрачных осыпают семенами льна и конопли. Гремит музыка, гости поют и пляшут. Самозванец закрывает двери, оставаясь наедине с суженой.

М а р и н а *(капризно)*. О, матка боска! Как я устала! Какая пытка, кошмар!

О т р е п ь е в. Я устал не меньше твоего. Ох, и канитель! Конца-края не дождёшься. Но, слава богу, всё свершилось. *(Садится на ложе)*.

Невеста осматривает себя, брезгливо отрясая семена со своего наряда.

М а р и н а. Какие варварские нравы! Засыпали меня какой-то дрянью. Бр-р-р! Ужас.

О т р е п ь е в. Это пожелания здоровья и плодовитости. Жена должна родить мне много детей. Ты готова?

Невеста осторожно снимает диадему, внимательно рассматривает её, потом кладёт на столик возле кровати. Так же бережно расстаётся с другими украшениями.

О т р е п ь е в. Нравится? Это стоит больше ста тысяч дукатов.

М а р и н а *(любуясь драгоценностями)*. Эти подвески? Красота! Бардзо добже! Я довольна.

О т р е п ь е в *(уточняет)*. Нет. Весь твой наряд. Тут алмазы, золото и жемчуг.

М а р и н а *(с удовольствием)*. Я всегда знала, что Московия сказочно богата, но такого!..

О т р е п ь е в. У моего отца была несметная казна! Самая большая в мире. Теперь она наша.

М а р и н а. У твоего отца? Перестань. Ты вправду думаешь, что я ни о чём не догадываюсь?

О т р е п ь е в. Но меня признала мать. Жена Грозного. При всём честном народе. Разве этого мало?

М а р и н а. Подумаешь! Мало ли, почему ей этого захотелось? Может, ты её щедро наградил или защиту надёжную обещал. Из монастыря на волю выпустил.

О т р е п ь е в. А ты почему за меня замуж пошла?

М а р и н а. У моего дорогого отца долгов не меньше, чем золота в твоей казне, и не сегодня завтра его бы посадили в долговую тюрьму, несмотря на все чины и звания...

О т р е п ь е в. Строгие законы в вашей Польше, однако.

М а р и н а. Какие есть. Только не думай, пожалуйста, что я бросилась в твои объятия, очертя голову. Мне это, между прочим, немалых усилий стоило.

О т р е п ь е в. Да ну! Каких-таких усилий?

М а р и н а *(разбирает причёску и пытается расшнуровать лиф платья, недовольно ворча)*. Это варварское венчание кого угодно сил лишит. Прямо пытка какая-то! *(Просит)*. Помоги мне.

О т р е п ь е в *(подскакивает и развязывает ей шнуры)*. Ты даже не захотела надеть русского платья!

М а р и н а. Ещё чего! Хватит того, что я перецеловала все иконы и молча слушала проповеди вашего нудного попа. Даже не присела ни на минуту.

О т р е п ь е в. В Божьем храме сидеть не положено.

М а р и н а. А у нас в костёле — пожалуйста! Ты же клялся мне устроить венчание по католическому обряду. Клялся или нет?

О т р е п ь е в. Да против меня восстала бы вся Москва! Я ведь не враг самому себе. *(Пытается заключить невесту в объятия)*.

М а р и н а *(отбивается)*. Погоди. Успеешь... Ты обещаешь устроить мне пышный бал? Всем гостям на зависть.

О т р е п ь е в. Да обещаю-обещаю. Не тревожься.

М а р и н а. Поклянись.

О т р е п ь е в *(крестится)*. Клянусь.

Сцена 5

Кремль. Царские палаты. Светлица Марии Нагой.
В ней сама хозяйка и ее брат Михаил Нагой.

Н а г о й. Сыграл он таки свадьбу, сынок твой ненаглядный. На еретице латинской женился. Вся Москва гудит — позорище неслыханное! Иконы полячка в губы лобызала!

М а р и я. А ты на кой мне про это сказываешь? Я его разве сама родным сыном нарекла? А кто меня подстрекал да упрашивал — признай его, мол, наследником немедля... Не ты ли? Вот и послушала я родимого братца!

Н а г о й. Да кто же знал, что эдак всё обернётся! Что этот бродяга голоштанный под дудку ляхов плясать станет.

М а р и я. Ты-то думал, что он одному тебе будет в рот заглядывать, ан нет! Не вышло.

Н а г о й. Давеча тут послы от польского короля прибыли и земли требуют. Всё норовят к своим рукам прибрать, а нас польскими холопами сделать...

Входят Василий Шуйский и Постник-Огарёв.

Ш у й с к и й *(шутовски кланяется)*. Доброго здоровья тебе, матушка-государыня! И тебе, Михаил-свет!

М а р и я. Чего это ты, князь Василий, о моём здоровье печёшься? К чему бы это?

Н а г о й. Видать, со страху у него, грешного, ум помутился, не иначе.

Ш у й с к и й *(щурится)*. Это с какого-такого страху?

Н а г о й. Неужто забыл, как третьего дня чуть башки не лишился?

Ш у й с к и й. А твоя-то голова крепко ли на плечах держится? А ежели ляхи снимут её?

Н а г о й. Это в честь чего?

П о с т н и к - О г а р ё в. А в честь того, что ты лоб не по-ихнему крестишь. И не тем образам молишься.

М а р и я. Это правда. И царица-то у нас поганой веры. Иконам отеческим уста, а не руки целовала — теперь скверна на них!

Ш у й с к и й. Вот до чего корысть да криводушие доводят. Заблудились да изверились вконец — того и гляди, Руси православной крах придёт. Изведут нас проклятые басурмане под корень.

Н а г о й. Да будет тебе страхи и беды накликать. Говори, за какой нуждой пришёл?

Сцена 6

Кремлёвские палаты. Гремит музыка. Накрытые столы ломятся от яств и вин. В центре сидит самозванец, одетый по-польски, рядом с ним – Марина. Слуги ухаживают за гостями. Самозванец поднимает кубок. Музыка затихает.

О т р е п ь е в. Я вручаю этот кубок польскому послу. Пусть он от имени короля выпьет за моё здоровье! *(Слуга передаёт вино Гонсевскому. Посол принимает его и подносит к губам)*. За здоровье императора пьют стоя.

Посол не двигается с места. Гости — среди них большинство поляки, в их числе К. Вишневецкий, его жена Урсула, Ю. Мнишек, А. Вишневецкий — обеспокоенно замирают.

О т р е п ь е в. А тех, кто проявляет неуважение к особе императора — выбрасывают в окно! Вверх ногами. *(К послу бросаются царские слуги. Гонсевский вскакивает и стоя пьёт)*. Ну, то-то же! *(Обращается к остальным)*. А вы, дорогие гости, пейте и ешьте... Мой батюшка Иван Васильевич Грозный опальным князьям да боярам чашу с ядом, бывало, предлагал и говорил: «Жалует тебя царь, имярек, из своих рук. Возьми и выпей!» И попробуй откажись! А я простил своих недругов. Не велел казнить Шуйского. *(Встречается взглядом с Михаилом Нагим)*. Вот некоторые и подумали, будто я не сын Грозного. *(Встаёт)*. Так сын я или нет? *(Бьёт себя в грудь)*. Может, я — наглый пройдоха? Вор? Самозванец?! Может, мне надобно залить Москву кровью, и тогда вы поверите, что я — истинный наследник? Отрублю головы двум сотням бояр, обесчещу их жён и дочерей, удавлю их слуг... Этого вы хотите?

Отдельные, сбивчивые голоса: «Нет! Не надо!..»

О т р е п ь е в *(Маржерету)*. Скажи, Жак, ты веришь, что я сын Грозного?

М а р ж е р е т. Конечно, Дмитрий! *(Хватается за саблю)*. И сам отрублю голову каждому, кто посмеет в этом усомниться!

М а р и н а. Ну, довольно угроз и споров!.. Господа! Ешьте, пейте и веселитесь. Я не желаю видеть у себя за столом постные, удручённые лица. Хочу веселья, шуток и смеха. Музыканты, играйте менуэт!

Польский оркестр играет менуэт. К самозванцу приближается тесть Ю. Мнишек и что-то говорит ему на ухо. Тот беспечно машет рукой. К Марине подходит К. Вишневецкий и приглашает её на танец. Урсулу и ещё нескольких дам приглашают Маржерет и другие поляки, среди которых Гонсевский. Пары танцуют. Самозванец, Нагой и Постник-Огарёв смотрят на танцующих, как на некое диковинное представление. Дамы меняют кавалеров, и рядом с Мариной оказывается Гонсевский. На нём кокетливая шляпа с пером.

О т р е п ь е в *(заглушая оркестр)*. Пан Мнишек, передайте этому невеже, танцующему с царицей, чтобы он потрудился снять шляпу. Иначе он потеряет её вместе с головой...

Сцена 7

В царской опочивальне самозванец и его молодая жена.

О т р е п ь е в. Почему ты не носишь наше платье?

М а р и н а *(капризно)*. Потому, что оно тяжёлое и немодное. Моя сестра Урсула постоянно получает наряды из Парижа. А недавно ей прислали туалетную шкатулку в золотом быке. Какая великолепная вещица — ты бы видел!

О т р е п ь е в. Я видел неоплаченные счета за долги, сделанные твоим отцом. Он что — разорить меня хочет?

М а р и н а. Но, дорогой, ты же сам говорил, что Московия сказочно богата, и обещал засыпать меня золотым дождём...

За дверями раздаётся шум. В опочивальню вбегают Маржерет и Ю. Мнишек.

М а р ж е р е т. Государь! Сюда ломятся стрельцы и горожане! Огромная толпа. Они вооружены!

Самозванец хватает пистолет, саблю и летит к выходу. Маржерет спешит за ним.

М н и ш е к *(мечется по комнате)*. Проклятая страна!

За дверью слышны крики, выстрелы, звон сабель. Гудит набат. Мнишек и дочь заползают под супружеское ложе. В спальню заглядывают несколько стрельцов, быстро хватают кубки, подносы, чаши и тут же скрываются. Затем появляются В. Шуйский, М. Нагой и Постник-Огарёв с саблями в руках.

Ш у й с к и й. Сбежал, вор поганый?!

Постник-Огарёв обходит спальню, заглядывая во все углы.
Вваливаются стрельцы, ведя связанного Маржерета.

С о т н и к. Вот, князь-батюшка, басурманина поймали.

Н а г о й. А-а, господин наёмник! И где же твой хозяин?

С о т н и к. Убит. Выскочил на крыльцо — саблей машет, из пистоли палит. Тут кто-то из робят его и того.

Ш у й с к и й. А ну-ка, несите его сюда! *(Нагому)*. А ты, Михайло, ступай — приведи сестру. Пущай своего сынка дорогого опознает. А басурманина — под замок!

Стрельцы и Нагой выходят, уводя с собой связанного Маржерета. Вскоре толпа вносит тело самозванца. Стрельцы хотят поместить его на царское ложе, но Шуйский указывает на пол. Труп кладут навзничь. В опочивальню входит Мария Нагая в сопровождении брата. Останавливается в изголовье и смотрит на убитого.

Ш у й с к и й. Ну, что, матушка-царица, он не он? Ответь, не потаи.

М а р и я. Ты знаешь это — не хуже моего. Чего тут таить?

Ш у й с к и й. Я-то знаю, а ты всё ж таки ответь. Не вводи народ в сумление, побойся Бога! Хоть раз правду молви.

М а р и я. Он. Вор и лиходей. Крамольник подлый.

Ш у й с к и й. Сынок твой, стало быть, кровный? Али кто? *(Мария молчит)*. Так Дмитрий это аль нет? Хвостом-то не крути — люди ведь кругом.

Н а г о й. Гришка это Отрепьев. Беглый сын боярский. Чернец из Чудова монастыря. Расстрига окаянный.

Ш у й с к и й. Выбросить его на улицу! Собакам. Нечего тут нечисть всякую держать — поганить покои царские. Тут и без того всё ляшским духом провоняло.

Тело выносят, и все выходят следом.
Мнишек и Марина выглядывают из-под кровати.

Действие III

Сцена 1

Краков. Королевский дворец Вавель. В кабинете король и патер Рангони. Входят Адам и Константин Вишневецкие.

С и г и з м у н д. С приездом, господа! Не ждал вашего визита.

К. В и ш н е в е ц к и й. Мы и сами, Ваше Величество, никак не думали, что придётся так спешно покидать Московию.

С и г и з м у н д. Дмитрий оказался негостеприимен?

А. В и ш н е в е ц к и й. Он убит.

С и г и з м у н д. Что?! Убит? Кем?

К. В и ш н е в е ц к и й. Его растерзала толпа, руководимая русскими боярами и князьями. Они ворвались в Кремль, а самозванец выбежал им навстречу с саблей и пистолетом...

С и г и з м у н д. Самозванец? Я не ослышался?.. А кто, бия себя в грудь, уверял меня, что это истинный сын Грозного? Чудом спасшийся царевич.

К. В и ш н е в е ц к и й. На самом деле — это беглый монах Григорий Отрепьев. Из захудалого рода боярского.

С и г и з м у н д. Вы слышите, святой отец? Католическая церковь приняла в своё безупречное лоно нищего расстригу! Важное приобретение.

А. В и ш н е в е ц к и й. Князь Шуйский приказал сжечь труп самозванца, пепел его зарядили в пушку и выстрелили туда, откуда он пришёл. К неописуемой радости московитов.

С и г и з м у н д *(уточняет)*. То есть выстрелили в нашу сторону? А что с Мариной и её отцом? Их тоже убили?

К. В и ш н е в е ц к и й. Нет, их сослали в город Ярославль, предварительно хорошенько обобрав.

С и г и з м у н д. Бунтом кто-то управлял?

К. В и ш н е в е ц к и й. Тот, кто стал царём — Шуйский.

Сцена 2

Ярославль. Тамошний кремль. Бывшая княжеская опочивальня. Марина сидит за столом, перебирая немногие оставшиеся украшения и наряды. Входит Ю. Мнишек.

М н и ш е к. Дочь моя, ты опять возишься с этими безделушками?

М а р и н а *(жалобно)*. Но это, к сожалению, всё, что у меня есть.

М н и ш е к. Поговорим о деле. Твоя сестра Урсула через верных людей передала мне, что мы можем возвращаться в Польшу.

М а р и н а. Вернуться в Польшу? Зачем?

М н и ш е к. Как зачем? Мы живём здесь, в этом унылом городишке, как в заточении. Это даже не ссылка, это тюрьма. И не сегодня завтра сюда могут ворваться наши тюремщики или разъярённая чернь. Тогда нас постигнет участь...

М а р и н а. Дмитрия?

М н и ш е к. Называй его, как тебе вздумается, но мне бы не хотелось повторить его судьбу. Лучше вернуться домой.

М а р и н а. Чтобы вновь стать жалкой бесприданницей? Обыкновенной шляхтянкой? И кому я буду нужна? Каково моё будущее? Или на это тебе наплевать?

М н и ш е к. Марина, я сделал всё, что мог. Но Василий Шуйский не захотел брать тебя в жёны. Ему не нужна полячка-католичка, которую не принимает народ.

М а р и н а. Я приму православие.

М н и ш е к. Ты сошла с ума!

М а р и н а. Я — русская царица и хочу быть одной веры с моим народом.

М н и ш е к. Девочка, о чём ты говоришь? Ещё совсем недавно ты хотела строить костёлы и перекрестить московитов в истинную веру, привести их в лоно римской церкви.

М а р и н а. Ты хочешь, чтобы со мной поступили так же, как...

М н и ш е к. Нет, не хочу. Между прочим, он сам во многом виноват. Не нужно было лезть на рожон.

М а р и н а. Ты прав, папа. Поэтому я и хочу сменить веру. Но не тайно, как это сделал Дмитрий.

М н и ш е к. Беглый расстрига Григорий Отрепьев.

М а р и н а. Пусть так. *(Гордо выпрямляется).* Я — русская царица и хочу ей остаться.

В дверях появляется бывший секретарь самозванца Ян Бучинский, кланяется.

М н и ш е к. Чего тебе, Ян?

Б у ч и н с к и й. Прошу прощения у высокочтимой государыни и ясновельможного пана, но наши люди передали, что к границам Московии движется большое ополчение под командой князя Рожинского. Десять тысяч сабель.

М н и ш е к *(с радостью).* Его послал король Сигизмунд к нам на выручку? Наконец-то!

Б у ч и н с к и й. Нет. Князь отправился воевать на свой страх и риск, но дело не в этом.

М н и ш е к. А в чём? Он хочет предложить свои услуги новому русскому царю?

Б у ч и н с к и й. Нет, боже упаси! *(Оглядывается и понижает голос).* С ним едет покойный царь Дмитрий...

М а р и н а. Кто-кто?!

М н и ш е к. Не может быть!

Б у ч и н с к и й. Может. А за ним потянулись казаки и стрельцы. Шуйский в растерянности.

М н и ш е к. Но мы своими глазами видели его труп. Бездыханный. Обезображенный.

Б у ч и н с к и й. И я видел...

М н и ш е к. Нет! Нужно ехать в Польшу. Этот балаган переходит все возможные границы. Сумасшествие какое-то!

М а р и н а *(спокойно).* Вот и поезжай. Мои русские подданные в таких случаях говорят: скатертью дорога! А я остаюсь!

Сцена 2

Москва. Кремль. Царские палаты. Василий Шуйский восседает на троне, а ниже — на скамьях — расположилась боярская дума, среди присутствующих — Постник-Огарёв.

Ш у й с к и й *(гневно стучит посохом).* Да быть того не может, бояре! Вы что, все с ума спятили?! Какой Дмитрий?! Расстригу и вора Гришку Отрепьева мы сожгли дотла, пеплом его пушку зарядили. А настоящий царевич захоронен давным-давно, какое тут воскресение! Что за вздор?

О д и н и з б о я р. Слухи-то ползут, царь-батюшка, что не убили, мол, самозванца. Жив он будто. Бежал от твоего гнева за кордон да потом и объявился.

Ш у й с к и й. Где объявился-то?

П о с т н и к - О г а р ё в. В Беларуси. В городишке Пропойске. Поляки его схватили,

думали, что лазутчик. Хотели посечь кнутом, а он им в ответ: «Вы что, сукины дети, не узнаёте своего государя?!..» Они и рады.

Ш у й с к и й. Да кто он таков? Откуда родом?

Д р у г о й б о я р и н. Никто, государь, толком не знает. Одни болтают, будто это сын поповский — Матюшка Верёвкин. Другие Алёшкой Рукиным его кличут, иные — сыном боярским...

П о с т н и к - О г а р ё в. Ляхи тут же за него ухватились. Со всех углов к нему шляхтичи со своими холопами толпами валят.

Ш у й с к и й. Когда мы этого бродягу порешили, кажись, и смута улеглась, ан нет! Опять пошли мятежи да склоки...

Т р е т и й б о я р и н. Это ляхи всё. Они свары затевают.

Ш у й с к и й. Ой ли? В ляхах ли тут дело? Мне-то доподлинно известно, что не токмо Мишка Нагой да сестра его, но и кое-кто из вас с покойным самозванцем добре якшался, винцо с ним попивал и червонцы из его рук получал. Не так, что ли? Вот я и думаю, а ежели новый вор и самозванец клич бросит: «Перекиньтесь ко мне — озолочу!» — неужто устоите? Не побежите к нему, сломя голову?..

Сцена 3

Деревня Тушино. В большой избе за длинным столом с остатками обильной трапезы расположились Роман Рожинский, Адам Вишневецкий, Ян Сапега и Маржерет.

Р о ж и н с к и й. Панове, у нас двадцать тысяч войска — кавалерия, пехота, артиллерия. Можно начинать решающий штурм. Сил хватает.

М а р ж е р е т. У Шуйского войск вдвое против нашего. И к нему на помощь идут две тысячи шведских кавалеристов и три тысячи пехотинцев. Шведская пехота — лучшая в мире. Командует шведами знаменитый генерал — граф Делагарди. А русские полки возглавляет Михаил Скопин-Шуйский, тоже не последний полководец, как вам известно.

В и ш н е в е ц к и й. Панове, но у нас ведь есть козырная карта — царь Дмитрий.

Р о ж и н с к и й. Пан Адам, перестаньте! У вас провалилась авантюра с первым самозванцем, и теперь вы тащите за уши второго... Где он, кстати?

С а п е г а. Он спит пьяный в соседней избе.

Р о ж и н с к и й. Я бы отправил к праотцам эту отвратительную скотину.

М а р ж е р е т. Пан Рожинский, по-моему, вы слишком категоричны. Я согласен, что наш новый претендент на престол не слишком симпатичен. Но что поделаешь — не мы его выбирали.

В и ш н е в е ц к и й. Многие москали его признают.

М а р ж е р е т. Пока он в нашем стане — мы можем померяться силами с Шуйским и раскачать его трон...

К а р а у л ь н ы й с о л д а т *(входит)*. Ясновельможные паны! Вас желает видеть царица Марина.

На пороге появляется Марина. Она одета по-русски: в сарафан, душегрею, на голове — кокошник.

С а п е г а. Матка боска! Пани Марина, вас не узнать!

М а р и н а. А я вас сразу узнала, пан Сапега. И вас, пан Адам. И вы здесь, Жак? Вам тоже удалось бежать из Москвы?

М а р ж е р е т. Это было не слишком сложно. Несколько дукатов страже — и я здесь.

М а р и н а. А мне пришлось пережить столько унижений! *(Показывает на свой наряд)*. Носить эту грубую, отвратительную одежду. Ехать в простой телеге, спать на сене, есть ржаной хлеб и запивать его колодезной водой... Как я рада всех вас видеть, вы не представляете, господа!

В и ш н е в е ц к и й. До нас доходили слухи, что вас с паном Мнишком сослали в Ярославль.

М а р и н а. Не говорите мне об этом мерзком городишке! Мы жили там в какой-то лачуге — кругом грязь, грубость, скука. Ни одного бала за два года! Вы можете себе это представить? Кошмар!

Слуги накрывают на стол.

Р о ж и н с к и й. Прошу прощения, пани Марина, а где ваш отец?

М а р и н а. К вашему сведению, ваше сиятельство, я — русская царица, и потому величают меня — Ваше Величество. Прошу любить и жаловать. А мой отец пан Мнишек отбыл в Польшу.

В и ш н е в е ц к и й. И вы, Ваше Величество, тоже намерены вернуться домой? В Самбор?

М а р и н а. Нет, конечно. Я намерена остаться в России.

М а р ж е р е т. Позволительно ли нам будет узнать — в качестве кого?

М а р и н а. Русской царицы. Да будет вам известно, господа, — я приняла православие. Ношу русское платье и непременно хочу разделить участь своего мужа. Законного наследника Грозного. Он ведь находится с вами. Разве не так?

С а п е г а. Дорогая пани... вернее, Ваше Величество! Вы видели своего благоверного?

М а р и н а. Ещё нет, но жажду нашей встречи. За тем я и явилась сюда.

Р о ж и н с к и й *(слугам)*. Эй, хлопы! Приведите живее Дмитрия. *(Марине)*. А вы, Ваше Величество, отведайте нашей солдатской еды. Время военное — лебедей в меду готовить некогда. *(Наливает ей бокал вина)*. Зато винцом мы запаслись в избытке, слава всевышнему! Подставляйте кубки, панове! Отметим счастливый приезд нашей дорогой государыни!

Все наполняют бокалы, чокаются с царицей. Открывается дверь, и слуги под руки вводят второго самозванца. Он неряшливо одет, полупьян, лицо опухло, под глазом синяк, губы разбиты.

М а р и н а *(с ужасом)*. О-о, Езус Мария! Нет! Нет! Это невозможно!..

Сцена 4

Польский лагерь под Тушино. Сгущаются сумерки.
На поляне вокруг небольшого костра сидят дозором запорожские и донские казаки.

Д о н с к о й к а з а к *(потирая руки)*. Хворосту бы надо в огонь погуще бросить. Зябко, погреться б не мешало.

Д р у г о й к а з а к. Это нам зараз! *(Хочет встать)*.

З а п о р о ж с к и й к а з а к *(хватает его за полу кафтана)*. Сиди. Не треба!

П е р в ы й к а з а к. Это почему? Пущай жарче горит.

З а п о р о ж с к и й к а з а к. Не треба, кажу тебе! Москали по нам як из гарматы вдарят, чихнуть не успеешь...

П е р в ы й к а з а к. Какой гарматы?

В т о р о й к а з а к. Да из пушки.

Т р е т и й к а з а к. А правду гутарят, братцы, что к москалям на выручку шведы идуть? Армия цельная.

В т о р о й к а з а к. Уже пришли, однако. Пятнадцать тыщ войска, обряжены в железо — ни пуля, ни сабля их не берёт!

П е р в ы й к а з а к. А пика? Пика их берёт?

В т о р о й к а з а к. Не знаю. Не пробовал.

З а п о р о ж с к и й к а з а к. А чего брешешь?

В т о р о й к а з а к *(ярится)*. Я брешу?! *(Хватается за пистолет)*.

П е р в ы й к а з а к. А ну, будя, остыньте! Покумекайте лучше, зачем эта бисова полячка к нам в становище пожаловала.

В т о р о й к а з а к. Она же царю нашему Митьке жонка законная. К нему, стало быть, и прикатила.

З а п о р о ж с к и й к а з а к. А у нас на хуторе бабы кажуть, що вона — цея Маринка — ведьма. Самому нечистому родня.

П е р в ы й к а з а к. В народе бают, будто приворожила она и первого, и другого.

З а п о р о ж с к и й к а з а к. Якого другого?

П е р в ы й к а з а к. А ты будто не слыхал? Того-то, первого, москали насмерть уходили. Тело спалили, пеплом царь-пушку зарядили да в панскую сторону и жахнули. Ажно вихорь загулял!

З а п о р о ж с к и й к а з а к. А с другим чего?

П е р в ы й к а з а к. С другим-то? Он пока жив-здоров, с этой полячкой милуется. Царём на Москве хочет...

В т о р о й з а п о р о ж с к и й к а з а к *(перебивает)*. Почекай трошки! Хиба вин не той, що був до того?

П е р в ы й к а з а к *(смеётся)*. Эх, спохватился! Нет, конечно. Этот-то неведомо откуда взялся. Недаром москали его «тушинским вором» кличут. Неспроста.

У костра готова вспыхнуть ссора, но невдалеке слышится шум. Казаки хватаются за сабли и пистолеты.

Г о л о с. Гей, станичники! Не убейте сдуру! Мы с миром идём.

П е р в ы й к а з а к. Кто такие?

Г о л о с. Князья московские.

З а п о р о ж с к и й к а з а к. А чего вам треба?

Появляются трое мужчин, одетых в дорогие кафтаны.

О д и н и з п е р е б е ж ч и к о в. Мы хотим видеть царя Дмитрия. Дело у нас до него неотложное.

Тут же к костру подходит польский сотник.

С о т н и к. Что, панове, угодно? Зачем явились?

В т о р о й п е р е б е ж ч и к. Я князь Сицкий. *(Показывает на спутников)*. А это князь Черкасский и князь Трубецкой. Нам надобно видеть государя Дмитрия.

С о т н и к. Прошу панов! Прошу дэпшеду.

Перебежчики в сопровождении поляка уходят в темноту.

З а п о р о ж с к и й к а з а к *(донскому)*. А ты казав, що вин вор!

С о т н и к *(оглядывается и взмахивает нагайкой)*. Кто сказал — вор?! Шкуру спущу, пся крев!..

Сцена 5

Тушино. Деревенская изба, приспособленная под костёл.
Польский ксёндз перед походным алтарём возжигает свечи. Входит Сапега.

С а п е г а. Утро доброе, пан ксёндз! *(Целует руку священнику. Тот быстро крестит его)*. Вижу, что я не вовремя. Прощенья прошу.

К с ё н д з. Нет-нет, ваша светлость, я всегда рад вашему приходу.

С а п е г а *(смотрит на зажжённые свечи)*. Вы собираетесь кого-то крестить? Не тех ли московских князей, перебежавших к нам? Они что — хотят сменить веру?

К с ё н д з. Пусть остаются в своей. Я готовлюсь к другому таинству, ваша светлость.

Распахивается дверь, и в избу входят Марина под руку с Рожинским, следом за ними Лжедмитрий II, одетый в польский кафтан, его ведет А. Вишневецкий, а замыкает шествие Маржерет.

С а п е г а *(священнику)*. Вы к этому готовились, пан ксёндз? Ничего себе — таинство!

Р о ж и н с к и й. Вы напрасно иронизируете, пан Сапега. Католическая церковь считает брак одним из самых главных таинств в жизни людей. Что тут смешного?

С а п е г а. Ах, ну да, браки ведь заключаются на небесах! *(Марине)*. А вы, Ваше Величество, в который раз совершаете эту трогательную церемонию? Неужели впервые? Матка боска, как вам, наверно, волнительно и приятно! Ещё бы — вы заключаете нежный союз с высокородным потомком Рюриковичей. *(С издёвкой смотрит на самозванца)*. Только откуда он родом? Из городишки Пропойска?

Р о ж и н с к и й. Пан Сапега, вы забываетесь!

В и ш н е в е ц к и й. Ян, прекрати! К чему этот балаган?

С а п е г а. Ты прав, Адам, это фарс. Только не я его затеял. Вы сами придумали эту нелепую мистификацию, в которую не верите ни на грош. Кого вы хотите надуть?

М а р и н а. В неё — верю я. Вы слышите? Я!

С а п е г а. Да не может такого быть!

М а р ж е р е т. Ну, отчего же, ваша светлость? Очень даже может. Вы же не верите в существование действительного сына Грозного, однако же пришли сюда в первых рядах его сподвижников, хотя вас никто насильно не тащил, верно? Так чего же вы хотите? Чтобы дело его умерло, а казаки и стрельцы перешли на сторону Шуйского и стали громить нас?

М а р и н а *(торжественно)*. Пан Сапега, я надеюсь на ваше благоразумие и патриотизм. Вы ведь не станете вредить своим соотечественникам? Хотя бы из чувства чести.

С а п е г а. Нет, не стану. Но и терпеть над собой владычество этого... *(смотрит с ненавистью на самозванца)* тоже не могу. И всех вас презираю!

Резко выходит, хлопнув дверью.

Р о ж и н с к и й. Ваше Величество, вы теперь истинная царица... Царица смуты и раздора.

В и ш н е в е ц к и й. Господа, не будем терять драгоценное время — пока мы здесь хозяева. *(Обращается к священнику)*. Приступайте к церемонии, пан ксёндз!

Священник соединяет руки Марины и самозванца. Рожинский, Вишневецкий и Маржерет выстраиваются за их спинами, опустив головы. Ксёндз невнятно произносит евангельский текст по-латыни. Вручает брачующимся по зажженной свече. Марина гордо выпрямляется.

З а н а в е с

Сергей БОГОСЛОВСКИЙ

ПО МАРШРУТУ В ДАЛЁКИЕ ДАЛИ

Документальная повесть

1. КАВКАЗ – СИБИРЬ

Дедушка Сулейман жил в Шамхоре, основанном в начале XIX века немецкими переселенцами в предгорьях Малого Кавказа на западе Азербайджана и названном ими Анненфельдом в честь великой княгини Анны Павловны, младшей сестры императора Александра I. Александр дал разрешение на переселение, а своими указами повелевал освободить колонистов на несколько лет от податей и не брать на военную службу. В начале германской войны село переименовали в Аннино, после гражданской — в Шамхор.

Двоюродный внук Сулеймана Фарман Салманов с мамой Сугрой из примыкающего к Шамхору села Ленинск, по-местному Морул, часто навещали старика. Фарман читал ему газеты вслух, Сулейман рассказывал о Сибири.

Когда-то в ранней молодости он спустил собак на старшего муллу, приехавшего забрать для мечети часть овечьего стада, и был осужден на 20 лет ссылки в Сибирь «за неповиновение властям». В кандалах и на полголовы обритый семнадцатилетний Сулейман был отправлен на берега Амура.

Вернулся в военном мундире с медалями и русской женой Ольгой. За проявленную храбрость во время русско-японской войны Сулейман был награждён и досрочно освобождён.

Русских в роду Салмановых никогда не бывало, и родственники враждебно встретили Ольгу. Отношение переменилось, когда она приняла ислам, стала Фирузой, а их брак с Сулейманом был заключён в мечети.

Дед Сулейман рассказывал внуку Фарману о далёкой холодной Сибири, о её дикой нетронутой человеком природе, бесконечной тайге из столетних сосен и кедров, ветрах и вьюгах, снегах и дождях, о могучей реке Амур, промерзающей так, что по ней ходят люди и кони, едут на санях и телегах. Там прошли его лучшие годы.

Когда у дочери старшего брата Сугры родилась дочь, Сулейман настоял, чтобы её назвали Амурой.

— Пусть моя внучка будет такая же красивая, как Амур!

* * *

Впечатлённый рассказами деда Фарман грезил себя путешественником, исследователем необитаемых и загадочных земель.

— Школу закончу — в Сибирь поеду, — мечтательно произнёс он дома за обедом.

— Ты что, на каторгу собрался... — увидел он перед собой страдальческое лицо матери.

Шёл 1938 год. Главу семьи Курбана Салманова посадили в тюрьму. Десять лет

назад его, молодого секретаря сельсовета, отправили в Баку на ускоренные годичные юридические курсы. Приехав на выходные в родное селение, будущий юрист выкрал шестнадцатилетнюю Сугру. В следующий приезд сыграли свадьбу. По окончании курсов Курбана назначили народным судьей района, потом прокурором, потом его посадили.

За пару недель до ареста секретарь райкома вызвал Курбана и поручил провести в одном из колхозов Алибайрамлинского района проверку.

— Председатель — расхититель социалистической собственности, вредитель и саботажник. Всё понял? — инструктировал секретарь. — Действуй. Даю тебе четыре дня.

Курбан приехал с проверкой в колхоз, где его встретил председатель, оказавшийся радушным хозяином и душевным собеседником.

— Не сложились у меня с райкомом отношения, — жаловался он прокурору за накрытым в честь дорогого гостя столом, — не пойму, что им от меня нужно?

— Ты мне, главное, все документы представь — проверять буду, как положено.

— Да, я сам инспектировал несколько лет колхозы! Все немецкие достались. Названия до сих пор из головы не выходят, — попробовал разрядить обстановку председатель. — «Имени Тельмана» в Еленедорфе, «Советштерн» в Траубенфельде, «Рот-Фане» в Грионфельде, «Борьба» в Георгефельде.

Прокурор недоверчиво смотрел на председателя.

— Все запомнил, пока инспектировал. Из головы не выходят, — улыбнулся он.

— У нас в Шамхоре — Клары Цеткин, — сказал Курбан.

— Да, знаю, в Алексеевке — имени Ленина, в Марксовке — «Интернационал». Везде немцы виноград выращивают. У них там порядок, — уважительно закивал головой председатель.

— Мой дядя в немецком доме живет. В подвал много бочек вина входит, чердак во-от такой, — широко развел он руки. — Устроен, чтобы фрукты сушить. Мно-ого фруктов, — опять размахнулся Курбан. — Такой же дом хочу. Я подумал, откуда в Азербайджане столько немцев? Историю стал читать.

— И что вычитал?

— После Наполеона плохо жилось им. Побежали они, кто в Америку, кто куда. А тут русский царь после Венского конгресса через их края до дому добирался. Мама его с тех мест. Они ему прошение подали, разреши нам на Кавказ переехать, он разрешил.

Три дня изучал Курбан документы, три вечера проводили они с председателем за столом за разговорами. На четвёртый день прокурор доложил результаты проверки секретарю райкома.

— Хищений не зафиксировано — сигнал не подтвердился, — с каменным лицом отчитывался Курбан.

— Он твой родственник или взятку дал? — тихо спросил секретарь. — Я же тебе всё объяснил тогда! — перешёл он на крик. — Сам сядешь, значит! Выметайся отсюда!

Свою угрозу секретарь выполнить не успел, потому что его самого арестовали. Курбан сел чуть позже. В доме был обыск. В результате реквизировали «Малую Советскую энциклопедию», в которой к тому времени накопилось достаточное количество врагов народа.

Когда Фарман с матерью наведались к деду Сулейману, тот вручил внуку лопату и повёл гостей в дальний угол сада.

— Копай вот здесь ямку, — Сулейман показал руками размеры и ушёл в дом.

Вернулся с небольшим деревянным коробом и мешковиной в руках. Он открыл короб, полюбовался орденами и медалями, полученными на русско-японской, закрыл крышку, обмотал мешковиной, опустился на колени, положил на дно ямки и старательно стал засыпать ее землёй.

— Хорошие времена были, — приговаривал дед Сулейман. — Может, когда доблесть воинская в почёт снова войдёт. А пока при нынешней власти... — дед махнул рукой.

Сугра и Фарман помогли засыпать яму, положили сверху дёрн, накидали листьев, чтобы следов не было видно.

Фарман больше в доме своими мечтами не делился, но однажды посвятил в свои тайны дядю Халила, младшего брата матери и учителя географии.

— Что тебе привезти из Баку? — спросил его как-то дядя Халил.

— Привези мне книгу о Сибири, — отважился попросить его Фарман. — Только маме не говори.

Дядя Халил привёз из Баку две книги Обручева: «От Кяхты до Кульджи» о Монголии и «Мои путешествия по Сибири». Эти книги укрепили в сознании Фармана решение, кем он хочет быть, а Обручев стал его главным героем.

* * *

Началась война. В октябре 1941 года потомков немецких переселенцев депортировали в казахстанские степи, и от Анненфельда-Шамхора остались только прямые улицы с пустыми домами, виноградники да здание лютеранской кирхи. Дома заселили, немецкие названия исчезли с географических карт навсегда.

Так закончилась история переселения на Кавказ немецких крестьян, бежавших из разоренной после наполеоновских войн южной Германии от голода, чрезмерных поборов и религиозных преследований. В начале XIX века около полутора тысяч семей по рекам и посуху устремились в поисках лучшей жизни на Кавказ. Многие погибли в дороге от болезней, часть не смогла двигаться дальше, осев где-то под Одессой. Меньше половины, несколько сотен семей, достигли Тифлиса, вокруг которого их расселили на казенных землях. Прибывшим позднее колонистам места не хватило, и их, согласно предписанию генерала Ермолова, доставили в Елизаветпольский уезд. Переселенцы упорствовали, не хотели отрываться от своих, и их пришлось под конвоем препроводить в Азербайджан, где были основаны Еленедорф и Анненфельд. Первый — на месте разрушенной деревни Ханлыклар, второй — на месте древнего города Шамкир. К концу века в Азербайджане было восемь немецких поселений, во всех выращивали виноград и занимались виноделием.

С приходом советской власти потомки немецких переселенцев вкусили все прелести новой жизни: экспроприацию и перераспределение земельных наделов, реквизирование рабочего скота и инвентаря для нужд Красной армии, национализацию кооперативных предприятий, раскулачивание лучших хозяйств, насильственную коллективизацию и тому подобное. В середине 30-х годов начали ловить шпионов, которыми «оказались» пасторы лютеранского вероисповедания и несколько десятков крестьянских семей. Кого-то посадили, многих выселили в Карелию, кирху святого Иоанна в Еленедорфе переоборудовали в спортзал.

В октябре 1941 года в кавказской истории немецких колонистов была поставлена жирная точка или жирный крест — это уж кому как нравится. В течение двух недель 46 тысяч немцев из Грузии, Азербайджана и Армении были депортированы в Казахстан в спецпоселения и мобилизованы в трудармию. Многие погибли в дороге от холода, голода и болезней.

* * *

Большинство педагогов морульской школы призвали в армию, и многие предметы перестали преподавать. Тогда Курбан Салманов перевел сына в школу села Дзегам, в 20 километрах от Морула. Директор школы Осман Шихлинский взял Фармана в школу и принял жить в своём доме. Больше двух лет мальчик учился в Дзегаме, жил у директора, учителя математики. Преподавал он увлекательно, через игры и забавы, погружая школьников в удивительный мир цифр и формул. Не ушёл от магии талантливого учителя и Фарман, который просто влюбился в эту науку.

Когда из Баку в Морул прислали несколько комиссованных по ранению учителей, Фарман вернулся домой. Он записался в кружок юных природоведов и всё свободное время проводил в горах. Отправлялся с самодельным мешком в длительные походы, часто в одиночку, готовясь к будущей полной лишений и приключений кочевой жизни геолога-путешественника. Матери это очень не нравилось. В семье был маленький Маис, будущий оперный певец, заслуженный артист Азербайджанской республики, нужна была помощь по хозяйству, а не постоянная тревога за жизнь и здоровье сына.

В старших классах Фарман увлёкся футболом, который на время затмил путешествия. Выступал на районных соревнованиях, потом республиканских. За ним начали следить тренеры молодёжного состава бакинского «Нефтяника», и у знаменитого в мечтах путешественника появился конкурент в образе знаменитого футболиста. Но однажды на игре Фарман получил по ногам так, что футбол как профессия закончился, не начавшись, а в результате той травмы он всю жизнь немного прихрамывал.

* * *

В 1946 году, когда Фарман учился в 10-м классе, в Шамхор на встречу с избирателями приехал министр нефтяной промышленности Байбаков. Фармана вызвали в кабинет директора школы, где его ожидали несколько человек.

— Есть мнение, — директор почтительно кивнул в сторону незнакомых людей, — поручить тебе выступить на предвыборной встрече с наказами от молодого поколения к нашему кандидату в депутаты Верховного совета СССР. Не волнуйся,

речь подготовим, поможем чем надо.

Фарман лучше других говорил по-русски — ни у кого в школе не было таких учителей, как бабушка Фируза и дедушка Сулейман. Фарман выучил с ними русский текст и в переполненном шамхорском Доме культуры на встрече Байбакова с избирателями выступил с речью с трибуны. Начинал сбивчиво, сказал, что хочет стать нефтяником, но ключевые наказы под конец выпалил уверенно:

— Нам очень нужно, чтобы заасфальтировали дорогу к школе и провели электричество.

Байбаков подошёл к молодому докладчику, обнял за плечи и пообещал выполнить наказы. В конце своей речи он ещё раз обратился к нему с трибуны:

— Фарман, ты сделал правильный выбор. Если понадобится моя помощь — не стесняйся, помогу.

Спустя полгода в каждой комнате морульской школы сверкала электрическая лампочка, а к крыльцу была проложена асфальтовая дорога.

* * *

Школу Фарман окончил с серебряной медалью, но в семейных интересах устроился на работу в гидрогеологическую экспедицию на трассу будущего Ширванского канала.

В 1947 году он женился на дочери районного прокурора, которая училась в морульской школе на два класса младше Фармана. В следующем году у них родился сын Ильгам, будущий лингвист, сотрудник бакинского института иностранных языков и таможенного комитета.

Брак оказался недолгим, молодые расстались. Фарман поступил на геологоразведочный факультет Азербайджанского индустриального института, уехал в Баку и поселился в общежитии.

Когда Фарман учился на первом курсе, отца посадили в тюрьму во второй раз. Курбан Салманов возглавлял крупный колхоз в селе Чинарли Шамхорского района. Год был засушливый, и, чтобы не портить колхозные показатели, он договорился со знакомым председателем колхоза из Ставропольского края об обмене шамхорского вина на ставропольское зерно. Зерновые поспели раньше, груз прибыл в Азербайджан, а к Курбану Салманову нагрянули чекисты с каверзными вопросами. Затем его вызвали в Баку и потребовали 25 тысяч рублей на поездку секретаря обкома в Москву.

— Такова традиция, не нам её ломать.

Курбан Салманов денег не дал, и его посадили по совокупности проступков. Фарман был потрясён и в поиске справедливости отправил телеграмму на имя первого секретаря ЦК компартии Азербайджана товарища Багирова, в которой сообщил, что отца незаконно привлекли к уголовной ответственности, и он готов доложить обстоятельства дела. Через три недели в общежитие к Фарману пришли товарищи из госбезопасности.

— Ты писал телеграмму товарищу Багирову? — пронзил чёрным взглядом студента один из вошедших. — Пойдёшь с нами. Товарищ Багиров ждёт.

Мирджафар Аббасович действительно ждал студента в своём кабинете.

— Сам писал? — показал он на лежавшую на столе телеграмму. — Русский язык надо лучше знать — за ним будущее.

Фарман к разговору был готов, информацией по сути дела владел. Багиров не перебивал, в конце задал несколько вопросов, после чего сделал два коротких звонка: первому секретарю обкома, которому собирали деньги на поездку в Москву, и первому заместителю прокурора республики. Они должны были в кратчайшее время разобраться и лично доложить.

В институте были недовольны тем, что их не поставили в известность, и телеграмма напрямую полетела на самый верх. В течение нескольких дней, пока результат встречи с Багировым не предсказывался, руководство института прорабатывало механизм исключения Фармана из комсомола. Через неделю Курбана Салманова отпустили, и схема исключения была отменена.

* * *

После окончания первого курса Фарман поехал на практику в Сибирь, о которой столько слышал и читал. Две с половиной тысячи километров поездом до Москвы, пересадка, больше четырёх тысяч километров поездом до Абакана, почти 500 километров на грузовичке по извилистому грунтовому Усинскому тракту до Кызыла. Вокруг горы, отвесные скалы, снежные вершины, ущелья, жара — всё почти как дома. Расстояния другие.

В конторе Саянской экспедиции Фарман предъявил направление, был зачислен

в штат и через несколько дней в составе полевого отряда отправлен на поиски кобальтовой руды на самый юг Сибири, рядом с Монголией. До места работ добирались сначала на грузовике, потом на лошадях.

Поставили палатки в небольшой котловине на горном склоне в окружении седоватых хребтов, почти три месяца копали канавы, шурфы. Вокруг разнотравье, цветы всех оттенков радуги, участками тайга, ручьи с кристально чистой водой.

В середине августа наткнулись на розовую руду, стали копать в районе находки и несколькими днями позже нащупали большую рудную жилу. Все были страшно рады, возбуждены, поздравляли друг друга с успехом.

— Везунчик ты, Фармаша, — говорил ему начальник полевого отряда, — не каждому удаётся так начинать. Приезжай к нам на работу, с тобой удача, видать, рядом гуляет.

Фарман не сомневался, что вернётся, набрал образцов. В институте в Баку показал их институтской профессуре, отдали на определение в лаборатории. Сокурсникам тоже много рассказывал. Его практика была дальше всех.

В первые институтские годы Фарман Салманов был под впечатлением книг Обручева, горных маршрутов и самоцветных камней. Многое перевернула фраза, с которой начал чтение лекций профессор Михаил Владимирович Абрамович:

— Нефть — самое труднодоступное полезное ископаемое нашей планеты.

Это был вызов. Следующим на весах оказался двухтомник избранных произведений академика Губкина с автобиографическими заметками и статьями о нефтяных месторождениях. С именем Губкина в Азербайджане было связано возрождение бакинских промыслов.

Рейтинг авторитетов Фармана изменился: Обручев отошёл на третий план, вторую строчку занял профессор Абрамович, первую — академик Губкин.

Михаил Владимирович подметил увлечённого нефтью студента и добился для него приглашения из Москвы, из нефтяного министерства на производственную практику в Западно-Сибирский нефтеразведочный трест.

— Фарман, — тряс конвертом довольный профессор, — тебе приглашение! Поезжай в Западную Сибирь. Ух, какие там просторы! Дух захватывает. Бурят на нефть. Пока ничего. Поезжай, помоги им там. Как в Саянах.

* * *

Опять две с половиной тысячи километров поездом до Москвы, пересадка, две восемьсот поездом до Новосибирска.

В незнакомом городе пока искал контору треста, рабочий день закончился.

— Все ушли, — сообщила дежурная, — Юрий Кузьмич только у себя.

— А это кто?

— Миронов — начальник геологического отдела.

— Я к Юрию Кузьмичу, — сообщил Фарман и отправился по коридору.

Просунув в дверь кабинета голову, Салманов увидел сидящего за столом мужчину лет сорока.

— Заходи, земляк! — по кудрявой шевелюре и усам догадался Миронов. — Практикант?

— Угу, — кивнул головой Фарман и протиснулся в кабинет.

— Я тоже в бакинском учился, — признался Юрий Кузьмич, — как поживают наши профессора, Аслан Зейналович, Михаил Владимирович?

Поговорили о преподавателях, институте, Баку. Миронов рассказал, где общежитие, написал на листочке направление, и Фарман отправился на ночлег, а на следующий день встретился с начальником треста Карасёвым, тоже выпускником бакинского, получил документы и поехал на поезде в Тюмень.

В этом городе он уже не плутал: ориентиры были заданы чётко — центральная улица Республики, колхозный рынок, буровая вышка первой в Западной Сибири опорной скважины.

Фарман поднялся на второй этаж конторы и вошёл в кабинет главного геолога Тюменской экспедиции Шалавина.

Михаил Владимирович улыбнулся вошедшему и заговорил на азербайджанском языке. На бланке направления из треста Шалавин написал резолюцию, и Фарман утром отправился на машине на железнодорожную станцию Кармак, небольшой полустанок в 50 километрах от Тюмени. Там находилась Лучинская партия Тюменской экспедиции, куда Фарман был зачислен старшим коллектором. Обрабатывал керн, строил геологические профили и разрезы. Жил на квартире у стрелочника станции.

В середине сентября практика закончилась.

— Обязательно вернусь! Ещё встретимся! — прощался Фарман с новыми друзьями.

В институте с профессором они долго обсуждали собранные на практике материалы. Фарман подготовил доклад, который был признан лучшим на потоке.

— Нет сомнения, — заканчивал выступление четверокурсник Салманов, — что мы будем свидетелями того дня, когда советские геологи, вооружённые современной техникой и знаниями геологической науки откроют в Западно-Сибирской низменности крупные скопления нефти и газа.

В 1951 году ни одного месторождения нефти или газа в Западной Сибири ещё не было.

* * *

Летом следующего года Салманов уже по проторенной пятитысячекилометровой дорожке отправился в Новосибирск на преддипломную практику. Главным геологом треста был уже Миронов, Карасёв получил назначение в Иркутск.

В этот раз Фарман отправился в Колпашево, 500 километров на север по реке Оби. Добрался на четвёртые сутки. Оттуда пароходом ещё севернее километров 200 до Нарыма.

В Колпашево немного нефти уже было получено, и все местные геологи этим очень гордились.

Фарман поработал на Нарымском участке, побывав на трёх опорных скважинах, познакомился с геологами и буровиками.

— Пока ты учишься, — говорил ему буровой мастер Виктор Лагутин, — я тут всё вокруг просверлю и всю нефть добуду. Давай быстрей оканчивай свой институт, а то не успеешь.

Лагутину было 30 лет, но он уже успел повоевать с фашистами в Крыму, попасть в плен в Австрии, совершить побег и участвовать во взятии Вены.

Фарман собрал материал для диплома, по приезде долго обсуждали его с профессором.

— Фарман, тебе непременно надо ехать работать в Западную Сибирь, — убеждал его Михаил Владимирович. — Там будут большие открытия. Твоей дипломной работой сам буду руководить, если не возражаешь.

* * *

На пятом курсе Фарман купил первый в жизни костюм, в котором он отправился на заседание комиссии по распределению.

— Прошу направить меня в Новосибирск, на место моей преддипломной практики, — торжественно объявил Фарман, когда очередь дошла до него.

— Нет заявок, — сухо ответил председатель комиссии. — Выбирай «Азнефть» в Баку или Небит-Даг в Туркмении.

Салманов был огорошен.

— Как нет заявок? Почему? — голос его срывался. — Меня там ждут! Я обещал!

Комиссия оставалась непреклонна.

— Нет заявок.

Выйдя из института, Фарман решительным шагом направился в почтовое отделение. Через несколько минут в Москву, министру Байбакову, полетела телеграмма: «Уважаемый Николай Константинович, свое обещание выполнил. Поступил и успешно окончил нефтяной институт. Дважды был на практике в Западной Сибири. Верю в перспективность этого региона, но комиссия по распределению оставляет меня в Баку. Прошу Вас оказать содействие в получении направления в Западную Сибирь. Это мне советует Ваш и ныне мой руководитель профессор Михаил Владимирович Абрамович. Фарман Салманов».

Через несколько дней в институт пришла правительственная телеграмма: «Выпускнику геологоразведочного факультета Фарману Салманову прибыть в Москву. При себе иметь всё необходимое для переезда к новому месту работы. Министр Байбаков».

Сказать, что в институте были удивлены правительственной телеграмме, — ничего не сказать. Комиссия к такому повороту, конечно, не была готова.

— В Сибири тепла мало, а мороза много, — предупреждал Фармана дядюшка Халил на вокзале.

— Возвращайся с наградами, — напутствовал младший брат Маис, — как дедушка Сулейман.

— Не забывай нас! Приезжай!.. — глотали слезы мама и сестрёнка Амура.

2. КУЗБАСС – СУРГУТ

В Москве Салманов получил направление на место своей производственной практики, но теперь уже как дипломированный специалист.

— Хочу в экспедицию к старым друзьям, — заявил по прибытии в Новосибирск с порога Миронову выпускник бакинского института.

— Бурение в Среднем Приобье приостановлено. Экспедиция ликвидирована. Лагутин бурит в Кузбассе, — объяснил ситуацию Юрий Кузьмич.

Фарман был в растерянности. Он так стремился, и всё напрасно.

— На севере бурить дорого, — продолжал Миронов, — в Кузбассе — уголь, промышленность. Нужна нефть. Такие дела.

Совсем не на то рассчитывал Фарман. Но делать нечего, может, действительно, в Кемеровской области он найдет большую нефть.

На следующий день Фарман стоял на пороге экспедиции, ведущей буровые работы в Кузбассе. Она тоже находилась в Новосибирске.

— Поедешь на Воскресенскую площадь, — объяснял молодому специалисту начальник экспедиции Данилов. — Работы много. Работа интересная. Кузнецкий бассейн — как перед Аппалачами в Америке. Ещё Губкин писал. А там и уголь, и нефть.

«Может, кого из старых знакомых встречу», — надеялся Фарман.

Село Воскресенское находилось в 60 километрах от Кемерово. Шёл дождь, небо серое, дома скрюченные, под ногами чёрная грязь.

Начальник партии неприветливо встретил новобранца.

— Оставляй вещи, иди ищи, где жить будешь. До буровых отсюда развозка. Надолго приехал?

— Надолго.

— Ой ли? Зима настанет, сбежишь домой на юга. Видали мы таких!

Фарман отправился в село проситься на постой. Только к вечеру устроился в маленькую пустую комнату. Спал на полу в спальном мешке. Спасибо, выдали в конторе.

Утром пришёл на работу, представился. Знакомых никого не увидел. С первого дня новые коллеги с усмешкой посматривали на долговязого чернявого кудрявого, говорящего с сильным акцентом Фармана. По имени не называли. На ты и по фамилии либо, когда отчитывали, на вы и с приставкой «товарищ».

Бурили неглубокие колонковые скважины. Фарман в каждом деле старался показать свои знания и профессиональную выучку. Начальник искал промахи в работе и придирался. Новичок дерзко огрызался.

— Вы, товарищ Салманов, молодой специалист, вам положено ошибаться, — снисходительно похлопывал по плечу начальник партии Фармана, когда находил неточности в работе выпускника бакинского института.

— Ошибаться совсем не обязательно, ни молодому, ни старенькому, — огрызался Фарман.

Он сразу заработал себе репутацию упрямого дерзкого новичка. Старшие товарищи относились к нему, как старослужащие к новобранцу. Хорошую работу принимали молча, если был повод придраться — придирались.

На фоне не очень приветливого окружения в рабочем коллективе Фарман стал частым посетителем сельской библиотеки, где ему приглянулась молодая библиотекарша Октябрина, по-простому, Рина. Молодые встречались каждый вечер и довольно быстро расписались в сельсовете. В августе 1955 года у них родился сын Илья, будущий главный врач Нижневартовской городской больницы.

Заканчивались работы по неглубокому, метров 300-400, колонковому бурению, по результатам которого следовало выделить возможные локальные поднятия подземного рельефа и обосновать место заложения поисковой, километра два с половиной глубиной, скважины.

Начальник поручил новичку обобщить материалы колонкового бурения на площади и доказать место бурения основной скважины. Такую же задачу он поставил и перед группой старых опытных сотрудников. Не обращаясь ни к кому за советами, Салманов перелопатил результаты всех работ, построил итоговую карту и сделал вывод о том, что бурить глубокую скважину на нефть на Воскресенской площади не имеет смысла.

— Вы, товарищ Салманов, заскорузлый пессимист, — раздраженно процедил сквозь зубы начальник, просмотрев представленные Фарманом материалы. — Ваши выводы безответственны, — стал распаляться он. — Мы несколько лет на Воскресенской. А тут какой-то сопливый... Соберитесь с мыслями, юноша, переделайте!

— Как фокусник, что ли? — Фарман еле сдерживался, чтобы не наговорить

грубостей.

Начальник партии настрочил в Новосибирск письмо, в котором обвинил старшего геолога Салманова в создании нездоровой обстановки в коллективе и некомпетентности. В качестве доказательства к письму была приложена составленная Фарманом карта.

Приезжала комиссия, которая серьезно аргументацию молодого бунтаря не восприняла. Идея получения нефти всего в нескольких десятках километрах от Кемерово была заманчива, тем более, базировалась на заключениях маститых столичных специалистов.

Скважину заложили в 1956 году, закончили бурение в следующем. Результат отрицательный. Руководство экспедиции приняло решение о прекращении работ на площади и переезде на новое место — в район отрогов Кузнецкого Алатау.

Салманов не скрывал скепсиса и по поводу нового места работ. Его вызвали в Новосибирск.

— Опять письмо на тебя пришло, — показал на конверт Данилов, — расхолаживаешь коллектив перед переездом.

— Юрий Кузьмич, не будет там большой нефти! — взорвался Фарман. — Могу доказать!

— На Борисовской газ получили, ты же знаешь.

— Знаю, баню в поселке истопили. Дальше что?

— Ты не кипятись, — успокаивал его Данилов. — Мы тут обсудили в тресте... Все жалобы на тебя признали необоснованными, и старые, и новые. Больше скажу, — он сделал паузу, — решили предложить тебе возглавить коллектив на новом месте, — Фарман совершенно не был готов к такому повороту. — Будешь самым молодым начальником нефтеразведки, Фарман Курбанович, — с одобряющей улыбкой смотрел на него Данилов.

Такой ход руководства сработал. Салманов был доволен. Он прав, ему доверяют! Он победил своих недоброжелателей, становился руководителем, организатором! Неожиданное карьерное назначение затмило скепсис его как специалиста-геолога. На какое-то время.

* * *

Прежний начальник нефтеразведки сразу ушёл, забрав с собой таких же обиженных, как он, единомышленников. Вместо них в коллектив влились молодые ребята, недавние выпускники институтов и техникумов. Воодушевлённый свалившимся на него доверием Салманов с головой окунулся в новое для себя дело организатора производства. Он вступил в члены КПСС, без чего в то время невозможно было состоять на руководящей должности, занялся снабжением, бытом, дисциплиной, кадрами. Под его руководством работало 150 человек. Разыскал и пригласил опытного Виктора Лагутина, грозившегося изрешетить скважинами всё Среднее Приобье.

Нефтеразведка Салманова перебазировалась в Крапивинский район Кемеровской области — в деревню Ивановка. На восток от деревни — зелёная густая тайга, на запад, через реку — серые степи да редкие леса.

Начались работы. Результатов не было, как и на Воскресенской площади. Салманов отчаянно погрузился в работы, но в успех не верил. На бюро Крапивинского райкома КПСС так и сказал:

— Крупные месторождения нефти и газа в Кузбассе открыть вряд ли удастся. Мы напрасно тратим время и средства.

После заседания Фармана задержал секретарь райкома.

— По вашему заявлению, товарищ Салманов, мы напишем в обком, — раздраженно сказал он. — Это вообще чёрт знает что!

Через месяц в Ивановку прибыла комиссия.

— К заявлению товарища Салманова серьёзно относиться нельзя, — выступал сотрудник научного института. — Нефть и газ в Кузбассе есть. Пока непромышленная, но если есть небольшая нефть — значит, будут и крупные месторождения. Искать надо лучше.

— Прекращать поисковые работы на нефть и газ в Кузбассе — безответственные слова, — выступал представитель обкома. — Предприятиям Кемеровской области позарез нужно топливо.

— Газ на Борисовской площади — это только начало пути, — утверждал работник треста.

— Товарищ Салманов — слишком молод, неопытен, ему ещё надо многому учиться.

Салманов молчал. Только изредка вполголоса давал колючие комментарии на выступления членов комиссии.

* * *

В декабре 1956 года в Новосибирске в очередной раз обсуждали результаты работ.

— На конец года в Кузбассе всего пробурено 22 глубокие скважины на семи площадях, — докладывал Миронов. — Две довоенные скважины недобурены до проектного забоя и ликвидированы по техническим причинам. Двадцать глубоких скважин пробурено с 1949-го по 1956-й год. Максимальная глубина 2748 метров на Воскресенской площади. В глубоких скважинах получены незначительные газопроявления. В двух колонковых есть признаки нефти. Получены в прошлом году на юге в районе села Узунцы в скважинах 56-к и 445-к на глубинах 218-240 метров. Из керна были выделения в виде сгустков тёмно-коричевого цвета с зеленовато-жёлтым оттенком величиной с горошину.

— Надо перебазировать хотя бы одну нефтеразведку на север Тюменской области, в Приобье, — не выдержал Салманов, — в Сургутский или Ларьякский районы.

— Не перебивай, — нахмурился Миронов. — Ты, конечно, на свою партию намекаешь?

— Почему бы и нет, — не моргнув глазом, отвечал Салманов. — У нас и работники с опытом есть. Лагутин, например.

— Ты представляешь, во что обойдется государству твоя любознательность? — раздраженно бросил главный экономист.

— На пустые дырки в Кузбассе тоже много денег надо. Нефти нет, горошины не в счет.

— Покурскую скважину уже бурили в твоем Сургутском районе. Результат где? Работы свернули. Теперь по новой, что ли?

— Покурская недобурена по техническим причинам. Вы это не хуже меня знаете. Свертывание работ в Сургутском Приобье — большая ошибка.

— Ну, допустим, твоя идея правильная, а кто её «пробивать» будет, — спросил Миронов, — в Москве, в министерстве? Кто возьмет ответственность за переброску техники, оборудования, людей...

— В Березово газовый фонтан миллион кубов в сутки, — не унимался Салманов. — Четыре газовых месторождения открыли за четыре года. В Колпашево живая нефть. Один бассейн, одна провинция.

Собрание закончилось вроде безрезультатно, но через несколько месяцев Салманова по рации вызвал Данилов.

— Собирайся в дорогу. Полетим в Сургут, посмотрим возможности перебазировки. Это задание треста.

* * *

В середине мая Салманов с Даниловым летели вдоль Оби на самолёте Ан-2. Внизу бескрайняя пойма, протоки, старицы. Ни дорог, ни посёлков. Леса, болота, мелкие озера. Никаких признаков жизни от горизонта до горизонта.

— Ну что, как тебе райончик? — стучал по иллюминатору Данилов. — Как технику таскать будешь, где людям жить?

Салманов угрюмо молчал.

От аэродрома до посёлка три километра шли пешком. Единственную лошадь авиаторы отдали лесорубам. Автотранспорта, вездеходов у них не было.

Геологов встретил первый секретарь Сургутского райкома Виктор Бахмат.

— Охота, рыбалка, лесозаготовки, — рассказывал он про район. — Винограда, чая здесь нет, солнца мало, — с недоверием посматривал он на кучерявого азербайджанца. — Комары, мошка — это пожалуйста.

— На нефть тоже бурили у вас, — среагировал Салманов. — Я у Лагутина на буровой работал.

— Лагутин, да. Надеялись мы на него. Думали, найдет нефть. Помогали всем, чем могли. Резко всё свернулось, ликвидировалось, быстро уехали.

— Вернёмся, найдем нефть. Лагутин тоже вернётся, — сказал Фарман.

Данилов косо посмотрел на него, но не стал ничего говорить.

Ночевали в маленьком деревянном «Доме приезжих». Кровати стояли так близко, что едва можно было протиснуться между ними. Света не было, как и во всём посёлке.

Утром попросили проводника, лопаты, ломик и отправились до ближайших небольших горок, мимо которых проходили по дороге из аэродрома до посёлка. В центральной части низменности их не должно было быть. Секретарь райкома удивился просьбе, но прислал сотрудника, ханты по национальности, и они на лодке отправились до ближайших возвышенностей.

— Если коренные встретим, хана твоей нефти, — говорил Данилов, берясь за лопату.

Вырыли шурф, квадратную яму метра два глубиной, спустились, поковырялись в стенках — сплошная глина.

— Ледник притащил, — предположил Данилов. — Все остальные горки, надеюсь, тоже. Опять тебе повезло, Фарман, нефть искать можно.

На следующий день поехали выбирать площадку под базу будущей экспедиции. Место на окраине Сургута «зарубил» секретарь райисполкома.

— Вы тут временные, — сказал он. — Только испортите всё.

Выбрали другую площадку — пять гектар в поселке Чёрный Мыс, ближе к аэродрому. Получили разрешение от местных властей на её обустройство.

Ночь перед отъездом из Сургута Салманов и Данилов не спали. Обсуждали на дебаркадере «за» и «против».

— В Сургуте порта нет, — начал перечислять отрицательные стороны Данилов. — Только причал рыбозавода.

— На рыбокомбинате есть плавучий кран для разгрузки, — привёл свой аргумент Салманов.

— Директор — вредный мужик, говорит, геологи — цыгане, долго на одном месте не сидят. Говорит, нефть найдете — всю рыбу в Оби загубите. Завоз оборудования только по реке в летнюю навигацию. До железной дороги тысяча километров.

— Будем осторожничать, Пётр Иннокентьевич, — всё дело провалим. Надо рисковать.

— Не успеваем, Фарман. Кто нам баржи даст?

По возвращении в Новосибирск Данилов начал морально готовить трестовских к необходимости перегруппировки одной нефтеразведки из Кузбасса в Сургут.

Салманов приехал в Кемерово, зашел наудачу в управление малых рек.

— Баржи есть. Можем выделить через неделю, — неожиданно заявил начальник управления. — Но при одном условии. Они должны вернуться до наступления холодов.

— Гони быстрей, — торопил взбудораженный Салманов водителя по дороге в Ивановку. — Будем переезжать.

* * *

Фарман вернулся в Ивановку, рассказал про переезд, назначил общее собрание, радисту приказал отключить рацию.

— Под мою ответственность, — строго посмотрел он на инженера связи. — Никому ни слова.

Нефтеразведка собралась в красном уголке. Многие пришли семьями. Всех касалось.

— Продолжение разведки в Кузбассе считаю нецелесообразным, — начал Салманов. — Необходима перебазировка на Тюменский Север. Нас ждут большие открытия. Данилов поддерживает. Мы с ним летали в Сургут выбирать площадку под новую базу. Согласие от Сургутского райкома имеется. Не хватает формальностей, распоряжения высокого начальства. Будем ждать — год потеряем. Пока приказа нет, переезд — дело добровольное. Кто со мной — прошу записываться у секретаря. Призываю всех подумать, но только недолго. Дорога каждая минута.

— Ну вот, только обжились, и опять куда-то, — первым среагировал помощник бурильщика Вася Культяев. — Почему мы-то? Всё бросать — и непонятно куда?

— Вася, можешь оставаться, силой тебя никто не тащит, — крикнул с места дизелист Кеша Дёмин, — Фарман Курбанович, черт с тобой, записывай нас с Машей.

— Нас с Валей тоже, — выкрикнул слесарь Шульгин, — мы уже обсудили.

— За большой нефтью — хоть на Луну, — крикнул молодой Адейкин.

— Мы с Вассой... — поднялся плотник Евдокимов, но был посажен недовольным окриком супруги.

— Куда собрался? Алёшке в первый класс нынче.

— С баржами я договорился. Придут со дня на день. Разборные дома будем разбирать, технику загружать, — распоряжался Салманов.

Сразу после собрания записались два десятка семей добровольцев. Когда прибыли баржи — ещё столько же.

Но многие отказались. Среди них и старший прораб по бурению и, что самое неожиданное, Виктор Лагутин.

Началась подготовка к перебазировке. Готовили технику и оборудование, разбирали брусчатые домики. Крана не было, поэтому погрузка шла тракторами, использовали плоты и тросы.

На третий день погрузки к Салманову подбежал запыхавшийся старший бухгалтер Терехов.

— Главбух с экспедиции меня нашел по междугородке — ругал за то, что рация у нас не работает, — говорил он сбивчиво. — Я ему про оплату барж начал — он ни-

чего такого не знает — пошёл выяснять. Потом перезвонил. Немедленно прекратите партизанские действия, говорит. Меня тоже грозится наказать за нарушение финансовой дисциплины.

— Поздно отступать, товарищ Терехов, — ответил Салманов. — С этой бюрократией год потеряем.

— Неустойку придётся речникам платить.

— Ты что, передумал? Остаёшься?

— Нет, не передумал. Пропадать, так с музыкой. Ты начальник — тебе первому достанется.

Вечером 18 августа 1957 года караван катеров и барж провожала вся Ивановка. За начальника оставался Лежнин.

— Обживётесь на севере — нас перетаскивайте, — тихо сказал он. — Желающие найдутся, я первый.

— Отдать швартовы, — прозвучало в мегафон.

Караван тронулся в новую неизведанную жизнь. Добровольцы высыпали на палубу и махали руками. Они были возбуждены. С Фарманом была его супруга Октябрина и двухлетний сын Илья. Оставшиеся со смешанными чувствами махали руками им в ответ. Женщины плакали. И на баржах, и на берегу.

На третьи сутки караван подошел к Томску. Салманов вышел на берег, чтобы выехать в Новосибирск и лично доложить о начавшейся перебазировке.

В управлении наткнулся на начальника связи.

— Явился! — возмутился тот. — Что у вас там со связью? Неделю от вас никакой информации. Что у вас происходит?

Салманов понял, что никто ничего не знает.

— Юрий Петрович сегодня опять про вас спрашивал, — встретила Фармана секретарша, — хотел сообщить, что вашу разведку в Сургут перебазировать не будут. Они там все собрались. Доложу, что вы приехали.

— Что у вас там стряслось? — увидев Салманова, закричал Номикосов. — Ни по рации, ни по телефону связи неделю нет. Тебя устно предупреждаю, а инженера связи вашего сегодня приказом снимаем с должности, — Салманов молчал, не зная, с чего начать. — Вашу разведку мы перебрасываем на Борисовскую площадь. Срочно перебазируйтесь. Ожидаем большой кузбасский газ...

— Поздно, Юрий Петрович, — решился Салманов. — Техника, оборудование и часть людей баржами идут на север, в Сургут.

— Кто разрешил? — закричал начальник.

— Ты с ума сошел, Салманов, — постучал пальцем по виску Данилов. — Что за махновщина?!

— Средств на перевозку никто не выделял, товарищ Салманов, — включился в разговор главбух.

— Средства выделены на разведку нефти в Кузбассе, Сургут в другом регионе, — добавил начальник планового отдела, — это вообще подсудное дело. Поворачивайте ваш караван обратно.

— Пётр Иннокентьевич, — отбивался Салманов, — мы же площадку с вами выбрали под экспедицию, получили от Сургутского райкома разрешение...

— Разрешение может только министерство дать, — ответил главбух.

— До конца года надо освоить несколько миллионов рублей, — повернулся к нему Салманов. — Тратить их в Кузбассе не имеет смысла! Там нефти не будет!

После эмоциональной перепалки Номикосов объявил перерыв, пригласив к себе в кабинет Данилова и Салманова.

— Ой, заварил же ты кашу, товарищ Салманов, — качал головой Номикосов. — Как расхлёбывать будем?

— Перераспределение средств внутри экспедиции можно провести на уровне новосибирского управления, — предложил Салманов.

— Делаем так, — после небольшой паузы сказал начальник. — Задним числом готовим приказ о частичной перебазировке в Сургут. Создаём участок работ. Ты, Фарман, доводи свой караван до Сургута. Разгружайтесь, устраивайте людей, готовьтесь к зиме. Будь всё время на связи. Не как на прошлой неделе. Хватит уже партизанить. Другие разведки тоже будем постепенно перебазировать из Кузбасса. Чтобы тебе не скучно было.

* * *

Караван катеров и барж дошел до Сургута. Скоро к нему присоединился Салманов с молодым геологом Евграфом Тепляковым, которого он сагитировал в Александрово. Прибыло ещё несколько молодых спецов.

Баржи разгружали в авральном круглосуточном режиме. Участвовали все — и

работники, и жёны-домохозяйки. Поселились на речном вокзале, потом в съемных комнатах у местных жителей.

Договорились об аренде здания под контору и части складов под грузы. Организовали приём на работу местных жителей. Человек пятьдесят устроили, сформировали бригады плотников, начали строить дома.

Пилораму двумя тракторами не смогли дотащить, бросили на полпути. Где застряли — там и смонтировали. Собирали привезённые с собой разборные дома, строили новые из кругляка сосны площадью 40 квадратов. Две жилые комнаты, кухня, прихожая, сени. До нового года своего дома ни одного не построили. Когда появились первые дома — вселялись по две семьи. Тепляков жил на постое у тёти Фени на кухне вместе с курицами, которых заносили в дом на зиму. Строили электростанцию, детский сад, магазин, производственные помещения.

* * *

В конце октября Салманов выехал по маршруту Новосибирск — Кемерово — Ивановка — Крапивино. В Новосибирске обсудили планы работ и снабжения, в Кемерово Фарман встретил механика из своей партии, который предупредил бывшего своего руководителя о намерении райкома исключить его из членов КПСС и возбудить уголовное дело.

В Ивановке Салманов решал вопросы передачи нефтеразведки, встретился с ребятами, которые собирались переезжать с ним в Сургут. Некоторые даже личные вещи отправили с первым караваном.

— Не пускают, — пожимал плечами слесарь Рогинский, секретарь парторганизации. — С партийного учета не снимают.

Узнав о появлении Салманова в Ивановке, его вызвали на бюро райкома в Крапивино.

— Товарищ Салманов, вы без приказа и согласования перевезли людей и оборудование в другую область. Вывезли из посёлка сборные дома, тем самым лишили жилья тех, кто не пожелал участвовать в вашей авантюре, — начал заседание представитель аппарата райкома. — Хищение социалистической собственности в особо крупных размерах, как минимум. Но для начала мы поднимем вопрос о членстве товарища Салманова в КПСС. Какие будут мнения?

— Исключить, — сказал кто-то. — Таким не место в партии.

Салманов не ожидал таких обвинений и растерялся.

— Что же вы молчите, товарищ Салманов? — включился в разговор представитель обкома из Кемерово, приехавший в район совсем по другому делу.

— Перебазировка в Сургутский район санкционирована руководством треста, — начал Салманов. — Решается вопрос об усилении работ в Сургутском Приобье. Мы предполагаем открытие там крупных нефтяных месторождений. Использование западносибирской нефти для предприятий Кемеровской области лучше, чем везти её из Поволжья. Решение принимал после тщательного анализа результатов работ.

— Кемеровский обком партии держит под контролем работы на нефть и газ в Кузбассе, — начал свое выступление представитель областной власти. — Серьёзных результатов нет. Моё предложение — снять Фармана Курбановича с партийного учета и пожелать удачи в поисках сибирской нефти. Газовые месторождения в Тюменской области уже есть, — вам, товарищ Салманов, открывать нефтяные. Мы на вас надеемся.

После этих слов представителя областной власти теперь уже растерялись аппаратчики Крапивинского райкома. План наказания Салманова был провален. Они были вынуждены снять его с партийного учета и отказаться от передачи дела для судебного разбирательства.

* * *

К лету 1958 года в поселке геологов на Чёрном Мысу построили здание конторы, гараж, мастерскую, новые дома. В начале июня в семье Салмановых родилась дочь Татьяна, будущий судья районного суда города Томска.

Открылась навигация, и по Оби в Сургут было отгружено буровое оборудование — четыре комплекта станков. Однако дальше Александрово их не пропустили. Салманов в срочном порядке вылетел туда на гидросамолете.

— Обское пароходство может доставлять грузы только до Верхневартовска, — объяснял Фарману начальник пристани. — Дальше — Тюменская область. Там своё пароходство.

— И вы четыре дня держите станки только по этой причине?

— Перегружайте на баржи тюменского пароходства.

— Оборудование тяжёлое, неужели без этого не обойтись?

— Есть определенные правила.

— Вы вредительством занимаетесь! — закричал Салманов. — Не будем перегружать!

— Никуда не денетесь! Не вы первый, не вы последний.

Салманов отыскал почту, написал на телеграфном бланке слово «Молния» и отправил на адрес: «Москва. ЦК КПСС. Товарищу Аристову». В телеграмме была изложена просьба о содействии в преодолении бюрократических барьеров. Аверкий Борисович Аристов был членом Президиума ЦК КПСС и ещё недавно под его контролем были органы МВД и госбезопасности страны. Теперь он курировал тяжелую промышленность, включая геологоразведку. Фарман метал глазами молнии, напугав работников почты, которые в своей жизни таких телеграмм никогда не отправляли.

Ответ из Москвы пришел очень быстро, и начальник пристани пропустил баржи в Сургут.

* * *

Следом за партизанским Салмановским десантом последовали уже организованные и санкционированные трестом перебазировки из Кемеровской области в Сургутский и Нижневартовский районы Тюменской области. Шли баржами по Оби. Шли неделями. Люди жили в трюмах, сверху на палубах — буровые установки, трактора, оборудование. Женщины с детьми плыли на катерах. С собой везли кровати, постельное белье, одеяла, посуду.

На острове Солкино на Оби прибывший десант строил шалаши из жердей, накрывали их сухой прошлогодней травой. Расчищали площадки под строительство. Разгружали баржи. Собирали дома.

В Локосово поселились в школе, пока занятия не начались, в комнатах на постое у деревенских жителей, в палатках. Корчевали деревья, мостили тротуары. Монтировали дома, штукатурили, собирали печи, в основном из металлических бочек, которые нещадно коптили. Когда построили бараки, жили в них по несколько семей. Появился первый автомобиль ЗИС-151, и водитель Иван Волков катал на нём по деревне местных ребятишек — не мог отказать. Те, кроме лошадей, раньше ничего такого не видели.

В деревнях строили бараки под склады, мастерские, котельные, электростанции. Электроэнергия подавалась на электросварочные работы, освещение домов, производственных помещений и улиц.

В поселках геологов появились гаражи и кузницы, магазины и бани. Бесперебойный сигнал радиосвязи был налажен с Новосибирским геологическим управлением, внутренняя связь между участками тоже была. Сводки передавали ежедневно.

Когда баржи с оборудованием прибыли в Сургут, началась их разгрузка, перевозка и установка на точки. В буровых бригадах катастрофически не хватало людей. Салманов отправил телеграмму Виктору Лагутину. В красках разрисовал, что не хватает опытных кадров и что он нужен и его очень ждут. Через неделю пришёл ответ: «Еду семьей. Со мной семь человек буровиков».

Монтировали буровые вышки и бурили, испытывали, получали слабые нефтепроявления. Буровые разбирали, перевозили на новые места, бурили, испытывали. Промышленной нефти не было.

Салманов до участков бурения добирался на запряжённом в сани молодом красавце-скакуне Казбеке.

* * *

До 1959 года Тюменская область была поделена на зоны влияния по 72 меридиану. К западу работали тюменцы, к востоку — новосибирцы. Сургутская нефтеразведка подчинялась Новосибирскому геолуправлению, но территориально находилась в Тюменской области, партийное руководство которой внимательно следило за тем, что там делается.

На очередном заседании пленума окружкома у секретаря тюменского обкома КПСС Протозанова неожиданно вырвалось:

— Знаем о проблемах Сургутской нефтеразведки и по большому счёту считаем её своей.

После заседания у Бахмата была назначена встреча с партийным руководителем области.

— Как идут дела в Сургуте? — спросил Салманова секретарь.

— Никаких дел, можно сказать, нет. Пароходство баржи не даёт, Уралмаш два станка недогрузил, Уральское управление гражданской авиации отклоняет заявки.

— Почему?

— Говорят, вы Новосибирску подчиняетесь. Там своя авиация есть.

Протозанов всё записал.

— Готовьте телеграммы на Омское пароходство и в Свердловский обком, — сказал он. — Мы поддержим. Будете в Тюмени — заходите. Держите меня в курсе дел. Готовим докладную записку в ЦК об увеличении объёма геологоразведочных работ в области.

При следующей встрече с Протозановым уже в Тюмени Салманов заявил:

— Александр Константинович, никто из Новосибирского геолуправления ни разу не приехал в Сургут. Дельного руководства и оперативной помощи от них не имеем. Считаю, что для пользы дела Сургутскую экспедицию надо подчинить Тюменскому управлению.

— Согласен, — ответил Протозанов, снял трубку и позвонил Эрвье. — Знаешь Салманова? Сейчас он к тебе подойдет. Переговори с ним.

В кабинете Эрвье Салманов повторил свою идею о переподчинении Сургутской нефтеразведки Тюмени:

— Протозанов — за.

— Мы тоже. Новосибирцы будут против на всех уровнях — не сомневаюсь.

Когда Салманов приехал в Новосибирск, в управлении уже всё знали.

— Нам звонили из Москвы, — сказали ему в одном из кабинетов. — Намереваются передать все геологоразведочные предприятия Среднего Приобья Тюмени. Вы, Фарман Курбанович, постарались? — собеседник был раздражен. — Я тебя породил, я тебя и убью, говорил по такому случаю Тарас Бульба, — зловеще пошутил он.

— Погодите с убийством со своим, — ответил Салманов, — дайте авиацию. Все работы срываете.

В начале марта 1959 года в Сургут прилетел Протозанов. На конных санях они с Бахматом и Салмановым отправились на Пимский участок в 75 километрах от Сургута. С одной стороны — непроходимая тайга, с другой — широченная закованная льдом Обь и бесконечная заснеженная пойма.

Было холодно. Время от времени спрыгивали с саней и бежали за ними, чтобы согреться.

— Давай быстрее нефть находи, Фарман, — кричал на бегу руководитель области. — Вырастут города, проложим магистрали. Чтобы нашим внукам за санями так не бегать.

* * *

События разворачивались стремительно. В начале мая Салманова и Бахмата срочно вызвали в Тюменский обком. Специально прислали вертолёт, который забрал их в Сургуте и доставил в Ханты-Мансийск. На другом вертолёте вместе с окружными властями они долетели до Тобольска, где их ожидал Ан-2, который к вечеру доставил делегацию в Тюмень.

Встречающий работник обкома отвёл в сторону Салманова.

— Как устроитесь в гостиницу, зайдите к Протозанову.

Через час Салманов был у него.

— Завтра секретарь ЦК Аристов проводит совещание с геологами. Готовьтесь к выступлению.

На совещании выступали Эрвье, известный нефтяник Бакиров. Ближе к концу заседания слово дали Салманову.

— Сургутское Приобье изучено очень слабо, — докладывал он. — На территории 350 тысяч квадратных километров бурится всего две скважины. Недостаточный объём бурения — главная причина того, что нет открытий промышленной нефти. Нехватка оборудования, запчастей, проблемы в снабжении топливом приводят к нарушению сроков работ. До Новосибирского управления добираемся через Тюмень.

Аристов жестом остановил докладчика.

— Нужно передать Сургутскую нефтеразведку Тюменскому управлению, — сказал он.

— Сургутский и Нижневартовский районы Тюменской области живут по новосибирскому времени, — продолжал Салманов. — Это мешает оперативности.

Через несколько недель после совещания в этих районах перешли на тюменское время. Началась волокита, связанная с переподчинением экспедиции.

Перебои в снабжении переросли в полное его прекращение. Шла бесконечная бюрократическая переписка.

Некоторые не выдерживали. Написал заявление об уходе один из ближайших соратников, заместитель начальника экспедиции, который был одним из организаторов и вдохновителем переезда в Сургут.

— Что случилось? — удивился Салманов. — Что-то в семье?

— Да нет.

— Что тогда? Выкладывай.

— Знаешь, Фарман, когда из Ивановки уезжали — не жалел, большое дело затевали, цели были понятны. Два года прошло, и опять! Сейчас-то какие цели у тебя были на поклон к соседям идти? Пользы никакой, один вред. Из Новосибирска снабжение почти прекращено. Работа вся стоит. Скоро приедут станки с баланса на баланс переписывать по твоей милости. Не могу на это спокойно смотреть. Подпиши заявление, — Салманов молчал. — Торопишься, Фарман Курбанович. Чужой каравай приглянулся?

Фарман быстро обмакнул ручку в чернильницу и подписал. Бывший соратник ушёл. Салманов ещё долго сидел в одиночестве, уставившись в одну точку.

* * *

В июне 1960 года в Шаиме, на западе Тюменской области, открыли долгожданную большую нефть. Начальник экспедиции Шалавин сообщил в радиограмме о нефтяном фонтане в скважине Р-6. Точный дебит определить было невозможно, и он передал его на азербайджанском: «Ики юз али — уч юз». Эрвье всё понял — 250-300 тонн в сутки. Шалавин не верил своим глазам, не хотел сглазить. Салманов радовался и завидовал. Ведь это он хотел быть первым.

К концу 1960-го года в Западной Сибири было открыто восемь газовых и два нефтяных месторождения, все — в западной части. Именно там планировали увеличение объёмов работ, всё внимание туда. Финансисты ругали сургутян за повышенные стоимости бурения: «Глубины скважин в два раза больше, чем в Шаиме, а результатов нет». Некоторые представители науки доказывали, что геологические условия не позволяют ожидать открытий в этом районе. Коллеги из западных экспедиций предлагали перекинуть буровые станки из Сургутской экспедиции для усиления работ в своих районах. Звучали призывы расформировать Сургутскую экспедицию. Многих её работников приглашали на работу в Шаим.

* * *

С Мегионской скважиной связывались каждый час. Не покидало будоражащее всех предчувствие. Возможно, последний шанс.

Радист Володя Жданов принимает радиограмму. Фарман читает вслух: «Салманову. Произвели перфорацию. Подготавливаем к спуску. Высочинский. Тепляков».

Уже поздно. Все, кроме радиста, расходятся по домам, Салманов тоже. Ночью раздается сильный стук в дверь. Входит Жданов. Говорить не может, дрожащей рукой протягивает радиограмму: «Салманову. Скважина фонтанирует чистой нефтью дебитом 200 тонн. Высочинский. Тепляков».

Бегом на радиостанцию. Там уже полно людей. Все обнимают друг друга. Середина ночи. Салманов звонит в Тюмень на домашний телефон начальнику управления Эрвье.

— Поздравляю тебя и весь коллектив! — говорит Эрвье. — Обеспечьте безопасность работы.

Начались звонки из Тюмени и Ханты-Мансийска. Приехали первый и второй секретари райкома. Скоро уже утро 21 марта, в Азербайджане — Навруз байрам, праздник весны.

Утром Салманов отправил три телеграммы. Первую — в Баку, в институт, Михаилу Владимировичу: «Дорогой мой учитель, наконец-то в центре Западной Сибири на Мегионской площади из меловых отложений получен фонтан нефти. Подтвердилась идея нефтеносности центральной части. Поздравляю Вас как одного из основателей советской геологической науки, друга и соратника Ивана Михайловича Губкина. Ваш Фарман Салманов».

Вторую телеграмму он отправил в Тюмень учёному-скептику, третью — в Москву чиновникам-скептикам. Текст был один и тот же: «Мегионе получен фонтан нефти дебитом 200 тонн. Вам это ясно? Приветом Салманов».

Через полгода зафонтанируют скважины в районе деревни Усть-Балык. Тогда Фарман направит телеграмму руководителю страны Никите Хрущеву: «Я нашел нефть. Вот так. Салманов».

Послесловие

В 1966 году, когда Салманову придёт сообщение о присвоении ему звания Героя Социалистического труда, он первым делом вспомнит дедушку Сулеймана и его боевые награды.

В 1978 году Фарман Курбанович возглавит 120-тысячный коллектив тюменских геологов, в 1987-м его назначат первым заместителем министра геологии СССР.

Сергей ЮРЬЕВ, Ольга ЧЕРКУНОВА

САГА О ГРАВЕЛЕ
И ТРОЦКИСТСКОМ ЗАГОВОРЕ

Дела не так давно минувших дней

(Журнальный вариант)

Жил человек по имени Александр Гравель, отца его звали Иосифом, и происходил он из Днепропетровской области. В период описанных событий ему было около 36 лет, имел он супругу и четырех детей. Имел револьвер системы Нагана, два карманных пистолета, малокалиберную винтовку и охотничье ружье, а также клинок, именуемый «бебутом». И служил он конунгу Иосифу Грозному, числясь в дружине сначала у ярла Генриха Ягоды, потом Николая Йигельсона, а затем Лаурентия Берий, в хирдах Иосифа Вепря, Бориса Цигельмана по прозвищу Борин, а потом Александра Вульфа. Чтобы сказать, кто был следующий его хирдман, надо крепко подумать и освежить память рогом доброго меда, вдруг это поможет. В хирде указанных мужей он был далеко не первым, но и не последним из воинов, и о них тоже будет рассказано, как и о тех, кто пытался попробовать на излом доблесть хирдманов.
Не все из пытавшихся ушли живыми, и не о всех осталась память, ибо было их столько, что память ни одного скальда не вместит.
Так или приблизительно так записали бы сей рассказ в старой Исландии. Авторы, хотя и родились на берегу залива (правда, это не фьорд, а Цемесская бухта), почитают себя не связанными правилами, обязательными для скальдов, и расскажут документальные истории, и будут надеяться, что сие не причислят к «лживым сагам», когда прочтут.

Интерлюдия первая

ПОЭМА О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ В РЕШЕТИЛОВКЕ
в четырех протоколах, одном постановлении и многих поллитрах

История началась, как и многие, так:
«По заснеженной пустыне ехал полк в одной машине,
Нам не страшен серый волк! Мы — кадрированный полк!»

Разумеется, это, как и всякий народный армейский фольклор, некоторое преувеличение, но какая разница — Решетиловский район летом или пустыня Муюнкумы зимой! Читатель ведь не пробует своим организмом соответствие носимой формы и окружающей погоды. Он просто читает.

Насчет полка в одной машине тоже есть основания считать все близким к тексту. Иначе как в одной точке пространства оказались начштаба 25 стрелковой дивизии имени Чапаева, командир одного из трех стрелковых полков и батальонный комиссар из другого полка? И эта точка — не Ленинский уголок в дивизии и не буфет в Доме Красной армии на революционные праздники. Собственно, в территориальной дивизии полковников-то может оказаться не сильно больше двух.

Машина ехала, ехала, и оказалось, что с бензином все неблагополучно и он вот-вот кончится. А в далеком 1937 году ситуация отличалась от современной, когда выезд из города может украшать сразу три заправочных станции — выбирай, где меньше разбавляют. Тогда же во всем районе могла быть одна нефтебаза, где просто так и не заправишься. Нужны всяческие ордера, фонды, лимиты и пр. ныне малознакомые народу вещи. Поэтому если нет фондов, лимитов и прочего, то никак и не заправишься. Тогда шофер или тракторист (у которого был бензиновый пускач) шел к начальнику и говорил, что надо бы, а то без никак (это если выбросить простонародные выражения). И начальник отрывал седалище от стула и старался выбить сверхплановые или получить положенные фонды на ГСМ.

Машины 25 стрелковой дивизии вряд ли были приписаны к здешней базе, но товарищи из нее знали волшебное слово, при помощи которого может открыться заветная дверь. Слово это тайное, поэтому авторы его не назовут, а пояснят, что надо обратиться к местной власти, она может и помочь родной армии, невзирая на всякие там документы учета и передачи ГСМ.

Оттого машина, экономя остатки бензина, стала искать дом секретаря Решетиловского райкома партии товарища Кривошеева. Видимо, топливо подходило к концу, но машина еще не останавливалась и не глохла. Секретарь райкома был дома и что-то праздновал. Возможно, приход гостей, часть которых он знал лично. Впрочем, об обстоятельствах дела имеются существенные разногласия, и сходство показаний начинается с того, что в доме шла пьянка и на ней обсуждали новости. Вот как — это читатель увидит дальше.

Для удобства восприятия авторами слегка препарированы протоколы допросов, имеющиеся в деле товарища Матюхина. Препарирование проведено с целью выделить главное по теме.

10 июня 1937 года оперуполномоченный Полтавского управления НКВД и Особого отдела 25 дивизии Куликовский допросил в качестве свидетеля Кривошеева Федора Дорофеевича, родившегося в 1891 году в селе Бодаква Лохвицкого района, живущего в селе Решетиловка, являющегося гражданином УССР. Секретарь райкома партии, соцпроисхождение — рабочий. До революции — батрак, после нее — рабочий. Состав семьи — жена и сын 11 лет. И поведал он следующее:

«4 июня я возвратился с партийного съезда. В выходной день 6-го числа часов в шесть-семь вечера ко мне на квартиру заехали командир 73 полка полковник Матюхин, которого я хорошо знаю, с другим военным, тоже полковником, я видел его впервые. Матюхин отрекомендовал его начальником штаба дивизии. Помполита 74 полка я хорошо знаю, но не помню, был ли он. Может, и был. Матюхин мне сказал, что они направляются в лагеря, но решили заехать ко мне, так как у них заканчивается бензин и надвигается дождь. Мы пообедали, и после выпивки я задремал тут же у стола, поэтому я не помню, что было под конец вечера. Матюхин и Зеликов продолжали пить... Да, я говорил за столом, что Якир, Тухачевский, Эйдеман, Рудзутак оказались врагами и арестованы. Матюхин и Зеликов на мое сообщение об аресте высказали удивление, как такие большие люди оказались врагами. Киборта я не помню, был ли он. В моем присутствии никто сожаления об аресте Тухачевского и др. не выражал и не возмущался. Возможно, что это было, когда я спал. Повторяю, что в моем присутствии Матюхин не возмущался арестом Тухачевского и Якира. Признаю, что я совершил большую и грубую ошибку, когда разболтал известные мне как депутату съезда секретные сведения».

Из протокола допроса свидетеля Зеликова, полковника, начальника штаба 25 стр. дивизии, из крестьян-бедняков, беспартийного:

«6 июня 1937 года я и командир 73 полка полковник Матюхин выехали из Полтавы в лагерь Ереськи. По дороге, ввиду ненастной погоды, задержались в Решетиловке и, по предложению Матюхина, выехали к секретарю РК тов. Кривошееву. К нему на квартиру явились в 7 часов вечера. Кривошеев нас принял и предложил посидеть. Разговор об аресте Якира, Эйдемана поднял сам Кривошеев при следующих обстоятельствах. Он спросил: «Слышали ли вы новость?» И затем сказал, что на съезде говорили и в Киеве известно об аресте Якира и Эйдемана. Для нас это было неожиданностью. Матюхин интересовался мотивами ареста, на что Кривошеев сказал, что Якир арестован как шпион. Матюхин при мне, узнав, что Якир оказался шпионом, очень возмущался, что, мол, Якир из вождей оказался подлецом. Сожаления об аресте при мне Матюхин никакого не высказывал. Я уехал раньше, в квартире оставались Матюхин, Киборт и Кривошеев. Какой разговор они вели, мне неизвестно. Матюхин остался ночевать в Решетиловке у Кривошеева».

Из протокола допроса Киборта:

«1937 года июня 11 дня я, оперуполномоченный Полтавского управления НКВД и Особого отдела 25 дивизии Куликовский, допросил в качестве свидетеля Киборта Анатолия Францисковича, уроженца города Либава (Латвия), батальонного комиссара 74 стрелкового полка 25 дивизии, из рабочих. Киборт показал:

«6 июня я ехал с грузовой машиной, и в результате около с. Решетиловка не хватило бензину. Я решил зайти к знакомому секретарю РПК Кривошееву, достать через него бензину. Зайдя к нему на квартиру, я застал уходящего оттуда начштаба дивизии Зеликова и командира 73 СП Матюхина, разговаривающих в передней комнате, и оба пьяные. Зеликов сразу расспросил о дороге, попрощался и уехал в лагерь Яреськи, а Матюхин тут же взял меня под руку, отвел в угол и говорит: «Скажи, товарищ Киборт, для чего нас так обижают?» Тут он стал говорить таким плаксивым тоном, продолжая: «Ты знаешь, Якира посадили в тюрьму! Тухачевского посадили в тюрьму! Ну поче-

му!» И начал чуть ли не плакать и говорить: «Пойдем!» Повел меня в другую комнату и предложил выпить водки, налив в стакан. Я отказался, сказав, что нет желания и мне нужен бензин. Когда в передней комнате мне говорил Матюхин про арест Якира и Тухачевского, меня поразил не сам факт ареста, о котором я впервые слышал, а тон, плаксивый тон, сожаление и даже протест, хотя и пьяного, Матюхина. Войдя в другую комнату, я увидел на столе водку, вино, закуску. И, кроме того, за столом, облокотившись, спал секретарь РК Кривошеев. Разбуженный, Кривошеев оказался сильно пьяным, даже сильнее, чем Матюхин. С трудом узнав меня, продолжил рассказывать: «Якира посадили в тюрьму, Тухачевского посадили в тюрьму, Эйдемана тоже, кандидата в члены Политбюро Рудзутака посадили». Кривошеев, будучи сильно пьяным, повторял это несколько раз беспрерывно, причем этот рассказ слышала и работница, которая подавала на стол. Я также установил, что Кривошеев поведал это пьяному начальнику штаба дивизии Зеликову, т.к. Матюхин сказал, что когда об этом сообщили Зеликову, то он изменился в лице и побледнел. Повторяя несколько раз об аресте Якира и других, Кривошеев бросил выражение: «Вот вы, военные, не знаете, а мне известны все военные тайны, я все знаю». После чего Матюхин заявил, как бы раздумывая: «Как цветы, скосили!» Если Кривошеев возмущался по поводу этих врагов, то Матюхин ни разу не выразил возмущение насчет этих врагов. Я с большим трудом достал распоряжения о заправке моей машины и уехал. Матюхин остался ночевать».

17 июня Матюхин был арестован.

Выписка из протокола заседания партийной комиссии 25 стрелковой Чапаевской Краснознаменной ордена Ленина дивизии от 22.06.1937 (начальнику ОО 25 СД):

«Слушали конфликтное дело. Суть дела:

Матюхин Николай Максимович, командир 75 стрелкового полка, будучи выпивши, своими заявлениями по поводу ареста изменников и шпионов был разоблачен. А именно: на квартире у секретаря Решетиловской РПК беспартийным начальником штаба 25 СД была организована выпивка, на эту выпивку случайно натолкнулся член ВКП(б) товарищ Киборт, которому Матюхин, соболезнуя, рассказал: «Киборт, зачем нас обижают, зачем армию обижают, арестовали лучших людей, цвет армии — Тухачевского, Якира и др». Таким заявлением Матюхин противопоставил себя партии, правительству и рабочему классу, встав на позиции открытых врагов, щпионов и изменников. Совершенно не случайным было, что на протяжении командования полком и пребывания в дивизии проводил враждебную практику работы (см. протокол ДПК от 11 июня №10). Разбор дела проводился заочно, ввиду ареста Матюхина сотрудникам НКВД.

Постановили: за контрреволюционный троцкизм, соболезнование по аресту изменников, шпионов и враждебную практику работы — Матюхина Н.М. из партии исключить.

Отсекр. ДПК-25 старший политрук Михеев».

В этот же день Матюхин давал показания следствию и на вопрос об участии в заговоре ответил, что он свое участие категорически отрицает. На что следователь заявил, что у него имеются сведения о разговорах Матюхина на квартире у товарища Кривошеева, поэтому пусть Матюхин пояснит, как может советский человек сожалеть об аресте заговорщиков. Матюхин пояснил:

«Я никакого сожаления к арестованным Тухачевскому и др. не высказывал, а также и протеста то же самое. Будучи 6.06.1937 в квартире секретаря Решетиловского райкома КП(б)У Кривошеева вместе с начальником штаба 25 СД Зеликовым, узнали от Кривошеева об аресте Тухачевского и пр. Причем все высказывали свое возмущение против Тухачевского и др., я даже ругался площадной бранью и говорил, зачем они нас, гады, обижают. Причем я был тогда вполне опьянелым».

Далее следователь еще раз указал на то, что подследственный уклоняется от дачи правдивых показаний.

«Нет, я не уклоняюсь, я высказывался против Тухачевского».

Матюхин еще месяц содержался под арестом в Полтаве и показаний о своей враждебной деятельности не давал. Потом он был переведен в Харьков, где признался во всем. 5.10.1937 Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

В сентябре 1937 года был арестован Зеликов. К сожалению, его дело было переслано в Калужскую область, а оттого недоступно. Но, насколько авторы поняли из ссылок в других делах, следствие затянулось, а на заседании Военной коллегии ВС Зеликов категорически отрицал предъявленные ему обвинения и был освобожден.

Сведений о двух других участниках заговоро-водочной эпопеи у авторов пока нет.

Возможно, читателей интересует, почему это товарищи в Решетиловке разболтались и доболтались, но авторов — нет, не интересует. Люди пьют, болтают то, чего не стоило бы говорить, а наутро не помнят, что в пьяной поножовщине в квартире

погибли двое. Что гражданин в пьяном виде пошел на пруд с лебедями стирать белье и вступил с лебедем в рукопашную схватку. И утащил с работы множество керамических труб, которые ему даром не нужны, но за которые он сядет на семь лет. Таких историй хватит на пару томов. Поэтому мы закончим этот рассказ словами из песни: «Посадили в тюрьму! Почему? Не пойму!»

История первая

ДЕЛО КОМИССАРА АМЧЕСЛАВСКОГО

В этом рассказе будет достаточно подробно описана технология следствия, а также будет немного сказано, насколько хорошим следователем был Гравель. Дело товарища Амчеславского дошло до Военной коллегии Верховного суда, там данные следствия были подтверждены, вынесен расстрельный приговор. Попытки подследственного задействовать Мехлиса на помощь себе не увенчались успехом. Жена его писала и Мехлису, и в прокуратуру СССР, возможно, даже Сталину, но без эффекта. Дело было пересмотрено только после 1956 года, когда «военно-фашистский заговор» оказался несуществующим. Сначала были реабилитированы Тухачевский, Якир и Уборевич, а потом процесс пошел и ниже. Товарищ Амчеславский тоже был реабилитирован.

События относятся к тому периоду, когда Гравель на некоторое время был направлен в город Кременчуг, где занялся контрразведывательной работой. Город сей соперничал с Полтавой по благоустройству, культурному развитию, промышленнности, ну и воинских частей там тоже хватало. В 1927 году это были 75 стрелковый полк 25 Чапаевской дивизии, 25 артиллерийский полк и 25 саперная рота этой же дивизии (штаб дивизии размещался в Полтаве), вещевой склад УВО в Крюкове, продовольственный склад, артиллерийский склад №27, 12 отдельный местный стрелковый батальон, гарнизонная хлебопекарня, 18 строительный участок, конвойный отряд ДОПР, продовольственный магазин (не исключено, что он и продовольственный склад — это одно и то же), военный комиссариат. Кроме того, начальнику гарнизона города подчинялись находившиеся в Александрии 21 тяжелый артиллерийский дивизион ТАОН и 2 конвойный батальон.

Возможно, это еще не все, потому что воинские части из города убирались и вновь прибывали, и след их только мелькает в старых документах, например, о том, что в двух дивизионах ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения) в начале 1922 года нечем кормить красноармейцев, кроме как гнилыми сухофруктами, а конский состав дивизионов получает сено по норме, только сено это прелое и некачественное и пр.

Да, к 1938 году прибавились зенитчики, сначала отдельная зенитная батарея, потом она стала отдельным зенитным артдивизионом. А в 1941 году в документах зачастили уже новые номера частей. А раз есть воинские части, то среди их личного состава могут затесаться участники военно-фашистского заговора (вариант — военно-троцкистского), да и шпионы не дремлют.

На городской пристани свила гнездо шпионская организация, действующая в пользу Японии. Участники признались, что планировали учинить диверсии на артскладе, а также подорвать мост через Днепр. Для этого один из них завел знакомство среди работников артсклада. Насчет же подрыва моста... Тут, конечно, сложно, ибо разоблаченные шпионы ни взрывчатки, ни навыков не имели. Следствие изящно вышло из положения, вписав в протокол, что зарубежные кураторы обещали в случае войны прислать взрывчатку и специалиста.

В исполкоме был юрисконсультант, сначала признавшийся в вербовке себя немецкой разведкой, а потом и польской. В артполку служил начальник штаба дивизиона, вслух рассказывавший о том, что Троцкий и Каменев когда-то имели и заслуги перед советской властью.

На вещевом складе затесался сапожник, которого польский шпион искусил прямо в распивочной во время принятия горячительного внутрь. Сел за столик с бутылкой и закусью полноценный гражданин СССР, но подсел к нему шпион и смутил шпионить на Польшу. Встал из-за стола уже враг народа, которому, впрочем, на свободе ходить долго не пришлось.

Ну, а на артиллерийском складе №27 было подозрительного народу побольше, в том числе, начальник склада Булгаков и помполит Кофанов (или Кофманов), около десятка средних командиров, особенно много из мастерской «Б». И противогазная мастерская склада тоже дала трех арестованных — начальника, старшего химика и старшего лаборанта. Дела минимум троих вел товарищ Гравель. Первым будет рассказано о деле военкома склада Амчеславского, обвинения в адрес которого были скорее политическими, ибо к производственным вопросам он прилагал усилия небольшие.

Однажды в Кременчуг пришла справка из Житомира, утвержденная самим народ-

ным комиссаром внутренних дел УССР Успенским. А в ней было сказано, что Анатолий Абрамович Амчеславский, 1900 г.р., гражданин СССР, еврей, член ВКП(б), ныне военком артиллерийского склада, старший политрук, разрабатывается Житомирским областным управлением НКВД как член контрреволюционной троцкистской организации с 1937 года. Он проходил по показаниям арестованного УГБ НКВД УССР руководителя к.р. националистической троцкистской организации «Житомирский центр» Самутина Федора Ивановича, бывшего культпропа Житомирского обкома ВКП(б).

Пришла в горотдел и выписка из дела Самутина. Короткая, но несущая серьезные последствия: «В Малинском районе, так же как и в Савранском, на такой основе сформировалась аналогичная к.р. националистическая троцкистская группа в составе следующих лиц... — и под номером три: — Амчеславского, моего заместителя, потом помвоенкома полка в Хмельнике, из армии изъят как троцкист». Печать областного управления НКВД, виза «Верно» и подпись.

Третий документ тоже был значителен и еще более интересен. Это выписка из протокола партийного собрания Владикавказской пехотной школы от 5.01.1928, где политрук Анатолий Амчеславский рассказывает, в числе трех бывших оппозиционеров, как он порвал с оппозицией:

«Я в школе недавно и свои взгляды высказывал в Ростове. Я считаю обязанным сказать правду. Первое несогласие с Центральным комитетом партии у меня выявилось по вопросу о китайской революции. «Лозунг советов», мне казалось, ЦК партии выдвинул тогда, когда революция шла на убыль. Мне казалось, что оппозиция выдвинула его своевременно. Я не был согласен и с вопросом внутрипартийной демократии, считал возможным опубликование платформы оппозиции. Эти два вопроса я считал главными. Свое несогласие с оппозицией в других вопросах, например, о зарплате, я подчинил этим двум и примкнул к оппозиции. В ноябре 1927 года в Ростове я голосовал против тезисов ЦК. Голосовал против исключения лидеров оппозиции. Я считаю, что мои взгляды были ошибочными, и сейчас решения съезда партии ликвидировали мои сомнения».

Далее следовало решение собрания, что оно принимает заявление бывших оппозиционеров об их идейном разоружении и напоминает им, что они должны активной своей работой доказать, что изжили свои меньшевистские взгляды. Кроме того, им предлагалось в двухмесячный срок опубликовать в печати свое мнение об отходе от оппозиции и подать в бюро коллектива тезисы по тем вопросам, в которых они были ранее не согласны с партией, и научно обосновать в них правоту партии и неправоту оппозиции.

Выписка из протокола заслуживала быть приведенной тут и сильно утяжеляла участь старшего политрука, ведь, согласно ей, он еще до 1928 года поддерживал оппозицию, потом раскаялся и был прощен, и вот — рецидив, который мог закончится очень плохо. Но в этой выписке был один крайне существенный изъян: Анатолий Абрамович никогда не бывал и не служил во Владикавказе в тамошней пехотной школе, оттого на этом собрании в чем-то каяться не мог. Каялся, выходит, какой-то другой Амчеславский, хотя тоже Анатолий. Впрочем, в составленной сержантами госбезопасности Мармачем и Гравелем бумаге Амчеславскому и так светило немало — статья 54, части 1 «б», 7 и 11. Это стандартный набор частей статьи для участников военно-фашистского заговора. Такая гремучая смесь пахла расстрелом.

Выражаясь сухим языком, перед нами технология работы НКВД по разоблачению врагов народа. В далеком Житомире или близком Крыжополе заканчивается дело по политическому обвинению имярека. В конце вшивается бумага, где перечислены проходящие по делу иные контрреволюционеры. Часть из них уже обезврежены, то бишь под следствием или... ну, понятно, что с ними. И есть те, до которых карающая рука пролетариата еще не добралась. Они в списке тоже значатся, но с приписками, что кто-то из них «устанавливается», то бишь неизвестно точно, где сейчас этот враг находится. А местонахождение других известно. В делах Самутина и Рубана таким врагом, место пребывания которого известно, и оказался Амчеславский. Поэтому минимум два документа по нему достигли цели. После этого, ходя на службу или в театр, старший политрук мог в любой момент встретить сотрудников НКВД, имеющих поручение его арестовывать.

Авторы не знают, как именно Амчеславский ощущал угрозу, но есть один говорящий факт. При обыске у старшего политрука найден пистолет, а в нем всего два патрона: признак подготовки к самоубийству. Это не единичный случай с двумя патронами для страховки от осечки.

Материалы на подозреваемого поступают начальнику городского отдела НКВД, он дает добро, после чего подключается городской прокурор, дающий санкцию на арест. Это тоже содержится в деле Амчеславского, но имеется достаточно серьезный прокол, связанный с тем, что, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б)

№1232/191 «О порядке производства арестов» от 17.06.1935, аресты по всем без исключения делам органы НКВД должны были согласовывать с соответствующим прокурором, причем, в соответствии с тем же постановлением, приказом НКО №006 от 3.02.1935 и «Положением о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» от 22.09.1935, аресты органами НКВД всех командиров и начальников от командира взвода, им равных и выше, должны были производиться только с разрешения наркома обороны. В 1937 году такое разрешение давали военные советы округов и флотов, но потом право это было у них изъято.

В деле Амчеславского 1938 года нет никаких упоминаний, что арест замполита артсклада (считался политработником дивизионного уровня) санкционирован Ворошиловым или его замами. Очевидно, он входит в число арестованных без такой санкции. Их было немало.

Итак, 14 марта 1938 года был подписан ордер на арест Амчеславского, и старший политрук попал в узилище на нынешней улице Победы. Тогда она была еще улицей Розы Люксембург. Город Кременчуг при царе был уездным городом Полтавской губернии, но не забывал того, что некогда являлся губернским центром. В разряд «порто-франко» он не попадал по географическим причинам, но упорно стремился перещеголять Полтаву своими достижениями. Одним из них была тюрьма вместимостью, полагающейся губернским городам. Сермяжная правда в этом была, поскольку если очень значительная часть деловой жизни губернии протекает тут, то и преступный элемент сюда явится «в рассуждении, чего покушать». Потому городские власти и слегка ловчили: когда опасались, что губернское начальство косо взглянет на попытку поравняться тюрьмой с губернскими городами, построили в ней три небольших корпуса, а потом, когда опасаться перестали, так старые корпуса снесли и построили новый, двухэтажный, большой вместимости. Это 230 «койко-мест» на двух этажах — 40 камер общим объемом 213,8 кубических саженей.

Тут им немного не хватило полета фантазии, оттого в корпусе и при царе было тесно, а после гражданской войны особенно. Хоть в Кременчуге, хоть в Полтаве сидели 400-1000 человек на 230 оборудованных местах, и было им тесно, особенно в Полтаве с тысячью заключенных на те же кубические сажени, в связи с чем была проведена «разгрузка» мест заключения. Комиссия пересмотрела все дела и выпустила, кого было можно. Тем не менее, в 1924 году заключенных насчитывалось 323 человека.

В те времена с местами заключения дело обстояло настолько нехорошо, что сидеть за решеткой — это была привилегия. Значит, ты совершил нечто особенно выдающееся. В марте 1928 года правительственная инструкция потребовала от народных судов осуждать мелких преступников к принудительным работам без содержания под стражей. В результате всю первую половину 1930-х годов доля осуждённых народными судами к принудительным работам превышала 50%. В 1930 году 20% всех убийц, 31% насильников, 46,2% грабителей и 69,7% воров были осуждены к принудительным работам без содержания под стражей.

Такая ситуация и побудила к реанимации системы ранее существовавших лагерей принудительного труда (иногда называвшихся и концентрационными), поскольку позволяла создать значительное число «арестантомест» без значительных затрат на капитальное строительство. Но это случилось потом, а пока, чтобы заключенные не так теснились, был организован филиал на полсотни человек и сельскохозяйственная колония — еще на 15-20 человек.

Филиал отличался отсутствием порядка, и в нем из полусотни заключенных в бегах постоянно числилось 10-15. Из сельхозколонии не бегали. Там подбирался народ посерьезнее и не зря. Несмотря на то что на пропитание узникам деньги и продукты выделяли, но, как и всегда, эти деньги нужно было получить и реализовать. А узник не желает знать, отчего деньги, выделенные на его питание, не могут быть перечислены банком или как-то еще не дойти до адресата. Ему вынь да положь 1 фунт 24 золотника хлеба, 1,06 золотника подболточной муки, 32 золотника мяса или рыбы, 32 золотника крупы, корнеплодов 48 золотников, картофеля 1 фунт, соли 5 золотников, сахара 3,2 золотника, чая — 0,2 золотника. Фунт тогда составлял 409 граммов, а золотник 4,2 грамма.

Начальник БУПР (так называлась тогда городская тюрьма) регулярно требовал от городских властей положенного и добивался. А входящая в его состав сельхозколония немного облегчала положение арестантов. В соседнем районе выделялась земля — 60 десятин, где арестанты зарабатывали добавку к пайку. Обычно земля делилась на четыре клина — пар, яровые, озимые, картофель. Восемь десятин числились как усадебная земля. После уборки урожая землю отбирали, а на следующий год давали новую. Жили сельхозколонисты в нескольких сельских хатах.

В ведомости пайка еще упоминаются огурцы, фасоль, кофе, но нормы их не указаны вообще. Авторам один раз попадался документ 1924 года о том, что два фунта кофе

были закуплены и оприходованы. Кто их потребил и за какие заслуги — пусть читатель сам рассудит, в меру своего идеализма. Надо сказать, что к потреблению кофе надо приучать, потому впервые попробовавший его сельский хлопец может и сказать: «Какую гадость вы мне дали? Дайте нормального чаю Высоцкого! Или того, что у нас в селе пьют, когда чаю нет». Это Рязанский концлагерь, имея несколько мешков кофе, мог поить сидящих там пленных белых офицеров — там ценители найдутся.

Жители основного корпуса жили не так плохо, по сравнению с царским временем. Столов не всегда хватало, но зато провели электрическое освещение. Появилась библиотека из 370 томов, организован театр имени доктора Гааза, в котором ставили пьесы силами заключенных.

В 1929 году с местами стало опять нехорошо. На тот момент, как и прежде, заключенные содержались в главном здании, филиале, сельхозколоний было уже две — в Глобинском и Жужмановском районах.

В списках заключенных значились отдельной строкой голодающие. Их было немало. Рапортички сохранились за большую часть 1929 года, и они показывают, что случались коллективные голодовки протеста. Например, 30 мая голодающими числились 11 человек. 28 мая имеется список объявивших смертельную голодовку, но про умерших — сведений нет, были ли они вообще. Из причин — в основном указывается, что голодающие заявляли, что ни в чем не виноваты (формулировки разные, но смысл именно этот).

В списках заключенных часто встречается интересная пометка: «на власном утриманні» — на собственном содержании. Это в значительной части бывшие кулаки, а из городских — торговцы. У ряда из них указана собственность, правда, у некоторых она уже продана для компенсации задолженности по налогам или конфискована в пользу колхоза. Обычно 11-13 десятин земли и хата, скота не так много, обычно по одному экземпляру. У одного записано: «скот прирезал». Примеры:

«Гречин Гнат Михайлович 47-ми лет, осужден на 1 год народным судом 7 участка и 5 лет высылки. Отбыл уже 12 дней. На собственном содержании. Имеет земли 13 десятин и хату, прочее конфисковано в счет погашения задолженности в 200 рублей.

Цейтлин Пинхус Маркович 28-ми лет, осужден на 1 год народным судом 11 участка и 5 лет высылки. Отбыл 13 дней. На собственном содержании. Занятие — торговец. За задолженность. Он из Александрии».

* * *

В Кременчугском горотделе НКВД в 1937-1938 годах следователи работали неритмично. Арестованный мог довольно долго не допрашиваться, а потом следствие начинало буквально лететь. В один и тот же день проводилось несколько очных ставок и допросов свидетелей (до четырех в день), после чего дело срочно заканчивается, обвинительный материал передается в суд, а дальше все замирало. И снова для заключенных тянулись месяцы ожидания. Если дело рассматривала Военная коллегия Верховного суда, то в 1938 году ее иногда ждали четыре-пять месяцев. И товарищ Амчеславский тоже ждал с весны по осень.

Арестован он был 14 марта, первый протокол допроса датирован 20 марта. От Амчеславского получено признание во всех смертных грехах, но дело застопорилось аж до 7 апреля, когда стали рассказывать сразу многие. Самым многословным был начальник артсклада, и он подробно рассказал про еще двух нехороших человеков, а именно работников склада Фостия и Трахтенберга.

Из протокола допроса Власова Д.Г.:

«Амчеславского я знаю как военкома склада и начальника политотдела. Как с начальником склада у него должен быть со мной деловой контакт и повседневная связь, но вместо этого Амчеславский с первого дня приезда на склад старался отгородиться от меня и поставить себя в положение старшего надо мной начальника, что является грубейшим нарушением положения о военных комиссарах частей (приказ №165 НКО). К работе Амчеславский относился преступно, работал в день по 3-4 часа и эти часы проводил в заседаниях, собраниях, совещаниях, совершенно оторвавшись от масс начсостава, красноармейцев и рабочих склада, и незаконно приказывал проводить работу за себя отдельным инструкторам и секретарю партбюро — товарищам Яхновичу, Зелеверу и Юхно. Планы работы по складу срывал разными внеплановыми заседаниями, отрывая работников от их повседневных занятий. Вопросы, которые он должен был решать как военком склада, перекладывал на других, еще более дезорганизуя работу склада.

Заметно было стремление и старание Амчеславского в последний момент без всякого законного к тому основания отказаться от проведения докладов или бесед по важнейшим политическим вопросам и спихивать их с себя, чтобы поставить парторганизацию в положение срыва. Но того допущено не было. Я сам лично делал за него

доклады по следующим вопросам: «20 лет Октябрьской революции» (узнал за четыре часа до партсобрания); «О суде над правотроцкистским блоком» (узнал за один час до собрания). Ни одной беседы с подразделениями склада по этим темам проведено не было. Я думаю, что Амчеславский не желал пропагандировать политику партии, будучи внутри не согласен с нею.

Настоящей борьбы с врагами народа Амчеславский не вел, а наоборот, при разборе дел Фостия и Трахтенберга порученное ему дорасследование провел таким образом, что на общем заседании склада и парткомиссии Фостию и Трахтенбергу было объявлено по выговору, и только при повторном разбирательстве уже новый докладчик настаивал на исключении обоих из партии (докладчиком был я лично).

Не любил критику своих действий и после малейших попыток его критикнуть — вызывал смелых себе в кабинет и начинал прорабатывать. Был случай зажима самокритики и на многолюдном совещании узкого партактива по вопросу о ДПШ, когда он бросил реплику критиковавшему его плохое руководство ДПШ тов. Смирнову: «Здесь не собрание, а совещание, критика неуместна».

Прямой своей работой Амчеславский преступно пренебрегал и разработку мобилизационного плана в части политобеспечения взвалил на секретаря партбюро товарища Юхно. Сам он лично не проверил ни одного подразделения склада и мобплана склада целиком и в глаза-то не видел. Ни в одном хранилище с имуществом не был, просто не интересовался и ни с одним низовым работником никогда ни о чем не говорил. За все время службы на складе только два или три раза был в мастерской склада, где сумел нудной демагогией пообещать работникам склада кучу всяких вещей и ничего из обещанного не выполнил. Так что парторганизации склада пришлось исправлять эту демагогию Амчеславского, а рабочие склада длительное время были недовольны тем, что командование склада и хозчасть длительное время не выполняли широких и демагогических обещаний Амчеславского.

Вся практическая деятельность Амчеславского является антипартийной и враждебной, как по форме (демагогия жулика, чиновничье отношение к своим обязанностям), так и по существу: срывы планов работ на складе, систематические срывы руководящих работников в рабочее время на пустяковые вопросы, чтобы дезорганизовать производство, и прямая защита врагов народа ничем не прикрытой попыткой сохранить враждебные кадры. Все это заставляет меня быть глубоко убежденным, что Амчеславский являлся двурушником, прикрываясь партбилетом, скрывал от партии свою принадлежность к троцкистским заговорщикам и проводил линию на развал партийной работы, срыв единства партийной организации и начсостава склада, норовил посеять недовольство и осуществить разрыв между начсоставом с одной стороны и красноармейцами и рабочими — с другой, чем наиболее полно доказал свою принадлежность к банде военно-фашистских заговорщиков в СССР!»

Тут Власов устал и попросил воды, ибо у него горло пересохло после столь длительной тирады. Гравель подвинул к нему графин и, лихорадочно спеша, записывал сказанное. Тут не надо ничего придумывать, ибо полковник шпарит готовыми пунктами к обвинительному заключению. Власов продолжил свои показания и еще на семи страницах громил, но уже не Амчеславского, а Трахтенберга с Фостием.

Затем в дело пошли показания политработников. Первым был Иван Пирог, старший лейтенант, исполняющий обязанности военкома 12 местного стрелкового батальона. Военком сего батальона, как и других мелких подразделений городского гарнизона, по своей линии подчинялся политотделу артсклада, посему Амчеславский числился политработником дивизионного уровня.

«Столкнувшись с Амчеславским по партийной работе, я вынужден был констатировать полное отсутствие руководства ею со стороны политотдела, зажим самокритики и контрреволюционную деятельность. За время моей службы в батальоне Амчеславский был в нем два-три раза, причем не для исполнения обязанностей. Приехал, пообедал в столовой и убыл. Красноармейцы батальона совершенно не знают его как начальника политотдела. Ни одного раза он со мной не поговорил о партработе, несмотря на мои попытки получить от него какие-то руководящие указания. Я один раз попытался затянуть Амчеславского в ленуголки, показать их работу и получить руководящие указания, но он не стал со мной разговаривать, заметив, что об этом поговорит позже, а сейчас он должен ехать на торжественный обед.

Буквально никакой деятельности в батальоне им не проводилось, и состоянием партийных дел он не интересовался. Дивизионная партийная школа, не руководимая политотделом, дошла до полного развала. Только после заявлений отдельных коммунистов о состоянии дел Амчеславский был вынужден созвать по этому поводу совещание. Когда же на нем прозвучала критика в том, что развал работы есть результат отсутствия руководства ею, заявил, что совещание созвано не для критики, а для получения руководящих указаний, кричал на всех, кроме себя, но никаких руководящих

указаний не дал, и дивизионная партшкола дальше стала двигаться к своему развалу.

Амчеславский даже шел на компрометацию руководства 12 батальона. В батальоне в качестве врача работает Растворов, выходец из кулацкой семьи, разлагающийся тип, к своим обязанностям относится с преступной небрежностью. Был случай, когда больному красноармейцу некомпетентные лица ставили банки и причинили ожоги тела. Командование и политчасть поставили вопрос о Растворове перед политотделом. Вызвав меня, командира и Растворова, Амчеславский в его присутствии стал кричать на нас, что мы совершенно не помогаем санчасти. Дело же было не в этом, а Амчеславский пошел на подрыв авторитета командования части, будучи в хороших отношениях с Растворовым.

Когда были представлены материалы на досрочное повышение званий, то Амчеславский сильно задержал их у себя, а потом заявил нам, чтобы мы сами направляли материалы в округ, не дав заключений прямого начальника. В результате аттестация запоздала и званий никому не присвоили. Мою аттестацию, которая была ему направлена за два месяца до его ареста, случайно обнаружили в ящике его стола среди разных бумаг, разбирая их после ареста.

Таков был стиль руководства Амчеславского, который свелся к ничегонеделанию, направленному на развал партийной работы, и потому пришлось вести ее своими силами, без какого-либо руководства ею. Поэтому деятельность Амчеславского иначе как вредительской назвать нельзя».

Вслед за Пирогом допрашивался секретарь парторганизации и инструктор политотдела товарищ Яхнич Марк Борисович и тоже дал показания против Амчеславского, чья деятельность «является явно вредительской, направленной к развалу партийной работы». Оба свидетеля сказали все, что нужно Гравелю. Но Гравель решил провести в тот же день еще и очные ставки Амчеславского с Пирогом и Яхничем.

Из протокола очной ставки Амчеславского с Пирогом:

«— Обвиняемый Амчеславский, вы подтверждаете показания свидетеля Пирога о развале вами партийной работы?

— Нет, не подтверждаю. На протяжении всей моей деятельности в политотделе весь инструкторский аппарат политотдела под моим руководством функционировал в батальоне 10-12 дней в месяц постоянно, не считая инструкторских выездов. Я лично проводил двухчасовую беседу в одной из рот батальона в связи с предстоящими выборами. Батальон я посещал не менее 7-8 раз по партийным вопросам. Ставил вопрос о замене комиссара. Делал доклад о международном положении. Обвинение в зажиме критики отрицаю категорически, этого не было. Продвижение начсостава я не затирал и утверждаю, что лица, о которых говорил свидетель, рассматривались не мною, я был в отпуску, а моим заместителем был Черевко. По многим вопросам я делал инструктаж, но никаких указаний в деталях не давал. Утвердил план, согласно которому я делаю доклад, и запретил выделять докладчиков без моего ведома. Не входя в суть содержания доклада, я, естественно, не мог говорить об отдельных моментах, поэтому не говорил и о товарище Сталине. Политотдел провел для пропагандистов двухдневный семинар по поводу событий международного положения, что произошли в последнее время».

Отметим пару важнейших моментов. На допросе двухнедельной давности Амчеславский уже признался в том, что разваливал политработу на складе, а теперь он отрицает то, в чем признался, и товарищ Гравель никак на это не реагирует, даже напоминанием о сделанном ранее признании. Может быть, две недели назад Амчеславский вообще не признавался — «поэтому не говорил и о товарище Сталине». В показаниях Пирога нет ничего про то, что Амчеславский говорил или не говорил о товарище Сталине. Ни на допросе, ни на очной ставке. И два других свидетеля тоже не упоминают про сказанное или не сказанное военкомом о Сталине. Видимо, произнесенное на допросах и очных ставках записывалось очень прихотливо.

Из протокола очной ставки Амчеславского с Яхновичем:

«— Свои показания, данные следствию, в части, что Амчеславский проводил вредительство в партработе, я полностью подтверждаю. Зажимал критику, не продвигал выраставшие командные и политические кадры, довел ДПШ до развала, и она держалась только благодаря усилиям самого аппарата политотдела. Марксо-ленинскую учебу среди начсостава совершенно не проводил. Борьбы с нарушениями техники безопасности не вел, даже пытался скрывать случаи нарушения перед вышестоящими парторганизациями. Избегал делать доклады, перекладывая их на других под разными предлогами. О военно-фашистском заговоре он тоже избегал делать доклад и перепоручил другим.

— Обвиняемый Амчеславский, вы подтверждаете показания свидетеля Яхновича о развале вами партийных дел и вредительстве на складе 327?

— Категорически отрицаю. Организационными вопросами в ДПШ занимался

лично я. ДПШ при мне функционировала нормально. Я там проверял лично работу по группам, в том числе и в Яхновича. Неправильно и в отношении того, что я не делал докладов. Я лично сделал не менее 10 докладов. Доклад же на свидетеля Яхновича не перекладывал, а поручил ему сделать доклад, так как мне бюро горкома доверило сделать такой же доклад перед комсомольским активом и молодыми стахановцами. Заведовал ДПШ не я, а товарищ Черепко, который и являлся в первую очередь ответственным за состояние ДПШ. За делами ДПШ я следил, привлекал как товарища Черепко, так и других к партответственности за упущения в работе. С отъездом Черепко я поручил руководить ДПШ Яхновичу, и если там работа страдала, то в этом должен быть виноват и Яхнович, а не только я. Занимался и мастерской «Б», где не положено политрука, ввел такую должность и назначил туда Валеева. Марксо-ленинская учеба не прекращалась, но все же я укрепил ее Зелевером и Яхновичем. Производственный план не был выполнен, но не по моей вине, а по причине отсутствия капсюльных втулок, что признала и комиссия группы контроля Наркомата обороны. Во всех случаях нарушения техники безопасности я информировал вышестоящие организации и отдельных лиц, допускавших эти нарушения, привлекал к ответственности, о чем имеются приказы за моей подписью. Постоянной комиссией по приему на работу оформляется приток вольнонаемных. Заключения ее утверждаются мной и начальником склада, а лично я никого не принимал. О военно-фашистском заговоре делал доклад лично я в мастерской «Б», так что в этой части обвинение неверно».

11 апреля было подготовлено Гравелем обвинительное заключение и на следующий день подписано начальником горотдела НКВД Бориным. В нем написано, что виновным себя обвиняемый признал. 13-го дело закончено, и подпись Анатолия Амчеславского там имеется.

Вернемся к протоколу допроса от 20 марта с признанием Амчеславского. Вовлечение его в антисоветский военно-фашистский заговор произошло, если верить протоколу, так. 1934 год. Начальник политотдела дивизии 24 стрелковой дивизии Бубличенко пригласил своего подчиненного Амчеславского в гости.

«В беседе интересовался у меня как у бывшего председателя РПК, в каком положении район, вверенный мне. Я ему подробно рассказал как о районе, так и своей работе, высказав недовольство по поводу отдельных мероприятий партии. В этом разговоре Бубличенко осторожно заявил мне, что в РККА существует военная организация, которая ставит своей целью изменить существующий порядок. Указав на участие в этой организации начполитотдела дивизии и командира 25 дивизии, он предложил мне вступить в нее. Предложение Бубличенко соответствовало моим взглядам, и я дал согласие на участие в этой организации», — цитата из показаний, перенесенная в обвинительное заключение.

Вот тут товарищ Гравель допустил еще одну ошибку в записи. 25 стрелковая дивизия, она же Чапаевская, находилась тогда на территории Полтавской области, а дело происходило в Винницкой области, где дислоцировалась 24 стрелковая дивизия, в которой служили упомянутые лица. Казалось бы, просто описка — 24 или 25 дивизия, дескать, какая разница, Винница или Полтава? Извините, это не мелочи, это халтурное ведение документации, причем уже не первый случай в одном деле.

«Третья встреча с Бубличенко была на квартире в Виннице. Узнав, что я не переменил решения, он познакомил меня с целями и задачами, которые стоят перед организацией: 1) Установить буржуазно-демократическую республику, свергнув советскую власть. 2) Изменить существующее положение в армии, поставив командный состав под контроль политработников».

Гм, интересный план, напоминающий известное: расстрелять Политбюро и перекрасить Кремлевскую стену в зеленый цвет. Политический работник, изучавший марксизм-ленинизм, должен был помнить про программу-минимум и программу-максимум. А тут явное смешение задач разной перспективы. Второй пункт же может быть реализован как до победы «буржуазно-демократической республики», так и после нее, в рамках переустройства общества. Так и хочется сказать, что это результат спешного сочинения текста.

«Кого называл Бубличенко из руководителей военной организации в РККА?» — «Никого из руководителей он мне не называл. Упоминал лишь, что будет другой нарком в армии».

В случае смены власти — это понятно, что и нарком сменится. Конечно, если существующий нарком не входит в заговор. Что-то тут не так.

Далее следователь вернулся к более раннему периоду, точнее, когда Анатолий был тем самым Самутиным вовлечен в троцкисткую организацию. Амчеславский подтвердил факт его вербовки, а также свое участие в деятельности организации.

«После перевода меня в Сквирский район председателем РПК я собрал вокруг себя группу из руководящих работников в составе председателя райисполкома Аза-

люка, председателя районной партийной контрольной комиссии Матуса, заворга Капран, редактора районной газеты Бахтина и впоследствии предрайисполкома Орла, прибывшего вместо Азалюка, при содействии которых проводил ту же контрреволюционную работу, что и в Малинском районе. Разжигая недовольство населения села, я умышленно не принял никаких мер по ликвидации искривлений, но, наоборот, поддерживал их, поощряя к этому работающих по селам уполномоченных РПК. На основании неправильных данных добился от обкома снижения плана хлебопоставок с четырех миллионов пудов до миллиона двухсот тысяч пудов. С целью дискредитации колхозного движения добился перенесения центра тяжести хлебозаготовок на передовые хозяйства с отстающих колхозов, чем вполне умышленно подрывал материальную базу передовых хозяйств».

Между прочим, столь масштабное снижение плана заготовок — это явно не задача председателя районной парткомиссии. Это возможно дуэтом из первого секретаря райкома и предрайисполкома при добром отношении областного начальства, поскольку область-то должна выполнить план.

«— Следовательно, Асауленко, Капран, Орел, Матус вами были вовлечены в контрреволюционную деятельность. Изложите обстоятельства их вербовки.

— Асауленко, Капран, Орел, Матус, Азалюк, Бахтин были привлечены к контрреволюционой деятельности лично мною. Работая в качестве секретаря РПК, я на практике убедился, что они целиком и полностью поддерживают точку зрения правых. Это неоднократно подтверждалось в ходе тех частных бесед, что я вел с ними. Выявив и политическое направление, я без особого труда привлек их к контрреволюционной деятельности, не встретив с их стороны сопротивления.

— Где сейчас находятся Капран, Орел и прочие?

— Когда я отправился на учебу на курсы, то оставил их в Сквирском районе.

— Какие конкретно контрреволюционные задания вы получили от Бубличенко после вашей вербовки?

— Бубличенко дал мне такие указания: 1) Всеми средствами и способами добиваться ослабления военной деятельности в частях. 2) Всемерно поддерживать проявляющиеся в частях антисоветские настроения и не вести борьбу с ними. 3) Не вмешиваться и всемерно поощрять нездоровые взаимоотношения между командным и политическим составом, особенно поддерживать антисоветские настроения среди начсостава. 4) Не препятствовать командованию в расширении стрелковой подготовки за счет политучебы и проводить вербовку в контрреволюционную организацию».

В качестве комментария стоит упомянуть об уверенности следователя, что все «уклоны» готовы объединиться в борьбе против существующей власти. Ведь вербовщик Амчеславского Самутин — троцкист-националист (противоестественный гибрид получается, но пусть уж), при этом сквирские сочувствующие правому уклону охотно идут на сотрудничество и принимают руководящую роль троцкиста-националиста. Будем считать Бубличенко тоже троцкистом. Но глядим в установки: создание буржуазно-демократической республики вместо существующего строя. Возможно, Бубличенко считает своим идеалом времена УНР, хотя ему придется политически конкурировать с иными силами в новой республике, в том числе с поднявшими голову ранее побежденными националистическими партиями. В настоящем ему достигнутая победа над националистами уже не нужна, он снова хочет бури и борьбы с ней! А как быть другим сотрудникам из организации Бубличенко, как Ганусевич (начальник политотдела дивизии), как Авербах (начальник клуба), как Цифер (политрук)? Им надо бороться за возврат УНР и процветавших там еврейских погромов?

И для чего в буржуазно-демократической республике политаппарат в армии? Вместо упраздненных военных священнослужителей? В СССР, хоть с Троцким, хоть со Сталиным во главе — это необходимая часть мира. А вот в буржуазно-демократической республике — уже не факт. Что-то товарищ Гравель забрел в такие дебри, что анализ полученных сведений вызывает ощущение их несообразности. Хотя, возможно, тут виноваты установки из Киева и Москвы. В методическом руководстве или приказе уточнили, что троцкист обязан желать того-то, а правый — другого, и вот вынь да положь в деле эти желания в показаниях подследственного. Логичнее было указать на желание смены власти и замены ее другими людьми из числа заговорщиков при сохранении всего остального, но...

Далее подследственный признался, что в полку 24 дивизии он вовлек в организацию двух человек, а в 41 дивизии — трех, и они в меру сил претворяли в жизнь установки Бубличенко. Но при этом всем троим из 122 полка он ничего не говорил о существовании организации вообще, а просто использовал их для разжигания нужных настроений среди личного состава. И добавил, что в последующем, служа на химскладе №276 и артскладе №27, уже никого конкретно в организацию не вовлекал. Все это похоже на попытку уйти от подведения других людей под арест и суд. Но следователь

был бдителен и эту попытку пресек.

Затем Амчеславский рассказал, как его вызвали в политуправление Харьковского военного округа к начальнику его товарищу Благошвили для нового назначения. Благошвили попросил уточнить про факт прошлогоднего отъезда тетки старшего политрука в Палестину. Анатолий ответил, что этот факт он не скрывал, а отразил в своей автобиографии. Начальник политуправления предложил ему завтра снова прибыть в политуправление. Как оказалось, в тот день заседал военный совет округа в составе командующего округом, начальника политуправления, секретаря Харьковского обкома партии и члена военного совета округа. Вместе с Анатолием ждали своего назначения еще около 30 человек. К нему особых вопросов не было, посмотрели личное дело, передали его из рук в руки, спросили, справляется ли Амчеславский с работою, и на сем процесс закончился. Поскольку Благошвили уже был арестован, то следователя сильно заинтересовало, насколько часто Амчеславский встречался с ним во время утверждения на должность, а также до и после утверждения. Тот ответил, что ни до этого, ни после этого.

« — Следовательно, вы были выдвинуты на эту должность военным советом округа, значительная часть которого изобличена как враги народа?

— Да.

— Вы продолжаете упорно скрывать от следствия, что были назначены на военсклад №27 для продолжения контрреволюционной деятельности?

— Я не отрицаю, что получил назначение на должность от военного совета, значительная часть которого была арестована как враги народа, но лично я никаких заданий от них не получал ни перед назначением, ни перед выездом на военсклад.

— Следствию известно, что вы направлены на военсклад с заданием продолжать вредительскую работу на нем. Настаиваем на даче правдивых показаний.

— При получении назначения я никаких заданий ни от кого не получал. Прибыл я на склад с теми же контрреволюционными убеждениями, о которых я говорил в своих показаниях. Начавшийся разгром контрреволюционных кадров и мое непродолжительное пребывание в должности не дало мне возможности заниматься вредительством. Поэтому я стал на путь менее видимой и менее активной деятельности. Прикрываясь своим официальным положением, я умышленно не принимал мер по ликвидации контрреволюционного вредительства, которое имело место на складе. Где удавалось, я под разными предлогами затягивал сроки реагирования. Заостряя внимание парторганизации склада на мелких и неважных недостатках, я отвлекал внимание от действительно серьезных вопросов.

— Кого вы приглашали в контрреволюционную организацию?

— Я никого не вовлек в нее, но, присматриваясь к отдельным работникам, остановил свой выбор на следующих: 1) Фостий Федор Данилович, интендант 3 ранга, начальник первого отдела склада, служил при Петлюре, по мобилизации служил у Деникина, антисоветски настроен. 2) Трахтенберг Зюзя Маркович, воентехник, выходец из семьи крупных лесопромышленников. 3) Корольков Петр Никитович, замначсклада по производству, интендант 3 ранга, по национальности русский, но я всегда сомневался в его национальности, по виду скорее латыш или литовец. 4) Боярский, курсант-одногодичник, работающий в снаряжательной мастерской, неоднократно замеченный в укрывательстве фактов нарушения техники безопасности. Этих лиц я считал возможным привлечь к вредительской деятельности на военскладе.

— Какую работу вы провели на военскладе в части проведения диверсионных действий?

— В этом направлении я никакой работы не вел и сведений не имел.

— Известно, что вы, будучи в курсе состояния военсклада №27, давали сведения участникам заговора?

— О состоянии склада и отдельных дефектах я информировал только Озолина, так как он был членом военного совета Харьковского округа. Другим лицам я сведения о складе не давал».

На этом допрос был закончен.

Да, от контрреволюционной деятельности на складе №276 (Селецина, ныне Полтавской, а тогда Харьковской области) Амчеславский «успешно» отвертелся, рассказав, что был там недолго, не собрался заняться чем-то серьезным, потому смог только дать вредительские указания по хранению химического имущества с нарушением нормативных требований, и умышленно задерживал строительство на химскладе, затягивая оформление рабочих, подписание документов и тому подобное.

Авторы считают, что реально допрос был проведен после очных ставок, а не до них, после чего можно было заняться оформлением обвинительного заключения и заканчивать дело. Амчеславский в итоге признался во всех грехах и показал, что стал на путь борьбы с существующим порядком лет семь назад, сохранил до сих пор контрреволю-

ционные взгляды, не сделал попыток отказаться от своей деятельности и раскрыть заговор (с 21 июня 1937 года при явке с повинной участники заговора не подлежали уголовному преследованию), на протяжении многих лет занимался контрреволюционной деятельностью, вербовал или собирался вербовать новых участников, со следствием был неискренен и не «снял маску», как тогда часто писали.

Каким образом получены признательные показания? Ведь у следствия были только показания о вербовке Амчеславского Самутиным и весьма скупые данные об участии в заговоре во время службы в одной из дивизий на Подолии. Остального добился уже Гравель. Как?

Ответ первый — цитата из заявления его жены: «Муж передал мне записку о том, что следователь, проводивший предварительное следствие, применял к нему незаконные меры физического воздействия, в результате чего он оговорил себя и признал виновным в том, чего не делал. В записке было буквально сказано следующее: «Подписал обвинение из-за жестоких побоев, спасай, едь к Мехлису, добивайся правды».

Ответ второй — цитата из показаний другого человека, в показаниях Амчеславского названного участником заговора в Сквире: «Отрицательного в нем было то, что он иногда был труслив и допускал некоторую панику, преувеличивая события. Так, например, в те годы иногда в районе появлялся бандитизм, а Амчеславский об этом отзывался, как будто были целые бандитские соединения. Без оружия и автомашины он не ходил, и дом его охранялся милицией».

Далее были оформлены три документа. Во-первых — обвинительное заключение, где было сказано, что Амчеславский в заговор вовлечен Бубличенко и что во исполнение указаний руководителя натворил следующее: 1) Поощрял антисоветские настроения, что явилось причиной создания кадра антисоветски настроенных людей. 2) Содействовал сокращению политзанятий со 102 часов до 40. 3) Дал вредительские указания в части расположения и хранения имущества на химскладе №276. 4) Умышленно задерживал разворот строительства химсклада №276 и его территории. 5) Систематически тормозил партийно-политическую работу и рост комсомольской организации. 6) Под всякими предлогами задерживал изъятие запрещенных книг из библиотек частей, чтобы как можно больше военных ознакомились с ними. 7) Умышленно уклонялся от принятия решительных мер по фактам вредительства, затягивая ликвидацию его последствий, заостряя внимание руководства на малозначительных моментах.

Факты контрреволюционной деятельности подтверждены личным признанием, показаниями Самутина, Рубана, Власова, Пирога, Яхновича и очными ставками. Виновным себя признал. Обвиняется в преступлениях, предусмотренных статьей 54 УК Украинской ССР, пункты 1 «б», 7, 11. Заметим, что статья 54 УК УССР во всем соответствует широко известной известной статье 58 УК РСФСР. Сложно было ожидать, что с таким обвинением удастся выжить. На что рассчитывал Анатолий Абрамович, подписывая бумаги с такими признаниями — кто ведает?

Вторым документом было постановление об окончании следствия и направлении дела в Военную коллегию Верховного суда на основании закона от 1 декабря 1934 года. Под обоими документами подпись Гравеля.

Третий документ — список лиц, проходящих по показаниям обвиняемого. Подобные документы имелись не во всех делах, они не так часты. Список в деле Амчеславского впечатляющий — 29 фамилий. Для сравнения: такой же список в деле помянутого Трахтенберга насчитывает 15 фамилий — организация японских шпионов и диверсантов на пристани.

Поименный список Амчеславского:

1) Бубличенко — бывший начполитотдела 24 дивизии (осужден). 2) Черевань — бывший председатель Малинского РВК, троцкист (устанавливается). 3) Розенштейн — бывший заврайплан Малинского РВК, троцкист (устанавливается). 4) Самутин — троцкист-националист, руководитель Винницкого центра (арестован Винницким облуправлением НКВД). 5) Насулюк — быв. председатель Сквирского РВК, работал в 33 году, троцкист (устанавливается). 6) Матус — быв. председатель РКК Сквирского района, работал в 33 году, троцкист (устанавливается). 7) Капран — быв. заворг Сквирского РПК, работал в 33 году, троцкист (устанавливается). 8) Бахтин — быв. редактор газеты Сквирского района, работал в 33 году, троцкист (устанавливается). 9) Орлов — быв. председатель РВК, работал в 33 году, троцкист (устанавливается). 10) Богуцкий — быв. зампред Винницкого облисполкома, троцкист (осужден). 11) Мезис — командир 72 полка 24 дивизии в 34-35 годах (устанавливается). 12) Линд — командир 72 полка в 34 году (устанавливается). 13) Ганусевич — замначполитотдела 24 дивизии в 34-35 годах (устанавливается). 14) Солганик — работал в 34-35 годах секретарем дивизионной партийной комиссии (устанавливается). 15) Чебанов — быв. командир 72 полка 24 дивизии (арестован как участник заговора). 16) Градусов — быв. начвоенкомдив 24 (устанавливается). 17) Авербах — в 34 году работал начальником клуба в 72 полку, участник

военно-фашистского заговора. 18) Неронин — политрук 72 полка, вовлечен в участники военно-фашистского заговора. 19) Цифер — политрук 122 полка, антисоветски настроен, использовался для вредительской работы в полку. 20) Чернышев — начальник клуба 122 полка, политрук, использовался для вредительской работы в полку. 21) Правдиченко — начальник библиотеки 122 полка, техник-интендант, сын городового, использовался для вредительской работы. 22) Фостий — бывший начальник 1 отдела военсклада №27 (арестован). 23) Трахтенберг — быв. начальник операционного отдела военсклада №27, участник военно-фашистского заговора (арестован). 24) Корольков — помначсклада №27 по производству, член ВКП(б), компроментирующего материала нет, работает на складе. 25) Коннов — начотдела техконтроля склада №27, пропускал заведомо негодную продукцию, работает на складе. 26) Боярский — практикант-одногодичник военсклада №27, компроментирующего материала нет. Еще три человека — Гикало, Благошвили, Озолин: соответственно, секретарь Харьковского обкома ВКП(б), начальник политодела ХВО, член военного совета ХВО.

Под номерами 1-26 перечислены сослуживцы Амчеславского по предыдущим местам работы и службы. Из них только шестеро уже были арестованы либо осуждены. А на остальных от Анатолия получена информация о том, что эти люди участвовали в антисоветском заговоре и что-то конкретно делали. Поэтому в их дела, как в дело самого Амчеславского, ляжет бумага, что, по показаниям осужденного либо арестованного врага народа Амчеславского, оный гражданин был вовлечен им в антисоветскую деятельность, входил в число заговорщиков и выполнял в антисоветской организации такие-то функции. Это повод для возбуждения дела на них, как выписка из показаний Самутина послужила основанием для заведения дела и ареста Анатолия.

И надо сказать еще — по большинству этих людей информации у НКВД не было, из-за чего к их данным сделана приписка: «устанавливается». На некоторых — «компроментирующего материала нет». То есть Гравель или кто-то вместо него обязан разослать эти списки в Сквиру, в Хмельницкую область, в Малин, сообщив про участников заговора из показаний такого-то, а в местных НКВД должны были установить, работают ли эти лица в том же районе, и заняться ими.

Сотрудников склада №27, входивших в список под номерами 24-26, продолжит опекать Гравель либо его коллеги-оперуполномоченные, благо дела Трахтенберга и Фостия идут, и в них найдется место и для тех. Так что эта бумага — кладбище для попавших в нее. Разве что кому-то очень повезет, и по прежнему месту, названному Анатолием, его не найдут, а нового места работы или службы никто не знает. Иногда так и случалось.

Что касается Гикало, Озолина, Благошвили — это птицы высокого полета, и вопрос об их судьбе будет решаться на самом верху. В деле про них сказано, что они направили Амчеславского начальником политотдела на склад №27, и все. Эта гирька мало потянет на весах их судьбы, об их судьбе выносилось решение не по данным этого дела.

Анатолий был переведен в областную тюрьму, где он еще несколько месяцев ожидал выездного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР.

Анатолий Амчеславский. Последние дни

Очередь до его дела дошла через полгода и два дня — работы у Военной коллегии было много, как в этом областном центре, так и в других. За это время Анатолий как-то ухитрился передать записку жене с просьбой спасти его. Произошло это через два месяца после окончания дела. Теоретический шанс у него был, если Мехлис заинтересуется и успеет отреагировать, для этого имелся довольно большой отрезок времени. Вот почему Мехлис? Знал ли он Амчеславского лично? Об этом данных нет, хотя Анатолий ранее мог по каким-то причинам писать Мехлису как редактору «Правды» и получать от него ответы. Или они когда-то пересекались на гражданской войне. Или до войны у Мехлиса была несколько другая слава, о которой сейчас в интернете не пишут, а именно защитника невинно пострадавших?

Надежды на спасение несколько угасли, когда Анатолия стали готовить к заседанию Военной коллегии. Начальник областного НКВД, когда пришла его очередь давать показания о своей антисоветской деятельности, рассказал, что ввел такой порядок: чтобы на выездном заседании Военной коллегии ВС ничто не мешало правосудию, а именно заявления подсудимых, что они невиновны и оклеветаны, оговорены, принуждены и прочее, — следователь либо оперуполномоченный обязан обеспечить необходимое поведение подсудимого. Желательно тот, кто вел дело. Следователь был обязан провести последнюю ночь перед заседанием Военной коллегии с подсудимым и под видом проработки деталей дела добиться нужного настроя подсудимого. При этом следователю предписывалось вести себя настолько возможно корректно, чтобы не испортить итог. В приказе по областному управлению НКВД это не написано, но

тогдашние следователи вспоминали, что до них было доведено: если подсудимый не будет приведен в нужную кондицию, то на его месте окажется сам следователь.

В том же году был арестован и сам Гравель за участие в правотроцкистском заговоре (ну и еще за кое-что). И, кстати, он мог попасть на это же заседание и получить такой же приговор. Судя по виденным протоколам заседаний Военной коллегии, следователи своего добивались. На что надеялись подсудимые, подписавшие на следствии признание, что они являются участниками военно-фашистского заговора, — кто знает? Возможно, они были в шоке от того, что оперуполномоченный Мироненко, пришедший в НКВД из Харьковского института физкультуры и обещавший им на следствии, что знает способы, как превратить отказывающегося говорить подследственного в труп, а медленно сотрудничающего — в инвалида, и потом заявлявший, что, действительно, бить подследственных он бил, но думал, что так и надо, — теперь говорил с ними нормальным голосом и не используя боксерскую перчатку?

На земле стоял месяц октябрь, в котором оправдались чьи-то надежды на хороший исход, а чьи-то — нет, а в Полтаве 15 октября было проведено подготовительное заседание Военной коллегии ВС СССР. Председатель — дивизионный военный юрист А.М. Орлов, члены — бригадный военный юрист Галенков и военный юрист 1 ранга Климин, при секретаре военном юристе 1 ранга Кудрявцеве. Вот так: даже секретарь — полковник юстиции в нынешнем эквиваленте! В заседании участвовал прокурор РККА бригвоенюрист Калугин. Было рассмотрено дело бывшего старшего политрука Амчеславского, обвиняемого по вышеприведенным частям статьи с применением закона от 1.12.1934. Докладчиком был сам Орлов. И решили: 1) Дело принять к своему производству, обвинительное заключение утвердить. 2) Предать Амчеславского суду по статье 54, части 1 «б», 7, 11 с применением закона от 1.12.1934. 3) Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и вызова свидетелей. 4) Меру пресечения для обвиняемого — содержание под стражей — оставить без изменений.

Таким образом, когда пишут, что на подобных заседаниях решалась судьба человека за двадцать минут — это правда, но не вся правда, а удобная для говорящего так ее часть.

16 октября Военная коллегия в том же составе, то есть Орлов, Галенков, Климин при Кудрявцеве, в 20.40 заслушала дело. Секретарь доложил, что подсудимый в заседание доставлен. Подсудимый спрошен, вручена ли ему повестка. Он ответил, что повестка ему вручена. Далее Амчеславскому были разъяснены его права. Подсудимый заявлений об отводе состава суда не делал и ходатайств не возбудил. Секретарем оглашено обвинительное заключение. Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил, признает ли он себя виновным. Подсудимый ответил, что виновным себя признает, свои показания, данные им на предварительном следствии, подтверждает полностью. «В военно-фашистский заговор был завербован в 1934 году Бубличенко». Больше подсудимый ничем судебное следствие не дополнил, и оно объявляется законченным. Подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он просит сохранить ему жизнь. Суд удаляется на совещание. По выходе из совещательной комнаты председательствующий оглашает приговор. Заседание закрыто в 21.00. Подписано: Орлов — красным карандашом, Кудрявцев — синим.

Приговор (вводная часть опущена): предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый являлся активным участником антисоветского военно-фашистского заговора, ставящего себе задачей насильственное свержение советской власти путем вооруженного переворота, подготовка террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства и организация поражения Красной армии во время войны с фашистскими государствами. В военно-фашистский заговор подсудимый был вовлечен в 1934 году одним из активных его участников Бубличенко, которым был посвящен и в задачи заговора. На протяжении своей антисоветской практической деятельности подсудимый Амчеславский проводил вредительскую работу, направленную на срыв боевой и политической подготовки рядового и начальствующего состава. Таким образом, в действиях подсудимого Амчеславского содержатся признаки преступлений, предусмотренных статьей 54-1 «б», 7, 8, 11. На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 296 и 297 УПК УССР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила Амчеславского Анатолия Абрамовича к высшей мере уголовного наказания с конфискацией лично принадлежавшего ему имущества и лишением его звания старшего политрука. Приговор окончательный и на основании постановления президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Подписи председательствующего и обоих его членов. Гриф — секретно.

Приговор о расстреле подсудимого Амчеславского Анатолия Абрамовича приве-

ден в исполнение в городе Полтаве 16 октября 1938 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1 спецотдела НКВД СССР, том 11, лист 143. Подпись начальника 12 отделения 1 спецотдела НКВД лейтенанта госбезопасности Кривицкого, карандашные отметки делопроизводства.

В качестве примечания: восьмая часть статьи, то есть террор, в деле непосредственно не фигурирует, и Амчеславский в нем не признавался. Это перешло в приговор из дела Тухачевского и остальных, где в обвинении указывался пункт о террористических намерениях заговорщиков. Логика в этом утверждении присутствует: коль скоро руководители заговора это планировали, то и мелкие сознательные участники должны отвечать за это. Насколько подобное правильно с юридической точки зрения — авторы не готовы сказать.

Включение же восьмого пункта подводило под вышеупомянутое «первое декабря», то есть жить осужденному оставалось меньше суток.

Севернее областного центра между селами Макухивка и Кропылы располагался уже заброшенный песчаный карьер. В нем, как считается ныне, и хоронились жертвы расстрелов 1937-38 годов. Сами же расстрелы проводились в подвалах здания областного управления НКВД.

Анатолий Амчеславский. Post mortem

Хлопоты жены Анатолия Абрамовича в области увенчались только получением сведений, что он осужден 16 октября к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. При этом она в письмах к власть имущим не использует всем известный эвфемизм «десять лет без права переписки». И вообще авторы не встречали его в делах. Пока же она добивалась справедливости.

«Нач. политуправления РККА тов. Мехлису

З а я в л е н и е

В марте 1938 года мой муж Амчеславский Анатолий Абрамович, начальник политотдела 27 военного склада, был арестован органами НКВД. Спустя три месяца я получила от него записку, в которой он пишет буквально следующее: «Силою жестоких побоев подписал обвинение, спасай, едь к Мехлису, добивайся правды, невиновен».

Я давно обратилась с заявлением на Ваше имя через Ваш секретариат и получила ответ, что в Ваши функции не входит рассмотрение таких заявлений и нужно обращаться в НКВД. Таким образом, я была лишена возможности действовать, как просил муж в записке.

Узнав, что мой муж осужден к 10 годам лишения свободы Военной коллегией Верховного суда, я решила обратиться к Вам вторично с просьбой заинтересоваться делом и проверить по первоисточникам, путем опроса Амчеславского, обстоятельства, изложенные в его записке, так как мой долг обязывает меня обратиться к Вам по его указанию. О результатах прошу сообщить по указанному адресу.

В дополнение к этому считаю необходимым сообщить, что факт борьбы моего мужа с врагами народа за генеральную линию ВКП(б) и травлю, которой он подвергался с их стороны, его преданность делу партии и советской власти, что важно в свете искусственно созданного вокруг него обвинения, могут подтвердить ответственные партийные и советские работники, вместе с ним пребывавшие в рядах РККА и на партийной работе, а именно: а) по его службе в РККА — тов. Уриклян Владимир Николаевич, начштаба Военно-хозяйственной академии в г. Харькове, б) тов. Броверман — главный врач той же академии, в) по партийной работе мужа в городе Сквире — тов. Матус Сергей, директор Облрыбтреста, адрес — г. Киев, Тарасовская 9. Эти товарищи выразили желание лично сообщить эти данные.

Амчеславская».

Заявление не датировано, имеется некий шифр учета, но по содержанию относится к периоду не ранее второй половины 1938, а то и к началу 1939 года, поскольку упоминается факт повторного обращения к Мехлису.

Результата два обращения к Мехлису не имели, так как в 1940 году жена снова обратилась в разные инстанции, а пересмотр дела начался только в середине пятидесятых. Но в нем содержится косвенная информация, что Эсфирь Ароновна по-прежнему живет по тому же адресу, что и до ареста мужа, хотя после его ареста прошло не менее года.

Она нашла трех сослуживцев мужа, готовых свидетельствовать в его пользу, хотя свидетельствовать за осужденного врага народа, участника военно-фашистского заговора и вредителя должно быть очень неудобно для лиц с немалым положением. Это к вопросу о том, что происходило в обществе на самом деле, а не в романах и фильмах.

И в качестве дополнительного штриха — о Сергее Матусе. Про него в показаниях сказано, что Амчеславский вовлек его в группу троцкистов, творящих безобразия во

всем Сквирском районе. И в списке лиц, проходящих по показаниям Амчеславского, под номером шесть указан Матус как троцкист. И не знает директор рыбтреста, за кого он готов поручиться...

Следом она написала прокурору СССР Вышинскому. Получение адресатом письма датировано 3 марта 1939 года. Эсфирь Ароновна начала с ареста мужа, затем упомянула записку из тюрьмы:

«Этой запиской была настолько потрясена, что потеряла всякую ориентировку, и вместо того, чтобы передать ее вышестоящим органам НКВД или в прокуратуру, я ее уничтожила. Об этом никому официально не сообщала, полагая, что муж сам как-нибудь поставит вопрос где следует, как его из городской тюрьмы перевели в областной отдел НКВД, однако я несколько дней назад узнала, что муж ранее был осужден Военной коллегией Верховного суда к 10 годам тюремного заключения и в настоящее время отбывает наказание в Тобольской тюрьме. Факты, изложенные в записке мужа, легко проверить по первоисточнику, то есть опросив мужа. Считаю нужным добавить, что следователь Гравель, что вел дело мужа, сейчас арестован.

Я считаю необходимым осветить личность мужа. Сын служащего, гонимый мачехою, он работал по найму с 16 лет. Вступив добровольцем в ряды РККА, служил в них до 1923 года. Затем до 1933 года был на партийной работе, а с 1933 вновь на военной службе. И был арестован с должности начальника политотдела склада в городе Кременчуге. Будучи в рядах РККА, вел непримиримую борьбу с оказавшимися врагами народа полковником 122 СП Чебановым, начальником политотдела 24 СД Градусовым и Носовым, о чем имеются материалы в политуправлении округа и Московской окружной парткомиссии.

Вел непримиримую борьбу много лет с оказавшимися впоследствии врагами народа секретарем Малинского РПК Самутиным, первым секретарем Киевского обкома КП(б) Демченко и вторым секретарем Бабко, незаконные действия которых он выявил, за что был снят с должности в Сквирском районе и был преследуем за стойкую и преданную работу. Я убедительно прошу вас заинтересоваться нарушениями законности и правопорядка и проверить мое заявление, провести тщательное расследование...»

Вышинский не помог. Но приводимые женою сведения весьма интересны. Самутин и Градусов оказываются непримиримыми врагами Амчеславского, а не вышестоящими участниками заговора. Но в деле до сих пор ничего не сказано о конфликте с ними, как и в сообщении свидетеля из Сквиры, что Анатолий был снят с должности там. Конечно, свидетель мог и не знать об этом, отправившись на другую работу до этого. Но ведь он работал в Киеве и мог слышать о конфликте своего старого знакомого с первыми лицами из обкома партии.

Еще интересна информация о том, что Анатолий находится в Тобольской тюрьме. Кто бы мог сказать — это слухи, за которые родные осужденных хватались, как утопающий за соломинку, или подобные сведения распространяли преднамеренно, для обмана?

Эсфирь Ароновна жаловалась и преемнику Вышинского Панкратьеву. Поскольку Михаил Иванович являлся прокурором СССР с мая 1939 по август 1940 года, это помогает уточнить датировку ее «жалобы в порядке надзора». В штампе делопроизводства стоит дата 14.06.1938, а жалоба направлена на приговор Военной коллегии ВС от 16.10.1939. Авторы думают, что здесь допущено минимум две ошибки.

Текст мало отличается от обращения к Мехлису, добавлена пара фраз про то, что Анатолий начал служить еще до 18 лет и пошел добровольцем в Красную армию. Названы те же поручители за Амчеславского и указан опять же прежний адрес проживания жены.

Дальше в деле подшит один любопытный документ — машинописная копия обращения Эсфири Ароновны куда-то наверх. Увы, машинописные копии того времени не всегда вообще читаемы, а иногда читаемы только местами. Не разобрать, куда именно и к кому обращалась жена бывшего старшего политрука. Обращение датировано 28.02.1940, а на штампе указана дата: 2 апреля того же года. Видимо, это было письмо отчаяния, поскольку в других местах уже точно отказали, и только обратившись по этому адресу, можно было надеяться на что-либо. Жена покойного старшего политрука еще не знала, что с мужем, но продолжала надеяться на лучшее, хотя уже сомневалась в благополучном исходе.

«...Верховный суд СССР в протесте отказал, так как мое заявление содержания дела не касалось, от мужа жалобы не поступало, обвинение его, хоть и вынужденное, но все же было подписано им»...

Комментария авторов не будет — слова просто застревают в горле.

«В настоящее время, несмотря на все мои запросы, мне неизвестно, где муж отбывает наказание, жив ли он и есть ли даже о ком хлопотать. Я получила недавно сообще-

ние от НКВД, что мой муж осужден к десяти годам заключения с особым режимом, без указания места, где он отбывает этот режим и жив ли он...

Я бесконечное число раз спрашиваю себя, за что же я подверглась такому мучительному наказанию и почему на меня должен распространяться этот особый режим, в котором пребывает мой муж, почему я должна находиться в горьком неведении. Если даже и допустить, что муж правильно осужден, то даже в этом случае нельзя, чтобы ни я, ни ребенок не знали, есть ли у нас муж и отец, можем ли мы надеяться на то, что когда-нибудь встретимся с ним, или мы должны примириться с тем, что его уже нет. Наконец, всякая горькая истина лучше мрачной тяжелой неизвестности, которая бесконечно сверлит мозг, не давая покоя ни днем, ни ночью.

Мне известно, что люди, осужденные Военной коллегией к 20 годам, пишут письма родным. Чем же тогда объяснить то обстоятельство, что мой муж, осужденный к десяти годам, ни разу не сообщил о себе ничего».

В следующих сточках таится разгадка, к кому обратилась отчаявшаяся супруга.

«Не добившись нигде прямого ответа на мой запрос, я вынуждена обратиться к Вам как к самому гуманному человеку, который с присущей Вам чуткостью ко всяким вопросам, касающимся живых людей, сможет понять, что дальше так продолжаться не может и что я должна знать истину, какая бы она ни была.

От имени своего и ребенка умоляю Вас принять соответствующие меры к тому, чтобы я получила правильное сообщение о местонахождении моего мужа и о том, жив ли он. Если он жив, прошу принять также меры к пересмотру дела, выявив, не являет ли он жертвой сговора лиц, сводивших с ним личные счеты и из низменных побуждений оклеветавших его».

Самый гуманный человек ей не помог. Дело сдвинулось с мертвой точки только осенью 1956 года, когда начался пересмотр его. Прокуратура Киевского военного округа принялась собирать материалы для этого. Одним из первых шагов стал запрос в управление кадров Министерства обороны о судьбе лиц, что свидетельствовали против Амчеславского. А это: Бубличенко, Чебанов (бывший командир 122 стрелкового полка), Власов, Пирог, Яхнович, Рубан (бывший работник штаба 122 СП).

И управление кадров дало ответ, причем в дело лег не отпечатанный или рукописный ответ, а текст самого запроса, на котором от руки вписаны данные на чистых частях листа. Из столь оригинального ответа удалось узнать, что Бубличенко отсутствует в картотеке начсостава, но состоит на учете в Главном политическом управлении МО. Чебанов — данных нет. Власов — уволен в запас в звании полковника в феврале 1953 года, состоит на учете в Воронежском облвоенкомате. Пирог — ныне полковник, проходит службу в ПВО Группы советских войск в Германии. Яхнович — данных нет. Капитан Рубан — уволен в запас по статье 43 пункт «б» в августе 1937 года. Позднее — данных нет.

Следователем было запрошено личное дело самого Анатолия, отдельные документы из него были скопированы. Это личный листок по учету кадров и характеристики. Например, протокол партийной чистки, относящийся к службе в 24 дивизии.

Товарищ Бубличенко (тот самый, тот самый), стенограмма выступления: «Товарищ Амчеславский недавно прибыл в армию. Безусловно, опыта достаточного нет. Но все же нужно сказать, что Амчеславский, в силу присущей ему поворотливости и оперативности, сумел сделать решительный перелом в партполитработе полка. Все помнят о тяжелом положении ДПК и одно время стояли на точке зрения принятия решительных мер лечения. Сейчас мы имеем совершенно другую картину, парторганизация сильна и способна решать поставленные задачи. У Амчеславского достаточно качеств, чтобы и дальше быть настоящим большевиком. Но следует помочь с небольшим недостатком: нужно обратить внимание на выдержку, меньше вспыльчивости, больше доверять своим помощникам, которые могут оказать большую помощь, а недоверие к своим ближайшим помощникам у тебя, товарищ Амчеславский, есть».

Еще высказалось четыре человека.

Сабодин, член ВКП(б), начштаба полка: «Товарищ Амчеславский — один из самых дисциплинированных членов нашей ячейки, ни одного случая, когда не выполнил данное ему поручение. Недочетом его является недостаточное руководство 9 и 3 ротами, когда они пребывали в карауле».

Ильинский, секретарь партбюро: «Показал себя действительным большевиком».

Марахин, член ВКП(б), комиссар военстроительства: «Иногда товарищ Амчеславский недостаточно чутко относится к товарищам по отдельным вопросам. Мало помощи в обеспечении строительства».

Тонконогов, член ВКП(б), командир батальона: «С приходом в полк товарищ Амчеславский, несмотря на малый опыт армейской службы, быстро включился в работу. Товарищ Амчеславский крепко спаян с начальствующим составом и решительно проводит волю старших начальников, в этом свете многим нужно поучиться. Из недо-

статков: нет еще того, чтобы товарищ Амчеславский твердо усвоил и систематически проводил систему проведения политзанятий. Бывало, что за час пробегали все этапы, а бывало, что последовательно проходили все этапы. Еще из недостатков: когда начальник клуба обращался к Амчеславскому, то получал ответ: «Вы начальник клуба — делайте». Такие же случаи были с молодыми политруками: «Вы политрук — оборудуйте палаты, делайте плакаты».

Постановили: считать проверенным. Председатель комиссии по чистке — Громов. Члены комиссии — Трушкин, Буценко.

А вот аттестация на помощника военкома 72 стрелкового полка 24 СД Амчеславского Анатолия Абрамовича, в должности с 16.06.1933:

«Тов. Амчеславский, член ВКП (б) с 1921 года, прибыл в дивизию по партмобилизации в 1933 году. Год работал врид помполита 72 СП. Идеологически устойчив, партийно выдержан. При исполнении обязанностей помполита полка с работой справляется, быстро вошел в курс партполитработы в РККА. Полк за 1933 год по стрелково-тактической и политической подготовке получил хорошую оценку. В 1934 году работал по основной своей должности помвоенкома полка. Задания как политотдела, так и помполита выполнял аккуратно. В связи с тем что прибыл новый помполит полка, а он обратился к исполнению своих прямых обязанностей — отмечался некоторый холодок и непроявление необходимой дисциплины. Склад ума гибкий, изворотливый. Имеет наличие административных способностей. Горяч, не всегда серьезен, некоторое легкомыслие. Политически развит удовлетворительно. Систематически над собой не работает. Два месяца является председателем Винницкого ЗВК, в работе последнего по сравнению с предыдущим 1933 годом наступило улучшение. В этом можно видеть заслугу товарища Амчеславского. При надлежащей помощи со стороны политотдела может быть помполитом полка КП-8.

Врид начподива дивизии».

А это противоположного характера аттестация (досрочная) на помощника по политической части командира 122 стрелкового полка за 1935-1936 гг. Амчеславского А.А.:

«Тов. Амчеславский работал по окончании аттестационного периода в течение 8 месяцев, отмеченные в аттестации недостатки не устранялись, а наоборот, показал себя совершенно неграмотным в проведении партийно-политической работы в РККА. Совершенно не справился с делом сплочения начсостава вокруг боевых задач, постоянно спорил с командиром полка по непринципиальным вопросам. В течение зимы три раза приходилось разбирать трения, в которых всегда оказывался виноват тов. Амчеславский. В глазах всего начсостава, в том числе и политсостава, потерял всякий авторитет своей плохой работой. Своим боевым и политическим ростом совершено не занимается. Формами и методами политической работы, особенно в территориальных частях, не овладел и желания не проявляет. С обязанностями помощника командира полка по политической части совершенно не справляется. Должности не соответствует и подлежит немедленному снятию с этой работы.

Военкомдив, начполитотдела 41 стрелковой дивизии бригадный комиссар Градусов. 25.05.1936».

Из партхарактеристики: «С 1932 года снова в армии, помполит 72 СП и 122 СП, в настоящее время комиссар склада и строительства. Личные партийные качества: идеологически выдержан, предан партии, большевистски принципиален и настойчив, непримирим к врагам, провел большую работу по выкорчеванию врагов и вредителей на строительстве и складе. Обладает организаторскими способностями, имеет опыт партийной работы. Недостаток — иногда вспыльчив.

Отсекретарь партийного бюро склада №276 НКО Курицын. Члены партбюро Богданов, Резниченко. 21.02.1937».

Проанализировав эти документы и сравнив их с другими материалами дела, можно выявить следующее: на трех местах службы Амчеславского характеризовали положительно, за исключением 41 СД. Там характеристика прямо уничтожающая. Не удивительно, что после нее он убран со службы в боевых частях и направлен на службу на химсклад. Последующее место службы — тоже склад, хотя ему по новому месту подчинены военкомы иных подразделений и он называется политработником дивизионного уровня. Да и условия службы там лучше, чем на станции Селещина. Интересно, обращали ли внимание на военном совете округа на предыдущую разгромную аттестацию?

Про Градусова. Жена прямо называет его врагом народа, и действительно, он расстрелян в ноябре 1937 года.

Нашлось кое-что и на Бубличенко: приложение к протоколу военсовета ХВО от 17.09.1937, список лиц командного и начальствующего состава частей ХВО, подлежащих увольнению из РККА: «3) Бубличенко Александр Герасимович, бывш. военком и начполитотдела 23 СД, бригадный комиссар. Исключен из рядов ВКП(б) за связь с

врагами народа. В своей практической деятельности развалил партийно-политическую работу и боевую подготовку частей дивизии. Сознательно смазывал крупнейшие безобразия в дивизии (издевательство над красноармейцами, рукоприкладство и т.п.). Вел линию на притупление классовой бдительности. Выступал на собраниях с заявлениями: «Клянусь головой, что в дивизии нет врагов». Покрывал и защищал выявленных парторганизациями частей дивизии врагов народа — троцкистов. Партийно-политическую работу передоверил инструкторам политотдела — троцкистам, зная о их принадлежности к троцкизму. Представлял к награде орденами бывших офицеров, зная о их вредительской деятельности. Разложился в морально-бытовом отношении сам и запутался в хозяйственных преступлениях. Скрыл свое социальное происхождение. Не принимал мер к очищению частей дивизии и особенно штаба дивизии от социально чуждых и враждебных элементов, а наоборот, способствовал засорению ими. Его практическая деятельность вытекала из политической связи с разоблаченными врагами народа — Кожевниковым, Савко, Туровским, Куницким и др».

Теперь третье появление товарища Пирога в нашей истории. 19 ноября 1956 он был еще раз допрошен помощником военного прокурора по делу Амчеславского:

« — Где вы служили в 1937 году?

— В 12 отдельном батальоне местных стрелковых войск в городе Кременчуге, являлся и.о. военкома батальона.

— Знаете ли вы Амчеславского Анатолия Абрамовича?

— Во время моей службы в 12 батальоне МСВ в гарнизоне города Кременчуга служил старший политрук Амчеславский, военком склада №27. Другого Амчеславского я не знаю. Политотдел военсклада №27 имел непосредственное отношение к 12 батальону и руководил политработой в батальоне.

— Как вы можете охарактеризовать служебную и политическую деятельность Амчеславского?

— С тех пор прошло много времени, и потому дать ему служебную и политическую характеристику как начальнику политотдела склада №27 я затрудняюсь... Мне помнится, что Амчеслвский был в батальоне раза два или три. В одном случае... интересовался оборудованием и работой ленинских комнат, а в другом посещал командирскую столовую. Были случаи, когда Амчеславский проводил совещание на военскладе №27, на них присутствовал и я. До Амчеславского начальником политотдела склада был полковой комиссар Кофанов, он был посильнее Амчеславского, имел большой опыт. Каких-либо отрицательных моментов в служебной и политической характеристике Амчеславского как начальника политотдела склада назвать не могу.

— На каком основании вы в 1938 году дали показания о том, что партийная работа Амчеславского была вредительской?

— Как в 1938 году, так и сейчас я никакими фактами о вредительской деятельности Амчеславского не располагал и не располагаю. Тогда я был вызван на допрос уполномоченным госбезопасности Гравелем, который был следователем у Амчеславского. В 1938 году арестованных ответственных работников все называли врагами народа и рассматривали их упущения по службе как вредительство, я так же расценивал известные мне по службе некоторые упущения Амчеславского и назвал вредительством.

— Какие конкретно факты упущений... вы на допросе расценили как вредительство в партийной работе?

— За давностью времени я уже не могу припомнить всех упущений Амчеславского, но отдельные все же помню. Так, он задержал у себя ряд аттестационных материалов на политработников нашего батальона, и им своевременно не было присвоено воинское звание. Амчеславский был груб и нетактичен по отношению к командирам и политработникам батальона. Он взял под защиту врача батальона, хотя тот был ответственным за случай обжога в санчасти одного красноармейца, притом когда ему неумело были поставлены банки. Вместо того чтобы справедливо разобраться с этим случаем, Амчеславский в присутствии того врача накричал на меня и командира батальона. Других случаев неправильного поведения Амчеславского я сейчас привести не могу.

— На допросе вы показали, что Амчеславский по служебным вопросам в батальоне не бывал, а если и бывал, то только в столовой, на ваши просьбы помочь вам в работе отвечал отказом. Сейчас же, в начале допроса вы признали, что Амчеславский приезжал дважды, один раз он интересовался устройством ленинских уголков, второй раз — работой столовой. Прошу пояснить, какие из ваших показаний являются правильными.

— Должен признать, мои показания 1938 года являются тенденциозными, а это объясняется той обстановкой 1937-38 годов, в какой велись дела. В действительности, Амчеславский бывал в батальоне 2-3 раза по работе, связанной с его служебным положением. Конечно, он бывал мало, но это не повод для вывода, что делалось это с целью

вредительства.

— В ваших тогдашних показаниях утверждается, что Амчеславский, руководя дивизионной партшколой, довел ее до полного развала. Так ли это?

— Как мне помнится, работа в ДПШ была поставлена неудовлетворительно. Амчеславский как начальник политотдела был повинен в этом.

— Откуда вам известно, что ваша аттестация, переданная Амчеславскому, была обнаружена в его бумагах во время осмотра его кабинета после ареста?

— Откуда мне было это известно, сейчас сказать затрудняюсь. Думаю, что об этом мне сказал оперуполномоченный Гравель.

— Допрашивались ли вы по делу Амчеславского в суде?

— Нет, не допрашивался.

— Проводил ли следователь Гравель очную ставку между вами и Амчеславским?

— Очная ставка между нами проводилась. На очной ставке следователь зачитал мои показания. Амчеславский стал их оспаривать, тогда Гравель стал на него покрикивать, угрожая, что отправит его в карцер. Тогда же Гравель переписал мои показания в протокол и дал ему, он подписал.

— Следователь Гравель на допросе вынуждал вас дать против Амчеславского клеветнические показания?

— Гравель мне на допросе сказал, что Амчеславский арестован как шпион и враг народа, и спросил меня, какие у меня есть сведения о вредительской деятельности Амчеславского. Я Гравелю привел несколько служебных упущений Амчеславского, а он записал в протокол, где придал этим фактам тенденциозную окраску, и я эти показания подписал.

— Приходилось ли вам давать показания по другим делам арестованных?

— Нет, по другим делам я не допрашивался».

Вот так, во всем виновата атмосфера тех лет.

* * *

23.03.1957 военный прокурор отдела ГВП майор юстиции Быков направил в Военную коллегию Верховного суда СССР заключение по делу Амчеславского А.А., в котором полагал отменить приговор 1937 года по вновь открывшимся обстоятельствам. Вновь открывшиеся обстоятельства — это реабилитация бывших участников «военно-фашистского заговора», который был признан несуществовавшим. Поскольку Бубличенко, якобы вовлекший Амчеславского в заговор, теперь реабилитирован, то и дело Амчеславского требует того же. Указано, что свидетель Пирог дал показания, что его показания 1937 года о некоторых упущениях со стороны Амчеславского были тенденциозно истолкованы следствием. И более важны показания Матуса, где отрицалось вовлечение его в антисоветский заговор Амчеславским.

Военная коллегия ВС СССР в составе председательствующего полковника юстиции Цырлинского и членов подполковников юстиции Горбачева и Стукалова к этим доводам прислушалась и в сентябре 1957 года отменила приговор 1938 года. Справка о реабилитации выдана жене, но фамилия ее указана как Гервольвская, а не Амчеславская.

Дочка его была жива в 1990 году, когда обращалась в областное управление КГБ с просьбой сообщить данные о судьбе отца.

Интерлюдия вторая

ПРОШЕДШИЙ ПО МОГИЛЕ

Поскрипывала старая ручка, выводя на желтоватой плотной бумаге бланка фиолетовые буквы: «Протокол допроса свидетеля». 19 декабря помощник военного прокурора Киевского военного округа майор юстиции Курасов в помещении военной прокуратуры допрашивал нижеподписавшегося в качестве свидетеля с соблюдением норм УПК УССР.

«...По настоящему делу показываю — в феврале месяце 1932 года решением бюро Киевского обкома партии я был направлен на должность председателя КК РКИ Сквирского района. Секретарем райкома партии работал Амчеславский А.А. До приезда в район его не знал. Был я с Амчеславским в деловых служебных отношениях. Его могу характеризовать как энтузиаста, политически грамотного человека, отдававшего силы на проведение в жизнь решений партии. Отрицательного в нем было то, что он иногда был труслив и допускал некоторую панику, преувеличивая события. Так, например, в те годы иногда в районе появлялся бандитизм, а Амчеславский об этом отзывался, как будто были целые бандитские соединения. Без оружия и автомашины он не ходил, и дом его охранялся милицией. Об антисоветской деятельности его мне ничего не было

известно, и после его ареста я был крайне удивлен. Ни к каким антипартийным группам я никогда не примыкал. Разговоров с Амчеславским на антипартийные темы я не вел, и ни в какую антисоветскую организацию Амчеславский меня не вербовал».

— Теперь добавьте: «протокол написан собственноручно» и поставьте подпись. Большое вам спасибо, Сергей Андреевич, за помощь. Дайте вашу повестку, я распишусь в ней.

— Я больше вам не нужен?

— Нет, Сергей Андреевич. До свидания, еще раз большое спасибо вам.

Сергей Андреевич вышел, и майору показалось, что свидетель как-то стал нетверд походкой. Но помощник прокурора его понимал. Жил человек восемнадцать лет и не знал, что в не очень далеком Кременчуге на свет появились два документа.

Протокол допроса с показаниями Амчеславского:

«При переводе меня в РПК в Сквирский район я создал вокруг себя группу из руководящих работников района в составе председателя райисполкома Люлько, председателя партийной контрольной комиссии Матуса, завторга Шапран, редактора районной газеты... и будущего председателя исполкома Швачко и проводил с ней ту же контрреволюционную работу, что и в Ивановском районе».

И другой документ, еще более страшный: список лиц, проходящих по показаниям обвиняемого Амчеславского. Всего 29 человек, в том числе шесть сквирских товарищей, и под номером шестым там числился — «Матус, председатель КК РКИ Сквирского района в 1933 году, троцкист (устанавливается)». Так что могло случиться и так, что майор сейчас опрашивал бы какого-то товарища Безштанько, знал ли он ранее Матуса С.А. по работе и как может того характеризовать?

Сергей Андреевич, как автомат, вышел из здания и направился к ожидающей его «эмке». Куривший возле машины шофер Виталик чуть не подавился беломориной — настолько мертвым взглядом глянул на него директор.

— Андреич, куда?

— В контору.

Язык не слушался директора, но все же выговорил нужное. Виталик шустро завел машину, дождался, когда начальник усядется, и очень аккуратно тронулся с места. Ему отчего-то подумалось, что у директора сейчас разорвется сердце, как у его тестя, и он вел машину, как если бы вез раненого.

Помнил ли Сергей Андреевич о том, что был готов на вот это: «...факт борьбы моего мужа с врагами народа за генеральную линию ВКП(б) и факт травли, которой он подвергался с их стороны... может подтвердить... Матус Сергей, директор Облрыбтреста, адрес — г. Киев, Тарасовская 9...» Наверное, помнил.

Помнил ли о том, что за добрые слова о расстрелянном участнике военно-фашистского заговора в РККА ему может быть много чего неприятного? Скоее всего, да.

В другом полушарии Земли люди в таких случаях говорили: «Кто-то прошел по моей могиле». Иногда уточняли, что по могиле шастал гусь или кролик. По могиле же Сергея Андреевича прошел старший политрук Амчеславский Александр Абрамович, перед арестом — начальник политотдела 27-го артиллерийского склада. Прошел, оставив мертвящий холод на сердце, и отправился к месту своего упокоения — леску возле хутора Трибы, где среди сосен три десятка лет скрывалась его никому неизвестная могила.

История вторая

ГРАВЕЛЬ И ПЕРСОНАЖ «ТИХОГО ДОНА»

Речь пойдет об отражении романа «Тихий Дон» в следственном деле капитана Свиридова. Заранее скажем, что жена капитана помогла его аресту, заставив прекратить сопротивление Гравелю и его коллегам и сдаться, а потом возникло некое чувство меж нею и оперуполномоченным. И это не единственная тайна дела. А самая интересная вещь в том, что Особый отдел 25 стрелковой дивизии начал копать под Свиридова еще в начале 1936 года, причем издалека (в прямом смысле слова).

Позднее Свиридова много раз спрашивали о его взаимоотношениях с ранее арестованным комдивом М. Зюком, поэтому можно предположить, что кто-то информировал Особый отдел о взаимоотношениях с комдивом, которого обвиняли в том, «что он по приказу Л.Д. Троцкого готовил покушение против членов советского правительства и занимался вредительской работой по подрыву мощи Вооружённых сил».

Еще в деле есть информация о том, что капитан Свиридов допускал антисемитские выражения, был настолько болтлив, что мог выболтать среди гражданских сведения, которые они не должны знать, скажем, о заграничных командировках наших военных. Есть материалы допросов свидетелей об этом, и, несомненно, что-то доходило до

Особого отдела и раньше.

Но вот как и кто надоумил провести проверку по бывшему месту жительства Свиридова — об этом дело прямо не говорит. А там выяснилось следующее: в молодости будущий капитан приложил руку к расстрелам красногвардейцев из отряда Подтелкова и Кривошлыкова. Оттого в апреле-мае 1936 года на Дону собирали материал о Свиридове. Арестован же он был более чем через год.

Ощущал ли тогда Свиридов дыхание судьбы на затылке? Скорее всего, нет. В родных местах он давным-давно не был, так что вряд ли кто-то написал ему о внимании к его молодости. Кроме того, была у Николая Сергеевича одна страсть, свойственная военным, которая помогает меньше думать о плохом. Он и не заметил. Так что эта глава будет посвящена расследованию: что же на самом деле было на Дону и в Полтаве в связи с делом Свиридова.

Прошлое выплыло навстречу капитану, как айсберг прямо по курсу «Титаника». Собственно, таких, как он, до сих пор было немало: тех, кто в свое время служили в белых армиях и армиях разных республик, что образовались на территории Российской империи, а потом по большей части исчезли. И то, что некогда казак Свиридов служил в белых армиях, а потом перешел на сторону красных — не диво. Уже признанный классик молодой советской литературы Шолохов рассказал историю Григория Мелехова, кого судьба кидала из армии в армию. У Григория был прототип — Харлампий Ермаков, которого после гражданской из армии выжили, несмотря на желание командарма Буденного оставить лихого рубаку в строю. И он был не один такой.

Тимофей Тимофеевич Шапкин в марте 1920 года перешел на сторону красных и успешно рубил врагов советской власти: поляков, врангелевцев, разных повстанцев, басмачей. В 1931 году снят с учета как бывший белый, удостоился четырех орденов. В 1936 году стал командиром кавалерийской дивизии, с 1941 года — командир корпуса.

Военная судьба Свиридова была как бы посередине двух упомянутых. Тоже служил в белой армии, на рубеже 1919-20 года перешел на красную сторону, рубил врагов советской власти, за борьбу с Махно удостоен ордена Красного Знамени и не одного. Закончил училище в Симферополе, был в некоей заграничной командировке (не то в тогда самостоятельной Туве, не то в Монголии).

Ермаков был под пристальным взором ОГПУ, которое таки нашло на него компромат и приговорило к расстрелу за участие в казни пленных из отряда Подтелкова и Кривошлыкова. Шапкин служил до начала Великой Отечественной войны, воевал до марта 1943 года, когда с ним случился инсульт. Увы, генералу тогда было около 58 лет, а тяжелые бои не помогают беречь здоровье.

А товарищ Свиридов в 1937 году арестован, а позднее расстрелян, в том числе и за то самое участие в расстреле красногвардейцев отряда Подтелкова и Кривошлыкова.

Вообще к тому времени для бывших белых, незапятнанных ничем, кроме вооруженной борьбы с советской властью, уже давно имелась амнистия. Правительство УССР ее объявило в 1927 году. Но с неким условием — не для тех, кто был замечен в казнях и издевательствах над участниками рабочего, революционного движения и красноармейцами. Для тех в КК УССР по-прежнему имелась статья 54, часть 13, с санкцией — высшая мера социальной защиты.

Участие в расстреле пленных красноармейцев — это не забывали. Поэтому, когда это было выявлено про Ермакова — его судьба была предрешена.

Еще пример. Когда в конце 1939 года из бывшей Чехословакии на советскую сторону пришел гражданин Нестройный, то сначала ему просто светила статья 80, то бишь незаконный переход границы (если авторы не путают, до полугода отсидки), но потом оказалось, что Сергей Лаврентьевич Нестройный в 1918 году участвовал в полицейских расправах над крестьянами. И когда нашлись свидетели его «героизма», то история его была печальной. Нестройного даже не спасли попытки потрудиться внутрикамерным агентом для следствия.

Сначала было это: «Летом 1918 г. в селе Бабичевке, — говорит свидетель Шатравка Дмитрий Александрович, 1897 г.р., — я был арестован и отведен в имение Котляра Василия. В аресте меня принимал участие Нестройный Сергей...» О ком свидетель Середа Андрей Захарович, 1892 г.р., рассказывает: «В 1918 г. Нестройный Сергей являлся активным участником карательного отряда, который находился в хуторе Левченка... Нестройный Сергей и Черныш главным образом охотились в поимке красных партизан. Был пойман я, Чирва Федор Александрович (умерший), Шатравка Дмитрий из Бабичевки, Пятибрат Иван Васильевич. После, когда нас поймали, нас стали избивать в экономии Котляра Василия. В избиениях принимал активное участие Нестройный Сергей. Я помню, когда меня стали избивать до крови, я с плачем обратился к Нестройному, так он покрыл меня матерной бранью и сказал: «А помнишь, как ты организовывал подпольное собрание против нашей власти?» И после этого меня стали бить еще больше. Меня за участием Нестройного били три или даже больше разов».

А из этого и участия в расстрелах вытекло следующее: «21 ноября 1940 г., согласно предписанию 4056464, проходящему под грифом «совершенно секретно», осужденный под усиленным конвоем был доставлен из тюрьмы №1 во внутреннюю тюрьму УНКВД. В тот же день в 13.15 приговор был приведен в исполнение во внутренней тюрьме Полтавского областного управления НКВД комендантом младшим лейтенантом госбезопасности Балаклиевским и ответственным дежурным по УНКВД Кировым в присутствии заместителя прокурора по спецделам по Полтавской области Малого. Труп был предан земле в присутствии товарища Балаклеевского».

20.07.1937 товарищ Гравель, подписывая постановление, уже знал о материалах с Дона и писал про «подвиги» Свиридова на почве борьбы с советской властью. А до этого шла кропотливая работа по выявлению. В порядке выявления составляется справка из Еленского сельского совета Вешенского района о том, что в староцерковных книгах записи о рождении в 1890 году Свиридова Николая Сергеевича не обнаружено и данных о его родственниках при расспросах местных старожилов собрать не удалось.

Поскольку Свиридов числился с датой рождения 1895, то сей запрос и ответ немного странен. Но выявляется другая справка, что в Вешенском сельсовете нет метрических записей о рождении Свиридова Николая Сергеевича за 1889, 1890, 1891, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 гг., а метрических книг за 1892, 1893, 1894 гг. в сельсовете нет. Из чего можно заключить, что поиск по Свиридову шел, скорее всего, снизу, что был такой казак, ФИО его есть, но год рождения известен крайне приблизительно, который участвовал в неких событиях прошлого, но о современной его жизни было известно не так много, возможно, лишь то, что он служит в Красной армии.

А товарищ оперуполномоченный Особого отдела Кугно подшивал бумаги (к сожалению, очередность их прихода неясна), и однажды к нему пришла вот такая бумага, выданная Боковским районным комитетом ВКП(б) политотделу 25 стрелковой дивизии:

«Прилагая при этом материал на 3 листах с показаниями жителей хутора Евлантьев т.т. Гордеева и Евлантьева, Боковский районный партийный комитет удостоверяет, что факты, изложенные в материалах о Свиридове Н.С., происходящем из хутора Евлантьев, являются вполне достоверными и даны тов. Лихнякевичу в присутствии специально выделенного партийным комитетом члена партии — начальника милиции Боковского района тов. Демидова. Т.т. Гордеев и Евлантьев, разоблачающие своими показаниями активное участие в 1918 году Свиридова Н.С. в карательном отряде полковника Сенина и добровольное участие в расстреле партизан отряда т.т. Подтелкова и Кривошлыкова, а также службу в армии Деникина вплоть до окончательного разгрома его Красной армией, являются вполне советскими людьми, активными членами колхоза имени Полтелкова-Кривошлыкова, на хуторе Евлантьев, достаточно хорошо знают обстановку 1918-1919 годов в районе, семью и самого Свиридова Н.С.

Секретарь Боковского РК ВКП(б) Моисеев».

Сейчас Боковский район и Шолоховский (с центром в станице Вешенской) — разделены, но до декабря 1934 года будущий Боковский район входил в Вешенский. Поэтому изменения в административных разделах и подчиненности населенных пунктов могут быть неизвестны за их пределами. Оттого возможна пересылка бумаг не по нужному адресу, и поиски удлиняются.

Заявление гражданина Евлантьева Я.А. (копия с копии):

«Мне, гражданину хутора Евлантьева Боковского района, учетчику колхоза им. Подтелкова-Кривошлыкова Евлантьеву Якову Антоновичу о Свиридове Николае Сергеевиче известно следующее. Я живу на хуторе Евлантьев уже 50 лет и хорошо знаю, что Свиридов Сергей Мануйлович был жителем хутора Евлантьева, имел земли десятин 12, две пары волов, одного коня, 2 коровы, овец штук пять. Имел двух сыновей, Якова и Николая, и дочь Александру. Умер в 1933 году, а его жена Марья Никифоровна в 1934 году уехала к дочери Александре в Луганск.

Николай Свиридов месяца три учился у меня на дому. У меня было с два десятка учеников, т.к. школы на хуторе не было, а выезжать никуда Свиридов Николай не выезжал. До июля 1914 года, когда меня взяли в армию по призыву, Свиридов ни в каких шахтах, конечно, не работал. В старой армии Свиридов служил по призыву в 1916 году. Примерно в январе-феврале 1918 года он и другие возвратились из старой армии на хутор. Вместе с братом своим Яковом в 1918 году Свиридов участвовал в подавлении населения слободы Чистяково, восставшего против белых, и подавлении и расстреле отряда Подтелкова и Кривошлыкова. Здесь Свиридов Николай добровольно вызвался расстреливать партизан отряда. После того он вплоть до ликвидации белой армии у Черного моря служил у белых. При этом мне известно, что он у полковника Сенина служил в его полку и участвовал в боях против красных под станицей Морозовская (Миллеровского района), Филоново (Сталинградского края) и на реке Донец до Там-

бовской губернии и до ликвидации белых.

Дядя Свиридова Николая (брат матери) Кострыкин Иван Федорович, офицер царской и белой армии, тоже участвовал в повешении т.т. Подтелкова и Кривошлыкова. Последний из семьи зажиточной, имевшей батраков.

Какой чин имели Николай и Яков Свиридовы в белой армии, не могу сказать. В 1924 году Николай Свиридов приезжал в хутор Евлантьев, и пошли слухи, что его хотели подцепить. Я его видел только один раз, и он скоро смылся, так как иначе его бы здесь взяли.

В своих показаниях подписываюсь. Я. Евлантьев.

С подлинным верно. Секретарь Боковского РК ВКП(б). 2.05.1936.

С копией верно. За начальника 2 части штадива 25 Семикоз».

А это уже серьезный подкоп под Свиридова. По факту проверяют всю его раннюю биографию до перехода к красным и находят нестыковки.

Николай Свиридов — казак и не из бедной семьи. Скажем, скорее середняк. Почему упомянуты волы? Потому как пахота черноземных земель возможна на волах, а не на лошадях. Лошадь — для других целей.

Слобода Чистяковская существует и до сих пор в Советском районе Ростовской области. Что означает рассказ о подавлении этой слободы? Это проявление розни между казаками и иногородними. Казаки — это служилое сословие, которое обязано было отбывать воинскую службу, для чего ему давалась земля и налоговые льготы, чтобы в итоге казак выходил на службу со своим конем и снаряжением, на которое он зарабатывал, трудясь на этой земле. Заметим, что на троих человек мужского пола в семье 12 десятин земли.

Кроме того, на землях Войска жили и крестьяне, именовавшиеся иногородними. Казаки позволяли их участие в хозяйственной жизни (чаще батраками, но бывали люди и побогаче), они селились наособицу, в таких вот слободах, и зарабатывали себе на жизнь. Прав у них на казачьей земле фактически не было, плюс сами казаки презирали их как существ ниже себя. Иногородние отвечали тем же.

До революции сила была на стороне казаков. После революции иногородние, особенно после упразднения сословий, увидели в торжестве советской власти шанс для себя не быть далее париями. Они поддерживали советскую власть и все громче ставили вопрос о наделении их землей, поскольку казаку не нужно теперь готовить себя к службе. Ну и плюс справедливость тоже должна присутствовать. После прихода к власти атамана Краснова иногородним все это припомнили, как вообще то, что они забыли свое место, так и поддержку советской власти. Как читатель догадался, иногородние тоже ничего не забыли и в свое время припомнили свои обиды. В качестве иллюстрации — слобода в 1915 году имела на почти тысячу жителей мужского пола чуть более тысячи десятин земли, то есть в среднем в три раза меньше земли на душу населения.

Почему авторы упоминают жителей мужского пола и землю на их душу? В те неполиткорректные времена житель женского пола подвергался половой дискриминации как официально, ибо землю делили на лиц мужского пола, так и в общежитии. Поэтому тогдашняя казачка в Войске Донском — выше, чем «всякая сволочь» из иногородних, но официально ниже казака.

Заявление гражданина хутора Евлантьев бригадира колхоза имени Подтелкова и Кривошлыкова Гордеева Степана Алексеевича (копия с копии):

«О Свиридове Николае Сергеевиче мне известно следующее: его отец Сергей Манuилович представляет середняцкую казацкую семью, занимавшуюся земледелием. До революции он имел 16 десятин земли, быков, двух коров, две лошади. У Свиридова С.М. было два сына Яков и Николай и дочь Александра. Старший сын Яков в старой армии служил в 11 полку урядником. В 1918 году и 1919 Яков служил у белых, точно не помню, но как будто бы в отдельной кавбригаде генерала Старикова, входившей в состав группы генерала Мамантова. Где-то под Филоновской (станция Филоново в районе Сталинграда) Яков был убит, и его привезли на хутор и здесь хоронили.

Сын Свиридова С.М. Николай учился в приходской школе на хуторе Боковском (теперь районный центр), входившем до революции в станицу Боковскую. Насчет службы в царской армии Свиридова Николая мне мало известно. Зимой 1918 года, в начале года Свиридов и Евлантьев Иван Львович (его сослуживец) с лошадьми и винтовками из станицы Луганской (теперь Ворошиловград, бывш. Луганск) вернулись домой на хутор Евлантьев.

В это время тут каждый день шли собрания по вопросу, куда идти, кого защищать. Весной под командой возвратившегося на хутор из старой армии полковника Сенина собрались казаки с лошадьми и оружием и на хутор Пономарев наступать, там были и красногвардейские отряды т.т. Подтелкова и Кривошлыкова. Там сенинцы пребывали

недолго. Среди них, т.е. сенинцев, были и Николай и Яков Свиридовы. По возвращении полковника Сенина с казаками на хутор я слышал, как старые фронтовики ругали Николая Свиридова, когда он хвастался, сколько человек он убил, как метко стреляет: «Как у тебя совести хватило людей расстреливать, добровольцем взялся!» Свиридов Николай вел себя таким отряхой, уркачем.

На Пасху этого года, т.е. в апреле, обратно молва пошла, что восстала против белых слобода Чистяково (иногородние). Полковник Сенин со своим отрядом козаков, среди которых опять были Николай и Яков Свиридовы, направились в Чистяково. При подавлении восстания Николай Свиридов особо выделялся тем, что он сек плетью жителей слободы, в том числе женщин и детей. После этого вся эта банда пошла с белыми козаками окружающих хуторов и станиц под Морозовскую станцию. Зимой 1918-19 года привезли обратно убитого Якова. Рассказывали, что Свиридов Николай был особенным палачом, пленных красноармейцев рубил, особенно иногородних.

Когда ликвидировался Деникинский фронт, он попал в Красную армию. Домой ему нельзя было идти. В 1924 году Николай Свиридов приезжал на хутор Евлантьев, побыл здесь недели две, когда его стали замечать и преследовать, он быстро исчез. Здесь он развелся со своей женой, она года два назад жила на хуторе Фомином Краснокутского сельсовета. По разговорам и как он себя называл, Свиридов Николай был командиром взвода в Красной армии, учился в Симферополе в школе.

У Николая Свиридова есть дядя по матери Кострыкин Иван Никифорович, который был офицером старой и белой армии, а у полковника Сенина был командиром сотни и принимал активное участие в организации белогвардейских отрядов и повешении т.т. Подтелкова и Кривошлыкова. Кострыкин имел крепкое хозяйство и постоянных рабочих наемных.

Сказанное мной может подтвердить житель хутора Евлантьев Евлантьев Яков Антонович. Свиридова Николая все козаки, с которыми он участвовал в борьбе с красными, иначе не называли как «Кадет», лишь потому, что он действительно был отъявленный кадет. Ни в какой шахте он сроду не работал, уркач он такой был, темный воряга.

Дядя его по отцу Алексей Мануилович Свиридов в 1930 году раскулачен и выслан. В старой армии Николай Свиридов был не то урядник, не то приказный, а в белой — подхорунжий. Из разговоров возвратившихся после гражданской войны козаков мне известно, что он попал в Красную армию после того, как в Новороссийске белые были разбиты, взяты в плен.

Хутор наш испокон веков назывался Евлантьев и имел всегда не менее 100 дворов. Крестился Николай Свиридов, несомненно, в Боковской церкви, справку можно получить в архиве в Ново-Черкасске, церковь тогда называлась Зенцовской.

В своей подписи расписываюсь Гордеев Степан Алексеевич. 29.4.1936.

Верно. Уполномоченный 25 СД Кугно.

С копией верно. За начальника 2 части штадива 25 — Семикоз».

Гордеев, несмотря на то что давно не видел Свиридова, по-деревенски знает все и вся про каждого, и такого свидетеля на суде против себя лучше не иметь. Тем более, как авторы, знакомые с прочими документами, можем сказать, что он ни в чем не ошибается. Свиридов позже спорил только с деталями: мол, вообще он там был, но никому не делал зла, восстание подавлял, но никого не рубил из пленных, «Кадетом» его звали, но по другой причине и пр.

Под Свиридова надежно и тщательно копают, проверяя его биографию, и получают сведения, слегка (пока) дезавуирующие сказанное им в своей автобиографии. А скоро появятся показания, которые совершенно вывернут наизнанку рассказанное им про себя в период 1916-1919 годов.

И вот, пожалуйста, выворачивающее наизнанку (копия с копии):

«Я, гр. ст. Вешенской Сев. Донского округа Губанов Арсентий Антонович, красный партизан, бывший член рев. ком-та Донской области в 1918-1919 годах, по вопросу о службе Свиридова Николая Сергеевича могу сообщить следующее. 1) Что гр. Свиридов Николай Сергеевич мне неизвестен. 2) Трудно предположить возможность ухода Свиридова на шахту, так как станичное правление не дало бы документы о выезде из станицы на частные работы, потому что тогда бы вся станица должна была бы справлять ему коня. 3) В 1915-16 годах в ст. Каменская не было никаких запасных полков, а были запасные сотни, и учебная команда могла быть сводная от этих сотен. 11 полк — кадровый полк — постоянно был во Владимире-Волынском. 4) В станицу Луганскую 14 сотня не могла быть выделена, так как это не вызывалось никакой необходимостью, ни стратегической, ни политической, и не формировалась там. 5) В 1918 году в апреле месяце я не знаю, чтобы был такой отряд (Ковалева). Был отряд т. Забей-Ворота. До сентября 1918 года станция Морозова была занята белыми (восставшими). Ковалевы, братья Василий, Иван, третьего не помню имени (2 учителя, 3-й офицер), все три служили в рев. ком-те: один казначей, один в культпропе, один в хозчасти, а отрядом ни

один не командовал.

Выводы. 1) Из всех этих частей, названных Свиридовым, нельзя установить, где был в 1918-1919 годах Свиридов, т.к. они не существовали. 14 сотня если б была, то рев. ком-т распустил бы или часть забрал себе куда-нибудь или в какой-нибудь рев. отряд направил бы. 2) Если Свиридов попал в Морозовскую, то, значит, был у белых, а в отряд Киквидзе, который был под Царицыном, мог бы попасть только с боем, но Свиридов не указывает, в какой части был. 3) На Дону тогда командовали отрядами Щаденко, Саблин, Петров, Ворошилов, Забей-Ворота.

В своих показаниях подписываюсь. Губанов. 18.4.1936».

Подписи Кугно и Семикоза.

Что это было? А вот что: знающему человеку показали автобиографию Свиридова и просили дать пояснения, насколько все это достоверно. И товарищ Губанов не оставил камня на камне от этой биографии. Видимо, Свиридов предпочитал не упоминать о периоде 1918 года и ранее, как он реально протекал, а составил некую псевдобиографию, что он еще с 1918 года воевал за красных, а не позже.

Вот пример: то, что написано о Свиридове в списке репрессированных военнослужащих Красной армии под номером 93:

«Свиридов Николай Сергеевич (1895-1938), капитан, член ВКП(б) с 1925, из семьи крестьянина, рабочий-шахтер, младший унтер-офицер, в 1918-1924 помощник командира взвода отряда Ковалева, 4-го стрелкового полка 16-й стрелковой дивизии, командир взвода 1-го кавалерийского полка 33-й стрелковой дивизии, 4-го кавалерийского полка 5-й кавалерийской дивизии, 41-го кавалерийского полка 7-й кавалерийской дивизии, помощник командира эскадрона 41-го кавалерийского полка, командир взвода 38-го кавалерийского полка 7-й кавалерийской дивизии, в 1924-1935 курсант Симферопольской кавалерийской школы комсостава, командир взвода 39-го кавалерийского полка, 37-го кавалерийского полка 7-й кавалерийской дивизии, на военно-дипломатической работе, в 1935-1937 помощник командира отдельного разведдивизиона 25-й стрелковой дивизии, награжден двумя орденами Красного Знамени (1922, 1922)».

Эти данные, несомненно, базируются на его автобиографии.

Вот и товарищ Губанов и два односельчанина Свиридова разносят его. Свиридов не крестьянин, а казак, на шахте не работал, младшим унтер-офицером царской армии быть не мог (см. пункт 3 об отсутствии в Каменской учебной команды, подготовка которой была обязательна для унтер-офицера). Он мог получить лычки унтера за боевые заслуги, но Свиридов не покидал Дона в мировую войну, судя по рассказам. Он не мог служить в отряде Ковалева по причине отсутствия такового.

А где он служил? Явно у белых. Такие, послужившие и белым, тоже имелись в Красной армии. А товарищ Крузе даже был сначала колчаковским генералом, а потом и советским, но если человек утаивает службу рядовым или младшим командиром у белых, то ему явно есть что скрывать. И даже не жалуется, что его насильно мобилизовали белые, пригрозив военно-полевым судом и казнью (что вполне реальная штука).

Так что, повторимся, служба у белых — не украшение послужного списка, но сокрытие этой службы выглядит еще хуже. Возможно, этот факт когда-то всплыл и заставил искать, что же такого скрывает товарищ Свиридов о своей молодости. Что же, если товарищи из хутора Евлантьев правы, то ему есть что таить. И есть основания пореже бывать в родных местах. Потому что из жителей хутора одиннадцать человек служили с ним в белой армии, и шестеро из них живут до сих пор на хуторе.

И про сокрытие службы тоже подтвердилось. Делопроизводитель 38 кавалерийского полка 7 Самарской кавалерийской дивизии внес в бумаги запись о службе Свиридова в РККА с 1918 года, хотя на самом деле тот служил в ней с 1920 года.

Вот еще любопытный документ. К сожалению, на нем нет даты, ни на угловом штампе, ни внизу. Писан от руки, вверху угловой штамп артели имени Буденного (скорее всего, это сельхозартель, то есть колхоз).

Справка: «Выдана настоящая представителю Полтавского гор. отд. НКВД и ОО 25 в удостоверении того, что в х. Пономарев Селивановского района АЧК в апреле месяце 1918г. белоказаками первоначально разоружены, а потом расстреляны красногвардейцы отряда тов. Подтелкова и Кривошлыкова в количестве (79) семьдесят девять человек, причем руководители отряда повешены. Все участники красногвардейского отряда совместно со своими руководителями похоронены в общей братской могиле за хутором Пономаревым на расстоянии около километра, что и удостоверяем.

За председателя Пономаревского сельсовета — подпись.

Парторг (подписи нет)».

АЧК — Азово-Черноморский край (существовал с 1934 по 1937 годы).

Следующий документ, кое-что проясняющий совместно с предыдущим:

Справка: «Дана настоящая Полтавскому горотделу НКВД и ОО 25 стр. дивизии в

удостоверении того, что гр-н Свиридов Николай Сергеевич является уроженцем хутора Евлантьев Боковского сельсовета и района, социального происхождения из казаков-середняков. Сельскому совету известно, что отец Свиридова умер в 1933 году, мать проживает с семьей дочери, но где — не установлено. Бывшая жена Свиридова вышла замуж за гр. Вершинина Василия, уроженца хутора Фомина Краснокутского района, и проживает в Донбассе, г. Луч, станция Кондратова, шахта №160. Родной брат Свиридова Яков был у белых, во время боя с красноармейцами убит в 1918 году. Сам Свиридов тоже служил у белых, участвовал в ликвидации красногвардейского отряда тов. Кривошлыкова и Подтелкова, причем якобы добровольно расстреливал красногвардейцев. Кроме того, он участвовал в подавлении революционного восстания иногородних крестьян слободы Чистяковой. Родной дядя Свиридова по матери Кострыкин Иван Никифорович — кулак, офицер старой царской армии и белобандитского отряда полковника Сенина, после расстрела красногвардейского отряда Кривошлыкова и Подтелкова бежал на хутора, и где находится, неизвестно.

Изложенное верно и приложением печати удостоверяется.

Председатель Боковского сельсовета».

Два последних документа позволяют сказать, что кто-то из полтавских сотрудников НКВД ездил в эти места и собирал материал, на горе Свиридову, непосредственно на месте. Несколько позже товарищ Кугно набрал еще несколько показаний жителей на Свиридова, но пока и этого было, очевидно, достаточно, поскольку входило в противоречие с его официальной биографией.

Дополнительно было еще кое-что: показания дамы с перчаточной фабрики, у которой он был в фабзавкоме и проявил себя антисемитом. Правда, это было пока не столь серьезно, потому как он сказал, что все троцкисты — евреи, чем обидел даму, которая считала, что это понятие интернациональное. Хотя она носила фамилию Афанасьева, но увиденные нотки антисемитизма ей не понравились.

Имелись и показания, что товарищ Свиридов при выезде в район города Кобеляки на вопрос подчиненных о возможности построения коммунизма дал неполиткорректный ответ. К тому времени считалось, что социализм в стране в основном построен, можно переходить к строительству коммунизма. Сомнения же в построении коммунизма и в том, что на данный момент социализм построен — считались проявлением троцкизма. Упомянутый в истории про самого Гравеля в темнице сержант госбезопасности Махновецкий, допустивший неполиткорректный ответ на ту же тему, едва не лишился партбилета.

Кроме того, товарищ Свиридов был склонен к распусканию языка в вопросах военной тайны, рассказав, что бывал в заграничной командировке и некоторые подробности ее. Позднее его обвиняли в том, что он проболтался, и в том, что наши военные советники пребывают в Испании (напомню, что тогда шел разгар испанских событий). Он отрицал это и заявлял, что рассказывал про Танну-Туву, а не про Испанию, что как бы тоже нехорошо, но не настолько уж раскрывает военную тайну. Танну-Тува, или Тува, в период с 1921 по 1944 являлась самостоятельным государством, а в 1944 вошла в состав СССР.

Итого, у следствия был приличный улов компроментирующих фактов по 13 части статьи, то есть про участие Свиридова в карательных акциях во времена бурной молодости. Поскольку уже выявлено, что он скрывает факты времен туманной юности, то можно было надеяться, что это еще не все. Есть также некоторое количество материала по 10 части статьи, то есть по антисоветской агитации и раскрытии военной тайны.

Таким образом, охота на Свиридова длилась явно более года. Как уже говорилось, показания на него получены в апреле 1936 года, а арест произведен летом 1937 года. Перед арестом с Николаем Сергеевичем случилось еще много неприятностей. Он был уволен из армии (но, по некоторым формулировкам, ушел на пенсию). По крайней мере, на допросах Свиридов так отвечал о своем настоящем положении.

Николай Сергеевич попробовал искать решения в Москве, был там и вроде бы даже обнадежен, что восстановят в кадрах. При этом Свиридов упоминает Хорошилова, который ему это пообещал. Был ли это Павел Ефремович Хорошилов, который в это время служил на кафедре ПВО Академии имени Фрунзе? Или это был комдив Хорошилов Иван Яковлевич, в 1937-1938 годах заместитель начальника Управления по командно-начальствующему составу РККА? Ну да, он пока мог, поскольку был арестован 12 февраля следующего, 38-го, года. А расстрелян 26 августа.

Какие планы у Свиридова были на дальнейшую службу — доподлинно, конечно, неизвестно, но авторы думают, что ушел он на пенсию по минимально возможной выслуге и с относительно небольшого оклада. Если считать, что Николай Сергеевич служит так, как написано в его документах, то есть с 1918 года, получается всего девятнадцать лет (возможно, за участие в боевых действиях засчитано чуть побольше), да и звание с должностью невысоки — капитан, помощник командира отдельного раз-

веддивизиона. Ему бы, по мнению авторов, не помешало прослужить еще лет пять и получить звание и должность повыше, а потом уже идти на пенсию. Некоторые перспективы карьерного роста последующая обстановка предоставляла, но... не ему.

Не для меня придёт весна,
Не для меня Буг разойдётся,
И сердце радостно забьётся
В восторге чувств не для меня!
Не для меня, красой цветя,
Алина встретит в поле лето;
Не слышать мне её привета,
Она вздохнёт — не для меня!
Не для меня придёт весна!
Я поплыву к брегам абхазским,
Сражусь с народом закавказским...
Там пуля ждёт давно меня!

Авторы привели первоначальную версию романса, которую Свиридов мог не слышать, но вот с позднейшей, где разливается не Буг, а Дон — с ней он был явно знаком. Впрочем, она также заканчивается плохо:

А для меня кусок свинца,
Он в тело нежное вопьётся.
И сердце больше не забьётся...

Еще раньше вскрылось то, что Свиридов умолчал о службе в белой армии, и как он ни доказывал, что при вступлении в партию он говорил про это, его исключили.

Кроме того, его жена, которая не Романова, оказалась в тюрьме. Протокол ее допроса позднее был приведен в деле. Авторы не знают, было ли это ударом для Свиридова или, скорее, облегчением, но позволят себе считать это ударом. Возможно, она при других обстоятельствах не рассказала бы следствию, как Николай Сергеевич где-то похищал винтовки и продавал неким неизвестным людям в Туве.

Но мы немножко забыли про товарища Гравеля. А он никуда не делся. Кроме ареста самого Свиридова, им проведено несколько допросов обвиняемого. При этом он подписывается сотрудником не только 5 отдела Полтавского управления НКВД, но и сотрудником Особого отдела 25 стрелковой дивизии. В провинции местный отдел НКВД нередко объединялся с ОО, так это и было в городе Полтаве.

Два допроса Свиридова от 8 и 11 июля 1937 года проводились Гравелем, а вот потом допросы проводил товарищ Беспалов.

Кстати, упорное сопротивление Свиридова при аресте в деле не отражено, как и помощь Романовой. Ай-ай-ай, Александр Иосифович! Это ведь не номера дивизии путать, это конкретное отягчающее обстоятельство для Свиридова. Пусть хоть сам Гравель будет вести дело, хоть некто другой. Вот теперь, через восемьдесят лет, и думай — это просто разгильдяйство или что-то еще подспудное, для чего-то сделанное?

Из протокола допроса Свиридова Гравелем, полковым оперуполномоченным 5 отдела Полтавского городского отдела НКВД и ОО 25 СД, сержантом госбезопасности:

«— В каком году вы служили в армии белых?

— С июня 1918 года по сентябрь и с марта по декабрь 1919 года.

— Почему был перерыв с октября 1918 по март 1919?

— Был ранен в руку в бою с красными в районе слободы Мачеха б. Саратовской губернии.

— В какой части белых вы служили?

— В 33 казачьем полку.

— Кто вместе с вами служил из ваших родственников в белых?

— Служил мой брат Яков в 33 полку, он был убит в бою с красными в 1918 году.

— Кто руководил тем белоотрядом, в котором вы служили?

— Полковник Попов с хутора Попов, адьютант Сенин — эсаул; это был полк.

— Когда вы вступили в партию?

— В 1920 году.

— Вступая в партию ВКП(б), вы скрыли свою службу у белых?

— Вступая в партию, я этого не скрывал.

— Будучи в Красной армии, вы скрывали свою службу у белых, вы подтверждаете это?

— Да, подтверждаю. Я в Красной армии с 1920 года, но в послужных списках мне было отмечено делопроизводителем 38 кавполка 7 Самарской кавалерийской дивизии Романенко, что я служу с 1918 года. Мне это впоследствии стало известно, но действительное положение с временем я умолчал.

— С какой целью вы скрыли службу у белых в послужном списке?

— Я не придал этому серьезного внимания».

Из другого протокола допроса Свиридова:

«— Следствию известно, что вы, находясь в белоотряде Попова, принимали участие в расстрелах красногвардейцев и красноармейцев. Следствие требует по этому вопросу ваших откровенных показаний.

— Я участия в расстрелах не принимал, но участвовал в боях.

— В силу каких обстоятельств вы имели кличку «Колька-кадет»?

— В 1915 году, вернувшись из шахты в свою станицу хорошо одетым, выделявшимся по костюму среди своих сограждан станичников, я получил от своих земляков кличку «Колька-кадет».

— При каких обстоятельствах вы поступили на службу в Красную армию?

— Во время отступления белых в 1919 году перешел в одну из наступающих красных частей в 96 Кубанском полку.

— Сколько раз вы вызывались комдивом Зюком и при каких обстоятельствах?

— Зюк меня не вызывал, но я один раз был у Зюка при следующих обстоятельствах. Когда поднялся вопрос о службе в белых, я подал об этом заявление на имя начподива Гусева с описанием всех обстоятельств... Гусев доложил, что я ранее служил у белых. Зюк ругал меня матерщиной, но ни о чем не спрашивал, и когда ему доложили, что я должен ехать на курорт, он ответил: «Черт с ним, пускай едет». Больше по этому вопросу я с Зюком не разговаривал.

— К кому вы обращались по поводу вашего увольнения из РККА?

— Я обращался к зам. нач. управления кадрами Хорошилову в Москве, он мне сказал, что я могу обратиться к командующему округом, который если сочтет нужным оставить — оставит, это его дело. До этого я еще в 1936 году в мае месяце подавал заявление о переводе меня из разведдивизиона или уволить. По этому поводу меня и вызвали. Со мной беседовал Хорошилов, который объявил, что я увольняюсь из РККА. Потом меня вызвали вторично, я опять беседовал с Хорошиловым, он сказал, что возмущен тем, что я орденоносец, который оказался служившим у белых, и что сейчас идет подбор командиров в РККА и я не могу оставаться в рядах Красной армии.

— С Фельдманом в Москве вы говорили?

— Нет, не говорил. Знаю, что ему обо мне докладывал полковник Савин».

Комкор Борис Миронович Фельдман в 1934-37 годах возглавлял Управление по начальствующему составу РККА.

Последовательность событий начинает проясняться. Как мы помним, сбор сведений в Боковском районе начался в апреле-мае 1936 года. Зюк был арестован в августе 1936, то есть последовательность событий была такова: некто сообщает о темной стороне биографии Свиридова (уж не его ли бывшая жена?), начинается разбирательство, служил ли капитан у белых, и Свиридов сообщает, что все так и было. Зюк материт его, но отправляет на курорт. И вот когда-то тогда рождается идея проверить, что еще таится в закромах души бравого капитана. Розыски на Дону принесли ожидаемый компромат, но НКВД не спешил с арестом. Меж тем был арестован Зюк, явно были и другие аресты, поэтому пока, возможно, было просто не до Свиридова. Но о нем не забыли. Свиридов дважды пытался в Москве как-то решить дело в свою пользу, но был все же уволен из армии. По какой статье — неясно. Авторы подозревают, что по нехорошей, но сам Свиридов в НКВД сообщает, что как бы даже на пенсии.

Читатель может увидеть, что сейчас Свиридова попытались аккуратно подцепить сразу к двум заговорщикам. Сначала к Зюку, потом к Фельдману, то бишь к группе Тухачевского. Но Свиридов не попался на крючок. Тем более что и Фельдман, и Зюк были уже расстреляны. О Фельдмане можно было прочесть в газетах, а вот о Зюке — вряд ли, но слух мог донестись от бывших сослуживцев. Хорошилова тоже ждал расстрел, но еще не скоро.

Кстати, линия поведения Зюка: выматерить и отправить на курорт (возможно, при этом прозвучало не только «черт с ним», но и кое-что другое) — для командира 25 дивизии типична. Очень экспрессивный и неуживчивый был человек, но при этом храбрый до невозможности.

Из такого текста были слеплены комбриг Шмидт, Зюк, да и известный всем Мехлис. Правда, в это тесто добавили еще много чего, и каждому свое, потому и судьба у них оказалась разная.

Свиридов отрицает участие в карательной деятельности, следствие пока не напирает на это, возможно, дожидаясь присылки следующей порции сведений с Дона. Они в деле существуют, но, возможно, к моменту допроса еще не получены. Пока же два протокола допроса Свиридова Гравелем и два еще одним следователем.

Из протокола допроса Свиридова сотрудником ОО УГБ 25 СД Беспаловым от 22.07.1937:

«— На какие операции вы с белыми выезжали?

— Выступал я под командой полковника Попова в первый раз весной 1918 года

против отряда красногвардейцев Подтелкова и Кривошлыкова. До этого под командой того же полковника Попова мы выезжали на подавление восстания иногородних в селе Чистяково, восставших против местных богачей. В отряде Попова я все время был рядовым казаком.

— Расскажите, как вы попали в отряд Попова.

— По селу пошел слух, что неподалеку проходит восстание против казаков. Нам объявили, чтобы поехали в станицу Боковскую с оружием. Приехав туда, мы были назначены в 3 сотню и наш полк назвали 33 казачьим.

— Следствию известно, что в 1936 году, проводя занятия с переменниками, вы отрицали возможность построения социализма в нашей стране. Расскажите, как это было.

— Мне переменники в Кобелякском районе задали вопрос о построении коммунизма в нашей стране. В какой форме мне задали вопрос, не помню. Ответил я на него так: прежде чем строить коммунизм, нужно построить социализм. Было это в г. Кобеляках в Красных казармах в 1936 году».

Переменниками назывались лица из переменного состава, проходящие военную подготовку. 25 стрелковая дивизия была так называемой территориальной, то есть имелся относительно небольшой штат военнослужащих командного и политического состава, которые проводили военную подготовку лиц призывного возраста в виде сборов, без долговременного призыва на военную службу. К тому времени такая форма подготовки была признана недостаточно хорошей, и шла работа по ее постепенному сворачиванию. Близ границы располагались кадровые дивизии, то есть укомплектованные военнослужащими, проходящими нормальную службу по призыву в течение нескольких лет.

Из протокола дополнительного допроса Свиридова от 14.08.1937:

«— Следствию известно, что вы проводили к.р. работу по заданию быв. комдива Зюка.

— Контрреволюционную работу я не проводил нигде, никогда и ни с кем.

— При каких обстоятельствах вы встретились с Зюком и характер встреч?

— До апреля 1936 года я Зюка никогда не видел. 7 апреля я впервые его увидел в кабинете, куда меня привел Гусев, о чем я показывал выше. Вторая встреча с Зюком у меня была 14 мая 1936 года в кабинете Гусева, которому я сдавал партбилет. В это время вошел Зюк с начштаба и спросил: «Ну что, сознался?» — после чего сразу же ушел. Больше я с Зюком никогда и нигде не сталкивался.

— Какие конкретно к.р. задания вы получали от Зюка?

— Заданий от Зюка я никогда не получал.

— Известно, что вы проводили к.р. деятельность в части. По чьему заданию вы проводили ее?

— В части, где я служил, а также в других частях к.р. деятельность не проводил».

Допросы Свиридова Беспаловым производят впечатление зондирующих, без напора. Не признал связи с Зюком — ну и ладно. Скорее всего, компромата на Свиридова в показаниях Зюка не было. Зюк арестован в том же году, что и Примаков, видимо, их аресты взаимосвязаны. Поэтому от Зюка требовали информацию, вероятно, на Примакова или другого «червонца», поскольку он служил у Виталия Марковича и мог поддерживать с ним дружеские связи. В этих условиях некий капитан Свиридов вряд ли интересовал киевских и московских работников НКВД. А сейчас спрашивать у Зюка про Свиридова было невозможно. Да и Зюк относился к таким людям, которые могут в ответ на предложение рассказать о враждебной деятельности Свиридова послать следователя по матери. Правда, он к Свиридову мог тоже отнестись аналогично, со всей пролетарской прямотой высказав свое презрение к его поведению, что он и сделал.

7.06.1937 уже знакомый читателю Яков Евлантьев снова опрашивается представителем Особого отдела и сообщает:

«При переговорах Сенина с Кривошлыковым была достигнута договоренность, что все красногвардейцы будут отпущены по домам, если Подтелков и Кривошлыков сложат оружие. Я лично при переговорах не присутствовал. Когда приехал на место, застал уже разоруженными красногвардейцев, среди которых были мои хорошие знакомые. Видя, что среди красногвардейцев никаких французов, немцев и китайцев нет, что арестованы наши казаки, я обратился к своим односельчанам Евлантьеву и Рябухину (оба уже умерли) с предложением уехать домой, что мы и сделали. Следующего дня на хутор Евлантьев вернулись другие и рассказали, что Подтелков и Кривошлыков повешены, а остальные расстреляны и что Свиридов Николай участвовал в расстрелах... Известно, что Свиридов взятых в плен красноармейцев в живых не оставлял, если не рубил, то расстреливал. О Свиридове в нашем хуторе Евлантьеве сохранилась

кличка «Кадет-палач». Получил он ее от стариков казаков за жестокость, проявляемую к красноармейцам и красногвардейцам, а также к мирным жителям... Вторично они приезжал к нам в мае месяце 1936 года».

Яков Евлантьев не видел участия нашего героя в расстрелах, но, судя по его рассказу, на хуторе много знали о Николае Сергеевиче и не всегда хорошее. Кстати, предлагаем оценить читателям «козырь» белой пропаганды — злобные китайцы на службе красных, о которых рассказывались всякие страсти. Расстрел происходил в апреле 1918 года, но у жителя глухого хутора уже промыты мозги в смысле «жутких китайцев». В августе 1918 года у кубанских казаков, занявших Новороссийск, мозги оказались настолько промыты, что они рубили китайцев-грузчиков, что были ранее навербованы в порт. В ЧК они, естественно, не работали и утонченным китайским пыткам никого не подвергали.

Следующий допрашиваемый — Евлантьев Николай Иванович, из кулаков, осужден по статье 58 в 1930 году на восемь лет, отбыл четыре года в лагере, досрочно освобожден, сейчас пастух коров в том самом колхозе имени Подтелкова и Кривошлыкова.

« — Что вам известно о белобандитской деятельности вашего односельчанина Свиридова Николая Сергеевича в 1918-1920 годах?

— В 1918 году Свиридов Николай служил в отряде полковника Сенина и находился под командой своего родного дяди, белого офицера Кострыкина Ивана Никифоровича, расстрелянного за контрреволюционную деятельность в 1932 году. Я тоже служил в белогвардейском отряде полковника Сенина в сотне Кострыкина. Примерно в конце апреля месяца отряд Сенина в количестве до 2000 человек направлен на ликвидацию красногвардейского отряда Подтелкова и Кривошлыкова. В это время я еще не был в отряде Сенина, но мне известно от других, что Свиридов Николай принимал самое активное участие в расстрелах красногвардейцев».

Евлантьев о конце отряда Подтелкова сообщает достаточно интересные детали, а именно, что против него выступили под две тысячи казаков. Обычно об этом не говорится, хотя упоминается, что создавались казаками летучие отряды с целью сорвать призыв казаков в красные полки. По этой причине, собственно, и Подтелков с Кривошлыковым с небольшим отрядом отправились в ту сторону. Проливается свет и на сдачу подтелковского отряда. Как известно, у хутора Калашникова подтелковцы встретились с отрядом бывшего сослуживца Подтелкова Спиридонова. Подтелков и Спиридонов долго общались, потом разошлись, вскоре после чего отряд Подтелкова сдал оружие в обмен на пропуск его дальше. Вот и пояснение, отчего Подтелков пошел на сдачу оружия: если ему угрожал бой с отрядом Спиридонова — это одно. А если Спиридонов сказал ему, что на подходе две тысячи казаков полковника Сенина? Дескать, лучше бы тебе сдаться, мы ведь свои, а Сенин — кто его знает...

Так что сообщение Википедии, явно взятое из какого-то донского источника: «После короткого столкновения деморализованный подтёлковский отряд сдался» — не совсем отражает ситуацию.

А дальше их разоружили, погнали на хутор Пономарев, попутно обвинили в неполной сдаче оружия, дескать, не все сдали револьверы и даже гранаты. Потом состоялся суд и казнь...

Из показаний Кочетова, казака-середняка, владевшего избой, коровой и свиньей, осужденного в 1930 году по статье 58 на 10 лет:

«Я был мобилизован в белобандитский отряд полковника Сенина. В нем было много моих односельчан, в том числе и Свиридов Николай... После расстрела подтелковцев он в личной со мной беседе хвастался мне, говоря: «Ну что же, я человек семь сам расстреливал». На что я сказал так: «Дурак! Зачем же ты их расстреливал?» Он ответил: «Я бы отца не пожалел, если бы он стоял на дороге». На мой вопрос, кто его назначил расстреливать казаков, он ответил: «Никто, я лично сам, добровольно участвовал в расстрелах». Мне известно, что Свиридов участвовал и в подавлении революционного восстания иногородних крестьян слободы Чистяково, но, несмотря на мое присутствие, я затрудняюсь сказать что-либо о его деятельности. Сам лично не видел, убивал ли он кого-либо или нет. В белой армии со Свиридовым служил примерно до весны 1920 года, когда он в моем присутствии раздевал пленных красноармейцев, отбирал у них верхнюю одежду и ценные вещи. Грабил и жителей. Но назвать конкретные факты за давностью времени не могу. На моих глазах он никого из пленных красноармейцев не расстреливал. Об этом я также ни о того не слыхал».

Из протокола допроса свидетеля Лукина, почетного красного партизана:

«В хуторе Пономареве я жил с 1904 года... Мне известно следующее: отряд Кривошлыкова и Подтелкова сложил оружие, предварительно договорившись о том, что их отпустят. Но все участники были переарестованы и посажены под арест в лавку местного богатея. Всю ночь заседал полевой казачий суд под предводительством офицера Попова... Все подтелковцы были расстреляны на Пономаревском кладбище, а сам

Подтелков с Кривошлыковым повешены. В момент расстрела было много народу из хуторов, прилегающих к х. Пономарев, в том числе и я. Таким образом, я наблюдал за ходом расстрела красногвардейцев, в том числе и за расстрелом своего сына в третьей партии. Расстрел производили добровольцы-казаки из разных хуторов и станиц — 17 палачей, в числе которых мне помнится Кудряшов из хутора Попова, Болдырев Александр и Агапов Павел из хутора Пономарева, Свиридов Николай из хутора Евлантьева, личности которого я не знаю... Повешение производили два человека, которые были повязаны башлыками с отверстиями для глаз. Присутствовавшие не вольные граждане некоторые расстрел воспринимали как должное и даже смеялись, а другие этого не выносили и падали в обморок. Всего расстреляно 85 человек, остались в живых 2 человека, случайно спасенные добрыми людьми. Один из них по фамилии Журавлев в данное время живет в ст. Киевской».

Из протокола допроса свидетельницы Рожковой, активистки советской власти:

«В станице Боковской я живу около 50 лет, потому хорошо знаю не только жителей станицы, но и прилегающих хуторов — Евлантьев, Зенцов. Свиридова Николая знаю тоже. Он принимал участие в расстреле красногвардейцев отряда Подтелкова-Кривошлыкова. Среди жителей станицы Боковской и тех хуторов после выхода романа «Тихий Дон» многие обижаются на Шолохова, который не поместил Свиридова в книгу как палача. Мне известно, что после ликвидации белоказачества мать Свиридова Мария Никифоровна получила своему сыну Николаю фиктивную справку о службе в Красной армии у боковского райвоенкома Никифорова, благодаря чему Свиридов впоследствии пристроился на службу в Красную армию и стал командиром».

Из протокола допроса Гвоздырева, в прошлом белоказака:

«Атаман приказал мне собираться в поход. На это я ответил, что у меня нет лошади, которую я продал цыганам за 800 руб. Атаман рассердился на меня и сказал: «Нужно будет тебя арестовать». После чего я ушел к себе домой. Встретились со своим однохуторянином иногородцем Ткаченко Николаем, ушли вместе и спрятались в балку, где пробыли два дня без пищи. Вернулись домой мы уже после того, как подтелковцы были белоказаками расстреляны. Кто красногвардейцев расстреливал, я не знаю, мне об этом никто не говорил, а я сам этим вопросом не интересовался и сейчас не интересуюсь».

Его пример — другим наука! Стоило два дня погулять в овраге, так и палачом не стал.

Из протокола допроса свидетеля Зюзина, председателя Боковского сельсовета:

«Примерно в первых числах мая в Боковский с/совет зашел военнослужащий Свиридов Николай, который потребовал справку о социально-имущественном положении как до, так и после революции. Не зная, кто он, я предложил ему обратиться к уполномоченному, а потом я заверю его подпись печатью. Спустя несколько часов времени он явился в с/совет со справкой. В справке, кроме вопросов, относящихся к социальному положению, другие вопросы не затрагивались, я заверил справку и отдал ее Свиридову. Находясь в с/совете, Свиридов в моем присутствии рассказывал о том, что он находился за границей по командировке Москвы и о том, что он получил там второй орден Красного Знамени».

Из протокола допроса Свиридовой Марии Трофимовны, осужденной в 1935 году по ст. 147 УК УССР на 2 года:

«До ареста с мужем проживала в городе Полтава Харьковской области, фамилия моего мужа Свиридов Николай Сергеевич, по национальности казак. В настоящее время работает в Полтаве командиром разведдивизиона. Состоит членом партии с 1925 года по настоящее время. Во время гражданской войны с 1918 по 1920 год служил в белой армии, в каком чине он был, не знаю. Также не знаю, в какой части служил. Что он был в белой армии, он говорил сам и ево мать Свиридова Мария Никифоровна. В 1933 году он работал в Танну-Тувинской республике, в гор. Кызыл, в качестве инструктора кавалерийской дивизии, тогда я тоже жила вместе. Он нескольким лицам продал винтовки».

Вот и подтверждение многим непонятным местам дела. За что посажена Мария Трофимовна — сказать сложно, но по какой-то малозначительной статье и на короткий срок. Скорее всего, Николай Сергеевич не стал ее дожидаться и завел роман с Романовой. А вот это было делать опасно. Мария Трофимовна много про мужа знала. Скажем, про бурную молодость — этого вполне хватило бы на исключение из партии и увольнение из рядов РККА. Плюс темная история с тувинскими винтовками. Конечно, брошенная жена может много нехорошего про изменщика-мужа наговорить, но здесь она не говорит ничего, что не укладывается в стиль поведения бывшего супруга.

Следом в дело подшит протокол допроса свидетеля Обозного, командира батареи разведдивизиона. Тот рассказал, что капитан неполиткорректно относится к вопросу о построении коммунизма в СССР, считает, что все евреи — троцкисты и пр. А также

называет, где это было, при каких обстоятельствах и кто был тому свидетелем. А это уже кирпичик в создание рассказа о систематической контрреволюционной агитации. Всего не менее трех раз, то есть систематичность антисоветской агитации прослеживается. Не случайно сей протокол перепечатан на машинке, чего не удостаивались маловажные бумаги, и текст украшен почти сплошными подчеркиваниями — так делалось при подготовке обвинительного заключения, чтобы не искать нужный фрагмент среди многих страниц и букв.

Теперь рассказ об орденах Свиридова. При аресте у него был отобран один орден, и потом, в приговоре, шла речь именно о лишении этого одного ордена. Но Свиридов рассказывал на родине о двух орденах, и на сайте «РККА.ру» упомянуто о двух, полученных им в 1922 году. Вообще гражданская война уже кончилась, но в Красной армии продолжались награждения по прежним представлениям, чье рассмотрение затянулось по каким-то причинам. Это происходило со многими.

Но есть одна такая интересная книжка: «Сборник лиц, награждённых орденом Красного Знамени и почётным революционным оружием. М., Государственное военное издательство, 1926». И в ней в списке двукратных кавалеров Свиридова нет. Он никуда не пропал и не забыт, но присутствует в списке кавалеров одного ордена. Может, он получил второй орден когда-то позднее, потому и не попал в эту книжку? Скажем, в 1932 году за какую-нибудь заграничную командировку, как он и говорил своим землякам.

Была тогда интересная возможность — Восточный Туркестан. Там в результате восстания мусульманского населения власть китайского губернатора Шень Шицая пошатнулась, и он обратился за помощью к СССР. Создание мусульманской республики вблизи границ СССР советскому руководству не нравилось, и оно пошло на замаскированное участие в конфликте. Была образована Алтайская добровольческая армия, официально состоявшая из бывших белых, некогда ушедших за границу под ударами Красной армии, а теперь взятых на службу Шенем. Таких было три полка, еще два полка — это советские, но переодетые в форму белых и прикидывающиеся тоже белыми. Командовал армией бывший белогвардейский полковник Паппенгут. Номинально. А кто руководил им — ну кто его знает, может, и Деканозов от ОГПУ.

Регулярные полки при поддержке авиации (она тоже была советской, и летал там будущий командарм Полынин) нанесли поражение повстанцам и подавили восстание. Для устрашения же мусульманского мирного населения годились и китайские войска. Дальше история Восточного Туркестана пошла по очень интересному пути, но надо вернуться к Свиридову. Авторам прямо-таки хочется увидеть участие Свиридова в этой замятне, но за неимением документов они вынуждены наступить на собственную фантазию.

Есть показания самого Свиридова, ибо однажды на допросе его спросили про второй орден. Он ответил, что, действительно, получил два, но со вторым вышла такая вот закавыка. Когда человек получал второй орден, то внизу на ордене должна была быть цифра «два». То самое касалось и третьего и так далее. А на ордене Свиридова этого не было. Поэтому орден у него был изъят, и так он его лишился.

Следствие этой деталью не заинтересовалось, поэтому в деле ему посвящен буквально один вопрос и один ответ. Авторам это кажется подозрительным, потому что в этой версии тоже зияют дыры. Скажем, у него изъяли орденский знак, но почему тогда у Свиридова нет никаких других документов, сопровождавших изъятый орден? Ведь они изъяты только по отношению к каноничному ордену — а неизрасходованные купоны к денежной выдаче (кавалеры ордена их получали до послевоенных времен), проездные билеты на бесплатный проезд, грамота РВС СССР о награждении? Неужели Свиридов отдал или выкинул все, в том числе и что-то неиспользованное, не оставив себе как память?

И в качестве вишенки на торте — про Полтавский топографический синдром Чапаевской дивизии. Под этим термином авторы понимают страсть командиров дивизии получать топографические карты, а потом забывать их сдать обратно. Современному читателю это может быть непонятно, но по тем временам карты определенных форматов считались секретными, гражданским лицам не выдавались, а военные обязаны были их вернуть по миновании необходимости. Но командиры в дивизии порядок презирали. Поэтому арестованный в июне 1937 года полковник Матюхин (командир 73 полка) отправился в летние лагеря, но топографическую карту оставил у себя дома. Глядя на начальство, старшина роты в 73 полку тоже вернулся с учений, но выданную ему карту опять же не сдал. А наш знакомец капитан Свиридов отличился и тут — при обыске у него были изъяты аж двенадцать карт. Он что — годами их брал, но упорно не сдавал?

Товарищ Матюхин был обвинен в участии в военно-троцкистском заговоре, Сви-

ридов — в преступлениях времен гражданской войны, поэтому разгильдяйство с документами им особо не утяжеляло участь. Старшина обвинялся в террористических высказываниях, плавно переходящих в антисоветскую агитацию, но в итоге обвинения были сняты, и за забытую карту ничего не получил. Вместо него в приказ влетел его непосредственный начальник — командир роты Хоростецкий. По иронии судьбы, приказ подписал тот самый полковник Матюхин, который тоже не сдал карту...

В деле есть характеристика, поскольку 19.06.1937 Свердловский райвоенкомат города Москвы запрашивал в дивизии учетные данные на Свиридова. Штаб разведбатальона (уже не разведивизиона, а разведбата) отправил туда довольного много копий документов, а именно послужной список, учетную карточку, выписку из журнала поощрений и взысканий, автобиографии, аттестационную тетрадь и характеристики на него числом три штуки, начиная с 1934 года, а также зачетную карточку АКТУС 1934 года.

Авторы предполагают, что это результат поездки Свиридова в Москву — Николай Сергеевич пытался устроиться на службу, возможно, подальше от Полтавы, о чем выше приводились некоторые документы. Поскольку запрашивает не Наркомат обороны, а райвоенкомат, то это может являться как бы вторичным результатом попыток восстановиться. Значит, либо лично Свиридов, либо кто-то хорошо относящийся к нему попытался устроить на службу хорошего человека. Если не знать об усилиях в станице Боковской, то смысл в этом есть. Свиридов убирается из Полтавы, где ему стало жить неудобно, и со строевой службы на канцелярскую. К тому же он отслужил около 17 календарных лет, с учетом участия в боевых действиях возможен еще дополнительный льготный зачет срока службы. Прослужит еще лет пять и мирно уйдет на покой.

Но, повторимся, это расчет именно без учета перспектив по 13 части статьи за контрреволюционные преступления. Без этого он кажется безобидным типом, слегка приукрасившим свою биографию изъятием пятна из нее. Можно даже счесть, что он этот грех искупил с учетом полученного ордена. То есть его будущий начальник может и рискнуть. Но это без информации об отряде Подтелкова и Кривошлыкова. Как только о ней станет известно, всякое желание пристроить на службу его пропадет. Да и характеристика не очень хороша.

«За время пребывания помощником командира разведывательного батальона... Свиридов показал себя как слабо подготовленный для этой должности... Тактику разведывательной службы знал слабо. Организовать и методически правильно провести занятие с подчиненными без соответствующего инструктажа не мог. В стрелковом и специально-техническом деле... разбирается слабо. Строевик и физкультурник плохой. Над повышением своих знаний работает слабо. Среди подчиненных и в особенности среди среднего командного состава авторитетом не пользовался. Любил много говорить, но мало делать. Как командир для РККА ценности не представлял. Дважды аттестовывался на увольнение из РККА... как пустой на деле человек. В 1937 году Свиридов исключен из рядов ВКП(б) за службу в карательных отрядах белой армии».

Характеристика разгромная. Насколько она объективна? Сложно сказать. Вообще, конечно, лучше бы поглядеть на все характеристики в динамике, как они изменяются со временем. С другой стороны, если капитан враг народа, то никто не мешает проявить объективность и указать, что хотя он и гад, но строевая подготовка у него на высоте или стрелок он хороший.

Далее проведена очная ставка с военнослужащим по фамилии Парфенов, он упомянул про то, что и в 1935, и в 1937 году Свиридов сомневался в том, что у нас социализм уже построен. Свиридов на очной ставке подобное уклонение в троцкизм не подтверждает.

На этом следственное дело было закончено. Свиридов подлежал суду военного трибунала по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьей 54, частями 10 и 13. Список свидетелей, подлежавших вызову в судебное заседание, насчитывал аж 20 человек! Из них 11 — из Азово-Черноморского края, 8 — из Полтавы и 1 из Кобеляк. Список был скорректирован до тех, кто живет недалеко, то бишь до восьми жителей Полтавы, из которых в судебное заседание явились четверо.

И вот настал день суда: 1.11.1937. Зачитано обвинительное заключение и спрошено, признает ли подсудимый себя виновным. Ответ: «Виновным себя признаю». Но затем заявил, что участие в расстрелах отрицает, и пояснил: «Свидетели на меня показывают неправду, так как озлоблены на меня за то, что я участвовал в раскулачивании их».

Тут наш герой явно лжет. Участвовать в раскулачивании свидетелей он не мог, потому как имеются многие показания, что он в родных местах был около 24-25 годов и

совсем недавно, когда брал справку у Зюзина. Во время приездов коллективизация и раскулачивание еще и уже не проводились.

Заметим, что ни суд, ни следствие не обратили внимание вот на что: в конце 1918 года Донская армия развалилась, и казаки по большей части разошлись по домам; это описано и в исторических трудах, и в том же «Тихом Доне»; Свиридов же остался в белой армии, продолжая служить в ней с марта до декабря 1919 года, как он показывал. А о чем это нам говорит? О том, что он продолжал воевать против советской власти. Если его апрельские геройства могут быть отражением его темноты и неразвитости, подпертых молодецкой удалью, то к моменту развала фронта, когда он успел получить ранение и лишиться брата, убитого в бою, он уже понял, что делать дальше. Если он не сказал себе: «Наплевать, наплевать, надоело воевать», — то перед трибуналом стоит куда более серьезный враг советской власти, чем хочет рассказать.

Или перед нами опять фокусы Свиридова с биографией? Он мог, подобно тому же Григорию Мелехову или его реальному аналогу Ермакову, уйти с фронта во время развала, потом снова поучаствовать в Вешенском восстании и вновь попасть в белую армию. Такое стоило скрывать.

Теперь про переход Свиридова к красным в декабре 1919 года (или позже). Конечно, если Николая Сергеевича со товарищи где-то прижали и предложили: «Переходи на сторону зла, у нас есть печеньки», — то куда ему уже деваться? А если нет? Тогда переход к красным нелогичен и опасен. Свиридов все же рядовой казак и несильно развит, а тем паче, не владеет информацией о состоянии дел на всем фронте. Но он должен был помнить главные события гражданской войны: в феврале 1918-го красные победили, но всего лишь через несколько месяцев они вынуждены были очистить Дон, а к осени и Кубань с Северным Кавказом, после чего случилась обратная ситуация, и Дон белые сдали, а с мая 1919-го Дон снова белый, красные отступают, и так длится до поздней осени 1919-го, после чего начинается отступление уже белых. Что это значит? То, что резко дергаться не надо. Дернешься — придется пожалеть. Под властью красных — за то, что выгонял их с Дона и пытался взять Царицын. А когда вернутся белые — тебе прямо скажут, что ты за нехороший человек, раз зимой бросил фронт и разбежался по домам. А виноватые будут зарабатывать прощение выполнением разных неприятных миссий. Среди наемной пехоты такие назывались «пропащие ребята», и они ставились в особо опасные места.

Поскольку несколько свидетелей говорили, что Свиридов перешел к красным в марте 1920 года перед новороссийской катастрофой (или во время нее), то вот эта версия выглядит более красиво. Николай Сергеевич политическим чутьем не отличался и всегда делал максимум возможных ошибок в своем выборе. Ситуация под Новороссийском была аховой. Очевидцы писали, что вокруг казачьих колонн буквально вились представители зеленых и уговаривали их не идти к морю, в неизвестность. «Идите к нам!» И казаки шли — полками. Переходили не только подающие надежды, как Свиридов, но и прославленные бойцы вроде Ермакова и Шапкина. И сразу же начинали зарабатывать очки у красных — по колоннам добровольцев из леса открывался огонь. Это перешедшие на сторону красно-зеленых казаки старались. Один офицер Алексеевского полка описывал, как под станицей Неберджаевской два кубанских полка с батареей перешли на красную сторону и провожали огнем уходящих к порту добровольцев.

Вызванный на судебное заседание свидетель Обозный, служивший в 25 СД, рассказал, что Свиридов проводил антисоветскую агитацию в 1936 году и что его выручали в Москве Фельдман, а в Полтаве Зюк, оттого он так долго был на плаву, но теперь они разоблачены как враги народа. Хвастался, что был в командировке в Монголии и как там пьянствовал. Когда его исключили из партии, то он заявил, что не пропадет, что у него есть высокие покровители, в том числе и Фельдман в Москве. Свидетель на вопрос члена суда Бутырина сообщил, что антисоветские разговоры Свиридовым велись осенью 1936 года. На вопрос же Свиридова ответил, что разговоры про Фельдмана и Зюка были летом, в лагерях.

Следующим свидетелем выступил старший лейтенант Сорокун. Он сообщил, что Свиридов на зимних квартирах в 1935 году, когда была разгромлена банда предателей и была информация, что и Бухарин с ними, в беседе с (названы фамилии) сказал, что могут пострадать невинные люди.

Свидетель Анисимов, лейтенант 25 ОРБ, заявил, что слышал, как Свиридов при работе с переменным составом говорил, что социализм не построен как следует, а на занятиях в поле рассказывал про свою командировку в Монгольскую народную республику. Свиридов возражал, что он про построение социализма думает не так и что про МНР ничего не говорил.

Свидетель Парфенов сообщил, что Свиридов ему говорил, что при коммунизме се-

мьи не будет, а всякий мужчина будет жить с какой угодно женщиной.

Далее в заседании были зачитаны показания многочисленных свидетелей из окрестностей Боковской. Свиридов заявил, что свидетели в большинстве своем говорят неправду, в том числе и из-за своего отношения к советской власти. Далее он покаялся в том, что скрывал свою службу у белых.

Последнее слово Свиридова: «В предъявленном мне обвинении я целиком виновен. Цели к.р. агитации не имел, но к.р. разговоры с моей стороны были. Прошу учесть мою службу в РККА на протяжении 17 лет. И учесть все мои заслуги. В построении социализма я убежден, также убежден в построении коммунистического общества».

Заслушав последнее слово, трибунал в 12 часов удалился в совещательную комнату и в 13 часов огласил приговор. Порядок и сроки обжалования подсудимому разъяснены. Также разъяснено, что он имеет право подать просьбу о помиловании в ЦИК СССР.

Заметим в качестве авторского комментария, что тактика защиты, избранная Свиридовым, провальна. Он то и дело менял свои показания, и возникал резонный вопрос: а не лжет ли он сейчас снова? На протяжении заседания он дважды признал себя во всем виновным. Во всем. И после первого же признания начинает заявлять, что он не делал того, в чем уже признался. Он признается, что служил в карательном отряде, но при этом якобы сам лично ничего конкретно не делал. Аргумент очень слабый, даже если совсем не учитывать показания свидетелей, согласно которым они лично слышали от Свиридова похвальбу об участии, и хоть лично расстрелов не видели, но видел кое-кто, как он пленных красных грабил.

Часть 13 статьи 54-й не предусматривала вилку в наказаниях, от стольких-то лет до стольких-то. При наличии этой вилки такая тактика имела смысл. Участие в подавлении революционного движения предусматривает одну меру наказания, высшую. Поэтому многословное покаяние в том, что он скрыл службу в белых — безнадежно: судят его не за сокрытие службы, а за участие в карательном отряде и антисоветскую агитацию.

Ситуацию осложняет то, что по статье 54-10 вилка в наказаниях есть, но верхний предел по ней — опять же высшая мера. В итоге обе части статьи утяжеляют друг друга: при вменении одной 54-10 наказание могло быть и небольшим, 3-5 лет лишения свободы, но в сочетании с 54-13 мало не дадут.

Сделаем замечание о применении статьи 54-13. У авторов под руками нет УК УССР, но близкий к нему УК РСФСР 1926 года гласит:

«14. Уголовное преследование не может иметь места:

а) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше пяти лет или определено в законе лишение свободы на срок не ниже одного года, прошло десять лет;

б) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше одного года, но не свыше пяти лет, или определено в законе лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, прошло пять лет;

в) по всем остальным преступлениям, когда со времени совершения преступления прошло три года.

Давность применяется, если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и притом если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого однородного или не менее тяжкого преступления.

Примечание 1. В случаях привлечения к уголовной ответственности за преступления контрреволюционные применение давности в каждом отдельном случае предоставляется усмотрению суда; однако, если суд не найдет возможным применение давности, то при назначении им за данное преступление расстрела таковой обязательно заменяется объявлением врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда или лишением свободы на срок не ниже двух лет.

Примечание 2. В отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, как применение давности, так и замена расстрела предоставляются усмотрению суда».

В данном случае человек совершил однородное контрреволюционное преступление, то бишь — 54-10. Давность снимается. И воспользоваться примечанием 1 к статье суду уже затруднительно. Возможно, имело бы смысл решиться на более смелый шаг и напрочь отрицать какую-то из двух предъявляемых частей статьи 54, а второе обви-

нение с оговорками, но признавать.

Более уязвимо было обвинение по части 13, ибо имелось только одно свидетельство участника тех событий, что Свиридов грабил взятых в плен красноармейцев. Личное участие его в расстрелах и карательных действиях не видел лично никто из свидетелей, зато многие слышали, что Николай Сергеевич хвастался своим участием в казнях, либо слышали то же от других. Тут против обвинения работало время и отсутствие многих участников тех событий. А те, кто давали показания, сообщали больше косвенные сведения.

Но защищаться надо было не половинчато, а стойко и аргументированно. Свидетель говорит, что Свиридов хвастался участием в расстрелах? Подайте свидетеля сюда! Пусть глянет мне в глаза и подтвердит это. И не забыть объявить суду, что этот вот свидетель судим по статье 58, вчера он на власть шашкой замахивался, сегодня погубить красного командира желает, а завтра пойдет на службу интервентам, если война случится.

Отрицать участие в карательных действиях следовало более аргументированно — в то время он-де был послан с пакетом в станицу такую-то, вернулся через два дня и вообще при расстрелах и близко не был.

Статья 54-10 сложно опровергаема, особенно если Свиридов везде прославился как регулярно говоривший не то, что надо. Свидетелей, которые хорошо Свиридова помнят, в Полтаве можно набрать много, а вот пригласить сюда свидетелей из Боковской — уже сложнее. Ну и говорилось уже про санкции в каждой части. С 13 частью все почти безнадежно, а вот с 10-й — шанс есть.

Наш современник может не понимать, важно ли то, что Свиридов хвастается поддержкой Фельдмана (кто знает, имелась ли она вообще или Николай Сергеевич трепал языком после посещения буфета), а также насколько важно личное мнение, построен в СССР социализм к 1937 году или не совсем. Сегодня это может быть совершено неважно, как и вопрос о том, можно ли причащаться под обоими видами мирянам и духовенству. В определенные времена от ответа «да» или «нет» зависит жизнь человека. Вот это надо понимать. Николай же Сергеевич был склонен к балабольству и языком своим множил свои беды. Нельзя исключить, что всеобщая нелюбовь к нему среди среднего командного состава происходила от несдержанности на язык.

Каков был приговор? Вполне ожидаемый: Свиридова Николая Сергеевича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу без конфискации имущества, за неимением такового; возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о лишении Свиридова ордена Красного Знамени. Приговор может быть обжалован в такие-то сроки... И он обжаловал. На что пришел ответ — определение №002649/1/Р:

«Военная коллегия Верховного суда СССР в составе председательствующего диввоенюриста Камерона и членов: военного юриста 1 ранга Кандыбина и военного юриста 1 ранга Суслина, рассмотрев в заседании 29.12.1937 кассационную жалобу Свиридова Н.С. на приговор ВТ, определила: кассационная жалоба Свиридова, как уличенного в тяжких преступлениях, удовлетворения не заслуживает, и потому оставить без последствий, а приговор, которым Свиридов осужден к расстрелу, оставить в силе».

Эта бумага была получена, судя по штампу, 14.02.1938 ВТ ХВО. А 19.03.1938 датирован акт о приведении в исполнении приговора в отношении Свиридова. Труп предан земле в присутствии врид коменданта Полтавского УНКВД младшего лейтенанта госбезопасности Белого. При приведении приговора присутствовали сам Белый, областной прокурор Федоров, начальник 3 отдела УНКВД лейтенант госбезопасности Платонов. Согласно практике, приговоры приводили в исполнение сотрудники комендантской службы соответствующего УНКВД. Приговоры в Полтаве обычно осуществляли в здании НКВД, а хоронили неподалеку от города, в районе хутора Трибы. И над Свиридовым сомкнулись воды Леты. Или пески бывшего песчаного карьера. Почти на 30 лет.

Добавим про председательствующего трибунала: Романовский К.И. (1897-1938), бригвоенюрист, член ВКП(б) с 1921, в 1935-1937 военный прокурор Харьковского ВО, арестован 22.10.37, приговорен ВКВС 08.01.38, ВМН, реабилитирован 11.08.56. Свиридов пережил Романовского на два месяца.

Личное мнение авторов по ведению дела: оно много полнее и квалифицированнее, чем среднее дело того же периода, а то, что сотрудники ездили в АЧК и привезли оттуда много материала — это вообще редкость. Работа проведена объемная и почти что уличающая Свиридова, и это несмотря на почти двадцать лет давности.

Отметим, что хоть Свиридов обвинялся в контрреволюционных преступлениях, но не тройка рассматривала его дело, а трибунал и с привлечением свидетелей, да и члены трибунала следили за прениями и уточняли детали. Возможность апеллировать ему

также дали. И хоть товарищи Камерон, Суслин и Кандыбин не пошли ему навстречу, но он прожил практически пять месяцев с момента вынесения смертного приговора. А вот легко ли ждать этого, надеяться и не дождаться или лучше сразу — пусть каждый решает это для себя сам.

* * *

Наступил 1967 год, и о Свиридове вспомнили. По какой причине — сложно сказать. Дело в том, что исследователям выдаются слегка обработанные дела. Сначала авторы удивлялись тому, что в делах нет документов, на основании которых у следствия появилась информация, что имярек — польский шпион или кто еще. Причем это касается довольно солидного процента дел. Авторам пояснили, что некогда исследователям предоставляли полное дело, а потом — уже слегка «отформатированное».

Постановление о возбуждении производства по делу от 16.03.1967 (Киев):

«Помощник военного прокурора Киевского военного округа подполковник юстиции Кураков, рассмотрев архивное следственное дело №10990 по обвинению Свиридова Н.С. в связи с запросом ГУК МО СССР,

у с т а н о в и л:

1 ноября 1937 года Военном трибуналом Харьковского ВО осужден... *(Далее следуют данные о Свиридове и о решении ВТ).* Суд нашел установленным, что Свиридов в 1918-1920гг., будучи в казацком повстанческом контрреволюционном отряде под командованием полковника Попова, принимал активное участие в боях против Красной армии. Будучи белогвардейцем, Свиридов участвовал в массовых расстрелах красноармейцев и красногвардейцев из отряда т.т. Кривошлыкова и Подтелкова, терроризировал мирное население. Участие Свиридова в карательной деятельности подтверждается показаниями свидетелей (перечислены), но они в судебное заседание не вызывались. Осужденный Свиридов виновным себя в причастности к расстрелу красногвардейцев, а также в избиении мирных жителей не признал и пояснил, что все свидетели оговаривают его. При таких обстоятельствах не представляется возможным сделать вывод об обоснованности осуждения Свиридова, а также руководствуясь ст. 399 УПК УССР,

п о с т а н о в и л:

Назначить по делу Свиридова Николая Сергеевича дополнительное расследование, производство которого поручить особому отделу КГБ СССР при СМ СССР по Киевскому военному округу. В процессе расследования необходимо установить следующее: 1) в соответствующих государственных архивах проверить имеемые сведения о службе Свиридова в контрреволюционных казачьих формированиях и белой армии; 2) проверить, принимал ли участие Свиридов в расстреле красногвардейцев из отряда Кривошлыкова и Подтелкова, а также избиениях мирных граждан.

С этой целью по возможности передопросить свидетелей Евлантьева Я.А., Гордеева, Евлантьева П.И. и других, а также установить и допросить лиц, знавших Свиридова Н.С. Установить судьбу участника расстрела красногвардейцев Степанова Даниила. Составить по его делу обзорную справку, а если он жив — допросить его по существу дела. Следует также выполнить другие следственные действия, надобность в которых может возникнуть в ходе следствия».

Итак, есть какой-то запрос управления кадров МО, а вот отчего ГУК МО заинтересовалось расстрелянным почти тридцать лет назад капитаном — неясно.

Нельзя не отметить, как этим решением на Особый отдел КГБ возложены «бремена тяжкие и неудобоносимые». С момента события в апреле 1918 прошло 49 лет. Самому Свиридову, который родился в 1895, было бы уже за семьдесят. Красный партизан, дававший показания о расстреле своего сына вместе с отрядом Подтелкова, родился в 1864 году, то есть в то время ему было бы за сто лет. Потому вероятность найти свидетелей была не очень велика. Но поручения даны, и в КГБ засучили рукава и навострили перья. Без кучи запросов во много мест обойтись было невозможно.

Пока же одни бумаги писались, а другие бумаги ходили, вниманию читателей будет явлен послужной список Свиридова. Сам по себе документ, скорее всего, является каким-то вкладышем из личного дела. Более точно сказать сложно, поскольку он пострадал от времени. Больше пострадал набранный типографским способом текст бланка, а надписи чернилами различимы лучше. Вот некоторые:

«Свиридов Н.С., из крестьян, середняк... 1915 год — Луганск, шахта «Надежда и Мария», чернорабочий. 1916 — станица Каменская, отдельная запасная сотня старой армии, рядовой. 1916 — на австрийском фронте 11 кавполк 5 кавдивизии старой армии, рядовой. 1917 — Луганск, отдельная сотня старой армии, рядовой. 1918 — станица Боковская, область Войска Донского, дома при отце, хлебороб. *(Везде указаны месяцы, но они плохо различимы — прим. авт.).* 1920 — 33 кавполк, отдельная кавбригада белой армии Деникина, рядовой. 1920 — 12 армия, Южный фронт, 96 кавполк 33 Кубанской

кавдивизии, рядовым добровольцем. 1920 — 13 армия, Южный фронт, 41 кавполк 5 Кубанской кавдивизии, комвзвода. 1920 — 3 конный корпус Западного фронта, 38 кавполк 7 кавдивизии, комвзвода. 1923-26 — Украинский ВО, Крымская кавшкола, курсант, командир. 1926-28 — Белорусский ВО, 34 кавполк 7 Самарской кавдивизии, комвзвода. 1928-30 — Белорусский ВО, 37 кавполк 7 Самарской кавдивизии, комэскадрона. 1930-33 — Тувинская народная республика, полпредство, инструктор в армии. 1933-35 — Московский ВО, при ВАММ, командир-слушатель. 1935-36 — Харьковский ВО, разведбатальон 25 СД, помкомандира разведбатальона...

За заслуги в разгроме банд Махно... реввоенсоветом республики награжден орденом Красного Знамени №...235 (две первые цифры непонятны), грамота ЦИКа РСФСР №3081.

(На второй орден есть грамота Реввоенсовета №116 от 7.05.1922).

Именные часы от ЦИКа Украины за разгром Врангеля.

Участие в антипартийных оппозициях — нет.

Служил по мобилизации в белой армии — 33 кавполк с июня месяца 1918 года по 1920 год 1 января, рядовым.

Привлекался ли к уголовной ответственности — нет.

Имеет ли партийные взыскания — на вид за продажу собственного велосипеда...»

Обращения в архивы принесли вот что. В справке из Центрального государственного архива Красной армии получен результат архивного поиска по спискам белых частей, где мог служить Свиридов. В приказе по 9 Донскому казачьему полку в декабре 1918 упомянут рядовой казак Свиридов Николай (отчество не указано). По 1 Донской пластунской бригаде в 1919 упомянут хорунжий Свиридов Николай (отчество также неизвестно). Данных о службе в карательных подразделениях белой армии в архиве нет.

Поиск в архивах вполне закономерно закончился провалом. Дело в том, что он происходил по тем документам белых, что были захвачены РККА. Те же документы, что были увезены в эмиграцию, были вряд ли доступны для поиска. Тем более что поиски велись по человеку с весьма распространенной фамилией и именем, находящимся в невеликих чинах. Теоретически Николай Свиридов мог иметься в каждом казачьем полку.

Теперь по документу. Судя по подписи «член ВКП(б)», документ относился к партийному учету. И в нем много неожиданностей. 1) Указание о службе в белой армии. Что же получается — Свиридов это не скрывал? 2) Свиридов, оказывается, участник Первой Мировой войны? 3) Взыскание по партийной линии за продажу собственного велосипеда.

Николай Сергеевич тут в достойной компании (сравните по цитате): «Политбюро ЦК ВКП(б), тов. Сталину. 29.11.1938 был уволен из Красной Армии комкор Петровский Л.Г. Причиной увольнения послужило исключение его из партии за политические ошибки, выразившиеся в грубом, высокомерном отношении к подчиненным и в продаже по спекулятивной цене своей легковой машины». Да, велосипед не машина, но ведь Свиридов еще только капитан, а не комкор. Есть куда расти — и в званиях, и в продажах.

И что касается второго ордена Красного Знамени. Согласно «списку лиц», Свиридов не числится в числе кавалеров двух наград, но один орден у него там указан: в 1922 Николай Сергеевич, будучи комвзвода 38 стрелкового (явная ошибка) полка, награжден орденом, номер приказа РСВСР — 145. При аресте изъяты орден за номером 10319 и грамота РВС республики за номером 302. То есть орден в этом документе и орден по факту номерами не совпадают. Грамоты к ним тоже. Авторы не будут говорить, что думают по этому поводу, потому что говорить о путанице незачем — она видна невооруженным глазом. Кстати, в поисках информации авторы набрели на такое вот утверждение, немного проясняющее ситуацию:

«Работая в архивах, довольно часто встречал письма награжденных, настаивающих, что во время гражданской войны они были награждены БКЗ, но так его и не получили. Многие утверждали, что они были награждены по 2-3 раза. С марта 1919 право награждения красноармейцев было дано РВС армий, а командиров вплоть до комбата — РВС фронтов. Но все равно, все документы посылались во Всерос. гл. штаб для оформления приказов РВСР о награждении. Ну, а какая неразбериха была в то время, всем известно. Многие документы по пути терялись. На некоторых документы посылались повторно, а они считали, что еще раз награждены орденом. Путаница была и в самом бюрократическом аппарате РВСР. Вот так и получалось, что многие награжденные остались без утверждения приказом РВСР и без грамоты. Восстановление учета началось с начала 30-х годов, когда объявили о льготах орденоносцам и о выдаче ОК.

Уточнения производились на основании заявлений награжденных, подтвержденных имеющимися у них на руках справками и удостоверениями, а также сохранившихся приказов по армиям и фронтам. Но это было уже после 1926, когда данные списки уже были изданы... В РГВА есть данные о всех награждениях орденами...» (http://forum.vgd.ru/317/17672/)

Дополнительную путаницу вносил сам Свиридов, большинство данных о награждении которого сводятся к 1922 году, но рассказывавший, что второй орден получил в Туве, когда он был там, или позже. Именно это он рассказал Зюзину у себя на родине.

За что мог получить орден или ордена Николай Сергеевич? Вот отрывок из описания боевого пути 7 КД (источник вторичный): «Против отрядов Махно: в районах г. Ногайск, с. Андреевка, Всесвятское, Цареконстантиновка, Белополье, г. Сумы, ст. Пологи, Гуляй Поле (декабрь 1920 – 1921), в Звенигородском и Уманском уездах (1921)».

В первой половине 1921 года основные силы Махно были окружены в районе Гуляй-Поля, но из окружения вырвались и ушли. Потом они маневрировали, пытаясь уйти от преследования, но самое страшное поражение было нанесено армии Махно (он лично там, возможно, не был) на юге нынешней Сумской области. А потом Махно уже спасал свою жизнь, уйдя в августе с небольшой группой за Днестр в Румынию. Часть отрядов откололась и еще воевала, уйдя на Северный Кавказ, например, как бывший комбриг — конармеец Григорий Маслаков, ушедший из Красной армии в феврале 1921. Возможно, Свиридов проявил себя в этих сражениях или подавлении мятежа Маслакова.

Кстати, коль Свиридов долго служил в 7 Самарской кавалерийской дивизии, то в те годы с ним вместе служили такие знаменитые люди, как командарм В.Т. Вольский, маршал Г.К. Жуков, Н. Д. Каширин, Г.Д. Гай, Д.А. Шмидт, С. В. Вишневский.

И замечание об именных часах ЦИК УССР за борьбу с Врангелем: при аресте их не изъяли, а вот куда они делись между 1920 и 1937 годом — кто знает... Правда, если они были из драгметалла — была кампания по сдаче драгоценностей в фонд пятилетки на индустриализацию страны. Сдавали не только личные драгоценности жен, но и сохранившиеся Георгиевские кресты из серебра и золота и другое.

* * *

Снова обратим внимание на показания товарища Губанова: «Трудно предположить возможность ухода Свиридова на шахту, так как станичное правление не дало бы документы о выезде из станицы на частные работы, потому что тогда вся станица должна была бы справлять ему коня. В 1915-16 годах в ст. Каменская не было никаких запасных полков, а были запасные сотни, и учебная команда могла быть сводная от этих сотен. 11 полк — кадровый, постоянно был во Владимире-Волынском. В станицу Луганскую 14 сотня не могла быть выделена... Вывод: из всех частей, названных Свиридовым, нельзя установить, где был в 1918-19 годах Свиридов, т.к. они не существовали... Если Свиридов попал в Морозовскую, то, значит, был у белых, а в отряд Киквидзе, который был под Царицыном, мог бы попасть только с боем, но Свиридов не указывает, в какой части был. На Дону тогда командовали отрядами Щаденко, Саблин, Петров, Ворошилов, Забей-Ворота».

Нельзя исключать, что это поздний вариант, «исправленный и дополненный». Полностью и безоглядно доверять документу нельзя, но интересного там много.

Несколько позже обнаружился сайт «Краснознаменцы», где о Николае Сергевиче сказано, в частности: «Арестован 08.07.1937. Военным трибуналом ХВО приговорен к ВМН 01.11.1937. Расстрелян 19.03.1938 в г. Полтава. Лишен ордена указом ПВС СССР от 14.07.1939. Реабилитирован 14.10.1967, пункт пр. НКО №1893 от 22.4.1937 отменен. Восстановлен в правах на орден указом ПВС СССР от 11.12.1967. Награждён орденом Красного Знамени РСФСР №10319 за отличия, оказанные в боях с врангелевскими контрреволюционными войсками в 1920 и 1921 гг. — приказ РВСР №116 от 7.05.1922. В бою с бандами Махно 13.03.1921 у села Туркеновки Запорожской области взвод под командованием Н.С. Свиридова атаковал противника во фланг и смелым ударом обратил его в паническое бегство, захватив при этом два пулемета. Приказ РВСР №145 от 21.06.1922 — орден Красного Знамени РСФСР. Орден не вручался. Вторичное награждение за отличия в бою 20.08.1921 под селом Николаевка. В этих боях взвод Н.С. Свиридова преследовал отступавшую банду с целью её полного разгрома. Бойцы взвода уничтожили до 25 махновцев».

И вот тут уполномоченному КГБ повезло. Еще жил и был в досягаемости Кочетов Ф.С. Тот самый, кого допрашивали по поводу Свиридова. Никого другого найти не удалось, хотя и это сродни чуду. Человеку было 72 года, и он прожил очень напряженную жизнь, в которой случились две мировых и гражданская война, а также отсидка на Беломорканале. А это не способствует долгожительству. Он свидетельствовал,

что Свиридов лично участвовал в расстрелах, гордился и хвастался этим, а также тем, что не менее четырех раз занимался ограблением пленных красноармейцев, да еще и раздевал пленных в морозный период, это в чистом виде издевательство. Раздевание пленных в гражданскую войну практиковалось всеми сторонами, но об этом не все знали, особенно в 1967 году.

Допрос свидетеля был проведен 23.05.1967 старшим оперуполномоченным капитаном Поповым из управления КГБ по Ростовской области в городе Миллерово. Гражданин Кочетов жил на хуторе Зенцов Боковского района. Он сообщил, что служил в белой армии, в той же части, что и Свиридов. Часть их продвигалась по Донской области, и им было обещано начальством, что когда они дойдут до границы Донской области и Воронежской губернии, то остановятся. Но фактически, когда дошли, то получили приказ идти дальше и продолжать воевать с Красной армией. Часть казаков, в том числе и свидетель Кочетов, стали категорически оказываться, но начальство, в том числе и Свиридов, который тогда был командиром взвода, продолжало приказывать им воевать с красными.

На вопрос, давал ли он в 1937 году показания о Свиридове, свидетель ответил, что не помнит, чтобы его допрашивали в 1937 году и именно о Свиридове. По поводу отряда Подтелкова и Кривошлыкова сообщил, что прибыл в хутор Пономарев уже после того, как отряд был разоружен и арестован. Тогда же был сформирован полк, в котором служил и Свиридов. Свидетель служил в охране полковника царской армии Попова. Вместе с ним находился и Свиридов. Насчет его участия в расстреле Кочетов может сказать, что на месте расстрела Свиридов находился, но участвовал ли в расстреле — точно сказать Кочетов не может, ибо этого не видел, а только слышал об этом от самого же Свиридова.

В принципе, свидетель повторил те же данные, что и прежде. То, что свидетель не помнит своего допроса в 1937 году, слегка настораживает, но подпись свидетеля в обоих случаях очень схожа.

В общем-то, это последнее, что удалось узнать по делу. Поиска в Полтаве проведено не было и ничего нового узнать не удалось. Впрочем, 25 дивизия через несколько лет после описанных событий из Полтавы была убрана, стала кадровой и погибла при обороне Севастополя. Вероятность встретить ветерана довоенной службы из 25 дивизии имелась, но была невелика. Опрашивать возможных сослуживцев по 7 Самарской кавдивизии опять же не стали. Хотя, возможно, маршал Жуков что-то мог сказать о Николае Сергеевиче. Или командарм С.В. Вишневский.

Материалы были переданы в судебную инстанцию, судя по подписям, и родилось такое определение:

«Приговор Военного трибунала Харьковского ВО от 1.11.1937, определение того же трибунала, а также определение Военной коллегии Верховного суда от 29.12.1937 в отношении Свиридова Н.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело производством прекратить в части статьи 54-13 УК УССР за недоказанностью, а по статье 54-10 часть 1 УК УССР за отсутствием состава преступления».

Итого: Свиридов невинен, и рассказ можно завершать. Что авторы и сделают, немного пройдясь по реабилитаторам.

Что за «вновь открывшиеся обстоятельства»? Этим термином часто пользовались при реабилитации осужденных участников «военно-фашистского» заговора. Коли Тухачевский и его группа признаны невинными в оном заговоре, которого теперь уже и не было, тогда не виноваты и осужденные за это другие военнослужащие. Поскольку влезать в детали, очевидно, было лень, потому и один из героев этой книги воентехник Трахтенберг реабилитирован. А то, что он устроил на артскладе — это уже как бы не считается, потому переквалификации дела в 193 статью за воинские преступления не будет.

Все довольны, кроме истины.

Здесь же нет такого привходящего обстоятельства. С большой натяжкой за него можно принять то, что свидетель Кочетов заявляет, что в 1937 не допрашивался. Но возникают другие вопросы. Как же тогда Кочетов рассказал все то же самое в 1967 году, что и в 1937 году? Ему-то дело Свиридова явно не показывали. То есть следователь Кугно как-то провидел, что свидетель скажет через тридцать лет? И если взглянуть на подписи свидетеля 1937 и 1967 года, то обнаруживается, что Кугно артистически подделал их?

Но если счесть, что 72-летний человек не все помнит, все становится на свои места. И кстати, то, что он лучше помнит события 1918 года, чем 1937 года — это тоже укладывается в известный закон Рибо.

Теперь о недоказанности обвинения по 54-13. Скромное знакомство со следственными практиками говорит, что не все дела к моменту ареста обвиняемого абсолютно однозначно доказывают его вину. Она зачастую доказывается после ареста. Потому

что и бумаги приходят позже, данные экспертизы тоже требуют времени. Немаловажен и такой неявный фактор, как давление на подследственного обстановки ареста и следствия. Наконец, и у свидетелей охотнее развязываются языки, когда они знают, что подследственный сидит под замком и сидеть будет до суда. Ведь не все дела касаются «мирного» обвинения в неплатеже алиментов, есть и более опасные субъекты, способные угрожать свидетелям. Возможно, это разрушит некоторые хрустально чистые представления у читателей — извините за трещины в хрустале. Ибо так и есть.

Один из авторов однажды был привлечен в качестве свидетеля на задержание воров, укравших при содействии охраны восемь мешков муки. Пойманные на горячем, они без всякого давления рассказывали о своем преступлении, о помощи охраны предприятия в этом деле и готовы были сообщить обо всем без дополнительного толчка. Рты у них прямо не закрывались. Ближе к суду, явно получив консультацию, они уже стали рассказывать уже кое-что другое.

Другой пример. Наркоман в компании такого же, как он, собрал наркосодержащее сырье и на кухне стал его готовить для своих удовольствий. Собственно, это то, что он делал почти каждый день. На этом месте появились оперуполномоченные и повязали его. В РОВД он рассказал, что да, вот он сел в машину, поехал в поля за городом, собрал растение, привез домой, при помощи друга стал готовить, и тут ему помешали. Это был честный рассказ, и именно так и было. Но со временем его также просветили, что машина его мамы, на которой он ездил в поля, таким образом, является орудием преступления и может быть конфискована. Приготовление наркотика в компании — это уже отягчающий момент, то бишь групповое преступление. В итоге родилась другая версия, что он купил сырье у неустановленного лица возле своего подъезда, убрав таким образом сбор и перевозку сырья из обвинения, далее товарищ уже не помогал готовить наркотик, а просто ждал его, пока он закончит, и даже не помогал, лишь только сидел на табуретке и рассказывал анекдоты. Итого, из букета правонарушений остается только одно. Он с удовольствием бы отбрыкался и от приготовления наркотика, но просто никак не получалось.

Вот для чего иногда нужен арест — для того, чтобы получить правдивые и не измененные на нужный лад показания.

Однако товарищ Свиридов неоднократно признавался и уличался во лжи, следовательно, его показания не должны приниматься как истина. Поэтому «определение» как минимум недостаточно обосновано в части решения по 54-13.

Кстати, читатели могут оценить две юстиции:

а) Юстиция хутора Пономарев

Группа лиц посидела ночь и решила, что подтелковцам не жить: «Вечером состоялись выборы членов суда от каждой части, причём так, чтобы от каждого хутора было не меньше одного представителя или двух. Суд состоялся ночью. Судили заочно. Из членов суда был выдвинут президиум. Председателем суда был есаул Попов В.С. Члены: сотник Попов А.С., второй, кажется, Кумов И.Я., но точно не знаю. Секретарём был выбран я. Но фактически должность секретаря исполнял Попов. Он составлял и писал своей рукой приговор, а нам дал подписать все им составленное. Перед тем как вынести приговор, сотник Попов выступил с длинной громкой речью, всячески обвиняя подсудимых. Эта его речь и сыграла роль в вынесении столь сурового приговора». Это из показаний Сенина.

б) Сталинская юстиция

Больше года шел поиск, с весны 1936 по лето 1937 года, когда Свиридов был арестован. Трибунал состоялся 1.11.1937. Это не народный суд, ибо есть некоторые ограничения, но и не тройка и не ОСО. Судебное заседание идет с привлечением свидетелей, хотя и не всех. Ведь отвезти десяток свидетелей за семьсот километров не так легко. Подана апелляция, и он живет еще до 29 декабря, когда Военная коллегия апелляцию не удовлетворяет. И конец наступает только в марте будущего 1938 года.

Над могилою 87-ми человек можно прочесть стихи Анатолия Поперечного:

Кто задул твое сердечко,
Словно свечку в храме?!

Кто? Три самозванных судьи при секретаре и семнадцать добровольцев, что стреляли, да два вешателя. И также те, кто обеспечивали беспрепятственное исполнение казни. А куда читатель готов поместить Свиридова — на место палачей или на место их надежного помощника? Вот для него вся информация, пусть думает сам.

Окончание следует

Александр АНДРЮШКИН

НЕБОЛЬШАЯ АМЕРИКА

— Итак, ребята... Сегодня, гляжу, нам не заплатят. Пора по домам!..

Это произносит сидящий в зубоврачебном кресле единственный из нас, собравшихся внутри большого склада, одетый в рабочий комбинезон, — выцветшие синие брюки и такой же нагрудник с лямками на плечах, — типичный по виду *американский рабочий*. Все остальные на рабочих не похожи, а этот Джон Дьюин... Седой, выше среднего роста, выправка, которая была у Рузвельта даже в инвалидном кресле, а уж что было в молодости...

«Каков молодец!» — вот что он слышал с юности или угадывал в мыслях. Трудяга, специалист, пролетарий с плаката... Сейчас ему за шестьдесят, и его годы видны на лице. Впалые щёки, мешки усталости и болезней под глазами. Тусклый негромкий голос... А настроение отличное! И раз в минуту выдаёт Джон Дьюин коронную шутку, над которой присутствующие посмеиваются, а кто-то отвечает прибауткой своей.

Я пока молчу, хотя вообще люблю поговорить по-английски, красуясь неплохим выговором и даже некоторым набором острот. Но это — в аудитории: я ведь здесь, в Америке, по научному обмену, «приглашённый преподаватель». А в этот склад я пришёл, как и другие, чтобы погрузить гуманитарную помощь в Россию. Работа, естественно, бесплатная, волонтёрская, в том и соль Джоновской шутки: «гляжу, нам не заплатят».

Назначили сбор на три, скоро полчетвёртого, а трейлера всё нет...

— А! Вон и Билли идёт... — продолжает острить сидящий в зубоврачебном кресле Джон Дьюин. — Он как мозоль: появляется после работы.

Опять все смеёмся, хотя шутка неточна: работать мы ещё не начали.

Тот, который явился с опозданием, — молодой и белокурый, уже лысеющий, — машет рукой:

— ...Едет!

Мы видим грузовик с сорокафутовым контейнером, за рулём — сам хозяин транспортной фирмы Рон Миллер, — сделав нам знак из кабины, он уходит на разворот.

...Грузовик подан, контейнер открыт, и чуть ли не первым грузим то самое зубоврачебное кресло, в котором сидел пожилой рабочий.

Врачебного добра хватает: коробки с лекарствами, кресла-каталки, носилки даже... Доставку морем оплачивает «Фонд за демократию» Генри Киссинджера, от этой печки и танцуем.

Железки перемежаем мешками с одеждой, в которой попадаются вещи новые и дорогие. Просто хозяин отрастил живот быстрее, чем сподобился поносить эти джинсы или этот костюм.

Идёт лето 1993 года... Для меня «навар» во всём этом двойной. Первое — это фразы, те словечки, которые и иностранец Даль ухватывал в русской глубинке, составляя «Словарь великорусского языка». Я тоже пишу если не «Словарь великого американского языка», то хотя бы разговорник, однако при американцах записей не делаю: не дай Бог сочтут «сверхнаглым русским шпионом».

О моей любви к их языку они, впрочем, знают, возможно, обсуждают её. «Парень вполне сойдёт за кого-то с Британских островов»... Я даже подозреваю, что та задержка в работе, которая у нас была в начале, стала языковым представлением именно для меня. Окунём его, дескать, в пролетарские шуточки, не одних церковников слушать.

Но ещё больше, чем их язык, меня интересует то, *как работают* американцы. И тут я замечаю интересное. Нас — тех, кто носит и подаёт вещи в контейнер, — человек пять, а укладывают всего двое, и получается затор. Кто-то стоит с тяжёлой коробкой в руках, кто-то притащил мешки и думал, что их сразу возьмут... Рон Миллер только даёт указания, а всё укладывает и вновь перекладывает его помощник Терри, худой, невысокий и цепкий как клещ, на тонких кривых ножках, — он-то и создаёт пробку.

Мне кажется, в России давно бы закидали груз и объявили конец работы, а тут нет: приходится ждать. И вот идут минуты, напоминая фолкнеровские романы: солнце на безлюдной улице и не хватает лишь кур, роющихся в горячей пыли. Под крышей склада не жарко, и вот мы сидим кто на чём, и делать нам совершенно нечего, кроме как разглядывать проржавелые стальные опоры крыши и электропроводку на кирпичной стене, присыпанную белой пылью. Сидим, молчим, придумывая, что сказать, и ожидая, когда из контейнера крикнут подавать.

И опять тащим груз, и опять задержка, на что один пожилой работник ворчит: «Организованный хаос...»

И всё-таки вшестером или всемером контейнер забили быстро... У нас в России принято ставить в пример работу немцев: дескать, чересчур не напрягаются, но и не волынят. Немец, дескать, бросил лопату земли, чуть помедлил, бросил другую. Вот это «чуть помедлил» и есть для немцев отдых — кроме пивной, конечно.

Как работают американцы, я понял только в конце погрузки. Терри, который играл роль бригадира, наносил последние штрихи. Контейнер уже был загружен и даже дверь его пробно закрыли, но Терри её опять открыл и как бы вслепую обнюхал и ощупал всё сложенное и чем-то остался недоволен. Мигнул одному из рабочих, и тот помог ему разобрать последний ряд коробок и добавить немного ещё и вновь прижать, уже плотнее... А потом ещё раз — уже на пределе терпения всех и явно истязая себя самого — что-то переложить и ещё сильнее прижать — и вот тогда только закрыли дверь контейнера. Теперь свободны!

* * *

Здесь, в Небраске, много эмигрантов-немцев, порой больше половины фамилий в каком-нибудь телефонном справочнике. Об этом же свидетельствуют и американские флаги, обязательные во внутреннем убранстве лютеранских церквей. Мы, дескать, немцы, но «звёздно-полосатые», «хорошие», не те, с которыми Америка воевала в Первую и Вторую мировую. И акцент на Среднем Западе образцовый, то есть *никакой*, усреднённый; здесь нет прононса Техаса или Пенсильвании.

На Среднем Западе нет ничего особливого, не ожидал я тут встретить и каких-нибудь рабочих навыков — кроме тех же разбавленных немецких. А раз не ожидал, то и не увидел: мы встречаем то, что заранее предполагаем.

Но вот какая мысль появилась сейчас. Кто был целью «парада шуток», разыгранного в начале, во время ожидания? Мне казалось, острят для меня, а теперь вот думаю: объектом и целью, возможно, был тот самый седой пролетарий Джон Дьюин, посаженный в зубоврачебное кресло. Это ему — и тем, кто брал пример с плакатных рабочих, — новое время говорило: век пролетариев окончен, возвращается век церкви, Иисуса Христа.

Мы пришли, чтобы погрузить гуманитарную помощь, собранную лютеранской организацией «Хлебный поезд»: при чём тут вообще пролетариат, индустрия, *экономика*?

Я убеждался в правильности этой мысли не раз: как только говорил (уже у нас в России), что горбачёвские и ельцинские реформы привели к одному главному результату, к возрождению церкви, — тут же встречал яростное — вплоть до ненависти — отрицание этого вывода. А раз с тобой спорят, значит, ты прав!

* * *

...А не слишком ли быстро? — спросит кто-то.

Я поехал в Штаты «по религиозной линии» (отчасти) и говорю о *возрождении церкви*. А какой-нибудь физик слетал в Америку по обмену учёными — почему бы ему не уверовать в *победу науки*?

Начиная эту повесть, я думал вовсе не о церкви, а о литературном языке и переводах. Вообще-то об Америке я написал сразу после возвращения из неё, рукопись с тех пор потерялась, и слава Богу. То были путевые заметки без какой-либо общей идеи, кроме той, что я, мол, «русский путешественник», то, что вижу за морем, ценю, но и от своего

не отказываюсь.

Дипломатичный каркас, вполне пригодный, если есть сильные впечатления, которые он призван поддерживать. Но вот с яркостью восприятия у меня не то что беда, но, например, до описаний Германии в «Охранной грамоте» Пастернака мне не подняться. *«...Исконное средневековье открывалось мне впервые. Его подлинность была свежа и страшна, как всякий оригинал... Берлин показался мне городом подростков, получивших накануне в подарок тесаки и каски, трости и трубки, настоящие велосипеды и сюртуки, как у взрослых. Я застал их на первом выходе, они не привыкли еще к перемене, и каждый важничал тем, что ему вчера выпало на долю...»*

Это о Германии 1912 года, которая так поразила двадцатидвухлетнего Пастернака-студента, что он подумывал в ней остаться, сделавшись немецким философом. Хорошо, что потом была Италия и поездка в Россию на каникулы, — словом, Германию удалось «взять в рамки». Но впечатления были столь сильны, что, быть может, Пастернак не случайно молчал о них почти двадцать лет и положил на бумагу, уже будучи опытным литератором и поэтом.

Не исключено, что о путешествиях и следует писать спустя десятилетия, иначе трудно убрать оттенок хвастовства: вот, мол, где я был, а вы там не бывали. Но Европа из «Охранной грамоты» Пастернака — это не о том, где он был, а в большей степени о том, кем он стал с тех пор... Хотя, при его даровании он, наверное, мог бы написать о Европе и сразу. Прославившие его первые сборники стихов о России — они тоже содержали опыт поездок в Германию.

...Итак, вот что я делал тридцать лет, что прошли после той поездки в Америку (вкратце, конечно). Вернувшись из Штатов, я английский язык забросил (продолжая пользоваться им только для деловых нужд) и погрузился в литературное творчество, итогом чего стал роман «Дети Горбачёва». Переписанный несколько раз в течение десяти лет, он всё равно вышел не вполне удачным, местами провальным.

Но западный крен собственной жизни меня так раздражал, что я решил его радикально исправить, выучив фарси, а потом и арабский. Опубликован десяток романов, переведённых мною с фарси; художественной прозы с арабского я перевёл меньше, но язык этот знаю достаточно, чтобы вырваться из навязшего в зубах спора России и Запада. Тяжба эта кажется мне бесплодной и никуда не ведущей, так как в ней нет «третьего измерения» или дополнительной точки отсчёта. А ведь таковая у нас прямо под рукой: семитские языки. Это и есть нужный всем нам маяк. Говорю не об иврите (учить который не сочли нужным даже Пастернак и Мандельштам... но тогда были другие времена), а об арабском: злободневность этого языка доказана хотя бы изменившимся силуэтом Нью-Йорка. Когда я был в Нью-Йорке, башни-близнецы ещё стояли на месте, а что случилось в сентябре 2001 года, чем был, так сказать, «открыт новый миллениум» — все помнят.

И у нас в России повседневность ислама видна всем, так что я не жалею о четверти века, отданной этим двум восточным языкам... Правда, и их переизбыток утомляет. Потому и захотелось мне вспомнить то молодое время, когда английский мне был почти как вода для рыбы.

...Что я имел в виду, говоря, что приехал в Америку «отчасти по религиозной линии»? В советские времена я и думать забыл (да у нас в семье это и не упоминали), что моя мама училась в «Петришуле» — когда-то школе лютеранской, а в советские времена уже просто — с уклоном в немецкий язык, — расположенной на Невском позади лютеранского храма «Петрикирхе». Но после 1991 года в Петербурге возродились религиозные общины, в город начали наезжать американские лютеране, и меня именно тогда потянуло почему-то в лютеранскую церковь. Так сказать, пошёл по маминым стопам.

И вот мы с женой как переводчики с английского начали принимать в Питере приезжавших туда американцев-лютеран, а потом настал и наш черёд нанести, как говорится, ответный визит.

С получением американской визы, разумеется, возникли проблемы, ибо церковь в Америке «не имеет субъектности», то есть не имеет прав кого-то приглашать. Международными правами наделена американская наука — к её помощи и пришлось прибегнуть. На счастье, я ещё и оказался почти что учёным (литературоведом), так что появилось приглашение от Университета Небраски. Визу дали на год, с января 1993 по январь 1994 года.

* * *

В Нью-Йорке мела позёмка и кусал морозец: минус пять-десять по Цельсию.

Нас встретил Джон Хильдебрандт из Чикаго. Он приехал на микроавтобусе и имел инструкции особо не задерживаться в Нью-Йорке и прямиком везти нас сначала к себе в Чикаго, а оттуда и до Небраски недалеко.

Организация «Хлебный поезд для сирот» ("Orphan Grain Train") создалась всего год назад и ещё мало что успела. Но ещё раньше — уже года два-три — американцы ездили в Латвию восстанавливать здание лютеранской семинарии в Риге. Каждый заезжал недели на две, редко на месяц, и называлось это *«плати, чтобы работать»*. Перелёт в Ригу и обратно, как и проживание, были за счёт самих паломников или работников — как их ни назови. Разумеется, за их счёт были и поездки на экскурсии из Риги в Москву и Петербург, где мы их и встречали, в том числе и организаторов «Хлебного поезда».

«Плати, чтобы работать» — это древняя христианская традиция, иногда превращавшаяся в вариант «плати, чтобы воевать». Например, в Крестовых походах участвовали добровольцы, способные именно оплатить (или отработать) дорогу и проживание. Платить требовалось вперёд, а далее воин Христов поступал на довольство из общего котла и получал право на койку на корабле, который привезёт его на войну. Доброхот покрупнее мог оплатить счёт за одного, двух — да хоть за тысячу христианских солдат. Кстати, и в армии Минина и Пожарского дело пошло лишь после того, как был установлен твёрдый размер пожертвования на одного ратника в год: от 15 до 40 тогдашних рублей (в зависимости от того, что считать: сумму, выдаваемую на руки самому ратнику, или полученную за него организаторами похода).

Но вернусь в Нью-Йорк января девяносто третьего.

На стоянке аэропорта Кеннеди мы погрузили вещи в синий микроавтобус Джона Хильдебрандта, и он довольно быстро начал перерезать Нью-Йорк на юге, намереваясь миновать город и уйти на какую-то магистраль в западном направлении. Джон в своей жизни поработал дальнобойщиком, так что в дорогах разбирался. Жаль, конечно, было оставлять позади Нью-Йорк: мы в него вернулись только в конце лета и как следует его осмотрели. Но сейчас завязнуть в Нью-Йорке было бы глупо, в первую очередь требовалось добраться до места работы, то есть до штата Небраска.

Всё-таки кусочек Нью-Йорка мы увидели, и автомобильное движение мне показалось быстрее, чем в Европе, а многие небоскрёбы, как выяснилось, весьма невелики. Иная нью-йоркская высотка занимает место на земле, как поставленная на торец «хрущёвка», для того они и придуманы, уходить ввысь, а не вширь и занимать как можно меньшую площадь.

Оказалось, фотографии и фильмы обманывают, и нужно постоять рядом с небоскрёбчиком, чтобы оценить его малость...

Этот размер небоскрёба — повторюсь, сравнимый с торцом «хрущёвок», десять метров или менее — и дал мне мысль о заглавии повести: «Небольшая Америка».

* * *

Сухой снежок чуть задувал по жёлтому асфальту, и ехали мы свободно, ибо Джон умел миновать пробки. «Гудзон пересекаем по мосту Верразано», — объявил он, и я замечтался, глядя вправо с пассажирского сиденья на нью-йоркские небоскрёбы и на широкую реку Гудзон в сереньком свете пасмурного дня. Берега были оснежены, и часть реки подо льдом, хотя море возле Нью-Йорка не замерзает. Но притоки Гудзона были скованы и засыпаны снегом.

Я присматривался к Джону Хильдебрандту...

В Питере он показался мне типичным пролетарием, то есть человеком, делающим что-то руками и, в то же время, умеющим хорошо устроиться.

Он был внешне похож на того самого Джона Дьюина, с которого я начал заметки: тоже выше среднего роста, крепкий, хотя и совсем седой, с небольшими следами на лице то ли шрамов, то ли оспы, то ли давних ожогов.

— Я люблю моё пиво вечером... — сказал он мне мягко и негромко, в Питере, когда у нас был свободный вечер, экскурсии закончились.

«Люблю моё пиво»... Даже некая изнеженная складка губ... «Сначала о зарплате, потом уж о деле», — так я это перевёл для себя. В современном мире эти члены профсоюзов и неплохо зарабатывают, а главное, ни за что не отвечают. Ответственность их (перед семьёй и детьми) — только в том, чтобы вовремя перескочить с одного денежного места на другое; об этом и бывают разговоры «за пивом» у этих обладателей «больших рабочих рук», с такими же хитрованами, как они.

Социологи правы: сегодня пролетарий избалован, предприниматель забит и заезжен.

Кстати, встретивший нас в Нью-Йорке Джон оделся побогаче, чем в Питере: новенькие синие джинсы и белоснежные кроссовки и тому подобное. «Человек хорошо заработал, — так я объяснил себе это, — и теперь вышел на пенсию и может поучаствовать в благотворительности».

— ...Вот в таких, да, ездил? — спросил я Джона, указывая на типичные американские, «носатые» грузовики-тягачи, которых тогда ещё не было в России. Для нас тогда

был привычнее «КамАЗ» с его плоским фасадом.

— И в таких тоже, — многозначительно подтвердил Джон. — Они попозже выходят: ночь — время дальнобойщиков...

Я сидел впереди, жена с дочерью — на сиденьях второго ряда, а ещё дальше сзади — матрацы с одеялами, о которых Джон сказал, что «можно путешествовать по-цыгански».

Так мы неслись на запад, сначала по сельским местам Пенсильвании... Пейзаж являл собой полное сходство с Эстонией, например. В американских фильмах часто показывают южные пустыни со скалами и кактусами: такова природа в окрестностях Голливуда. Но здесь мы ехали по типичной зимней Европе: серые перелески и хутора на расстоянии километр или два-три километра один от другого. Латвия или Эстония: и церквушки похожи, с конусообразными деревянными шатрами колоколен.

* * *

Жена с дочерью сидели сзади... Нужны пояснения.

Я думаю, что любому из нас куда важнее, чем противостояние классовое, чем все эти дебаты «капитализм или социализм», чем даже непримиримость наций, — *война полов* мужского и женского.

Эта вражда длится извечно, никогда не прекращаясь и лишь уходя вглубь и стихая по видимости.

Мне кажется, и мужчины воюют меж собой потому, что чувствуют в противнике «обабленность». Именно так смотрели русские на французов Наполеона: бритые и куртуазные, в каких-то там кружевах, явились покорять Москву... В свою очередь французы, поляки и прочие европейцы всегда видели в русских *бородатую неряшливую бабу*, которую отлупить хотелось тем сильнее, что в своей стране это запрещают законы и приличия. За то же шла драка и во время Второй мировой: «кто баба, русский или немец»?

В женской среде идёт похожая война: не за то, кто лучше одет, или умеет лучше готовить, или какая из них нашла себе мужа богаче, но за лидерство в женском войске: за звание самой безжалостной в священной для них войне против мужчин.

Всё это была присказка к тому, что я намеревался написать о себе и собственной жене и о тогдашнем нашем варианте войны полов... Но, поразмыслив, нахожу, что это увело бы далеко от Америки. Скажу суммарно: мне тогда было почти тридцать три, и я вёл себя так, как если бы в нашем браке я был главным. А был ли я им на самом деле — не знаю. Отделаюсь парадоксом: если в паре кто-то ведёт себя как «номер один», ищи подвох: возможно, всё не так, как кажется.

* * *

Только-только начало темнеть, когда Джон остановился у так называемой «сервисной плазы» ("service plaza" — красивое название для придорожного туалета). Слава Богу, в Америке эти точки расположены вдоль больших магистралей через каждые два десятка миль или чуть реже.

Бесплатный туалет — вроде как и не главное во всём этом: тут же находилась и автозаправка, и кафе, и супермаркет, и стоянка для трейлеров дальнобойщиков.

Небольшое количество долларов мы привезли из России, потому я смог купить мелочи: дочери конфет, банку пепси... Удивительно после России (полностью перешедшей на бумажные деньги): здесь в ходу были *монеты*: тяжёленькие пяти-, десяти-, двадцатипенсовики...

В меру полноватая, молоденькая негритянка-продавщица, подавая мне товар и сдачу, на миг свою руку оставила в моей...

Очень мягкая и безвольная ладошка: возможно, это был первый в моей жизни контакт с *послушной работницей*! (Той, которая не пережила пройденный Россией урок «полного освобождения трудящихся».) Что-то в прикосновении меня удивило, я оглянулся на Джона, а он понимающе ухмыльнулся.

После этой «плазы» Джон уступил мне руль, а я ведь машину не водил очень давно, больше десяти лет. Жена меня за рулём ни разу не видела, как и дочь, которая воскликнула «папа!» — когда я со стоянки двинул автобусик задним ходом. Потом я осторожно вырулил на магистраль... Американцам, вероятно, было трудно понять, как можно не уметь водить машину, вот и Джон не понимал, что, посадив на место водителя человека, не рулившего лет двенадцать, он рисковал всеми нашими жизнями. Я поехал потихоньку в правом ряду, потом и в левом, а где-то миль через пять нас встретил пост дорожной полиции.

— ...Что делать... Если остановят?

— Езжай-езжай... — подбодрил меня Джон. — Езжай-езжай...

Под колючим взглядом двух полисменов я проехал, стараясь держать выражение

лица... Гражданин России за рулём чужого микроавтобуса, правда, с водительскими правами, якобы имеющими международное хождение. Но главное, я очень давно не управлял машиной!

Скрывшись с глаз полицейских, я нашёл, где остановиться, и передал Джону руль. Может, его это обидело: он как бы превращался в шофёра, а я в этакого барина, рассуждающего о том о сём на пассажирском сиденье... Но мне, действительно, нужно было потренироваться без заложников в салоне.

Быстро стемнело: январский день, он и в Америке короток. Из тьмы по бокам иногда выплывали снежные белые поля, не покрытые лесом, потом опять всё тонуло во мраке.

Засияли забавные фосфоресцирующие штырьки, натыканные там, где дорога поворачивала: без них, и правда, можно было бы вылететь в снежное поле.

...Уютно светился приборный щиток, но водитель, кажется, устал: Бог знает, сколько Джон проехал сегодня утром, до того как встретил нас в аэропорту. Теперь предстояло заселиться в мотель, так что мы в первый же день, в сущности, узнали всё, из чего состоит американская жизнь на дороге. Хайвеи с номерами, как правило, с разделёнными полосами движения, по два ряда в каждую сторону. Заправки и точки сервиса через регулярные промежутки... И вот опытным глазом Джон выбирает мотель в глухом и мало проезжем углу, где цены ниже. Да ещё и предупреждает заговорщицки:

— Постараюсь получить скидочку...

Кто смотрел фильм Хичкока «Психо», тот знает, что такое типичный американский мотель. Ряд одноэтажных сараюшек с общей верандой, выкрашено всё это почему-то, как правило, в белый цвет... Мотели были такими в пятидесятые, такими же остались и в девяностые.

...Хлипкие кабинки, но внутри есть всё, что надо: кровати с тумбочками, письменный стол с телефоном, телевизор и душ с туалетом. Непрозрачные шторы на окнах. Я пощёлкал каналами телевизора, но, кажется, мы все так устали, что сразу завалились спать.

* * *

На следующий день приехали к Джону в Иллинойс: посёлок недалеко от Чикаго, дом на берегу водоёма, в окружении деревьев, соседних участков не разглядеть. Уединённая загородная жизнь.

Через высокие — от пола до потолка — окна гостиной было видно курящееся паром озерцо, к нему клонились окуржавленные инеем деревья.

В отведённой комнате на дощатой стене висело ружьё под оленьими рогами, на комоде белого цвета громоздилась полезная всячина. Жене с дочерью дали комнату по соседству.

В доме — вся та типично американская так называемая безвкусица, о которой кто только не писал... Нет единого стиля: люстры такие, мебель этакая, стены — самых диких расцветок. По сравнению с этой разноголосицей любая советская коммуналка или «хрущёвка» глядится стильно. Не то что в Америке всё это не сочетается, но в самих предметах — например, в американских люстрах — есть изначальная (с европейской точки зрения) чудовищность, как нам кажется — неисправимая.

Мы пошли пройтись вечером... Золотой закат, хрустит под ногами промёрзшая трава, здесь и там — угрожающие надписи на жестяных табличках:

Private property.
No trespassing!

То есть:

Частная собственность.
Не заступать!

Почему-то тяжеловатое, мрачное настроение было этим вечером... А следующее утро, как у Пушкина: «Мороз и солнце, день чудесный!»

И вот главное — поразительное — оставшееся для меня, быть может, символом всей Америки.

Мы зашли с утра в небольшой лютеранский храм, и уже в его притворе в стеклянном выставочном шкафике я увидел переливчато сверкающие спортивные кубки. Четыре-пять трофеев, не больше, но как гордо выставлены!

Всё это было освещено январским солнцем, словно мёдом залито.

Задержался с удивлением, а местный пастор пояснил:

— Молодёжь нашего прихода... Мы поощряем...

Что за вид спорта был — бег, прыжки или что-то командное — не помню. Все спортивные кубки похожи: дутый металл. Ясно, что денежной ценности не имеют, но блестят, в этом весь спорт.

Если вдуматься, то в этом — и христианская церковь, она единосущна со «спортом высших достижений».

Идёт всё это Бог знает из каких глубоких веков, а до нас дошло в греческом варианте: самопринуждение к подвигу.

Кто был пастором этой церкви, не помню, но мне кажется, что это был человек пожилой, хотя и сам когда-то не чуждый спорту. И я совершенно уверен, что он ясно понимал, что делает, то есть что *нарушает каноны*. А никаких объяснений он не стал давать: если не глуп, поймёшь, а нет — и объяснять не стоит.

Среди священников всего мира много непростых, едва ли не каждый второй мог бы быть Иоанном Крестьянкиным или Николаем Гурьяновым. Просто одних случай сделал знаменитыми, а других нет, но это не значит, что они глупее.

Ещё раз повторю главную мысль: христианский подвиг всегда телесен, этим он и похож на спорт.

* * *

В этом месте текста я хотел набросать «вперёд» некоторые главные впечатления об Америке: о Чикаго, о Нью-Йорке...

Сколько раз я был в Чикаго, уже и не вспомню, даже и в этот первый приезд в Иллинойс мы сгоняли туда с Джоном. Хотя задерживаться было не с руки: я должен был прежде всего появиться на работе, то есть в Университете Небраски. Иначе выходила нелепость: прибыл в Штаты по вызову университета, а разъезжает почему-то в Чикаго.

И всё-таки на денёк-другой мы задержались у Хильдебрандтов... Присматриваясь к их семье (вспоминая её сейчас), я не могу не сделать вывод, что хорошая семья — это взаимные уступки. Собственно, для этого «открытия» и в Америку не надо было ездить...

Но писать об Америке невозможно, упирая только на неожиданности и парадоксы, много в ней совершенно «нормального», и как быть с этим?

Жена Джона Арлин была учительницей в школе и, возможно, в большей степени главой семьи, чем её муж. Впрочем, это была разновидность верующих людей, которые живут для воплощения лозунга церкви: «глава семьи — Христос».

Мне устроили встречи со школьниками в двух школах, где я рассказывал о реформах в России и о возрождении христианства и агитировал помогать материально и морально. Довольно сложные и порой вгоняющие в стыд предметы («приехал денег просить»), — но облегчалось всё тем, что с похожими речами выступали и Горбачёв, Ельцин, а перед ними — Хрущёв и Брежнев. Любая так называемая «миссия дружбы» очень неестественна, притворна и приобретает смысл лишь тогда, когда находится *общий враг*. Хрущёв и Брежнев призывали *вместе бороться с гонкой вооружений*... Банкеты и речи во время войны, в гостях у государства-союзника — вещь понятная, так же как и работа союзных миссий и штабов. Но что мы делаем за границей в мирное время?

Это я и объяснял на разные лады, выступая в Америке. Школьникам попроще, где-нибудь в Ротари-клубе посложнее... «Мы вместе боремся против коммунизма...» — «Но коммунизм — проблема вашей страны, — могли бы мне ответить. — При чём тут американцы?»

Требовался логический шаг: мы — христиане всего мира — вместе боремся против засилья атеистов. Это уже было понятно американским верующим, ибо это ведь им могли вчинить судебный иск за ношение креста, например, или за любое исповедание их веры.

Мы приехали из России, чтобы объяснить, сколь опасен дошедший до предела атеизм. Такой ход был беспроигрышным; жена моя шла ещё дальше, говоря, что в один прекрасный день христиане России могут стать образцом для христиан Америки... Это уже было чересчур; вернее, с её стороны это была скорее ирония или так называемый троллинг (хотя слово это стало распространённым значительно позже).

В общем, мне было что сказать детишкам в американской школе, и в государственной, и в лютеранской. Насчёт последней я узнал, что Джон Хильдебрандт в её совете попечителей, что учеников в ней — всего семьдесят, потому она пока не окупается, выйдет на самофинансирование, когда число учащихся превысит сто десять. За каждого ученика родители платят по девятьсот долларов в год, льгот никаких: аренда, коммунальные услуги, зарплата учителям — всё как в государственных школах, может, даже наоборот, у тех есть льготы, отсутствующие в школе лютеранской.

...Но они расширялись, и Джон как раз строил спортзал. Раздевалки, душевые — сложные бетонные работы. Джон — подрядчик, что объяснило мне логотип на одном из микроавтобусов возле его дома: "Hildebrand Construction" — «Строительство Хильдебрандта».

Дети Джона и Арлин — Мери и Пол — уже имели свои семьи и детей, а с церковью не были связаны; здесь, пожалуй, и находилась «Ахиллесова пята» этой семьи.

Особенно Пол — кругленький, с редкой щетинкой рыжих усов и со слегка угреватой кожей — удивил нецерковной профессией: крупье в игорном доме. Хотя имел инженерное образование, но сказал, что хорошей работы по специальности не нашёл и пока — временно — помогает людям проигрывать деньги.

Забавно было узнать, что игорный бизнес кое-где в Америке запрещён, но индейские резервации как раз имеют льготу и могут открывать казино на своей территории. Ничего не нужно строить: подогнали к причалу в резервации круизный теплоход — и пожалуйста. Я знал, что пассажирские лайнеры дают людям поиграть, но Пол в эту тему углубляться не захотел, только на мой вопрос, большие ли деньги проигрывают, заметил, что суммы быстро теряют значение, превращаясь в пустые цифры. Наверное, и фишки для того придуманы, чтобы легче было их отдавать.

Пол был младший, Мери — старшая сестра, и дома у неё и её мужа Марка мы побывали. Если меня не подводит память, Марк представился как еврей; христианского духа я точно не почувствовал... Или это было не то христианство, к которому привыкли в России в эпоху Романовых и в следующие времена.

Итак, старшее поколение семьи Хильдебрандтов — верующие, младшее — вне церкви. Тут, конечно, напрашиваются предположения, что и младшие придут к вере, что работа крупье или ночи, разделённые с евреем, неизбежно приведут ко Христу... Бывает в жизни и «обратная логика»: дети, пошедшие по неожиданному пути, заставляют родителей вглядеться в себя и, быть может, чему-то в себе ужаснуться и метнуться к спасению в традицию, то есть опять-таки в церковь.

Увы, я сам — как и многие советские люди — рос в семье безбожной, религию видел лишь краешком, однако же и мне доводилось — как от удара электрическим током — испытывать оторопь от предметов культа. Каменное зданьице на кладбище под названием «действующая церковь», а рядом с ней бревенчатый дом священника, и — долгим весенним вечером — тканый мокрый половичок на досках крыльца... А ведь это — вход в потусторонний мир, и надо быть безумцем, чтобы этого не понять.

Христианская вера рассекает мир на *этот* и *тот* — загробный — с большей резкостью, чем может скальпель либо топор. Ведь разруб или разрез всё равно существует в одном и том же мире, а религия уводит в иные.

* * *

Уже в первый приезд к Джону Хильдебрандту мы заехали с ним в Чикаго, и там подтвердилось нью-йоркское впечатление о малости или маломасштабности Америки.

Небоскрёбы высоки, но малы по ширине и длине, да и квартальчики в центре Чикаго крохотны: от перекрёстка до перекрёстка три десятка шагов. Никакого сравнения с русско-советской раскинутостью городов; скорее в Америке вспоминаешь виденные где-нибудь в Таллине или Варшаве улочки старого города: фасад дома порой не шире разведённых рук! А всё-таки *фасад*, выходит на важную площадь.

В целом смотрит Америка на себя как на страну малую или на подверженный сквозным бурям остров. Немцы считают себя вселенной, американцы — всего лишь цитаделью, что, кстати, подтверждается их метеосводками. То и дело Америку «накрывает» циклон, шторм, ураган; разноцветные кривые на телеэкранах движутся с пугающей быстротой... Может быть, это ощущение острова принесли с собой переселенцы из Британии, но оно подтверждается фактами: ураганы в Америке — вещь непридуманная.

...Я хотел дальше говорить о Чикаго, но здесь обязан поставить вопрос: какова цель этих моих записок и что я могу добавить к многому, написанному об Америке?

Для справки: о Штатах на русском языке написано более пятисот томов (только художественных книг, научных — ещё больше). Я говорю об отдельных книгах, не считаю кратких очерков тех, кто познавал Америку набегами, например, Гарин-Михайловский, Есенин с его «Железным Миргородом», Горький с его «Городом жёлтого дьявола».

Очень многое было напечатано уже в XIX веке; в советскую эпоху эти книги как бы забылись, и Америку «открывали заново». В XX веке огромное количество текстов написали эмигранты всех «трёх волн»; их книги в России малодоступны, и я тоже не похвастаюсь, что их знаю, но и библиографического раздела нью-йоркского «Нового журнала» ("The New Review") хватит, чтобы в нём утонуть. Созданные между двумя мирами, эти книги вообще могут погибнуть: напечатана небольшим тиражом, не

попала в крупные библиотеки, не оцифрована, и «гуд бай»!

Некоторые написавшие об Америке начинают свой опус тем, что, дескать, русские о Штатах «ещё мало знают», и автор, мол, хочет «восполнить пробел». Как способ самоподбадривания это законно, но вообще-то здесь есть лукавство.

Например, свою прекрасную книгу «Америка глазами русского ковбоя» Анатолий Шиманский начинает именно таким утверждением: дескать, о Штатах по-русски есть очерки Маяковского, «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова — и всё, дескать. Потому-то, мол, его, Шиманского, книга будет открытием.

Но вот передо мной неполный список того, что напечатали об Америке ещё до Шиманского советские авторы. Да, половина их текстов — политическая трескотня, но что делать с другой половиной? Вот журналист-международник Николаев Владимир Дмитриевич 1925 года рождения. Объездил многие штаты, жил в семьях, студенческих общежитиях, на фермах. За 20 лет выпустил в Советском Союзе 13 книг об Америке. (На тот момент, когда я это писал, ему перевалило за 90 лет, и число его книг об Америке на некоторых сайтах оценивалось аж в 22 штуки.) Вот Станислав Кондрашов: не такой уж и грубый политикан, он в качестве корреспондента «Известий» прожил в Штатах более десяти лет и напечатал ещё до перестройки более полудюжины книг. Вот Борис Стрельников (1923-1979), работал в США спецкором «Правды», тоже автор многих книг. Одна из них (в соавторстве с Василием Песковым) — «Земля за океаном»: название кондовое, а сама книга почти лишена идеологии и просто описывает путешествия по многим штатам. Не забудем и Альберта Лауринчукаса, и Александра Овчаренко, и Мэлора Стуруа, и Виталия Коротича, и Юрия Жукова, и Овидия Горчакова.

Книги об Америке советских международников — уже библиотека в сотню томов, но ещё больше, повторюсь, написали эмигранты, и это лишь XX век. А что сказать о веке двадцать первом с его компьютерным взрывом и всеми этими блогами, переходящими в «печать по требованию»? Ведь и в этой интернет-писанине встречаются (хотя и редко) ценные кусочки или хотя бы отдельные удачные части предложений.

Совсем недавно мне случайно попалась на глаза ссылка на книгу Владимира Тан-Богораза (1865-1936), о ней сообщал Мирон Этлис, психиатр и литератор советской эпохи, который не где-нибудь, а в библиотеке Магадана в 1960-е годы увидел издание и о нём тогда же в письме Олегу Куваеву написал так: *«Обнаружил здесь: «Нравы и люди Америки», издано в 1932 году. В Москве её в Ленинке (в общем каталоге) не видал. Это Богораз написал после поездки 1928-29 гг. «Одноэтажная Америка» и даже Эптон Синклер — ничто по сравнению с этой книженцией»* (цитирую по «Литературной России», №32 от 2021 г.).

Я сразу же заказал эту книгу в библиотеке Санкт-Петербурга, прочёл... Несколько удивила интонация этнографа — исследователя диких народов: американцы, мол, народ, имеющий такие-то свойства, одеваются в такую-то одежду, соблюдают такие-то обычаи... Книжка показалась поверхностной; но сколько ещё таких, известных и безвестных, которые никогда не будут прочитаны никем кроме сугубых специалистов! Продолжает работать Институт США и Канады РАН, которому не грозит закрытие; у института есть и план книгоиздания, и я даже боюсь узнавать, сколько они по этому плану обязаны печатать в год... Но и я, как любой уважающий себя автор, убеждён: мой подход к Америке — правильный и нужный. Почему? Потому, что взгляд мой направляет христианская церковь, а она отнюдь не сказала последнего слова.

Серьёзные авторы инстинктивно соблюдают справедливость. Если Горький и Есенин провели в Нью-Йорке не более месяца, то они и не замахивались на книгу. Я, имев визу на год и объездив полтора десятка штатов, тоже на книгу материала не набрал, но уж на повесть-то — с избытком. Потому, перекрестясь, её продолжаю.

* * *

В Чикаго я прошёлся туда и обратно по Мичиган-авеню, вдоль озера, вновь удивляясь тому, как малы здесь кварталы и какое игрушечное расстояние между светофорами.

Заглянул в книжный магазин и нашёл на полке новый, ещё не читанный мною роман Апдайка "Rabbit at Rest" («Кролик на покое»). Длинноногий накачанный негр-охранник издали выглянул из-за стеллажа, разглядывая меня в упор, как пойманного воришку, — от этого немедленно захотелось что-то именно украсть или ещё как-то поступить *назло...*

Вообще темнокожие с их траурным обликом были предметом моего внимания в Штатах. Хотя в Небраске, где я провёл б льшую часть времени, их мало, и местный анекдот гласит: негр-режиссёр приехал искать локацию, но даже не стал сходить с поезда, взглянув на вокзальную толпу, изрёк: «Не подходит, почти нет чёрных».

Но город Чикаго темнокожими изобиловал, и, когда мы с Джоном зашли в кафе

«Жареный цыплёнок Кентукки», я испытал на себе некий накат агрессии. А всего-то взял поднос с порцией еды и оглядывал кафе, выбирая, куда сесть. И, вероятно, *неправильно посмотрел* на кого-то, чем и заслужил оглушительный вскрик и ругань чернокожих, не в мой адрес конкретно, а между собой, но по касательной — и против меня.

Джон со своим подносом поскорее подошёл и что-то сказал мне спокойно, шумный столик затих. И дальше это пару раз повторилось: вдруг грубый крик прямо над ухом, и здоровенный мосластый мужчина швыряет в другого банановую кожуру, тот в ответ замахивается тарелкой, — я это не мог воспринимать иначе, чем посягательство на общий порядок, то есть — косвенно — на меня самого... Джон это замечал и отвлекал вопросом или негромкой фразой.

Ни в коем случае нельзя слишком обращать внимание на людей другого цвета кожи — но и подчёркнуто игнорировать их тоже опасно. Белый должен как-то смиряться, что ли, — в этом случае они успокаиваются и даже поступают именно так, как ты бы хотел, но уже и не ожидал от них.

...Возможно, так и детей воспитывают мудрые родители: терпеливо ждут. У меня в России был другой опыт: во-первых, преподавательский: тут как раз нужен бывал нажим на учеников, иначе класс превратится в хаос; во-вторых, опыт какого-никакого, но руководства определённой группой, в которой тоже моё слово бывало решающим. То есть я не привык скрывать своих намерений, и этот маленький урок в кафе, который преподал Джон, был для меня ценен.

Даже во взрослой жизни тебя для начала должны провести за руку, а уж во второй раз идёшь сам. И я думаю, что американцы именно так учат друг друга правильно относиться к людям других рас. Взаимная «настройка метронома», которая не даст, например, хозяину потребовать чего-то от работника слишком быстро.

...Однако мне сразу и объяснили: в Чикаго есть районы, куда не только нельзя заходить пешком, но даже проезжать сквозь них. Могут заблокировать машину и ограбить начисто. Эти кварталы я видел издали: запорошенные снегом приличные двухэтажные дома, причём каменные, но отключённые от электричества и водопровода, а потому брошенные или обитаемые так, как заселяют удобные места ватаги бродяг.

Я напомню: шёл январь 1993 года, то есть в Америку мы приехали одновременно с инаугурацией Билла Клинтона на первый из его двух сроков. До этого три срока подряд правили республиканцы: Рейган, за ним Буш-старший. Теперь их сменил демократ, и Америка гудела этой новостью.

Мы ужинали в ресторанчике «Кэндллайт» — «Свечной свет» — действительно, тёмном и тесном, отделанном под деревянную старину. Свободных мест не было, столы стояли плотно, и я слышал разговор у себя за спиной:

— Он же просто местный губернатор! — восклицал молодой, сорокалетний мужской голос. — Он не в курсе!

— Далеко-о не в курсе! — поддерживал голос более густой и зрелый.

Я понял, что говорят о Клинтоне: это он был «местным губернатором» штата Арканзас, для которого президентские выборы стали взлётом.

Американское телевидение и после инаугурации показывало его так называемые «ратушные встречи», то есть посиделки — как говорят у нас в России — с активом того или иного городка. Республиканцы возмущались: «Может, хватит вести кампанию и пора работать?»

Одна пожилая худая женщина в брюках возмущённо спрашивала Клинтона:

— Но когда решите вопрос с лекарствами, с аптеками? Когда? Когда прекратите безобразие?

Он задал встречный вопрос:

— Вас заботит доступность по цене или по скорости?

Женщина поперхнулась, а я так удивился этой фразе Клинтона, что даже не запомнил её ответ. Возможно, она и сама не знала, что ей нужно: подешевле, но долго ждать, или подороже, но скорее. Многие хотят и того, и другого, но так не бывает, и своим вопросом Клинтон это дал понять. Фактически он поставил её в тупик!

Потом он, конечно, начал обещать, что будет и дёшево, и без очереди, и даже ещё что-то третье, чего уж совсем никто не просил, но власть — видите — думает вперёд ваших пожеланий... В общем, он, действительно, продолжал вести кампанию, а республиканцы, в свою очередь, вели себя так, будто избрания нового президента не произошло.

Между тем, к Джону и Арлин в Иллинойс уже приехала следующая пожилая чета, у которой мы должны были остановиться: Альберта и Чарльз Хаузер. Приехали на дорогом тёмно-сером кадиллаке и вообще держались как члены класса богатых людей — тогда как Джон Хильдебрандт разыгрывал пролетария.

Заговорили о пустоши недалеко от дома Хильдебрандтов, и Чарльз спросил, не

часть ли это поля для гольфа.

— А если нет, то можно бы сделать... У вас тут как с гольфом?

— Лучше смотри, не вступи в коровий блин, — отпарировал Джон. — Мы здесь скот разводим...

Возможно, оба джентльмена просто «кидали понты», так сказать, мерились заквакой. Джон ведь был не скотовод, а строитель, в прошлом — водила-дальнобойщик. Приехавший Чарльз Хаузер оказался владельцем похоронного бюро, хотя открыл мне это не сразу: гробовщики не всегда любят признаваться в своём ремесле.

Это был человек низенький и полный, очки в золотой оправе придавали ему солидный вид, но в одутловатом лице и пузе было что-то не просто рыхлое, а как бы подгнивающее. Я, конечно, понял, что никакой он не богач, хотя профессионализм похоронщика долго позволял ему оставаться для меня не совсем понятным.

Его жена, жилистая и смуглая, тоже невысокая Альберта, наоборот, напоказ распоряжалась. Это она прислала нам письмо — ещё в сентябре, — приглашая остановиться у них в доме, я отнёс письмо в американское консульство в Петербурге, надеясь, что оно поможет получить визу. Не тут-то было! Американцам для визы требовалось иное: гарантии от работодателя, что у приезжающего будет зарплата. Но речь сейчас не об этом.

Жена командует, а муж помалкивает? Тут имелось некоторое сходство с семьёй Хильдебрандтов, и возникал вопрос: это что, и есть правило для христианских супружеств?

Некая смена власти в семье, вкупе с усилением христианской веры у обоих супругов... Писатель похитрее меня высказал бы это не прямо, а показал через сценки или поступки героев, однако — надо ли? Можешь что-то выразить прямо — так и сделай... Я возвращаюсь к чете Хаузеров и к нашему ужину вшестером в том тёмном и как бы закопчённом кафе под названием «Свечной свет».

Чета Хильдебрандтов передавала нас чете Хаузеров; одни «усыновители» — другим, но вот парадокс: сейчас я, пожалуй, ровно в том возрасте (возможно, чуть постарше), в каком тогда были и Хаузеры, и Хильдебрандты, и многие из тех, с кем мы тогда общались в Америке. А пройдут ещё годы, и они уже превратятся как бы в моих детей (если я, конечно, столько проживу). В любом случае, они были детьми Божьими, людьми воцерковлёнными...

Кстати, об этом ресторане и вообще о еде... Неужели Джон Хильдебрандт сказал фразу, которую я не устаю повторять (а от кого услышал — забыл):

— My favorite dish is food...

То есть: «Моё любимое блюдо — это еда».

Согласимся: фраза правдивая... Современный человек не может забыть, что еда полнит, что многие блюда вызывают холецистит; в результате ходишь вечно полуголодный... Но это сейчас, в пожилом возрасте, а в молодости организм всё сжигал, поэтому я, оказываясь в ресторане (в том числе, и в том самом), всегда заказывал «стейк» — кусок говядины, которую в те дни в Америке отрезали щедро.

А пухленький Чарльз Хаузер, к моему удивлению, выбрал из меню «рёбра» — бывают же странные заказы! Джон Хильдебрандт, кажется, был того же мнения: когда официант принёс заказы и искал, кому что поставить, Джон взял у него тарелку и передал Чарльзу, произнеся издевательским тоном:

— Рёбра!

...Чем немногословнее человек, тем значительнее кажется то, что он изредка произносит, вот и эти «рёбра»... Альберта, которую жена Джона Арлин как бы по ошибке называла «Робертой», — мне показалось, притихла, когда Чарльз заказал свои «рёбра». Невысокая, она как бы вся состояла из рёбер, а своего Чарльза — бывшего бравого сержанта американской армии, — по-видимому, любила. Наверное, в период ухаживания он ещё не был «гробовщиком», а может, это был наследственный бизнес, и она не возражала.

Именно Альберта любила показать, что принадлежит к классу богатых, по крайней мере, умела отчитать кого-то по телефону: «Если вы сейчас же не замените заказ, то я... Хорошо, я жду». Устроила мне интервью в местной газете, а с журналисткой обращалась как с прислугой: «Я сказала ей записать на целый разворот». Как бы невзначай упоминала о земельных участках, один из которых они то ли сдали в аренду пастору местной церкви, то ли продали недорого... А как обойтись без дружбы с пастором, если в городке не одно похоронное бюро и, разумеется, между собой конкурируют?

Город Норфолк, куда мы доехали из Иллинойса за полдня, был небольшим, тысяч десять жителей, однако адрес Хаузеров был: Ильм авеню, 1328. Неплохая улочка: по шестьсот с лишним домов с каждой стороны.

Частные дома в американских городах, как правило, не окружены заборами, и

возникает зрительный парадокс: участок — те же самые наши шесть или двенадцать соток — в Штатах кажется просторнее, потому что глаз к своему газону присоединяет невольно и кусок газона следующего, до стены соседского дома.

В нашем слове «садоводство» упор сделан на сад, и стандартный советский яблонево-ягодный сад с грядками, да ещё и обнесённый забором, кажется тесноватым... Хотя и всего десяток яблонь дают урожай, который при всём старании одной семье не скушать.

Американцы порой на участках ничего не сажают, это именно личный дом, окружённый газоном. Один дом от другого — на расстоянии достаточном, чтобы соседа не замечать, так что удивительно читать Маяковского, который высмотрел в Америке большее нарушение приватности, чем в советской коммуналке. Разумеется, грешно мне сейчас критиковать несчастного Маяковского, которому в 1925 году советская власть нашла немного денег на поездку в Америку, и он эту сумму вовсю отрабатывал, сочиняя антибуржуазные стихи и прозу под названием «Моё открытие Америки».

Маяковский поехал в Штаты в возрасте тридцати двух лет, я — тридцати трёх... Вот что он написал об окрестностях Нью-Йорка:

«Я был на Раковей-бич (нью-йоркский дачный поселок; пляж для людей среднего достатка). Ничего гаже строений, облепивших берег, я не видел. Я не мог бы прожить в таком карельском портсигаре и двух часов.

Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия, одной формы. Дома насажены, как пассажиры весеннего трамвая, возвращающегося из Сокольников в воскресенье вечером. Открыв окно уборной, вы видите всё, делающееся в соседней уборной, а если у соседа приоткрыта дверь, то видите сквозь дом и уборную следующих дачников. Дома по ленточке уличек вытянулись, как солдаты на параде — ухо к уху. Материал строений таков, что слышишь не только каждый вздох и шёпот влюбленного соседа, но сквозь стенку можешь различить самые тонкие нюансы обеденных запахов на соседском столе».

Что ж, в 1925 году Маяковский, наверное, ещё не предвидел, что оставшиеся ему пять лет жизни проведёт в коммуналках, где, собственно, и нет возможности «видеть всё, делающееся в соседней уборной», поскольку уборная всего одна. И ему, конечно, приходилось постоять под дверью туалета, дожидаясь очереди, и тоже мог кое-что услышать и почувствовать запахи сквозь дверь. Я уж не говорю о бараках, которых понастроили в обилии уже в Первую пятилетку, где ты мог не только видеть соседа по нарам, но и коснуться его локтем.

Прожив менее пяти лет после той поездки в Америку, Маяковский застрелился... Отдадим должное: его страстные и правдивые очерки об Америке — из лучшего, что написано об этой стране на русском языке. Он отнюдь не избегает и похвалить американцев, например: *«Нью-Йорк всегда в грудах камней и стальных переплётов, в визге свёрл и ударах молотков... Настоящий и большой пафос стройки».*

Нахваливает он и Чикаго, но почему-то кажется, что переписывает из туристической брошюрки, чтобы поскорее сдать материал в советскую газету:

«Чикаго:
Самые большие бойни.
Самый большой заготовщик лесных материалов.
Самый большой мебельный центр...
Самый людный угол в мире.
Самый проходимый мост на земном шаре Bush street bridge...
Всё самое, самое, самое...»

Кстати, Маяковский подметил ту же тесноту в центре Чикаго, о которой писал и я: *«Показная небоскребная часть узка, притиснута к берегу громадой фабричного Чикаго».*

...Вернусь в городишко Норфолк в Небраске, с его десятью тысячами жителей. Церковных зданий я насчитал десятка три. Считал по колокольням, половина из которых были деревянными и ветхими, а сама церковь — амбар или сарай. Не требовалось воображения, чтобы представить себе её внутри: ряд деревянных скамеек, впереди на дощатой стене — изображение распятого Христа или просто крест. И трибунка для пастора... В храмах побольше трибунок две: одна называется «лектерн», для чтений из Библии, другая — «пулпит», для проповедей. В православной традиции это аналой и амвон.

Храмы в Норфолке имелись католические, баптистские и лютеранские, а также тот клон «Церкви Англии», приверженцы которого не могут называть себя «англиканами», в силу независимости от Англии. Поэтому они придумали для церкви название «епископальная», она входит в так называемое «Англиканское содружество». Поначалу я путал епископалов с конгрегационалистами и пресвитерианами, потом

разобрался, что последние две деноминации относятся к числу кальвинистских, хотя в Америке, кажется, они близки к епископалам.

Я бывал на службах только в лютеранских храмах, зато более чем в двух десятках. Иногда мне давали пять минут: рассказать о России и призвать к сбору пожертвований, пару раз пастор отдал мне всё время проповеди: от двадцати минут до получаса.

В первое воскресенье в городке Норфолк мы пошли в самую большую лютеранскую церковь современного типа: облицованную розово-жёлтым кирпичом, с крышей из современной черепицы коричнево-лилового цвета, очень похожей на глиняную и, наверное, прочнее таковой. Конфессий в Америке много, а церковная индустрия такова, что и храмы разных вероисповеданий похожи (крыши как крылья громадных бабочек), и одежда священников выглядит пошитой на одних и тех же фабриках. Наперсные кресты, белые целлулоидные воротнички, дизайн Библий — всё почти одинаково, хоть у католика, хоть у баптиста.

* * *

Перейду от религии к теме университетской. Университету Небраски я был не нужен, но мог получить там работу: это стало ясно после того, как я побывал на кампусе.

За год до этого я напечатал статью в «Литературной газете», о современном историческом романе, где разобрал книги Владимова, Белова, Аксёнова и Солженицына. Послал номер в Америку Солженицыну, и он ответил любезным, хотя и кратким письмом, которое я перевёл на английский и был готов приложить к каким-нибудь бумагам соискателя работы. Это называется «косвенная рекомендация», ибо юридической силы не имеет, но весит больше, чем по всем правилам написанное отношение штатного профессора чего-нибудь.

Впрочем, я никому в Америке это письмо (и следующее от Солженицына) не отправлял, так как и работу не искал.

Заведующую кафедрой русского и славянских языков и литературы в Университете Небраски звали Рада Баласубармиан, полненькая смуглая дама индийского происхождения, назначением которой администрация убивала пару зайцев-квот. Во-первых, она была не белая (но и не негритянка), а во-вторых, не мужчина (но, по большому счёту, и «не женщина», так как роман с дамой из Индии вряд ли мог прельстить «джентльменов-ухажёров»...).

Не знаю, владела ли Рада русским языком, который обязана была преподавать, но она ахнула, когда я показал ей первую страницу моей телефонной книжки, а на ней — американские адреса и телефоны Аксёнова и Бродского. Она тут же эту страничку откксерила и сказала, что за каждую следующую она даст мне столько-то лишних часов нагрузки. В общем, как сотрудник кафедры я ей подошёл, но это была только половина дела.

В Америке много эмигрантов, знакомых с другими эмигрантами, а в России много писателей, знающих литературную кухню. Тех, кто знаком с делами и в России, и в эмиграции, поменьше, но и их хватает, однако они плохо владеют английским (в лучшем случае как Анатолий Чубайс или Мелани Трамп). Так было в 1990-е годы, сейчас — через тридцать лет — среди наших людей число прилично говорящих на английском выросло. Но тогда я ещё был в диковинку: человек, можно сказать, прямо из Ленинграда, но свободно пользующийся их языком и даже способный на нём каламбурить. В этом убедились приглашённые на ланч со мной профессора Университета Небраски, числом десять, причём появилось из приглашённых более половины.

Я сохранил этот «Меморандум» с приглашением на ланч в «Колониальной комнате» (Colonial Room of the Nebraska Union) на полдень 3 марта 1993 года, — а разослан он был от имени матёрого специалиста, который взялся меня «крышевать» и чья должность называлась «координатор международного образования». Так что поддержка у меня была, и я на том ланче не подвёл моих спонсоров и вещал, почти как Ельцин в Конгрессе о том, что «идол коммунизма повержен».

Американскому университету я точно подходил по двум статьям: знал Россию и мог читать лекции на английском. Подходил я и по третьему пункту, а именно — по отсутствию «пункта пятого». Не открою секрета, сказав, что многим (не всем!) американцам к тому времени надоел национальный состав приезжающих в Штаты из России. Они готовы были хоть грузчику или таксисту давать хорошую работу, лишь бы он выехал из России не по «израильской визе». Это облегчило успех и Вилли Токареву, а в университетской среде, например, Дмитрию Бобышеву и Вадиму Крейду, который на самом деле был Вадимом Прокопьевичем Крейденковым из Ленинграда.

Похожим был успех Анатолия Шиманского, чьё имя американцы порой путали с Анатолием Щаранским, действительно, сионистом. Но Шиманский был белорусом, а называл себя русским, и, поняв это, ему устраивали рекламу, которой отнюдь не все

удостаивались. Другое дело, что выехал Шиманский, всё равно сделав себе вызов из Израиля. (Кстати, и упомянутые Вадим Крейд и Дмитрий Бобышев многим в своей жизни обязаны великому еврейскому народу, — да и кто из нас не обязан ему, включая и автора этих строк?)

Помнится, перед тем ланчем в «Колониальной комнате» я зашёл на кафедру английской литературы Университета Небраски, где мне назначил встречу её заведующий, но разговор я начал неверно, сказав, что написал о Нормане Мейлере. Он сразу поскучнел, поняв, что перед ним — ещё один «типичный из России». Я тут же поправился, заметив, что мне нравится и Ричард Браутиган, но Мейлера-то я упомянул первым.

Дело было поправимое: в этом разговоре зашёл с такой карты, в следующем можно зайти с другой, но проблема была не в этом, а в том, что я сам не хотел работать и жить в Америке. Я просто хотел поездить по ней, пусть даже ничего не заработав в итоге. Но в этом я тогда и себе не признавался, и американцы этого не понимали. Мы общались, как говорится, с искренним увлечением.

Я приготовил две серии лекций: «Русская традиция» и «Проблемы современной России» ("Current Issues in Russia"). Ни один из трёх кампусов Университета Небраски меня в этот, весенний, семестр не брал, но, скорее всего, уже в следующий, осенний, я мог получить работу. А пока я, что называется, разминался в двух колледжах: «Уэйн Стейт» (педагогический институт, уже полвека не дотягивавший до звания университета) и «Северо-западный коммьюнити колледж»: учреждение давало дипломы о «высшем», но в основном людям уже взрослым (вечерникам и заочникам), хотя училась там и молодёжь. Ещё я прочитал лекции в одном из университетов Техаса («Мид-Уэстерн Стейт») и в университете Айовы, куда меня пригласил упоминавшийся Вадим Крейд из Ленинграда.

В самом Линкольне, на кампусе Университета Небраски, я прочёл, кажется, лишь одну лекцию и поучаствовал в паре семинаров. Вот и вся «академическая карьера в Америке», остальное было — выступления на церковных собраниях и в Ротари клубах. Но первые лекции двух своих курсов я готовил старательно, ещё дома, в России. Купил слайды Русского музея и Третьяковки, а главное, заказал слайды с собственной коллекции живописи, которую храню в виде цветных иллюстраций. Там были картины, не выставляемые обычно ни в Третьяковке, ни в Русском музее и почему-то не включаемые в небольшое число повторяемых и надоевших.

Например, я сравнивал русскую и советскую традиции, показывая один за другим «Страдную пору (Косцов)» Мясоедова и «На мирных полях» Мыльникова, картины, впервые выставленной в 1950 году.

Отечественные классики живописи середины XX века наподобие Лихачёва, Рылова, Крыжицкого были моими козырями, а из дореволюционных — так называемый второй ряд передвижников, например, картина Архипова «На Волге». Возможно, для американских студентов хватило бы и Репина с Суриковым, но я бы себя не уважал, если бы явился с таким заигранным набором. Постарался сделать именно курсы в «университетской традиции», как и Набоков написал свой курс русской литературы для американцев, который я тоже использовал. «Мёртвые души», «Война и мир» и «Отцы и дети»: ни шажка в сторону от «утверждённого списка» — однако при этом Набоков приводит и ошибки классиков. У Толстого их особенно много, но и у других есть, — всё это лишь оттеняет набоковское благоговение.

Первую лекцию «Русской традиции» я написал целиком в Питере, вторую досочинял уже в Америке, в доме Леона Хандке и его жены, школьной учительницы Памелы. К ним мы переехали, прожив у Хаузеров меньше месяца... Пастор Рэй Уилке уступил мне машину, вишнёвого цвета «Шеви», я быстро вспомнил вождение и вскоре уже совершил вылазку в Сент-Луис, Миссури. В семистах милях от Норфолка! До Уэйна в этом смысле было «рукой подать»: полчаса езды от Норфолка на север.

Я побывал в Уэйне пару раз, знакомясь с преподавателями и договариваясь о моём курсе, опробовал проектор для слайдов, и вот наконец первая лекция в колледже Уэйн Стейт. Почему-то она была назначена на вечернее время, а утром мы ездили в Линкольн, в ста пятидесяти километрах к югу от Норфолка.

Мне тогда водить ещё было трудновато, так что отвёз меня пастор Рэй Уилке, в своей машине, тоже вишнёвой, но посолиднее той, которую уступил мне. По дороге многое обговорили. Моя жена Светлана в Линкольн тоже ездила, а потом не поехала в Уэйн. Чужой язык вообще сильно утомляет: устаёшь к концу дня, наверное, не меньше, чем на лесоповале. Рэй Уилке заметил мне, когда привёз меня к Хаузерам перекусить и взять материалы для вечерней лекции:

— Сегодня у вас трудный день, Александр.

— Ничего, я привычный, — ответил я. — Имею опыт четырёх пар в день и тридцати часов в неделю...

Это была правда: в своё время вытягивал полную нагрузку преподавателя английского, ещё и с «окнами», которые тоже напрягают, ибо ты остаёшься на работе. Перед последним занятием маешься полтора часа где-нибудь в буфете или в читальном зале, чувствуя гул усталости в голове и теле и недоумевая, как люди это выдерживают. Но в нужное время доберёшься до аудитории, а там взгляд на тебя сразу всех студенческих глаз снимает усталость.

Так же произошло и в тот вечер в колледже Уэйн, на первой лекции. Половина её была пересказом или просто моим переводом известной статьи Аверинцева: «Византия и Русь: два типа духовности».

— Два Рима пало, Третий стоит, четвёртому не бывать...

...Когда произносится эта фраза, на любом языке и в любой аудитории, хотя бы ангелов чувствуют слушатели, если не Господа Бога, который тоже может упереться в говорящего всей, так сказать, «вертикалью». Каким бы ни был лектор тупым — главное, чтобы верил в эту формулу о «Третьем Риме».

Чтобы не слишком торжественно звучало, я обычно прибавлял шутку:

— Некоторые говорят, что Сент-Луис, Миссури может стать «четвёртым Римом», но так ли они правы? — или что-нибудь в том же духе.

Аверинцев непрост, потому и я, худо-бедно втолковав студентам всю проблематику Византии и Руси, уже больше не мучил ни себя, ни их и в остаток лекции лишь показывал слайды живописи.

В этот раз мы уезжали — как и приехали — целой компанией: на лекции сидел и пастор Рэй Уилке, и его жена Лоис, которую он тоже привёз. На следующие лекции я приезжал в одиночестве, слегка удивляясь тому, как просто оставить машину на ничем не огороженной стоянке и с неё войти в красно-кирпичное здание колледжа — не с главного входа, а через незапертую стеклянную дверь в боковом крыле. В пустой чистенький коридор, потом налево, на этаж вверх по лестнице, и вот она, аудитория.

Попрощавшись после лекции, тем же путём выходишь, никем не провожаемый, на полупустую стоянку, по которой идёшь к машине, звеня льдинкой из замёрзшей лужи. Ещё совсем зима, и в машине холодно, как в морозилке.

Заводишь двигатель с включением обогрева; пиликает радио, светится приборный щиток, загораются фары... Неужели этот миг в машине — минуты после работы — и есть счастье?

...Если и возникало в Штатах чувство счастья, то приобреталось оно тем, что я отказывался от продолжения. Решение остаться там обернулось бы чем-то противоположным. Читать лекции о России и при этом жить в США — примерно такая же нелепость, как писать книги о пользе молчания.

...Мотор прогревался, и я выруливал из городка Уэйн на трассу, ведущую в Норфолк. На редкость унылая тёмная дорога с пыльными или заснеженными деревьями, густо насаженными вдоль неё, а может, естественно растущими.

Преподаватель, конечно, переживает вторично любое занятие или прочитанную лекцию, хотя учительские заботы — далеко не только о том, что усвоили студенты, а о наших же цеховых подставах и подсиживаниях, о которых учащиеся не подозревают. Так и полководец лишь частью ума заботится о противнике, но ещё больше — о борьбе внутри собственной армейской машины.

Нужно ли углубляться в это? В то, например, что лекции мои существовали только внутри курса истории, который вёл в колледже Уэйн профессор Майкл Блейни. Что колледж ничего мне не платил и, возможно, не платил и ему тоже, как бы вдвойне экономя на этих часах. Примерно через месяц после моего приезда в Небраску пастор Рэй Уилке как директор «Хлебного поезда» получил гневное письмо от замдекана по международным делам Университета Небраски, в котором этот замдекана (не координатор-специалист, а бюрократ Питер Левитов) выговаривал пастору за попытку получить через меня оплату от двух колледжей — Уэйн Стейт и Северо-западного. Имел место взаимный обман всех трёх участников сделки: «Хлебный поезд» обещал всё что угодно, лишь бы нам дали визы; университет тоже что-то сулил; а я, кстати, ничего не обещал, так как от меня этого не требовали. Считалось само собой разумеющимся, что русский за визу в Америку и пообещает, и даже отдаст всё, что только у него возьмут.

Как только мы в Америку попали, «Хлебный поезд» попытался перестать платить за нас; видимо, Рэй думал, что я сам начну крутиться, дабы обеспечить семью. Но я был озабочен написанием своего романа в первую голову (тогда я заканчивал мой первый роман «Политик», естественно, на русском языке). Возможно, американцы не ожидали от меня такой непрактичности, как и друзья-эмигранты позже не могли поверить, что мы добровольно уезжаем из Штатов. «Оставайтесь, они вас никогда не выпрут!» — советовал писатель Марк Гиршин, у которого мы гостили на обратном пути в Россию, под Нью-Йорком.

Здесь-то и находилась западня, к которой я, впрочем, даже не приближался,

угодить в неё не было опасности.

...Морозным февральским вечером, сидя в машине на стоянке города Уэйн и ожидая, пока прогреется мотор, я похлопывал рукой синтетическое покрытие соседнего сиденья — крайне неестественного, полимерного какого-то цвета, розовато-бежевого, «пластикового» даже на вид; вдыхал этот едкий, специфический американский запах старенькой уже машины — и размышлял о том, в чём же разница нашей, сплошь ещё «пропускной» тогда системы и вот этой американской, где дверь в боковое крыло колледжа не заперта, где не видна охрана и где чужой человек может запросто войти и выйти, никем не встреченный и не провожаемый.

Кто только не писал о разнице между «свободным» Западом и якобы «тоталитарной» Россией... И я — не удивляйтесь, читатель! — внесу свой вклад и повторю эту мысль, которая в русских патриотических кругах кажется столь давно разоблачённой. Ни один, мол, здравомыслящий русский человек не поверит, что Запад более свободен, чем якобы «тоталитарная» Россия. А я вот утверждаю: не только Запад (конкретно — Америка) более свободен, чем Россия, но и в исламских странах жить — легче и вольготнее, чем в моём родном отечестве. Я живал в Иране и знаю это не понаслышке.

Разве что Китай, возможно, не уступает нам в «зажиме», но в Китае не бывал и изнутри его не знаю. А вот Россия — страна весьма тяжёлая для проживания, и неудивительно, что из неё бежали, бегут и, наверное, будут бежать... Почему? Да потому, что мы слишком многого хотим сразу и слишком многим даём свободу, а при этом жизнь становится невыносимой. Либо ты спортсмен, либо пьяница, а попробуй объединить одно с другим, взорвёшься от напряжения. При кажущейся разнице партий в Америке, они играют по одним правилам, тогда как в России правила игры различались даже тогда, когда стороны по видимости находились внутри КПСС.

Короче говоря, в Америке и я, и моя жена очень быстро почувствовали себя своими. Когда я впервые сам привёз на машине жену и дочь к Рэю Уилке — не то в церковь, не то к нему домой, он пошутил: «Вы уже американизировались?» Но это была лишь наполовину шутка, на самом деле мы, и правда, чувствовали себя американцами.

Иначе я бы и не отважился отправиться за семьсот миль в Сент-Луис, с проездом через Канзас-сити и несколько других не столь простых, в смысле транспорта, городов.

Не только то меня беспокоило, что я больше десяти лет не сидел за рулём, но и то, что машина была не вполне исправной. Рэй предупреждал: при каждой заправке проверять уровень масла. То ли тёк масляный насос, то ли даже трещина имелась: в конце концов, именно этим я и запорол двигатель, хотя случилось это намного позже и недалеко от дома. А первую поездку в полторы тысячи миль, в Сент-Луис и обратно, машина выдержала.

...Вот осталась позади наполовину скованная льдом, дымящая полыньями река Миссури под длинным мостом, и я въезжаю в центр Сент-Луиса.

* * *

Вспоминать переговоры в штаб-квартире «Лютеранской церкви — Синода Миссури» не очень хочется.

Почему? Слишком простенькие они были. Крупный политик или бизнесмен ведёт соответственно крупный торг; а что мои мелкие хитрости и успехи?

Нарочито скромный, тесный кабинетик доктора Алана Бакмана по адресу Южная Кирквуд-дорога, 1333, его скороговорочное перечисление тех партнёров, с которыми работал Синод на поле России и республик бывшего Союза...

Похожие перечисления-называния я позже слыхал и в Администрации президента России, и в правительстве Петербурга: бюрократы прибегают к ним, когда не могут или не хотят ни помочь тебе, ни помешать... Скорее всё-таки это их способ помощи: вот такой-то, контакты такие-то, ещё вот такой-то... Работайте, мол, вместе.

От Бакмана (чья должность называлась «директор по зарубежным территориям») — чернявого мужчины в очках, средних лет и средней жилистой цепкости — я тогда впервые услышал имя другого «доктора» (теологии, конечно) — Роберта Ранна, только ещё начавшего создавать издательскую структуру под названием «Фонд лютеранского наследия». Благодаря Бакману я связался с Ранном ещё в Америке, а позже свои первые лютеранские книжки на русском языке Ранн напечатал именно в Петербурге, в типографии «Правда» на Социалистической улице, куда привели его Александр Андреев и я.

Нацеленная против иудаизма брошюра «Бог говорит "нет" и Бог говорит "да" (Различия между Законом и Евангелием К.Ф.В. Валтера)» имела объём 176 страниц и тираж десять тысяч, стоимость каждой брошюры фирма «Андреев и сыновья» оценила в 80 центов, то есть сумма первого договора, подготовленного мной, составила восемь тысяч долларов. Думаю, типография «Правда» получила не более 10-20 процентов суммы, сколько стоили тогда материалы — уже не помню, но примерно половина

денег стала чистой прибылью фирмы «Андреев и сыновья». Процент большой, но ещё большей оказалась жадность питерской деловой среды (говорю не лично о достойном человеке Александре Андрееве, но об общем тогдашнем, довольно хамском настрое).

Боб Ранн — плотненький холостяк средних лет, похожий на какого-нибудь латышского или эстонского «лесного брата», точнее, на их намеренно неброского городского вербовщика, — довольно быстро развернулся и лет за пять довёл суммарный тираж книг на русском до миллиона. Из-за питерского хамства он перенёс печать в Белоруссию, причём это были отнюдь не брошюры, но зачастую тома по 500-600 страниц, изготовленные, похоже, на тех же мощностях, которые ещё недавно печатали классиков марксизма. Идеальная бумага и зеркально-гладкие переплёты с золотым тиснением, не книги, а произведения искусства. При этом сам Ранн приезжал в Россию в одном и том же куцем и выцветшем плаще бежевого цвета, а останавливался, вместе с переводчиком Комаровым из Риги, иногда даже не в гостиницах, а в христианских общежитиях. Чуть ли не за бомжа его можно было принять, и чувствовалась в этом христианская традиция.

Собственно, её же ощутил я уже и в кабинете-каморке Бакмана в Сент-Луисе. Он отнюдь не пытался впечатлить богатством церкви, хотя не создавал и иллюзию бедности, как позже делал это Ранн.

Я точно помню, что не был принят тогда президентом «Лютеранской церкви — Синода Миссури», и даже, кажется, не поздоровался за руку с бакмановским начальником Гленном О'Шони, «исполнительным директором Совета миссионерских служб». Всё, что я запомнил, кроме кабинетика Бакмана — это часовня или внутренний храм штаб-квартиры, расположенный в угловом торце новенького здания и выходящий на скрещение двух магистралей. Идея была понятна: показать, что церковь не отгорожена от мира, а смотрит на него, — однако, слава Богу, красные и голубые стёкла витражей всё-таки немного заслоняли от мелькания машин, иначе — как можно было бы там молиться?

Мельтешение Америки, впрочем, не всегда нецерковно, что я узнал, дважды побывав на локальных или региональных конвенциях, оба раза — в специально построенных для таких собраний «лагерях» или «ритритах». Как правило, это деревянные домики в лесу или на берегу озера, сгруппированные вокруг зала для заседаний или для молитв; по духу это, вероятно, то же самое, чем были в дореволюционной России паломничества в дальние монастыри. Поселиться в гостинице в лесной глуши и поразмыслить о собственной жизни. Паломничества бывают выходом в шумный мир, почти столичный — как, например, хадж в Мекку или поездка в Москву, в Киев или Иерусалим, — но бывают и бегством в лесную глушь.

В то же время эти конвенции были для лютеран способом окунуться в толпу себе подобных, но из других городов и сёл; если это ещё и региональные выборы, то они означают встречи с людьми повыше рангом, чем в твоей воскресной церкви. Съезжались семьями, как правило, детей оставив дома, на хороших машинах и в неплохой одежде, — хотя и с некоторой упрощённостью, приличной для лесного «ритрита». Но это, пожалуй, и был «высший свет» религиозной Америки, гордящейся как воцерковлённостью, так и независимостью от священников.

"International Lutheran Layman's League" переводится обычно как «Международная лига лютеранских прихожан» — то есть людей, осознавших в один прекрасный день, что они являются главными спонсорами церкви, но решения принимают не они, а священство. А раз так, то почему бы не создать рядом с клиром своё объединение?

Внешне это похоже на существование профсоюзов бок о бок с работодателями, но смысл скорее противоположный. Чтобы не бросалась в глаза их нелюбовь к священству, для «Лиги прихожан» нашли благое дело: финансировать радиопрограммы. Пару раз я послушал эти передачи в записи и удивился их скучной заурядности, но разговоров вокруг них было столько же, сколько в Советском Союзе вокруг «вражьих голосов», а так называемые спикеры, то есть радиоведущие, например, некий лютеранский священник Дейл Мейер, представали чуть ли не всемирными радиозвёздами.

На первой конвенции в лесном «Лагере Окаболжа» (странное, видимо, индейское название) я был с дочерью, но без жены, и, когда меня подвели знакомиться с Дейлом Мейером, я решил ему польстить:

— Вот он, знаменитый проповедник... — сказал я, протягивая ему руку для пожатия. — Чьё лицо мы знаем... «по программкам эфиров», — хотел я добавить, но осёкся от умертвляющего холода, тускло сверкнувшего в его взгляде, и от какого-то пережёвывания меня *церковной челюстью*, что ли... Не его слабенькой нижней челюстью человека, слегка седеющего, но выглядящего удивительно моложаво, с заметным давним шрамом на круглом лице, со слегка азиатскими чертами, с ямочками на щеках, — быть может, потрясение этого шрама когда-то и привело его к священству... Нет, это были зубы громадной церковной машины, знакомой с потусторонней

изнанкой истории... А впрочем, всё это — сегодняшние умствования, а тогда я просто помедлил в ошеломлении, как любой «разлетевшийся» молодой и самоуверенный, натолкнувшийся на человека опытного и хорошо себя контролирующего... Лишь стало мне стыдно перед собственной дочерью, что меня так *срезали*, хотя именно она-то, наверное, ничего не заметила, да и вообще не было произнесено ни одного резкого слова.

Кто-то нас сфотографировал; у меня есть снимок, и на нём, помимо Дейла Мейера, меня и дочери, которую я держу за руку, стоит ещё и румянощёкий худенький старичок Джордж Мак, удививший меня годом раньше в Петербурге. Тогда он сообщил мне, что Лютер учил: для спасения не требуются никакие добрые дела.

— Как? — удивился я. — Добрые дела не нужны?

— Только благодать, — подтвердил Джордж Мак. — Дела — "works" — это с богословской точки зрения ахинея, иначе мы сами были бы богами, если бы от этого зависело...

Что ж, это была мысль согревающая, хотя, логически говоря, тривиальная, эквивалент конфетки или морковки, которая манит бегущего по дороге обращения, а сзади его же подгоняет страх вечных мук.

В этом разговоре троих в лесном лагере Окаботжа Андрюшкин играл роль обращённого, молодой, но суровый Дейл Мейер представлял собой угрозу, а отважный старичок Джордж Мак — чем-то похожий на румяного Суворова, — был «конфеткой» или поощрением. Хотя все, конечно, угадывали в старике Маке скорее дисциплину, а в радиоведущем Мейере нечто противоположное. А меня большинство из них, наверное, принимало за русского немца — за одного из тех далёких потомков лютеран из Германии, которыми были и они сами.

Вечернее солнце ещё не зашло, но внутри главного зала горели кое-где электрические огоньки, подсвечивая его сумрак. Белый потолок поддерживали балки из тёмного дерева, пол впереди был покрыт красным ковром, а над ним, на ярко освещённой белой стене висела схематическая фигура Иисуса: то ли из проволоки, то ли чёрными линиями — не поймёшь, даже подойдя вплотную.

Тут же впереди — окна, за ними неряшливые кусты в рост человека и заросли тростника на берегу. Но смотреть в эти окна, да и по залу вокруг, было некогда, ибо действо носило судорожный характер отчётно-выборной конференции, каковой и являлось. Прибывали всё новые шумные толпы народа, регистрировались и получали красивый альбом с распорядком дня и со списками. Я тоже получил в руки этот тоненький альбом и отдал его восьмилетней тогда дочери, которая бережно его носила. Ещё у неё была сумочка через плечо с привязанным к ней зайчонком и с какими-то уже своими девчоночьими вещами внутри. Там точно лежал носовой платок, а что ещё — я не помню.

Жена одела её нарядно, а сама не поехала, а я оделся скромненько: хотя и в рубашку с галстуком, но в советского происхождения пуловер с треугольным вырезом. Бедный, но достойный сборщик пожертвований. Священники Дейл Мейер и ещё один, более молодой, в белых одеждах и с зелёными ст лами (ленты с крестами, похожие на шарфы), провели богослужение, потом началась сама конвенция. Один из участников предупредил меня, что отдаст мне свою очередь в списке выступающих, — а он значился одним из первых. Так я узнал, что вроде как и не всем нравилось моё присутствие: я-то думал, что мне просто дадут слово в свой черёд, а оказалось — потребны усилия. Зато уж и не заметить меня после этого не могли.

Этот человек, действительно, вышел на трибуну и с пафосом объявил, что жертвует своим временем ради гостя из России — такого-то, то есть меня. Все оживились: кое-кто обо мне и не слыхал. Я решил поддать жару и пересказал им с трибуны ту историю, которая произошла в Америке с Солженицыным. Или, по крайней мере, так передавали её, такие слухи ходили. Президент Рейган пригласил Солженицына в Белый дом, а он отказался: мол, президенты Америки меняются, а русский писатель — звание пожизненное.

— Я тоже русский писатель, — продолжал я не без наглости, — хотя мне далеко до Солженицына и до Набокова... Но в Америке я — с религиозной миссией, как посланец от русских христиан...

Дальше я повторил то, о чём много раз уже говорил в Америке: про «Хлебный поезд» и гуманитарную помощь и про то, что коммунистический строй побеждён и возрождается христианская Россия. Слава Богу, хватало ума добавить, что представляю именно лютеран Петербурга, в противном случае был бы скандал, ведь «русский писатель» для них звучало почти как «православный», а здесь всё-таки шло собрание другой конфессии. С меня «как с гуся вода», а вот те, кто меня пригласили, могли попасть «как кур в ощип».

Зал я, что называется, «взял», но тяжести веса не почувствовал, поскольку отдаю-

щий тебе очередь сам поднимает главный груз. Мне жидко похлопали, и удостоился я рукопожатия баллотирующегося по этому «району» кандидата по имени Хартвиг. Колющий взгляд и ровно секундное пожатие рукой, которой он уже как бы подталкивает тебя в сторону. Мол, дай дорогу следующему. О Хартвиге можно было бы много сказать, ещё больше — о его дочери Эми, которая стала легендой. Миссионер в Казахстане, она вышла замуж за казаха, родила детей, русифицировалась и много полезного сделала для казахского христианства (правда, с лютеранским, американским уклоном). Но речь я веду о самой Америке, поэтому возвращусь в лагерь Окаборджа.

Моё выступление оказалось в начале, а собрание — с перерывами — тянулось так долго, что давно стемнело, и народ начал уставать. Мы в России тоже привыкли к тому, что какой-нибудь съезд депутатов по телевидению показывают чуть ли не за полночь. Но восьмилетней дочурке пора было спать, и я отвёл Алину в нашу кабинку наискосок от главного зала. Выбрал ей кровать в глубине комнаты, себе койку у окна.

В Ленинграде я отводил её в садик и назад, здесь возил на машине в школу и обратно. От нашего последнего жилья в Норфолке до школы было метров триста, но все приезжали за детьми на машинах, и мне пешком было бы несолидно. В общем, управляться вдвоём для нас было делом привычным. Я лёг, не раздеваясь, на свою койку, глядя в окно на освещённую фонарём пустую площадку лагеря.

...Дождался, пока она уснёт, и вернулся в зал заседаний. Закончил выступать один оратор, ему устало похлопали, на трибуну вышел следующий... И вдруг справа, из полутьмы бокового входа, в зал вбежала девочка в бело-розовом: моя дочь Алина!

Она примчалась в светленькой своей пижаме в цветочек, причём босиком, и явление её в этом зале было вызовом всем нам: зачем вы меня оставили одну?

Если бы здесь была её мама, то она бы увела Алину, но жены не было, и я сам кинулся исправить ошибку. Взял её за руку и поскорее увёл обратно, а увидев, что она босиком, подкинул её себе на плечо: невелика тяжесть.

— Как ты нашла? Что случилось?

— Мне страшно!

— Ну всё, я больше не уйду.

И, действительно, больше не выходил из кабинки. Может быть, почитал ей, чтобы успокоить, не помню. А может быть, сам заснул первый: от усталости плохо соображал.

Мне кажется, что, вбежав в этот зал, дочь увидела меня ещё раньше, чем я её. И ведь нашла, а коттедж находился не так и близко. Наверняка бегущую по тёмному лагерю босую девочку заметили, но никто не остановил. А она ворвалась в зал, как бы сверкая несчастным лицом, но не плача.

Через десяток лет я узнал ситуацию, когда молодая бухгалтер моей фирмы, с которой я договорился встретиться у метро, растерялась в толпе и впала в панику и тоже как бы включила все мигалки и габаритные огни и пошла вперёд вслепую, и тут я издали увидел её в толпе, а она меня. Тогда ещё мобильные телефоны были не у всех.

Я догадываюсь, что и дочь, прожившая юность без отца, не раз у американских мужчин искала и находила поддержку... Жена окончательно уехала в Америку и увезла дочь через два года, когда той едва исполнилось десять лет. С тех пор мы вживую виделись с дочерью всего однажды — телефонные разговоры и «Фейсбук» не считаются.

Не сказать, чтобы многократно, но несколько раз так бывало и у меня, миг, когда я понимал: эта девушка во мне видит отца. И я знал, что она не обманывается: я, действительно, ей помогу.

* * *

В следующий раз в лагере Окабожда мы были уже втроём: с дочерью и женой, в самом конце июня.

К тому времени машина, одолженная мне пастором Уилке, давно сломалась, я помучался в роли пешехода и купил новую — вернее, этому роскошному белому «Крайслеру» было не менее двадцати лет, и когда-то на нём наверняка ездил богатый человек. Ход у машины был таким плавным, что её, казалось, вообще не трясёт, она как бы летела над дорогой, вальяжно покачиваясь, а по виду была похожа на ту, которую покупает в Америке герой фильма «Брат-2» (только его машина сразу выходит из строя, а моя послужила долго и надёжно). Бензина расходовала непозволительно много, но это, наверное, было не единственной причиной, почему её продал бывший владелец — кроме устарелых обводов: «долгокрылых» и совершенно не модерновых.

В машине этой не работал кондиционер, но его как раз починили перед второй поездкой в лагерь Окаборджа. После собрания в лесном лагере мы планировали махнуть в Чикаго, где у кого-то из родственников Хильдебрандтов намечалась свадьба, и нас на неё позвали. Кроме того, я должен был выступить в большой чикагской церкви, и пастор её пригласил нас с таким расчётом, чтобы мы отметили с его семьёй 3-е июля,

День независимости США.

А ещё я договорился о встрече в Чикаго в Евангелическо-лютеранской церкви Америки, ЕЛЦА (той самой, где рукополагают священниц-женщин и венчают в церкви гомосексуалистов), и вот это уже было своеобразным предательством «Хлебного поезда» и консервативного «Синода Миссури». Они не поддерживали церковного общения с либеральной ЕЛЦА, хотя церковь ЕЛЦА была вдвое больше и богаче «Синода Миссури», и грех мне было не установить с ней хоть каких-то деловых связей — пусть даже это было грешно с пуританской точки зрения.

В любом случае, пастор Эд Бертрам, который пригласил нас в Чикаго на День независимости, принадлежал к «правильной» церкви, так что в этом претензий от спонсоров не могло быть. А уж куда я «ускользну» — было моей заботой.

В общем, в Чикаго мы собирались с большими надеждами, но, стоило мне выехать из Норфолка на север и прибавить скорость, как под капотом что-то грохнуло, и в салоне стало непривычно жарко. То есть как раз привычно жарко, как было до ремонта кондиционера, который теперь, надо полагать, опять сломался.

Открыв капот, я обнаружил порванный ремень: возможно, он отвечал и за вентиляцию двигателя, а значит, ехать было нельзя. Я вернул машину в ту мастерскую, где не смогли отремонтировать кондиционер, там сказали, что дело это долгое, но помогли взять в аренду новенький серебристый «Форд». Повторю ещё раз: на том белом «Крайслере» я потом проехал не одну тысячу миль — в одиночку и с семьёй, — и машина не подвела, за исключением всё того же кондиционера, который я больше и не пытался чинить. У нас в России тогда вообще почти не знали кондиционеров: откроешь окошко — и обдувает.

Но в тот день на новеньком «Форде» — с кондиционером столь мощным, что салон напоминал холодильник, — мы долетели до лесного комплекса почти без опоздания.

Что это было за собрание, я совершенно не помню: видимо, заботы о машинах и о пути в Чикаго так меня напрягли, что всё остальное из сознания стёрлось. Впрочем, в лагере присутствовал пастор Уилке, а значит, было тут мероприятие, связанное с «Хлебным поездом». И Уилке почему-то не одобрял нашу поездку в Чикаго, вернее, он пару раз спросил со значением: «Вы уверены, что должны ехать? Нет, если уверены, то я не против...»

Выехали мы спозаранку: лагерь ещё спал. Солнце всходило, и птички просыпались, всё было сизым от росы. «Форд», разумеется, завёлся как часы, но, не доехав немного до асфальтовой магистрали, я услышал хлопки на месте правого заднего колеса, а выйдя из машины, обнаружил, что оно спустило. Сегодня, когда прошло с того дня почти тридцать лет, используются иногда самогерметизирующиеся бескамерные шины, проткнуть их сложно. Но тогда были в ходу ещё колёса с камерой, прокол в ней заставлял сдуться всё колесо.

Я поставил машину на домкрат, достал из багажника запасное. По встречке медленно подъехал человек на неплохом автомобиле, и, возможно, реагируя на знаки глазами, которые — невидимо для меня — делала ему моя жена, забившаяся в угол на заднем сиденье, он остановился и спросил, всё ли в порядке.

— Всё делаем по книжке, — я показал мужчине инструкцию, которую открыл на странице «Замена колеса», он кивнул:

— Просто действуйте по книге... — и проехал мимо.

Через десяток минут и мы уже неслись дальше на новенькой «запаске», и у жены, что называется, отлегло. К числу мнительных людей её нельзя было отнести, но не следовало исключать и того, что прокол не случаен. А скорее всего она нервничала насчёт предстоящей свадьбы, на которую сама напросилась, но неясна была наша роль: не то «нищие дальние родственники», не то «свадебные генералы»... Бывает, что эти две роли совмещаются: так, по-моему, и нам удалось повернуть дело.

* * *

Через эту свадьбу и прочие заботы в Чикаго я перескакиваю к самому важному: Дню независимости. И сообщаю для тех, кто не знает: по всей Америке праздник этот отмечают под музыку композитора Чайковского «1812 год».

Какие именно эмигранты из России и с помощью каких хитростей установили в Америке эту традицию (весьма похожую на провокацию) — обо всём этом желающие могут сами узнать и в специальной исторической литературе, и в какой-нибудь поисковой системе, хотя бы в американской «Гугл». Для простых американцев найдено простое объяснение: дескать, в середине увертюры «1812 год» стреляют пушки, и это — хороший сигнал, чтобы начать американский салют.

Да, в начале увертюры Чайковского звучит «Марсельеза» как гимн свободы, потом бьют пушки Бородина... Но о том, что такое Бородино, американцы не знают. Просто под оркестровый гром пушек начинается у них салют и всеобщее ликование.

Я был так удивлён, узнав об этом, что даже пытать Эда Бертрама о подробностях не стал, а просто счёл всё это странной чикагской традицией. Велико же было моё удивление, когда я позже узнал, что и в Вашингтоне симфонический оркестр играет увертюру Чайковского, и по всей Америке её транслируют перед началом салюта... Но пойду по порядку.

Внешность Эдварда Бертрама была совершенно обычной, если так можно выразиться, среднеевропейской. Не поймёшь, американец, француз или, допустим, поляк. Довольно длинные худые ноги говорили о подвижности, подстриженные над губой усики производили впечатление аккуратности, брюшко — уюта.

Он был рукоположенный пастор, но белого воротничка не носил и церковных служб не вёл, а владел посреднической фирмой «Чикагские импортно-экспортные консультанты». В основном действовавшей в интересах китайцев. Мы остановились в их двухэтажном солидном доме в зелёном пригороде Чикаго, и Эд показал мне «домашний офис», а проще говоря — кабинет, где он вёл дела. Потом свозил во «второй офис»: арендованное фирмой помещение, где парой-тройкой китайских клерков руководила его дочь. Устроил мне Эд и выступление в местном Ротари-клубе, а вот в громадной лютеранской церкви Чикаго мне, кажется, не дали и трёх минут. По воскресеньям тут служили аж три обедни: раннюю, основную и для припозднившихся; а ещё молодёжь вела модерновое богослужение с электрогитарами.

Эд привёз меня домой к главному пастору этой церкви по фамилии Мюллер, и я бестактно заметил, что, мол, «Мюллер — это настоящая немецкая лютеранская фамилия, а вот как пришёл к лютеранству человек по фамилии Бертрам...» Поскорее Эд увёл разговор от скользкой темы, и я так и не узнал о его происхождении. Наверное, всё-таки оно было французским.

Заехали мы с женой и в церковь ЕЛЦА — ту самую конкурирующую с «Синодом Миссури» скандально-либеральную организацию... Принял нас в обширном, унылобюрократическом здании не кто-нибудь, а «директор по человеческим ресурсам», который, узнав, что я представляю издательский бизнес, дал мне контакты их главного издательства в Миннеаполисе («Аугсбург Фортресс»). Туда я позже съездил весьма не зря.

Наконец, дела в Чикаго были сделаны, и наступил тот самый День независимости, главный американский праздник.

Найти автомобильную стоянку поближе к озеру! Это была наша первая задача.

Город Чикаго стоит на берегу озера Мичиган, вдоль которого, с юга на север, тянется Мичиган-авеню, а между этим хайвеем и озером — широкий газон с деревцами, плавно понижающийся к воде и причалам.

Газон этот тянется на целые мили к северу и югу, и на нём-то и принято устраивать пикники, сидеть на траве и, когда стемнеет, смотреть на салют над озером Мичиган.

Но сначала — найти парковку... Нас всех повёз Эд Бертрам, хорошо знающий город, и вот искомое: молодые темнокожие мужчины — в крайней степени возбуждения — как взбесившиеся — делают бизнес: огородили дворик и всего примерно за десять долларов с машины устраивают её на эту временную стоянку. Суют в руки квиток: быстрее, быстрее! — проходи! — следующая машина: заезжай!

Я к тому времени освоил недорогие уличные паркоматы, но Эд только рукой махнул: не найдёшь! Столько народа съезжается в Чикаго на так называемый «Озёрный фронт». Эду виднее: квиток на стоянку предписан властью, то есть машину не украдут.

Первая часть операции выполнена. Теперь идём в возбуждённом потоке — цветные и чёрные, белых, кажется, меньше половины — на эту самую траву вдоль озера. По одному из пешеходных мостов толпы переходят Мичиган-авеню и растекаются по стриженому газону.

Устроились... И тут я вынужден поправить свои выводы о том, что Америка «небольшая» и «тесная». Это так в самих кварталах, но здесь на мили растянулся копошащийся на траве людской пчелиный рой, а на воде перед ним — не сотни, а буквально тысячи яхт: я пробовал считать и сбивался. Они не только были пришвартованы к пирсам, но в отдалении от берегов стояли рядами на якорях. Погода была спокойная, без волн, поэтому: чего же не подплыть?

День был ясный, с облачками, и тёплый вечер незаметно сгущал свою тень. Здесь и там слышалась музыка, радиопередачи, но в основном народ неторопливо жевал и беседовал. Так и мы впятером: моя жена, дочь и Эд с женой Мерилин, над которой он привычно подшучивал. А она — по-доброму — не возражала. Сдобная и невысокая, в золотых очёчках, с завитыми золотистыми волосами, она оделась в защитного цвета шорты, а Эд — в белые брюки. Но, поскольку сидели на одеяле, опасности запачкаться о траву не было.

Как и раньше бывало в Чикаго, американская чернокожая толпа меня напрягала: их громкий говор и размахивания руками... Но чета Бертрам держалась спокойно: тут

праздник, не конфликт.

...Сколько все мы видели этих салютов? По-моему, они волнуют только в детстве, да и то, быть может, не сами по себе, а лишь потому, что взрослые разрешают долго не ложиться спать... А всё же и во взрослом просыпается ребёнок, когда видишь вырастающие в чёрном небе цветные фонтаны.

Эд предупредил, что надо караулить Чайковского, и откуда-то, и правда, ветерок наносил симфоническое пиликанье. Казалось, что ещё светло, но громадные экраны вдали уже горели значительно ярче неба; на этих далёких квадратиках едва можно было разобрать дирижёра, склонённые в ряд головы музыкантов... Народ вокруг нас начал вставать с газонов, а кто-то прибавил звук радио. Взвились петушиные пронзительные клики Марсельезы: "Allons, enfants de la patrie..." — это Наполеон наступал на Москву: началась увертюра Чайковского.

Белые — жёлтые — чёрные — все американцы вокруг, возбуждённые, стояли, многие — размахивая руками. Мы тоже встали, и дочь напрягла ладошку в моей руке. Шум нарастал; салюта не было, но народ уже кричал «ура», заглушая оркестр, и всё же мы расслышали удар пушек Бородина — и сразу небо осветилось первым салютом над озером, и бахнул первый залп.

Я не буду утомлять небесными букетами, венками, зонтичными травами и прочими красивостями, которые появлялись в небе и удваивались, отражаясь в озере, уходящем за горизонт. Именно ради этого любят устраивать салюты над водой: над Невой, над Москва-рекой, над озером Мичиган.

Толпа охала и стонала и аплодировала, и всё это подчинялось ритму выстрелов и лопающихся в небе разрядов. Опадание звёзд — притом что они ещё дополнительно взрываются — тоже, конечно, восхищало.

...Пожалуй, этот салют и был вершиной поездки в Америку, как, несомненно, Бородино стало одной из вершин европейской истории.

...Потом была беснующаяся (на мой взгляд) и почти не управляемая толпа на пути назад, на переходные мосты через Мичиган авеню. Уже в машине я спросил вслух у жены, но как бы и у всех, имея в виду буйное поведение цветных людей:

— Пугает, да?

— Не говори! — согласилась жена, но Эд был категорически против:

— На редкость благопристойная толпа! (A singularly well-behaved crowd!) — вот как по-разному можно воспринимать одно и то же!

И ведь он был прав: он прожил с небелыми людьми всю жизнь, ему виднее.

* * *

Гниющая Америка — вот следующий мой предмет... Не в обличительном ключе, а в романтическом, — хотя об этом слегка неловко писать. Но романтика невозможна без *старины*, а последняя — без некоторого обветшания и разложения.

Всё это почувствовалось на американском юге, в Техасе... Вначале, однако, мы летали с женой в Миннеаполис (а может быть, я один). В этот город я делал вылазки трижды, легко перепутать. Но главное: в самолётике на рейсе Сиу-сити — Миннеаполис я сидел бок о бок с американским бизнесменом или, возможно, юристом. Он держал на коленях потёртый кожаный портфель, а одет был в пиджак синего тонкого сукна со множеством металлических пуговиц, которые почему-то мне напомнили о Свифте, о Даниэле Дефо... О тех юристах ещё в париках и сюртуках с пуговицами в тесный ряд, которые так нам знакомы по гравюрам эпохи, возвысившей парламент и, кстати, совпавшей с заселением англичанами Америки. Палата лордов и общин, и судебные тяжбы, и какие-то голосованием принимаемые или отклоняемые *билли*...

Вот в тех-то веках Америка застряла или застыла: в семнадцатом или восемнадцатом. Так показалось мне в том самолётике холодным — морозным даже — утром. Салон летательного аппарата был, как сегодняшняя маленькая маршрутка: человек на десять, а сидело и того меньше. Нас тряхнуло в воздухе, повеяло опасностью, а с ней ожила картинка из восемнадцатого века. Чего только не подумаешь, когда приблизишься к авиакатастрофе!

В Техас мы тоже добрались самолётом — впрочем, уже полногабаритным. Мы были вместе с женой, а вот была ли с нами дочь Алина — сейчас не помню. Возможно, мы оставили её заботам доктора Леона и Памелы Хандке, и, возможно, в этом была наша (вернее, моя) ошибка.

Эта семья была бездетна, точнее, у Леона были дети от первого брака — по крайней мере, один взрослый сын, может быть, два, — а с пухленькой Памелой, которая была чуть ли не вдвое моложе доктора, общих детей у них не было. Однако имелось в этом доме семейное тепло, и наша дочь, чувствуя это, к ним потянулась. Однажды (по словам четы Хандке), когда нас с женой не было, Алина даже забралась к ним ночью в постель.

...Ну, присматривают за дочерью (так я рассуждал), и хорошо: нам позволяют по-

ездить по Америке. Но когда дошло до развода и жена увезла дочку в Штаты, семья Хандке сыграла для Алины роль утешителей, а это (мне на беду) сделало для дочери более переносимой разлуку с отцом. Её — увы — окончательно удочерила «коллективная Америка».

Доктор Леон Хандке — небольшого росточка и средней упитанности, с острым затылком и двумя большими передними зубами-резцами, как у зайца, с круглыми настороженно-испуганными глазами, — был добрейшим человеком. Мы переехали в дом Хандке, прожив всего пару недель у гробовщика Хаузера и Альберты. То есть я опять перескочил в начало нашей жизни в городке Норфолк, Небраска. Стояли морозы; на солнце блестел подтаявший и вновь замёрзший наст. Если дом Хаузеров затерялся в гуще других домов — таких же запорошенных снегом, заслонённых белыми от инея деревьями, — то дом Хандке стоял на возвышении на краю построек, и с трёх сторон открывался вид на равнину и на заснеженные седые перелески.

Я вспоминал забытое умение водить машину, и Леон Хандке иногда ездил со мной за компанию. За разговорами я постепенно начинал тормозить, рулить и разгоняться автоматически, не задумываясь о том, что делаю, на холмах при спуске вниз легко было набрать большую скорость, и я её, конечно, превысил, из-за чего за нами вдруг погналась полицейская машина. Она включила сине-красные мигалки и сирену и пристроилась мне в хвост, затем обогнала: я понял, что дело плохо. Прижался к обочине следом за патрульным автомобилем, и полицейский, не выключая мигалок, подошёл к моему окошку, я показал права в виде книжечки, назвался учёным из России, «по обмену»... Тут и Леон Хандке выглянул из машины, и такую испуганную физиономию я редко у кого видел.

— Привет, я док Хандке! — заискивающе заговорил он с полицейским. — Этот джентльмен вспоминает навыки вождения, я его сопровождаю...

Я, как положено в разговорах с полицией, мялся, показывая, что сознаю вину, не забывая и намекнуть, что сам-то — не из последних...

— Университет Небраски, Линкольн... За рулём давно не сидел, но в России-то был стаж... Может, не учёл какие-то правила...

— Учите правила! — строго сказал мне полицейский, возвращая удостоверение.

Правило лимита скорости у нас в России в населённых пунктах — 60 километров, в Штатах — 35 миль в час, но были ли мы в черте города или посёлка — вот вопрос. Я внимания не обратил, но у полисмена спрашивать было бы верхом бестактности.

В общем, «док Хандке» меня пару раз вот так выручал, а я ему — увы — оставил в награду чёрное масляное пятно на его чистейшем бетонном подъезде к дому. Машина мне досталась всё-таки не вполне исправная.

Он был очень религиозен, доктор Хандке, — или, может быть, переживал религиозный период в жизни. Он тогда проходил через судебную тяжбу за якобы совершённую им медицинскую ошибку ("malpractice suit"), — но ничего он мне ни об этом, ни о медицине не говорил. Вообще, при полнейшей — лучистой — доброжелательности говорил он мало, хотя не стал молчать о главном, что думал в связи со мной и с нашим со Светланой браком. «Он был когда-то сильно похож на меня», — вот то главное, что он мне сообщил.

— До моего развода — я был сильно похож на вас, Александр... А в чём было дело, я понял только после развода...

Вот это, и правда, мудрые слова и опыт. Все мы понимаем *только после развода*, в чём была проблема в наших семьях; но лучше бы мы и не понимали, и не разводились!

Однако о психологии американских семей и о том, какого типа люди собрались вокруг «Хлебного поезда», я напишу немного позже, а сейчас вернусь к теме Техаса и того *загнивания* (только не историко-политического!) — которое я сейчас вспоминаю как настоящий «шарм» Юга Америки, да и её Среднего Запада.

...В Небраске ещё стояли почти зимние холода, но в Техасе зеленела трава, в аэропорту Далласа нас встретил её сладкий запах, туман...

Мы договорились, что остановимся у четы Фарр, с которой в предыдущем году познакомились в Петербурге, как и почти со всеми, с кем общались в Америке.

Надо сказать, что я ещё в студенческие годы и сразу после них прочёл большинство романов Фолкнера — почти десяток — на английском языке; все они — об американском Юге, и я не сомневался, что этот край мне покажется знакомым. Даже «Шум и ярость» Фолкнера я осилил в оригинале (не без труда): роман попроще «Улисса», но тоже полон высокого косноязычия.

Профессия Теда Фарра была — фермерство, но на чём он специализировался, я не помню. Дом был внешне — обычный американский, скажем так: «коттедж городского типа». Но вот дом напротив был романтичнее многих романов: белый, крыльцо с белыми перилами чуть провалилось, заросшая жёлтым лишайником черепичная крыша сочилась влагой туманно-дождливого дня.

И внутри дома Фарров чувствовалось что-то колониальное (или рабовладельческое): старомодные белые комоды изящных обводов, старинные часы с маятником, в стоячих деревянных футлярах: я таких насчитал две штуки. Свечи на камине и люстра с хрустальными подвесками. И одновременно — сиреневый потолок, обои серо-малинового цвета, против которого особенно выделялась белая мебель. Цветочные букеты, подобранные по законам «анти-икебаны»: чтобы одно не сочеталось с другим. Словом, типичная Америка.

* * *

Порой в жизни нам (особенно когда мы молоды) кто-то видится едва ли не всесильным, — на деле жизнь сводит людей, почти с одинаковым трудом выгребающих и не уверенных в своём завтра. Но если ты о твоих заботах помолчишь, а твой партнёр признается в них, ты, по крайней мере, можешь с ним перевести дух.

Допустим, цирковому иллюзионисту встретился зритель или молодая семья, уверенная, что и в их жизни циркач сотворит такое же чудо, как на арене, — а тот озабочен лишь мыслью: выдержит ли завтра ветхая верёвка во время номера.

Вот и мы в Америке не раз сталкивались с без пяти минут банкротами, но они казались нам могучими как боги; а из них кое-кто не сомневался, что мы — не знающие забот международные гастролёры.

Почему-то именно великодушный техасец Тед Фарр без обиняков рассказал мне, как он пошёл в местный университет («Мид-Уэстерн Стейт») и там, «словно я понимаю, что делаю» ("like I knew what I was doing") предложил им принять «спикера», «учёного литературоведа по обмену», «заезжую знаменитость», — словом, *говоруна* из России. Некое моё резюме у него имелось, в университете прочли и пригласили.

До этого мы с женой Светланой и пастор Уилке прошлись по списку приезжавших в Питер техасцев и нашли тех, кто нас мог бы приютить. А также помочь «Хлебному поезду». В Петербурге у нас хватило то ли предвиденья, то ли наглости раздавать всем американским группам перед их отъездом листки с просьбой написать имена, адреса и телефоны.

Здесь, в техасском городке из трёх с половиной тысяч жителей нашёлся и лютеранский пастор, пожаловавшийся мне, как много баптистов вокруг, а заодно и на их — еретическое с точки зрения лютеран — вероучение. На одну лютеранскую церковь имелось поблизости несколько баптистских (в том числе отдельные приходы «чёрных баптистов»), а также некая «Объединённая церковь Христа». (Так я её записал, не слишком разбираясь тогда в конфессиях, а ведь «объединённой» церковью называют себя как мормоны, так и методисты: "United Methodists".)

— ...Билли Грэм — скорее баптист, неверно понимает таинства причастия и крещения... — откровенничал пастор Бенке, сидя вместе со мной в прохладном церковном зале, на передней в ряду чёрных скамеек. — Вообще не понимают, что такое таинства! — усиливал он нажим. — Хотя на крещение делают упор, чрезмерный даже. Крестят людей в больших чанах, в реках... Много эмоций, экзальтированных гимнов, много самоуверенности: «Христос и ты»...

...Эти конфессиональные споры изложены в сотнях, даже — тысячах томов; но характерно, что мой собеседник Бенке выбрал для критики такую фигуру, как Билли Грэм, не меньше: всемирно известный в те годы проповедник. Может быть, и я подкинул ему эту фигуру, желая узнать о нём мнение других американских священников.

А на улице — теплынь, против церкви — седые, будто с присыпанной пылью листвой деревца, похожие на вечнозелёные оливки; сухая трава газона... Один из местных американцев принял меня не просто за проезжего «спикера», то есть болтуна, но за серьёзного бизнесмена и повёз показывать самолётный заводик, в расчёте на инвестиции.

...Посреди обморочной весенней степи высился большой ангар, окружённый строениями поменьше, и мы полчаса ходили по сборочной цепочке, похожей на увеличенный авиамодельный кружок моего детства: тот же едкий запах лака и беспроблемное будущее, якобы даруемое передовой техникой.

Я взял адрес фабрики, мол, передам заинтересованным лицам... Кое-какой бизнес из этой поездки вырос, но я сейчас не о нём. В Техасе я наконец увидел пейзаж, хотя бы слегка напоминающий голливудский: всё, что встречалось до этого, было сплошной Европой!

...Здесь, в Техасе, и плоские кактусы поднимали ушастые головы, выглядывая из чащи местных тамарисков, саксаулов, или как там они называются на латыни; и нефтяные насосы вдоль шоссе неторопливо качались вверх-вниз и тоже что-то напоминали: каких-нибудь странных искусственных птиц, изготовленных не вполне похоже на оригинал, слишком размеренно клюющих свой корм внизу, а потом опять вздымающих клювастую голову.

Конечно, «барбекю»! Техасский эквивалент шашлыков на открытом воздухе, который хозяева пообещали на вечер второго дня, мол, соберётся народ... Так много, как здесь, в Техасе, я ещё не выступал. Церковь, две беседы в школьных классах, Ротари-клуб, университет... Но везде я замечал — боковым зрением, скажем так — эти кусочки *рабовладельческого юга*; белые коттеджи и особнячки, деревянные и ветшающие, но с узорными перилами веранд и явно более аристократичные, чем общий американский — северный, по сути — стандарт.

Рабовладение... Это не только жизнеустройство для возделывания полей, например, для выращивания хлопка; это вообще — образ жизни, это умение *заставить себя не работать* (что бывает тяжелее, чем потрудиться: «есть блуд труда, и он у нас в крови»), — а только руководить: направлять, наказывать, поощрять. Такие навыки накапливаются династически, их трудно выработать в одном-двух поколениях, и иногда кажется, что настоящих рабовладельцев можно в мире перечесть по пальцам. Остальные возвысившиеся до магнатов и царей обязательно в конце жизни впадают в социализм и начинают раздавать накопленное добро, отменять «драконовские меры» и вообще — разрушать всё то, что было достигнуто.

Однако рабовладение более живуче, чем кажется... Так вышло, что как раз когда мы были в Техасе — в конце марта 1993-го — Ельцин в России, наконец, сошёлся в прямом поединке с теми, у кого было большинство в Верховном совете. Носитель идеалов иерархии — фараон — не смог терпеть постоянное противодействие тех, которые обещали *разрешить всё для всех* и этим создавали себе популярность.

Жена Теда Фарра Айлин, волнуясь, сообщила мне:

— Что-то произошло очень плохое в России, может быть — критичное... Я не поняла, вам это виднее...

Я включил телеканал новостей и вскоре дождался репортажа, где Ельцин, стоя спиной к какой-то садовой решётке, объяснял толпе:

— ...Они хотели объявить импичмент президенту... Они хотели убить президента!..

И мужской голос — на немыслимо высокой — выше, чем женская — ноте — стонал, или визжал, или пел, как взлетающая скрипичная трель:

— Не позво-оли-им...

...Человечество чувствовало власть, чувствовало фараона, — и тем сильнее делалось поклонение Ельцину, чем дальше от Москвы. Ненавидимого в России, его боготворили здесь, в Техасе, и я слышал и читал, что то же самое испытывали в Азии, Африке, Латинской Америке...

Именно тогда, в марте 1993 года, у Ельцина умерла мать, она тоже по-своему сказала сыну: бери вожжи и становись мужчиной. Ельцину было едва за шестьдесят, ровно столько же лет, сколько мне сейчас, когда я это пишу... Простая американка Айлин Фарр поняла всё правильно: борьба в России поднялась на ступень. Но моим американским друзьям я объяснять всё это не стал:

— Ничего радикального, очередной ход в долгой игре.

...А с барбекю я почему-то сбежал. Был пасмурный, опять туманный, тёплый весенний вечер, в заросшей тем самым техасским тамариском-саксаулом зелёной степи возвышался обычный серый ангар — склад с гармошечной круглой крышей, из тех, что используются для любых нужд во всём мире. Зажаривали мясо бычка по всем правилам: в яме с углями и в фольге. В ожидании гости вдыхали этот дымок, пили пиво: кто сидел на простых лавках за деревянным столом, кто беседовал стоя... Кругом — седые влажные невысокие заросли: американский юг.

Что со мной было, не знаю; назавтра это описали как "drunk" — пьяную выходку или припадок, — но я ничего не пил, меня, видимо, доконала необходимость всё время говорить и общаться и выступать, повторяя одно и то же, — да и потом, язык всё-таки не родной, он утомляет. Особенно писатели привыкают к уединениям, и я всегда ищу таковые даже в самых колготных собраниях. В общем, я слёзно попросил Айлин Фарр отвезти меня к ней домой отдохнуть, — что она и сделала, потом вернулась на барбекю. Поэтому жена моя в тот вечер представляла Россию в одиночку.

* * *

Не могу не рассказать о холостяке-фермере по имени Норман Джёрн, который как раз прилетел в Техас, чтобы повидаться с нами — а заодно и с товарищами по прошлой поездке в Россию.

Жил он в каком-то из штатов к северу от Техаса, и о том, что он холост, сказала мне жена: дескать, приглашает остановиться у него на просторной ферме. Понятно, что это было приглашение той разновидности, за которое благодарят, но принять не могут: нам было явно не по пути.

Обыкновенный седой старичок; если что-то его и выделяло, то лишь шейный платок, предмет, намекающий на галантность. Из заметных людей искусства у нас

таковой носил Андрей Вознесенский.

В Техасе Норман арендовал машину и предложил подвозить нас с женой, куда нам нужно. Возможно, именно он отвёз нас на то самое барбекю, с которого я сбежал. Машина была просторным серебристым седаном, сев в который я сразу подумал, что предыдущим её арендатором был здоровенный цветной мужчина, который от души порезвился тут с какой-нибудь проституткой.

Запахи бывают красноречивы, и это амбре говорило именно о мужчине метра под два ростом, причём у белых мужчин я таких запахов никогда не улавливал. Норман Джёрн тоже повёл носом:

— Эта машина... Знаешь, в ней есть запах...

— Ничего, потерпим! — махнул я рукой. — А вот как мы найдём без карты... Это наше упущение.

Норман удивил меня тем, что взялся довезти нас, однако местной дорожной картой не разжился, и я тоже забыл о ней. Он подруливал к какому-нибудь одинокому пешеходу или группе людей, выходил из машины и расспрашивал, возвращался окрылённый:

— Всё! Теперь я понял... — однако вскоре опять запутывался в развязках и останавливался. Разветвлений было много, попадались указатели: «База ВВС США Форт Уэрт»... Жена моя сидела на заднем сиденье с таким видом, будто её это не касается. Хотя многие американцы доверяли ориентироваться именно женщинам, иронично называя их «штурманами». Почему-то Светлана от этого всё время уклонялась; но моя повесть не о ней и не о навигаторах, в то время ещё не внедрённых.

...Так ли, сяк, но мы всё же доехали, куда нам нужно было; может быть — на собрание в лютеранской церкви, где пастор отдал мне всё время проповеди... Я назвал его «Бенке», но это условная фамилия, возможно, была другая немецкая. Он был худ, ироничен, неспешен в движениях, больше слушал, чем говорил, хотя и не стал молчать об обидах на другие деноминации. Собрание «ветеранов поездки в Европу» прошло в церкви вечером, и пастор так представил нашего общего друга:

— Леди и джентльмены... Норман Джёрн! — и не стал добавлять, откуда он, Норман сам, по-стариковски нервно перебирая руками, напомнил, кто он такой. Потом произнёс нужные слова о Христе и о том, как важно сплотиться в «век безверия».

А я заметил пастору Бенке, с которым сидел рядом:

— Дело вы сделали хорошее: отремонтировали лютеранскую семинарию в Риге... Но потом выяснилось: у общины нет на неё прав, пришлось отдать здание другим.

Об этом мне рассказала жена, чья бывшая одноклассница жила в Риге, и я на эту бесстрастно мне сообщённую новость ничем жене не ответил. А вот пастор, услышав от меня ту же новость, возмутился:

— Это нельзя так оставлять! Если труд пошёл прахом или послужил неблагому делу... кто-то должен быть наказан!

— Я просто передаю непроверенные слухи... — забормотал я, испугавшись, что кого-то подставил. — Я должен был точнее узнать, может быть, это неправда... Конечно, неправда! — тут уже я сам угадал вывод, которым должна была закончиться проверка. В Латвии, как и на всём постсоветском пространстве, шла многоходовая игра: любой вклад в неё всё равно работал в пользу тех, кому он предназначался...

Вопрос мы замяли, и больше я в Америке о нём не слышал. Нашей задачей было — собирать гуманитарную помощь и деньги, для того мы прилетели в Техас и для того разъезжал я по городам и весям.

* * *

В Норфолке мы устроили дочку в лютеранскую школу, куда я отвозил её на машине и забирал обратно. Не знаю, насколько я преуспел в христианской пропаганде, но то, что быт наш был устроен очень хорошо, сомнению для меня не подлежит. Тут всё сделала моя супруга Светлана, дай ей Бог здоровья. В творческих делах (как то: поэзия, проза...) она, к счастью, замечена не была; работала учителем английского в школе, а потом в университете, подолгу в Питере сиживала за проверкой тетрадок и подготовкой к урокам. А невестка Хаузеров — тех первых хозяев, у которых мы жили — как раз работала в лютеранской школе. Туда и устроили учиться Алину. Не я, а жена Светлана решила и денежный вопрос, от которого я, по слабости моей, уклонился, отговорившись тем, что готовлюсь, мол, к лекциям.

Светлана нашла, на кого опереться: на юриста Брайана Бернхардта, который приезжал в Питер вместе с группой пастора Уилке, хотя жил в городке Янктон, на расстоянии от Норфолка. Брайан сначала приехал в дом Хаузеров, причём меня удивило, как натянуто встретили его хозяева, — я списал их холодок на то, что в Америке не принято хлебосольничать. Тем более, приехал он — думаю, намеренно — не в то время (семь вечера), когда садились за самую обильную трапезу на дню (так называемый

«обед» — "dinner"), а часа в четыре — в пять. Так что хозяева его даже, по-моему, чаем не напоили. Посидели вдали друг от друга, в дальней от улицы гостиной... Домик Хаузеров, ребристо обшитый, как у нас говорят, вагонкой, то есть неширокой доской, и окрашенный в светло-жёлтый, лимонный цвет, — казался крохотным снаружи, но был вполне просторен изнутри.

В нём было две гостиных: одна, назовём её «передней», примыкающая к переднему входу в дом, — этой дверью пользовались редко. А я любил тут бывать, потому что именно здесь находился их стационарный телефон, нужный мне для деловых звонков. Сидел на диванчике на возвышении, глядя на заснеженную улицу сквозь окна впереди и на неё же — в боковых ракурсах — через окна справа и слева.

Позади этой передней гостиной находилась кухня, в неё вела дверь входа из гаража, которой пользовались чаще всего; там же, в середине дома — хозяйская спальня. А в задней части дома — ещё одна, назовём её, «задняя» гостиная: более тёмная и низкая, чем первая, с полом вровень с землёй. Там были окна лишь с боков, а позади — глухая стена. В каком месте был камин — я не помню, при мне его ни разу, по-моему, не топили. В этой «задней» гостиной — укромно и вдали от улицы — хозяева обычно обедали. Нам с женой отвели «верхний этаж», его же можно назвать «чердак», с наклонными стенками, повторяющими линии крыши. Там раньше жили дети, потом выросли и разлетелись. Сын Джон (женатый на той самой учительнице лютеранской школы) был пилотом, а дочь Стейси жила с мужем в Калифорнии.

Хороший дом для семьи среднего достатка; такие я видел и в советские времена в Прибалтике, а сейчас и в России их — слава Богу — сотни тысяч, а скорее уже — миллионы. Американская черта дома: наличие в нём всего одной и совсем небольшой книжной полки, вдоль задней стены задней гостиной; на полке — некий эквивалент нашей краткой «Всемирной литературы». Серые одинаковые нетолстые томики: Шекспир, кто-то из американцев (не помню сейчас, кто именно), — а я сразу нашёл и вытащил не читанный мною трактат Макиавелли «Государь» (или «Монарх») в отдельном томике — разумеется, в переводе на английский.

Быстро, за полдня его прочёл: весомая вещь, хотя и краткая; его своеобразным извращённым переводом можно считать «Катехизис революционера» Нечаева. Такая же фанатическая преданность непонятно чему: мирскому делу стяжания власти ради самого владычества. Технология захвата и удержания... А что если тебе эта власть уже дана, например, по праву законного монарха? Нестрашно: тогда можно эти навыки применять для расширения охвата, то есть распространять на другие государства.

...Вот сюда, в эту темноватую заднюю гостиную явился юрист Брайан Бернхардт из Янктона; здесь с ним нелюбезно побеседовала чета Хаузеров и спровадила его. Я сидел более или менее безмолвным свидетелем, не совсем понимая, что происходит. Может, память меня подводит, но в тот же день (или в другой) мы вновь собрались в той же гостиной, но уже без хозяйки, то есть без Альберты. Чисто мужская компания: хозяин дома Хаузер, юрист из Янктона Брайан Бернхардт и я. Появилась бутылка «Столичной», и вынужден признать: «проставился» не я. Возможно, её привёз Брайан. И признаю ещё: никогда раньше я столь крепкой водки не пробовал. Может, дело в особом экспортном качестве для Америки, а может — в хороших собутыльниках. Особенно гробовщик Чак Хаузер понимал толк в выпивке, и он же, наверное, устроил так, чтобы посиделки состоялись во время отсутствия Альберты.

Возможно, она понимала, что будет выпивка, потому столь нелюбезно встретила Брайана вначале... Конечно, практически говоря, важна была для меня и для моей семьи не эта распитая бутылка водки, а та речь, с которой Брайан выступил на совете «Хлебного поезда». Ради этой речи, а не ради чего-то ещё он приезжал в Норфолк.

...Говорят, это был настоящий доклад юриста (я отсутствовал), хорошо подготовленный, на полчаса, не меньше. Суть была в том, что семье Андрюшкиных «Хлебный поезд» должен выдавать на руки по триста долларов еженедельно (слава Богу, оплата жилья и питания сюда не входила); кроме того, Брайан предусмотрел медицинскую и автомобильную страховки; и оплату школы для дочери; и отдельно зубного врача, если понадобится, и ещё что-то... Утвердили голосованием и внесли в протокол. И я начал получать чеки приятных бледных цветов (розовых, голубеньких, зеленоватых), в основном у секретарши Рэя Уилке по имени Пэт Раковски, кое-что выписывали ещё и за выступления. Разобрался в том, какой банк какие чеки обналичивает, и сразу превращал их в доллары, половину из которых отдавал супруге, а половина — уж извините — моё. (Совместного бюджета у нас уже и тогда не было; хотя о разводе ещё не говорили.)

* * *

Дом Хандке, по сравнению с домом Хаузеров, казался просторнее и шире, второго этажа, то бишь жилого чердака, не имел, но, будучи построен на холме, имел этаж

«нижний», хорошо забетонированное пространство кладовок и гостиной с большим телеэкраном.

Нам отвели две соседние спальни наверху, одна из них была и моим рабочим кабинетом. Отсюда по утрам я выходил в февральскую морозную тьму, разогревал машину и отвозил дочку в школу в центре Норфолка, от которого дом Хандке отстоял мили на две. Потом возвращался в уже занимающемся зелёном рассвете.

Подготовка к лекциям, которые, как вскоре выяснилось, никому особо не нужны, поездки по разным делам, подслушанные обрывки фраз в магазинах, на автозаправках... Писательский механизм в моей голове, казалось, вот-вот заработает, уже на английском языке.

Чьё-нибудь меткое слово для писателя может перевесить так называемые полезные усилия; почти как дуновение благодати, которое, согласно лютеранскому богословию, оказывается важнее «благих дел».

Здесь, в доме Хандке, я получил второе письмо от Солженицына (в нём он, ссылаясь на занятость, отказывал мне в личной встрече, но просил пояснить письменно, в чём именно состоят мои — и «Хлебного поезда» — намерения); отсюда, из дома Хандке, я сгонял в Сент-Луис и обратно. Вскоре Пэм Хандке пригласила нас со Светланой на мюзикл: это был здешний эквивалент «светской жизни». Да-да, в городке Норфолк с населением десять тысяч была и светская жизнь, помимо церковной. (А как иначе? В любом даже большом посёлке она есть.) «Мюзикл» — чисто американское мероприятие, и здесь был какой-то полулюбительский его вариант.

Пышечка Пэм аж преобразилась, говоря мне, что «состав» неплохо поёт и танцует. Но я увидел в этом мюзикле способ спровадить на вечер жену, а самому в тиши и одиночестве понять, что мне делать дальше и куда «выруливать».

Как это бывает, решение остаться дома и сосредоточиться, дабы принять некое решение, уже содержит в себе это решение.

...Закончились возбуждённые одевания и сборы для мюзикла, дамы укатили, и я с мстительной какой-то горечью попытался переписать одну из сцен моего первого романа («Политик»), потом понял, что мне надо засесть за этот роман плотно и переписать (как говорят профессионалы, «прописать») его с самого начала, страницу за страницей и главу за главой.

Собственно, для этого я и уехал в Америку: чтобы здесь, «на спокухе» (да-да, я знал заранее, что любая колготня в Америке будет спокойнее, чем жизнь в России!), — написать окончательную редакцию романа. Для того я и русскую пишущую машинку с собой взял.

...Весной от Хандке мы переехали на третью и последнюю нашу квартиру в Америке, там имелась своя кухня, следовательно, мы жили как автономная семья. И вот там-то я и засел за последнюю редакцию романа и месяца за четыре её закончил.

Я действовал примерно так же, как поступил Паустовский, заканчивая финальную редакцию своих «Романтиков». Он уехал из Москвы в глухой городишко Ливны и вернулся с готовой книгой... Об этом он пишет в «Золотой розе»; правда, квартировал он в Ливнах в двух семьях, оказавшихся весьма неспокойными. В первой при нём покончила с собой одна из двух дочерей хозяев; а когда Паустовский переехал на новую квартиру, оказалось, что и там сын хозяйки — ненормальный (геолог Шацкий, который позже стал прототипом сумасшедшего гения-геолога в «Кара-Бугазе»).

Несмотря на всё это, Паустовский свою задачу выполнил; и я тоже, несмотря на все неожиданности в Америке, привёз в Россию отпечатанный и готовый к изданию роман «Политик». Но было отличие. Как я сейчас понимаю, Паустовский сначала утвердился в Москве в издательских кругах, начал печататься как журналист и прозаик и, получив за это какой-то гонорар, уехал в Ливны доделывать свою рукопись. А Андрюшкин *сначала* закончил роман, а уж *потом* начал толкаться в двери издательств с этой — как выяснилось — никому не нужной книгой. С большим трудом удалось-таки напечатать её в Петербурге, но она осталась почти не замеченной. Может, это и к лучшему, так как роман несовершенен, в нём есть только отдельные удачные страницы.

* * *

Удивительное дело, но я напрочь забыл фамилию наших третьих хозяев, у которых мы дольше всех прожили... Лишь после поисков в бумагах тех лет обнаружил её и удивился: Копиез. Флоренс и Энгельберг Копиез.

Быть может, причина исчезновения из памяти их фамилии заключается в том, что пастор Рэй Уилке сразу назвал это жильё «полуслужебным», чем-то вроде мини-гостиницы (а в гостиницах разве запоминаешь имена хозяев?). Тут раньше уже останавливались пасторские помощники, прибывавшие в Норфолк из семинарии.

Копиез были пожилой четой скорее рабочего, чем интеллигентного вида. Берг (которого чаще называли таким сокращённым именем вместо полного Энгельберг),

кажется, и был рабочим: столяром, электриком или вроде того. Шаркающая походка сутулого пенсионера, брюки на подтяжках, рубаха в клеточку или в полоску и вполне себе интеллигентские очки с большими стёклами. Похожие носила и его супруга Флоренс: такие оправы могли позволить себе многие американцы, и это не указывало на их социальную принадлежность, разве что — на некоторую зажиточность.

Берг говорил мало и держался скромно, если не пришибленно; поначалу мне показалось, что он — подкаблучник в доме. Может, так оно и было, но однажды я сидел с ним рядом на библейских занятиях перед богослужением, и, когда пастор предложил всем для начала коротко помолиться, я услышал, как Берг шумно и свободно задышал... Это было слегка вызывающее дыхание мужчины, решившего не скрывать, что он — мужчина и что данную ситуацию контролирует именно он.

Человек верующий до фанатизма: так я для себя расшифровал этого «скинувшего маску» Берга на церковном собрании... Кстати, такое же раскрепощённо-раздражённое дыхание я заметил когда-то в России у одного своего родственника, взявшегося в деревне починить фундамент. Все рассуждали да рассуждали, а Валентин махнул рукой и начал по-рабочему пахать, вот так же шумно и глубоко дыша. Дескать, надо сделать дело, и его сделаю я.

...Между прочим, американца Берга я за работой ни разу не видел, разве что замечал, как он уезжает куда-то и возвращается на своём фордовском грузовичке с открытым кузовом. Но это был человек, которого можно назвать «опорой прихода»: сделает то, о чём попросит священник, причём денег принципиально не возьмёт.

О жене Берга Флоренс, полнеющей женщине с двойным подбородком и гордо поднятой головой с парикмахерской завивкой, нельзя было сказать, принадлежит ли она к рабочему или интеллигентному сословию. Брюки и выпущенная поверх них блуза с цветами и корпус женщины, давно оставившей спорт, а может, никогда им не занимавшейся... Она могла принадлежать к типу величественных поварих или раздатчиц на кухне, которые неплохо вписываются и в приходской быт. Например, в приготовление еды для тех чаепитий, которые устраивают после богослужений в протестантских приходах (кстати, в православных тоже, только на них не всех приглашают).

Флоренс показала нам наше жильё и больше почти не появлялась. Квартира находилась в полуподвале их дома и состояла из спаленки с кроватью и письменным столом, кухни и большой комнаты, фактически распадающейся на две: собственно гостиная с телевизором и ответвление-закуток для детей — там спала наша дочь.

На телевизоре и ещё кое-где торчали чем-то не понравившиеся мне статуэтки румянощёких бородатых гномов с полуспущенными зелёными штанами. А с потолка будто свешивались незримые канаты: так мне представились взаимоотношения квартирантов с хозяевами этой *полуслужебной* квартиры... Ведь служба, она, как говорится, и в Америке служба: дело обоюдозависимое.

...Но на гномов оглядываться некогда было: я буквально прилип к телевизору, именно на этой квартире. В предыдущих телевизор находился не в наших комнатах, а на хозяйской половине, то есть смотреть было не совсем удобно. Но здесь... Я навёрстывал, час за часом глотая новости по Си-Эн-Эн или переходя в минуты рекламы на другие каналы.

Телевизор — лучший способ изучать иностранный язык, постигая разные его повороты, что, кстати, спасает и от скудости мысли в иных передачах. Даже если выступающий совсем туп и ничего не говорит по существу, полезно замечать, как именно он уворачивается. Одни прикрываются пословицами, другие — якобы случайными оговорками и ошибками, но даже это можно знать и использовать.

Мы приехали в Штаты почти одновременно с инаугурацией Клинтона — я уже написал об этом, — и обживались, наблюдая начало его правления. В том числе и первая леди — Хиллари Клинтон — хотела как-то себя показать и вот — под телекамеры — приезжала в аптеку. (Дались же им эти лекарства!) Её лицо выражало смесь испуга и ярости, она сама уже была не рада, что влезла в миллиардные дрязги фармацевтических фирм. Но держала марку:

— Высокие цены неприемлемы... И виновные за это ответят! — на этой угрозе она покидала аптеку.

...Вообще-то прямого показа первого лица и его решений в Америке не так много; я начал подозревать, что здесь предпочитают язык иносказаний. Вместо простого монтажа: вот то-то сказал президент, и вот так-то ответила оппозиция, тебе целую неделю показывают одно и то же кровавое убийство или судебную тяжбу, — пока до тебя не дойдёт, что именно это и есть то, что хотел сказать президент или что ответила оппозиция.

...Неделю длился мой телевизионный запой, потом я погрузился в свой роман и в русский язык. Телевизор включал всё реже — теперь в основном по вечерам или днём,

после того как дочка возвращалась из школы и мы все вместе пообедаем. А утра мои были русскоязычными: несколько книжек мы привезли из Питера, и одной-двух страниц мне хватало, чтобы настроиться на русский лад.

* * *

Мы с женой между собой общались почти только по-русски, а вот дочь через месяц-два после приезда в Штаты заговорила на английском, при этом русский у неё — как отрезало. Это обычная вещь для детей, которым сложнее, чем взрослым, переключаться. Я или мама ей что-нибудь скажем по-русски, она ответит по-английски... Ну и нормально: мы же её понимаем, как и она нас!

Я не хотел, чтобы она в школе отставала и поэтому сам занимался с ней английским, простейшим способом: набирал ей в библиотеке книжек, давал читать, а потом проверял через вопросы и пересказ. Сначала простенькие детские, потом посложнее... Удивлялся фотографичности её памяти: куда шла героиня рассказа, первый раз встретив колдунью? Как одета была её мама? Что сказал котёнок, или Джек, или динозаврик? Дословно помнила и поправляла меня, если я, быстро просмотрев книжку, что-то упускал.

— Girl, you are a genius! (Дочка, ты гениальна!)

— No, but... Daddy, I am trying! (Нет... Но, папа, я стараюсь!..)

Когда мы вернулись в Россию, ей пришлось заново учить русский! К изумлению обеих бабушек, а также её тётки (моей родной сестры Веры) и других.

— Алина! Ты совсем разучилась говорить!

— Ньет... Я нье... разю-чи-ля... сь. Но мне... тья-же-ло... вато! — она вначале говорила по слогам, как настоящая американка или как Любовь Орлова, играющая таковую в фильме «Цирк».

Книжки я брал в вечно пустой городской библиотеке Норфолка... Стоя возле полок с детскими сказками, я листал их, оценивая, для какого они возраста и подойдут ли Алине. Здесь были, конечно, и свои сроки возврата (которые мы всегда опережали, меняя книги раньше времени), и предельные количества на один формуляр. Однажды я дал полненькой библиотекарше — похожей на наших работниц тех же учреждений, — мою пластиковую карточку «Уэйн Стейт колледжа», чтобы она не переспрашивала фамилию, подвинул к ней стопку книг и дальше не особо следил, как именно она их записывает. Кажется, это делалось ещё не через пикающий сканер, а перекладыванием карточки из книги в читательский формуляр, суть в том, что книги были записаны, я попрощался и вдруг, выходя, вздрогнул от резкой сирены и замигавших лампочек... Это мне? Я — нарушитель?

Библиотекарша смотрела со смесью испуга и обвинения.

— Да, это у вас... Видимо... Давайте посмотрим...

Я вернулся и опять выложил книги из сумки, выяснилось, что одну я не записал.

Как это произошло, когда и зачем книга попала в сумку — я понятия не имел. У библиотекарши не было ко мне претензий: кто-то ошибся, ошибка была исправлена, и мне даже не пришлось прибегать к этой палочке-выручалочке: я, мол, иностранец, не разобрался... Возможно, библиотекарша вообще приняла меня за американца, но тень уважения в её взгляде скользнула: дескать, мужчина — якобы невзначай — протестировал систему охраны.

...А интересно, неужели я и в универмаге так могу, что-то положить в сумку, не отметив в сознании? Никаких похожих случаев в Америке не бывало, а вообще-то они могли быть. Даже у Набокова, по-моему, чувствуются пробелы и выключения сознания в эмигрантские годы. Переключение с языка на язык всё-таки связано с энергозатратами: так одна программа компьютера начинает работать медленнее при одновременном включении другой.

...Отсюда удобно перейти к описанию «вечера этничностей», который провели чуть ли не в той же самой библиотеке, — а может быть, в здании по соседству. Это был городской праздник, посвящённый разным этносам, живущим в штате Небраска и вообще на американском Среднем Западе. По-моему, ни я, ни моя жена здесь не выступали и нас никому не представляли, мы просто сидели среди зрителей за столиком с напитками и печенюшками. Люди в национальных костюмах сменяли друг друга, рассказывая о своём народе и исполняя песенки. Наверняка там были индейцы, а кто ещё — я совершенно не запомнил, так как всё затмило одно впечатление, связанное с немцами.

В американской лютеранской среде я общался в основном с выходцами из Германии и ожидал, что и на «празднике этничностей» те, одетые в тирольские шапочки и штаны до колен картинные немцы, а также немки (тоже в чём-то расшито-фольклорном), — исполнят что-нибудь вроде "Schwarzbraun ist die Hazelnuss" или "Lore, Lore".

Конечно, после Второй мировой немецкие народные песни многим напоминают о

фашизме, но это не мешало даже в школах советской Эстонии разучивать "Schwarzbraun" на русском языке, как мне рассказывал университетский однокашник, выросший в Таллине.

"Schwarzbraun ist die Hazelnuss, // Schwarzbraun bin auf ich, auf ich..."
«Я, ребята, загорел // Как лесной коричневый орех...»

Года за три до поездки в Америку я был в командировке от пароходства в Гамбурге, и кто-то из завсегдатаев заграниц привёл нас в большую гамбургскую пивную, где в громадном, похожем на спортивный зале имелись сцены для артистов аж с трёх сторон. Мы сделали заказ, и вскоре появилось множество кружек с пивом; первые глотки, и вот на одной из сцен артисты, возможно, решив потрафить иностранным гостям, грянули одну из ритмичных народных песен, "Anneliese". *"So ist das Leben // Und oft auch der liebe Brauch..." «Но жить означает любить...»*

Anneliese, ach, Anneliese,
Warum bist du böse auf mich?

Наш компьютерный программист из Петербурга, похожий на месье Пьера из «Приглашения на казнь» Набокова, толстенький коротышка не то с польской, не то с еврейской фамилией, начал ритмично подсвистывать и постукивать по столу пивной кружкой, отчего женщины из пароходства зашлись в хохоте.

В общем, немецкие песни бывают зажигательными. Однако на «вечере этничностей» в городке Норфолк, Небраска, разыграли иной спектакль. Музыканты спели на немецком, но что-то нарочито заунывное, это была анти-музыка или один из тех всем известных номеров, часто проплаченных заранее, которые называются «облом кайфа». По разочарованным или мнимо равнодушным лицам других американцев я понял, что цель достигнута. «Ждал огня — получи ушат воды». Так когда-то наш школьный «рок-ансамбль» на вечерах всё настраивал усилители и не играл в итоге ни одной песни, — для того и держали группу «разрешённого рока».

...Здание, где проходил «вечер этничностей», наверное, и было центром города Норфолк, хотя в тот день я об этом не думал и никакого «центра» в этом городке вообще не ощутил. А он наверняка где-то был, ведь даже в деревнях из десятка избушек бывает точка или две, где сходятся люди.

В Норфолке я бывал в трёх церквях; к одной, самой большой, примыкала лютеранская школа, где училась дочь. Наверное, и здесь был один из центров города — уж для детей-то точно. И мюзикл, на который я отказался пойти, тоже был точкой притяжения для женщин-модниц... А вообще-то городок вырос вокруг предприятия пищевой промышленности; вокруг забоя бычков на мясо и производства консервов.

Эту фабрику я видел и с хозяином её встречался, как и с его боссом — владельцем целого объединения пищевых компаний, контролирующего аж шесть процентов общеамериканского рынка.

* * *

Опять приоткрою свой «приём» или структуру, которую я сознательно строю в этой повести.

Писатели, интересные нам, обладают, что называется, широкой и противоречивой душой. Их герои — это не те, кого они «подсмотрели» в жизни, но те несколько личностей, которые писатель знает внутри себя. В «Войне и мира» Толстой раздвоился на Пьера Безухова и князя Андрея. Это просто; более сложно понять то, что и в «Анне Карениной» основные действующие лица — автопортреты писателя, включая главную героиню. Флобер признавался: «Эмма Бовари — это я». Вроде бы утверждение скандальное, но оно для так называемого общественного мнения извиняемо тем, что Эмма — обеспеченная, буржуазная, культурная женщина (пусть и изменщица мужу). А вот Толстой, быть может, не решился бы сказать: «Проститутка Катя Маслова — это я». Хотя, по факту, это, наверное, так, и он сам, скорее всего, сознавал это, когда писал «Воскресение».

А я не знаю, почему из вороха американских заметок выбираю те, а не другие. Наверное, потому, что иной встреченный мною американец — это тоже «я». Например, в Чикаго при входе в какой-то, кажется, ресторан стоял слуга — не совсем даже швейцар, а скорее то, что называется "bellhop", «подай-принеси». Выцветшая коричневая ливрея, как на цирковом униформисте, раболепная поза, а в то же время — такое взаимное узнавание, что я почти не сомневался: заговори я по-русски, он ответит чисто ленинградским словцом. Скорее всего — еврей-эмигрант и именно из Питера.

Униформа есть, готовность услужить налицо, но помнит о полученном высшем и не то что гордость — гордыню почти не прячет. Именно потому, что готов чётко и буквально выполнять обязанности. А если у вас — леди или джентльмены — какие сомнения, так это уже от вашей, а не от нашей мнительности.

Такой вот ливрейный слуга из Чикаго, которому быть бы дерзким режиссёром или политтехнологом... А иной политик — да хотя бы Черчилль — типичный швейцар или, в лучшем случае, «батлер» («дворецкий»).

Вот и пасторское семейство, состоящее из Дениса и Джанет Борен, — почему мне запомнилось? Вообще-то в семье были и дети, родные и даже один приёмный филиппинец, полнотелый мальчик лет этак четырнадцати, который — мне показалось — сознательно изводил приёмную маму Джанет. Он всё время якобы недоумевал: «Не пойму, чего от меня требуют...» (С искренней растерянностью, в ответ на вопрос: «Ты сделал уроки?»)

Пастор Денис Борен был по виду добрый человек лет пятидесяти, с пронзительным взглядом, кажущимся проникновенным благодаря очкам с толстыми стёклами. Он был выше среднего роста, худощавый или просто худой; силой телесной нисколько не щеголял (может быть, её и не было), но подчёркивал аккуратность.

Жена его, наоборот, бывала задышливо растерянна и жаловалась на мигрени и на уже начавшийся (в её-то пятидесятилетнем возрасте) склероз... Дамочка ничего себе: и при теле, и с пышными блестящими волосами, и с гладкой кожей мягкого личика, — но ни в коем случае не подчёркивала привлекательность, наоборот: вся в хлопотах о детях, в хозяйстве, в тревогах.

Вряд ли мы к ним специально приезжали, скорее завернули по дороге, но, возможно, мы у них переночевали. Я прошёл почти два десятка этих лютеранских церквей и вдвое меньше, но порядочно пасторских домов, и все они у меня слились в один образ: шелест спокойного ветра в старых ильмах или ясенях, солнце на стене пастората и привычка видеть церковь сбоку или сзади, входить со служебного входа и смотреть из алтаря в зал, а не наоборот.

Нередко церковь стоит, что называется, в чистом поле; купы деревьев лишь вокруг неё и над приходским кладбищем, а вокруг — пастбища, поля и облака над ними. Рядом с храмом, хоть небольшая, но асфальтированная автостоянка, асфальт треснул кое-где, и лезут сорняки. Сюда съезжается по воскресеньям порой всего десяток машин: местные фермеры с жёнами и детьми. Но если каждый даст хотя бы по десять долларов, то священнику на неделю хватит, да ещё и останется органисту, подрабатывающему в сельском храме по выходным. (А вот откуда находят в русских церквях деньги хористам — я ума не приложу... Для того немцы и изобрели когда-то орг н — сегодня, конечно, используют простенький электрический, — что платишь одному, а играет на десять голосов; в церковном же хоре минимум должно быть два человека, обычно и больше.)

Я не помню, была ли церковь пастора Борена такой крохотной сельской... Скорее что-то городское, побогаче, что не отменяет тихой улочки и автостоянки, окружённой всё теми же ильмами, или вязами, или ясенями, или теми деревьями, которые американцы, не различающие их пород, называют "love-tree", «дерево любви» (потому что возле таких деревьев в сельской Америке кое-где назначают свидания, и даже принято повязывать на них ленточки).

...Так что же запомнилось? А то, что эта самая Джанет Борен, вечно растерянная жена пастора, показала моей жене (и мне заодно) косметический набор какой-то очень известной парфюмерной фирмы, назовём её «Орифлейм» (может, «Дав», может, «Мейбелин», я в них не разбираюсь). Очень стильные коробочки числом примерно в полдюжины, одинаково оформленные в нежно-фисташковой гамме. Они содержали шампунь, крем для рук, для лица, какой-то лосьон, может, духи...

Надтреснутым голосом вечной неудачницы Джанет рассказала, что взяла это на реализацию: «Ты платишь немного, всего триста долларов, и за это тебе дают право именоваться официальным представителем фирмы, вот, у меня есть сертификат... А кроме того, мне разрешено покупать их товары со скидкой...»

Продавать, однако, оказалось сложнее, чем купить... Джанет пожаловалась, что ей пока не удалось никому продать такой набор, и моя жена тут же намекнула, что не откажется принять его в подарок! (Раз плохо продаётся.) Или, скорее, Джанет сама ей настойчиво предложила, а Света не стала отказываться. О покупке, конечно, речь не шла, мы ведь по американским меркам были стеснены в средствах, и Джанет это знала. Финальную часть разговора я не слышал, лишь получил от жены перед отъездом тяжёлый пакет с просьбой не разбить и с пояснением: «Джанет подарила»...

Мне кажется, это был такой же садизм со стороны моей супруги, каким было со стороны приёмного сына Джанет его «непонимание»: что такое уроки, домашнее задание? Человек безответный, Джанет всё время хотела быть чьей-то жертвой — почему

бы ей не «пойти навстречу»?

Понять можно и Светлану: муж ни черта не дарит! Увы, единственный мой подарок за всю поездку в Америку она получила, буквально затащив меня в магазин женской одежды, где я ей выбрал лёгкий полуделовой костюм светло-зелёного цвета, из пиджака и юбки. Не сильно дорогой, но она его с шиком носила; впрочем, надела, если память не изменяет, всего один-два раза.

* * *

Почему же мне так запомнилась беззащитность и безответность этой Джанет Борен — жены пастора? Что-то было в ней материнское, как у наседки, которая созывает цыплят, не разбираясь, кто из них ведёт себя правильно, а кто нет, а если ей подсунут утёнка — она и его прикроет крылом. Но в матерях часто есть самодовольство, а тут было просто её сознание, что жизнь прошла и что ничего красивого и увлекательного уже не будет.

С другой стороны, таких людей, вызывающих жалость, нельзя считать полностью лишёнными лукавства, ибо некоторые чувства можно подделать, несмотря на их якобы предельную искренность.

* * *

Пора заканчивать повесть, а сколько не вместилось в неё... Летняя жара уже в апреле-мае, и появившаяся поддеревьями поначалу прозрачная тень от новорождённых листочков, она густела так быстро, что это была, не исключено, моя самая короткая весна. Сразу превратившаяся в лето.

Машину Рэя Уилке я «убил» ещё в весенние холода (отказ масляного насоса и, как следствие, «погибшие» клапана и цилиндры), после чего на пару месяцев превратился в пешехода. Шёл по городу, удивляясь большому количеству старых машин возле домов, под густыми уже летними кронами деревьев... Знакомые улицы выглядели по-другому, чем из кабины автомобиля.

Жена ненадолго уехала в Калифорнию, и мы с дочерью остались одни. Несколько раз я отвёл её в школу пешком, потом кто-то из родителей её одноклассниц начал заезжать за ней и привозить после уроков. Я, не торопясь, переписывал и перепечатывал роман, а если звали выступать в какой-нибудь церкви, договаривался, чтобы отвезли и привезли обратно. А иногда вообще не брал трубку. Леон Хандке и Пэм куда-то ехали выступать, звали меня, и я, в принципе, собрался, но не навязывался, и они это поняли, позвонили уже с дороги: мол, мы уехали, ждать больше не можем... Значит, не судьба! (Потом док Хандке отплатил едкой фразой: «Их тренировали не работать!» — говорил обо всех бывших советских, но, конечно, целил в нас с женой.)

Кстати, я не видел и чтобы док Хандке работал... Как я уже сказал, он был отстранён от медицинской деятельности на время судебной тяжбы, а она длилась уже полгода. Изредка — раз в неделю-две — пастор Уилке устраивал конфирмационные занятия, на них ходили и мы с женой, и ещё горстка новоиспечённых местных лютеран. Один из них был католик (женатый на лютеранке), по профессии организатор концертов и продюсер. Он переходил в лютеранство чуть ли не из-за того, что Рэй Уилке поручил ему провести в Норфолке концерт Джонни Кэша — звезды кантри-музыки. «Хлебный поезд» считал это такой же удачей, как и привлечение «русских знаменитостей», то есть нас со Светланой. Для концерта должны были быть заказаны футболки и шапочки-бейсболки с символикой «Хлебного поезда», другие сувениры. Возможно, концерт прошёл как раз в День независимости, когда мы были в Чикаго; во всяком случае, нас на нём не было, и я услышал записи Джонни Кэша лишь позже. Американское кантри в стиле «тюремный шансон», так сказать.

...В писательском труде есть опасность: он затягивает, как наркотик. Труд ли это вообще или тонкий разврат, к которому — дабы приобщить читателя — должен быть причастен и автор? Разумеется, писатели рассказывают, что их работа — наитруднейшая, например, Виктор Соснора утверждал, что может писать лишь на полном пределе всех своих сил. (Но он же не скрывал, что заранее планирует пьянку и даже запой после окончания текста.) И Хемингуэй вспоминал, что некоторые вещи написал, стоя за конторкой или бюваром... Мол, даже не позволял себе такое послабление, как присесть на стул! (Интересно, а напивался он тоже стоя, пока не падал плашмя?)

Молитва — вот истинное духовное делание, словесность же является таковой, лишь если пишутся религиозные книги или — в какой-то степени примыкающие к ним — деяния современных фараонов.

...Одурев от романа и от одиночества, я пару раз — уже поздним утром — вываливался из дома на пробежку: в ещё прохладный, но быстро нагревающийся ветерок. Бежал по обочине асфальтовой дороги, по чужим газонам, в конце — уже не разбирая

пути. Единственный доступный здесь для меня вид спорта, он бодрил, проветривал голову... Нужно было, наконец, покупать машину!

Начал бродить по украшенным гирляндами флажков площадкам, где продавалось порой меньше десятка авто, удивлялся их дешевизне: по триста-четыреста долларов! Правда, "As is. No guarantee" («Как есть. Без гарантии».) Но все на ходу!

Газетные объявления запрашивали раз в десять дороже, а лучше ли товар — решай сам. Я позвонил некоему Флемингу и пришёл к нему посмотреть белый «Шевроле», якобы «в отличном состоянии». Машине было пятнадцать лет, но выглядела новенькой, я попросил проехаться, и Флеминг — смесь автора Яна Флеминга, его героя Джеймса Бонда и заурядного забулдыги с красным носом — посадил вместе со мной подсобного работника, молодого бородача бомжового вида. Сделали круг по городу — двигатель работал с громким гулом... «Я тоже бегал как белка в колесе», — якобы невзначай сказал сопровождающий, намекая, что я никуда не денусь от покупки. Вернулись на заросший сорняками неогороженный участок Флеминга, где я заметил точно такой же белый «Шевроле», но чуть забрызганный грязью: на нём недавно ездили. Почему он мне продаёт этот, а не тот, на котором ездит сам? Я в раздумье листал свой блокнот, бородатенький исчез, а вместо него появился другой, молодой американец, полненький и энергичный, по виду из начинающих бизнесменов. Спросил меня, что я тут делаю.

— Машину покупаю... — я пожал плечами.

— У него?!! — Парень округлил глаза и молча покачал головой, мол: «Никогда! Ни в коем случае...»

Мне тоже чем-то не нравился Флеминг: а ну как подсунет машину краденую или с дефектом? Я вошёл в его так называемый офис, с поцарапанным вентилятором и жалюзи, где на письменном столе бумаги были прижаты металлическими деталями.

— Сколько вы за неё хотите?

— Две, — помедлив, негромко и веско ответил Флеминг.

— Не дорого? Может, скинете?

— А почему я должен скидывать?

Я обратился за поддержкой к тому бодрому толстячку, который столь выразительно покачал головой:

— А вы как думаете? По-моему, дороговато...

— Что?! — толстячок попёр на меня раздражённо. — Джентльмен предлагает вам хороший товар, чего ещё нужно?

— О'кей, я подумаю, позвоню... — сломя голову, я выскочил прочь, удивляясь тому, как мигом толстячок сменил фронт. Только что молча дал мне понять, что покупать нельзя, однако вслух решительно поддержал Флеминга. Далеко пойдёт! Но что ему оставалось? У них, видимо, был общий бизнес, и не терять же его ради неизвестного покупателя?

(Сейчас, много лет спустя, подумалось: я договорился с Флемингом по телефону, а телефон прослушивался, конечно. Отсюда, возможно — проколотое колесо перед поездкой в Чикаго. Но не будут же присылать «подсадного» из-за такой мелочи, как покупка недорогой машины...)

...От Флеминга я пролетел, не останавливаясь, целую милю до угла городка Норфолк, то есть до самого крупного рынка подержанных авто, расцвеченного не только флажками на горизонтальных верёвках, но и флагами на флагштоках. Тут продавалось аж машин двадцать! Посидел в одной, другой, подошедшему седому, мосластому продавцу объяснил: ищу недорогую, но такую, чтобы выдержала путь до Нью-Йорка, довезла меня и семью.

Попробовали одну машину, потом он решительно предложил мне другую: тот самый белый длиннохвостый «Крайслер», который я и купил в итоге и о котором я уже говорил. Я сел за руль и оторопел от плавного хода, привёз продавца ко мне домой за деньгами. Жена всполошилась: под девятьсот долларов? Но положительный пожилой продавец сидел — упрямо съёжившись — в пассажирском кресле, не выходя из машины, а я нырнул в дом и вышел с деньгами. Вернувшись в магазин, оформили покупку, я сгонял в соседний город Мэдисон в полицию и сразу получил там номера.

Их выдавали не полицейские в форме, а смежная фирма на подряде, и один из клерков спросил, кем я работаю в России.

— Учителем английского.

— Ого! Берегись, Майк! (Watch out, Mike!) — сказал он напарнику. — Джентльмен сейчас выявит наши ошибки...

Я понимал, конечно, что это прикол над моим английским, но приятно было! А уж счастье от новой — пусть даже и старенькой — машины знает каждый, кто её покупал... Хотя я понимал, что автомобиль очень старый: так сегодня в России выглядит «Волга» Брежневской эпохи. Ладно «раритет на дороге», но выдержит ли? Жену и дочь (ещё

до получения номеров) немного покатал — их, как и меня, впечатлил плавный ход... И автомобиль нас, действительно, не подвёл.

* * *

Итак, весна 93-го года переходила в лето... А бывали ли встречи с «родными шпионами» — с теми, кто, с точки зрения местной власти, якобы (да и не якобы, а на самом деле) существует в каждой стране?

В России Ельцин боролся в Верховным советом, но разборки в верхах почти не влияют на разведку, которая действует в интересах страны — скажем так: этноса в целом — а не того или иного правителя.

Моя специальность — не разведка, а литература, поэтому, если и были какие-то ниточки, я за них не стал тянуть. Но запомнилось... Вот — в безмашинный период — подвозит меня одна молодая чета, с какого-то из церковных выступлений. Машина остановлена на пустынном шоссе, открыта дверь, и от запаха полевой травы на миг закружилась голова... Зачем надо было останавливаться? Кажется, они менялись за рулём: то ли жена уступала место мужу, то ли наоборот. Но меня почему-то понесло в рассуждения об академике Сахарове, которыми я так увлёкся — и их увлёк, — что *личностный* взгляд друг на друга стал уже невозможен. Только: лектор — слушатели — вопросы по теме... Потом ещё было с ними же, перед расставанием: заехали перекусить в кафе, и этот американец хотел расплатиться картой, которую хозяин заведения почему-то не принял. Такая была тогда технология: проверка на взгляд, без компьютерного «логина».

А вот другая картинка. Меня тоже подвозит один человек, в университет в Линкольне, это седовласый солидный американец, которого я встречал и в Питере, он опережает мой вопрос о дороге, сам объясняет, почему выбрал именно этот маршрут:

— Тут есть шоссе, которыми мало кто пользуется... Движения нет, и выходит быстрее...

И правда, дорога мне начинает казаться какой-то стратегически закрытой и доступной для немногих... Этот же американец позднее удивился, встретив меня в библиотеке университета. Он знал, что я в Линкольне на целый день; стало быть, без жены; стало быть, у молодого мужчины — о чём должны быть мысли? А тут — библиотека...

— Александр, я не ожидал вас тут найти...

— А где ещё?..

Мне, действительно, интереснее американских борделей был университет, хотя бы странная для нас, открытая для доступа в фонды, библиотека. Каталоги здесь, конечно, тоже были и есть, но вместо заказа через персонал тебя отправляют прямо к книжным полкам. И вот я с интересом прошёлся по тем самым авторам, которых в наших библиотеках бывало не достать. Либо выданы, либо запрещены, после того как писатель стал невозвращенцем. Тут, в Небраске, стояли на русском языке — на небольшом стеллаже — Аксёнов и Владимир Максимов, Трифонов, Гранин, Белов, Астафьев... Я полистал раннюю книжку Аксёнова «Катапульта», ту самую, с чёрно-белым двухцветным оформлением обложки, которая имелась и у нас дома, с ленинградских времён. Но здесь, в Небраске, она была нечитанная: после закупки «на валюту», видимо, встала на полку и никто её ни разу не открыл.

Я решил взять из библиотеки пару книг Солженицына на английском: посмотреть, как переведено. Взял ещё Сола Беллоу, Набокова на английском, посидел немного за столом читального зальчика. Больших залов для чтения тут не имелось, а метод работы студентов с книгами заключался в том, чтобы найти нужные страницы и отксерить. Маячило много по-американски глубокомысленных девиц и парней (с тем же выражением, с каким сегодня молодёжь смотрит в смартфоны) именно вокруг ксероксов: они ждали своей очереди, чтобы — опять же, не через заказ, а самостоятельно — откопировать нужные страницы и с победой отнести их в комнату общежития. А будут ли потом читать — вопрос.

Я взял пачку «Уолл-стрит джорналов», кое-что законспектировал... В глубине души я, конечно, давно решил, что писать должен на русском, а не на английском, и всё же слава Набокова и Конрада то и дело покалывала искушением... Но вскоре собрался и порулил домой. Сидеть и читать подолгу здесь было не принято, а я, как преподаватель, имел право брать книги на дом, что и сделал. Когда пришёл срок возврата, отправил их назад по почте: так мне посоветовали в самом университете (если не хочу приезжать). А на почте, в отделе посылок и бандеролей, работали одни мужчины: вот бы нам это перенять! (Не в том смысле, что «жалко женщин», а жалко мужчин, которых у нас в России почему-то почти не допускают на непыльные, в общем-то, работы, как-то: кассиры в магазинах, операционисты в банках, почтовые клерки...)

* * *

Дальше я должен был бы описать встречи с несколькими незаурядными людьми, один из них — профессор Вадим Крейд из Университета Айовы, другой — директор христианского издательства «Аугсбург Фортресс» Гэри Аамодт, третий, наверное, пастор Рэй Уилке, который и учредил «Хлебный поезд».

Начну с Рэя Уилке, который, возможно, страдал в лёгкой форме манией величия, а может быть, просто имел очень тяжёлый характер. (Если с тобой тяжело, тебя не запрут в сумасшедший дом, удел людей легковесных.) Ещё один приезжавший в Петербург пастор — Биттнер — меня косвенно о чём-то предупреждал в отношении Уилке, например, когда мы были у Хильдебрандтов, в самый первый раз, он туда позвонил и беседовал со мной чуть ли не полчаса, я не мог понять: о чём? Вроде было всё сказано, и пора прощаться, но Биттнер находил вопросик и опять продолжал разговор, перемежаемый долгими паузами и вздохами. О пасторе Рэе Уилке он мне сообщил, что тот под Норфолком владеет фермой, которую не захотел продать, даже получив пастырский сан. Церковь пыталась его перевести в другой район, он заявил, что лучше откажется от сана.

Я на это ответил ничего не значащим мычанием и этим, видимо, разочаровал Биттнера, ожидавшего, что я начну расспрашивать. А как, мол, принято в Америке: подбирать приходы для священников или священников для приходов... Вопрос для церкви ключевой, но для меня он таковым не был; потому бедному Биттнеру и приходилось опять молча дышать в трубку.

Рэй Уилке слишком любит деньги — вот, наверное, был смысл этого телефонного звонка. А Рэй Уилке бросил фразу, уже значительно позже:

— Если Биттнер не будет тянуть в упряжке, мы с ним расстанемся...

Давно пора описать внешность Уилке... Но трудно изобразить человека незаурядной энергии: её мы чувствуем на телесном уровне, и это есть главное наше впечатление от таких людей.

Уилке имел внешность, что называется, обычную и невыразительную: среднего роста, бородатенький, усреднённого, если так можно выразиться, цвета волос: не то шатен, не то блондин, но, в любом случае, теперь уже — грязно-седого оттенка.

Осанки — никакой, даже есть склонность утапливать подбородок в груди и горбиться; в нужные моменты, однако, он принимал величественные позы.

Главное же, в нём постоянно чувствовалось то качество нервной энергии или просто *жизни*, которое у большинства становится заметно лишь в кризисные и переломные моменты, а у него было видно постоянно. Может быть, это и есть то, что образует вождя (не путать с *вождизмом*, являющимся в основном актёрством). Таким был Рэй Уилке.

Чем закончились его разногласия с Биттнером, я не знаю, и каковы были общие итоги деятельности «Хлебного поезда» — не ведаю. На тот момент, когда я это писал, организация всё ещё существовала, а постаревший Рэй Уилке всё ещё давал интервью. И я только что нашёл в интернете: он жив, а жена его Лоис умерла (царство тебе небесное, Лоис!), и он женился вторично, в возрасте лет восьмидесяти. Историю организации и нынешнее состояние её финансов желающие могут уточнить в интернете. Один мой деловой партнёр из России говорил мне сразу: гуманитарную помощь из Америки будем только продавать. Как именно всё это организовали, я не в курсе, но точно знаю, что деньги на этом зарабатывались и частично перечислялись назад в США. Да и как иначе, операционные-то расходы требовалось покрывать. По сравнению с пресловутыми баулами, которые «челноки» таскали из Турции и Польши, американская одежда и обувь были лучше качеством и иногда совершенно новые, хотя и назывались «секонд-хенд». А кроме того, и доставлялось всё это за счёт американцев.

Почти два года директором «Хлебного поезда» в Петербурге работала моя жена, но потом и она это бросила и уехала в Америку на преподавательскую должность. Уж не потому ли, что «бандитский Петербург» начал требовать «свою долю»? Я к этому с самого начала не прикасался, а развод мы оформили уже весной 95-го.

Рэй Уилке был «кукловод»: его полные угрозы слова и жесты я наблюдал ещё в Питере. Однажды у нас в квартире остановились он и одновременно американский «суперинтендент», то есть лютеранский эквивалент епископа. С простым пастором Уилке попробовал держаться начальственно, тот включил «фактор страха».

— Мы не пешки, не марионетки...

— Ну да, конечно, — пытался отмахнуться «епископ», Уилке его перебил:

— В руках Бога мы ничтожны, и всё же Он даёт нам право решать...

— Да, ну и что?

— Те, кто считают, что мы марионетки, — они заблуждаются!..

— Ну да, да...

— Они бы сами хотели дёргать за ниточки, — ещё нажал Уилке, — но Господь не позволяет этого им!

...Сцена была неприятная, как всякое открытое проявление власти, оно же — нарушение очевидного порядка. Таким «кукловодом» на глазах всего мира держался Ельцин, сначала с Бушем-старшим и немецким канцлером Колем, потом и с Клинтоном. Это качество — умение властвовать — проявляется у людей, конечно, с молодых лет, и его почти всегда называют либо «авантюризмом», либо ещё как-нибудь пренебрежительно.

«Разрушитель», «развалил работу», «самодур»... Рэй Уилке был до «Хлебного поезда» на положении почти изгоя в лютеранском сообществе Норфолка. Руководимая им церковь Благодати — по архитектуре совсем старинная, но построенная в начале XX века — была когда-то главной. Потом её затмил более просторный храм Христа, в нём служило не менее четырёх священников, а Рэй обходился один с молодым помощником. Однако же среди его прихожан числился и Фоглер, управляющий той самой консервной фабрикой — так сказать, градообразующим предприятием, — о которой я уже говорил.

Церковь Благодати — в отличие от храма Христа — оплачивала видеосъёмку богослужений, которую транслировали по местному кабельному каналу. Я спросил у Леона Хандке, к чему это всё, он ответил малозначащей фразой, — а ведь это и показывало стремление к власти священника Уилке. «Мы хоть и меньше вас, — как бы говорил он другому храму, — зато трансляции ведём». И визитные карточки у него были двойного размера, складывающиеся домиком.

Возможно, в воздухе носилось что-то ещё более скандальное, например, объявление этой общиной о её выходе из «Синода Миссури» и о создании собственной независимой церкви... Но на такое предположение я не имею права, ибо для этого надо бы знать денежную подкладку. Кому какая собственность принадлежит и чем она обременена. В любом случае, «Хлебный поезд» был рывком Рэя Уилке на международную арену, и этот рывок ему удался.

Теперь скажу о директоре пищевого комбината Фоглере и о выступлении моём на его фабрике. В церкви я Фоглера не встречал: возможно, он считал, что посещать храм — ниже его достоинства. Наверное, просто перечислял приходу деньги; Рэй Уилке говорил о нём много и с уважением. А однажды Уилке позвонил и сказал, что договорился о выступлении моём на этой фабрике в ближайшую субботу в 11 утра. Я удивился: в субботу? Да, по субботам руководящий состав собирался на разные тренинги и семинары.

...Не знаю, откуда этот садизм, а ведь и в советских обкомах так было принято, например, в Свердловске. Ельцин считал субботу полурабочим днём, — да ведь участие обкомовцев в досуговых мероприятиях и есть настоящая работа. Несомненно также, знание, что в субботу утром предстоит встреча с начальством, не позволяет некоторым слишком «расслабляться» в пятницу вечером.

* * *

Директор Фоглер был стареющий субтильный мужчина, невысокий и как бы уже парящий в небесном отрешении; как говорят о некоторых престарелых богачах: «он отошёл от дел».

Фоглер лишь наполовину отказался от дел, и такое его состояние могло, наверное, длиться лет десять. Преемники будут появляться и уходить, а он будет всё так же плыть где-то чуть в стороне, ничем уже не занимаясь, но за всем присматривая.

При входе в этот комбинат сидела секретарша в незастеклённой будке и отвечала на телефонные звонки, она была похожа на циркового жонглёра, который всё увеличивает скорость и число подбрасываемых предметов, потом их меняет: шарики на тарелки, на кольца... Вот и она: чуть касалась трубкой рычажков, как телефон снова звонил.

— ...«Аффилиэйтед фудс», слушаю... Переключаю... Минутку подождите, пожалуйста! — тут же она соединялась с кем-то внутри фирмы: — Айлин, это Мери. Джека нет сегодня, пожалуйста, прими заказ из Кливленда... Слушаю вас, «Аффилиэйтед фудс»... Я Мери... Соединяю с отделом продаж... Соединяю с Денвером... Гранд-Айленд... Соединяю с Хейстингсом...

У человека не то что свободной минуты — десятка секунд не было; для того, наверное, и была посажена при входе, на виду, чтобы всем задавать темп работы. Неужели у них и в субботу шёл этот вал продаж? Не помню: может быть, я заезжал сюда и в будни, а скорее всего, это сценка из другого городка, где находилась их головная фирма «Шурфайн фудс», там я тоже бывал...

А в субботу, наоборот, была тишина и безлюдье в офисах, но человек двадцать собралось в зальчике, где скамейки поднимались вверх амфитеатром. Я туда и забрал-

ся, но уже после того, как выступил сам.

Фоглер — хотя и плыл не от мира сего — но довольно жёстко дал мне «не более десяти минут», я ответил, что уложусь.

...Я всё время помню, что должен писать не о себе, а об Америке, а коли так, то вот их восприятие Андрюшкина: «обрусевший немец, такой же, как мы — обамериканенные, однако помнит свои лютеранские, немецкие корни; и мы должны так же».

Я этого почти не сознавал и этому образу не подыгрывал; а впрочем, говорил всё, что надо: мол, «Хлебный поезд», христианское возрождение в России; попробуем организовать и закупки ваших товаров (это уже в сторону Фоглера), мне, мол, поручили достать здесь ценники и ассортимент.

Десять минут истекли, и я сел — на самый верх не полез — посерединке. Дальше у них была своя программа, аж минут на сорок: про торнадо. Молодой менеджер показывал слайды и видео, на них эти смерчи, как вытянутые от земли чёрные канаты, бродили по равнинам и быстро вдруг приближались. Люди оставляли на дорогах машины и кидались в канавы, но поздно: торнадо уже сминал, как бумагу, гаражи, сараи, подбрасывал в воздух автомобили, летящая фигурка человека тоже попала в кадр.

Смысл презентации был: не надо надеяться, что смерч пройдёт мимо. Но, как увидишь на горизонте чёрную верёвку, сразу бросай машину и, найдя какую-нибудь яму, прячься, не жалея одежды. Лучше запачкаться, чем взлететь на пятьдесят метров и оттуда разбиться насмерть.

Послушали, задали вопросы, кто-то рассказал про свой опыт... Я быстро понял, что всё это нужно не само по себе, а для того, чтобы вытащить людей в субботу и не дать им упиться пивом, вином или виски — кто что предпочитает. А позже мне, в головном офисе, действительно, дали ценники и ассортименты, которые я перегнал в Россию.

* * *

Придётся сказать и о конфирмационных занятиях, хотя лучше бы об этом умолчать в повести, рассчитанной на русского читателя. За это православный человек может и пригвоздить: вон он, Андрюшкин, еретик! Лютеранство принял, какое вообще может быть доверие к нему?

Ну что ж, я согласен: церковь — тайна и Божье чудо на земле; облачённый в парчовый наряд бородатый священник, закончивший семинарию, действительно, несёт частицу живой и никогда не прерывавшейся связи со Христом. Но не слишком ли мы умаляем самих себя, когда ждём только от церкви руководства, а сами даже крест на двери квартиры не повесим и не начертим, потому что, дескать, «так не принято»?

Но ведь сказано в Писании: «вера от слышания, а слышание от слова Божьего». Достаточно иметь Библию, и ты уже можешь по ней обращать в христианство других. И не обязательно ждать того, кто явится в рясе и покажет диплом... (Как его проверить? Любой документ — тем более, электронный — можно подделать.) Это я всё написал от себя, а вот простейшие, но главные слова от пастора Рэя Уилке, негромко произнесённые им на занятии, в одной из комнат церковного крыла:

— Иисус сказал: «Там, где двое или трое собрались во имя Моё, там Я среди них»... Двое или трое уже образуют общину. Она может быть семейной или кружком друзей, и они уже могут из своей среды избрать человека, который будет вести собрания. Их можно назвать богослужениями, никаких авторитетов кроме Писания для этого не требуется. Если верующих десять человек, они могут отдавать десятину — десятую часть дохода, на эти деньги одиннадцатый может существовать, не работая, всё время посвящая окормлению и росту. Его можно назвать пастырем, а заканчивал ли он семинарию — не столь существенно, хотя желательно для правильного устроения...

Конец, как говорится, цитаты. Дальше опять пишу от себя. Где во всём сказанном ересь? Она, наверное, в том, что я скажу дальше. Неизбежно еженедельные посиделки десяти верующих выльются в одно из двух: либо в разврат, либо в борьбу. «Прыгуны» и «хлысты» — это образец разврата, описанного Мельниковым-Печерским в романе «На горах», на ту же тему писал и Горький в последней части «Клима Самгина». Собраться мужчинам и женщинам, вместе помолиться, потом заговорить «на голоса» и возлечь тут же, не сходя с того же ковра, кто с кем захочет. В Америке автор этого, слава Богу, не видел, а вот в России в подобном собрании пришлось побыть, в конце сбежал подальше от свального греха.

Но есть другой путь: борьба. Двое — трое — четверо — это уже сила, они работают в разных фирмах, и в каждой что-то «плохо лежит», можно обратить это на пользу общины. А если повезёт, то и всю фирму «отжать» под себя: так начинались монастырские владения землями, домами, лавками и целыми морскими портами.

Изъять что-то у «неверных» или обратить их, дабы они отдали сами. Таков путь верующих мужчин. Но дьявол, грехи и враги очень ловко сбивают с него, направляя в тупик. В Петербурге в постсоветское время возникла традиция крестного хода от Ка-

занского собора, по Казанской улице — на Исаакиевскую площадь. Я сам ходил в этой колонне и слышал разговоры: мол, идём на Мариинский, там депутаты, пусть услышат. Конечных точек было две: городской парламент на площади и сам Исаакиевский собор, который верующие требовали вернуть.

Это был понятный крестный ход, с разумной целью. Но в один несчастный год почему-то изменили маршрут, одновременно прошла команда из Смольного, от самого губернатора Полтавченко, всемерно поддержать процессию. Резко увеличили её численность: за госсчёт автобусами свозили верующих из области... Вот только шли с тех пор не к Исаакиевской площади, а к Невской лавре! Типа: штурмуйте то, что вам и так принадлежит, покажите, что вы глупее глупого. Так и ходят с тех пор по Невскому на посмешище стоящим вдоль проспекта, меня в это *свернувшее с пути* шествие уже не тянет.

* * *

В Норфолк прилетал священник Гарри Вендт, это было в самом начале, ещё морозы напоминали о русской зиме.

Нас собралось больше десяти человек в каком-то помещении учебного вида в первом этаже, со столами, поставленными в линейку в два или три ряда, как для семинара. Вендт жил в Миннеаполисе, километров за шестьсот к северо-востоку от Норфолка. Он долетел до ближайшего аэродрома, потом доехал машиной, в общем, опоздал часа на два, мы дожидались.

Это был не то двух, не то трёхдневный библейский семинар, он бы ничем не отличался от любых таких же сокращённых курсов, если бы не одна подробность. Рассадка за подобием школьных парт любого из нас возвращает в детство и в страх перед учителем. Ты не знаешь остальных учащихся (или знаешь не всех) и не ведаешь, что приготовил преподаватель. И вот наш педагог Гарри Вендт, худой, средних лет мужчина с несколько лошадиным, угрюмым лицом, уселся перед нами, а потом вдруг со стуком поставил рядом с собой второй — пустой — металлический стул, такой же как тот, на котором сидел и каждый из нас.

— Представьте, что на этом стуле сидит Иисус Христос! — объявил священник и обвёл нас цепким взглядом. Давящая тишина заставляла просчитывать следующий шаг, я как бы уже слышал вопрос: «Вот ты... Ты готов умереть за Иисуса?!» А что бы ответили вы, читатель?

«Ну, в принципе... Да, наверное, готов... Для этого я здесь, в церкви...»

Страх нелегко передать словами, тут нужна последовательность положений. В таких-то условиях ты можешь поступить только так, но тогда ты спускаешься ещё на ступеньку вниз, а оттуда уже нет хода назад, можно лишь глубже погружаться в обезволивающий ужас. Это был опытный преподаватель, хорошо знающий подобные группы: здесь вряд ли будут даже переглядываться, чтобы создать сопротивление педагогу. Мы собрались не для того, чтобы сомневаться, а чтобы поверить, и этот ход с пустым стулом...

После этого из нас можно было «лепить» что угодно. Кто составлял аудиторию? Сельские пасторы из окрестных приходов: их, видимо, обзвонил Рэй Уилке, который и помог Вендту организовать семинар. Один был пастором тюремным, с ним Вендт перекинулся парой фраз: «Наш контингент!» — «Да, несомненно...» В том смысле, что заключённые легче свободных приходят к вере в Бога.

«Американская военная мощь!» — вот что вставало за этим семинаром, во что и я — увы! — готов был тогда вписаться. Хотя военных священников тут не было, но Гарри Вендт был изначально представлен как *международно знаменитый* проповедник, он не забыл упомянуть, что только что, перед нами, провёл семинар в Гонконге, а до этого были семинары в Южной Корее, Индии, Египте. Влияние в мире России в те годы рушилось; американцы заполняли возникающую пустоту.

Содержание семинара сводилось к быстрому повторению отдельных частей Библии; вреда в этом не было, а Библию Гарри Вендт знал хорошо. В общей эрудиции я бы с ним потягался и даже один раз его поправил. Он думал, что религия китайцев — буддизм, и почему-то спросил именно меня: так ли это? Я ответил: даосизм (Taoism) — нечто вроде буддизма, но не совсем.

Главное, я, скорее всего, был единственным в классе, кто знал ещё одно: откуда взят трюк с пустым стулом, на котором нам предложено было вообразить Иисуса. Аверинцев в книге «Поэтика ранневизантийской литературы» утверждает, что византийские императоры восседали на двойном троне: пустое сиденье как раз и предназначалось для невидимого Иисуса, именем которого правил «базилевс».

К чему я это? А к тому, что не надо всё, проявившееся в Европе или в Америке, объявлять с ходу «натовским творением» или «западной ересью». Вполне может выясниться, что это — забытая в России православная традиция, а на Западе она,

оказывается, укоренилась!

Отдельный вопрос: а откуда пришли в православие эти обычаи? Иоанн Златоуст утверждает, например, что Благодатный огонь впервые начал сходить в Иерусалимском храме, то есть это — еврейская традиция. Позволю себе усомниться: в Ветхом завете об этом ничего нет. Возможно, эта традиция ещё доеврейская: практиковалась, например, при ранних фараонах, а потом забылась.

* * *

Гарри Вендт по паспорту был австралиец, а по предкам, конечно, немец, он в самом начале пошутил:

— Фамилия у меня явно не шотландская...

Выговор его был колониальный британский, не американский, но мне показалось почему-то, что родной его язык должен был быть немецким. Я достаточно слышал — даже больше здешних пасторов — разных английских акцентов и сразу понял, что акцент не австралийский. Это было то, что называется «поставленный выговор» ("received pronunciation", RP) — тот язык и акцент, которому герой «Пигмалиона» Шоу пытался учить свою модель.

Гарри в первый день явился с чемоданом в одной руке и с дипломатом в другой, в коротком светлом плаще, сняв который предстал уже в клетчатом пиджаке. Он играл роль под названием «международная знаменитость», и хорошо поставленный британский выговор был частью этой роли. Но убей Бог, если из-под его акцента не вылезал немецкий! Я слыхивал и немецкие говоры... Не думаю, что он сам успел повоевать во Второй мировой, даже в юнейшем из «Гитлерюгендов»; но родители его вполне могли бежать в Австралию из Германии, от послевоенной разрухи. (Заглянул сейчас в интернет: в Америке семьдесят один человек с таким именем и фамилией, среди них есть и доктор теологии Гарри Вендт, но возраст свой он не публикует. Копнув чуть глубже, установить, конечно, можно, однако я не следствие веду: мне важно восстановить тогдашнее моё восприятие.) Мне показалось тогда, что *материнский* его язык всё-таки был немецкий, позже полузабытый в австралийской школе. А религия, выглядывающая из-под блеска современного вояжёра, была средневековой религией голода и мучений и фанатической веры, мерцающей в душах чумазых, продрогших и обовшивевших людей.

Чем-то этот странствующий проповедник напоминал канатного плясуна: в любой миг он мог оступиться в банкротство. Позднее, уже летом, я побывал у него в Миннеаполисе и видел, как он, надев пластиковый белый шлем, садился за руль автопогрузчика и кантовал затянутые в целлофан тяжёлые стопки своих учебных пособий. Разобрался я и в его бухгалтерии, сводящейся к тому, чтобы сколачивать группы не менее десяти участников, иначе выезд к ним не окупался. Плату, взимавшуюся с каждого, я сейчас не припомню: двести долларов, четыреста? Но в неё входила цена выдаваемых безвозмездно учебников, а они стоили денег.

В международной коллекции Гарри явно не хватало России, и Рэй Уилке через «Хлебный поезд» вызвался оплатить перевод на русский и печать пособия Вендта. Я подготовил договор примерно на десять тысяч долларов, которые были получены одной из петербургских фирм, а потом нагло украдены. В омуте девяностых и не такие деньги пропадали, однако Уилке перестал со мной общаться и даже внёс меня в какой-то их «чёрный список». А Гарри Вендт мне всё-таки позвонил, я сказал ему, что без переводчика не понимаю английского, и повесил трубку.

Хамство, наглость? Но борьба есть борьба, меня ведь тоже возили по Америке в качестве некоего *живого трофея*, доказывающего, что Россия мертва. А она оказалась живой и ещё способной откусить грозящий ей палец.

Между прочим, когда я был у Вендта в Миннеаполисе, он держался так, будто именно такой исход и предполагал. Человек он был, несомненно, опытный.

* * *

Теперь ещё о нескольких встречах в Америке.

Одна из них состоялась в том же самом Миннеаполисе, где жил Вендт и где базировалось крупнейшее лютеранское издательство Америки «Аугсбург Фортресс». Меня принял президент этой фирмы по имени Гэри Аамодт — но о нём мне сказать почти нечего, кроме того, что это был умелый администратор. Низенький, он был похож на укороченного вдвое Петра Великого: такое же круглое лицо, кошачьи усики и наглый взгляд иногда выпученных, а иногда прищуренных хитрых глаз.

По его указанию, мне почти даром отдали права на три книжки их лучшей серии (о том, как в христианско-толерантном духе устанавливать связи), а через год Гэри с женой приехал в Россию, я его встретил в аэропорту Петербурга.

Оказалось, Гэри Аамодт уже был у нас в хрущёвские годы, два времени он сравнил так:

— Тогда больше народа было на улицах... Наверное, было скучно дома, ещё не было телевизоров. Вот здесь, перед Русским музеем, собирались большие толпы, пели песни...

В уныло выглядящем в 1994 году универмаге «Московский» он пытался пророчествовать:

— Ничего, эти гиганты соберутся с мозгами, начнут делать прибыль...

Получилось иначе: проще оказалось с нуля, на больших площадках строить новые торговые комплексы. А универмаг «Московский» сейчас разрезан на десяток отдельных фирменных магазинчиков, совершенно безлюдных. По вечерам залитые мёртвым светом джинсы и прочая якобы шикарная одежда отпугивают людей уже своим видом, не говоря о ценах.

Другая моя встреча в Америке была с Вадимом Крейдом, профессором Университета Айовы. Я написал Вадиму Прокопьевичу Крейденкову письмо из Норфолка, предложив мои услуги лектора, он вскоре отозвался, что принимает предложение. Договорились о двух лекциях в один день: одна на английском и одна на русском.

Остановился я в Айова-сити у лютеранина, год назад приезжавшего в Петербург. От него ещё раз позвонил Крейду, и тот буквально продиктовал мне завтрашнюю лекцию о современном политическом положении в России. Каково строение власти и расклад партий, кто такие Ельцин, Руцкой и Хасбулатов, а также лидеры партий Зюганов, Жириновский и Явлинский; какие есть быстро растущие движения и новые имена, о которых в Америке не знают.

Всё было правильно: я мог быть и провокатором, и просто неадекватным, и провальная лекция могла бы привести если не к увольнению Крейда, то к проблемам. А я всё-таки в конце, выдержав в целом его план, немного «зажёг». Пересказал студентам статью Ленина 1913 года «Пробуждение Азии», в которой он написал, что антиколониальные революции, скорее всего, начнутся в регионе Индо-Китая и будут распространяться по Азии на запад: на Бирму, Индию и далее на Ближний Восток. Через четыре десятилетия, уже после Второй мировой войны, именно так всё и произошло, в порядке домино с востока на запад: из Вьетнама и Китая через Индию до Сирии и Египта.

Этим сюжетом я показал слушателям, что нельзя считать коммунистов «бессмысленными тиранами»: они разбирались в мировой политике не хуже других. Как ни странно, эта простая мысль для американских студентов оказалась чем-то вроде бомбы, меня после лекции обступили, не давая отойти от трибунки, и какая-то весьма привлекательная юная блондинка в джинсах с крайней возбуждённостью меня спрашивала о чём-то, сама толком не понимая, что хочет узнать. Я посоветовал ей читать Бжезинского «Большой провал» ("The Grand Failure") и, что называется, выбрался из толпы.

(Кстати, эта ранняя книга Бжезинского является и единственной у него научно весомой; написанная в основном по газетам горбачёвского времени, она содержит уважительную оценку советских возможностей. Вся остальная продукция Бжезинского — лишь эксплуатация доставшейся «на шáру» известности. «Да кто такой этот Бжезинский?» — спросит себя каждый и какую-нибудь его книжку приобретёт, но в ней не найдёт ничего, кроме отсылки всё к тому же факту: «Я влиятелен, а почему — догадайся сам».)

Следующая моя «пара» в Университете Айовы была скорее простой встречей (под названием «семинар») с несколькими русскоговорящими, среди которых были и американские студенты, и давно живущая в Америке преподавательница русского из Москвы, она спрашивала о ценах в России и ахала, услышав новые для неё цифры.

Потом Крейд отвёз меня к себе домой и познакомил с женой. И я, и Вадим Прокопьевич понимали, что главные мои встречи состоялись ещё утром с двумя его начальниками: с дамой по имени Нел Вебер (кажется, она была завкафедрой или даже деканом) и ещё с одним профессором-американцем, который, так же как и Нел Вебер, благоволил к Крейду и ко всему, что тот делает, в том числе и к приглашённым им гостям.

Нел Вебер «выписала» мне двести долларов за два занятия, хотя денег этих я так и не получил: тут всё зависело от опекавшего меня Университета Небраски, а в нём решили мне денег пока не платить. По крайней мере, до тех пор, пока я не определюсь: остаюсь я в Америке или нет. У Вадима Крейда дома мы поужинали не без рюмочки, он рассказал, что вот за этой деревянной стойкой в кухне, плавно перетекающей в гостиную с камином, сиживал и Даниил Гранин, которому он тоже устроил лекцию или две, и Бродский, и знаменитый тогда Залыгин, ещё личности как из России, так и эмигранты.

Вадим Крейд был весь в издательской и комментаторской работе: переиздавал ещё довоенные писания первой эмиграции, например, собрал малоизвестные тексты Георгия Иванова, которые могли бы и затеряться. Американцы эти изыскания поощряли: ведь беглые белогвардейцы и их потомки, а потом всё новые волны беглецов из СССР и были тем слоем людей, который определял отношение Америки к «советам».

Обе сверхдержавы готовились к войне — не всерьёз, конечно, скорее просто обозначая... В этом смысле положение специалистов по России было прочнее некуда, оно было даже надёжнее, чем у американского церковного слоя. Наука и техника, считалось, нужны (в том числе, и наука советология), а вот все эти суеверия: священники и их таинства и храмы... так ли уж необходимы?

Клянусь, даже под рюмку мы с Вадимом Прокопьевичем и его уважаемой супругой отнюдь не злословили об американцах, но, когда Вадим Крейд отвёз меня к моему другу-лютеранину, у которого я должен был переночевать ещё одну ночь, тот обиженно надулся, почувствовав моё состояние человека, как бы вышедшего из-под американского контроля. «Раздухарившийся чужак...» Вообще, белые американцы, спокойно относясь к чернокожим, раздражались, слыша от белых европейцев громкую речь на непонятном языке. Это я почувствовал позже, в Нью-Йорке.

* * *

Собственно, к Нью-Йорку я и подступаю. Дела наши более или менее заканчивались, и пора было собираться в дорогу.

Поскольку мы познавали Америку, так сказать, семейным образом, я кое-что видел и через жену, и через дочь. Наша дочь Алина, судя по всему, относилась к американцам слегка покровительственно. Дети с милой непосредственностью выбалтывают или выявляют то, в чём родители порой сами себе не сознаются. Вот и я был в некоем радостном ужасе, когда увидел — на вечере — художественное выступление того класса, где училась Алина. Весной — кажется, в районе Пасхи — дети показывали выученный ими номер «Сотворение мира», они стояли в три или четыре яруса и пели что-то из Библии, и вот наша дочь иногда наклонялась и пыталась кого-то из подружек поправить: не одёрнуть, но мягко подтолкнуть, что ли: сейчас пой, а сейчас молчи. То есть она играла роль не одной из актрис, а режиссёра!

Увы, именно так её воспитывала и её мама, и мамина мама, то есть моя тёща: быть главной. Нашли ей послушную подружку в первом классе школы в Петербурге... Как-то, уже ближе к лету, я забирал Алину из школы в Норфолке, и учительница (та самая невестка Хаузеров) сказала мне, что сегодня Алина «наконец-то не была наказана».

— То есть как? — я удивился. — А в предыдущие дни? *Всегда* наказана?

— Увы, да...

Поскольку всё это говорилось почти что с улыбкой и не лицемерной, а дружески по отношению ко мне, да и к Алине... возмущаться я не стал, да особо и не расспрашивал. Молодая женщина и я друг другу симпатизировали; очень может быть, что она разгадала игру моей жены и повела контригру. Наказания заключались в том, что девочке приказывали сидеть, положив голову на руки, то есть спрятав лицо, или не разрешали на переменках выходить из класса. И то, и другое означало изоляцию от других учениц: вероятно, Алина и в этом классе нашла себе послушную подружку и ею руководила, прямо на уроке, или вообще играла роль «второй учительницы», то есть пыталась руководить всем классом и не так, как хотелось Хелен Хаузер. В общем, наказана: положи голову на руки и не высовывайся.

В сущности, всё это было точным повторением той роли, которая выпала в Америке и автору этих строк. Приглашён университетом, но университетом же лишён оплачиваемой работы; в лютеранской церкви принят вроде бы как ученик, но при этом сам читает лекции и проводит беседы и всем обеспечен, включая еженедельную оплату. На деловые встречи, в Чикаго в церковь ЕЛЦА и в Миннеаполис в издательство «Аугсбург Фортресс», являлся с опозданием на час... Требовалось всё же определиться: я кто — временный гастролёр или постоянный работник, готовый тянуть свою лямку? Требовалось найти компромисс и что-то отдать, чтобы что-то взять.

...По дороге на встречу с большой группой тех, кто работал в прошлом году в Латвии, а потом был у нас в Питере (на встречу эту мы тоже опоздали почти на час) жена показала мне на забавно собранное в полях сено, скатанное в рулеты. Эти валики диаметром в полметра или метр и такой же длины были кое-где сложены змейкой в подобие кольчатого червя, и ближнему к дороге звену было придано подобие лица: на круглой фанерке нарисовали улыбающуюся рожицу. Так сказать, голова бодрой змеи.

Жена, улыбаясь, указала мне на эту физиономию:

— Добрый, юморной народ... Разве ты не хотел бы остаться?

— Да ну их к чёрту! — я запутался в развязках магистралей и никак не мог попасть

в нужный нам городок... А она, вместо того чтобы искать дорогу, любуется полями!

...Мысль её мне была понятна: в Америке можно жить, вгрызаясь в её сочное мясо и получая удовольствие. «Черви в яблоке Нью-Йорка», об этом спел Вилли Токарев, мы это слышали ещё в Ленинграде. Вернее, Токарев спел так: «Всё хорошо, но если б в яблоке не черви...» — типа, хорошим эмигрантам мешают жить в Америке всякие чужаки и приезжие. То-то и оно... Сейчас, говорят, не стало прохода русским и евреям от украинцев: больше в Канаде, но и в Штатах тоже.

* * *

...Итак, мы собирались в Нью-Йорк. В Норфолке достигло своей макушки лето: давно скосили газоны по первому разу, потом вторично. Влажная жара, без кондиционера не прожить. В начале июня дорожки повсюду были засыпаны увесистыми крылатыми семенами клёнов, лопающимися под ногами; отцвели вязы, другие породы деревьев.

Я заканчивал роман, перепечатывал, с тоской глядел на календарь. Вот и июнь прошёл, вот мы вернулись из Чикаго, где отметили День независимости 3 июля. По телевизору пошли репортажи о жатве и о том, как передают из штата в штат комбайны, по мере сдвига на север косовицы хлебов... А вообще-то литература удлиняет время. Хотя ты вроде бы день за днём сидишь за столом, и ничего с тобой не происходит, но судьба персонажей делается тебе столь близка, что порой ужаснёшься: всего год прошёл, а я прожил сотню лет и десятки жизней! Быть может, потому и занимаются люди литературой.

* * *

Что такое американский город?

На горизонте появляются пупырышки высотных зданий, ты подъезжаешь к ним, почти не глядя на мелькающие вдоль магистрали сельские поля, и небоскрёбы растут и вот уже занимают половину ветрового стекла.

Издали силуэт их дымчат, как небо; приблизившись, различаешь цвета. Есть красивые высотки зелёного стекла, есть золотистые, основная часть выдержана в гамме серо-стальной. Ты летишь вперёд, и они растут, и вот уже встали в полный рост.

Везде всё одинаково: Канзас-сити, Сент-Луис, Омаха, Миннеаполис... Чикаго, наконец. Самые высокие здания появились в основном после середины XX века, начинка их с тех пор поменялась не раз. Когда-то в многочисленных проектных и конструкторских фирмах инженеры чертили по линейкам на листах ватмана, в машбюро гремели сотни пишущих машинок. К концу XX века карандашами чертить перестали, проектирование перепрыгнуло на экраны компьютеров; туда же, в компьютеры, переместился набор текстов. Конторы экспортной торговли сменились на импортные, опирающиеся на Японию и Китай. А здания в высотных центрах городов остались прежними.

Когда-то все небоскрёбы были телефонизированы, но сегодня народ всё больше болтает по сотовым, неужели новые дома сдают вообще без телефонных проводов? Именно так; но им на смену пришло оптоволокно: интернет, телевизор и телефон в одном пучке, причём телефон — самое из этого маловажное.

Удивительное дело: «ускорение истории», о котором талдычили весь XX век, обернулось в его конце сжиманием светлокожих народов.

...Сквозь разговоры о быстрой смене укладов всё явственнее проступает тысячелетняя неторопливость азиатских культур. Оказывается, можно взять у Европы науку и технику, но не измениться в глубине. И никогда так резко в истории, как это произошло на протяжении XX века, не падало в мире влияние людей белокожих.

Один шажок — тысячелетие, ещё один — ещё тысяча лет, и уже не подвинешь их и не перепрыгнешь: терпи, европеец!

В мире теперь правят смуглые и желтолицые, и в Нью-Йорке это прекрасно видно. Впрочем, уличный Нью-Йорк показался мне городом не только «цветным», но вполне себе древним. Сверни с Манхэттенского проспекта в переулок и увидишь на пристани каменную тумбу — ровесницу патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. А наглые темнокожие коротышки-зазывалы на Бродвее — не то мексиканцы, не то арабы — грязно заглядывающие в глаза белым женщинам... И в этом есть древность цивилизации, предполагающая удобный и безопасный разврат.

...Я думал, что и к Нью-Йорку мы подъедем так же: на горизонте — бледный силуэт небоскрёбов, постепенно всё вырастающих. Но вышло иначе: остановились мы невдалеке от Нью-Йорка у Марка Гиршина, там я и продал машину, вернее — оставил ему для продажи. А в Нью-Йорк мы добрались уже на автобусе, пару ночей в крупнейшем городе Штатов провели у дочери Рэя Уилке, затем — наш самолёт на Санкт-Петербург.

* * *

Книгу Марка Гиршина мне подарил за год до этого завотделом прозы «Невы» Самуил Лурье. Изданная в Америке, она содержала два небольших романа: «Брайтон бич» и «Убийство эмигранта». Второй из них напечатала «Нева», а о первом Лурье сказал, что это «слишком местечково».

Многие с тех пор прочли «Брайтон бич», так что судить могут сами, прав был Самуил Аронович Лурье или нет.

Я включил «Брайтон бич» в составленный мною сборник эмигрантской прозы, который, на момент, когда мы приехали к Гиршину, ещё не был напечатан. Скажу в скобках, он и вообще не дошёл до печати, но, будучи в Америке, я ещё на это надеялся, звонил из Норфолка директору издательства Алексею Файнгару в Москву, он меня в очередной раз обнадёжил. Файнгар ждал, что я найду спонсоров, потому не исключал сборник из планов, а я ждал, что спонсоров найдёт он.

Марку Гиршину и вовсе было не к спеху: на родине у него напечатано ничего не было никогда, кроме всё того же «Убийства эмигранта» в прошлом году в «Неве». Кстати, узнал он об этой публикации от меня, так как Самуил Аронович Лурье разрешения у него не спрашивал и вообще с ним не знакомился, предвидя возможный вопрос о гонораре.

* * *

Всю жизнь Гиршина игнорировали и вдруг напечатали; разумно ли было ему суетиться и кого-то в чём-то торопить? Он просто ждал нас как интересных гостей и надеялся узнать побольше о новой России. Мы хоть и пробыли в Штатах почти восемь месяцев, но для него были вестниками с родины.

После Нью-Йорка Марк Гиршин нашёл себе жильё в городке Ричфилд-Спрингс, в двухстах пятидесяти километрах к северу от мегаполиса, причём не на побережье, а вглубь территории. Я слышал, что именно после романа «Брайтон бич» ему посоветовали из Нью-Йорка исчезнуть: слишком кого-то обидел. Но, по-моему, это легенда: могла ли кого-то задеть книжка, напечатанная тиражом экземпляров триста, вряд ли больше? С другой стороны: какой надо было иметь замах, чтобы назвать роман «Брайтон бич» и описать в нём этот крупнейший эмигрантский анклав? Ничего не напечатав на родине, Гиршин сразу поставил себя в центр эмигрантской литературы. Для меня это было очевидно, хотя многие не соглашались, как Самуил Аронович Лурье.

Написан был роман по-хемингуэевски простыми фразами, только без боксёрско-охотничьих тем, а о том, как иммигранты живут на социальное пособие и дурят друг друга по мелочам. Некоторые из этих новоприбывших в Нью-Йорк изображены как бандиты покрупнее; может, и правда, автор забыл изменить чьё-то имя, и человек себя узнал и пригрозил.

...Городок мы нашли легко, как и нужную улицу, и двухэтажный деревянный дом, окрашенный белым и стоящий в немного странном одиночестве, не окружённый забором и не подпираемый с боков соседями.

У типичного американского дома середины XX века остановилась типичная американская машина прошлых лет и тоже белого цвета... Можно было это счесть каким-то жизненным каламбуром, но я хорошо понимал, что мы с Гиршиным настолько разные люди, что точек сцепления может вообще не найтись, кроме чисто случайных. Мне чуть за тридцать, ему семьдесят, я зат чен на возвращении в Россию, он когда-то сделал бегство из неё главным своим поступком.

По тонкому голосу в трубке я представлял себе человека грузного и неповоротливого — а из дома вышел поджарый и лёгкий, даже не скажу, что старик — но человек того неопределённого писательского возраста, когда ещё есть замыслы и что-то идёт в печать, а что-то, наоборот, затормозили...

Но я был прав относительно его малоподвижности: он приучил себя годами и десятилетиями ждать и ни на что особо не надеяться.

Жена его оказалась молодой филиппинкой — тоже из иммигрантов, причём более свежих, чем сам Гиршин. Была она примерной ровесницей моей жены, с которой они сразу повели свои разговоры, а мы с Гиршиным посидели на его, так сказать, гостевой террасе, а проще говоря — на пластиковых белых стульях за таким же столом, на газоне возле его дома.

Об алкоголе и речи не было: я за рулём, а он, хоть и человек безмашинный, но непьющий. Ещё и бездетный... В общем, бобыль бобылём, если бы не этот колониального вида белоснежный, с чуть облупленной краской, дом и не эта жена в переднике, похожая на колониальный трофей. Почти сразу Гиршин нам посоветовал:

— Не уезжайте! Оставайтесь! Никогда они вас отсюда не выдавят...

Уж не эта ли фраза окончательно укрепила решение моей жены переехать в

Америку? По-моему, именно о жизни иммигрантов в Штатах она и толковала с филиппинкой... Мы с Гиршиным — о писательском.

Но я не буду входить в вопрос его книг, изданных вскоре в России, не без моего, чисто технического, участия... А коли так, то об Америке мне добавить почти нечего.

Живя у Гиршина, я чуть было не купил машину для отправки её в Россию — слава Богу, вовремя одумался; вместо этого, вернувшись в Питер, приобрёл за ту же сумму новую отечественную.

* * *

...Не о Нью-Йорке же, в самом деле, писать! Этот город насквозь всем известен по фильмам и по книгам людей, проживших в нём всю жизнь или хотя бы дольше, чем мои три-четыре дня.

Я заранее созвонился с ещё одним бывшим ленинградцем, эссеистом и радиоведущим Борисом Парамоновым, и зашёл к нему на радио «Свобода», по адресу Бродвей, 1775, — причём он удивился и чуть ли не испугался, когда я в назначенное время заглянул к нему прямо в кабинет.

— Как вас пропустили?! — это была первая фраза его ко мне. Он, видимо, собирался то ли выписать мне пропуск, то ли ещё как-нибудь провести через охрану внизу... Но охранник на первом этаже не стал даже смотреть мои документы.

— Проходите...

— О'кей, спасибо...

Конечно, наш телефон в Америке слушали, а Парамонову я позвонил ещё из Норфолка, перед отъездом. Но столь филигранной была работа американских спецслужб, что я — клянусь — ни разу её не почувствовал (или не осознал в то время). Лишь единожды они намеренно проявились, именно по дороге в Нью-Йорк, да и то дело касалось не меня, а скорее моей жены.

Вот и этот кивок охранника внизу, в вестибюле радио «Свобода», я принял лишь как дань моему хорошему английскому языку.

— Good morning, I have an appointment at "Radio Liberty", with Boris Paramonov. My name is... («Доброе утро, у меня встреча на радио «Свобода» с Борисом Парамоновым. Меня зовут...»)

— Please go ahead. («Проходите, пожалуйста».)

Наши российские спецслужбы работают заметнее, топорнее? Или просто мы ждём увидеть их «руку», а западных «спецагентов» привыкли не замечать?

Ровно через десять лет после визита на радио «Свобода» я в Москве созвонился с начальником одного из отделов МИДа, и он назначил мне встречу. В нужное время на проходной я тщетно пытался показать мой паспорт тогда ещё милиционеру (в полицию их переименуют несколько позже) и добиться, чтобы он вписал меня в какой-нибудь журнал посетителей.

— Проходите, не надо ничего, — отвечал он слегка устало.

— Моя фамилия Андрюшкин... Я договорился...

— Проходите, я же сказал...

Но это уже иной рассказ.

Санкт-Петербург, 2021-2023

Рустам МАВЛИХАНОВ

АФИНА ИШИМСКАЯ

Каждому образованному человеку известно, что на заре своего царствования Екатерина II совершила путешествие по построенному специально для неё Старобелорецкому тракту. И каждый задумывается о причинах столь дальнего вояжа в индустриальное сердце России: он выглядит столь же странным, как если бы английская королева посетила цеха Шеффилда и доки Ливерпуля или, что ещё более невообразимо, микадо снизошёл до заводов «Мицубиси». Однако факт остаётся фактом: государыня тут была.

Если волжская часть её поездки вопросов не вызывает — ей нужно было получить инвеституру на право называться Царицей Казанской, — то к ответу о причинах второй части придётся подойти издалека.

В 1753 году на Урале по срочному высочайшему повелению побывал М. Ломоносов. Он произвёл первые в Российской империи археологические раскопки. Ещё И. Кириллов, П. Рычков и В. Татищев доносили в Сенат и Синод о рукотворном холме к югу от Торатау: «Против Аллагуватскаго яма при Белой реке гора не мала, "пятым шиханом" нареченная башкирцами, стоит; от оной оные изысканного мастерства золотые и серебряные статуэтки и иные артефактумы приносят» (из рапорта начальника Оренбургской экспедиции адмирала И. Неплюева).

Сокровища, поступившие в Петербург, вызвали живейший интерес правительства и учёных: ещё никогда дотоле «реликвий и статуй прелестных земля российска не рождала», — написал в стихотворном отчёте о результатах раскопок Михаил Васильевич. Когда же холм был раскопан полностью, изумлению и воодушевлению императорского двора не было предела: обнаруженное в недрах позволяло России смело претендовать на всё наследие античной Эллады! Во-первых, потому что взору исследователей предстал храм, сохранившийся лучше Парфенона и Колизея, а во-вторых, надпись на могиле недвусмысленно гласила:

Аристей Пропонтиец, последний из греков, вам завещает
Лук Аполлона, возьмите Византий.

Да-да, это был прах того самого Аристея из Проконнеса, который, находясь под властью Феба (Аполлона), отправился к исседонам, жил среди них, вернулся в греческую ойкумену, поведал мореходам об аримаспах и гипербореях и... пропал. Геродот, известный сказочник, рассказал, что двести сорок лет спустя после «второго исчезновения» Аристей объявился в Метапонте (город в Великой Греции — т.е. в Южной Италии) и призвал метапонтийцев возвести алтарь Аполлону, которого он, Аристей, сопровождал в облике ворона.

И именно это замечание о вороне позволяет нам уменьшить градус недоверия Геродоту, ибо Ворон — неизменный спутник Демиурга в сибирской мифологии.

А обитатели Галантного века сделали свои выводы: отныне экспансия на Босфор и «русский крест над Стамбулом (Византием)» стали стратегическим императивом Российского государства. Послы великих держав тоже переполошились, и итогом двух лет тайных сношений стал renversement des alliances («переворачивание альянсов»), или, как ещё его называют, «дипломатическая революция», приведшая к разрыву старых союзов (между Францией и Пруссией и между Англией и Габсбургами), а затем — к ничего не решившей Семилетней войне.

Так что же нашёл Михаил Васильевич в междуречье Белой и Тайрука? Предоставим слово специалистам, досконально изучившим памятник, заботливо сбережённый

во времена Орды, когда по приказу Великого Хана его аккуратно заполнили песком и насыпали сверху курган. Но сначала в двух словах ответим на вопрос, что возникнет у вас при прочтении: кто построил это, оторванное от оси цивилизации «Китай — Египет»? Как считают историки, мифологизированное представление о социуме, создавшем памятник, отражено в башкирском эпосе «Урал-батыр»: это либо царство Катилы, либо царство самого Янбирде, и тогда борьба между Уралом и Шульгеном становится отражением религиозного конфликта в государстве, условно называемом Арьянбореей (от Арьян Вайджю из «Географической поэмы» и Гипербореи).

Итак, исследователи оставили следующие записки: «Храмовый комплекс ориентирован в направлении юго-запад — северо-восток. Паломник, прибывший по Белому (то есть по текущему от солнца, южному) истоку реки Рангха (Идели-Волги), поднимаясь от пристани Лефкас («белая» по-гречески), видел вдали, слева, гору, послужившую прообразом святилища — тем более что восхождение на саму гору, которую мы называем Торатау, каралось смертью: на Горе хранились Золотые листы Авесты. Впереди блестел в солнечную погоду храм. Пройдя очистительные процедуры у специально устроенного водоёма, пилигрим, сопровождаемый взглядами статуй, вступал во внешний двор. В этом синкретическом, типичном для эллинистической эпохи, храме обнаружены скульптуры как греческих божеств (Зевса, Артемиды, Афины, Посейдона и т.п.), так и язатов (перс. «достойных почитания») — спутников Ахура Мазды из авестийского пантеона (богини воды Ардвисуры Анахиты, Варахрама Победоносного, двуединого ветра-посредника между добром и злом Вайю, Хварно), а также Митры и иных. Самого Ахура Мазду символизировал огромный, раскинувший крылья по фризу Фаравахар — предшественник фарештов, ангелов.

Любопытно, что эллинский ряд возглавлял Аполлон, личный бог Аристея. В XX веке на постаменте, где возвышался грозный бог, словно охранявший дорогу на Торатау, поставлен памятник В. Ленину, чей образ мифологически идентичен Фебу: вождь и был жесток, как Аполлон, и стал светочем человечества, гарантом его возрождения к золотому веку (как официально трактовалась роль бога Солнца в век Августа).

Паломничество совершалось в месяц Рузаханг (Тир), выпадающий на месяц Рака, поскольку давший ему название Тиштрия — бог ливней в образе чистого белого коня — ассоциировался с Аполлоном Дельфийским, покровителем оракулов, а также потому, что при вхождении Солнца в первый градус Рака отмечали день Вайю (о нём позже), благоприятный для любого благого начинания.

Перед рядом статуй находились шесть цветников (в наше время там высажены деревья) Амеша Спента — архангелов: с красным жасмином (растением Бога Мудрого Ахуры), майораном (посвящением покровителю космического закона Аша Вахиште), базиликом («желанной власти» Хшатра Вайрье), лилией (для Хаурватата, «всесущности бытия»), плюмерией (во имя Амердад, «бессмертия»); замыкала композицию ива (да-да, самая простая верба) святой мудрости Спента Армайти, прикрывавшая второй бассейн — с падмами (лотосами), хранившими образ «благой мысли», покровителя мудрости и любви Воху Маны, встречающего усопших у врат Царства Света.

Остаётся только удивляться, какого уровня достигло садовое искусство древних уральцев, если они сумели в достаточно суровом климате поддерживать жизнь в «Цветах Добра» — одна лишь система труб, обогревавшая цветники, является артефактом инженерного искусства, восходящим, как предполагают археологи (в частности, Ракхал Дас Банерджи), к подобным системам Мохенджо-Даро.

Успокоив душу и тело у лотосов под сенью ив, вы подходите к двум бронзовым, покрытым патиною треножникам, в которых курятся, очищая вас, полынь и артыш. (Кстати, учёные установили: треножники родом из Китая династии Шан, 1600-1046 гг. до н.э.) Пока дым благих трав изгоняет из вас зло, пока вы отрекаетесь от дайвов (зла) — «в мыслях, в словах, в знамениях», — ваши глаза рассматривают величественные колонны портика с коринфскими капителями: рельефы, покрывающие их, изображают сцены из «эпохи героев» — следующей за «эпохой демиургов». Они тоже синкретичны: сохранились фрагменты (как и другие ценности, находящиеся в запасниках Алмазного фонда), на которых древний резчик запечатлел встречу Одиссея и Сиявуша, Рустахма, везущего Орфея из царства Аида на своём единственном коне Рахше («Сиянии») к Хара Березайти (то есть по мосту Чинват (!), о котором позже), Рудабе и Михраба — родителей Раудас-Тахма, зеленоликого Хидра (в домусульманской трактовке), первоцаря Гайо Маретана («Жизнь смертную», «Жизнь человеческую» или «Живого смертного»), Кай-Кавуса и многих других легендарных героев «Бундахишна» и «Книги царей».

Примечательно, что если на юге столкновение между Западом и Востоком окончилось тем, что цивилизованные свободолюбивые греки сожгли «варварскую библиотеку» персидских царей, то здесь культуры взаимопроникли и взаимообогатили друг друга. И это особенно видно через несколько шагов.

После портика, на котором написана строка из «Видевдат»: «Есть лишь один путь, этот путь Истина, всё остальное — беспутье», — вы вступаете во внутренний двор. Перед вами — третий бассейн, в центре которого — символическая гора Хукайрья (часть Хара Березайти). Она выполнена в форме Торатау и покрыта серебром. На «вершине» горит «вечный огонь» Спаништ — земляное масло для него подаётся по системе труб, аналогичной отопительным трубам во внешнем дворе (это, кстати, объясняет выбор места для возведения храмового комплекса: южнее, на берегу Белой и даже на её дне, были природные источники нефти).

Если вы умеете читать буквы греческого алфавита, кхароштхи или иссыкские руны, то сможете прочесть много мудрых мыслей на мраморных панелях, образующих стены дворика. В основном это диалоги Заратуштры с Ахура Маздой, но местами встречаются и строки о том, что человек объединяет демона (божественное начало, происходящее из сердца Диониса) и тело, сотворённое из пепла титанов, — из орфических гимнов, воистину, складывающихся в древнегреческую книгу мёртвых: «Я сын Земли и звёздного неба. Я жаждой измучен, я умираю. Дай мне напиться холодной воды из Озера Памяти».

Однако ваше внимание будет поглощено иным: игрой света, пронизывающей пространство. Система из бронзовых китайских зеркал и кристаллов слюды, добытой неподалёку, в гипсовых скалах к востоку от Шахтау, создаёт игру лучей, сходящихся к «вечному огню» на «Хара Березайти» (или расходящихся от него, если вы обладаете даром философии). Как известно, к этой Горе ведёт Судный Мост Чинват (совр. Сират), и множество лучей становятся символом того, что к Дому Песни есть множество (прямых!) путей, путей тех, кто облагодетельствован, не тех, кто находится под гневом, и не заблудших.

Перед бассейном вы видите величественную статую Афины (как назвал её Ломоносов), а точнее — Даэны-Хумай, в бассейне — пару лебедей, птиц Хумай, вокруг — матерей, принесших своих детей на благословение святым птицам, чтобы те одарили новорождённых ымай — душами.

Вы простираетесь ниц перед Даэной — «той, которая ***видна***», той, которая встретит вас на рассвете четвёртого дня после смерти на том берегу бесконечности, той, которая для вас лично — образ вашей совести и вашей веры. Она прекрасна, ибо извечно чиста, ибо её имя родственно словам дхена, «высшая, духовная мысль», и дхьяна, «***видение*** умом, созерцание», от чего проистекло целое направление — дзен-буддизм.

Вы причащаетесь хаомой. Вы входите в Большой зал храма.

Здесь уже нет никаких подсказок на стенах. Миновав «площадь богов», «портик героев», «двор философов и людей», вы оказываетесь наедине с «местом души». На вас белые одежды, вокруг — белые мраморные стены. И лишь четырёхгранный столб без каких-либо рельефов и надписей стоит перед входом в «святая святых». Тенгрианцы и несториане, которые поделят храм в эпоху Великого Тюркского каганата, будут трактовать его как символ мироздания и символ Христа.

Вы можете попросить о мирском:
Дай мне оба мира в дар —
Мир вещей и мир души.
Или о сокровенном:
Передай в мои уста
Слово мудрое о том,
Как явилась в мир наш жизнь.

И тогда, возможно, вы поймёте, какой смысл вложен архитектором в святилище.

Как из Зурван Акараны — «Вечного Времени» — вышли братья-близнецы Ахура Мазда и Ангро-Майнью. Как они бились в Ветре-Вайю, олицетворяющем две грани — пространство Зурвана. Как другие две грани стали двумя временами после того, как Ангро-Майнью был пойман в ловушку материального мира, — исчислимым временем небес и бесконечным временем материи.

И когда духи стихий (прежде всего Ветер, омывающий Торатау) решат, кого они поддерживают — добро или зло, — тогда и начнётся Последняя битва».

После такого знакомства с храмом, после погружения в его суть становится неважно, как использовала (и использовала ли) открытие Екатерина II и кто чем — временно — владеет. И даже если Мирче Элиада, автор очерка, был не совсем прав в трактовках, то и тогда главное мы оспорить не можем: когда духи природы взвесят дела человечества, исчислят их и признают ничтожными, тогда вся цивилизация отправится в Друджо Дмана — «Дом Лжи» и саморазрушения, так знакомого обитателю нашей эпохи.

Однако есть в этой эсхатологии и надежда, которой обделили нас другие западные

«концы света», основанные на главенстве дэвов (таких как Юпитер — Дьяус-Питар). Далеко на юге, в Забулистане, царстве Рустахма, в озере Кансаойя чудесным образом хранится семя Заратуштры. Когда приблизится конец времён, дева искупается в водах и родит последнего из спасителей — саошьянта «Воплотившего истину». Он возвестит Фрашкард — «Делание совершенным», воскресит мёртвых, и все мы устремимся к реке Разделения, что потечёт расплавленным металлом. Для праведных она покажется парным молоком (ибо они сами горячи или холодны), а большинству придётся гореть — не вечно, но достаточно долго, пока не выгорят грехи.

В итоге спасутся все. Чтобы бессмертно, вне времени преходящего, пребывать в «Бесконечных сияниях» — благими мыслями, благими словами и благими деяниями.

Примечания:
Все, что касается зороастризма, не вымышлено и является правдой.
Приведены цитаты из «Ясны» («Моление о слове»), «Видевдат» и других текстов Авесты.

СЛОВО ОБ ИРАНЕ

Слово подобно воде. Счастливо то, что напитает корни чьей-то души и нальётся плодом граната на ветвях познания, что будет съеден птицей, придав ей сил продолжить полёт к собранию своих сестёр, едины что в Симурге, — ибо смысл жизни, кажется, в том, чтобы передать нечто живое другому. Печально слово то, уходит что в песок, тая от неба свой бессмысленный позор воды бесплодной и пролитой всуе, чтоб через сотню лет подземного теченья её в пиалу налил бы поэт — как воду жизни в прах ушедших предков. Но горе лишь двум словам: тому, которое из глины непонимания слепит камень убийства, и тому, что задохнётся и умрёт внутри, как вода в потерянной бутыли. А потому не ради награды, но для того, чтобы слово продолжило свою жизнь, моя рука выводит эти завитки на бумаге.

Сердцевину моего познания Ирана образует фраза «Исфахан — несфе джехан». Перед нею, в прошлом, лежит «Лирика Востока» — книга из детства, соединившая Абу-ль-Ала аль-Маари с запада и Рабиндраната Тагора с востока, а между ними расположившая Саади, Хафиза и Палаточника из Нишапура. За спиной, на полках будущего, — природа и архитектура, Фирдоуси и великолепнейшее «Хамсэ», Пять поэм Низами (до 1940 года он единогласно признавался персидским поэтом, а азербайджанским Пушкиным я бы назвал шаха Исмаила Сефеви, возродившего Иран через 800 лет после гибели Сасанидской державы):

Не Лейла — зари блеснули лучи.
Меджнун... Не Меджнун, а пламя свечи.
Не Лейла, а роза Гюлистана.
Нет, не Меджнун — раскрытая рана.
Поднявшись, Лейла стала звездой.
Поднявшись, Меджнун стал тростью прямой.
С губ Лейлы — цветы, дождь ароматный.
Как град, с губ Меджнуна жемчуг скатный.
Как ангел небесный, Лейли была.
Меджнун — как поэма, где стих — стрела.

Слева от «Исфахана — половины мира» рассыпаны бейты Мауланы Джалаладдина Руми (величайшего, на мой взгляд, поэта Востока), страстью с волею той вечной силы, что движет Солнце и светила, соразмерные терцинам (трёхстишиям) величайшего поэта Запада — Данте Алигьери. А справа, где в руках мужчины — молот отделения шлака от железа, там — бесконечное познание всего, рождённого на просторах Большого Ирана — от Тигра до Памира: и дуализма (хотя впервые его осмыслили египтяне, но наполнил современным смыслом, положив меч истины между добром и злом, Спитама Заратуштра), и манихейства, кажется, возродившегося в нашу эпоху в форме постмодернизма, морального релятивизма и эскапизма, и, чего греха таить, корней имени, мелькающего на страницах «Шах-наме»:

Но в жилы внука ветром пал Туран,
И бились справедливость с милосердьем,
Пока скреплялось именем Рустам
Собранье душ до видимости смерти.

Татары восприняли из персидской культуры (как восточные и южные славяне — из греческой) огромное количество абстрактных, философских и духовных понятий, и даже Ахыр Заман — Конец времён, — к которому зримо приближается человеческая цивилизация, кажется переосмыслением имени всеблагого Ахура Мазды — того, кто поведёт нас в Последний бой.

И под всем этим, как единственно возможная почва, на которой произрастает культура, — История, удобренная кровью и потом. Иран судьбою отчасти подобен России: лицом на запад, на Ближний Восток, спиной опираясь на Туран, как мы — на Сибирь, одной рукой он со времён Суз и Мохенджо-Даро тянется к Индии, другой — к варварским островам в закатных морях. Иран — это первая империя, объединившая известный на тот момент мир, и первое в истории Азии общество, постаравшееся милосердно и уважительно обходиться с побеждёнными (об этом писал их враг — Геродот). Иран — это Банд, «плотина», закрывавшая дорогу шумерам за лазуритом в Бадахшан (которую они преодолевали, полагаясь на помощь великой птицы Анзуд, кажется, позже раскинувшей крылья Фаравахаром над зороастрийцами); но это и Руд, «дорога», — на его буддийской окраине впервые встретились Ближний и Дальний Восток, соткав из нитей разных культур ковёр единой цивилизации.

Слово подобно воде, избыток которой может привести к засолению почвы, и на этом я собирался закончить, но внезапно вспомнил, что оба раза, когда писал что-либо о Ближнем Востоке, через короткое время там случалась рукотворная катастрофа. А потому — постскриптум в надежде смягчить то, что кажется неотвратимым (а если нет, то благое слово нам и народу Ирана — и Дом лжи и саморазрушения нашим недоброжелателям):

Может, когда-нибудь и наше единство станет подобно Симургу, царю птиц, что живёт в прозрачном горном озере — синем, как Вечное Небо Степи и как любимая иранцами бирюза (та самая, что осыпает трон Бориса Годунова — подарок шаха Аббаса), — и к которому держала путь та иволга, что подкрепилась гранатом в начале этого очерка.

Когда же она с сёстрами достигнет берегов, что они увидят?
Когда в сторону Симурга взор они обращали, тот Симург был
этими птицами здесь.
Когда взгляд переводили они на себя, эти птицы были Симургом, но уже — там.
А если одновременно всматривались и в себя, и в Симурга, все становились единым Симургом, без увеличения и без уменьшения, —

читаю я прозрачный намёк на нас, людей, в «Диване птиц» Аттара Нишапури, глядя на бирюзу. Небесным цветом вечного и прекрасного на ней разливаются Руми, Низами, Хафиз, Аттар, Саади, Ибн Сина, Хайям, и тёмными прожилками — почерневшая кровь на дорогах истории.

РЫБА ЮНУСА

— так суфии тариката Мактубия называют останки этого чудовища, проявляющиеся фата-морганой в степи Субарту раз в несколько столетий — как знамение великих перемен.

Первое упоминание о ней встречается в табличке из Библиотеки Ашшурбанипала. В ней говорится, что это копия с цилиндра Гудеа, энси Лагаша, что, энума элиш («когда наверху» по-вавилонски), первогерой Гильгамеш (на третью часть зверь, на третью часть бог, на треть — человек, да пребудет сила в чреслах его) видел проплывающего в небесах Господина Земли Энки, чей разум обширен. Он рыдал о судьбе своей страны, которую брат его Энлиль предал в руки «жалящей змеи гор, что подняла руку против богов, что наполнила Шумер враждой, что оторвала жену от того, кто имел жену, что оторвала дитя у того, кто имел дитя». Тогда весь цивилизованный мир охватила великая засуха — в Египте начался Первый переходный период, в Китае Великий Юй отчаянно боролся с потопами Хуанхэ, взбеленившейся от тающих ледников гор Запада,

беженцы породили Сеймино-Турбинский кросскультурный феномен (и для защиты от них были построены Аркаим и другие укрепления Страны городов), а на Междуречье опустилась ночь гутиев.

Потом Рыбу, плывущую вверх по Евфрату («шла волна перед нею, и река обратилась вспять»), видел Ами-Дитана, правнук Хаммурапи, Предка-целителя. Он послал предупреждение своим союзникам — одно из его писем сохранилось в храме Дагана Ханаана, главного бога-рыбы царства Эбла (в Сирии).

Вскоре взрыв метеорита уничтожил процветающие города Телль-аль-Хаммам (его настоящего имени мы не знаем) и Телль ас-Султан (Иерихон) — так, что археологи в том слое находят только раздробленные (на кусочки не более 1 сантиметра) человеческие кости и белый пепел — свидетельство высокой температуры горения. Взрыв загнал гиперсолёную воду Мертвого моря в нижнюю долину Иордана, и эти места были заброшены на 600 лет. Их стали называть «Авель», «место траура».

Эта катастрофа — вторая известная после уничтожения 12800 лет назад Абу-Хурейры в Сирии и многих других земель и стран, благодатных и изобильных (о чём хранит память древнейший храм мира Гёбёкле-Тепе и, думаю, Шигирский идол с Урала) — описана в Книге Бытия. Это, похоже, те самые Содом и Гоморра.

Вскоре беженцы — гиксосы — вторглись в Египет, а чуть позже нечто (возможно, землетрясение) уничтожило дворцы Кносса и Феста на Крите.

О третьем наблюдении мы знаем из текстов на стенах гробницы первостранника Ра-Сетемуна, да будет чисто сердце его и да пребудет имя его. После битвы в долине Армагеддона он покинул владыку своего дыхания Тутмоса и отправился в странствие. Бог Немти, бог шагающий, привёл стопы его ко двору Шауштатара в Вашшуканни, столицу Митанни, что лежала в истоках Хабура — главной реки степи Субарту. Там он увидел, как над горою появилась Рыба, простонала громом — и рассыпалась на сотни рыб меньше. Вскоре он услышал, что «нет вестей от Крита», что дворцы и города погибли, сметённые варварами на «быстрых, как дельфины, кораблях». «И лишь Тот знает, что стало с Танцующей с Быками, с Танцующей с Осьминогом и Держащей Обеих Змей, нашли ли они покой в Ущелье мёртвых», — так заканчивают его рассказ стены гробницы.

То были первые ласточки нашествия «народов моря», сокрушивших всю цивилизацию и вызвавших коллапс бронзового века — такой же глобализированной и сытой эпохи, как наша. Если бы в Египте существовала социальная реклама, то внешние пилоны храмов Гелиополя и Фив были бы расписаны сценами гибели Угарита, Хеттской державы, Микен, Ханаана, и внизу, как в фильме «Дитя человеческое», было бы резюме: «Мир рушится. And only Egypt soldiers on!»[1]

Четвертое явление Рыбы знакомо всем. Бог приказал Ионе идти в Ниневию, «логово львов». Иона испугался и стал единственным пророком, пытавшимся убежать от Бога. Он сел на корабль, идущий в Таршиш (похоже, Тартесс в Испании), начался шторм, а дальше — три дня в чреве кита. И хотя ассирийцы покаялись (затмение случилось 15 июня 763 года), уже в 612 году величайший город мира был разрушен.

Юнус — это и есть Иона.

Было ещё одно, более известное проявление — не вдаваясь в подробности: рыба стала символом ранних христиан, ибо «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». С этим связан один случай, произошедший за 80 лет до призвания апостола Андрея. Перед битвой при Харране (там же, где Набопалассар сокрушил ассирийцев 25 июля 616 года) к Крассу доставили бродячего проповедника. Тот предрекал высокомерным римлянам катастрофу (и она случилась), а ещё — что «как Голубь (так переводится имя Иона) был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи».

Не сложно догадаться, что сделал с ним сребролюбивый Красс, истребитель Спартака.

С другой стороны, это предание не относится к числу достоверных, поэтому в записях Мактубии оно оставлено без числа.

Пятый раз она явилась уже во сне — видимо, Энки, позабытый народами, растворился в своей первозданной бездне. Да и степь Субарту давно уже превратилась в пустыню, будучи истёрта стопами ищущих землю с молочными реками и железными руками.

В день Веры месяца Тиштрии (благого спутника Ахура-Мазды, приносящего ливни и ассоциируемого с Сириусом — любимой звездой Египта), то есть примерно 15 июля 630 года, спахбед (эмир) Хорасана Ростахм из дома Испанбудхана (одного из семи парфянских родов Сасанидской империи, возводивших свою родословную к Исфандияру, сыну Виштаспы, одного из первых сподвижников Заратуштры) увидел сон.

[1] И только Египет храбро идет вперед! *(Англ.)*

Проснувшись, он призвал несторианского священника и мага (зороастрийского жреца), ибо, по определению Фирдоуси в «Шах-наме», «он был вычислителем звёзд, обладал большой проницательностью; и внимательно прислушивался к тому, что советовали его советники». Ростахм Испанбудханид, да будет благим слово его языка, благою — мысль его сердца, благим — деяние его рук, нарисовал им увиденные письмена и рассказал:

«Большая рыба всплыла из глубин. Она лила слёзы. Она моргала, и на веках были буквы. Потом она обратилась в женщину, и красоту её лица скрывала мудрость. Она ела рыбу, каждый раз очищая пальцы солью семи сортов (в память об этом после чтения Корана за праздничным столом татары первым делом тоз кабалар — съедают щепотку соли). Она безмолвно поведала, что в вечности легко заблудиться, что будущее предшествует прошлому, потому что будущее желает родиться, а потом спросила, кто я, предок или потомок? Актуб!»

Мудрецы ответили:

«В мире снов всё перевёрнуто. Попробовав твоё имя на вкус, она познала тебя, как мужчина познаёт женщину наяву».

«Первая буква на веке Рыбы — еврейская буква «хе», ה, число её известно, и число это — пять, и в левом её столпе — справедливость Бога, а в правом — милосердие. И милосердие неотъемлемо от Бога, как правая черта соединена с верхом буквы, а справедливость — отделена, ибо нужна лишь миру людей, отделённому от Господа людей», — сказал огнепоклонник.

Несторианец дополнил: «Вторая буква — то финикийская «тав», x, а на языке греков — «тау», τ. Это крест, на котором распяли ловца человеков апостола Андрея. Это последняя, 22-я буква алфавита евреев, это Конец. Но это — Начало, ибо это анх, крест жизни и прообраз креста Искупителя. И мудрость, скрывшая лик свой в сне твоём, это София, мать трёх дочерей, что удерживают наши души в наших телах».

Ещё многое обсуждали они: и вкус соли, и вкус слов, и вкус ветра, и где был Сириус на небе Того света, — но нам об этом знать поздно.

В итоге священники вместе повторили слова Путешествующей по Снам: «Актуб! Запиши!»

Испанбудханид записал: «В присутствии чистого Господа мира мы не можем стоять без страха и благоговения, ибо именно благодаря ему существуют вращающиеся небеса, и всё его управление — это и справедливость, и милосердие».

Эти слова он повторит в письме предводителю арабов перед битвой у Кадисии, пытаясь решить дело миром. С этого письма начнётся тарикат Мактубия — «тех, кто пишет здесь то, что предписано вечностью».

Сам полководец погибнет в той битве через 6 лет и 6 месяцев после сна, в день Благих Вод месяца Воды. Чтобы исполнить слёзы Рыбы. На его теле насчитают 600 ран. Иран падёт, Византия впадёт в ужас и унижение, Святая Земля навсегда будет утрачена, а от Испании до Тибета раскинется новый мир — мир мусульман.

Так началась 600-летняя эпоха исламского ренессанса — время расцвета наук и культуры.

В Ночь очищения, с 14 на 15 ша`бана 640 года хиджры, шейх Сейф-ат-Дин ибн Абдаллах ибн Риза-ад-Дин случайно пролил красные и чёрные чернила на страницы трактата Мухаммеда аль-Хорезми «Китаб аль-Джабр валь-Мукабал» («Книга восполнения и противопоставления», по-нашему — «Алгебра»). Чернила, перемешавшись, приняли образ рыбы. Сделав несложные тригонометрические вычисления на карте звёзд, шейх приказал мактубийцам готовить убежище и вывозить, сколько возможно, книги из багдадского Дома Мудрости. Через 15 лет, в запретный месяц мухаррам 656 года хиджры, Багдад пал пред копытами монгольских коней. Евфрат стал красным от крови учёных и чёрным от чернил — крови книг, тонущих в Евфрате.

Падение Багдада — изумруда в короне мира мудрых — стало психологическим ударом, от которого мусульманский мир не оправился. Ислам замкнулся в себе. Он стал консервативен и нетерпим к конфликтам веры и разума.

Угас интеллектуальный светоч ислама.

Эти события известны не только в мактубийской передаче. О них говорил и великий вероучитель нашей Степи ходжа Ахмет Яссави, о них упоминает и Масхафе раш — «Чёрный свиток» йезидов. У последних Мактубия и нашли убежище — в горах Синджар в нескольких десятках километров от Хавура (вспомните Митанни), там, куда пристал ковчег пророка Нуха (ведь что такое ковчег, как не рукотворная рыба?) и где, неподалёку, был монастырь Дейр-аль-Джуди — место паломничества мусульман, христиан и иудеев.

Тарикат, помнивший лучшие традиции золотого века ислама (есть хадис Пророка, мир ему: «Ищите знание, даже если за ним вам придётся отправиться в Китай»), нашёл общий язык с этой неоднозначной этноконфессиональной группой курдов-курман-

джи. Потому что и у йезидов в кауле («слове, речении») есть бейт:

Çûme mala merebî
Qewlê Xwedê û nebî
Her kes ber bi rîya xwe bî

[Джуме мала мәрәби
Кәула Хода-у-наби
Хар кеш бәр би рийя хо би]

В дом наставника пришёл я.
Речение Бога и пророков он сказал:
Пусть каждый смотрит за своим лицом.

Поэтому мюриды Мактубии стояли насмерть плечом к плечу с йезидами во время осады массива Синджар летом 2014 года, во время геноцида курдов нечистью под чёрными знамёнами, и шли с ними на прорыв через августовскую пустыню навстречу отрядам Рабочей партии. Поэтому суфии напряжённо ждут седьмого явления Рыбы — второго Багдада-1258 Ближний Восток, Перекрёсток мира, не выдержит. Было одно сообщение: на рынке торговка рыбой выложила товар в виде букв «тау» и «хе» и просила за него ровно 5 динаров и 22 филса, — но оно было сочтено недостойным.

(А нам стоит задуматься: что стало с нами, если раньше мы читали знамения в небе, потом — в снах, после — в буквах книг, а теперь — в ценах на базарах и биржевых курсах?)

Наверное, вам интереснее, что станет с Израилем? Что сказать?.. Первое царство простояло 400 лет, второе — Хасмонейское — 200 лет. Нынешнему потребуется чудо, чтобы отметить 100-летний юбилей.

* * *

На свете мало вещей, связывающих времена воедино. Рано или поздно Блуждающая по Снам доест все семь видов соли на своём столе и покинет вечность, испробовав вкус всех человеческих имён, — так же как обрело покой имя Первостранника в раскрытых ладонях его бога. И тогда место соли займёт пресная вода, аравийские пустыни снова станут степью, полной тамарисков и пасущихся газелей, а девятый, высший дух каждого человека пополнит войско Ахура-Мазды, чтобы сражаться со своим собственным низшим духом.

И перед тем, ломая Таблицы судеб, вверху проплывёт последним ковчегом Рыба Юнуса.

САДОВНИК ПОСТАПОКАЛИПСИСА

Анвар Бикчентаев широко известен узкому кругу читателей по таким произведениям с поэтическими названиями, как «Я не сулю тебе рая», «Прощайте, серебристые дожди», «Лебеди остаются на Урале», «Весна, похожая на крик». Он писал о тружениках Башкирии — нефтяниках, железнодорожниках, спелеологах, пожарных, хлеборобах. Но один факт его биографии остался вне внимания литературоведов, поскольку не имел отношения к писательству.

В годы войны он работал военным корреспондентом 27-й армии, а в 1954-м был приглашён своим бывшим командиром по 21-й гвардейской дивизии Д.В. Михайловым на Тоцкие войсковые учения. Там Анвар Гадеевич воочию наблюдал ужасные последствия применения маломощной ядерной бомбы — остовы дубовых рощ и выжженную до стеклоподобной корочки степь. Его сердце негодовало от перспективы уничтожения родной земли, и следующие 35 лет он посвятил поиску способов её спасения.

Дальнейшее известно со слов лично знакомого с ним начальника пожарной охраны Дюртюлинского района Р. Абдрахманова. Анвар Гадеевич ездил по республике по журналистским делам, попутно собирая семена растений: елей, сосен, пихт, зверобоя, матрёшки — вплоть до полыни и подорожника. Позже неоценимую помощь оказал Вакиль Гирфанов, возглавлявший в 1960-70-е Институт биологии: он помогал ему отбирать семена тех растений, которые могли бы взойти на Южном Урале в условиях, которые возникнут после ядерной войны. По представлениям того времени, здесь —

как и на большей части Северного полушария — должна была появиться радиоактивная пустыня, а потому упор был сделан на растениях аридных областей — илаке (песчаной осоке), биюргуне, боялыче, сарсазане, тамариске и других.

Правда, после того как в начале 1980-х было рассчитано, что даже умеренный конфликт приведёт к ядерной зиме (которая, однако, через несколько лет всё равно обернётся ядерным летом — для наших арсеналов это два года с «эпицентром» зимы в северном Причерноморье), пришлось срочно дополнять коллекцию растениями тундр и холодных пустынь: терескеном, подушечниками, гаммадой, а в расчёте на чудо — полярными ивами и даже чозенией, показавшей замечательную живучесть на Чукотке.

На первый взгляд, Бикчентаев и Гирфанов создавали нечто подобное «Хранилищу Судного Дня» на Шпицбергене, где хранится без малого миллион семян. Но задумка была в другом. Если в Арктике собрали только сельскохозяйственные растения, воспользоваться которыми сможет только тот, кто после Катастрофы проникнет в бункер, то бикчентаевские семена помогут природе возродиться без участия человека. Они закопаны по всему Южному Уралу, а также там, куда ступала нога туриста из Башкирии — от берегов озера Себян-Кюёль в Якутии, где побывал Михаил Андреевич Чванов, до ледников Тянь-Шаня и Гималаев. На последние места основная надежда: по современным представлениям, ядерное лето начнётся с вершин высочайших гор (по мере того как они будут открываться солнечным лучам), и потоки воды вынесут семена вниз, в те места, где начнёт возрождаться (или переживёт апокалипсис) почва.

Для наших условий было придумано два способа решения проблемы «отложенного прорастания». Часть капсул с семенами и почвой были размещены в фундаментах домов — из расчёта, что бетон и кирпич прикроют зёрна новой жизни от радиации, которая значительно спадёт до окончания Зимы, а благодаря разрушению городов семенам будет легче дать всходы. Другую часть капсул просто закопали в грунт, но тут встала проблема: как не дать им вырасти раньше срока?

В этом помогли металлурги и химики (Башкортостан уже к середине 1960-х стал одним химическим гигантом, сравнимым с северной Францией и Англией). При содействии Мидхата Шакирова, первого секретаря Башкирского обкома, учёные разработали несколько вариантов «капсул времени» — на основе пластика, который выпустит растения через 200-500 лет, на основе чёрных металлов, которые должны проржаветь быстрее, на основе керамики и стекла. В начале 1980-х разрабатывался даже экзотический проект радиоразлагаемого пластика — по замыслу, удары альфа- и бета-частиц вскроют микрокапсулу с радиорезистентными бактериями Дейнококк радиодюранс (Deinococcus radiodurans), которые, в свою очередь, начнут поедать пластик основного хранилища. Увы, с крахом Советского Союза это направление было забыто и заброшено.

Тут важно понимать, что Мидхат Закирович, как и другие участники проекта, получившего в своём кругу название «Ахыр игенселяр», не строил иллюзий по поводу выживания человечества. Он отдавал себе отчёт в том, что гражданская оборона — фикция, и что даже если война придётся на самое щадящее время года — зиму, когда сокодвижение в деревьях минимально, а озимые и насекомые спят под снегом, — то до сбора урожая доживут единицы — и отнюдь не те, кто сумеет вспахать землю под яровые. К сожалению, изыскания по поводу спасения насекомых — погружения их в длительный анабиоз — успехом не увенчались, но что могли сделать — сделали.

А сделали немало. Конечно, часть капсул давно вскрылась, и теперь вы можете встретить берёзу, выросшую у оголовка горной выработки, куст туранга в альпийских лугах или совсем неведомое растение где-нибудь в развалинах завода (хотя ему удивится разве что профессиональный биолог). Но значительная часть ещё ждут своего часа — в парках и зданиях, под перронами и в трещинах ледников, на кладбищах и в глубинах болот. Где-нибудь им да повезёт.

Анвар Гадеевич Бикчентаев скончался в мае 1989 года. Он умирал в мире, надеясь, что тайный труд его жизни не пригодится. Но мы, 33 года спустя, имеем все шансы не дать пропасть ему всуе.

И если однажды, «ядерным маем», кто-то, чудом пережив конец света в неведомом убежище, почувствует вдруг запах свежей зелени, пусть он воздаст — прикосновением вибрисов к шершавому стволу изогнутой берёзки — почтение тем, кто действительно любил свою Родину.

Борис МИЛОВЗОРОВ

«ДОМАШНИЙ, СТАРЫЙ СПОР»

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Пушкин, «Клеветникам России»

История Польши и Московии, ставшей впоследствии Российской империей, весьма поучительна непредсказуемостью божьего промысла. Порою в истории случаются странные вещи, которые можно отнести к категории чуда, когда необъяснимым образом ломается вся предыдущая логика исторических событий. Одно из таких — невероятное спасение Московского царства в смутные времена. По всем канонам, наше государство должно было исчезнуть с исторической арены, но оно не только осталось, но возродилось в невероятной мощи огромной империи. В тех давних событиях лежит ключ многовековой неприязни поляков к русским, их высокомерное притязание на имперское будущее, которое они навсегда упустили. Давайте вспомним, как это было, совершив небольшое отступление на несколько столетий назад.

Вначале 13 века польские княжества подвергались постоянным набегам со стороны воинственных славянских племён пруссов и, не в силах справиться с ними, пригласили на свои земли рыцарей Тевтонского ордена, пообещав отдать им местность недалеко от Балтийского моря — Мазовию. Тевтонцы пришли и примерно за 70 лет прибрали к рукам все земли пруссов, прихватив и исконно польские прибрежные территории. Возможно, именно эта экспансия спровоцировала быстрое сплочение балтийских и славянских племён: эстов, ливов, жемайтов, ятвягов, куршей, латгалов, пруссов в единое Литовское княжество (прообраз будущей Беларуси). И им вовсе не мешало, что часть из них были язычниками, а часть православными христианами. К середине 14 века Великое Литовское княжество превратилось в крупное государство Европы, простирающееся между Балтийским и Чёрным морями. Войска могучего Тевтонского ордена, неся «свет» католической веры, непрерывно вторгались на территорию Литовского княжества, неизменно получая отпор и редкие, но разрушительные ответные набеги язычников. Во второй половине 14 века давление тевтонцев стало особенно агрессивным, к тому же на восточных границах княжества всё чаще беспокоил набирающий силу сосед — Московское государство. Что касается юго-восточных границ, то там постоянно шли столкновения с силами Золотой Орды, Литовское княжество фактически остановило дальнейшее продвижение кочевников в Европу.

Возможно, силы княжества были на пределе, а возможно, напротив, созрели для превращения в нечто большее, но так или иначе, правители Литовского княжества решили объединиться с соседним Польским королевством и принять католическую веру, видимо, надеясь тем самым угомонить агрессивных тевтонцев. По заключённой Кревской унии, великий князь Литовский Ягайло обязался, взяв в жены наследницу польского трона Ядвигу, принять римско-католическую веру и навечно присоединить свои земли к Польше. В 1385 году брак свершился, и Ягайло стал польским королем. Интересно, что Ядвига была не королевой, а носила титул «короля Польши», и когда вышла замуж, ей было всего тринадцать лет.

Почти вся элита Литовского княжества приняла католичество и объединилось с Польским королевством. В состав нового литовско-польского государства, помимо собственно польских земель и современной Литвы, входили территории современной Беларуси, почти всей Украины, а также нынешние русские земли, например, Тула, Курск, Брянск, кроме того, оно имело большое влияние на Смоленск, Псков и Новгород. В 1440 году польская и литовская короны были окончательно объединены, а в 1569 году, после заключения Люблинской унии, единое государство получило название Речь Посполитая, в котором монарх выбирался из числа родовитой знати.

Царь Московский Иван Васильевич из рода Рюриковичей, наречённый в истории Грозным, за время своего царствования увеличил территорию своего государства в два раза. Пытаясь закрепиться на Балтийском побережье, он воевал со Швецией и Польшей, разгромил Ливонский орден, чем вызвал всеевропейскую грызню за «ливонское наследство». Выйдя ненадолго к морю, царь безуспешно пытался создать флот, привлекая на службу иностранцев, но даже эта попытка вызвала панику близлежайших земель и княжеств, входящих в Священную Римскую империю. Они призывали Англию и Голландию объявить Московии «санкции», но тогда эти государства были сильны и самостоятельны и потому, получая немалые выгоды от торговли с русскими, призыв игнорировали. С тех времён и поныне про царя Ивана Васильевича европейцы сочиняют невероятные жуткие небылицы, многие из которых мы до сих пор пересказываем, что и свиреп он был, и деспот, но был ли он хуже других тогдашних монархов Европы? Вряд ли, одна Варфоломеевская ночь чего стоит.

Когда царь Иван IV Грозный умер, в Московском царстве начались проблемы с престолонаследием, которые привели на трон Бориса Годунова. К этому же времени случился жуткий неурожай и последовавший следом голод, народ принялся бунтовать, ослабляя и без того пошатнувшуюся государственную власть. А в Польше в 1601 году объявился человек, объявивший себя сыном Ивана Грозного Дмитрием, чудесно спасшимся от смерти в Угличе. Теперь вряд ли можно узнать, сам ли он вызвался или подтолкнули его к этому, но по факту сандомирский воевода Ежи Мнишек, протестант-кальвинист, принявший католичество, сделал ставку на Лжедмитрия и даже обещал ему свою дочь Марию Мнишек в жёны. Авантюра чистой воды, которую неожиданно поддержал король Польши Сигизмунд III. Лжедмитрию была оказана поддержка в обмен на значительные территориальные отторжения от Московии в пользу Польши, военное союзничество и постепенный переход Московского государства в католичество.

Осенью 1604 Лжедмитрий I перешел границу. Войск у него было немного: несколько тысяч польских наёмников и казаков, но поход начался на удивление успешно, один за другим сдавались русские города, присягая новоявленному царевичу, почитая в нём его мнимого отца. Бориса Годунова не любили ни среди бояр, ни среди народа, и войско за него воевать не стремилось. 21 января 1605 года Боярин Шуйский разбил Лжедмитрия при Добрыничах, сейчас это в Брянской области, и едва не схватил самозванца, но тому удалось бежать. Шуйский не смог развить успех, а к Лжедмитрию I, несмотря на поражение, потекли новые тысячи сторонников и авантюристов, он укрепился на юге и весной двинулся к Москве. И вновь провидение словно стелило перед ним дорогу, к тому же в апреле пришло известие, что царь Борис Годунов скончался, и его войско во главе с воеводой Петром Басмановым перешло на сторону самозванца. Дорога к царствованию была открыта.

20 июня 1605 Лжедмитрий I под приветственные крики одних и настороженное молчание других вошел в Москву и был признан многими боярами как истинный наследник престола, и даже был «узнан» Марфой Нагой — матерью царевича Дмитрия, которая его же и хоронила. С первого дня сомнения стелились по улицам Москвы приглушённым шепотом, пока ещё едва различимым, но неистребимым. Лжедмитрия возвели на престол русского государства, и пришла ему пора долги свои и обещания выполнять.

Мария Мнишек, польская «девка», как назвал её патриарх Гермоген, в православие не спешила, чем создала задачу даже для лояльных священников. Они под арестом отправили непокорного Гермогена в Казань, а сами два месяца судили-рядили. Порешили, что обручение и помазание на царство может состояться, а миропомазание при этом будет приравнено к принятию православия.

Шёпот сомнений стал громче, он растекался по Московскому государству среди всех сословий. Лжедмитрий пытался задобрить каждое из них, одним давал земли и деньги, другим обещал свободы и даже проводил публичное следствие по изменникам-стрельцам, слишком громко говорившим о его самозванстве, но не крепла его власть. Ему бы притаиться и полякам помочь ему в этом, а что они сделали? Москву заполонили горделивые шляхтичи и их бесцеремонные солдаты, которые вели себя, словно завоеватели. Они брали всё, на что глаз ляжет, и товары, и девок красивых, в

том числе порою посягали и на членов семей родовитых бояр. Король Польши оказался не мудрее своего воинства: потребовал от своего ставленника немедленных территориальных уступок и денежных выплат. Денег в казне государства и так было негусто, к тому же Лжедмитрий I освободил на 10 лет от налогов южные районы Московского царства, которые его поддержали. От безденежья самозванец обложил денежными и земельными поборами православные монастыри, открыто заговорил о равенстве всех течений христианства. Недовольные голоса уже чуть ли не открыто обсуждали самозванство, а тут ещё появились на улицах Москвы тёмно-серые тени в широкополых шляпах — то прибыли польские ксёндзы, спешившие принять к себе новую паству. Разве возможно остаться желанным царём в таких условиях?

Последней каплей стало прибытие Марии Мнишек в Москву с огромной свитой. 8 мая 1606 года Марину Мнишек объявили царицей, хотя акт коронации прошёл с множеством нарушений православных канонов, например, Мнишек так и не прошла причастия. Терпению народа пришёл конец, начались бунты и погромы, поляков нещадно вырезали, бояре по-тихому убили Лжедмитрия и через три дня его труп сожгли, а пепел развеяли выстрелом из пушки. Бояре же «выкрикнули на царство» Василия Шуйского. Первым делом Шуйский выставил охрану перед домами шляхтичей, ссориться с Польшей в его планы не входило.

Шуйского народ тоже не принял, бунты продолжались, самым крупным было восстание Болотникова в 1606 году. Осенью его войско подошло к стенам Москвы, но Шуйский подготовился и летом 1607 года отогнал их к Туле. После четырёх месяцев осады Шуйский пообещал, что в случае сдачи города не прольёт крови сдавшихся. Он сдержал своё слово: крови мятежников не проливал, их топили и вешали, а кого не поймали, те сбежали к новому Лжедмитрию II. Его признала своим мужем Мария Мнишек, что для православного народа было весомым аргументом, то есть выходит, жив законный царь, хоть и из Польши идёт. Опять потянулись к самозванцу ратные люди, казаки, беглые холопы, польские и русские дворяне, жаждущие злата и карьеры. Кого было в этом войске больше: наёмников, авантюристов или искренне уверовавших во вновь спасённого сына Ивана Грозного, вряд ли можно узнать, одно достоверно: поляки не оставляли попыток прибрать к рукам обширное Московское государство. Если бы это им удалось, то у поляков была бы самая крупная и мощная империя в Европе.

Лжедмитрий II вторгся с тридцатитысячной армией в Московию и в июне 1608 года разбил лагерь в подмосковном селе Тушино, получив от противников прозвище «Тушинский вор». Так же как и первому, второму Лжедмитрию по пути присягали многие города и боярские земли, многие полагали, что под властью просвещённой Европы будет и спокойнее, и сытнее. Видимо, поэтому самозванец не торопился, считая, что время работает на него, а не на Шуйского.

А у русского царя Василия Шуйского дела действительно шли не ахти как. Московский народ ворчал, вассальные земли неохотно присылали деньги и солдат, армии хватало для сдерживания врага, но не для решительного сражения. И он попросил помощи у Швеции, пообещав заплатить им не золотом, а северными землями. Шведы охотно согласились, помогли освободить от поляков Псков, повоевали за Троице-Сергиевый монастырь и вдруг неожиданно отозвали войска. Как позже стало ясно, они решили, что у ослабевшего соседа проще забрать, чем получить... Скоро они вошли в Псков и в Новгород как завоеватели.

Король Речи Посполитой Сигизмунд III, до поры до времени делавший вид, что смута у соседа его не касается, прослышав об участии шведов, с которыми он был в состоянии войны, посчитал, что пришло время прямого вторжения. Летом 1609 года армия Сигизмунда III, состоящая наполовину из поляков, наполовину из запорожских казаков, общей численностью более двадцати тысяч, вторглась в Московское государство. Попытка в конце сентября с ходу взять Смоленск провалилась, и польский король перешёл к длительной осаде. Московский царь Василий Шуйский послал на подмогу Смоленску многотысячное войско во главе со своим братом Дмитрием, но из-за беспечности огромная армия была разбита неожиданным нападением польских войск. Двадцать месяцев будет длиться осада, Смоленск подвергнется четырем безуспешным штурмам, героически отбитым русскими защитниками крепости. Лишь пятый штурм сломит осажденных, ослабевших от голода и холода, исчерпавших силы, но они целый день будут драться с захватчиками за каждую улочку, каждый дом. Но это будет через два года.

Судьба самозванца польского короля уже не интересовала. Скоро поляки окружили Москву со всех сторон, а «Тушинский вор» бежал в Калугу, где через год и нашёл свою смерть. Пока же боярам было не до него, они судорожно решали, как быть дальше: воевать или идти на поклон?

Они выбрали поклон. Бояре свергли царя Василия Шуйского и отправили его в монастырь, взяв власть в свои руки. Этот период известен как «Семибоярщина». Следу-

ющим шагом было приглашение на московский трон сына Сигизмунда III королевича Владислава, они лишь настаивали, чтобы тот принял православие. Польский король дал согласие, и королевич Владислав был избран на престол. В Москву вошёл польский гарнизон. Теперь Польша официально стала владычицей всех московских земель, и на этом история России могла быть окончена, не начавшись, но случилось необъяснимое историческое чудо.

Владислав православия не принял и в Москву на венчание на царство не явился, поляки решили, что вместо венчания на царство должно быть помазание на царство по католическому обряду. От польского короля Сигизмунда III к православному патриарху Гермогену пошли увещевания. Ему сулили высокий сан в лоне Римской церкви, богатство и процветание паствы, но старец категорически отверг все посулы. Тогда ему стали угрожать, а он принялся тайно рассылать собственноручно написанные записки, призывающие русских людей к борьбе с захватчиками. И эти записки стали действовать уже после того, как поляки уморили Гермогена голодом. Сначала возникали стихийные очаги сопротивления, а затем и первое ополчение под водительством Ляпунова. Его поляки рассеяли, но в Нижнем Новгороде родилось второе ополчение по инициативе купца Кузьмы Минина и во главе с князем Дмитрием Пожарским.

Дальнейшее хорошо известно: польский гарнизон в Кремле осадили и в августе 1612 года разбили под Москвой спешащие им на помощь польско-литовские войска. В октябре того же года польский гарнизон сдался, и боярское правительство королевича Владислава было низложено. В ноябре руководители ополчения разослали грамоты о созыве Земского собора для выборов нового царя. С февраля 1613 года после избрания Земским собором царем шестнадцатилетнего Михаила Романова началась новая история России.

Владислав не отказался от своих прав на московский престол и в 1617 году начал новую войну, и снова на стороне поляков разоряли русскую землю запорожские казаки. Захватчики дошли до Москвы, но взять её не смогли. 1 декабря 1618 года по старому стилю между Россией и Речью Посполитой было заключено перемирие в деревне Деулино рядом с Троице-Сергиевым монастырём. По нему многие земли русские перешли под власть Речи Посполитой, в том числе и Смоленск. Царь Михаил Федорович официально отказался от титулов правителя Ливонии, Смоленска и Чернигова, а Владислав сохранил право писать в титуле «царь Московский», что означало сохранение претензий на русский трон. Польское королевство достигло пика своего величия, и останься оно в истории, смогло бы претендовать на ведущую роль в Европе. Но что-то в польском государственном механизме было недостроено, страна постоянно испытывала центробежные тенденции, панская знать не желала расставаться со своими «вольницами», категорически была против абсолютизации власти короля. Ко второй половине 18 века Польша ослабела настолько, что страны-соседи начали отрывать у неё куски территории, словно в назидание за такое же алчное поведение поляков в смутные для Московского царства времена. Всего, если не брать во внимание век двадцатый, состоялось три раздела Польши: в 1772, 1793 и в 1795 годах.

После третьего раздела между Россией, Пруссией и Австрией в 1795 году Речь Посполитая как государство исчезло на 123 года. Краткое (с 1807 по 1813 гг.) явление миру Варшавского герцогства, созданного по воле Наполеона, было недолговечным, и на том Польша могла вовсе кануть в лету, но либеральный царь Александр I позволил существовать Царству Польскому в составе Российской империи. Это, по сути, Польшу и сохранило для возрождения в 20 веке.

11 ноября 1918 года польские отряды разоружили немецкий гарнизон Варшавы. Эта дата считается новым рождением государства Польша. К власти пришёл вернувшийся из немецкого плена Юзеф Пилсудский, бывший социалист, когда-то осуждённый за покушение на Александра III вместе с Александром Ульяновым и теперь ставший ярым националистом. Пилсудский легко и беспринципно менял союзников. Сначала он и его соратники формировали армейские польские легионы для войны на стороне Австрии против России, которую польские националисты люто ненавидели. Затем, когда Антанта стала одолевать, Пилсудский от австро-германского альянса отшатнулся, за что и был немцами арестован.

Юзеф Пилсудский мечтал о новой Польше в исторических границах Речи Посполитой до первого раздела 1772 года. Тогда практически вся нынешняя Беларусь входила в состав королевства, а приграничными городами со стороны Московского государства были Псков, Великие Луки, Смоленск, Чернигов, Киев. По его замыслу, после десятилетий исторического забвения Польша должна была не просто возродиться, а вновь стать соперником русского мира, форпостом Запада перед варварским Востоком. Можно сколько угодно иронизировать по этому поводу, но Пилсудскому приписывают характерную цитату о России: «Замкнутая в пределах границ времен шестнадцатого века, отрезанная от Черного и Балтийского морей, лишенная земельных и

ископаемых богатств юга и юго-востока, Россия могла бы легко перейти в состояние второсортной державы, неспособной серьезно угрожать новообретенной независимости Польши. Польша же, как самое большое и сильное из новых государств, могла бы легко обеспечить себе сферу влияния, которая простиралась бы от Финляндии до Кавказских гор». Эта идея во многом объясняют логику поступков Пилсудского после прихода к власти.

Советской России было не до Польши, в стране, на фоне военной катастрофы на фронтах, начиналась гражданская война. Лишь в ноябре 1918 года отряды Красной армии стали продвигаться на запад вслед уходящим немецким войскам. 10 декабря 1918 они вошли в Минск.

С октября 1917 года и весь 1918 год проходили процессы формирования польских национальных вооружённых сил. К концу года в них влилась часть польских военнослужащих из российской Польской стрелковой дивизии (позднее корпуса) и отряды австрийских польских легионов, разоружённых в мае 1918 года немцами. Войска считались добровольческими, в них была принята своя униформа, введены уставы службы на польском языке. Со всех концов света в новые войска тянулись польские военнослужащие: из расформированных проавстрийских легионов, из бывшей российской царской армии, из эмиграции. Объединённая идеей национальной независимости польская армия быстро стала весомой боевой силой, и 19 декабря 1918 года по приказу польского правительства она вошла в Вильно — ныне Вильнюс.

Позже начинается перетягивание каната: Вильно переходит из рук в руки, становится то советским, то польским, то литовским, а в это время в столице новоявленного государства магистрат принимает судьбоносное решение: о ликвидации в Варшаве большинства православных церквей. И ведь сделали! В течение двадцатых годов в Варшаве были ликвидированы или переделаны в костёлы православные заведения общим числом 44, начиная от храмов и кончая мелкими тюремными церквушками.

Нарастив военные мышцы, на фоне своих ближайших соседей Польша выглядела одной из самых сильных. В самом деле: одни страны пребывали в глубоком кризисе после военного поражения, другие — в стадии распада или рождения, а главный недруг Россия — в гражданской войне, Польша принялась «собирать земли», агрессивно и настойчиво отрывала у ослабевших соседей новые и новые территории, не желая фиксировать с ними границы. У Германии они хотели оторвать всю Верхнюю Силезию, у Украины, Литвы и Беларуси — всё, что удастся. Польшу в этом открыто поддерживала Франция, и возможно, именно поэтому Великобритания порою вставляла палки в колёса (американцев Польша тогда мало интересовала), тем не менее, полякам удалось с одобрения стран Антанты получить часть Силезии и оккупировать восточную Галицию, упразднив там Западно-Украинскую Народную республику.

В августе 1919 года польские войска вновь вошли в Минск, а затем с кровопролитными боями с Красной Армией взяли Бобруйск. Белая армия Деникина надеялась на помощь поляков в борьбе с большевиками, но польские войска внезапно прекратили боевые действия, ограничиваясь мелкими стычками. Отгадка была проста: Пилсудский не желал победы Деникина, стремящегося вернуть старую Россию, в составе которой более века прозябала Польша. Он отказал им в помощи, рассчитывая позже разбить ослабевшую советскую Россию и получить себе новые территории. И Деникин в сентябре 1919 года начал генеральное наступление в одиночестве. Он торопился, так как из Лондона шли упорные слухи, что если большевистская Москва не падёт к концу ноября, то европейская союзническая помощь будет прекращена. В октябре белые войска заняли Курск, Орёл, двигались к Туле, до златоглавой оставалось не более трёхсот километров. В это же время войска Юденича двинулись к Петрограду. Советскому правительству стало не до выяснения отношений с Польшей, и большевики сами предложили возобновить переговоры о перемирии. Большевистское правительство долго и безуспешно торговалось, пытаясь смягчить категорическую позицию Пилсудского по занятым территориям и признанию Петлюры, но зато, пользуясь приостановлением боевых действий, принялось снимать красные дивизии, в том числе и наиболее боеспособные латышские, и отправлять их против Деникина. Поляки видели это, но не предпринимали никаких действий, полагая, что схватка белых и красных армий взаимно ослабит и тех и других. Это означало одно — Польша была намерена продолжить отторжение новых земель от раздираемой в клочья соседней страны.

Финны на севере тоже затаились и прямо отказали Юденичу в помощи, так как не получили от признаваемого им верховного правителя Колчака заверений о будущей независимости Финляндии. Не хотели обратно в «тюрьму народов» и прибалтийские молодые государства, поэтому они то поддерживали белые войска, то игнорировали их, то воевали с ними. Советская республика быстро ухватила этот тренд и закрепила его, подписав 2 февраля 1920 года мирный договор с Эстонией, а через несколько месяцев с Литвой, Латвией и Финляндией. Владимир Ленин и его соратники без со-

жаления расставались с территориями бывшей империи, стремясь сохранить власть, можно называть это беспринципностью, предательством, но свою власть они всё-таки отстояли. Наступление белых на всех фронтах захлебнулось.

В декабре 1919 года поляки переговоры с большевиками прервали, видимо посчитав, что время пришло.

Здесь стоит упомянуть, что в ходе предыдущих боевых действий тысячи пленных красноармейцев попали в плен. Как их содержали в лагерях, можно судить по отчетам начальника санитарного департамента генерала Гордынского. Вот одна из цитат: «Худоба многих пленных красноречиво свидетельствует о том, что голод — их постоянный спутник, голод страшный, который заставляет их кормиться любой зеленью, травой, молодыми листьями и т.д. Случаи голодной смерти не являются чем-то чрезвычайным».

Весной 1920 года Пилсудский получил звание маршала и возглавил трёхсоттысячную армию. Одновременно под его контролем проходили переговоры с Петлюрой, в результате которых в конце апреля Польша подписала секретный протокол, по которому признала Петлюру главой независимой Украины и обязалась отдать ему Киев. Для войны с русскими всё было готово, и 25 апреля 1920 года польские войска без объявления войны начали боевые действия. Пользуясь фактором неожиданности на прежде «уснувшем» затишьем фронте, они быстро продвигались вперёд, захватили в плен более 25 тысяч красноармейцев и уже 7 мая вошли в Киев.

Красная армия понесла огромные потери в живой силе и вооружениях. Её положение осложнилось тем, что в это же время барон Врангель, сменивший в Крыму Деникина, повёл белые полки в наступление, что не давало возможности быстро перебросить с юга резервы.

Пилсудский, ободрённый военными успехами на востоке, послал экспедиционный корпус для аннексии Верхней Силезии. Пруссаки, традиционно проживающие в этой части Пруссии, собрали ополчение. Началась война, которая завершилась отторжением части германских земель в пользу Польши, вызвав исход нескольких сотен тысяч немцев.

Подлая агрессия Польши, ещё недавно ставшей независимой благодаря революции, вызвала всеобщее возмущение не только в России, но и на малороссийских и белорусских территориях. Поляков встретили как захватчиков, а не как освободителей, что оказалось неожиданным сюрпризом для Пилсудского. Поэтому неудивительно, что переброшенная на польский фронт будённовская кавалерия легко прорвала оборону и уже в начале июня вынудила поляков спешно покинуть Киев. Воодушевлённый военным успехом Тухачевский объявил 2 июля 1920 года приказ войскам Западного фронта №1423. Вот выдержки из этого яркого революционного текста: «Красные солдаты. Пробил час расплаты. Наши войска по всему фронту переходят в наступление... Только наполнив грудь отвагой, можно победить... Перед наступлением наполните сердце свое гневом и беспощадностью. Мстите за сожженный Борисов, поруганный Киев, разгромленный Полоцк. Мстите за все издевательства польской шляхты над революционным русским народом и нашей страной. В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского... Бойцы рабочей революции. Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам! Стройтесь в боевые колонны! Пробил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву — марш».

К концу июля Красная Армия лишила поляков всех завоеванных прежде земель и подошла к реке Буг, за которой уже начиналась Польша.

Литва, прежде тянувшая время на переговорах о мире, впечатлённая военными успехами советского государства, спешно заключила российско-литовский мирный договор. Большевики рассчитывали, что тем самым они приобретут союзника в войне против Польши, но Литва ограничилась лишь возвращением Вильно.

Катастрофа на фронте вызвала смятение среди польских политиков, они вдруг словно прозрели и 9 июля запросили через западных союзников перемирия с советами. Москве было предложено установить перемирие с разделительной линией по Бугу (линия Керзона). Здесь бы большевикам согласиться, ведь гражданская война была ещё не закончена, но мираж мировой революции звал в кровавые походы. Ричард Пайпс в своей книге «Россия под большевиками» приводит цитату В.И. Ленина: «Разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений. Если бы Польша стала советской, Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы».

Ленин был, как всегда, убедителен и, несмотря на возражения Троцкого, ВЦИК

высказался за войну. Казалось бы, он был прав: в Германии решение советов вызвало ликование, Веймарское правительство объявило о нейтралитете в польско-советской войне и не разрешило через свою территорию направить из Франции в Польшу боеприпасы и вооружение. Германию поддержали Чехословакия и Австрия. Всё складывалось в пользу Красной армии, и она без устали гнала к Варшаве деморализованное польское воинство. К середине августа ожидалось падение столицы Польши, но так уж складывается в жизни, что быстротечная глупость превращается в долговременные последствия. Тухачевский допустил стратегическую ошибку, отвернув вдруг к северо-западу от Варшавы. Это дало передышку полякам, не столько военную, сколько моральную, и 5 августа они ударили в брешь, образовавшуюся между войсками Тухачевского и войсками, которыми командовали Егоров и Сталин. Те спешили первыми взять Львов и не подстраховали фронт, ослабленный уходом отрядов Тухачевского в глубокие, но бесполезные польские тылы. Контрнаступление поляков было неожиданным, точнее, нежданным, началось повальное отступление, были пленены почти сто тысяч красноармейцев. Эту битву поляки назвали «чудом на Висле», а русские, испытывая досаду, потом долгие годы старались забыть об этом позоре.

Окрылённые успехом поляки уже 17 августа 1920 года затеяли второе наступление на Верхнюю Силезию, но оно вновь было остановлено немецкими добровольческими отрядами и полицией. Тем временем Красная армия вывела оставшиеся войска из окружения и заняла оборону.

В сентябре бои на юго-западном фронте шли с переменным успехом, однако в конце месяца полякам удалось захватить мост через реку Неман, и из-за возникшей угрозы окружения, советские войска вновь отступили, понеся значительные потери, около сорока тысяч человек попали в плен. 12 октября поляки вновь вошли в Минск.

Таким образом, в польском плену оказалось более полутора сотен тысяч пленных. Их содержали в лагерях в тех же бесчеловечных условиях, тысячи людей умирали от издевательств тюремщиков, от голода, холода и болезней. После подписания мирного договора с Польшей и соглашения об обмене пленными, в Россию вернулось от 65 до 75 тысяч пленных бойцов РККА, а остальные десятки тысяч сгинули без следа.

Польша вышла из советско-польской войны победительницей, присоединив к себе значительные территории, в том числе и Вильно с частью литовских земель и примерно треть Верхней Силезии. На этой трети находилось 95 процентов запасов силезского угля, все железные рудники, большая часть цинковых и свинцовых рудников, десятки промышленных металлургических предприятий. Германия была лишена 18-ти процентов общенациональной добычи угля и 70-ти процентов — цинка. Сюда же надо добавить так называемый Польский коридор, который Польша получила ради выхода к Балтийскому морю вдоль русла нижнего течения реки Висла, разделив тем самым Германию и Восточную Пруссию. С потерянных территорий более трёхсот тысяч немцев были вынуждены уйти в Германию. Стоит ли удивляться, что позже Гитлер обманул Польшу в их стремлении к совместному походу на восток? Его вероломство и ненависть к Польше вполне понятны.

Неутолённая имперская жажда, замешанная не на широте души, в которую искренне допускались все нации, а на высокомерии, хитрости и жадности приводила к тому, что Польша постоянно откусывала куски и кусочки территорий у своих соседей, и обижалась, если им при этом давали по зубам. С этой точки зрения, основания не любить Польшу есть и у немцев, и у русских, и у белорусов, и у литовцев, и у чехов, и кто там ещё рядом?

А как же Польша отнеслась к фюреру и его новой Германии? В те времена Пилсудский, хотя не занимал высших государственных постов, фактически руководил Польшей, играя роль «отца нации». Так же как и Гитлер, он ратовал за воспитание молодёжи в духе национализма и патриотизма. Интересы Польши превыше всего! В стратегии Пилсудского это означало сохранить то, что Польша приобрела после Первой мировой войны, а ещё лучше — приумножить.

Когда в конце января 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером, по некоторым, хотя недостаточно достоверным, историческим данным, первой реакцией Пилсудского было предложение французам начать против немцев превентивную войну. Основания были: грубейшие нарушения Версальского договора немецкой стороной. Если бы французы приняли это предложение, мировая история могла бы кардинально измениться, но французы отвергли предложение как несерьёзное. Тогда маршал Пилсудский решил замириться с возрождающейся Германией, и, что удивительно, ему охотно пошли навстречу. Уже 26 января 1934 года Польша и Германия заключили договор о ненападении сроком на 10 лет. Польша предполагала, что договор гарантирует ее не только от войны с Германией, но и открывает новые возможности в расширении собственной территории.

После аншлюса в марте 1938 года — присоединения, вопреки прямому запрету

Версальского договора, Австрии к Германии — Гитлера было уже не остановить. Он начал давить на Чехословакию с целью отторжения Судетов. В сентябре 1938 года международный резонанс по Чехословакии достиг апогея, в процесс активно включились Англия и Франция. 23 сентября, опасаясь ввода германских войск, чехословацкое правительство объявило всеобщую мобилизацию. СССР, подписавший с Чехословакией ещё в 1935 году договор о взаимной помощи, был готов ввести войска, чтобы оказать ей военную помощь, но Польша отказала в предоставлении коридора для ввода войск. Советское правительство в ответ заявило, что любая попытка Польши оккупировать часть Чехословакии аннулирует договор о ненападении между СССР и Польшей.

29-30 сентября 1938 года состоялся «Мюнхенский сговор» Англии, Франции, Германии и Италии о разделе Чехословакии. Её представителям был предъявлен ультиматум, который после некоторого сопротивления был ими подписан. В октябре 1938 года Германия ввела войска в Судеты. К разделу Чехословакии подключились Венгрия и Польша. Последняя ввела войска в Тешинскую область, в которой располагался значительный промышленный потенциал. Польские политики чуть ли не открыто декларировали, что теперь они союзники Германии и готовы участвовать в совместном разгроме своего извечного «духовного» врага России.

Однако недолго они радовались. СССР, считавший теперь себя свободным от договора с Польшей о ненападении, 23 августа подписал с Германией свой договор о ненападении, к которому прилагался так называемый «Акт Молотова-Риббентропа» о разделе территорий Прибалтики и Польши. Что бы сегодня ни говорили об этом, в те времена это было решение вполне «в духе времени»: Гитлер ещё не стал мировым злодеем, а Германия стремительно наращивала экономический и военный потенциал, словно следуя словам Сталина на XVII съезде ВКП(б): «В наше время со слабыми не принято считаться — считаются только с сильными».

Странным теперь представляется, что Польша, искренне чувствуя себя новой европейской державой и ведя агрессивную политику с соседями, совершенно не ощущала опасности, исходящей от набирающей силу Германии, с которой были территориальные споры. Заключив с Германией договор о ненападении в 1934 году, в котором на 10 лет фиксировались существующие границы, в 1936 году Польша не постеснялась заявить, что претендует по итогам Первой мировой войны на 9 процентов бывших колониальных владений Германии. Польша потребовала у Франции передать ей Мадагаскар, а у Португалии — Мозамбик. С начала тридцатых годов Польша даже завела собственную колониальную политику, направляя переселенцев в Бразилию, Перу и Либерию. Польша словно бы пребывала в некой эйфории. Какая-то детская или славянская наивность, что взрослые дяди потеснятся и добровольно освободят местечко полякам на скамейке мировых лидеров.

12 мая 1935 года великий поляк Пилсудский умер и не увидел, как позорно рассыпалась его держава и как равнодушно на это смотрели те, что занимали места на той самой скамейке.

Господь даёт полякам шансы, а они вновь и вновь наступают на одни и те же грабли. Вот и сейчас лоб подставляют. И всё-таки бог любит поляков, потому что постоянно возрождает их государство и каждый раз при прямом или косвенном участии восточного соседа — бывшей Московии, словно намекая: «Подружитесь, наконец!»

Сергей КРИВОРОТОВ

ЛАТИНСКИЙ КРЕСТ НАД ЮГОМ РОССИИ

Исторический очерк экспансии католицизма на Нижней Волге в XVI-XX веках

Впервые посланцы папы римского проникли на Русь одновременно с православной верой, перенятой от Византии. Во все времена монахам-католикам было свойственно активное вмешательство в местные политические дела и воинствующая пропаганда. При этом для достижения своих целей они использовали любые доступные им средства. Это отличало их от более умеренных представителей других течений христианства, например, протестантов. Поэтому не случайно отношение к ним местного населения и православного духовенства. Если протестанты ещё при Иване Грозном пользовались правом строить кирхи в местах своего проживания, включая Москву, то католики смогли возвести первую деревянную церковь в России лишь в конце XVII столетия, причём без официального на то разрешения.

Первые католики в Астрахани появились в допетровскую эпоху. На территории Астраханской области францисканцы присутствовали ещё с XIII века. Во времена, когда здесь располагалась Золотая Орда, папа римский послал к великому хану монголов две францисканские и две доминиканские дипломатические миссии. Францисканцы добрались до Сарай Бату, но не застали там хана, который отправился на выборы нового великого хана в Каракорум. В Сарай Бату осталось несколько монахов, которые основали обитель, ставшую впоследствии центром католического епископства. Миссия францисканцев разрослась настолько, что к началу XV века здесь уже существовала епархия Сарматской земли.

Есть свидетельства, что в начале пятнадцатого столетия от Рождества Христова в районе современной Астрахани продолжала действовать францисканская миссия. А уже к концу следующего века в Астрахани появилась церковь армян-католиков.

28 августа 1613 года произошло небывалое для местных католиков событие. Патер Николас Мело, личный капеллан Марины Мнишек, освятил в Троицком монастыре Астрахани домовую католическую церковь. Судьбы же самой Марины и её духовного наставника довольно скоро получили весьма трагичное завершение.

У появления в низовьях Волги этого монаха-августинца имелась интересная предыстория. Согласно католической энциклопедии, уроженец Испании Николас Мело служил при дворе короля Португалии Себастьяна Желанного. Затем отправился в Америку, где в 1577 году в мексиканском городе Пуэбла принёс обеты в ордене августинцев. В 1582 году пересёк Тихий океан и начал миссионерскую деятельность на Филиппинах, крестил там под именем Николас молодого японца. Вместе с ним в 1596 году Мело отправился в Рим, однако по не вполне понятной причине не достиг намеченной цели, а оказался при дворе персидского шаха Аббаса I. Когда в 1599 году шах отправил посольство в Европу, предлагая союз европейским королям против Османской империи, Николас Мело со своим спутником присоединились к этой делегации, причём им было поручено доставить личные послания шаха папе Клименту VIII и испанскому королю Филиппу III.

С целью обойти стороной враждебную Османскую империю посланники выбрали путь по Волге. Именно так этот миссионер оказался в России в период Смуты. По дороге у Мело возник конфликт с английскими советниками шаха, входившими в состав посольства. В 1600 году все они добрались до Москвы, причём японец Николай стал первым японцем, прибывшим на Русь. Монах-августинец и его помощник остановились в доме придворного врача Бориса Годунова — итальянца Паоло Цитадини. Патер Николас Мело крестил дочь хозяина дома по католическому обряду, хотя в России того времени совершение католических таинств категорически воспрещалось. Рассорившиеся с Мело англичане незамедлительно донесли о том московским властям, Николаса Мело с японцем Николаем тотчас арестовали и выслали в Соловецкий монастырь.

После прихода к власти Лжедмитрия I последовал указ об освобождении заключённых. Но когда те смогли добраться до Москвы, здесь уже царствовал Василий Шуйский, который вновь отправил католиков в ссылку, сначала в Ростов, а затем в Ниж-

ний Новгород. В 1611 году крещёного японца Николая казнили в Нижнем Новгороде, согласно католическим источникам, за отказ перейти в православие.

Николасу Мело удалось выжить, в 1613 году он был освобождён атаманом Иваном Заруцким, бывшим соратником убитого два года назад Лжедмитрия II, а теперь фаворитом Марины Мнишек. Вскоре при его содействии августинец сделался личным капелланом вдовы самозванца Марины и воспитателем её малолетнего сына. Дочь сандомирского воеводы Ежи Мнишека в свои семнадцать лет стала первой женщиной, официально коронованной в Российском государстве под именем Марии Юрьевны 8 мая 1606 года. Второй после польской дворянки стала Екатерина I в 1721 году. Чудесное вознесение на московский престол юной уроженки Польши произошло благодаря венчанию с Лжедмитрием I. Вполне вероятно, с её помощью Ватикан и Польша рассчитывали активнее насаждать католичество в Московии, и потому её дальнейшая судьба напрямую связана с историей экспансии католицизма.

Сам же Лжедмитрий I не оправдал надежд своих польских покровителей. Будучи католиком и присягнув польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма, он начал проводить самостоятельную политику. Самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного, не уступил ни пяди русской земли кому бы то ни было. Взамен обещанных территорий за помощь Речи Посполитой предложил полякам денежную оплату. Запретил въезд монахам-иезуитам, и хотя католикам предоставлялась свобода вероисповедания, то было предпринято и для христиан других конфессий — в частности, протестантов. Такое отношение объяснил тем, что католики, протестанты и православные верят в единого христианского Бога — разница лишь в обрядах, которые произведение уже рук человеческих. По свидетельствам современников, монахов Дмитрий не любил, называл их «дармоедами» и «лицемерами». Распорядился сделать опись монастырских владений, чтобы отобрать всё «лишнее» и употребить его на защиту православной веры не на словах, а на деле.

По воспоминаниям очевидцев, он обрывал любого, пытавшегося подольститься к нему, дурно отзываясь о предыдущем правлении Бориса Годунова. Дмитрий строго пенял такому льстецу, что тот, как и все прочие, сам «ставил Бориса на царство», теперь же поносит его.

За единственный год своего правления успел провести ряд прогрессивных реформ, направленных на укрепление и европеизацию российской государственности, во многом предвосхитивших реформы Петра Великого. Крестьянам разрешили уходить от помещика, если тот не кормил их во время голода. Запрещена была потомственная запись в холопство, более того, холоп должен был служить только тому, кому добровольно «запродался», тем переходя, скорее, на положение наёмного работника. В законодательном порядке запретил мздоимство. Срок преследования беглых ограничил пятью годами. Чтобы уменьшить возможные злоупотребления при сборе податей, Дмитрий обязал «земли» самим отправлять с выборными людьми соответствующие суммы в столицу. Взяточников приказано было водить по городу, повесив на шею денежную мошну, меха, жемчуг или даже солёную рыбу — именно то, чем бралась взятка, — и бить палками. Правда, дворяне избавлялись от телесных наказаний, но расплачивались за такие же преступления большими денежными штрафами. Экономическое положение страны при нём улучшилось, но всё же оставалось нестабильным.

Самозваный царь переименовал Думу в сенат, ввёл в его состав постоянными членами представителей высшего духовенства. Во время своего недолгого правления почти ежедневно лично присутствовал на заседаниях сената и участвовал в спорах и решениях государственных дел. По средам и субботам давал аудиенции, принимал челобитные и часто гулял по городу, общаясь с простыми людьми.

По свидетельствам иностранцев, находившихся в то время в Москве, такой свободы не знало ещё ни одно европейское государство.

Одновременно Лжедмитрий I старался ввести в России абсолютное самодержавие. Присутствие множества иноплеменников и иноверцев, создание собственной иностранной гвардии из немцев взамен прежней русской охраны царя — возмутило многих поданных.

Дмитрий активно готовился к войне, чтобы отобрать у турок и присоединить к Русскому царству устье Дона. Часть новгородского ополчения, состоящую из дворян и боярских сынов, затребовал в Москву для готовящегося похода на Азов. Сам проследил за началом производства на Пушечном дворе новейших пушек, мортир и ружей. Лично обучал стрельцов пушечному делу и штурму земляных крепостей.

И хотя многие простые люди успели полюбить нового государя, они не переставали подозревать его в самозванстве. Несоблюдение царём церковных постов и русских обычаев в одежде и быту, расположение к иностранцам, предстоящая женитьба на польке и подготовка к войне с Турцией и Швецией вызывали всё большее беспокой-

ство в народе.

Больших бояр ущемляло количество «худородных», возвеличенных новым царём. Среди них неизбежно возник заговор. Для убийства царя наняли стрельцов и убийцу царя Фёдора II Годунова — думного дьяка и дипломата Шерефединова. Но наспех подготовленное покушение не удалось. Самому Шерефединову удалось бежать, а семеро его подельников были схвачены уже во дворце и впоследствии растерзаны разгневанной толпой горожан.

Вместе с невестой и её отцом в Москву на свадьбу прибыло около двух тысяч знатной польской шляхты со своими свитами. На подготовку к торжеству и начавшиеся ежедневные пиры с балами вкупе с выплатой долгов Речи Посполитой тратились баснословные суммы. В ходе беспрерывного празднества перепившиеся поляки врывались в московские дома, бросались на женщин, грабили прохожих, особенно отличались при этом панские гайдуки. В пьяном угаре они стреляли по домам горожан и в воздух, крича с похвальбой, что Дмитрий им не указ, так как они сами посадили его на московский престол.

Неминуемым взрывом возмущения москвичей решили воспользоваться недовольные бояре. За год до того собор приговорил князя Василия Шуйского к смертной казни как главного зачинщика заговора против новой власти. В последний момент Лжедмитрий не только неожиданно помиловал знатного бунтовщика, но и сделал его в дальнейшем своим приближённым, вторым советником в Большом совете. Эти милости не помешали тому снова встать во главе заговора. Шуйский лично отправил верных ему служилых людей заранее пометить дома с проживавшими там поляками. Он же ночью накануне бунта именем царя уменьшил немецкую охрану во дворце до 30 человек, приказал открыть тюрьмы и раздать оружие толпе, которую убедили, что «литва» пытается убить царя и нужно немедленно подняться всем на его защиту.

Хотя Марина приняла миропомазание «по греческому обряду» и была коронована, процарствовать ей довелось всего лишь неполную декаду дней. Во время резни 15 мая с её мужем покончили, как и с сотнями находившихся в столице пришлых поляков. Над его телом глумились три дня, затем сожгли и выстрелили прахом из пушки в сторону Польши. Самой Марине чудом удалось спастись, бунтовщики просто не узнали в ней новоявленную царицу. Её спасли сами бояре — участники заговора, посчитавшие юную польку случайной и неопасной для них фигурой в борьбе за трон. Уже через два дня после майской резни приверженцы Шуйского объявили его царём как самого родовитого среди бояр. Будучи Рюриковичем, он и стал главным претендентом на опустевший престол. Не дожидаясь всенародного избрания, князь Василий Иванович взял власть в свои руки, и 1 (11) июня 1606 года Новгородский митрополит короновал его в Успенском соборе. По распоряжению нового государя бывшую царицу передали отцу, а вскоре Василий IV переселил всех Мнишеков в Ярославль, где они проживали два последующих года.

После свержения Лжедмитрия положение в стране начало быстро ухудшаться. Сразу после убийства самозванца ударили необычные для мая морозы, уничтожившие траву на полях и уже посеянное зерно. Последовали неурожаи и неизбежный голод. По Москве ходили слухи, что во дворце убили вовсе не Дмитрия I. Недовольные теперь ухватывались за имя Дмитрия, как за спасение, считая, будто только оно может придать легитимность борьбе с Шуйским. Примечательно, что в годы Смутного времени в России стало известно о появлении четырёх самозванных Лжедмитриев. Причём один из них, получивший прозвание «Астраханского вора» — Лжедмитрий IV появился в Астрахани в конце 1611 года, где позднее пришлось укрываться и Марине Мнишек. Историки посчитали его «Четвёртым», поскольку ещё один самозванец, названный Псковским вором, объявился несколько ранее в Ивангороде и Пскове, сражаясь со шведской интервенцией. Астраханский вор неизвестного происхождения выдавал себя и за сына Ивана IV Грозного царевича Дмитрия Ивановича, и за якобы спасшегося в окрестностях Калуги Лжедмитрия II. Удивительно, но, тем не менее, его признало царём всё Нижнее Поволжье.

Неизвестно, претендовал ли и этот самозванец на Московский престол, но явно имел успех, если судить по тому, как о нём упоминается в московских грамотах, которые Семибоярщина, временное правительство при поляках, отправляла в Кострому и Ярославль в начале 1612 года: «...а другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского убил. И такими воровскими государями крепко ли Московское государство будет, и кровь христианская литься, и Московское государство пустошиться вперёд перестанет ли?»

Таким образом, в России одновременно действовали два «царя Дмитрия» — Лжедмитрий III на северо-западе и Лжедмитрий IV на юге.

Рядом с астраханским «вором» находился ногайский мурза Урак бин Джан-Арслан, или, по-русски, Пётр Урусов, беглый убийца Лжедмитрия II, у которого служил

начальником стражи. Это породило предположение, что новый самозванец являлся ставленником ногайского князя, действующего в интересах Крымского хана. Но уже в следующем году Астраханский вор бесследно исчез, и о дальнейшей его судьбе ничего неизвестно. Ногайский мурза же Урусов вскоре перебрался в Крымское ханство, где стал советником хана по московским вопросам и неоднократно потом организовывал походы на Москву.

Все Лжедмитрии выдавали себя за царевича Дмитрия Углицкого, погибшего в 1591 году младшего сына Ивана Грозного, и претендовали на московский престол под именем Дмитрий Иванович. Михаил Молчанов и Лжедмитрий II, кроме того, претендовали на тождество с убитым в 1606 году Лжедмитрием I, в то время как Лжедмитрий III отождествлял себя с убитым в 1610 году Лжедмитрием II. А Лжедмитрий IV, Астраханский вор, попутно выдавал себя за того же убитого Лжедмитрия II — Тушинского вора.

Поразительно, но в Смутное время, кроме перечисленных Лжедмитриев, объявилось ещё до полутора десятков самозванцев, выдававших себя за родственников младшего сына Ивана Грозного — лжецаревичей с иными именами.

Таким образом, трон под новым выборным царём оказался весьма шатким, и чтобы его укрепить, Василию IV пришлось существенно ограничить собственную власть в угоду влиятельным боярским семьям, а всем боярам — участникам переворота 1606 года жаловать новые земли с крепостными и предоставить им щедрые льготы. Историк Василий Ключевский в своих лекциях констатировал, что новый царь, незаконным путём получивший престол, попал в зависимость «от кружка бояр, его избравших и игравших им как ребёнком, по выражению современника». При этом Шуйский продолжил вводить ужесточения в экономической сфере. В первую очередь выросли барщина и оброк, что создавало дополнительное напряжение и недовольство. Появилось большое количество беглых крестьян и холопов. Попытки модернизировать армию не удались из-за двух лет казацко-крестьянского восстания под руководством Ивана Болотникова, вспыхнувшего из-за голода и ужесточения крепостных порядков.

Развернувшиеся боевые действия больше походили на масштабную гражданскую войну. К войску бунтовщиков примкнуло немало дворян из разных областей. Уже к концу 1606 года мятежники осадили Москву, под их контролем оказалось более 70 городов юга и центра Русского царства. После ряда поражений и массовой мобилизации москвичей, напуганных возможной местью за зверское убийство Лжедмитрия I, войскам Шуйского удалось переломить ход боевых действий. Дворянская часть армии Болотникова в большинстве перешла на сторону царя. К концу 1607 года удалось разгромить мятежников, не имевших ни общей цели, ни единой идеологии, и взять их последние оплоты. Немало тому способствовали и раздоры в рядах повстанцев. Василий Шуйский обещал «не проливать крови» всех добровольно сдавшихся. И действительно сдержал слово: при последовавших затем массовых расправах обычно использовался «бескровный» способ казни — посредством утопления. Но победа, доставшаяся дорогой ценой, не дала желанной передышки. Тут же развернулась борьба с новым претендентом на престол — Лжедмитрием II, поддержанным поляками и литовцами.

Не справляясь с ситуацией, Шуйский заключил союз с Швецией. В обмен на обещание передачи северо-западных русских территорий он получил в распоряжение шведскую армию. Последний из коронованных Рюриковичей, осаждённый в Москве войсками Лжедмитрия II, надеялся сохранить власть с помощью шведов. Но после того, как Речь Посполитая объявила войну и осадила Смоленск, находившиеся в войске Лжедмитрия II поляки стали массово покидать самозванца и присоединяться к своим. Войско Тушинского вора таяло на глазах. Самозванец с женой укрылся в Калуге.

24 июня 1610 года в Клушинской битве русские и союзные шведские войска под командованием Дмитрия Ивановича Шуйского капитулировали, не выдержав удара гетмана Станислава Жолкевского. После поражения в Москве быстро созрел боярский заговор против и этого царя. Активизировался и тушинский самозванец, снова выступивший из Калуги с юга на Москву, в то время как поляки надвигались на столицу с запада.

В июле 1610 года Василий Шуйский был низложен Боярской думой и недовольными москвичами. Бывший царь переехал из Кремля на свой старый княжеский двор, но позже был схвачен и насильно пострижен в монахи. Начался период правления Семибоярщины, члены которой присягнули польскому королевичу Владиславу, защитив таким образом московский трон от претензий Лжедмитрия II.

Кремль заняли поляки, всячески ежедневно показывавшие, кто победитель. Василий Иванович с братьями были взяты в плен и по просьбе бояр отправлены как трофеи Сигизмунду III.

Таким образом, последний из Рюриковичей был свергнут и попал в плен к полякам, где и умер в 1612 году. Гроб с его останками возвратили в Москву только в 1635 году, а до того он находился в мавзолее Варшавы, стены которого украшали надписи о

победах польского войска, приведших к пленению русского царя.

По условию перемирия с Речью Посполитой ещё в 1608 году Марину Мнишек обязали никогда больше не называться русской царицей и отправили на родину. Но по дороге её со свитой захватил польский отряд магната Зборовского и доставил в лагерь Лжедмитрия II, прозванного в народе Тушинским вором, по месту расположения его главной ставки. Марина сочла за лучшее признать в этом самозванце своего якобы чудом выжившего мужа.

После тайного венчания уже с Лжедмитрием II последовали годы интриг и сражений с переменным успехом, в самом центре которых снова и снова оказывалась бывшая царица. Боясь быть убитой, она покинула Тушинский лагерь в мундире гусара с несколькими сотнями казаков, но спустя какое-то время возвратилась назад.

Между тем москвичи присягнули Владиславу IV и Марине предложили отказаться от Москвы и ограничиться Самбором или Гродно. Последовал гордый отказ, и с ним новая опасность захвата её поляками. Поселившись в Калуге с мужем и новым защитником, атаманом Иваном Заруцким, она прожила здесь до начала 1611 года уже под покровительством одного Заруцкого, остававшегося ей верным. Тушинского вора убили его же соратники в декабре 1610 года. У дважды вдовы имелся теперь новорождённый сын Иван, называвшийся Дмитриевичем.

До июня 1612 года она находилась под Москвой, преимущественно в Коломне. Но с приближением к столице земского ополчения Пожарского, пришлось уходить в Рязань. Марина убедила атамана Заруцкого объявить сына Лжедмитрия II наследником российского престола и бороться за его права. Есть неподтверждённая версия, что они тайно обвенчались, и малолетний Иван на самом деле мог быть плодом этого союза. Заруцкий не прекращал последовательно добиваться за возведение Ивана на трон.

В конце зимы 1613 года Земской собор избрал на царство шестнадцатилетнего Михаила Романова, положив начало новой династии. Но Заруцкий и Марина Мнишек не признали законность соборного решения. В ответ новая власть объявила их и трёхлетнего Ивана, названного «ворёнком», врагами московского государя. Против них направили войска, постепенно выжимавшие отряды Заруцкого из захваченных им прежде городов. Поражения следовали за поражениями. Искусно используя все возможные средства от подкупа до клеветы, играя на подъёме национального сознания народа, поднявшегося на борьбу с польскими захватчиками, московским властям удалось внести раскол в войска Заруцкого и переманить на сторону царя значительное число его сторонников.

В середине 1613 года оставшиеся верными Заруцкому и Мнишек отряды казаков потерпели сокрушительное поражение от царских стрельцов под Воронежем. Остатки войска отступили к Астрахани. К этому времени освобождённый монах-августинец Николас Моро уже неотлучно находился при них в качестве личного капеллана Марины Мнишек и воспитателя её трёхлетнего сына. Город удалось взять практически без боя. Поначалу население с энтузиазмом и доброжелательностью встретило прибывших, обосновавшихся за высокими стенами каменного кремля. Но постепенно своими действиями и разнузданностью людям Заруцкого в несколько месяцев удалось восстановить против себя жителей и оттолкнуть большую часть бывших до того с ним казаков. Дошло даже до столкновений. Чтобы держать население в узде, пришлось постоянно держать город под прицелом кремлёвских пушек.

Когда московские стрельцы и перешедшие на сторону царя Михаила казаки подошли к Астрахани в начале лета следующего года, Марине и Заруцкому, не имевшим достаточно сил для обороны, пришлось бежать. Потеряв в бою большую часть своего речного флота, на оставшихся трёх десятках стругов они ушли с несколькими сотнями уцелевших сторонников по северному Каспию до Яика (Урала) и, поднявшись вверх по течению реки на четыреста километров от моря, укрылись на какое-то время на одном из островов по названию Медвежий.

Здесь 26 июня 1614 года их и настигли преследователи. После ожесточённого боя Марина Мнишек с маленьким сыном и их защитник Заруцкий были выданы сдавшимися казаками стрелецкому голове Гордею Пальчикову. Он самолично доставил пленных в Москву, где Заруцкого посадили на кол, а трехлетнего Ивана повесили на глазах у матери как возможного конкурента в борьбе за российский престол.

Сама же пленница, по сообщениям русских послов польскому королю, «умерла с тоски по своей воле». Однако, по литовским источникам, двадцатипятилетнюю бывшую царицу умертвили то ли повешением, то ли утоплением. Существует также версия, что бывшая царица была заточена в Круглой (Маринкиной) башне Коломенского кремля, где и скончалась. Сохранилось народное предание, что перед смертью за ужасную казнь маленького сына пленница прокляла всех будущих Романовых, пообещав, что каждый из них станет умирать не своей смертью, пока их род вовсе не прекратится.

Патера Николаса Мело, захваченного на том же острове, в отличие от остальных, безо всякого суда и следствия незамедлительно казнили сожжением заживо на костре как еретика.

Отношение к католикам заметно изменилось лишь при Петре Первом после его возвращения из пятнадцатимесячной поездки в Западную Европу. Приступив к основательной перестройке государства и уже начав Северную войну за выход к Балтике, Пётр обнародует 16 апреля 1702 года высочайший манифест о вызове иностранцев в Россию, «дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах». Но главное, без иноземцев невозможна была реорганизация армии на европейский лад, создание собственного флота и победа над Швецией.

Чтобы сделать царскую службу и поселение в России более заманчивыми, для них предоставлялась наряду с другими льготами и свобода вероисповедания. Во 2-м пункте манифеста говорилось: «Станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своём публичном, так и частном отправлении богослужения обеспокоен не был». И далее: «причём мы, по просьбе таковых единоверцев, им дозволяем и в других местах строить новые церкви».

Расчёт Петра оправдался — иноземцы массами устремились в Россию и стали оседать в разных городах и селениях. Некоторое время спустя католические миссионеры добились особой льготы: указом от 2 декабря 1705 года им был дозволен свободный проезд через Россию в Китай и Персию.

Неизбежно они обратили особое внимание на Астрахань — важный стратегический центр на пути в Персию. К тому времени посланцы Рима уже вели широкую пропаганду в Персии и в Закавказье среди местных христиан, зачастую не без успеха убеждая их в преимуществах католического вероучения перед прочими. Во время своих миссионерских вояжей латинские патеры неоднократно останавливались в Астрахани и, наконец, решили прочнее обосноваться в этом городе. Их привлекло выгодное географическое положение, а удалённость от высшей административной власти и разнородность населения сулили успех насаждению здесь католицизма.

Надо отметить, что в Астрахани задолго до петровского манифеста создались благоприятные условия для поселения иностранцев. Почти одновременно с православными русскими в низовьях Волги появились католики и протестанты. Астрахань являлась не только военно-политическим и экономическим, но и религиозным русским форпостом среди формально российских, но фактически мало контролируемых поволжских степей. Ещё в 1689 году в наказе астраханским воеводам предписывалось призывать в Астрахань всех иноземцев, «чтобы по призывам тех иноземцев населилось многое число и чтобы от того многолюдства в Астрахани торги меж ими и купецкими людьми множились, а астраханские всяких чинов люди полнились и богатели, а казне великих государей таможенный сбор нажился».

Особо многочисленной и процветающей к прибытию латинских миссионеров являлась армянская колония. Со времени завоевания Астраханского ханства в царствование Ивана Грозного армяне вместе с другими иноземцами начали приезжать сюда с товарами на судах, а потом и сухим путём через Моздок и степи у реки Терек. В XVII веке русское правительство, преследуя свою выгоду, разрешило им селиться в Астрахани в строго очерченной зоне на так называемом Садовом бугре. Предприимчивые армяне быстро захватили в свои руки почти всю астраханскую торговлю и, сделавшись посредниками между Персией и Россией, создали в 1673 году Джульфинскую компанию, которой было предоставлено право торговать сырцовым шёлком и другими товарами не только в Астрахани, но и внутри всей России.

Ввиду отсутствия в здешнем крае природных католиков, именно богатые армяне показались латинским патерам наиболее заманчивым объектом для их религиозной пропаганды.

О появлении первых католических миссионеров в Астрахани сохранилось письменное свидетельство одного из них, некоего Антония Марка, прибывшего из Персии в апреле 1718 года при астраханском оберкоменданте Чирикове «ото духовного чина папы римского и от кардиналов по указу». При этом у самого Антония Марка не имелось ни надлежащего разрешения, ни даже паспорта. В городе уже находились два его коллеги — Бонавентура, умерший вскоре в Москве, и Иоанн, отбывший позднее миссионерствовать в Бухару. Не имея костёла, патеры эти, по словам Антония, совершали богослужения в домах без царского на то указа, а единственно с позволения папы римского.

Об этих патерах и присоединении к ним ещё одного, Патриция Медиоланского, сообщает впоследствии и хроника местного костёла, в которой говорится также о приобретении ими 11 июня 1716 года дома в Астрахани за 100 рублей. В доме этом была

устроена часовня, где совершались католические службы, но дом вместе с часовней будто бы сгорел во время пожара в 1718 году.

Достоверных сведений о том, находился ли в Астрахани до этих патеров кто-либо из католического духовенства, Антоний не имел, но слышал от армян-католиков, что прежде при воеводе Апраксине (около 1708 года) проживал в Астрахани какой-то патер, неизвестный даже по имени. Однако в местной церковной хронике упоминалось, что ещё в 1687 году заезжал в Астрахань по пути в Персию иезуит Тадеуш Красинский. Как бы то ни было, до патера Антония от прежде бывших его коллег в Астрахани не осталось никаких вещественных следов.

Антоний Марк первым начал обдумывать план постройки латинского костёла. Что это было с его стороны? Костёл в городе, совершенно чуждом католичеству... Авантюра? Нет, то был трезвый и уверенный расчёт, «будет двор, будут и овцы». Костёл значительно укрепил бы положение патеров, да и немногие рассеянные по городу католики оказались бы сплочены. План этот требовал времени и денег, и Антоний остался в городе для его воплощения.

В феврале 1719 года капуцин Патриций Медиоланский отправился к царю с ходатайством о дозволении строительства костёла в Астрахани. Царь Пётр, не видя ни от костёла, ни от самих патеров особой пользы для государства, не спешил с официальным ответом. И капуцин остался в столице ожидать царской милости.

После учреждения в 1719 году Астраханской губернии роль Астрахани как торгово-политического центра на юге ещё более возросла. Воспользовавшись покровительством первого губернатора, патеры усилили католическую миссию, в августе 1721 года патер Антоний поспешно выстроил деревянный костёл. «И для знаку на том костёле поставлен крест с ведома губернатора Артемия Волынского». Расследованием этой истории занялся созданный в 1721 году святейший Синод, высший государственный орган, ведавший делами православной церкви, в частности борьбой с иноверцами и еретиками. Основанием для расследования послужил донос астраханского епископа Иоакима. Одновременно преосвященный пожаловался и на миссионеров-протестантов: «Лютеранский пастор Яган Сикилис близ православной церкви построил свою церковь и чинит сим помешательство». Единственным результатом и этой жалобы явилось только то, что ревностный православный святитель впоследствии впал в немилость у императора.

Для поддержки Антония из Петербурга прибыли сразу четыре капуцина — Казимир, Удальрик, Фиделий и Романус, обратившиеся для этого непосредственно к царю, поясняя, что «по ординации папежа римского ординованы они для экзерцыцы католической веры в России». При этом они обосновали своё прошение тем, что «в Астрахани капуцинского закона капуцинов 3 человека обретаются тому лет за пятьдесят (?!) и из них ныне там токмо один, а двое померли; да к тому же войска Вашего Величества от кавалерии рязанского полку капитан Шарге нам объявил, что в Низовом корпусе офицеров и всякого чина людей и служителей римского исповедания обретается многое число, а духовника через продолжительное время не имеют и желают, дабы для исповедания и у них нам пребыть».

Прошение было передано в Синод, который, не рассматривая его, распорядился в коллегии иностранных дел расследование «о даче паспортов учинить, какие указы повелевают».

Коллегия прежде навела справки. Было получено донесение Ивана Кикина от 2 марта 1722 года с копией показаний патера Антония и рапорт Волынского от 19 апреля того же года. Кикин сообщал, что по записям в торговых книгах губернской канцелярии и таможни в Астрахани «римского закона купецких людей — французов, цесарцев, немцев, как приезжих, так и постоянных жителей, нет, а есть ныне в католической вере из армян, которые, приехав из Персии, живут в Астрахани. А раньше сего приезжали ль таковые купцы в Астрахань, о том губернской канцелярии не известно, и справиться не с чем».

Патер Антоний Марк, кроме сведений о себе, о прежних патерах и о костёле, подтвердил донесение Кикина о том, что других католических купцов, кроме армян, в Астрахани действительно нет, и были ль прежде, он не знает, а «означенных католических армян будет с 12 дворов, и те имеют у себя жён и детей, а прочие католического закона армяне, которые не имеют жён и детей, приезжают в Астрахань за торгом на время, и те живут на гостином армянском дворе в наёмных лавках».

Губернатор Волынский, приводя в своём рапорте данные патера Антония, усилил их, указав ещё на служилых людей, отметив, что «в службе Его Императорского Величества иноземцы, цесарцы и прочих народов римской религии есть в Астрахани, также и купцы армяне того же закона многие».

Волынский безоговорочно высказался за приезд новых патеров и не только не ожидал от них никакого вреда, а напротив, предвидел получить даже большую пользу

для астраханцев, «понеже из здешнего такого сурового народа обучаются от них молодые дети латинского и прочих языков».

С учётом благоволения Петра I к иноземцам и столь благоприятного для патеров отзыва астраханского губернатора капуцинам были выданы паспорта и разрешён проезд в Астрахань, куда они прибыли в июле 1722 года. С этого времени католичество окончательно закрепилось в Астрахани.

19 июля того же года царь Пётр отправился с войсками в Персидский поход. Его двукратное пребывание в Астрахани и царское недовольство епископом Иоакимом как бы наложили законную санкцию на своевольные действия патеров. Вскоре по возвращении царя в северную столицу «за некоторые Его Величеству известные причины велено по Именному указу от 13 января 1723 года его (Иоакима) вывести и определить в которую пристойно епархию викарием». Существованию костёла не могла теперь угрожать никакая опасность со стороны руководства православной церкви.

Губернатор Волынский предоставил патерам широкое поле воспитательной деятельности в среде русского юношества, чем они с охотой воспользовались. Была создана школа капуцинов при костёле. Об успехах патеров на этом поприще свидетельствует тот факт, что из этой школы вышел первый российский академик В.К. Тредиаковский.

Борьба духовных властей против капуцинов развернулась уже после Волынского при епископе Варлааме с 1728 года. Поводом явилось публичное служение литургии патером французом Иоганном Баптистом в кремле в доме самого губернатора Фон-Менгдена. Но усилия местного православного духовенства наталкивались на сопротивление светских властей, продолжавших из своих интересов покровительствовать капуцинам.

Первый католический костёл в Астрахани просуществовал недолго. В донесении 10 февраля 1739 года губернской канцелярии в коллегию иностранных дел упоминается, что построенный «собственным иждивением патера Антония костёл обветшал и в 1734 году по прошению католицкого патера Иосифа сломан, а на том месте построен новый их же патерским и мирским того закона подаянием и иждивением, в котором и поныне службу они, патеры, отправляют».

Как уже отмечалось, не имея определённой паствы, астраханские патеры усиленно занимались пропагандой своего учения среди приверженцев других вер и исповеданий, в особенности среди армян. Официальное запрещение пропаганды они в какой-то мере соблюдали лишь в отношении урождённых русских. Перед прочими национальностями они не считали себя связанными каким-либо обязательством. За подобную практику выслали из Астрахани патера Рудольфа, вынужден был уехать патер Иоаннес, однако на смену им в 1748 году прибыли римские капуцины Франциск-Мария-Агроне и Габриэль Авви Лафорио, продолжавшие их дело с большей скрытностью и осторожностью.

Патеры разъезжали по разным прикаспийским городам и везде с успехом вербовали себе новых последователей, пользуясь любыми дозволенными и недозволенными средствами. С каждым годом число вероотступников у армян увеличивалось. Это в первую очередь затрагивало интересы армянского духовенства, и действительно, оно не сидело сложа руки.

Так, армянский архиерей Стефан повёл против капуцинов настоящую войну. В донесении архиепископу Иллариону 14 апреля 1755 года он сообщал, что проживающие в Астрахани патеры Франциск-Мария, Гавриил и Сотер только в этом году отторгли от армянской веры и совратили в своё папежство многих находящихся здесь и в Кизлярской крепости армян, приезжая из Астрахани в Кизляр, «что по присяжной моей должности нестерпимо мне оказалось». В другом донесении архиерей Стефан обвинял тех же патеров в том, что «они чинят армянской церкви и народу обиду», приводил при этом ряд фактов о насильственном обращении армянских детей в католическую веру.

В марте 1756 года патеры Франциск-Мария и Сотер в свою очередь отправились в Петербург и подали в Синод жалобы на Стефана с контробвинениями. Стефан последовал их примеру и также обратился лично в Синод с изложением всего дела с поимённым списком армян, «совращённых патерами в католичество».

Капуцины были признаны виновными «в совращении и крещении природных российских подданных в свой римский закон» и по их желанию отпущены из России — Сотер в Турцию, Франциск-Мария в Италию. Причём в коллегии иностранных дел заявлено было, что «им обоим по таким их непристойным и неспокойным поступкам впредь в здешнюю империю въезжать запрещается», о чём дано знать во все пограничные города, в том числе в Астрахань и Кизляр, для того чтобы «те оба капуцина из-за границы в Россию отнюдь пропущены не были».

Только вмешательство римско-императорского (австрийского) чрезвычайного посла графа Эстергази спасло от дальнейшего преследования третьего капуцина Га-

бриэля Авви Лафорио, против которого также были возбуждены следственные дела. Астраханской губернской канцелярии коллегией иностранных дел было предписано соблюдение осторожности в отношении патера «не по иному какому случаю, но единственно в рассуждении чинимого от римско-императорского посла за капуцинов заступления». Такое внимание к послу объяснялось тем, что он представлял Австрию, с которой Россия была тогда связана договором о совместной войне против прусского короля Фридриха II.

Одновременно Синод решил окончательно разобраться «о оном римском костёле, что надлежит ли оному впредь быть или упразднить его следует».

По представленным из губернской канцелярии сведениям на 27 апреля 1760 года, «цесарцев в Астрахани в жительстве никого не имеется, а есть особые европейцы, но и те состоят в лютерском, а не римском законе». К католической же церкви принадлежало всего 308 мужчин и 11 женщин и все из местных, причём 178 из них не являлись российскими подданными. Донося об этом в Синод, тогдашний епископ Мефодий заключает: «и тако за неимением в римском законе природных того закона людей вышеписанному римскому костёлу в Астрахани быть подлинно не для чего... и дабы имеющиеся при оном костёле патеры... в свой римский закон впредь совращать не могли, оный их костёл всемерно упразднить и тех патеров с прочими их духовными чинами из Астрахани выслать следует».

Но оставшийся в Астрахани патер Габриэль, опередив епископа, обратился в иностранную коллегию. Ссылаясь на указ Петра I от 1720 года, дозволявший якобы построить им, капуцинам, церкви, он сообщал, что «ныне... в Астрахани деревянная совсем обветшала». Почему он от всего капуцинского ордена и именем римско-императорского посла Эстергази просил, чтобы дозволено было им построить каменную.

Никакого подобного указа в 1720 году Петром не давалось, а потому его не оказалось в архиве. Иностранная коллегия была поставлена в затруднительное положение.

Пока продолжалась бесплодная переписка по этому вопросу, в Астрахань прибывают новые патеры, капуцины ордена св. Франциска Канутус, Кресенциус и Ромуальдус с паспортами от римского императорского двора с визами венгеро-богемской королевы Марии-Терезии. В городе они появляются в 1760 году, а 15 января 1761 года астраханская консистория сообщала губернской канцелярии, «что оные капуцины о превращении в свой закон из разных иноверцев стараются неусыпно, ходят по дворам и не только иностранному народу, но и русским больным людям дают лекарства, неизвестно откуда получаемые». Таким образом, патеры расширили поле деятельности, не ограничиваясь уже пропагандой и обучением. Уместно заметить, что новый руководитель миссии патер Тиснарий Пётр Ромуальд а Понто имел степень доктора медицинских наук.

В губернской канцелярии был найден указ из коллегии иностранных дел от 30 октября 1760 года, коим велено «по требованию калмыцкого хана Дондука-Даши из вышеназванных капуцинов одному Ромуальдусу для лечения в калмыцких улусах больных из Астрахани к нему, хану, и ездить позволить, и лекарства, какие по представлению его будут надобны, из здешней аптеки за деньги его ль собственные или ханские отпустить; да и впредь, буде хан когда его требовать будет и сей патер на то согласится, в том ему не запрещать».

Вместе с лечением телесных недугов патеры приступили к распространению своей пропаганды в калмыцких степях. Духовные власти не могли равнодушно смотреть на это, не без их вмешательства следует отказ астраханской аптеки отпускать медикаменты по рецептам католической церкви.

Потерпев поражение в побочном предприятии, патеры не пали духом и ловко использовали изменение обстановки с воцарением Петра III в 1761 году. Новый император, будучи голштинского происхождения, ненавидел православную церковь и благоволил ко всему иностранному. Стремясь навечно закрепиться в Астрахани, патеры поспешно возводят вокруг имевшегося деревянного костёла каменные строения.

В следующем году с приходом к власти Екатерины II для них открылась возможность получить законное разрешение на новый костёл. Уже начатая постройка требовала больших денег, которых у малочисленных астраханских католиков, естественно, не могло хватить. Приходилось изыскивать средства на стороне, в первую очередь в Закавказье и в Персии. Так, с этой целью руководитель капуцинов Ромуальд в 1763 году отправляется в Персию. При новой императрице иностранцы всякого христианского исповедания стали объектом особой заботы правительства, и он получает официальное разрешение на поездку. Вернувшись через год, Ромуальд продолжает строительство костёла, не ослабляя усилий по розыску нужных денег. Благодаря его изобретательности постройка продвигалась вперёд. В 1773 году следует указ Синода о невмешательстве в дела иноверных христиан, теперь уже ничто не могло помешать завершению костёла.

В 1776 году префектом католической миссии Ангелусом, находившимся в Астрахани уже тринадцать лет, были торжественно освящены и установлены кресты на двух колокольнях нового костёла.

Новому католическому храму успения Пресвятой Богородицы придали необычную для России форму, сочетающую черты позднего барокко с ранним классицизмом, в то же время с традиционными для русских церквей архитектурными приёмами.

Храм представляет собой базилику итальянского типа, однако центральная часть здания выполнена в виде четверика, характерного для русского православного зодчества. По углам северо-западного фасада расположили две симметричные четырёхгранные башни-звонницы с двумя ярусами звона, между башнями на фасаде помещён декоративный портик, состоящий из четырёх каннелированных пилястр и завершающийся декоративным разорванным фронтоном. Пространство средокрестия завершается крупным восьмигранным световым барабаном.

В ноябре того же года Ромуальдус получает разрешение от папы Пия VI освятить завершённый храм. Но это торжественное событие происходит лишь два года спустя в день Святого Франциска. Толпы астраханцев всех проживающих в городе национальностей и сословий, представители светских властей наблюдали этот триумф католической миссии. Дело Ромуальда завершено. В память о его заслугах портрет, писанный масляными красками, установили впоследствии на одной из стен, где он провисел более ста лет, а самого Ромуальда после смерти погребли в крипте храма. Астрахань на тот момент стала одним из трёх русских городов, где совершались католические службы, наряду с Москвой и Санкт-Петербургом.

С построением величественного и просторного каменного костёла жизнь католиков стала спокойнее. Патеры умерили активность своей пропаганды, что нашло признательность у руководства астраханской православной церкви. Одним из свидетельств этого явилось разрешение в 1799 году патеру Антоновичу преподавать латынь и французский язык в астраханской духовной семинарии.

В начале XIX столетия в Астрахань вместо капуцинов прибыли иезуиты — Вайцвило, Мамве и Вадзевич. С их приездом католическая пропаганда среди населения вновь оживилась, причём теперь, как вообще свойственно иезуитам, большее внимание уделялось воспитанию детей. В 1807 году с разрешения учебного начальства при астраханской католической церкви открылся благородный пансион от Плоцкой иезуитской академии. Большинство учащихся составляли дети армян. Последователи Игнатия Лойолы вновь распространили католическую пропаганду за пределы города на калмыцкие улусы. Но в 1816 году их представителей выслали из Москвы и Петербурга, а в 1820 году последовал указ о высылке всех иезуитов за пределы Российской империи. Однако в Астрахани они оставались ещё три-четыре года благодаря доброжелательности к ним местных светских властей и населения.

На их место прибыли патеры францисканского ордена. Кроме главной церкви в 1820 и в 1844 годах были выстроены две каменные часовни. В конце XIX века создалось Астраханское римско-католическое благотворительное общество, просуществовавшее до конца 1917 года. В его задачи входила помощь неимущим католикам, содержание детской школы для детей католического вероисповедания.

Вопрос о том, утвердился ли латинский крест на астраханской земле или посланцы папы потерпели поражение, остаётся спорным. Несмотря на длительные усилия папских миссионеров — капуцинов, иезуитов, францисканцев, их просветительскую, лечебную, пропагандистскую деятельность, католицизму не удалось завоевать широкой базы среди населения. Он остался чужд подавляющей массе астраханцев. И всё же несколько цифр: на 1900 год в городе насчитывалось менее 2000 католиков, в основном армян. К концу 1914 года в школе астраханского римско-католического благотворительного общества состояло всего 45 учащихся.

В 1917 году в России пришли к власти большевики, и Римско-католическая церковь разделила участь всех остальных церквей и религиозных организаций, исключая синагоги, которых погромы чудесным образом, а точнее, по воле новых хозяев страны, не коснулись. Однако в стране, называвшейся теперь СССР, костёл в Астрахани был разграблен и закрыт только в 1935 году, что само по себе свидетельствовало об авторитете католической миссии среди местного населения. После закрытия имевшиеся в его подвалах захоронения монахов осквернили мародёры. Какое-то время в храмовых помещениях размещались зернохранилище, мучной склад и мастерская деревянных изделий, что предотвратило более значимые разрушения этого уникального архитектурного памятника.

Только в 1991 году встал вопрос о возращении костёла верующим. Большую роль в возрождении католического прихода сыграл уроженец Польши Кшиштоф Немыйский, тридцатидвухлетний патер, пять лет до того прослуживший недалеко от Варшавы. Летом 1992 года он прибыл в Астрахань по приглашению московского архиеписко-

па Тадеуша Кондрусевича, чтобы стать первым настоятелем католического прихода в Астрахани после закрытия храма в 1935 г. При его активном участии уже в том же 1992 г. году храм возвратили и отдали католической церкви в безвозмездное пользование. Началась реставрация здания храма, являющегося памятником архитектуры федерального значения.

На следующий год верующим вернули и Дом католической общины. В 1994 г. молодому патеру Кшиштофу поручили руководство Предсеминарией, где кандидаты в Высшую духовную семинарию в Санкт-Петербурге обучались азам христианской духовности. При Немыйском начался новый расцвет католицизма в низовьях Волги. Возобновленная культурная (концерты органной музыки, библиотеки и т.д.) и социальная (помощь малоимущим, старикам, летние лагеря для детей) деятельность стали находить всё большее признание у местного населения. Католический приход превратился в центр притяжения для верующей молодёжи, среди которой оказалось немало африканских и латиноамериканских студентов астраханских вузов. Он начал приобретать всё больший авторитет у властей, несмотря на крайнее недовольство современных православных владык подобным «католическим прозелитизмом».

Немыйский читал лекции о защите нарожденных детей. Наводил дружеские контакты с православным и мусульманским духовенством. В лихие девяностые Патер Кшиштоф основал в городе благотворительный центр «КАРИТАС», помогавший беженцам, «детям улицы», наркозависимым, матерям-одиночкам. Открывал дома помощи для таких людей.

В 1998 году Ватиканом была учреждена должность викарного епископа по южному региону с резиденцией в Саратове, что фактически означало возрождение Саратовской католической епархии Святого Климента. Католическая экспансия на юге России возобновилась, не только восстанавливая утерянные за годы советской власти позиции, но и завоёвывая новые.

29 ноября 2000 года жители Астрахани были потрясены известием об убийстве сорокалетнего патера Кшиштофа. По версии следствия убийцей стала подсыпавшая в чай настоятелю неизвестный яд Елена Шишкина, 61 года, имевшая судимость. Она сумела войти в доверие к пожалевшему её патеру, представившись беженкой из Казахстана Фридой Функлер, преследуемой за католическую веру. Просила дать ей временный приют и обещала завещать католическому приходу квартиру, которую намеревалась купить на якобы имеющиеся у неё средства.

Как выяснило следствие, за время пребывания в Астрахани Шишкина с корыстными целями пыталась войти в доверие к представителям религиозных общин города, успела стать своей в общинах баптистов и пятидесятников.

После приготовления отравленного чая для настоятеля и молодого дьякона Шишкина немедленно покинула комнату патера Кшиштофа, которую ей предоставили на первое время. Она тут же направилась в мусульманскую общину, где представилась уже Розой, попросила приюта, пообещав, как и в случае с католиками, отписать мифическую квартиру. Служители мечети привели Шишкину к тому же риелтору, который подбирал съёмное жилье для Фриды Функлер. Осознав, что ее обман раскрыт, аферистка тут же ударилась в бега. Но вскоре по горячим следам её задержали в одном из районов области.

Свою вину Шишкина так и не признала, не были выяснены и мотивы преступления. Судебная психиатрическая экспертиза установила полную вменяемость убийцы. Шишкину осудили на 12 лет колонии строгого режима, после чего её следы затерялись в сети исправительных заведений страны.

После трагической смерти отца Кшиштофа епископ пригласил в Астрахань францисканцев, которые служили здесь до конца XVIII века. Таким образом, орден снова вернулся в Астрахань

Монахи-францисканцы возобновили служение в храме в 2001 году. По свидетельству настоятеля — патера Вальдемара Мацкевича, на 2021 год его паства насчитывала свыше тысячи католиков. Прихожанами храма в основном являлись переехавшие в Астрахань или потомки прежних прихожан, которые составили порядка шестидесяти процентов. Остальная часть регулярно посещающих церковь — иностранные студенты, в основном из Африки. Из них самая большая группа — это португалоговорящие студенты из Гвинеи-Бисау. Воскресную мессу посещают около ста человек, а на пасхальные и рождественские службы в храме присутствуют примерно двести человек. Таким образом, регулярно в храме бывают 10-15 процентов католиков, проживающих в регионе. Те, кто живёт далеко и не может посещать службы часто, используют мобильную связь. Кроме самого патера Вальдемара, службы проводят ещё два монаха-францисканца, а также три сестры из конгрегации «Семья Мариам», приехавшие из Канады. К тому же последние годы католические богослужения в храмах Москвы, Санкт-Петербурга и Саратова стали регулярно транслироваться по интернету.

Иван ОБРАЗЦОВ

БАЗИС И НАДСТРОЙКА,

или Натуральное обозначение исторического метареализма

Есть довольно депрессивное утверждение,
что освоение исторического материала
иногда похоже на обгладывание кусков падали.

Пожалуй, надо признать, что подлинные базис и надстройка выглядят так, что культура выступает базисом, а экономическая система — надстройкой. Дело в том, что именно культура позволяет преодолевать механистичность рынка и экономическую агрессию хищничества, делая рынок подлинным инструментом развития. Рынок, в некоем (возможно, платоновском) смысле становится уже «неидеологией» и возвращается на своё подлинное место инструмента в контексте культуры.

В таком случае, культура обретает определённый многогранный смысл, где особенно фундаментальны направления под тегом «литература» — это и есть базовые настройки всей системы. Художественная речь и есть, судя по всему, высшая форма познания человеческих смыслов, но одновременно (и даже в чём-то диалектически) и та область, где формируются будущие устойчивые образно-символические категории смыслов. Таким образом можно приблизиться к пониманию, что художественная литература находится на стыке как минимум трёх дискурсов — философии, языкознания и социологии.

Такое обобщение нам необходимо сделать из соображений практических. Так начинает обозначаться карта возможностей для комплексного взаимодействия между участниками процесса как социально обозначенным институтом. Тогда начинает проясняться ещё одна карта — карта точек мировоззренческих соприкосновений в дискурсе культуры как в едином континууме речи/языка.

А далее становится понятна и культурологическая канва исторического дискурса, и Россия, у которой демократия уже генетическая, а Земской собор 1613 г. древнее многих амбициозных «демократий» современности. Попутно необходимо учитывать, что, в отличие от России, европейская часть континента так и пребывает в системе феодальной, то есть по определению пребывает в системе розни как неизбежной черты феодализма. В отличие, кстати, от Китая и даже США (впрочем, о штатах речь отдельная).

И вот на западной стороне континента Евразия маленькие, злобные феодалы накопили всяческих артефактов типа политизированных бесед на кухне и лживых уверений в верности. Мало того, будучи сами артефактами не лучших страниц мировой истории и обросши жирком буржуазной спеси, эти мелкие бюргер-феодалы умудряются до сих пор очаровательно улыбаться собственному народу. Дошли уже до натуральных истерик и мелодрам в духе мыльной оперы от склочных старушонок из затхлого дворика. В общем-то, во всех отношениях сложно именовать представленные бюргер-феодальные системы прогрессивными.

Отдельного описания требует североамериканский культурологический дискурс. При буквальной связи с европейскими феодальными системами на уровне языковом, система североамериканская эволюционировала в нечто подростково-упрямое, хотя иногда для вида и сговорчивое. Вся жеманность Голливуда и бандитское прошлое Вашингтона не более чем артефакты подросткового периода, поэтому и супергероика так сильно определяет медиа-сознание американоговорящих культ-ресурсов. Разуме-

ется, особый тип североамериканской религиозности добавляет колорита. В любом случае, сговорчивость допускается, лишь бы «родители» позволили дальше развлекаться. Это радикально иная мировоззренческая картина, в отличие от западно-феодальных склочных систем.

Конечно же, из присущего мировой культуре милосердия «европейских тётушек и бабушек» пока терпят, но момент определения их в какой-нибудь дом престарелых со специальным присмотром уже близок. Следует уточнить, что мы говорим сейчас в том числе и о культурологической стороне дела. То есть «европейские тётушки и бабушки» — это и та часть, которая проходит в том числе и под тегом «литература» как высшим проявлением общего поля культуры.

С другой стороны, отечественные проблемы налицо, а демонизация советского периода в истории России очевидно ложный путь, тем более, когда речь идёт об использовании «православного контекста». Возникающие — советского и православного прошлого как бы по отдельности — социальные противоречия неизбежны, если не отказаться от этой конфликтной «демонизирующей» дискурсивной практики в поле литературы. Необходим единый исторический массив опыта и времени, осмысляемый именно в цельности.

Да, это, несомненно, ускоренное освоение исторического материала, ведь те же реформы императора Петра стали предметом подлинного освоения лишь в начале 19 века. Но такое ускорение освоения исторического материала есть естественная динамика актуального состояния поля речи/языка. Другими словами, сама современная динамика коммуникации изменилась радикально, поэтому и скорость осмысления необходимо должна сочетаться с насыщенностью исторического опыта.

Исторический процесс, таким образом, является периодами доминирования тех или иных надстроек при неизменности базиса — культуры, так как именно этот базис и сформировал основные цивилизационные особенности дискурсов. Мысль о Русской цивилизации как о некоем цивилизационном дискурсе становится здесь неизбежной, но перестаёт принимать уродливые формы обуржуазенного или эгализованного мировоззрения феодалов.

То есть мы выходим к пониманию такого вопроса, как Русская цивилизация, или Русский мир, и мы можем уже говорить о различных цивилизационных проблемах. Но Европа является ли частью этого дискурса, имеет ли она в своей истории нечто, показывающее преодоление архаичных форм общества? Ведь упомянутая выше феодальная раздробленность западноевропейской части континента является лишь осколками существовавших цивилизаций — Египетской, Вавилонской, Греческой, Арабской. Таким образом, ставится под сомнение легитимность участия данных региональных элит в общемировых цивилизационных вопросах — такова радикальная форма цивилизационного дискурса на сегодняшний день.

Выражая древние языковые слои и соприкасая их с актуальной современностью, подлинное писательство сегодня есть участие в межцивилизационном диалоге, а литература является самым тонким способом настройки базиса — культуры.

Марат ВАЛЕЕВ

КРЫША НАД ГОЛОВОЙ

Это сейчас я живу в большой, просторной квартире на десятом этаже кирпично-монолитного дома с охраной, с огромным застеклённым балконом, лифтом, мусоропроводом, раздельными ванной и туалетом, с разными современными прибамбасами на большой кухне, с метровоэкранным плоским телевизором в гостиной. А было время...

Против лома есть прием

— Всех убью, не подходите! — кричал отец, стоя у двери в нашу комнату и размахивая ломом.

А за его спиной громко плакала мама и голосил я, трёх- или четырёхлетний пацан, и ещё один мой брат, совсем крохотный, спал в глубине комнаты в зыбке.

Нас пришли выселять какие-то чужие дяди с тётями, и с ними был милиционер. Комната была в подлежащем сносу бараке, где во время войны и после неё жили то ли ссыльные, то ли пленные немцы, под конвоем строившие город Краснотурьинск. Потом их отпустили домой, но бараки эти долго не пустовали — их тут же заняли семьи «вербованных» на городские стройки, в том числе и наша.

В таком возрасте мало что запоминается, так, какие-то отдельные картинки. Я запомнил вот эту. И та комната, из которой нас всё же выгнали, чтобы сломать освобождённый барак и высвободить место под городскую новостройку, была также первым запомнившимся мне, приютившим нашу маленькую семью жильём.

В этом повествовании я хочу рассказать, как мои родители, а затем и я сам, став взрослым, решали пресловутый «квартирный вопрос», эту извечную проблему советских граждан (кстати, она и сегодня никуда не ушла, а возможно, даже стала более острой, так как раньше хоть государство обеспечивало людей жильём, а сейчас народу самому приходится всячески изворачиваться, чтобы заиметь собственную крышу над головой).

Я не собираюсь никого ругать за эту застарелую проблему или как-то анализировать её. Нет. Моя задача куда скромнее — просто описать на собственном примере, как в масштабах огромной страны решалась жилищная проблема её граждан. Для чего это нужно? — спросите вы. Для истории — отвечу я вам. Вот именно так, ни много ни мало, а именно для летописи, так сказать, собственной семьи.

Но вернёмся к нашим баракам. После того как нашу семью всё же выставили из бывшего немецкого коллективного жилья, пребывание в Краснотурьинске (отец там работал на алюминиевом заводе разнорабочим, а мама сидела с нами, малолетними ещё пацанами) без крыши над головой потеряло всякий смысл, и мы вернулись на историческую родину, в татарскую деревушку.

Там мы то ли жили у родителей отца, то ли у кого-то квартировали, это я точно не помню. Но зато хорошо запомнил, как спустя какое-то время разгневанная мама с младшим братом на руках (а я бежал следом) ушла пешком в соседнюю деревню за пять километров, где жили её родители. Оказывается, батяня мой загулял, и мама ушла от него и забрала с собой детей. Вскоре отец и вовсе исчез из деревни вместе со своей пассией.

А мы с уже подросшим братцем без конца орали на два голоса, требуя батю. И мать не выдержала. Она отыскала через знакомых и родственников адрес отца, сгребла нас в охапку и отправилась в Казахстан, где обосновался отец.

Это оказалось маленькое, дворов на сотню с небольшим, сельцо на берегу Иртыша. Помню, как отец обалдело смотрел на нас, когда жарким летним днём мама нашла его на берегу живописного, поросшего камышами озера, где он ловил щук и окуней.

Мы шли к отцу по зелёному лугу, над нашими головами порхали бабочки, на ярких цветах копошились толстые мохнатые шмели, а он стоял, опираясь на длинное удилище и раскрыв рот. А когда я побежал к нему, путаясь ногами в высокой траве и крича: «Папа, папа!» — он бросил удочку и побежал мне навстречу. Так наша семья воссоединилась вновь.

А как же отцова любовница? — спросите вы. Да не знаю, я её не видел даже или просто не запомнил. А мы остались в этом селе со смешным названием Пятерыжск. Потом я узнал, что называлось оно так не из-за наличия в нём каких-то пятерых рыжих людей, а потому, что этот бывший казачий форпост стоял на пятом по счёту не то от Омска, не то от Железинской крепости «рыжике» — глубокой рытвине, промытой в жёлтом песке дождевыми ручьями в склоне иртышского берега.

Ордер на мазанку

Здесь шёл подъём целинных земель, и люди были нужны. Но жить при этом нам было негде: той комнаты, которую снимал отец, ему и его пассии хватало, а на семью из четырёх человек этого было очень мало. Да и мама ни за что не захотела бы здесь жить по понятным всем, я надеюсь, причинам. Но свободных домов в селе не было. И нас поселили в саманном помещении на краю села, на одной половине которого часами тарахтела дизельная электростанция, а вторая была приспособлена под столярную мастерскую.

Мастерскую перевели куда-то в другое место, а в её половине и поселилась наша семья. Мне на всю жизнь запомнились надоедливый грохот дизель-генератора, более чем хорошо слышный через тонкую перегородку, подрагивание и позвякивание посуды на столе от его вибрации и как в нашей комнате всегда стоял запах солярки, просачивающийся даже через стену. Казалось, соляркой пахнут даже мамины вкусные супчики.

Электростанция ревела только до полуночи, и хоть спать мы могли в тишине. Но когда в деревне случались свадьбы или какие-то другие торжества, мотористам «заносили», и они гоняли свой грохочущий дизель часов до двух-трёх ночи.

К счастью, мы прожили в этом кошмаре (хотя мне-то тогда было весело и интересно!) немного, месяца два, наверное. И потом нам от совхоза — нет, ещё от колхоза, совхозом он стал в начале шестидесятых, — выделили двухкомнатную мазанку. Тут, наверное, надо будет пояснить, что такое мазанка и какие вообще дома возводились в степной местности, где не было строительного леса.

Жильё, как, впрочем, сараи и бани, здесь строилось из самодельного кирпича — самана — и камышитовых матов (тростник в изобилии рос на пойменных озёрах в луговине). Были ещё «плетёнки» — это когда по контуру будущего строения ставят ивовые плетни в два ряда, а промежуток между ними засыпают землёй и утрамбовывают. Но во всех случаях полученные таким образом помещения обмазывают глиной (штукатурят), а затем уже белят известью, почему они и назывались мазанками.

Были в Пятерыжске и деревянные дома, но они большей частью строились в дореволюционный период — и какое-то время даже при советской власти — зажиточными казаками, которые имели возможность закупить и доставить из Сибири по Иртышу строевой лес. А позже для колхозников и совхозников «ляпались» именно вот такие дома, из более доступного и дешёвого строительного материала.

Эти дома имели плоские, немного овальные крыши, также обмазанные глиной, и в иные годы на них могли вырасти шампиньоны. Иногда крыши эти покрывали толем. Земляными же и покрытыми толем были и полы — далеко не каждый хозяин мог позволить себе выложить деревянный пол. Впрочем, дома эти хорошо держали тепло — если, конечно, нормально их топить, а в знойные летние дни хранили комфортную прохладу.

Кизяк вместо дров

Большой проблемой было топливо. Отец телегами привозил сушняк, который он подбирал или срубал в прибрежных пойменных рощах, в которых росли вербы, осины и тополя; их мы потом с моим подросшим младшим братом распиливали на чурбачки и складывали в поленницы под забором.

Но эти тонкие и сухие дрова прогорали очень быстро и шли главным образом на растопку. На зиму же нужны были более солидные дрова, чтобы если и разгорались медленно, то и горели потом долго, поддерживая тепло в доме часами. А для таких дров нужно было спиливать или срубать уже целые толстоствольные деревья, для чего нужно было покупать у лесника порубочный билет или что-то в этом роде, уже не помню.

Лесник наш жил в соседней деревне, и отвечал он за огромный лесной участок, протянувшийся на десятки километров по берегу Иртыша. А ездил он присматривать за своим участком на мягкой подрессоренной бричке. И не по лесу ездил, а тихонечко по деревне, и высматривал, у кого за забором видны свеженапиленные дрова. Он всех мужиков знал — как в своей деревне Моисеевке, так и в Пятерыжске. И, естественно, знал, кому он продавал порубочные билеты, а кому нет.

Завидев явно незаконно заготовленные дрова, лесник мягко подкатывал на своей таратайке к такому двору, привязывал лошадь к забору и шёл выявлять браконьера. Обычно всё сводилось к тому, что лесник прочно усаживался с хозяином двора за стол и под белоголовую-другую вёл с ним душеспасительные беседы. А в конце застолья прятал в карман синенькую или красненькую кредитку — насколько удавалось хозяину-браконьеру сговориться с блюстителем лесного законодательства — и уезжал восвояси в добром расположении духа. И мы могли и дальше спокойно топить свою прожорливую печку ивовыми или осиновыми полешками.

Напротив нас, наискосок, жило семейство казахов (их, кстати, в Пятерыжске было очень мало, всего несколько дворов). Так те топили свою печь кизяком — высушенными лепёшками навоза, смешанного с соломой. Этот кизяк они очень умело изготавливали и сушили в высоких, похожих на термитники буртах всё лето. Запах кизячного дыма помню до сих пор, и был он не то чтобы вонюч, но весьма своеобразен, даже не знаю, с чем его сравнить.

Соседи-хохлы прогревали своё жилище путём сжигания в печи... соломы! Она прогорала, правда, очень быстро, но и жар давала мгновенно, даже чугунная плита у них становилась малиновой. А ещё одна семья, папа в которой был механизатором, топила свою печь соляркой, которая впрыскивалась в неё под давлением из форсунки! И у них дома постоянно воняло этой соляркой всю зиму, как в том помещении, в котором мы жили через стенку от электростанции. С дровами в степной зоне всегда было плохо, стоили они дорого, вот народ и выкручивался как мог.

Это было в пятидесятые-шестидесятые годы. А в семидесятые, когда в Экибастузе, с объявлением там ударной комсомольской стройки, одновременно стали разрабатывать сразу несколько угольных разрезов и угля там стало хоть завались, его стали развозить и продавать по вполне сносным ценам и по сёлам области (от нас Экибастуз был на расстоянии примерно четырёхсот километров). Вот когда с топливом в деревне стало значительно проще, и уже не надо было так изобретательно выкручиваться, чтобы протопить своё жилище.

Земляные работы на кухне

Но вернёмся в тот дом, который колхоз определил моим родителям как нужным для него работникам (отец был молотобойцем в кузнице, мама — на разных сезонных работах) в постоянное пользование. Дом этот был уже с двором, сараем и коровой в нём — обзавелись ею почти сразу, а то как же без молочка?

Я ещё в школу не ходил, братцу моему было всего три года, и моей обязанностью было присматривать за ним в отсутствие родителей — днём ли, когда они были на работе, а то и вечером, когда они иногда уходили в сельский клуб на индийский фильм. И однажды мы с братцем учудили такую хрень, что мама наша потом без слёз и смеха вспоминать об этом не могла.

Они с отцом ушли на двухсерийный фильм, оставив нас под замком, а когда вернулись — в прямом смысле обалдели. Мы с братом были буквально вываляны в земле: она у нас была на руках, в волосах, на физиономиях, чёрными были наши коленки, а земляной пылью было запорошен весь пол на кухне. Я выше упомянул, что не все пятерыжцы в конце пятидесятых могли позволить себе в домах деревянные полы. Вот и в нашем саманном жилище он был земляной, закрытый сверху толем.

Так как нам с братцем наскучило без дела сидеть и ждать родителей, когда они вернутся с трёхчасового сеанса, то мы надумали поиграть в строителей земляного карьера. В нашем распоряжении имелись машинка-самосвал (заводская) и экскаватор, роль которого выполнял железный припечный совок.

Мы отвернули в одном углу кухни кусок толя, я копал карьер и загружал грунтом машину, а братец отвозил его и сваливал в другом углу. Периодически мы менялись ролями, что делало нашу тяжёлую работу социально справедливой. Ещё бы часок — и мы бы прорыли дыру на волю. Но тут вернулись родители и остолбенели при виде

освоенных нами земляных работ.

Я почему-то тот момент не запомнил, но, по всей видимости, нас (по крайней мере, меня как старшего) угощали далеко не пряниками. И то: вместо того чтобы спокойно обсудить за чашкой чая все перипетии только что просмотренного «Бродяги» с неповторимым Раджем Капуром в главной роли и потом улечься спать, родителям пришлось срочно растапливать печь, греть воду и купать нас, а также возвращать обратно почти кубометр выкопанной земли, утрамбовать её и вновь накрыть толем...

Это, кстати, было не единственное наше жилище в Пятерыжске. Родители даром время в тёмные ночи, когда электричество в дома сельчан подавали не полные сутки, не теряли. И к середине шестидесятых нас у них было уже четверо: три брата и сестрёнка. За это время наша разросшаяся семья поменяла три совхозных дома.

Дом, милый дом!

В армию осенью 1969 года уходил из трёхкомнатной квартиры. Ну, третья комната — она хоть была у нас как столовая, там стояла и кровать, на которой мог спать любой желающий. Обычно в столовой дрых или поддатый батя, если мама не пускала его во взрослую спальню, или я, поздно вернувшийся с какой-нибудь «тусовки».

В этой квартире уже всё вроде было как у людей: и пол деревянный, и шиферная двускатная крыша. Но всё же нам здесь было тесновато. И потому, когда я вернулся из стройбата готовым сварщиком и меня тут же приняли в штат тракторной бригады — и получалось, что на совхоз работали уже три члена нашей семьи, а вскоре к нам присоединился и вернувшийся в деревню после окончания профучилища средний братан, — руководство хозяйства сочло необходимым выделить на нашу семью четырёхкомнатную половину вновь выстроенного щитосборного дома.

Строители при его возведении сделали большой шаг к цивилизации: квартира была снабжена системой водяного отопления! Правда, роль котельной при этом играла наша же кухонная печь, в которую и был вмонтирован небольшой котёл. И температура в доме зависела от нас самих: как протопишь печь, так и погреешься. Но у нас уже всегда был уголь, и трёх-четырёх вёдер его хватало на целые зимние сутки. Летом печь, понятное дело, не топили, потому как готовили всё на газовой плите.

Этот дом был самым уютным из всех, в которых нам пришлось жить в Пятерыжске. Вообще я хочу заметить, что жизнь в деревне по всей стране, в том числе и в Казахстане, только-только наладилась в семидесятых-восьмидесятых годах. Люди стали неплохо зарабатывать, появился достаток; телевизоры, холодильники, стиральные машины считались уже не роскошью, а вполне заурядными приметами обихода. Парни и девчата одевались не хуже городской молодёжи. Пацаны вечерами носились наперегонки по сельским улицам на мотоциклах, во дворах у сельчан появились «москвичи» и «жигули». Их было бы больше, но на такую серьёзную и дорогую технику надо было выстоять многомесячную очередь.

Людям на селе было чем заняться, и рабочих рук даже не хватало. В нашем четвёртом отделении совхоза «Железинский» на тысячегектарных полях выращивались пшеница и ячмень, многолетние травы, подсолнечник, кукуруза. В дойных гуртах насчитывались сотни коров и телят, животноводы производили и сдавали государству молоко и мясо. Жизнь в селе кипела: постоянно рокотала техника, уезжающая для работы в полях или на лугах, где заготавливались корма, с раннего утра зудели доильные аппараты и задорно переругивались доярки и скотники, гудел сепаратор, перегоняющий молоко в сливки, за которыми приезжал молоковоз из райцентра.

Конечно, молодёжь и тогда старалась уехать в город. Но ведь немало было и таких, что оставались после школы или, помыкавшись в городе, возвращались домой, и им обязательно находилось дело. Теперь всё это, увы, в прошлом. На мою родную деревню без слёз смотреть невозможно. Здесь полностью свёрнуто всё сельскохозяйственное производство — оно всегда ведь было убыточным из-за высокой себестоимости мясо-молочной продукции и низкой урожайности как зерновых, так и кормовых культур (зона рискованного земледелия).

Это советское государство, как мы его, неблагодарные, ни ругали, могло позволить себе покрывать убыточность сельскохозяйственного производства, так как оно думало не только о выгоде, но и о людях. А так как мы сейчас идём по пути капиталистического развития, то от всего, что нам невыгодно, отказываемся. Все совхозы накрылись, что называется, медным тазом. На селе у нас не стало работы, и народ начал разъезжаться.

Сейчас от былого Пятерыжска не осталось, пожалуй, и половины. Село стоит в руинах от заброшенных домов, тех самых — саманных, камышитовых, щитосборных... И наша половина дома тоже стала нежилой — её используют теперь то ли как сарай, то ли как гараж; вот съезжу нынче туда, посмотрю, уроню скупую мужскую слезу.

А может, и поплачу от души на развалинах родного гнезда, в котором наша семья (всего один год вся целиком, а потом всё уменьшаясь и уменьшаясь, пока дома не осталась одна мама) прожила целых четырнадцать лет. Как нигде долго.

На квартире у бабы Мани

Я уехал в райцентр осенью 1972 года, поскольку был приглашён на работу в редакцию районной газеты «Ленинское знамя». Конечно, вопрос: как это получилось? Начал пописывать, мне показалось, что получается. Послал рассказ в газету, а они взяли и напечатали. Написал и послал второй — опять публикация. Потом меня попросили написать кое-что уже по редакционному заданию — справился. Ну а журналистов в районке не хватало всегда, вот меня и пригласили.

В райцентре я никого не знал, жить мне было негде. На первое время меня приютила мама моего приятеля Гриши Витковского (увы, его уже нет в живых). Он у нас работал заведующим клубом, районное управление культуры послало, а мама осталась в райцентре. Вот к ней меня Гриша и определил:

— И ей не так страшно и скучно будет, и тебе на работу недалеко ходить.

Кстати, домишко, в котором жила Гришина мама, баба Маша, тоже был саманным и всего на две комнаты, одна из которых была в то же время и кухней.

Вот напротив печки я и поставил свою панцирную кровать. За жильё платил символическую цену — трёшку в месяц, да и ту добрая старушка не хотела брать. Продукты я привозил из деревни: мясо, картошку, что-то там ещё. До работы мне действительно было пройти всего метров сто. Удобно, конечно, но делить как-то с бабкой тесное жилище, в котором у меня не было даже своего стола, слушать её рассказы, что болит то там, то здесь, было, что называется, «не комильфо».

Но вскоре моя жилищная проблема была решена кардинальным образом. Заместитель редактора Калиновский получил назначение на должность редактора новой экибастузской объединённой (одновременно городской и районной) газеты «Вперёд». Там ему уже выделили благоустроенное жильё, и в один из ноябрьских дней он съехал со своей двухкомнатной квартиры в двухэтажном каменном доме (из силикатного кирпича) по улице Ленина.

Эта квартира была закреплена за редакцией, и шеф сказал мне:

— Завтра утром помоги Калиновскому погрузить его вещи в машину. Он тебе потом отдаст ключи, тут же занимай квартиру. Пропиской, ордером займёмся позже.

И на следующий день, ранним ноябрьским утром, под обильным снегопадом, в жёлтом тусклом свете редких уличных фонарей, я топал с позванивающей панцирной кроватной сеткой на спине и связанной в узел постелью к своему будущему постоянному жилью.

У подъезда Калиновского уже стоял грузовик с откинутым бортом кузова, куда сноровисто грузили замредакторские вещи сам Владимир Мартынович, ответсекретарь Леонид Павлович Кишкунов, тоже живущий в этом доме, корреспондент Гена Державцев, он же сын редактора, и толстенький и жизнерадостный, с исходящей паром на лёгком морозце открытой волосатой грудью редакционный шофёр Толя Загородный.

— Заноси своё барахло в дом и присоединяйся к нам, — приказал Калиновский.

«Ну, живи!» – сказал он

Я затащил в открытую настежь квартиру на втором этаже свою постель и успел отнести к машине то ли табуретку, то ли тазик, не помню, — и погрузочные работы закончились. Мы ещё покурили все вместе в пустой затоптанной квартире с повсюду рассыпанными газетами и журналами, и Калиновский отдал мне ключи.

— Ну, живи! — просто сказал он. И уехал в Экибастуз. Больше я его не видел.

Квартира была двухкомнатная, с полезной площадью в тридцать два квадратных метра, благоустроенная и даже с балконом. Правда, из всех удобств исправным было только центральное отопление, водопровод и канализация почему-то не работали. По нужде жильцы дома ходили в общий сортир на несколько кабинок в конце двора, а воду брали из колодца, спрятанного в надстроенной над ним дощатой будке. Вода, надо признать, была замечательно холодная, от неё даже ломило зубы.

Бесполезную ванну я использовал для хранения пустых бутылок — был же холостым, и ко мне постоянно наведывались коллеги из редакции, приезжающие из деревни по каким-либо делам односельчане. А у нас же не принято ходить в гости с пустыми руками.

Но жениться мне всё же пришлось, причём в срочном порядке. Редактор припугнул, сказав, что в райисполкоме прознали, что я один шикую в двухкомнатной кварти-

ре, а это непозволительная роскошь при всеобщей остро стоящей жилищной проблеме. Кстати, в деревне у меня кое-кто просто на уши встал, узнав, что я, не успев уехать в райцентр, стал владельцем благоустроенной квартиры: как? за какие такие заслуги? Да, блин, вам-то какое дело!

Но если своим я ещё мог так ответить, то в райисполкоме такой довод не мог быть принят. Там захотели кого-то ко мне подселить. Шеф вызвал меня к себе и прямо сказал: женись, хотя бы формально. Иначе квартира, всегда негласно державшаяся за редакцией, уплывёт, если раньше меня женится ещё неизвестный мне кандидат на подселение. Тогда меня просто переселят в какую-нибудь общагу, чтобы я не мешал счастливой жизни вновь образованной семейной ячейки.

А у меня, признаться, и кандидатуры-то подходящей на примете не было. Я всего одиннадцать месяцев прожил дома после армии. Успел, правда, погулять сначала с агрономшей приезжей, потом с учительницей, тоже не местной (свои девчонки-ровесницы или учились в это время в городе, или уже повыскакивали замуж); что-то у меня ни с одной не склеилось, и на них потом женились мои приятели.

Тем не менее, невеста для меня отыскалась: была на примете девчонка, не местная, жила на той стороне Иртыша. Родители наши дружили и наезжали иногда друг к другу в гости. Вот её-то я и привёз в свою бывшую холостяцкую двухкомнатную берлогу. Сыграли свадьбу и зажили чин по чину.

Мамонт в ванной

Бутылки все сдал, ванна опять освободилась, но водопровод до сих пор не был налажен. Тогда мы в ванне стали хранить картошку, а в самом помещении я стал складировать... кости мамонтов. Я их находил на берегу Старицы, древнего русла Иртыша, куда ходил ловить ельцов и подъязков, и, как давний любитель старины (ещё с детства мечтал стать археологом), не мог пройти мимо таких артефактов, а тащил их домой. Вскоре в ванной комнате скопилось центнера два древних костей: огромная голень мамонта (как я только допёр её!), пара обломанных бивней, несколько зубов, рёбра, ещё что-то.

Они скоро стали пересыхать и осыпаться, а что с ними делать, я не знал. Областной музей, куда я позвонил и великодушно согласился передать им свою бесценную коллекцию, причём даже бесплатно, выступил с обратным предложением, суть которого заключалась в том, что я сам должен привезти им эти кости. То есть найти машину, погрузить это мамонтово кладбище и отвезти в Павлодар, до которого около двухсот километров.

Когда жена, в очередной раз напугавшись вида этих костей, чуть преждевременно не родила, я погрузил их на санки и отвёз по первому снегу в школьный краеведческий музей, чему там тоже не очень-то обрадовались — у них своих костей некуда было девать. Тем не менее, приняли и спрятали до поры до времени в запасник. И ванная комната снова приобрела свой первозданный вид. А вскоре в доме отремонтировали водопровод, и у нас появилась вода. Правда, только холодная. И поэтому мыться мы предпочитали ходить в общественную баню, а не греть дома воду в вёдрах, чтобы наполнять ею ванну.

В этой квартире мы прожили семь с половиной лет. 1980-й стал переломным в моей жизни. Я решил бросить газету — платили в ней мало, хоть запишись, вместе с гонорарами получал максимум сто шестьдесят рублей (начинал вообще со ста пятнадцати). Ну и жена на своей швейной фабрике зарабатывала около сотни, изредка чуть больше. А ведь надо было одеваться, приобретать обстановку, содержать растущую дочь. Не мог я себе отказать и в поддержании затратных вредных привычек.

Так что хоть я и любил свою работу, но постоянная нехватка денег, когда приходится то и дело занимать «до получки», мне надоела. И я уволился из газеты и уехал сам в Экибастуз, где разворачивалась грандиозная всесоюзная стройка, на которой, говорили, даже обычные землекопы запросто получают по три сотни. А я, если вы помните, был сварщиком четвёртого разряда, так что на работу должен был устроиться с ходу. Ну а со временем решил бы и жилищный вопрос и перевёз семью.

Переезд в Экибастуз

На первое время меня приютила моя двоюродная тётка, тётя Галя. Она с мужем и четырьмя детьми жила в четырёхкомнатной квартире. Давно, ещё в начале шестидесятых, она, неожиданно овдовев (муж разбился на мотоцикле), списалась с моим отцом, её двоюродным братом, и в поисках лучшей доли уехала из Волгограда к нам. Тётя Галя (вообще-то правильно Гульшат-апа), сама ещё молодая синеглазая красавица, привезла с собой и кукольной красоты четырёхлетнюю дочку Гульсину (на русский

манер её тоже почему-то называли Галя, хотя явно просилось имя Гуля), которая, завидев у нас во дворе петуха, подбежавшего к ней знакомиться, испуганно закричала мне:

— Убей его! Убей!

«Ишь ты, горожанка ещё мне! — фыркнул я тогда про себя. — Петуха никогда не видала, а туда же: убей!»

Тётю в том же году высватал и увёз к себе в Иртышск отцов земляк Шамиль, работавший электриком в пожарном депо. Мужик он был ничего, даже симпатичный, но очень уж смуглый, просто цыган какой-то. Но тётку он, похоже, устраивал, и вскоре обе Гали перебрались с Шамилем на пароме на ту сторону Иртыша. А в семидесятых, когда их всех стало уже шестеро, переехали в Экибастуз, где Шамиль, как ценный работник (хотя что ценного было в его профессии электрика?) и многодетный глава семьи, быстро получил сначала трёхкомнатную квартиру, а затем и четырёхкомнатную.

Не скажу, чтобы мне сильно обрадовались (кроме Шамиля, которому моё появление дало легальный повод для выпивки, чем он немедленно и воспользовался), когда я объявился на пороге той самой четырёхкомнатной квартиры. Но долг, как говорится, платежом красен, да и родственные узы обязывали. В общем, вопрос был решённым: мне выделили комнату отсутствующей по причине обучения в мединституте старшей дочери тёти Гали — Гульсум. Конкретных сроков, сколько я здесь могу жить, никто не называл, но и так понятно было, что чем быстрее я решу вопрос с трудоустройством и получением жилья, тем будет лучше для всех.

И вот, после того как встретился с работающим в Экибастузе своим земляком (адресом я запасся заранее и нашёл Серёгу вечером в семейной общаге неподалеку от приютивших меня родственников, и он рассказал, как ему работается в домостроительной бригаде, сколько им платят и что им очень нужны сварные), я прогуливался апрельским тёплым деньком в приподнятом настроении по улице Строительной. Мимо, разбрызгивая лужи, часто проезжали легковые машины и автобусы. И вдруг услышал, как кто-то зовёт меня по имени.

И снова в районку!

В недоумении завертел головой: кто бы это мог быть? Я ведь практически никого не знал в Экибастузе. И тут вижу: впереди меня, метрах в двадцати, притуляется потрёпанная «Нива», а из кабинки высунулся и машет мне рукой не кто иной, как наш бывший ответственный секретарь Кишкунов!

Он получил назначение редактором в ту же газету, что и Калиновский до него, после объявления последнего пропавшим без вести. У Владимира Мартыновича судьба сложилась трагически: он психически заболел, долго лечился, потом его забрал к себе родной брат, живший в одном из совхозов Иртышского района. А там Калиновский однажды вышел из дома, и никто его больше не видел — ни живым, ни мёртвым. Вот Кишкунов и занял его место.

«Если будет звать в газету, ни за что не пойду!» — поклялся я себе, с улыбкой направляясь к машине. Поздоровались, похлопали друг друга по спине. Кишкунов, оказывается, ехал к себе на обед. Пригласил меня отобедать у него. Мне всё равно пока делать нечего было, и я поехал. А дома под пельмени и водочку с груздочками Леонид Павлович и сосватал меня, клятвоотступника, к себе в газету «Вперёд». На должность завсельхозотделом.

— Квартиру я тебе сделаю через райком как нечего делать, — уговаривал меня Кишкунов, подкладывая мне пельменей и подливая водки. — На стройке ещё неизвестно, когда ты её получишь. Знаешь, сколько народа здесь мается по общагам да времянкам? Годами ждут! А я тебе гарантирую: через пару месяцев хата у тебя будет! С зарплатой всё нормально будет: в облполиграфиздате мне сказали, что ждут повышения со дня на день, гонорарами тебя обижать не буду. Идёт?

И я сломался и пожал протянутую мне будущим редактором руку. И уже через день катил в редакционном «уазике» в какой-то совхоз — кажется, «Саргамысский» — за материалами для газеты.

Квартиру мне Кишкунов пробил только через полгода, двухкомнатную в панельном доме и в паре километров от редакции, так что на работу добираться приходилось на автобусе. Здесь я прожил до 1989 года. Так же работал в газете «Вперёд», поступил на заочный факультет журналистики Казахского госуниверситета, раз в год стал ездить на сорокадневные экзаменационные сессии в Алма-Ату, опять порядком устал от районной газеты с её бесконечными командировками в совхозы и засобирался в многотиражку «Угольный Экибастуз», куда меня звал редактор Василий Матвеюк.

— Триста рэ будешь получать как с куста, — сулил он мне. — И не надо мотаться по аулам. Ну, съездишь пару раз в месяц на угольный разрез на электричке, а так весь материал можно брать в шахтоуправлении...

Я уже собрался туда, да как-то обмолвился в телефонном разговоре с редактором областной газеты «Звезда Прииртышья» Юрием Поминовым (тоже, кстати, железинский кадр, начинал ещё до меня в «Ленинском знамени») о том, что ухожу из районки в многотиражку.

— Ну, раз ты всё равно уходишь от Кишкунова, то я с чистой совестью приглашаю тебя на работу к нам, — сказал мне Юра.

Собкор «Звезды Прииртышья»

Я давно печатался в областной газете; кроме того, мою подпись можно было встретить в республиканских газетах и журналах, проскакивали публикации и в столичной прессе, и сейчас, с поступлением в университет, я становился, надо понимать, перспективным журналистом. Был ещё достаточно молод — всего тридцать пять лет, ещё не поздно было что-то менять в своей жизни и карьере. И я принял приглашение Поминова и, как меня ни уговаривал остаться редактор моей районки Кишкунов, а также к явному разочарованию редактора «Угольного Экибастуза», уехал в Павлодар.

Полтора или два месяца я жил в общежитии железнодорожников, куда меня пристроил Поминов, деля комнату с машинистом тепловоза, который, впрочем, очень редко здесь ночевал, так как постоянно бывал в рейсах.

Я работал корреспондентом в отделе сельского хозяйства, и так же, как и раньше, мотался по командировкам, только теперь уже по всей области, и так же писал о проблемах и заботах аграриев; на выходные уезжал в Экибастуз. И со временем что-то начал сомневаться в том, что скоро получу квартиру в областном центре и перевезу сюда семью.

Но тут в Экибастузе освободилось место собственного корреспондента по ЭТЭК (Экибастузскому топливно-энергетическому комплексу). Бывший собкор Виктор Горбенко закрутил роман с симпатичной сотрудницей городской газеты «Заветы Ильича» Наташей Узуновой, она ушла от мужа, и они вместе уехали на Ставрополье.

Собкоровский пост областной газеты в очень важном для области, да что там — республики, всей страны, — промышленном узле оказался вакантным. И проблема эта был решена моментально: меня просто вернули домой, в Экибастуз, но в новом качестве. Так я стал освещать в «Звезде Прииртышья» ход развития ЭТЭК.

Ездил по стройкам, электростанциям, угольным разрезам, а писал дома на кухне ночами или днём, когда жена уходила на работу, а дочери — одна в школу, вторая в детский сад. Оперативные материалы диктовал в редакцию по телефону (во, забыл сказать: мне же, как собкору, подвели телефон, а так невозможно было дождаться своей очереди!), а прочие статьи, корреспонденции, очерки и заметки раз в неделю отвозил пакетом на автовокзал, договаривался с шофёром рейсового автобуса, чтобы он оставил пакет в кабинете диспетчера на Павлодарском автовокзале, а там его забирал представитель редакции, — эта схема была отработана ещё до меня и редко когда давала сбои.

Служебный роман

В обязанности собкора также входит организация авторского актива, членам которого можно было бы заказать материал для газеты на ту или иную тему. Вскоре в поле моего зрения попала прехорошенькая корреспондентка газеты энергостроителей Светлана, да так в нём и осталась. Более того, она вскоре овладела всеми моими мыслями, а затем и сердцем, причём не безответно.

Завязался служебный роман, потому что поначалу мы встречались исключительно в редакции многотиражки, где работала Светлана: я приходил и забирал подготовленные ею для областной газеты материалы, договаривался о новых. Потом наши отношения перешли в стадию, где свидетели совершенно не нужны, и мы стали искать уединения и находили его.

Экибастуз — город небольшой, и наши отношения очень быстро потеряли покров секретности. Нас пытались вернуть обратно в семьи, но всё было напрасно: мы уже не могли быть друг без друга, да и не хотели. И всё завершилось (или началось?) тем, что мы со Светланой оставили Экибастуз и уехали далеко-далеко, на Крайний Север, чтобы нас оставили в покое и не мешали любить друг друга.

Крайний Север — он хоть и необъятный, а для нас сфокусировался в маленькой точке на карте, именуемой посёлком городского типа Тура. Это был административный центр Эвенкийского автономного округа. Был — потому что сегодня это уже районный центр. А тогда Тура на полном серьёзе именовалась даже столицей Эвенкии!

На самом деле в этом крохотном посёлке у слияния рек Нижняя Тунгуска и её притока Кочечум тогда проживало в пределах шести с небольшим тысяч человек. А всего

на огромной территории Эвенкийского округа площадью в 766,6 тысячи квадратных километров, в двадцати семи сёлах (городов здесь не было и нет), обитало немногим более двадцати тысяч человек. На долю коренного населения — эвенков, кутов, кетов — из них приходилось менее четверти.

Почему Тура?

Как мы сюда попали? Ещё в Экибастузе я разослал письма в кучу северных газет с просьбой приютить парочку журналистов. Через пару-тройку недель стали приходить ответы, но в большинстве из них содержалось приглашение только для одного из нас. А вот редактор газеты «Эвенкийская жизнь» Эдуард Иванов звал нас обоих, обещая не только интересную работу, но и быстрое решение квартирного вопроса. Он также расписал прелести эвенкийской природы, местной охоты и рыбалки. А я был заядлым рыбаком, и все эти плюсы сыграли в пользу нашего переезда в Эвенкию.

Прилетели в Туру в конце июня, холодным дождливым днём, втроём. Никто в порту нас не встретил, и мы пешком пошли по мокрому, грязному посёлку, застроенному обшарпанными деревянными двух- и одноэтажными домами, с проложенными вдоль улиц деревянными же тротуарами и коробами теплотрасс. Расспросы редких прохожих привели нас к продолговатому и, как вы догадались, деревянному одноэтажному зданию под жестяной крышей, с решётками на окнах. Это и была редакция (с типографией под одной крышей). Все очень удивились нашему появлению, включая редактора.

На первое время Иванов пригласил нас жить к себе: жена его с дочерью уехали в длительный северный отпуск, и редактор холостяковал. Жил он метрах в ста от редакции, в трёхкомнатной квартире на втором этаже деревянного дома, обшитого крашеной вагонкой. Поскольку, как я понял, нам вскоре тоже предстояло занять примерно такое же жильё (типовое для Туры), я стал внимательно рассматривать дом Иванова и расспрашивать о его особенностях.

Оказалось, что все дома в Туре строят из лиственничного бруса, материала прочного и тёплого. Дома стоят на сваях из-за вечной мерзлоты, и по низу их обшивают той же вагонкой по всему периметру, чтобы тепло не так быстро уходило через пол. Двухэтажные многоквартирные дома подсоединены к центральному отоплению, трубы которого проложены поверху и спрятаны в короба с утеплителем — опилками, стекловатой. В то же время все квартиры для страховки снабжены кирпичными печками. В дальнейшем нашем бытии в Туре я понял, насколько это важно на Севере — при центральном отоплении иметь ещё и печь.

На этом все удобства кончались. Туалет — общий, на несколько «очков», на задворках. Рядом же — большие деревянные ящики для складирования сухого мусора, жидкие отходы предполагалось сливать в вырытые в вечной мерзлоте ямы-септики. Но содержимое ям замерзало с первыми же крепкими морозами (а они в Эвенкии начинаются в октябре и отступают лишь в апреле), и народ всё валил в ящики, и всё это смерзалось колом.

Все удобства во дворе

Пытались здесь наладить более-менее цивилизованный подход к утилизации продуктов жизнедеятельности человека. Для чего на всю Туру в разных местах построили около десятка или чуть более того септиков: такие деревянные комплексы типа амбаров, на втором этаже которых устанавливались бункеры для накапливания мусора (чтобы вывалить туда ведро, надо было подняться по крутой обледенелой лестнице наверх). По мере накопления бункер освобождал своё содержимое в кузов заезжающего в септик через специальные ворота самосвала.

К септику же был пристроен общий многоместный туалет — с отоплением! Но так как септики вовремя не обслуживались, вездесущие вандалы разбивали стёкла и двери в сортирах, отопление в них перемерзало, и все эти грандиозные и весьма недешёвые сооружения очень скоро одно за одним повыходили из строя. И народ снова стал вываливать и выливать мусор на задах дворов и «ходить» в холодные сортиры, а в морозные дни использовать для этого обычное эмалированное ведро.

К счастью, в девяностых в продаже появились компактные биотуалеты голландского производства (как поговаривали, наше изобретение для космонавтов, но выпуск этого чуда сантехники для простого народа наладили, как водится, за бугром и нам же стали продавать). Они стоили довольно дорого, недешёвыми были и полагающиеся к ним химикаты; но кто их приобретал, затем об этом не жалел. Мы тоже обзавелись таким пластиковым «горшком» с двухведёрным объёмом вместимости, но всё это будет позже.

Водопровода в посёлке тоже, понятно, не было. Нет, его хотели построить ещё в советские времена, даже поставили насосную станцию на крутом берегу Нижней Тунгуски и смонтировали сколько-то десятков метров трубопровода за сумасшедшие деньги, но потом эта работа была заброшена. И вода к домам туринцев и по сей день подвозится водовозками и сливается в стоящие во дворах бочки. Зимой её надо срочно перетаскать в дом, иначе замёрзнет. Прозеваешь — и выколачивай потом из бочки двухсоткилограммовую глыбу льда. И это опять же на морозе, а морозы в Эвенкии за сорок-пятьдесят стоят по нескольку месяцев.

У Иванова мы прожили несколько дней. А потом он нас устроил в местную коммунальную гостиницу рядом с аэропортом, с точно такими же удобствами, описанными выше. Сказал: не переживайте, это временно. Но как было не переживать? Мы со Светланой практически с первого дня нашего приезда сюда были приняты в штат окружной газеты, на второй день пошли в туринские организации за материалом для газеты, на третий уже подготовили свои публикации и сдали их в секретариат. И с той поры стали «гнать» полноценную строку для «Советской Эвенкии».

А что такое появление сразу двух продуктивных и мобильных журналистов в штате небольшой газеты, понимающим людям объяснять не надо. То есть свою часть заключённого с нами договора мы выполняли. А вот обеспечение нас жильём затягивалось. И я уже порой начинал жалеть, что зря мы не поехали, например, в посёлок Дальнегорский Приморского края или в Маму Иркутской области.

Там, правда, работу в газете предлагали только одному из нас, но зато жильё обещали предоставить сразу. А с другой стороны, Иванов ведь тоже писал, что у него всё «схвачено» и квартира нам обязательно будет предоставлена. Но пока у него что-то там, в тех инстанциях, куда он ходил хлопотать за нас, не сраталось. Ни в поссовете, ни в райисполкоме, ни в окружкоме партии.

Квартира в «китайской стене»

Наконец, в конце июля, редактор пришёл на работу радостный и сказал, что жильё на зиму у нас будет! Правда, пока арендованное. Какая-то семья уезжала на неопределённое время жить и работать в Ванавару (один из трёх райцентров округа), вот Иванов и договорился, что мы временно займём их «полуторку».

Квартира располагалась в длинном деревянном двухэтажном доме (его ещё называли то лежачим небоскрёбом, то китайской стеной), уступами сползающем от поселкового кладбища вдоль улицы имени Увачана. Из стен этого дома, как и многих других, в некоторых местах свисали длинные резиновые шланги, назначение которых мы поняли не сразу. Оказалось, что это так называемые несанкционированные сливы.

Канализации в Туре ведь практически не было, за исключением единственного двухэтажного кирпичного окружкомовского дома да ряда хоть и деревянных, но благоустроенных домов, выстроенных для своих работников богатой экспедицией «Шпат». Вот чтобы не ходить в морозы на улицу с использованной, допустим, для стирки водой или после умывания или мытья посуды, в стенах других неблагоустроенных домов, коих в Туре было большинство, пробивались дыры, в которые и пропускали эти шланги.

В квартирах они крепились к раковинам, в которые и сливались помои. А те по шлангу вытекали наружу — или во двор, или на проезжую часть улицы. И сколько «радости» бывало в зимние дни водителям машин или пешеходам, преодолевающим эти наледи. По весне же всё это добро таяло и по руслам ручьёв стекало или в Нижнюю Тунгуску, или в Кочечум.

Власти старались бороться с этой антисанитарией, пугали владельцев незаконных сливов штрафами, а кого-то и штрафовали, но всё бесполезно — такие сливы в Туре есть и сегодня. По большому счёту, власти окружного (а с 2006 года, после возвращения Эвенкии в лоно Красноярского края, — районного) центра не то чтобы устали бороться с данным явлением, а смотрят на него сквозь пальцы.

Они прекрасно понимают, что жители не из вредности и не от хорошей жизни идут на сооружение этих сливов, а пытаются хоть чуть-чуть сделать свою жизнь в условиях Крайнего Севера комфортнее. По первости я сам пытался через газету бороться с этим вопиющим проявлением грубейшего нарушения всех санитарных правил и норм, ну и эстетики (дома с торчащими из их стен шлангами выглядят, по крайней мере, нелепо). Но когда сам попал в сложную жизненную ситуацию и был лишён возможности вытаскивать на улицу эти бесчисленные вёдра с помоями, и это за меня должна была делать моя маленькая хрупкая жена, то плюнул на все эти приведённые выше условности, пробил дыру в стене и подвесил снаружи сливной шланг...

Однако я забежал вперёд. Итак, мы получили квартиру. Наш подъезд располагался где-то в середине длиннющего двухэтажного деревянного дома, отделанного снару-

жи гладкими шиферными листами. Когда дом только сдавался, он, по-видимому, из-за этой самой отделки выглядел вполне прилично. Но со временем какие-то листы потрескались и местами осыпались, какие-то вообще выпали, и потому дом вызывал определённое сочувствие.

И всё равно он смотрелся неплохо по сравнению со многими другими туринскими домами, вообще не отделанными, с почерневшими от времени стенами из ничем не защищённого бруса, или отделанными листами выкрашенного толя, во многих местах прорвавшегося и свисающего со стен безобразными лохмотьями.

Наша квартира была на втором этаже, куда надо было подниматься по деревянной, выкрашенной коричневой краской лестнице со скрипучими ступенями. За дверью, для утепления обитой одеялом, располагались крохотная прихожая, из которой одна дверь вела на кухню, вторая в собственно саму жилую комнату.

В комнате стояла печка, дымоход которой обогревал кухонную стену. Печка занимала приличную площадь, и мы при проведении косметического ремонта перед заселением попросили строителей разломать её и выкинуть (готовить мы приучились на электрической плитке, а отопление в доме было центральным). Так комната стала на пару квадратов побольше.

Из кухни мы сделали дополнительную комнату для девятилетнего сына Светланы Владика (забыл сказать: она забрала его из Экибастуза с собой). А кухню оборудовали в закутке гостиной, образованном перегородкой из сухой штукатурки. Там стояли небольшой холодильник, стол и три табуретки, плитка.

Ещё нашу сугубо спартанскую обстановку дополняли наш со Светланой диван в комнате, небольшой шкаф и чёрно-белый телевизор, в комнате Владика — узенькая кроватка и стол для приготовления уроков. Всё. Мы уехали в эту тьмутаракань с двумя чемоданами; правда, кроме этого, Светлана всё же прихватила из своей квартиры, которую она оставила мужу (как и я свою бывшей жене), пару ковров, книги и стиральную машину, зимнюю одежду; всё это ещё плутало где-то по железной дороге в контейнере.

Войнушка с крысами

Что поразило в нашем новом жилище — полное отсутствие какой-либо звукоизоляции. Мы слышали, как скрипят половицы под шагами соседей снизу, и сразу за стенкой, и по диагонали от нас, как и о чём они разговаривают, ссорятся, занимаются любовью. Если вам что-то нужно было от соседей, об этом запросто можно было спросить их, не заходя к ним, — правда, чуть повысив при этом голос. Эффект был такой, как будто мы живём в гитарной коробке!

И если с рядовым звукоиспусканием ещё можно было смириться, то настоящим кошмаром были вечеринки. Мы себя чувствовали их полноправными участниками, вот разве только не выпивали и не закусывали вместе с теми, кто гулеванил за стенкой или снизу.

Сначала пытались урезонивать соседей, а потом махнули рукой — только нервы себе расстроишь да отношения испортишь с неплохими, в общем-то, людьми, просто любящими иногда повеселиться, иногда до утра.

Но самый настоящий шок я испытал не от наличия в доме шумных соседей, а от присутствия в нём других обитателей, которым шум и излишнее от этого внимание к ним совершенно вроде бы ни к чему. Но они были живыми, также вели активный образ жизни и не могли не выдать себя характерными звуками.

Как только заселились в эту «полуторку», я обнаружил в углу около умывальника (обыкновенный дюралевый протекающий рукомойник со штырьком клапана для спуска воды в ковшик из ладоней) дырку в полу около плинтуса. Решил заделать её чем-нибудь потом.

Уставшая от треволнений переезда жена заснула на диване с сыном, а я решил почитать перед сном и устроился с книгой в комнате Владика. Не помню уже, что я читал, но настолько увлёкся, что уже не обращал внимания ни на громкую ссору соседей снизу, ни на чей-то надсадный кашель сбоку, ни на хлопанье входной двери в подъезде.

Но этот вкрадчивый звук расслышал сразу. Кто-то возился и шуршал у нашего рукомойника, который стоял почти напротив двери в комнату, где я читал, полёживая себе на Владькиной кровати.

Вытянув шею, я посмотрел в сторону источника звука и обомлел: две крупные серые крысы в пятне света, падающего из моей комнаты, шуровали в мусорном ведре, куда мы накидали какие-то остатки нашего ужина. Одна сидела в самом ведре, другая стояла во весь рост, опершись передними лапками о край ведра. А на полу уже валялись добытые ими косточки от рагу из оленины, хлебные корки, что-то ещё.

Я схватил тапок и швырнул в них. Крысы моментально одна за одной юркнули в ту

самую дырку, заделывание которой я оставил на потом. А сейчас надо было перекрыть им доступ в квартиру. Я нашёл кусок какой-то палки, ножом заточил её конец на конус, чтобы пролазила в дырку, и злорадно вбил эту палку, как осиновый кол, в крысиный лаз молотком.

От производимого мной шума проснулась Светлана, да, думаю, не только она. Спросила, в чём дело. Ответил, что перекрыл несанкционированный доступ в наше жильё непрошеным квартирантам. Жена ничего не поняла спросонок и снова уронила голову на подушку. А я вернулся дочитывать книгу.

Ну вот, лежу, читаю. И тут слышу: хрусть-хрусть! Сначала тихо так, вкрадчиво, а потом всё громче и громче. Чертыхнулся, отшвырнул книгу и на цыпочках пробрался к углу, откуда слышался хруст. И увидел, что вбитый мной кол шевелится, а хруст слышится именно из-под него, то есть из-под пола. Эти серые твари никак не хотели смириться с тем, что там, наверху, осталось так легко добытое ими из ведра питание.

Я топнул ногой, чтобы отпугнуть крыс, и потащил на себя палку. Она вышла из дырки очень легко — эти проклятые пасюки, оказывается, уже обгрызли её конец. Я снова заточил его ножом и забил молотком ещё глубже. И что выдумаете: только улёгся спать, крысы вновь принялись за свою работу. Сообразив, что сегодня я вряд ли их одолею, решил пока сделать вид, что капитулировал: выдернул кляп из норы и пропихнул в неё всё, что крысы выволокли из мусорного ведра, и ещё кое-что добавил от себя. И услышал, как они там, под полом, радостно завозились и с топотом утаскивали куда-то в глубь изрешеченного их ходами дома честно добытую в неравной схватке с человеком провизию.

А назавтра я положил конец этой экспансии, заколотив нору не только затычкой, но ещё и пробив её сверху куском фанеры. Пусть это было некрасиво, но зато надёжно: больше крысы так и не смогли проникнуть в нашу квартиру, как ни пытались прогрызться в неё из этого, а затем и разных других мест. А через полгода мы уже получили постоянное жильё, с ордером на него!

Рядом с вечной мерзлотой

Это была однокомнатная квартирка в старом двухподъездном деревянном доме по улице Школьной. Всё то же, как и в предыдущем жилье: из благ цивилизации — только центральное отопление. Вода привозная, общий туалет на улице, встроенный в здание уже упомянутого септика. Первоначально он был с отоплением, но батареи (вернее, регистры из труб) быстро переморозились, и теперь температура в отхожем месте была такая же, как и на улице.

А с наступлением настоящих эвенкийских холодов (сорок-пятьдесят градусов, а нередко и под шестьдесят) и дома у нас стало ненамного теплее. Квартира была на первом этаже, а для Туры это нет ничего хуже. Тех, кто жил над нами, подогревало какое-никакое тепло нашей квартиры (мы сами топили печку, которую мне хватило ума не разобрать и не выкинуть, как в предыдущей квартире). А нам в пол дышала вечная мерзлота, хотя дом и стоял на сваях. Если в метре и выше от пола в квартире, благодаря совместным усилиям батарей отопления и печке с раскалённой малиновой плитой, было почти жарко, то пол продолжал оставаться холодным, так что на ногах у нас всегда были тёплые носки, которые мы не снимали и на ночь.

Спать обычно укладывались в тёплой квартире (перед этим я сжигал в прожорливой печке три-четыре ведра угля, который таскал от ближайшей котельной), но к утру квартира выстывала. Причём настолько, что в прихожей в оцинкованном баке с питьевой водой намерзала корочка льда, замерзала она и в подвесном умывальнике.

Мёрзли не только мы, мёрзла практически вся Тура. Теплосети, как их ни ремонтировали всё лето, один чёрт оставались худыми, батареи из-за плохой воды забивались осадками, привозной уголь был очень плохой, с высокой зольностью, и потому температурные режимы никогда не выдерживались.

А если ещё добавить, что кочегары частенько пьянствовали на своих рабочих местах (в Туре не было единой ТЭЦ, а работали десятки мелких котельных, одно время их было за полсотни) и засыпали, со всеми вытекающими из этого последствиями, то нетрудно представить, как несладко приходилось туринцам в особо холодные зимние месяцы.

Народ обогревался в своих промерзающих квартирах как мог: кому не хватало тепла печей и тем более — у кого их не было, покупали или сами мастерили всевозможные обогреватели. Это приводило к тому, что в Туре периодически вспыхивали пожары. За нашу двадцатидвухлетнюю жизнь в Эвенкии мы стали свидетелями десятков таких ЧП, когда полностью или частично выгорали многоквартирные жилые дома и люди посреди лютой зимы оказывались на улице без крыши над головой, часто лишь в том, в чём успели выскочить, — дома, сложенные из лиственничного бруса, вспыхи-

вали как спички. И прибывшим на место пожарным нередко оставалось лишь заливать пожарище, чтобы оно не перекинулось на соседние здания.

Едва не угорели

Немало народа погибло в огне таких пожаров. Так что больше всего в Туре мы боялись именно этой беды, которая может нагрянуть, как и полагается, совершенно неожиданно: из твоей ли печки выкатится уголёк на пол, пьяный ли сосед заснёт с непотушенной сигаретой, случится ли короткое замыкание в самодельном обогревательном «козле» в соседнем подъезде — пиши пропало.

Однажды мы едва не угорели. Я, как обычно, хорошенько протопил нашу квартирку перед сном. А проснулся от страшной головной боли и оттого, что Светлана звала меня жалобным голосом:

— Марат, дай чего-нибудь от головы...

Я с трудом встал и чуть не упал на пол, перед глазами плавали какие-то круги. Светлана лежала с лицом бледным, как полотно, её тошнило. Я хоть и плохо соображал в этот момент, но понял, что мы, похоже, угорели.

Добрался до окна, попробовал открыть заделанную наглухо на зиму форточку, но у меня не получилось, и я просто выбил двойное стекло. В комнату хлынул морозный воздух.

— Сейчас, милая, сейчас, — бормотал я, торопливо одеваясь трясущимися руками.

Надо было вызывать скорую, а телефона у нас не было. Позвонил от директора типографии, живущего в доме напротив. К счастью, бригада была свободна, а ехать до нас — пару минут.

Фельдшер скорой сделала Светлане какой-то укол, оставила ещё таблетки и посоветовала чаще поить её чаем с лимоном; с тем и уехала. Светлане после укола стало легче, она сделала пару глотков горячего чая и заснула. Госпитализация ей не потребовалась — и слава Богу: значит, мы не очень сильно угорели. А всё могло быть куда трагичнее, как довольно часто случалось в Эвенкии с обитателями домов с печным отоплением, в том числе и в Туре, за долгие лютые зимы...

Переезд в соседний подъезд

Нас такое жильё никак не устраивало. И даже не из-за того, что квартира была такой холодной (мы потом промыли забитые батареи, утеплились, и жить стало можно). А потому, что площадь её была очень маленькой. Сыну негде было заниматься, нам — работать на дому. Мы со Светланой нередко писали дома, и в советские времена за членами творческих сообществ — а мы оба состояли в Союзе журналистов — законодательно было закреплено право на дополнительную площадь; другое дело, что право это надо было выбивать.

Но нас услышали (не без прямой поддержки редактора) и в начале лета выделили двухкомнатную квартиру — в этом же доме, в соседнем подъезде. Увы, новое наше жильё также располагалось на первом этаже, буквально через стенку, и мы, наученные горьким опытом минувшей зимы, сразу же принялись старательно её утеплять: промыли батареи, что гарантировало нам несколько дополнительных градусов тепла, поменяли треснувшие стёкла, купили на пол толстые ковровые дорожки.

Самое удивительное — выдав ордер на новое жильё, поссовет оставил нам и прежнюю однокомнатную квартиру (надо понимать, как дополнительную жилую площадь для творческой семьи), и я уже подумывал, как ей распорядиться. На ум ничего другого, кроме как выпилить в стене дверной проём, ведущий в соседнюю квартиру, не приходило. И тогда мы получили бы в итоге четырёхкомнатную квартиру (из двух кухонь одну можно было бы переоборудовать в дополнительную комнату), но длинную, как трамвай!

Но тут в Туре произошло такое событие, что затмило собой всё происходящее до этого и что должно было ещё свершиться. На центральной дизельной электростанции (я забыл рассказать, что в Эвенкии нет магистральных ЛЭП, от которых были бы запитаны все поселения, да их ещё долго-долго не будет, потому что это просто невозможно и нецелесообразно на таких гигантских расстояниях и при практически полном отсутствии промышленной инфраструктуры. И потому каждый посёлок располагает своей электростанцией, а в Туре их было вообще четыре) случился сильный пожар, и большинство дизель-генераторов вышло из строя. И, таким образом, большинство туринцев осталось без света.

Все лето без света

Это было в начале июня, когда началась пора белых ночей, так что без освещения ещё как-то можно было прожить. Но как было обходиться без холодильников, без телевизоров? На чём готовить еду? Причём не день и не два, а практически всё лето: оказывается, сгоревшие дизель-генераторы восстановлению не подлежали, а новые доставят в Туру неизвестно когда.

И тут у народа, как всегда это бывает в экстремальных ситуациях, начала включаться «соображалка».

Чтобы всем в отдельности не топить печи в квартирах, во дворах стали сооружать самодельные камельки из кирпичей и камней, выставлять железные сварные печи, вот на них и готовили. С утра до позднего вечера у этих импровизированных, весело потрескивающих горящими дровами очагов толпился народ с кастрюльками, чайниками. Здесь можно было обменяться новостями, посплетничать, а то и поскандалить — всё как на коммунальной кухне, только под открытым небом. А продукты можно было хранить в ледниках — у многих они, вырытые в слое вечной мерзлоты, находились в сараях. У нас тоже был погребок, так же продолбленный в толще вечной мерзлоты, и мясо в нём и посреди лета было промёрзшим до каменного состояния.

Люди даже как будто свыклись со своим положением и не особенно роптали, понимая, что рано или поздно власти округа и посёлка восстановят энергоснабжение.

Тогда же в Туре стали появляться так называемые «аварийки» — несанкционированные подключения потерявших терпение и особо хитрых и умелых граждан к электролиниям от других, работающих электростанций. Они, эти несознательные граждане, сами, но чаще всего при помощи подкупленных электриков, где-то раздобывали и прокидывали многометровые кабели к своим квартирам и втихомолку от других пользовались украденным благом цивилизации. Конечно, с такими самовольщиками боролись — мощностей оставшихся ДЭС на всех не хватало. Но запретный плод, он ведь, как известно, особенно притягателен.

Признаюсь, и меня бес попутал. Мы как-то со Светланой совершенно случайно обнаружили, что в одной розетке у нас есть напряжение! Это при том, что не только наш и соседние дома, но и вся улица Школьная была обесточена (не считая детских садов и ещё некоторых стратегических и жизненно важных учреждений и объектов). Откуда в этой розетке на кухне был ток, мы могли только догадываться. До нас квартиру занимал выехавший на материк инженер-энергетик, вот он-то, скорее всего, и провёл к себе дополнительную электролинию — так, на всякий случай. И вот он, этот случай!

И мы хотя и продолжали готовить на уличной печке, но подогревали что-то, чайник кипятили и — самое главное! — смотрели телевизор, включая его в протянутый с кухни удлинитель. Правда, окна при этом зашторивали — неудобно как-то было перед соседями, да и «стукнуть» могли на нас запросто, хотя нашей вины в том, что у нас на кухне обнаружился дополнительный источник энергии, не было. Ну, разве что нас можно было обвинить в том, что мы не пошли к властям и не оповестили их о розетке с током. Но, положа руку на сердце, вы бы на моём месте так поступили?

У нас – трехкомнатная!

К осени ДЭС-1 всё-таки отремонтировали, и в домах у нас снова появился свет. Перезимовали без особых происшествий, а дверь, чтобы соединить обе наши небольшие квартиры в одну длинную, я так и не успел прорезать. И хорошо, что не успел: мэрия посёлка (бывший поссовет, а по новой моде — администрацию уже стали называть именно так) предложила нам в обмен на две эти квартиры одну трёхкомнатную.

Она была раза в четыре дальше от нашего места работы (то есть надо было пройти метров четыреста), но зато у неё было много других плюсов. Дом был относительно новый, выстроен меньше десяти лет назад, а тем, в которых мы жили, было уже по три с лишним десятка лет — очень много для брусовых многоквартирных домов, со временем деформирующихся. Народу в нём проживало немного — всего восемь квартир. И наша располагалась на втором этаже, более тёплом по причинам, которые я уже приводил выше.

Квартира показалась нам огромной: да и то дело — свыше семидесяти квадратов! Проходных комнат практически не было: из просторной прохожей двери вели на кухню, в гостиную и спальню. Ещё в одну спальню можно было попасть из гостиной. На кухне имелась печка, и трогать я её, естественно, не стал, так как проникся уважением к этому автономному источнику тепла, несмотря на центральное отопление.

Ну а всё остальное было как у всех: бочки для воды на улице, там же, только с другой стороны дома, и туалет — на две персоны. А ещё нам полагался дощатый сарай

(впрочем, уже третий за время проживания в Туре). В сараях обычно лежит всякий ненужный хлам. Но чаще всего там хранятся дрова, ближе к весне там складируется питьевой лёд.

Лёд — это особая история. В толще вечной мерзлоты под днищем рек Кочечум и Нижняя Тунгуска покоятся моря разливанные так называемых кембрийских рассолов и солей тяжёлых металлов — меди и цинка, магния. Ближе к весне они почему-то просачиваются в воду, и она становится не просто солоноватой, а и очень вредной для организма. Вот чтобы хоть на какое-то время обеспечить себя относительно безвредной пресной водой, туринцы покупают лёд у специально заготавливающих его людей и употребляют в пищу только полученную из него воду.

К сожалению, и ряд наших сараев (восемь штук, по числу квартир), и стоящая с ним рядом будочка на два одновременных посещения простояли совсем недолго.

Дом наш располагался в низине, практически в русле ручья, стекающего с ближайшей крупной сопки — Солдатской горки (там размещалась небольшая, в середине девяностых расформированная воинская радиолокационная часть. Да так спешно, что пацаны там находили потом сотни неиспользованных патронов к ручному пулемёту).

Этот ручей тихо и почти незаметно журчал весь год, утекая вдоль наших хозяйственных построек в Кочечум. А по весне превращался в рычащий бурный поток, упорно подмывающий насыпь, на которой стояли сараи. И в один прекрасный день сначала завалились они, а затем сполз в лощину ручья и наш сортир.

В сарае у нас хранилось где-то с полмашины дров (первые несколько лет в квартире, несмотря на то что она была на втором этаже, в сильные морозы было довольно прохладно: достаточно сказать, что при температуре минус тридцать и ниже на кухне, на стене у окна, почему-то упорно образовывался снежный нарост размером со сковороду, то есть стена промерзала, поэтому приходилось печку протапливать); пришлось их перетащить под стену дома, где они и дожидались своей участи до зимы. И они более-менее благополучно для нас сменяли друг друга. В настоящий кошмар для туринцев превратилась зима 1999-2000 годов.

Топливо – всему голова!

Тут надо сделать небольшое отступление от основной темы к специфической. А именно — к системе теплоэнергообеспечения окружного центра. Котельные в Туре (а их число в разные годы доходило до полусотни и более) отапливались преимущественно углём, и лишь небольшое количество совсем крохотных (типа нашей, редакционной) — дровами. Дизельные электростанции, естественно, работали на соляре. Всё это измерялось десятками тысяч тонн и завозилось с материка водным путём, по Енисею. Навигация на Енисее длится всё лето, а вот его приток Нижняя Тунгуска судоходен в летнее время месяц с небольшим, затем вода падает, и река со многими порогами становится непроходимой. Следующий скачок уровня воды дают осенние дожди, и судам нужно успеть обернуться за две-три недели, потому что к октябрю своенравная река снова неприлично мелеет.

Осенняя краткосрочная навигация обычно используется для доставки низкосидящим флотом — катерами с прицепными баржами, небольшими самоходными баржами — в Туру овощной продукции, продовольствия, строительных и прочих материалов. А основные грузы, обеспечивающие жилищно-коммунальные, транспортные и энергетические предприятия топливом и горюче-смазочными материалами, завозятся преимущественно в период основной, весенне-летней, навигации теплоходами-танкерами и сухогрузными судами.

Когда вовремя и в полном объёме проплачены услуги поставщиков и речников, проблем обычно не случается (за исключением форс-мажора — уровень воды мал), и Тура уходит в зиму с необходимым запасом углеводородов, то есть народ будет с теплом и светом. Если же до весны завезённого запаса, случается, может не хватить, то с января начинают действовать зимники, по которым недостающее доставляется автотранспортом. А что-то можно подвезти и авиацией.

Эта схема отработана за десятилетия и работает практически безукоризненно. Правда, сжирает она сотни миллионов бюджетных рублей, но тут уж ничего не попишешь, так вот неудобно расположена Эвенкия (хотя и в центре России, между прочим), и транспортные издержки здесь одни из самых высоких в стране. Всё потому, что автомобильных дорог с твёрдым покрытием, а тем более железнодорожного сообщения с материком, здесь и в помине нет. И нескоро предвидится.

В весенне-летнюю навигацию 1999 года эта схема дала сбой. У администрации не было денег на решение взятых на себя обязательств. Собственных доходов — кот наплакал, меньше десяти процентов, всё остальное — дотации, но тогда Москва сама бедствовала, соответственно, и давала трансферты дотационным территориям

«по бедности». Эвенкии на полноценную жизнь в год надо было в пределах двух с половиной миллиардов рублей, получали же что-то в пределах миллиарда. Но и эти деньги давали обычно с большим опозданием, и их ни на что не хватало.

Как утверждало тогдашнее руководство Эвенкийского автономного округа, федеральный центр не выделил вовремя необходимых денег для обеспечения завоза топлива и ГСМ на предстоящую зиму. Из-за чего и грузы были закуплены в неполном объёме, и речники не получили окончательного расчёта ещё за прошлый завоз, а надо было в пожарном порядке завозить уголь, соляру, бензин, авиационное топливо, масла уже под эту зиму.

Завоз в конечном итоге был сорван. И в ночь с тридцать первого декабря 1999 года на первое января 2000 года в домах большинства туринцев свет погас, в домах стало прохладнее. В силу вступил режим жёсткой экономии, потому что горючего катастрофически не хватало.

Чудовищная зима

Решено было до начала весенне-летней навигации прекратить подачу света в жилые массивы столицы Эвенкии, резко ограничить — для учреждений и организаций. В том числе и для администрации округа. Я, к тому времени ставший редактором окружной газеты, брал интервью у губернатора самостоятельного субъекта Российской Федерации, члена Совета Федерации Александра Боковикова в его кабинете при свете... керосиновой лампы; при зыбком свете этой же коптилки по сумрачным утрам у него проводились и планёрки.

Котельные также работали в режиме экономии, из-за чего температура в коммуникациях была ниже требуемой, и в ту зиму в Туре были разморожены несколько зданий, в том числе и жильё. Некоторые туринцы перешли жить в собственные бани, в свои рабочие кабинеты, в котельные.

У нас в редакции поселилась семья бывшего директора типографии Феликса Буйновского (их двухэтажный многоквартирный дом сгорел — пожары в ту зиму были частыми из-за неосторожного обращения людей с огнём), они же были и сторожами редакции.

Обедали мы на работе — супы забирали с собой утром из дома, разогревали в кабинете на плитке. Как никогда поднялся спрос на дрова, цена на них тут же резко подскочила, но, несмотря на это, кучи дров выросли во всех дворах. Их разворовывали все кому не лень.

Купили полмашины дров и мы со Светкой. Я их колол, жена носила в дом и складывала в поленницу... в прихожей (благо она у нас огромная). Пример подала соседка, Анна Семёновна Саливончик. Ей надоело наблюдать, как её поленница на улице день ото дня день всё «худеет», и она перенесла все поленья до одного в дом.

Руководство округа судорожно металось в поисках выхода из этой чудовищной ситуации. Подвозимых по зимнику в автоцистернах дизельного топлива с материка и сырой нефти с эвенкийского Юрубчено-Тохомского месторождения не хватало — их сжигали буквально с колёс. Здорово помогли якуты: наш губернатор договорился с Вячеславом Штыровым, хозяином всесильной алмазной компании «АЛРОСА», на товарный кредит, и солярку в Туру стали возить из Мирного даже авиацией.

Как-то, ближе к весне, в квартире неожиданно загорелся свет. Господи, неужели конец нашим мукам? Хотя я и знал, что этого не должно быть до прихода первых судов с горючим, но затеплилась надежда: может быть, произошло какое-то чудо, и солярки навозили по зимникам и авиацией столько, что теперь её хватает? Или энергетики по каким-то стратегическим соображениями решили давать свет в наш микрорайон?

На всякий случай позвонил на центральную ДЭС и поинтересовался:

— Мужики, у меня дома свет загорелся. Это как, насовсем или временно?

— По какому адресу? — насторожились на том конце провода.

Я добросовестно ответил.

— Ошибочка произошла. Сейчас исправим, — сказали мне.

И через несколько минут свет в нашем доме погас. До июня.

— Зачем ты им позвонил? — заплакала измученная этой беспросветной жизнью Светланка. — Пусть бы горел, я бы хоть нормально постиралась!

...А сосед купил генератор!

Но всему приходит конец. Кончилась и эта чудовищная зима. В начале июня победно затрубили подошедшие к причалам окружного центра первые танкеры с соляркой, и в квартирах туринцев наконец загорелся свет, заурчали холодильники, забормотали телевизоры.

Жизнь как будто пошла своим чередом. На самом деле это означало, что ситуация в округе оставалась прежней: денег ни на что не хватало. А впереди была следующая зима, и опять надо было закупать и завозить уголь, солярку, бензин, масла. Трансферты по-прежнему приходили с большим опозданием. И совсем не в том объёме, какой нужен был для обеспечения нормальной жизни. Оставались проблемы с выплатой зарплаты, опять округ не мог вовремя рассчитаться за покупку и вывоз нефтепродуктов. Красноярское речное пароходство приступило к навигации в Эвенкии, ещё не до конца получив заработанные средства за прошлый завоз. Когда суда уже были на подходе к Нижней Тунгуске, пароходство останавливало флот и периодически угрожало эвенкийскому губернатору Боковикову, что повернёт нефтеналивы обратно, если округ не расплатится.

В округ снова было завезено недостаточно топлива, и ближе к весне 2001 года в Туре снова пошли веерные отключения. Туринцы, наученные горьким опытом прошлой зимы, к этой подошли во всеоружии: все с дровами, лампами, какими-то керогазами, газовыми печками. Я купил аккумуляторы к маленькому кухонному телевизору, раздобыл самодельное зарядное устройство, и когда гас свет (обычно через каждые несколько часов — на пару часов), их энергии хватало, чтобы посмотреть выпуски новостей и даже часть какого-нибудь фильма.

А сосед снизу где-то раздобыл громоздкую полевую дизельную электростанцию (в Туре же кое у кого появились даже миниатюрные импортные — японские, американские — бензиновые движки) и запихал её в контейнер, стоящий буквально под окнами дома. И как только гас свет, Олег выходил на улицу, с грохотом открывал контейнер и, светя себе фонариком, с полчаса возился в нём, гремя ключами и шипя паяльной лампой.

Наконец движок благодарно чихал и начинал громко тарахтеть и вонять на всю округу отработанной соляркой. Зато семья Олега час-полтора сидела со своим светом, пока в дом не возвращалась большая электроэнергия.

«Эвенкийская жизнь» в те дни из номера в номер рассказывала, сколько подвезли нефти и солярки из Байкита и Ванавары, Усть-Кута по автозимникам (всё это буквально с колёс сжигалось на дизельных электростанциях, в топках котельных), какой запас ГСМ ещё есть на нефтебазе и хватит ли его до весеннего каравана, ругалась по поводу того, что энергетики никак не борются с ловкачами, крадущими электроэнергию путём несанкционированного подключения так называемых «авариек» к магистральным сетям (ещё бы они боролись: многие энергетики сами воровали ток таким образом, существовала даже негласная такса на проброску кабелей от линий электропередач к отдельным квартирам или частным домам).

Мы честно сидели при свете керосиновой лампы (темнеть в Туре зимой начинает куда раньше, чем на материке, — сказывается близость полярного круга), пищу готовили на растапливаемой печи, разогревали её на маленькой корейской газовой печке. Холодильник же нам заменяло окно: небольшие пакеты с нарубленными кусками оленины и с рыбой, фаршем покоились между стёклами, а более солидные объёмы замороженных продуктов висели на улице за форточкой. Человек ко всему приспосабливается! Особенно российский гражданин. И особенно — северянин!

Ощутимые преобразования

Муки наши закончились с приходом к власти в округе губернатора Бориса Золотарёва, ставленника и бывшего топ-менеджера ЮКОСа. У Михаила Ходорковского были большие планы на Эвенкию, и он не жалел денег, когда продвигал сюда своего человека. Бывший руководитель округа Александр Боковиков, растерявший все свои рейтинги за две прошедшие провальные для него и кошмарные для туринцев зимы, не стал выдвигать свою кандидатуру на следующих выборах, а благоразумно уступил Золотарёву.

Агитировать за него приезжал сам Ходорковский; он в красках и с ошеломляющими цифрами в руках расписывал, что ждёт Эвенкию в ближайшие несколько лет... Все перспективы связывались с нефтью: её запасы в Эвенкии не уступают западносибирским месторождениям, и никто не брался за них пока всерьёз потому, что они трудноизвлекаемы, требуют особого подхода, и ещё нет здесь никакой соответствующей инфраструктуры.

Ходорковский заверял, что Эвенкию ждут миллиардные инвестиции, и после строительства нефтепровода эвенкийская нефть буквально хлынет на внутренний и внешний рынки, и бюджет округа, естественно, перестанет зависеть от унизительных дотаций, а эвенкийцы заживут наконец на широкую ногу. Да мы бы за чёрта с рогами проголосовали, только бы наконец кто-то всерьёз взялся за эвенкийскую нефть. Так в округе утвердился губернатор Борис Николаевич Золотарёв.

И свершилось долгожданное чудо: впервые за последние годы в полном объёме были закуплены и завезены все энергоносители, и зима 2001-2002 годов прошла без отключений света. Дальше в Туре была построена центральная котельная с теплообменной системой, к которой были подключены и некоторые другие котельные поменьше, и проблемы с теплом в большинстве домов туринцев тоже ушли в прошлое. Мы это почувствовали по своей квартире: я уже мог ходить по квартире зимой в майке, хотя одна стена на кухне у окна в особо студёные дни промерзала насквозь. Оказалось потом, что это просто воробьи повыщипывали кое-где между брусьев уплотняющую паклю себе на строительство гнёзд — дом наш не был покрыт снаружи ни сухой штукатуркой, ни вагонкой.

Губернатор-реформатор

Золотарёв также ещё успел построить в Туре целый посёлок из двухэтажных многоквартирных благоустроенных домов, в общей сложности больше чем на сотню квартир. Хотя и всего лишь сборные, однако из-за дорогостоящих коммуникаций, средств благоустройства в квартирах они стоили не меньше красноярских.

Конечно, бесплатно такое жильё никому не давали, но большую часть оплаты стоимости этих квартир в «царской деревне», как тут же окрестили туринцы новый микрорайон, брал на себя окружной бюджет. И мы имели возможность выкупить там «полуторку» — большую не давали, всё было распределено ещё на стадии строительства, — и покинуть свою частично благоустроенную трёхкомнатную квартиру. Но мы уже засобирались на материк, да и привыкли к своей большой квартире, которая благодаря нашим самостоятельным мерам (установка слива, ванны, крана для забора технической воды из системы отопления) стала относительно комфортной в условиях Туры, так что решили не дёргаться.

А ещё Туру — впервые за всю её историю — покрыли асфальтом, с улиц и дорог наконец исчезла эта вечная непролазная грязь. Зашевелилось строительство и в других населённых пунктах Эвенкии. Стремительно прошла компьютеризация округа, стало возрождаться оленеводство (за годы перестройки и последующих кризисных лет от эвенкийского тридцатитысячного стада к тому времени осталось всего две с небольшим тысячи голов домашних оленей — не видящие зарплаты оленеводы соревновались в пожирании этих бедных животных с расплодившимися волками, не отстреливаемыми годами также из-за безденежья). Оленей закупали на соседнем Ямале и завозили их в Эвенкию самолётами!

А самое главное — начали разворачиваться работы на нефтяных и газовых месторождениях. Короче, деньги в Эвенкию сыпались как из рога изобилия. Конечно, были у Золотарёва как у человека и как у руководителя определённые недостатки (покажите мне того человека, у кого их нет!), но ему всё прощалось за то, что он делал для Эвенкии. И, при мощной поддержке своего сюзерена, он сделал наверняка бы ещё больше. Но чёрт дёрнул Ходорковского ввязаться в политику...

Всё, мы – на материк!

И всё, лафа для Эвенкии кончилась — тех денег, что дождём сыпались на неё в течение нескольких лет, уже не стало. Перед округом опять замаячила безрадостная перспектива «полуголодного» существования на дотации из центра. И Золотарёв, до этого яростно выступавший против начавшейся кампании укрупнения регионов, круто развернулся на сто восемьдесят градусов и уже не только не препятствовал объединению Эвенкии с Красноярским краем в качестве муниципального района, но и способствовал ускорению этого процесса, что и произошло в 2005 году. За это федеральный центр и край обещали эвенкийцам обеспечивать тот объём бюджета, который был достигнут при Золотарёве, и, надо отдать должное, слово своё они сдержали.

А мы со Светланой и с нашим котом Тёмой смогли выехать на материк лишь спустя шесть лет, уже не один год будучи пенсионерами. Замены нам не было, и мы все эти годы вместе со своими коллегами продолжали готовить выпуски уже не окружной, но районной газеты «Эвенкийская жизнь», рассказывающей обо всех происходящих в регионе преобразованиях и событиях.

Сейчас же я стал настоящим, неработающим пенсионером, и у меня появилось время, чтобы рассказать о том, что же происходило все эти годы под крышей моего дома — вернее, под крышами, поскольку их у меня случилось много, — и что это были за дома. Что я и сделал с большим удовольствием. Надеюсь, что похожее чувство испытал и ты, мой дорогой читатель, знакомясь с этими записками.

Алексей НИКОЛАЕВ

ДУХ

Философия духа[1]

(1-я редакция)

§4. ТЕОРЕМЫ ДУШИ

Основы психологии в психологических теоремах

Логическая теорема 46

ТЕОРЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Человеческий разум – это, с одной стороны, безличностный душевный производитель мышления, самоидентичный в своих абсолютных свойствах и работающий как абсолютный разум на сверхличном уровне мышления души, а с другой стороны, человеческий разум – это свой ум человека как личная способность человеческого «я» души к мышлению, которую «я», то есть сам человек лично, реализует в сознании души в порядке волевого пользования разумом как душевной машиной мышления, подвластной воле человека, насколько позволяет конструкция человеческого существа, и производящей по воле и от лица человека личное мышление человека, качественно соответственное природным возможностям и личностным качествам человека.

Доказательство

I. Исходя, во-первых, из базовых простых определений разума ***как производителя мышления и мышления как работы разума***, а во-вторых, принимая во внимание логически очевидное ***тождество разума и бога как творца***, явствующее из разумной организации мира как творения, следует умозаключение, что разум абсолютен на корню и самоидентичен как несотворенный и вечный производящий источник мышления, находящийся в абсолюте, то есть вне мира и вне наполняющего мир сотворенного сущего, в том числе вне души. Поэтому:

II. Человеческий разум, составляющий мыслящее, то есть разумное и самосознательное, а не сомнамбульное, естество человеческой души, опознается по абсолютным свойствам разума и самоидентичен в них как таковой, то есть как собственно разум и именно разум, а не что-то другое, похожее на разум, такое, например, как инстинктивная запрограммированность сомнамбулы или как тот же ИИ (искусственный интеллект).

III. Абсолютные свойства человеческого разума, отличающие его как таковой, особо заметны и логически очевидны или доказуемы в двух режимах мышления души: моральном и творческом, то есть когда мыслящее естество души (разум) функционирует как совесть и как истинный талант, открывая и мысля абсолютную истину, такую как фундаментальные идеи, приходящие на ум первооткрывателям, и такую как требования нравственного закона, оглашаемые в душах всех людей голосом совести как долг (см. теорему совести, №35).

IV. На сверхличном уровне мышления души, отделенном от мыслящего «я» души 3-м порогом сознания (см. теорему порога сознания, №40), реализуется ***функциональное (рабочее) тождество человеческого и абсолютного разума***, заключающееся

[1] Книга «Дух» публикуется в «Невском проспекте» в следующей структуризации:
N8 НП: «Предисловие о том, что есть философия» + §1 «Дуализм духа и материи» +
Фактологическое предуведомление №1 «Спиритическая материализация» +
Фактологическое предуведомление №2 «Духовное тело» + §2 «Человеческий дух»
N9 НП: §3 «Тео-теоремы». Основы теологии в теологических теоремах 1-15.
NN10-11 НП: Фактологическое предуведомление №3 «Спиридониада»
N12 НП: Фактологическое предуведомление №4 «Спиритический чертеж»
NN13-18 НП: §4 «Теоремы души». Основы психологии в логических теоремах 21-46.

в том, что: ***человеческий разум работает как абсолютный разум***, когда он движим сверхличной и восходящей в абсолют, а не личной, исходящей от человеческого «я», причинностью и когда он производит мыслительные операции с идеальной логической точностью по алгоритмам, исключающим логические ошибки в мышлении, как это происходит на поприщах большого творчества, где силою таланта делаются фундаментальные открытия и создается цивилизационная реальность посредством талантливых и правильных, а не ошибочных и бездарных, логических операций, выдающаяся душевная способность к чему, зовущаяся талантом и гениальностью, есть абсолютное свойство человеческого разума как безличностной способности души к мышлению, функционирующей независимо от «я».

V. ***Функциональное тождество вещей принципиально отличается от сущностного тождества вещей, не подразумевая знака равенства, подразумеваемого сущностным тождеством по логической формуле: нечто = нечто в их природной сущности, если та одинакова***, например: душа одного человека = душа другого человека как то, что есть человеческая душа в своей сверхличной и безличностной природной сущности, если та одинакова (или в той мере, в какой та одинакова) у всех человеческих личностей или у личностей, относящихся к одной эволюционно-исторической формации и разнящихся индивидуально как своеобразные (неодинаковые) личностные формы души, принимаемые безличностной сущностью души, одинаковой у всех людей в тех природных свойствах, в каких заключается общая душевная природа и конструкция людей как разумных существ одного (человеческого) рода и типа.

VI. Человеческий разум не есть абсолютный разум (нечто ≠ нечто), а есть сущностная противоположность абсолютного разума как мыслящее естество души, а не бога, но: абсолютный разум, составляющий мыслящее естество бога и тождественный богу как ипостась бога, составляет и мыслящее естество души как производитель сверхличного мышления души, работающий в душе независимо от мыслящего «я» души за 3-м порогом сознания.

VII. Функциональное тождество, или, выражаясь логически осторожней, ***функциональная эквивалентность*** (равнозначность), человеческого и абсолютного разума — это термин, призванный передать, что человеческий разум есть живое производное абсолютного разума, производящего сверхличное мышление души, как будто это мыслит сама душа, но по сути дела и в душевном корне, ведущем в абсолют: ***душа не есть производитель мышления, а есть место производства мышления*** как то, в чем осуществляется мышление, а именно как сознание и духовное тело, приведенное в сознание.

VIII. Строго говоря, без метафор и смысловых накладок, душа не есть производитель мышления, ибо душа не есть разум, а есть создание разума, который есть бог.

IX. Разум может составлять сущностное тождество только с богом как ипостась бога (а другая ипостась бога в базовой диалектике бога есть абсолютный дух, говоря в терминах фундаментальной теологии). Разум есть бог как несотворенный производящий источник мышления и как творец, самотождественный вне творения и составляющий сущностное тождество с самим собой как с надмирной мыслящей сущностью, которая называется богом и не может составлять сущностное тождество ни с каким своим же творением, в том числе с разумным творением, таким как душа и человеческое «я» души (личность). Но:

X. Душа есть разумное создание как обладатель способности к мышлению, работающей не где-то вне души, а прямо в душе и называемой человеческим разумом по принадлежности к человеческой душе, в которой абсолютный разум работает как человеческий, и наоборот: человеческий разум работает как абсолютный, в чем и состоит рабочее (функциональное, а не сущностное) тождество человеческого и абсолютного разума, действительное на сверхличном уровне мышления души.

XI. Поскольку функциональное тождество человеческого и абсолютного разума реализуется не вне души, а в душе, постольку (обеспеченная этим тождеством) способность человеческой души к мышлению может и должна называться человеческим разумом, однако это лестное для обладателя души (для человека) название правомерно лишь потому, что душа человека является местом производства мышления, а производящим источником-то или, осторожней говоря (памятуя о спиритической диктовке, возможной не только в трансовом, но и в обыденном сознательном состоянии души: см. фактологическое предуведомление №3 «Спиридониада»), первичным производящим источником мышления души и в первую очередь самосозерцательного мышления (отличающего сознание как таковое) является не сама душа и не «я» души (не человек), а создатель души и человека: абсолютный разум: бог.

XII. В силу тождества мыслящего субъекта и сознания (см. теорему тождества субъекта и сознания, №14), мыслящее естество всякого мыслящего субъекта, и несотворенного, и сотворенного, есть естество сознания, составляемое разумом как то, что мыслит и является производящим источником мышления и в первую очередь самосозерцатель-

ного (см. теорему самосозерцания, №13) мышления, отличающего сознание от чистой сомнамбулы, не сознающей себя никоим образом, ни чистым самосозерцательным (по типу безличностной души младенца), ни понятийно-представленческим, как присуще зрячему сознанию личности.

XIII. Чистое самосозерцательное мышление, неотъемлемое от сознания, есть абсолютный дух как первичное, несотворенное, безначальное, беспричинное, самопроизвольное, непрерывное, бесформенное мышление абсолютного разума, обращенное на само себя как на умосозерцаемый объект и составляющее самосозерцательную ипостась всех мыслящих субъектов, составляя, вместе с тем, абсолютную мыслительную реальность сознания, в которой обладают истинным как явь, а не сон, бытием все мыслящие субъекты, а это, во-первых, несотворенный субъект (бог), во-вторых, сотворенные субъекты, такие как душа (см. теорему иностасного Януса абсолютного духа, №42).

XIV. Поскольку способность нашей души к мышлению (человеческий разум) реализуется в сознании, а не вне сознания, отличая душу как самосознательного субъекта, но не как сомнамбулу, и поскольку пребывание души в сознании есть пребывание души в абсолютном духе, составляющем собой самосозерцательную ипостась души в духовном теле души как носителе сознания (см. теорему духовного вместилища сознания, №43), постольку способность души к мышлению (разум) обретается душой и работает в душе через абсолютный дух, который всякий раз при приходе души в сознание соединяется с сомнамбульным духовным телом души как ипостась с ипостасью и превращает сомнамбулу в самосознательного субъекта: в мыслящую сущность: в разумное существо.

XV. Попросту говоря (проще не сказать в философии), абсолютный дух служит живым связующим звеном между несотворенным мыслящим субъектом (богом) и сотворенным мыслящим субъектом (душой), составляя собой одинаковое, ибо безличностное, духовное естество всех мыслящих (самосознательных) субъектов, которые, в отличие от чистых сомнамбул, сущих вне сознания, существуют в сознании (читай: в абсолютном духе) и там же, в сознании (в абсолютном духе), обладают способностью к мышлению, зовущейся разумом, но:

XVI. Только несотворенный мыслящий субъект (бог) обладает разумом как самим собой и составляет в самом себе сущностное тождество с разумом как с ипостасью своего естества, являющейся несотворенным производящим источником мышления и вместилищем абсолютной истины (засим в тождестве разума и бога логически явствует тождество истины и бога). А сотворенный мыслящий субъект, такой как душа и человеческое «я» души, не составляет сущностного тождества с разумом и обладает разумом не как самим собой, а как природным даром, получаемым подобно вещи, данной в пользование. Вопрос в том, каким таким хитрым способом это сделано в духовном устройстве души и в общей конструкции человеческого существа, где предусмотрен компьютероподобный организменный инструмент мышления, помещенный в черепной коробке и работающий достаточно умно, чтобы материалистам оставалось искать разум и самих себя только в черепе (ибо за вычетом духа в реальности и в реальной основе всего остается космическая пыль: материя).

XVII. Разум есть мыслящее естество сознания и обретается в сознании как собственное мыслящее естество мыслящим субъектом, который называется душой и местоимением «я», если «я» (личность) имеется в наличии, а если личность еще не сформирована и пребывает в зачатке, как у новорожденного младенца, то душа представляет собой чистое самосозерцательное безличностное сознание и является номинальным обладателем разума, то есть, имея разум, не способна пользоваться разумом за отсутствием пользователя: в безличностном сознании души, лишенном «я», просто некому пользоваться душевной машиной мышления, зовущейся человеческим разумом. Но:

XVIII. Если душа лишена личности (как на старте ЖЦЧ (жизненного цикла человека)), это не значит, что душа лишена разума и неразумна (как неразумна чистая сомнамбула). И если душа еще неспособна пользоваться разумом за отсутствием пользователя (личности), это не значит, что разум не работает в душе и не составляет мыслящее (разумное) естество души. В безличностной душе разум производит сугубо сверхличное мышление, не производя личного мышления, коль скоро личное мышление — это мышление личности («я»), а если личности еще нет в душе, то мышление души еще не поляризовано как сверхличное и личное (сообразите в этой связи, почему и в каком смысле верно говорят, что дети кое в чем умнее взрослых).

XIX. Формирование личности в душе младенца есть душевное развитие личности, а точнее, развитие зародыша личности, вершащееся запрограммированным образом, то есть: личность возникает из зародыша личности по абсолютной программе душевного развития, заданной в абсолютной идее души и запускаемой в работу, надо полагать, в момент одушевления человеческого существа на старте ЖЦЧ, когда человека (личности: «я») еще нет, но душа человека уже есть в качестве безличностного самосозерцательного субъекта, называемого условно-метафорически в этой книге третьей сомнамбулой, самосозерцательной (см. теорему зародыша личности, №45).

XX. Формирование личности вершится по мере превращения чистого самосозерцательного сознания души в зрячее сознание, которое возникает вместе с логической системой понятий и работает по принципу зеркала как система понятий и сверхпонятийных представлений об окружающей реальности, вырабатываемых в душе разумом с нуля и понятийно-представленческим образом отражающих реальность в сознании души, тем самым придавая сознанию души зеркальные свойства и превращая ничего не разумеющую и не понимающую третью сомнамбулу (безличностную самосозерцательную) в зрячее сознание, способное что-то разуметь и понимать и присущее личности, составляя личную способность души к мышлению, функционирующую как свой ум «я» и как само мыслящее «я» души, обособленное в душе от всего, что не есть оно само («я»), и индивидуализированное в своих характерных особенностях как личность. А теперь, взяв в толк, что отражательная работа зрячего сознания личности («я») есть работа мыслящего естества души (разума), проделываемая по принципу зеркала от лица и от имени человеческого «я» души, сообразите:

XXI. Представьте себе на минутку, что стеклянное зеркало вдруг оживает, как в сказке. Вопрос: будет ли ожившее стеклянное зеркало мыслящим «я», то есть личностью, только потому, что оно превратилось из неживого тела в живое? Ответ: нет. Ибо — сообразите пошагово в четыре хода:

1) В конструкции любого организма имеется свое живое зеркало в виде сенсорных систем организма, воспринимающих реальность отражательным образом по принципу зеркала и называемых органами чувств, но никакое живое физическое тело (организм) не есть личность.

2) Сообразите далее, что стеклянное зеркало, ожившее, как в сказке, примет вид мыслящего «я» (личности) или возымеет в себе «я», только если волшебник (бог), произведя чудесное превращение неживого тела в живое, следом проделает одушевление живого тела, то есть добавит в живую конструкцию то, что называется душой и сознанием, чего нет у животных и что отличает от животных нас, людей. Причем:

3) Требуется (закройте глаза и воспроизведите заоконный пейзаж сознанием) зрячее сознание, способное, хоть с открытыми, хоть с закрытыми «ставнями век», работать как мысленное зеркало реальности, а не как чистое самосозерцание, типа того что реализует йог в медитации, тормозя волей поток операционного мышления и тем самым стопоря действие принципа зеркала в сознании, а иными словами, обнуляя работу душевной машины мышления (человеческого разума), производимую по принципу зеркала.

4) И возьмите в соображение, наконец, ту диалектику зрячего сознания, что задана дуализмом личного и сверхличного мышления души и состоит в том, что зеркально работающее (зрячее) сознание души — это, с одной стороны (личностной), есть ты сам как тот, кто сознает (воспринимает сознанием) реальность и самого себя в ней, а с другой стороны (сверхличностной), мыслительное зеркало сознания души, взятое в работе как душевная машина мышления, — это человеческий разум, составляющий мыслящее естество души, функционирующее, во-первых, независимо от «я» на сверхличном уровне мышления, а во-вторых, человеческий разум работает по воле «я» и от лица «я» как свой ум «я», качественно соответственный степени развития «я» и личностным качествам «я», если оно («я») имеется в наличии как таковое, а не отсутствует, как в душе новорожденного младенца.

XXII. Развитие человеческой личности как разумного существа — это главным образом умственное развитие, оно же развитие личной способности «я» к мышлению как своего ума, который не есть ***собственно разум*** (самотождественный в абсолюте), а есть личная волевая способность «я» пользоваться разумом как безличностной душевной машиной мышления, обладающей абсолютными свойствами, обусловливающими функциональную эквивалентность человеческого и абсолютного разума (см. nn. IV-VII).

XXIII. Тривиальная истина, гласящая, что разум дан человеку как дар, означает буквально, без аллегорий, что человек имеет разум как нечто, полученное в распоряжение и находящееся в личном волевом пользовании, осуществляемом человеком по принципу свободы воли, насколько позволяет конструкция человеческого существа и соответственно тому, каков он, человек, есть как личность, в меру развития (или, наоборот, в меру деградации) природных качеств, отличающих личность как таковую от безличностного живого сущего.

XXIV. Человеческая личность возникает и развивается в душе как владетельный (волевой) пользователь (обладатель) человеческого разума (мыслящего естества души) и соотносится с разумом как нечто иное: как то, что не есть разум: как противоположность разума, но: сия противоположность разума разумна, то есть не только отделена от разума (как нечто одно от другого нечто), но и соединена с разумом в сознании души (через абсолютный дух) в живое целое, сознающее себя сущим и способное умозаключить: аз есмь.

XXV. По уравнению двуипостасности души (сомнамбульный дух души (1-я ипо-

стась) + сознание души (2-я ипостась) = душа), человеческая личность формируется, с одной стороны (порога сознания), в сомнамбульном духе души (в духовном теле), а с другой стороны (порога сознания), в сознании души, что равнозначно превращению того и другого из бесформенного и бесструктурного нечто в нечто, имеющее форму и структуру и возникающее как форма духа и сознания, а именно личностная форма, но:

XXVI. Памятуя о неизменности абсолютного духа как несотворенного нечто, составляющего 2-ю ипостась души как безличностное и бесформенное самосозерцательное сознание (см. теорему unocmacного Януса абсолютного духа, №42), надо полагать, что формирование личности непосредственно и буквально как создание формы в бесформенном нечто происходит только в 1-й ипостаси души, то есть в духовном теле души, которое по мере формирования личности превращается из зародышевого бесформенного личностного духа (бесструктурного) в структурированный личностный дух, приобретая личностные свойства, составляющие духовную, то есть нематериальную (и к тому же непространственную), структуру личности. Однако:

XXVII. В силу двуипостасности души, личностное видоизменение духовного тела души, заданное программой развития, совершается, по-видимому, через абсолютный дух в сознательных состояниях души, а если и нет, то с фактологической очевидностью личность обнаруживает себя не во сне и не в трансе (не как чистая сомнамбула), а в сознании души и в тождестве со зрячим сознанием, которое выше определяется как личностная форма сознания, но говоря логически строже, это есть ***самосознательная форма духа*** как ***вразумленный дух***, во-первых, совершивший переход через порог сознания и приведенный в сознание путем ипостасного соединения с абсолютным духом, а во-вторых: соединяясь с абсолютным духом как с добавляемой (2-й) ипостасью души, личностный дух (1-я ипостась) души соединяется через абсолютный дух с разумом (вразумляется) и структурируется разумом как самосознательная личность и мыслящее «я» со своим лицом и с системой понятий о реальности и лично о себе, вырабатываемых разумом и работающих в зрячем сознании как оно само, зрячее сознание, и как сам разум, составляющий разумную (мыслящую) природу сознания.

XXVIII. Личностная структуризация сомнамбульного духа души, наполняющего собой духовное тело души, есть результат душевной работы человеческого разума по абсолютной программе развития зародыша личности, а иными словами — результат закономерной (все равно что запрограммированной) мыслительной деятельности, производимой в духовном теле души абсолютным разумом по законам природы и по алгоритму осуществления абсолютной идеи души, в которой запрограммировано превращение душевного зародыша личности в личность.

XXIX. На старте ЖЦЧ зародыш личности содержится в бесформенном, бесструктурном, безликом, сомнамбульном духовном теле души, которое становится духовным телом личности, приобретая личностную форму (структуру), состоящую из душевных свойств личности, таких как умственные способности «я», добродетели «я», черты характера «я», обнаруживающиеся де-факто и въяве, как и сама личность («я»), не вне сознания, а в сознании, но двуипостасностью души (сомнамбульный дух души + сознание души = душа) обусловлена двуипостасность личности, по эквивалентному уравнению: ***человеческая сомнамбула + самосознательная личность = личность***, где 1-я ипостась личности (сомнамбула) есть духовное тело души, способное переходить порог сознания и принимать человеческий образ (лик), переходя порог сознания и в результате перехода сего составляя двуипостасное целое с абсолютным духом по стороны порога сознания.

XXX. В чистом виде (сновидческом, трансовом и лунатическом) человеческая сомнамбула безлика, ибо личностные свойства придаются ей и развиваются в ней как то, что не работает (словно отключается) в бессознательных состояниях души и работает (словно включается) в сознательных состояниях души, когда сомнамбульный личностный дух души (1-я ипостась души) соединяется с абсолютным духом как с добавленной (2-й) ипостасью души и вразумляется через абсолютный дух, то есть наделяется разумом, что равнозначно пробуждению спящих способностей «я», незадействованных вне сознания и приводимых в действие в сознании, ибо все способности мыслящего «я» души разумны и функционируют в сознании души как элементы составляемого разумом самосознательного естества души.

XXXI. Памятуя о двух первичных опознавательных признаках мыслящего субъекта, отличающих оного от всех сомнамбул, а это сознание себя + воля (см. теорему перехода порога сознания, №41), акцентируем, далее, что и то, и другое дано человеку, но (акцент здесь) не дано животным в силу сущностного природного отличия человеческой сомнамбулы от животной сомнамбулы как принципиально разных живых сущностей и живых форм мирового духа. Животная сомнамбула лишена тех сущностных свойств, за счет каких человеческая сомнамбула, во-первых, способна переходить порог сознания и, во-вторых, структурируется по программе развития как личностный дух, наделяемый разумом в сознании и пресуществляющийся в сознании в самосознательную личность,

осуществляющую посредством разума волевое самоуправление и сознающую себя сущей, логически констатируя факт своего существования лаконичной фразой из двух слов: аз есмь: я есть. При этом вопрос о том, кто я, собственно, такой и что я представляю собой в реальности как нечто, отличное от ничто и от всякого другого нечто, можно вынести за скобки как вторичный относительно ***сознания-себя-просто-сущим*** в первичных опознавательных признаках мыслящего субъекта и разумного существа (типа человека), а не неразумного существа (типа животного). Сознание-себя-просто-сущим — несомненный де-факто и чисто логически (фактологически) признак разума и зрячего сознания, отличающий человека разумного от животного как мыслящее «я», независимо от того, насколько разумны (в смысле — истинны) представления человека о себе, приобретаемые каждым на пути самопознания, и если человек считает себя животным, это значит, что он недалеко ушел на этом пути, но это еще не значит, что он животное, при всех прочих равных условиях, прежде всего что касается морального облика «я» (см. теорему истинного «я», №34).

XXXII. Переходя порог сознания, человеческая сомнамбула соединяется с абсолютным духом как с добавленной ипостасью души (2-й) и приобретает в этом ипостасно-сущностном соединении самосозерцательные свойства, становясь предметом самосозерцательного мышления, обращенного, во-первых, на само себя как на безличностную и бесформенную ипостась души (2-ю), а вместе с тем, во-вторых, самосозерцательное мышление души обращено на 1-ю (соединенную со 2-й в двуипостасное целое) ипостась души, то есть на духовное тело души, структурированное как личность («я»), и в результате личность («я») проявляется в сознании души и вызывается к сознательному бытию из бессознательного небытия в качестве самосознательного «я», сознающего себя сущим и вообще что-либо сознающего, если само «я» уже есть в душе, а не пребывает в зачатке, как у новорожденного младенца.

XXXIII. Мыслящее «я» души возникает в душе, когда зародышевое безликое, бесформенное, бесструктурное духовное тело души (1-я ипостась души) структурируется по абсолютной программе развития и приобретает личностную структуру, составные элементы которой суть духовные черты человеческого лица души, называемые душевными качествами личности и переводимые разумом из сомнамбульного состояния безликой непроявленности и безжизненного бездействия в сознательное состояние разумной проявленности и душевной жизнедеятельности, всякий раз когда наша душа приходит в сознание и являет в сознании свое человеческое лицо как свое мыслящее «я».

XXXIV. Напрашивается наглядная аналогия: человеческое лицо души (личностная форма души: «я») проявляется в самосозерцательном сознании души, подобно тому как физический фотопортрет человека проявляется на фотобумаге и даже подобно тому как невидимый во тьме объект предстает взору на свету. Если этот высвечиваемый объект есть мыслящий субъект, то свет в этой предельно примитивистской логической аналогии есть духовный свет сознания, а тьма — отсутствие сознания и пребывание субъекта вне сознания, равнозначное отсутствию субъекта в реальности, а это есть небытие, причем не иллюзорное, а настоящее, в соответствии с простыми базовыми определениями сущего как того, что существует в реальности, и существования как пребывания сущего в реальности, где сущее есть самосознательная личность, а не сомнамбула. Но:

XXXV. В рамках ЖЦЧ бытие души и мыслящего «я» души (самосознательной личности) не прекращается бессрочно ***как смерть***, а временно приостанавливается ***как сон*** (или транс), который есть формализация небытия как бытие в форме небытия, где в небытие (как в сон или транс) погружена душа (вместе со своим человеческим «я»), а бытие продолжает человеческая сомнамбула, каковая сама по себе (за вычетом сознания души) не есть душа, а есть 1-я ипостась души: духовное тело и личностный дух, наполняющий собой духовное тело души и структурированный как человеческое лицо («я») души, проявляющееся в сознании и пропадающее вместе с сознанием.

XXXVI. Вдобавок к примитивистской ***фотографической аналогии*** напрашивается для пущей наглядности тоже незамысловатая ***призматическая аналогия***: вообразите на минутку в виде логической схемы, что мышление души, производимое разумом, составляющим мыслящее естество души, — это поток света, пропускаемый через преломляющую призму, а эта призма в этой схеме — это вы собственной персоной: ваше «я»: мыслящее «я» вашей души: человеческая личность. На схематической картинке призматической аналогии личное мышление души, то есть ваше собственное мышление, видимой причиной которого являетесь лично вы в порядке пользования разумом, — это преломленный в призме свет. А оптические свойства призмы — это в схеме душевные свойства вашей личности, такие как черты характера и добродетели, а перво-наперво — ***свой ум*** как ваша личная природная способность пользоваться ***собственно разумом*** как безличностной душевной машиной мышления, которая в логической схеме призматической аналогии работает как производящий источник духовного света сознания, находящийся вне «я» и создающий лампочный эффект наполнения светом сознания «комнаты души» через некое, метафорически говоря, окно со ставня-

ми, закрытыми, когда вы спите, и открытыми, когда вы бодрствуете (см. теорему духовного вместилища сознания, №43).

XXXVII. Если вы, читающий (-ая) эти строки, всерьез задавались вопросом, откуда вообще берутся ваши мысли, перманентно и, как правило, самопроизвольно, без всяких волевых усилий, роящиеся в вашей голове, а точнее, в уме, а еще точнее, в духовном поле мышления души, и если вы, задавшись таким вопросом, пытались заглянуть в самого себя, а не в мясо своего мозга, то, как только вы принялись заглядывать в себя, так сразу (шаг 1 в ответе на вопрос) вы столкнулись с логической необходимостью отделить самого себя как то, что есть вы сами как мыслящее «я» (личность), от всего, что не есть ваше мыслящее «я»; и в числе всего прочего, что надо в самоанализе отделить от самого себя в своем человеческом существе, окажется (шаг 2 в ответе на вопрос) мышление «я» как то, что не есть само «я», а есть нечто другое, соотносящееся с «я» как действие (мыслительное), проделываемое (шаг 3 в ответе на вопрос) либо самим «я», либо каким-то сверхличным и безличностным производителем мышления, который не есть лично вы и который материалисты называют высокоорганизованной (до того высоко-, что прямо-таки мыслящей, по типу ПК) материей, а в естественном народном языке, равно как и в дельной философии, мыслящее естество человека называется разумом; и считайте разум чем хотите, хоть мозгом, хоть богом, хоть чертом спиритическим, но (шаг 4 в ответе на вопрос) налицо дуализм мыслящего «я» и разума в механизме человеческого мышления; причем в оном механизме (шаг 5 в ответе на вопрос) логически совершенно очевидна первичность разума и вторичность «я», ибо разум (что бы вы ни считали разумом: хоть мозг, хоть бога и хоть что) уже налицо как производитель мышления в человеческом существе, когда мыслящее «я» человека (человеческая личность) еще пребывает на нуле в младенческом зачатке; ну, а вторичность мыслящего «я» относительно разума (шаг 6 в ответе на вопрос) означает, что и личное мышление «я», причиной которого является «я», вторично относительно сверхличного мышления, производимого разумом независимо от «я»; а отсюда — шаг (7) до умозаключения, что мышление «я» каким-то образом (отдельный вопрос, каким именно) проистекает из сверхличного мышления разума; а точка перехода сверхличного мышления разума (шаг 8 в ответе на вопрос) в личное мышление «я» есть само «я», откуда, собственно, и напрашивается призматическая аналогия: мыслящее «я» функционирует подобно преломляющей призме как то, в чем сверхличное мышление преобразуется в личное, а лучше сказать, поляризуется как личное и сверхличное по стороны 3-го порога сознания (см. теорему порога сознания, №40).

XXXVIII. Призматической аналогией отдаленно иллюстрируется факт поляризации мышления, возникающей в душе вместе с возникновением «я», которое, попадая в поле самосозерцательного мышления души, перво-наперво становится предметом самосозерцания, то есть умосозерцает себя в душе (читай: в сознании) и тем самым сознает себя сущим как то, что существует в реальности и воспринимает себя в реальности самосозерцательным образом как умосозерцаемый объект, он же предмет самосозерцательного мышления, производимого разумом, а не самим «я», но обращенного на «я» как на предмет самосозерцания и потому носящего личный характер и являющегося личным мышлением «я» по принадлежности лично к «я», хотя производящий источник его, как и всего в душе (и в мире), сверхличен и абсолютен.

XXXIX. Производимое в душе разумом (а точнее, абсолютным разумом) самосозерцательное мышление души есть, во-первых (с одной стороны), сверхличное мышление, никоим образом не зависящее от «я» (в отличие, например, от понятийного мышления души), но вместе с тем, во-вторых (с другой стороны), уже самосозерцательное мышление уже в душе младенца, еще не разумеющего ничего и не имеющего никаких личных понятий и представлений ни о чем, преобразуется в личное мышление «я» и осуществляется от лица «я», делая «я» предметом самосозерцания, в силу чего «я» сознает себя сущим, то есть сознает себя как нечто существующее, а это один из двух (покамест вынося за скобки волю) первичных опознавательных признаков мыслящего субъекта.

XL. Производителем или, выражаясь осторожней, первичным производителем всякого мышления души, и личного, и сверхличного, является не «я», а разум как мыслящее естество души, работающее как безличностная душевная машина мышления, но «я» служит душевным преобразователем мышления, функционирующим так, что мышление души частично обращено и замкнуто на «я» (личность) как на предмет самосозерцания, а вместе с тем и как на преобразователь мышления, в котором оно поляризуется, с одной стороны, как сверхличное мышление души, производимое разумом независимо от «я», а с другой стороны, как личное мышление души (мышление «я»), производимое разумом от лица и по воле «я», приобретая в результате преобразования личностные характеристики типа так называемого образа мыслей, по какому можно узнать «я» (личность) как обладателя разума.

Продолжение следует